ОЧЕРКИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ НАРОДОВ РОССИИ и ПОЛЬШИ

1815 - 1917

76-7
1375а

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ОЧЕРКИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ НАРОДОВ РОССИИ И ПОЛЬШИ 1815—1917

Под редакцией
В. А. Дьякова, А. Я. Манусевича,
И. С. Миллера
(ответственный редактор),
И. А. Хренова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1976

В книге рассматриваются русско-польские революционные связи и впервые с такой полнотой воссоздается картина взаимоотношений революционных сил России и Польши на всех этапах освободительного движения, вплоть до Октябрьской революции. Используя новые источники из советских и польских архивов, авторы раскрывают традиции совместной революционной борьбы народов России и Польши за социальное и национальное освобождение. Особое место уделено показу совместной борьбы русских и польских революционеров на пролетарском этапе, приведшем к свержению самодержавия и победе Октябрьской революции.

Коллектив авторов:

В. А. Дьяков, Р. А. Ермолаева, Е. К. Жигунов,
А. Я. Манусевич, И. С. Миллер, Л. А. Обушенкова,
П. Н. Ольшанский, А. М. Орехов, Т. Г. Снытко,
С. М. Фалькович, Т. Ф. Федосова, И. А. Хренов,
И. С. Яжборовская

76-55849
1426

О 10603—134
042(02)—76 74—76

© Издательство «Наука», 1976 г.

ВВЕДЕНИЕ

Польский народ — наш ближайший сосед. На протяжении веков между поляками и народами нашей страны, а особенно русскими, украинцами, белорусами, литовцами, латышами, молдаванами существовали многообразные — политические, экономические, культурные — связи.

По-разному складывались эти отношения в эпоху феодализма. Польские князья нередко были участниками княжеских усобиц на Руси, подобным же образом в раздоры Пястов часто вмешивались породненные с ними Рюриковичи. Уния между Польским королевством и Великим княжеством Литовским надолго связала судьбы польского народа и народов Литвы, Белоруссии и Украины. Проникновение польских феодалов и полонизация господствующего класса создавали специфические условия переплетения усиливающегося феодального гнета с гнетом национальным и религиозным. В свою очередь это определило своеобразие освободительной борьбы, которую вели в XVI—XVII вв. крестьянство, казачество, городские низы Украины и Белоруссии. Их борьба находила отклик у польского крестьянства.

Политические отношения между Речью Посполитой и Русским государством в XVI—XVII вв. характеризовались прежде всего напряженностью и прямыми военными конфликтами. Но в последней трети XVII в. оба государства выступают в союзе против общего противника — султанской Турции. В XVIII в. соотношение сил России и Польши резко меняется, самодержавные властители крепнущей Российской империи бесцеремонно навязывают свою волю Речи Посполитой. Попытки передовых общественных сил вывести Речь Посполитую из состояния военно-политического бессилия, обуздать магнатскую олигархию не увенчались успехом. Во второй половине XVIII в. три последовательных раздела территории Речи Посполитой абсолютистскими монархиями — Россией, Пруссией и Австрией — стерли с карты Европы Польское государство.

Польская государственность была уничтожена в тот период, когда в социально-экономическом развитии страны происходило зарождение и складывание элементов нового, капиталистического способа производства при одновременном расшатывании господствующего феодального способа производства, когда в социальной и политической структуре польского общества складывались силы, активно заинтересованные в сохранении и упрочении национальной самостоятельности, в осуществлении программы реформ общественного и государственного строя, когда воодушевленные примером Великой французской революции прогрессивные силы формирующейся польской нации поднялись на освободительную борьбу. И хотя руководимое Тадеушем Костюшкой восстание 1794 г. потерпело поражение и последовало окончательное уничтожение Польского государства, дух пробуждающейся нации не был сломлен, национально-освободительная борьба продолжалась, а польский вопрос

надолго стал одним из острейших узлов противоречий в европейской международной политике. «На чем зиждется прежде всего сила реакции в Европе с 1815 г., отчасти даже со времени первой французской революции? — ставил вопрос Фридрих Энгельс в революционном 1848 году. — На русско-прусско-австрийском *Священном союзе*. А чем скрепляется этот Священный союз? *Разделом Польши*, из которого все три союзника извлекли выгоду.

Линия раздела, которую эти три державы провели через Польшу, является цепью, приковывающей их друг к другу; совместный грабеж связал их узами солидарности» [1].

Участие царизма в разделах Речи Посполитой, в ликвидации Польского государства, присоединение к России украинских, белорусских, литовских и латышских земель, на которых проживало также значительное число поляков, делало польский вопрос весьма важным для России. При этом он был уже не только фактором, во многом определявшим внешнюю политику самодержавия, он превращался в важное *внутриполитическое* явление, привлекавшее внимание и русского общества.

Это значение польского вопроса и особенно перспектив развития межнациональных взаимоотношений, связанных с включением в состав Российской империи земель, населенных поляками, усилилось в ходе наполеоновских войн после перехода под власть Александра I сначала (в 1807 г.) Белостокской области, а затем центральных польских земель, в 1813 г. занятых русскими войсками, а в 1815 г. по решению Венского конгресса превращенных в конституционное Королевство (Царство) Польское, соединенное унией с Российской империей.

Политическая карта польских земель, созданная Венским конгрессом, просуществовала с минимальными изменениями целое столетие. Уже в первые десятилетия были последовательно уничтожены те осколки или суррогаты польской суверенности, которые еще существовали после 1815 г.: после подавления восстания 1830—1831 гг. была отменена конституция Королевства Польского и ликвидированы атрибуты его государственной автономии — сейм, армия, отдельная коронация русских императоров в качестве польских королей; после подавления восстания 1846 г. была уничтожена карликовая Краковская республика, а территория ее присоединена к Галиции, находившейся под властью Австрии. Эти акты репрессий имели характер наказания за национально-освободительную борьбу польского народа. Но борьба эта продолжалась и усиливалась, вовлекая все более широкие социальные слои и все более переплетаясь с социальной, антифеодальной борьбой, а в дальнейшем, после утверждения капиталистического строя, с борьбой трудящихся во главе с пролетариатом против гнета буржуазии и обуржуазившихся помещиков.

Национально-освободительная борьба польского народа в XIX в. развертывалась на всех землях, населенных поляками. Она охватила и территории, оторгнутые от Польши еще в средние века и подвергшиеся длительной германизации, здесь — в Силезии, на Мазурах — развивался процесс национального самоосознания и самоутверждения польского крестьянства и городских низов. Но особенно широкие масштабы приняло национально-освободительное движение на тех польских землях, которые оказались под властью царской России, именно оно приобрело общенациональное значение. В существенной мере это определялось ведущим социально-политическим развитием и самим центральным положением этих земель; не меньшей была роль столицы — Варшавы,

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 5, стр. 351.

средоточия духовной жизни нации. Здесь были наиболее сильны традиции польской государственности и развивавшиеся с конца XVIII в. традиции национально-освободительной борьбы. Наконец, не без основания именно в царизме видели польские патриоты главный оплот реакции, главную преграду на пути освобождения Польши.

Национально-освободительная борьба польского народа против царского самодержавия становилась важным фактором политической жизни России. В. И. Ленин писал: «Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых, демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской»[2]. В. И. Ленин особо отмечал важную черту польского освободительного движения: «*Тогда* революционною была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства»[3].

В те десятилетия, когда в политическую жизнь России органически вошел «польский вопрос», уровень развития многонациональной Российской империи и прежде всего его основной народности — русского народа, уровень развития социально-экономической, политической, общественной жизни предопределил появление новой исторической силы, которой было суждено преобразовать лицо России, — русского освободительного движения.

Выступив на историческую арену как движение дворянских революционеров, направленное против самодержавия и крепостничества, русское освободительное движение росло, расширяло свою социальную базу, поднималось на новый уровень. Уже как движение, возглавленное революционерами-демократами, оно своим напором привело к падению крепостного права, но на этом этапе ему не удалось опрокинуть самодержавие и последовательно выкорчевать остатки феодализма. Это сделал новый общественный класс — пролетариат, обогащенный социалистическим сознанием и руководимый марксистско-ленинской партией, который стал во главе русского освободительного движения и осуществил три революции, свергнув самодержавие, разгромив эксплуататорские классы, создав могучее союзное социалистическое государство.

На всем пути русское освободительное движение, развиваясь в многонациональном государстве, и само было в немалой степени движением многонациональным, не просто русским, но и общероссийским, в котором участвовали передовые представители нерусских народов. Начиная с дворянского этапа, оно должно было решать — и решало со все большей революционной последовательностью национальный вопрос.

И этапы социального развития, определяемые близостью, а во многом и общностью социально-экономических процессов, и борьба против одного и того же противника — царизма — были объективными факторами, содействовавшими контактам и сближению российского и польского освободительного движения.

Процесс складывания русско-польских революционных связей был длительным и сложным. Причиной тому были не только репрессии царских властей. Процесс сближения революционных сил наталкивался на серьезные внутренние препятствия — политическую незрелость масс, националистические предрассудки. У поляков законная ненависть к

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 297.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 237.

русскому царизму, к его бюрократическому аппарату, к его военно-полицейской силе нередко трансформировалась в недоверие и неприязнь ко всему русскому, распространяемые и на русских революционеров — врагов царизма. Законная ненависть украинских и белорусских крестьян к польскому пану настраивала враждебно и в отношении шляхетского освободительного движения, имевшего выдающееся прогрессивное значение для всех народов России. Прав современный исследователь истории Польши XIX в. Стефан Кеневич, когда он напоминает, что «с перспективы столетия нам легко сейчас подчеркивать очевидность великого лозунга «За нашу и вашу свободу», утверждать, что солидарность революционного движения в России и в Польше понятна сама собой. Сто лет назад она вовсе не была понятна сама собой! Как раз наоборот, поборники этой концепции должны были ломать воздвигнутую в течение веков стену предрассудков, недоброжелательности, острых обоюдных претензий. Против них велась в России и в Польше враждебная пропаганда, утверждавшая, что сторонники революционного союза якобы предались извечному врагу. Сераковского и Падлевского сторонники Мерославского проклинали как «новую Тарговицу». Сторонников Герцена Ратч именовал «панурговым стадом». Нелегко тогда было идти против течения, приходилось расплачиваться жизнью или честью» [4].

Нельзя забывать и преуменьшать трудности, стоявшие на пути сближения революционных сил России и Польши. Лишь помня о них, мы оценим по достоинству тот факт величайшего исторического значения для народов наших стран, что вопреки этим трудностям, преодолевая их, революционный авангард народов России и польского народа создал и укрепил революционный союз для борьбы против царского самодержавия, против национального и социального гнета. Такой союз, укрепляющий силы революции, силы общественного прогресса, был необычайно ценен сам по себе. Но его главной особенностью было то, что он закладывал совершенно новые традиции, новые формы взаимоотношений между народами, был мощным фактором формирования идеологии интернационализма, противостоящей культивируемым господствующими классами навыкам межнационального недоверия, розни и вражды.

Польское восстание 1830—1831 гг. написало на своих знаменах прекрасный лозунг: «За нашу и вашу свободу!» Примечательно то переосмысление, которому подвергся этот клич в статье великого польского поэта-патриота Адама Мицкевича: «Да, польским духом был проникнут человек, который во время революции написал на польских знаменах: «За вашу и нашу свободу!» — и слово «вашу» поставил перед словом «нашу», вопреки всей старой дипломатической логике». Мицкевич с гордостью писал: «С именем Польши связано представление не только о свободе и равенстве, но и о самопожертвовании за всеобщую свободу и равенство» [5]. И слова Мицкевича не были поэтическим преувеличением, их подтвердил впоследствии В. И. Ленин, сказав: «Традиции борьбы за национальное освобождение были так сильны и глубоки, что после поражения на родине лучшие сыны Польши шли поддерживать везде и повсюду революционные классы» [6].

Международные и межнациональные связи польского освободительного движения были широки и многоплановы. Восстание 1830—1831 гг.

[4] *С. Кеневич.* Польско-русский революционный союз в период восстания 1863 г. «Советское славяноведение», 1971, № 3, стр. 64.
[5] *А. Мицкевич.* Собр. соч., т. 5, стр. 48—49.
[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 237.

нашло отклик в немецких государствах, популярность польских патриотов-эмигрантов в Германии, «польские песни», прославляющие мужество борцов за свободу, за национальную независимость, стали выражением общественного пробуждения демократических слоев немецкого народа. Польско-немецкая революционная дружба проявилась в участии поляков в манифестации в Гамбахе в 1832 г., в попытке революционного переворота во Франкфурте-на-Майне в 1833 г., в революции 1848—1849 гг. в Германии — в Баденском походе, в Дрезденском восстании.

Польские демократы были одними из первых, кто, создав «Молодую Польшу», откликнулся на призыв Мадзини к объединению сил народов Европы в борьбе против реакционных режимов. Учрежденный Мицкевичем легион вписал славную страницу в историю революции 1848—1849 гг. в Италии. Имя Гарибальди, под знаменами которого сражалось немало поляков, воодушевляло участников польского освободительного восстания 1863—1864 гг., а в этом восстании к борцам за свободу Польши присоединились гарибальдийцы Франческо Нулло, Луиджи Кароли и др.

Велик был вклад польских патриотов в освободительную борьбу венгерского народа в 1848—1849 гг. Генерал Юзеф Бем — один из самых талантливых военачальников, которых имела восставшая Венгрия, стал ее национальным героем.

Особенно богата история революционных связей народов Польши и Франции. Она берет свое начало еще с конца XVIII в., когда «Польша пала, но ее сопротивление спасло французскую революцию» [7]. Ту же роль сыграло для утверждения результатов французской Июльской революции 1830 г. польское ноябрьское восстание 1830—1831 гг. И в величайшем движении пролетариата в XIX в., в наивысшем революционном порыве французской нации также есть значимый польский вклад: «Коммуна почтила героических сынов Польши, поставив их во главе защитников Парижа» [8].

Необходимо представлять себе всю широту связей и контактов польского освободительного движения, чтобы в их контексте оценить историческое значение русско-польских революционных связей. Чем дольше они существовали, тем большее значение они приобретали. Два обстоятельства определяли их качественное отличие, их особую значимость. Во-первых, именно общение с русским революционным движением было для борцов за освобождение польского народа самой серьезной школой интернационализма, требовало от них последовательного преодоления националистических предубеждений. Во-вторых, лишь в союзе с революционными силами России могло быть достигнуто освобождение Польши, таков был главный вывод из всей истории освободительного движения в XIX в., выраженный в ленинской формуле: «Свобода Польши невозможна без свободы России» [9].

Для всей истории Польши XIX и XX вв. польско-русские отношения и их центральная, стержневая область — революционные связи являются проблемой первостепенной важности. Но необычайно велико значение русско-польских революционных связей и для истории нашей страны. На протяжении многих десятилетий Польша была наиболее уязвимым местом империи Романовых. О значении этого «польского брожения» [10] для

[7] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 22, стр. 26.
[8] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 17, стр. 350.
[9] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 269.
[10] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 29.

России было уже сказано выше. Польское революционное движение сыграло немалую роль в обогащении русского революционного движения как своим собственным опытом, так и завоеваниями революционной мысли и практики Западной Европы. Наконец, трудно переоценить значение «польского вопроса» как наиболее зрелого и наиболее острого проявления национального вопроса в целом для выработки русской революционной мыслью интернационалистической идеологии, последовательно демократической программы решения национального вопроса, без которых было немыслимо успешное развитие революционного процесса в многонациональном государстве. Нет нужды напоминать, каково значение этих достижений ленинской партии для мирового революционного движения.

Русско-польские революционные связи представляют собой и в истории России и в истории Польши явление первостепенного значения. Старая, дворянско-буржуазная националистическая историография, как русская, так и польская, сделала все для того, чтобы замолчать, исказить само это явление и принизить его историческое значение. Всемерно подчеркивая, выпячивая проявления межнациональной розни, господствующие классы старого общества стремились раздуть и увековечить эту рознь. Естественно, что марксистско-ленинская историческая наука трудится над восстановлением в этом вопросе исторической истины, справедливо оценивая актуальное общественно-политическое звучание этой проблемы.

В изучении революционных связей народов нашей страны и Польши марксистско-ленинская историческая наука — и советская и польская — имеет уже немало достижений. Подняты большие пласты ранее неизвестных документальных источников, по-новому оценены источники, тенденциозно трактовавшиеся националистической историографией. На основе обстоятельного изучения источников современная историография подходит к выводам и обобщениям, имеющим важное значение не только для самой истории революционных связей, но и для характеристики существеннейших сторон общеисторического процесса XIX — начала XX в. как Польши, так и народов нашей страны. Эта исследовательская работа, особенно интенсивная в последние 15—20 лет, не была, разумеется, совершенно равномерной, с различной широтой охвата материала велась она для различных этапов рассматриваемого процесса. Работа эта далека от завершения даже в смысле выявления собственно документального материала, не говоря уже обо всех исследовательских ее результатах и обобщениях. Тем не менее масштаб уже разработанных материалов, уже подвергшихся изучению и осмыслению проблем так велик, настолько велико научное и общественно-политическое их значение, что уже на достигнутом сегодня уровне знания представляется оправданной и целесообразной попытка широкого обобщения и синтеза. Наряду со своей основной задачей — позитивного изложения исторического процесса — такая попытка, несомненно, облегчит дальнейшую исследовательскую работу, сделает ее еще более целенаправленной, уточнит круг вопросов, заслуживающих особенного внимания, обогатит и углубит научные дискуссии по истории революционного движения XIX — начала XX в. Именно этими соображениями руководствовался Институт славяноведения и балканистики Академии наук СССР, приступая к написанию очерка истории революционных связей народов России и Польши в XIX и XX в. до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Авторы соответствующих глав настоящей книги опирались на многие труды советских и польских коллег. Но к обобщению результатов работы многих исследователей они были в достаточной мере подготовлены

своей собственной исследовательской работой в этой области, имели уже необходимый опыт и могли внести в главы обобщающего коллективного труда элементы свежих, еще непубликовавшихся исследований.

Перед авторским коллективом стояла задача — быть в должной мере на уровне достижений исторической науки, дать читателю представление — используя подстрочный аппарат книги — об основных направлениях историографии по кардинальным вопросам. Вместе с тем форма изложения, степень его детализации подчинены иной, также очень существенной задаче — сделать книгу доступной широким кругам подготовленных читателей как в Советском Союзе, так и в Народной Польше.

Делая ударение на подготовленности читателей, мы отнюдь не имеем в виду лишь читателей-специалистов, профессиональных историков. Но рассказ о связях революционного движения России и Польши в этой книге построен, исходя из того, что читателю известны основные факты истории российского и польского революционного движения. Эти факты не пересказываются, а лишь напоминаются читателю и лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания проблематики революционных связей (несколько особая роль принадлежит посвященной *предыстории* этих связей главе I, задача которой — представить общий исторический фон польско-русских отношений в конце XVIII — начале XIX в.). Очевидно, что знание основ истории революционного прошлого присуще многим неспециалистам, и мы надеемся, что эта книга заинтересует любителей истории.

Структура работы учитывает этапы развития как польского, так и общероссийского революционного движения. Степень обстоятельности изложения материала в книге возрастает по мере приближения к современности. Это отражает реальный исторический процесс, все большее развитие и обогащение революционных связей по мере перехода движения с дворянского этапа на этап революционно-демократический и особенно на этап пролетарский. Бо́льшая обстоятельность изложения проблематики на пролетарском этапе соответствует и стремлению раскрыть истоки тех традиций братской солидарности и дружбы, связывающих ныне социалистические государства — Советский Союз и Народную Польшу, которые были заложены в совместной борьбе трудящихся наших стран против царизма и капитализма.

На разных этапах работы над этой книгой, работы, продолжавшейся немало лет, авторский коллектив пользовался неизменной помощью и поддержкой польских товарищей как в форме консультаций по отдельным вопросам, так и в обсуждении уже подготовленной рукописи. Коллектив авторов, редакционная коллегия и Институт славяноведения и балканистики Академии наук СССР высоко ценят эту помощь и приносят искреннюю благодарность В. Булату, К. Гронёвскому, С. Калябиньскому, Я. Канцевичу, В. Карвацкому, Я. Каспшаковой, Б. Радляку, В. Сливовской, Я. Собчаку.

Авторами разделов настоящей книги являются: введение — И. С. Миллер; глава I — Л. А. Обушенкова; глава II — П. Н. Ольшанский; глава III — В. А. Дьяков; глава IV — И. С. Миллер и Т. Ф. Федосова; глава V — Т. Г. Снытко и Е. К. Жигунов; глава VI — А. М. Орехов; глава VII — Р. А. Ермолаева; глава VIII — И. А. Хренов; глава IX — А. Я. Манусевич; глава X — С. М. Фалькович; глава XI — И. С. Яжборовская; глава XII — А. Я. Манусевич; заключение — А. Я. Манусевич.

Научно-организационную работу по подготовке тома провели Н. П. Митина и Г. В. Макарова. Указатель имен составили Г. В. Макарова и К. В. Большакова.

Глава I

РОССИЯ И ПОЛЬША В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX В.

1. Первый раздел Польши и Россия

Прошло сто лет со времени завершения последнего русско-польского вооруженного конфликта. Условия Андрусовского перемирия 1667 г. свидетельствовали, что двадцать лет тяжелых войн не обессилили Речь Посполитую. Но период ее военно-политического превосходства, которым была ознаменована первая половина XVII в., остался позади.

После «вечного мира» 1686 г. Россия и Польша выступали как союзники в борьбе против турецко-крымской экспансии. Союзные отношения связывали оба государства и во время Северной войны. Но если для России начало XVIII в. стало, несмотря на тяжелые испытания в борьбе со Швецией, временем укрепления военной мощи, внешнеполитических позиций и авторитета вновь созданной империи, временем утверждения абсолютизма, то Речь Посполитая, опустошенная в ходе войн, обессиленная внутриполитическими конфликтами, переживала глубокий упадок. Преодоление этого упадка было нелегкой задачей.

Во второй половине XVIII в. в Речи Посполитой наметился экономический подъем в сельском хозяйстве, ремесленном производстве и мануфактурах, в торговле и в области кредита, но он тормозился господством феодальных отношений. Политический строй Польского государства переживал кризис. Одним из последствий сложившегося положения было обострение социального кризиса, проявлявшегося в усилении классовой борьбы крестьян.

Территории, населенные поляками, были искусственно разорваны. Нижняя Силезия и Западное Поморье, насильственно оторгнутые немцами, подвергались германизации. Вместе с тем одним из моментов, определявших политическую обстановку в Речи Посполитой, была ее многонациональность, господствующее положение поляков-католиков и угнетенное положение православного украинского и белорусского крестьянства. Борьбу против помещичьего произвола в 60—70-е годы, проявляя упорство и настойчивость, вели крестьяне в самой Польше, в Литве, Белоруссии и на Правобережье («колиивщина»). Пользуясь этим, феодально-абсолютистские правительства России, Пруссии и Австрии постоянно вмешивались во внутренние дела Речи Посполитой.

В отличие от Польши Россия являлась сильным централизованным государством, национальному существованию которого не грозила никакая опасность. Феодально-абсолютистское правительство Российской империи стремилось к утверждению своего безраздельного влияния в Польше, к консервации архаических черт государственности Речи Посполитой. Пруссия благодаря стечению обстоятельств выбралась благополучно из Семилетней войны 1756—1763 гг.; она вынашивала планы раздела Польского государства.

Сторонники сохранения независимого Польского государства настойчиво искали пути выхода из трудного положения. С этой целью в 1764 г. был проведен ряд реформ государственного строя, которые с самого начала встретили противодействие со стороны как внутренней реакции, так и правительств иностранных государств. Уже тогда борьба за реформы приобрела национально-освободительный характер. Вооруженным вмешательством и поддержкой противников реформ государственного строя царское правительство в 1768 г. навязало свою гарантию незыблемости так называемых «кардинальных прав», что фактически ликвидировало все реформы сейма 1764 г. В ответ на договор об уравнении диссидентов в правах с католиками в Баре была образована конфедерация.

Барская конфедерация 1768—1772 гг. имела двойственный облик. С одной стороны, ее участники выступали против любых преобразований государственного строя Речи Посполитой, что придавало их движению реакционный характер. С другой стороны, борьба против царской России, нарушавшей суверенитет Польского государства, выражала национально-освободительные тенденции. В длительной борьбе с войсками короля Станислава Августа и царскими войсками конфедераты потерпели поражение. Екатерина II ответила согласием на настойчивые прусские домогательства, и в 1772 г. между Пруссией, Австрией и Россией было подписано соглашение о разделе Польши. По первому разделу к Пруссии отошла одна часть коренных польских земель, к Австрии — другая часть польских и часть западноукраинских земель, к России — Латгалия и часть Восточной Белоруссии.

Таким образом, существовавшие межгосударственные отношения не только не могли содействовать официальному общественному польско-русскому сближению, но, напротив, создавали почву для разобщенности и неприязненных отношений.

Первое выступление против царского правительства в 1768 г. повлекло за собой и первые репрессии. Барские конфедераты открыли историю польской политической ссылки в России. Взятые в плен конфедераты были сосланы в Казань, Оренбург, Тобольск, Хлынов, Симбирск, причем распределялись ссыльные по имущественному и сословному признакам. В сентябре 1773 г. Екатерина II объявила амнистию, по которой пленные отпускались на родину. Но некоторые из них успели добраться только до Оренбурга, а многие рядовые были насильно зачислены в русскую регулярную армию и отправлены на подавление восстания Пугачева. В это напряженное для русских помещиков и царского правительства время весьма определенно дали себя знать сословные различия среди ссыльных конфедератов. Польские вельможи, жившие в Казани, боролись против восставших в рядах царских войск. Их руководитель, Антоний Пулаский, возвратился в Польшу, получив денежное вознаграждение [1].

Некоторые конфедераты проявили свои симпатии к восставшим, отказывались участвовать в подавлении восстания. Пленный конфедерат — шляхтич Дунин-Борковский, живший в Казани, отзывался о Пугачеве, как о «большой голове». 22 декабря 1773 г. в Таналыкской крепости 41 солдат-конфедерат, возглавляемые Яном Кульчицким, Францишком Яном Раткевичем и Яном Чужевским, заявили коменданту крепости, «что служили-де они сколько им терпимо было, а более не служат и в послушании быть не хотят», «в поход идти не желаем» [2]. Известны случаи

[1] *В. А. Спирков.* Участие пленных польских конфедератов в крестьянской войне в России 1773—1775 гг. «Вестник ЛГУ», серия истории, языка и литературы, вып. 3, № 14, 1963, стр. 23.

[2] Там же, стр. 24.

единичного и группового перехода польских конфедератов на сторону восставших. Точно не установлены ни общая численность конфедератов — сторонников восставших, ни их социальное положение. Автор специальной статьи З. Млынарский перечисляет поименно 27 пленных пугачевцев-поляков, бывших конфедератов [3].

В конце 1773 г. из Кизилской крепости к восставшим башкирам перешли 4 конфедерата из простого народа, 8 января 1774 г. из той же крепости — 10 конфедератов во главе с русским унтер-офицером. Известно, что польский конфедерат возглавлял отряд восставших, посланный для ареста Гаврилы Романовича Державина [4].

Что побудило польских конфедератов присоединиться к пугачевцам? З. Млынарский считал, что на этот шаг их толкнуло несправедливое отношение царской администрации к пленным, особенно в Тобольске [5]. Думается, некоторых из них в ряды восставших привела классовая ненависть к помещикам, сочувствие к крестьянам. В документах сохранилось сообщение о том, что один из поляков, вахмистр Фельшман, в Керенске руководил нападением крестьян на помещичьи усадьбы [6].

Сохранились упоминания о добром отношении Пугачева и его приближенных к пленным конфедератам. Конфедерат-шляхтич Заблоцкий писал впоследствии о том, что Пугачев сочувствовал стремлению поляков освободить свой народ. Пугачев свободно пропустил конвой с польскими конфедератами, возвращавшимися из Сибири на родину. Пугачевский полковник Хлопуша (А. Соколов), захватив Ильинскую крепость, сохранил жизнь всем находившимся там конфедератам [7].

2. Борьба прогрессивных сил Польши за утверждение национального суверенитета и Россия

Угроза полной потери национальной независимости после первого раздела Речи Посполитой вызвала подъем патриотических настроений в Польше. На 70—90-е годы XVIII в. приходится расцвет в Польше идей Просвещения. Наряду с распространением просветительских настроений и представлений о равенстве всех от рождения, о большом значении воспитания и просвещения, о том, что в упорядоченном сельском хозяйстве лежит источник всеобщего обогащения, в польском Просвещении на первый план выдвинулись национальные и освободительные мотивы, вопросы национального самосознания. Польские просветители стали выразителями прогрессивной национальной идеологии, выступили борцами за независимость и отмену крепостного права [8].

Большую роль в этом смысле сыграли произведения Станислава Сташица, Гуго Коллонтая, Францишка Салезия Езерского, Яна Снядецкого и их практическая деятельность в области просвещения. В публицисти-

[3] *Z. Młynarski.* Konfederaci barscy w powstaniu Pugaczowa. «Kwartalnik IPR», W., 1956, N 3—4 (16—17), str. 88.
[4] *В. А. Спирков.* Указ. соч., стр. 24, 27.
[5] *Z. Młynarski.* Указ. соч., стр. 103—104.
[6] Там же, стр. 92.
[7] *В. А. Спирков.* Указ. соч., стр. 24, 29.
[8] *Ю. Мархлевский.* Физиократизм в Польше. Сочинения, т. IV. М.— Л., 1931, стр. 31—148; Materiały sesji kołłątajowskiej. «Przegląd Historyczny», t. XLII. W., 1951; *Wł Smoleński.* Przewrót umysłowy w Polsce wieku XVIII. W., 1949; *И. С. Миллер, И. С. Нарский.* Об основных чертах польской социально-политической и философской мысли конца XVIII — середины XIX века. «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей» (далее — ИППМ), т. I. М., 1956.

ческих произведениях Езерского («Катехизис о тайнах польского государственного строя») и других членов коллонтаевской «кузницы» звучит возмущение существующим мнением, будто нацию составляет только шляхетство, а крестьянство, простой народ, мещанство исключаются из этого понятия. Основой нации, по Коллонтаю, являются «миллионы людей, говорящих по-польски». Деятели польского Просвещения писали о необходимости создать новое племя поляков, тесно связанных с родиной [9].

Второй круг вопросов, который занимал умы прогрессивных польских мыслителей и политических деятелей во второй половине XVIII в., касался проблем национальной культуры. Просветители вели борьбу за современную светскую школу, освобожденную от влияния церкви, средневековой схоластики и космополитизма. Период Просвещения начался реформами школьного образования, проводимыми Станиславом Конарским. Созданием Эдукационной комиссии и реформой Краковской академии был нанесен решительный удар по старой школьной системе. Коллонтай, Ян и Енджей Снядецкие и Езерский приняли живейшее участие в организации народного образования [10].

Борьба просветителей за национальную культуру и современную школу была неразрывно связана с проблемой национального языка. Недаром 1764 год — время начала национально-освободительной борьбы и борьбы за реформы — считается исторической вехой, отделяющей старопольскую литературу от современной [11]. Коллонтай и Езерский дали теоретическое обоснование роли национального языка в развитии национальной культуры и сплочения национального государства.

Идеи века Просвещения о естественном праве и праве народов приобрели в Польше после первого ее раздела ярко выраженную политическую окраску. Иероним Стройновский, Антоний Поплавский, Станислав Сташиц отстаивают суверенность любого государства, выступают против вмешательства русского правительства во внутренние дела Польши [12]. Сташиц обосновывает тезис о неделимости польских земель. Коллонтай выступает за суверенность государства в отношениях с папским Римом [13].

Путь сохранения и укрепления независимости страны сторонники патриотического лагеря 70—90-х годов видели в проведении прогрессивных реформ и осуществлении независимой внешней политики. В проекте кодекса Енджея Замойского предусматривалась централизация государственного и судебного аппарата, некоторое ограничение крепостного права. В 10-м параграфе проекта кодекса шла речь о необходимости церковную власть подчинить светской [14]. Объединенными усилиями клерикальных реакционеров, сторонников магнатской олигархии и политических приверженцев царизма проект Замойского был в сейме 1780 г. отвергнут.

Польские просветители, передовое общественное мнение, испытали на себе сильное воздействие идей Великой французской революции. Под влиянием французских событий развернулась публицистическая деятельность коллонтаевской «кузницы» и реформаторская деятельность

[9] *J. Szacki.* Ojczyzna, naród, rewolucja. W., 1962, str. 43.
[10] *Е. В. Осипова.* Философия польского Просвещения. М., 1961, стр. 30.
[11] *Б. Ф. Стахеев.* Вопросы периодизации литературного процесса в популярном очерке истории польской литературы. «Литература славянских народов», вып. 8. М., 1963, стр. 60.
[12] *C. Bobińska.* Społeczno-ekonomiczne idee polskiego Oświecenia. «Przegląd Historyczny», t. XLII, 1951, str. 92, 96; *S. Hubert.* Poglądy na prawo narodów w Polsce czasów Oświecenia. Wr., 1960, str. 69, 72, 76.
[13] Цит. по: *B. Leśnodorski.* Dzieło Sejmu Czteroletniego. Wr., 1951, str. 237.
[14] *J. Wojnar-Sujecka.* Walka o nowożytny charakter państwa w epoce Oświecenia. «Dzieje Polski a współczesność». W., 1966, str. 219—220.

сторонников укрепления национальной независимости, формируется антифеодальная национальная идеология. В публицистических статьях и в своей практической деятельности Сташиц, Коллонтай, Езерский выступали как буржуазно-шляхетские реформаторы и просветители. Отличительными чертами их мировоззрения являются патриотизм и борьба против наиболее вопиющих сторон крепостничества [15]. Антифеодальная критика в аграрном вопросе была направлена против личной зависимости крестьянина, против неограниченной, патримониальной власти пана, барщины, неограниченного увеличения повинностей [16]. Коллонтай был твердо убежден в том, что «будущее законодательство должно самым основательным образом укрепить две вещи: свободу личности земледельца и земельную собственность помещика» [17]. В «Последнем предупреждении Польше» в 1790 г. Коллонтай писал о том, что крестьянам надо дать личную свободу. Причем, это предложение он аргументировал тем, что освобождение крестьянства поможет приобщить его к интересам государства, т. е. поднимет шансы на победу в борьбе за независимость [18]. Сташиц еще более решительно выступал против сохранения личной зависимости крестьянина, бичевал жестоких помещиков, истязавших крестьян [19]. Он выдвинул проект создания суда между паном и крестьянином по вопросу о повинностях последнего. Суд должен был состоять из трех лиц: шляхтича, мещанина и крестьянина [20].

Четырехлетний сейм 1788—1792 гг. частично реализовал программу реформ, предложенную деятелями патриотического лагеря, приняв Конституцию 3 мая 1791 г.

В уставе созданного для поддержки Конституции 3 мая «Объединения друзей Конституции» впервые в истории польской общественной мысли было сформулировано положение о всеобщем равенстве [21].

Решения Четырехлетнего сейма и Конституция 3 мая 1791 г. вызвали решительное сопротивление внутренней реакции. Образованная ею в 1792 г. Тарговицкая конференция явилась предлогом для интервенции царских войск. Конституция 3 мая была отменена. В 1793 г. между Россией и Пруссией был подписан акт о втором разделе Речи Посполитой. К России отошли Белоруссия и Правобережная Украина, к Пруссии — значительная часть Великой Польши, Гданьск и Торунь.

Во второй половине XVIII в. Российская империя в отличие от Польши была государством с неограниченной самодержавной властью, сильной армией и независимой внешней политикой. Однако сходство уровней социально-экономического развития сказывалось в том, что прогрессивную русскую общественность волновали многие проблемы, близкие польским просветителям. Близость взглядов польских просветителей и русских «вольнодумцев» по многим вопросам определялась в значительной мере влиянием идей французского Просвещения и буржуазной революции.

Русские просветители второй половины XVIII в. в той или иной мере затрагивали крестьянский вопрос. А. Я. Поленов клеймил наиболее бес-

[15] *И. С. Миллер* и *И. С. Нарский*. Указ. соч., стр. 31.
[16] *C. Bobińska*. Społeczno-ekonomiczne idee, str. 99.
[17] ИППМ, т. I, стр. 308.
[18] *A. Korta*. Hugo Kołłątaj. «Przegląd Historyczny», t. XLII, 1951, str. 18—19; *B. Leśnodorski*. Rzeczpospolita w drugiej połowie XVIII w. Typ państwa i zmiany formy rządu. Tamże, str. 152.
[19] ИППМ, т. I, стр. 94.
[20] Там же, стр. 182.
[21] *B. Leśnodorski*. Polscy jakobini. Karta z dziejów insurekcji 1794 r. W., 1960, str. 142.

человечные проявления крепостничества, как, например, продажу крестьян в тех случаях, когда разлучаются родные. Основное средство для улучшения положения крестьян Поленов видел в организации просвещения крестьян, в ограничении барщины одним днем в неделю, снижении налогов, в оказании помощи крестьянам со стороны помещиков семенами, скотом, деньгами [22].

Профессор права Московского университета С. Е. Десницкий также выступал против продажи людей [23]. Подобные же мысли высказывал другой профессор университета, И. А. Третьяков. Так же как и философ Я. П. Козельский, Третьяков экономически обосновал необходимость ограничения крепостничества [24]. Д. А. Голицын предлагал освободить крестьян от личной зависимости, оставив землю в собственности помещиков [25]. Спор с ярыми крепостниками о некотором облегчении положения крестьян велся также в Комиссии по составлению проекта нового Уложения в 1767 г. Г. С. Коробьин высказывался за введение регламентации отношений между помещиками и крестьянами с обязательным сокращением крестьянских повинностей [26].

Итак, в крестьянском вопросе русские просветители второй половины XVIII в. выступали за некоторое ограничение личной зависимости крестьян, за наделение их землей, за сокращение барщины и оброка. Только А. Н. Радищев подошел к решению крестьянского вопроса с точки зрения интересов крестьян, выступив за ликвидацию феодально-крепостнической системы. Однако его «Путешествие из Петербурга в Москву», запрещенное в России, не было известно польским современникам [27].

Русские просветители в своих произведениях горячо отстаивали идею необходимости распространения просвещения, организации школ для крестьян, всемерно содействовали этому своей научной и организационной деятельностью в Московском университете. «Главный наш закон состоит в том, — писал Поленов, — чтобы по мерам сил наших служить с пользою отечеству и сообщить и другим то, чему мы сами научимся» [28]. Многие профессора высших учебных заведений начали читать лекции на русском языке, стремясь создать русскую научную терминологию в различных областях наук.

Еще один круг проблем занимал умы прогрессивных русских мыслителей конца XVIII в. Все они выступали за демократизацию общественных порядков в России, хотя в самодержавно-крепостнической стране им приходилось высказываться очень осторожно. В этом отношении, наряду с философскими трактатами, большую роль играли сатирические журналы, издаваемые И. А. Крыловым и Д. И. Фонвизиным. Ставилась задача переустройства судопроизводства, допуска в органы гражданского управления в городах представителей различных сословий [29]. В печати высмеивались продажность чиновников, безграмотность и кичливость дворян,

[22] *А. Я. Поленов.* О крепостном состоянии крестьян в России. «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. II. М., 1952, стр. 15—16.
[23] *С. Е. Десницкий.* Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. Там же, т. I. М., 1952, стр. 320—322.
[24] *И. Я. Щипанов.* Общественно-политические и философские воззрения русских мыслителей второй половины XVIII в. Там же, т. I, стр. 24.
[25] Там же, т. II, стр. 42.
[26] Там же, стр. 25.
[27] *M. Jakóbiec.* Kilka polskich sądów o Radiszczewie. «Kwartalnik IPR», W., 1953, N 2—3, str. 42.
[28] *М. М. Штранге.* Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М., 1965, стр. 69.
[29] *И. Я. Щипанов.* Указ. соч., стр. 28.

порядок назначения на должности по происхождению, а не по личным способностям и т. п.[30]

В конце XVIII в. для поляков дискуссии о социальном содержании таких понятий, как «нация», «государственный суверенитет», о естественном праве народов, были жизненно важными, так как они велись в условиях борьбы за восстановление независимости. Для русских просветителей эти вопросы представляли преимущественно теоретический интерес. Тем не менее передовые русские мыслители не оставались равнодушными к этим проблемам. Особенно живой отклик вызвала война за независимость в Америке (1775—1783). Касаясь борьбы американцев, Н. И. Новиков писал о праве народов самим распоряжаться своей судьбой. Окончивший Парижский университет сын купца 1-й гильдии из ямщиков Ф. В. Каржавин не только писал с сочувствием об освободительной борьбе американцев, но и сражался на их стороне во время войны. Исследователи полагают, что во время падения Бастилии он находился во Франции [31]. В своих произведениях он выступал сторонником братства людей всех стран, высказывал глубокое уважение ко всем «Европцам, Асиатам, Африканам», «природным Американам», ко всем славянским народам, к разоренной Польше и терзаемой Армении, к «обществу Российских народов» [32]. Практику угнетения завоеванных территорий осуждал русский просветитель поэт-радищевец В. В. Попугаев. В неопубликованной главе «О просвещении и личном достоинстве управляющих» трактата «О благоденствии народных обществ» Попугаев обосновывал мысль о том, что система народного представительства должна охватывать все завоеванные либо присоединенные народы. Предоставление законодательных и исполнительных функций лишь народу-покровителю Попугаев называл «химерой патриотизма» [33].

Таким образом, сущность основного направления мысли и деятельности польских и русских просветителей, воспитанных на идеях французских просветителей, была одной. Замечательно, что встречаются даже текстуальные совпадения в трудах польских и русских мыслителей. Польский исследователь Ц. Бобиньская отмечает, что крепостников С. Сташиц и А. Н. Радищев осуждали в одних и тех же выражениях [34].

Для своего времени сведения о польских событиях были довольно широко известны в России. Копии рескриптов и манифестов Екатерины II рассылались в канцелярии губернских и просто крупных городов. В Петербурге два раза в неделю издавалась газета «Санктпетербургские ведомости», в которой, хотя и с большим опозданием, сообщалось о наиболее важных событиях. Более подробным и объективным источником данных о внешней политике России и событиях в Польше было другое периодическое издание — «Политический журнал, с показанием ученых и других вещей, издаваемый в Гамбурге Обществом ученых мужей». Перевод этого журнала с комментариями переводчиков с 1790 г. выходил в Москве на третий месяц после описываемых событий. Как писали переводчики, в каждой книжке журнала содержалось «знатное число таких новостей, которые ни в каких ведомостях не встречаются. Сюда особли-

[30] *П. Н. Берков.* История русской журналистики XVIII века. М.— Л., 1952, стр. 108.
[31] *В. И. Рабинович.* С гишпанцами в Новый Йорк и Гавану (Жизнь и путешествия Ф. В. Каржавина). М., 1967.
[32] Там же, стр. 44.
[33] *В. Н. Орлов.* Русские просветители 1790—1800-х годов. М., 1953, стр. 318.
[34] *C. Bobińska.* St. Staszyc i A. Radiszczew wobec kwestii społeczno-gospodarczych (próba porównania historycznego). «Przegląd Historyczny», t. XL za 1949 r. W., 1950, str. 219.

во принадлежат многие уведомления и замечания, кои по особым причинам не могут сообщаемы быть в Ведомостях» [35].

Русская официозная печать восславила разделы Польши. В 1793 г. дважды была издана ода В. П. Петрова «На присоединение польских областей к России» и опубликована ода М. М. Хераскова «Ода по случаю присоединения от Речи Посполитой к Российской империи областей». Однако сохранились свидетельства о том, что в различных кругах русского общества не было столь единодушного одобрения политики Екатерины II в отношении Польши, как это могло показаться на первый взгляд. Известно, что в Саратове в 90-х годах распространялась французская карикатура, изображавшая Екатерину II, австрийского императора и прусского короля, раздирающих между собой карту Польши (1792 г.) [36]. В то же время русские зрители с восторгом встречали постановку в Варшаве патриотической пьесы Богуславского «Генрих VI на охоте» [37]. Население Петербурга не очень жаловало организаторов Тарговицкой конфедерации, нашедших приют и покровительство при царском дворе. По мнению польского исследователя Е. Лоека, неприязнь к тарговичанам была выражением ненависти к царскому фавориту Платону Зубову и различным политическим махинациям придворных [38]. Польский посланник в Петербурге Антоний Деболи писал в Варшаву, что «простой народ даже на базаре разговаривает о них (руководителях тарговичан. — *Л. О.*) и называет их изменниками» [39].

В неприязни к тарговичанам придворные упрекали Я. И. Булгакова, являвшегося с марта 1791 г . по ноябрь 1792 г. посланником в Варшаве. В. С. Попов, близкий к окружению Екатерины II, предостерегая Булгакова, писал ему из Петербурга 10 ноября 1792 г.: «С некоторого времени говорят здесь, что вы не очень хорошо расположены к настоящей конфедерации, ... примечают в вас более склонности подкреплять намерения и и желания кор[оля], нежели способствовать конфедерации в исполнении ее предположений» [40]. Совсем из иного источника, из письма Яна Дембовского Игнацию Потоцкому от 9 января 1793 г., мы узнаем о том, что варшавяне жалеют об отставке Булгакова [41]. Таким образом, симпатия российского посланника к польским патриотам не осталась незамеченной польским населением. Генерал-губернатор южных провинций, присоединенных к России в 1793 г., М. Н. Кречетников, по свидетельству современников, также не поощрял деятельности конфедератов. И. Потоцкий с сожалением сообщал Я. Дембовскому о смерти Кречетникова, который, по его словам, «больше плакал из-за нашей гибели, чем некоторые почтенные поляки и, любя справедливость, был неприятелем Коссаковских» [42], т. е. пособников гибели Польши.

По разным причинам — морального порядка либо из-за разногласий в тактических вопросах с основным направлением внешней политики — некоторые тогдашние государственные и общественные деятели не

[35] *А. Н. Неустроев.* Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1874, стр. 629.
[36] *М. М. Штранге.* Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. М., 1956, стр. 163.
[37] «Tajna korespondencja z Warszawy 1792—1794 do Ignacego Potockiego». W., 1961, str. 51, 52.
[38] *J. Łojek.* Misja Debolego w Petersburgu w latach 1787—1792. Wr.— W.— Kr., 1962, str. 151.
[39] *J. Łojek.* Указ. соч., стр. 126.
[40] ГБЛ, ф. 41, к. 120, ед. 54, л. 21.
[41] «Tajna korespondencja z Warszawy...», str. 125.
[42] Там же, стр. 199.

одобряли мероприятий царизма в Польше, осуждали изменническую роль тарговичан. Русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов писал своему брату о том, что он вообще не одобряет раздела Польши, а использованный для этого способ делает его отталкивающим [43]. В Петербурге Деболи не раз выслушивал сожаления в связи с проведением второго раздела Речи Посполитой [44]. Так, в письме неизвестному адресату от 9 марта 1794 г. Ф. В. Ростопчин писал: «По всему, что ко мне доходит от достоверных людей, доставшаяся нам часть Польши сделалась гнездилищем грабежа. Солдаты не получают 8 месяцев жалованья, во всем нуждаются, никого не слушаются и грабят, не страшась наказания» [45]. В то же время М. И. Кутузов, находившийся в Польше в апреле — августе 1792 г., строго следил за тем, чтобы русские солдаты и офицеры не обижали местное население. Среди приказов Кутузова по армии в этот период встречаются такие, как запрещение въезда в Варшаву вооруженным отрядам; приказ «...офицеров в Варшаву из полков пускать только таких, за поведение и тихость коих господа полковые командиры отвечать могут...» [46]

Предметом обсуждения в русском образованном обществе была и Конституция 3 мая 1791 г., но, к сожалению, имеются лишь отдельные глухие свидетельства этому. Например, несколько образованных русских офицеров, находившихся в Варшаве, заявили: «Ей-богу, конституция честная и все в ней хорошо» [47]. Или упоминание о том, что после 1791 г. «из Москвы доносились слухи о брожении в дворянских сферах в аристократическом смысле и мечтах о государственном устройстве по образцу Польши» [48].

3. Восстание 1794 г.

После 1792 г. перед польским народом встала задача отвоевания независимости. В марте 1794 г. началось польское национально-освободительное восстание, возглавленное Тадеушем Костюшкой, охватившее широкие слои польского населения. В ходе восстания радикализмом своих взглядов отличалась небольшая группа крайне левых членов повстанческого лагеря — якобинцев, стремившихся к выполнению программы демократизации общественной жизни. Польские якобинцы, особенно в Варшаве, были связаны с мелким мещанством, городскими низами, с одной стороны, и с патриотически настроенной частью шляхты и немногочисленной верхушкой формирующейся буржуазии — с другой. Некоторые члены якобинского клуба выдвигали планы освобождения и наделения землей крестьян — участников восстания, с возмещением убытков помещиков за счет государства после победы [49]. Автор изданной в 1794 г. брошюры «Слово в защиту крестьян», активный деятель якобинского клуба (им, вероятно, был Юзеф Мейер) писал: «Мне кажется необходимым, чтобы Начальник ввел крестьян во все комиссии и суды, даже в Высший национальный совет. Нужно также, чтобы всюду в приходах был создан суд из шляхты, ксендза и крестьян для раз-

[43] «Архив князя Воронцова», кн. 9. М., 1876, стр. 302.
[44] *J. Łojek.* Указ. соч., стр. 130, 151.
[45] «Русский архив», 1878, кн. 1, стр. 296.
[46] «М. И. Кутузов. Документы», т. I. М., 1950, стр. 184.
[47] «Tajna korespondencja z Warszawy...», str. 34.
[48] *В. И. Семевский.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 22.
[49] *И. С. Миллер.* Вступительная статья к разделу «Ф. Гожковский», ИПППМ, т. I, стр. 588.

бора обычных споров между промадой и паном и чтобы число крестьян в этих судах было равно числу панов»[50].

Вопрос о необходимости практического решения крестьянского вопроса несколько раз поднимался в период национально-освободительного восстания 1794 г., в частности, в посвященных крестьянам-солдатам строках Поланецкого универсала, изданного 7 мая. Крестьяне при условии уплаты долгов и государственной подати объявлялись лично свободными, число барщинных дней в неделю сокращалось, а участники ополчения на время восстания освобождались от нее.

Демократическое, левое крыло руководства восстанием большое место отводило пропаганде патриотических идей среди населения. Летом 1794 г. революционное правительство обратилось к духовенству с призывом воспитывать у населения любовь к родине. В Варшаве Войцех Богуславский по поручению повстанческих властей организовал народный театр, так как «публичные зрелища очень хорошо воздействуют на расширение национального духа, который один-единственный только и был в каждой республике пружиной удивительных поступков, а также и то, что эти поступки, представленные публике, способны воспламенить умы более, чем самые выразительные описания и уставы»[51].

Представители левого крыла повстанческого лагеря пропагандировали идею свободы, независимости в двояком смысле: свобода родины и одинаковая свобода для всех классов[52]. Отсюда и вывод, что любить родину — значит делать добро всему народу[53]. На знаменах отрядов, в которых сражались крестьяне, были лозунги «За свободу и родину». Литовские повстанческие власти под влиянием своих крайне левых членов обратились к восставшим со словами: «Не будем обращать внимания на разницу сословий, мы все являемся людьми и гражданами нашей страны»[54].

Руководящие деятели восстания Якуб Ясиньский, Томаш Марушевский и Антоний Юзеф Мадалиньский в своих воззваниях призывали войска Речи Посполитой обращаться к местному населению и особенно крестьянам стран, находящихся под чужим господством, и агитировать их за присоединение к восстанию[55]. Особенно большие надежды польские революционеры возлагали на помощь населения Российской империи. Еще подготавливая восстание, руководители патриотических сил надеялись на возможность возникновения революционного движения в самой России. Вот что говорилось в «Мемориале о Польше», составленном для Лебрена, министра иностранных дел в Париже в 1793 г., относительно международного значения подготавливаемой в Польше революции: «В первую очередь такая революция в Польше освободила бы единственную нацию, способную благодаря своему географическому положению, общности происхождения, близости обычаев и языка, благодаря своей вооруженной силе, которой она получит возможность распоряжаться, быстро распространить республиканские идеи в России, посадить дерево свободы даже среди льдов Петербурга и украсить его зеленью»[56].

[50] ИППМ, т. I, стр. 532.
[51] *Е. С. Курбатова.* Польский просветительский классицизм. «Проблемы Просвещения в мировой литературе». М., 1970, стр. 121.
[52] *B. Leśnodorski.* Polscy jakobini..., str. 216.
[53] *J. Szacki.* Указ. соч., стр. 44.
[54] *B. Leśnodorski.* Polscy jakobini..., str. 253.
[55] Там же, стр. 175, 189, 192.
[56] ИППМ, т. I, стр. 504.

Руководители восстания, по инициативе его левого крыла, обратились к русским с воззванием[57], разъясняющим цели восстания. В воззвании на русском языке в мае 1794 г. литовский Совет заявил: «Не вас, служивые, справедливый поляка рассудок почитает сих бедствий виновниками,... мы вас почитаем за братию, за ближних и сожалеем над вашей долею, что вы, желая вольности, под варварским правлением оной одержать и оною пользоваться не можете»[58]. Не только руководители, но и рядовые участники восстания надеялись найти союзников среди русских в своей борьбе против царского самодержавия.

Архивные материалы следственной комиссии в Смоленске, рассматривавшей дела участников восстания 1794 г. в присоединенных к России областях, свидетельствуют о том, что у повстанцев были подобные мысли. Так, подследственный Игнаций Дзялыньский в канун восстания писал к своему знакомому Косиньскому о том, «что между россиянами нашлось бы якобинов более, нежели в Варшаве»[59]. Из следственных показаний Дзялыньского выясняется, что он отвечал на мысли адресата, высказанные им ранее, ибо Косиньский в свое время говорил, что «даже между российскими много недовольных»[60]. Тадеуш Павша, активно занимавшийся подготовкой восстания на Украине, также показывал в комиссии, что мыслилось подготовить восстание не только на территории бывшей Речи Посполитой, но «и во всей России»[61]. Заказанное в Англии оружие повстанцы намеревались переправить в Россию через русского купца и подрядчика С. И. Тараканова, который занимался снабжением оккупационной армии, стоявшей под Варшавой[62].

У арестованного весной 1794 г. Юзефа Еленьского, сына разорившегося шляхтича Мозырского уезда Минской губернии, среди конфискованных рукописей находилась революционная прокламация к народам Польши. В ней высказывалась мысль об общности интересов русского и польского народов в борьбе против царизма, душителя их свободы[63].

Призывы к совместному выступлению против царского самодержавия не могли быть осуществлены в конце XVIII в. Пора организованных революционных выступлений в России наступила позднее, к концу первой четверти XIX в. Однако надежды на возникновение в России оппозиционных настроений не были беспочвенны.

В русском обществе конца XVIII в. под влиянием французской революции происходил процесс зарождения революционных идей. У А. Н. Радищева были последователи, подхватившие его идеи либо испытавшие на себе воздействие его прогрессивных воззрений. В 90-х годах XVIII в. в царской России состоялось несколько политических процессов лиц, выступивших открыто либо тайно против основ самодержавно-крепостнического строя. В 1792 г. чиновник в отставке Гавриила Попов послал императрице и в ряд высших учреждений письма с обоснованием требования немедленного освобождения крестьян от крепостной зависимости[64]. Учитель тобольской духовной семинарии

[57] *B. Leśnodorski.* Polscy jakobini..., str. 274.
[58] Цит. по: «История Польши», т. I. М., 1956, стр. 415. Опубликовано на польском языке: «Kwartalnik IPR». W., 1953, N 2—3, str. 145—151.
[59] ЦГАДА, Госархив, ф. 7, д. 2869, ч. 1, л. 136.
[60] Там же, л. 137.
[61] Там же, л. 73 об.
[62] «Архив князя Воронцова», кн. 9, стр 388—389.
[63] *Г. Г. Фруменков.* Узники Соловецкого монастыря. Петрозаводск, 1970, стр. 86.
[64] *Л. Светлов.* А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII в. «Из истории русской философии XVIII—XIX веков». М., 1952, стр. 45.

П. А. Словцов в своих проповедях осуждал деление общества на сословия, выступал за введение гражданских свобод и ограничение крепостничества [65]. В 1793 г. мелкий чиновник Ф. В. Кречетов организовал просветительское «Всенародно-вольное к благоденствованию составляемое общество», в которое вступило около 50 человек в основном из чиновничьей и купеческой среды. Члены кружка были знакомы с книгой Радищева. В программе общества стояли такие требования, как полное равноправие граждан, ограничение власти самодержавия, реформа суда, отмена сословных привилегий, свобода слова и печати, равноправие женщин, распространение знаний и просвещений в народе [66].

За хранение списков «Путешествия из Петербурга в Москву» и собственные вольнолюбивые стихотворения в 1794 г. был арестован майор В. В. Пассек. Он выступал за установление равенства всех граждан, проведение ряда административных реформ, освобождение крестьян от крепостной зависимости [67]. В 1798 г. царскими властями было раскрыто так называемое «Смоленское дело» [68]. По делу прошли офицеры и чиновники — члены тайного кружка полковника А. М. Каховского. Заговорщики ставили своей целью организовать государственный переворот.

Польское прогрессивное национально-освободительное восстание нашло известный отклик и поддержку среди представителей русского народа. Это относится прежде всего к попавшим в плен русским солдатам и офицерам, которые встретились с гуманным отношением к ним повстанческих руководителей. И Временное повстанческое правительство, и сменивший его Верховный совет в инструкциях от 13 мая и 14 июня 1794 г. особо указывали на необходимость с уважением относиться к религиозным верованиям некатоликов, в том числе русских пленных [69]. Для организации богослужения православных был выделен С. Пальмовский, он же был включен в состав Депутации по надзору за пленными.

Т. Костюшко специально указывал повстанческому правительству на необходимость обращаться с пленными русскими дипломатами как надлежит «народу, который знаком с правилами человеколюбия и даже в неприятеле умеет уважать несчастье» [70]. Пленным оказывалась медицинская помощь, тяжелобольные помещались в больницы, а в Вильно был открыт специальный госпиталь для пленных, персонал которого состоял из русских фельдшеров [71]. Некоторые пленные — русские офицеры и должностные лица — оказывались в привилегированном положении, так как в свое время сами более либерально относились к польскому населению.

В письме Депутации к королю от 2 июля говорилось о том, что для некоторых русских пленных офицеров, которые во время русского господства «лучше других обращались с нашими гражданами и для которых хотелось бы устроить более пристойное и соответствующее их рангам содержание», отводились более удобные помещения [72]. В мае 1794 г.

[65] Там же, стр. 49—50.
[66] Там же, стр. 53.
[67] Там же, стр. 39.
[68] *Т. Г. Снытко.* Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII в. «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 111; *Л. Светлов.* Указ. соч., стр. 67.
[69] «Akty powstania Kościuszki», t. I. Kr., 1918, str. 145, 310.
[70] Там же, т. III. Wr.— Kr., 1955, стр. 36.
[71] *E. Gomulski.* Instrukcja rządu Kościuszki o traktowaniu jeńców wojennych. «Czasopismo Prawno-Historyczne», t. XVIII, z. 1, 1966, str. 195.
[72] Там же, стр. 189.

был освобожден из-под стражи капитан Дашков, который гуманно обращался с арестованными патриотами, обвиненными в заговоре. Ему предоставили жилище и выдали премию [73].

Пленные русские солдаты использовались повстанцами на различного рода работах: они рыли окопы, возводили земляные валы, шили амуницию и пр. Были случаи их добровольного перехода на сторону повстанцев. Так, во время окружения Варшавы один русский казачий офицер перешел к повстанцам [74]; 250 русских пленных вступили в ряды войска Речи Посполитой, что нашло отражение в донесении Носажевского, очевидца этого события [75]. По его словам, пленные объясняли свое решение тем, что с ними весьма человечно обращался генерал Лазиньский, а от своих господ они терпели одни притеснения. Более того, подчеркивал Носажевский, пленные заявили, что они поняли справедливость борьбы поляков. После того как они приняли присяту, повстанческие власти дали им письменную гарантию того, что после войны они получат землю и гражданские права, а воевать они будут только против прусских войск, а не против своих соотечественников. И действительно, они были включены в состав дивизии Юзефа Понятовского, отражавшей наступление пруссаков [76]. Отличившиеся в боях солдаты могли быть произведены в офицеры польской армии. Публикация сообщения об этом факте была напечатана в «Газете Вольной Варшавской», № 53 от 25 октября 1794 г.[77]

В литературе пока еще нет систематизированных данных о степени участия русских солдат в борьбе на стороне повстанцев, поэтому трудно сказать, сколько человек сражалось с оружием в руках. Имеются упоминания о контактах с повстанцами и в ранее присоединенных к России областях. Так, в Минской губернии связь между повстанцами осуществлялась с помощью «российского солдата», который доставил из Вильны от руководителя Литовского совета Я. Ясиньского пакет с универсалом и другими письмами [78]. Шляхтич Тадеуш Кушлейка вел пропагандистскую работу среди солдат Ростовского пехотного полка. Осажденный повстанцами в местечке Кайданове, отряд из этого полка укрылся в местном монастыре. Из материалов следственной комиссии выясняется, что, видя, что солдаты прислушиваются к его словам, «Кушлейка приходил многажды к тому монастырю и увещевал солдат, чтобы они офицера своего связали и отдали польскому войску» [79].

В русском просвещенном обществе о начале восстания Т. Костюшки знали довольно подробно, хотя до конца июня 1794 г. официально запрещалось говорить на эту тему [80]. В письме Н. Н. Бантыша-Каменского к А. К. Куракину из Москвы, датированном 19 апреля, уже сообщается: «В Кракове новая конфедерация: наездник Костюшко с Мадалинским оною управляют. Конфедерация сия против нас, пруссаков и самих поляков благонамеренных» [81]. Адресат даже знает руководителей и цели движения. Следует учесть, что информация в XVIII в. передавалась намного медленнее, чем в более позднее время. Однако в мос-

[73] *E. Gomulski.* Указ. соч., стр. 193.
[74] *J. U. Niemcewicz.* Pamiętniki czasów moich, t. II. W., 1957, str. 145.
[75] *E. Gomulski.* Указ. соч., стр. 197.
[76] «Akty powstania Kościuszki...», t. III, str. 93.
[77] «Kwartalnik IPR». W., 1953, N 2—3, str. 144—145.
[78] ЦГАДА, Госархив, ф. 7, д. 2869, ч. 1, л. 203.
[79] Там же, л. 243.
[80] «Русский архив», 1876, кн. III, стр. 391.
[81] Там же, стр. 386.

ковских чиновных кругах знали о падении Варшавы уже 15 ноября[82], хотя лишь 24 ноября 1794 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» сообщалось о том, что «29 октября польский столичный город Варшава покорен российским оружием...»[83]. Об октябрьских победах Суворова знали в октябре же и в Уфе, и в Сызрани[84]. Одним словом, грамотному русскому было известно в общих чертах о политике России в отношении Польши. Другое дело, что отклики на разделы и подавление национально-освободительного восстания открыто могли высказываться лишь в плане одобрения воли и поступков императрицы.

В 1795 г. И. И. Дмитриев напечатал «Стихи на присоединение польских провинций, Курляндии и Семигалии к Российской империи»[85]. Дмитриев раньше всех откликнулся на сообщение о победах Суворова. Свою оду «Глас Патриота на взятие Варшавы» он написал по одному слуху о том, что якобы взята Варшава. Но стихи прибыли из Астрахани как раз ко времени сообщения о действительной капитуляции Варшавы. Державин писал Дмитриеву: «Словом, стихи Ваши были очень кстати, и вот Вы видите их напечатанными и в публику по воле ее величества выданными. Государынею и всеми с великою похвалою приняты»[86]. Сам Державин поздравил Суворова с победой и написал известное четверостишие, положенное затем в основу оды «На взятие Варшавы»:

Пошел — и где тристаты * злобы?
Чему коснулся — все сразил:
Поля и грады — стали гробы!
Шагнул — и царство покорил![87]

Правда, тогда ода не была опубликована, но ее читали вслух во дворце в присутствии многих лиц. В декабрьском номере «Новых ежемесячных сочинений» опубликована «Надпись на занятие Варшавы победоносным российским воинством по усмирении во всей Польше рубежей Василия Григорьевича Рубана»[88]. 31 декабря в церквах был отслужен благодарственный молебен о взятии Варшавы.

Приведенные высказывания отнюдь не исчерпывали полноты всего русского общественного мнения. Но образованные люди, думавшие иначе, не могли открыто выступить с осуждением внешней политики Екатерины II. Оппозиционные высказывания могли быть лишь тайными. Мы пока располагаем немногими свидетельствами об этом. До нас дошли две оды, также написанные в связи с подавлением национально-освободительного восстания 1794 г., но выражающие настроения, весьма отличающиеся от официальных восторгов. Около 1796 г. неизвестным автором была написана «Ода на день торжественного празднества порабощения Польши»[89]. Поэт в лирических тонах нарисовал образ поверженной Польши:

[82] Там же, стр. 399.
[83] «Санкт-Петербургские ведомости», № 94, 24.XI 1794, стр. 2161.
[84] «Сочинения Державина», т. VI. СПб., 1871, стр. 18.
[85] *С. А. Рейсер.* Русский вольнодумец XVIII в. о порабощении Польши. «Советское славяноведение», 1969, № 2, стр. 89.
[86] «Сочинения Державина», т. VI, стр. 18.
* Тристат — военачальник.— *Л. О.*
[87] «Сочинения Державина», т. VI, стр. 19.
[88] *А. Н. Неустроев.* Указ. соч., стр. 423.
[89] *С. А. Рейсер.* Указ. соч., стр. 90—91.

Жена печально сокрушенна,
В одежду скорби облаченна,
Почти безжизненно лежит,
Мечами тело изъязвленно,
И смерть над ней косой блестит.

С явной симпатией автор оды вспоминает о недавно счастливой, независимой стране, полной жизни и ликованья:

Недавно в счастьи ликовала,
Недавно мощною рукой
Врага кичливого смиряла,
Бросая гром ужасный свой.

Поэт осуждает силы, сломившие Польшу, методы насилия, которыми заставили ее отказаться от своей свободы. Он не видит разумного смысла в подобных действиях, считая, что причиной гибели целой страны явилось тщеславие императрицы:

Но вот десницей разъяренной
Перед гордыней вознесенной
Заставил преклонить чело:
Насилье с ней венец сорвало,
Тщеславие его прияло,
И ей, презлобной, поднесло.

Поэт осуждает льстецов, которые в угоду правящим мира сего славословят разделы Польши. Резкие выражения по адресу этих восхвалителей подчеркивают отрицательное отношение автора оды к военным победам войск, задушивших национально-освободительное движение:

Из жерл, Плутоном сотворенных,
Веселия раздался гром,
Во храмах, богу посвященных,
Звучит признательный псалом.
В чертоге фурии ужасной
Сонм подлых душ подобострастный
Жжет лести гнусный фимиам,
Звон колокольный слух пронзает,
Чернь буйна громко восклицает,
И плеск несется к облакам.

Это смелое, вольнолюбивое стихотворение, конечно, не было опубликовано.

Не увидела света также и ода «Древность», написанная примерно в 1798 г. Опубликовавший ее в 1933 г. Г. Гуковский считал, что автором ее был А. Н. Радищев[90]. Польский ученый В. Якубовский полагает, что оду, вероятнее всего, написал 17-летний поэт-радищевец, будущий крупный славист А. Х. Востоков[91]. Современные советские ис-

[90] «Подпольная поэзия 1770—1800 годов». «Литературное наследство», т. 9—10. М., 1933, стр. 40.

[91] *W. Jakubowski*. Nieznane polonicum Radiszczewa? «Sprawozdania z czynności posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności», t. LI, styczeń, 1950, N 1, str. 21.

следователи автором оды считают сибирского поэта П. А. Словцова[92].

Образ Польши, нарисованный в оде «Древность», также очень поэтичен. Поэт с большой симпатией пишет о прекрасной Польше с исполинским станом и локонами, распущенными по плечам. Но теперь от этой прекрасной символической фигуры осталась лишь окровавленная тень:

Но кака там тень среди тумана
Стелет по Карпатским остриям?
Темный профиль исполинска стана
В светлой Висле льется по струям.
Сбиты локоны по плечам веют,
А по ризе пятна сплошь багреют,
С рама обнаженный меч висит,
На руках лежат с короной стрелы,
На главе орел гнездится белый:
Это падшей Польши тень парит.

Интересен один из заключительных абзацев оды, в котором поэт излагает свои философские взгляды на законы развития истории и выступает противником насильственного способа перестройки мира. В 10-й строфе, высказываясь против насильственного разрушения государств, поэт осуждает и разделы Польши:

Все падет — так что ж надменный
Смертный предваряет потрясать
Обветшалые столпы вселенны
И перуном землю колебать?
Должно ль царства превращать в могилы,
Чтоб гигантам свесить толщу силы
И исследовать порыв рамен?
Разве нет ему твердыней,
Разве нет в отечестве пустыней,
Где бы меч его был изощрен?

Обе оды — яркий поэтический протест против насилия, совершенного над Польским государством.

Свое отрицательное отношение к разделам Польши высказал В. Г. Анастасевич, начавший в 1794 г., т. е. во время польского национально-освободительного восстания, и закончивший в 1796 г. перевод с польского языка на русский пьесы Винцентия Игнация Маревича «Полюся, дочь колесника, или освобожденная вольность. Опера трагическая в 2 действиях»[93]. Перевод остался в рукописи. На титульном листе оригинала пьесы Маревича указывается, что это якобы перевод с русского на польский, а в предисловии говорится о том, что недалеко время, когда и поляки смогут на своем родном языке довести «это достославное дело» до конца, не ломая себе голову над зависимостью от иностранного[94]. Так, в зашифрованной форме высказывалась надежда на освобождение Польши от иностранной зависимости. Пьеса Маревича была написана в период работы Четырехлетнего сейма и в течение

[92] «Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX в.» Л., 1970, стр. 121.
[93] *П. Н. Берков.* Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М., 1958, стр. 43.
[94] Там же, стр. 44.

2—3 лет выдержала три издания. В пьесе отражена судьба Польши после первого раздела, а Полюся — это сама Польша. Анастасевич на титульном листе проставил не действительное время завершения работы над переводом, а знаменательную дату — 1794 год. Глубокое уважение к разоренной Польше выказывал русский просветитель Ф. В. Каржавин [95].

Среди представителей правящего слоя раздавались голоса осуждения политики императрицы и позиции польского короля. Резко отрицательно характеризовал оккупационные порядки, установленные в Польше после победы тарговичан, Ф. В. Ростопчин в письме С. Р. Воронцову от 28 мая 1794 г. Русский посол в Англии был не только другом Ростопчина, но и лицом, известным сравнительно самостоятельным образом мыслей,— понятно, что Ростопчин мог позволить себе откровенность [96].

Военнопленные повстанцы направлялись в Россию. Лица «нижнего состояния» были определены в местные гарнизоны рядовыми, а офицеры из чиновников рассылались по городам. В ноябре 1796 г., накануне указа об амнистии, изданного при Павле I, в гарнизонных батальонах наместничеств Владимирского, Нижегородского, Тамбовского, Воронежского, Тверского, Новгородского и Оренбургского служили 2332 солдата польского происхождения. В наместничествах Курском, Новгородско-Северском, Харьковском и Орловском служили около 2000 человек. Без определения в войска во вновь присоединенных к России губерниях было поселено около 300 человек [97]. 87 активных руководителей и организаторов восстания были подвергнуты следствию в Смоленской комиссии, учрежденной в апреле 1794 г. В феврале 1795 г. комиссия закончила свою работу, а подследственные отправлены в ссылку [98], руководители движения во главе с Т. Костюшкой — в Петербург.

В 1795 г. ссыльным, распределенным по различным городам Российской империи, была разрешена переписка с родными. Выписки из писем польских ссыльных из привилегированных сословий, сделанные местными властями, говорят о фактах доброжелательного отношения местного населения, главным образом помещиков, к бывшим повстанцам [99]. Свое сочувствие выражали пленным некоторые конвоиры [100]. Некоторые из должностных лиц стремились ограничить размах репрессий привлечением к суду лишь активных участников движения. Так, исполняющий должность минского, изяславского и брацлавского генерал-губернатора Т. И. Тутолмин писал председателю Смоленской следственной комиссии Г. М. Осипову 15 июля 1794 г. о том, чтобы в комиссию требовали присылки «тех единственно, которые или оказываются действительными участниками заговора или же надобны будут для улики и очных ставок» [101].

Еще с конца XVIII в. ведет свое начало традиция дружбы польских ссыльных с местным населением. Участники антирусских конфедераций и национально-освободительного восстания, сосланные за Урал и в Сибирь, часто оказывали местному населению медицинскую помощь, а иногда были учителями и наставниками. Они вызывали не только со-

[95] *В. И. Рабинович.* Указ. соч., стр. 44.
[96] «Русский архив», 1876, кн. 1, стр. 114.
[97] ЦГАДА, Госархив, ф. 7, д. 2869, ч. 1, л. 326.
[98] Там же, ч. II, лл. 338—340, 355.
[99] ЦГАДА, Госархив, ф. 12, д. 139 (выписки из писем польских арестантов 1795 г.).
[100] *J. U. Niemcewicz.* Pamiętniki czasów moich. Lipsk, 1868, str. 240.
[101] ЦГАДА. Госархив, ф. 7, д. 2869, ч. 2, л. 150.

чувствие к своему угнетенному положению, но зачастую внушали глубокое уважение как люди, боровшиеся за свои свободолюбивые идеалы. Нередко еще в 20—30-е годы XIX в. представители русской прогрессивной общественной мысли с благодарностью вспоминали ссыльных поляков — наставников своих детских и юношеских лет[102]. В то же время и поляки на всю жизнь сохранили память о доброте и сердечности русского населения и простых русских людей, поставленных перед необходимостью охранять польских узников, но старавшихся облегчить их тяжелое положение. «Человечность, чувства жалости можно найти только у простого московского люда; я видел это у окружающих меня, часто сменяемых, охранявших меня солдат; не благополучие, достаток, счастливые дни, а совместные страдания, несчастья порождают симпатию между людьми»[103],— писал Юлиан Урсын Немцевич, вспоминая время, проведенное в плену.

4. Россия и Польша в начале XIX в.

В результате поражения национально-освободительного восстания, после третьего раздела в 1795 г. Польша полностью утратила национальную независимость. К России отошло 62% (с 45% населения) территории бывшей Речи Посполитой, к Пруссии — 20% территории (с 23% населения), к Австрии — 18% (с 32% населения).

Сразу после вступления на престол в ноябре 1796 г. Павел I поспешил продемонстрировать свое неодобрение тем гонениям, которым подвергала польских патриотов Екатерина II. Были амнистированы видные участники восстания 1794 г. Но Павел не отступил от линии политики в польском вопросе, определенной при жизни его матери. В январе 1797 г. между Россией, Пруссией и Австрией была заключена конвенция, завершившая ликвидацию Польского государства.

Тем не менее уже при Павле I, а особенно при Александре I, царское самодержавие начало находить опору в самом польском обществе. Включение в состав России части земель Речи Посполитой привело к установлению тесных экономических контактов, включению этих территорий в общероссийский рынок. Экономическому, а также общественному сближению способствовала и политика царского правительства. Либеральные жесты Александра I и его заигрывание с поляками снискали ему симпатии части польского населения[104]. Была объявлена всеобщая амнистия, многим участникам восстания возвращены конфискованные имения или возмещены убытки, облегчены налоги, сохранены местные органы самоуправления и Литовский статут, национальные цвета в армии. Особенно много значил для польских помещиков выход на российский рынок, тем более что на конец XVIII — начало XIX в. приходится развитие черноморской торговли. Черноморские порты облегчили сбыт зерна шляхте Подольской и Киевской губерний. Более того, несмотря на общее запрещение вывозить хлеб за границу, Александр I давал польским помещикам индивидуальные разрешения на такие акции[105]. Экономические связи усиливали заинтересованность определенных слоев польского населения в союзе с Россией.

[102] *В. Л. Орлов.* Николай Полевой и его «Московский телеграф». «Пути и судьбы. Литературные очерки». Л., 1971, стр. 323.
[103] *J. U. Niemcewicz.* Указ. соч., т. II, стр. 341.
[104] *W. Tokarz.* Ostatnie lata Hugona Kołłątaja (1794—1812). Kr., 1905, t. 1, str. 252.
[105] *J. Skowronek.* Antynapoleońskie koncepcje Czartoryskiego. W., 1969, str. 187—189.

В период разделов с царизмом шла только Тарговица. После разделов к царизму примкнул более широкий слой польского шляхетства. На поддержку русского царизма ориентировалась часть польских магнатов, владеющих латифундиями в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине. Настроения реакционных землевладельческих кругов после III раздела Речи Посполитой выразил Каетан Козьмян: «Нам живется теперь даже лучше, чем в Польше; у нас есть все то, что давала нам родина, но мы свободны от поборов и теперь нам не приходится бояться уманской резни: хотя Польши нет, мы живем в Польше и остаемся поляками»[106]. Руководители национально-освободительного восстания 1794 г. по-разному представляли себе пути дальнейшей борьбы за восстановление Польши. Ян Генрик Домбровский, Кароль Князевич, Юзеф Выбицкий приступили с 1797 г. к созданию под покровительством французской Директории, а затем первого консула Франции Наполеона Бонапарта легионов из поляков-эмигрантов и военнопленных австрийской армии. Эти легионы должны были «по примеру Бонапарта» проложить путь на родину силой оружия. По-иному представлял себе пути восстановления независимого государства Т. Костюшко. В 1800 г. во Франции была анонимно издана брошюра «Могут ли поляки добиться независимости?». Ее написал секретарь Костюшки Юзеф Павликовский, в недалеком прошлом польский якобинец. Осмысливая причины поражения восстания, автор этой брошюры, а по существу, инспирировавший брошюру Костюшко, доказывал, что надо перестать рассчитывать на иностранную помощь, что только единодушная борьба народных масс может привести к успеху[107]. Его мысли перекликались со взглядами членов «Общества польских республиканцев», основанного радикальными деятелями — Эразмом Мыцельским и Яном Алоизием Орховским в 1798 г. В уставе Общества наряду с возрождением родины и введением представительного республиканско-демократического правления было записано требование провозглашения прав человека и гражданина по французской конституции 3-го года республики[108]. Члены Общества обязаны были полякам-солдатам в армиях захватчиков ставить в пример «французских солдат, как те в начале революции, убежденные в том, что они являются частью нации, объединились с простым народом»[109].

Практическую деятельность по претворению революционной программы в жизнь вел член варшавского Якобинского клуба Франциишек Гожковский. В 1796—1797 гг. он готовил к восстанию крестьян Подлясья, ставшего частью захваченной Австрией Новой Галиции[110]. В своем воззвании к крестьянам, в котором излагалась программа будущей крестьянской революции, он прежде всего провозгласил положение о том, что «всякая крепостная зависимость и господство уничтожаются»[111]. Одним из коренных условий успеха революции Гожковский считал «непременное уничтожение шляхты, истребление помещиков, свобода и равенство для всех польских жителей без различия»[112].

[106] *K. Koźmian.* Pamiętniki. Wr.— W.— Kr.—Gd., 1972, t. 1, str. 274.
[107] ИППМ, т. I, стр. 543.
[108] «Wybór tekstów źródłowych...», str. 67.
[109] *T. Łepkowski.* Polska — narodziny nowoczesnego narodu. 1764—1870. W., 1967, str. 428.
[110] *Cz. Wycech.* Spisek Franciszka Gorzkowskiego na tle ruchów społecznych w końcu XVIII wieku. W., 1951.
[111] ИППМ, т. I, стр. 590.
[112] Там же, стр. 601.

Впервые борьба с поработителями приобрела в планах Гожковского черты аграрной революции. Он говорил, что плохие помещики погибнут так же, как те, которых «повесили на Украине»[113]. Подготовку восстания против царизма вели патриотически настроенные поляки в западных областях, отошедших к России по второму разделу. В 1796 г. были арестованы шляхтичи Слонимского уезда Гродненской губернии Любовецкий и Снарский. Они стремились воспользоваться передислокацией русских войск и поднять восстание. Движущую силу выступления они видели не в магнатах и зажиточных шляхтичах, а в мелкой шляхте и крестьянах. В частности, Любовецкий говорил: «Господ принимать не будем, а употребим одну токмо шляхту и крестьян»[114]. Житель Уманского уезда Киевской губернии дворянин Стефан Познаньский, арестованный в 1799 г., еще более определенно осуждал социальное неравенство. В беседах с окружающими Познаньский высказывал мысль о том, «что среди самой Москвы, и в войске, и даже в самой столице Петербурге довольно есть таких, что знают, яко лучше быть вольными, нежели под абсолютным монархическим владением... не желал ли быть ты сам вольным?.. На что нам те коронованные головы? на что те господа магнаты? на что нам нужен господин Потоцкий, который в одной Уманщине имеет 360 деревень, а мы ни одной, а потому лучше будет, когда те магнаты пропадут, примерно, как во Франции с ними сделалось, а мы в то время будем равны и вольны»[115]. Познаньский, агитируя среди бедных шляхтичей, надеялся на победу французов, которые дают «всем людям вольность и равность»[116]. Выдвигая лозунги французской буржуазной революции, Познаньский верил в то, что они не чужды русским.

Часть польского шляхетства во главе с Адамом Чарторыским надеялась с помощью России добиться объединения польских земель. Сторонники прорусской ориентации стали создателями так называемого «Пулавского плана», причем план опоры на Россию возник не среди бывших тарговичан, а у деятелей Четырехлетнего сейма. А. Чарторыский, инициатор создания этого плана, возглавляя министерство иностранных дел России с осени 1804 г.[117], пытался изменить политику царя в польском вопросе. Сторонники «Пулавского плана» выдвигали проект образования Польского королевства из территорий, вошедших в состав России и Пруссии, под главенством императора России, который должен стать наследственным польским королем[118]. С января 1805 г. сторонники прорусской ориентации развернули кампанию по подготовке общественного мнения в Варшаве и среди населения Литвы, Волыни и Подолии. Пропаганда находила отклик у помещиков западных земель, а также на захваченных Пруссией землях. Как только возникла реальная возможность вступления русских войск в Пруссию в 1806 г., стала очевидной враждебность к прусским властям определенной части польского населения[119]. Часть аристократии, боявшаяся за свои владения на русской территории, мечтавшая вновь получить в свое

[113] *S. Kieniewicz.* Z postępowych tradycji polskich ruchów narodowo-wyzwoleńczych. «Kwartalnik Historyczny», LX, 1953, N 2, str. 188.
[114] ЦГАДА. Госархив, ф. 7, д. 2868, л. 4 об.
[115] Там же, д. 3341, лл. 2 об.— 3.
[116] Там же, л. 4 об.
[117] *J. Skowronek.* Указ. соч., стр. 203.
[118] Там же; *E. Halicz.* Geneza Księstwa Warszawskiego. W., 1956, str. 26; «Русский архив», 1863, стр. 876.
[119] «Русский архив», 1900, кн. III, стр. 549.

распоряжение латифундии в Литве и на Украине, оставалась сторонницей прорусской ориентации. Часть мелкой шляхты и мещанства также больше надеялась на помощь России, чем Франции. По свидетельству очевидца в Варшаве, «все торговки в глаза говорили полицейским чиновникам: недолго уж вам тут править; придут русские, и мы вас выгоним» [120].

Разгром Пруссии Наполеоном, переход польских земель из-под власти Пруссии к Франции, приезд Наполеона в Варшаву снова возбудили надежды на возрождение независимого польского государства Наполеоном. В 1807 г. из земель, захваченных Пруссией, было образовано Княжество Варшавское. Оно формально получило некоторую видимость независимости, хотя даже из самого названия государства было изъято слово «Польское». И в это время по тем или иным причинам часть польского населения не выражала энтузиазма по адресу Наполеона [121]. Возродились надежды на помощь Александра I в деле восстановления Польского государства у группы польских патриотов, которые разочаровались в Наполеоне к 1810 г. Бывшие польские якобинцы и деятели Общества польских республиканцев Анджей Михал Городыский, Ян Каласантый Шанявский, А. Орховский, Ф. Потоцкий и др. выработали план объединения своих усилий с Россией и освобождения Княжества Варшавского от французов [122]. Рекрутские наборы, военные налоги, тяжелое экономическое положение, наконец, бесперспективное участие в различных военных акциях на стороне Наполеона усиливали антифранцузские настроения среди жителей Княжества Варшавского. Этот факт отмечали и современники. В частности, П. И. Багратион докладывал царю в начале 1812 г. о том, что «все известия, из Варшавского герцогства получаемые, более удостоверяют всякого, что неудовольствие корпуса дворянства на настоящее, совершенно французское правительство (за исключением разве некоторого числа из дворян, в службе находившихся), достигло до неимоверной степени» [123]. Конечно, Багратион сгустил краски, но общее настроение было передано верно.

Проект Михала Клеофаса Огиньского в 1811 г. предусматривал объединение восьми губерний: Гродненской, Виленской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской, а также Белостокского и Тарнопольского округов в Великое княжество Литовское. Планировалось, что во главе новой провинции будет стоять наместник царя, сохранится действие Литовского статута [124].

5. Русско-польские культурные связи в начале XIX в.

Русско-польские взаимоотношения в начале XIX в. не ограничивались экономическими и политическими связями и периодом военных столкновений. Возросшая опасность германизаторских тенденций прусского и австрийского правительств [125], под чье управление попала основная часть коренных польских земель, привела к зарождению в польском обществе идеи славянофильства, объединения славянского мира

[120] *M. Handelsman.* Warszawa w roku 1806—1807. W., 1911, str. 23.
[121] *T. Mencel.* Organizacja sądownictwa na ziemiach polskich w okresie Komisji Rządowej (1807). «Przegląd Historyczny», t. XL (za rok 1949). W., 1950, str. 234.
[122] *W. Tokarz.* Ostatnie lata..., t. II, str. 208, 217.
[123] «Генерал Багратион. Сборник документов и материалов». М., 1945, стр. 136.
[124] «Русский архив», 1874, кн. I, стр. 645.
[125] *J. Skowronek.* Указ. соч., стр. 183.

под эгидой русского царя, идеи опоры на русское государство вообще[126]. Польское славянофильство было тесно связано с просветительскими кругами. Оно, в свою очередь, способствовало укреплению и развитию польско-русских культурных связей и отношений.

Дорогу для контактов прогрессивных сил в будущем прокладывали польско-русские научные и литературные связи в конце XVIII — начале XIX в. Еще в конце XVIII в. были изданы пособия для изучения польского и русского языков[127]. Перевод на русский язык в 1809 г. книги польского экономиста И. Стройновского «Наука права природного, политического и государственного хозяйства и права народов» дал возможность русским экономистам познакомиться с достижениями польской экономики. С 1796 г. Кшиштоф Веселовский регулярно посылал в Пулавы сведения о научных экспедициях русских ученых на Восток[128]. Одновременно в Петербурге на русской дипломатической службе находился другой востоковед — Броневский. Его информации приобрели особенную ценность после 1806 г., когда он был направлен на службу в Константинополь.

Важную роль в развитии польско-русских культурных связей сыграло основанное 1 февраля 1800 г. Варшавское общество друзей наук. После падения Польши многие активные борцы за независимость родины, видя безуспешность вооруженной борьбы, пришли к выводу о необходимости сохранять и развивать польскую культуру и экономику и таким путем утвердить национальную суверенность[129]. В Обществе непосредственно сотрудничали польские и русские ученые, являвшиеся его членами. Пионером польско-русского сотрудничества в области изучения древних славян стал Ян Потоцкий, издавший в 1802 г. книгу «Первоначальная история народов России». Во время путешествия по Сибири в 1805—1806 гг. Я. Потоцкий завязал тесные контакты с русскими исследователями — астрономом Ф. Т. Шубертом и горным инженером Г. И. Спасским[130]. В 1806 г. он был избран почетным членом Академии наук в Петербурге. Член Общества, историк Юзеф Сераковский неоднократно говорил о необходимости знакомиться с работами, написанными в других славянских странах, и, в частности, предлагал перевести на польский язык «Историю государства Российского» Карамзина[131].

В начале XIX в. польские журналы начали знакомить своих читателей с достижениями русской науки и культуры. Уже в 1801 г., в первый год своего существования ежемесячник «Nowy Pamiętnik Warszawski» опубликовал перевод статьи Рихтера о культурной и научной жизни в Москве. Этот журнал в 1802—1803 гг. публиковал правительственные указы по вопросам развития науки и культуры в России.

[126] *O. Spirydowicz.* Z problematyki stosunków literackich polsko-rosyjskich w XVIII wieku. «Język rosyjski». W., 1960, rok XIII, I—II, N 1(67), str. 2—3.

[127] «Польско-русский словарь Кирнака Кондратовича». СПб., 1775; «Łatwy sposób nauczania się po rosyjsku i po polsku». W., 1795.

[128] *L. Dębicki.* Puławy (1762—1830). Monografia z życia towarzyskiego, politycznego i literackiego na podstawie archiwum ks. Czartoryskich w Krakowie, t. III. Lw., 1888, str. 8—9.

[129] *В. А. Францев.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага Чешская, 1906, стр. 4.

[130] *R. W. Wołoszyński.* Polsko-rosyjska współpraca naukowa w badaniach nad dziejami Słowian w początkach XIX wieku. Działalność Jana Potockiego i jej echa do 1830 roku. «Z polskich studiów sławistycznych». Seria 3. 1. Historia. W., 1968, str. 125.

[131] *P. Piotrowska.* Początki zainteresowań przeszłością Słowian wśród członków Warszawskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. «Z polskich studiów...», str. 115.

В пяти томах «Zabaw Przyjemnych i Pożytecznych» в 1803—1805 гг. появился цикл статей о русской литературе [132]. Статья о русской литературе была опубликована в 1806 г. в журнале «Dziennik Wileński» [133].

В русской печати также стали появляться отклики на события польской культурной жизни. Так, в ежемесячном издании В. Г. Анастасевича «Улей» намечалась следующая программа публикации материалов (январь 1811 г.): «1. Словесность в прозе и стихах отечественная и переводы с польского (коих у нас очень мало), также и с других языков; 2. Био- и библиографические замечания или известия о жизни и трудах писателей российских и польских; 3. Исторические отрывки и замечания при своде наших историков с польскими». В 4 томах «Улья» были напечатаны биографии и большие фрагменты из произведений Адама Нарушевича, Игнация Красицкого, Циприана Годебского, Игнация Потоцкого и др. [134]

В. Г. Анастасевич — бывший секретарь А. Чарторыского, член Варшавского общества друзей науки и Общества любителей российской словесности, был одним из виднейших русских библиографов первой половины XIX в. Являясь пропагандистом польской литературы в России, Анастасевич и других сотрудников журнала привлекал к переводам с польского. В частности, басни Красицкого переводили учитель витебской гимназии И. А. Кульматицкий и П. А. Вземетнев. Вообще журнал «Улей» много сделал для популяризации польской литературы. В 1819 г. славист П. И. Кеппен так охарактеризовал издательскую деятельность В. Г. Анастасевича: «Главное намерение издателя состояло в том, чтобы короче познакомить соотечественников наших с польской словесностью и тем самым подкрепить естественную связь между литературами двух единоплеменных народов» [135].

Русские журналы значительное место отводили проблемам педагогики и организации школьного дела из практики работы поляков. Открытие Кременецкого лицея и Виленского университета сыграло большую положительную роль в деле установления польско-русских научных контактов. В 1802 г. А. Чарторыскому было поручено составить устав для Виленского университета и других учебных заведений вновь учреждаемого Виленского учебного округа. В помощь ему инспектором училищ в юго-западных губерниях был назначен Тадеуш Чацкий. К составлению уставов были привлечены ректор Виленской академии Иероним Стройновский, Г. Коллонтай, Станислав Костка Потоцкий [136]. На систему просвещения в России большое влияние оказали организационные и идеологические принципы деятельности польской Эдукационной комиссии [137].

В последней трети XVIII в. на почве переводов современных литературных произведений начинала складываться новая традиция рус-

[132] *R. Wołoszyński.* Z problematyki powiązań nauk społecznych w Polsce z nauką rosyjską na początku XIX wieku. «Studia i materiały z dziejów nauki polskiej». Seria A. Historia nauk społecznych, z. 8. W., 1965, str. 8—10.

[133] *S. Fiszman.* Z polsko-rosyjskich stosunków literackich w okresie 1800—1830. «Z polskich studiów slawistycznych. Prace historyczno-literackie na IV Międzynarodowy kongres slawistów w Moskwie. 1958». W., 1958, str. 105.

[134] *Е. М. Двойченко-Маркова.* Красицкий в ранних русских переводах. «Польско-русские литературные связи». М., 1970, стр. 109.

[135] Там же, стр. 110.

[136] *С. Бархатцев.* Из истории Виленского учебного округа. «Русский архив», 1874, кн. 1, стр. 1150.

[137] *S. Truchim.* Współpraca polsko-rosyjska nad organizacją szkolnictwa rosyjskiego w początkach XIX w. Łódź, 1960, str. 52.

ско-польских литературных отношений [138]. Любопытно, что в это время переводы с польского стали снабжать предисловиями, в которых выбор произведения мотивировался желанием показать русским читателям, в чем состоит «польский вкус», т. е. национальное своеобразие польской литературы [139]. В настоящее время известно более 10 произведений польских писателей, переведенных в те годы на русский язык [140].

6. Создание Королевства Польского и Россия

24 июня 1812 г. французская армия вторглась в Россию. Подготовка к войне велась на территории Княжества Варшавского, что тяжело отразилось на экономическом положении населения. Готовясь к походу, Наполеон стремился заручиться поддержкой поляков. Кампанию 1812 г. он называл «второй польской войной». В армии Наполеона поляки составляли самый сильный контингент среди всех союзников Франции: почти 100 тыс. человек, в том числе 37 тыс. в особом корпусе Ю. Понятовского [141].

В начале 1813 г. русские войска оккупировали территорию Княжества Варшавского. В состав Временного верховного совета вошли русские и польские государственные деятели. Александр I демонстрировал свое дружелюбное отношение к полякам, что дало повод к возрождению планов восстановления Польши под властью царя. Нередки были случаи доброжелательного отношения поляков к русским войскам во время оккупации Княжества Варшавского в 1813 г.[142]

Венский конгресс 1814—1815 гг. внес территориальные и политические изменения в положение польских земель. Из центральных польских областей было образовано Королевство Польское под властью русского царя. Краков с небольшой прилегающей территорией был объявлен «вольным и строго нейтральным городом» — Краковской республикой. Цешинская Силезия и Галиция, ее польские и западноукраинские земли остались под властью Австрии. Силезия и Поморье, великопольские области — «Великое герцогство Познанское» — находились в составе Пруссии.

В 1815 г. Александр I в Варшаве подписал конституцию Королевства (Царства) Польского. По конституции, польским королем стал русский царь, которому принадлежала вся полнота исполнительной власти. Законодательную власть король осуществлял вместе с сеймом, состоявшим из сената и посольской избы. Сейм получил право принимать или отвергать законы, предложенные правительством. Законы разрабатывал Государственный совет. Во главе управления Королевством Польским стоял назначаемый царем наместник. Избирательным правом пользовалась бо́льшая, чем в других европейских странах, часть населе-

[138] *В. Якубовский.* П. Н. Берков и проблемы польско-русских литературных связей. «Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры». М.—Л., 1966, стр. 417.

[139] *П. Н. Берков.* Указ. соч., стр. 27.

[140] Там же; *R. Łużny.* Uwagi o kontaktach kulturalnych polsko-rosyjskich w XVIII w. «Slavia Orientalis». W., 1960, N 3, str. 500.

[141] *S. Kieniewicz.* Historia Polski. 1795—1918. W., 1969, str. 47; *Е. В. Тарле.* 1812 год. М., 1959, стр. 255.

[142] «Листовки Отечественной войны 1812 года». М., 1962, стр. 81, 123; «М. И. Кутузов. Документы», т. I. М., 1950, стр. 176, 177, 184; *Б. С. Абалихин.* Русская пропаганда в Польше в 1812 — начале 1813 г. «Волгоградский пед. институт им. А. Серафимовича. Научная конференция, 21-я, 1966», 1966, стр. 3—5.

ния. Конституция декларировала неприкосновенность личности, свободу печати, независимость суда. Польский язык признавался официальным. Создавалась польская армия.

Бóльшая часть шляхетства образование Королевства Польского восприняла как начальный этап восстановления Польского государства и была удовлетворена конституцией. Либеральная конституция Королевства Польского была притягательна и для русского передового общественного мнения и даже вызывала нарекания в адрес императора за то, что сама Россия лишена многих прав, дарованных полякам.

Значение национальной проблематики возросло для русских в период наполеоновских войн. В 1812—1813 гг. по-иному зазвучали сюжеты, связанные с национально-освободительным восстанием поляков, с характеристикой деятельности Костюшки и т. п. Переживания русских в период Отечественной войны заставили иными глазами взглянуть на польские события и тех, кто в свое время стоял на позициях полного одобрения политики Екатерины II. В этом плане любопытно влияние роста национального самосознания на оценку деятельности польских патриотов Державиным. В 1794 г. он радовался тому, что польские «поля и грады — стали гробы!», в 1803 г. выдвигал проект переселения мелкой польской шляхты в коренные русские губернии[143], а в 1813 г. в своих «Записках» он выступает как человек, понимающий силу патриотических устремлений поляков. Вспоминая эпизод, имевший место в 1798 г., Державин явно приписывает себе взгляды, навеянные событиями 1812 г. Тогда прокатилась очередная волна репрессий против патриотически настроенных поляков в Виленской губернии. Привлекаемые к суду «были почти все из нижнего разбора людей, то есть попы, стряпчие и дробная шляхта»[144]. Державин описывает свой разговор об этих заключенных, ссылаемых на вечную каторгу в Сибирь, с начальником Тайной экспедиции А. С. Макаровым. Державин пишет, что спросил Макарова: «Виноваты ли были Пожарский, Минин и Палицын, что они, желая избавить Россию от рабства польского, учинили между собою союз и свергли с себя иностранное иго?» «Нет,— ответствовал Макаров,— они не токмо не виноваты, но всякой похвалы и нашей благодарности достойны». «Почему же так строго обвиняются сии несчастные, что они имели некоторые между собой разговоры о спасении от нашего владения своего отечества, и можно ли их винить в измене и клятвопреступлении по тем же самым законам, по каковым должны обвиняться в подобных заговорах природные подданные?»[145] Приведенный отрывок из записок Державина является показателем того, насколько близкими стали для русских проблемы национальной независимости и родины.

Княжество Варшавское было первым иностранным государством, которое увидели солдаты и офицеры русской армии. В нем уже действовал кодекс Наполеона, т. е. в законодательном порядке было отменено крепостное рабство, больше всех зол в России возмущавшее будущих декабристов. И если даже Державин в 1813 г. считал допустимыми мысли о восстановлении независимого Польского государства, то прогрессивно и патриотически настроенное русское офицерство, теперь, пережив ужас нашествия Наполеона на Россию, могло оценить значе-

[143] *J. Skowronek.* Указ. соч., стр. 191.
[144] «Записки Державина (1743—1812)». Соч. Державина, т. VI. СПб., 1871, стр. 741.
[145] Там же, стр. 743.

ние борьбы поляков за независимость, за восстановление своего разорванного государства. Будущий декабрист Ф. Н. Глинка в июльском номере «Вестника Европы» за 1815 г. опубликовал статью под заглавием «Первый подвиг Костюшки по прибытии его в Польшу из Америки». Статья написана очень темпераментно, чувствуется, что вопросы, поднимаемые в ней, близки и волнуют автора. Он высоко ценит патриотический подвиг Костюшки: «Польша волновалась, как море, и высокое древо вольности ее трепетало от дуновения Северного вихря. Но подобно как нежный сын, возвратясь на родину и застав дом родительский в пламени, несмотря на то, что огонь уже проник в самую внутренность здания, что милые сердцу его погибли невозвратно, что буря разливает повсюду пламя и опасность, забыв все рассуждения и следуя только слепому влечению сердца, бросается в пламень, хочет быть спасителем — и погибает: так сделал Костюшко, смело бросаясь в пожары своего отечества. Кто не знает его имени? Кому неизвестны подвиги и несчастья его?». Далее Глинка пишет о том, что победить Костюшко смог лишь благодаря объединению в борьбе «того состояния людей, которое под защитою гор и лесов своих спаслось и уцелело еще от заразительного дыхания разврата». Автор не просто восхищается подвигом Костюшки, но он явно воспользовался сюжетом национально-освободительной борьбы, чтобы провести параллель с положением в своем отечестве. Статья печаталась в момент, когда русская действительность многим участникам заграничного похода казалась ужасной. Подавляющее большинство декабристов на вопрос следственной комиссии об истоках зарождения революционной идеологии указывало на впечатления от знакомства с жизнью Европы. В отрывках, посвященных описанию Польши в момент возвращения Костюшки из Америки, Глинка явно имел в виду и Россию. Он писал: «Отечество свое застал он (Костюшко.— *Л. О.*) растленным роскошью, слабодушием и развратом вельмож. Все состояния роптали. Богатство было в явной ссоре с бедностью. Напрасно философ Женевский Руссо подавал вопрошавшей его Польше благие советы... Польша, буйством и гордостью упоенная Польша, шаталась на краю бездны своей!— Известные Лафайет, Рошамбо и прочие, бывшие в одно время с Костюшкою в Америке, почти в таком же состоянии застали отечество свое — Францию!— Семена разрушения уже давно посеяны были в обществах людей, называющих себя просвещенными. Все приближалось к великому перелому, и прозорливой наблюдатель сквозь обманчивую тишину предвидел страшные бури»[146].

Обращение будущего декабриста к истории польского национально-освободительного движения могло означать, что между прогрессивными силами русского и польского народов протянулась первая нить серьезного взаимопонимания. Приветствуя решение об образовании Королевства Польского в редакционной статье майского номера «Русского инвалида» за 1815 г., автор говорит о том, что история польской «нации не представляет нам ни одного из случаев, какими наполнены летописи некоторых других европейских государств». И далее: «Ни одного заговора, ни одного цареубийства, ни одного гонения за веру, ни одного фанатического кровопролития и никакого рода инквизиционного суда»[147]. Между строк можно было прочитать и одобрение патриотическому движению поляков.

[146] «Вестник Европы», ч. XXXII, 1815, № 13, стр. 128.
[147] «Сочинения Державина», т. VI, стр. 311. Примечания.

* * *

Включение значительной части этнически польских земель в состав Российской империи меняло характер польско-русских взаимоотношений. В XIX в. по отношению к русским поляки уже не были зарубежным народом. Отныне борьба за независимость Польского государства становилась борьбой против русского самодержавия, с которым боролись и русские революционеры. Этот факт обусловил в дальнейшем широту общественных и революционных связей[148]. Но в начале XIX в. русское революционное движение еще только зарождалось.

Отношения между Россией и Польшей в конце XVIII — начале XIX в. были сложными и часто враждебными. Сначала активное участие русского самодержавия в разделах Речи Посполитой определяло неприязненное отношение к России патриотически настроенной части польского населения[149]. Потом усилению взаимного недружелюбия послужило участие польской армии в походе Наполеона на Россию. Драматичность рассматриваемой эпохи в отношениях двух соседних славянских народов не могла не наложить своего отпечатка на их взаимоотношения в XIX в.

Созвучие прогрессивных идей польских и русских мыслителей и общественных деятелей, влияние на них эпохи Просвещения и французской буржуазной революции служило основой для взаимопонимания. Подтверждением этому служит отношение польской и русской передовой общественности к национальной проблематике, понятиям «родина», «патриотизм», «защита отечества».

С конца XVIII и особенно с начала XIX в. постепенно укрепляются русско-польские культурные и научные связи. Значение русско-польских контактов в конце XVIII — начале XIX в. состоит в том, что они ближе знакомили друг с другом представителей обоих народов, помогали ломать стену недоверия, воздвигнутую реакционной политикой самодержавия. Но в рассматриваемый период едва наметились те линии связей, которые получили развитие в последующее время.

[148] *И. С. Миллер.* Русско-польские революционные связи как элемент истории революционного движения. «Wiek XIX». W., 1967, str. 265.
[149] *T. Łepkowski.* Указ. соч., стр. 450.

Глава II

ЗАРОЖДЕНИЕ РУССКО-ПОЛЬСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО СОЮЗА. ДЕКАБРИСТЫ И ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

1. Вопрос о независимости Польши в первых тайных революционных обществах в России

Носителями антифеодальной идеологии и участниками движения, получившего наименование декабристского, явились передовые представители дворянства. В их числе было немало выходцев из богатых и знатных фамилий, зачастую — близких к высшим правительственным сферам. Таким образом, для многих участников движения декабристов выступление за уничтожение крепостничества и его оплота — царского самодержавия было в то же время покушением на основные устои, питавшие их собственное благополучие.

Но этот факт лишь показывал, что в России, вслед за странами Западной Европы, процесс исторического развития со всей неумолимостью выдвигал задачу ломки старого. Феодальная система переживала глубокий кризис. Причиной кризиса были низкая производительность сельского хозяйства (как результат крепостнических отношений), с одной стороны, и потребности развития промышленности и всех производительных сил, которое сковывалось теми же крепостническими отношениями (в первую очередь отсутствие рынка свободных рабочих рук), с другой стороны. Знамя борьбы против царизма и крепостничества подняли дворянские революционеры, которые были, по выражению В. И. Ленина, «страшно далеки от народа»[1].

Большой толчок развитию революционных идей дали Отечественная война 1812 г. и заграничный поход русской армии 1813—1815 гг. Многие будущие декабристы — Павел Пестель, Владимир Раевский, братья Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы и др.— были участниками войны. Знакомство с произведениями французских просветителей и идеологов французской буржуазной революции дополнилось личными впечатлениями от жизни в странах, где уже было ликвидировано крепостное право и установлен конституционный строй. Сопоставление с мрачной российской действительностью, которое делалось русской военной молодежью по возвращении на родину, ускоряло формирование конкретных выводов о необходимости революционных преобразований.

В возникшем в 1816 г. первом революционном тайном обществе — «Союзе спасения» единодушно выдвигалось требование ликвидации крепостного права. Наряду с уничтожением «рабства крестьян» устав общества провозглашал в качестве главной цели ограничение самодержавия введением представительного правления на основе конституции[2].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.
[2] См.: *М. В. Нечкина.* Движение декабристов. М., 1955, т. I, стр. 152.

В 1818 г. в России возникло новое тайное общество — «Союз благоденствия». Ядро нового общества составили руководители бывшего «Союза спасения». Однако это уже была более высокая ступень развития освободительного движения.

Чувством особой симпатии прониклись русские борцы за свободу к польскому народу. Эта симпатия усилилась в результате непосредственного общения с польским народом, передовые представители которого вынашивали те же идеи, что и русские,— идеи ликвидации крепостничества и монархии. Но перед поляками, кроме того, стояла и задача завоевания национальной независимости. Передовые люди русского общества отрицательно относились к участию русского царизма в разделе Польши. Так, например, член «Союза спасения» Фонвизин в одной из своих статей высказывал резко отрицательное отношение к разделам Польши — «государства, знаменитого в истории народов своим характером и составлявшего важное звено в политическом равновесии Европы»[3]. Правда, некоторые представители прогрессивной части русского общества не смогли увидеть в намерении Александра I «даровать» Королевству Польскому конституцию политический маневр и отозвались о монаршей акции одобрительно, как, например, Николай Тургенев[4].

Содержание «дарованной» конституции вызвало разочарование поляков, так как развеяло их надежды на восстановление подлинной независимости Польши[5].

Начало 20-х годов характеризовалось бурными событиями как внутри России, так и в странах Западной Европы. В стране наблюдалось оживление антифеодального движения крестьянства[6], участились солдатские бунты. Из-за границы приходили известия о переворотах и революциях. Во всей Европе господствовал, по выражению Пестеля, дух преобразований, заставлявший везде, в том числе и в России, «умы клокотать»[7–8].

В 1821—1822 гг. в двух новых обществах, Северном и Южном, их руководители приступили к разработке проектов будущего государственного устройства России.

В конституционном проекте Южного общества запечатлена попытка русских революционеров найти справедливое решение польского вопроса.

В том разделе «Русской Правды», где рассматривается вопрос о будущих границах многонационального российского государства, П. И. Пестелем предусматривалось оставление в территориальных границах России всех народностей, которые до этого входили в состав Российской империи, определив это термином «право благоудобства». Автор «Русской Правды» считал неоправданным оставлять вне границ России те народы, которые по причине своей малочисленности не смогли бы отстоять свое независимое государственное существование и наладить нормальную жизнь, и которым угрожало стать добычей сильных соседей. «Русская Правда» подчеркивает, что «право благоудобства принимается в соображение для утверждения безопасности, а не для какого-либо

[3] «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов». М., 1951, т. I, стр. 375.
[4] *Н. Тургенев.* Россия и русские, т. I. М., 1915, стр. 46.
[5] «Конституционная хартия 1815 г. ... бывшего Царства Польского». СПб., 1907, стр. 42—43, 52.
[6] *И. Игнатович.* Крестьянские волнения в первой четверти XIX в. «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 49.
[7–8] «Восстание декабристов» (далее — ВД), т. IV, стр. 105.

тщеславного распространения пределов государства»[9]. Однако автор «Русской Правды» предполагал, что находившиеся на территории России народы сольются с господствующим русским народом[10].

Совершенно по-иному решался в «Русской Правде» вопрос о польском народе, в отношении которого она применяет «право народности», которое «существует истинно для тех только народов, которые, пользуясь оным, имеют возможность оное *сохранить*»[11]. Здесь видно намерение решительно покончить с угнетением Россией польского народа и полностью восстановить справедливость в отношении Польши.

Вероятно, во избежание неясностей, могущих дать почву для произвольных толкований, конституционный проект Пестеля в отношении Польши излагает вопрос с исчерпывающей ясностью и полнотой. «Что же до *Польши* касается,— гласит «Русская Правда»,— то пользовалась она в течение многих веков совершенною политическою независимостью и составляла большое самостоятельное государство... В отношении к Польше право народности должно по чистой справедливости брать верх над правом благоудобства»[12].

Возвращение независимости Польши руководители Южного общества считали долгом революционной, республиканской России. «Да и подлинно,— гласит «Русская Правда»,— великодушию славного российского народа прилично и свойственно даровать самостоятельность низверженному народу в то самое время, когда Россия и для себя стяжает новую жизнь. Итак, по правилу народности должна Россия даровать Польше независимое существование»[13].

Русские борцы за свободу, желая видеть Польшу независимым государством, были глубоко заинтересованы в том, чтобы независимая Польша была дружественным соседом, чтобы она не превратилась в плацдарм реакционных сил европейских монархий, враждебных республиканской России. Надлежало сделать все для того, чтобы не допустить такого положения, когда царская фамилия, лишенная престола в России, могла бы утвердиться на польском престоле. Реальность такой опасности тем более была очевидной, что русский император был одновременно польским королем, а брат Александра I Константин Павлович уже давно властвовал в Польше в качестве фактического царского наместника. В «Русской Правде» детально и со всей категоричностью подчеркивалось: «Так как сношения между государствами производятся через посредство их правительств, и потому твердость и дух сих сношений преимущественно зависит от образования правительств, то чтобы вследствие сего само устройство польского государства служило России залогом и обеспечением, а потому и постановляются главными условиями сего устройства, без коих не должна Россия даровать Польше независимость, следующие три:

а) верховная власть должна быть устроена в Польше одинаковым образом, как и в России...;

б) назначение и выбор всех лиц и чиновников во все правительственные и присутственные места должны происходить по тем же точно правилам в Польше, как и в России...;

в) всякая аристократия, хоть на богатствах и имуществах, хоть на привилегиях и правах родовых основанная, должна совершенно навсегда

[9] ВД, т. VII, стр. 121.
[10] Там же, стр. 122.
[11] Там же, стр. 121.
[12] Там же, стр. 123.
[13] Там же.

быть отвергнута и весь народ польский одно только сословие составлять...» [14].

Последний пункт трех основных условий предоставления Польше независимости говорит о том, что, борясь за ликвидацию в России строя, основанного на феодальных отношениях, русские революционеры не могли оставаться безразличными к тому, как будет решен этот важнейший вопрос в Польше. Имея довольно широкие контакты с передовыми представителями польской шляхты, как проживавшими на Волыни, так и часто наезжавшими сюда из Варшавы, а также с польскими офицерами, члены Южного общества были осведомлены о настроениях поляков: все они, за исключением части аристократии и земельных магнатов, ненавидели угнетавший поляков царизм, а многие польские шляхетские революционеры высказывались за коренное преобразование государственного строя и ликвидацию крепостничества.

Важное значение имел вопрос о будущей государственной границе между Россией и Польшей. Пестель исходил из того соображения, что Россия должна иметь прочные границы на западе. В «Русской Правде» указывается, что границы между Россией и Польшей должны определяться «российским правительством по правилу благоудобства для России» [15]. Отстаивая независимость Польши, русские дворянские революционеры исходили из предположения, что независимое Польское государство должно быть восстановлено в своих этнографических границах. Вместе с тем Пестель, общаясь с польскими помещиками с тех территорий, которые отошли к России по первым двум разделам Речи Посполитой, хорошо знал, что без территориальных уступок с русской стороны невозможно будет достигнуть союза с руководителями польского тайного общества. Давая впоследствии показания Следственному комитету, Пестель замечает, что «определение границ между Россиею и Польшею послужит поводом, по моим догадкам, ко многим затруднениям с польским обществом» [16].

В следственном деле Пестеля сохранилась карта России, на которой рукой автора «Русской Правды» проведена предполагаемая граница между Россией и Польшей [17]. В «Русской Правде» имеется ее описание, из которого следует, что к Польскому государству должны были отойти, кроме территории Королевства Польского, также Белостокская область, вся Гродненская губерния, часть Виленской, Минской и Волынской губерний [18].

«Русская Правда» могла стать отправным пунктом будущего союза русских дворянских революционеров с польским освободительным движением. В некоторой степени эту роль мог сыграть и конституционный проект Северного общества, хотя в проекте, составленном Никитой Муравьевым, мы не находим подробной разработки вопроса о независимости Польши [19].

[14] ВД, т. VII, стр. 123—124.
[15] Там же, стр. 125.
[16] ВД, т. IV, стр. 165.
[17] Карта воспроизведена в: ВД, т. VII, стр. 130—131.
[18] ВД, т. VII, стр. 125—126.
[19] По проекту Российской конституции, составленному Никитой Муравьевым в 1821 г., Польша не упоминалась в числе 14 держав предполагаемого Российского федеративного государства (см.: *Н. М. Дружинин.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 308).

2. Развитие польского национально-освободительного движения в 1815—1822 гг.

Часть Польши, захваченная Пруссией, была включена в состав Пруссии без оставления хотя бы намека на ее польскую специфику. Такая же судьба постигла и земли, присоединенные к Австрии. Центральной Польше, отошедшей к России и составившей Королевство (Царство) Польское, Александр I «даровал» конституцию. Она закрепляла факт вхождения Королевства в состав Российской империи, провозглашала польским королем русского царя[20]. Учреждался сейм, но фактически он должен был являться послушным орудием царя, так как Александр I лишил сейм законодательной инициативы и даже права утверждать бюджет Королевства.

На польских землях, как и в России, феодализм в первой четверти XIX в. уже находился в состоянии глубокого кризиса. На территории Королевства Польского особенно быстро росло число текстильных фабрик, вырабатывавших преимущественно сукна. Присоединение Центральной Польши к Российской империи открыло для польской промышленности русский рынок. Развитию промышленности и капиталистических отношений способствовало в некоторой степени и то, что в Королевстве Польском продолжало действовать положение конституции 1807 г. о личном освобождении крестьян.

Однако основу экономики страны составляло сельское хозяйство, в котором было занято свыше 80% всего населения. Производственные отношения в сельском хозяйстве продолжали носить феодальные черты. Помещикам непосредственно принадлежала половина всей обрабатываемой земли[21]. Остальная земля находилась в пользовании крестьян, за что, а также за инвентарь они должны были нести ряд повинностей в пользу помещиков, главным образом в форме отработок в хозяйстве феодала. Барщина составляла не менее, а в ряде случаев более 3—4 дней в неделю.

Катастрофическим было материальное положение многочисленного слоя мелкой шляхты. Мелкие землевладельцы, будучи не в состоянии приспособиться к складывавшимся капиталистическим отношениям, разорялись, а их землей завладевали более крупные[22].

Часть разорившихся мелких шляхтичей шла на службу к крупным помещикам в качестве управляющих, экономов, секретарей и т. п. Другие шли в города, поступали в учебные заведения. Особенно большой была тяга шляхетской молодежи к военной службе.

Процесс разорения части шляхты сопровождался обострением противоречий и борьбы внутри этого класса. Все более теряя свои привилегии и опускаясь до положения общественных низов, разорявшаяся мелкая шляхта была враждебно настроена по отношению к крупной и к защищавшему интересы этой верхушки царскому самодержавию. Она все настойчивее выражала недовольство существовавшими порядками и становилась на точку зрения необходимости широких социально-политических преобразований.

[20] «Конституционная хартия 1815 года...», стр. 41.

[21] *S. Kieniewicz.* Przemiany społeczne i gospodarcze w Królestwie Polskim (1815—1830). W., 1951, str. 18.

[22] По подсчетам польского историка Х. Грынвасера, в 20-е годы XIX в. 50% мелкой шляхты уже были безземельными (см.: *H. Grynwaser.* Demokracja szlachecka. Pisma, t. I. W., 1951, str. 220).

В условиях двойного гнета, испытываемого польским народом, росло и ширилось национально-освободительное движение, в котором все более четко выделялось его левое, революционное крыло, представленное шляхетскими революционерами.

Как и в России, первоначально участники движения использовали для своей организации уже готовую форму в виде масонских лож, служащих вместе с тем прикрытием далеко идущих целей. В первые десятилетия XIX в. масонство в Польше получило широкое распространение. Только на территории Королевства Польского в 1815 г. существовало 13 лож, объединяемых «Великим Польским Востоком». К 1821 г. их число возросло до 32.

Масонские ложи служили своеобразной отдушиной, используемой польской аристократией для выражения недовольства тем, что кое в чем ущемлялись ее привилегии.

Однако аристократию и земельных магнатов в связи с ростом антифеодального движения охватывал страх, бросавший их в объятия угнетавших Польшу монархий. Богатые слои легко и охотно шли на сделку с угнетателями за счет народа.

Тем не менее в ложах, существовавших в Королевстве Польском, в связи с постоянными нарушениями конституции стали раздаваться голоса, призывавшие к сопротивлению политике царизма в Королевстве. В ответ последовало повеление Александра I, осведомленного в какой-то степени о противоправительственной деятельности некоторых лож в России и в «литовских губерниях», о закрытии всех лож [23].

Но еще до закрытия масонских лож в них происходило резкое размежевание. Все чаще под прикрытием масонства стали появляться тайные организации, ставившие своей задачей борьбу за национальную независимость Польши [24].

Следующей ступенью в развитии движения шляхетских революционеров было возникновение тайной организации под первоначальным наименованием «Национальное масонство». Ее основание связано с именем выдающегося борца за свободу и независимость польского народа — Валериана Лукасиньского.

Сын обедневшего шляхтича, Лукасиньский, не имея средств для получения образования, поступил на военную службу, пройдя путь от рядового солдата до майора. Одновременно он старался восполнить отсутствие систематического образования, познакомился с произведениями прогрессивных мыслителей XVIII в., изучил идеи и проекты социальных реформ представителей польской прогрессивной мысли — Сташица и Коллонтая.

В среде прогрессивно мыслящего польского офицерства Лукасиньский нашел единомышленников, и в мае 1819 г. взял на себя инициативу основания тайного общества. Прошло немногим более года, и «Национальное масонство» выросло в крупную организацию, насчитывавшую до 200 членов [25]. Организация имела членов и за пределами Королевства — в Познани, на Волыни и в литовско-белорусских губерниях. Быстрый численный рост имел и свою отрицательную сторону. Наряду

[23] Царский указ от 1 августа 1821 г. гласил: «Все общества, под каким бы наименованием они ни существовали, как то масонские ложи и др..., закрыть и учреждения их впредь не допускать» (см.: *В. И. Семевский.* Декабристы-масоны. «Минувшие годы», 1908, № 2, стр. 46).

[24] В 1817—1820 гг. появляются, например, тайные организации польских студентов — «Панта Койна», «Союз свободных поляков» и др.

[25] *Sz. Askenazy.* Łukasiński. W., 1908, t. I, str. 250.

с преданными делу национально-освободительной борьбы в организацию проникали также неустойчивые и просто ненадежные люди. Появилась реальная угроза раскрытия, пошли слухи о провале познанского филиала организации.

В этой обстановке Лукасиньский решил объявить о роспуске «Национального масонства». Это было сделано для того, чтобы запутать следы, очистить организацию от ненадежных и неустойчивых элементов и создать новую, более законспирированную. С этого момента (осень 1820 г.) ведется кропотливый подбор надежных людей для новой тайной организации. Всю подготовительную работу вели Лукасиньский и его друзья — люди, подобные ему,— без значения и знатного происхождения, как он писал впоследствии [26]: адвокат Якуб Шредер, отставной полковник Августин Шнейдер и другие, ранее составлявшие руководящее ядро «Национального масонства». 1 мая 1821 г. Лукасиньский и его единомышленники под предлогом выезда на пикник собрались в Белянах под Варшавой и положили начало тайной организации под названием Национального Патриотического общества. Был образован временный Центральный Комитет, в состав которого вошли Валериан Лукасиньский, референдарий государственного совета Кароль Вежболович, журналист Теодор Моравский, помещики Бруно Кициньский и Людвик Собаньский, майор Игнаций Прондзиньский.

Участники съезда приняли присягу, в которой, между прочим, говорилось: «...Клянусь пред богом и отечеством и обязываюсь своей честью, что все свои силы буду употреблять на восстановление моей несчастной, но любезной матери-отчизны, что для ее свободы и независимости я буду жертвовать имуществом и жизнью» [27].

Руководители Патриотического общества стремились превратить его в широко разветвленную организацию. Устав общества предусматривал создание семи филиалов — «провинций», которые, в свою очередь, состояли каждая из трех округов. В округ входило от 3 до 9 ячеек (гмин), создававшихся при наличии трех членов общества. В течение лета и осени 1821 г. были образованы пять провинций: Варшавская, включающая Королевство Польское, Познанская, Литовская, Волынская и Военная (в армии). Происходит рост числа членов, особенно в Королевстве Польском (в списке общества, составленном после его раскрытия Следственным комитетом на основании показаний подсудимых, числится 154 члена) [28].

Патриотическое общество не было однородным по своему составу. Хотя руководители общества, являвшиеся выходцами из среды мелкой шляхты, стремились вербовать членов из той же среды, в общество вошли представители богатой шляхты, близкой к чиновным верхам. Это наблюдалось главным образом в литовско-белорусских губерниях и на Волыни, где руководство провинциями оказалось в руках местных крупных помещиков. Это явилось одной из главных причин того, что Цент-

[26] *П. Ольшанский.* Последняя рукопись Валериана Лукасиньского. «Славянский архив». М., 1958, стр. 57—58.

[27] «Государственные преступления в России в XIX веке». Штутгарт, 1903, т. I, стр. 131.

[28] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 328, лл. 64—75 (именной список членов польских тайных обществ). Как показали подсчеты, проведенные впоследствии историками, фактически число членов общества было намного большим. Так, в списке, составленном польским историком Г. Дылёнговой в результате тщательного изучения документальных материалов и других источников, фигурирует 239 фамилий (см.: *H. Dylągowa.* Towarzystwo Patriotyczne i sąd sejmowy. 1821—1829. W., 1970, str. 331—335).

ральному Комитету в первый период не удалось, несмотря на попытки, установить связь с русскими тайными обществами.

Руководителями Патриотического общества не было выработано стройной и четкой социально-политической программы.

Как свидетельствуют источники, Лукасиньский и его единомышленники, наряду с борьбой за независимость Польши ставили перед собой цель демократизации общественного строя и ликвидацию феодального гнета, хотя, как видно, у них самих не было ясности в том, как далеко должны были простираться предполагаемые реформы. До нас дошли отголоски жарких споров на эту тему внутри руководящего ядра общества, так и не вылившихся в единое мнение и не принявших вид программного документа.

В своих воспоминаниях, написанных в заточении в Шлиссельбургской крепости, В. Лукасиньский критикует «дарованную» Александром I конституцию Королевства Польского именно за то, что она не уничтожила феодального гнета. Резко отрицательно высказывался он и о конституции 1791 г.— опять-таки за ее недемократичность. Во время споров о будущей конституции возрожденной Польши Лукасиньский категорически протестовал против предложения члена Центрального Комитета общества генерала Яна Непомуцена Уминьского использовать некоторые положения этой конституции при выработке программы Патриотического общества. «Оставь это, генерал, и спрячь эту старую мебель, она годится в музей древностей, но не для употребления»,— заметил Лукасиньский своему оппоненту[29]. На допросе по делу Патриотического общества в 1826 г. он сказал, что его намерением было «при помощи общества произвести реформу в правительстве».

Активным элементом польского национально-освободительного движения являлась студенческая молодежь. В этом отношении особенно выделялись Варшавский и Виленский университеты. В этих университетах среди студентов преобладал мелкошляхетский элемент, уже по своему социальному положению питавший неприязнь к крупной шляхте и склонный к восприятию идеи демократических преобразований.

Большую роль в формировании свободолюбивых идей у студенческой молодежи сыграли, наряду с проникавшими в его среду произведениями польских и французских прогрессивных мыслителей, также и прогрессивно настроенные профессора. Среди них видное место занимает Иоахим Лелевель, выдающийся польский историк и общественный деятель, идеолог революционного крыла польского национально-освободительного движения. Уроженец Варшавы, Лелевель учился в Виленском университете, а позднее получил там же профессорскую кафедру[30]. Его лекции по древней и средневековой истории были проникнуты демократическими идеями. Лелевель имел тесное общение с прогрессивно настроенными студентами, являясь их любимцем и идейным руководителем. Эта деятельность Лелевеля в значительной степени подготовила условия для образования осенью 1817 г. конспиративной организации студентов Виленского университета под названием общества филоматов[31]. Его руководящее ядро составили Адам Мицкевич, Томаш Зан, Ян Чечот, Францишек Малевский, Казимеж Пясецкий, Теодор Лозиньский,

[29] Biblioteka PAN w Krakowie, rkp. 2228, t. I, k. 111.

[30] И. Лелевель преподавал в Виленском университете с мая 1815 г. В 1818 г. он в связи с открывшейся вакансией в Варшавском университете переехал в Варшаву. В 1821 г. Лелевель возвратился в Вильно, где до 1824 г. читал лекции по истории (см.: *С. Кеневич.* Лелевель. М., 1970, стр. 17, 19, 21).

[31] *С. Кеневич.* Лелевель, стр. 23.

Онуфрий Петрашкевич, Юзеф Ежовский, Игнаций Домейко, Ян Соболевский. Общество филоматов создало вокруг себя несколько легальных и полулегальных студенческих кружков — «Союз литераторов», «Союз натуралистов» и др. В 1820 г. было создано довольно многочисленное легальное общество лучистых (promienistych), которое составилось из наиболее надежных и активных членов упомянутых кружков. Они проводили «маевки» и разного рода собрания, на которых филоматы читали революционные стихи, произносили противомонархические речи. Сведения об этом дошли до ректора, и собрания «лучистых» были запрещены. Это побудило филоматов реорганизовать общество и усилить конспирацию. Отобрав наиболее надежных студентов из числа «лучистых», Томаш Зан основал из них тайное общество филаретов, которое стало низшей ступенью более узкого и более законспирированного общества филоматов.

Устав общества филаретов содержал в основном нравственно воспитательные статьи. Политическая программа филоматов выясняется из не попавшей в руки полицейских следователей, но сохранившейся и впоследствии опубликованной переписки членов общества, а также протокольных записей речей и рефератов, произносившихся на тайных собраниях филоматов[32]. Из этих документов явствует, что филоматы ставили своей целью, помимо борьбы за независимость Польши, также борьбу за ликвидацию феодально-крепостнических отношений, демократизацию политической жизни, за то, чтобы «вырвать власть из рук деспота»[33], а также широкое развитие народного просвещения.

В эти же годы в Варшаве возникла и действовала другая тайная революционная организация студенческой молодежи — «Союз свободных поляков». Основание ее относится к 1820 г. Союзу удалось наладить издание своего печатного органа «Декады польской», редактором которой был один из основателей организации Виктор Хельтман.

Во вступительной статье первого номера, вышедшего в начале 1821 г., «Декада» провозглашала идеалы, за которые боролся Союз свободных поляков: установление общественного строя, где «исчезнут несправедливые законы, препятствующие людям развивать свои способности, исчезнет различие сословий, а высокообразованный шляхтич будет цениться наравне с бедным крестьянином, несправедливо притесняемый найдет защиту против сильных»[34]. По признанию на следствии одного из руководителей Союза — Маврикия Мохнацкого — «Декада» «сеяла начала антиправительственные и антимонархические, стремление к форме представительного правительства и неограниченной свободы»[35].

Союз свободных поляков, как и общество филоматов, имел разветвленную сеть тайных студенческих кружков и обществ, через них, а также посредством «Декады» осуществлял влияние на довольно широкий круг учащейся молодежи польской столицы. В Союзе на идеях «Декады» выросли такие видные впоследствии деятели польского революционного движения, как Виктор Хельтман, Людвик Пёнткевич, Юльян Люблиньский.

Весной 1821 г. по указанию великого князя Константина Павловича «Декада» была закрыта, а руководители Союза свободных поляков,

[32] «Archiwum Filomatów», cz. I. Korespondencja, t. I—IV. Kr., 1913; cz. II. Materiały do historii towarzystwa filomatów, t. I—III. Kr., 1920—1924.
[33] «Archiwum Filomatów», cz. II, t. III, str. 358.
[34] «Dekada Polska», N 1, str. 53.
[35] AGAD, Tajna kancelaria Konstantego, vol. 620, str. 8.

являвшиеся ее издателями,— Хельтман, Пёнткевич, Ксаверий Брониковский и др. были арестованы и преданы суду. Люблиньский был под конвоем выслан из Варшавы по месту жительства, в город Новоград-Волынский, где вскоре стал одним из организаторов декабристского Общества соединенных славян.

Революционные настроения получили распространение также и среди части гимназической молодежи. Виктор Хельтман с помощью брата Юзефа, учащегося 6-го класса Свислочской гимназии, основал там в 1819 г. Общество любителей наук и отечественной словесности и составил для него устав. Какую цель должно было преследовать свислочское общество, видно из письма В. Хельтмана его членам от 26 декабря 1819 г. Он писал, что в молодых людях, объединившихся в общество, он видит «борцов за возвращение свободы и вольности... Соединиться должны отдаленные части народа взаимным узлом дружбы, наук и общественного блага...» Письмо заканчивалось ободряющим призывом: «Да воодушевит один дух граждан одного отечества, хотя не одного края, а в случае нужды уметь они будут соединить силы так, как соединили сердца и умы свои. На сих то, по виду слабых, основаниях может воздвигнуться прочное народного счастья существование, которого разрушить никакая сила не будет в состоянии. Не было еще того тирана, который мог бы победить мнения или же дух народный истребить...» [36]. Общество насчитывало 15 членов [37].

Свислочское общество, однако, не успело развернуть сколько-нибудь активной деятельности, а с арестом В. Хельтмана и разгромом Союза свободных поляков оно и вовсе замерло. Но революционный дух в гимназии продолжал существовать, о чем свидетельствовала та легкость, с которой там была создана через два года новая тайная организация.

В 1823 г. возникла тайная организация в Белостокской гимназии под названием общества «Согласных братьев». Она была создана одним из учащихся этой гимназии, Феликсом Ляховичем, по поручению члена общества филоматов Михала Рукевича, который по окончании Виленского университета жил под Белостоком в своей деревне и вел конспиративную революционную деятельность. Через Рукевича общество «Согласных братьев» было связано с тайной организацией «Военных друзей» в Литовском корпусе. Руководитель «Согласных братьев» Ф. Ляхович, укрепив свою организацию, переехал в Свислочь, где в том же году создал новую тайную организацию, которая, однако, вскоре, в связи с начавшимися арестами филоматов, распалась.

3. Зарождение русско-польского революционного союза в военных частях царской армии. Взаимные поиски связей. Общество соединенных славян

Важной предпосылкой установления русско-польского революционного союза была взаимная симпатия передовых представителей обоих народов, несмотря на насаждение неприязни господствующими классами обеих стран. Непредубежденные поляки видели, что источником их угнетения является не русский народ, а русское правительство. В. Лукасиньский, например, в своей шлиссельбургской «Записке», вспоминая

[36] «К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819—1823 гг.». Варшава, 1898, стр. 5.
[37] Там же, стр. 8.

о жестоком подавлении польского восстания 1794 г., обвиняет в жестокостях русский царизм, называя его «мстительным», «неблагоразумным». С возмущением и болью, пронесенными через долгие годы заключения в крепости, Лукасиньский вспоминал о жестокости великого князя Константина Павловича по отношению к польским солдатам и даже офицерам: «Тем самым цесаревич разжигал вражду поляков к русским», «отыскивал разные средства для искусственного сеяния ненависти и недоверия между русским и польским войском»[38]. Лукасиньский был убежден в жизненной необходимости тесной дружбы между свободными и равноправными народами — русским и польским. «В случае... независимости Польши,— писал Лукасиньский,— при помощи благоразумной и умеренной политики можно приобрести в ней доброго и дружественного соседа и, таким образом, оба народа, живя мирно друг с другом, общими силами будут трудиться для своего благополучия». И наоборот, писал он, поляки и русские «будучи соседями, никогда не будут счастливы, если сохранят старинную ненависть и станут вредить друг другу»[39].

Польские революционеры внимательно следили за ростом революционных настроений в России, особенно в русской армии.

Оживленно и с сочувствием обсуждались в кругах прогрессивно настроенных польских офицеров известия о возмущении в Семеновском гвардейском полку осенью 1820 г. В Варшаву через членов Патриотического общества, живших на Волыни, проникали вести о существовании в русской армии тайных революционных обществ. Поэтому летом 1821 г. Лукасиньский дал указание членам общества на Волыни и в литовско-белорусских губерниях представить информацию о русских тайных обществах. Вскоре из Вильно были получены сведения о революционном брожении в царской гвардии, находившейся осенью 1821 г. в Литве, что гвардия готова «к поднятию знамени бунта». Члены Патриотического общества сообщали в Варшаву Лукасиньскому, что в России «есть много граждан, которые для одного с нами дела готовы пожертвовать своими имениями»[40].

Руководители польского общества, обобщив сведения, полученные из Вильно и с Волыни, пришли к выводу о возможности в недалеком будущем выступления «войска как польского, так и русского, в котором уже одинаковый господствует дух...»[41].

В это же время начались усиленные попытки установить непосредственные контакты с русскими тайными обществами.

Принятый Лукасиньским в конце 1821 г. в Патриотическое общество капитан (а вскоре подполковник) Северин Кшижановский, родом с Волыни, где продолжали жить его родители, вскоре получил поручение главы общества установить связь с тайным обществом, которое, по имевшимся уже у Лукасиньского данным, существовало в среде офицеров войск, расквартированных в украинских губерниях. Кшижановский взял отпуск под видом поездки к родным, в начале 1822 г. он сообщил Лукасиньскому о существовании русского Южного общества и намерении этого общества свергнуть царя и провести демократические реформы. Руководители Патриотического общества решили без промедления начать через того же Кшижановского переговоры с русскими револю-

[38] *П. Н. Ольшанский.* Последняя рукопись..., стр. 64.
[39] Там же, стр. 65.
[40] Biblioteka PAN, rkp. 2228, t. 2, k. 59.
[41] Там же.

ционерами об установлении союза. Член Патриотического общества Людвик Собаньский, приятель Кшижановского, показал на следствии по делу декабристов: «В 1822 году мне сказал Кшижановский в Варшаве, что в самой России существует либеральное общество, с которым мы имели намерение соединиться»[42].

Осуществлению этого намерения помешал арест летом 1822 г. ряда членов Центрального Комитета Патриотического общества — Шредера, Казимежа Махницкого, Игнация Доброгойского, Миколая Добжицкого, Адольфа Циховского, а 25 октября того же года — и самого Лукасиньского[43].

Благодаря исключительной выдержке Лукасиньского и его друзей царской полиции не только не удалось выловить всех членов Патриотического общества, но и открыть его существование. Все арестованные сознались лишь в том, что являлись членами уже не существовавшей к тому времени организации «Национальное масонство». Благодаря этому Патриотическое общество было спасено от разгрома и через некоторое время возобновило свою деятельность, но уже под новым руководством, которое оказалось более консервативным[44].

Дальнейшее развитие движения русских дворянских революционеров и польского национально-освободительного движения с закономерной неизбежностью вскоре привело к прямому сотрудничеству русских и польских борцов за свободу. Раньше всего это произошло на юге, где было больше условий для установления контактов.

Местом первого проявления революционного сотрудничества русских и поляков суждено было стать декабристскому Обществу соединенных славян, у колыбели которого стояли русские Петр и Андрей Борисовы и поляк Юльян Люблиньский.

Сыновья обедневшего мелкопоместного дворянина Петр и Андрей Борисовы вступили в военную службу в 1816 г. юнкерами. Юноши прониклись протестом против чудовищного унижения человеческого достоинства, жестокости начальников по отношению к подчиненным, против насилий, с которыми они столкнулись, едва переступив порог казармы. У братьев Борисовых рождается решимость отдать себя борьбе с неравенством и несправедливостью, порожденными самодержавным строем. Найдя единомышленников среди юнкеров и низших офицеров, они основали в 1818 г. тайную организацию под названием «Общества друзей природы». Начав с проблем нравственного усовершенствования самих себя, Борисовы, однако, вскоре стали думать о том, чтобы придать своей организации политический характер и поставить цели, которые бы отвечали идеалам передовой части военной молодежи.

В 1821 г. 8-я артиллерийская бригада, где служили Борисовы, была переведена в Новоград-Волынский. Здесь в 1822 г. состоялось их знакомство с высланным из Варшавы в кандалах и под конвоем членом Союза свободных поляков Юльяном Люблиньским.

Борисовы пригласили Люблиньского вступить в члены своего тайного общества. Ознакомившись с «правилами» Общества друзей природы, Люблиньский, уже прошедший некоторую школу освободительной

[42] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 161.

[43] *H. Dylągowa.* Указ. соч., стр. 117. Лукасиньский, заключенный в тюрьму, уже не увидел свободы до своей смерти, последовавшей в Шлиссельбургской крепости в 1868 г. Шредер, Доброгойский и другие были приговорены к разным срокам заключения.

[44] *П. Н. Ольшанский.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959, стр. 62.

борьбы, впитавший революционные идеи «Декады», признал эти правила слишком наивными. Состоялся обмен мнениями относительно будущего программного документа. В результате идея демократических преобразований, вынашиваемая Борисовыми и нашедшая полное одобрение Люблиньского, обогатилась новым весьма важным положением — об объединении славянских народов, выдвинутым Люблиньским. Нужно, говорил он, «искоренить ненависть, каковою пылаем друг к другу, а то через соединение отраслей славянских посредством катехизиса или правил, ибо мы все есть славяне и из одного племени происходим» [45].

Составленные новые «правила» (или — по некоторым источникам — «катехизис») включали лишь некоторые положения из правил Общества друзей природы, в основном же это была принципиально новая установка, воплотившая идею славянского единения на республиканской основе. Кроме «правил», был выработан текст торжественной клятвы, которую должны были на оружии давать вступающие в тайное общество. «Вступая в число Соединенных славян для избавления себя от тиранства и возвращения свободы, столь драгоценной роду человеческому,— гласит текст клятвы,— я торжественно присягаю на сем оружии на взаимную любовь. Клянусь быть всегда добродетельным и верным нашей цели. Пройду тысячи смертей, тысячи препятствий,— пройду и посвящу последний вздох свободе и братскому союзу благородных славян» [46].

Программа Общества соединенных славян определила и его состав, олицетворявший на деле русско-польский революционный союз. Кроме Люблиньского, в нем было еще несколько поляков, среди них — Тадеуш Жебровский, бывший ранее активным членом Виленского общества филоматов и приехавший по окончании университета на Волынь; юнкер Павел Головиньский; шляхтичи Хиполит Скальмировский, Островский, Невенгловский и др.

Из русских, кроме Борисовых, наиболее видными членами были офицеры 8-й и 9-й артиллерийских бригад прапорщики В. А. Бечаснов, А. В. Веденяпин, подпоручики И. И. Горбачевский, А. С. Пестов, поручик Пензенского пехотного полка П. Ф. Громницкий, капитан того же полка А. И. Тютчев и др. Всего к лету 1825 г. общество насчитывало свыше 50 членов.

В августе 1825 г. во время летних маневров члены Общества соединенных славян сблизились с офицерами других воинских частей и от них узнали о существовании Южного общества. Михаил Бестужев-Рюмин предложил «соединенным славянам» влиться в Южное общество, зачитал им «Русскую Правду», а затем обратился к ним с речью, заявив, что «Россия, освобожденная от тиранства, будет открыто способствовать цели Славянского союза: освободить Польшу, Богемию, Моравию и другие славянские земли, учредить в них свободные правления» [47].

«Соединенные славяне» с радостью согласились на слияние. «Мысль о силе Южного общества, надежда видеть при своей жизни освобождение отечества и других славянских народов увлекла совершенно славян»,— писал впоследствии, вспоминая об этом собрании, один из руководителей «славян», И. И. Горбачевский [48].

[45] ВД, т. V, стр. 419.
[46] Там же, стр. 12—13.
[47] *И. И. Горбачевский.* Записки и письма. М., 1963, стр. 11.
[48] Там же.

4. Контакты Южного общества декабристов с польским Патриотическим обществом

Энергично и настойчиво вело поиски контактов с польскими тайными обществами Южное общество. Удобным местом для этого были киевские контрактовые ярмарки, устраиваемые ежегодно в начале года. Сюда, в Киев, в это время съезжались русские офицеры из расположенных в окрестностях воинских частей, а также много поляков — окрестные и волынские помещики, а нередко наезжали поляки — гражданские и военные — из Варшавы и других польских городов. Здесь происходили новые знакомства и укреплялись старые. Вот как описывает атмосферу киевских контрактов декабрист Сергей Волконский: «У нас собирался кружок образованных людей, как русских, так и поляков, довольно большой по случаю съезда на контракты...», здесь велись споры по актуальным политическим вопросам, смело критиковалась внутренняя и внешняя политика царизма. Этому способствовала удаленность Киева от столиц, кишевших царскими ищейками. В Киеве, «...где ни предрассудки закоренелых недвигателей, лиц высшего общества, ни неусыпный и рабски усердный надзор полиции, явной и секретной, не клали помехи в широком действии и где съезд на контракты образованных людей давал случай узнавать людей и сеять семена прогресса политического»[49], происходило сближение между прогрессивно настроенными представителями обоих народов. Как признавал в своих показаниях на следствии А. Яблоновский, русские офицеры во время таких встреч говорили о своем недовольстве существующим строем[50]. Как свидетельствует участник этих встреч, уже известный нам С. Кшижановский, русские революционеры «говорили о желании русских переменить существующий ныне порядок»[51].

На одном из таких собраний, происходивших в январе 1823 г. в Киеве, в доме отставного генерала, героя Отечественной войны 1812 г. Н. Н. Раевского, в числе гостей были С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин, имевшие поручения директории Южного общества непременно установить связь с польским тайным обществом. Среди гостей был польский генерал граф Александр Ходкевич, отличавшийся, как заметили Муравьев и Бестужев, смелыми суждениями по политическим вопросам и выражениями сочувствия национально-освободительной борьбе. «Мы старались короче познакомиться с гр. Ходкевичем, коего, по образу его мыслей, мы предполагали членом польских обществ»,— признался Сергей Муравьев на допросе во время следствия по делу декабристов[52]. «Когда наша связь сделалась тесною,— добавляет Михаил Бестужев-Рюмин,— Ходкевич стал нам говорить о господствующем духе в Европе, о существующих повсюду тайных обществах и к сему прибавил: знаю, что у вас также оные составились». Русские собеседники графа Ходкевича подтвердили это. «Коль скоро мы в этом сознались,— свидетельствует далее Бестужев,— он нам открыл, что в Польше уже большое количество людей, самых просвещенных, соединилось с целью возвратить независимость отечеству»[53].

Бестужев и Муравьев стали просить Ходкевича помочь в установлении связи с польским тайным обществом. Ходкевич обещал.

[49] «Записки С. Г. Волконского», СПб., 1902, стр. 401.
[50] См.: «Государственные преступления в России в XIX веке», т. I, стр. 150.
[51] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 427, лл. 14—15.
[52] ВД, т. IV, стр. 282.
[53] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 323, л. 1.

Во время следующей встречи было условлено, что летом в Бобруйск, куда выедут Бестужев и Муравьев, приедет представитель польского общества для переговоров. Однако польский представитель не прибыл. Ходкевич заверил, что он будет непременно в Киеве во время контрактов в январе 1824 г.

Не дожидаясь зимней встречи, руководители Южного общества предприняли попытку теперь же установить контакты с польскими революционерами. Вероятно, располагая данными о существовании в Вильно филоматов, Бестужев летом 1823 г. предпринял поездку в Вильно[54], где пробыл несколько дней, встречался с членом руководства Литовской провинции Патриотического общества князем Константином Радзивиллом. Поездка Бестужева в Вильно не оправдала надежд руководителей Южного общества. Бестужев пытался завести с Радзивиллом разговор «о несовершенстве нынешнего правления и необходимости реформы оного» с целью склонить собеседника к установлению революционного союза между обществами. Однако высказывание русским революционером «своих взглядов и образа мышления», т. е. революционной программы, не встретило сочувствия у представителя польской аристократии, а лишь, как признает К. Радзивилл, произвело на него «невыгодное впечатление»[55].

Тем не менее поездка не была совсем бесплодной. Русские революционеры получили из первых рук сведения о польском национально-освободительном движении и могли учитывать это в своих планах действий. Кроме того, можно с полной уверенностью предполагать, что руководство Литовской провинции поспешило сообщить в Варшаву о переговорах с представителем русского тайного общества. Это не могло не сыграть известной роли в подготовке встречи в Киеве.

В январе 1824 г. под видом поездки на контрактовую ярмарку в Киев прибыли из Варшавы два представителя руководства Патриотического общества. Это были Северин Кшижановский и князь Антоний Яблоновский. На балу у генерала Н. Н. Раевского они встретились с М. Бестужевым и С. Муравьевым. Во время первой встречи выяснилось наличие полномочий и цели обоих обществ. На вопрос Кшижановского: «С какими намерениями вы хотите союза с нами?»— С. Муравьев столь же прямо и открыто ответил, что «первый их пункт есть независимость Польши»[56]. Далее С. Муравьев, по свидетельству Кшижановского, заявил: «Чувства народной ненависти, родившиеся во времена варварства, должны исчезнуть в просвещенном веке, когда известно, что пользы всех народов одни и те же; что на сем основании русское общество предлагает Польше возвращение прежней ее независимости и готово всеми средствами способствовать искоренению взаимной нелюбви двух наций». К этому заявлению М. Бестужев добавил: «Мы достигли такой степени цивилизации, что не величина народов, но учреждения делают их счастье»[57].

[54] Декабрист Матвей Муравьев-Апостол сообщил на следствии, что «в 1823 году директорият поручил моему брату и Бестужеву... собрать сведения об одном политическом обществе, которое должно существовать и в Царстве Польском и в наших польских губерниях. Служба не дозволяла брату моему делать частые отлучки. Бестужев принял на себя это поручение. Он совершил вояж в Вильну, где он должен был снестись с одним посланным от Польского общества» (ВД, т. IX, стр. 200).

[55] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 324, ч. III, стр. 290.

[56] Там же, ч. II, л. 103.

[57] Там же, л. 104.

Главным на переговорах был вопрос о совместном вооруженном выступлении против царизма. Поэтому во время первой же встречи Муравьев сказал Кшижановскому: «Поляки должны обязаться вместе с нами начать революцию». Польский представитель в ответ выразил полное согласие «действовать совместно», поставив условием, чтобы русские заблаговременно, точнее — за две недели, уведомили поляков о начале выступления.

В дальнейшем переговоры вели с польской стороны Кшижановский, постоянно держа в курсе переговоров Яблоновского; с русской стороны — Бестужев, «совещаясь обо всем с Сергеем Муравьевым»[58]. Глава Южной директории Пестель внимательно следил за ходом переговоров, тоже находясь в это время в Киеве. Он расспрашивал Бестужева о настроении и планах поляков, направляя переговоры, давая Бестужеву наставление, чтобы тот «не терял из виду выгодность нашего положения в отношении к полякам и им давал чувствовать, что мы без них очень можем обойтиться, но они без нас никак»[59].

Руководители Южного общества намеревались склонить поляков, в случае уничтожения всей царской фамилии в России, поступить таким же образом и с находящимся в Варшаве цесаревичем Константином Павловичем. Они понимали, что если цесаревич останется в живых, то он станет знаменем контрреволюционных сил, которые будут пытаться восстановить царский престол. Однако Кшижановский не выразил согласия на уничтожение цесаревича. В то же время он заверил Бестужева, что поляки не допустят возвращения Константина Павловича в Россию.

Что же касается вооруженных сил, находившихся в распоряжении великого князя, т. е. Отдельного Литовского корпуса, то Кшижановский сообщил С. Муравьеву и М. Бестужеву, что он располагает сведениями о недовольстве некоторых офицеров Корпуса, а также о брожении среди солдат[60]. Это свидетельствовало о наличии в Корпусе благоприятной почвы для ведения среди личного состава революционной пропаганды. Представители обоих обществ договорились о том, что будут приняты меры к установлению революционных связей с офицерами Корпуса с тем, чтобы добиться если не вооруженного выступления, то хотя бы нейтрализации в момент восстания.

Кшижановский обещал русским, что «ежели сей корпус объявит себя на стороне государя цесаревича, то общество обезоружит его или иным способом принудит к бездействию»[61] (под «иными способами» понималась работа среди офицеров корпуса с целью склонения их на выступление на стороне революции, о чем выше упоминалось).

Во время встреч обсуждался также вопрос о государственном строе в Польше после восстановления ее независимости. Как свидетельствует Бестужев, польские представители согласились на то, чтобы «принять правление республиканское»[62].

Участники переговоров обменялись мнениями и насчет будущей границы между Россией и Польшей. Русские революционеры, будучи решительными сторонниками воссоединения польских земель в едином государстве, в то же время считали, что воссоединенные с Россией украинские и белорусские земли должны будут остаться в ее границах. Эта

[58] ВД, т. IV, стр. 106.
[59] Там же, стр. 164.
[60] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 103 (показания Кшижановского).
[61] «Государственные преступления в России в XIX веке», т. I, стр. 152.
[62] ВД, т. IX, стр. 65.

концепция не совпадала с установкой руководителей польского Патриотического общества, считавших, что Польша должна быть возрождена в границах прежней Речи Посполитой. Опасаясь, что различие в мнениях о будущей границе может помешать достижению соглашения по главному вопросу — о совместной борьбе против царизма[63], руководители Южного общества готовы были оставить решение этого вопроса на будущее, лишь бы не расстроить наметившегося союза. Поэтому, как показывал на следствии С. Муравьев, во время переговоров с Кшижановским представители Южного общества избегали вести конкретный разговор о границах и «нарочно удаляли вопрос сей, могущий произвести лишь распри между нами и ими»[64].

Тем не менее в общих чертах и по этому вопросу соглашение было достигнуто. В передаче Бестужева этот пункт был сформулирован так: «Будет сделано новое начертание границ, и области, недовольно обрусевшие, чтобы душевно быть привязанными к пользе России, возвратить Польше». Далее шла оговорка: «При сем, кроме народности, будут наблюдаться также и местные выгоды, кои останутся на стороне России, дабы она имела хорошую военную границу».

Все вопросы, по которым было достигнуто соглашение, Бестужев изложил на бумаге в виде договора, содержавшего 14 пунктов взаимных обязательств, и представил директории Южного общества[65]. После ознакомления Пестеля и других руководителей общества с текстом договора он был в целях конспирации уничтожен (до нас он дошел в изложении М. Бестужева, сделанном для Следственного комитета).

Участники переговоров условились поддерживать постоянную связь между обществами. Связь должна осуществляться с русской стороны через Муравьева и Бестужева, а с польской — через проживавших в Киевской губернии поляков — членов польского Патриотического общества, председателя апелляционного суда Анастазия Гродецкого и помещика Антония Чарковского.

Таким образом, переговоры 1824 г. явились весьма важным этапом в истории зарождения русско-польского революционного союза. Во время киевских встреч была создана база для претворения союза в практические действия.

В конце января 1824 г., вскоре после завершения переговоров с представителями Патриотического общества, в Киеве состоялся очередной третий съезд Южного общества, на котором Бестужев рассказал о результатах переговоров с поляками. Сообщение о достигнутом (вероятно, предварительном) соглашении было встречено участниками съезда горячим одобрением. От имени общества они выразили Бестужеву «благодарность за его усердие при сношениях с польским обществом»[66].

Установление связи с польскими революционерами и достижение предварительного соглашения с ними о взаимодействии резко меняло ситуацию, позволявшую приблизить срок вооруженного выступления. Вышеуказанное обстоятельство заставило Пестеля поторопиться с поездкой в Петербург, куда он собирался ехать, выхлопотав длительный отпуск, чтобы договориться с руководителями Северного общества по ряду важных вопросов, связанных с согласованием дальнейших совместных действий. Необходимо было ускорить объединение Северного и

[63] *H. Dylągowa.* Указ. соч., стр. 184.
[64] ВД, т. IV, стр. 283.
[65] Текст договора см. ВД, т. IX, стр. 63—65 (в показаниях М. Бестужева Следственному комитету); *П. Ольшанский.* Декабристы..., стр. 103—105.
[66] ВД, т. IX, стр. 131.

Южного обществ в одно общество — без этого трудно было всерьез рассчитывать на успех восстания. Известие о соглашении с поляками, которое Пестель вез в Петербург, должно было, по его расчетам, в сильной степени способствовать склонению медливших северян к ускорению объединения и выработки новой, республиканской конституции.

Во время петербургских совещаний, которые велись с февраля по июль, выявились крупные разногласия между южанами и северянами по ряду программных вопросов. Если идея объединения обществ принималась всеми руководителями Северного общества, то ряд основных положений республиканской конституции — «Русской Правды», доработанный вариант которой Пестель привез с собой, встретил возражения с их стороны [67].

Подробному и всестороннему обсуждению на петербургских совещаниях подвергся вопрос о взаимодействии с польским национально-освободительным движением. Установление связей с Патриотическим обществом было встречено северянами весьма одобрительно. Однако члены Северной директории не поддержали намерений руководителей Южного общества идти на территориальные уступки Польше. Этот пункт соглашения с поляками встретил со стороны северян единодушное возражение. К. Рылеев, горячо отстаивавший пестелевскую идею о введении республики как в России, так и в Польше, решительно высказался против отдачи Польше украинских и белорусских земель. «Я сильно восставал против сего,— писал он в своем показании Следственному комитету,— утверждая, что никакое общество не вправе сделать подобного условия». По убеждению Рылеева, при установлении государственной границы с Польшей надлежит в первую очередь принять во внимание язык и вероисповедание населения спорных территорий. «Границы Польши,— указывал он,— собственно начинаются там, где кончаются наречия малороссийское и русское, или по-польски, хлопское [68]; где же большая часть народа говорит упомянутыми наречиями и исповедуют греко-российскую или униатскую религии, там Русь, древнее достояние наше» [69]. По мнению Рылеева, вопрос о территориальных уступках компетентен решать только лишь «Великий собор» [70], т. е. верховный государственный орган, избранный народом после уничтожения царского самодержавия.

К этому можно добавить свидетельство Никиты Муравьева о том, что на петербургских совещаниях «члены Северной Думы доказывали... Пестелю, сколь мера сия противна духу и самолюбию народа, привыкшего в продолжение двух веков приобретать, а не отдавать области» [71].

На петербургских совещаниях было решено созвать объединенный съезд обоих обществ в 1826 г. Было условлено, что Пестель займется составлением проекта плана начатия «решительных действий», а также нового проекта конституции, и оба эти документа представит на обсуждение объединительного съезда [72].

Возвратившись в конце июля 1824 г. из Петербурга на Юг, Пестель немедленно взялся за доработку конституционного проекта с учетом мнения членов Северной директории.

[67] Подробнее об этом см.: *М. В. Нечкина.* Движение декабристов, т. II, стр. 40—54.
[68] Здесь имеется в виду белорусский язык.
[69] ВД, т. I, стр. 180.
[70] К. Рылеев писал, что «подобные дела должны быть решены на Великом Соборе...» (там же).
[71] ВД, т. I, стр. 300.
[72] См.: *М. В. Нечкина.* Движение декабристов, т. II, стр. 53.

В то же время он живо интересовался состоянием контактов с поляками. Тут же по возвращении в Линцы, где стоял его полк, Пестель поехал в Белую Церковь, чтобы повидаться с находившимися там в лагерях М. Бестужевым и С. Муравьевым, и первым делом поинтересовался вестями из Варшавы. Пока утешительного было мало. После одобрения съездом Южного общества соглашения с Патриотическим обществом дело было теперь за поляками, и руководители Южной директории с нетерпением ждали из Варшавы сообщения об одобрении заключенного договора польским обществом.

Однако в течение всего лета так и не было получено ожидаемого известия из Варшавы. Как впоследствии выяснилось, Кшижановский и Яблоновский, прибыв в Варшаву, посетили главу Патриотического общества Станислава Солтыка и сделали отчет о результатах киевских переговоров.

Что-то мешало руководителям Патриотического общества созвать съезд или хотя бы Верховный совет (как теперь назывался руководящий орган общества) для обсуждения столь важного вопроса. Можно предположить, что истинной причиной было несогласие нового руководства, состоявшего, за исключением Кшижановского, из представителей богатых слоев, с некоторыми важными пунктами соглашения с русским обществом, такими, как установление республиканского строя, выступление против членов царской фамилии и т. п. В этом смысле Кшижановский, как глава делегации, не оправдал надежд графа Солтыка и его единомышленников. Он был один из немногих оставшихся на свободе соратников Лукасиньского. Этим объясняется то, что русские революционеры быстро нашли с ним общий язык и сравнительно легко достигли взаимопонимания. Иными были воззрения членов нового руководящего органа Патриотического общества, не шедших дальше конституционной монархии.

Время шло, а польские связные не сообщали ничего утешительного и даже уклонялись от встреч с русскими. Лишь в середине лета такая встреча состоялась в Киеве. До нас дошла в изложении польского связного Гродецкого речь, с которой обратился к нему Сергей Муравьев: «Чем объяснить, что вы, поляки, могущие у нас, русских, иметь единственную надежду подняться, не хотите с нами прийти к соглашению, не доверяете нам и не хотите с нами объясняться. Наш русский народ не хочет больше оставаться под властью самодержавия, хочет себе свободы и хочет иметь народное правление. Общество наше сильное... Большая часть войска с нами. Ваша судьба зависит от нас. Если общество Варшавское будет действовать с нами, страна ваша будет восстановлена в прежних границах и будет иметь самостоятельное, независимое политическое существование; если же с нами не соединитесь, то вы будете виновниками полного ее падения и всех ваших несчастий»[73].

Гродецкий обещал передать о разговоре в Варшаву, но и после этого ответа не последовало.

Это вызвало беспокойство руководителей Южного общества. После совещания с Пестелем в Белой Церкови Муравьев и Бестужев решили вновь встретиться со связным польского общества, через которого, наконец, получили ответ из Варшавы. Поляки предлагали встретиться для новых переговоров зимой, во время следующей киевской контрактовой ярмарки.

[73] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 330.

На этот раз Пестель, придавая очень важное значение переговорам, решил лично принять в них участие, объявив себя представителем «Петербургской директории», а С. Волконского назначив официальным представителем Южного общества.

В январе 1825 г. из Варшавы в Киев для переговоров прибыли А. Яблоновский и С. Кшижановский. С польской стороны в переговорах участвовал также Гродецкий. Встреча состоялась на квартире Волконского. Во время этих переговоров, как свидетельствует Пестель, подверглись обсуждению вопросы: о независимости Польши; о совместном выступлении, а также «о взаимном содействии на случай внешней войны», т. е. в случае иностранной военной интервенции; об образе правления в Польше; о судьбе цесаревича Константина Павловича; о взаимной информации и сношениях с тайными обществами в Западной Европе [74].

Вопрос о независимости Польши не вызывал никаких возражений, и об этом на переговорах 1825 г., по выражению Пестеля, было сказано «глухо»— лишь для того, чтобы подтвердить уже согласованное.

Главное внимание было сосредоточено на спорных вопросах, по которым либо во время прошлых переговоров не было достигнуто твердого согласия, либо возникшие новые обстоятельства требовали уточнения или пересмотра точек зрения.

В самом начале переговоров поляки заявили, что они хотят, чтобы Польша была восстановлена в ее прежних границах, включая Волынь, а также белорусские и литовские земли, отошедшие к России, и потребовали подтверждения согласия русских, высказанного во время прошлогодних переговоров лишь в общих чертах. Такая постановка не сулила благоприятного исхода переговоров, тем более что Пестель должен был учитывать отрицательное отношение руководителей Северного общества к территориальным уступкам, на которые шли южане в интересах установления союза с польским Патриотическим обществом. Опасаясь разрыва с поляками, Пестель старался уклониться от прямого ответа на требование польских представителей.

Касаясь этой темы во время допроса в Следственной комиссии, Пестель заявил, что во время переговоров с Яблоновским о территориальных уступках им, Пестелем, конкретно «не было ни о какой губернии упомянуто», а сказано лишь в общих чертах, что русские согласны «возвратить, что справедливо и возможно будет» [75]. При этом Пестель высказал польскому представителю мысль о том, что самым справедливым решением вопроса было бы проведение опроса населения спорных территорий: пусть жители «сами изберут, к какому народу пожелают принадлежать» [76].

В то же время Пестель старался сконцентрировать внимание своих польских собеседников на вопросе о возвращении Польше земель, отторгнутых Пруссией и Австрией. В ответ на заявление Яблоновского, что поляки хотят заручиться согласием русских содействовать возвращению Польше этих земель, Пестель «именем всех обществ», т. е. как Южного, так и Северного, заверил поляков, что «в том дает слово» [77].

[74] ВД, т. IV, стр. 85—86.

[75] Там же, стр. 165; т. X, стр. 130. Это подтверждает и декабрист В. Давыдов, показавший на допросе: «Как мне сказывал Пестель, положено было избегать говорить о границах, но польстить только надеждою, что будет сделана уступка, не могущая обессилить Россию». (ВД, т. X, стр. 204).

[76] Biblioteka PAN, rkp. 2228, t. 6, cz. II, k. 46.

[77] Подтверждение этих слов Пестеля мы находим и в показаниях члена Патриотического общества Станислава Карвицкого (ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 227).

Вновь был подвергнут обсуждению вопрос о государственном строе в Польше. Дело в том, что польские представители, в отличие от данного на переговорах 1824 г. обещания ввести и в Польше республиканский строй, теперь выразили склонность ограничиться конституционной монархией. Пестель с жаром доказывал важность для судеб революции введения и в России и в Польше одинакового, республиканского строя. Ему удалось добиться принятия компромиссного решения: поляки обещали в первый год «принять общий ход в революции». Как свидетельствует участник переговоров Гродецкий, «русские убедили, чтобы в первый год в возрожденной Польше было установлено правление обязательно такое же, как и в России..., а по прошествии года предполагалось Польше свободно установить у себя правление, какое она найдет нужным» [78].

Далее было условлено, что поляки примут меры к аресту всех членов царской фамилии, которые во время революции окажутся в Польше. Тем самым исключалась возможность для членов царской фамилии укрыться в Польше или через ее территорию бежать в страны Западной Европы. Представители Патриотического общества подтвердили свое обязательство поступить с цесаревичем Константином Павловичем «точно так же, как в России поступят с великими князьями», т. е. убить его, чтобы не допустить возвращения в Россию.

Было решено обоим обществам продолжать работу по установлению революционных связей в Литовском корпусе с целью склонить офицеров к выступлению в поддержку революционного переворота.

В завершение переговоров была достигнута договоренность о совместном вооруженном выступлении. Было условлено, что оба общества начнут революционные действия одновременно, с уведомлением друг друга за месяц до их начала.

В целях улучшения связи представители обоих обществ договорились, что выделенные связные (с польской стороны — А. Гродецкий, с русской — С. Г. Волконский) будут чаще встречаться друг с другом, для большей надежности установили еще одну линию связи: И. С. Повало-Швейковский (с русской стороны) — Петр Мошиньский (с польской). Кроме того, было сочтено нужным, чтобы в Варшаве находился представитель русского общества, который бы имел полномочия для ведения переговоров с руководителями Патриотического общества. Пестель сообщил полякам, что таким лицом будет являться находившийся в Варшаве в должности адъютанта великого князя подполковник М. С. Лунин.

Таким образом, переговоры 1825 г. закончились подтверждением большинства принятых раньше взаимных обязательств по совместным действиям, с которыми оба общества связывали успех предстоящей борьбы с царизмом. Для польских революционеров союз с русскими борцами за свободу открывал реальную возможность воплощения в жизнь идеи восстановления независимости Польши. Как свидетельствует Волконский, Яблоновский откровенно признал, что «прежде они думали не иначе начать действие свое как при возобновлении каких-либо бурных политических явлений в Европе, ныне же содействие Российских тайных обществ должно сблизить ожидаемый час возрождения их отечества» [79].

[78] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 324, ч. 11, лл. 332—333, 415.
[79] ВД, т. X, стр. 129.

* * *

В 1824—1825 гг. в русской армии возник новый революционный очаг, на этот раз в одной из частей Отдельного Литовского корпуса, таким образом, этот очаг оказался выдвинутым далеко на запад, под Белостоком, там, где уже начиналась этнографическая Польша.

Части Отдельного Литовского корпуса, сформированного в 1815 г., были расположены на территории литовских, белорусских и украинских земель, присоединенных к России в результате третьего раздела Речи Посполитой. Такое расположение и тот факт, что главнокомандующим корпусом являлся великий князь Константин Павлович, красноречиво говорили о том, что корпус предназначался как для охраны западных границ империи, так и особенно для подавления могущего вспыхнуть польского освободительного восстания.

Царское правительство бдительно следило за благонадежностью корпуса и старалось не допустить распространения среди личного состава духа недовольства и тем более революционных настроений.

Революционные же общества, как раз учитывая важную роль, которую мог бы сыграть корпус в будущих событиях, стремились вести в его частях революционную работу.

Выше упоминалось о договоренности между руководителями Южного общества и Патриотического общества относительно ведения работы по созданию тайных организаций в Литовском корпусе.

В этой связи необходимо коснуться роли одного из видных членов Южного общества — подполковника Михаила Лунина. Лунин, решивший уйти с военной службы и выхлопотавший себе отставку, неожиданно для окружающих вскоре после этого, в 1822 г., вновь поступил на военную службу и именно в Литовский корпус. Это обстоятельство впоследствии вызвало подозрение у членов Следственного комитета. Лунину был поставлен вопрос: «Какие имели вы виды в духе общества при избрании места службы в Литовском корпусе?». Лунин признался, что в этом случае он действовал «...сообразно правилам тайного общества»[80—82]. Числясь при Гродненском гусарском полку, Лунин, однако, большей частью жил в Варшаве, находясь при главнокомандующем Литовским корпусом великом князе Константине Павловиче в качестве одного из его адъютантов. Из показаний Пестеля и Яблоновского на следствии видно, что между ними была достигнута договоренность о поддержании контактов между Южным обществом и польским Патриотическим обществом через М. С. Лунина[83]. «Мы согласились,— признал на следствии А. Яблоновский,— что подполковник Лунин, находящийся в Варшаве, будет сноситься со мной или с Кшижановским, по всем вопросам, касающимся обоих обществ»[84].

Сведения о конспиративной деятельности Лунина в Варшаве весьма скудны. Руководители польского Патриотического общества, вероятно, предпочли умолчать о своих с ним контактах. Кшижановский, например, на допросе заявил Следственному комитету, что «...не только сам ни в какие сношения с подполковником Луниным входить... не хотел, но даже советовал кн. Яблоновскому, чтобы он с ним в контакты не входил»[85].

Лунин также не раскрыл своих связей с членами польского тайного общества. На требование Следственного комитета назвать руководителей

[80—82] ВД, т. III, стр. 125—126.
[83] «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 161—163.
[84] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 324, ч. 1, л. 7.
[85] Там же, д. 327, л. 606.

и членов тайных обществ Лунин заявил: «Я постановил себе неизменным правилом никого не называть поименно»[86].

Косвенное признание о контактах Лунина с Яблоновским, Кшижановским, Миколаем Ворцелем и другими видными деятелями Патриотического общества содержится в показании Кшижановского, проговорившегося во время упомянутого допроса о состоявшемся осенью 1825 г. выезде в угодье Оборы под Варшавой на охоту, в которой приняли участие руководители польского Патриотического общества С. Кшижановский, А. Яблоновский, М. Ворцель, Юзеф Мицельский, полковник Зелёнка и другие[87]. На эту охоту был приглашен также М. С. Лунин. Его участие в ней, вероятно, не было случайным. Следственному комитету не удалось выяснить, с какой целью была организована эта «охота», которую комитет прямо назвал «съездом». Но состав участников дает некоторое основание предполагать, что это было конспиративное совещание, в котором Лунин участвовал в качестве представителя русского тайного общества.

На конспиративные связи Лунина в Литовском корпусе и на контакты его с руководящими членами польского тайного общества проливают некоторый свет донесения полицейских сыщиков, хранящиеся в Архиве древних актов в Варшаве. Правда, они относятся уже к последнему периоду пребывания Лунина в Варшаве, когда за ним, в связи с раскрытием русских тайных обществ и их связей с польским обществом, была установлена тщательная слежка (арестованные члены Южного общества назвали Лунина в числе членов тайной организации). Так, сыщик Шлей — агент тайной полиции великого князя Константина Павловича, приставленный следить за Луниным, ежедневно доносил о каждом шаге Лунина.

Нужно полагать, что Лунин предпринял некоторые меры предосторожности. Тем не менее из донесений следует, что Лунин даже в эти дни не прекращал контактов с польскими революционерами. Он встречался, в частности, с С. Кшижановским, А. Яблоновским, с членом Патриотического общества отставным офицером — подполковником лейб-гвардии конно-егерского полка, входившего в состав Литовского корпуса, Зелёнкой и др. Так, в донесении упоминается, что 30 декабря 1825 г. Лунина навещали «отставной офицер Зелионка»[88], а также офицеры: «подполковники корпуса Дризен и Большвин».

Встречи Лунина с деятелями польского Патриотического общества, как видно из донесений полицейских агентов, продолжались вплоть до его ареста, происшедшего 9 апреля 1826 г.

В своих письмах из сибирской ссылки Лунин, неоднократно выражая возмущение по поводу угнетения Польши царизмом и проявляя свои симпатии к польскому народу, приоткрывал то, о чем он умалчивал перед следствием. В письме к сестре от 9 июня 1838 г., касаясь действий императорского комиссара в Королевстве Польском Новосильцева по ограничению и «урезыванию» конституционных свобод, «дарованных» Королевству Александром I, Лунин писал: «Когда он (Новосильцев.— *Л. О.*) был главой дел в Варшаве, я противодействовал принятой им системе...»[89]. В другом письме, датированном 21 июля 1840 г., Лунин вновь возвращается к этой теме. «Я боролся в Варшаве,— пишет он,— против системы, принятой в Польше, и обнаружил ее гибельные послед-

[86] ВД, т. III, стр. 117.
[87] ЦГИА СССР, ф. 1345, д. 38, л. 15.
[88] Там же, ф. 48, д. 327, л. 606.
[89] «Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма». Пг., 1923, стр. 40.

ствия. Меня осудили на смерть. Четыре года спустя Польша восстала...» [90].

Руководители Южного общества понимали, что успех или неуспех планируемого похода восставших против царизма войск с юга на Москву и Петербург зависел от того, на чьей стороне будет Литовский корпус во время революции. В случае, если бы его войска оказались верными царю, это могло бы создать серьезнейшую опасность для левого фланга революционных войск во время этого похода. И наоборот — наличие в корпусе союзников во много раз повысило бы шансы на успех.

В революционизировании личного состава Литовского корпуса в такой же степени были заинтересованы польские революционеры: в случае восстания поляков им пришлось бы иметь дело с вооруженной силой царизма, прежде всего именно в лице этого корпуса.

Большую роль в установлении революционных контактов в корпусе сыграло виленское общество филоматов, многие члены которого по окончании Виленского университета возвращались в родные губернии, зачастую в те местности, в которых были расположены части Литовского корпуса, и легко могли устанавливать прямые контакты с офицерами. Руководители польского Патриотического общества, по всей вероятности, ухватились за эту возможность, используя установившуюся еще в 1822 г. связь с виленскими филоматами через литовский (виленский) филиал своего общества. Эта связь стала прочной, особенно после того как один из наиболее активных руководителей общества филоматов — Томаш Зан — был принят в члены Патриотического общества (февраль 1822 г.) [91]. Через него виленский филиал получал информацию о деятельности филоматов.

Летом 1820 г. в деревню Мильковщизна, невдалеке от города Белостока, в крошечное арендуемое имение возвратился из Вильно по окончании университета член общества филоматов Михал Рукевич. Отсюда он часто и надолго отлучался в Белосток, иногда навещал расположенные в его окрестностях местечки, заводил знакомства с офицерами воинских частей, стоявших в этих местечках. В одном из писем к виленским друзьям-филоматам, с которыми он не только не порывал связи, но и отчитывался перед ними о своей конспиративной деятельности, Рукевич сообщал, что он усиленно занимается подбором людей, которые бы могли «действовать в соответствии с общей целью» [92].

Вскоре Рукевич уже имел надежных людей среди офицеров Несвижского карабинерного полка, где служил друг его детства поручик Гофман. Через своего родственника Завадского Рукевич установил связи с офицерами Самогитского гренадерского полка. Гофман помог Рукевичу познакомиться с командиром 1-й роты Литовского пионерного батальона капитаном Константином Игельстромом, который в свою очередь свел его со своим двоюродным братом — поручиком Александром Вегеличым.

Знакомство Рукевича с Игельстромом имело особенно важное значение. Оказалось, что Игельстром тоже не новичок в конспиративной деятельности. В бытность свою в Волынском уланском полку он и Вегелин принадлежали к новогрудской масонской ложе «Узел единства», и в числе нескольких ее членов участвовали в тайной политической организации, имевшей название «Общество друзей».

Основателями «Общества друзей» были офицеры Волынского уланского полка — поручики Володзько и Хелмицкий и штабс-ротмистр

[90] Там же, стр. 59.
[91] ЦГАОР СССР, ф. 1068, д. 981, л. 32.
[92] «Archiwum Filomatów», cz. II, t. III, str. 97.

Куликовский. Ко времени его раскрытия общество насчитывало 25 членов — русских и поляков, служивших в Волынском уланском полку. После раскрытия общества его члены — офицеры полка — успели договориться между собой не говорить следствию о революционных целях общества и успели уничтожить все компрометирующие документы, в том числе и его устав [93]. Тем не менее офицеров, подозреваемых в участии в обществе, командование разбросало по другим воинским частям. Игельстром был переведен в Литовский пионерный батальон, где стал вести подготовку к созданию тайного общества. В одном из своих показаний следствию, сделанном в 1826 г., Игельстром писал, что начал создавать тайное общество в 1824 г., еще до знакомства с Рукевичем, и тогда же поделился своими конспиративными планами с Гофманом и Ананьяшом Тшебиньским [94].

Рукевич и Игельстром быстро нашли общий язык и стали вместе работать по созданию тайного общества, которое оформилось к лету 1825 г. и получило название «Общества военных друзей». Его структура и устав были заимствованы у общества филоматов. В этом видны сильное влияние и опыт Рукевича, который, как гласит заключение Аудиториатского департамента по делу о возмущении в Литовском пионерном батальоне, был «побудительною причиною поселившейся мысли... к заведению и усовершенствованию между военными офицерами тайных обществ, содействуя им своими советами к распространению таковых» [95].

В обществе были приняты две степени: высшую составлял руководящий центр общества — комитет, в который входили Игельстром, Вегелин, Гофман, а также вошедшие в общество несколько позже Тшебиньский и Петровский.

Основная политическая цель общества не дошла до нас в конкретизированном виде. Возможно, что она и не была еще четко сформулирована, так как в конце 1825 г. общество уже прекратило свое существование. Цель несколько выясняется из показаний членов руководства общества — Тшебиньского и Петровского. Первым об этом проговорился на допросах Следственной комиссии подпоручик Петровский, который даже назвал Общество военных друзей партией. Главной целью партии, по его словам, являлось «благо человечества» [96]. На следующих допросах, однако, он сообщил, что о вышеуказанной цели было сказано членам общества, принадлежавшим к его низшим ступеням. Более же конкретной целью общества являлась «вольность», причем об этой цели было известно лишь узкому кругу членов высшей степени так называемого Комитета [97]. Другой член руководства — Тшебиньский сознался, что общество имело тщательно разработанные «правила» или устав, а также сообщил текст клятвы, которую должен давать каждый вступающий в общество. Одним из пунктов «правил» является обязанность вербовки новых членов. Этот пункт гласит, что «члены должны стараться заводить знакомства с людьми просвещенными и хорошей нравственности, а найдя несколько таковых, с которыми можно говорить откровенно, постепенно наклонять их к составлению общества 2-й степени или присоединять их поодиночке, не объявляя однако же ни в коем случае о названии обще-

[93] *С. С. Ланда.* У истоков «Оды к юности». «Литература славянских народов», вып. 1. М., 1956, стр. 60.
[94] ЦГВИА, ф. 801, оп. 61, д. 45, ч. I, л. 1125.
[95] ВД, т. VIII, стр. 239.
[96] ЦГВИА, ф. 801, оп. 61, д. 45, ч. I, л. 970.
[97] Там же, л. 986.

ства, существовании комитета и членов оного...»[98]. По всей вероятности, «правила» были установлены Рукевичем, так как в них много общего с уставами филоматов. В пользу такого предположения говорит и то, что они, как показал Гофман, первоначально были написаны по-польски, и только затем переведены на русский язык[99]. Руководители Общества военных друзей намеревались, как видно из тех же «правил», распространить свою организацию во всем Литовском корпусе, с тем, чтобы в каждом полку была ячейка общества.

Вначале было условлено, что в обществе должны состоять одни только военнослужащие Литовского корпуса. Однако вскоре, видимо, по инициативе Рукевича, имевшего обширные знакомства среди учащихся и интеллигенции Белостока и окрестностей, руководители общества стали устанавливать связи в этих кругах местного населения. В июле 1825 г. к Обществу военных друзей было присоединено созданное при участии Рукевича в Белостоке тайное общество «Зорян», состоявшее в основном из учащейся молодежи и частично из интеллигенции, вышедшей из рядов обедневшей шляхты. Среди них — канцелярист белостокского суда Людвик Вроньский, служащий белостокского дворянского собрания Александр Гриневицкий, шляхтичи Ян Высоцкий, Феликс Ордыньский и др. «Зоряне» составили третью — низшую ступень Общества военных друзей, получившую название Общества согласия[100].

Вскоре «военные друзья» решили присоединить к своему обществу тайную организацию, созданную в 1823 г. в свислочской гимназии по типу белостокских «Зорян» учащимся белостокской гимназии Феликсом Ляховичем, с этой целью, по поручению Рукевича, переведшимся в Свислочь. Таким образом, Общество военных друзей быстро превратилось из узкой организации военнослужащих в более широкую, вовлекшую в свои ряды прогрессивные элементы местной польской, белорусской и русской интеллигенции, революционно настроенной шляхты и учащейся молодежи. Тем самым расширилась социальная база и сфера влияния «военных друзей».

События конца 1825 г. прервали дальнейшую деятельность общества в этом направлении.

5. Связи Северного общества декабристов с деятелями польского освободительного движения

Нити дружественных контактов соединяли русских революционеров с польскими борцами за свободу не только на Юге и Западе, но и на Севере, в Петербурге, хотя удаленность от польской территории, атмосфера столицы империи, наполненной агентами царской полиции, создавали большие трудности для осуществления контактов. Однако дух сочувствия угнетенному польскому народу, господствовавший в прогрессивных кругах России, позволял находить пути сближения между передовыми представителями обоих народов.

Приезжавшие в Петербург или проживавшие в российской столице поляки быстро сближались с представителями прогрессивной части русской интеллигенции, зачастую состоя в одной и той же организации.

Близкий друг виленских филоматов Винцентий Пельчиньский, прибыв в 1820 г. в Петербург, вскоре познакомился с членом «Вольного

[98] Там же, л. 971.
[99] Там же, л. 1196.
[100] Там же, л. 1079.

общества любителей российской словесности» писателем Н. И. Гнедичем. Через некоторое время он был принят в члены-корреспонденты этого общества, объединявшего многих передовых деятелей русской культуры, идейно близких к декабристам. Членами общества были К. Ф. Рылеев, Ф. Н. Глинка и другие декабристы. Выдающиеся польские ученые — Иоахим Лелевель и Самуэль Богумил Линде — были избраны почетными членами общества. В свою очередь прогрессивная научная и литературная общественность Польши подчеркивала свое уважение к русской культуре и ее деятелям избранием их в число членов своих научных обществ. Почетными членами варшавского Общества друзей науки состояли Г. Р. Державин, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский [101]. Среди близких друзей декабристов мы находим Зориана Доленгу-Ходаковского (псевдоним Адама Чарноцкого), прогрессивного польского историка и этнографа.

Прослеживаются русско-польские связи также по линии Вольного общества учреждения школ взаимного обучения, возглавлявшегося декабристами Ф. Н. Глинкой, В. К. Кюхельбекером, С. П. Трубецким.

Укреплялись русско-польские литературные связи. Русская литература 20-х годов XIX в. отражала борьбу нового со старым. Оформилась многочисленная группа прогрессивных литераторов, которая в своих произведениях разоблачала самодержавие, осуждала феодально-крепостнический строй, звала на борьбу с ним. Многие писатели являлись активными членами тайных декабристских обществ. Среди них — К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. А. Бестужев-Марлинский, А. И. Одоевский.

В организованном К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым ежегодном альманахе «Полярная звезда» сотрудничали лучшие и передовые литераторы того времени, идейно близкие декабристам и в своих произведениях выражавшие их идеи,— А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, Н. И. Гнедич, П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг, Д. В. Давыдов и др. [102]

Произведения передовых русских писателей и поэтов, как и декабристский альманах, были хорошо известны в Польше, они пользовались большой популярностью среди прогрессивных польских литераторов, способствуя взаимопониманию и сближению деятелей культуры обоих народов [103].

К. Ф. Рылеев, еще будучи в кадетском корпусе в Западной Белоруссии, познакомился с военными-поляками, изучил польский язык и перевел на русский несколько произведений польских поэтов. Вскоре Рылеев установил переписку с Ю. Немцевичем, произведения которого читал в оригинале и восторгался ими. Произведение Немцевича «Глинский» он не только перевел на русский язык, но и опубликовал в петербургском журнале [104]. Переводил Рылеев и баллады Адама Мицкевича «Лилии» и «Свитезянка».

Высланные в Россию царским правительством в связи с раскрытием общества филоматов его руководители — Адам Мицкевич, Юзеф Ежовский и Францишек Малевский, прибыв в Петербург в ноябре 1824 г., были приняты в среде декабристов как друзья и единомышленники. Мицкевич уже был известен в передовых кругах России как автор свободолюбивых поэтических произведений.

[101] *B. Białokozowicz.* Z dziejów wzajemnych polsko-rosyjskich związków literackich w XIX wieku. W., 1971, str. 20.
[102] *М. В. Нечкина.* Движение декабристов, т. II, стр. 91.
[103] *B. Białokozowicz.* Указ. соч., стр. 19.
[104] «Соревнователь просвещения и благотворения», 1822, № 9.

В Петербурге филоматы часто встречались с декабристами. Новый, 1825, год они встречали в кругу русских революционеров, на квартире Рылеева. В конце января 1825 г. филоматы были высланы из Петербурга в Одессу [105]. К. Рылеев и А. Бестужев вручили Мицкевичу для передачи жившему в Одессе своему другу поэту В. И. Туманскому записку, которая говорит о многом.

«Рекомендую тебе Мицкевича, Малевского и Ежовского,— писал А. Бестужев.— Первого ты знаешь по имени, а я ручаюсь за его душу и талант. Друг его Малевский тоже прекрасный малый. Познакомь их и наставь; да приласкай их, бедных...». На этом же листке — приписка рукой Рылеева: «Полюби Мицкевича и друзей его Малевского и Ежовского: добрые и славные ребята. Впрочем, и писать лишнее: по чувству и образу мыслей они уже друзья, а Мицкевич к тому же и поэт — любимец нации своей...» [106].

Живя в Одессе, Мицкевич и его друзья-филоматы встречались с членами польского Патриотического общества, в частности, с Петром Мошиньским. Во время поездки в Крым в июле — августе 1825 г. Мицкевич познакомился с поэтом Густавом Олизаром — членом этого общества, другом декабристов [107]. Получив разрешение переселиться в Москву, Мицкевич, по приезде туда, сошелся близко с московскими литераторами. Здесь же, посещая салон княгини Зинаиды Волконской, Мицкевич познакомился с А. С. Пушкиным, найдя в нем не только собрата по перу, но и единомышленника,— поэта-революционера —«хоть встретились немного дней назад, но речь вели они, как с братом брат»,— напишет впоследствии великий польский поэт о своих встречах с Пушкиным [108].

Мицкевич тяжело переживал арест и казнь друзей — декабристов. Впоследствии он посвятил им стихотворение «Русским друзьям».

6. Революционные русско-польские контакты накануне и в дни восстания декабристов

Руководители Южного общества намечали вооруженное выступление на конец лета 1825 г. Началом выступления должно было явиться убийство Александра I, в момент предполагавшегося смотра войск на Юге. Однако смотр был перенесен на весну 1826 г. и начало восстания, по согласованию между обоими декабристскими обществами, было перенесено на это же время. Об этом, вероятно, были уведомлены и польские революционеры: руководитель Литовского филиала Патриотического общества осенью 1825 г. дал указание членам общества, проживавшим в Вильно, «готовить к весне сабли» [109].

Развитие событий летом и осенью 1825 г. вынудило руководителей Южного общества переменить принятое решение.

31 августа неожиданно был отстранен от командования Алексопольским пехотным полком член общества, один из руководителей его Васильковской управы, И. С. Повало-Швейковский. Этот факт чрезвычайно встревожил южан, подозревавших, что командованию стало

[105] *С. С. Ланда.* Мицкевич накануне восстания декабристов. «Литература славянских народов», вып. 4. М., 1959, стр. 91; *Б. Ф. Стахеев.* Мицкевич и прогрессивная русская общественность. М., 1955.
[106] ИПППМ, т. II, стр. 44—45.
[107] А. Мицкевич находился на юге России с 17 февраля по 13 ноября 1825 г.
[108] *А. Мицкевич.* Соч., т. 3. М., 1952, стр. 266.
[109] ЦГАОР, ф. 48, д. 324, ч. III, л. 191 (Показание Юзефа Гружевского).

известно о принадлежности Повало-Швейковского к тайному обществу. В этом был почти уверен и сам Повало-Швейковский. Собрав в экстренном порядке своих друзей, он заявил им: «У меня отняли полк и видно хотят всех членов нашего общества по одному разобрать, но до того не надобно допускать... Когда один член в опасности, то сейчас надобно начать действовать...». Его поддержал руководитель Васильковской управы С. Муравьев: «Чего ожидать? Легко случиться может, что и другим командирам, принадлежавшим к обществу, откажут от полков, и тогда можно ли ожидать какого успеха? Надо решиться!» [110].

Было решено направить нарочного к Пестелю и к руководителям Северного общества в Петербург, уведомить членов, находившихся в этот момент в Москве, а также снестись с поляками, побудив их к одновременному выступлению.

Большую роль в принятии решения о начале выступления сыграло и то обстоятельство, что как раз в эти дни произошло присоединение к Южному обществу Общества соединенных славян. Это укрепляло силы революционеров, повышая шансы на успех восстания. Тем не менее невозможность снестись с руководством Южного общества, а тем более с северянами, а также с поляками, с той быстротой, которой требовали обстоятельства, была настолько очевидной, что руководители Васильковской управы были вынуждены отказаться от мысли о немедленном восстании. Им еще не было известно о том, что тем временем император Александр I проследовал из Петербурга в Таганрог, везя с собой два доноса о существовании Южного общества [111], а в середине октября туда прибыл командир 3-го резервного кавалерийского корпуса граф И. О. Витт с личным докладом об обществах.

Летом и осенью 1825 г. контакты руководителей Южной директории с польским Патриотическим обществом носили более или менее регулярный характер. Придавая взаимодействию с поляками весьма большое значение, встречи с представителями польского общества Пестель взял на себя. Он несколько раз встречался с ними в Бердичеве, Житомире и в других местах. К сожалению, до нас дошли лишь упоминания декабристов об этих встречах. Лишь об одной из последних встреч — о переговорах Пестеля с делегатом Патриотического общества польским полковником Петром Лаговским, состоявшихся в лесу под Луцком поздней осенью 1825 г., нам известны некоторые подробности благодаря оставленному воспоминанию об этой встрече самого П. Лаговского.

Польский представитель вновь потребовал согласия русских на возвращение Польше всех территорий, отошедших к России в результате разделов. Пестель ответил, что «это слишком много». В конце концов была достигнута договоренность провести опрос населения, «предоставив народам право решить, какую сторону они изберут» [112]. Состоялся также обмен информациями о ходе подготовки к одновременному выступлению, до начала которого оставалось примерно полгода.

Решимость поляков выступить вместе с русскими следующей весной укрепилась еще более в связи с присоединением к Патриотическому обществу общества тамплиеров, существовавшего на Волыни и ставившего своей задачей борьбу за восстановление независимости Польши с возвращением ей Волыни.

Неожиданная смерть Александра I 19 ноября 1825 г. в Таганроге застала врасплох революционные общества. Нужны были быстрые и

[110] ВД, т. XI, стр. 332, 173—174.
[111] См.: *М. В. Нечкина.* Указ. соч., т. II, стр. 196—198.
[112] Цит. по кн.: *Sz. Askenazy.* Łukasiński, t. II, str. 401.

решительные действия, к которым они не были готовы. Началась лихорадочная подготовка выступления, организаторы которого стремились использовать период междуцарствия в связи с отказом от престола великого князя Константина Павловича, которому уже начали присягать воинские части, в том числе и на Юге.

Южане считали, что восстание должно начаться в Петербурге арестом царской семьи и правительства, а войска, расположенные на Юге, должны были поддержать восстание, двинувшись на помощь восставшим.

Не имея сведений о ходе подготовки выступления на Севере и считая, что ждать нельзя, Васильковская управа Южного общества выслала гонцом члена общества А. О. Корниловича с поручением склонить руководителей Северного общества начать восстание, сообщив, со своей стороны, о готовности южан к действиям.

Корниловичу было поручено сообщить северянам о том, что восстание будет поддержано поляками, обещавшими «извести» цесаревича и парализовать действия Литовского корпуса против революции.

Корнилович прибыл в Петербург накануне событий 14 декабря и немедленно сообщил Трубецкому и Рылееву о решении Южного общества и о договоренности с поляками о взаимодействии, и в подтверждение столь важного обстоятельства передал им копию письма южан полякам, не оставлявшего сомнений в наличии договоренности с ними [113].

Сообщение посланца Южного общества, несомненно, еще более утвердило северян в их решимости начать восстание в день присяги Николаю I, придало уверенность в успехе. Однако как раз в день прибытия Корниловича в Петербург на Юге начались аресты членов общества, 13 декабря был арестован и Пестель. 14 декабря на Сенатской площади Петербурга состоялась схватка революционеров с царизмом, закончившаяся их поражением.

Весть о разгроме декабристов в Петербурге пришла на Юг 25 декабря.

Тем не менее Васильковская управа приняла решение немедленно действовать, рассчитывая при этом на помощь поляков. Печальная весть из Петербурга застала Сергея Муравьева-Апостола в Житомире. Первым шагом, предпринятым им, была встреча с находящимся неподалеку представителем Патриотического общества П. Мошиньским. Заручившись согласием поляков «соображаться» с действиями русских и выступить по получении от них уведомления о дне начала восстания, С. Муравьев написал записку в Васильков М. Бестужеву-Рюмину с указанием о подготовке к восстанию. Сам же с братом поспешил в Любар к члену общества Артамону Муравьеву, командовавшему Ахтырским гусарским полком: ему Сергей Муравьев намеревался поручить выступить первым.

В Любаре его настиг М. Бестужев, мчавшийся за ним вдогонку, чтобы сообщить, что за Сергеем Муравьевым уже высланы жандармы для ареста. Бестужев успел сообщить также о том, что собравшиеся в Василькове офицеры — члены общества — уже готовы к вооруженному выступлению и только ожидают приезда С. Муравьева, который должен возглавить восстание.

Артамон Муравьев отказался выступить первым, как это ему предлагали С. Муравьев и М. Бестужев. Тогда было решено, что начнет Черниговский полк. Братья Муравьевы и Бестужев немедленно отправились в Васильков. По пути они остановились в местечке Трилесы, где стояла

[113] См.: *П. И. Ольшанский.* Декабристы..., стр. 158.

рота, возглавляемая членом общества А. Д. Кузьминым. Оставив здесь Сергея Муравьева, Бестужев-Рюмин поехал в направлении Житомира и Новоград-Волынского для связи со Славянской управой общества и с представителями польского общества, намереваясь по пути своего следования посетить другие полки, чтобы склонить их командиров к выступлению.

Бестужев, вероятно, надеялся вновь связаться с членами Патриотического общества и через них передать в Варшаву условленный ранее сигнал к восстанию. Кроме того, он имел основание рассчитывать на поддержку со стороны довольно многочисленной местной польской шляхты, среди которой в этом направлении вели работу члены Общества соединенных славян. А незадолго перед описываемыми событиями руководителем Общества соединенных славян П. Борисовым был передан Бестужеву план участия Славянской управы в восстании, которым предусматривалось посредством членов общества — поляков «действовать на шляхту и склонить к участию в общем деле объявлением всеобщего восстания (pospolite ruszenie)»[114].

Эта работа не прошла даром. Царские агенты, наблюдавшие за поведением населения в период междуцарствия, доносили по начальству, что на Волыни и в Киевской губернии «явно обнаруживается участие гражданской части в заговоре»[115]. Возбуждению польского населения этих мест способствовали дошедшие сюда отголоски соглашения между русскими и польскими революционерами о совместном выступлении в виде слухов о том, что польские войска готовятся двинуться в направлении на Петербург.

Бестужев, по пути к руководителям Славянской управы, заехал в местечко Коростышев к своему польскому другу, члену Патриотического общества Густаву Олизару, через которого, возможно, надеялся установить связь с другими членами общества, жившими вблизи, а также с его руководством. Но здесь его ждала роковая весть. Олизар сообщил Бестужеву, что его уже разыскивают жандармы. Продолжать поездку к «славянам» было слишком опасно. Взяв предложенных Олизаром свежих лошадей, Бестужев помчался обратно в Васильков.

В ту же ночь в дом Олизара нагрянули жандармы, гнавшиеся за Бестужевым, и потребовали дать лошадей. В этом им было отказано, что задержало преследователей настолько, что Бестужев был уже для них недосягаем. Благодаря этой ценной услуге польского друга Бестужеву удалось благополучно добраться до Василькова, где он присоединился к восставшим черниговцам.

Оставшийся в Трилесах Сергей Муравьев был в ту же ночь (на 29 декабря) арестован прибывшими жандармами с помощью командира Черниговского полка Гебеля. Однако утром восставшие солдаты освободили Муравьева. С восставшей ротой он направился в Васильков и возглавил восставший полк (под его командованием в Василькове было пять восставших рот из семи)[116].

Восстание Черниговского полка, вспыхнувшее уже после того как царизм торжествовал победу в Петербурге, уже тем самым было обречено на неудачу. Тем не менее активное участие в восстании солдат, их боевой революционный дух позволяли руководителям Васильковской

[114] См.: *И. И Горбачевский.* Указ. соч., стр. 43.
[115] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 71, л. 2.
[116] Всего участвовало в восстании 987 солдат и офицеров Черниговского полка (см.: *М. В. Нечкина.* Движение декабристов, т. II, стр. 413).

управы сделать вывод, что еще не все потеряно, и восстание могло охватить все войска на Юге.

Однако Сергей Муравьев действовал нерешительно и вяло, вызвав разочарование и досаду у солдат своего полка и у членов Славянской управы, горевших желанием революционных действий, но, видя провал всего дела, не решившихся взяться за оружие.

В сложившейся обстановке, когда отсутствовал контакт между революционными центрами в самой России, трудно было рассчитывать на должное взаимодействие с польским центром национально-освободительного движения. Отнюдь не способствовало этому и то, что находившиеся в то время у руководства польским Патриотическим обществом представители магнатской, а потому консервативной части шляхты боялись движения народных масс, которое, возникнув в России, могло перекинуться в Польшу. Глава общества Солтык, не скрывая боязни народной революции, говорил, что в Польше революция «была бы еще страшней», так как «...все что наиболее знатное, было бы уничтожено, шляхта, землевладельцы были бы вырезаны...» [117].

В верхах Патриотического общества имело место колебание между республикой и конституционной монархией с перевесом в пользу последней, что нашло, между прочим, отражение в последней перед восстанием декабристов беседе Сергея Муравьева с графом П. Мошиньским, состоявшейся в Житомире 25 декабря 1825 г. [118] К сдержанности в вопросе о немедленном их выступлении польское руководство побуждало также известие о поражении восстания на Сенатской площади.

В то же время представители более демократических польских слоев выражали горячую симпатию к революционной, республиканской программе декабристов, о чем свидетельствуют уже приведенные факты сотрудничества поляков с русскими в составе единой революционной организации. К этому нелишне добавить, что мелкие шляхтичи, жившие в районе действия Общества соединенных славян, всячески старались принять участие в общей борьбе. В момент восстания Черниговского полка, когда члены Славянской управы — артиллеристы 8-й бригады приняли решение поддержать черниговцев, к ним приходили группы местных поляков и заявляли о своем желании «действовать и погибнуть вместе с артиллеристами за общее дело» [119]. Красноречивым свидетельством симпатии поляков к русским революционерам является стремление помочь тем из них, которые спасались от ареста после разгрома восстания. Так, одного из активных участников и инициаторов восстания, И. И. Сухинова, убегавшего от гнавшихся за ним жандармов, приютил у себя местный поляк, спрятав его у себя в доме, зная, что за эту услугу ему грозила по меньшей мере каторга. После того как непосредственная опасность миновала, гостеприимный хозяин, снабдив Сухинова деньгами, «отправил в путь с истинным желанием счастия» [120]. Монахини католического монастыря в Житомире предлагали членам Южного общества «скрыть их от поисков правительства», а затем переправить за границу [121].

Одним из отзвуков восстания на Сенатской площади явился бунт солдат пионерного батальона в Отдельном Литовском корпусе. Этот

[117] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 284.
[118] См. там же, ч. II, л. 20.
[119] О подобном факте упоминается, в частности, в «Записках И. И. Горбачевского» (см. стр. 46).
[120] *И. И. Горбачевский.* Указ. соч., стр. 95.
[121] См.: *М. В. Нечкина.* Движение декабристов, т. II, стр. 389.

бунт был связан с деятельностью Общества военных друзей. Весть о поражении восстания была получена в местечке Брянск, где стоял батальон, 19 декабря. Она взволновала «военных друзей». Фактический руководитель общества капитан Игельстром, за несколько дней перед событиями отстраненный от командования первой пионерной ротой «за найденные в оной неисправности», получил это известие, будучи в Белостоке. Он немедленно выехал в имение Завыки к Рукевичу, где вскоре собрались все члены комитета для обсуждения создавшегося положения. Было решено действовать, использовав полученные из Петербурга сведения о существовании там «двух партий» и большого числа противников воцарения Николая Павловича, о присяге которому уже рассылались приказы по войскам. Рано утром следующего дня часть членов комитета во главе с Игельстромом выехала в Белосток, заезжая в расположенные на пути воинские части и уговаривая знакомых и надежных офицеров организовывать сопротивление присяге. В Белостоке была быстро установлена связь с проживавшими там членами общества русскими и поляками, которые также стали «наклонять к непринятию присяги» знакомых им офицеров. Ничего не подозревавший о деятельности Игельстрома в Белостоке лично его знавший и находившийся там начальник штаба Литовского корпуса генерал-майор Вельяминов поручил Игельстрому срочно выехать в Брянск и доставить туда приказ о проведении присяги. Однако Игельстром, взяв приказ, поехал не в Брянск, а в Бельск, где стоял Самогитский гренадерский полк, и стал уговаривать офицеров не присягать Николаю I. В Брянск же он направил члена комитета подпоручика Петровского, которому поручил вместе с членом комитета Вегелиным уговорить свою 3-ю роту не присягать. На другой день Игельстром также прибыл в Брянск, где, как сказано в обвинительном заключении, употребил «все средства к возмущению офицеров и нижних чинов пионерного батальона». В день присяги, 24 декабря, когда батальон был выстроен в каре для присяги, распропагандированные Игельстромом и его друзьями солдаты с криком «ура» вышли из каре. Присяга была сорвана и, таким образом, как гласит цитированный выше документ, капитан Игельстром «возмутил весь батальон к неповиновению»[122].

Члены Общества военных друзей пытались побудить к непринятию присяги также 47-й егерский полк и другие части, но неудачно.

Вскоре последовали аресты Игельстрома, Вегелина, Петровского, Гофмана и других офицеров, участвовавших в организации волнений. В ходе следствия было раскрыто существование Общества военных друзей и в связи с этим были арестованы также польские революционеры — Рукевич, Гриневицкий, Ордыньский и др. Арестованные были преданы военному суду и приговорены к каторжным работам.

После разгрома движения декабристов началась жестокая расправа над его участниками. Со второй половины декабря 1825 г. до марта 1826 г. шли аресты подозреваемых в участии в заговоре[123].

В ходе следствия над декабристами была раскрыта связь с польским национально-освободительным движением. Это повлекло за собой аресты польских революционеров — членов Патриотического общества. Те из них, что проживали на территории российских губерний (18 человек),

[122] ВД, т. VIII, стр. 235—236.

[123] Всего по делу декабристов было арестовано более 3 тысяч человек, в том числе свыше 500 офицеров и свыше 2,5 тысяч солдат (см.: *М. В. Нечкина.* Указ. соч., т. II, стр. 394).

были увезены в Петербург и допрошены «высочайше утвержденным» Следственным комитетом по делу декабристов.

В результате допросов были выявлены многие новые имена участников польского Патриотического общества, проживавших на территории Королевства Польского [124].

Царским указом от 19 февраля 1826 г. был учрежден в Варшаве Следственный комитет «для открытия тайных обществ, существовавших как в Царстве Польском, так и в областях, присоединенных от прежней Польши к империи».

Всего через комитет прошло 154 подследственных, привлекавшихся по делу Национального патриотического общества. Однако многие из них в ходе следствия были освобождены. Следственный комитет предъявил обвинение в государственной измене лишь 8 подсудимым — членам Патриотического общества. Дело было передано сеймовому суду. Последний, однако, признал нужным провести новое следствие, которое было закончено к концу 1827 г.

Подсудимым инкриминировались по существу лишь недонесение о существовании русских тайных обществ и связь с ними. Поэтому приговор, вынесенный 30 июня 1828 г., касался лишь нескольких человек, среди которых на самый длительный срок (3 года) был осужден Кшижановский, остальные — Анджей Плихта, Францишек Маевский, Войцех Гжимала и др.— получили по 3 месяца тюрьмы. Глава Патриотического общества Солтык вовсе был признан невиновным. Мягкие приговоры, вынесенные обвиняемым, вызвали крайнее негодование Николая I, вначале не ставшего утверждать приговоры. Однако, опасаясь вызвать недовольство (что было особенно нежелательным в обстановке военного конфликта с Турцией), утвердил приговор суда, сделав выговор его членам и председателю Петру Белиньскому.

Ликвидация Патриотического общества лишь несколько затормозила, но не приостановила национально-освободительное движение в Польше. Этому способствовало и то, что большинство членов общества остались на свободе. Хозяйничанье царских чиновников в Королевстве Польском, грубые нарушения Николаем I конституции 1815 г., в частности — самовольное изменение состава сената — усиливали недовольство в стране, охватившее не только интеллигентов, учащуюся молодежь и военные круги, но и значительные слои шляхты.

Еще когда вершился суд над членами Патриотического общества, в Варшаве, под боком у Бельведера — резиденции великого князя Константина Павловича, стал складываться новый революционный центр — в среде военной молодежи. В конце 1828 г. оформилось тайное общество, ядром которого стала варшавская школа подхорунжих. Это общество, отделения которого вскоре появились в ряде воинских частей Варшавы, с самого начала поставило своей целью совершение военного переворота и создание революционного правительства, которое бы возглавило вооруженную борьбу за независимость Польши.

С 1829 г. политическая обстановка в стране стала быстро накаляться. Переломным моментом явилась манифестация 9 марта во время похорон видного общественного деятеля П. Белиньского, сыгравшего большую роль в вынесении сеймовым судом мягких приговоров членам Патриотического общества. Похоронное шествие явилось смотром сил, выступавших против царского гнета.

[124] Подробные показания о Патриотическом обществе дал князь Антоний Яблоновский.

В течение 1829—1830 гг. вновь сформировался и окреп радикально-демократический лагерь польского национально-освободительного движения, во главе которого стали историк Иоахим Лелевель, публицисты Мавриций Мохнацкий, Ксаверий Броникowский, Северин Гощиньский и др. Многие из них, в частности Мохнацкий и Броникowский, были членами Патриотического общества. Однако идея восстановления нарушенного союза с русским революционным движением, как решающего условия победы в национально-освободительной борьбе, в тот период не была осуществлена. Не кто иной, как Мохнацкий, проанализировал впоследствии первый этап этого союза, вскрыл ошибки и промахи поляков, их недоверие к русским революционерам и нерешительность в момент, когда надо было действовать. «Мы упустили, почти отвергли благоприятный случай, который не так скоро представится снова»,— писал он [125].

Это говорит о том, что представители левого крыла польского освободительного движения и после восстания 1830 г. все чаще обращались к мысли о союзе с русскими дворянскими революционерами в борьбе против общего врага — русского самодержавия.

Глава III

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПОД ЛОЗУНГОМ «ЗА НАШУ И ВАШУ СВОБОДУ» 1830—1856

1. Освободительные движения России и Польши в годы николаевской реакции

В истории России период с 1830 по 1856 г. является составной частью того первого этапа освободительного движения, который В. И. Ленин назвал дворянским, имея в виду основной класс, налагавший свою печать на движение [1]. Сравнительно немногочисленные и почти не связанные друг с другом оппозиционные группы или революционные организации царизму удалось ликвидировать либо в самом зародыше, либо вскоре после их возникновения [2]. Немного дольше других просуществовали кружки петрашевцев [3].

Хотя в революционном движении участвовали почти исключительно дворяне, их программа по своему объективному содержанию имела буржуазный характер. Дворянские революционеры, считавшие себя полноправными выразителями интересов всего народа, выступали за общедемократические преобразования, имея в виду прежде всего политические свободы. Что касается социального переустройства общества, то о нем до 40-х годов почти не говорилось вовсе; впоследствии соотношение между чисто демократической струей и идеями утопического социализма постепенно изменялось в пользу последних, но они все еще оставались на втором плане.

Социальный облик движения на протяжении дворянского этапа не оставался неизменным. Мы пока не располагаем здесь точными цифрами, но достаточно сравнить список участников декабристских организаций со списком петрашевцев, чтобы увидеть, в каком направлении шло развитие. По словам Н. П. Огарева, дело русской свободы в 1825 г. отстаивали «богатые дворяне из знатных семей», тогда как в конце 40-х годов «это уже были люди не из знатного, а скорее из среднего дворянства; даже один мещанин примкнул к ним» [4]. Не случайно в 40-е годы подлинным властителем дум передового общества стал революционер-демократ В. Г. Белинский, который, по словам В. И. Ленина, был «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении» [5].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

[2] *И. А. Федосов.* Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (революционные организации и кружки). М., 1958; *В. Г. Вержбицкий.* Революционное движение в русской армии (с 1826 по 1859 г). М., 1964; *Е. Л. Рудницкая.* Н. И. Огарев в русском революционном движении. М., 1969 (главы 1—3).

[3] *W. Śliwowska.* Sprawa pietraszewców. W., 1964; *В. Р. Лейкина-Свирская.* Петрашевцы. М., 1925.

[4] *Н. П. Огарев.* Надгробное слово. «Колокол», № 162, 1 мая 1863 г., стр. 1335.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

Декабристы в большинстве своем являлись сторонниками тактики военной революции. Их преемники начали пересмотр старых тактических установок; но этот процесс замедлялся в силу недостаточности размаха массового движения, из-за жесточайших ударов, которые царизм постоянно наносил движению. Новая тактика в форме так называемого «повсюдного» военно-крестьянского восстания окончательно сложилась лишь в период революционной ситуации 1859—1861 гг., хотя отдельные ее элементы, несомненно, вызревали раньше, особенно во второй половине 40-х и в 50-е годы.

Польское освободительное движение развивалось примерно теми же путями, что и русское движение, но не синхронно и в специфических условиях. Первый этап польского освободительного движения, который по основному определявшему его классу может быть назван дворянским или шляхетским, начался, как уже отмечалось, накануне восстания 1794 г. На протяжении ряда десятилетий среди участников движения преобладала имущая шляхта. Уже тогда шляхетская революционность в лице наиболее радикальных своих представителей сближалась с буржуазной революционностью, так как выступала за ликвидацию феодальной зависимости крестьянства, уничтожение сословных привилегий и введение политических свобод буржуазного типа [6].

Между восстанием 1830—1831 гг. и событиями 1846 г. социальный облик и идеология польского освободительного движения ощутимо демократизировались. На протяжении десятилетия, с 1835 по 1845 г., быстро выросла роль в движении тех прослоек, которые польские историки чаще всего называют «интеллигенцией»: мелкие чиновники, учителя, врачи, представители так называемых свободных профессий, экономы, управители, учащаяся молодежь. По данным сводного алфавита Варшавской следственной комиссии, обработанным Я. Бергхаузеном, удельный вес этих прослоек составлял в 1835—1841 гг. 43%, а в 1842—1845 гг. уже 61% от общей численности участников движения [7]. Через Десятый павильон Варшавской цитадели, игравший роль главной политической тюрьмы Королевства Польского, за 1833—1856 гг., по подсчетам С. Кроля [8], прошло 3694 человека, причем 464 из них были помещиками (12%), 155 — ремесленниками и 211 — крестьянами (вместе — 10%), а остальные (примерно 78%) — принадлежали к разным группам интеллигенции [9]. Ощутимо демократизировались и политические программы.

В Польше антифеодальная борьба теснейшим образом переплеталась с борьбой за национальную независимость, что в те годы значительно усиливало революционность шляхты и содействовало сохранению ее руководящей роли в движении. Именно поэтому на первый план чаще всего выдвигались вопросы, связанные с национальным и религиозным гнетом. Именно поэтому революционные взрывы выливались обычно в формы национального движения — даже тогда, когда весьма значительную, если не определяющую роль в их генезисе играли не национальные, а социальные факторы.

[6] *J. Szacki.* Указ. соч., стр. 116—205.

[7] *J. Berghauzen.* Z badań nad składem społecznym i ideologią organizacji spiskowych w Królestwie Polskim w latach 1835—1846. «Z epoki Mickiewicza». Zeszyt specjalny «Przeglądu Historycznego». Wr., 1956, str. 165, 167.

[8] *S. Król.* Cytadela Warszawska. X Pawilon — carskie więzienie polityczne (1833—1856). W., 1969, str. 276—277.

[9] Что касается происхождения разночинной интеллигенции в Польше, то оно и в конце XIX в. оставалось преимущественно дворянско-помещичьим (см.: *J. Leskiewiczowa.* Jeszcze o polskiej inteligencji XIX w. «Kwartalnik Historyczny», 1965, N 1, str. 89—90).

Польское освободительное движение, особенно в моменты своего подъема, отличалось большой пестротой состава, сложностью и противоречивостью идеологии. Центральные группировки, позиция которых примерно совпадала с программой Польского демократического общества, выступали за буржуазные преобразования и ликвидацию крепостничества с материальной компенсацией помещикам. Революционно-демократическое течение, сложившееся на рубеже 30-х и 40-х годов и представляемое, в частности, Эдвардом Дембовским и Петром Сцегенным, шло гораздо дальше в осуществлении чаяний крестьян. Программе «Люда польского» были свойственны даже некоторые черты утопического социализма. В то же время правое, клерикально-аристократическое крыло движения не стремилось к переменам в социальном устройстве общества, а вело разговоры главным образом или исключительно о восстановлении независимости.

Что касается национальных требований, то они у всех политических групп и партий выливались в форму лозунга воссоздания Польши в границах 1772 г. Но единство здесь было чисто внешним, так как, выдвигая указанный лозунг, одни имели в виду возвращение к старой Речи Посполитой, тогда как другим на ее территории виделась демократическая республика, которая должна была бы провести радикальные социальные преобразования, а затем предоставить украинцам, белорусам, литовцам право решить свою судьбу так, как им заблагорассудится. Не случайно Энгельс заявлял: «Было бы смешно, основываясь на существовании польской аристократической партии, считать польских революционеров аристократами, желающими восстановить аристократическую Польшу 1772 года. Польша 1772 г. погибла навеки. Никакая сила не в состоянии поднять ее из гроба. Новая Польша, которую поставит на ноги революция, в общественном и политическом отношении будет столь же коренным образом отличаться от Польши 1772 г., как новое общество, навстречу которому мы стремимся, от современного общества» [10].

Из сказанного явствует, что на протяжении 30—50-х годов перед поляками и русскими стояла одна и та же историческая задача — возможно более решительного уничтожения феодально-крепостнических отношений, возможно более последовательного осуществления буржуазных преобразований. В борьбе за социальное освобождение у польского народа и у всех народов России был один враг — самодержавие, которое всем своим могуществом поддерживало польских, русских и иных помещиков. Это создавало сходство программных требований и иные объективные предпосылки для революционного сотрудничества.

Национальные факторы, почти отсутствовавшие в русском и стоявшие на втором плане в освободительном движении других народов России, в условиях разделенной и порабощенной Польши имели первостепенное значение. В целом эти факторы значительно усиливали польское движение, превращали его в очень сильный и постоянно действующий очаг, не только всероссийского, не только всеславянского, но и всеевропейского масштаба. Однако наличие этих факторов вызывало и определенные сложности. Чрезвычайная острота национальных противоречий, недостаточная разработанность национального вопроса в программах всех без исключения тогдашних революционных организаций, наличие более или менее значительных националистических предрассудков у их участников, темнота и политическая неграмотность крестьянских

[10] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 18, стр. 554.

масс и многие другие факторы усложняли взаимоотношения революционных сил России и Польши, создавали помехи, которые могли успешно преодолевать лишь наиболее радикальные их элементы.

Если говорить о конкретных условиях сотрудничества на протяжении данного этапа, то их едва ли можно считать особенно благоприятными, так как, во-первых, периоды подъема движения в России и Польше не совпадали по времени, а во-вторых, за весь изучаемый период ни разу, пожалуй, не было такого момента, когда бы и там и здесь одновременно существовали достаточно сильные и достаточно долго действовавшие организации, которые бы могли протянуть друг другу руку для союза и совместной борьбы с царизмом. Однако, несмотря на это, связи не только существовали,— они медленно, но неуклонно росли[11].

2. Общественно-культурные взаимоотношения и их связь с революционным сотрудничеством

Вопрос о том, насколько идеология польского освободительного движения была известна русским революционерам, насколько участники польских конспиративных организаций знали идеологию русского, точнее российского, движения, изучен пока очень слабо. С уверенностью можно говорить, что обмен соответствующей информацией осуществлялся: а) при личных контактах; б) в ходе совместной подпольной деятельности; в) между участниками движения, оказавшимися в эмиграции, а особенно — в тюрьмах, на каторге, в ссылке. Определенную роль для русских играло знакомство с польскими бесцензурными изданиями, выходившими за границей, с подготовленными для польского читателя или специально для русских прокламациями и воззваниями. Некоторые участники движения хорошо знали польский язык, многие понимали его настолько, чтобы знакомиться с такого рода литературой. Хуже обстояло дело с обратным процессом, и не из-за языкового барьера (знающих русский язык среди участников польского движения было наверняка больше, чем знающих польский язык среди русских революционеров), а потому, что до 1853 г. русской бесцензурной печати за рубежом практически не было, не существовало и прокламационной литературы.

В этих условиях очень большую роль играло знакомство поляков отчасти с напечатанными, но особенно с «потаёнными» произведениями русской свободолюбивой поэзии, с прозаическими произведениями аналогичного характера. Большой популярностью пользовались и довольно широко распространялись в польской среде произведения К. Ф. Рылеева, в особенности некоторые места из поэмы «Войнаровский»[12]. О запрещенных цензурой вольнолюбивых произведениях А. С. Пушкина А. Мицкевич говорил следующее: «Эти летучие стихотворения обошли в списках всю Россию, от Петербурга до Одессы, их всюду читали, разбирали, восхваляли, они принесли поэту более широкую популярность, нежели все его позднейшие произведения, имевшие несравненно большую ценность... С этого времени на Пушкина стали смотреть, как на

[11] Более подробный анализ исторических условий, в которых развивались русско-польские связи на протяжении 30—50-х годов, и характеристику имеющейся литературы по этому вопросу см.: *В. А. Дьяков.* Состояние и задачи изучения русско-польского революционного сотрудничества в допролетарский период. В сб.: «Связи революционной России и Польши в XIX — начале XX в.» М., 1968, стр. 20—50.

[12] Подробнее см.: *B. Galster.* Twórczość Rylejewa na tle prądów epoki. Wr.— W.— Kr., 1962.

вождя интеллектуальной оппозиции, как на политическую фигуру, опасную для правительства»[13].

В свою очередь художественные произведения и публицистика ряда польских писателей знакомили не только польское, но и русское общество с идеалами участников польского освободительного движения, содействовали распространению в России и Польше убеждения в необходимости русско-польского революционного сотрудничества. Много сделали здесь произведения Мицкевича. Вот что писал об этом Герцен: «Очень может быть, что во время войны 1830 г. в Польше преобладало чувство исключительной национальности и весьма понятной вражды. Но с тех пор деятельность Мицкевича, исторические и филологические труды многих славян, более глубокое знание европейских народов, купленное тяжелою ценою изгнания, дали мыслям совсем другое направление. Поляки почувствовали, что борьба идет не между русским народом и ими, они поняли, что им впредь можно сражаться не иначе, как *за их и нашу свободу*, как было написано на их революционном знамени»[14].

В частных разговорах и в публичных выступлениях Мицкевич не раз с чувством симпатии и дружбы вспоминал о декабристах. Еще большее влияние имели те его поэтические произведения, где говорилось о сотрудничестве между польскими и русскими революционерами. Находясь до мая 1829 г. в России, Мицкевич приобрел много друзей. Он имел и прочные связи с целым рядом московских и петербургских журналов. В борьбе со своими литературными и идейными противниками в Варшаве Мицкевич пользовался поддержкой Н. А. Полевого, П. А. Вяземского и других русских друзей; он собирался издавать в России на польском языке журнал «Ирис», целью которого было сближение между русской и польской литературами[15].

В 1832 г., будучи уже в Париже, Мицкевич написал знаменитое послание «Русским друзьям», адресованное всем, с кем он сблизился в России, но прежде всего — декабристам и их единомышленникам. Послание резко осуждает отступничество некоторых кокетничавших свободомыслием лиц, тех, кто, может быть, опозорил себя, продав душу царю, кто славил его торжество. В то же время послание полно чувства преклонения и восхищения перед настоящими русскими революционерами, давшими образец самопожертвования и верности своим идеалам. Вот выдержки из этого замечательного произведения[16]:

Вы помните ль меня? Среди моих друзей,
Казненных, сосланных в снега пустынь угрюмых,
Сыны чужой земли! Вы также с давних дней
Гражданство обрели в моих заветных думах/.../
Пусть эта песнь моя из дальней стороны
К вам долетит во льды полуночного края,
Как радостный призыв свободы и весны,
Как журавлиный клич, веселый вестник мая.
И голос мой вы все узнаете тогда:
В оковах ползал я змеей у ног тирана,
Но сердце, полное печали и стыда,
Как чистый голубь, вам вверял я без обмана...

[13] *А. Мицкевич.* Соч., т. 4. М., 1954, стр. 92—93.
[14] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. VII, стр. 313.
[15] *Б. Ф. Стахеев.* Указ. соч., стр. 37—44; *М. Живов.* Поэзия Мицкевича в переводах и откликах русских писателей. В кн.: *А. Мицкевич.* Избранное. М., 1946, стр. 12—47.
[16] *А. Мицкевич.* Соч., т. 3. М., 1952, стр. 285—286. Перевод В. Левика.

Послание Мицкевича «Русским друзьям» широко распространялось в рукописных списках, в 1830—1850-х годах оно было хорошо известно едва ли не всем участникам польского и русского освободительного движения. В северо-западных губерниях, например, оно было отобрано при аресте доктора Петрашкевича [17] и многих других лиц, связанных с конспиративными организациями. Петрашевец Н. А. Момбелли работал над стихотворным переводом послания. Н. П. Огарев, интересовавшийся произведениями Мицкевича еще в 30-х годах и переводивший некоторые из них, включил прозаический перевод послания «Русским друзьям» в то издание «Дум» Рылеева, которое Вольная русская типография выпустила в 1859 г. [18]

Тогда же, в 1832 г., Мицкевич закончил третью часть «Дзядов», в которой описываются виленские события 1823—1824 гг. и ход следствия по делу филоматов и филаретов. Первая сцена этой части позволяет предполагать, что Мицкевич был знаком с агитационно-пропагандистскими произведениями декабристов. В одной из следующих сцен в качестве друзей и единомышленников виленских студентов выведены декабрист Бестужев и сопутствующий ему безымянный офицер царской армии. Сопоставляя эту сцену со сделанным в предисловии заявлением Мицкевича о том, что «историческая обстановка и характеры... очерчены добросовестно, без каких бы то ни было преувеличений и прикрас», специалисты видят в ней достоверное свидетельство о контактах декабристов с филоматами и филаретами [19]. Естественно, что третья часть «Дзядов», которая еще в ряде мест затрагивала тему взаимоотношений между русскими и поляками, сыграла немалую роль в популяризации идеи русско-польского революционного союза.

В этом отношении творчество Мицкевича не было исключением. Тема русско-польского революционного сотрудничества очень впечатляюще освещается в произведениях Юлиуша Словацкого. В своих первых революционных стихотворениях, относящихся к периоду восстания 1830—1831 гг., он заявлял, что и среди русских есть люди, которые готовы откликнуться на свободолюбивые идеи [20].

Символическая поэма Словацкого «Ангелли», написанная в 1837 г., в значительной мере посвящена изображению совместного пребывания в Сибири репрессированных участников польского и русского освободительного движения. В дружбе, взаимопонимании и общности их судьбы, в сотрудничестве декабристов с польскими патриотами автор видел залог будущих успехов русско-польского революционного союза. Поэма «Бенёвский» затрагивает ту же тему в ином аспекте: автор показывал здесь, что в культуре, как и в политике, есть две России, что убогим, охранительным и верноподданническим писаниям Сенковского противостоит поистине народная литература, создаваемая национальными героями — Пушкиным и Лермонтовым. Текст «Бенёвского» показывает, что Словацкий очень высоко ценил двух названных русских поэтов и внимательно следил за их жизнью и творчеством [21].

С точки зрения истории русско-польских революционных связей особенно интересна незавершенная пьеса Ю. Словацкого «Фантазий», отно-

[17] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1269, оп. 1, д. 11, лл. 52, 58 и др.
[18] «Литературное наследство», т. 61. М., 1953, стр. 856—858.
[19] *Б. Ф. Стахеев.* Указ. соч., стр. 7, 17.
[20] *Ю. Словацкий.* Избранное. М., 1952, стр. 54.
[21] Более подробно см.: *В. В. Мартынов.* Отражение русско-польского революционного сотрудничества в творчестве Ю. Словацкого. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 22. М., 1957, стр. 39.

сящаяся к 1845 г. Главными героями ее являются майор русской армии, бывший декабрист Вольдемар Гаврилович, подружившийся с ним молодой участник польской конспирации Ян и его возлюбленная Диана, происходившая из графской семьи. Образ русского офицера выписан Словацким с большой симпатией. Это простой, немного грубоватый и внешне неуклюжий, но в сущности очень добрый и благородный человек, способный на высокие духовные порывы и величайшее самопожертвование. Долгие годы Вольдемар Гаврилович мучается от того, что не проявил необходимой решительности на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Он кончает самоубийством, чтобы освободиться от мучений совести и чтобы не мешать счастью Яна и Дианы. Текст произведения не оставляет сомнений в том, что Словацкий высоко оценивает духовные качества своего героя и его политическую позицию [22].

На протяжении 30—50-х годов существовали довольно широкие и разнообразные русско-польские контакты в области литературы, искусства, науки. Даже тогда, когда эти контакты не выходили за рамки дозволенного царизмом, они создавали предпосылки и питательную среду для революционного сотрудничества, сопутствовали и помогали соответствующим контактам и связям между участниками освободительного движения.

Классическим примером здесь могут служить взаимоотношения крупнейшего поэта России А. С. Пушкина с крупнейшим поэтом Польши А. Мицкевичем. Их дружба началась в 20-е годы, когда Мицкевич жил в России. Они не только хорошо знали, но и переводили произведения друг друга, причем сделанный Мицкевичем перевод пушкинского «Воспоминания» и выполненные Пушкиным переводы Мицкевича (вступление к «Конраду Валленроду», баллады «Будрыс и его сыновья», «Воевода») вошли в историю литературы как классические образцы переводческого искусства. Во время событий 1830—1831 гг. Пушкин беспокоился о судьбе Мицкевича [23]. В свою очередь Мицкевич включил в третью часть «Дзядов» фрагмент, в котором описал один из своих разговоров с Пушкиным у подножия памятника Петру I [24]:

Шел дождь. Укрывшись под одним плащом,
Стояли двое в сумраке ночном.
Один, гонимый царским произволом,
Сын Запада, безвестный был пришлец;
Другой был русской вольности певец,
Будивший Север пламенным глаголом.
Хоть встретились немного дней назад,
Но речь вели они, как с братом брат.

Пушкин не только знал и высоко ценил третью часть «Дзядов». Значительную часть своего «Медного всадника» он посвятил скрытой или явной полемике с той резко отрицательной трактовкой исторической роли Петра I, которая характерна для «Памятника Петру Великому» и некоторых других мест поэмы. В лекциях Мицкевича о славянских литературах творчество Пушкина получило очень высокую оценку. На смерть поэта Мицкевич откликнулся статьей-некрологом во фран-

[22] *В. В. Мартынов.* Указ. соч., стр. 40—42. *S. Fiszman.* Rosja w twórczości J. Słowackiego. «Slavia orientalis», 1960, N 2, str. 269—287.
[23] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. в 10 томах, т. X. М.—Л., 1949, стр. 335, 827.
[24] *А. Мицкевич.* Соч., т. 3, стр. 266. Перевод В. Левика.

цузском журнале «Глоб», озаглавленной «Пушкин и литературное движение в России». Подчеркивая, что «знал русского поэта весьма близко», Мицкевич заявил, что видит в его смерти огромную утрату для мировой литературы, что «пуля, поразившая Пушкина, нанесла интеллектуальной России ужасный удар...» [25]

Польские связи В. Г. Белинского, пока еще недостаточно изученные, были также довольно значительными. В студенческие годы он сблизился со многими уроженцами западных губерний, в том числе с поляками. Это были Ян (Иван Семенович) Савинич, Александр Белецкий, Каетан Коссович, Людвик Макса, Тадеуш Лада-Заблоцкий и др. В 1833 г. Савинич издал на русском языке «Польскую грамматику», и Белинский очень ею интересовался. Без сомнения, Белинский был знаком и с творчеством отданного под суд и сосланного на Кавказ Лады-Заблоцкого, который обладал замечательным поэтическим талантом. Мицкевича Белинский считал одним «из величайших мировых поэтов» [26] и не раз упоминал его имя в своих литературно-критических статьях. В период так называемого «примирения с действительностью» Белинский отрицательно отозвался о политической лирике в третьей части «Дзядов». Однако потом он жестоко раскаивался в этом и всячески старался исправить свою ошибку. 11 декабря 1840 г. в письме к одному из друзей Белинский писал: «Боже мой, сколько отвратительных мерзостей сказал я печатно со всей искренностью, со всем фанатизмом истинного убеждения. Более всего печалит меня теперь выходка против Мицкевича... Как! Отнимать у великого поэта священное право оплакивать падение того, что дороже ему всего в мире и в вечности — его родины» [27].

Контакты с русской журналистикой имели польские писатели умеренных и даже реакционных взглядов. Вокруг выходившего на польском языке журнала «Тыгодник петербурский» в первой половине 40-х годов сложилась группа литераторов в составе Михала Грабовского, Генрика Жевуского, Игнация Головиньского, Юзефа Пшецлявского и др., говоривших о бессмысленности борьбы за независимость Польши, считавших благотворным ее объединение с Россией и с таких позиций искавших путей сближения с русской культурой [28]. Несмотря на явно консервативные взгляды в политике, эта группа в той или иной мере содействовала контактам между значительно более радикальными деятелями России и Польши. В 1845 г. по инициативе П. А. Плетнева и приглашенного им с Украины П. А. Кулиша обсуждался план превращения «Современника» в русско-польский журнал, публикующий параллельно материалы на двух языках, причем Грабовский, Головиньский и другие сотрудники «Тыгодника петербурского» занимали в этих планах важное место [29].

[25] *А. Мицкевич.* Соч., т. 4, стр. 96—97. Подробнее о взаимоотношениях Пушкина и Мицкевича см.: *Б. Ф. Стахеев.* Указ. соч.; *И. И. Беккер.* Мицкевич в Петербурге. Л., 1956; *M. Toporowski.* Puszkin w Polsce. W., 1950; *L. Gomolicki.* Mickiewicz wśród Rosjan. W., 1950.

[26] *В. Г. Белинский.* Полн. собр. соч., т. I. М., 1953, стр. 363.

[27] Там же, т. XI. М., 1956, стр. 576. О польских связях Белинского см.: *В. П. Гурьянов.* В. Г. Белинский и тайное литературное общество студентов Московского университета. «Ученые записки МГУ», вып. 156, 1952; *М. Я. Поляков.* Студенческие годы Белинского. «Литературное наследство», т. 56. М., 1950; *Е. З. Цыбенко.* Белинский и польская литературная критика. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1965, т. XXIV, вып. 5.

[28] *M. Inglot.* Poglądy literackie koterii petersburskiej w latach 1841—1843. Wr., 1961.

[29] *P. Glinkin.* Zagadnienia literatury polskiej w rosyjskiej prasie demokratycznej (1840—1860). «Slavia orientalis», 1961, N 3, str. 345—356.

Украинская литература и украинская культура в целом также имели широкие контакты с польской литературой и польской культурой. Это хорошо подтверждают украинские связи А. Мицкевича [30] и Ю. Словацкого [31]. Одним из наиболее ярких примеров могут служить польские связи Т. Г. Шевченко. В Академии художеств он учился с несколькими художниками-поляками, а в 40-х годах совместно с одним из них — Рудольфом Жуковским — иллюстрировал подготовленный Н. А. Некрасовым альманах «Физиология Петербурга» и книгу Н. А. Полевого «Русские полководцы, или жизнь и подвиги русских полководцев». В это же время Шевченко был довольно близок к редакции и кружку журнала «Тыгодник петербурский» и к редакциям польских периодических изданий научно-литературного характера, выходивших в Вильно. Особенно тесными были его контакты с Ромуальдом Подберезским, опубликовавшим несколько статей о его художественном и поэтическом творчестве. В годы солдатчины Шевченко начал переписку с сосланным в Уфу Эдвардом Желиговским, с которым у него надолго установились самые близкие дружеские взаимоотношения. По возвращении в Петербург Шевченко был в тесном контакте с тем общественно-литературным кружком, который издавал польскую газету «Слово» [32].

Русско-польские связи в области науки могут быть проиллюстрированы на примере И. Лелевеля. За его работами внимательно следили русские специалисты как в то время, когда он был профессором в Вильно и Варшаве, так и тогда, когда в России было запрещено не только издавать научные труды Лелевеля, но и называть в печати его имя. В свою очередь Лелевель следил за работой русских коллег. Опубликованная им рецензия на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина была встречена одобрением прогрессивных слоев русского общества и вызвала недовольство консерваторов. Эмиграция ослабила, но не оборвала связей Лелевеля с русской наукой [33].

Весьма широкими и многообразными были русско-польские музыкальные связи. Фредерик Шопен, находясь до октября 1830 г. в Варшаве, а затем в Вене и Париже, поддерживал дружеские и деловые отношения со многими русскими музыкантами и любителями музыки [34]. Станислав Монюшко, имевший множество знакомых в Петербурге и Москве, особенно сблизился в 40—50-е годы с А. С. Даргомыжским. «Даргомыжский вне себя от радости по поводу моего приезда. Я провел с ним самый приятный вечер»; в свою очередь Даргомыжский одной из общих знакомых писал: «...Как утешительно для меня сочувствие хотя бы немногих, но таких талантливых и милых людей, как Вы, в душе которых есть отголосок всему хорошему. Вы понимали и любили Глинку. Поняли и любили сочинения Монюшко. Помните, какой приятный вечер провели мы в исполнении его чудных кантат и мелодий?» [35]. Известного

[30] *Г. Д. Вервес.* Адам Мицкевич в українській літературі. Київ, 1955.
[31] *Г. Д. Вервес.* Юліуш Словацький і Україна. Київ, 1959.
[32] Подробнее см.: *Г. Д. Вервес.* Т. Г. Шевченко і Польща. Київ, 1964; *В. А. Дьяков.* Тарас Шевченко и его польские друзья. М., 1964.
[33] *Б. С. Попков.* Иоахим Лелевель и русские ученые (Новые материалы из советских архивов). «Славянский архив». М., 1963; *он же.* Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. Русская проблематика и контакты. М., 1974.
[34] *С. А. Семеновский.* Русские друзья и знакомые Шопена. «Русско-польские музыкальные связи». М., 1963.
[35] *В. Рудзинский.* Монюшко и его связи с русской культурой. «Русско-польские музыкальные связи». М., 1963, стр. 222. См. также: *И. Ф. Бэлза.* Монюшко и его связи с русской музыкальной культурой. «Станислав Монюшко». М., 1952.

польского скрипача и композитора Кароля Липиньского М. И. Глинка называл старым приятелем, о нем очень тепло отзывались Н. В. Гоголь и М. А. Бакунин [36]. Так или иначе были связаны с русской музыкальной культурой и другие польские музыканты [37].

Сказанное выше отнюдь не исчерпывает русско-польских связей 30—50-х годов в области литературы, искусства, науки. Думается, однако, что приведенных примеров достаточно для того, чтобы показать, что в указанные десятилетия культурные связи сопутствовали революционным, переплетались с ними и в той или иной мере помогали их развитию.

3. Восстание 1830—1831 гг. и прогрессивные силы России

29 (17) ноября 1830 г. в Варшаве началось восстание, ставшее одним из крупнейших событий в истории польского освободительного движения. Движущей силой восстания являлись: мелкая шляхта, шляхетская, частично разночинная интеллигенция, учащаяся молодежь, городские низы, в особенности ремесленники и рабочие; мощным потенциальным резервом повстанческих сил было крестьянство, мечтавшее об освобождении от феодального гнета. Восстание могло победить только в том случае, если бы использовало этот резерв, если бы пошло по пути радикальных преобразований политического и социального характера. Но левое крыло повстанческого руководства, понимавшее это, оказалось слабым, неорганизованным, склонным к уступкам; власть попала в руки аристократических группировок, которые не хотели никаких реформ и видели весь смысл военных действий в борьбе с царской Россией за украинские, литовские и белорусские земли, принадлежавшие когда-то Речи Посполитой [38]. «...это была консервативная революция»,— говорил Ф. Энгельс и тут же подчеркивал, что И. Лелевель «резко критиковал узость взглядов господствующего класса» и предложил «действительно революционные меры» [39].

Основываясь на традициях прошлого и на анализе сложившейся обстановки, Лелевель рассматривал идею русско-польского революционного союза в качестве составной части своего мировоззрения и своей политической программы. В «Воззвании к русским», написанном вскоре после разгрома восстания, он подчеркнуто процитировал то место манифеста революционного сейма от 20 декабря 1830 г., которое было внесено в текст по настоянию левых сил. «Нами,— провозглашается в манифесте,— не руководит никакая национальная ненависть к русским, представляющим собою, как и мы, великую ветвь славянского племени» [40]. Вспоминая период восстания, Лелевель в другом месте заявлял: «Кое-кто тогда считал, что, помогая движению Европы и Франции, прикрывая его от подготавливаемого деспотами нападения, можно приобрести расположение и содействие Франции и других революционных стран. Однако

[36] *В. Ю. Григорьев.* Липинский в России. «Русско-польские музыкальные связи».
[37] *И. Ф. Бэлза.* Пути развития русско-польских музыкальных связей. «Русско-польские музыкальные связи».
[38] *J. Dutkiewicz.* Ewolucja lewicy w powstaniu listopadowym. «Z epoki Mickiewicza». Wr., 1956; *Wł. Bortnowski.* Walka o cele powstania listopadowego. Łódź, 1960; *Wł. Zajewski.* Walki wewnętrzne ugrupowań politycznych w powstaniu listopadowym 1830—1831. Gd., 1967.
[39] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 4, стр. 492.
[40] ИППМ, т. II, стр. 218.

более полезным было бы в той обстановке соглашение с русскими, если бы в то время его можно было возобновить»[41].

Аналогичных позиций в данном вопросе придерживался Мавриций Мохнацкий. В статье, опубликованной в марте 1831 г., он писал: «Угнетенные русские, наши единокровные братья и соплеменники, являются союзниками польского дела. Мы победим угнетателя прав человечества и тирана благодаря возмущению и отвращению, которые испытывают к нему свободолюбивые русские, его подданные...»[42]. Активные деятели начавшей восстание патриотической организации в школе подхорунжих — Людвик Набеляк и Александр Лаский считали, что польское восстание должно стать началом общероссийской революции, которая может и должна завершиться объединением славянских народов на демократической основе[43].

Взгляды левого крыла повстанческого руководства соответствовали настроениям очень многих рядовых участников восстания. Это убедительно подтвердила манифестация, состоявшаяся на улицах Варшавы 25 (13) января 1831 г., в день голосования сейма по акту детронизации Николая I как короля польского. О манифестации было заранее объявлено в газетах; организатором ее было Патриотическое общество, а участниками — студенты Варшавского университета и многие простые варшавяне. Начавшись с богослужения в православной церкви на улице Подвале, манифестация двинулась к колонне Зыгмунта, прошла через Старое Място, а затем, сделав большой круг по варшавским улицам, закончилась около Университета. Участник манифестации Ян Непомуцен Яновский вспоминал впоследствии: «...Перед многочисленной процессией, которая все увеличивалась по мере того, как она продвигалась вперед, несли: 1) пять гробов, покрытых трауром, на которых белыми буквами были написаны имена [казненных декабристов.— *В. Д.*]; 2) красную шапку-конфедератку в качестве символа свободы; 3) белое знамя, на котором красными буквами было написано по-польски и по-русски «За нашу и вашу свободу»; 4) русское знамя»[44]. Во время остановок на Замковой площади, на рынке Старого Мяста, перед Арсеналом и в других местах произносились речи, в которых подчеркивалось, что восставшие считают своим врагом царя и его приспешников, а вовсе не русский народ, так же жаждущий свободы[45].

Грандиозное шествие в память казненных декабристов, продемонстрировавшее значительную политическую активность населения Варшавы, оказало серьезное влияние на голосование сейма по акту детронизации. В то же время она лишила этот акт того оттенка национальной вражды к русским, который хотели ему придать правые деятели. Если же говорить об истории русско-польских революционных связей, то значение манифестации 25 (13) января 1831 г. определяется прежде всего тем, что именно в этот день начал свою долгую и славную жизнь лозунг «За нашу и вашу свободу» («Za naszą wolność i waszą»). Его появление было обусловлено как общей обстановкой, так и тем конкретным сотрудничеством между польскими и русскими революционерами, которое осуществлялось в предшествующие годы.

Во время восстания 1830—1831 гг. в России не существовало революционных организаций, с которыми было бы возможно сотрудничество

[41] *J. Lelewel.* Dzieła, t. VIII, str. 90.
[42] ИППМ, т. II, стр. 64.
[43] «Historia Polski», t. II, cz. 2, W., 1958, str. 305.
[44] ИППМ, т. II, стр. 118.
[45] *T. Łepkowski.* Warszawa w powstaniu listopadowym. W., 1965.

такого масштаба, как во времена декабристов. И несмотря на это, можно говорить о том, что рука дружбы, протянутая польской стороной, не повисла в воздухе. Под знамя совместной борьбы рядом с поляками встали крестьяне и ремесленники Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. В рядах повстанцев оказались и русские солдаты и офицеры. Передовая часть русского общества выразила свое сочувствие героической борьбе польского народа, множество простых людей оказывало помощь репрессированным повстанцам, поддерживало их морально и материально.

Советские и польские историки изучали и продолжают изучать проблематику восстания 1830—1831 гг. применительно к территориям Литвы, Белоруссии и Украины[46]. Коллективными усилиями осуществлен статистический анализ алфавитов на «прикосновенных» к восстанию лиц по всем западным губерниям[47]. Проделанные подсчеты позволяют сделать весьма важные выводы. Один из них таков: участие в восстании литовцев, белорусов, украинцев по своему характеру и количественным показателям таково, что его нельзя объяснить одними лишь распоряжениями польских помещиков, которые заставляли идти в повстанческие отряды своих крепостных. Конечно, уровень политического сознания крестьянства был невысок, национальные и социальные противоречия давали себя знать, программа повстанческого руководства имела недостатки, но все-таки и применительно к 1831 г. можно говорить об определенных элементах сотрудничества польского народа с народами литовским, белорусским и украинским. Элементы эти были незначительны, сотрудничество складывалось стихийно, но не замечать его было бы неправильно.

Участие в восстании солдат и офицеров не польской национальности на основании архивных источников тщательно изучил советский историк А. И. Бортников. В его статье, посвященной данному вопросу[48], рассказывается о 180 военнослужащих царской армии (из русских, украинцев, белорусов), добровольно присоединившихся к повстанцам или завербованных ими из числа военнопленных. Это были люди разные как по социальной принадлежности, так и по политическим взглядам; неодинаковыми были и конкретные мотивы их перехода к повстанцам. Но в совокупности сведения о них убедительно подтверждают, что в рядах повстанцев вместе с поляками сражались представители многих национальностей.

Даваемая А. И. Бортниковым цифра, как подчеркивает сам автор, вовсе не исчерпывает числа перебежчиков из царской армии. Во-первых, это объясняется тем, что многие присоединялись к повстанцам под выдуманными фамилиями—либо польскими, либо полонизированными (Василий Волков называл себя Винцентием Грушевским, Сил Галочкин — Савелием Карпинским, Федор Кучеров — Теодором Гоголевским и т. п.). Во-вторых, мы можем говорить только о тех, кто, побывав у повстанцев,

[46] См., например: *И. А. Воронков.* Польские тайные общества в Литве и Белоруссии в конце XVIII и первом тридцатилетии XIX в. «Исторические записки», т. 60. М., 1957; *он же.* Восстание 1830—1831 гг. в Белоруссии. «Вестник Московского университета. Серия IX. История», вып. 2, 1966; *T. Łepkowski.* Społeczne i narodowe aspekty powstania 1831 roku na Ukrainie. «Kwartalnik Historyczny», 1957, N 6; *I. Ochmański.* Litewski ruch narodowo-kulturalny w XIX wieku. Białystok, 1965.

[47] Алфавиты см.: ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 12031, т. 1—16, а их статистический анализ: *В. А. Дьяков, В. М. Зайцев, Л. А. Обушенкова.* Социальный состав участников польского восстания 1830—1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи). «Историко-социологические исследования». М., 1970.

[48] *А. І. Бортніков.* Участь російських солдатів і офицерів у польському повстанні 1830—1831 рр. «Український історичний журнал», 1962, № 2.

попал затем под суд и сознался или был уличен в сделанном. А сколько было таких, которые погибли в рядах повстанцев или эмигрировали, ускользнув таким образом от царского суда, либо были судимы как простые дезертиры [49]. Иные смогли надежно укрыться среди местного населения, а попав в руки властей, называли себя беглыми крестьянами, вольными людьми и даже дворянами. Для подтверждения сложности вопроса приведем лишь один пример. В 1844 г. во время пребывания в Лондоне Николай I разрешил вернуться на родину (с последующей отдачей под суд) участникам восстания и бывшим солдатам Ивану Быкову (из крестьян Коломенского уезда Московской губернии) [50] и Якову Матвееву (из крестьян Люцинского уезда Витебской губернии) [51]. Оба они долгие годы разделяли судьбу польской эмиграции, причем Я. Матвеев называл себя Винцентием Мацяновским и числился поляком. Обнаружили они себя только потому, что беспросветная нужда заставила их обратиться к милости царя. Но ведь могли быть эмигранты из русских солдат, которые приспособились к чужеземным условиям или не имели случая для подачи «всеподданнейшего» прошения; их имена нам неизвестны. Если же говорить об общей численности солдат, участвовавших в восстании, то она наверняка достигала нескольких сот человек.

«Нижних чинов» не очень-то спрашивали о мотивах перехода на сторону повстанцев, а когда соответствующий вопрос ставился, ответы содержали, как правило, ссылку на принуждение со стороны «мятежников». Хотя такая мотивировка более всего устраивала военные суды, они все-таки в 30 случаях из 180 вынуждены были зафиксировать, что подсудимые заявили о добровольном присоединении к повстанцам [52]. Что касается офицеров, то для них аналогичный шаг был почти всегда сознательным шагом, который обусловливался недовольством существующими в России порядками. Так было, например, в случае с прапорщиком Александром Аникеевым, который часто говорил сослуживцам о господствующих в России рабстве и угнетении, считал царское правительство несправедливым, и, исходя из этого, уговаривал других русских офицеров переходить на сторону восстания [53].

Символична история, происшедшая во время восстания с русским офицером Борисовым и повстанческим командиром Забелло. Казачий отряд, которым командовал Борисов, разбил повстанцев, и когда его подчиненные бросились на Забелло с пиками, то он загородил его своей грудью. Вскоре обстановка изменилась: каратели потерпели поражение, а Борисов попал в плен к повстанцам. На этот раз Забелло спас ему жизнь [54]. Символична и судьба будущего петрашевца Р. А. Черносвитова, который, как офицер царской армии, участвовал в подавлении восстания 1830—1831 гг. Он был контужен в голову, потерял ногу и попал в плен к повстанцам; поляки его лечили наравне со своими соотечественниками, и это навсегда осталось в памяти раненого [55].

Жесточайший террор, последовавший за судом над декабристами, загнал в глубокое подполье, но не уничтожил живые силы русского

[49] По далеко не полным данным, в четырех пехотных корпусах, находившихся в районе восстания, за 1832 г. числилось «в бегах» 2149 «нижних чинов» (*А. І. Бортніков.* Указ. соч., стр. 81).
[50] ЦГВИА, ф. 801, оп. 109/86, 1845 г., д. 2.
[51] Там же, д. 4.
[52] *А. І. Бортніков.* Указ. соч., стр. 83.
[53] Там же, стр. 84.
[54] Там же.
[55] «Дело петрашевцев», т. I. М.— Л., 1937, стр. 441—442

общества. Восстание в Польше породило волну шовинизма, настолько сильную, что в определенной мере она увлекла даже А. С. Пушкина. Но в то же время революционный порыв поляков ободрил всех, кто был в оппозиции к царизму, вызвал у них чувство симпатии и солидарности. Отклики их на восстание были многообразны, причем не ограничивались временем восстания, а относились и к последующему периоду.

С большим воодушевлением восприняли вести из Польши находившиеся в Сибири декабристы. Один из них — поэт А. И. Одоевский написал стихотворение, в котором говорится, что небесный «звук спадающих оков» разбудил «живые струны» в сердцах героев 14 декабря 1825 г. Приветствуя борцов за освобождение Польши, Одоевский благодарил их за описанную выше манифестацию в честь его соратников, погибших на виселице. Он писал:

Вы слышите: на Висле брань кипит!
Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поет за упокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу... [56]

А. И. Герцен, вспоминая о том, как он и его сверстники восприняли весть о восстании 1830—1831 гг., писал: «Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили неуспехам поляков, и я тотчас прибавил в свой иконостас портрет Фаддея Костюшки» [57]. Передовая часть русского студенчества, по словам Герцена, с интересом слушала рассказы поляков о восстании, испытывала стыд за свою бездеятельность и за карательную политику царизма. Он вспоминал о сочувствии к повстанцам, о стихах, вырвавшихся со слезами, о горячих приемах сосланных; по его мнению, «университетская молодежь (по крайней мере в Москве) была за Польшу» [58].

Существует немало подтверждений тому, что эти слова Герцена соответствовали действительности. Н. И. Сазонов, живший тогда в Москве, свидетельствовал позднее о чувстве горячей симпатии, которое у него вызывала в 1830—1831 гг. героическая борьба порабощенной Польши [59]. Все было так, как описывал Герцен: «Когда вспыхнула в Варшаве революция 1830 г., русский народ не обнаружил ни малейшей вражды против ослушников воли царской. Молодежь всем сердцем сочувствовала полякам. Я помню, с каким нетерпением ждали мы известия из Варшавы; мы плакали, как дети, при вести о поминках, справленных в столице Польши по нашим петербургским мученикам. Сочувствие к полякам подвергало нас жестоким наказаниям: поневоле надо было скрывать его в сердце и молчать» [60].

В «Литературное общество 11-го нумера» вместе с В. Г. Белинским входил Т. Лада-Заблоцкий и другие поляки — уроженцы западных губерний. Через них кружок, очень интересовавшийся восстанием и сочувствовавший ему, имел контакты с очевидцами, а возможно, и участниками событий. Во всяком случае Белинский позднее вспоминал, что сведения о восстании он получал из первых рук [61].

[56] «Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX века». Л. 1970, стр. 520—521.
[57] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. VIII, стр. 134.
[58] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XVII, стр. 94.
[59] «Литературное наследство», т. 41—42. М., 1941, стр. 251.
[60] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. VII, стр. 313.
[61] *И. А. Федосов.* Указ. соч., стр. 107.

Кружок Н. П. Сунгурова, теснейшим образом связанный с «Литературным обществом 11-го нумера», не только интересовался и сочувствовал восстанию, но и сотрудничал с группой польских офицеров, которые собирались бежать в район восстания. Активный деятель кружка и сводный брат Сунгурова Г. Ф. Гуров считал борьбу польского народа справедливой, а еще один участник кружка — Адольф Кноблох — писал в дневнике, что мечтает помочь полякам, что это долг всех, кто борется за свободу. Трудно сказать, чем бы кончилось дело, если бы после публичного выступления Каспера Шанявского в защиту восстания кружок не был разгромлен властями [62].

Подавление восстания не прекратило выражений сочувствия польскому народу. На протяжении 30-х годов то там, то здесь возникали связанные с этим судебно-следственные дела. Одно из них, датированное 1837 г., было посвящено подпоручику Квашнину-Самарину, который под впечатлением восстания сочинял стихи «предосудительного содержания» и был за это выслан [63]. Еще позднее (в 1838—1839 гг.) возникло дело о дружеских контактах группы русских офицеров с участником восстания 1830—1831 гг. Алоизием Гадоном, сосланным в Новгород [64].

К 1833 г. относятся попытки возобновить вооруженную борьбу, которые были предприняты эмигрировавшими повстанцами и теми из них, кто был репрессирован. Экспедиция Юзефа Заливского не могла иметь и не имела успеха, но отдельные группы в различных местах проникли в Королевство Польское и некоторое время вели боевые действия. В этих группах вместе с поляками сражались беглые солдаты русской армии Михаил Федоров, Петр Степанов, Максим Гавриленко, Григорий Загребельный и др. [65] В Гродно и его окрестностях эмиссар Марцелий Шиманьский создал группу из 25 человек, в которую, наряду с выходцами из польской шляхты, входили несколько мещан и однодворцев, происходивших, вероятно, из белорусских семей [66].

Отношение участников экспедиции Заливского к русско-польскому революционному сотрудничеству в значительной мере определялось известным «Воззванием к русским» Иоахима Лелевеля. Вполне очевидные отзвуки этого программного документа имеются в недавно обнаруженном тексте прокламации «Братьям казакам», которую сразу же по переходе границы написал один из наиболее активных повстанческих командиров, Артур Завиша: «Вспомните,— призывал он запорожцев,— что не один раз деды ваши дрались под одними с поляками знаменами... Казаки! Славная была тогда участь ваша, вы шли защищать свободу и истреблять деспотизм. Те же свободы защищая, дрались вы жестоко с поляками, когда короли, вредные для нас и для вас, хотели лишить вас свободы» [67]. Прокламацию не успели размножить, и ее текст был захвачен карателями в черновике при аресте Завиши. Но изложенные в ней идеи проводились в жизнь. Одним из подтверждений тому является наличие в группе Завиши солдата царской армии Морозова. Бывший белорусский крестьянин Игнатий Иванович Морозов добровольно присоеди-

[62] *Б. Эйхенбаум.* Тайное общество Сунгурова. «Заветы», 1913; № 3; *B. Andraka.* Kółko Sungurowa i polski aspekt jego działalności. «Slavia orientalis», 1961, N 3; *B. Białokozowicz.* Powstanie listopadowe w poezji rosyjskiej. «Przegląd Humanistyczny», 1971, N 2.
[63] *В. Г. Вержбицкий.* Указ. соч., стр. 148.
[64] Там же, стр. 174.
[65] «История Польши», т. I, стр. 589; ЦГВИА, ф. 16233, оп. 3/29, д. 16.
[66] ЦГВИА, ф. 801, оп. 109/86, 1833 г., д. 103, лл. 1—81; *M. Wierzchowski.* Przyczynek do dziejów Zaliwszczyzny na Litwie. «Przegląd Historyczny», 1960, N 2.
[67] ЦГВИА, ф. 16233, оп. 3/29, д. 22, ч. 1, лл. 101—102.

нился к повстанцам и действовал с ними полтора месяца, а после разгрома группы был казнен, как и ее руководитель[68]. Другим подтверждением может служить то, что соратник Завиши — Юзеф Домбковский, будучи поляком, хорошо говорил по-русски и с гордостью называл себя Бестужевым, в честь казненного декабриста. Совершенно очевидно, что такие вещи были бы немыслимы, если бы убеждение в плодотворности межнационального революционного сотрудничества не получило широкого распространения среди участников экспедиции Заливского.

Участники восстания, подвергшиеся репрессиям и оказавшиеся в глубине России, долгое время надеялись на то, что вооруженная борьба вскоре возобновится. В Омске, Оренбурге, Екатеринбурге, Астрахани и некоторых других местах польские ссыльные готовили восстание, начало которого предполагалось приурочить к моменту перехода через границу «эмиссара» Заливского. Польские заговорщики вступали в контакты с русскими политическими ссыльными и с местным населением. Но об этом несколько позднее — в специальном разделе, посвященном связям между репрессированными участниками движения (§ 7).

4. Шимон Конарский и Аглай Кузьмин-Караваев

Большинство исследователей считают, что период с середины 30-х годов примерно до 1843 г. являлся для русского освободительного движения временем «глубокого спада»[69]. Действительно, за этот период карательные органы царизма не обнаружили антиправительственных кружков ни в Петербурге, ни в Москве, которая до этого была очень активной. Но едва ли можно думать, что Николаю I и Бенкендорфу удалось остановить историю. На протяжении указанного периода медленно, подспудно, но все-таки шло развитие революционной мысли; продолжали существовать, особенно на периферии, небольшие группы оппозиционно настроенных лиц, которые не были раскрыты жандармами, а в их наличии убеждает нас тщательное изучение уже известных и новых источников.

Для польского освободительного движения это было тоже не легкое время. На польских землях, принадлежавших России, царил страшный террор, наиболее энергичные участники движения после разгрома восстания 1830—1831 гг. оказались в эмиграции. Наличие среди эмигрантов значительной прослойки бывших солдат польской армии[70] и уроки недавнего поражения обусловили существенную демократизацию идеологии и программы движения.

«Будущее восстание,— заявлял в те годы один из крупнейших деятелей левого крыла польской эмиграции Виктор Хельтман,— не может быть простой инсуррекцией; оно будет революцией, социальной революцией. В этом понятии заключается вся тайна будущего Польши»[71].

[68] Там же, ч. 2, л. 154.

[69] *И. А. Федосов.* Указ. соч., стр. 377.

[70] Среди 511 участников восстания, выехавших в 1832 г. из Гданьска преимущественно во Францию и Англию, было всего 16 помещиков и 4 кадровых офицера; если говорить об остальных, то накануне восстания 195 из них являлись «нижними чинами» польской армии, 202 были студентами и гимназистами, 6 — учителями и врачами, 10 — происходили из мещан или были рабочими (ЦГВИА, ф. 801, оп. 109/86, 1833 г., д. 14). Подробнее об этом см.: *Н. П. Митина.* Социальный состав участников польского восстания 1830—1831 гг. (по спискам эмигрировавших и скрывшихся от репрессий). «Историко-социологические исследования». М., 1970.

[71] ИППМ, т. II, стр. 488.

Работая над возрождением конспирации в стране, «заграничные эмиссары», особенно представители Польского демократического общества, адресовались не только к шляхте, но и искали путей сближения с народными массами. Связанных с эмиграцией, либо самостоятельных кружков и организаций возникало немало, однако почти все они, не успев развернуть свою деятельность, попадали под удары карательных органов оккупирующих держав. Наиболее разветвленную конспиративную сеть удалось создать Ш. Конарскому и его сподвижникам.

Активный участник восстания 1830—1831 гг. и редактор радикального эмигрантского журнала «Пулноц» («Север») Шимон Конарский (1808—1839) [72], отправляясь на родину, имел полномочия от Лелевеля и других руководителей польской демократической эмиграции. По прибытии в Краков в июне 1835 г., он вместе с Адольфом и Леоном Залескими основал конспиративную организацию «Содружество польского народа» [73]. Вскоре после этого с задачей распространить «Содружество» из Кракова выехали в Великое княжество Познанское Людвик Жихлиньский, в Тарнов — Леон Залеский, во Львов — Северин Гощиньский, а в Вильно и на Украину — Шимон Конарский и Наполеон Новицкий [74]. Перечисленные лица и другие заговорщики, приехавшие из Кракова или направленные эмиграцией, а также местные участники движения создали ряд кружков и организаций, которые были связаны друг с другом [75] и действовали по уставу «Содружества польского народа» [76]. На территории Королевства Польского с 1836 г. действовали «Свентокшижцы» — варшавская организация «Содружества», по делу которой в 1838 г. были привлечены к суду 28 человек во главе со студентами Краковского университета Густавом Эренбергом и Александром Венжиком. Со «свентокшижцами» были связаны кружки в Кельцах (им руководил Кароль Богдашевский) и в Ломже (Рафал Блоньский и др.). В начале 40-х годов самой крупной была Варшавско-Люблинская конспиративная организация, разгромленная в 1843 г. Наиболее активными деятелями организации были Гервазий Гзовский, Александр Карпиньский, Владислав Венцковский, Адам Гросс, а фактически возглавлял ее Эдвард Дембовский.

Многие участники конспиративных организаций, перечисленных выше, как и значительная часть польской демократической эмиграции тех лет, положительно относились к идее межнационального революционного сотрудничества. Среди основных программных принципов, внесенных в устав «свентокшижцев», имелось, например, следующее положение: «Стремления отдельных личностей должны быть согласованы со стремлениями народа в целом, а стремления каждого народа со стремлениями всего человечества. Человеческая свобода не знает иных гра-

[72] Более подробно о Конарском см.: *А. Ф. Смирнов.* Революционные связи народов России и Польши 30—60-х годов XIX в. М., 1962; *Sz. Konarski.* Dziennik z lat 1831—1834. Przygotowali do druku B. Lopuszański i A. Smirnow. Wr.— W.—Kr.— Gd., 1973.

[73] Т. е. «Stowarzyszenie Ludu Polskiego»; в официальной переписке карательных органов царизма часто встречается неточный перевод: «Союз польского народа». История этой организации исследована польским историком Б. Лопушаньским: *B. Łopuszański.* Stowarzyszenie Ludu Polskiego (1835—1841). Kr., 1975.

[74] «Pamiętniki spiskowców i więźniów galicyjskich 1832—1846». Wr., 1954, str. 16—17.

[75] Общие сведения о конспирации 1835—1841 гг. см.: *J. Berghauzen.* Ruch patriotyczny w Królestwie Polskim 1833—1850. W., 1974; *S. Kieniewicz.* Konspiracje galicyjskie (1831—1845). W., 1950; *M. Wierzchowski.* Z dziejów polskich organizacji spiskowych w zaborze rosyjskim. «Przegląd Historyczny», 1961, N 1.

[76] О содержании устава см.: *В. О. Борис.* Про програму «Співдружності Польського народу». «Українське слов'янознавство», 1970, № 1.

ниц»[77]. Конкретизируя это положение, «свентокшижцы» подчеркивали, что они желают добра всему человеческому роду, что трудящиеся разных наций смогут добиться свободы только совместными усилиями. «В будущей Польше,— говорилось в документе,— все будут свободны, все будут равноправными и связанными друг с другом узами братской любви»[78].

Заговорщики в Королевстве Польском не раз пытались установить контакты с находившимися там русскими военнослужащими. Об этом свидетельствуют, в частности, обнаруженные в 1836 г. попытки распространить стихотворный текст, озаглавленный «Песнь Российского солдата, приятеля поляков»[79]. Однако наиболее тесные контакты с военнослужащими русской армии и с местным населением не польского происхождения были установлены теми конспиративными организациями, которые Ш. Конарский создал на территории Правобережной Украины, Литвы и Белоруссии.

Одна из особенностей этих организаций заключалась в том, что там, где это диктовалось местными условиями, они, наряду с поляками, включали в свой состав также украинцев, белорусов, литовцев, а в отдельных случаях и русских. Применительно к Правобережной Украине[80] это можно проиллюстрировать на довольно многочисленной организации из студентов Киевского университета во главе с Владиславом Гордоном, в которую входили и украинцы[81]. Для Восточной Галиции характерен пример Каспера Ценглевича, который играл видную роль среди конспираторов и осуществлял контакты с украинскими крестьянами, сочинял и распространял революционные песни на украинском языке и т. д.[82]

Виленское студенчество имело богатые революционные традиции, идущие от филаретов и филоматов, со времени восстания 1830—1831 гг., когда весьма значительное число студентов перешло на сторону повстанцев. Еще в 1836 г. среди студентов Медико-хирургической академии, созданной взамен закрытого университета, возникло «Демократическое общество» во главе с Францем Андреевичем Савичем. Разночинская по своему социальному составу и весьма радикальная по программным требованиям, эта организация включила представителей различных народов и различных вероисповеданий. В нее входили поляки (Ян Загорский, Станислав Станиславский и др.), белорусы (сам Савич, Феликс Зданович), украинцы (Евстафий Воронич), русские (Иван Мешков), а также литовцы и представители других национальностей[83]. Ряд членов общества (Станислав Милковский, Кароль Стаковский, Антоний Карпович и др.) в один голос заявляли на следствии: «Целью нашего общества было внушать во все сословия дух равенства... Также целью было и то, чтобы внушать между всеми, что нации равны и ненависти не должен никто питать друг к другу, несмотря на разность наций»[84]. С появлением Конарского «Демократическое общество» стало составной частью

[77] ЦГВИА, ф. 16233, оп. 3/29, д. 77, ч. 4, л. 374.
[78] Там же, л. 46.
[79] *В. Г. Вержбицкий.* Указ. соч., стр. 158—159.
[80] Подробнее о конспиративной сети на Правобережье см.: *Г. И. Марахов.* Деятельность «Содружества польского народа» на Правобережной Украине. «Связи революционеров России и Польши в XIX — начале XX века», а также: ЦГВИА, ф. 1 оп. 1, д. 12085, 12114.
[81] «Історія Київського університета». Київ, 1959, стр. 24.
[82] «Pamiętniki spiskowców...», str. 13, 34, 35, 39, 49, 53—55.
[83] *А. Ф. Смирнов.* Указ. соч.; *он же.* Франц Савич. Минск, 1961.
[84] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1269, оп. 1, д. 6, лл. 171, 201, 209 и др.

создаваемой им сети конспиративных организаций, которая постепенно охватила все западные губернии.

Ответвлением организации Конарского являлся кружок студентов Дерптского университета во главе с Каролем Гильдебрантом. Кружок был тесно связан с виленским «Демократическим обществом» и имел аналогичную программу [85]. Не удивительно, что этот кружок, наряду с поляками, включал лиц других национальностей, в частности, русского Михаила Султанова; естественно, что участники этого кружка Бронислав Залеский и Ромуальд Подберезский несколько позже стали друзьями великого украинского поэта и революционера Т. Г. Шевченко [86]. Дерптские студенты хорошо знали и высоко чтили идеи декабристов и, опираясь на них, критиковали свою «правицу» и умеренных [87].

Наиболее яркой страницей революционных связей тех лет являются, несомненно, взаимоотношения членов офицерского кружка при участии Аглая Кузьмина-Караваева с находившимися в заключении Конарским, Гильдебрантом и другими участниками польского освободительного движения [88]. Некоторые исследователи считают, что Кузьмин-Караваев не был представителем политически организованной группы, а действовал по чисто личным побуждениям [89]. Однако при внимательном изучении всех имеющихся источников его взаимоотношения с виленскими конспираторами выглядят не эпизодом из частной жизни нескольких лиц, а попыткой наладить сотрудничество между двумя хотя и не равными по величине, но самостоятельными революционными организациями — русской и польской.

Кузьмин-Караваев, происходивший из небогатой служилой семьи, воспитывался в Дворянском полку. Выпущенный прапорщиком в Новоингерманландский пехотный полк, Кузьмин-Караваев в феврале 1835 г. прибыл в Вильно. Вскоре он приобрел значительный круг знакомств в местном обществе и начал изучать польский язык. Среди новых знакомых молодого офицера оказались лица, входившие в польские конспиративные организации и связанные либо с Гильдебрантом, либо с Конарским [90]. В 1837 г. Кузьмин-Караваев вместе со штабом 2-го батальона Новоингерманландского полка, где он после присвоения звания подпоручика занял должность адъютанта, квартировал в м. Желахове Гродненской губернии. Поблизости от этого местечка находилось имение помещика Броньца, в котором скрывался Конарский и в котором бывали как сослуживцы Кузьмина-Караваева, так и он сам. На следствии оба отрицали, что познакомились в доме Броньца, но внимательное изучение обстоятельств дела приводит к противоположному выводу [91].

Имеющиеся материалы не оставляют сомнений в том, что Кузьмину-Караваеву были присущи оппозиционные настроения, что он мечтал об уничтожении крепостничества в России и сочувствовал борьбе польского народа за национальную независимость. Прапорщик Эстляндского полка де-Люсине, у которого следственная комиссия далеко не гуманными способами вырвала более или менее откровенные показания, заявлял,

[85] *А. Ф. Смирнов.* Указ. соч., стр. 93—94 и др.; *M. Wierzchowski.* Z dziejów..., str. 27—29; ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, оп. 216, д. 115, 118, 119, 144, 229, 275.
[86] *В. А. Дьяков.* Тарас Шевченко и его польские друзья, стр. 22—23, 63—67 и др.
[87] *А. Ф. Смирнов.* Указ. соч., стр. 105.
[88] *А. И. Бортников.* О связях А. Н. Кузьмина-Караваева с польскими революционными организациями. «Вопросы истории славян», вып. 2. Воронеж, 1966; *В. Г. Вержбицкий.* Указ. соч.
[89] *M. Wierzchowski.* Z dziejów..., str. 30—35.
[90] *А. И. Бортников.* О связях..., стр. 167—169.
[91] Там же, стр. 170.

во-первых, что Кузьмин-Караваев «защищал сторону поляков», одобрял «их действия для возвращения самобытного положения», а во-вторых, что давно уже он «был знаком с приближенными лицами замыслов» (т. е. с руководителями польских конспиративных организаций), «действовал пропагандою» и «вселял либеральный образ мыслей в офицеров»[92]. Сказанное и ряд других установленных следствием фактов делают вполне основательным предположение о существовании в Вильно (а отчасти и за его пределами) офицерского кружка, имевшего политический характер и готового бороться с существующими порядками и сотрудничать при этом с польскими конспираторами. Кружок был еще довольно аморфным в идейном и организационном смысле, но он, несомненно, существовал и действовал еще до ареста Конарского в мае 1838 г.

Как раз в это время батальон, в котором служил Кузьмин-Караваев, был направлен для несения караульной службы в Гродно. Сам он добился прикомандирования к подразделению полка, находившемуся в Вильно, что дало ему возможность ходить в караулы, охранявшие Конарского и его соратников. Бывая в составе караульного наряда, Кузьмин-Караваев на протяжении июня 1838 г. неоднократно виделся и подолгу разговаривал с Конарским, бывал в других камерах, передавал от одних арестованных другим письменные и устные сообщения самого доверительного свойства[93]. Одновременно он с группой офицеров готовил попытку освобождения Конарского из тюрьмы. Но нашелся предатель, который донес об отношениях Кузьмина-Караваева с Конарским. Последовала серия арестов, сделавшая невозможным побег Конарского.

Военное начальство всех рангов всячески старалось приуменьшить значение обнаружившихся фактов, ограничить число соучастников Кузьмина-Караваева, лишить события политической окраски, рассматривая их как простую нерадивость и нарушение правил несения караульной службы. Это в значительной мере предопределило и официальную точку зрения на события, выраженную главнокомандующим 1-й армией И. Ф. Паскевичем в письме к царю: «Приступаю сказать о случившемся в Вильне, где открыто, что три офицера Эстляндского полка вошли в сношения с политическими преступниками. Не могу без чувства большого огорчения о сем говорить; что может быть больнее, как это происшествие; неужели и наша прекрасная, верная армия также заразится? Но я думаю, что это только несколько негодяев, которые только были приняты и начали действовать»[94].

Кроме идущей с тех времен исторической традиции, существенную роль сыграло также мужественное и умное поведение на следствии, с одной стороны, Конарского, который категорически отрицал какие-либо контакты с русскими офицерами, а с другой — Кузьмина-Караваева, объяснявшего свои поступки чисто личными мотивами. Между тем в письме к Лелевелю Конарский еще весной 1837 г. писал: «Я завязал отношения с русской армией; недели через три мы сблизимся с ней еще лучше...»[95]. Что касается Кузьмина-Караваева, то не случайно, рассказывая де-Люсине «о своем деле не так, как оно было в глазах правительства, но как оно лежало на его совести», он заявлял, что по дейст-

[92] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, оп. 216, д. 104, л. 189.
[93] *В. Г. Вержбицкий.* Указ. соч., стр. 162—163.
[94] ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 6, д. 15, л. 3; см. также: *А. П. Щербатов.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность, т. V. СПб., 1896, приложения, стр. 390.
[95] ИППМ, т. II, стр. 417.

вующим законам заслуживал бы четвертования[96], т. е. говорил о наказании, которое полагалось за государственные преступления, а не за нерадивость по службе.

В связи с делом Кузьмина-Караваева было предано суду более десяти военнослужащих. Сам он был приговорен к смертной казни, которую царь заменил лишением прав и вечной каторгой. Такое же наказание получил де-Люсине. Несколько офицеров (Л. Е. Булатов, М. М. Огонь-Догановский и некоторые другие) были отправлены на службу в Оренбургский и Сибирский корпуса без права перевода. Жестокость приговора явно противоречит той версии дела Кузьмина-Караваева, которой придерживались сами военные власти.

Взаимоотношения Кузьмина-Караваева с Конарским по праву принадлежат истории русско-польских революционных связей, являясь одной из ее наиболее ярких страниц. А. И. Герцен писал о них следующее: «Это более, нежели соединение двух неприятелей против одного общего врага. Великий поляк Конарский, принесший свою грудь палачам из-за границы для того, чтобы проповедовать свободу в польско-русских губерниях, и неизвестный русский офицер Караваев, погибнувший, желая спасти Конарского, осужденного на смерть,— вот первообраз того соединения, о котором идет речь»[97].

Черты, свойственные взаимоотношениям Кузьмина-Караваева и Конарского, в определенной мере прослеживаются в материалах по делу, которое возникло в апреле 1840 г. в связи с арестом (при попытке перейти границу) студента Медико-хирургической академии Яна Возняковского и двух его товарищей. Возняковский, сплотивший вокруг себя значительную группу студентов, гимназистов, мелких служащих, был признан виновным «в составлении и распространении стихов самого преступного содержания, имевшего целью возбудить умы против всего священного и поощряющих даже к цареубийству», в намерении «освободить содержавшихся в Вильне в 1839 г. политических арестантов, убить бывшего в Вильне вице-губернатором князя Трубецкого и произвести в сем городе подобно последней французской революции мятеж для восстановления Польши»[98]. Группа Возняковского включала не только поляков, она имела постоянные контакты с русскими солдатами и офицерами, так что в идеологии и практической деятельности этой группы царил тот же дух интернационального, в частности русско-польского сотрудничества, который был характерен для взаимоотношений Конарского и Кузьмина-Караваева[99].

5. Польские и русские конспираторы 40-х годов. «Союз литовской молодежи»

Середина 40-х годов XIX в. была периодом весьма значительного подъема польского освободительного движения, обусловленного, с одной стороны, обострением социально-экономических противоречий, усилением антифеодальной борьбы крестьянства на польских землях и в за-

[96] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, оп. 216, д. 104, лл. 189—190.
[97] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XII, стр. 91—92.
[98] ЦГИА Литовской ССР, ф. 439, оп. 1, д. 352, л. 5.
[99] *В. Р. Лейкина-Свирская.* Революционная поэма Яна Возняковского. «Славянская филология». Л., 1964; ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, оп. 216, д. 37, 44, 45, 49, 77, 79, 82, 160, 244 и др.

падных губерниях России[100], а с другой — всей обстановкой в Европе, которая вступала в эпоху «Весны народов»[101]. Новый этап движения ознаменовался дальнейшей демократизацией как его идеологии, так и социального состава участников. По подсчетам Я. Бергхаузена, на протяжении 1843—1846 гг. выходцы из поместной шляхты давали от 5 до 19% участников движения, т. е. примерно столько же, сколько крестьяне и ремесленники (от 2 до 25%); основную же роль (об этом говорилось выше) стали играть мелкие чиновники, интеллигенция, учащаяся молодежь, т. е. выходцы из деклассированной шляхты и других сословий[102]. Характерным было то, что в некоторых из конспиративных организаций крестьяне и ремесленники хотя и не являлись руководящей силой, но по численности либо составляли большинство, либо были наиболее многочисленной социальной группой.

Демократизация идеологии движения особенно сказалась на взглядах таких видных деятелей эпохи, как Эдвард Дембовский и Петр Сцегенный. Глава наиболее радикальных сил в Краковском восстании 1846 г., Дембовский ненавидел и презирал тех, кто не верил в революционный потенциал крестьянства, называл их людьми с «мелким сердцем и тупой мыслью», считал заслуживающим наказания того, кто «преступно сомневается в восстании народа, т. е. хотел хотя бы еще на один день задержать провозглашение социальной революции»[103]. Ксёндз Сцегенный, ведя революционно-демократическую пропаганду среди крестьян, заявлял, что в их бедствиях виноват не бог, а прежде всего помещики; после помещиков, говорил он, «государи суть величайшие злодеи и разбойники». К крестьянству Сцегенный обращался со следующим призывом: «...Вы должны отобрать назад отнятую у вас землю, и никаких повинностей за нее не отрабатывать и не выплачивать»[104]. Именно это направление имели в виду К. Маркс и Ф. Энгельс, когда в «Коммунистическом манифесте» писали: «Среди поляков коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения, ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года»[105]. О нем же писал В. И. Ленин, повторяя приведенные слова в своем очерке о Марксе[106].

Характерной чертой мировоззрения наиболее радикальных польских революционеров 40-х годов являлось отсутствие национальной вражды к другим народам и стремление к русско-польскому революционному сотрудничеству. Это отражалось и в программных высказываниях идеологов движения и в практической деятельности ряда конспиративных организаций.

Идея необходимости межнационального сотрудничества трудящихся против эксплуататоров и угнетателей очень ярко и доходчиво формули-

[100] *И. И. Костюшко.* Разложение феодальных отношений и развитие капитализма в сельском хозяйстве Царства Польского (30-е — начало 60-х годов XIX в.). «Ученые записки Института славяноведения», т. X. М., 1954; *А. З. Барабой.* Правобережная Украина в предреформенный период. Рукопись докт. дисс. Киев, 1965; *В. А. Борис.* Крестьянский вопрос в революции 1848 г. в Галиции. Канд. дисс. Львов, 1959; *D. Fajnhauz.* Ruch konspiracyjny na Litwie i Białorusi. 1846—1848. W., 1965; *A Owsińska.* Sprawa chłopska w świetle publicystyki poznańskiej z lat 1823—1848. W., 1955.

[101] «W stulecie Wiosny Ludów 1848—1948». W.— Łódź, t. I, 1948; t. IV, 1951.

[102] *J. Berghauzen.* Z badań..., str. 167—168.

[103] ИППМ, т. III, стр. 298.

[104] Цит. по: *В. А. Дьяков.* Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801—1890 гг.). М., 1972, стр. 234.

[105] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 4, стр. 458.

[106] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26. стр. 79.

ровалась в известном пропагандистском произведении Сцегенного, озаглавленном «Послание святейшего отца папы Григория к земледельцам, ремесленникам, крестьянам, мещанам и солдатам, к лакеям, писарям и экономам, присланное из Рима»*. В этом произведении имеется следующее, не требующее комментариев, место: «До сих пор крестьяне дрались с крестьянами, чтобы королям и панам было хорошо; теперь землепашцы и ремесленники или крестьяне будут драться с королями и панами, чтобы было хорошо землепашцам, ремесленникам или крестьянам. В прошлых войнах землепашцы и ремесленники из поляков вставали с одной стороны, а землепашцы и ремесленники из русских — с другой стороны, и убивали одни других, чтобы было хорошо польским панам и русским господам, а те и другие во время боя всегда в отдалении держались. В будущей войне крестьяне, землепашцы и ремесленники, как из поляков, так и из русских, встанут с одной стороны, а господа и короли, как польские, так и русские,— с другой стороны, и крестьяне будут стрелять не в крестьян, а в господ. Победа будет за вами, братья, ибо вас много больше, вы шапками господ закидаете. А после войны никто не будет гнать вас на барщину, никто не будет бить, никто не будет глумиться над вами и вашими детьми»[107].

Для локальных конспиративных организаций в Королевстве Польском возможности практической реализации идеи русско-польского революционного сотрудничества были очень ограниченными и выражались главным образом в попытках пропаганды среди военнослужащих царской армии. Более или менее развитые элементы сотрудничества наблюдались там, где были для этого подходящие объективные условия. Соответствующие условия складывались в университетских центрах России, где польская молодежь училась вместе с представителями других национальностей, а также в западных губерниях, в которых польское население находилось постоянно в тесном соприкосновении с литовцами, белорусами, украинцами и русскими.

Говоря о попытках пропаганды среди военнослужащих со стороны польских конспираторов, следует отметить, в частности, распространение написанных по-польски и размножавшихся от руки листовок, содержание и внешний облик которых показывают, что идея русско-польского революционного сотрудничества глубоко проникла в ряды польских конспираторов. Такого рода листовки были обнаружены в 1844 г. в Люблине, а в 1848 г. в Лукове. Первая из них называлась «Польская нация к русскому войску», а вторая — «К русским». Листовки указывали на тяжелое положение русских солдат, объясняли им причины выступления польского народа против царизма, призывали их бросить оружие и соединиться с восставшими[108].

Если говорить об университетских центрах, то наиболее значительными представляются русско-польские контакты между петербургскими студентами. С 1843 г., когда в Петербурге начали складываться зародыши организаций, объединившихся впоследствии в кружок Петрашевского, среди студентов столичного университета существовали оппози-

* Долгое время это произведение необоснованно идентифицировали с «Золотой книжечкой или Историей рода человеческого».

[107] Цит. по: *В. А. Дьяков.* Революционная деятельность..., стр. 237—238. Об интернационалистской направленности всей пропаганды Сцегенного и о распространении аналогичных взглядов среди других участников движения см.: *В. А. Дьяков.* Идея межнационального сотрудничества в программах польских, русских, украинских революционеров 1840-х годов. «Советское славяноведение», 1971, № 5.

[108] *И. И. Костюшко.* Воззвания польских демократов к русским солдатам. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 19. М., 1956.

ционно настроенные группы русского, польского и смешанного состава. В одну из них входили Зыгмунт Сераковский, Вацлав Пшибыльский, Юзефат Огрызко, Влодзимеж Спасович и ряд других деятелей, получивших известность несколько позже — в конце 50-х — начале 60-х годов [109]. Об участниках этого кружка в алфавите Варшавской следственной комиссии сделана следующая запись: «Все они, находясь в Санкт-Петербургском университете, праздновали 17(29) число ноября (т. е. день возмущения в Царстве Польском), пели патриотические песни, вели политические разговоры, рассуждали о средствах восстановления независимости Польши и изъявляли надежду, что это сбудется посредством мятежа, подобного тому, каковой произошел в 1830 году». Вина наиболее активных участников кружка (Болеслава Свида, Сераковского, Спасовича, Вацлава Пшибыльского) формулировалась в алфавите следующим образом: «Они учредили в Санкт-Петербурге патриотические сходбища по четвергам и были главнейшими наставниками и истолкователями свободы, патриотизма, демократии и коммунизма, дабы приготовить своих товарищей по выходе из университета быть в состоянии распространять в целой Польше демократические идеи». Алфавит подчеркивал, что перечисленные лица имели связь с Вильно и Варшавой и собирались распространять свои идеи с помощью литераторов Юзефа Игнация Крашевского, Эдварда Желиговского и Игнация Ходзько [110].

По данным Варшавской следственной комиссии, в названный кружок, состоявший в основном из поляков, входил уроженец Москвы Афанасьев. Другие источники свидетельствуют, что участники кружка поддерживали тесные контакты с русскими студентами П. Н. Филиппповым, Н. В. Гагариным, Н. А. Мордвиновым, А. Н. Плещеевым, а также с переводчиком произведений А. Мицкевича на русский язык Званцовым. О настроениях этих лиц можно судить по дружескому посланию, которое Плещеев написал Мордвинову в феврале 1846 г. В нем осуждалась идейная и политическая пассивность юношей-педантов, причем Плещеев писал Мордвинову:

Ты не таков. В тебе есть к истине стремленье,
Ты стать в ряды защитников готов,
Ты веришь, что придет минута искупленья,
Что смертный не рожден для скорби и оков [111].

В студенческом кружке, весьма пестром по составу и симпатиям, преобладали уроженцы литовско-белорусских губерний, хотя немало было выходцев из Королевства Польского и юго-западных губерний. По имеющимся данным невозможно определить национальную принадлежность всех известных участников кружка, но наверняка можно утверждать, что наряду с поляками и русскими в него входили белорусы и литовцы.

При всей идейно-политической разноголосице в кружке, значительная часть его участников высказывала убеждение, что борьбу за уни-

[109] *W. Sliwowska.* Polskie kółka studenckie w Moskwie i Petersburgu w czterdziestych latach XIX wieku. «Przegląd Historyczny», 1961, N 1; *А. Ф. Смирнов.* Революционные связи..., стр. 131—139.

[110] AGAD. Stała Komisja Śledcza, № 1, к. 698—704; *В. А. Дьяков.* Заметки о некоторых источниках для биографии З. Сераковского. «К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу». М., 1964.

[111] Цит. по: *И. В. Порох.* История в человеке. Н. А. Мордвинов — деятель общественного движения в России 40—80-х годов XIX в. Саратов, 1971, стр. 9.

чтожение феодальных порядков и восстановление независимости Польши необходимо осуществлять революционным путем. Студент Школы правоведения поляк Михал Беликович во время одной из студенческих вечеринок произнес тост за низвержение царизма и за республику, а русский студент Н. В. Гагарин поддержал его, прочитав стихи К. Ф. Рылеева. Дневник Беликовича содержал резкое осуждение самодержавного образа правления и надежды на скорое прекращение «тиранского самодовольства». Студент Бонифаций Крупский, высказывая такое же отношение к существующим порядкам, подчеркивал необходимость сотрудничества всех народов Российской империи при ликвидации этих порядков. Он заявлял: «Россия стремится к усовершенствованию... Может быть, России предназначено построить тот храм вольности, где сойдутся все народы не с враждой, но с любовью друг к другу, как дети одного отца, и Россия не отвергнет Польше своего братства»[112]. Вспоминая о Беликовиче, Гагарине и других студентах, репрессированных за свободомыслие, Н. П. Баллин впоследствии заявлял, что они вовсе не были исключением, что политический, религиозный и моральный «нигилизм» был широко распространен среди студентов и многие из них вполне могли оказаться на месте пострадавших товарищей[113].

Значительный интерес представляют аналогичные факты, относящиеся к Московскому университету. Там училось немало поляков, причем в первой половине 40-х годов в их числе были Генрик Краевский, Ромуальд Свежбиньский и ряд других «стипендиатов Царства Польского», которые по возвращении на родину стали активными деятелями конспиративных организаций. Это было время бурного развития славянофильских идей, получивших особенно широкое распространение в Москве, время горячих споров между славянофилами и западниками[114]. Поляки не уклонялись от дружеских контактов со своими русскими коллегами, а университетские лекции и непрекращающиеся идейно-политические дискуссии оказывали существенное влияние и на польскую молодежь.

Воздействие славянофильских идей без труда обнаруживается, например, во взглядах и деятельности русского слависта П. П. Дубровского, учившегося в Московском университете в 1833—1837 гг. у бывшего филомата Юзефа Ежовского. Дубровский всю жизнь занимался пропагандой русской литературы в Польше и польской литературы в России. Этого далекого от политики человека, вполне лояльного по отношению к царизму, иногда обвиняют в безудержном панславизме и сознательном возвеличивании монархического образа правления. Думается, что более близки к действительности те исследователи, которые в журнале, издававшемся Дубровским в Варшаве в 1842—1843 гг., и в других его аналогичных начинаниях видят не верноподданническое усердие, а «неудачный эксперимент идеалиста, убежденного, что взаимное ознакомление с литературой может сблизить славянские народы, в том числе народы Польши и России»[115].

[112] Цит. по: *А. Ф. Смирнов.* Революционные связи..., стр. 136; *W. Śliwowska.* Polskie kółka..., str. 52—53.

[113] *Г. Новополин.* Эпигоны петрашевцев. «Пути революции», 1927, № 8—9.

[114] Общую характеристику общественно-политической жизни Москвы в эти годы см. у А. И. Герцена в XXX главе четвертой части «Былого и дум» (Собр. соч. в 30 томах, т. IX, стр. 133—171). Об участии в этой жизни поляков см.: *M. Tyrowicz.* Polski aneks do wspomnień Hercena. Studenci polscy w Moskwie w latach 1842—1848. «Kwartalnik IPR», 1954, N 3 (8).

[115] *B. Micha.* Piotr Dubrowski — zapomniany polonofil i propagator literatury rosyjskiej wśród Polaków. «Slavia orientalis», 1973, N 2.

С многочисленными свидетельствами о взаимосвязях совершенно иного характера мы встречаемся при изучении деятельности варшавской конспиративной организации, возглавлявшейся Г. Краевским и существовавшей в 1847—1850 гг. Отчасти монография Анны Минковской, основанная на уже не существующих материалах Варшавской постоянной следственной комиссии [116], а особенно обнаруженные в советском архиве полные судебно-следственные дела на руководящих деятелей «организации 1848 г.», неопровержимо доказывают влияние на них московских впечатлений. В подробных и откровенных показаниях Свежбиньского об этом говорится следующее: «...На наше образование имело влияние как самое изложение наук в университете, так равно и сношения с товарищами-русскими. Профессора Московского университета разделялись на две партии: славянскую и европейскую... Первое учение, проповедуя духовное единство славянщины, возбуждало вместе с тем ненависть к иноплеменникам; между тем, второе учение, возбуждая симпатии к Западной Европе, имело в виду цель изменить настоящий образ правления, наводя на мысль, что славяне, согласно историческому своему развитию, будут жить под союзным республиканским правлением. Последнее учение возбуждало к себе более сочувствия в слушателях, как в русских, так и в поляках. Несмотря, однако, на то, мысль о славянском братстве сделалась общим политическим верованием обеих партий. При таком направлении ученья дружба и сочувствие к нам русских, с которыми мы слушали лекции на юридическом и словесном отделениях, уничтожили оставшийся в нас зародыш исторической неприязни; мы видели в них соотечественников, с которыми стоило и можно было жить вместе, не теряя нашей народности. Этим путем мы пришли к тому убеждению, что необходимо соединить между собою славян под федерацию, и с этим политическим верованием мы возвратились в Царство Польское» [117].

В том, что касается идейно-теоретической сферы, свидетельство Свежбиньского вполне подтверждается текстом «Символа веры», написанным Краевским и игравшим роль политической программы организации. Этот документ, являющийся весьма своеобразным симбиозом учения Гегеля с идеями русских славянофилов, провозглашал закономерность смены романского начала древнего мира германским началом средневековья и утверждал, что будущее за славянским началом, которое непременно придет на смену германскому и воплотится в той самой республиканской федерации славян, о которой говорил в своих показаниях Свежбиньский. В то же время резко осуждались сословные, религиозные и национальные предубеждения. «Если бы ты,— говорится в «Символе веры»,— презирал и отталкивал от себя человека потому только, что он протестант или иудей, тем самым ты доказал бы, что у тебя низкая душа и злобное сердце. Не пруссак, австриец или русский враг наш, но тот, кто в ослеплении и в злобе сердца дерзает оспаривать у нас священнейшее право народности и политического существования» [118].

Реализовалась и изложенная Свежбиньским мысль о необходимости практических контактов с оппозиционными элементами в России. Одним из конкретных подтверждений тому может служить попавшее в руки

[116] *A. Minkowska.* Organizacja spiskowa 1848 roku w Królestwie Polskim. W., 1923, str. 23—24 и др.
[117] ЦГВИА, ф. 1873, оп. 1, д. 44, ч. 2, лл. 106—107, 110.
[118] Там же, ч. 1, л. 161.

властей письмо к Краевскому от некоего Гаврилова, учившегося вместе с ним в Московском университете. Текст письма, посланного в ответ на несохранившееся письмо Краевского и помеченного «Владимир, августа 29 (сентября 10) 1846», свидетельствует не только о дружеских отношениях корреспондентов, но и об определенной идейно-политической близости. «Напрасно Вы думаете,— говорится в письме,— что то, что интересует Вас, может быть чуждо мне. Правда, мы поставлены совершенно различно в наших отношениях к стране, к государству и к обществу, так различно, что я не могу вполне чувствовать в этих отношениях то, что Вы чувствуете; но во всяком случае я думаю, что настолько знаете меня, чтобы верить, что я понимаю и даже отчасти (хотя не вполне) разделяю их... Я русский, Вы — поляк, но мы оба люди». И подтверждая свои слова, Гаврилов смело критикует существующие порядки, а почтовому цензору, который будет, конечно, читать письмо, «посылает имя подлеца» [119].

Наличие сношений Краевского с какими-то оппозиционными силами в Москве запечатлено в показании одного из его соратников по «организации 1848 г.» — Вильгельма Клопфлейша. Конспиративный центр послал этого молодого человека для налаживания связей за границу, где он встречался с активными деятелями Польского демократического общества (в частности, с Людвиком Булевским, Владиславом Дзвонковским, Леоном Зенковичем) и вел с ними вполне доверительные переговоры. В соответствующей части показаний Клопфлейша говорится следующее: «Незадолго до моего выезда из Вроцлава, Зенкович, рассказывая мне об успехах демократической централизации после событий 1846 г., т. е. о присоединении всех вновь прибывших из края к демократическому обществу, об отдаче увезенной из Кракова казны повстанцев в пользу централизации, говорил о том, что русское тайное общество в Москве отправило своего посланца к централизации, чтобы войти с ним в сношения. Вследствие сего завязалась переписка между централизацией и обществом этим до происшествия 1848 г., которое заставило централизацию перебраться из Франции в Княжество Познанское и в Галицию. После возвращения централизации во Францию возобновились ли ее связи с обществом, о том Зенкович не известил. Расспрашивая его о подробностях помянутого общества, я осведомился, что оно составилось в 1843 г. в демократическом духе, что до происшествия 1848 г. действия свои ограничивало распространением политических мыслей между образованными людьми. Централизация переписывалась при оказиях, встречавшихся из Парижа в Москву, общество таким же делало образом, но раза два было писано по почте» [120]. Приведенные сведения недостаточно конкретны и не вызывают полного доверия. Однако они не оставляют сомнений в том, что какие-то планы сотрудничества имелись и что обе стороны предпринимали определенные шаги для их практического осуществления.

«Союз литовской молодежи», который в 1845—1846 гг. сложился в Вильно по инициативе Францишка и Александра Далевских, состоял из учащейся молодежи, мелких чиновников, городской бедноты и имел тесные связи с московским и петербургским студенчеством [121]. Связь эта была настолько разветвленной и тесной, что некоторые исследова-

[119] ЦГВИА, ф. 1873, оп. 1, д. 44, ч. 1, л. 162.
[120] Там же, д. 57, лл. 356—357.
[121] *А. Ф. Смирнов.* Революционные связи...; *D. Fajnhauz.* Указ. соч.; ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 18357, 18358.

тели[122] рассматривают описанный выше петербургский кружок как отделение или филиал «Союза». Едва ли можно считать такую точку зрения достаточно обоснованной, хотя бы потому, что этот кружок возник раньше «Союза» и действовал вполне самостоятельно[123]. Однако не следует и упускать из виду определенную личную преемственность, постоянные контакты друг с другом и сотрудничество этих организаций.

Начав с морального самоусовершенствования и чтения запрещенной литературы, «Союз литовской молодежи» под влиянием революционных событий в Западной Европе и нарастания противоречий внутри страны постепенно левел. В 1848—1849 гг. наиболее радикальные его участники не только добились принятия плана вооруженного восстания, но и пытались провести его в жизнь, развертывая агитацию среди ремесленников и крестьян, готовя захват складов оружия и стараясь наладить контакты с военнослужащими царской армии. В формировании своих конспиративных организаций и в пропагандистской деятельности большинство участников «Союза» исходило из идей дружбы и сотрудничества между польским и другими народами. По делу о «виленском заговоре», который был раскрыт властями за несколько дней до намеченного срока восстания, привлекался русский юноша Емельян Кусаков, выполнявший важные поручения Францишка Далевского; в деле фигурирует немало белорусов, а также литовцы, украинцы[124]. В минской гимназии участники «Союза» и связанные с ним передовые преподаватели знакомили учащихся с русской литературой и историей общественного движения. Касаясь этого, один из бывших гимназистов — Бенедикт Дыбовский в своих воспоминаниях писал: «Учили нас, мальцов, что не ненависть за ненависть следует проповедовать, а бороться за братскую дружбу и любовь»[125].

Значительный удельный вес «простонародья» и большой интерес к русскому освободительному движению — вот две характерные черты «Союза литовской молодежи». Анализируя итоги следствия и суда над участниками «Союза», виленские власти сочли необходимым особо подчеркнуть, что среди прикосновенных к делу лиц не обнаружено ни одного помещика, зато в нем упоминается много «ремесленников и лиц простого звания». В соответствующем документе, адресованном на имя царя, говорилось: «По прежним делам заметно было одно только стремление возбуждать ложный патриотизм для поддержания польской национальности и такими средствами приготовлять восстание; в последнее же время польский патриотизм сделался одним только предлогом, а главная цель злоумышленников состояла в распространении тех пагубных идей, которые в Западной Европе волнуют пролетариев и которые уже породили там столько безначалий»[126].

О росте влияния на поляков русского освободительного движения, наряду с приводившимся выше материалом, говорят выводы почти всех исследователей, занимавшихся данной эпохой. Даже польские историки межвоенного периода, которые либо не хотели, либо не имели возможности подробно освещать данную сторону дела, обращают внима-

[122] *А. Ф. Смирнов.* Революционные связи..., стр. 129—131; *W. Śliwowska.* Polskie kółka... str. 51.
[123] *В. А. Дьяков.* Заметки о некоторых источниках..., стр. 37; *D. Fajnhauz.* Указ. соч., стр. 300.
[124] ГПБ, ф. 629, оп. 1, д. 86, л. 7 и др.
[125] *B. Dybowski.* Pamięci Józefata Ohryzki. «Biblioteka Warszawska», 1907, maj, t. 2, cz. 2. Цит. по: *А. Ф. Смирнов.* Революционные связи..., стр. 131.
[126] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1850 г., д. 471, л. 13.

ние на то, что среди польской молодежи в Литве и Белоруссии на протяжении 30—50-х годов очень распространились взгляды декабристов. От декабристов, в частности, воспринималось убеждение, что государство должно существовать для блага подвластного ему населения, так же как правительство — для блага народа, а народ — для собственного блага [127].

6. Польско-украинские революционные связи. Кирилло-Мефодиевское общество

Касаясь польско-украинских революционных связей, исследователи не случайно указывают, с одной стороны, на большую научную значимость и сложность данного вопроса, а с другой — на его весьма слабую изученность [128]. Длительная борьба польского и русского феодальных государств за украинские земли, вековой гнет польских панов и упорная борьба против него украинских крестьян, осложненная религиозной и национальной враждой, а также ряд других факторов затрудняли контакты между прогрессивными силами польского, украинского и русского народов. И все-таки их связи и взаимопонимание развивались и расширялись по мере обострения антифеодальной борьбы крестьянства Украины и Польши, по мере демократизации политических программ польских и украинских революционеров.

Историческая обстановка в XIX в. была такова, что украинский народ, как и польский, был разделен на части существовавшими тогда государственными границами. Их наличием объясняется образование двух специфических районов, в которых шло развитие польско-украинских революционных связей: галицийского, расположенного в австрийских владениях, и собственно украинского, или приднепровского, который находился во владениях Российской империи, в рамках которой наиболее интенсивно протекало формирование украинской нации.

Применительно к галицийскому району дальнейшее укрепление польско-украинских революционных связей нашло отражение в деятельности галицийских конспираторов 30-х годов и в событиях 1846 г. Со времени своего возникновения польские конспиративные организации в Галиции, особенно те, которые имели демократическую ориентацию, пытались развернуть агитационно-пропагандистскую деятельность среди украинских трудящихся. В самом начале 40-х годов аресты вывели из строя многих деятелей и вызвали ликвидацию некоторых организаций. Но вскоре, опираясь на сохранившиеся низовые звенья, начали развертывать работу Эдвард Дембовский, Юлиан Госляр и их демократически настроенные соратники. Украинские крестьяне, ремесленники, солдаты являлись одним из постоянных объектов их агитационно-пропагандистских усилий [129].

Специальное исследование И. М. Нефедова показывает, что представление о безоговорочной враждебности западноукраинского кресть-

[127] *J. Hoffman.* Ideologia społeczno-polityczna młodzieży polskiej w dobie międzypowstaniowej 1830—1863. W., 1934, str. 29.

[128] *S. Kieniewicz.* Stosunki polsko-ukraińskie w latach 1820—1870. «Sesja naukowa w trzechsetna rocznicę zjednoczenia Ukrainy z Rosją. 1654—1954». W., 1956; *И. И. Костюшко.* Польская демократия первой половины XIX в. и освободительное движение украинского народа. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 13. М., 1954.

[129] *S. Kieniewicz.* Konspiracje galicyjskie; *Г. Ю. Гербільський.* Розвіток прогресивних ідей у Галичині у першій половині XIX ст. (до 1848 р.). Львів, 1964.

янства к польскому национально-освободительному движению в Галиции в 1846 г. не соответствует действительности, так как в рядах повстанцев была группа солдат-украинцев, выходцев из крестьянского сословия, которая взялась за оружие вместе с польскими шляхтичами и крестьянами. Характерно, что эти солдаты служили в тех полках австрийской армии, в которых на протяжении предшествующих лет активно действовали конспиративные организации, в том числе «Демократический военный союз», включавший представителей едва ли не всех национальностей Австрии и руководимый хорватом Томашем Дмитрасиновичем, а также кружок польской и отчасти украинской молодежи, созданный Госляром. В числе имевших хождение пропагандистских текстов была, между прочим, «Инструкция для солдат», написанная на украинском языке еще Ценглевичем и призывавшая бороться как за восстановление независимости Польши, так и за установление повсюду свободы и равенства, за уничтожение барщины, помещиков и царей [130].

События 1848 г. повлекли за собой расширение польско-украинских революционных связей [131]. Заслуживает внимания и то, что определенные контакты с польским освободительным движением имели в те годы также участники антифеодальной борьбы украинского крестьянства на Буковине. В 1848—1849 гг., когда эта борьба особенно обострилась, во главе ее встал Лукьян Кобылица — руководитель движения, выдвинувшийся непосредственно из крестьянской среды. По словам биографа этого замечательного деятеля, Кобылица в 1848 г. был тесно связан с депутатом галицийского сейма польским демократом Яном Федоровичем [132].

Важнейшим центром развития польско-украинских революционных связей являлся Киев. Выше уже говорилось об организации «Содружество польского народа», которая существовала среди киевских студентов, причем включала в свой состав не только поляков, но и украинцев. Следующий шаг был сделан в 1846—1847 гг. Кирилло-Мефодиевским обществом.

Эта организация, большинство участников которой было так или иначе связано с Киевским университетом, оказалась разгромленной царизмом в стадии, когда деятельность ее только начинала развертываться. Формально членами Общества исследователи считают немногим более десяти человек, но фактически оно затронуло значительно более широкий круг лиц. Важнейшим программным документом была написанная Н. И. Костомаровым и отобранная при его аресте рукопись, которую исследователи называют либо «Книгой бытия украинского народа», либо «Законом божьим». По определению III отделения, в ней «текстами священного писания, превратно истолкованными, и примерами из истории, столь же ложно понятыми, доказывается, что власть царская противна законам божеским и природе человеческой, что люди все равны и должны управляться только старейшинами, что от монархического правления происходят одни бедствия и страдания, и что славянские племена могут быть благополучны тогда только, когда над ними не будет никакой установляемой людьми власти» [133]. Участники

[130] *И. М. Нефедов.* Об участии в Краковском восстании 1846 г. галицийских крестьян-украинцев из числа служивших в австрийской армии. «Связи революционеров России и Польши в XIX — начале XX в.».

[131] *W. Borys.* Głos 1848 r. w sprawie zgody polsko-ukraińskiej. «Przegląd Historyczny», 1971, z. 4.

[132] *Ф. П. Шевченко.* Лук'ян Кобилиця. Київ, 1958, стр. 155.

[133] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1847 г., д. 81, лл. 44—45.

Общества были сторонниками ликвидации феодально-крепостнических порядков и создания демократической федерации славянских республик[134].

Взаимоотношения Польши и России с Украиной изображаются в «Законе божьем» следующим образом. Украина хотела жить «нераздельно и несмесимо» сначала с Польшей, потом с Россией, но первая «никоим образом не хотела отречься от своего панства», а вторая принесла неволю, так как «царь московский значил то же, что идол и мучитель»; Украина «любила и поляков и великоруссиян как братьев своих и не хотела с ними разбрататься», но те ее не поняли и разорвали «на две половины по течению Днепра». Однако, утверждает «Закон божий», в будущем все переменится и решающую роль при этом сыграет Украина: «Ибо голос Украины не умолкнул; встанет Украина из своей могилы и опять воззовет к братьям славянам, и услышат воззвание ее и восстанет Славянщина, и не останется ни царя, ни царевича, ни царевны, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сиятельства, ни превосходительства, ни пана, ни боярина, ни крестьянина, ни холопа... И Украина сделается независимою Речью Посполитою в союзе славянском»[135].

По существу программа Общества открывала определенные возможности для демократических решений в социальной и национальной сферах. Но она была расплывчатой, непоследовательной и не подкреплялась революционной решимостью, так как большинство участников Общества во главе с Н. И. Костомаровым и П. А. Кулишем не шли дальше пропаганды самобытности украинской культуры. По-настоящему революционное содержание вкладывали в программу Общества Т. Г. Шевченко и его единомышленники, олицетворявшие левое его крыло. Они весьма иронически воспринимали религиозно-мистическую оболочку «Книги бытия», были против «культурно-национальной» интерпретации ее содержания. Это отличие весьма отчетливо проявлялось в тех практических шагах, которые успело сделать Общество до его разгрома.

Применительно к польскому аспекту это может быть проиллюстрировано расхождениями между Шевченко и Костомаровым по поводу вовлечения в Общество студента-поляка Юлиана Белины-Кенджицкого. Считая этого молодого человека достойным кандидатом, Шевченко пригласил его к себе для того, чтобы представить Костомарову и провести решающий разговор, однако Костомаров решил уклониться от встречи и не пришел. Судя по воспоминаниям Кенджицкого, Шевченко, объясняя случившееся, сказал следующее: «Микола не пришел. Это такой человек, что не доверяет ни богу, ни черту. Я ему говорю: «Послушай, хочешь строить новый свет славянскими руками, а боишься с поляками об этом говорить. Так с кем же, черт побери, будешь ты строить? С нашими господами не поладишь». А он мне на это: «Дрались мы с поляками долго — не верю». Толкуй с дураком. Дрались, пока было из-за чего, а нынче и их и нас одна рука по голове гладит. Пора опомниться»[136]. Когда встреча, наконец, состоялась, то Костомаров неохотно раскрывал карты перед поляком и стал излагать программу Общества только под давлением Шевченко, причем сделал это так, что Шевченко не мог удержаться от бурного протеста. При всей лаконичности соот-

[134] *П. А. Зайончковский.* Кирилло-Мефодиевское общество. М., 1959; *Г. Я. Сергієнко.* Яскрава сторінка визвольного руху (до 125-річчя Кирило-Мефодіївського товариства). Київ, 1971; *J. Gołąbek.* Bractwo św. Cyryla i Metodego w Kijowie. W., 1935.
[135] *П. А. Зайончковский.* Указ. соч., стр. 158—160.
[136] «Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников». М., 1962, стр. 167.

ветствующего места в воспоминаниях Кенджицкого оно едва ли нуждается в комментарии:

«Под одним православным царем и в одной православной вере должны объединиться,— отозвался Костомаров.

— Вот тебе, баба, и свадьба!— возразил ему Шевченко.— Ты, Микола, хочешь всех славян в поповскую хату затащить»[137].

Кенджицкий, судя по его рассказу, формально так и не стал членом Общества, хотя дружба его с Шевченко сохранилась, и они не раз имели еще откровенные разговоры на политические темы. Вообще Шевченко живо интересовался польской литературой, у него было много знакомых среди поляков, особенно среди участников польского освободительного движения. Резкие отзывы о «ляхах», содержащиеся в его произведениях, относятся к польским панам, веками угнетавшим его соотечественников, а вовсе не к высокоценимой им польской культуре, не к польскому народу, к которому он относился с большим уважением и которому охотно протягивал руку дружбы для совместной борьбы против угнетателей[138].

Сравнительно широкие польские связи имели Костомаров и Кулиш, но круг знакомств и характер их взаимоотношений с поляками были иными. Среди приятелей и знакомых Костомарова мы найдем бывшего профессора химии в Кременецком лицее Стефана Зеновича, председателя Киевской археографической комиссии Константы Свидзиньского, известных литераторов Людвика Кондратовича, Адама Киркора и т. д. Кулиш поддерживал дружеские отношения с писателем Михалом Грабовским, с тем же Свидзиньским, Эдвардом Руликовским и другими поляками. Все перечисленные лица, за исключением одного Кондратовича-Сырокомли, в отличие от друзей Шевченко, либо не имели никакого отношения к польскому освободительному движению, либо были связаны с его самыми умеренными кругами. Отношение к этому движению со стороны Костомарова было весьма сдержанным, а со стороны Кулиша просто враждебным. И объясняется это не личными коллизиями или капризами, как изображают польские исследователи межвоенного периода[139], а политическими взглядами этих деятелей, существенно отличавшимися от революционно-демократических воззрений Шевченко.

Среди членов Кирилло-Мефодиевского общества поляков не было. Но в перечне тех, кто был связан с Обществом, польские фамилии имеются. Одна из них — Ю. Белина-Кенджицкий — уже называлась. По данным польской исследовательницы В. Сливовской, с кирилло-мефодиевцами, как и с петрашевцами (а десятилетием раньше — с Содружеством польского народа), поддерживал контакты врач Филипп Яблоньский[140]. По имеющимся сведениям, с Кирилло-Мефодиевским обществом был связан Евстахий Врублевский (дядя будущего генерала Парижской Коммуны Валерия Врублевского)[141].

Поскольку общество в целом и его установленные участники имели контакты с многими поляками, то естественно предполагать, что на фор-

[137] Там же, стр. 168—169.

[138] Подробнее о связях Т. Г. Шевченко с польским освободительным движением и его отношении к польской культуре см.: *В. А. Дьяков.* Тарас Шевченко и его польские друзья. М., 1964; *Г. Д. Вервес.* Т. Г. Шевченко і Польща. Київ, 1964.

[139] *J. Gołąbek.* Bractwo..., str. 316—383.

[140] *W. Śliwowska.* Sprawa pietraszewców..., str. 77—78.

[141] *А. Ф. Смирнов.* Революционные связи..., стр. 142; *Л. Большаков.* Літа невольничі. Книжка пошуків і досліджень про Шевченка періоду заслання. Київ, 1971, стр. 212.

му и содержание его программного документа — «Книги бытия украинского народа» — повлияла польская эмигрантская литература 30—40-х годов прошлого века, в частности «Книга народа польского и пилигримства польского» А. Мицкевича, вышедшая в Париже в 1832 г. Конечно, речь идет не о простом заимствовании или переделке, а именно о влиянии. Сопоставления текстов, проведенные советским ученым П. А. Зайончковским, несомненно подтверждают такое предположение [142]. Подтверждают его и те выдержки из различных эмигрантских изданий, высказывавшихся о славянской федерации, которые собрал польский исследователь Ю. Голомбек [143]. Если же говорить о путях знакомства участников Общества с эмигрантской литературой, то, кроме всех прочих, здесь можно указать на трехлетнее пребывание Н. И. Савича в Париже (начало 30-х годов) [144].

Говоря о влиянии польского освободительного движения на Кирилло-Мефодиевское общество, следует подчеркнуть, что его идеология, в свою очередь, оказала определенное влияние на польское движение, во всяком случае — на ряд его участников. Хотя вопрос этот не подвергался еще специальному изучению, воздействие идеи славянской демократической федерации может быть проиллюстрировано на примере некоторых польских друзей Шевченко. З. Сераковский, в частности, не раз говорил, что мечтает о соединении единоплеменных братьев, живущих на разных берегах Днепра, а в рукописи «Вопрос польский» подробно развил план славянской федерации [145]. По свидетельству Владислава Коссовского, на рубеже 50—60-х годов в Петербурге существовал руководимый З. Падлевским кружок, в который входили Шевченко и Костомаров [146]. Говоря об идеологии другого действовавшего тогда же кружка с участием Шевченко, Гаспар Малецкий вспоминал: «Члены этого кружка были проникнуты идеями либерального федеративного панславизма и в первую очередь федерализма украинцев, поляков и русских» [147].

7. Польское освободительное движение в идеологии и деятельности петрашевцев

Общественный подъем, который предшествовал и сопутствовал революционным событиям 1848 г., изменил условия для развития русско-польских связей в лучшую сторону. Обострение социально-экономических и политических противоречий усиливало русское и польское освободительное движение, содействовало их сближению друг с другом. Но действие данного фактора в значительной мере уменьшалось тем, что нарастание напряженности не было синхронным не только применительно к России и Польше в целом, но и применительно к отдельным польским территориям, принадлежавшим трем державам. Масштабы и

[142] *П. А. Зайончковский.* Указ. соч., стр. 8—12.

[143] *J. Gołąbek.* Bractwo..., str. 329—332 и др.

[144] Более подробно об идейных и личных контактах кирилло-мефодиевцев с поляками см.: *А. И. Бортников.* Кирилло-Мефодиевское общество и польское национально-освободительное движение. «Развитие капитализма и национальные движения славянских народов». М., 1970.

[145] РПРС, т. I, стр. 204, 230—240 и др.

[146] *В. А. Дьяков.* Заметки Владислава Коссовского о петербургском подполье и польской эмиграции накануне восстания 1863 г. «Революционная Россия и революционная Польша», стр. 406—407.

[147] Цит. по: *Е. С. Шаблиовский.* Шевченко и русские революционные демократы. М., 1962, стр. 61.

характер возможного сближения определялись отсутствием у обеих сторон сильных централизованных революционных организаций с большим размахом и далеко идущими планами. Именно поэтому сотрудничество не достигло уровня стратегического взаимодействия, а локализовалось в рамках отдельных организаций.

Отдельные кружки, образовавшие Общество петрашевцев, начали складываться с 1843 г., но само оно возникло не раньше конца 1847 г. Общество состояло в основном из чиновников и офицеров, из преподавателей и студентов; это были выходцы из небогатого, служилого дворянства, получившие хорошее образование и, как правило, вынужденные существовать на свой заработок. Участники Общества увлекались доктринами социалистов-утопистов, в особенности идеями Ш. Фурье, мечтали о ликвидации крепостничества и самодержавия, о социальных преобразованиях буржуазно-демократического характера. Многие из них готовы были добиваться этих целей путем революционного переворота с привлечением народных масс, а наиболее радикальные пытались развернуть агитационно-пропагандистскую, а отчасти и практически-организационную деятельность во имя осуществления этих целей [148].

Горячие противники всякой национальной ограниченности, сторонники дружественного общения и сотрудничества между народами, петрашевцы живо интересовались положением Польши и сочувствовали борьбе польского народа за свою свободу. В библиотеке петрашевцев и в списках книг, которые они заказывали для ее пополнения, находились произведения польских писателей и целый ряд работ об истории Польши, о польском освободительном движении (в том числе И. Лелевеля, Л. Мерославского, Р. Солтыка, А. Гуровского, А. Цешковского и т. д.). При обыске у М. В. Петрашевского были обнаружены заметки, сделанные им при чтении А. Мицкевича; петрашевцы С. Ф. Дуров, Н. А. Момбелли, А. Д. Толстов переводили стихотворения великого польского поэта, причем их внимание особенно привлекало то, что касалось революционной борьбы и русско-польских революционных связей (у Момбелли жандармы изъяли, например, польский текст и его собственный перевод послания Мицкевича «Русским друзьям» [149]). Один из наиболее радикально настроенных петрашевцев, Н. А. Спешнев, который, кстати говоря, был женат на польке, изучал философские работы Генрика Каменьского и переписывался с Эдмундом Хоецким. Польской литературой занимался и петрашевец А. В. Ханыков.

Интерес петрашевцев к польскому освободительному движению особенно усилили события 1846 и 1848 гг. Сведения об этих событиях они черпали не только из подцензурной печати и запрещенных иностранных изданий, но и из различных неофициальных каналов, в частности из рассказов поляка-петрашевца Яна Яструмбского и его соотечественников. Вероятно, определенную роль в осведомленности петрашевцев о польских делах сыграло и то, что М. Е. Салтыков с лета 1846 г. по март 1848 г. служил в канцелярии Военного министерства, причем был прикомандирован «для усиления» как раз к той структурной части, через которую шла соответствующая переписка [150]. В делах, которые держал в своих руках Салтыков на протяжении 1846 г., подшиты: донесения царских секретных агентов на польских землях; указания царя И. Ф. Пас-

[148] *В. Р. Лейкина-Свирская.* Петрашевцы; *W. Śliwowska.* Sprawa pietraszewców...

[149] *А. И. Бортников.* Петрашевцы и польское освободительное движение. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 42. М., 1964, стр. 41—42; *W. Śliwowska.* Sprawa pietraszewców, str. 193—194.

[150] *С. А. Макашин.* Салтыков-Щедрин. Биография, т. I. М., 1949, стр. 152, 450—453.

кевичу о военных «предостережениях» в Царстве Польском и западных губерниях; переводы важнейших корреспонденций краковских и других польских газет; копии показаний Людвика Мерославского прусским властям; сообщения о польских конспиративных кружках и группах в Варшаве, Вильно, Россиенах, Белостоке, Житомире; переписка о Казимеже Мочульском, Яне Рёре, Станиславе Круликевиче и других деятелях освободительного движения; среди этих дел имеется сводный «Алфавит лицам, прикосновенным к краковскому возмущению»[151]. Совершенно очевидно, что немалая часть богатейшей информации, поступавшей в Военное министерство, становилась так или иначе доступной для петрашевцев.

Ту национально-освободительную борьбу, которую вели против царизма народы Кавказа, финны и особенно польский народ, петрашевцы считали важнейшим резервом революции в России. Петрашевский заявлял, что единство Российской империи поддерживается только военной силой, что падение царизма или его серьезное ослабление должно привести к ее распаду; при этом он высказывал убеждение, что каждый народ должен управлять собой сам, а не подчиняться чужеземному господству[152]. Угнетение Польши Петрашевский не только считал несправедливостью, но и был убежден, что оно невыгодно русскому народу и русскому государству. «Если вывести войско из Польши,— писал он,— то сколько выиграет этим денег и увеличится русская армия?»[153]

В тех конкретных планах революционных действий, которые разрабатывались петрашевцами, Польша занимала одно из ведущих мест. Фиксируя в дневнике дошедшие до него слухи об арестах участников Кирилло-Мефодиевского общества и анализируя приписываемый Шевченко план восстания на Украине, Момбелли писал: «С восстанием же Малороссии зашевелился бы и Дон, давно уже недовольный мерами правительства. Поляки тоже воспользовались бы случаем. Следовательно, весь юг и запад России взялся бы за оружие»[154]. Примерно так же выглядит стратегический план петрашевцев у Спешнева, который был уверен, что революция начнется в западной части Российской империи. Спешнев критиковал неприемлемые для петрашевцев черты во взглядах Каменьского, Хоецкого, но выступал за необходимость сотрудничества русского и польского освободительного движения, доказывая, что при поисках союзников следует обращать внимание на идейно-политические, а не на национальные различия[155].

Наиболее развернутые высказывания по польскому вопросу оставил петрашевец Ян Фердинанд Ястшембский[156]. Он был уроженцем Минской губернии и происходил из бедной шляхетской семьи. Окончив Виленскую гимназию, Ястшембский поступил в местный университет, но был репрессирован за причастность к восстанию 1830—1831 гг. и завершил образование только в 1842 г. в Харьковском и Киевском университетах. Будучи с 1842 г. преподавателем в столичных военно-учебных заведениях и помощником инспектора студентов в Петербургском технологическом институте, Ястшембский стал одним из наиболее активных и радикально настроенных участников в кружках, ставших ба-

[151] ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 16375—16398.
[152] «Дело петрашевцев», т. III, стр. 380, 385.
[153] Там же, т. I, стр. 548.
[154] Там же, стр. 312.
[155] «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953, стр. 489, 492.
[156] Более подробно о нем см.: *W. Śliwowska.* Sprawa pietraszewców, str. 197—206.

зой для возникновения общества Петрашевского. Ястшембский, как поляк, чаще и, может быть, резче других высказывался по польскому вопросу. Однако источники не оставляют сомнений, что его позиция в этой области вполне соответствовала общей программе петрашевцев, а те действия Ястшембского, которые жандармы называли «восторженными выходками в пользу Польши», встречали с их стороны почти единодушную поддержку.

Позиция Ястшембского наиболее полно иллюстрируется его выступлением на одном из собраний общества [157], где он заявил, что, будучи поляком душой и телом, он готов по капле отдать всю свою кровь во имя ее освобождения, но при условии, что оно не повредит свободе других народов. По словам Н. С. Кашкина, Ястшембский говорил, что он «ни к какому народу ненависти не питает, а что, напротив, хотя и любит Польшу, как отечество свое, всей душою, но если бы гибель Польши была необходима для счастья других народов, то он готов первый принести топор для отсечения главы ее» [158].

В кружки петрашевцев входило, кроме Я. Ястшембского, еще несколько поляков. Это были: чиновник морского ведомства, пианист и учитель музыки Миколай Кашевский; происходивший из однодворцев Подолии студент Александр Мадерский; чиновник департамента железных дорог Евстахий Марцинковский; чиновник Министерства государственных имуществ Игнаций Понятовский; чиновник заемного банка Кароль Витковский; чиновник Министерства иностранных дел Виктор Войцеховский. Они были менее деятельны, чем Ястшембский, но их участие в кружках показывает, во-первых, что при создании революционной организации петрашевцы стояли на интернационалистических позициях, а во-вторых, что польский вопрос мог затрагиваться и освещаться среди петрашевцев не одним только Ястшембским, но и другими его соотечественниками.

Сочувственное отношение петрашевцев к польскому национально-освободительному движению не привело к идущему из центра продуманному сотрудничеству с поляками. Это объясняется недостаточно высоким организационным уровнем движения в России и Польше, а также тем, что соответствующие организации подверглись разгрому раньше, чем смогли сделать серьезные шаги в этой области [159]. Однако факты показывают, что нужды практической деятельности подвели петрашевцев вплотную к пониманию необходимости объединить усилия и наладить взаимодействие с польским освободительным движением.

Еще в 1844 г. Момбелли после разговора со своим однополчанином капитаном Ленцем, очевидцем подавления восстания 1830—1831 гг., сделал в дневнике подробную запись, показывающую, что он сочувствовал повстанцам и хотел сохранить в памяти побольше подробностей, чтобы поделиться ими с товарищами [160]. В октябре 1846 г., выступая в кружке с сообщением о положении в Варшаве, Момбелли осудил «самовольные» действия России и Австрии, которые привели к уничтожению Краковской республики [161]. На одном из декабрьских собраний

[157] «Дело петрашевцев», т. III, стр. 431.
[158] Там же, т. II, стр. 215.
[159] О стремлении обеих сторон к сотрудничеству и о реальных шагах в этом направлении говорят приводившиеся выше свидетельства о связях с Москвой Польского демократического общества и связанной с ним варшавской конспиративной организации под руководством Г. Краевского.
[160] «Дело петрашевцев», т. I, стр. 264—271.
[161] Там же, стр. 287.

кружка в том же году был зачитан доклад А. И. Макшеева «Польская революция», который несомненно явился откликом на революционные события в Польше. 8 апреля 1849 г. во время одной из «пятниц» у Петрашевского снова широко дискутировались связанные с Польшей вопросы, включая и события последних лет [162].

Когда в Петербург дошла весть о событиях 1848 г. во Франции, некоторые поляки — воспитанники Школы правоведения выразили бурную радость, за что трое из них были отданы в солдаты [163]. Немало петербуржцев одобряли это выступление молодежи, интересовались судьбой арестованных поляков, считали назначенное им наказание слишком жестоким. В их числе был Петрашевский, который следил за ходом дела и пытался оказать арестованным хотя бы моральную помощь [164].

Сотрудничество в борьбе с царизмом складывалось среди тех поляков и русских, которые в 1849 г. сражались на стороне восставших венгров [165]. Победы карателей не вызывали восхищения среди военнослужащих русской армии. «...Русские офицеры и нижние чины,— по свидетельству современника,— братались с венгерскими, угощали их и поили, для чего не жалели последней копейки» [166]. Среди перебежчиков встречались как рядовые и унтер-офицеры, укрывшиеся от побоев и издевательства своих начальников, так и военнослужащие, оставившие свои части по политическим соображениям. По национальной принадлежности это были русские и представители других народов России, но больше всего было поляков. В венгерской революционной армии все они иногда оказывались вместе, ближе узнавали друг друга, в одном строю сражались против австрийских войск и царской армии [167].

На территории Российской империи также существовали русско-польские контакты, связанные с венгерскими событиями. Они еще недостаточно исследованы, но несомненно заслуживают внимания. Не случайно между Третьим отделением и Военным министерством возникла специальная переписка «о замыслах польско-венгерской пропаганды устроить и распространить красную республику в прежних польских провинциях между 40 тысячами наших казаков». Из этой переписки явствует, что в 1848 г. польские политические эмигранты отлитографировали и отправили для распространения среди донских и черноморских казаков несколько сот экземпляров «возмутительных» прокламаций, что в 1850 г. проводилась аналогичная акция, так как многие из казаков «увлечены кошутовыми идеями свободы», «с высоким почитанием распространяют между собою его речи и грудное изображение его», а поскольку «их свобода, как и свобода венгерцев, не упрочилась, то они симпатизируют с поляками и венгерцами» [168]. Донесение тайного агента, из которого взяты приведенные слова, явно грешит преувеличениями; однако опасения высших царских сановников основывались на реальных событиях, об истинных масштабах которых пока можно только догадываться.

[162] «Дело петрашевцев», т. II, стр. 221.
[163] *W. Sliwowska.* Sprawa pietraszewców, str. 61—62.
[164] *А. И. Бортников.* Петрашевцы..., стр. 44.
[165] *В. Г. Вержбицкий.* Указ. соч., стр 245—259; *L. Russjan.* Polacy i sprawa polska na Węgrzech w 1848—1849 r. W., 1934 («Rozprawy Historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego», t. XII, z. 2).
[166] *А. И. Дельвиг.* Полвека русской жизни. 1820—1870, т. I. М.— Л., 1930, стр. 516.
[167] Об этом свидетельствуют десятки военно-судебных дел, изученных лишь отчасти (см., например: ЦГВИА, ф. 1873, оп. 1, 1853 г., д. 23, 24, 25, 32—37, 40, 46—50, 53, 59; оп. 2, д. 27; оп. 4, д. 64, 102, 103 и др.).
[168] ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 19217, л. 2.

8. Взаимосвязи русских и польских революционеров в эмиграции

Польская революционная эмиграция стала особенно многочисленной после подавления восстания 1830—1831 гг. Это был период значительной демократизации ее состава и заметной радикализации идеологии. В 30-е годы возникли многочисленные и активные эмигрантские организации, ставшие большой политической силой. Если говорить о демократической части эмиграции, которая составляла наиболее благоприятную среду для распространения идей русско-польского революционного союза, то ее позиция характеризуется возросшим пониманием того, что национальное и социальное освобождение польского народа неразрывно связаны между собой, что восстановление независимости Польши невозможно без вовлечения в борьбу широких масс и без осуществления серьезных социальных преобразований [169].

Левое крыло эмиграции представляли Польское демократическое общество, возникшее в 1832 г. и просуществовавшее до 1863 г. [170], и общество «Люд польский», действовавшее в 1835—1846 гг. преимущественно на территории Англии [171]. Польское демократическое общество резко осуждало аристократическую партию, которая «в своем гнусном и безрассудном эгоизме» отвергла единственно возможный путь, ведущий к тому, чтобы «польское национальное дело стало бы делом народа», при осуществлении которого каждый «должен в возрожденной Польше одновременно с правами поляка, т. е. национальными правами, получить права человека в самом широком смысле этого слова» [172]. Критикуя Польское демократическое общество слева, идеологи «Люда польского» подчеркивали своекорыстие шляхты и решающее значение в борьбе трудящихся масс. «Польша воспрянет не благодаря шляхте,— говорилось в учредительном манифесте громады «Грудзёндз»,— но благодаря народу, не благодаря жертвам, принесенным в интересах шляхты, но благодаря жертвам, принесенным на алтарь народа» [173].

На протяжении трех десятилетий, предшествовавших Крымской войне, русская политическая эмиграция была очень малочисленной и неорганизованной. А. И. Герцен, покинувший родину в январе 1847 г., один из его старых друзей — Н. И. Сазонов, эмигрировавший еще в 30-х годах, М. А. Бакунин, который с 1843 г. отрезал себе пути возвращения в Россию, петрашевец В. А. Энгельсон, выехавший за границу после разгрома этой организации царизмом,— вот чуть ли не все русские, которых можно назвать политическими эмигрантами в полном смысле этого слова. Они были непримиримыми врагами феодально-крепостнического строя и сочувствовали освободительным стремлениям любого народа, симпатизировали идеям утопического социализма. Это создавало предпосылки для взаимопонимания и сближения их с польской эмиграцией, содействовало взаимному интересу, установлению кон-

[169] *W. Łukaszewicz.* Wielka Emigracja (1831—1862). Obozy polityczne, polityka, publicystyka. Wr., 1951; *S. Kalembka.* Wielka emigracja. Polskie wychodźstwo polityczne w latach 1831—1862. W., 1871.

[170] ИППЛМ, т. II, стр. 425—524; *B. Baczko.* Towarzystwo Demokratyczne Polskie. Dokumenty i pisma. W., 1954; *S. Kalembka.* Towarzystwo Demokratyczne Polskie. 1832—1848. Toruń, 1966; *M. Tyrowicz.* Towarzystwo Demokratyczne Polskie. 1831—1863. Przywódcy i kadry członkowskie. Przewodnik biobibliograficzny. W., 1964.

[171] ИППЛМ, т. II, стр. 557—659; *H. Temkinowa.* Gromady Ludu Polskiego. W., 1962.

[172] ИППЛМ, т. II, стр. 425.

[173] Там же, стр. 558.

тактов. С несколько иных позиций выступали против царизма И. Г. Головин и Н. И. Тургенев, но их лояльное отношение к полякам также создавало возможности взаимопонимания и сотрудничества [174].

Акт основания Польского демократического общества исходил из возможности совместной борьбы поляков и русских против царизма, хотя ориентировался прежде всего на поддержку Европы [175].

Иоахим Лелевель, вошедший в 1846 г. в Польское демократическое общество вместе с руководимой им и Станиславом Ворцелем эмигрантской организацией «Объединение» («Zjednoczenie»), неоднократно высказывался за русско-польский революционный союз. В речи 29 ноября 1839 г. в Брюсселе Лелевель говорил, ссылаясь на опыт Шимона Конарского: «Для вас важнее знать, что русские и поляки сговариваются между собой, что есть нечто общее, что волнует их, оживляет, сближает, соединяет, что ими руководит не ненависть или злоба, но гуманистическая цель, общая для обеих наций, занимающая теперь весь славянский род, в котором готовятся великие события» [176]. Его обращение к английскому народу по случаю приезда в Лондон Николая I в 1844 г. имело своим основным мотивом дружбу между народами вообще и между польским и русским народами в частности. «...Собравшись для того, чтобы подвергнуть проклятию палача польского народа, угнетателя России,— писал Лелевель англичанам,— помните о братстве народов; помните, что русский народ чувствует это братство и готовит силы и что его представителями были мученики русской свободы» [177].

Те же мысли находим у Яна Подолецкого — одного из видных публицистов Демократического общества 50-х годов. В одном из номеров «Демократы польского» за 1851 г. он писал: «...Лжет Николай, хвастаясь перед миром верностью и приверженностью подданных. Царский гнет опостылел москалям с того времени, как великая война привела русских солдат на берега Сены. Об этом свидетельствуют виселицы, на которых погибли Пестель и его товарищи; об этом свидетельствует непрерывное брожение в народе, недовольство в городах и в просвещенных классах. На улицах Петербурга и Москвы можно иногда увидеть фигуры женщин в траурных одеждах; люди почтительно расступаются перед ними и с глубоким уважением провожают их тихим шепотом: «Бестужев, Муравьев». О! Надежды Москвы покоятся не на царизме...» [178]

Генрик Каменьский сотрудничал с Польским демократическим обществом, но не являлся формально его членом. Участник восстания 1830—1831 гг. и соратник Эдварда Дембовского по конспиративной деятельности накануне событий 1846 г., Каменьский под псевдонимом Филарета Правдовского написал «Демократический катехизис», который был издан и получил довольно широкое распространение. Отвечая на

[174] Масса интересных сведений о русской политической эмиграции той поры содержится в книге польской исследовательницы Виктории Сливовской (*W. Śliwowska.* W kręgu poprzedników Hercena. Wr.— W.— Kr.— Gd., 1971).

[175] ИПППМ, т. II, стр. 431.

[176] Там же, стр. 233.

[177] Т. е. казненные декабристы. ИПППМ, т. II, стр. 235. О роли И. Лелевеля в истории русско-польских революционных связей подробнее см.: *W. Bortnowski.* Stanowisko Joachima Lelewela wobec rosyjskiego ruchu rewolucyjnego. «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego». Łódź, 1962; *G. Kurpisowa.* Joachim Lelewel i Rosjanie. «Gdańskie Zeszyty Humanistyczne», seria «Historia», N 6, Gd., 1967; *Б. С. Попков.* Польские современники о политической деятельности Иоахима Лелевеля в эмиграции. «История и культура славянских народов». М., 1966.

[178] ИПППМ, т. III, стр. 495.

вопрос о том, как должны относиться участники польского освободительного движения к народам трех держав, участвовавших в разделе Польши, Каменьский писал: «Каждый добрый поляк является естественным врагом тех правительств, которые растерзали его отечество и держат его в неволе, он борется против них; но совершенно иначе он относится к народам, которые являются пассивным орудием в руках этих гнусных государей... Так, во время войны с русскими в 1831 г. на наших знаменах было написано: «*За нашу и вашу свободу!*» ...Мы радуемся, когда какой-либо из этих народов освобождается от гнета и насилия деспотизма; братские чувства соединяют нас с теми из них, которые являются друзьями народов; доказательством этому является болезненный стон, который у нас исторгло известие о смерти Пестеля, Муравьева и других мучеников правого дела. Воистину, друзья свободы — братья между собой» [179].

Громады «Люда польского» во взаимоотношениях с освободительным движением других стран придерживались интернационалистских позиций. Это нашло проявление в их контактах с чартистскими организациями, в речи, которую С. Ворцель произнес в 1837 г. на похоронах известного французского революционера и мыслителя Ф. Буонаротти, поддерживавшего тесные связи с левым крылом польской эмиграции и оказавшего большое влияние на формирование социальной программы «Люда польского». В своей речи, говоря о венке, который представители польских трудящихся хотели бы возложить на могилу покойного рядом с венком, сплетенным рукой народа Франции, Ворцель заявил: «...Пусть же эти сплетенные вместе венки послужат в будущем доказательством того, что *политические деятели могут рассчитывать на благодарность угнетенного народа только в том случае, если они будут действовать так, как Буонаротти, и что тайна будущего братства народов* состоит в полной перемене общественных отношений» [180].

На программу «Люда польского» и на мировоззрение его ведущих деятелей наложили свой отпечаток различные направления утопического социализма, в том числе так называемый христианский социализм, в котором стремление к социальному равенству сочеталось с религиозными догматами христианства. В духе христианского социализма выдержан один из программных документов «Люда польского», озаглавленный «Основы всеобщей церкви» и составленный в 1844 г. Зеноном Свентославским. О том едином для всего земного шара человеческом обществе, к которому нужно стремиться, в этом документе говорится: «Ни одна Нация, ни одно Воеводство, ни один Повет или Громада не будут питать ненависти или зависти к другим Нациям, Воеводствам, Поветам или Громадам; но они будут взаимно любить друг друга и дружно, общими силами будут трудиться для достижения всеобщего счастья...» [181]

Участники польского освободительного движения 30—50-х годов XIX в. боролись за независимую Польшу в границах 1772 г., но представляли ее себе по-разному. «Люд польский» добивался единого демократического государства с полным равноправием входящих в него народов. Виднейший идеолог «Люда польского» Тадеуш Шимон Кремповецкий, убежденный в том, что польская нация сложится из народов Польши, Литвы, Белоруссии и Украины, видел базу для ее консолида-

[179] ИППМ, т. II, стр. 715—716.
[180] Там же, стр. 646—647.
[181] Там же, стр. 648—649.

ции только в идее всевластия народа [182]. Именно демократизм и вера в равные права народов обусловили сочувственное отношение Кремповецкого к вооруженной борьбе украинского народа против польских панов. В одной из своих речей Кремповецкий заявил: «...католицизм ... в XVII в., подкрепляемый мечом панов, сильно задел энергичный украинский народ; тогда народ показал угнетателям, что такое народная месть... Имена Гонты и Дорошенки еще и теперь вызывают страх у угнетателей. Стремление к свободе проявляется в печальных песнях солдата, в элегиях украинца и в воспоминаниях запорожского казака. Эти же песни, романсы и воспоминания воодушевили яркую музу несчастного Рылеева, одного из первых мучеников свободы в России» [183].

Отношение «Люда польского» к украинскому народу и его борьбе против польских панов нашло свое яркое выражение в том, что одна из его громад приняла название «Умань», подчеркнув тем самым полное несогласие с теми из своих соотечественников, которые использовали страхи перед «уманской резней» для подогревания польско-украинской национальной вражды. Основателями громады «Умань» были Леопольд Ковальский, Ян Дзежбиньский, Константин Кумпикевич, Ян Крыньский, Альбин Кшиштофович, Зенон Свентославский. Аргументируя название громады и отвечая на вызванные им упреки в терроризме, Дзежбиньский писал: «Мы решили выбрать название «Умань» в знак того, что с населением Украины, с людьми греко-христианской веры мы заключили союз возрождения, союз будущего, в знак того, что этим названием мы полностью смыли ту ненависть, ликвидировали те кровавые воспоминания, которые остались от прошлого, от страшных расправ над украинским народом» [184].

Мы уже упоминали о распространявшемся при самом деятельном участии Лелевеля «Воззвании к русским» [185]. В нем говорилось, что многочисленные русско-польские столкновения, которыми отмечена история, не могли вызвать и не вызвали ненависти польского народа к русскому. Напротив, в событиях 1825 и 1830—1831 гг. «обнаружился союз между русской и польской нациями». Воззвание утверждало: «Народы, стремящиеся к свободе, находятся между собой в союзе... Славянин славянину охотно подает братскую руку. Славянин усердно побуждает славянина добиваться своей свободы. Великая идея федерации славянских народов, провозглашенная на берегах Невы [186], может быть воплощена в жизнь только посредством совместного их возрождения. Долой ярмо чужеземцев! Долой деспотизм! Русские, положите начало этому благородному делу, воздвигните алтарь свободы вместо столь долго почитавшегося идола и призовите к общему делу братские народы, ибо все они одинаково жаждут этого». На протяжении 30—50-х годов «Воззвание к русским» широко распространялось среди участников польского, а отчасти и русского освободительного движения, содействовало их взаимопониманию и сближению.

Характерным для польской эмиграции было глубокое уважение к декабристам, к которым восходили традиции русско-польского революционного союза. Подтверждением этого служит торжественное чествование памяти казненных декабристов на польско-французских митингах,

[182] ИППМ, т. II, стр. 541, 547.
[183] Там же, стр. 527—528.
[184] «Lud Polski. Wybór dokumentów». W., 1957, str. 103.
[185] ИППМ, т. II, стр. 217—223.
[186] Речь идет о программных положениях декабристов, обсуждавшихся во время их переговоров с Польским патриотическим обществом (см. гл. II).

которые состоялись в январе 1833 г. в Париже и некоторых других городах Франции. На одном из митингов выступил Артур Завиша, на другом — поляк Рутковский и русский эмигрант Зубов [187]. Отчеты о митингах, напечатанные в газете «Пельгжим Польский», которая издавалась эмигрантами в Париже, доходили до Российской империи и с интересом читались оппозиционно настроенными лицами [188]. В июле 1841 г. митинг в память казненных декабристов польские эмигранты провели также и в Лондоне [189].

Если «Воззвание к русским» было первой на протяжении освещаемого периода попыткой польской эмиграции развернуть пропаганду среди русских, то последней по времени такого рода попыткой может, по-видимому, считаться листовка, датированная 24 июня (6 июля) 1854 г. и распространявшаяся в русской армии как во время Крымской войны, так и в последующие годы. Листовка имела заголовок «Воззвание к офицерам российской армии. Во имя отца и сына и святого духа». В ней говорилось: «Соединяйтесь с нами, и через ваше влияние возбудите в ваших подчиненных мысль свободы, укажите им на свет, внушите им, что они не рабы, не звери, но ваши и наши братья». Провозглашая свободу, листовка призывала народы России по первому сигналу стряхнуть с себя иго тиранов; она заканчивалась словами: «Будьте готовы! Наш штандарт, как и в 1831-м году,— «За нашу и вашу вольность»» [190].

Примером прямого сотрудничества между польской и русской эмиграцией может служить деятельность М. А. Бакунина. В студенческие годы он был дружен с Герценом, Огаревым, Белинским, вместе с ними штудировал Гегеля и других немецких философов, как и они, пытался со стороны философии подойти к изменению существующих порядков; выехав в 1840 г. для продолжения образования в Германию, Бакунин установил контакты с западноевропейским революционным движением и отказался вернуться на родину, когда о том последовал приказ из Петербурга [191]. В 1844 г., будучи в Брюсселе, Бакунин познакомился с Лелевелем, расспрашивал его о ходе восстания 1830—1831 гг. и о планах его руководителей на случай победы. Особенно расширились и укрепились польские связи Бакунина накануне и во время революционных событий 1848 г. [192] Не случайно в августе 1847 г. Бакунин писал Луизе Фохт, что живет «почти только с поляками и всецело бросился в польско-русское движение» [193].

На усиление интереса Бакунина к польскому освободительному движению повлияло Краковское восстание 1846 г. Именно весной 1846 г. он установил контакт с Централизацией Польского демократического общества, находившейся в Версале, чтобы выяснить возможность его участия в событиях. Судя по его «Исповеди», Бакунин несколько раз встречался с деятелями Централизации, но между ними не было

[187] О подпрапорщике Николае Зубове, перешедшем на сторону повстанцев в 1831 г., а затем оказавшемся в эмиграции, см.: ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1835 г., д. 33, лл. 1—9.

[188] ЦГВИА, ф. 801, оп. 109/86, 1834 г., д. 26, л 7 и др.

[189] См.: «Obchód po męczennikach za wolność rosyjską w r. 1826 poległych, odbyty w piętnastą rocznicę ich śmierci, dnia 25 lipca 1841, w Londynie. Poitiers, w drukarni Depierris».

[190] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 2, л. 69.

[191] *Н. М. Пирумова.* Михаил Бакунин. М., 1966.

[192] *A. Leśniewski.* Bakunin a sprawy polskie w okresie Wiosny Ludów i powstania styczniowego 1863 roku. Łódź, 1962.

[193] *М. А. Бакунин.* Собр. соч. и писем, т. III. М., 1934, стр. 263.

достигнуто взаимопонимания из-за расхождений в национальном вопросе[194].

29 ноября 1847 г. Бакунин был приглашен на митинг по случаю годовщины восстания 1830—1831 гг. в парижском зале «Валентино». Его речь произвела большое впечатление на полуторатысячную аудиторию. Методы, которыми царизм подавлял восстание, Бакунин назвал чудовищными, безумными и преступными. Доказывая, что ни поляки, ни русские не смогут свергнуть деспотизм в одиночку, что в России вызревают социальные силы, готовые на борьбу, он заявил польским эмигрантам: «Господа, от имени этого нового общества, этой настоящей русской нации я предлагаю вам союз... Да придет же этот великий день примирения, день, когда русские, объединенные с вами одними и теми же чувствами, борющиеся за одно и то же дело и против общего врага, будут вправе запеть вместе с вами вашу национальную польскую песнь, этот гимн славянской свободы: Jeszcze Polska nie zginęła!»[195]. Речь Бакунина всполошила царское правительство, и оно уже в декабре добилось его высылки из Парижа. Одновременно, по-видимому, не без участия царских дипломатов среди эмигрантов поползли слухи о том, будто Бакунин является агентом Третьего отделения. Хотя им поверили далеко не все, слухи эти затруднили впоследствии укрепление контактов Бакунина с поляками.

Перебравшись в Брюссель, Бакунин сразу же попадает преимущественно в польскую среду. Вскоре он начинает готовить речь для торжественного собрания, посвященного памяти Ш. Конарского и казненных декабристов. Собрание состоялось 14 февраля 1848 г. Текст речи не сохранился; сам Бакунин о ее содержании писал так: «Я много говорил о России, о ее прошедшем развитии, много о древней вражде и борьбе между Россиею и Польшею; говорил также и о великой будущности славян, призванных обновить гниющий западный мир; потом, сделав обзор тогдашнего положения Европы и предвещая близкую Европейскую революцию, ...я кончил следующими словами: «Будем готовы, и когда час пробьет, каждый из нас исполнит свой долг»»[196].

Не прошло и десяти дней, как во Франции началась революция. Бакунин бросился в Париж, а когда революционная волна покатилась дальше на восток — отправился в немецкие земли, чтобы быть поближе к русской границе и к польским землям, где он ожидал взрыва в ближайшее время. Проехав через Франкфурт-на-Майне, Кёльн, Берлин и Вроцлав в Прагу, Бакунин попал туда к началу Славянского съезда и примкнул к его польско-русинской секции. Участие в разделе Польши, говорил он на съезде, оттолкнуло славянские народы от России, которая может вернуться в славянское единство, лишь освободив польские земли; поэтому, будучи русским, он на Славянском съезде считает своим долгом быть среди поляков. В «Основах новой славянской политики» Бакунин выдвинул программу создания демократической славянской федерации. Ей были свойственны черты панславизма, которые подверглись резкой критике со стороны Маркса и Энгельса; но это был панславизм демократический, который исключал ведущую роль в объединении славян как для Австрийской империи, так и для царской России. Обращаясь к славянам, Бакунин заявлял, что они не освободятся, пока

[194] «Материалы для биографии М. Бакунина», т. I. М.— Пг., 1923, стр. 125—126.
[195] *М. А. Бакунин.* Собр. соч. и писем, т. III, стр. 277—279.
[196] «Материалы для биографии М. Бакунина», т. I, стр. 127. Приведенное место «Исповеди» подтверждается информацией польской эмигрантской газеты «Orzeł Biały» (см.: *A. Leśniewski.* Указ. соч., стр. 33).

не разрушат Австрию, но в то же время подчеркивал, что им «нет места в недрах Русского царства... Войдя в Россию императора Николая, вы вошли бы во гроб всякой народной жизни и всякой свободы» [197].

По дороге в Австрию, особенно во Вроцлаве, а также на Славянском съезде и в последующие месяцы, когда Бакунин принимал участие в баррикадных боях на улицах Праги, а затем готовил восстание в Дрездене, его знакомства в польской среде сильно расширились. Хотя деятельность его в это время была направлена прежде всего на Чехию и на австрийских славян, удельный вес польского элемента в этой деятельности продолжал оставаться весьма значительным. Подтверждением этому служит, в частности, «весьма секретная» переписка между государственным канцлером К. В. Нессельроде и военным министром А. И. Чернышевым, относящаяся к декабрю 1848 — январю 1849 гг. и рассказывающая о «преступных замыслах польских выходцев нарушить в сообществе с русским выходцем Бакуниным законный порядок в придунайских областях». Из переписки явствует, что Бакунин собирался в это время приехать в Сербию с документами турецкого подданного Ифта, что вместе с Людвиком Зверковским («Ленуаром») и другими польскими эмигрантами он собирался создать конспиративный центр в Землине для распространения среди солдат и крестьян «возмутительных воззваний», которые «печатают в Лейпциге на всех славянских наречиях» [198]. Цитируемое архивное дело и аналогичная переписка в Третьем отделении восходят к бездоказательным доносам Бзовского, но отчасти они отражают ситуацию, сложившуюся в период возникновения известного «Воззвания к славянам русского патриота Михаила Бакунина» [199].

К периоду «Весны народов» относится сотрудничество с поляками еще одного русского эмигранта — Н. И. Сазонова, который активно участвовал в созданной А. Мицкевичем ежедневной газете на французском языке «Ля трибюн де пёпль» («Трибуна народов») [200]. Это был интернациональный демократический орган, в котором сотрудничали также немцы, бельгийцы и представители других народов Европы. Жизненный путь Сазонова далеко не прямолинеен, а идейно-политические позиции на разных этапах жизни — не одинаковы [201]. Касаясь конца 40-х годов, Герцен писал о Сазонове как об одном «из самых ревностных защитников демократии в «Трибуне народов» и в «Реформе»», видел в нем «человека сильно даровитого и имеющего вес в европейском движении» [202]. Сазонов играл видную роль в редакции «Трибуны народов», являясь едва ли не наиболее талантливым и энергичным помощником Мицкевича. Статьи Сазонова в этом издании, публиковавшиеся под псевдонимом Иван Войнов, другие его произведения, а также письма и мемуарные источники позволяют составить представление о том, что он думал о русском и польском освободительном движениях, как

[197] «Материалы для биографии М. Бакунина», т. I, стр. 155.
[198] ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 17597, лл. 1—24.
[199] *Ю. Стеклов.* Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность, ч. 1. М., 1920, стр. 231—243.
[200] «La Tribune des Peuples». Факсимильное издание. Wr., 1963.
[201] *В. Сливовская.* Николай Сазонов и его отношение к польскому вопросу. «Связи революционеров Польши и России в XIX — начале XX в.» М., 1968; *Н. В. Минаева.* Московские друзья А. И. Герцена — Н. И. Сазонов и П. В. Боткин как представители общественного движения 30—50-х гг. XIX в. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 200, 1964.
[202] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. VII, стр. 406; т. XXIV, стр. 200.

относился к сотрудничеству между ними. Особенно интересно с этой точки зрения письмо к польскому эмигранту Кристину Островскому, написанное 29 ноября 1853 года.

Вспоминая о юбилейном митинге 1847 г., состоявшемся ровно за шесть лет до этого дня, Сазонов солидаризировался с тем, что говорил тогда в своей речи М. А. Бакунин, благодарил Островского за приглашение участвовать в очередном юбилейном торжестве и писал, обращаясь к его участникам: «Я помню, что в 1830 г. ваши знамена имели девиз «Za waszą i naszą wolność», я помню, что в том же году, едва выйдя из детского возраста, я хотел научиться говорить по-польски, чтобы знать язык этого героического народа, энергичные сыны которого открывали нам будущее, призывая революцию, столь же необходимую для рабской России, сколько и для порабощенной Польши. Убеждения моей юности сохранились и в зрелые годы. Добровольный изгнанник со своей родины, осужденный царем за нежелание возвратиться в Россию по его приказанию, я принес в жертву все, чтобы остаться свободным человеком, чтобы иметь возможность любить независимую Польшу столько же, как и свободную Россию. Да, дорогие сограждане, я говорю вам от всего сердца и с глубоким убеждением: мы можем добиться свободы только совместно, как совместно мы порабощены. Я могу быть не согласен с вами относительно союзников, которых вы себе ищете, чтобы отвоевать вашу независимость; но поскольку вы действуете от имени польского народа, русский народ ответит на ваш братский призыв; заявляю вам об этом от имени своего и всех своих единомышленников в России» [203].

Сазонов был в дружеских отношениях со многими деятелями польской культуры и революционной эмиграции: кроме уже упоминавшихся А. Мицкевича и К. Островского, в их числе могут быть названы, в частности, Эдмунд Хоецкий, Александр Голыньский, Людвик Круликовский. Некоторым из польских друзей Сазонова были свойственны неверие в революционный потенциал русского народа, религиозный мистицизм и преувеличенные надежды на помощь польскому освободительному движению со стороны Франции и Англии. Именно по этим вопросам Сазонов не раз спорил с ними, именно о них он напоминает в цитировавшемся выше отрывке своего письма Островскому. Не случайно первая же статья Сазонова в «Трибуне народов» под заглавием «О России» стремилась доказать, что преступления царизма нельзя ставить в вину русскому народу, что он достоин занять место в семье борющихся за демократию европейских народов [204]. Не случайно Владислав Мицкевич, вспоминая о разговорах своего отца с Сазоновым, свидетельствует, что на его призыв объединиться с народом и проникнуться верой простого крестьянина во всемогущего бога Сазонов ответил: «...Русские революционеры давно бы шли рука об руку с поляками, если бы те постоянно не выступали в союзе с богом» [205].

В 40-х годах с А. Мицкевичем поддерживали контакты и другие русские, находившиеся в Париже. Среди них был брат декабриста Н. И. Тургенева — А. И. Тургенев, который слушал известный курс лекций А. Мицкевича о славянских литературах, помогал автору некоторыми материалами для подготовки к ним, восхищался лектором, но соглашался с ним далеко не во всем [206]. Что касается Герцена, то его

[203] «Литературное наследство», т. 41—42. М., 1941, стр. 250—251.
[204] «La Tribune des Peuples», 15.III 1849.
[205] *Wł. Mickiewicz.* Żywot Adama Mickiewicza, t. IV. Poznań, 1895, str. 228.
[206] *Б. Ф. Стахеев.* Указ. соч., стр. 56—57; *W. Śliwowska.* W kręgu..., str. 134—139.

впечатление от лекций Мицкевича (он ознакомился с ними в письменном виде) изложено так: «Дочитал Мицкевича лекции. Много прекрасного, много пророческого, но он далек от отгадки; напротив, грустно видеть, на чем он основывает надежду Польши и славянского мира. В его надежде, если ее принять за надежду всех поляков, полный приговор Польше. Нет, не католицизм спасет славянский мир и воззовет его к жизни... Польша будет спасена помимо мессианизма и папизма»[207]. Мицкевичу и польской революционной эмиграции мессианизм принес немало вреда. Признавая это, следует отметить, однако, что у Мицкевича и многих его соотечественников религиозный мистицизм часто не имел ничего общего с официальной католической церковью. Не случайно написанные в 1832 г. «Книги польского народа и польского пилигримства» оказались неприемлемыми для папы и были осуждены Римом.

Наиболее яркая страница истории русско-польского сотрудничества тех лет связана, несомненно, с Герценом. Считая, что создание типографии для бесцензурной пропаганды является «делом наиболее практически революционным, какое русский может сегодня предпринять в ожидании исполнения иных, лучших дел»[208], он еще в 1849 г. принял решение основать такую типографию. Попытка создать типографию на германской территории не увенчалась успехом, и в августе 1852 г. Герцен переехал с этой целью в Лондон. Здесь условия были более благоприятными, но и трудностей было столько, что преодолеть их Герцену едва ли удалось бы без постоянной помощи польской демократической эмиграции. При этом обе стороны рассматривали сотрудничество не с точки зрения личных взаимоотношений, а как политическую акцию, ибо, говоря словами Герцена, типография создавалась «во имя *русской и польской свободы*»[209].

Большую помощь Герцену оказал один из корифеев Польского демократического общества, Станислав Ворцель. Поляки Станислав Тхужевский и Людвик Чернецкий взяли на себя всю техническую и организационную сторону дела и успешно обеспечивали ее на протяжении всего времени существования Вольной русской типографии. Поляки помогли Герцену приобрести русский шрифт и оборудование, поляки были первыми наборщиками в типографии, которая более года работала в помещении польской эмигрантской газеты «Демократа польский» (орган Польского демократического общества, возобновившийся с осени 1852 г.)[210].

10 мая 1853 г. по просьбе Герцена «Демократа польский» опубликовал его воззвание о создании Вольной русской типографии в Лондоне[211]. Свой отклик на это воззвание редакция «Демократы» поместила в номере от 15 мая в форме статьи «Польская типография Польского демократического общества и Вольная русская типография в Лондоне». В ней говорилось: «Гражданин Герцен понял обязанность русского народа.

[207] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. II, стр. 342—343.
[208] Там же, т. XII, стр. 79.
[209] Там же, стр. 64.
[210] *И. М. Белявская.* Польское национально-освободительное движение и Герцен (1860-е гг.). «Литературное наследство», т. 64. М., 1958, стр. 754—755; *A. Slisz.* Współpraca polskich i rosyjskich sił postępowych w polskiej prasie emigracyjnej i konspiracyjnej lat 1859—1864. «Z dziejów współpracy rewolucyjnej Polaków i Rosjan w drugiej połowie XIX wieku». Wr., 1956, str. 24—27; *А. М. Орехов.* Русская революционная эмиграция 50-х — начала 60-х годов и польское освободительное движение. РПРС, т. I.
[211] *И. М. Белявская.* Польское национально-освободительное движение..., стр. 754.

Честь ему! Нам следует выполнять наш долг. Наступило время показать, что в то время как мы никогда не заключим союз с Николаем, мы готовы в любой момент заключить союз с русским народом против его адского правительства» [212]. Таким образом, увидев в действиях Герцена серьезные признаки оживления русского освободительного движения, польские демократы сразу же поставили вопрос о своем союзе с этим движением.

Через несколько месяцев состоялся обмен заранее подготовленными посланиями, обозначившими политическую платформу русско-польского революционного союза и подтвердившими стремление обеих сторон к сотрудничеству. «Демократа польский» в номере от 1 августа 1853 г. опубликовал соответствующее воззвание к русскому народу, подписанное Станиславом Ворцелем, Антонием Жабицким и Леоном Зенковичем. В нем говорилось: «Мы верим, что польская рука, которую мы сегодня протягиваем вам, встретит братское пожатие братской русской руки так, как это было во времена Бестужевых и Пестелей, ибо то, что посеяно, должно взойти» [213]. Тем же днем датирована статья Герцена «Поляки прощают нас». Имея в виду митинг в память декабристов, когда-то организованный поляками в Лондоне, Герцен напоминал о том, что на этом митинге они звали русских на примирение и на общую борьбу. «Голос их не дошел до нас; но тогда уже молодежь всех русских университетов тесно соединялась с польскими юношами, присылаемыми к нам правительством». Переходя к воззванию, которое опубликовал «Демократа польский», Герцен писал: «Пока мир тщетно ждет царской амнистии полякам, Польша дает амнистию народу русскому. Еще более. Она в лице своих демократических вожатаев протягивает вам свою руку» [214].

С полной искренностью и без колебаний выступила за русско-польский революционный союз далеко не вся польская эмиграция, а лишь та ее часть, которая принадлежала к радикально настроенному демократическому крылу. Поэтому в польских эмигрантских изданиях, а отчасти и в печати отдельных стран Европы стали появляться материалы, обвинявшие Герцена в приверженности к реакционному панславизму. На его защиту сразу же выступили такие деятели Польского демократического общества, как Ворцель и Жабицкий, Зенкович и Свентославский. О выступлении Зенона Свентославского Герцен писал Луиджи Пьянчани в мае 1854 г.: «Статья Зено превосходна. Читая ее, мы хохотали как сумасшедшие. Я хотел было послать в «L'Homme» письмо, но теперь, после статьи Зено, оно кажется мне таким тусклым, что я решил пренебречь. Читали ли Вы эту статью? В ней такая глубина и такой священный гнев, которых ему не простят» [215].

Выпады националистически настроенных польских эмигрантов усилились, когда Вольная русская типография, по соображениям чисто хозяйственным, вынуждена была перейти в отдельное помещение [216]. Чтобы уничтожить почву для кривотолков, Герцен обратился с разъяснениями к Жабицкому, а потом написал письмо Ворцелю, использовав этот случай еще для одного подтверждения своей приверженности идеям русско-польского революционного союза. В этом письме говорилось сле-

[212] РПРС, т. I, стр. 11—12.
[213] Цит. по: *A. Ślisz.* Указ. соч., стр. 25.
[214] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XII, стр. 91.
[215] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XXV, стр. 177.
[216] Помещение польской типографии было снято на имя Л. Зенковича, которому угрожало судебное преследование за долги.

дующее: «Вы уже знаете от гражданина Жабицкого, что перемещение русской типографии было вызвано чисто экономическими соображениями. Позвольте мне еще раз повторить Вам это. Ничто не изменилось в наших отношениях — только теперь у нас две типографии вместо одной. Никогда я не чувствовал такой необходимости еще теснее сплотиться, как теперь, — я говорю о маленьком меньшинстве русских революционеров и представителях республиканской и социальной Польши. Мы вместе разобьем наши цепи, нас спаяло нечто большее, чем любовь, — нас спаяла ненависть. Вы — наши старшие братья, ваше знамя — наше знамя; по счастливой случайности это знамя красное»[217].

Весной 1854 г., когда выступление против николаевской России англо-франко-турецкой коалиции обозначило возможность нового подъема освободительного движения в Польше, Герцен издал прокламацию «Русскому воинству в Польше». Решительно осуждая порабощение Польши, заявляя, что «поглощение Польши царской Россией — нелепость, насилие», он убеждал русских военных: «Вы не русский народ защищаете в Польше. Русский народ не просит вас об этом, при первом пробуждении своем он отречется от вас и проклянет ваши победы. Вы в Польше защищаете неправое царское притязание, вы защищаете царя... Знайте же, что, защищая его, вы защищаете все бедствия России». Герцен призывал русских воинов присягнуть «*не поднимать оружия против Польши*», быть готовыми, если придется, своей мученической кровью запечатлеть «неразрушимый, свободный союз Польши и России»[218].

9. Контакты и сотрудничество между репрессированными участниками движения

Представ перед судом царизма, участники польского освободительного движения оказывались примерно в таком же положении, как и ведущие освободительную борьбу представители русского и других народов. Приговоренные к каторжным работам, тюремному заключению, ссылке в отдаленные места или к определению на военную службу, они оказывались не только в аналогичных условиях, но зачастую в одних и тех же местах, рядом друг с другом. Власти, конечно, понимали, какие это может иметь последствия, но поток репрессированных был настолько велик, что неоднократные попытки регулировать его не дали сколько-нибудь реальных результатов.

Местами сосредоточения репрессированных участников освободительного движения были отдаленные окраины Российской империи с плохими путями сообщения и тяжелыми природными условиями. В Восточную Сибирь доставлялись те, кто был осужден на каторжные работы. Здесь же или в Западной Сибири оказывались многие отбывшие срок каторги или осужденные на постоянное или временное переселение из родных мест. Тюремное заключение применялось в николаевское царствование по отношению к политическим преступникам довольно редко. Наиболее распространенным наказанием, наряду с каторгой и ссылкой, являлась солдатская служба, которая в сочетании с другими наказаниями (шпицрутены, лишение сословных прав, гражданская казнь и т. д.) варьировалась так, что могла быть применена, в зависимости от обстоя-

[217] РПРС, т. I, стр. 18; см. также: «Autour d'Alexandre Hercen. Documents inédits». Genève, 1973.
[218] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XII, стр. 204—205.

тельств, к мелким, средним и крупным провинностям. Менее виновные, с точки зрения царизма, лица определялись на службу в Европейской части России с правом выслуги и на ограниченный срок, а остальных отправляли на Кавказ, в оренбургские степи или в Сибирь, т. е. в такие места, где велись военные действия или где условия службы были очень тяжелыми. Многие видные участники освободительного движения попадали на военную службу после каторги, взамен ссылки или в виде особой «милости» власть предержащих.

В Сибири на протяжении рассматриваемого периода находились руководящие деятели декабристских организаций, петрашевцы (М. В. Буташевич-Петрашевский, Н. А. Спешнев, Н. П. Григорьев), А. Н. Кузьмин-Караваев и другие участники русского освободительного движения. Там же были Петр Высоцкий, Густав Эренберг, Петр Сцегенный и сотни других активных деятелей польского освободительного движения. Сначала польские ссыльные в Сибири вели довольно обособленный образ жизни. Но если говорить о 30—50-х годах, то мемуарные, эпистолярные и иные источники не оставляют сомнений в том, что между польскими и русскими ссыльными существовали очень разветвленные и вполне дружественные контакты. Не пытаясь исчерпать имеющиеся факты, приведем в подтверждение сказанного лишь несколько примеров [219].

Юстиниан Руциньский — один из участников организации, создававшейся Конарским, оставил в своих воспоминаниях подробное описание той дружеской заботливости со стороны декабристов, которой по прибытии в Иркутск были окружены и он сам и его соотечественники. Вот выдержки из этого описания: «На другой же день утром приехали к нам Сергей Волконский и Артамон Муравьев... Оба они приветствовали нас не только дружески, а как бы своих коллег по мыслям и действиям. Обещали помогать в чем только смогут и пригласили, чтобы мы им открыто... изложили свои нужды». Выполняя обещание, декабристы помогали репрессированным полякам получать письма и деньги, отдали им все свои запасы сахара и табака, добились хороших условий дальнейшего этапирования. «Кроме того,— свидетельствует Руциньский,— они снабдили нас значительным числом книжек серьезного содержания, которые были для нас подлинным и полезным умственным пропитанием». Декабристы наведывались к своим новым польским друзьям ежедневно, а когда настал день отъезда, С. Г. Волконский отправился их проводить. Доехав до деревни Разводной, он остановился у дома, где жил декабрист А. И. Якубович и где приехавшие нашли заблаговременно накрытый стол с «разного рода блюдами, горячими и холодными». Через двадцать верст Волконский остановился у дома еще одного декабриста — Н. А. Панова. «Снова знакомство с хозяином, — вспоминал Руциньский, — и снова добрая беседа за столом» [220].

Источники свидетельствуют о том, что такое отношение находящихся в Сибири русских революционеров к участникам польского освободительного движения было повсеместным. Зная об этом, И. Лелевель не случайно говорил в своей речи на митинге 29 (17) ноября 1838 г. в Брюсселе: «Их взаимная любовь, обнаруживающаяся под тяжестью общих

[219] Богатую сводку материалов об этом см.: *R. Gerber.* Rewolucyjny ruch rosyjski a walka wyzwoleńcza narodu polskiego (na prawach rękopisu). W., 1955; «Pamiętniki dekabrystów», t. III. W., 1960; *Б. С. Шостакович.* Политические ссыльные поляки и декабристы в Сибири. «Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в.— февраль 1917 г.)», вып. I. Иркутск, 1973.

[220] *J. Ruciński.* Konarszczyk. 1838—1878. Pamiętniki zesłania na Sybir. Lw., 1895, str. 59—63, 70—73.

несчастий, является доказательством братских чувств, наполняющих польские и русские сердца»[221]. Польский ссыльный Иоахим Лесневич жил в доме А. И. Одоевского и пользовался его дружеским отношением и материальной помощью. Другой польский ссыльный, Юлиан Сабиньский, был дружен с М. С. Лунипым и преподавал французский язык сыну С. Г. Волконского. Гостеприимство и доброжелательность по отношению к польским ссыльным проявляли в большинстве случаев и коренные сибиряки. Об этом в той или иной форме свидетельствуют многие польские мемуаристы, побывавшие в Сибири. Один из них писал, например, о сибиряках следующее: «...Не знаю случая, чтобы кому-либо они отказали в посильной помощи в смысле пропитания или денежной поддержки»[222].

Отношение находившихся в Сибири русских революционеров к польскому вопросу и к репрессированным участникам польского освободительного движения нашло отражение в письмах Лунина и в его замечательной статье «Взгляд на дела Польши 1840 г.». О польских ссыльных в Сибири в одном из писем говорится: «Как побежденные они имеют право на великодушие русских, как несчастные — на сострадание всех людей»[223]. В статье Лунин после краткого рассказа о разделах Польши и участия в нем России писал: «Впрочем, эти печальные события скорее определяют успехи самодержавия в его эволюции, чем взаимные отношения обоих народов. Никогда русские не думали о покорении своих братьев; никогда они не предполагали предписывать им законы и не претендовали на какое-либо социальное или политическое превосходство над ними. Они предлагают им не благодетельную опеку, а согласованность воли и соединение усилий к одной цели, которую они провозглашают. Это мнение было выражено естественными представителями русских, которых власть, под влиянием партийного духа, погубила рукой палача или рассеяла в ссылке... Верные полномочиям своего высокого призвания, они предсказали полякам, что их обособленные усилия будут всегда бесплодны; что их надежды на помощь западных держав будут всегда несбыточны; что их единственный шанс на успех заключается в тесном союзе с русскими»[224].

В цитировавшемся письме Лунин вспоминает о неудачном побеге с каторги Петра Высоцкого и называет гнусностью осуждение его на наказание шпицрутенами[225].

Высоцкий был приговорен к двадцатилетней каторге и попал на Александровский винокуренный завод. В ночь на 22 июня 1835 г. он бежал оттуда вместе с Францишком Мальчевским, Теофилем Ковнацким, Антонием Люборацким, Яном Богуньским, Винцентием Крачевским и при участии Феликса Касперского, оказавшегося предателем. Точные планы беглецов суд выяснить не смог: одни говорили о намерении скрываться в Сибири под чужими фамилиями, другие — о желании направиться на родину, третьи — о попытке пробраться в Китай и Индию[226]. Беглецы были задержаны на третий день у деревни Бархатовской, где они пытались переправиться через Ангару, причем в завязавшейся перестрелке Высоцкий был ранен в руку. Суд приговорил Высоцкого к тысяче ударов шпицрутенами и ссылке «в Акатуевский рудник, закован-

[221] ИППМ, т. II, стр. 226.
[222] Цит. по: *R. Gerber*. Указ. соч., ч. III, стр. 10—12.
[223] *М. С. Лунин*. Сочинения и письма. Пг., 1923, стр. 51.
[224] ИППМ, т. II, стр. 124.
[225] Там же, стр. 122.
[226] ЦГВИА, ф. 801, оп. 109/86; 1836 г., д. 20.

ного в кандалы, где содержать его в тюрьме за строжайшим караулом, высылая на работу скованного и за вооруженным конвоем». Я. Богуньского (бывшего ксендза) «как буйного и непокорившегося фанатика» присудили к 500 ударам шпицрутенами, а остальных — трех к наказанию розгами, а двух — к месячному заключению под арестом. Николай I был очень недоволен приговором и велел сообщить сибирским властям, что приговор «слаб и не вполне соответствует вине преступников, уже прежде ознаменовавших себя злодеяниями, в особенности в отношении к главному зачинщику Высоцкому»[227].

Думается, что действия Высоцкого и его товарищей не казались бы нам неподготовленными и опрометчивыми, если бы удалось выявить те связи, какие они по пути на каторгу успели установить не только с польскими и русскими ссыльными, но и с военнослужащими расположенных в Сибири частей и с местным населением. Такого рода связи не были редкостью. Так, Руциньский дружил в Усолье с инженерными офицерами, братьями А. Х. и Н. Х. Фитингофами; через них шла вся его переписка, по их разрешению он праздновал годовщину восстания 1830—1831 гг.[228] Токажевский, находившийся в Омске одновременно с Ф. М. Достоевским, вспоминал, что молодые русские офицеры очень хорошо относились к ссыльным полякам, доставляли им журналы и газеты, всячески выражали им свое сочувствие[229]. Наличие контактов ссыльных и военнослужащих с местным населением особенно отчетливо проявилось в неудавшейся попытке польских ссыльных начать восстание летом 1833 г. в Омске, Екатеринбурге и Астрахани[230].

Наряду с контактами, сознательно подготовлявшимися и целенаправленными, в условиях Сибири возникали и такие, казалось бы случайные, контакты между репрессированными участниками движения, которые не могли не оказывать на них определенного влияния. М. В. Петрашевский, например, долгие годы прожил по соседству и не раз, вероятно, разговаривал с бывшим русским солдатом Матвеем Брызгаловым, присоединившимся в 1831 г. к польским повстанцам[231]. А. Н. Кузьмин-Караваев, отбывая каторгу в Нерчинском заводе, чуть ли не ежедневно встречал там Густава Эренберга, Александра Венжика, Владислава Рабцевича и многих других участников польского освободительного движения, причем это были люди разного возраста и происхождения, далеко не одинаковых политических убеждений[232]. Многие польские ссыльные надолго оседали в местах поселения, обзаводились семьей. В связи с этим создавались парадоксальные ситуации, одна из которых запечатлена в надписи на могиле Станислава Рошковского, похороненного в Кракове на Раковецком кладбище: повстанец 1863 г., он был действительно, как гласит эпитафия, сыном «сибиряка» и «сибирячкой», т. к. родился в Иркутске в 1845 г. в семье польского ссыльного,

[227] Приведенные факты, к сожалению, пока не были известны биографам Высоцкого, в частности Т. Лепковскому (см.: *T. Łepkowski.* Piotr Wysocki. W., 1971).

[228] *J. Ruciński.* Указ. соч., стр. 49—50.

[229] См.: *M. Janik.* Dzieje Polaków na Syberii. Kr., 1928, str. 214—220. Связанные с Достоевским выдержки из воспоминаний в переводе В. Б. Арендта см.: *Шимон Токаржевский.* Ф. М. Достоевский в Омской каторге. «Звенья», т. 6. М.— Л., 1936.

[230] *В. Г. Вержбицкий.* Указ. соч., стр. 153—154; *Г. С. Сапаргалиев, В. А. Дьяков.* Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971.

[231] ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 22, д. 828, лл. 14—17.

[232] Государственный архив Читинской области, ф. 31, оп. 1, д. 2025, лл. 6, 29, 50. Сведения эти любезно предоставила в распоряжение автора Д. Б. Кацнельсон.

по-видимому, Адольфа Рошковского, осужденного по делу Конарского, а впоследствии сам отбывал ссылку в Сибири [233].

По свидетельству польского мемуариста Матеуша Гралевского, в 40—50-х годах на Кавказе находилось свыше 20 тыс. репрессированных поляков [234]. Сопоставить эту цифру с официальными данными можно лишь частично по сохранившейся в бумагах А. М. Дондукова-Корсакова ведомости о числе польских рекрутов, поступивших в Кавказский корпус в 1835—1846 гг. Из нее явствует, что за эти годы в части корпуса прибыло 14 430 поляков [235]. Если соотнести эту цифру со сроками службы рядового состава в царской армии, ежегодной убылью в боях и по болезни, наличием значительного числа репрессированных поляков в офицерской среде и за пределами военного ведомства, то сведения Гралевского выглядят довольно достоверно. Среди поляков, оказавшихся на Кавказе не по своей воле, находились участники вооруженных выступлений и члены конспиративных организаций за период с начала 20-х годов до Крымской войны. Рядом с ними находились декабристы, участники русских революционных кружков 20—30-х годов, петрашевцы и другие участники русского освободительного движения.

Контакты между русскими и польскими революционерами отчасти были связаны с попытками протеста против существующих в армии порядков. Для рядового состава, особенно поляков, одной из форм такого протеста являлось дезертирство. По донесению командира Кавказского корпуса, только за период с 12 августа по 1 октября 1834 г. из Тенгинского и Навагинского пехотных полков бежало «к немирным горцам» 26 поляков [236]. По словам Гралевского, бывали случаи, когда аналогичным образом поступали также десятки русских солдат, причем кавказское начальство старалось всячески скрыть такие случаи [237]. При подготовке побега, после ухода из части русские и поляки нередко действовали вместе или помогали друг другу. Ссылаясь на значительное число польских дезертиров, командир Кавказского корпуса возбудил ходатайство о введении для них смертной казни. Из Петербурга последовал отрицательный ответ, показывающий, что там знали истинное положение вещей. «Введение казни только для поляков, — ответил военный министр А. И. Чернышев,— мне кажется, и в политическом отношении допустить нельзя» [238].

В Нижегородском драгунском полку, которым командовал бывший декабрист Н. Н. Раевский, как и в некоторых других частях, существовали кружки, включавшие подвергнувшихся репрессиям русских и польских революционеров. В них участвовали, кроме Н. Н. Раевского, декабристы З. Г. Чернышев и Н. Н. Семичев. Польская сторона была представлена видными деятелями Патриотического общества Миколаем Ворцелем и Станиславом Дунин-Карвацким, членами белостокских гимназических кружков («Согласные братья» и «Зоряне») Францишком Борковским, Анджеем Яневичем и Феликсом Ляховичем, несколькими участниками виленских студенческих организаций периода филаретов и филоматов. В отличие от сибирского, кавказское начальство старалось замять дела подобного рода. И все-таки сохранившиеся материалы

[233] *W. Djakow.* Udział Polaków w badaniach i zagospodarowaniu Syberii w XIX wieku. «Przegląd Historyczny», 1974, N 4, str. 625.
[234] *M. Gralewski.* Kaukaz. Wspomnienia z dwunastoletniej niewoli. Lw., 1877, str. 535.
[235] ЦГИА СССР, ф. 932, оп. 1, д. 51, л. 2.
[236] ЦГВИА, ф. 801, оп. 109/86, 1835 г., д. 47, л. 4.
[237] *M. Gralewski.* Указ. соч., стр. 175.
[238] ЦГВИА, ф. 801, оп. 109/86, 1835 г., д. 47, л. 10.

показывают, что речь шла не только о простой дружбе русских с поляками, но о постоянных связях между ними как представителями русского и польского освободительного движения [239].

С середины 40-х годов русско-польские кружки с участием репрессированных лиц существовали, судя по имеющимся источникам, в Кабардинском, Ширванском и Апшеронском пехотных полках. Получив тревожные сведения, III отделение послало туда своего агента Ф. И. Сологуба, поступившего в Апшеронский полк под именем рядового вольноопределяющегося А. Новицкого. Стараясь не раздувать дело и не одобряя попыток III Отделения внедрить свою агентуру в подчиненные ему части, кавказское начальство фактически отказалось от расследования, сведя его лишь к изучению похождений самого Сологуба, который в конце концов был отдан под суд как дезертир [240]. Поэтому более подробные сведения обо всем этом имеются не в документальных, а в мемуарных источниках, в частности в воспоминаниях М. Гралевского. В Ширванском полку оказались на службе петрашевцы В. А. Головинский и П. В. Гагарин вместе с соратником Петра Сцегенного Владиславом Каменьским, повстанцем 1830—1831 гг. Юзефом Пенткой и другими участниками польского освободительного движения. По словам Гралевского, польские ссыльные приняли Головинского «как брата, тем более, что он обладал большими политическими познаниями, любил то дело, за которое пострадал, охотно учился и много читал». Поляки и русские совместно обсуждали важнейшие политические вопросы. «Свобода крестьянам прежде всего,— заявлял Головинский,— а дальше дело пойдет... Относительно Польши, повторяю вам, что если бы она отказалась от своей самостоятельности, согласилась на федерацию с нами, то вся Россия ее бы поддержала. Даже тогда, когда Россия будет свободной и избавится от царя, она освободит вас, но только как составную часть федерации. Однако тогда Литва и Русь, как провинции издавна российские, должны будут составлять единое племя с Россией» [241]. Трудно сказать, насколько точно передает мемуарист слова Головинского, но приведенные места и остальной текст воспоминаний Гралевского обрисовывают все-таки содержание и характер происходивших дискуссий.

В Апшеронском пехотном полку в 40—50-х годах служили А. Н. Кузьмин-Караваев и петрашевец Н. А. Момбелли. Из поляков здесь находились в основном соратники Ш. Конарского и участники более поздних конспиративных организаций, в том числе Ян Зродловский, Самуэль Орда, Станислав Домогальский, Норберт Савич, Ян Станевич и др. [242] Между репрессированными русскими и польскими революционерами существовали дружеские контакты, особенно усилившиеся в годы начавшегося после Крымской войны подъема польского освободительного движения. Н. А. Момбелли поддерживал связи с Эдмундом Ружицким в годы его службы на Кавказе (1854—1861), а в 1863 г., когда тот принял командование над повстанцами на Правобережной Украине, не побоялся выразить ему сочувствие и осудить карательную политику царизма [243]. О Кузьмине-Караваеве в воспоминаниях Гралевского

[239] *М. Нерсиян.* Из истории русско-армянских отношений, кн. 2-я. Ереван, 1961, стр. 246—261 и др.
[240] ЦГВИА, ф. 801, оп. 90/35, 1 отд., 1 ст., 1848 г., д. 95.
[241] *M. Gralewski.* Указ. соч., стр. 171—173, 539.
[242] ЦГВИА, ф. 548, оп. 2, д. 656.
[243] *Н. П. Хитрово.* Воспоминания об одном из петрашевцев. «Русская мысль», 1909, № 7, стр. 96—97.

говорится следующее: «Его отношение к Польше было таким же, как Головинского»[244].

Более или менее значительные контакты с поляками имело местное население Северного Кавказа и Закавказья. Известные грузинские писатели и общественные деятели Акакий Церетели и Нико Николадзе, например, очень высоко отзывались о ссыльных поляках Родзевиче и Казановском, которые в 50-х годах преподавали в Кутаисской гимназии. Н. Николадзе вспоминал впоследствии: «Оба они... так увлекались, что иные уроки были похожи на пропаганду революции»[245]. В воспоминаниях Церетели есть следующее место: «Родзевич часто вел беседы с учениками о польском освободительном движении, о французской революции... С утра до вечера можно было слушать его, не отрываясь. Так продолжалось четыре месяца и эти четыре месяца для меня были более плодотворными, чем восемь лет учебы в гимназии»[246].

Точную цифру репрессированных участников освободительного движения, прошедших через Отдельный Оренбургский корпус, установить не удалось. Однако она была весьма значительна, так как польские мемуаристы, имея в виду только своих соотечественников и беря лишь 40—50-е годы, говорят примерно о 2 тысячах человек[247], что подтверждается в какой-то мере упоминанием в бумагах генерал-губернатора В. А. Обручева о наличии в его подчинении 1667 «штрафованных нижних чинов»[248]. Здесь отбывали наказание некоторые соратники А. Н. Кузьмина-Караваева и петрашевцы, а с польской стороны — повстанцы 1830—1831, 1846, 1848 гг. и участники едва ли не всех конспиративных организаций, разгромленных царизмом на протяжении тридцати лет николаевского царствования.

Ярким примером русско-польско-украинских связей может служить кружок ссыльных в Оренбурге. О нем упоминается едва ли не в каждой работе, посвященной Т. Г. Шевченко и Зыгмунту Сераковскому. Он существовал в конце 40-х годов и включал в свой состав, наряду с участниками польского освободительного движения З. Сераковским, Брониславом Залеским, Людвиком Турно и др., русских офицеров К. И. Герна, А. И. Бутакова, петрашевца А. Н. Плещеева и близкого к петрашевцам А. И. Макшеева, а также репрессированного по делу Кирилло-Мефодиевского общества украинца Т. Г. Шевченко, выходца из уральских казаков, воспитанника Академии художеств Алексея Чернышева и его брата казачьего офицера Александра Чернышева. Участники кружка вместе выписывали газеты и журналы, обменивались книгами, среди которых были и запрещенные издания, собирались вместе, чтобы обсудить волновавшие их политические вопросы. Известный рисунок А. Ф. Чернышева «Шевченко среди польских ссыльных» запечатлел одно из таких собраний, не носивших официального характера и заканчивавшихся нередко пением украинских, польских и русских народных песен[249].

Упоминания об орском кружке встречаются в литературе реже, но и о нем в настоящее время известно довольно много. Он возник не позд-

[244] *M. Gralewski.* Указ. соч., стр. 541.
[245] *Н. Николадзе.* Избранные произведения, т. I. Тбилиси, 1931, стр. 88 (на груз. языке).
[246] *А. Церетели.* Собр. соч., т. 7, стр. 13 (на груз. языке).
[247] *J. Gordon.* Soldat czyli sześć lat w Orenburgu i Uralsku. Lipsk, 1865; *J. Jasieńczyk.* Dziesięć lat niewoli moskiewskiej. Lipsk, 1867.
[248] ГПБ, ф. 120, оп. 1, д. 2478, лл. 106—109.
[249] *В. А. Дьяков.* Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 76—77; *он же.* Тарас Шевченко и его польские друзья, стр. 56—57 и др.

нее 1847 г. и просуществовал до арестов осенью 1850 г. В Орской крепости на протяжении этого времени было не менее 20 репрессированных участников революционного движения, в том числе Т. Г. Шевченко, петрашевец А. В. Ханыков, ряд участников Краковского восстания 1846 г., членов польских конспиративных организаций. Кроме Шевченко и Ханыкова в кружок входили молодые офицеры — выпускники 1-го Московского кадетского корпуса П. А. Невельский и П. Ф. Гурьев, а также польские ссыльные — солдаты Хиполит Завадский, Станислав Круликевич, Эдвард Пожерский, Ежи Лисаевич, Фаустин Грудзиньский, Оттон Фишер и др. Кружок располагал довольно значительной историко-философской библиотекой, состоявшей из французских и польских изданий, включая запрещенные; у его участников были найдены рукописные копии произведений «потаенной литературы». Обнаруженные участники кружка, за исключением умершего Лисаевича и арестованного по другому делу Шевченко, были отданы под суд и подверглись довольно серьезным наказаниям [250].

В Оренбургском крае и в Западной Сибири (так же, как на Кавказе) польские ссыльные нередко устанавливали контакты не только с русскими, украинцами, белорусами, литовцами, но и с представителями коренного населения соответствующих районов. Так, З. Сераковский научился говорить по-казахски и стал доверенным лицом тех казахов, которых царские власти сгоняли на строительство укреплений форта Перовский. Б. Залеский самостоятельно и вместе с Шевченко рисовал многих казахов и имел друзей среди тех, кто ему позировал. Но показательнее всех в этом отношении, пожалуй, Адольф Янушкевич, репрессированный за участие в восстании 1830—1831 гг. и отбывавший ссылку в Ишиме, а затем в Омске. В 1846 г. он вместе с другим репрессированным поляком Густавом Зелиньским участвовал в экспедиции на территорию Северного Казахстана и хорошо познакомился с жизнью и бытом казахов. С большой симпатией описал Янушкевич отца великого казахского просветителя Абая Кунанбаева, а также других народных батыров и поэтов-песенников, с которыми ему пришлось встретиться [251].

Контакты участников польского освободительного движения с репрессированными революционерами других национальностей и с местным населением устанавливались и на территории Европейской части России, так как одни губернии служили местом ссылки, а через другие проходили пути, по которым репрессированные поляки этапировались для отбывания наказания. То, что нам известно об этих контактах, не оставляет сомнений в сочувственном отношении простых людей к репрессированным лицам, не исключая поляков, в стремлении русских и польских революционеров к установлению связей, взаимопонимания, а при соответствующих обстоятельствах — к сотрудничеству друг с другом.

Описывая свое вынужденное путешествие в Сибирь на участке между Харьковом и Москвой, поляк Руфин Пётровский воспроизводит содержание своего разговора с каким-то мелким чиновником на одной из станций того тракта, по которому его вели конвоиры. Чиновник с большим интересом расспрашивал его о польском освободительном движении, откровенно высказывал ему свои взгляды на польский вопрос, а в заключение, по словам мемуариста, заявил, что хотя он и не во всем

[250] *В. Г. Вержбицкий.* Указ. соч., стр. 269—273; *В. А. Дьяков.* Польско-русско-украинский кружок политических ссыльных в Орской крепости в 1847—1850 гг. «Славянская историография и археография». М., 1969.

[251] Подробнее см.: *А. Янушкевич.* Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Перевод с польского и предисловие Ф. Стекловой. Алма-Ата, 1966.

согласен с собеседником, но просит верить: «Настоящие русские уважают и любят настоящих поляков» [252]. О доброжелательности простых русских людей к польским ссыльным вспоминали Шимон Токажевский и другие польские ссыльные [253]. Винцентий Мигурский, ставший впоследствии героем замечательной повести Л. Н. Толстого «За что?», совершил в 40-х годах отчаянную попытку бежать из ссылки [254]. Он инсценировал самоубийство, а его жена, приехавшая вслед за ним в Уральск, получив разрешение отправиться на родину, спрятала Мигурского в повозке и сумела довезти до Саратова, где беглец был обнаружен. Замечательно, что действия представителей власти вызвали бурю негодования со стороны населения. Вспоминая об этом, Мигурский писал: «Если действительно моя попытка бежать... из России была крупной и до этого не практиковавшейся манифестацией, то жители Саратова, бросавшие в чиновника камни, а нам под ноги цветы, дали пример несравненно более необычной манифестации» [255].

Примером контактов между участниками движения могут служить взаимоотношения писателя М. Е. Салтыкова, связанного с петрашевцами и высланного в Вятку в 1848 г., с находившимся там Г. Каменьским и другими репрессированными поляками [256]. В письме к сестре от 1 (13) ноября 1848 г. Каменьский сообщал, что на 1849 г. он подписался на петербургские газеты и журналы «пополам» с Салтыковым [257]. Это неоспоримо свидетельствует о дружеских отношениях между двумя ссыльными и об их частых встречах. Разделяя те взгляды петрашевцев на польский вопрос, о которых говорилось выше, Салтыков несомненно использовал эти контакты для более детального знакомства с польским освободительным движением, и это повлияло на его позицию в последующие годы [258]. В свою очередь контакты с русскими сказались на мировоззрении Г. Каменьского, который позднее, в эмиграции, не раз горячо высказывался за русско-польское революционное сотрудничество [259].

Приведенные факты, а круг их можно было бы расширить, показывают, что, вопреки стараниям царских властей, тюрьма и ссылка, Сибирь и Кавказ служили местами, где возникали и крепли контакты репрессированных участников польского освободительного движения с русскими революционерами. В условиях николаевского террора и относительного затишья в русском движении это направление играло довольно

[252] «Rufina Piotrowskiego pamiętniki», t. II. Poznań, 1861, str. 121.

[253] *R. Gerber.* Указ. соч., ч. III, стр. 2—3, 7 и др.

[254] *Л. Н. Большаков.* Дело Мигурских. Повесть в документах. В кн.: «Отыскал я книгу славную...» Челябинск, 1971.

[255] Цитируется по: *R. Gerber.* Указ. соч., ч. III, стр. 6. Подробнее о побеге Мигурского см.: ЦГВИА СССР, ф. 1, оп. 1, д. 12609; ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 7, 1839 г., д. 66; ЦГАОР СССР, ф. 109, 1-я эксп., 1835 г., д. 31, ч. 10.

[256] В Вятской губернии находились в это время Феликс Санцевич (участник ломжинского гимназического кружка) и Юзеф Смукрович, (член одной из организаций, которыми руководил Конарский). См. *В. М. Фоменкова.* Участники польского освободительного движения в вятской ссылке. «Уч. зап. Кировского гос. пед. ин-та», вып. 19. Киров, 1965, стр. 121; ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 10, 1846, д. 1092.

[257] *H. Kamieński.* Listy z zesłania. Wydał T. Kozaniecki. W., 1968, str. 239; *В. М. Фоменкова.* Вятка 40-х годов XIX века в письмах Генриха Каменьского. «Вопросы истории Кировской области». Киров, 1974, стр. 57—85.

[258] *В. Я. Кирпотин.* Проблема революции и организации революционеров в публицистике М. Е. Салтыкова-Щедрина 1863—1864 гг. «Вопросы истории», 1954, № 11.

[259] *H. Kamieński.* «Pamiętniki i wizerunki». Wr., 1951; *M. Tanty.* Idea słowiańska i współdziałanie polsko-rosyjskie w pismach Henryka Kamieńskiego, w: «Z polskich studiów slawistycznych», seria 4, Nauka o literaturze. W., 1971, str. 171—184; *С. М. Фалькович.* Газета «Правда» Генрыка Каменьского. «Связи революционеров России и Польши», стр. 248—257.

важную роль в развитии русско-польских революционных связей. Во многих случаях сложившиеся в ссылке взгляды и завязавшиеся личные отношения на долгие годы, а то и на всю жизнь определяли позицию того или иного революционного деятеля, его отношение к вопросам русско-польского сотрудничества.

* * *

Подводя итоги, мы можем констатировать, что в 30—50-х годах продолжали действовать некоторые возникшие ранее объективные предпосылки расширения и укрепления русско-польского революционного сотрудничества. Россия и Польша находились на одном и том же этапе социально-экономического развития, поэтому их освободительные движения имели аналогичные цели в социальной сфере. Помещики и царизм были главными противниками как польского народа, так и ведущих антифеодальную борьбу народов Российской империи.

В польском освободительном движении, наряду с социальными факторами, важнейшую роль играли факторы национальные. На протяжении рассматриваемых десятилетий это усиливало движение и расширяло его социальную базу, делая революционной значительную часть шляхетского сословия. Национальная программа польских революционеров на протяжении 30—50-х годов сводилась к лозунгу восстановления польского независимого государства в границах 1772 г., который на правом крыле движения понимался совсем не так, как на левом. Однако наличие этого лозунга и особенно его националистическая интерпретация являлись серьезным препятствием для укрепления революционного союза народов России и Польши. Успешно преодолевать это препятствие могли лишь те участники движения, которые обладали радикальными политическими взглядами и понимали, что социальные и национальные задачи движения неразрывно связаны друг с другом.

Определенные помехи развитию русско-польских революционных связей создавало и то, что на протяжении рассматриваемого периода в России ни разу не складывалась революционная ситуация, страна не переживала сколько-нибудь значительного общественного подъема. В определенной степени исключением был 1848 год, но и тогда оппозиционные настроения не охватили сколько-нибудь широких слоев русского общества, а правительственный террор в короткое время подавил эти настроения и ликвидировал общество петрашевцев. Положение в польских землях было гораздо более напряженным, польская конспирация была несравненно более многочисленной и разветвленной. Но и здесь после 1831 г. ни разу не возникло такого центра движения, который мог бы предложить русским революционерам сотрудничество от имени всей Польши или хотя бы от ее значительной части. И все-таки русско-польские связи продолжали развиваться. Идея сотрудничества овладевала умами, получала более прочное идейно-теоретическое обоснование, воплощалась в новые формы, теснее соприкасаясь с практической деятельностью русских и польских революционеров.

Большую роль в этом сыграли: манифестация в память казненных декабристов в восставшей Варшаве (25 января 1831 г.), публицистические статьи и выступления И. Лелевеля, С. Ворцеля, М. Мохнацкого, А. И. Герцена, М. А. Бакунина, Н. И. Сазонова, а также систематическая пропагандистская деятельность польских и русских бесцензурных изданий (отчасти внутри страны, но главным образом за ее пределами). Существенное значение имела и художественная литература, в особен-

ности произведения А. Мицкевича и А. С. Пушкина, Ю. Словацкого и А. И. Одоевского, Э. Желиговского и Т. Г. Шевченко. Одним из наиболее действенных каналов являлось также личное общение между участниками движения. Вопреки стараниям царских властей, оно довольно широко осуществлялось в местах расположения царских войск на польской территории, в учебных заведениях Петербурга, Москвы, Киева, Вильно и некоторых других городов, в эмиграции, а также в районах концентрации репрессированных участников движения, т. е. в Сибири, Оренбургском крае и на Кавказе.

Даже без точных подсчетов (они еще не сделаны учеными) можно с уверенностью сказать, что 30—50-е годы дали значительное расширение круга лиц, вовлеченных в русско-польские революционные контакты. Это было естественным результатом общего увеличения числа участников движения, демократизации его идеологии и состава, а главное — обусловливалось тем, что идея межнационального революционного союза, стремление к сотрудничеству приобрели популярность в более широких кругах революционеров и сочувствующих им лиц. Контакты охватили более значительную, чем раньше, территорию, стали более устойчивыми и длительными, более тесными и деловыми.

Произошли также качественные сдвиги, отражавшиеся на характере и формах сотрудничества. Для 30—50-х годов типичными были не одиночные крупные акции типа переговоров Польского патриотического общества с руководящими центрами декабристов, а разветвленные контакты на среднем и низшем уровне. В каждом отдельном случае эти контакты были менее масштабны, чем отношения декабристов с польским Патриотическим обществом, но в сумме они дают несомненное увеличение числа случаев непосредственного, практического сотрудничества между польскими и русскими революционерами. Пример именно такого сотрудничества продемонстрировали организация Ш. Конарского и кружок оппозиционно настроенных офицеров, в который входили А. Н. Кузьмин-Караваев и другие офицеры Виленского гарнизона.

Для университетских центров, для мест сосредоточения репрессированных участников движения, для эмиграции изучаемый период характерен довольно значительным числом смешанных русско-польских, точнее, российско-польских, кружков, которые существовали и раньше, но являлись большой редкостью. Такие кружки чаще всего были дружескими или просветительскими объединениями оппозиционно настроенных лиц, а не настоящими революционными организациями. Но они, несомненно, помогали распространению, выработке и сохранению революционных взглядов, с одной стороны, а с другой — содействовали сближению между польским и русским освободительными движениями.

Приведенные факты не исчерпывают всего, что может охарактеризовать вклад 30—50-х годов в историю русско-польских революционных связей. Думается, однако, что сказанного достаточно, чтобы дать представление о направлении процесса и существе происшедших сдвигов. Говоря кратко, эти десятилетия были для русско-польских революционных связей периодом постепенного накапливания сил, без которого оказался бы невозможным качественный скачок, происшедший в последующее десятилетие.

Глава IV

В СОВМЕСТНОЙ БОРЬБЕ ПРОТИВ ФЕОДАЛИЗМА И САМОДЕРЖАВНОГО ГНЕТА

Шестидесятые годы XIX в. стали для России и Королевства Польского рубежом двух эпох. В Крымской войне отсталая крепостническая Россия потерпела поражение. Кризис затронул все сферы жизни страны, и необходимость радикальных реформ во всех областях экономической и общественной жизни ощущалась всеми. «В 1855 и в 1857 г. перед нами была просыпавшаяся Россия... Новое время сказалось во всем — в правительстве, в литературе, в обществе, в народе... Немая страна приучалась к слову, страна канцелярской тайны — к гласности, страна крепостного рабства — роптать на ошейник»[1]. Общественное движение, охватившее в эти годы русское общество, отличаясь большим размахом, вовлекло в политическую борьбу и активизировало значительное число интеллигенции, студенчества, военных, усиливалось крестьянское движение. Правительство было вынуждено встать на путь реформ, в первую очередь приступить к подготовке крестьянской реформы, которая должна была сыграть роль предохранительного клапана и уберечь царизм от революционного взрыва.

На общественной арене были представлены три лагеря: крепостнический, либеральный и демократический, но основная линия борьбы шла между демократическим лагерем и господствующими классами. В стране назревала революционная ситуация. Современнику казалось, что «после Крымской войны в минуту еще небывалую для России... проснувшееся общество могло усиленным напором сорвать императорскую корону и дать возможность новому порядку вытеснить старый»[2].

Главной фигурой революционного движения этих лет, идейным защитником народа становится пришедший на смену дворянскому революционеру разночинец-интеллигент из непривилегированной среды, выходец из духовенства, низшего чиновничества, мещанства, крестьянства, деклассированного дворянства. Выражая интересы многомиллионных крестьянских масс, эти революционеры отстаивали наиболее прогрессивный путь перехода к новому строю — революцию и искали путей и средств для сближения с народом. Подготовка крестьянского, поддержанного революционным войском восстания стала их основной целью. Уничтожение крепостничества и феодального землевладения, наделение землей крестьян без выкупа, республика как форма власти — такова была программа революционеров-демократов.

Революционеры-демократы выступили на политическую арену тогда, когда проявилась антинародность не только феодально-крепостнических порядков, но и буржуазных. С началом их деятельности одной из черт

[1] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XVIII, стр. 239.
[2] *А. А. Серно-Соловьевич.* Наши домашние дела. Женева, 1867, стр. 13.

русской революционной мысли и движения стало слияние демократизма с утопическим социализмом.

Революционная демократия приветствовала освободительные движения народов и, в частности, оживление польского освободительного движения, поддерживала и признавала справедливость требований польских демократов и, видя в них союзников в предстоящей борьбе, призывала к революционному союзу.

Королевство Польское по своему социально-экономическому развитию находилось в целом на одном уровне с Россией. Особую остроту обстановки в Королевстве Польском определило то, что страна испытывала и социальный, и национальный гнет. Аграрные реформы в польских землях под властью Австрии и Пруссии, подготовка крестьянской реформы в России вызывали усиление крестьянских волнений в деревне Королевства Польского, где преобладала барщинная система хозяйства и помещик был безраздельным собственником земли. Параллельно с расширением борьбы крестьян в Королевстве Польском с конца 50-х годов шло нарастание национально-освободительного движения, оживлению которого, кроме складывавшейся революционной ситуации в России, способствовали объединительные движения и освободительная борьба в Германии и Италии, на Балканах.

Поражение России в Крымской войне и складывавшаяся революционная ситуация в России создавали как никогда благоприятные условия для социального и национального освобождения польского народа. Революционное брожение в Королевстве Польском, способствуя углублению общероссийской революционной ситуации, стало в эти годы ее органической частью.

Задача национального освобождения страны, с одной стороны, революционизировала польское общество, а с другой — как бы отодвигала на задний план, притеняла социальные задачи борьбы в общественном движении. Освободительное движение в Королевстве Польском в силу объективных условий возглавили шляхетские революционеры, основные кадры которых в это время вышли уже из деклассированной шляхты. Идеологии большинства этих революционеров было свойственно в разной степени непоследовательное демократическое понимание социального, крестьянского вопроса (сохранение помещичьего землевладения, вознаграждение помещиков за землю, переданную крестьянам) и традиционное, приобретавшее все более националистические черты, представление о будущих границах Польши; требуя исправления исторической несправедливости, какой были разделы Речи Посполитой, они не признавали права на независимое существование других народов, некогда входивших в ее состав. Но в польском общественном движении этих лет сложилось и оказывало значительное влияние на ход событий течение революционных демократов, преодолевавших шляхетскую ограниченность в решении основных вопросов освободительного движения. Это были убежденные сторонники русско-польского революционного союза, сознательно направлявшие движение в русло аграрной революции.

Крестьянская реформа 1861 г. в России не оправдала надежд крестьянских масс и их идейных защитников, и крестьяне ответили на нее новой волной выступлений. В России сохранялась напряженная внутриполитическая обстановка, революционная демократия взяла курс на восстание, ожидая нового подъема крестьянского движения весной 1863 г.

В. И. Ленин характеризует степень напряженности этого времени следующим образом: «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политиче-

ских реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*, появление прокламаций, возбуждение крестьян..., студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной» [3].

Революционная ситуация, слабость царизма и появление и активизация демократических сил в России, с одной стороны, и подъем польского национально-освободительного движения — с другой, создавали небывалые в истории обеих стран объективно благоприятные для освободительного движения условия. Прогрессивные силы русского и польского народов, сознавая это, стремились к сотрудничеству и совместным действиям в революционной борьбе.

Идея революционного союза, имевшая уже большую традицию, в начале 60-х годов охватила значительно более широкие, чем до тех пор, круги. Необходимость соединения русских и польских революционных сил диктовалась тем непреложным фактом, что без победы революции в России польский народ не мог добиться своего национального и социального освобождения, а полная демократизация общественного строя России не могла быть достигнута без освобождения Польши.

В 1861—1862 гг. возникла и действовала общероссийская революционная организация «Земля и Воля», безуспешно пытавшаяся весной 1863 г. поднять крестьян на борьбу, а в Королевстве Польском в 1863 г. вспыхнуло восстание, захватившее Литву, Белоруссию и Правобережную Украину, жестоко подавленное царизмом.

Революционное движение конца 50-х — начала 60-х годов в России и Царстве Польском, невзирая на объективную неудачу его, сыграло большую прогрессивную роль для развития общеевропейского революционного процесса и было высоко оценено Марксом и Энгельсом [4]. При этом польское освободительное движение имело особое значение: «Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых, демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской» [5].

1. Русская революционная демократия и польский вопрос

В условиях назревания революционной ситуации чрезвычайно возросло значение деятельности основанной Герценом Вольной русской типографии. Герцен и Огарев приступили в 1857 г. к изданию «Колокола», который в связи с общим подъемом, охватившим Россию, мог бы быстро отзываться на злободневные вопросы русской жизни. «Колокол» стал бесцензурной трибуной, с которой обличались политика самодержавия и отсталой общественный строй России, отстаивались интересы крестьянства. «Колокол» пробуждал русскую интеллигенцию к политической

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 29—30.
[4] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 30, стр. 266—268 и сл.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 297.

борьбе. Он пользовался большим успехом и у русского и у польского читателя.

До конца 50-х годов для Герцена были характерны иллюзии, что возможен и мирный путь изменения существующего строя. Он возлагал большие надежды на реформаторскую деятельность Александра II, обращался к нему с призывом уничтожить крепостное право. Со стороны демократического лагеря в России и демократов-поляков в эмиграции подобная позиция Герцена вызывала резкую критику.

Как демократ и гуманист, Герцен был поборником национального освобождения и равноправия народов; выступая против национального гнета и в собственной стране, Герцен считал, что нельзя быть свободным, угнетая другого.

Глубокие принципиальные соображения побудили Герцена поставить польский вопрос одной из центральных тем «Колокола». В союзе с польскими революционными силами Герцен видел одну из важных предпосылок успешной борьбы с самодержавием. Русская революция могла стать решающим фактором освобождения Польши, в свою очередь Герцен признавал огромное значение польского освободительного движения, высоко ценил его опыт и традиции. «*Крестьянское дело и польский вопрос сами собой легли в основу русской пропаганды*»[6],— писал Герцен. На страницах «Колокола» он развернул широкую пропаганду дела борьбы за независимость польского народа и за союз русских и польских революционных сил. «Польша... имеет *неотъемлемое, полное* право на государственное существование, *независимое* от России»[7],— провозглашал «Колокол» и доказывал, что интересы обеих стран требуют объединения их революционных усилий: «Освобождение Польши, освобождение прилежащих областей и освобождение России — нераздельны»[8]. С общим врагом — самодержавием — Россия и Польша должны бороться вместе.

Герцен в равной мере отстаивал как право польского, так и право украинского, литовского и белорусского народов на самобытное существование. Герцен отвергал националистические утверждения о том, будто право Польши на независимость связано с историческим правом на восстановление границ старой Речи Посполитой, включая земли украинцев, белорусов, литовцев. Он признавал за этими народами право самим решать свою судьбу. «*Никого* не надобно ни *русифицировать*, ни *полонизировать*... никому не надобно мешать говорить и думать, учиться и писать как ему хочется»[9]. Это было по тому времени революционное понимание национального вопроса — признание права на самостоятельное существование и за теми народами, которые еще не имели независимого государства и у которых процесс становления их национального самосознания и формирования нации не был еще завершен.

Свою точку зрения на польский вопрос Герцен подробно изложил в цикле писем «Россия и Польша», опубликованных в 1859 и 1860 гг. в «Колоколе», уделяя особое внимание межнациональным отношениям. Идеалом будущего Герцен считал победу общинного социализма в славянских странах и создание союза славянских стран в форме федерации. Вольное братство равных, созданное в интересах самих славянских народов, федерация свободных народов, предпосылкой для которой

[6] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XVII, стр. 76.
[7] Там же, т. XIV, стр. 18.
[8] *Н. П. Огарев.* Избранные произведения, т. I. М., 1952, стр. 539.
[9] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XV, стр. 209—210.

будет союз демократической России с демократической Польшей — таков был политический идеал, формулируемый Герценом. На попытки извратить его взгляды Герцен с достоинством отвечал: «Мы говорили о *вольном* союзе равных; мы никогда не говорили ни о завоевании, ни о рабском присоединении к России; мы вообще не говорили ни о каком соединении с Россией, пока в ней будет *продолжаться* Петербургское правление»[10]. Выдвигаемый Герценом лозунг федерации славянских народов был утопическим, как и его доктрина крестьянского общинного социализма. Но этот лозунг имел революционный и демократический смысл, это был призыв к объединению народов в совместной борьбе за освобождение революционным путем.

После Крымской войны оживилась деятельность всех группировок польской эмиграции. В 50-х годах в Париже большая группа членов Польского демократического общества оформилась в «Польский кружок» («Польское ко́ло»), противопоставляя себя лондонской Централизации. Деятельность Кола сосредоточилась вокруг журнала «Пшеглёнд жечи польских» («Обозрение польских дел»). Значительная часть членов этой группы придерживалась умеренных взглядов ярко выраженного шляхетского и во многих проявлениях националистического толка. Провозглашение лозунга вооруженной борьбы и практическая деятельность по ее подготовке выдвигали эту группу на видное место в эмиграции и обеспечивали ей поддержку патриотических сил в Польше. Ее орган публиковал некоторые материалы «Колокола» и в то же время вел полемику с Герценом по ряду принципиальных вопросов. Перепечатывая статьи Герцена, поддерживающие польское движение, редакция «Пшеглёнда» сопровождала их тенденциозными комментариями. Например, идею славянской демократической федерации Герцена сознательно подтягивали под панславизм; упорно ставился знак равенства между царским правительством и русским народом. Полемика с этим журналом и вызвала упоминавшийся цикл писем Герцена «Россия и Польша».

К 60-м годам особое влияние среди умеренных демократов приобрел Людвик Мерославский. Его призывы к немедленному восстанию, демократические воззвания привлекали многих, особенно молодежь. Немало способствовала популярности Мерославского слава прошлых лет. Но шляхетская революционность Мерославского была далека от демократического понимания социальных интересов большинства польского народа. Умеренные демократы были согласны пообещать крестьянству землю, чтобы отвлечь его от внутренней социальной борьбы и использовать его силы в вооруженной борьбе за национальную независимость. Социальная направленность русского революционного движения пугала Мерославского[11]. Необходимость союза с революционными силами европейских стран он рассматривал лишь с тактической стороны. Л. Мерославский выступал как решительный противник аристократической группировки, лидером которой в 30—50-х годах был Адам Ежи Чарторыский (по парижской резиденции Чарторыских за этой группой закрепилось наименование «Отель Лямбер»). Но сторонники Мерославского также стояли на националистических позициях и выступали против идеи русско-польского революционного союза, вели разнузданную антирусскую пропаганду.

[10] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XIV, стр. 38.

[11] *С. М. Фалькович.* Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50—60-х годов XIX века. М., 1966, стр. 81—108; *M. Żychowski.* Ludwik Mierosławski. 1814—1878. W., 1963, str. 464—536; РПРС, т. I, раздел 1.

Однако не все польские эмигранты были враждебны идеям Герцена. Оказавшись после вятской ссылки за границей, Генрик Каменьский в 1857 г. в Париже издает книгу «Европа и Россия. Польша», которая вызвала со стороны польской эмиграции бурю негодования и обвинения в панславизме. Каменьский выступал с планом создания восточноевропейской федерации, обеспечивающей входящим в нее народам равенство, свободу, внешнюю безопасность. «Можно утверждать, что безумием был бы замысел освобождения одной лишь Польши и что только полное освобождение всей Славянщины из-под иностранного господства относится к разряду возможных вещей», — писал Каменьский в основанной им газете [12]. Основой федерации он считал братский союз России и Польши. Этот призыв к сотрудничеству был горячо встречен передовыми русскими людьми. Герцен приветствовал книгу Каменьского как «серьезный и замечательный труд» [13]. В свою очередь Каменьский оценил, как «неслыханную помощь», роль, которую играла вольная русская печать, и деятельность Герцена в деле поддержки польского движения.

Сильную сторону взглядов Каменьского составляли вера в собственные силы страны, отказ от надежд на западные державы и позиция по вопросу о союзниках в освободительной борьбе. Провозглашаемая им идея союза народов, единства дела Польши с делом освобождения всех европейских народов, в первую очередь славян, свидетельствовала об интернационализме взглядов Каменьского. Стремление к революционному сотрудничеству особенно видно из его отношения к русскому народу: «Мы никогда не сочувствовали ненависти к русскому народу, хотя он является главным орудием нашего угнетения. Желая независимости для себя, мы всегда желали ему свободы и всегда верили в то, что наша независимость и его свобода тесно связаны. Поэтому, сражаясь против войск царя Николая в 1831 г., мы поднимали знамя с лозунгом «За нашу и вашу свободу»» [14].

Деятели лондонской Централизации Демократического общества выдвигали лозунг вооруженного восстания и утверждали, что поляки должны освободить родину своими силами, не надеясь на помощь европейских государств; они считали союзником русскую революцию. Лондонский период деятельности Демократического общества был ознаменован сближением с европейским революционным движением (в частности, с Мадзини), сближением и сотрудничеством с русской демократической эмиграцией, с Герценом и Огаревым [15].

Орган Централизации «Демократа польский» уделял много внимания русскому демократическому движению, помещал информацию о положении в России, о крестьянских волнениях, печатал стихи русских революционеров, содержащие требования свободы Польши; регулярно сообщал о появлении сочинений Герцена, о его выступлениях на митингах и собраниях в поддержку Польши, имевших большой политический резонанс. Члены Демократического общества участвовали в доставке и распространении в Польше и России изданий Вольной русской типографии. «Демократа польский» выступил в защиту Герцена, когда в английской и немецкой печати появились обвинения Герцена в панславизме и связях с русским правительством.

Но после смерти в 1857 г. Станислава Ворцеля связи Герцена и дея-

[12] Цит. по: *С. М. Фалькович*. Газета «Правда»..., стр. 254.
[13] *А. И. Герцен*. Собр. соч. в 30 томах, т. XIII, стр. 48.
[14] Цит. по: *С. М. Фалькович*. Газета «Правда»..., стр. 255.
[15] *С. М. Фалькович*. Идейно-политическая борьба..., стр. 43—55.

телей Централизации стали ослабевать, а в «Демократе польском» стали появляться статьи с выпадами против Герцена.

И все же, невзирая на возникающие идейные расхождения, лондонские демократы, объединившиеся вокруг «Демократы польского», были наиболее симпатизирующей русскому революционному движению группировкой. «Наследникам Пестеля мы всегда готовы подать братскую руку и заключить с ними союз у алтаря общей свободы»,— писал «Демократа польский» в 1859 г.[16]

Идея необходимости союза с русскими революционерами провозглашалась в 50-х годах и в программах польских социалистическо-утопических групп — «Збуром братним», руководимым Францишком Ксаверием Завадским, и «Революционной громадой Лондон». Как одна, так и другая группа выдвигала лозунг всеобщей и одновременной революции, осуществляемой народами, находящимися в тесном союзе. Среди революционных связей наибольшее значение придавалось связям с русскими революционными силами. Группа Завадского стремилась использовать революционный союз и для осуществления идеи создания всеславянской федерации демократических республик, основанной на принципе социалистической собственности. Члены «Революционной громады Лондон» — Зенон Свентославский и Генрик Абихт — были лично связаны с издателями «Колокола»: в типографии Свентославского печатались сочинения Герцена, Абихт был некоторое время наборщиком в типографии Герцена, а эмиссар «Громады» Юзеф Ольшевский еще в 1856 г. предпринял попытку распространить издания Герцена в Польше и России[17].

Открытая антикрепостническая и антисамодержавная агитация Вольной русской типографии получила широкий отклик в России. В стране возникло значительное число революционных кружков и групп среди студентов, интеллигенции, военных — в Харькове, Киеве, Москве, Казани, Перми и др. Некоторые из них стремились осуществлять свою деятельность в масштабах всей страны. В самой России в Петербурге возникает еще один руководящий центр революционного движения, развернувший пропаганду необходимости полной ликвидации феодально-крепостнического строя.

Вожди революционной демократии Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, признавая народ движущей силой истории, считали революцию необходимым этапом развития общества. Они были твердо убеждены, что надежды на коренное изменение общественного и политического строя мирным путем с помощью реформ были иллюзиями, ослаблявшими революционное движение, и повели непримиримую борьбу с либерализмом, придавая большое значение внесению в народные массы политического сознания.

Чернышевский противопоставлял капиталистическому строю на Западе социализм, к которому, как считал он, можно прийти путем крестьянской революции. Чернышевский, как и Герцен, верил в возможность некапиталистического пути развития России, в возможность построения социализма при помощи крестьянской общины (хотя и не верил в ее живучесть, предвидя ее разложение).

В обстановке революционной ситуации в России издававшийся в Петербурге журнал «Современник» превращается в центр революционно-демократической пропаганды и, завоевав большие симпатии у рево-

[16] Цит. по: *A. Slisz.* Указ. соч., стр. 27

[17] *А. М. Орехов.* Дело Юзефа Ольшевского «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года». М., 1962, стр. 479—505.

люционно настроенной общественности, становится популярнейшим журналом эпохи.

Национально-освободительное движение угнетенных народов России русские революционные демократы рассматривали как часть борьбы за демократизацию страны. Не имея возможности из-за цензуры говорить так ясно и открыто, как «Колокол», Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. В. Шелгунов и Н. А. Серно-Соловьевич в подцензурных статьях в «Современнике» и других журналах, прибегая к эзоповскому языку, выражали свое отношение к национальному вопросу вообще и к польскому национально-освободительному движению в частности.

По мнению Добролюбова, патриотизм органически сочетается с уважением к другим народам, с последовательным интернационализмом: «Патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен ... Настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народностям» [18].

В. И. Ленин особо отметил позицию Чернышевского как всероссийского демократа-революционера в польском вопросе, сказав, что он «тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения» [19]. Чернышевский выступал в поддержку Польши, отстаивая ее право на независимое существование, выступал за революционное сотрудничество русского и польского народов. Он резко критиковал антипольскую позицию русских и украинских шовинистов. Осуждая национальную вражду, Чернышевский вступил в полемику с клерикально-реакционным журналом «Слово», издававшимся во Львове, где публиковались статьи, натравливающие украинское население на польское [20]. Чернышевский подчеркивал общность социальных, классовых интересов украинских и польских крестьян, которые должны их объединить на совместную революционную борьбу против господствующего класса, против абсолютизма. Впервые в русской общественной мысли в национальном вопросе было вскрыто его социальное содержание, дано классовое понимание этой проблемы.

Н. А. Серно-Соловьевич в конце 50-х годов публикует ряд работ, в которых он приходит к выводу о неизбежности национально-освободительных выступлений и решительно поддерживает героическую борьбу итальянского народа, движение угнетенных славян в Австрийской монархии и Турции. В составленном им в 1862 г. проекте конституции Серно-Соловьевич решительно высказался за независимость Польши, а также за предоставление широких национальных свобод Белоруссии, Украине, Прибалтике. Решение национального вопроса Серно-Соловьевич видел в устранении национального гнета и установлении добровольного союза свободных народов [21].

Такая позиция, занятая русскими революционерами по национальному вопросу, давала основу для установления русско-польского революционного союза.

Агитация как лондонского, так и петербургского центров захватила широкие круги разночинной и передовой дворянской интеллигенции,

[18] *Н. А. Добролюбов.* Соч., т. III, стр. 227—228.
[19] *В. И. Ленин.* Полн. собр., соч. т. 25, стр. 297.
[20] *Н. Г. Чернышевский.* Полн. собр. соч., т. VII, стр. 775—783, 828—848.
[21] *И. Б. Володарский.* Н. А. Серно-Соловьевич и польское освободительное движение. «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г.», стр. 165—179.

в какой-то мере доходя и до народа через сеть воскресных школ, создаваемых при активном участии революционных демократов не только для поднятия общей культуры населения, но и для распространения революционных идей.

Объявление антинародной, грабительской по своему характеру крестьянской реформы дало толчок к еще более высокому подъему революционно-демократического движения. Революционная ситуация приобретала именно в этот момент наиболее острый и опасный для самодержавия характер.

Манифест и «Положения 19 февраля 1861 г.» вызвали у крестьян недоумение и глубокое разочарование. Крестьяне отказывались верить, что это и есть та «воля», о которой столько говорилось. Среди крестьян сразу же распространились слухи, что помещики подделали манифест и что предстоит новая реформа, которая и даст настоящую волю. По стране прокатилась новая волна антипомещичьих выступлений, жестоко подавляемых самодержавием. Помещичья сущность реформы разоблачалась Чернышевским в оставшейся в рукописи прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон»: «Не к воле, а к тому оно идет, чтобы в вечную кабалу вас помещики взяли, да еще в такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нонешней» [22].

К тем же выводам пришли издатели «Колокола». Огарев опубликовал в «Колоколе» серию статей, обличавших грабительскую реформу. Его вывод гласил: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право *не отменено. Народ царем обманут*» [23].

Разрозненные крестьянские выступления не переросли в аграрную революцию и к лету 1861 г. пошли на спад. Революционеры свои надежды на восстание связали с весной 1863 г., со временем окончания установленного «Положением 19 февраля» срока временнообязанного состояния крестьян.

В 1861 г. небывалой активности достигло студенческое движение. Оно отстаивало общую демократизацию строя России, став той силой общественного движения, на которую революционные демократы возлагали немалые надежды. В ответ на введение новых университетских правил, преследовавших цель затруднить доступ в университеты малоимущей молодежи и ограничить права студентов, осенью 1861 г. вспыхнули волнения в Петербургском, Московском и Казанском университетах, поддержанные и другими учебными заведениями. Сходки и демонстрации студентов были разогнаны полицией. Несколько сот студентов было арестовано, многие из них были отчислены и высланы, университеты временно закрыты.

Недовольство и оппозиционные настроения характеризовали и определенные круги дворянства, проявлявшие особый интерес к конституционным планам, к разработке замыслов расширения политических прав дворянства как компенсации за крестьянскую реформу. «Самый сплоченный, самый образованный и наиболее привыкший к политической власти класс — дворянство — обнаружил с полной определенностью стремление ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений» [24],— так характеризовал В. И. Ленин «конституционные» настроения русского дворянства в кульминационный момент развития революционной ситуации.

[22] *Н. Г. Чернышевский.* Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 949.
[23] *Н. Огарев.* Избранные произведения, т. I, стр. 478.
[24] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 26.

Реформа 1861 г. способствовала преодолению либеральных иллюзий Герцена. С 1861 г. можно говорить о сближении позиций и взглядов лондонского и внутрироссийского революционных центров. Русский революционный лагерь рассматривал себя как одно целое, считая революционную борьбу «общим делом».

В 1861—1862 гг. был разработан и осуществлен совместными усилиями лондонского и петербургского центров план создания революционной организации. На протяжении этих лет шел процесс объединения отдельных кружков в общероссийскую организацию, параллельно продолжалась разработка ее идейно-теоретических основ. Важнейшей задачей стало усиление революционной агитации в армии, направленной на создание подготовленного ядра, способного сплотить разрозненные очаги крестьянских выступлений в организованную боевую силу — восстание мыслилось как военно-крестьянское. Возникшая организация получила название «Земля и Воля», в своем названии она отразила основные лозунги революционной демократии. «Наша цель — полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться и управляться самим собою, освобождение и свободный союз областей»[25],— так звучали сформулированные в статье Н. А. Серно-Соловьевича «Ответ Великорусу» задачи и цели возникшей организации. «Земля и Воля» включала в свою революционно-демократическую программу решение национального вопроса, она требовала независимости Польши, отстаивала идею русско-польского революционного союза.

«Земля и Воля» выступала и в защиту права на независимость Литвы, Белоруссии, Украины. Провозглашая всеобъемлющий принцип права каждого народа на свободное национальное развитие вплоть до отделения, русские революционеры-демократы признавали это право не только за народами, имевшими вековую традицию независимого существования, но и за народами, доказавшими своей борьбой стремление к нему.

2. Польские патриотические группы в России в период революционной ситуации и их контакты с передовыми русскими кругами

В конце 50-х — начале 60-х годов во многих городах России сложились и активно действовали польские патриотические группы, объединявшие студентов, военных, интеллигенцию, чиновничество. Взгляды членов этих групп формировались под влиянием польского революционно-патриотического движения и либерально-шляхетской идеологии. Однако разночинский по реальной роли в общественной жизни, хотя и дворянский по происхождению, состав этих организаций способствовал складыванию левых, демократических тенденций. Сильным источником влияния в этом отношении являлась русская революционно-демократическая мысль и непосредственная борьба бок о бок с русскими революционерами.

Наиболее значительными по числу участников были студенческие организации. После отмены ограничительных николаевских правил число студентов в русских университетах значительно увеличилось; состав студенчества сильно демократизировался, среди студентов возросло число детей бедных дворян, мелких и средних чиновников, купцов, зажиточных крестьян, лиц свободных профессий.

[25] «Колокол», № 107, 1 сентября 1861 г., стр. 897.

Из-за отсутствия возможности получить образование на родине польская молодежь хлынула в русские высшие учебные заведения, число поляков-студентов в 1861 г. приближалось к 3 тысячам. Правительство с опаской смотрело на рост польского студенчества, не без основания приписывая польской молодежи революционизирующее влияние, сила которого, по словам одного царского чиновника, заключалась «не столько в численном превосходстве студентов-поляков перед прочими, сколько во вредном, но обаятельном для молодых неопытных умов направлении» [26].

С середины 50-х годов в Петербурге, Москве, Киеве и в других университетских городах активно действуют польские студенческие организации — óгулы, являвшиеся единственными массовыми польскими организациями в России. Поначалу это были организации взаимопомощи с денежными кассами, библиотеками; для пополнения доходов устраивались вечера, концерты, лотереи. Позднее появляются патриотически-просветительские кружки, рукописные газеты. Огулы сыграли значительную роль в развитии солидарности польского студенчества, сплачивая студентов, живущих вдали от родины [27].

Польское студенчество, обучавшееся в русских университетах, становилось активнейшим элементом национально-освободительного движения, откликаясь на все, что происходило в эмиграции, либо на родине — в Королевстве Польском, в Литве, Белоруссии, на Украине. Известие о формировании польских легионов, об организации Мерославским польской военной школы в Италии было встречено с энтузиазмом. Сразу же начались сборы средств, часть студенчества выехала за границу. Приезжая на каникулы домой, студенты являлись там активизирующим элементом, задававшим тон и питавшим патриотические настроения. Некоторые из студентов ходили с агитацией по деревням, активно участвовали в организации манифестаций, распространяли отлитографированную в России патриотическую литературу. Их деятельность побудила власти принять такую меру предосторожности, как запрещение выезда на каникулы на родину [28]. Студенты-поляки из русских университетов активно включались в события в Королевстве Польском, усиливая левое крыло национально-освободительного движения. В январе 1861 г. в Варшаве состоялся съезд представителей студентов-поляков, обучавшихся в русских университетах, для выработки общей линии патриотической деятельности в освободительном движении. Студенты приняли участие в первой крупной манифестации в Варшаве.

Наличие самостоятельных польских студенческих организаций не стало препятствием к сближению польских и русских студентов. «Русские относились к полякам без всякой враждебности. Они как бы признавали естественное право их на обособленность» [29], в свою очередь польская молодежь Петербурга «не только не избегала отношений со своими русскими коллегами, но, наоборот, охотно общалась с ними, не скрывала перед ними своих мыслей, надежд и чувств» [30].

Важным этапом сближения между русскими и польскими студентами

[26] *Т. Г. Снытко.* Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 205.

[27] *Т. Ф. Федосова.* Огул студентов-поляков Московского университета. «Ученые записки Института славяноведения», т. XXIX. М., 1964; *она же.* Польские революционные организации в Москве. 60-е годы XIX века. М., 1974.

[28] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 210.

[29] *Л. Ф. Пантелеев.* Воспоминания. М., 1958, стр. 169.

[30] *I. Staniewicz.* Wspomnienie o Zygmuncie Sierakowskim. Kowno, 1939, str. 25—26.

стали панихиды-демонстрации по жертвам расстрела в Варшаве в феврале 1861 г., проводимые поляками-студентами в Петербурге и Москве. Русская молодежь приняла участие в них и заявила, что она считает стремление поляков к независимости справедливым и поддерживает их. На панихиде, организованной в Москве в марте 1861 г., выступили русские студенты Петр Заичневский и Николай Освальд. Заичневский в своей речи сказал: «Смерть благородных польских мучеников не должна быть забыта. Мы должны на похоронах их подать друг другу руки и идти к одной цели. Враг у нас один. Наше знамя должно быть одно... Подадим же друг другу руки, польские братья» [31].

В свою очередь польское студенчество принимало непосредственное участие во всех демонстрациях, проводимых русскими студентами,— похороны Т. Г. Шевченко, Н. А. Добролюбова, демонстрация-панихида по Т. Н. Грановскому. Студент-поляк Московского университета Юзеф Сороко участвовал в неудавшейся попытке напечатать прокламацию Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам». Совместно литографируется и распространяется революционная литература, совместно действуют общие типографии.

Совместное обучение, среда русского демократического студенчества, лишенная националистических настроений, искреннее сочувствие польскому патриотическому движению создавали условия для сближения, взаимопонимания и установления длительных связей, помогали полякам-студентам отличать Россию правительственную от народной. Все это, как и чтение «Современника» и «Колокола», прокламаций, в печатании и распространении которых участвовали и поляки-студенты, действовало на польскую молодежь революционизирующим образом. Польские студенты в России «учились столь необходимой в их положении солидарности и проходили, сами того не зная, настоящую политическую школу. Непосредственный источник событий 1861—1863 гг. следует искать в русских университетах»,— писал Агатон Гиллер [32].

После Крымской войны широкое общественное движение сильно затронуло и армию. Оппозиционные настроения получили распространение как среди солдат, по происхождению крестьян, приняв форму отдельных стихийных выступлений, так и среди офицеров, состав которых все более пополнялся выходцами из обедневших дворян. Пребывание частей русской армии в Королевстве Польском, нахождение войск в пунктах манифестаций, в районах крестьянских восстаний, общение русских и поляков — офицеров и солдат способствовали пониманию происходящих событий в Польше и России, укрепляя революционные настроения, усиливая стремление к совместной деятельности.

Русские революционные демократы в своих планах борьбы с самодержавием отводили армии роль объединителя и организатора крестьянских народных сил и придавали особое значение созданию революционных офицерских обществ, что было частью замысла всероссийской революционной организации.

К 60-м годам кружки и группы революционно настроенных военных существовали в ряде крупнейших городов России и Королевства Польского. Кружки включали офицеров независимо от национальности, в их числе было немало поляков. Очагом распространения революционных настроений в армии в значительной степени служили военно-учебные заведения.

[31] РПРС, т. I, стр. 61. См. также: *В. Б. Бикулич.* Речь П. Г. Заичневского о русско-польском сотрудничестве. «Связи революционеров России и Польши», стр. 75—80.
[32] «Polska w walce», t. II. Kr., 1875, str. 7.

В Петербурге в военной среде к этому времени существовало много кружков среди офицеров гарнизона, слушателей Академии Генерального штаба, Инженерной академии, Константиновского военного училища, Царскосельской стрелковой школы, кадетских корпусов и др. Самый активный из них возник на рубеже 1857—1858 гг. среди офицеров-поляков, обучавшихся в Академии Генерального штаба. Он известен в литературе как кружок Сераковского — Домбровского [33]. Кроме офицеров, с кружком были связаны польские чиновники и студенты, захваченные общественно-политической борьбой Королевства Польского и России и разделявшие идеи русских революционных демократов.

Организатором кружка генштабистов был Зыгмунт Сераковский. После восьми лет тяжелой солдатской службы в Оренбургском корпусе Сераковскому удалось получить офицерский чин и поступить в Академию Генерального штаба. Демократ по убеждениям, свободный от национализма, Сераковский быстро сблизился с передовыми русскими деятелями. Он сотрудничал в «Современнике», стал близким другом Чернышевского и Добролюбова, а позднее, в 1860—1862 гг., во время заграничных командировок установил непосредственные связи с Герценом и Огаревым [34]. В 1863 г. в статье-некрологе Герцен писал: «Сераковский по политическим мнениям был всего ближе к чисто социальному воззрению. К России у него не было не только тени ненависти, но он с любовью останавливался на мечте о независимой Польше и дружественной с ней вольной России» [35]. Другой современник писал, что «Сераковский был самым близким человеком в кружке «Современника», хорошим другом Добролюбова и разделял все убеждения последнего» [36]. Судя по роману Чернышевского «Пролог» (написанному как раз в период общения с В. Н. Шагановым), где Сераковский выведен под именем Соколовского, как патриот и революционер, близость Сераковского с руководителями «Современника» действительно была тесной, хотя и не следует преувеличивать степень его единомыслия с Добролюбовым. Бесспорно, эти контакты сказались на углублении демократизма Сераковского и членов руководимого им кружка, которые охотно сближались с передовыми русскими людьми. Среди знакомых Чернышевского были Ян Савицкий (будущий полковник «Струсь» в восстании 1863 г.) и Ян Станевич.

Сераковский не был чужд либеральных иллюзий. Данью им можно считать представление в начале 1863 г. военному министру записки «Вопрос польский» [37], развивавшей в завуалированной форме идею демократизации общественного строя и автономии Польши, Литвы, Белоруссии и Украины в составе Российского государства. Но если сами расчеты на способность царизма осуществить прогрессивные реформы в интересах национального развития угнетенных им народов были очевидным заблуждением, то понимание сложности межнациональных проблем и необходимости при решении их учитывать интересы всех народов выделяло Сераковского среди деятелей польского общественного движения.

[33] *В. Р. Лейкина-Свирская* и *В. С. Шидловская*. Польская военная революционная организация в Петербурге (1858—1864). «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г.»; *В. А. Дьяков, И. С. Миллер*. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 года. М., 1964.

[34] *А. Ф. Смирнов*. Сигизмунд Сераковский. М., 1959; *В. А. Дьяков*. Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов»; «Новые материалы для биографии Зыгмунта Сераковского». «К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу»».

[35] *А. И. Герцен*. Собр. соч. в 30 томах, т. XVII, стр. 220.

[36] *В. Н. Шаганов*. Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке. СПб., 1907, стр. 23.

[37] РПРС, т. I, стр. 230—240.

С 1859 г., после окончания Сераковским Академии, центральной фигурой в кружке генштабистов стал его молодой единомышленник Ярослав Домбровский. Как и Сераковский, он происходил из небогатой шляхетской семьи с Волыни, офицерскую службу начал на Кавказе[38]. Деятельный организатор, Домбровский превратил кружок в кузницу революционных кадров.

Ход событий быстро превратил кружок Сераковского — Домбровского из литературно-просветительского кружка в политическую организацию, готовившую военные кадры для грядущего восстания, для борьбы за свободную демократическую Польшу. Эта организация установила связи с польскими подпольными группами в Москве, Киеве, Литве; позднее завязала связи с Варшавой и с демократической эмиграцией, в частности с Мерославским.

Кружок Сераковского — Домбровского, как и другие военно-революционные организации, не был изолированной польской организацией, в его состав входили русские, украинцы и представители других народов России. Он стал важным звеном в складывании русско-польских революционных связей и, по-видимому, был инициатором объединения многих кружков в академиях, кадетских корпусах, столичном гарнизоне в федерацию военно-революционных кружков в Петербурге[39].

Члены петербургских офицерских кружков были причастны к открытым проявлениям оппозиционных настроений в армии. Эти настроения проявились в коллективном протесте 115 офицеров Инженерной академии, выступивших против несправедливого отчисления их товарища из Академии, публичном протесте 106 офицеров против сторонников сохранения телесных наказаний в армии. Страстным борцом против палок и шпицрутенов был Сераковский; он участвовал в подготовке новых военно-дисциплинарных правил, вступивших в силу в 1863 г. Участвовали офицеры и в создании и деятельности воскресных школ, организованных русскими революционерами для пропаганды в народе, распространяли «Колокол», русские революционные прокламации. В литературе высказано аргументированное предположение о причастности членов кружка генштабистов к изданию «Великоруса», а следовательно, и о существовании прямых связей кружка Сераковского — Домбровского с его издателями[40].

В Петербурге уже во второй половине 50-х годов существовал патриотический кружок польской интеллигенции. К нему принадлежали Юзефат Огрызко, Влодзимеж Спасович, Бальтазар Калиновский, Юлиуш Рехневский, Эдвард Желиговский и др., с которыми поддерживали связи Сераковский и другие прогрессивные офицеры. Большинство членов этой группы сочетали польский патриотизм с либеральной программой. Впрочем, Огрызко имел контакты и в демократических кругах Петербурга: был лично знаком с Чернышевским, Николаем Серно-Соловьевичем и пользовался их уважением. В 1859 г. эта группа начала издавать польскую газету «Слово», которую польские патриоты хотели использовать для пропаганды прогрессивных идей. Но газета уже на втором месяце своего существования была запрещена правительством, а Огрызко был заключен в Петропавловскую крепость. Арест Огрызко

[38] *В. А. Дьяков.* Ярослав Домбровский. М., 1969; *J. Zdrada.* Jarosław Dąbrowski. Kr., 1973.

[39] *В. А. Дьяков.* Петербургские офицерские организации конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. и их роль в развитии русско-польских революционных связей. «Ученые записки Института славяноведения», т. XXVIII. М., 1964.

[40] *Н. Н. Новикова.* Революционеры 1861 года. М., 1968, гл. IV, § 8.

вызвал возмущение русской общественности. И. С. Тургенев обратился с письмом к царю, осуждая этот акт. Огрызко вскоре был освобожден, но попытки добиться разрешения на возобновление газеты были безуспешны [41].

3. Подъем польского освободительного движения в 1861—1862 гг. и поддержка русской революционной демократии

В Королевстве Польском на рубеже 50-х и 60-х гг. шло нарастание национально-освободительных настроений [42]. Возникают конспиративные группы и кружки среди студентов, чиновников, ремесленников, представлявших левое демократическое крыло начавшегося движения.

Демократическим кружкам противостояло возникшее в 1858 г. и действовавшее легально Земледельческое общество, включавшее помещиков и шляхту. Пределом уступок в отношении крестьян им представлялось очиншевание (перевод на оброк) при условии добровольного соглашения сторон. Помещики стремились сохранять хорошие отношения с царским правительством и мечтали лишь о смягчении политического режима, о получении некоторой автономии легальным путем.

В Варшаве действовал кружок Эдварда Юргенса, объединявший буржуазные слои. Этот кружок декларировал готовность бороться за национальное освобождение, но откладывал эту борьбу на далекое будущее. Патриоты-радикалы дали представителям этого направления саркастическое прозвище «милленеры» (от латинского mille — тысяча), т. е. откладывающие освобождение Польши на тысячу лет. Противники конспиративной патриотической деятельности, «милленеры» выдвигали программу ограниченных прогрессивных реформ. В их позиции сказалась несамостоятельность и слабость польской буржуазии, выступавшей в конечном итоге в одном лагере с консерваторами.

С лета 1860 г. революционное движение в Королевстве Польском приняло форму манифестаций, поводом для которых избирались похороны общественных деятелей, праздничные и памятные даты и т. п. Начавшиеся с Варшавы манифестации захватили в основном городское население. Они стали на данном этапе наиболее значительным и массовым проявлением польского национально-освободительного движения, являясь по существу формой протеста широких слоев и частично либеральной шляхты против политики царизма.

Первые манифестации были организованы демократическими кружками. Помещики и буржуазия осуждали эти выступления. Но позднее к участию в манифестациях подключились и умеренные элементы, стремясь сдержать массы и в то же время использовать сложившуюся обстановку с целью оказания давления на царское правительство.

Во второй половине февраля 1861 г. обстановка в Королевстве Польском существенно обострилась: 12 (24) февраля на съезде Земледельческого общества должно было произойти обсуждение крестьянского вопроса. В России ожидалась реформа, польские помещики были вынуж-

[41] *А. Ф. Смирнов.* О польском литературном кружке в Петербурге и его органе «Слово». «История и культура славянских народов. Польское освободительное движение XIX—XX вв. и проблемы истории культуры». М., 1966.

[42] О всей проблематике революционного подъема начала 60-х годов и восстания 1863 г. см.: *S. Kieniewicz.* Powstanie styczniowe. W., 1972.

дены как-то на нее реагировать, опасаясь выступления своих крестьян, также ожидавших реформы. Демократические и буржуазные кружки стремились оказать давление на помещиков в момент съезда, выступив в поддержку требования о наделении крестьян землей в собственность. В феврале же исполнялась 30-я годовщина одной из крупнейших битв восстания 1830—1831 гг., битвы под Гроховом. Мерославский давал своим сторонникам указания организовать в этот день массовую манифестацию и превратить ее в восстание. В Варшаву стекалось много студентов, молодежи из других городов. От плана неожиданного восстания организаторы в последний момент отказались. Решено было ограничиться манифестацией. Манифестация, состоявшаяся 13 (25) февраля, была разогнана, последовали многочисленные аресты. Через два дня состоялась новая манифестация, на улицу вышло несколько десятков тысяч человек. По ним был открыт огонь. Пять человек было убито, многие ранены. Возмущение охватило всю Польшу. Возможность вспышки стихийного восстания активизировала варшавскую буржуазию. Наместник кн. М. Д. Горчаков вынужден был утвердить Городскую делегацию из зажиточных граждан Варшавы как административный орган для проведения похорон убитых и принять адрес на имя царя, выражавший протест и требование автономии Королевства Польского. В день похорон, 18 февраля (2 марта), на улицу вышло около 100 тысяч человек.

Растерянность царских властей объяснялась не только неожиданным для них размахом массового движения в Варшаве, но и остротой политического кризиса во всей России в момент объявления крестьянской реформы. И в Петербурге, и в Варшаве власти переживали, по меткому определению Герцена, «день страха». В Варшаве и других городах Королевства Польского установилась довольно значительная свобода, казалось, что власть не у наместника, а у Городской делегации (аналогичные органы создались и в других городах), которая старалась придать движению мирные формы.

Царское правительство искало опоры в имущих классах польского общества. К управлению Королевством Польским царизм привлек одного из крупнейших помещиков, маркиза Александра Велёпольского, известного консерватора, склонного к тесному сотрудничеству с царским правительством. Разработанная им программа действия предусматривала восстановление в ограниченных пределах автономии Королевства Польского и привлечение польских имущих классов к управлению страной; в области социальной — обязательное очиншевание крестьян, в области просвещения — реформу школьного дела и открытие Варшавского университета. Велепольский занял пост главного директора комиссии по делам просвещения и вероисповеданий. Он считал необходимым проведение жесткого курса. В этом его поддерживал Петербург. В течение марта в Королевство и в саму Варшаву были стянуты войска. Хотя первейшей целью Велепольского было остановить революционное движение, он начал с актов, направленных против умеренной помещичье-буржуазной оппозиции, возглавляемой Анджеем Замойским, т. к. рассматривал ее как помеху. Земледельческое общество было закрыто, деятельность Городской делегации прекращена.

Ответом явилась новая манифестация 8 апреля (27 марта) 1861 г. Она закончилась расстрелом манифестантов, погибло более ста человек. На улицах Варшавы расположились войска. Результатом апрельского кровопролития стал переход значительной части землевладельцев и буржуазии в оппозицию к царизму и отказ сотрудничать с ним.

На протяжении летних месяцев 1861 г. сменявшие один другого на посту наместника царские сановники, проводя политику «кнута и пряника», пытались репрессиями подавить массовое движение, а ограниченными реформами привлечь к себе имущие классы. Но все зигзаги правительственной политики не имели успеха. Между тем известия об опубликовании манифеста 19 февраля в России быстро распространились среди польского крестьянства, вызвав отказ от выполнения барщины. Волнения, начавшиеся с восточных районов, охватили весной 1861 г. до 180 тыс. крестьян.

2 (14) октября 1861 г. в Королевстве Польском было введено военное положение, запрещавшее пение патриотических гимнов, всякие собрания свыше трех человек и др. На другой же день, когда эти правила были нарушены пением патриотических гимнов в костелах, власти не остановились перед введением в костелы войск и многочисленными арестами. Религиозные чувства поляков были оскорблены, духовные власти пошли на закрытие костелов. Возник надолго затянувшийся конфликт, в результате которого низшее духовенство стало активным участником движения.

Общественный подъем конца 50-х — начала 60-х годов охватил и национальные окраины России — Литву, Белоруссию и Правобережную Украину, являясь серьезнейшей составной частью общероссийской революционной ситуации. В этих землях проживало значительное число польского или ополяченного населения, в основном дворянского происхождения. Западные и юго-западные губернии были самыми «дворянскими» и «крепостническими» в России. Основные земельные фонды были в руках помещиков-поляков, крупнопоместное хозяйство, характерное для этих земель, основывалось на самой отсталой—барщинной — системе хозяйства, наиболее тяжелой для крестьян. Поляки-помещики занимали господствующее положение не только в экономике, но и в общественной и культурной жизни края. Поляк-помещик представлял собой тип закоренелого консерватора и националиста. Считая себя на этих землях хранителями «полонизма», помещики всякое покушение на интересы феодального господствующего класса рассматривали как национальную измену.

Крестьянское движение здесь отличалось большой интенсивностью, было массовым и упорным как до реформы 1861 г., так и после нее. Социальный гнет на этих землях дополнялся национальным и религиозным гнетом, поскольку помещик был, как правило, поляком и католиком, крестьяне же — литовцами, белорусами, украинцами и русскими, а по вероисповеданию, в основной своей массе (кроме литовцев), — православными или униатами.

Стихийное движение крестьян и городских низов нашло своих сторонников среди революционеров — поляков, литовцев, белорусов, украинцев, стремившихся поднять их на борьбу с помещиками и царизмом и являвшихся выразителями их полуосознанных национальных требований. Связь с Литвой, Белоруссией, Украиной делала многих польских демократов, невзирая на их шляхетское происхождение и воспитание, более восприимчивыми к идеям крестьянского демократизма, чем их собратьев в Королевстве Польском. Некоторые из них глубоко осознали необходимость привлечения широких масс крестьян к революционной борьбе, вели среди них работу, привлекая их в повстанческую организацию для борьбы не только с царизмом, но и с собственными помещиками. Но столь последовательны были лишь революционеры-демократы, в большинстве же участники польского освободительного движения про-

являли немало колебаний как в решении национального, так и крестьянского вопросов, не смогли выработать четкой классовой линии, не до конца понимали противоположность интересов различных классов польского общества.

Национальные и религиозные различия осложняли осознание необходимости общей борьбы с царизмом и установления революционных связей. Только наиболее прозорливые из революционеров-демократов добивались объединения усилий революционеров разных национальностей в общей борьбе против самодержавия.

Революционная ситуация на этих землях, достигнув в 1861 г. такой же остроты, как и в Центральной России, не пошла на спад, социальные противоречия усугубились национально-освободительным движением, неотвратимо приближался взрыв.

На становление революционной демократии на Украине, в Литве и Белоруссии оказывала влияние русская революционно-демократическая мысль. Издания Вольной русской типографии, «Современник» имели широкое хождение на этих землях. Одновременно получили распространение польские демократическо-патриотические издания; на Украине ходили по рукам списки свободолюбивых произведений Тараса Шевченко.

На Украине действовала одна из первых в России разночинских организаций — Харьковско-Киевское тайное общество. Распространяя революционную литературу, оно стремилось к уничтожению крепостного права, установлению республиканского строя, исходило из понимания общности исторических судеб украинского и русского народов, необходимости ведения совместной борьбы с царизмом и сочетало все это с развитием национальных элементов — украинского языка, культуры.

В украинском общественном движении в начале 60-х годов его революционное крыло в лице А. А. Красовского, Е. М. Моссаковского и др. пришло к выводу о необходимости объединения русских, украинских и польских демократов для совместной борьбы с самодержавием. Для Польши мыслилось самостоятельное существование.

Одновременно на Украине складывается и польский демократический лагерь. Поляки создают на Правобережье сеть тайных организаций, внутри которых шла борьба с сильными здесь шляхетскими тенденциями.

Среди польских демократов, действовавших на Украине, было немало таких, которые также призывали к объединению усилий русских, поляков и украинцев и активно участвовали в революционной деятельности украинских демократов — распространяли революционную литературу, организовывали воскресные школы. Общность взглядов на цели и средства революционной борьбы сближала русских, украинских и польских демократов.

Основоположник украинской революционно-демократической мысли, Т. Г. Шевченко в последние годы своей жизни немало сделал для укрепления украинско-русских и украинско-польских революционных связей. Интернационализм его свободолюбивых произведений нашел широкое признание среди прогрессивных кругов всех народов. Похороны Т. Г. Шевченко в 1861 г. превратились в столь солидарную демонстрацию, что заставили насторожиться правительство.

Патриотический подъем в Королевстве Польском распространился на правобережные украинские и литовско-белорусские земли, найдя отклик в городах среди проживавших здесь польских ремесленников, интеллигенции, учащихся. Их борьба, не имевшая еще четких лозунгов, являясь на первых порах протестом против действий царизма, встречала

сочувствие и поддержку у низов городского населения и непольского происхождения — белорусов, литовцев, украинцев, также подвергавшихся и национальному и религиозному гнету со стороны царизма. Ношение национальной одежды, празднование национальных юбилейных дат, пение гимнов, панихиды, самые незначительные события становились в обстановке подъема поводом для демонстраций. После февральских событий в Варшаве манифестации, захватывавшие тысячи патриотов, прокатились широкой волной, приняв открытый политический характер. Еще в день похорон первых пяти жертв, погибших в Варшаве, в Вильно, а также и в других городах Литвы состоялись панихиды.

Крупная манифестация произошла в Вильно 8 (20) мая; 31 июля (12 августа) во многих городах Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины отмечалась годовщина польско-литовской унии 1569 г. В Ковно, на мосту через Неман, встретились две манифестации — из Ковно и из Королевства Польского, т. е. из составлявшего северную часть Августовской губернии литовского Занеманья. 6(18) августа было разогнано шествие, направлявшееся из Вильно навстречу ожидаемой делегации из Королевства Польского. Уже в августе 1861 г. в крупнейших городах Литвы и Белоруссии и во всей Ковенской губернии было введено военное положение. Герцен оценил этот факт как ответ самодержавия на вопрос: с кем Литва?

Манифестационное движение распространилось и на Правобережную Украину. В сентябре 1861 г. военное положение было объявлено в Житомире [43].

Манифестационное движение в Литве, Белоруссии и на Украине усиливало революционную ситуацию в стране. Но в этом движении сталкивались противоположные интересы.

Польское оппозиционно настроенное дворянство и католическое духовенство включались в движение, создавая видимость справедливости требования восстановления старых границ Речи Посполитой. Польские дворяне некоторых западных губерний составляли адресы с просьбами о присоединении их к Королевству Польскому. Руководителями манифестаций были зачастую люди, далекие от защиты народных интересов, но было и немало лиц, преданных идеалам демократии, и сторонников русско-польского революционного союза.

Контакты, установившиеся между украинскими и польскими демократами в Киеве, совместная антиправительственная деятельность привели уже в 1861 г. к соглашению о необходимости тесного сотрудничества и совместной борьбы против царизма. Его духом была проникнута программная статья первого номера подготовленной в тайной литографии, находившейся в Киево-Печерской лавре, польской подпольной газеты «Одродзене» («Возрождение»). В этой статье, написанной Стефаном Бобровским, учитывалось и признавалось право за народами решать свою судьбу самим: «Нашим лозунгом в этом щекотливом вопросе будут слова варшавских ремесленников: «Тот народ, который хочет быть с нами, пусть остается, а тот, который не пожелает этого, пусть будет свободным»» [44].

В 1862 г. на Украине действовали два комитета — малороссийский (украинский) и польский.

Центрами революционной деятельности в Литве и Белоруссии стали Вильно, Ковно, Гродно и Белосток.

[43] «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.». М., 1964; «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.». Киев, 1963.

[44] «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.», стр. 213, 216.

В течение 1861—1862 гг. происходила консолидация демократических сил Литвы и Белоруссии, к концу лета 1862 г. объединившихся в Комитет движения, включивший виднейших демократов Литвы и Белоруссии. Члены Комитета были очень близко связаны с членами кружка Сераковского — Домбровского в Петербурге и через них — с русскими революционерами и с организацией русских офицеров в Польше. Революционные демократы Литвы и Белоруссии — Константин Калиновский, Антанас Мацкявичюс поддерживали польское национально-освободительное движение, считая, что «польское дело — это дело свободы», и последовательно защищали интересы литовского и белорусского народов. Они не разделяли шляхетских воззрений на свою родину и рассчитывали на помощь польских демократических сил в борьбе за национальную независимость Литвы и Белоруссии.

Калиновский с 1861 г. начал создавать в Белоруссии революционные кружки, выступая за наделение крестьян землей, установление демократического строя и стремясь поднять белорусский народ вместе с польским и русским на свержение царизма. Основной задачей он считал работу среди крестьян[45]. С лета 1862 г. он вместе с Валерием Врублевским издает периодический орган для крестьян — «Мужицкую правду» на белорусском языке, где отстаивается право крестьян на землю. В другом органе, издававшемся для пропаганды и подготовки масс к восстанию, в польской газете «Хоронгевь свободы» («Знамя свободы») широко пропагандировалась идея, что Польша может возродиться только в союзе с русскими, идея необходимости совместной борьбы: «Русский народ содрогается, видя нашу вековую обиду. Он стремится быть свободным нашим братом, а не угнетателем, и ответственность перед потомством за наше железное рабство решительно возлагает на готовый рухнуть царизм»[46]. Деятельность Калиновского способствовала пробуждению национального самосознания белорусского народа, призывала крестьян к борьбе с помещиками, со всем угнетающим строем, призывала к единению в борьбе всех наций.

В Литве активную деятельность развернул ксендз Антанас Мацкявичюс. Как и Калиновский, он работал среди крестьян, призывал литовский народ к союзу с борющимся польским народом, требовал передачи земли крестьянам, а путь борьбы видел лишь в народной революции. Поднимая литовских крестьян, он считал, что национальное освобождение может быть достигнуто в совместной борьбе народов — польского, литовского, белорусского, русского[47].

События в Польше приковали к себе внимание русского передового общества. С середины марта 1861 г. почти каждый номер «Колокола» содержал материалы о польских делах. Это была не просто сочувственная информация, не голос стороннего наблюдателя. Уже в первых статьях «Vivat Polonia», «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве», «Mater dolorosa», касающихся событий в Польше, Герцен возмущается действиями царских властей, приветствует борьбу, начатую поляками, призывает русских офицеров в Польше: «Идите в арестантские роты, в крепости, казематы, на смерть — только не убивайте ни поляка, который хочет быть самим собой, ни крестьянина, требующего свободы»[48]. Герцен

[45] *А. П. Смірноў.* Кастусь Каліноўскі ў паўстанні 1863 года. Мінск, 1959.
[46] «Революционный подъем в Литве и Белоруссии», стр. 143.
[47] *С. А. Лазутка.* Революционная ситуация в Литве в 1859—1862 гг. М., 1961; *А. Ф. Смирнов.* Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М., 1963, гл. II, § 4; *J. Žugžda.* Antanas Mackevičius. Vilnius, 1971.
[48] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XV, стр. 45.

хотел отметить праздником освобождение в России крестьян, но в день праздника пришло известие о расстреле манифестации в Варшаве 8 апреля. «Наша радость побледнела перед вестью о варшавских убийствах»[49]. Кровавое подавление царизмом польского освободительного движения немало способствовало освобождению издателей «Колокола» от остатков либеральных иллюзий.

В «Колоколе» отмечаются факты сочувствия Польше в России; в одном из номеров было опубликовано письмо русских женщин женщинам польским. «Скажите им,— пишут они,— о наших чувствах и убеждениях, скажите им, что мы, так же как и вы, желаем полной и безусловной свободы и независимости Польши. И пусть наш слабый голос сольется с печальным звоном вашего «Колокола» и, коснувшись сердца, совести и сочувствия всех русских жен, матерей и сестер, дойдет и до Польши»[50].

Активная поддержка польского освободительного движения вызвала широкие симпатии к Герцену со стороны польской эмиграции. В одном из благодарственных адресов, подписанном почти пятьюстами польскими эмигрантами и врученном Герцену в Париже 4 июля 1861 г., что Герцен расценивал как «акт высокого, братского признания нашего сочувствия»[51], писалось: «Да будет благословен ваш подвиг,— подвиг святой и патриотический, ибо рабство, в которое ввергнута Польша, есть рабство, тяготеющее над самой Россией. Мы, со своей стороны, в 1831 г. начертали на наших знаменах: «За нашу и вашу свободу». «Vivat Polonia», таков с вашей стороны крик, исходящий из глубины вашего сердца. Спасибо, милостивый государь, за эту благородную честь, оказанную принципу солидарности народов»[52].

В «Пшеглёнде жечи польских» перепечатываются статьи Герцена «Vivat Polonia», «Mater dolorosa». Перепечатывает ряд русских воззваний и «Демократа польский». На его страницах в 1862 г. публикуется целый цикл статей под выразительным названием «О необходимости союза между Польшей и революционной Россией». Их автором был Миколаюс Акелайтис (Акелевич). Призывы к сотрудничеству с русскими революционерами раздавались на собраниях эмигрантов. Идеи союза отстаивали Эдвард Желиговский, Ян Чиньский, Антоний Жабицкий, Людвик Булевский.

К деятельности Герцена и Огарева в поддержку польского движения присоединился и Бакунин, бежавший из сибирской ссылки и появившийся в Лондоне в декабре 1861 г. Еще по пути в Лондон он писал Герцену и Огареву: «Буду у вас служить по польско-славянскому вопросу, который был моею idée-fixe с 1846 года»[53]. В феврале 1862 г. в «Колоколе» появилась первая часть его воззвания «К русским, польским и всем славянским друзьям» с призывом к активной революционной деятельности. Воззвание излагало идейно-политическое кредо Бакунина. Он отстаивал право Польши на самостоятельность, как и право всех народов на самоопределение, либо решение, с кем им соединяться или не соединяться, проводил мысль о прямой зависимости свободы России от освобождения Польши и обосновывал этим необходимость революционного союза. Воззвание Бакунина было переведено на польский язык и широко комментировалось в эмигрантских изданиях.

[49] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XV, стр. 67.
[50] Там же, стр. 125.
[51] Там же, стр. 124.
[52] РПРС, т. I, стр. 36.
[53] См.: *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XV, стр. 409.

Политическая и социальная программа Бакунина (демократическое славянофильство и анархизм) была встречена польской общественностью настороженно. Что же касается его концепции федерации, то она противоречила исторической тенденции этого периода, тенденции образования отдельных самостоятельных национальных государств.

События в Польше нашли широкий отклик в самой России. Прогрессивные элементы в России увидели в них предвестие русской революции. В политических обзорах, публикуемых в «Современнике», Чернышевский клеймил систему национального угнетения в Австрии; читателям журнала нетрудно было применить эти оценки к аналогичной ситуации России и Польши. Отношение русской революционной демократии к польскому вопросу отчетливо выразил второй выпуск «Великоруса», основную идею которого составляло убеждение в том, что свобода России возможна лишь при уничтожении русского господства в Польше. «Великорус» призывал «требовать безусловного освобождения Польши. Теперь стало ясно для всех, что власть наша над нею поддерживается только вооруженною рукою. А пока в одной части государства власть над цивилизованным народом держится системой военного деспотизма, правительство не может отказаться от этой системы и в остальных частях государства... Интерес русской свободы требует освобождения Польши. Наша народная гордость, любовь к нашему народу и финансовый расчет требуют того же ... Сотни тысяч женщин, стариков и детей остаются у нас без средств к жизни, потому что работники их семейств отведены на запад — удерживать Польшу в рабстве, столь разорительном для нас. Это разорение мы будем терпеть, пока не откажемся от Польши совершенно. Поляки не удовольствуются ничем, кроме полной отдельности от нас. Мы должны вовсе уйти из Польши, чтобы избавиться от разорения. Если мы сделаем это добровольно, поляки станут уважать нас, как людей умных, полюбят нас, как людей честных. Если мы не сделаем этого сами, поляки все-таки скоро освободятся; они ждут только первого случая, чтобы восстать поголовно» [54].

Н. А. Серно-Соловьевич в написанных уже в тюрьме работах выражал свою симпатию, сочувственное отношение к национально-освободительной борьбе Польши. Он с большой прямотой и откровенностью отстаивал право Польши на самостоятельность, считая, что захват Польши отрицательно сказывается на России. «Для политического человека, сознающего истинные интересы России, ясно, что ее отношения к Польше — колодки, мешающие ей идти вперед. Обладание Польшею делает ее ненавистною всему образованному миру, заставляет ее волею-неволею следовать немецкой, антинациональной политике, задерживать развитие ее внутренних сил» [55].

По мнению Серно-Соловьевича, компромисса с захватчиком быть не может, да и сохранение силою оружия своего господства в Польше для России невозможно. «Стремление к свободе и восстановлению национальностей — характер века. Эту силу нельзя сломить штыками. Ее можно некоторое время задерживать страшно дорогою ценой, но только для того, чтобы в конце концов поплатиться еще дороже» [56].

Высказывания в пользу освобождения Польши, выражение сочувствия борьбе польского народа содержались в прокламации Н. В. Шел-

[54] РПРС, т. I, стр. 76—78.
[55] Цит. по: *И. Б. Володарский.* Указ. соч., стр. 172.
[56] Там же.

гунова «К молодому поколению»[57], а в воззвании «Русским солдатам от их доброжелателей поклон», написанном им же, но оставшемся в рукописи, содержался призыв не стрелять в поляков и оказывать им поддержку: «Всякий народ должен быть вольный. Пусть освобождаются. Да поможет им бог! Помогите и вы им, братцы»[58].

Весной 1862 г. двумя изданиями была выпущена листовка «Подвиг капитана Александрова», прославлявшая самоотверженность офицера, изменившего текст царской телеграммы, чтобы предотвратить кровопролитный разгон царскими войсками манифестации поляков в годовщину апрельского расстрела[59].

Активнейшая студенческая революционная группа в Москве, группа Петра Заичневского и Перикла Аргиропуло, выпустила весной 1862 г. прокламацию «Молодая Россия», где рядом с призывом к кровавой и беспощадной революции ради создания «социальной и демократической Русской республики» содержалось требование «полной независимости Польши и Литвы»[60].

Революционно-демократические группы, действовавшие и на периферии России, выступая в защиту Польши, рассматривали польских демократов как союзников в общей борьбе против самодержавия, стремились объединить и координировать борьбу прогрессивных сил польского народа с русским революционно-демократическим движением. Далеко, в глубине России, в Перми осенью 1861 г. получила распространение рукописная прокламация «Пора», призывавшая подняться на борьбу, объединив усилия русских, польских и украинских демократов: «...Русские должны ни на шаг не отставать от поляков, которые... начинают просыпаться и уже действовать соединенными силами, напасть на этот гранитный пьедестал царя и окончательно разбить его и поддерживающих его. Поляки готовы. И, вероятно, к 1000-летию России (август 1862 г.—*И. М., Т. Ф.*) они будут свободны. Пора и нам! ... Мы должны держаться их и дружно восстать вместе с ними, иначе нам будет плохо... Пора нам выступить с вооруженною рукою на кровавое поле революции... тем более что время теперь очень удобное — Польша и Малороссия уже готовы подняться... Лучше, я думаю, подняться всем троим, чем каждому поодиночке»[61].

После введения военного положения в Королевстве Польском стало ясно, что дело идет к восстанию. К этому времени относится оформление лагерей «красных» и «белых» в польском общественном движении. Партия «красных» — сторонников активных действий, сторонников восстания, являлась широким демократическим блоком, объединявшим разнородные слои польского общества, стремящиеся революционным путем ликвидировать феодализм, наделить крестьян землей и завоевать независимость,— это городская интеллигенция, мелкая шляхта, ремесленники, мелкая и средняя буржуазия, студенческая молодежь. «Белые» — противники восстания, сторонники ограниченных реформ — это крупные помещики, крупная буржуазия, верхушка интеллигенции, боявшиеся активности масс, социальных и экономических преобразований и восстания и ограничивавшиеся по отношению к царскому правительству пассивной оппозицией.

[57] *Н. Шелгунов.* Воспоминания. М.— Л., 1923, Прилож. II.
[58] «Политические процессы 60-х гг.». М.— Пг., 1923, стр. 184.
[59] РПРС, т. I, стр. 151—152.
[60] *Б. Козьмин.* Заичневский и «Молодая Россия». М., 1932, стр. 59—60.
[61] РПРС, т. II, стр. 274—275.

Обе группировки организационно оформились осенью 1861 г. Представители демократических кружков в Варшаве в октябре 1861 г. организовали Городской комитет (Комитет движения), первой задачей которого было создание повстанческой организации. В это же время и «белые», потерявшие с закрытием Земледельческого общества и роспуском Городской делегации свои политические центры, создавали свой руководящий орган — Дирекцию, объединив противников революционных методов борьбы.

В первой половине 1862 г. сложилась в основном повстанческая организация. Городской комитет был преобразован в Центральный Национальный Комитет, подчинивший своему влиянию всю систему возникающих революционных организаций в Королевстве Польском. Организация была строго законспирирована и строилась по системе десятков и сотен, объединявшихся в округа, отделы. Вся территория Польши была разделена на воеводства, а каждое воеводство на поветы. Органом ЦНК с июля 1862 г. стала газета «Рух». ЦНК открыто провозгласил курс на вооруженное восстание и войну всем тем, кто шел на компромисс или сотрудничество с царизмом.

Социальная неоднородность формирующейся повстанческой организации обусловливала различные политические течения внутри нее. Ее правое крыло (так называемые умеренные) не выступало открыто против восстания, но оттягивало его подготовку и тяготело к сотрудничеству с «белыми». Другая часть была сторонницей методов Мерославского, который призывал к восстанию, невзирая на степень подготовки; в решении национального вопроса и отношении к революционному союзу с русской демократией эта группа отличалась крайним национализмом, отказываясь от союза с русскими революционерами. Третье — революционно-демократическое направление стояло за решение социальных и национальных вопросов на демократической основе и стремилось к сотрудничеству с русским революционным движением.

В начале 1862 г. в Варшаву прибыл Я. Домбровский. Войдя в Комитет, он быстро занял руководящее положение, став повстанческим начальником города Варшавы, что усиливало в повстанческом руководстве левое направление.

Внутри ЦНК шла постоянная борьба между революционными и умеренными элементами по основным вопросам движения, по вопросу о восстании, крестьянскому и национальному вопросу; позиция, занятая Комитетом по крестьянскому вопросу, не была последовательной. Понимая необходимость разрешения этого вопроса, в то же время Комитет боялся аграрной революции, в чем сказывалась шляхетская ограниченность «красных». Задача революционного уничтожения шляхетского землевладения не была ими выдвинута. В стремлении объединить все силы нации и привлечь их в повстанческие организации Комитет колебался между крестьянством и шляхтой — одним обещал землю, другим — вознаграждение за отказ от нее.

В июле 1862 г. Комитет опубликовал свою программу [62], основные ее положения гласили: независимая Польша в границах 1772 года, завоеванная собственными силами, союз с соседними, особенно славянскими странами в общей борьбе, переход земли, находящейся в пользовании крестьян, в их собственность с вознаграждением помещиков за счет государства, отмена сословных привилегий и гражданское равенство для всех жителей страны без различия языка, национальности,

[62] ИППМ, т. III, стр. 661—662.

религии. Программа была компромиссом между левым и правым крылом «красных». При всей ее общей прогрессивной направленности, она не решала вопроса о безземельном крестьянстве и сохраняла помещичье землевладение. В программе ЦНК присутствовала традиционная концепция польской шляхты о границах Польши, хотя и говорилось об «уважении прав» народов, входящих в Речь Посполитую. Не отвергало лозунга границ 1772 г. и левое крыло красных, понимая, однако, будущие отношения с украинским, белорусским и литовским народами как основанные на равноправии и свободе в союзе с демократической Польшей.

В это же время в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине также оформляются организационно как «красные», так и «белые». В Литве и Белоруссии «красные» создают повстанческую организацию под руководством «Комитета движения», а на Правобережной Украине — под руководством «Центрального комитета на Руси» (в конце 1862 г., признав руководящую роль ЦНК, эти комитеты приняли названия соответственно «Литовского провинциального комитета» и «Провинциального комитета на Руси»). Польские революционеры в Петербурге и Москве создают тайные организации и комитеты «красных», поддерживая связи с эмиграцией и Варшавой.

В начале 60-х годов эмигранты, только что покинувшие Польшу, основали «Общество польской молодежи». Сначала оно находилось под влиянием Мерославского, но популярность генерала быстро уменьшалась. Общество польской молодежи было наиболее передовой и революционной партией в эмиграции. Основная масса его членов твердо связывала решение национального вопроса с социальным, выступала за вооруженное восстание, за предоставление автономии Литве, Белоруссии, Украине. Сумев освободиться от националистических предрассудков, они отличали царское правительство от русского народа. Общество в лице Яна Амборского, Зыгмунта Падлевского, Влодзимежа Миловича, Юзефа Цверцякевича вошло в непосредственные связи с Герценом, Огаревым, Бакуниным. В 1862 г. в упрочении русско-польских связей ведущая роль принадлежала Падлевскому и Миловичу. Именно эта польская партия «молодой» эмиграции взяла на себя инициативу заключения русско-польского революционного союза.

4. Военно-революционная организация в Польше и первый план совместного революционного выступления

В войсках I армии, расположенных в Королевстве Польском, Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине, существовала сеть революционно настроенных офицерских кружков. С осени 1861 г. их возглавил и объединил коллегиальный орган «Комитет русских офицеров в Польше» [63]. Тот факт, что войска длительное время находились на землях, где в разных формах проявлялась национально-освободительная борьба, немало способствовал выработке у остальных военнослужащих симпатий к польскому движению и установлению революционных связей. К тому же в I армии было много уроженцев Королевства Польского, Литвы, Белоруссии, Украины.

[63] *В. А. Дьяков.* Герцен, Огарев и Комитет русских офицеров в Польше. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1963; *он же.* Революционная организация русских офицеров в Польше. В кн.: *В. А. Дьяков, И. С. Миллер.* Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964.

Идея создания Комитета русских офицеров в Польше появилась под влиянием деятельности Петербургской офицерской организации, руководимой Сераковским и Домбровским. Руководящим деятелем Комитета до ареста в феврале 1862 г. был поручик Василий Каплинский, в дальнейшем важнейшую роль играли Ярослав Домбровский и Андрей Потебня. Возникшая федерация военных революционных кружков была по своему национальному составу в основном русско-польской, но включала и украинцев, белорусов, литовцев. Общая численность кружков к 1863 г. достигала 400 человек. Комитет развернул революционную агитационную и пропагандистскую деятельность как среди офицеров, так и среди солдат. Комитет русских офицеров вошел в тесный контакт с другими революционными организациями и начал подготовку к восстанию против царизма, пытаясь обеспечить единство действий революционных сил России, Польши, Литвы, Белоруссии, Украины.

Связь с польскими конспираторами, с партией «красных» укрепилась и расширилась с появлением в феврале 1862 г. в Варшаве Я. Домбровского. Многие поляки-офицеры — Ярослав Домбровский, Зыгмунт Падлевский, Людвик Звеждовский и другие — входили как в польскую повстанческую организацию, так и в армейскую, что являлось своеобразной особенностью революционного движения в армии, находившейся в Польше и включавшей множество офицеров польского происхождения. Весной 1862 г. офицерская организация уже была морально подготовлена к совместному выступлению и поддерживала тесные связи с варшавским Комитетом. Потебня писал Герцену в июне 1862 г.: «Мы настолько сблизились с патриотами польскими, что во всяком случае примем *прямое* участие в близком восстании Польши... Я уже писал вам раз по поручению своих товарищей; тогда я еще не знал, что пропаганда будет так легка и так успешна; теперь войско, квартирующее в Варшаве, стоит на такой ноге, что готово драться со своими, если б они вздумали идти против поляков» [64]. Само обращение Потебни к Герцену в это время за советом и напутствием было связано с вполне конкретными революционными планами Комитета.

Русские революционные демократы в 1862 г. взяли курс на расширение фронта антиправительственной борьбы, на объединение широкого круга оппозиционных сил и использование конституционно-либерального движения. Землевольцы рассчитывали на значительный подъем оппозиционного движения в момент празднования тысячелетия России, намеченного правительством на август 1862 г. И вполне вероятно, что их планы не ограничивались только мирной демонстрацией, а учитывали перспективу революционного выступления, благоприятные условия для которого создавали подъем польского освободительного движения и существование параллельных планов польских революционеров. В связи с этими расчетами русских революционеров, о чем были хорошо осведомлены польские революционные демократы — Домбровский, Сераковский и др.,— по-видимому, и возникла первичная дата начала восстания в Польше, возник так называемый план Домбровского, совместный план «красных» и армейских офицеров в Польше.

Ярослав Домбровский, являвшийся начальником города, т. е. городской повстанческой организации, предложил ЦНК зародившийся в «Комитете русских офицеров в Польше» и конкретно разработанный план восстания [65].

[64] РПРС, т. I, стр. 405.
[65] *И. С. Миллер.* План Ярослава Домбровского. В кн.: *В. А. Дьяков, И. С. Миллер.* Революционное движение...

План был рассчитан на активное участие офицеров русской армии. С их помощью восставшие польские патриоты должны были овладеть Варшавской Александровской цитаделью и Модлинской (Новогеоргиевской) крепостью, где хранилось оружие (до 70 тыс. винтовок с боеприпасами), захватить в Варшаве замок, военное командование и призвать Варшаву к восстанию. Первоначальный успех послужил бы сигналом для повсеместного восстания в Польше. Я. Домбровский предложил дату восстания 8 (20) августа. Он считал, что революционные организации в русской армии уже достаточно подготовлены и можно рассчитывать на успех восстания, начатого варшавскими повстанцами при поддержке армейской организации. Будучи тесно связанным с русскими революционными кругами, Домбровский координировал свои планы с революционной обстановкой в России, исходя из убеждения в необходимости совместного выступления ради сокрушения общего врага — царизма. «Русские также хотят свободы, хотят сбросить ярмо ненавистного им царизма,— говорил, по свидетельству Антония Езёраньского, Ярослав Домбровский.— Мы должны действовать вместе с ними, и мы достигнем осуществления наших надежд в не столь далеком будущем»[66].

Домбровский предлагал план начала революции в Польше как план первого удара по царизму. Он учитывал не только местную, но и всероссийскую ситуацию и видел в польской революции начало всероссийского выступления. Намечая в качестве времени выступления август, Домбровский, вполне вероятно, связывал это с возможными выступлениями в России в момент празднования годовщины тысячелетия России. Домбровский «представлял еще, что сношения его с военными и вообще с русскими дают ему не подлежащее никакому сомнению убеждение, что одновременно с нашим революционным движением вспыхнет революция и внутри России, что целые батальоны армии драться с нами не будут и что они добровольно сложат оружие при первом появлении восставших и будут составлять батальоны наших волонтеров в борьбе против ненавистного для них правительства»[67]. Так звучало содержание плана в изложении противника Домбровского. Русская сторона в этом совместном замысле ждала от восставшей революционной Польши помощи при формировании ею на освобожденной от царских войск польской территории русских республиканских дружин, которые составили бы ядро русской революционной армии и двинулись бы на восток. «Русские участники заговора, — говорил Домбровский, — обещая нам такую большую помощь, требовали от нас взамен подтверждения, что, когда восстание распространится по всему краю, мы дадим им возможность формировать свободные русские республиканские дружины, которые выступят в глубь России и там поднимут знамя революции и что, по крайней мере, вначале мы окажем им помощь как деньгами, так и оружием для их упомянутых революционных целей»[68]. Итак, речь шла о взаимно обусловленном плане совместного начала польской и русской революций. При всей его рискованности план Домбровского имел шансы на успех.

Плану революционного действия была подчинена активная пропагандистская и агитационная деятельность Комитета русских офицеров в Польше. На первых порах Комитет распространял прокламации, из-

[66] *A. Jeziorański.* Pamiętniki. Powstanie r. 1863. Lw., 1880, cz. 1, str. 61.
[67] «Показания и записки о польском восстании 1863 г. Оскара Авейде». М., 1961, стр. 449—450.
[68] *Wł. Daniłowski.* Notatki do pamiętników. Kr., 1908, str. 104—105.

данные в Лондоне и Петербурге. Затем многие из них Комитет начинает литографировать в Варшаве, а с весны 1862 г. офицерская организация выпускает значительными тиражами собственные прокламации, адресованные к офицерам и солдатам, широко развивавшие идеи русско-польского революционного союза.

Первые же листовки «Русская Правда» № 1 и № 2 [69], осуждая правительство, призывали поляков заключить союз для борьбы с царизмом: «Дайте нам вашу руку, потому что настает час, когда мы вместе станем под одним знаменем, знаменем свободы» [70]. «Правительство не видит,— писалось в «Русской Правде» № 2,— что скоро эта армия откажется служить орудием угнетения польского народа, требующего себе воли и земли, подобно русскому народу» [71].

Появление «Русской Правды» было радостно встречено польским подпольем. Газета «Стражница» («Сторожевой пост») писала в № 7 от 16 апреля 1862 г.: «Вот уже третье из независимых русских изданий поставило освобождение Польши в ряду задач будущей, свободной, антицарской России. «Колокол», «Великорус», а теперь «Русская Правда»... признают независимость и свободу Польши вопросом жизненно важным для самой России. Мы приветствуем с сердцем, полным радости и братских чувств, новых союзников там, где до сих пор мы привыкли встречать лишь врагов... Мы полностью согласны с взглядами «Русской Правды» и, хорошо зная, что царь для России означает вечное рабство, подаем ей руку для борьбы с ним, ожидая сильной агитации, а затем и революции в самой России как момента, в котором мы соединимся с ней на поле вооруженной борьбы» [72].

В мае 1862 г. появилась литографированная прокламация «Русским войскам в Польше». Она была обращена к солдатам и призывала их не подавлять польского движения, а вместе с поляками выступить против самодержавия: «Время восстания Польши приближается... Присягните во имя всего святого вам: не поднимать оружия против Польши! Эту присягу требует не царь, а совесть народная, народное раскаяние, и, если вас ждет самая гибель за это, она свята, вы падете жертвой искупления и вашей мученической кровью запечатлеется неразрушимый свободный союз Польши с Россией как начало вольного соединения всех славян *в единое и нераздельное Земское дело*» [73].

Вторая изданная тогда же листовка была обращена к офицерам и носила название «Чего хочет русский народ и что должен делать тот, кто его любит?». Это был в своей основе сокращенный вариант воззвания «К молодому поколению». Листовка излагала задачу революционного преобразования России, указывала на громадную роль войска в деле революции и призывала русских воинов понести свободу на свою родину: «Вам выпал на долю счастливый жребий быть передовыми в деле освобождения России; не отталкивайте от себя этого жребия. Мы призываем вас на помощь Польше, этой великой, многострадальной мученице: пока угнетена она, Россия не может быть свободной. Народное дело уже созрело в Польше и скоро народ возьмет свое: власть петербургского правительства держится в ней только вами и от вас зависит уменьшить число будущих жертв... Если вы откажетесь бить поляков, то и этим сделаете много; но это не все. Вы должны стать

[69] РПРС, т. I, стр. 134—137, 139—140.
[70] Там же, стр. 136.
[71] Там же, стр. 140.
[72] «Подпольная пресса 1861—1864 гг.», т. I. Вроцлав, 1966, стр. 47.
[73] РПРС, т. I, стр. 387—388.

за них, и только тогда вы своею кровью можете смыть с себя пятна мученической крови. Если вы сделаете это, вы уменьшите потоки крови, уже готовой пролиться, вы поразите петербургское правительство в самом чувствительном месте и из возродившейся Польши понесете знамя свободы на свою родину!» [74]

Офицеры вели пропаганду среди солдат, читали им статьи из герценовских изданий, разъясняли содержание распространяемых листовок, давая — как формулировала обвинение царская военно-полевая юстиция — превратное истолкование «правительственных реформ по крестьянскому делу и в Царстве Польском» и возбуждая «нижних чинов к явному неповиновению начальству и даже бунту» [75]. Революционная деятельность среди солдат некоторых членов офицерской организации была обнаружена военными властями; арестованные поручик Иван Аргольдт, подпоручик Петр Сливицкий, унтер-офицер Францишек Ростковский и другие были преданы военному суду. Офицерская организация ответила ускорением подготовки восстания.

В июне 1862 г. в Варшаве появилась типографски отпечатанная прокламация «Русские офицеры солдатам русских войск в Польше». Прокламация содержала новые черты — она не только призывала солдат поддерживать офицерскую организацию и настойчиво внушала солдатам доверие к офицерам, но содержала прямой призыв к близкому восстанию в союзе с поляками. «Поляки готовы восстать, подобно отцам и братьям вашим, за свою волю, за свою землю. Они протягивают нам руку помощи — соединимся с ними и ничто не будет в силах противиться нам. Наши вольные дружины, поддержанные их дружескими полками, пройдут по России с криками торжества и свободы» [76].

Представленный Ярославом Домбровским план был принят ЦНК. Но под давлением умеренных, испугавшихся столь близкой революции, состав ЦНК был изменен, и вопрос о восстании был снят.

Стремясь запугать революционеров, по прямому указанию Александра II, царский суд приговорил Аргольдта, Сливицкого и Ростковского к смертной казни. В ответ на это накануне расстрела Потебня совершил покушение на утвердившего приговор и. о. наместника генерала Лидерса, ранив его. Весть о том, что в Лидерса стрелял русский, распространилась по Варшаве, проникла и в зарубежную печать. После покушения Потебня уже не вернулся в полк, перейдя на нелегальное положение. Через неделю после казни своих сотоварищей члены офицерской организации 24 июня (6 июля) организовали панихиду в походной церкви Повонзковского лагеря под Варшавой. О панихиде была хорошо осведомлена польская общественность. Память первых мучеников русского освободительного движения 60-х годов почтили панихидами революционные офицеры в Петербурге и летнем лагере Академии генерального штаба в Боровичах [77]. Как отклик на казнь появилась новая прокламация «Духовное завещание поручиков Аргольдта и Сливицкого, унтер-офицера Ростковского, рядового Щура, погибших мученической смертью 16 июня 1862 г. в крепости Новогеоргиевске» [78]. В этой листовке развивалась программа демократизации армии, улучшения положения солдат и повторялся призыв к солдатам сближаться

[74] РПРС, т. I, стр. 398—399.
[75] Там же, стр. 408.
[76] Там же, стр. 403.
[77] Там же, стр. 414, 421.
[78] Там же, стр. 423 (в действительности Щур выжил после наказания шпицрутенами).

с офицерами: «Они поведут вас на утеснителей, они доставят вам свободу и благоденствие» [79].

Контакты между офицерской организацией и «красными» после срыва плана Домбровского ослабели. Этот процесс усилился после того, как 2 (14) августа 1862 г. Ярослав Домбровский был арестован.

Весной — летом 1862 г. в развитии революционной ситуации в России наметился перелом. Грабительская крестьянская реформа 1861 г., осуществленная руками крепостников, сыграла все же роль спасительного для самодержавия клапана. После бурного подъема в марте — июне 1861 г. крестьянское движение пошло на убыль. Получив передышку, царизм готовился к наступлению против сил революции. Значительно содействовала самодержавию эволюция либерального лагеря. Либеральная оппозиционность резко потускнела, расчеты на изоляцию правительства становились нереальными.

Сигнал к переходу русских либералов на позиции поддержки самодержавия в его борьбе против революционного движения в стране, против польского освободительного движения дал московский публицист Катков. В своем журнале «Русский вестник» он начал — с благословения правительства — свой клеветнический поход против Герцена, «Колокола», против всего революционного лагеря.

Огромные пожары в Петербурге во второй половине мая 1862 г. были использованы для распространения слухов, будто в пожарах повинны революционеры и студенты. Пожары помогли царизму реализовать уже намеченные ранее реакционные меры. Были запрещены — пока до конца года — демократические журналы «Современник» и «Русское слово», во всей России закрыты воскресные школы, усилена цензура. В Петербурге была создана особая Следственная комиссия, которая повела борьбу с революционным движением, начались аресты, было сфабриковано и инсценировано несколько судебных процессов. Царизм, усилив реакционную политику, сумел отбить натиск революционных сил и, получив поддержку либералов, нанес удар демократическому движению, лишив его ведущих деятелей. 7 (19) июля 1862 г. были арестованы Н. Г. Чернышевский и Н. А. Серно-Соловьевич. Это был тяжелый удар для русского революционного движения, если учесть к тому же, что еще в конце 1861 г. умер Добролюбов, тогда же был сослан Михайлов, а в 1862 г. отправился вслед за ним в Сибирь Шелгунов.

В сложившейся обстановке «Земля и Воля», возглавляемая Русским Центральным комитетом, была вынуждена пересматривать свои планы и тактику. С осени 1862 г. возросла роль лондонского центра. «Колокол» в духе прокламаций «Земли и Воли» вел систематическую революционную пропаганду, связанную с ожиданием весной — летом 1863 г. всенародного вооруженного восстания, и реализуя мероприятия, направленные на его подготовку. Для народных масс Герцен и Огарев предпринимают издание газеты «Общее вече».

В то время как в Центральной России революционная ситуация была почти исчерпана, в Королевстве Польском, Литве, Белоруссии, на Правобережной Украине она не только сохранялась, но и усиливалась. В Королевстве Польском положение оставалось неспокойным. На улицах Варшавы стояли войска, производились обыски с целью изъятия оружия, арестовывались и высылались нарушители «порядка». Городские советы, избранные в сентябре 1861 г., из-за «неблагонадеж-

[79] Там же, стр. 424.

ности» своего состава не получили разрешения приступить к работе. Открытых выступлений не было, продолжалось ознаменование памятных дат, панихиды, ношение траура, бойкот театральных представлений. В польской деревне вновь поднялась волна крестьянских выступлений. Путь репрессий не оправдал себя. Царизм оказался в затруднительном положении. Не выработав четкой линии действия и пытаясь предотвратить взрыв, царское правительство сменило за год четырех наместников.

Царским правительством был принят новый курс — не прекращая репрессий против революционных элементов, попытаться ценой ограниченных уступок преодолеть «пассивную оппозицию» имущих классов. Наместником был назначен брат Александра II, в. кн. Константин Николаевич, известный относительно либеральными взглядами на польский вопрос. Гражданское управление отделялось от военного, начальником гражданского управления, т. е. помощником наместника по гражданской части, стал маркиз Велепольский.

В конце мая Велепольский прибыл в Варшаву. Сразу же были опубликованы подготовленные заранее указы о реформах. Было введено обязательное очиншевание, крестьяне потеряли сервитуты, крайне необходимые для ведения хозяйства. Таким образом, польские крестьяне в собственность земли не получили, а отделение сервитутов даже уменьшило размеры их землепользования. Указ был выгоден помещикам. Другой указ отменил многие ограничения гражданских прав, касавшиеся евреев (на приобретение недвижимого имущества, выполнение общественных функций и др.). Третий указ касался расширения сети просвещения, как в области начального, среднего, так и высшего образования, открывалась Главная школа (университет). Был упразднен пост генерал-губернатора, заменены поляками особо ненавистные русские чиновники и др. Одним словом, были осуществлены мероприятия, соответствовавшие интересам имущих классов и означавшие некоторое смягчение режима. Создавалась реальная угроза соглашения между «белыми» и правительством.

Левые «красные» поставили целью сорвать возможность сговора польских имущих классов с правительством и усилить кризис верхов. В июле — августе были совершены покушения на Константина Николаевича и — дважды — на Велепольского. Покушения не удались, но когда по приговору, утвержденному наместником, террористы были казнены, оказалось, что политическая цель покушений была достигнута. Перед лицом всеобщего возмущения «белые» были вынуждены сохранить оппозицию к режиму Велепольского. В стране вновь поднялась волна панихид, молебствий, возросло влияние повстанческой организации.

В сентябре конспиративный ЦНК объявил себя «Национальным правительством» и создал свой аппарат, тайную полицию, во всех воеводствах были назначены начальники и комиссары, введен национальный налог. К концу 1862 г. организация насчитывала около 20 тыс. человек.

Центральный Комитет «Земли и Воли» рассматривал восстание в Польше как очень важную часть общероссийского революционного дела. Стремления русской революционной демократии были направлены на координацию русского революционного и польского национально-освободительного движения. В связи с этим значительно возросла роль военной организации в Польше.

В сентябре 1862 г. офицерская организация подготовила за подписями многих офицеров «Адрес русских офицеров в Польше великому

князю Константину». Адрес резко осуждал политику правительства, проводимую по отношению к Польше, предупреждал в. кн. Константина, что для того, чтобы «спасти войско», которое «не хочет быть палачом», есть только «одно средство — перестать дразнить и угнетать поляков, не доводить их до взрыва, снять позорное осадное положение и дать Польше свободно учредиться по понятиям и желаниям польского народа». В случае, если начнется восстание, войско «не только не остановит поляков, но пристанет к ним, и, может быть, никакая сила не удержит его» [80].

Очень многие офицеры отнеслись к адресу сочувственно. Он был опубликован в «Колоколе», в нескольких иностранных газетах, стал известен в Королевстве Польском и в России. Общественно-политический резонанс был так велик, что обеспокоенное правительство стало искать способы его ослабления — под сомнение была поставлена его подлинность, был задуман «контр-адрес» с целью его противопоставления и выявления тех, кто его подписал. Эти уловки командования вызвали появление новой прокламации, предостерегающей офицерство от провокационных замыслов военных властей.

Программа офицерской организации, изложенная в распространяемых ею прокламациях,— это программа военно-крестьянского вооруженного восстания по всей Российской империи и сотрудничества русских революционеров с польским движением. В обращении «Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше» от 5 ноября 1862 г. [81] выражен последовательно революционный характер этой организации — осуждение грабительской крестьянской реформы, отрезков и выкупа, требование ликвидации сословных привилегий и введение демократических свобод, признание права народов, входящих в Россию, решать свою судьбу, требование созыва для управления страной народного представительства — Земского собора, замены армии ополчением. Прокламация отмечала необходимость объединения сил для успеха русской революции, а также готовность сотрудничества с польским национально-освободительным движением. Основной лейтмотив прокламаций — солдаты и офицеры русской армии не хотят быть палачами польского народа и готовы поддержать поляков, потому что «...те же основания и нашей русской свободы» [82]. Воззвание отвечало на вопрос о роли армейских офицеров в свержении царизма — переход на сторону народа армии обеспечит легкую бескровную победу революции, и тогда восставшие пойдут «спокойным строем черезо всю землю русскую, не допуская ненужного кровопролития, давая народу свободно учреждаться в волости и области, и клича клич на Земский собор людей, выбранных ото всей земли русской для общего союза и разумного устройства» [83].

Прокламация, датированная 14 (26) ноября 1862 г., в заключение писала: «Будем работать молча, без шума, не обращая внимания на все уловки правительства до тех пор, пока не пробьет час и пока не создадим силы, с которой будем в состоянии выступить на бой открытый, с полной уверенностью в победе. Час этот недалек ... Мы убеждены, что товарищи наши в России сочувствуют нам и пойдут с нами рука об руку. Мы уже видим впереди зажигающуюся зарю свободы, зарю великого будущего в России» [84].

[80] РПРС, т. I, стр. 442– 443.
[81] Там же, стр. 453.
[82] Там же.
[83] Там же, стр. 454.
[84] Там же, стр. 462, 464.

В то же время авторы прокламаций, веря в возможный успех восстания, предостерегали поляков против сепаратного выступления.

С самого начала существования офицерской организации ее связи с землевольческими кругами в России и с лондонским центром осуществлялись на самых различных уровнях и в различных формах. Естественным и необходимым следствием этих связей и роли офицерской организации в революционном движении стало участие Комитета русских офицеров в лондонских и петербургских переговорах, состоявшихся в конце 1862 г., где произошло заключение русско-польского революционного союза. Комитет русских офицеров вошел в ноябре 1862 г. в «Землю и Волю» как ее военная организация и стал к моменту восстания связующим ее звеном с польскими революционными организациями, начавшими непосредственную подготовку к восстанию.

5. Оформление русско-польского революционного союза

Ко второй половине 1862 г. идея революционного союза, получая все большее распространение среди русских и польских революционеров, начала оформляться практически. Перед революционерами России и Польши встала конкретная задача объединения сил. Необходимость переговоров, при которых были бы определены цели и задачи объединения, пути их реализации и взаимные обязанности, ощущалась обеими сторонами [85]. В конце сентября 1862 г. в Лондон прибыли член ЦНК Агатон Гиллер, Падлевский и Милович. В переговорах с ними участвовали Герцен, Огарев, Бакунин, Потебня.

Программа и цели польской стороны были изложены в опубликованном в «Колоколе» письме ЦНК. Текст этого письма был уточнен представителями ЦНК с учетом замечаний русских революционеров. В письме говорилось:

«Союз поляков с русскими на дело общего освобождения представляет такую очевидную пользу для обеих сторон, что мы решаемся через вас объявить вашим друзьям основы нового польского движения.

Основная мысль, с которой Польша восстает теперь, совершенно признает *право крестьян на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякого народа располагать своей судьбою*» [86]. И далее: «Мы стремимся к восстановлению Польши в прежних ее границах, *оставляя народам, в них обитающим, т. е. литвинам и русинам, полную свободу остаться в союзе с Польшею или распорядиться собою согласно их собственной воле...* Мы почитаем нашей святейшею обязанностью употребить все усилия для того, чтобы Литва и Украина шли параллельно с Польшею и чтобы народное восстание одновременно охватило все части угнетенной родины нашей» [87].

Решение крестьянского вопроса в программе ЦНК было непоследовательно и противоречиво: признавая право крестьян на землю, она говорила о выкупе, о вознаграждении помещиков за земли, отошедшие к крестьянам. Тем не менее основное положение — признание прав

[85] РПРС, т. I, раздел V; *В. А. Дьяков, И. С. Миллер.* Указ. соч.; *Я. И. Линков.* Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земля и Воля» 1860-х годов. М., 1964.

[86] РПРС, т. I, стр. 526.

[87] Там же, стр. 528.

крестьян на обрабатываемую ими землю — давало основу для соглашения. Понимание национального вопроса было признано также приемлемым, хотя о националистических настроениях отдельных польских деятелей русским революционерам было хорошо известно. Таким образом, содействие русских революционных организаций польскому освободительному движению обусловливалось тем, какое направление примет оно «относительно главного земского вопроса и относительно провинций». «Земля крестьянам, самобытность областям — на этом основании, *и только на нем*, может утвердиться деятельный союз ваш с польскими братьями»[88],— делали вывод издатели «Колокола» в своем письме «Русским офицерам в Польше».

В ходе переговоров определилась роль, которую должен сыграть Комитет русских офицеров в Польше — поскольку его деятельность непосредственно воплощала в жизнь русско-польский революционный союз в Польше. Основная задача военной организации заключалась в том, чтобы, выступив организованным порядком в поддержку восстания в Польше, затем стать ядром более крупной части из русских солдат и офицеров, обратить свое оружие против правительства в самой России, «выйти из польских пределов и... под знаменем «Земли и Воли» идти подымать на русской земле мужицкий бунт за землю и волю»[89]. Цель сотрудничества заключалась в том, чтобы успешный ход восстания в Польше способствовал революции в России.

Для польской стороны была важна практическая помощь польскому восстанию. Безответственные заявления Бакунина о существовании в России готовой к выступлению организации могли дезориентировать польскую сторону. Поэтому Герцен уже в ходе переговоров настойчиво обращал внимание на опасность неподготовленного и спровоцированного правительством выступления в Польше, поскольку в России еще были слабы революционные организации и крестьянские выступления ожидались не ранее весны. На успех можно было надеяться лишь при одновременном выступлении. Герцен указывал, что «в России клались первые ячейки *организации*»; «организации, которой бы мы сказали: «Иди направо или налево» — *нет*»[90].

Итоги переговоров, условия взаимной поддержки нашли свое отражение в сразу же опубликованных в «Колоколе» ответе Центральному национальному комитету и обращении к «Русским офицерам в Польше»[91]. Эти документы имели принципиальное значение для офицерской организации в Польше и для всей русской революционной демократии, поскольку здесь были определены перспективы и задачи русского революционного движения. Русско-польский союз не мог «ограничиться одним отторжением Польши от России»[92], но должен был помогать революционному освобождению России. Конкретная цель, на которую была направлена деятельность землевольцев в 1862 г., — подготовка военно-крестьянского восстания летом 1863 г. «Вилять после окончания переходного состояния, т. е. весною будущего года, нельзя больше. Крестьянин землею не поступится, он наверное упрется; восстань тогда Польша, бросьтесь вы, с вашими и с их солдатами в Литву, в Малорос-

[88] РПРС, т. I, стр. 445.
[89] *М. А. Бакунин.* Воззвание к русским офицерам (1870 г.). Цит. по: *Ю. М. Стеклов.* М. А. Бакунин, его жизнь и деятельность, т. II. М.— Л., 1927, стр. 170.
[90] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XI, стр. 371.
[91] РПРС, т. I, стр. 444—448, 541.
[92] Там же, стр. 445.

сию во имя крестьянского права на землю — и где найдется сила противодействовать? Волга и Днепр откликнутся вам, Дон и Урал!»[93]

В обращении к «Русским офицерам в Польше» Герцена и Огарева была, кроме того, намечена линия поведения для военной организации: она должна была вступить в союз с польскими революционерами как самостоятельная организация — «не распуститься в польском деле... а сохранить себя в нем для русского дела»[94], борьбы за освобождение.

Результаты лондонских переговоров, как и сам их факт, многими польскими деятелями были встречены враждебно. Злобным нападкам в печати, националистической травле, раздуваемой окружением Мерославского, подверглись и ЦНК и издатели «Колокола». Радикальное же крыло революционеров приветствовало заключенный союз.

В конце ноября — начале декабря 1862 г. в Петербурге встретились представители ЦНК и ЦК «Земли и Воли». Эта встреча являлась завершением оформления русско-польского революционного союза. Представителем от ЦНК в Петербург приехал Падлевский, вторым доверенным лицом был Владислав Коссовский, Комитет русских офицеров в Польше представлял Потебня.

ЦК «Земли и Воли» на переговорах представляли А. А. Слепцов и Н. И. Утин, как вспомогательное лицо с русской стороны выступал Л. Ф. Пантелеев.

Петербургские переговоры касались тех же вопросов, что и лондонские, но носили практически-организационный характер. Соглашение в виде обмена меморандумами на французском языке было заключено 23 ноября (5 декабря) 1862 г. Оно четко и по-деловому определяло условия взаимной поддержки и взаимные обязательства. В нем отмечалось, что за основу союза двух народов — русского и польского, принимаются основные принципы письма ЦНК, т. е. итоги переговоров в Лондоне. Оба Комитета признали друг друга единственными представителями польской нации и (соответственно) русской революции. Меморандум гласил:

«Центральный национальный комитет признает, что Россия еще не так подготовлена, чтобы сопровождать восстанием польскую революцию, если только она вспыхнет в скором времени. Но он рассчитывает на действенную диверсию со стороны своих русских союзников, чтобы воспрепятствовать царскому правительству послать свежие войска в Польшу. Он надеется также, что умело направленная пропаганда доставит ему возможность войти в тесную связь с войсками, находящимися в настоящее время в Польше. В момент восстания эта пропаганда должна будет сосредоточиться на том, чтобы побудить войска к деятельному содействию восстанию.

Русские военные, которые находятся в Польше и примут участие в заговоре, объединятся в один корпус, организованный и управляемый Комитетом, который будет находиться в Варшаве и при котором будет находиться представитель Комитета Свободной России. Этот представитель сможет придать новой организации национальный характер в смысле борьбы за дело русской независимости и свободы. До нового распоряжения все расходы по военной организации принимает на себя Центральный Национальный Комитет.

Между двумя комитетами устанавливается регулярная переписка. Обмен корреспонденцией будет производиться еженедельно с целью осуществления постоянной связи и взаимопомощи двух организаций»[95].

[93] РПРС, т. I, стр. 447.
[94] Там же, стр. 446.
[95] Там же, стр. 564.

По-видимому, в переговорах в Петербурге принимал участие представитель украинского отделения «Земли и Воли»; один из пунктов соглашения оговаривал порядок контактов ЦНК с украинским отделением «Земли и Воли».

Решив одним ударом покончить с движением, Велепольский убедил наместника и царя провести рекрутский набор по именным спискам, куда были включены все «неблагонадежные» лица. Такой набор должен был либо развалить повстанческую организацию, либо спровоцировать немедленное восстание, которое, по расчету Велепольского, стало бы могилой движения. Объявление 6 (18) октября 1862 г. о предстоящем в ближайшее время рекрутском наборе (дата его не была названа) вызвало сильное возбуждение и замешательство в повстанческом лагере. Повстанческая организация не была готова к восстанию, а рядовые члены организации перед лицом грозившей им солдатчины требовали выступления. И ЦНК вынужден был принять решение, что день набора будет днем начала восстания.

Вопрос о сроках выступления уже в конце 1862 г. стал первостепенным вопросом. Он волновал в равной мере и русских революционеров, так как русское движение не было готово к выступлению, а в успех изолированного польского восстания они не верили и считали, что его поражение укрепит царизм и надолго задержит дело революции в России.

В обращении к русским офицерам в Польше издатели «Колокола» предостерегали против немедленного восстания в Польше. «*Преждевременный взрыв в Польше ее не освободит, вас погубит и непременно остановит наше русское дело*» [96]. Они указывали, что восстанию должно предшествовать создание хорошо развитой сети организаций, ставили задачу сближения с солдатами, народом, сближения с Польшей, убеждая, что в противном случае успеха не будет.

В ноябре, т. е. после опубликования сообщения о рекрутском наборе, Огарев писал армейским революционерам: «При теперешнем преждевременном восстании Польша, очевидно, погибнет, а русское дело надолго потонет в чувстве народной ненависти, идущей в связь с преданностью царю...» и советовал: «Отклоните восстание до лучшего *времени соединения* сил» [97]. Позиция Бакунина совпала, в целом, с позицией Герцена и Огарева: «Признаться надо, что при настоящем настроении России и целой Европы надежд на успех такого восстания слишком мало, и что поражение партии движения в Польше будет иметь непременным последствием временное торжество царского деспотизма в России». Поэтому, делал вывод Бакунин, «уговаривайте их, сколько можете и доколь обстоятельства позволяют, но вместе с тем не теряйте времени, пропагандируйте и организуйтесь, дабы быть готовыми к решительной минуте. И. когда, выведенные из последней меры и возможности терпения, наши несчастные польские братья встанут, встаньте и вы не против них, а за них — встаньте во имя русской чести, во имя славянского долга, во имя русского народного дела с кликом «Земля и Воля»» [98].

Вместе с тем Огарев констатировал: «Вам нельзя не примкнуть к польскому восстанию, какое бы оно ни было ... Тем не менее ваше положение трагично и безысходно. Шанса на успех мы никакого не видим. Даже если б Варшава на один месяц была свободна, то оказалось бы

[96] РПРС, т. 1, стр. 447.
[97] Там же, стр. 460.
[98] Там же, стр. 460—461.

только, что вы заплатили долг своим участием в движении *национальной независимости*, но что воздвигнуть русского, социального знамени «*Земли и Воли*» Польше не дано, а вы слишком малочисленны»[99].

Совместное выступление, по мнению русских революционных демократов, если и было возможно, то лишь к лету 1863 г., и они убеждали польских союзников отказаться от преждевременного выступления. В декабре 1862 г. ЦК «Земли и Воли» откровенно предупреждал Падлевского, «что еще не скоро можно надеяться на восстание в России, что поэтому польская революция одна и сама по себе рискует погибнуть, если вспыхнет преждевременно»[100].

Герцен посвятил специальную статью («Подтасованный набор»)[101] разоблачениям провокационных действий царизма в Польше. В письме представителю ЦНК он убеждал не рисковать: «Я вас умоляю не совершать выступления, ибо оно не имеет ни малейшего шанса на успех и лишь погубит свободу обеих стран, подготовив новое торжество царскому кабинету министров»[102]. Что должны делать русские офицеры в Польше, если разразится польское восстание? Герцен и Огарев отвечали: «Общий ответ прост — идти под суд, в арестантские роты, быть расстрелянным, как Сливицкий, Арнгольдт и Ростковский... *но не подымать оружия против поляков*, против людей, отыскивающих совершенно справедливо свою независимость»[103].

ЦНК понимал опасность преждевременного выступления и стремился оторочить восстание. В ЦНК существовали серьезные разногласия по вопросу о моменте выступления. Однако, несмотря на принятое ЦНК решение не поддаваться на провокацию и не начинать восстания ранее, чем подготовка к нему будет в какой-то мере закончена, конкретные условия вынудили ЦНК пересмотреть свое решение и назначить дату восстания на 14 (26) января 1863 г. В разгар лихорадочной подготовки к восстанию в ночь на 3 (15) января начался рекрутский набор, но ЦНК успел предупредить повстанческую организацию и вывести из Варшавы часть людей. В лесах под Варшавой начали собираться почти безоружные повстанцы, не имея ни пищи, ни зимней одежды.

6. Начало восстания и попытки реализации плана русско-польского революционного союза

В ночь на 11 (23) января 1863 г. началось восстание. В нем приняли активное участие студенчество, военная молодежь, низшие слои городского населения, мелкие чиновники, обедневшая шляхта. ЦНК опубликовал манифест и аграрные декреты. Манифест призывал к непримиримой борьбе против русского царизма за национальное освобождение «народ Польши, Литвы и Руси», на всех этих землях провозглашались новые буржуазные отношения: «Центральный национальный комитет объявляет всех сынов Польши без различия вероисповедания, рода, происхождения и сословия свободными и равными гражданами страны. Земля, которой земледельческий люд владел на правах чинша или барщины, становится с этой минуты его безусловной собственностью, вечным владением; прежние собственники земли будут вознаграждены из общих

[99] РПРС, т. I, стр. 459—460.
[100] «Народное дело», 1868, № 2—3, стр. 36.
[101] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XVI, стр. 264—265.
[102] РПРС, т. I, стр. 556.
[103] Там же, стр. 445.

средств государства. Все коморники и поденщики, вступающие в ряды защитников страны ... получат из национальных имуществ участок освобожденной от врага земли»[104]. Манифест содержал и обращение к русскому народу, призывая во имя братства и свободы не оказывать царизму поддержки во избежание войны между народами. Но, призывая к восстанию Литву, Белоруссию, Украину, манифест в то же время ни слова не говорил о праве украинцев, белорусов и литовцев на самоопределение.

По аграрным декретам крестьяне наделялись землей, находившейся в их пользовании, отменялись все феодальные повинности. Но вопрос о наделении землей безземельных (а их было около $^1/_3$ всех крестьян) решался только в отношении тех, которые примут участие в восстании,— им было обещано по 3 морга земли на семью, да и то по окончании военных действий. Основной земельный фонд оставался в руках помещиков. Кроме того, помещики получали за переданные крестьянам земли вознаграждение из фондов государства, что являлось фактически выкупом земли, взимаемым в виде налога с крестьян. Намеченный метод проведения аграрной реформы через местные органы и командование повстанческих властей не был действенным, а само крестьянство к проведению реформы в жизнь не было привлечено. Все это вместе тормозило массовое вовлечение крестьян в восстание.

Польские земли под властью Пруссии и Австрии должны были лишь помогать восстанию против власти царизма. Организация восстания во всех трех частях страны была делом трудным, к тому же повстанческий лагерь не хотел обострять отношений с австрийским правительством, ошибочно надеясь использовать его в борьбе с царизмом.

Опубликованный манифест, несмотря на ограниченность, играл большую революционизирующую роль, он мог послужить началом для развертывания народного восстания. Манифест появился под давлением революционного крыла «красных». Правые элементы в руководстве восстанием согласились на опубликование такой программы, чтобы устранить опасность со стороны крестьянства и приобрести его расположение. Но они старались делать все, чтобы ограничить ее действие. Следовавшие за манифестом инструкции требовали «не допускать проявления малейших даже отдаленнейших признаков социальной катастрофы и гасить огонь тотчас же, хотя бы самыми строгими мерами»[105].

В момент начавшегося восстания в его руководстве значительную роль играла революционно-демократическая группа Падлевского — Бобровского, стремившаяся придать борьбе массовый характер и действовать в союзе с русским революционным движением.

Непосредственной задачей, намеченной для первого этапа восстания его руководством, было осуществление плана, разработанного Падлевским с учетом соображений, пересланных Домбровским из тюрьмы в декабре 1862 г. Согласно этому плану, повстанческим отрядам при самом активном участии офицерской организации следовало нанести удар в восточном и северо-восточном направлении, захватить крепость Модлин (что дало бы повстанцам оружие) и перерезать Петербургско-Варшавскую железную дорогу (она была сдана в эксплуатацию в 1862 г.). Но вскоре же стало ясно, что захват Модлина и арсенала неосуществим, и ЦНК первой задачей поставил захватить Плоцк, сделать Плоцкое воеводство плацдармом для дальнейшего развития восстания, а сам

[104] Документы Центрального Национального комитета и Национального правительства 1862—1864 гг. Вроцлав, 1968, стр. 38.

[105] «Показания и записки О. Авейде», стр. 502—503.

Плоцк — столицей повстанцев, местом пребывания *явного* повстанческого правительства. План Падлевского должен был помочь развертыванию восстания в Литве и в случае удачи мог бы содействовать и переносу революции с польских земель в глубь России.

Наиболее вероятно, что основная стратегия восстания была выработана в главных своих чертах еще во время петербургских переговоров, когда в совещаниях принимали участие представители всех организаций, заключавших революционный союз,—«Земли и Воли», Комитета русских офицеров в Польше, польского ЦНК, и Петербургской офицерской организации. Падлевский и Потебня, представлявшие в Петербурге польский ЦНК и офицерскую организацию, направляясь в Петербург, посетили Вильно, где имела место встреча с членами Литовского провинциального комитета. План исходил из одновременности и согласованности выступления весной 1863 г. Особая роль в этом плане была отведена Литве и Белоруссии, где, согласно плану, военные отряды (дружины), созданные в восставших районах и объединившие крестьян, должны были начать «повсюдное» (как его называл Огарев) восстание, идущее со всех сторон, в глубь России. О том, как связать польское восстание с русским движением, союзники задумывались еще до восстания; то, что восстание началось ранее предполагаемого срока, не разрушало плана, ставя лишь его реализацию в зависимость от того, как будут развертываться события в Польше [105].

Большинство нападений на царские гарнизоны в ночь с 22 (10) на 23 (11) января закончилось неудачно, захватить Плоцк также не удалось. Общего руководства в первые недели восстания практически не существовало; Мерославский, назначенный вопреки возражениям революционных демократов на пост диктатора восстания, прибыл к границе Королевства лишь к концу первого месяца восстания. Он принял командование над отрядом повстанцев, но уже спустя несколько дней после двух стычек с царскими войсками был вынужден распустить остатки отряда и вновь покинуть пределы Королевства. Незадачливый диктатор уже больше не появился на поле боя, зато с удвоенной энергией интриговал, сея раздоры и недоразумения в рядах участников восстания.

Но восстание распространялось по всей территории Королевства Польского. Этому способствовала избранная царским командованием тактика — концентрация войск в нескольких десятках гарнизонов, вследствие чего действия мелких повстанческих отрядов охватили значительную часть сельской местности. На юге страны возникли и действовали целые повстанческие соединения, и хотя начавшемуся восстанию не удавалось добиться существенных успехов, оно отнюдь не погибло сразу же, как того ожидали царское правительство, Велепольский и имущие классы, а продолжало развиваться.

Основная задача, стоявшая перед армейскими революционерами в данный момент,— установление контактов с повстанческим подпольем и выработка уже конкретных планов совместных действий — в какой-то мере была выполнена на местах, в частности в келецком гарнизоне, в Калишском, Подляском, Августовском и Виленском воеводствах.

Связь военной организации с повстанческим руководством после ареста Ярослава Домбровского поддерживалась через Зыгмунта Падлевского, Бронислава Шварце, Стефана Бобровского. В декабре 1862 г. Потебня участвовал в разработке уже знакомого нам плана Падлев-

[105] *И. С. Миллер.* Русско-польские революционные связи в период восстания 1863 г. «История, фольклор, искусство славянских народов». М., 1963, стр. 150.

ского. Один из центральных пунктов этого плана — захват крепости Модлин, охраняемой двухтысячным гарнизоном,— был немыслим без содействия армейских революционеров. Потебня принимал личное участие и в том совещании в ночь рекрутского набора с Владиславом Даниловским и Зыгмунтом Падлевским, на котором был окончательно определен день восстания и средства его проведения.

По свидетельству современников, сам Андрей Потебня принял на себя непосредственную задачу «собрать русский отряд». На помощь такого отряда, вероятно, рассчитывали при предлагаемой попытке овладеть Модлинской крепостью. Этот отряд мог сыграть в дальнейшем роль ядра освободительной армии из русских офицеров и солдат. Создание республиканских дружин под знаменем «Земля и Воля» могло стать очень серьезным фактором воздействия на части русской армии. Выступление такого отряда, очевидно, было согласовано с общим планом восстания.

К началу восстания в русской армии в Польше была проведена значительная пропагандистская работа, и немало военнослужащих было готово выступить против царизма вместе с польскими повстанцами. Однако организационная неразбериха последних дней подготовки восстания, недоверие к военно-революционной организации, к самой идее русско-польского революционного союза отдельных повстанческих руководителей привели к срыву плана совместного действия. Вместо согласованного действия с революционными офицерами было осуществлено неожиданное ночное нападение на расположения русских войск. Военный эффект январской ночи был незначителен, политические последствия — катастрофическими. Это был тяжелый удар для военно-революционной организации, сводивший на нет результаты ее долгой пропагандистской работы. «Потебня собрал отряд... Несчастный случай разрушил его...»— глухое свидетельство «Надпробного слова» Огарева [107], конкретное содержание которого историкам пока не удалось расшифровать. Хотя часть офицеров русской армии перешла на сторону повстанцев, а некоторые предприняли безрезультатные попытки увести с собою свои подразделения, но уже первые дни восстания показали, что планы сотрудничества армейских революционеров с польскими конспираторами в большинстве своем оказались невыполненными.

В феврале 1863 г. Потебня последний раз посетил Лондон [108]. Лондонский центр в лице Бакунина, направившего ЦНК письмо 9 (21) февраля 1863 г. (вероятно, через уезжавшего на следующий день Потебню), пытался повлиять на ход событий, вновь восстановить основную идею совместных действий. Указывая, что победа польского восстания возможна в том случае, если поднимутся крестьяне, а движение, распространяясь на Литву, Белоруссию, Украину, перейдет в Россию, Бакунин оценивал как серьезную ошибку нападение на русские войска. Он писал: «Присоединение русских войск к польскому движению есть для нас вопрос нравственного оправдания и чести, для вас это вопрос спасения». В письме Бакунин излагал конкретный план: «Мы можем помочь вам двумя способами: во-первых, через диверсию в России, беспокоя правительство внутренней агитацией и мешая ему сосредоточить все силы против вас. Для этого мы будем стараться усилить тайную пропаганду в армии, а также в провинциях, чтобы в случае, если ваша революция распространится до границ России, она была там встречена

[107] *Н. П. Огарев.* Избранные произведения, т. I, стр. 648.
[108] *В. А. Дьяков, И. С. Миллер.* Указ. соч.

по-братски и продолжена. К несчастью, она нас застала врасплох. Мы это говорили уже несколько месяцев назад, и наши друзья в Петербурге повторили то же самое — мы еще совсем не готовы, если б мы действовали самостоятельно, нам понадобился бы без сомнения год, может быть два и даже три, для организации наших сил. Однако ж я не сомневаюсь, что если массы крестьян в Литве и на Украине поднимутся, то и великорусские восстанут тоже, можете быть уверены, мы не спим.

Вторым видом помощи вам было бы создание в Польше, в самом лагере польской революции русского легиона. Это моя главная цель и самое заветное желание. Нет никакого сомнения в том, что существование национального легиона русского с великолепным знаменем «Земля и Воля» произвело бы огромное моральное впечатление на русскую армию, направленную против вас, и на всю Россию. Самый факт его существования был бы равен нескольким выигранным сражениям. К несчастью, осуществление этого проекта стало теперь несравненно более трудным, чем, например, месяц тому назад»[109].

Тем не менее и Бакунин, и Потебня горячо взялись за реализацию плана создания в повстанческой армии русского легиона (или дружины, как предпочитал говорить избегавший чуждо звучащих слов Огарев). Легион предполагалось сформировать из добровольцев и военнопленных. Для осуществления этого замысла Андрей Потебня направился через Краков в лагерь командующего крупным повстанческим соединением на юге Королевства Польского генерала Мариана Лянгевича. Но Лянгевич относился холодно к русско-польскому революционному сотрудничеству и к самому замыслу Потебни. «Надежды сделать что-нибудь — мало; попробуем»,— писал Потебня Герцену и Огареву 19 февраля (3 марта)[110]. А уже два дня спустя Потебня погиб в бою под Скалой. «Чище, самоотверженнее, преданнее жертвы очищения Россия не могла принести на пылающем алтаре польского освобождения»,— почтил память Потебни Герцен на страницах «Колокола»[111].

На исходе был второй месяц восстания. Потебня был не единственным революционером-офицером, пришедшим в ряды повстанцев, но массового, организованного перехода частей и подразделений армии на сторону восстания не произошло, а план создания русских республиканских дружин остался нереализованным.

Основная масса крестьян приняла восстание выжидательно. Там, где повстанческое командование оглашало манифест и аграрные декреты, они принимались сочувственно, но в жизнь декреты проводились нерешительно, повстанческие власти не шли на принуждение и репрессии против помещиков, не желая обострения социальной борьбы. Немногие из командиров отрядов заботились о том, чтобы вовлечь крестьян в движение. Проявления антифеодального движения нередко подавлялись повстанческими властями, что ухудшало отношение крестьян к восстанию.

Имущие классы поначалу выступали с призывами не поддерживать восстание. Но когда предположения о том, что «бунт рекрутов» будет быстро подавлен, не оправдались, самоизоляция «белых» потеряла смысл. Боязнь того, что восстание будет развиваться как социальная революция, расчеты на пропольские выступления западных держав, нажим на «белых» аристократической эмиграции, призывавшей их при-

[109] РПРС, т. II, стр. 26—27.
[110] *Н. П. Огарев.* Избранные произведения, т. I, стр. 649.
[111] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XVII, стр. 120.

нять в данной ситуации участие в восстании, определили поворот имущих классов в сторону восстания. Дирекция «белых» объявила о поддержке восстания и подчинилась требованию ЦНК о самороспуске. Одновременно «белые» попытались ликвидировать варшавский «красный» центр руководства восстанием путем передачи власти в руки нового диктатора — Лянгевича. Однако его диктатура оказалась недолговечной, Лянгевич перешел границу Галиции и был интернирован австрийскими властями. Власть вернулась в руки ЦНК. Но процесс перехвата «белыми» руководства восстанием продолжался; хотя в состав ЦНК вошел лишь один «белый» — Кароль Рупрехт, именно «белые» уже в апреле определяли решение принципиальных вопросов движения. Первым проявлением влияния «белых» стало назначение главным дипломатическим представителем повстанческого правительства за границей князя Владислава Чарторыского. С этим была связана надежда на вмешательство в «польский вопрос» западных держав. Таким образом, перед народами Европы восстание представлял глава консервативно-аристократической эмиграции. Проникнув в повстанческие организации, «белые», опираясь на близких к ним в социальном, а теперь уже и политическом отношении правых «красных», стремились лишить восстание социальной направленности, придавая движению лишь антирусский характер. Чтобы получить поддержку западных держав, новое повстанческое руководство отказывалось от всего, что «компрометировало» Польшу в их глазах; оно порывало связи с западными и русскими революционерами и стремилось не давать развиваться крестьянскому движению. Широко распространялись слухи о близкой помощи Франции и Англии. Восстание должно было не разгораться, а «тлеть», лишь сохраняя повод для будущей интервенции иностранных государств. Подобная тактика ведения борьбы, как правило, имела следствием поражения.

Громадное значение для судеб восстания и перспектив русско-польского революционного сотрудничества имело развитие событий в Литве и Белоруссии. Революционная организация здесь возглавлялась Литовским провинциальным комитетом, в состав которого входили виднейшие демократические деятели во главе с Калиновским. На начало восстания в Королевстве Польском Литовский комитет откликнулся манифестом от 20 января (1 февраля), провозглашавшим восстание и вводившим в действие аграрные декреты [112]. Изданная вскоре повстанческая инструкция предписывала командирам отрядов твердо проводить в жизнь аграрные декреты [113]. Революционно-демократическая группировка держала курс на развертывание антифеодальной борьбы, на радикализацию аграрной программы, что превратило бы восстание в аграрную революцию.

В марте — апреле восстанием были охвачены почти вся Литва и Западная Белоруссия. Кроме польского элемента, нарождавшейся литовской интеллигенции, стремившейся в союзе с польскими повстанцами завоевать себе свободу и независимость, на борьбу поднялось и литовское крестьянство. Восстание в Литве принимало характер массового крестьянского движения, развивавшегося в направлении демократической аграрной революции; возникали крестьянские отряды, некоторые из них и возглавлялись крестьянами. Характер восстания в Литве делал его чрезвычайно важным для дальнейших событий в Польше и распространения восстания на Россию.

[112] «Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864». М., 1965, стр. 3.
[113] Там же, стр. 9—10.

Развитие восстания в Литве и снаряжение в Лондоне силами польской эмиграции морской экспедиции под начальством Теофиля Лапиньского для доставки в Литву добровольцев и оружия создавали новую возможность для развития восстания в направлении реализации русско-польского революционного союза. Создать «русскую дружину», которая послужила бы ядром революционной армии, на территории Королевства Польского не удалось. Организация восстания в Литве и Белоруссии проводилась при деятельном участии польского Петербургского революционного комитета, действовавшего в контакте с «Землей и Волей». Зыгмунт Сераковский, Константин Калиновский, Людвик Звеждовский, действовавшие в Литве и Белоруссии, ориентировались на развитие общероссийской революции. Литовские и белорусские революционные демократы стремились расширить фронт восстания за пределы этнографической Литвы, перенести восстание на восток, в глубь России. Несмотря на то, что и в Литве в начале марта руководство восстанием было захвачено «белыми», изменить уже реализуемые военные планы они не рискнули. Руководство военными действиями в Литве в конце марта было поручено Сераковскому. Он должен был помочь высадке экспедиции в районе Паланги и был извещен об отправке ее из Лондона. В апреле в Восточную Белоруссию из Петербурга и Москвы выехали для формирования отрядов Людвик Звеждовский, Станислав Лясковский, Константин Жебровский и другие офицеры. Сераковский намеревался поднять восстание в Курляндии, а затем, выйдя в тыл царским войскам, действующим в Королевстве Польском, двинуться далее на восток в русские губернии. В это же время Людвик Звеждовский, действуя в Могилевской губернии, призывал белорусских крестьян к восстанию. Как показывал позднее его адъютант Здислав Миткевич, Звеждовский намеревался повесить помещиков, которые более всего угнетали крестьян, и тем самым привлечь крестьян к присоединению к отряду, затем вторгнуться в Смоленскую губернию и расширить восстание до самой Волги[114]. Таким образом, в основе действий революционеров в Литве и Белоруссии лежал разработанный ранее стратегический план взаимодействия польских и русских революционных сил.

В марте — апреле 1863 г. с движением в Литве была связана перспектива придания революции аграрного крестьянского характера и объединения революционных сил. Огарев писал в это время: «Если революционная Польша не восстановит народа, она не выиграет дела. А восстановить его она может только отдачей ему земли. И вот вопрос польской свободы становится на один уровень с вопросом русской свободы.

Зачем же они враждуют? Где возможно примирительное соприкосновение?

Смело отвечаю: в Литве.

В Литве народ примкнет к революции, если она отдаст ему землю; а она на это решилась»[115].

Свои мысли Огарев формулирует также следующим образом: «Польская революция действительно удастся только тогда, если восстание польское перейдет соседними губерниями в русское крестьянское восстание. Для этого необходимо, чтобы и самое польское восстание из характера только национальности перешло в характер восстания крестьянского и таким образом послужило бы ферментом для целой России и Малороссии»[116]. Итак, вопрос был в том, «перейдет ли польское дело из

[114] «Восстание в Литве и Белоруссии», стр. 490.
[115] *Н. П. Огарев.* Избранные произведения, т. II, стр. 477—478.
[116] Там же, стр. 116.

национального в крестьянское и, с литовской окраины, как дрожжи, зашевелит всю Россию»[117].

Очень близка была оценка ситуации, которую, совершенно независимо от Огарева, высказал Энгельс: «Литовское движение — сейчас самое важное, так как оно: 1) выходит за границы конгрессовой Польши, и 2) в нем принимают большое участие крестьяне, а ближе к Курляндии оно приобретает даже прямо аграрный характер»,— писал он Марксу 8 апреля 1863 г.[118]

В апреле в Паневежском уезде под начальством Сераковского собралось более 2 тыс. повстанцев, но в мае он был ранен и попал в плен. Далее восстание в Литве продолжалось под руководством Антанаса Мацкявичюса, но уже не достигало такого размаха, как в весенние месяцы.

Восстание в Белоруссии развивалось слабее. Большинство стычек с царскими войсками произошло в Гродненской губернии, где был значителен процент польского населения. Но благодаря стараниям Константина Калиновского, бывшего там повстанческим комиссаром, отряды Гродненщины включали большое число крестьян-белорусов. В основном в повстанческих отрядах Белоруссии преобладал шляхетский элемент.

После поражения основных сил, широких наступательных операций повстанцы организовать уже не могли. Летом 1863 г., вновь придя к руководству восстанием в Литве и Белоруссии, Константин Калиновский пытается радикализировать аграрную программу, оживить восстание. Осенью он направляет в Петербург к землевольцам Владислава Малаховского для информации и разработки новых планов совместных действий.

На Правобережной Украине подготовкой восстания руководил «Провинциальный комитет на Руси». Ему удалось подготовить повстанческие группы общей численностью около 3500 человек из студенчества, мелкой шляхты, однодворцев. Массовым тиражом была издана на украинском и польском языках «Золотая грамота» от имени повстанческого правительства о передаче земли крестьянам.

Восстание на Правобережье началось 26 апреля (8 мая) 1863 г. Организованное силами одних польских революционеров и не имея поддержки крестьян, оно не могло рассчитывать на успех и почти не получило развития.

Группа членов украинского тайного общества — Владимир Силович Синегуб, Владимир Пилипенко, Семен Плещенко, братья Виктор и Леонид Потоцкие начали вести агитацию среди крестьян на Левобережье уже в момент начавшегося восстания, безуспешно пытаясь помочь польским повстанцам[119].

7. Поддержка восстания русскими революционерами

Как уже отмечалось, русские революционеры свои надежды на новый подъем народного движения связывали с окончанием двухлетнего срока «временнообязанного состояния» крестьян, освобожденных манифестом 19 февраля 1861 г. от крепостной зависимости. Неминуемое разочаро-

[117] Там же, т. I, стр. 650.
[118] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 30, стр. 276.
[119] *А. З. Барабой*. Попытка украинских революционеров организовать помощь польскому восстанию 1863 года. «Вопросы истории», 1957, № 1; *Г. И. Марахов*. Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Киев, 1967.

вание крестьянства, ожидавшего новой, «большой воли» [120], должно было, по мнению землевольцев, вылиться весной 1863 г. в народные бунты, которые на этот раз будут объединены, возглавлены и направлены революционным войском. Готовясь к реализации этого плана «повсюдного» военно-крестьянского восстания, руководящий орган «Земли и Воли», принявший название Русский центральный народный комитет, предпринял издание в самой России листовки «Свобода». На ней стоял № 1, это означало (и находило подтверждение в тексте самого листка), что речь идет о периодическом издании. Этим номером «Свободы» общество «Земля и Воля» заявляло о своем существовании и призывало «открыто всех русских граждан на служение великому делу народного освобождения» [121]. Своей целью Комитет объявлял уничтожение самодержавия и созыв Народного собрания, которое «само определит новый общественный строй нашего свободного отечества» [122].

Опубликованное в Лондоне воззвание «Офицерам всех войск от общества «Земля и Воля»», аналогичное по содержанию, говорило о «созвании бессословного Земского собора» [123].

«Свобода» решительно осуждала угнетение польского народа, но она не упоминала ни о союзе с польским освободительным движением, ни о восстании в Польше. Судя по этому, текст воззвания был составлен еще до начала восстания, скорее всего, в декабре 1862 г., хотя первые сведения о его распространении относятся к 16 февраля 1863 г.

Вспыхнувшее восстание поставило русских революционеров в трудное положение: было ясно, что шансов победить у повстанцев очень мало, собственные революционные силы были слабы. Но сомнения в удаче восстания не оказали влияния на принципиальную позицию и готовность русских революционеров выполнить союзнический долг. ЦК «Земли и Воли» безоговорочно выступил в защиту и в поддержку польского восстания.

На известие о начале восстания «Земля и Воля» откликнулась двумя документами программного значения. Первым из них была листовка, начинавшаяся словами: «Льется польская кровь, льется русская кровь... Отчего же и для чего она льется?» Автором этой листовки был А. А. Слепцов, которого начало восстания застало в Варшаве. Пересланная в Петербург, листовка была издана в подпольной типографии в России и издана необычайно оперативно: она содержит упоминания о событиях конца января по старому стилю (что свидетельствует о доработке текста в ЦК «Земли и Воли»), а распространялась уже в середине февраля. Не только оперативность имела здесь значение, принципиально важным был факт публикации в России страстного протеста русских людей против преступлений самодержавия, страстного призыва к офицерам и солдатам русской армии: «Поймите, что с освобождением Польши тесно связана свобода нашей страдальческой родины. Не тирану и его прихотям, а великому делу освобождения русского народа должен служить в настоящее время каждый честный русский. Вместо того, чтобы позорить себя преступным избиением поляков, обратите свой меч на общего врага нашего, выйдите из Польши, возвративши ей похищенную свободу, и идите к нам, в свое отечество, освобождать его от виновника всех народных бедствий — *императорского правительства*. Протяните

[120] *И. С. Миллер.* «Слушный час» и тактика русской революционной партии в 1861—1863 гг. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1963.
[121] РПРС, т. II, стр. 64.
[122] Там же, стр. 65.
[123] Там же, стр. 14.

братскую руку примирения и нового свободного союза полякам, как и они протягивают ее вам»[124].

Значение листовки «Льется польская кровь...» оказалось тем более велико, что второй важнейший отклик на восстание — журнал «Земля и Воля» — остался неизвестен современникам. Его издание было организовано в землевольческой типографии в имении Мариенгаузен в Витебской губернии. Сама история этой типографии является яркой страницей русско-польского революционного сотрудничества, и на ней следует кратко остановиться.

Осенью 1862 г., когда типография «Земли и Воли» привлекала пристальное внимание полиции, польские революционеры в Петербурге, близко связанные с землевольцами, предложили им перенести типографию в имение Мариенгаузен, принадлежавшее братьям Антонию и Михалу Рыкам, активным деятелям армейской революционной организации. На новом месте основную работу в типографии вели члены «Земли и Воли», студенты Дмитрий Степанов и Михал Вейде. Последний участвовал также в формировании в этом районе постанческого отряда.

В начале 1863 г. Мариенгаузен стал одним из важнейших центров повстанческой организации Литвы и Белоруссии. Наиболее далеко выдвинутый на северо-восток, этот повстанческий центр создавался польскими демократами при прямой поддержке землевольцев и революционных офицерских кружков. Однако доносы привлекли внимание царских властей к Мариенгаузену раньше, чем план создания крупного повстанческого отряда с широким привлечением крестьян удалось осуществить. Работа типографии была нарушена, посланный из Петербурга для помощи в вывозе типографского оборудования и отпечатанной части текста журнала «Земля и Воля» активный деятель общества, отставной офицер Илья Жуков и студент Степанов были арестованы в Псковской губернии близ Острова[125].

Хотя журнал «Земля и Воля» не вышел в свет, значение этого документа в истории русско-польского революционного союза существенно. В своей программной декларации, составлявшей содержание журнала, Русский Центральный народный комитет прямо заявлял об установлении «близких сношений с организацией польскою и ее представителем — Центральным комитетом»[126]. Обстоятельный анализ доказывал историческую необходимость свержения самодержавия, к борьбе с ним в союзе с борющейся Польшей призывала «Земля и Воля».

О целях польского восстания Русский народный комитет говорил следующее: «Поляки хотят быть самостоятельной нацией, уважающей свято право и свободу других наций, они хотят уничтожить у себя поземельный деспотизм, разделив всю помещичью землю между народом с вознаграждением помещиков; они не станут стеснять народной воли и примут в свое родство только те из областей, принадлежащих ныне России, где народ сам пожелает присоединиться к Польше; других намерений они не имеют. В этом мы убедились вполне вследствие наших личных сношений с руководителями польского движения»[127]. Очевидно, что такая характеристика основывалась не на манифесте ЦНК, а на его обращении

[124] РПРС, т. II, стр. 80.
[125] РПРС, т. II, раздел VIII; *В. М. Зайцев.* Возникновение Мариенгаузенского повстанческого центра и причины его падения (К вопросу подготовки восстания на территории Витебской губернии в 1863 г.). «Революционная Россия и революционная Польша». М., 1967.
[126] РПРС, т. II, стр. 67.
[127] Там же, стр. 71.

к издателям «Колокола», толкуемом к тому же в наиболее последовательно демократическом духе.

Русский народный комитет заявлял: «Пусть знают поляки, что русское общество не имеет ничего общего со своим жестоким государем и его кровожадным правительством, что честные русские люди желают свободы и освобождения Польши от того же ига, какое гнетет и нас» [128].

Энергичную деятельность развила в эти первые месяцы 1863 г. русская революционная эмиграция. В феврале — марте вольная русская типография — в Лондоне и новая, основанная в Берне, — специально учитывая задачи развертывания пропаганды военно-крестьянского восстания, выпустили ряд прокламаций к офицерам, солдатам, русскому народу. Основным автором этих воззваний, написанных по единому плану, был Огарев [129].

Воззвание «Всему народу русскому, крестьянскому от людей, ему преданных, поклон и грамота» начиналось словами: «Прошло два года с «Положения о выходе из крепостной зависимости». Что же за эти два года сделано? Дана ли крестьянам земля? Да ли воля?» [130]

В ясной, доступной пониманию народа форме Огарев показывал, как далека от народных чаяний царская «воля», и подводил к необходимости созыва Земского собора «из людей, народом безо всякой розни сословной выбранных» [131]. Воззвание не оставляло у читателей иллюзий, будто этот Земский собор созовет по своей доброй воле царь, но внушало народу веру в свои собственные силы. Обрисовав программу демократических преобразований, которые должен осуществить Земский собор, Огарев заключал: «Повторяем, братья крестьяне, готовьтесь покуда втихомолку. А придет великий ослушный час, не выдайте правого дела. Все вместе — и солдатушек всех с собою возьмемте, да двинемтесь за землю и волю народную и да воскреснет бог и расточатся враги его» [132].

«Братья солдаты! Одумайтесь — пока время», — призывала другая листовка Огарева. «Скоро придет время — крестьяне, которых насильно заставили подписывать грамоты, у которых землю урезали, оброки повысили, — станут волноваться. Присягните же в своей совести, что по ним стрелять не станете и пороть их не пойдете.

И придет час, братья солдаты, когда мы таким же листком, как вот этот, кликнем клич, чтобы вы собирались на спасение народа русского.

Тогда — оставьте поляков, оставьте горцев жить по-ихнему, как им хочется, не поминайте их лихом и отпустите с миром — и собирайтесь и станьте за землю и волю народа русского.

Идите на его избавление от помещиков и чиновников, от грабежа и рекрутчины, помогите народу строить свое земское управление на великом русском Земском соборе из людей, выбранных целым народом, бессословно» [133].

Огарев заканчивал листовку: «Ради устройства земли русской, по правде, за святое дело народное идите, благословясь, братья солдаты...» [134]

Пришло известие о восстании в Польше, и Герцен пишет Огареву: «В твоем адресе к солдатам следует прибавить вариант для находящихся

[128] РПРС, т. II, стр. 71.
[129] *И. С. Миллер.* Пропагандистская деятельность Н. П. Огарева в 1863 г. и Бернская типография. «Славянское источниковедение». М., 1965.
[130] РПРС, т. II, стр. 44.
[131] Там же, стр. 46.
[132] Там же, стр. 47.
[133] Там же, стр. 13.
[134] Там же.

в Польше»[135]. Несколько дней спустя лондонская типография печатает новое воззвание «Братья солдаты, ведут вас бить поляков. За что?». Огарев разъясняет несправедливость угнетения Польши. Но он не ограничивается этим: «Почему Польша встает? Потому, что на то воля господня, потому что слушной час приходит. Народу русскому фальшивую волю дали, облыжные грамоты написали, землю урезали, оброки повысили, подати надбавили; за землю крестьянскую хотят выкуп брать. Дело ваше не поляков бить, а своему, русскому народу помочь, чтоб на святой Руси не было розни сословной, ни дворянина, ни мужиков, а был бы один народ русский и в управление себе людей выбирал бы сам, а царских чиновников-грабителей отрешил бы, чтоб земля за ним осталась без выкупа, чтоб воля ему была настоящая...»[136] Так и перед солдатами, сражающимися в Польше, Огарев выдвигал на первый план «свое, земское дело». И эта листовка завершалась призывом к борьбе за бессословный Земский собор: «Братья солдаты, слушайте тех, кто говорит вам во имя Земли и Воли: не на рабство полякам — сохрани вас господь от этого, а за волю народа русского, крестьянского, встаньте дружно...»[137]

Воззвание «Русские люди!» осуждало сговор царизма с Пруссией против восставшей Польши, предостерегало перед угрозой новой антирусской коалиции, призывало: *«Заявим наше нежелание европейской войны,* не соглашаясь помогать правительству в прекращении польского восстания. Совершив такое дело, мы уже с чистым сердцем и светлой совестью будем в состоянии приступить к соединению нашему в *Земский собор ото всей земли русской,* для обсуждения нашего *главного дела: об нашей* земле и воле»[138].

В записной книжке Огарева был зафиксирован план пересылки в Россию и Королевство Польское прокламаций — офицерских, солдатских, крестьянских[139]. Делу пропаганды служил и сборник «Солдатских песен».

В далеком Константинополе прокламацию, предвещавшую, что «не сегодня, так завтра и христолюбивое воинство наше пойдет на Москву выборных от народа на Земский собор скликать со всей земли»[140], отлитографировал Василий Кельсиев. Прокламация была писана кириллицей и соответственно стилизована, на ней была проставлена дата «19 числа месяца февруария». Именно с этим днем двухлетия реформы 1861 г. были связаны наивные чаяния крестьянства, он являлся исходной датой предполагаемого подъема крестьянского движения.

В Бернской типографии было напечатано еще одно воззвание «К русским войскам в Польше»[141]. Написанное уже после того, как стал известен во второй половине февраля факт подписания царской Россией и Пруссией так называемой Альвенслебенской конвенции, и содержащее резкое осуждение этого сговора, воззвание напоминало о том, что «в марте поднимается снова крестьянский вопрос». Таким образом, и составлена и отпечатана листовка была очень оперативно. Воззвание апеллировало к чувству патриотизма и национального достоинства русского воинства, оно заканчивалось словами: *«Да здравствует многострадальная Польша, свободной и независимой! Да здравствует вместе с ее свободой и наша русская свобода!»*

[135] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XXVII, стр. 291.
[136] РПРС, т. II, стр. 32.
[137] Там же, стр. 34.
[138] Там же, стр. 18—19.
[139] «Литературное наследство», т. 61, стр. 554.
[140] РПРС, т. II, стр. 20—21.
[141] Там же, т. I, стр. 474—477.

С момента первого известия о восстании «Колокол» решительно стал на его поддержку, провозглашая требование независимости Польши и программу русско-польского революционного союза. В «Колоколе» Герцен публикует одну за другой пламенные статьи в защиту Польши, клеймя позором произвол и жестокость царизма. Он предлагал передовым русским людям выразить через «Колокол» свой протест против действий правительства в Польше и опубликовал ряд таких заявлений. Герцен призывал русских людей связать дело польского освобождения с русским и дал замечательное по своей эмоциональной силе и принципиальной четкости определение позиции русского революционера-патриота: «Мы с Польшей, потому что мы за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы русские. Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих... *Мы против империи, потому что мы за народ!*» [142]

«Старайтесь пользоваться и поддерживать польскую революцию, чтобы в свою очередь они нас поддержали. С весною это примет настоящие размеры», — пишет Герцен в марте 1863 г. [143]

В это же время Герцен и Огарев приняли деятельное участие в организации морской экспедиции в Литву. В Лондоне было проведено несколько совещаний с Цверцякевичем, которому повстанческое правительство поручило организацию экспедиции. 23 марта пароход «Ward Jackson» вышел в море, имея на борту около 200 человек и груз оружия. Среди участников экспедиции был член офицерской организации в Польше подпоручик Лев Рейнгартен. В Швеции к экспедиции присоединился Бакунин, который еще раньше искал возможности лично принять участие в восстании. Нарушение организаторами экспедиции правил конспирации и предательство капитана парохода привели к провалу предприятия. О том, какие надежды связывали русские революционеры с этой экспедицией, говорят записи Огарева: «Я считаю большим несчастьем задержку корабля, ибо Д[емонтович] и Б[акунин] более, чем кто другой, могли повернуть вопрос национальный на вопрос крестьянский» [144].

Именно в это время — на рубеже марта и апреля 1863 г., когда польское восстание, невзирая на неблагоприятные условия, при которых оно началось, невзирая на многочисленные поражения и неудачи, устояло, относятся наиболее оптимистические оценки перспектив революционного движения и в Польше, и в России. Маркс и Энгельс оценивали развивающееся восстание в Польше с точки зрения его международного значения, считая, что «в Европе снова широко открылась эра революций» [145]. Приветствуя польское восстание, ожидая слияния польского революционного движения с русским, Энгельс писал Марксу: «Поляки — молодцы. И если они продержатся до 15 марта, то вся Россия придет в движение» [146].

Наступила весна 1863 г., то время, которого с таким напряжением ожидали борющиеся стороны. Герцен писал несколько лет спустя: «Бакунин верил в возможность военно-крестьянского восстания в России, верили отчасти и мы, да *верило и само правительство*» [147]. Ни одна из сторон не могла наверное предугадать ход событий. Оказалось, что процесс отлива волны массового движения в России, начавшийся летом

[142] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XVII, стр. 91.
[143] Там же, т. XXVII, стр. 301.
[144] *Н. П. Огарев.* Избранные произведения, т. II, стр. 116.
[145] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 30, стр. 266.
[146] Там же, стр. 268.
[147] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XI, стр. 358.

1861 г., был явлением на этом историческом этапе необратимым. Движения, которого ожидали русские революционеры, с которым они связывали все свои планы, в 1863 г. не произошло.

Мы видели, что «Земля и Воля», используя и зарубежную и подпольную печать, старалась воздействовать на ход событий, старалась вызвать народное движение. Но она не ограничивалась одной лишь пропагандой.

В ряду фактов русско-польского революционного сотрудничества в 1863 г. особое место занимает так называемый «Казанский заговор» — попытка русских и польских демократов при активном участии членов офицерской организации организовать выступление в Поволжье и Приуралье весной 1863 г.[148]

Пристальное внимание к Поволжью, как району наиболее перспективному в ожидаемом народном движении 1863 г., отражено во многих конспиративных документах «Земли и Воли». В 1861 г. здесь прокатилась волна крупнейших крестьянских волнений. Уже в самом начале 60-х годов в Поволжье и Приуралье существовала сеть революционных кружков, выпускавших свои революционные прокламации. В самой Казани, университетском городе, к которому тяготели Поволжье, Урал и Сибирь, было сосредоточено особенно много политически активной молодежи разночинного происхождения. Здесь сложилась сильная землевольческая организация, в 1862 г. издавшая сама прокламацию «Долго давили вас, братцы» (автором ее был студент Иван Умнов). Прокламация напоминала крестьянам о том, как царь обманул их чаяния: «Полно же, братцы, утешать себя пустяками, полно надеяться на такого государя. Вы скажете: На кого же нам надеяться? Надейтесь, братцы, на самих себя, да и добывайте себе волю сами». Прокламация предостерегала крестьян от разрозненных выступлений и обещала подать сигнал, «когда все будут готовы подняться за святое дело, за волю вольную»[149].

Многие члены организации под предлогом филологических и этнографических изысканий ходили по деревням с целью разведать настроения крестьян и вести среди них пропаганду. Основным районом этой «апостольской» деятельности были Казанская, Вятская, Пермская губернии. К числу наиболее активных членов этой организации принадлежали Иван Орлов, Михаил Элпидин, Аркадий Бирюков, Константин Лаврский, Алексей Щербаков, Николай Орлов, Павел Ровинский.

В Казани была значительная польская колония — чиновники, профессора, военные, студенты. Часть из живших в Казани поляков составляли бывшие ссыльные.

В войсках, расквартированных в Казанской губернии, сложилась довольно сильная революционная группа, поддерживавшая связи с петербургскими военными революционными кружками и с Комитетом русских офицеров в Польше. Некоторые из ее членов (штабс-капитан Иван Мехеда, позднее подпоручик Ромуальд Станкевич) в 1863 г. покинули Казань, чтобы принять участие в восстании.

Активную роль сыграл среди военных в Казани штабс-капитан Наполеон Иваницкий. Ближайшими его сподвижниками были подпоручики Александр Мрочек и Ромуальд Станкевич. Иваницкий был горячо убежден в возможности восстания в Поволжье и уговаривал многих военных-поляков в начале 1863 г. не уезжать в Королевство Польское для участия

[148] РПРС, т. II, раздел IX; *Б. П. Козьмин.* Казанский заговор. М., 1929; *В. Р. Лейкина-Свирская.* «Казанский заговор» 1863 г. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1960; *F. Borkowska* i *H. Jaźwińska.* Spisek Kazański 1863 roku. «Z dziejów współpracy rewolucyjnej...».

[149] РПРС, т. II, стр. 297—299.

в восстании. Зимой 1862/63 г. Иваницкий со своей ротой находился в с. Бездне. Сам Иваницкий занимался агитацией среди крестьян: «Не следует платить выкуп за землю, потому что она принадлежит богу, а не помещику, но крестьяне лучше бы сделали, если бы десятый из них вооружился и сами себя защищали; в мае поднимут знамя, так они должны к нему пристать» [150]. Иваницкий установил связи с казанскими землевольцами. Один из участников казанской организации — Иван Красноперов в своих записках так характеризует Иваницкого: «Это был очень интеллигентный, симпатичный молодой человек лет 30, привлекавший всех нас к себе недюжинным умом и безграничной преданностью к революционному делу». Красноперов пишет, что Иваницкий «никогда не хотел отделять польское освободительное движение от русского» [151].

В ходе переговоров русских и польских революционеров в Петербурге в конце 1862 г. одной из основных тем была, как уже отмечалось выше, помощь польскому восстанию организацией «действенной диверсии». Задача заключалась в том, как *ускорить* ожидаемое весной 1863 г. народное движение в России в целях сковывания сил царизма.

Неизвестно, кому именно пришла мысль использовать в целях возбуждения народа подложный царский манифест. Во всяком случае такой лжеманифест был подготовлен в московских землевольческих кругах уже в декабре 1862 г. Его составителем был бывший студент Московского университета Юлий Бензенгер, вступивший добровольно в рекруты, чтобы вести революционную агитацию среди солдат. Позднее перед царскими следователями Бензенгер с большой теплотой говорил как о своем лучшем друге о казненном Константине Калиновском [152].

В подложном манифесте [153] от имени царя объявлялось о передаче крестьянам земли без выкупа, введении свободы вероисповедания, роспуска армии, введении выборных властей от уезда до Государственного совета. Манифест призывал народ к сопротивлению всем властям и войскам, если бы они действовали несогласно с «монаршей волей».

Подготовленный текст был передан польским конспираторам. Для печатания манифеста был использован шрифт, выкраденный из сенатской типографии, в результате издание имело внешний вид подлинной официальной публикации. Землевольцы выдвинули требование, чтобы наравне с манифестом и одновременно с ним распространялось аналогичное по содержанию воззвание, составленное не от имени царя, а от имени якобы существующего Временного народного правления, избранного собравшимися в Москве представителями всех сословий [154]. Оба воззвания, как и «Золотая грамота» на Украине, были датированы 31 марта — днем, на который в 1863 г. приходилась православная пасха,— учитывалась психология крестьянства — ожидание добрых вестей в торжественный, праздничный день.

Когда в июне 1863 г. экземпляр подложного манифеста достиг Лондона, Герцен в «Колоколе» осудил это начинание: «Путь этот опасен: народ перестанет верить печатному слову... Мы не сомневаемся, что это воззвание сделано людьми благородными, но не сообразившими, между прочим, и того, что они в нем поддерживают старую, несчастную мысль, что царь хочет дать настоящую волю, только ему все кто-то мешает...» [155]

[150] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, л. 142, л. 261.
[151] *И. М. Красноперов.* Записки разночинца. М.— Л., 1929, стр. 94, 95.
[152] РПРС, т. II, стр. 187—188.
[153] Там же, стр. 299—300.
[154] Там же, стр. 309—311.
[155] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XVII, стр. 199.

Выгодным образом от подложного манифеста и «манифеста» «Временного народного правления» отличалась изданная примерно в то же время прокламация под заголовком «Земля и воля. Свобода вероисповедания» [156], решительно призывавшая: «Бросьте, русские люди, надеяться на милость царя... Сломите силою силу, которая вас давит столько веков!.. Ополчитесь же ныне, угнетенные и страдальцы по всей земле русской, против насилия и неправды, идущих от царя и его сподвижников!»

С польской стороны основную роль в организации печатания подложного манифеста и воззвания играл поляк — железнодорожный инженер Иероним Кеневич [157]. Вместе с членом петербургской офицерской организации поручиком Максимилианом Черняком Кеневич вел подготовку к возбуждению восстания в Поволжье.

В середине марта в Казань приехал Черняк, где вместе с Иваницким они встретились с членами казанской революционной организации. Черняк выступал в Казани как член «партии действия», выделившейся якобы из Московского отделения «Земли и Воли». Слова Черняка, по-видимому, отражали реальную обстановку в «Земле и Воле», поскольку лишь часть ее выступила за проведение в жизнь задуманного плана. Эта партия, по его словам, ставила задачу немедленной подготовки к восстанию. Начатое с Казанской губернии восстание пойдет вниз по Волге, перейдет на Урал и Дон, а оттуда его направят так, чтобы оно соединилось с восстанием в Польше.

Переговоры закончились соглашением казанцев начать совместную подготовку восстания, но при условии употреблять для агитации среди крестьян не подложный манифест, а свою прокламацию «Долго давили нас, братцы». Кроме того, казанские революционеры просили помощи деньгами и людьми. Руководство восстанием в Казанской губернии поручалось Черняку (военный старшина) и Иваницкому (помощник старшины); была разработана инструкция для захвата г. Казани.

В апреле в Казань были переправлены прокламации, оружие, деньги. Но в Казани в это время было уже тревожно, власти принимали меры по борьбе против ожидаемого восстания, так как еще 2 апреля в III отделение поступил донос казанского студента Ивана Глассона, который в дальнейшем, действуя как провокатор, доносил о всех планах заговорщиков. Казанские землевольцы с колебанием разбирают привезенное оружие, прокламации; результаты поездок по деревням убедили их, что возможности немедленно поднять крестьянское восстание невелики. В этой обстановке возник другой план — начать восстание с периферии, а оттуда уже брать Казань. Отправившиеся по деревням казанские студенты захватывают и присланные из Москвы прокламации.

Тем временем из Москвы 21 и 22 апреля были отправлены Кеневичем для распространения лжеманифестов в Тамбовскую, Рязанскую, Тульскую, Симбирскую и Саратовскую губернии четыре студента-поляка — Эвстахий Госцевич, Александр Маевский, Фердинанд Новицкий и Август Олехнович. Через неделю все они были задержаны, не успев разбросать большинства лжеманифестов.

В Вятке уже в марте началось следствие. В апреле началось расследование и в Казани, были арестованы многие казанские революционеры, в том числе и поляки, участники заговора.

По приговору военного суда год спустя в Казани были расстреляны

[156] РПРС, т. II, стр. 311.
[157] *И. С. Миллер.* Иероним Кеневич. «Герои 1863 года». М., 1964.

М. Иваницкий, А. Мрочек, Р. Станкевич и И. Кеневич, а в 1865 г. и М. Черняк. Студенты — и поляки и русские — были присуждены к различным срокам каторжных работ. И хотя план организации восстания в Поволжье не был реализован, «Казанский заговор» явился ярким свидетельством целенаправленного стремления русских и польских демократов воплотить в жизнь совместные революционные замыслы.

Гибель Андрея Потебни и отказ Лянгевича реализовать план создания русских республиканских дружин, изложенный в доставленном ему уже в период диктатуры послании Бакунина [158], стали переломным моментом в истории этого важнейшего элемента русско-польского революционного союза. Это не означает, что идею формирования русских дружин не пытались возродить и позднее: такую попытку предпринял, например, молодой офицер-артиллерист Павел Якоби; о таком же замысле группы петербургских землевольцев сообщал Герцену Артур Бенни [159].

Главным препятствием на пути реализации этих начинаний было безразличие и прямая враждебность этому плану «побелевшего» повстанческого руководства. Следует, впрочем, отметить, что это было следствием не только безудержного антирусского национализма, но и общей политики в отношении революционных сил: не получили поддержки со стороны руководства восстанием и не были реализованы предложения венгерских революционеров о создании венгерского легиона [160], не нашла воплощения и мысль Маркса о немецком легионе на стороне повстанцев [161]. Добровольцы извне могли лишь вступать в польские повстанческие отряды. И в этих условиях в восстании участвовали сотни представителей различных европейских народов — венгры, французы, итальянцы, немцы, чехи. Среди повстанческих командиров были французы Франсуа Рошебрён, Леон Юнг де Бланкенгейм, Эмиль Фошё, Жозеф Шабриоль, итальянцы Франческо Нулло, Луиджи Кароли, Луиджи Навоне, Станислао Бекки, вентры Эстергази, Пальфи, Каройи и Шандор Шредер. Но среди них были также Матвей Безкишкин, Яков Лёвкин, Иван Павлов, Митрофан Подхалюзин, Петр Краснопевцев, Митрофан Киянский, С. Никифоров и другие командиры, а всего в рядах повстанцев находилось несколько сот русских, украинцев, белорусов и представителей других народов России [162].

В ряды повстанцев направлялись люди из разных мест: петербургский студент Лев Самарин и гимназист Николай Бекенев, студент Киевского университета украинец Александр Крыловский и студент Московского университета белорус Антон Трусов. Это были люди из различных общественных слоев, но особенно много было среди них военнослужащих.

Тяжелые удары, выпавшие на долю военно-революционной организации в первые месяцы восстания, привели к прекращению ее деятельности. По-разному сложились судьбы членов офицерских революционных организаций. Некоторые из них, например, Василий Каплинский, Павел Огородников, Евгений Зейн и другие, за участие в революционной деятельности оказались под следствием и судом еще до восстания. Несколь-

[158] *J. Łukaszewski.* Zabór pruski w czasie powstania 1863 roku. Jassy, 1870, str. 285.
[159] «Литературное наследство», т. 62, стр. 32, 260—262; т. 63, стр. 140.
[160] «Polska działalność dyplomatyczna w 1863—1864 r. Zbiór dokumentów», t. I. W., 1937, str. 111 i n.
[161] *C. Bobińska.* Marks i Engels a sprawy polskie do osiemdziesiątych lat XIX wieku. Wyd. 2-e. W., 1955, str. 190—191.
[162] РПРС, т. II, раздел X; *И. С. Миллер.* Из царской армии в ряды повстанцев. В кн.: *В. А. Дьяков, И. С. Миллер.* Указ. соч.; *P. Łossowski, Z. Młynarski.* Rosjanie, Białorusini i Ukraińcy w powstaniu styczniowym. Wr., 1959.

ко десятков офицеров пошли по пути, указанному Андреем Потебней. Немалое число членов организации, хотя и не примкнуло к восстанию, осталось верно своим убеждениям: эти офицеры подавали в отставку, представляли рапорты о переводе во внутренние губернии России, их не останавливало то, что на отказывавшихся сражаться с повстанцами ложилось клеймо неблагонадежности. Иные из офицеров, оставаясь в рядах царской армии, делали все, что было в их силах, для помощи повстанцам. Так, штабс-капитан Николай фон Мюнстер, поручик Константин Соседов, прапорщик Алексей Тяжелов оказались под следствием за содействие побегам пленных повстанцев. Константин Крупский «помогал побегам поляков, отводил свою роту в сторону, за что его чуть не пристрелил унтер», — вспоминает рассказ отца Н. К. Крупская [163].

Переход революционеров-офицеров на сторону восстания представляет собою факт важный и значительный. Но, может быть, не менее важным явлением, подтверждавшим обоснованность планов и надежд русских революционеров, было участие в восстании большого числа унтер-офицеров и рядовых солдат той самой царской армии, которая осуществляла подавление восстания.

Пути простых русских людей, одетых в солдатские шинели, в ряды повстанцев были различны. Известен ряд случаев перехода на сторону восстания уже в первые дни или недели, перехода целеустремленного, причины которого можно усматривать в предшествующей пропагандистской деятельности Комитета русских офицеров в Польше, а возможно, и в польской повстанческой агитации. Следует учесть, что многие воинские части в течение ряда лет размещались в Польше, солдаты нередко свободно владели польским языком и в общении с населением испытывали то же революционизирующее влияние обстановки, что и офицеры. В их восприятии и ощущении подавление восстания было гражданской войной: «Теперь нас посылают все равно, что на своих, значит — брат на брата», — записал П. И. Огородников слова одного «солдатика» в Модлинской крепости [164]. Как далеко зашло для многих это сближение с польским народом, видно из того, что некоторые из солдат-повстанцев, попав в плен, не без успеха выдавали себя царским следственным властям за поляков (что могло облегчить их дальнейшую судьбу). Так, например, казака Павла Кузнецова, называвшего себя то Юзефом Живиньским, то Филиповичем, выдало не плохое знание польского, а хорошее знание русского языка! [165] Савелий Верхушин, в течение нескольких месяцев упорно называл себя Петром Венжиком, он мог с грехом пополам расписаться по-польски, хотя не знал грамоты на родном языке [166]. Поиски скрывших свое происхождение русских-повстанцев продолжались и в Сибири [167].

О том, что побеги в ряды повстанцев становились массовым явлением, свидетельствует введение в Радомском военном отделе подачи специальных ежемесячных рапортов о беглых [168]. Некоторые воинские части — Ивангородский крепостной батальон, Замосцский крепостной полк — были прямо признаны ненадежными [169]. Побывавший на театре военных действий швейцарский подполковник Франц фон Эрлях отме-

[163] Цит. по: «Литературное наследство», т. 61, стр. 485.
[164] *П. И. Огородников.* Дневник заключенного. «Исторический вестник», 1882, июнь, стр. 590.
[165] РПРС, т. II, стр. 490.
[166] Там же, стр. 479.
[167] Там же, стр. 496.
[168] WAP Radom, ф. Управления военного начальника Радомского отдела, д. 26.
[169] РПРС, т. II, стр. 451.

чал: «Среди прибывающих каждодневно в отряд добровольцев всегда определенный процент приходится на беглецов-русских» [170].

Немалое число солдат и унтер-офицеров оставалось у повстанцев, попав к ним в плен. Красноречивым фактом является то, что всего больше русских было в отрядах, командиры которых были известны своим демократизмом, таких, как Михал Гейденрейх («Крук»), Кароль Крысиньский, Зыгмунт Хмеленьский.

Имевшие навыки военной службы русские солдаты в большинстве своем оказывались превосходными бойцами, они часто выполняли обязанности унтер-офицеров, инструкторов, оружейников и т. п. Они сражались со стойкостью и до конца: в последние недели восстания они составляли немалую часть в уже немногочисленных повстанческих отрядах, и командирами этих отрядов были нередко русские — Безкишкин, Подхалюзин, Лёвкин, Павлов. Повстанцам-русским было известно, что в случае захвата их царскими властями их ждет смерть или многолетняя каторга. И они предпочитали гибнуть в бою, скитаться в одиночку или небольшими группами в лесах, но не сдаваться.

Царские власти беспощадно расправлялись с военнослужащими — участниками восстания. Из 183 попавших в их руки русских 89 были казнены. Последняя казнь за участие в восстании была совершена в Варшаве 22 ноября (4 декабря) 1866 г. — был расстрелян донской казак Митрофан Подхалюзин — в рядах повстанцев ротмистр «Ураган».

Многие из русских-повстанцев становились живой легендой. Так, унтер-офицер 28-го Полоцкого пехотного полка Яков Лёвкин вступил в ряды повстанцев в первые же дни восстания. Благодаря своей необычайной храбрости и военной одаренности он на протяжении полутора лет прошел путь до офицера, командира повстанческого отряда. Многие отчаянные по своей смелости вылазки Лёвкина («Лёткина») вызывали восхищение сотоварищей. Он стал, пишет поляк-мемуарист, «в воеводствах Краковском и Сандомирском буквально легендарной фигурой» [171].

На склоне лет великий польский писатель Стефан Жеромский в предисловии к книге, посвященной итальянским революционерам — участникам восстания 1863 г., вспоминал: «В юности, учеником русской школы я писал большую поэму под заглавием «Безкишкин», основанную на семейном предании, на рассказах простых людей, на тайной традиции наших келецких лесов. Я описывал в стихах судьбу русского офицера, который принял участие в нашем восстании, и, попав в бою в плен, окончил жизнь на виселице» [172]. Так в памяти простых людей Польши и крупнейшего представителя польской национальной культуры, возложившего от их имени уже в освобожденной Польше венок на могиле героев 1863 г., подвиг Матвея Безкишкина стал символом всех, кто шел на помощь сражавшемуся польскому народу, во имя борьбы «за вашу и нашу свободу».

С началом восстания во многих странах прогрессивные силы выступили в защиту Польши. Митинги, собрания следовали одни за другими; передовая общественность требовала от своих правительств помощи Польше. С ранней весны и в течение лета 1863 г. в адрес царского правительства поступил ряд нот от западных держав с протестом против действий царизма в Польше. Будоража своим вмешательством царское правительство и русское либеральное общество, пугая их возможностью войны и поддерживая в поляках надежды на реальную помощь, запад-

[170] *Fr. v. Erlach.* Partyzantka w Polsce w roku 1863. W., 1960, str. 97.
[171] *K. Zienkiewicz.* Wspomnienia powstańca 1863 r. W., 1932, str. 75.
[172] *K. Firlej-Bielańska.* Nullo i jego towarzysze. W., 1923, str. IV.

ные державы выступали либо под давлением демократической общественности, либо хотели использовать польский вопрос в своих дипломатических целях, стремясь ослабить и изолировать Россию на международной арене. Австрия и Франция желали свести на нет русско-прусский союз, Англия не хотела допустить франко-русского сближения.

31 марта (12 апреля) 1863 г. царское правительство издало манифест об амнистии всем повстанцам, которые сложат в течение месяца оружие. Манифест содержал и обещание продолжения реформ в Королевстве Польском. Этот акт имел целью предупредить более активное вмешательство западных держав и успокоить западноевропейское общественное мнение. Вскоре правительство уяснило, что западные державы скорее всего не смогут договориться друг с другом и что войны из-за Польши не будет. В это же время определилось, что крестьянское восстание, которое ожидалось весной 1863 г., не произошло.

В этих условиях царизм берет решительно курс на жестокое подавление восстания. В Литву в мае был назначен генерал-губернатором М. Муравьев, еще с 1831 г. заслуживший кличку «Вешателя». Он начал проводить политику кровавого усмирения восстания.

Царизм умело использовал угрозы западных держав для того, чтобы подогреть «патриотические» чувства в России. С весны 1863 г. шовинистический угар охватил значительные слои русского общества.

До восстания, пока польский вопрос решался путем сговора с польскими помещиками, русское либеральное общество сочувствовало полякам, считая, что реформы в Королевстве Польском могли бы способствовать проведению реформ и в России. Теперь началась кампания подачи верноподданнических адресов, посыпались требования принять решительные меры для подавления восстания. В антипольской шовинистической пропаганде под предлогом «защиты отечества» первое место принадлежало редактору «Московских ведомостей» Каткову, из статьи в статью доказывавшему, что малейшая уступка полякам будет способствовать разложению Российской империи, и требовавшему подавления революционного движения не только в Польше, но и в России. Популярность «Колокола» и Герцена в России в либеральной среде резко упала. Реакционная пресса не называла Герцена и его сторонников иначе, как изменниками и агентами польского движения. Все вместе это в условиях спада революционной ситуации в России позволило правительству отбить волну общественного возбуждения и революционного натиска.

Только революционные демократы, устояв перед этой мутной волной шовинизма, продолжали по-прежнему отстаивать дело свободы России и Польши. Гневно осуждала адресную кампанию и террор самодержавия изданная летом 1863 г. прокламация «Свобода» № 2 [173]. Эта прокламация стала последним нелегальным изданием 1863 г., вышедшим в самой России. В обстановке усилившихся политических репрессий революционная деятельность в России была все более затруднена. В конце 1863 г. — начале 1864 г. деятельность «Земли и Воли» как федерации кружков замерла.

Искреннюю и горячую поддержку восстанию по-прежнему оказывали издатели «Колокола», помещая в каждом номере гневные и разоблачающие статьи, клеймя тех, кто оправдывал карательные действия царских войск в Польше, кого охватили шовинистические настроения, и защищая право поляков на свободу. Разоблачению шовинизма либералов и реакционеров Герцен отвел целый раздел в «Колоколе», названном «Россиада».

[173] РПРС, т. II, стр. 123—126.

Герцен остро чувствовал, что неуспех польского восстания тяжело отразится на судьбах русского революционного движения. Уже в первом отклике на известие о начале восстания, желая ему успеха, Герцен сожалел: «Большое несчастье, что польское восстание пришло рано; многие, и мы в том числе, делали все, нашим слабым силам возможное, чтобы задержать его»[174]. И когда восстание уже догорало, Герцен по праву мог сказать: «Для нас оно было скорее несчастием, и только правительством подкупленный журнализм обвиняет нас в том, что мы подстрекали поляков, уверяя их, что Россия готова восстать. Мы очень хорошо знали, что ничего не было готово, что были только зародыши, что офицерские общества только что начали слагаться. Кровь нашу дали бы мы за то, чтоб остановить на год или на два польское восстание»[175].

Герцен мог смело сказать в своей статье «В вечность грядущему 1863 году»: «Польскому делу мы принесли что могли... Мы горды тем, что за него лишились нашей популярности, части нашей силы; мы горды той бранью, той клеветой, той грязью, которой бросали в нас за Польшу ярыги патриотизма и *содержанцы* III отделения. Ни нападения подлых врагов, ни сожаления слабодушных и слабоумных друзей не свернули нас с дороги... Мы остались вопреки всему верными польскому делу и верными русскому народу»[176].

Значение деятельности Герцена в это время В. И. Ленин охарактеризовал следующим образом: «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии. «Мы спасли честь имени русского, — писал он Тургеневу, — и за это пострадали от рабского большинства»»[177].

8. Русские и польские революционеры после поражения восстания

К весне 1864 г. восстание было подавлено. После поражения восстания и спада демократического подъема в России, в усложнившихся условиях связи между русскими и польскими революционерами не оборвались. Продолжали существовать сильно поредевшие польские и русские революционные группы в России, в эмиграции и в Сибири[178]. Наиболее отчетливо взаимосвязи новых революционных замыслов проявились в это время в Центральной России и Сибири.

Самым значительным совместным замыслом был план организации восстания весной 1866 г. в России. Этот замысел пока еще мало изучен, хотя ряд его моментов и особенно конкретные факты русско-польских связей позволяют говорить определенно о его существовании. С конца 1864 г. петербургскими революционерами прилагались усилия к тому, чтобы объединить сохранившиеся и создать новые революционно-демократические группы в Петербурге, Москве, Поволжье, замышлялось воссоздание общероссийской организации по типу «Земли и Воли» на основе сохранившихся землевольческих кадров и по старым землевольческим

[174] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XVII, стр. 26.
[175] Там же, т. XVIII, стр. 27.
[176] Там же, т. XVII, стр. 296.
[177] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 260.
[178] РПРС, т. II, раздел XI.

путям. Целью замысла было установление в России конституционного строя с наиболее демократической конституцией.

Деятельность польских организаций этих лет в России связана именно с этими революционными кругами, планы которых польские патриотические кружки поддерживали самым активным образом. Значительную роль по восстановлению и налаживанию революционной деятельности в связи с новыми замыслами сыграл В. М. Озеров, штабс-ротмистр Волынского полка, стоявшего перед восстанием в Королевстве Польском. В новую революционную организацию, руководство которой находилось в Петербурге, входили, кроме Озерова, по-видимому, А. А. Кобылин, Г. З. Елисеев, Н. Д. Ножин, группа лиц, близких И. А. Худякову и А. М. Никольскому. Группа Худякова — Никольского была непосредственно связана с центральными польскими организациями в России, петербургской и московской.

В обеих русских столицах продолжали действовать польские организации, поддерживающие связи с эмиграцией и Королевством Польским. Они играли ведущую роль в направлении деятельности разбросанных в России польских групп, число которых увеличилось в связи с тем, что в пределы России было выслано много повстанцев. Польские кружки действовали в Казани, Перми, Саратове, Ярославле, Владимире, Костроме, Вологде, Западной и Восточной Сибири. В Петербурге в 1865—1866 гг. эту польскую организацию возглавлял некто Станислав, настоящая фамилия которого неизвестна. В Москве Польский комитет возглавляли в этот период Павел Маевский и Максимилиан Маркс. Среди его членов следует назвать Адольфа Лянгауза, Болеслава Трусова. Польские организации в Москве поддерживали контакты с бывшими землевольцами из группы Мосолова — Шатилова, с группой П. А. Спиридова, с кружком Н. А. Ишутина [179].

Большое место в совместной революционной деятельности в середине 60-х годов занимала помощь репрессированным революционерам, организация их побегов и т. п. В конце 1864 г. был организован побег из пересыльной тюрьмы в Москве Ярослава Домбровского, который сначала скрывался в Москве у ишутинцев, а затем в Петербурге у членов кружка И. Худякова — А. Никольского. Позднее В. М. Озеров вывез из ссылки, из г. Ардатова Нижегородской губернии жену Домбровского, Пелагию, и обоих переправили через границу на Запад. Московские конспираторы готовили попытку освобождения в Москве из пересыльной тюрьмы Н. Серно-Соловьевича. В неудавшихся планах освобождения Чернышевского принимали активное участие поляки, в их обязанность входило достать паспорт, обеспечить явки в Сибири и др.

В своих замыслах революционеры учитывали складывающуюся революционную обстановку в Сибири, прогрессивные круги которой намеревались также выступить весной 1866 г.

Наивысший подъем общественной и революционной деятельности в Сибири пришелся на 1863—1865 гг. Наиболее крупные и решительные революционные группировки, включившие и польских и русских ссыльных, возникли в Тобольске, Томске, Красноярске, Канске, Иркутске. В какой-то мере они поддерживали связи с Центральной Россией. Цель организации заключалась «в возбуждении местного населения края к действиям против правительства и к восстанию общими силами вместе с поляками для низвержения существующего порядка» [180]. Из числа ссыль-

[179] *Т. Ф. Федосова.* Польский комитет в Москве и русско-польские революционные связи 1864—1866 гг. «Революционная Россия и революционная Польша». М., 1967; *Э. С. Виленская.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965.

ных поляков, являвшихся активными деятелями организации, следует назвать Доминика Боцяровского, Павла Ляндовского, Валентия Левандовского, Юзефа Шленкера, Зыгмунта Минейко. Осенью 1865 г. в Красноярске находился Н. А. Серно-Соловьевич как ссыльный, следовавший на вечное поселение в Сибирь. В Красноярско-Канском центре к концу 1865 г. вырабатываются планы совместного выступления русских революционеров и ссыльных поляков весной 1866 г., подготавливаются воззвания к жителям Сибири, к полякам, составляются инструкции. В разработке и осуществлении этих замыслов принимали активное участие петербургские революционные круги, группа Худякова — Никольского.

По сигналу восстания польские и русские ссыльные должны были разоружить на Нерчинских рудниках стражу и направиться на Иркутск, по пути освобождая всех сосланных на каторгу и на поселение. Далее планировалось предпринять поход через Сибирь в Россию с целью свержения царизма. Предусматривалось создание революционного правительства, куда бы вошли Н. Чернышевский, Н. Серно-Соловьевич, М. Михайлов и Ю. Огрызко (с совещательным голосом).

Организация отправила эмиссаров для установления связи во многие города Сибири. Но сибирские власти, заслав в руководство организации провокатора — польского ссыльного, раскрыли ее; часть революционеров была арестована, планы организации нарушены. Замыслы поднять восстание весной 1866 г. не были осуществлены ни в Сибири, ни в Центральной России. 4 апреля 1866 г. Дмитрий Каракозов, член ишутинского кружка, неудачно стрелял в Александра II. Выстрел не поднял народ, а правительство вновь сделало все, чтобы возбудить монархическо-националистические чувства в русском обществе. Общероссийские революционные планы были сорваны, начался правительственный террор.

Свидетельством близких отношений русских и польских организаций и доверия между ними является то, что при начавшихся арестах в связи с покушением Каракозова, когда перед ишутинцами встал вопрос о сохранении организации, дела ишутинского кружка было решено передать главе польской организации в Москве, Павлу Маевскому. Но аресты и следствие по каракозовскому делу охватили и польское подполье.

Последним актом революционного движения этих лет стал уменьшенный и трансформированный вариант обширных повстанческих замыслов ссыльных в Сибири — локальное выступление в июне — июле 1866 г. польских ссыльных на Кругобайкальском тракте [181].

* * *

Революционная эпоха конца 50-х — начала 60-х годов имела огромное значение в истории России и Польши.

Восстание 1863 г., невзирая на его неудачу, сыграло большую роль в истории польского народа, оно привело к ликвидации феодальных отношений в центральной части Польши — Королевстве Польском, вынудило царизм дать крестьянам землю в собственность, без отрезков, т. е. осуществить крестьянскую реформу на условиях более благоприятных для крестьянства, чем это было на польских землях под властью Пруссии и Австрии и чем это было во всей России по реформе 1861 г.

[180] *Н. П. Митина.* Из истории русско-польских революционных связей в Сибири в 1864—1866 гг. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 668.

[181] *Она же.* Во глубине сибирских руд (К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте). М., 1966.

Велико было международное значение восстания. Оно ослабляло царизм и пробуждало демократические и освободительные движения во многих европейских странах. Польское движение нашло поддержку у передовых демократов Западной Европы. Борьба прогрессивных сил в Европе, развернувшаяся вокруг «польского вопроса», требование восстановить независимую демократическую Польшу и поддержать повстанцев сплотило европейскую демократию и европейский рабочий класс, послужив исходным моментом для создания I Интернационала.

Идея русско-польского революционного союза получила в эти годы широкое признание среди русских и польских революционеров и нашла воплощение на разных уровнях революционного движения и во всевозможных формах — от сочувствия, поддержки, составления совместных стратегических и военных планов до совместных выступлений.

Революционный подъем этих лет, как в России, так и в Польше, охватил значительные демократические слои. Революционное движение обеих стран имело много общих задач и развивалось в условиях взаимопонимания и взаимозависимости, что сближало программы действий русских и польских революционеров. Степень и глубина революционных связей этих лет приводят к возникновению *совместных* русско-польских *организаций* и к такой практике в революционном движении, как двойное членство, т. е. принадлежность одновременно и к русской и к польской организациям.

Лучшие представители народов России и Польши показали в эти годы прекрасные примеры братства и сотрудничества. В лице вождей русской революционной демократии — Герцена, Огарева, Чернышевского, Добролюбова, братьев Серно-Соловьевичей, Бакунина, Потебни польский народ нашел горячих и искренних друзей. В памяти последующих поколений кульминационные моменты этого десятилетия сохранились как время совместной самоотверженной борьбы демократических сил обоих народов против общего врага — царизма, как время тесного содружества, когда, несмотря на шовинистическую травлю, революционеры сумели подать друг другу руки для совместной борьбы.

Принципы этого союза не были подорваны разгромом восстания, ибо последовательные польские революционеры понимали действительные причины поражения и отвергали клеветнические нападки националистов на русскую демократию.

Поражение русского и польского революционного движения 60-х годов было обусловлено прежде всего недостаточной зрелостью как русской, так и польской революционной демократии, их неспособностью в момент кульминации революционной ситуации в России возглавить массовое стихийное движение, добиться перерастания общественного процесса в прямую революцию. Восстание 1863 г. разразилось на этапе *спада* революционной ситуации, что поставило борцов против самодержавия в стратегически невыгодное положение и в значительной мере предопределило их поражение.

Эти годы убедили прогрессивную польскую и русскую демократию, что судьбы их стран связаны между собой, связаны с борьбой прогрессивных сил в мире, с интересами трудящихся других стран, что привело и тех, и других к I Интернационалу.

Глава V

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ КОНЦА 60-х — НАЧАЛА 80-х ГОДОВ XIX В.

В 60—70-х годах XIX в. в польских землях происходил процесс утверждения капитализма, протекавший в специфических условиях расчлененной и испытывавшей жестокий национальный гнет страны. Развитие капиталистических отношений происходило неравномерно в разных частях Польши. Более быстрыми темпами оно шло в Королевстве Польском, где царское правительство, напуганное размахом национально-освободительного движения, провело в 1864 г. крестьянскую реформу, значительно более последовательную, нежели в самой России. В Варшаве, Лодзи, Згеже, Жирардове и других городах формировались первые очаги капиталистической промышленности, складывался польский пролетариат[1]. Медленнее происходило развитие промышленности в польских землях, захваченных Пруссией и Австрией. Эти земли продолжали оставаться аграрно-сырьевыми придатками соответствующих государств. Лишь в богатых природными ресурсами Верхней Силезии и польской части Цешинской Силезии наблюдался значительный рост промышленного производства.

Во всех польских землях наличие многочисленных пережитков феодализма тормозило процесс становления капиталистической экономики. Серьезным препятствием продолжала оставаться и система национального угнетения. В 1866—1871 гг. были последовательно ликвидированы все особенности административного устройства, отличавшие Королевство Польское от Российской империи; в 1874 г. было упразднено наместничество. Русификаторские меры царского правительства (законы 1868 и 1869 гг., устанавливавшие делопроизводство во всех административных учреждениях на русском языке; введение преподавания на русском языке во всех учебных заведениях и его обязательное изучение в начальных школах) вызывали «совершенное отчуждение польского общества от русской власти и ее органов»[2], обострение национальных чувств поляков. Варшавский генерал-губернатор А. Альбединский в 1880 г. писал царю: «Шестнадцать лет объединительных реформ, пересоздавших гражданскую жизнь Царства, не пересоздали польской национальности, и она является ныне еще более прежнего сильной нравственно и материально»[3].

Конец 60-х — начало 70-х годов XIX в. — время известного затишья в польском освободительном движении; это объяснялось не только жестокими репрессиями, последовавшими за подавлением восстания 1863—

[1] *S. Koszutski.* Rozwój ekonomiczny Królestwa Polskiego w ostatnim trzydziestoleciu (1870—1900). W. 1905; «Historia Polski», t. III, cz. 1. W., 1963; «История Польши», т. II. М., 1955.

[2] *А. Погодин.* История польского народа в XIX в. М., 1915, стр. 218.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 678, д. 677, л. 4.

1864 гг., но также промышленным переворотом и сопутствовавшим ему ажиотажем, который охватил в эти годы местную буржуазию и часть помещиков, сумевших приспособиться к новым условиям капиталистического развития. Изменение социально-экономических и политических условий в Королевстве определило программу деятельности буржуазного течения «варшавского позитивизма». В основе этой программы, получившей название «органический труд», лежал принцип лояльности в отношении захватнических правительств. Главной задачей «органичники», выступавшие принципиально против революционного движения, считали экономическое и интеллектуальное развитие, провозглашали лозунг классовой солидарности во имя «обогащения нации».

Определенный спад общественного движения в Королевстве в первой половине 1870-х годов отразился и на крестьянском движении — выступления крестьян в это время носят эпизодический характер. Значительно увеличивается количество крестьянских волнений во второй половине 70-х годов. С 1877 г. крестьяне занимают первое место в числе лиц, привлекавшихся по делам о «политических преступлениях» (главным образом за оскорбление царя и правительства) [4]. Рост и радикализация крестьянского движения в конце 70-х — начале 80-х годов в значительной степени обусловливались влиянием революционного движения в России и пропагандой первых польских социалистов.

К концу 60-х — началу 70-х годов относятся первые выступления польского пролетариата. Промышленные центры Королевства (Лодзь, Згеж, Варшава) становились ареной рабочих забастовок. Первая большая стачка вспыхнула в Варшаве на заводе Лильпопа, Рау, Левенштейна и К° в 1871 г. В том же году произошла стачка рабочих на фабриках Литауэра в Згеже, Фраже и Цукервара в Варшаве. В 1872 г. бастовали 1160 рабочих фабрики Шайблера в Лодзи и более 100 горняков в Милёвицах Бендзинского уезда. В 1874 г. состоялась забастовка рабочих четырех текстильных фабрик в Згеже, в 1875 г. — в Ченстохове и Белостоке, в 1876 г. — на заводе Лильпопа и в Домброве. Стачечное движение развивалось и в западных польских землях. В 1869 г. прошла стачка деревообделочников и рабочих кирпичных заводов Познани.

Волна стачек прокатилась в конце 1870 — начале 1871 г. по Верхней Силезии.

В стачках польские рабочие нередко выступали совместно с рабочими других национальностей — русскими в Королевстве Польском, немцами в Познани, украинцами во Львове, проходя первую практическую школу интернациональной солидарности. Однако в целом польское рабочее движение конца 70-х — начала 80-х годов имело еще стихийный и экономический характер. Оно испытывало определенное воздействие патриотических традиций, требовавших единства классов польского общества в борьбе за национальное освобождение. «Исключительное внимание к национальному вопросу и стремлению к превращению всякого прогрессивного общественного движения в средство, направленное в пользу этого дела, отвлекали сознание от социальных вопросов и не давали возможности видеть в последних самостоятельное значение»,— подчеркивалось в польском социалистическом журнале «Пшедсвит» [5].

[4] Количество крестьян в числе всех обвинявшихся по политическим делам в 1877—1881 гг. составляло около 30% (вместе с отставными солдатами — около 50%), мещане и разночинцы (ранее дававшие наибольший процент «политических преступников») — 20—25, а помещики и духовенство — 2% (см.: *Т. Г. Сныткo.* Русское народничество и польское общественное движение 1865—1881 гг. М., 1969, стр. 49—62).

[5] «Przedświt», 15.X 1881, N 5.

Значительное влияние на движение польских рабочих оказывало западноевропейское рабочее движение; существенную роль играли при этом немцы и чехи, работавшие на предприятиях Лодзи и других городов. Особенно сильное воздействие на рабочих Королевства Польского оказывало революционное движение России, преимущественно через польскую молодежь, обучавшуюся в русских высших учебных заведениях и участвовавшую в пропаганде среди рабочих Петербурга, Киева, Одессы и других промышленных центров России.

Соответственно изменению характера движения в Королевстве Польском изменяются в этот период и формы связи его с русским революционным движением[6]. Проявление сочувственного отношения русских к польскому национальному движению встречалось даже в среде «отборных» и, казалось бы, надежных офицеров и чиновников, посланных на службу в Королевство уже после восстания. Львовская «Газета народова», сообщая о розысках в Варшаве корреспондентов, пишущих в заграничные газеты о действиях царских властей, замечала, что жандармы ищут их среди поляков, в то время как и многие русские не разделяют взглядов правительства и не желают восхвалять его действий в Королевстве[7]. В мае 1866 г. Александр II писал Ф. Бергу: «До меня дошли слухи, что в Царстве Польском имеются революционеры среди русских служащих. Прошу обратить на это особое внимание». В июле того же года царь снова повторяет: «Меня очень беспокоят революционные настроения в среде русских служащих и особенно то, что они подстрекают простой народ»[8]. В 1866 г. была проведена проверка «политической благонадежности» русских чиновников, находившихся на службе в Королевстве[9], на основании которой варшавские жандармы сделали вывод, что «русские, проживающие или состоящие на службе в Царстве Польском... подпадают под влияние поляков и становятся невольными проводниками и исполнителями их идей и замыслов»[10]. Жандармы требовали даже высылки из Королевства «ополячившихся» русских чиновников, так как они «не могут быть полезны в здешнем крае», потому что «лучшие их симпатии принадлежат не России и русскому делу, а польской нации»[11]. Польское национально-освободительное движение пользовалось сочувствием и поддержкой у многих русских людей, даже не связанных с революционным движением[12].

Если в первое десятилетие после восстания отношения между русскими и польскими революционерами ограничивались, с одной стороны, сочувствием и содействием русских польскому национально-освободительному движению, а с другой — участием польской молодежи в дея-

[6] Не имея возможности подробно охарактеризовать сдвиги, происшедшие в русском освободительном движении, отсылаем читателя к монографиям: *Э. С. Виленская.* Указ. соч.; *Б. С. Итенберг.* Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965; *С. С. Волк.* Народная воля. 1879—1882. М.—Л., 1966; *М. Г. Седов.* Героический период революционного народничества. М., 1966; «Народничество в работах советских исследователей за 1953—1970 гг.». Указатель литературы. Сост. Н. Я. Крайнева, П. В. Пронина. М., 1971.

[7] «Gazeta Narodowa», 7.IV 1867, N 81.

[8] ЦГАОР СССР, ф. 547, оп. 1, д. 631, лл. 20, 32.

[9] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 72—73.

[10] ЦГАОР СССР, ф. 110, оп. 24, д. 314, л. 26.

[11] Там же, д. 472, л. 113. Имели место даже факты совместных выступлений в 1868 г., когда «поляки» и члены «красной партии русских» протестовали против присылки на службу в Варшаву предателя петрашевцев Антонелли (там же, ф. 109, Секретный архив, оп. 2, д. 636, л. 6).

[12] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 72.

тельности народнических организаций, то с появлением на польских землях родственного народническому социально-революционного движения между ними устанавливаются союзнические отношения и налаживается практическое сотрудничество.

1. Русско-польские революционные связи в эмиграции 1866—1876 гг.

После поражения восстания 1863—1864 гг. тысячи поляков, спасаясь от репрессий, эмигрировали за пределы Российской империи. Крупные центры эмиграции образовались в Англии, Франции, Швейцарии, в Юго-Восточной Европе [13]. В конце 60-х — начале 70-х годов в польской эмиграции происходит процесс выделения левых групп и течений, сопровождавшийся острой идеологической борьбой. Наиболее организованной и политически активной была польская эмиграция в Англии (особенно в Лондоне). Видную роль в ней играли представители демократического крыла — А. Жабицкий, К. Бобчиньский, Ю. Верецкий, Я. Крыньский и Л. Оборский, ближе других связанные с Интернационалом и К. Марксом. Часть польских демократов — будущих участников Парижской Коммуны (например, В. Врублевский) накануне 1870 г. уже состояла в рядах Международного Товарищества Рабочих. Польские эмигранты вступали в тесные контакты с местными рабочими и демократическими организациями, создавали свои революционно-демократические общества и группы, налаживали печать.

Наряду с герценовским «Колоколом» (несмотря на возникший в 1866 г. конфликт между редакцией и частью польской эмиграции из-за публикации на страницах журнала статьи Н. Огарева «О продаже имений в Западном крае») [14], значительным влиянием пользовался среди эмигрантских изданий журнал «Народное дело», издававшийся группой Н. Утина (входила в Интернационал и вела борьбу с анархистами).

В среде польской эмиграции все большее значение приобретают в этот период левые демократические элементы, нередко сближавшиеся с течениями утопического социализма. В 1866—1867 гг. в Женеве выходил первый польский социалистический журнал «Гмина», издававшийся Ю. Токажевичем-Ходи и Ю. Бжезиньским. В программе журнала ощущается влияние А. И. Герцена: наличие положений об особом пути развития Польши, отличном от путей развития Западной Европы, о необходимости перестройки социально-экономических отношений на основе общинного строя. В первом номере «Гмины» в письме «Редакторам „Колокола"» говорилось: «Мы приходим объединить с вашими трудами наши юные усилия. Мы хотим говорить Польше, как вы говорите России». Редакция предлагала вести совместную борьбу под знаменем «За вашу и нашу победу». Герцен горячо откликнулся на это письмо, приветствуя появление «Гмины» и ее обращение к «Колоколу» [15].

[13] В целом польская эмиграция была весьма неоднородна в социальном и политическом отношении. Правое, консервативно-аристократическое крыло группировалось вокруг князей Чарторыских. В противостоящем ему «Объединении польской эмиграции» происходило размежевание между либерально-радикальными буржуазными элементами и революционной демократией. Подробнее см.: *J. W. Borejsza.* Emigracja polska po powstaniu styczniowym. W., 1966.

[14] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 86—87.

[15] ИППНМ, т. III, стр. 958; *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. XIX, стр. 156.

Важнейшей из множества польских эмигрантских организаций было парижское «Объединение польской эмиграции»[16]. Избранные в 1866 г. в его руководящий комитет В. Врублевский, Я. Домбровский, С. Ярмунд пытались придать организации и ее печатному органу — «Неподлеглости» радикальное направление. В 1869 г. редактором «Неподлеглости» стал Ю. Токажевич, заявивший, что главная задача польских революционеров состоит не в завоевании независимости Польши, но в осуществлении «коренных социальных преобразований»[17]. В 1870 г. Ю. Токажевич совместно с А. Медекшей и В. Рожаловским стал издавать в Цюрихе радикальный журнал «Змова». В статьях, напечатанных в его первом номере и представлявших собой смесь теорий «общинного социализма», западных мелкобуржуазных учений, утопического социализма и анархизма с идеями польского национально-освободительного движения, признавалась необходимость социальной революции во имя освобождения народов Польши, Литвы и Украины не только от иноземного гнета, но и от социального угнетения[18]. Общинные тенденции «Змовы» небез основания рассматриваются в литературе как «ранние попытки привить польской общественности идеи русского народничества»[19].

Радикализация польской эмиграции усилила тенденцию к союзу с русской эмиграцией. Один из царских тайных агентов констатировал: «Этим ежедневно возрастающим влиянием духа красных в польской эмиграции... объясняется возникшая усиленная деятельность польской эмиграции в тесном сближении с русскими выходцами, начало которого относится ко времени глагольствования Александра Герцена в пользу самостоятельности польского народа...»[20].

Радикальная русская эмиграция продолжала и в эти годы выступать за независимость Польши и поддерживать идею революционного союза двух народов. «Мы обращаемся с призывом к нашим братьям в Польше... работать солидарно с нами, соединиться в группы и организовываться для деятельной пропаганды»,— писало «Народное дело»[21].

Широкие связи с польской эмиграцией имел М. А. Бакунин. В 1867 г. в Женеве при его активном участии была создана «Лига мира и свободы», в комитет которой входили Ю. Гауке-Босак, Л. Булевский, В. Мрочковский, Ст. Служевский, А. Загурский и др. Когда на Бернском съезде Лиги в октябре 1868 г. большинство не согласилось с бакунинским проектом программы (главным образом по вопросу об обобществлении средств производства), Бакунин и его русские и польские сторонники вышли из Лиги и создали «Альянс социальной демократии». Входили поляки и в «Славянскую секцию социально-демократического общества», и в другие бакунинские организации.

Достаточно прочные и широкие контакты с польской эмиграцией установил и С. Г. Нечаев, восторженно отзывавшийся о «польской революции 1863 года» и об участии в ней русских офицеров. В числе знакомых Нечаева в среде польских эмигрантов были: Ю. Токажевич (высланный позже из Швейцарии «за укрывательство Нечаева»), К. Яницкий, Ю. Заржицкий, А. Ожаровский, К. Турский и др.

[16] «Объединение польской эмиграции (1866—1870). Левица в эмиграции». Вроцлав, 1972.
[17] «Niepodległość», 23.X 1869, N 127.
[18] ИППМ, т. III, стр. 1015—1022.
[19] *F. Perl* (Res.). Dzieje ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim do powstania PPS. W., 1958, str. 31.
[20] ЦГАОР СССР, ф. 110, оп. 24, д. 346, л. 104.
[21] «Народное дело», 1870, № 1.

В 1866—1871 гг. польская эмиграция по своей численности и революционной активности представляла значительную политическую силу в Западной Европе. Она оказывала идейное и организационное влияние на политических эмигрантов многих стран. Царский агент в Париже доносил в апреле 1867 г., что революционный опыт польской эмиграции используется различными интернациональными организациями и в особенности русскими эмигрантами, с которыми поляки имеют самые тесные связи [22].

Укреплению интернационалистских традиций польской эмиграции содействовало участие лучших ее представителей в деятельности I Интернационала, возникновение которого было связано, как известно, с польским вопросом. В 1865 г. была создана польская секция Интернационала. Польский вопрос ставился несколько раз на его конференциях и конгрессах. Поляки, члены Интернационала, пытались вести революционную работу в Королевстве Польском и западных губерниях [23].

Интернационализм польских революционных демократов с полной силой проявился в период Парижской Коммуны. После 18 марта 1871 г. большинство польских революционеров, находившихся в Париже, встали на сторону пролетарской революции. Поляки-коммунары с исключительной отвагой боролись за дело Коммуны в рядах Национальной гвардии и в специально сформированном батальоне польских стрелков. Многие из них отличились в боях за Коммуну. Десятки пали в сражениях, были расстреляны или брошены в тюрьмы версальцами. Из среды польской революционной демократии выдвинулись выдающиеся военачальники Коммуны — Я. Домбровский, В. Врублевский, А. Околович, В. Ставиньский и ряд других польских офицеров. «Коммуна почтила героических сынов Польши, поставив их во главе защитников Парижа» [24],— писал К. Маркс.

В России Парижская Коммуна вызвала «энергическое сплочение социально-революционных элементов», деятельность кружка «чайковцев», создание в 1873 г. за границей двух революционных издательств, массовое движение революционеров — «хождение в народ» [25]. В Польше, как справедливо считал русский революционер П. Л. Лавров, события Парижской Коммуны в конечном счете способствовали появлению первых польских социалистов, которые разрешили невозможное прежде дело пропаганды социализма на польской почве. «Им пришлось бороться против традиций, против настоящего строя, чтобы эту задачу осуществить. Рядом с патриотами Польши теперь борются «за нашу и за вашу свободу» польские социалисты... На этой-то почве социализма возникла та «хлопская Польша», за которую стоят наши товарищи, та Польша, которая составляет лишь своеобразный оттенок в общей картине человеческого социального братства. На этой почве она подала нам руку и мы вместе идем в борьбу за будущее. Социализм стал также интернациональным, мы забыли, кто из нас поляк и кто русский, кто украинец и кто еврей. Рядом шли проповедовать социалистическое евангелие и ненависть к самодержавию представители всех наций» [26].

[22] ЦГАОР СССР, ф. 547, оп. 1, д. 294, лл. 107—108.
[23] *С. М. Фалькович.* I Интернационал и Польша. «Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в.». М., 1971.
[24] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 17, стр. 350. Согласно донесениям царских дипломатов из Парижа, среди участников Коммуны было 500—600 польских эмигрантов (см.: «Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 года». М.— Л., 1933, стр. 208; *K. Wyczańska.* Polacy w Komunie Paryskiej 1871 r. Wyd. 2-e. W., 1971).
[25] ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 153, л. 24.
[26] Там же, оп. 1, д. 3, л. 9, *П. Л. Лавров* — Воспоминания.

После подавления Парижской Коммуны значительная часть польских эмигрантов сосредоточилась в Лондоне. Под влиянием уроков Коммуны ее польские участники сделали еще один шаг на пути более ясного понимания связи социального вопроса с национальным. Немалое значение имело и появление к этому времени «рабочего вопроса» в самих польских землях.

При кооптации в Генеральный Совет ряда эмигрантов Парижской Коммуны в его состав был введен и Врублевский, назначенный секретарем-корреспондентом для Польши [27]. В конце 1871 г. в Лондоне была создана новая польская секция Интернационала, во главе которой стал Врублевский. В ее состав входили Ю. Розвадовский, Э. Прушиньский, Э. Ширма, К. Вежбицкий и др. Устав польской секции в январе 1872 г., с учетом нескольких поправок К. Маркса, был единогласно утвержден Генеральным Советом [28]. Врублевский и Розвадовский (последний был 9 апреля 1872 г. кооптирован в Генеральный Совет) активно поддерживали Маркса и Энгельса в борьбе против бакунистов [29]. 2 февраля 1873 г. Генеральный Совет назначил Врублевского своим уполномоченным для Польши, поручив ему приложить все усилия для создания организаций I Интернационала в польских землях.

После Парижской Коммуны передовая часть польской эмиграции образовала две революционно-демократические организации — «Польское социально-демократическое общество» в Цюрихе и «Союз польского народа» (называемый в литературе чаще всего «Люд польский») в Лондоне. С членами этих организаций (в разной степени) были связаны П. Л. Лавров и его последователи в эмиграции — В. Н. Смирнов, Д. И. Рихтер и др. Программа «Польского социально-демократического общества» (наиболее видные его деятели — Ю. Токажевич, коммунары Гронау и Турский, Э. Шимановский) — первый программный документ в истории польского освободительного движения, где ставится вопрос о борьбе труда и капитала внутри польского общества. Цель его — завоевание независимой польской республики,— по мнению составителей программы, «может быть достигнута целиком единственно только, если зажечь на нашей почве социальную революцию, начавшуюся благодаря сговору простого люда» [30].

После приезда в Швейцарию С. Г. Нечаев сблизился с «Польским социально-демократическим обществом» [31]. С Нечаевым связано событие, приведшее к развалу общества: он был выдан швейцарской полиции одним из деятелей общества — провокатором А. Стемпковским и передан царским властям в качестве уголовного преступника. Попытка возглавлявшейся Турским группы польских, русских и югославянских революционеров отбить Нечаева у швейцарских властей и убить Стемпковского успехом не увенчалась [32]. Находившийся в Цюрихе Лавров предлагал агитировать цюрихских студентов к протесту против выдачи Нечаева «во имя независимости Швейцарии» [33]. Против выдачи Нечаева

[27] «Генеральный Совет Первого Интернационала 1870—1871. Протоколы». М., 1965, стр. 221.

[28] «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1871—1872. Протоколы». М., 1965, стр. 36, 41, 46.

[29] «Pierwsza Międzynarodówka a sprawa polska». W., 1964, str. 456.

[30] *J. W. Borejsza.* W kręgu wielkich wygnańców. W., 1963, str. 412.

[31] *K. Pietkiewicz.* Polacy w rosyjskim ruchu wyzwoleńczym. «Niepodległość», 1933, t. 1, str. 106.

[32] *Е. К. Жигунов.* К истории русско-сербских революционных связей 70—80-х гг. XIX века (П. Л. Лавров и сербские революционеры). «Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов». Минск, 1969, стр. 332.

[33] ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 112, л. 2.

русскому правительству, как сообщал Лаврову Л. Гинсбург, деятельно агитировали среди населения Цюриха «эмигранты и некоторые швейцарские рабочие»[34]. Несмотря на неудачу, участие славянских революционеров в судьбе Нечаева, как отмечает польский историк М. Ваврыкова в статье «Поляки и дело Нечаева», показало сознательность и интернационализм эмигрантской «левицы», и способствовало отходу Турского и его товарищей от бакунизма[35]. Дело Нечаева и в последующие годы обсуждалось в среде польской эмиграции. В марте 1874 г. Шимановский обратился к одному из членов суда над Стемпковским — Рихтеру — с просьбой передать ему на время протокол суда для ознакомления некоторых польских эмигрантов с провокационной деятельностью Стемпковского[36]. После развала «Польского социально-демократического общества» Турский организовал в Цюрихе, по-видимому, в конце 1872 г., русско-польский «якобинский» кружок, основу которого составили лица, сплотившиеся вокруг Нечаева во время его пребывания в эмиграции[37]. Кружок выработал программу, которая впоследствии стала программой группы «Набат»[38].

В исследуемый период проявились особенно зримо и имели наиболее существенное значение связи с польским революционным движением видного русского ученого и революционера, «ветерана революционной *теории*»[39] Петра Лавровича Лаврова[40].

Будучи личным другом К. Маркса и Ф. Энгельса, Лавров являлся, в определенной степени, связным между ними и революционной Россией тех лет, выступал фактически одним из лидеров той части русской эмиграции, благодаря которой «революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире»[41].

На начальном этапе (в 1870—1876 гг.) Лавров способствовал своей деятельностью поддержанию славных традиций русско-польского боевого союза в борьбе с самодержавием, завещанных русскому революционному движению декабристами и А. И. Герценом, русскими офицерами — участниками восстания 1863—1864 гг. Восприняв традиции братства и взаимной помощи, Лавров стремился возродить союз русского и польского народов на основе борьбы за социальное, политическое и национальное освобождение трудящихся масс.

Во второй половине 70-х годов, в период «смены поколений» в польском освободительном движении, его перехода от революционно-демо-

[34] Там же, л. 1.
[35] «Przegląd Historyczny», 1964, N 4, str. 660.
[36] ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 244, л. 15.
[37] *Б. Николаевский.* Памяти последнего «якобинца»-семидесятника. «Каторга и ссылка», 1926, № 2(23), стр. 220.
[38] Там же, стр. 218.
[39] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 462.
[40] О связях Лаврова с польским революционным движением см.: *Г. В. Киселев.* Важный документ по истории польской революционной мысли второй половины XIX в. «Славянский архив». М., 1962; *Е. К. Жигунов, Е. Б. Рашковский.* Из истории русско-польских революционных связей 1878—1880 гг. (П. Л. Лавров и польские социалисты). «Общественное движение в пореформенной России». М., 1965; *В. В. Альтман.* П. Л. Лавров и парижские коммунары. Из архива П. Л. Лаврова. «Европа в новое и новейшее время». М., 1966; *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 43, 94, 98, 100, 115—117, 125—127, 129—130 и др.; *Е. К. Жигунов.* П. Л. Лавров и его связи с польским революционным движением 70—90-х годов XIX в. «Исследования по истории польского общественного движения...».
[41] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 8.

кратического этапа к социалистическому, вместе с Врублевским и его соратниками Лавров фактически выступал в качестве лица, передавшего новому поколению борцов с самодержавием заветы их предшественников. В последующие годы Лавров смог ориентировать первых польских социалистов (в условиях значительного воздействия на революционное движение России народовольческих идей) на изучение теории научного социализма, на необходимость революционной пропаганды и агитации в среде рабочих с целью создания партии рабочего класса, вооруженной теорией научного социализма. Тот же Лавров в значительной степени содействовал и идейному освоению первыми польскими социалистами отдельных положений марксизма.

После бегства из вологодской ссылки и прибытия в Париж в феврале 1870 г. Лавров уже в марте, как он сам об этом писал в 1889 г. в «Воспоминаниях», встречался с Я. Домбровским и польскими революционными демократами, пытался объяснить им существующую взаимосвязь между отношением польского народа к социальному вопросу и необходимостью пропаганды в Польше идей социализма, а также взаимосвязь социального и национального вопросов в будущей революции [42]. По-видимому, в период Парижской Коммуны завязались дружественные отношения Лаврова с Врублевским. Письмо Лаврову польского эмигранта М. Лепковского от 4 августа 1871 г.[43] позволяет предполагать, что именно последний, предоставив Лаврову паспорт, способствовал тем самым благополучному выезду из захваченного версальцами Парижа заочно приговоренного к смерти Врублевского.

Деятельность Лаврова-революционера тесным образом переплеталась с его научными изысканиями в области русской истории, а также истории культуры братского польского народа [44]. В публичных лекциях «Роль славян в истории мысли» [45], прочитанных в декабре 1872 г. в Цюрихе эмигрантам славянских национальностей, Лавров проследил истоки различных направлений польского патриотизма, обусловленных социальной структурой польского общества. «Дело идет о поляках и русских,— говорил Лавров в 1872 г.,— о том, как в них отразились стремления политически-промышленного периода Европы, с его индивидуализмом, как основным принципом, с его безусловной критикой мысли, с его противоположением политических групп в борьбе за господство, с его отделением управляющих классов от управляемых» [46].

В отличие от России, где процесс оформления государства и его основных классов прошел «крайне наглядно», в Польше «это произошло несравненно ранее и не по распоряжению правительства, а вследствие самого хода развития политической жизни, когда шляхта захватила все политические права, сделалась единственным и вполне полноправным легальным народом польским, так что голос одного шляхтича мог сорвать целый сеймик, голос одного посла мог обратить в ничто решение всех представителей Речи Посполитой, тогда как все, что не было шляхтой, было бесправно и не могло иметь никакого участия в политической жизни. Именно здесь воплощался тайный политический идеал всей Европы: полнейшее политическое равенство всех личностей одного класса, господствующих над бесправной массой...» [47].

[42] ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 1, д. 3, л. 9.
[43] *Е. К. Жигунов.* П. Л. Лавров и его связи..., стр. 339.
[44] Там же, стр. 332.
[45] ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 240.
[46] Там же, л. 75 об.
[47] Там же, лл. 76 об.— 77.

Взаимоотношения Лаврова с польскими революционными демократами значительно расширяются и укрепляются с 1873 г.— со времени организации в Цюрихе возглавлявшейся им редакции русского эмигрантского издания «Вперед!» (с 1874 г. до конца ее деятельности в 1877 г. редакция находилась в Лондоне). В 1873—1876 гг. Лавров и его последователи в эмиграции (В. Н. Смирнов, Д. И. Рихтер, С. А. Подолинский, А. С. Бутурлин, С. Л. Чудновский, Л. Б. Гольденберг, Н. Г. Кулябко-Корецкий, А. Ф. Таксис и др.) имели достаточно прочные дружественные отношения с «Польским социально-демократическим обществом», с возглавлявшимся Врублевским обществом «Люд польский», с парижским польско-чешско-сербско-русским кружком «Cercle slave»[48]. Наиболее зримо прослеживаются в эти годы связи Лаврова с лидером левого крыла польской революционной демократии В. Врублевским. Совместная деятельность редакции «Вперед!» и «Люда польского», Лаврова и Врублевского, проявилась в организации международных интернациональных митингов в Лондоне в 1875—1876 гг. в годовщины польских восстаний 1830—1831 и 1863—1864 гг., в создании Международной лиги социальных революционеров в 1876 г., в подготовке основания единой русско-польской эмигрантской типографии (в 1876 г.), в организации путей перевозки в Российскую империю и распространении там нелегальной революционной литературы[49]. Своей практической совместной деятельностью Лавров и Врублевский способствовали проникновению в Польшу и Россию идей I Интернационала, ознакомлению польских и русских трудящихся с опытом борьбы передовых отрядов рабочего и социалистического движения западноевропейских стран, с работами основоположников научного социализма, что впоследствии оказало значительное воздействие на освоение русскими и польскими революционерами теории научного социализма, способствовало их сближению в борьбе против самодержавия за социальное и национальное освобождение польского и русского народов.

Сближению Лаврова и «впередовцев» с Врублевским и левым крылом польской революционно-демократической эмиграции в значительной степени способствовали выступления Лаврова по польскому вопросу. Заявляя в программе журнала «Вперед!» (№ 1 вышел в августе 1873 г.), что «вопрос национальный, по нашему мнению, должен совершенно исчезнуть перед важными задачами социальной борьбы»[50],— Лавров, безусловно, не отрицал необходимости решения этой проблемы, злободневной для народов более чем половины Европы. Социальная революция, решавшая главный вопрос, тем самым решала, по его мнению, и соподчиненные ему — политический и национальный. В письмах того периода к Г. Юнгу Лавров так определял позицию по этим вопросам русского революционного печатного органа: «Он отрицает ценность всякого политического или национального вопроса, который не был бы связан с социальной революцией»[51]. Задачи социального движения в каждой отдельной стране Лавров трактовал, исходя из национальных особенностей — местности, культуры, языка; национальные условия социального движения определяли собой, как он считал, необходимость сплочения рабочих раз-

[48] *Е. К. Жигунов.* П. Л. Лавров и его связи..., стр. 335; *он же.* К истории русско-сербских связей..., стр. 330.
[49] *Е. К. Жигунов.* П. Л. Лавров и его связи..., стр. 335.
[50] *П. Л. Лавров.* Избранные сочинения на социально-политические темы в 8 томах, т. II. М., 1934, стр. 30.
[51] «Летописи марксизма», II(XII). М., 1930, стр. 177.

личных наций в общей борьбе и «стремлении к общечеловеческим целям» (т. е. в борьбе науки против религии, труда — против капитала) [52].

Советские историки, исследовавшие вопрос о работе Лаврова над программой журнала «Вперед!», отмечают, что во все три варианта программы Лавров вносил значительные поправки при изложении национального вопроса [53]. Общие же принципы решения национальной проблемы он разработал в последнем варианте программы непосредственно по отношению к славянским странам [54]. В том же № 1 журнала «Вперед!» Лавров, в статье «Счеты русского народа», заклеймил позором антинародную политику династии Романовых, участвовавших в разделе Польского государства и заливших кровью польские национально-освободительные восстания [55]. Принципиальная оценка Лавровым, революционером-интернационалистом, отношения польских революционных демократов к социальному, политическому и национальному вопросам проявилась в эти годы в еще одном важном документе: его выступлении по поводу прокламации польских эмигрантов (составлена Врублевским и Я. Крыньским) к английскому народу [56] в связи с предстоящим приездом Александра II в Лондон в мае 1874 г. Не касаясь той части документа, где содержалась острая и справедливая критика захватнического и колониального характера внешней политики царизма, панславизма, Лавров остановился на его отдельных ошибочных положениях. Данная Лавровым в этом выступлении (опубликовано в № 3 журнала «Вперед!») [57] оценка деятельности польских революционных демократов, создавших прочную традицию союза освободительного движения своей страны с пролетарским движением на Западе, во многом сходна с оценкой Маркса и Энгельса [58].

Безусловно, Лавров был прав, опровергая распространенные среди шляхетской интеллигенции середины XIX в. утопические иллюзии и убежденность, что правительства Европы помогут «польскому делу». Он был прав также и когда утверждал, что национальная трагедия польского народа свершилась не только при участии держав-завоевательниц, но и в результате внутренних процессов, происходивших в польском обществе (из числа русских революционеров, вслед за Лавровым, спустя 12 лет — в 1886 г. — на это обращал внимание польских социалистов С. М. Степняк-Кравчинский [59]). Поэтому Лавров настоятельно призывал польскую революционно-демократическую эмиграцию готовить не новое национально-освободительное восстание, которое, даже принеся освобождение Польше, не могло устранить глубоких внутринациональных и классовых противоречий, а социальную революцию.

Установившееся с 1873 г. практическое сотрудничество Лаврова с Врублевским со временем способствовало постепенному оформлению союза русских и польских революционных эмигрантов, основанному на взаимной помощи и доверии. В декабре 1875 г. Смирнов отмечал в письме к Р. Х. Идельсон: «Из всего поведения Врублевского мы с П[етром]

[52] *П. Л. Лавров.* Избранные сочинения, т. II, стр. 24—25, 30.
[53] *Г. М. Лифшиц.* О трех вариантах программы журнала «Вперед!». «Общественное движение в пореформенной России», стр. 258.
[54] *П. Л. Лавров.* Избранные сочинения, т. II, стр. 40.
[55] Там же, стр. 51.
[56] Полный текст на английском языке см.: *J. W. Borejsza.* W kręgu..., str. 430.
[57] *П. Л. Лавров.* Избранные сочинения, т. III. М., 1934, стр. 375.
[58] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 19, стр. 248.
[59] *S. Stepniak.* The Russian storm-cloud: or Russia in her relations to neighbouring countries. L., 1886, p. 163.

Л[авровичем] приходим к заключению, что он сильно рассчитывает на союз с нашей партией и ищет в ней поддержки»[60]. На всю жизнь остались памятны Лаврову как образец интернациональной солидарности революционеров события, относящиеся к международному митингу 4 декабря 1875 г. в Лондоне, созванному в 45-летие польского восстания 1830—1831 гг.[61]

Впоследствии в статьях и выступлениях перед представителями революционной эмиграции различных стран Лавров неоднократно[62] напоминал о митингах середины 70-х годов в Лондоне, указывая новым поколениям борцов за социализм: «Вот поляки и русские, чехи и сербы братаются в Лондоне под красным знаменем и на всех славянских языках провозглашают единство Интернационала»[63]. Огромное значение участия в митингах Маркса и Энгельса, представителей рабочего и социалистического движения Польши, России, Сербии, Чехии, Словакии, Германии, Франции подчеркивала 30 января 1875 г. в отчете о прошедшем 22 января митинге эмигрантская газета «Wici»[64]. На митинге 4 декабря 1875 г. Врублевский заявил, что истинным знаменем Польши является социально-демократическое знамя, под которым должны сплотиться все прогрессивные силы польского народа в борьбе за независимость и социальный прогресс родины. Возможность успешного достижения этой цели Врублевский видел единственно в установлении тесного союза польского народа с трудящимися Германии, Австрии, Франции и особенно России. «Мы должны готовиться к восстанию,— говорил Врублевский,— вместе с русскими социалистами, для этого поляки должны помогать русским в России, как и русские полякам в Польше»[65].

Об идейной близости Врублевского с Лавровым свидетельствует написанное в июне 1876 г. Лавровым, по-видимому, по просьбе Врублевского, воззвание «Рабочим-социалистам Соединенных Штатов Америки», принятое обществом «Люд польский», редакцией «Вперед!» и чешским «Социал-демократическим союзом» на митинге 24 июня, посвященном 100-летию независимости США[66]. В те же дни Смирнов подчеркивал в письме к Идельсон, что Лавров «хочет сохранить возможно лучшие отношения с Врублевским и всеми «социалистами-поляками». Врублевский всей душой относится к нам»[67].

В литературе известна данная К. Марксом оценка передовой статьи Лаврова «Русские перед южнославянским вопросом», появившейся в № 42 газеты «Вперед!». В письме к Лаврову от 7 октября 1876 г. Маркс писал: «Поздравляю Вас с Вашей передовой статьей в последнем номере «Вперед!» о панславистском лиризме в России. Это не только шедевр, но прежде всего акт большого морального мужества»[68]. Примечательно, что мнение Маркса в полной мере разделял Врублевский. Как свидетельствует член редакции «Вперед!» Кулябко-Корецкий в письме к Смирнову

[60] ЦГАОР СССР, ф. 1737, д. 95, л. 57.
[61] Материалы митинга см.: «Вперед!», № 24, 31 (19) декабря 1875 г.
[62] Об этом Лавров писал и в 1891 г. польским эмигрантам — устроителям митинга в честь 100-летия конституции 3 мая 1791 г. (ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 67, л. 2 и 2 об.), и митингу памяти казненных пролетариатцев, состоявшемуся в 1896 г. в Цюрихе (там же, оп. 2, д. 358, лл. 26—27).
[63] Там же, оп. 1, д. 9, л. 23. Рукопись Лаврова «Четверть века» (1895 г.).
[64] ИППМ, т. III, стр. 1036—1043.
[65] «Вперед!», 31 (19) декабря 1875 г., № 24, стр. 758.
[66] *Е. К. Жигунов.* П. Л. Лавров и его связи..., стр. 341.
[67] ЦГАОР СССР, ф. 1737, д. 97, л. 124.
[68] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 34, стр. 162.

от 16 октября 1876 г., Маркс и Врублевский высказали Лаврову свои комплименты «за его последнюю статью по восточному вопросу (передовая № 42) — очень ее оба хвалили»[69].

Врублевский был связан и с группой «Набата», теоретиком которой выступал П. Н. Ткачев, возглавлявший «якобинское» (бланкистское) направление народнического движения. В работе «Революция и принцип национальности» (1877) Ткачев утверждал, что «принцип национальности несовместим с принципом социальной революции и должен быть принесен в жертву последнему»[70]. Он доказывал, что экономический, социальный и культурный прогресс способствует «изжитию национальных особенностей», рекомендовал социалистам использовать в практической деятельности национальные чувства народов, не раздувая их искусственными мерами для дела революции, «прилагать все усилия к устранению перегородок, разделяющих народы»[71]. Признав значение польской национально-освободительной борьбы для усиления революционного движения в России, «якобинцы» внесли в программу «Набата» тезис о необходимости «союза с польской революционной партией». В ответ на обращение редакции «Набата» к организации «Люд польский» с предложением заключить соглашение о совместных действиях Врублевский писал: «С полным убеждением можно сказать, что тот русский и тот поляк, которые отрицают необходимость и важность подобного союза, не желают свободы своего народа»[72].

В конце 70-х годов революционная активность польской повстанческой эмиграции сошла почти на нет. Непреходящей исторической заслугой ее (в лице Врублевского и его соратников), а также Лаврова является их участие в распространении идей I Интернационала и Парижской Коммуны в польских землях, что оказало значительное воздействие на развитие польского рабочего движения, на идеологическое становление первых польских социалистов. В своей ежедневной практической деятельности они стремились осуществить задачу (и внесли при этом значительную лепту в ее решение), поставленную I Интернационалом,— подготовить предпосылки создания пролетарских партий в странах Европы и, в частности, в Польше[73]. Врублевский наметил общую программу действий польского революционного движения[74], исполнение которой взяли на себя польские социалисты. От Врублевского и Лаврова новое поколение польских революционеров, идейно близких марксизму, восприняло и традицию революционной дружбы с передовыми людьми России. Одним из первых, с кем польские социалисты установили в эмиграции дружественные отношения, был Лавров.

Уже в 1875 г. польские, русские и украинские революционеры наладили совместную транспортировку нелегальной литературы из Лондона и Женевы во Львов и Краков, и далее — в Петербург, Киев, Одессу, Москву[75]. Во второй половине 1875 г. редакция «Вперед!» предприняла попытку организовать распространение революционной литературы непосредственно в Королевстве Польском, где «социалисты считались еди-

[69] ЦГАОР СССР, ф. 1737, д. 44, л. 25.
[70] *П. Н. Ткачев.* Избранные сочинения на социально-политические темы в четырех томах. М., 1933, т. III, стр. 422.
[71] Там же, стр. 418.
[72] «Набат», 1876, № 11-12, стр. 15.
[73] *С. М. Фалькович.* I Интернационал и Польша, стр. 330.
[74] См. выступление Врублевского на лондонском митинге 23 января 1876 г.: «Вперед!», 3(15) февраля 1876 г., № 23, стр. 91.
[75] ЦГАЛИ СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 124, лл. 40—40 об., 43.

нцами и не было, казалось, никакой надежды, чтобы в этой стране католического клерикализма и традиционного патриотизма социализм мог приобрести силу»[76].

Осуществить свое намерение «вперед овцы» предполагали через одного из организаторов социалистического движения в Королевстве, Г. Трущковского, предложившего свои услуги в деле перевода русской революционной литературы на польский язык и ее распространения среди польского населения. «Вперед овцы» поддерживали в 1875—1876 гг. тесные дружественные отношения также с польским социалистическим обществом рабочих в Вене «Siła», с Обществом польских студентов в Вене, Обществом польских студентов во Львове, с украинскими и польскими революционерами в Галиции (И. Франко, М. Павликом, Б. Лимановским, Э. Бжезиньским, С. Ястшембским, Э. Кобыляньским и др.)[77].

Подавляющее большинство из перечисленных революционных организаций и лиц получало от редакции «Вперед!» бесплатно издания вольной русской печати для занятий по самообразованию, для распространения в студенческой и рабочей среде. Члены Общества польских студентов во Львове, например, в знак благодарности за это прислали «вперед овцам» в феврале 1876 г. отчет Общества. Не менее дружественные отношения существовали у редакции «Вперед!» и с польскими социалистами в Вене, которым Лавров писал: «Мы получили Ваше теплое письмо, братья, и благодарим искренне за привет. Да, Вы правы, национальная идея может вызвать такое же ослепление и создать такое же духовное рабство, как и клерикальная идея. Лишь социальная революция уничтожит все границы между национальностями, похоронит все предания о борьбе и соперничестве между ними и соединит все человечество в братском стремлении ко всеобщему развитию и всеобщему благу»[78].

По свидетельству Я. Гласко, каждый польский кружок в России в достаточном количестве имел и распространял издания вольной русской печати. Особенно Гласко выделял кружки в Киеве и Киевской губернии, в Новгороде, Варшаве и Минске[79].

2. Участие поляков в русском революционном движении

В конце 60-х годов XIX в. в России существовало много польских тайных кружков различных направлений. Большинство их возникло после высылки во внутренние губернии России из Королевства Польского, Северо-Западного и Юго-Западного краев многих тысяч участников восстания[80]. Кружки вели переписку со ссыльными, пересылали корреспонденцию в Королевство и за границу, собирали сведения о действиях царских властей для эмигрантских и вообще заграничных газет, связывались с русскими кружками, некоторые занимались пропаган-

[76] *П. Л. Лавров.* Две речи. Женева, 1887, стр. 26.
[77] *Е. К. Жигунов.* П. Л. Лавров и его связи..., стр. 342.
[78] ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 115, л. 24, автограф П. Л. Лаврова. Письмо опубликовано в газете «Вперед!» как общередакционный материал (№ 12, 1 июля 1875 г.).
[79] *Е. К. Жигунов.* П. Л. Лавров и его связи..., стр. 344. Об отношениях Гласко с членами редакции «Вперед!» см. также: «Вперед!» 1873—1877. Материалы из архива В. Н. Смирнова. Отобрал, снабдил примечаниями и очерком истории «Вперед!» Б. Сапир, т. I. Dordrecht, 1970, стр. 90—92.
[80] Вместе с тем были и старые кружки (например, кружок Э. Циолковского в Рязани), сохранившиеся с 1861—1863 гг.

дой[81]. Находившиеся в России поляки были осведомлены о настроениях передовой русской общественности, относились с сочувствием к русскому революционному движению. Далеко не случайно Моравский, арестованный в 1867 г. в Петербурге, сообщал в письмах польским эмигрантам за границу, что большинство русских людей не являются сторонниками царя[82].

Следственным органам не удалось установить связей организации С. Г. Нечаева «Народная расправа» с польскими кружками. Однако существование их представляется вероятным: значительное количество поляков в той или иной степени было причастно к «нечаевскому делу». В их числе было несколько человек, входивших в кружок П. Маевского и привлекавшихся ранее к следствию по делу ишутинцев (А. Лянгауз, Б. Трусов, О. Мильчевский и др.). Обыскам и арестам подверглись поляки: Ц. Линсберг, у которого жандармы обнаружили письма польских эмигрантов, П. Станкевич — начальник телеграфной станции в Туле, передававший Нечаеву секретные распоряжения правительства, М. Собещаньский, В. Невядомский, К., Ю. и Е. Гудзиловичи, А. Колачевская, Л. Сулима-Самойло, В. Скирский, В. Ланге, Э. Лау, Ю. Прудановский и др.[83] В список причастных к нечаевскому делу попали также поляки Н. Циклиньский, В. Лясковский, А. Квятковский, Л. Миллер, В. Курганович и др. По-видимому, связи «нечаевцев» с поляками были не менее широкими, чем ранее у ишутинцев. Когда же Нечаев бежал за границу и установил сношения с польскими эмигрантами, связи эти еще более расширились.

Народники-семидесятники, будучи преемниками и продолжателями идей русских революционных демократов 60-х годов, унаследовали от них и стремление к русско-польскому революционному союзу. Еще в начале «хождения в народ» русские революционеры пытались привлечь поляков к совместной борьбе с самодержавием. В 1874 г. С. Ф. Ковалик предложил поляку К. Богуцкому, участвовавшему в народническом движении, написать воззвание к полякам, призывающее их присоединиться к борьбе русских революционеров[84].

Участники польского освободительного движения понимали, что борьба русской революционной молодежи с царизмом содействует свержению национального гнета. «Воображение нашей молодежи,— писал В. Студницкий,— пленяло то, что в России молодые люди шли в народ, что они вели борьбу с правительством путем террористических покушений. Даже старшее поколение в Польше, которое хотело, чтобы наша молодежь воздерживалась от всяких революционных действий в домашних условиях, не скупилось на слова одобрения проявлениями русской революции. В русских революционерах видели «ангелов-мстителей», которые отваливали жернова, тяготевшие над нами»[85]. Многие поляки, особенно разночинная молодежь, сочувствовали народникам не только потому, что их движение укрепляло надежды на освобождение Польши, но и под влиянием стремлений к социальной справедливости, а в некоторых случаях — в результате воздействия социалистических учений, увлеченности идеей социального освобождения трудящихся масс.

[81] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 69.
[82] ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1867 г., д. 94, л. 1.
[83] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 75; *В. Я. Гросул.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. Кишинев, 1973, стр. 383 и сл.
[84] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 257, л. 109.
[85] *W. Studnicki.* Sprawa polska. Poznań, 1910, str. 507.

Польская молодежь, обучавшаяся в русских учебных заведениях, состоявшая на государственной, земской и частной службе в России, отбывавшая воинскую повинность в русской армии и т. д., входила в непосредственные контакты с русской революционной молодежью, внимательно прислушивалась к лозунгам и теориям народников и, сближаясь с русскими революционными кружками, начала во все возрастающих масштабах принимать участие в революционном народническом движении. Большое влияние оказывали на нее произведения Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, Д. И. Писарева и других революционных демократов, а также народнические пропагандистские издания[86]. Число поляков, в той или иной степени причастных к народническому движению, можно определить как превышающее тысячу[87].

В числе участников кружков «самообразования и практической деятельности», составивших в 1869—1871 гг. организацию «чайковцев», оказались и студенты-поляки — Ю. Вноровский, Я. Потоцкий, А. Лукашевич, Б. Ваховская (Бонч-Осмоловская), Е. Судзиловская (члены кружка Ф. Н. Лермонтова), Х. Вернер (член кружка Н. П. Гончарова), А. Вежбицкий, К. Богуцкий и др. Московские «чайковцы», как свидетельствует С. Ф. Ковалик, даже ставили перед собой задачу «привлечь в революционную среду студентов-поляков», но не получили доступа в польский студенческий огул. Вспоминая о деятельности группы революционной молодежи в Петровской академии, Ковалик писал позже: «В этой же группе я знал также и одного поляка — Богуцкого. В петербургских кружках я не встречал поляков, которые жили своей обособленной жизнью, поэтому, познакомившись с Богуцким, мне пришла в голову мысль о возможности образования польского народнического кружка. С этой целью я познакомил Богуцкого с одним из старых студентов по фамилии, кажется, Соболевский, но, встретившись, они, хотя и обрадовались, увидав своего соотечественника в чуждой стране, но дальше разговоров у них дело не пошло»[88]. В московских революционных кружках участвовали также поляки В. Вольский, Л. Здановский, В. Станкевич, В. Шимкевич и др.[89]

В кружке «долгушинцев» руководящую роль играл Л. Дмоховский. По делу о кружке А. В. Долгушина привлекались также И. Кшеминьский, родственник Дмоховского В. Тихоцкий, А. Добкевич, Д. Заборский и др.[90]

Поляки участвовали в работе киевских революционных кружков 1870—1874 гг., в том числе самого крупного из них — так называемой «Киевской коммуны», насчитывавшей около 30 человек. Установлено участие поляков в деятельности народнических кружков в Харькове (А. Синькевич, Ф. Юркевич, А. Гродзецкий и др.), Пензе (Э. и А. Каменьские и др.), Пскове (М. Выжиковский, В. Ловчиновский и др.), Житомире (Я. Лойко и др.). Несмотря на недостаточное знание русского языка и народных обычаев, в народническом «хождении в народ»

[86] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 135.

[87] *Е. Б. Рашковский.* Польские революционные демократы и первые польские социалисты (к вопросу о диалектике революционного процесса 60—80-х годов XIX в.). «Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в.». М., 1968, стр. 313.

[88] ГИМ ОПИ, ф. 282, оп. 1, д. 333, л. 9.

[89] *Старик* [*С. Ф. Ковалик*]. Движение семидесятых годов по большому процессу (193-х). «Былое», 1906, № 11, стр. 31; *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 135.

[90] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 144; *А. А. Кункль.* Долгушинцы. М., 1932; *K. Pietkiewicz.* Указ. соч., стр. 159.

приняли участие А. Лукашевич[91], Е. и М. Судзиловские, Б. Ваховская, Э. Каменьский, Ю. Щепаньский (в Таврической губ.), М. Потоцкая и М. Гейштор (в Ярославской губ.), Э. Пекарский (в Черниговской и Харьковской губ.).

За пропаганду среди рабочих и распространение нелегальной литературы подвергались репрессиям С. Ясиньский, Э. Каменьский, В. Шимкевич, Б. Ежикович, К. Пласковицкий, Я. Марковский, С. Маркевич, О. Вноровская, Е. и М. Завадские, Ю. Польгейм и др.[92] В типографии И. Н. Мышкина, печатавшей нелегальные брошюры, работали поляки Э. Супиньская, Ю. и Е. Прушакевич. В 1877—1878 гг. по «процессу 193-х» в числе преданных суду Особого присутствия Сената оказалось более 20 поляков[93]. В числе обвинявшихся в 1877 г. по «процессу 50-ти» (над участниками «Всероссийской социально-революционной организации») были поляки: А. Лукашевич, М. Млодзецкий, Е. Зданович[94]. Установить имена всех поляков, принимавших участие в деятельности народнической организации 70-х годов XIX в. «Земля и Воля», не представляется возможным. Однако можно назвать ряд видных членов ее центральных кружков — И. Гриневицкого, А. Падлевского, К. Богушевича и др., можно отметить активную роль многих поляков в землевольческих организациях

Представители польской учащейся молодежи приняли участие в происходивших в Петербурге демонстрациях во время похорон умершего в заключении участника «хождения в народ» Н. Ф. Чернышева (30 марта 1876 г.) и демонстрации на площади Казанского собора 6 декабря 1876 г. Участник польского социалистического движения конца 70-х годов XIX в. З. Геринг вспоминал впоследствии, что особенно активно агитировал поляков за принятие участия в последней демонстрации А. Венцковский, руководящий член польского социалистического кружка в Петербурге, игравший одновременно видную роль и в русском революционном движении (под кличкой «Пан»), издававший при поддержке землевольцев подпольную газету «Начало»[95]. Тот же Геринг говорит о влиянии, которое оказало на польскую молодежь открытое революционное выступление у Казанского собора, вызвавшее отклик во всей Российской империи. Демонстрация, писал Геринг, явилась для него переломным моментом: «Из оруженосца социализма я превратился в его рыцаря. Изучение социализма по книжкам меня более уже не удовлетворяло. Я старался завязать тесные связи в высших организациях Петербурга и при помощи Венцковского, который в этих кругах чувствовал себя как дома, легко добился этой цели»[96].

Действительно, Геринг начал активно участвовать сначала в рус-

[91] *А. Лукашевич.* «В народ!». «Былое», 1907, № 3(15), стр. 15.

[92] *В. Ваховская.* Жизнь революционерки. М., 1928, стр. 5; *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 142; *W. Śliwowska.* Udział Polaków w rewolucyjnym ruchu narodnickim lat siedemdziesiątych XIX stulecia. «Z dziejów współpracy rewolucyjnej...», str. 225; *M. Wawrykowa.* Kobiety polskie w rosyjskim ruchu rewolucyjnym. Tamże, str. 251.

[93] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 738—739; «Государственные преступления в России в XIX в.», т. III. Париж, 1905; «Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в Империи. Заседание Особого присутствия правительствующего сената», т. I. СПб., 1878.

[94] ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1874 г., д. 144, ч. 127, т. I—IV; там же, ф. 112, оп. 1, д. 148—150, 155—156, 162—165; «Процесс 50-ти». М., 1906.

[95] В издании газеты участвовали: Л. и Н. Бух, А. Астафьев, В. Луцкий и И. Головин; инициатива издания и руководство газетой принадлежали Венцковскому («Воспоминания Льва Тихомирова». М.— Л., 1927, стр. 121).

[96] *Z. Heryng.* W zaraniu socjalizmu polskiego. «Niepodległość», 1931, N 3, str. 59.

ском, а с 1878 г. и в польском социалистическом движении. В петербургских революционных кружках начинал и близкий товарищ Венцковского и Геринга Э. Кобыляньский (один из наиболее известных псевдонимов — Михаил Котурницкий). В 1877 г. он был привлечен по делу тайного «Общества друзей», но сумел бежать за границу. В дальнейшем Котурницкий оказывал значительную помощь польским социалистам, был связан со многими русскими эмигрантами (в том числе с П. Л. Лавровым и членами редакции «Вперед!») [97]. Его брат К. Кобыляньский (под именем Кузьмы Александрова) участвовал в пропаганде среди петербургских рабочих, вел рабочий кружок, распространял революционную литературу, организовывал рабочие «кассы для стачек» и т. д. [98] С землевольцами был тесно связан и также входил в число членов «Общества друзей» А. Падлевский, занимавшийся пропагандой среди рабочих Петербурга. Похороны Падлевского (умер в тюрьме в феврале 1878 г.), организованные землевольцами, вылились в студенческую демонстрацию с участием многих поляков [99]. Вместе с Падлевским вел пропаганду и был арестован С. Мольский.

Известны и факты участия поляков в организации землевольческих «поселений». В Тамбовской губернии вместе с Л. Гартманом вел пропаганду среди крестьян Э. Пекарский, поступивший с этой целью на должность волостного писаря [100]. Оружейную мастерскую создали в Уральской области в 1877 г. Ю. Окушко и Н. Смецкая [101]. В деятельности «Земли и Воли» участвовали: С. Чайковская (по мужу Лаврова), будущие деятели польского социалистического движения Ю. и Я. Гласко, А. Гружевская, З. Де-Мезер, К. и Я. Длуские, Б. Мондшейн, К. Гильдт, В. Ц. Войнаровская, К. Гронковская и др. Вели пропагандистскую работу в Москве и доставляли революционную литературу ярославскому землевольческому кружку Ю. Т. Уземблo (наиболее известный псевдоним — Бесядовский) и Ю. Жейц [102]. О связях «Земли и Воли» с поляками свидетельствуют также денежные поступления в кассу общества от «кружка польских социалистов» [103].

Политическая борьба «Народной Воли» с царизмом способствовала вовлечению более значительного контингента поляков в русское революционное движение. Задачи свержения самодержавия, установления демократической республики, завоевания политических свобод были более понятны польской молодежи и рабочим, нежели народническая проповедь «чистого социализма».

Не случайно деятельность народовольцев привлекала внимание не только польских революционеров, проникшихся идеями социального переворота, но и тех, кто ограничивался задачами борьбы за национальное освобождение (известно, например, что Варшавский демократический «Клуб сынов отчизны» предлагал «Народной Воле» заключить союз на почве совместных действий против самодержавия). Число поляков, участвовавших в деятельности «Народной Воли», не уменьши-

[97] ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 259.
[98] AGAD, PWIS, 1878, N 66a, cz. II, k. 108—129; ЦГАОР СССР, Справки III отд., № К-579.
[99] «Начало», 1878, № 1; «Община», 1878, № 5; *М. Р. Попов.* Из моего революционного прошлого (1878—1879 гг.). Очерк второй.— «Былое», 1907, № 7(19), стр. 243.
[100] *Э. Пекарский.* Отрывки из воспоминаний. «Каторга и ссылка», 1924, № 4; ЦГАОР СССР, Справки III отд., № II-265.
[101] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 150—151.
[102] Там же, стр. 154.
[103] «Революционная журналистика семидесятых годов». Париж, 1905, стр. 467.

лось и с началом польского социалистического движения, когда многие из них переехали в Королевство.

Видную роль в общероссийском революционном движении сыграли поляки — И. Гриневицкий, приведший в исполнение смертный приговор Александру II [104], Л. Мирский, стрелявший в марте 1879 г. в Петербурге в шефа жандармов А. Р. Дрентельна [105], Л. Кобыляньский, участвовавший в покушении на князя Д. Н. Кропоткина в Харькове [106], А. Дембский, Т. Рехневский, Ст. Куницкий, А. Загурский, Ст. Михалевич, Т. Врублевский, К. Осташевский, К. Сосновский, Ст. Крусиньский, З. Балицкий и др. Возможно, имел связи с народовольцами и поляк М. Санковский (мещанин г. Бреста), предпринявший в ноябре 1881 г. покушение на жизнь заместителя министра внутренних дел генерала П. А. Черевина [107]. По процессу 17-ти народовольцев судились А. Лисовская и А. Борейша. По делам о террористических актах привлекались также В. Гинтовт-Дзевалтовский, Я. Серпиньский, К. Гронковская, В. Броневский, К. Казарский, Р. Бедунжевич.

Большое число поляков участвовало в народническом движении на Украине, что обусловливалось не только значительным процентом польского населения (особенно на Правобережной Украине), но и традициями революционных связей, идущими от времен декабристов и восстаний 1830—1831 и 1863—1864 гг. Видную роль в деятельности киевских кружков сыграл бывший участник восстания 1863—1864 гг. Ф. Богданович, входивший в 1878—1879 гг. в террористическую группу А. Гобста [108], в которой действовали также поляки В. Красовский, П. Жолондович, А. Лисовская, М. Подревский, А. Загурский и др. [109]

В кружок В. К. Дебогория-Мокриевича входили (в 1875—1877 гг.): Э. Студзиньский (работавший позже в харьковских и одесских кружках), П. Рохальский (участник так называемого Чигиринского заговора), К. Рохальская (позже — агент ИК «Народной Воли») [110]. В 1878 г. в Киевском кружке В. Осинского действовали: Л. Кобыляньский, Ю. Зелиньский, Б. Костецкий, В. Козловский, В. и Г. Избицкие. Сестра Избицких — Мария вместе с З. Пеховской (позже — видный член Варшавской организации) вела пропаганду, собирала деньги в пользу заключенных, содержала конспиративную квартиру. За участие в революционной деятельности в Киеве привлекались к ответственности В. и П. Янушкевичи, Л. Залеский, А. Бяловеский, А. и З. Поплавские, Г. Лисовский, Г. Славиньский, К. Мачуньский, А. Добровольский, Ю. Дзиковская и др. [111] Среди членов харьковских кружков в жандармских документах упоминаются поляки: Е. Сикорская, З. Обедзиньский, В. Стравиньский, К. Водзиньская, О. Щепановский и др. [112]

Не подлежит сомнению широкое участие поляков в кружках Волынской и Подольской губерний, связанных с киевскими кружками. Членами житомирского кружка были Я. Зубжицкий, Ю. Бильчанский, К. Багрыновский, А. Кшижановский, Г. Трушковский [113]. В 1877 г. существовал

[104] «Былое», № 1, [б. г.], стр. 8; *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 161.
[105] Литература партии «Народная Воля». М., 1930, стр. 41; *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 156.
[106] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 156, 164.
[107] Там же, стр. 162.
[108] Там же, стр. 170.
[109] *F. Bogdanowicz.* Wspomnienia więźnia. Lw., 1888.
[110] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 169.
[111] Там же, стр. 169, 172.
[112] Там же, стр. 176.
[113] Там же, стр. 174.

в Житомире и революционный кружок гимназистов, объединявший русских, украинцев и поляков. Часть членов этого кружка (Н. Волков, С. Зенкевич, Р. Красуский, М. Карчиньский и др.) через Ю. Красицкую установили связь с киевским подпольем. При обыске у С. Зенкевича была найдена брошюра В. Бракке «Долой социалистов», изданная Варшавской организацией [114]. Наиболее известный кружок в Каменце-Подольском — семинариста Н. Крыжановского, имевший подпольную типографию, в которой печаталась листовка «К обществу» [115].

Несколько революционных кружков существовало в Подольской гимназии. Один из них распространял по поводу 25-летия царствования Александра II рукописные экземпляры трех листовок, подписанных «Н. Р. К.» (Народный Революционный Комитет). В 1881 г. здесь был раскрыт кружок братьев Гладышей (состоял из учащихся мужской и женской гимназий и семинарии), занимавшийся революционной пропагандой и сбором денег в пользу репрессированных [116].

Участвовали в народнических кружках 70-х годов и многие поляки из числа обучавшихся в Новороссийском университете или служивших в различных учреждениях города. Здесь получили революционную закалку впоследствии видные деятели Варшавской организации К. Длуский и М. Гильдт [117].

На юге России вели революционную работу В. И. Иллич-Свитыч, сестры Х. и Ф. Левандовские (в революционном движении участвовала вся семья Левандовских — отец, мать и четыре дочери), учительница В. Виттен [118]. Во время печатания листовки «Голос честных людей» на конспиративной квартире одесского кружка в ночь с 30 на 31 января 1878 г. оказали вооруженное сопротивление жандармам Ковальский, Виташевский, Иллич-Свитыч, Виттен и др. [119] В числе привлеченных к суду членов одесского кружка С. Ф. Чубарова и николаевского кружка С. Я. Виттенберга находились поляки Ю. Щепаньский, А. Желтоновский, К. Окрашевский, К. Янковский и др. [120] В одесском кружке 1881—1884 гг. участвовали Верциньский, Околович, Волчанецкий и др. [121] В одесский террористический кружок входил А. Бяловеский (в революционном движении с 1876 г.), тесно связанный с Г. А. Лопатиным и В. Н. Фигнер [122].

С революционными кружками Одессы и Киева установил связи народнический кружок в Ростове-на-Дону, созданный в 1877 г. уцелевшими члена «Южнороссийского рабочего союза» Л. Брандтнером и братьями И. и Я. Ивичевичами. Кассиром кружка был уроженец Варшавы Я. Жечковский. Кружок вел пропаганду преимущественно среди рабочих Ростово-Владикавказской железной дороги [123]. В Ростове-на-Дону вели также революционную работу А. Серпиньский, А. Демчиньская (Новицкая) и др.

[114] Там же, стр. 175.
[115] Там же, стр. 175—176.
[116] ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1880 г., д. 288.
[117] *K. Dłuski.* Wspomnienia z trzech lat (1875—1878). «Niepodległość», 1930, t. I, str. 221—223; AGAD, PWIS, 1879, N 34, cz. IV, k. 36.
[118] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 179.
[119] «Начало», 1878, № 2; *Н. А. Виташевский.* Первое вооруженное сопротивление — первый военный суд. (Процесс И. М. Ковальского). «Былое», 1906, № 2, стр. 230—235.
[120] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 180.
[121] *Гр. Бсрзяков.* Революционная молодежь в Одессе в 1882—1884 гг. «Каторга и ссылка», 1929, № 8(57), стр. 129.
[122] «Хроника социалистического движения в России. 1878—1887 гг. Официальный отчет». М., 1907, стр. 229.
[123] «Хроника...», стр. 18; ЦГАОР СССР, Справки III отд., № Ж-48.

Много поляков участвовало в революционных кружках Северного Кавказа и Закавказья. С 1875 г. членом пропагандистского кружка на Кавказе был А. Бжозовский (с 1879 г., по показаниям Г. Гольденберга, вел работу в Петербурге). В кружке «владикавказцев» состоял студент Я. Станкевич. В Ставропольском кружке, связанном с Петербургом и Варшавой, вел работу Ольшаньский. Согласно агентурным донесениям с Кавказа, там работавшие на железных дорогах инженеры-поляки образовали кружки, состоявшие преимущественно из уроженцев Королевства Польского и Западных губерний. Деятельностью этих кружков объяснялись факты появления листовок в поездах [124].

Разночинная молодежь, составлявшая основную массу революционных народников в Северо-Западном крае, была преимущественно польской и еврейской национальности и объединялась в кружки иногда однородные по национальному составу, иногда смешанные. Пропаганда здесь велась почти исключительно в городах среди учащейся молодежи, интеллигентов, ремесленников и рабочих. С программой объединения еврейских и нееврейских кружков Западного края, России, Германии, Австрии в «единой, всемирной социально-революционной партии» выступил в середине 70-х годов П. Л. Лавров [125].

Первый польский кружок был создан в Вильно Л. Смоляк в 1873 г. (объединял преимущественно молодых женщин польского происхождения). Организованная этим кружком библиотека запрещенной и социалистической литературы стала центром всех виленских революционных кружков. Кружок в основном был патриотического направления, но придерживался и весьма радикальных социальных взглядов, ставя своей задачей «сближение с народом», устройство касс взаимопомощи, организацию мастерских на артельных началах и т. д. В другой виленский радикальный кружок входили многие из тех, кто уже участвовал в русском революционном движении: Ю. Вноровский, Я. Виторт, Я. Савицкий, Ю. Грабовецкий, А. Жонголович, О. Петкевич, Э. Зейдлер и др. Главную часть тайной кружковой библиотеки, созданной в Вильно по инициативе студента Петербургского университета Ю. Юревича, составляла русская революционная литература. Не без основания виленский генерал-губернатор П. Альбединский писал в III отделение, что руководители виленских кружков «заимствовали» взгляды и убеждения «во время пребывания в столичных учебных заведениях» [126].

В 1874—1875 гг. жандармы раскрыли состав народнического кружка землемера Н. Соколова (тесно связанного с польскими виленскими кружками), что повлекло за собой дальнейшие репрессии. К дознанию в Вильно было привлечено 40 человек. Пятеро наиболее активных участников движения — Я. Виторт, Я. Савицкий, А. Жонголович, Ю. Грабовецкий и Ю. Вноровский — в административном порядке были высланы в северные губернии [127]. Среди арестованных по делу этого кружка были также поляки: Ю. Окушко (позже известный землеволец), вдова чиновника А. Окушко, юнкера Ф. Окушко и П. Пашковский, Л. Балинь-ская и др.

В Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской губерниях почти все кружки были смешанными: поляки участвовали в них вместе с русскими, белорусами и евреями. Раскрытый в 1876 г. гродненский революционный кружок (случаи пропаганды в губернии отмечались с

[124] ЦГАОР СССР, справки III отд., № Б-626, Д-161, С-120ГА, Р-119.
[125] Там же, ф. 1762, оп. 2, д. 177, лл. 15—20.
[126] Там же, ф. 109, 3 эксп., 1875 г., д. 151, л. 21.
[127] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 123.

1873 г.) был создан по инициативе студента Петербургской медико-хирургической академии С. Бельского и М. Янчевского. В кружок входили также: гимназист К. Бельский, А. Слуцкий, братья Ротенштейны, З. Малявский, А. Чаплевский и др. Встречаются фамилии белорусов и поляков (М. Ярошевич, А. Карпович) [128] и среди 42 человек, привлекавшихся в 1876 г. к дознанию по этому делу. В 1877 г. в Минске возник новый молодежный кружок (основан студентом Киевского университета М. Веллером), активную роль в котором играли Р. и К. Парафиановичи. Кружок был связан с варшавской организацией, от которой получал пропагандистскую литературу на русском и польском языках. Контакты с Варшавой после начавшихся там в августе 1878 г. массовых репрессий послужили поводом к арестам членов минского кружка.

Могилевские кружки 1874—1878 гг. в основном занимались распространением запрещенных книг, периодических изданий, листовок. Состоявшие главным образом из гимназистов и учителей, они принадлежали к народническому пропагандистскому направлению, были тесно связаны друг с другом. В числе 50 с лишним человек, привлеченных к дознанию в Могилеве, были поляки: А. Квициньская, А. Родзевич, Ю. Милютина, Т. Войно-Ясенецкая, Я. Ляшко-Попель и др. [129]

Существенным вкладом поляков в общероссийское революционное движение явилась их пропагандистская деятельность в среде городских рабочих. Петербургский губернатор считал именно поляков организаторами ряда рабочих волнений и стачек [130]. На химическом заводе Шипова в Костромской губернии вели пропаганду среди рабочих сосланные поляки Ф. Козловский, К. Юрашкевич, М. Павловский, поступившие на завод при содействии члена московского кружка «чайковцев» Г. Эльсница [131]. На мальцевских заводах Орловской губ. и в Бессарабии занимался пропагандой среди рабочих бывший студент Технологического института Яцимирский [132]. Организатор «Южнороссийского рабочего союза» Е. Заславский, хотя и родился в Воронежской губернии, был по происхождению поляком. Его помощниками по Союзу были поляки В. Мрочковский и Я. Ребицкий [133].

Активно участвовали поляки и в других народнических организациях, занимавшихся пропагандой среди фабричных рабочих. В «Общество друзей», созданное в 1876 г. в Петербурге, входили А. Падлевский, Ю. Жейц и др. Членами кружка И. Д. Кавского были А. Вашкевич, А. и П. Долиньские, Э. Студзиньский, Погоский, Рубиньский и др. [134] «Северный союз русских рабочих», один из организаторов которого — В. Обнорский в 1878 г. вступил в контакт с Варшавской организацией, был связан с петербургскими рабочими кружками, в которых работали К. Кобыляньский, З. де-Мезер и др. [135] В жандармских делах упоминаются в качестве видных деятелей рабочего движения в России поляки З. Обедзиньский (руководитель Харьковской организации «Южно-

[128] Там же, стр. 184.
[129] Там же, стр. 186. О деятельности поляков в кружках Северо-Западного края см. также: *С. М. Самбук.* Революционные народники Белоруссии (70-е — начало 80-х годов XIX в.). Минск, 1972, стр. 24—82.
[130] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2. М., 1950, стр. 64.
[131] ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1875 г., д. 71, ч. III, лл. 45—46.
[132] Там же, Справки III отд., № Я-187.
[133] «Рабочее движение...», т. II, ч. 2, стр. 99; *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 188.
[134] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 189; *K. Pietkiewicz.* Указ. соч.; «Niepodległość», 1933, t. II, s. 158.
[135] *T. M. Borowski.* Udział Polaków w pierwszych organizacjach robotniczych w Rosji. «Z dziejów współpracy rewolucyjnej...», str. 335.

российского рабочего союза»), А. Лисовская (член Рабочей группы «Народной Воли»), А. Лаговский (по отзывам жандармов, «один из тех личностей, которые с увлечением служат делу распространения между фабричными рабочими коммунистических и противоправительственных идей»), А. Жулковский, Ф. Зенькевич, П. Брызиньский, Т. Дембский и другие [136].

Принадлежность сотен поляков к народническим организациям не была доказана. Зачастую они действовали самостоятельно, под влиянием ситуации в стране, ненависти к душившему польский народ царизму. Их участие в движении выражалось преимущественно в революционной пропаганде (чаще всего в распространении революционных изданий или воззваний собственного сочинения), в содействии и сочувствии начинаниям народников. Многие поляки (как частные лица, так и члены кружков и групп) привлекались к ответственности по обвинению в содействии русским революционным организациям в доставке из-за границы революционной литературы, за предоставление квартир для собраний, подпольных типографий, складов революционной литературы, за оказание денежной помощи, укрывательство «нелегальных», изготовление конспиративной техники и т. п.

Несколько сотен поляков было привлечено к дознаниям по обвинению в «сношениях и связях» с русскими народническими организациями и отдельными революционерами (жандармы прибегали к подобной формулировке в случаях отсутствия доказательств принадлежности подозреваемых к той или иной организации). Среди них преобладали крестьяне, отставные солдаты, ремесленники, сочувствовавшие народникам, подчас даже не уяснив их целей, а просто одобряя любые действия, направленные против царизма [137].

Активное участие поляков в русском революционном движении дает наглядное представление о широте и размахе сотрудничества русских и польских революционеров в 70-х — начале 80-х годов. Это сотрудничество имело огромное значение как для народнического движения, так и для социалистического движения в Королевстве Польском. Прежде всего участие в общероссийском революционном движении многих сотен поляков делало его более мощным, усиливало нажим на самодержавие и буржуазно-помещичий строй, содействовало расширению движения, особенно в западных губерниях, где среди разночинной интеллигенции было много поляков. Польская революционная молодежь, примкнувшая к народническому движению, развернула совместно с русскими, белорусами, украинцами, литовцами, евреями пропагандистскую и организаторскую деятельность в основном в среде фабрично-заводских рабочих.

Естественно, поляки-народники, как и их русские единомышленники, были в то время далеки от понимания руководящей роли рабочего класса, определенной основоположниками научного коммунизма. Однако своей деятельностью среди рабочих народники в определенной степени готовили почву для перехода к новому, пролетарскому периоду в истории развития русского революционного движения.

Поляки — участники общероссийского движения — сыграли положительную роль в преодолении народниками отрицательного отношения к политической борьбе. Воспитанные на традициях национально-освободительной борьбы, поляки, даже признавая анархистские теории народ-

[136] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 192.
[137] Там же, стр. 194.

ников-пропагандистов, все же никогда не отказывались от политических целей. Их позиция в вопросе о необходимости политической борьбы усиливала крыло землевольцев-«политиков». При расколе «Земли и Воли» (1879 г.) большинство поляков-землевольцев оказались на стороне «Народной Воли».

Участие поляков в народнических организациях имело большое значение и для революционного движения в Королевстве Польском. Польская молодежь, обучавшаяся в высших учебных заведениях Российской империи и участвовавшая в деятельности народнических организаций, стала думать о необходимости создания польской социалистической организации в Королевстве. Именно ее представители, поселившись в Варшаве, начинают борьбу за создание там такой организации и развертывание пропагандистской работы.

3. Контакты и сотрудничество в студенческом движении, в армии и флоте, в тюрьмах и ссылке

Студенческое движение являлось частью общереволюционного движения, отражением политических настроений в стране. По свидетельству современников, среди студентов численно преобладали аполитичные люди и сторонники умеренного корпоративного движения. Однако главную роль в жизни студенчества играло революционно настроенное меньшинство, находившееся под влиянием революционной идеологии. Выступления студентов против администрации, местных властей или против мер правительства зачастую смыкались с народническим движением, хотя и имели специфическую корпоративную окраску.

Бурно нараставшие с конца 60-х годов студенческие выступления приобретают в конце 70-х — начале 80-х годов политический характер, направленный против самодержавия и буржуазно-помещичьего строя. Н. П. Игнатьев в докладе Александру III в мае 1881 г. отмечал: «Исследование деятельности социально-революционных обществ приводит к убеждению, что выдающимися членами оных являются в большинстве случаев люди, принадлежащие к составу учащейся молодежи высших учебных заведений, в стенах сих заведений успевшие воспитать в себе чувство ненависти к существующему порядку и стремление к его ниспровержению какими бы то ни было средствами»[138].

В высших учебных заведениях Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, Харькова, Варшавы студенты-поляки создавали кружки и организации. Деление студенческих объединений по национальному признаку оправдывало себя до тех пор, пока эти объединения ставили перед собой задачи взаимной помощи, национального и морального воспитания. Однако, когда перед студенческим движением встали задачи более широкого плана, такое деление явилось для него определенным тормозом.

В начале 70-х годов русским студенчеством снова был поднят вопрос о необходимости слияния русских и польских студенческих организаций с целью достижения эффективности общестуденческих выступлений. Агент III отделения в январе 1871 г. доносил, что на многолюдных сходках обсуждался вопрос о причинах неудач революционных начинаний, и одной из главных причин был назван «недостаток и даже полное отсутствие взаимной солидарности между учащейся молодежью разных

[138] ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 дел-во, 1881 г., д. 574, ч. 1, лл. 1—2.

национальностей», что было решено добиваться объединения и произошло сближение между русскими и польскими студентами [139]. Студенты-поляки в 1870-х годах действительно активно участвовали в общестуденческом движении, но свои организации сохранили.

Самой сильной из них был петербургский огул (общество польских студентов в Петербурге), восстановленный осенью 1864 г. и непрерывно действовавший в течение 70-х годов. Московский огул также возродился после восстания. Он распространял свое влияние на студентов университета и Петровской сельскохозяйственной академии. В него, как и ранее, входили не только студенты, но и поляки, окончившие университет, чиновники, офицеры и т. д. В Киевском университете, где поляки составляли почти половину студентов, огул имел отдельную кассу и библиотеку, его члены участвовали во всех общестуденческих выступлениях. В Новороссийском университете (Одесса) в 1875 г. существовал «польский кружок», в который входили не только студенты, но и окончившие университет (С. Вемут, Т. Милашицкий, Я. Олешиньский и др.) [140].

По данным жандармского расследования деятельности студенческих организаций в Одессе (1870 г.), следует, что этот кружок не имел отдельно своей кассы и библиотеки, они были общими, и ведали ими выборные студенты различных национальностей [141]. Общими были студенческие организации в Харьковском университете и Ветеринарном институте, в Пулавском сельскохозяйственном институте. В Варшавском университете огул был наиболее многочисленным, располагал большими средствами и обширной библиотекой. Он строился на основе курсовых и факультетских объединений и возглавлялся советом уполномоченных [142]. Объединяя большинство студентов университета, огул являлся, в сущности, общестуденческой организацией [143].

Польские студенческие кружки и огулы принадлежали к патриотическому и позитивистскому направлениям. С 1874 г. наряду с ними в Петербурге, Одессе, Москве, Киеве, Харькове, Новой Александрии (Пулавы), а затем и в Варшаве возникают под влиянием народнического движения польские (иногда смешанные) социалистические кружки, которые налаживают связи и совместные действия с русскими студенческими и народническими кружками [144].

В Королевстве студенческие выступления начинаются с 1876 г., приобретая к 1882 г. широкий размах. Первые из них носили характер патриотических манифестаций. Однако вскоре варшавские студенты переходят к открытой борьбе сначала с университетской администрацией, а затем и с царскими властями, особенно после назначения в 1880 г. попечителем Варшавского учебного округа А. Апухтина [145]. После убийства Александра II значительная часть варшавских студентов решилась выразить солидарность с борьбой русских революционеров против царизма. С этой целью была проведена общестуденческая демонстра-

[139] ЦГАОР СССР, ф. 109, Секретный архив, оп. 1, д. 1400, л. 1.
[140] *K. Dłuski.* Указ. соч., стр. 222.
[141] ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1870, д. 52.
[142] *L. Krzywicki.* Jan Młot (Szymon Dikstein). «Niepodległość», 1933, t. 1, str. 83.
[143] Русские студенты Варшавского университета, число которых колебалось от 14 до 104, своей организации не имели, но и в огул, за редкими исключениями, не входили.
[144] *Z. Heryng.* Указ. соч., str. 53—54; *E. Brzeziński.* Wspomnienia z mego życia. «Niepodległość», 1931, t. IV, str. 53.
[145] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 207—208.

ция; составленной властями «делегации университета» на похороны царя с большим трудом удалось выехать в Петербург из-за противодействия студентов [146].

В Пулавском (Ново-Александрийском) институте студенческое и революционное движение началось с 1876 г. В 1877 г. здесь была раскрыта и ликвидирована студенческая организация, возглавлявшаяся русским студентом Н. Васильевым. В 1879 г. возникли дела о студенческих сходках («дело Н. Иванова»), об анонимном письме директору Института с предупреждением, что студенты «не могут остаться бесчувственными и покорными слугами притеснителей»; продолжались сходки и волнения и в 1880 г. [147]

Еще более важной была роль польских студентов в общероссийском студенческом движении. Осенью 1874 г., в год похода революционных пропагандистов в народ, вспыхивают массовые студенческие волнения в ведущих высших учебных заведениях России — в Медико-хирургической академии, в Технологическом, Горном, Путей сообщения и Лесном институтах в Петербурге, в Петровской академии в Москве, в Петербургском и Московском университетах. Во всех этих учебных заведениях поляки составляли значительный процент, особенно в наиболее революционно настроенном Технологическом институте (в 1875/76 учебном году здесь из 738 студентов было 177 поляков). Они приняли самое активное участие в выступлениях, на что указывает большой процент поляков в списках репрессированных (среди исключенных из Горного и Технологического институтов и высланных из Петербурга — почти 35%). Из 14 руководителей выступлений в Технологическом институте, арестованных и преданных суду, более половины составляли поляки — Л Варыньский, Ст. Квятковский, Б. Дмоховский, Л. Лопуский, А. Нагурский, А. Маркевич и др. [148]

В 1875 г. студенты первого курса Технологического института отказались от посещения «репетиций» профессора Ленца. В результате 14 ноября 1875 г. Варыньский был вторично исключен из института и выслан. В ответ на это первые два курса прекратили посещение лекций и начали проводить сходки. В числе «подстрекателей», исключенных и высланных из Петербурга, были поляки Э. Бжезиньский, Ст. Вакулевич и др. [149] Имена поляков (Ст. Крусиньский, Э. Черневский, Ю. Климашевский и др.) встречаются и среди 33 студентов, высланных в связи с «беспорядками» в Медико-хирургической академии (сентябрь 1876 г.) [150].

Активное участие принимали поляки и в киевских волнениях 1878 г.: в числе 134 исключенных из университета их было несколько десятков (Вл. Избицкий, Б. Костецкий, Ст. Михалевич, М. Вильчиньский, К. Лесневич, Э. Михневич и др.), а из 23 сосланных — 8 человек (В. и К. Лисовские, Ад. Бяловеский и др.) [151]. Выступления киевских студентов нашли отзвук в Харьковском университете и Ветеринарном институте, где движением руководили поляки-народники Э. Пекарский и А. Бовбельский [152]. В Москве многие поляки участвовали во встрече бывших

[146] *J. Wołyński.* Wspomnienia z czasów szkolnictwa rosyjskiego w b. Królestwie Polskim. W., 1936, str. 10.
[147] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 209.
[148] ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1874, д. 156, ч. 1, лл. 72—106; *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 211.
[149] ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1876 г., д. 299, лл. 1—10.
[150] Там же, д. 216, л. 40.
[151] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 211—212.
[152] Там же, стр. 212.

киевских студентов, отправленных в ссылку. Киевские события и «московское побоище» вызвали волнения студенчества в Новороссийском и Казанском университетах, в высших учебных заведениях Петербурга: студенты требовали возвращения всех исключенных киевских студентов.

Мощные студенческие выступления в Петербурге осенью 1878 г. правительству удалось подавить лишь с помощью казаков и солдат. При этом было арестовано 142 студента, в том числе 30 поляков: Т. Врублевский, Ю. Гласко, Я. Хмелевский, Ф. Ясеньский, В. Новицкий, Л. Сициньский, Ю. Дашкевич и др. Был арестован и бывший студент Медико-хирургической академии журналист К. Козарский, который писал воззвания к студентам, стремился придать их выступлениям политический характер.

Немаловажную роль играли поляки и в студенческих выступлениях в 1880—1881 гг. в Москве. Тогда подверглись репрессиям Ст. Козловский, Я. Гриневицкий и др.

Выступления студентов в конце 70-х — начале 80-х годов явились одним из признаков нарастания революционной ситуации. В этих условиях участие студентов-поляков в движении русского студенчества приобрело важное значение. С одной стороны, оно усиливало его, с другой — содействовало распространению социалистических теорий среди польских студентов, возникновению и расширению польских социалистических организаций в России и Королевстве. Ф. Куропатвиньский в своих воспоминаниях писал: «Значительное число польской университетской молодежи в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и т. д., кроме своих обособленных организаций, находилось под сильным влиянием анархо-социалистических идей, которые господствовали в среде русской молодежи. Этот русский социализм был в своих проявлениях более радикальным, нежели западноевропейский, и, окруженный ореолом беззаветной борьбы с царизмом, находил добровольных сторонников среди польской молодежи» [153]. Русско-польские связи в студенческом движении 70-х — начала 80-х годов являлись одним из немаловажных факторов, содействовавших расширению и укреплению русско-польского революционного союза.

Армия являлась главной опорой самодержавия. Огромное значение для развития русско-польских связей в ней имели факты сочувствия и содействия польскому освободительному движению со стороны прогрессивно настроенных офицеров и солдат, участия военнослужащих-поляков в военных антиправительственных выступлениях, в движении русского народничества.

Документы показывают, что царскому правительству, которое после восстания 1863—1864 гг. всеми мерами старалось поддерживать в войсках Варшавского округа шовинистические настроения, не удавалось добиться этой цели. В отчете за 1867 г. жандармы отмечали, что офицеры прибывают из России «с навеянным на них сторонниками польского дела сочувствием к угнетенной Польше» [154]. Царские власти произвели строгую проверку «политической благонадежности» офицеров, занимавших административные должности на гражданской службе. В результате проверки многие из них получили отрицательную аттестацию и были уволены со службы. В их числе находился начальник Гроецкого уезда К. И. Крупский — отец Н. К. Крупской.

[153] *F. Kuropatwiński.* Ze wspomnień młodości (1875—1893). «Księga pamiątkowa Siedlczan». W., 1927, str. 243.

[154] ЦГАОР СССР, ф. 110, оп. 24, д. 314, л. 13 об.

Солдат и унтер-офицеров жандармы обвиняли в том, что они «сближаются с низшими слоями польской народности» и стараются научиться говорить по-польски, а это обстоятельство, «при усилиях правительства стеснить пределы господства польского языка», не соответствует целям царских властей и «льстит самолюбию поляков, располагая их в пользу русских солдат» [155]. Жандармы пришли к выводу, что длительное пребывание воинских частей в Королевстве опасно для правительства, поскольку «как офицеры, так и нижние чины слишком сживаются с местным элементом и люди мало-мальски слабохарактерные весьма скоро воспринимают не только нравы и обычаи, но даже проникаются политическими взглядами поляков» [156]. С 1867 по 1881 г. около 5 тыс. человек привлекалось к ответственности за «воинские преступления», носящие политический характер [157].

Поляки-военнослужащие принимали участие в целом ряде выступлений «нижних чинов», носивших коллективный характер. Совместные выступления русских солдат и поляков скрепляли их дружбу, подготавливали возможность будущих совместных действий. Еще большее значение для развития русско-польских революционных связей имело участие поляков (офицеров, военных врачей, юнкеров, кадетов, писарей воинских частей и учреждений, унтер-офицеров и т. д.) в деятельности народнических организаций и революционной пропаганде в войсках. Наиболее крупными из раскрытых жандармами дел о революционной пропаганде в войсках были: дело о революционной пропаганде среди писарей Главного штаба, в 85-м пехотном полку в Новгороде и в Полоцке в 1874 г. Среди обвиняемых находились юнкер Э. Бужиньский и писарь Главного штаба М. Богушевич, снабжавший революционной литературой кружок пропагандистов в 85-м полку [158]. В 1877 г. был раскрыт организованный народником А. Гобстом кружок унтер-офицеров и солдат в 60-м полку (в числе обвиняемых поляки — Б. Олейник, Ю. Вишневский, В. Шабунько, С. Урбанек, Я. А. Липовский) [159]. В Брестском крепостном батальоне в 1879 г. «собирал унтер-офицеров и солдат и вел с ними революционные беседы» поляк Т. Комаровский [160].

Весной 1880 г. в Кронштадте по обвинению в пропаганде среди матросов и офицеров был арестован фельдшер Ст. Стемпневский, уличенный в распространении журнала «Земля и Воля», а другие причастные к этому делу моряки, в том числе несколько поляков, были признаны «неблагонадежными», разосланы по другим частям или уволены от службы [161].

В конце 1880 г. «Народная Воля» создает центральную военную группу, одной из задач которой являлось создание новых и объединение существовавших военных кружков в Военную организацию «Народной Воли». В ее состав входили поляки А. Мицкевич, Б. Крайский, Л. Ивашевич, З. Комарницкий, Г. Славиньский, А. Адзиасевич, А. Кор-

[155] Там же, л. 25.
[156] Там же, д. 1060, л. 174.
[157] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 218.
[158] В кружок входили Э. Бужиньский, прапорщик К. А. Дьяков, юнкер Г. Н. Мышкин (брат И. Н. Мышкина), инженер С. М. Железняк и др. (ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 126—131; там же, ф. 678, д. 670, лл. 1—12; «Вперед», т. V, ч. 2, стр. 1—25; «Былое», 1906, № 11, стр. 119—125).
[159] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 321—322.
[160] ЦГВИА, ф. 1867, оп. 2, д. 260.
[161] *Г. А. Серебряков.* Революционеры во флоте. «Былое», 1907, № 2 (14); *Т. Г. Снытко.* **Указ. соч., стр. 223.**

ба, З. Ге и др.[162]. Во время русско-турецкой войны революционную работу в действующей армии вел Я. Гласко, служивший в «Красном Кресте»[163]. В 1877 г. находился под секретным наблюдением жандармерии юнкер Варшавского пехотного училища Д. Геральтовский, обвинявшийся в «сношениях с социалистами» и пропаганде в воинских частях[164]. В 1880 г. за составление «программы действий» революционеров среди интеллигенции, офицеров и молодежи «для ниспровержения существующего строя» был арестован прапорщик 116-го пехотного полка Ст. Шульц[165].

Большинство поляков — офицеров и нижних чинов — было настроено патриотически. Порой офицерами-поляками создавались патриотические кружки, поддерживавшие связи с русскими офицерами, сочувствующими им и оппозиционно настроенными в отношении правительства. Такой кружок в 1879 г. имелся, например, в Таганрогском пехотном полку. В кружок входили поляки: командир полка полковник Салацкий, офицеры Войцеховский, Очеповский, Одынецкий, а также несколько высланных из Королевства участников восстания 1863—1864 гг.[166]

Патриотически настроенные офицеры-поляки, как правило, одобрительно относились к русскому революционному движению, рассматривая его как естественного помощника в завоевании независимости Польши. Отдельные военнослужащие польского происхождения под влиянием пропагандистской литературы и народнического движения проникались идеями социальной борьбы, устанавливали связи с русскими революционными организациями или с их представителями в армии, принимая участие в их деятельности. Это направление, малозаметное в первой половине 70-х годов, в последующие годы получает все более и более широкое распространение. Впрочем, эти два направления (патриотическое и социально-революционное) в данном случае не противопоставлялись друг другу: оба они оказывали содействие революционному движению в России.

Русско-польские революционные связи в армии приобретают особое значение в период активной деятельности «Народной Воли», когда русские революционеры ставили целью совершение политического переворота. Важную роль в предстоящей революции должна была сыграть армия и, в первую очередь, революционные военные кружки и передовая часть офицерства, среди которой было много поляков, относившихся, как правило, к царскому правительству оппозиционно, а часто и открыто враждебно.

Значительное воздействие на общественное развитие населения отдаленных губерний России оказали высланные из Королевства десятки тысяч поляков — участников восстания 1863—1864 гг. Они привнесли в народные массы не только правильное понимание «польской проблемы», но и понятие о государственном устройстве западных стран, о принципах демократии и о революционном движении в России. Поляки оказывали помощь местному населению, содействовали его просвещению, работая по вечерам учителями, агрономами, юристами, техниками и т. д. Я. Домбровский так оценивал значение польской ссылки: «Толпы изгнанников наших разнесли в самые глухие уголки России истинные по-

[162] ЦГАОР СССР, ф. 102, 7 д-во, 1884 г., д. 747, т. XXI—XXVIII; *М. Ашенбреннер.* Военная организация партии «Народная Воля». М., 1924.
[163] AGAD, PWIS, 1878, N 86a, cz. II, k. 237—239.
[164] Там же, д. 909, л. 25; ЦГАОР СССР, Справки III отд., № Г-175.
[165] Там же, Справки III отд., № Г-529.
[166] Там же, ф. 109, 3 эксп., 1879 г., д. 49.

нятия о наших усилиях и о нашем народе. Появление их повсеместно было красноречивейшим протестом против лжи, рассеиваемой официальными и наемными клеветниками, и пробудило человеческие чувства в душе русских. Симпатия эта послужит основанием возрождения русского народа...» [167]

Жандармы доносили о «послаблениях», оказываемых ссыльным со стороны местных чиновников, требуя «мер пресечения». Из Смоленской губернии писали, что ссыльных поляков там принимали «как дорогих гостей» [168]. Подобные же донесения поступали из других губерний. В 1869 г. из Сибири писали, что отношения ссыльных поляков с местным населением носят характер нежелательный для правительства: «Вникая в эти отношения, нелья не заметить, что польские симпатии тем или иным путем находят себе доступ в среду городского общества и малейшее ослабление надзора может иметь в будущем неблагоприятные последствия» [169]. Ф. Кон в своих воспоминаниях свидетельствует, что если в Королевстве царские жандармы и чиновники относились к польским политическим заключенным враждебно, то «в Москве сразу бросились в глаза совершенно другие отношения: никакой враждебности, добродушие, вежливость, любознательность — даже со стороны тюремщиков! [170]. В. Чаплицкий рассказывает, что сибиряки выражали сожаление, когда ссыльные уезжали от них, некоторых молодых ссыльных они хотели усыновить и собирались передать им все свое хозяйство; крестьяне снабжали ссыльных продуктами питания и отказывались брать за них деньги [171]. Взаимное сочувствие и помощь польских и русских революционеров нашли свое выражение в содействии побегам ссыльных и заключенных. После побега Я. Домбровского и его жены, с помощью русских бежали Ожеховский, Верницкий, З. Минейко, А. Окиньчиц, Г. Вашкевич, Т. Олтажевский, деятельница центральных повстанческих организаций в Варшаве А. Чаплицкая (позже жена П. Л. Лаврова) и др. Поляки содействовали побегу из тюрьмы за границу П. А. Кропоткина, О. Кафиеро-Кутузовой [172]. Ссыльные Томашевский и Карпиньский были арестованы в 1878 г. за содействие побегу из малмыжской тюрьмы народника И. Царевского [173]. Член Варшавской организации Д. Рымкевич помог участнице народнического движения С. И. Бардиной бежать из ишимской ссылки. За передачу рукописей и писем от русских ссыльных и заключенных их товарищам и родственникам, за сбор денег в пользу революционеров и передачу их в места ссылки и тюрьмы подвергались репрессиям, привлекались к дознаниям или состояли под полицейским надзором многие поляки [174].

С середины 70-х годов, когда была создана организация помощи ссыльным, заключенным и вынужденным эмигрировать, когда оказание помощи им стало более систематическим, количество побегов заметно увеличилось. С 1876 по 1882 г. совершено 76 успешных побегов русских и польских ссыльных и подготовлено 42 побега, окончившихся неудачей. С созданием в 1881 г. Общества Красного Креста «Народной Воли», организация побегов ссыльных приобрела довольно четкую систему. От

[167] «Колокол», № 200, 15 июля 1865 г., стр. 1640.
[168] ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 2, д. 5, л. 1.
[169] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1869 г., д. 23, ч. 341, л. 424.
[170] *Ф. Кон.* За 50 лет, т. I. М., 1932, стр. 215.
[171] *W. Czaplicki.* Czarna księga. Kr., 1869, str. 106.
[172] *О. Кафиеро-Кутузова.* Из далекого прошлого. «Былое», 1907, № 1(13), стр. 186—187.
[173] ЦГАОР СССР, Справки III отд., № Т-336.
[174] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 232.

Верхнеудинска по всему Сибирскому тракту, по важнейшим путям Европейской России вплоть до Варшавы была образована цепь конспиративных пунктов содействия беглецам. В этих пунктах находились агенты общества из числа польских и русских ссыльных или местных жителей. В Верхнеудинске представителями общества были В. Коленда и А. Мысловский; в Иркутске — Ясевич, врач Б. Пласковицкий и Л. Стахевич; в Томске — П. А. Орлов, Б. Шварце, С. А. Субботина и С. Николаи; в Тобольске — Ст. Ярошиньский; в Перми — В. Г. Короленко; в Казани — библиотекарь Промдольский; в Минске — Трубович; в Бобруйске — К. Янковский; в Белостоке — Я. Перельштейн; в Варшаве — Д. Лессер. Особое значение в цепи сибирских пунктов Красного Креста имело томское звено. Здесь еще в ноябре 1881 г. была обнаружена, по выражению жандармов, «группа, снабжавшая беглых паспортами» [175]. К этой группе, кроме Б. Шварце, П. Орлова и др., принадлежал член Варшавской организации Н. П. Поспелов, сосланный в Томск в 1880 г. О деятельности общества властям стало известно в 1881 г. В результате почти вся организация была разгромлена. По этому делу было арестовано более 140 человек, в том числе один из организаторов и руководителей общества — Вл. Избицкий. Подверглись репрессиям поляки Ст. Михалевич, Б. Шварце, Я. Штарк, А. Гласко (Гружевская), М. Пшисецкая, В. Яворский, К. Шидловский, А. Борейша, Я. Поплавский, М. Свенцицкая, М. Зворковский и др. [176]

Разветвленными и прочными были связи между самими ссыльными и заключенными русскими и поляками. Царское правительство невольно способствовало этому тем, что делало общими для польских и русских революционеров места ссылки и заключения. Здесь русские народники непосредственно знакомились со взглядами и стремлениями польских товарищей, излагали им свою точку зрения на польские дела и, разумеется, спорили. Ф. Богданович свидетельствует в воспоминаниях: «Но вне пределов временных недоразумений, невзирая на национальные различия, в нашем товариществе господствовало полное единство» [177]. Выступления и демонстрации, устраиваемые заключенными и ссыльными, всегда были общими, вне зависимости от того, кто был их инициатором. Если на сибирских этапах поляки начинали петь польский гимн или патриотические песни, к ним присоединялась масса русских арестантов [178]. Во время так называемых «тюремных бунтов» в Харьковской тюрьме и на Каре в них принимали участие и заключенные поляки. На похоронах умершего в ссылке народника-поляка Л. Дмоховского И. Н. Мышкин произнес революционную речь, в которой заявил, что причиной страданий всей страны является тирания и произвол правительства, что «на прахе замученных палачами бойцов вырастет древо свободы народов России» [179]. За это выступление Мышкину был увеличен срок каторжных работ.

Поляки участвовали во всех формах общественной жизни политических каторжан и ссыльных. На Каре выпускался рукописный журнал заключенных «Кара», в котором участвовал Ф. Богданович и другие поляки, излагавшие русским товарищам сущность «польского вопроса».

[175] ЦГАОР СССР, ф. 102, 7 дел-во, 1883 г., д. 176, т. I, л. 173.
[176] *О. П. Морозова.* Бронислав Шварце и «Красный Крест Народной Воли». «Революционная Россия и революционная Польша», стр. 320—324; *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 232—234.
[177] *F. Bogdanowicz.* Указ. соч., стр. 169.
[178] Там же.
[179] *K. Pietkiewicz.* Указ. соч. «Niepodległość», t. II, str. 158—167.

Некоторые ссыльные поляки и русские народники пытались по примеру ссыльных середины 60-х годов создать всесибирскую централизованную организацию польских и русских политических ссыльных. В конце 70-х — начале 80-х годов сибирская ссылка уже представляла собой ряд довольно сплоченных местных колоний и групп, между которыми налаживались связи. Представители Ишимской колонии — народник Г. Мачтет, член Варшавской организации М. Блажеевский, И. Гурвич и др. разослали по колониям политических ссыльных письма, призывавшие быть верными революционному делу и создать организацию, объединявшую всех политических ссыльных Сибири [180]. «Под обаянием первых громов «Народной Воли»,— писал И. И. Майнов,— польские патриоты-социалисты в нас тогда верили как в силу и с нами дружили. В тюрьмах и местах ссылки никогда раньше поляки с русскими так не сближались» [181].

Ссылка отрывала революционных деятелей от общественной жизни страны, где появлялись новые социальные учения, происходили смены направлений революционного движения, менялись взгляды его участников и т. д. Среди ссыльных эти процессы происходили замедленно. Многие из них (а тем более лица, заключенные на длительный срок в крепости и тюрьмы) долго сохраняли прежние взгляды. Постепенно в ссылке образовывались наслоения, наглядно представлявшие историю развития революционного движения в России и Королевстве Польском, начиная с русских революционных демократов и участников восстания 1863—1864 гг. до народовольцев и польских социалистов-интернационалистов. Между представителями различных направлений шли горячие споры, в частности по вопросу о восстановлении независимости Польши. Некоторые из польских социалистов, находившихся в Сибири, выдвигали задачи национального освобождения польского народа на первый план. В качестве примера И. И. Майнов называет В. Серошевского, члена Варшавской организации, сосланного на каторгу в 1879 г. Высоко ставя талант Серошевского, Майнов пишет: «Устойчивости и теоретического фундамента у парня было как будто и не очень. Сами наши улусные поляки смотрели на него как на будущего писателя с надеждой, но в политике они признавали своим теоретическим вождем преимущественно Варыньского» [182]. О тесных связях русских и польских ссыльных и заключенных рассказывают в своих воспоминаниях М. Виташевский, М. В. Новорусский, В. Н. Фигнер, Л. В. Ергина, В. Г. Короленко и др. [183]

Совместное пребывание в ссылке русских и польских революционеров, тесное общение их, знакомство с убеждениями друг друга приводили не только к сближению между ними, но взаимно обогащали их мировоззрение. Значение установившихся в ссылке связей не могло быть и не было преходящим. Многие из репрессированных царизмом революционеров, продолжая борьбу с самодержавием, пропагандировали впоследствии идеи русско-польского революционного союза, опираясь на опыт, полученный в ссылке и заключении.

[180] ЦГАОР СССР, ф. 102, 5 д-во, д. 211, ч. 1, лл. 46—70.

[181] *Саратовец (И. И. Майнов).* На закате народовольчества. «Былое», 1917, № 5—6, стр. 71.

[182] Там же, стр. 72—73.

[183] *Н. Виташевский.* Централка. «Былое», 1906, № 7; *М. В. Новорусский.* В Шлиссельбургской крепости. «Былое», 1906, № 4, 6, 7; *В. Фигнер.* Запечатленный труд, т. II. М., 1923, стр. 117—144; *Л. Ергина.* Воспоминания из жизни в ссылке. «Былое», 1907, № 6/18, стр. 41—64; *В. Г. Короленко.* История моего современника. М., 1965, стр. 610, 624—625 и др.

4. Польское социалистическое движение 1877—1882 гг. и его связи с революционным движением в России

Параллельно с формированием промышленного пролетариата в Польше во второй половине 70-х годов XIX в. зарождается социалистическое движение, привлекшее внимание русских революционеров, вождей международного социалистического движения К. Маркса и Ф. Энгельса [184]. С восторгом и удивлением писал в 1886 г. С. М. Степняк-Кравчинский в работе «Молодая Польша и русская революция» о своем посещении в конце 1878 г. Варшавы: «Я остановлюсь только на одной подробности, которая поразила меня больше всего: социалистическая деятельность среди рабочих была действительно главной целью новой революционной партии» [185].

Организаторами и руководителями первых социалистических кружков среди рабочих и интеллигенции выступили главным образом польские студенты (А. Венцковский, Б. Мондшейн, Я. Гласко, Л. Варынский, К. Длуский, З. Геринг и др.), обучавшиеся в высших учебных заведениях России и прошедшие там в той или иной степени первую школу революционной борьбы [186]. Как и русское рабочее движение 70-х годов, польское социалистическое движение развивалось на опыте западноевропейского и в первую очередь немецкого пролетарского движения [187]. Наконец, деятельность первых польских социалистов развертывалась на почве, подготовленной революционной практикой различных направлений польского общественного движения эпохи национально-освободительных восстаний 1830—1831 и 1863—1864 гг., определявшейся в ходе глубочайших интеллектуальных поисков среди польских патриотов. Польская демократия оставила будущим деятелям революционного движения «глубокую традицию своей борьбы, надежды и мечты о Польше» [188]. «Оригинальный тип» польского социалистического движения, «составлявший нечто среднее между чисто рабочим типом социалистического движения в Германии и преимущественно интеллигентным типом подобного движения на нашей родине»,— отмечал Лавров [189].

Обращение первых польских социалистов к пропаганде в основном в среде рабочего класса определялось не только более быстрым по сравнению с Россией формированием в Польше промышленного пролетариата. Немалое значение в выработке теоретических и практических вопросов социализма имела для них и реальная оценка сравнительно недавнего исторического прошлого Польши, соотношения классовых сил внутри польского общества и их значения в предстоящей социалистической революции, перед которой, как они ошибочно считали, стояла Рос-

[184] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 19, стр. 247—249.

[185] Цит. по: *Е. К. Жигунов*. С. М. Кравчинский о польском социалистическом движении 70—80-х годов XIX в. «Советское славяноведение», 1971, № 4, стр. 69.

[186] *Т. Г. Снытко*. Указ. соч., стр. 241—387; *K. Pietkiewicz*. Указ. соч. «Niepodległość», 1933, t. I, str. 103—112; t. II, str. 157—168; *W. Śliwowska*. Udział Polaków..., str. 225—250; *T. Borowski*. Udział Polaków..., str. 335—345; *J. Buszko*. Narodziny ruchu socjalistycznego na ziemiach polskich. Kr., 1967, str. 63—97; *M. Wawrykowa*. Rewolucyjne narodnictwo w latach siedemdziesiątych XIX wieku. W., 1963; *Л. Дейч*. Польская и украинская эмиграция в конце семидесятых годов. АДП, Архив Л. Дейча, д. 7, инв. № 461, л. 1.

[187] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. I. М., 1964, стр. 81.

[188] «Równość», XII, 1880, N 2, str. 15.

[189] *П. Л. Лавров*. Две речи. Женева, 1887, стр. 27—28.

сия. Главную цель своей деятельности польские социалисты видели в развитии классового самосознания пролетариата, его сплочении в самостоятельную политическую силу для борьбы за освобождение от экономического и социально-политического гнета. Касаясь исторических судеб Польши, социалисты впервые за всю историю польского освободительного движения заявили о принципиальном единстве польских рабочих и рабочих всего мира. Польские социалисты начала 80-х годов опирались на революционную теорию, чем отличались от народовольцев, которые не сумели «неразрывно связать свое движение с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества» [190].

Борьбу за социальное и национальное освобождение трудящихся польские социалисты неразрывно связывали с борьбой революционных сил Российской империи против самодержавия. В своей записной книжке (фактически — кратком конспекте истории польского социалистического движения), С. М. Кравчинский выделяет следующие основные моменты его начального этапа: в 1876 г. в Варшаве организуется первый «чисто социалистический кружок», в который вошли К. Гильдт, Л. Варыньский, Ф. Пласковицкая, а также несколько человек из экономических и студенческих (университетских) кружков; в августе 1877 г. издана первая социалистическая брошюра на польском языке с целью распространения среди рабочих; в мае 1878 г. состоялись первые рабочие собрания, на которых были заложены основы будущих рабочих организаций — «касс сопротивления»; в мае — июле 1878 г. произошла организация рабочего движения «нескольких классов» [191].

Первый польский социалистический кружок был создан в 1874 г. в Петербурге из студентов Технологического института и Медико-хирургической академии. В его состав входили А. Венцковский, В. Избицкий, Л. Варыньский, четверо русских революционеров и др. [192] В 1875 г. кружок выработал программу (эта, по-видимому первая, программа польского социалистического движения не обнаружена). Делегат кружка в начале 1875 г. посетил Варшаву, а осенью — Москву. В конце 1875 г. в Варшаве был Гласко и еще один делегат кружка. В 1876 г. была предпринята новая поездка в Варшаву (делегат кружка встречался с Гильдтом) и Киев, установлены прочные отношения с местными социалистическими кружками. Осенью 1876 г. кружок объединял 80 человек и издавал гектографированный журнал [193].

В конце 1877 г. польские социалисты предложили русским революционерам заключить договор о совместной борьбе против самодержавия «исключительно по политическим побуждениям». Неудачу в установлении союза А. Дембский объяснял впоследствии пассивностью русских революционеров, якобы стремившихся использовать польские силы лишь в чисто практических целях — транспортировке нелегальной литературы, налаживании путей для безопасного передвижения по территории Российской империи лиц, разыскиваемых правительством, и т. п. [194] Однако объяснение несостоявшемуся союзу скорее заключалось в другом — русские революционеры не смогли увидеть в конце

[190] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 135.
[191] ЦГАЛИ СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 124, лл. 33—35 об.
[192] *Е. К. Жигунов, Е. Б. Рашковский.* Ранние программы социалистического движения в Польше (К истории становления мировоззрения партии «Пролетариат»). «Советское славяноведение», 1965, № 6, стр. 13.
[193] ЦГАЛИ СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 124.
[194] *A. Dębski.* Socjaliści polscy w sojuszu z rewolucjonistami w Rosji. «Przedświt», 1892, N 33, 34.

1877 г. в зарождавшемся польском социалистическом движении тех огромных потенциальных возможностей, благодаря которым оно стало столь мощным и грозным для самодержавия к 1884 г., т. е. к моменту заключения союзного договора партии «Пролетариат» с «Народной Волей».

В определенной степени стремлению первых польских социалистов к оформлению союза с русским революционным движением содействовала и позиция последнего в 1876—1878 гг. по национальному вопросу. Требование его кардинального решения, носившее общедемократический характер, было изложено уже в первом варианте программы (конец 1876 г.) «Земли и Воли» в достаточно развернутой форме: «В состав теперешней Российской империи входят такие местности, которые при первой возможности готовы отделиться, каковы, напр[имер], Малороссия, Польша, Кавказ и др. Поэтому мы не должны препятствовать *разделению теперешней Росо[ийской] империи на части соответственно местным желаниям*» [195]. В окончательной редакции программы (май 1878 г.) землевольцы сочли необходимым еще более конкретно определить свою позицию по этому вопросу. Отказываясь от роли сторонних наблюдателей, они взяли на себя обязательство быть фактически его исполнителями. Вместо значившейся в первом варианте программы фразы: «Поэтому мы не должны препятствовать...» записывается: «Следовательно, наша обязанность — *содействовать*....» [196] Существует еще один документ, общий для русских революционных кружков этого периода, в котором отражено их отношение к национальному вопросу. Это так называемые «тезисы» [197], являвшиеся краткой программой практического пути народнических групп к революции и отражавшие специфические задачи и особенности революционного движения в России [198]. Несмотря на всю лаконичность этого документа, посланного в августе 1877 г. П. А. Кропоткину как делегату на Международном социалистическом конгрессе в Генте, русские революционеры посчитали необходимым заявить о желательном «разделении Российской империи на части соответственно местным желаниям» [199].

В программных документах «Земли и Воли», а также в «тезисах» для русского революционного движения одним из первостепенных намечалось положение, которое впоследствии В. И. Ленин выдвинул и развил по национальному вопросу как «*главную* практическую задачу и великорусского и инонационального пролетариата: задачу повседневной агитации и пропаганды против всяких государственно-национальных привилегий, за право, одинаковое право всех наций на свое национальное государство...» [200].

Летом 1878 г. в Варшаве Л. Варыньский создал организацию, во главе которой стоял «кружок организаторов». Ее основу составляли революционные кружки, а низшей ступенью (резервом для создания новых и пополнения существующих кружков) были подготовительные кружки. В июле — сентябре 1878 г. были разработаны устав и проект программы организации. За несколько месяцев она приобрела значение центра, стоящего во главе рабочего движения в Варшаве, и распростра-

[195] «Революционное народничество 70-х годов XIX в.», т. II, 1876—1882 гг. М.— Л., 1965, стр. 28.
[196] Там же, стр. 31.
[197] «Архив „Земли и Воли“ и „Народной Воли“». М., 1930, стр. 53.
[198] *Г. М. Лифшиц, К. Г. Ляшенко.* Как создавалась программа второй «Земли и Воли». «Вопросы истории», 1963, № 9, стр. 45—46.
[199] «Архив „Земли и Воли“ и „Народной Воли“», стр. 53.
[200] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 277.

нила свое влияние на рабочих Лодзи, Жирардова и других городов. По свидетельству Ю. Узембло, Варшавская организация имела и два крестьянских кружка [201].

Подъем движения на некоторое время был задержан массовыми арестами, начавшимися в августе 1878 г. [202] Рабочие кружки продолжали существовать, но ввиду ареста или вынужденной эмиграции членов «кружка организаторов» и интеллигентов-пропагандистов [203] потребовался новый состав руководителей. К уцелевшим от арестов присоединились члены польских социалистических кружков в России (А. Венцковский, Ю. Узембло, З. Геринг и др.) и подготовленные рабочие. Один из участников движения тех лет свидетельствует в своих воспоминаниях: «В то время как Варыньский создавал «кассы сопротивления», в которых участвовали и несоциалисты, мы развернули деятельность по ликвидации «касс сопротивления», исходя из того положения, что время массового движения еще не настало, уделяли особое внимание пропаганде социализма, включавшей пропаганду не только марксизма, но и теоретических работ Родбертуса-Ягецова, Лаврова, Прудона, а также некоторых «катедер-социалистов». Мы хотели познакомить рабочих с различными направлениями социалистической мысли» [204]. В апреле 1879 г. прошла вторая волна массовых арестов [205]. Однако несмотря на это, уже в июне 1879 г. III отделение указало начальнику Варшавского жандармского округа, что, по имеющимся у него сведениям, «революционная организация среди рабочих Варшавы идет успешно и деятельно», что там имеется 13 рабочих кружков по 20 чел. в каждом [206]. В июле — августе 1879 г. жандармы провели третью серию арестов [207], после чего решили, что организация в Варшаве разгромлена. Однако на место арестованных руководителей снова становятся приехавшие из Петербурга: З. Познаньский, К. Осташевский, Б. Вислоух, Т. Врублевский и несколько рабочих, выдающихся деятелей организации.

В начале 1880 г. варшавское подполье (так называемая Гмина польских социалистов) вступает в связь (типа федерации) с польскими социалистическими гминами Петербурга, Киева, Вильно и Москвы.

В феврале 1880 г. полиция в четвертый раз взялась за ликвидацию Варшавской организации [208]. Арестованных сменили прибывшие из Петербурга З. и Т. Балицкие, К. Сосновский и местные революционные рабочие. Уже летом 1880 г. работа кружков приняла регулярный характер. В связи с 50-й годовщиной восстания 1830—1831 гг. было

[201] *Amerykanin* (*Uziębło*). Wspomnienia z 1878 roku. «Z Pola Walki». L., 1904, str. 56.

[202] По так называемому «первому дознанию о социально-революционной пропаганде в Варшаве» было арестовано 80 человек, преимущественно рабочие. «Календарь «Народной Воли» на 1883 год». Женева, 1883, стр. 144.

[203] За границу удалось скрыться Л. Варыньскому, К. Длускому, Ст. Мендельсону, Ш. Дикштейну и др. Большинство попало в Варшавскую цитадель и затем в Сибирь.

[204] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 675, л.8.

[205] По «второму дознанию» было привлечено 44 человека, из них 18 интеллигентов и 26 рабочих.

[206] ЦГАОР СССР, ф. 110, оп. 24, д. 715, л. 325.

[207] Среди 20 человек, арестованных по «третьему дознанию», оказалось немного лиц, игравших значительную роль в организации. «Календарь «Народной Воли» на 1883 год», стр. 145.

[208] 27 февраля жандармы выследили и арестовали 16 человек на сходке в квартире рабочего К. Подбельского (первый случай ареста целого кружка). По «четвертому дознанию» обвинялось 65 человек, из которых большинство (50 человек) составляли рабочие.

выпущено несколько гектографированных воззваний. В январе 1881 г. появился первый номер журнала «Беседы с рабочим людом», оттиснутого на гектографе. Рабочие кружки организовали несколько небольших стачек. Были приняты меры и к предотвращению провала организации, однако с запозданием: жандармерия уже знала фамилии руководителей и места сбора кружков. В феврале 1881 г. начались новые массовые аресты [209]. Варшавская организация прекратила свое существование, но позднее, когда Л. Варыньский начал создавать первую польскую рабочую партию «Пролетариат», успеху его деятельности содействовало наличие уцелевших кружков ранее распропагандированных рабочих. В Петербурге из остатков гмины осенью 1881 г. была создана строго законспирированная «Польско-литовская социально-революционная партия», позже также слившаяся с «Пролетариатом».

Связи польского социалистического движения с русским революционным движением были разносторонними. В переписке народники и польские социалисты обменивались информацией, «делились своими планами и надеждами» [210]. Члены Варшавской организации встречались в Петербурге, Киеве, Москве, Одессе и других городах с видными деятелями народничества. Последние приезжали иногда в Варшаву и знакомились с деятельностью польских социалистов [211]. В конце 1878 г. здесь некоторое время жили Кравчинский и В. Обнорский, посещавшие собрания рабочих кружков и отметившие успехи организации в пропаганде среди рабочих [212]. С именем Кравчинского в польской историографии связывается вторая попытка объединения революционных сил Королевства и России в совместной борьбе с самодержавием. Ссылаясь на рукописные воспоминания одного из видных представителей начального периода польского социалистического движения (скорее всего, Ю. Узембло), Л. Василевский писал: «Степняк высказывался за слияние польских социалистических кружков с русскими и за подчинение Варшавской организации русскому революционному комитету, при котором должен был быть польский делегат. Поляки с этим не соглашались и находили возможным лишь дружескую взаимную помощь самостоятельных организаций — польской и русской. В конце концов и сам Степняк должен был признать, что слияние польской организации с русской затормозило бы свободное развитие первой» [213]. Не отвергая возможности постановки Кравчинским вопроса об объединении русских и польских революционных сил, можно с полным основанием отрицать принцип «подчиненности», якобы положенный Кравчинским в основу такого объединения. При этом необходимо принять во внимание взгляды Кравчинского на национальный вопрос, на отстаивавшееся им право внутренней автономии местных революционных организаций, выдвигавшееся им руководству «Народной Воли» требование «предоставить каждой местной группе действовать самостоятельно, проявлять свою инициативу» [214].

[209] По «пятому дознанию» было привлечено в качестве обвиняемых 46 человек, в том числе 31 рабочий. «Календарь «Народной Воли на 1883 год», стр. 145.

[210] «Procesy polityczne w Królestwie Polskim (Materiały do historii ruchu rewolucyjnego w Królestwie Polskim. 1878—1879)». Kr., 1907, str. 112.

[211] «Kółka socjalistyczne, gminy i Wielki Proletariat. Procesy polityczne 1878—1879. Zródła». Zebrał, opracował i wstępem opatrzył L. Baumgarten. W., 1966, str. 31—268.

[212] *Е. К. Жигунов.* С. М. Кравчинский о польском социалистическом движении..., стр. 69—76.

[213] *Л. Плохоцкий* [*Василевский*]. Взаимные отношения польских и русских социалистов. Лондон, 1902, стр. 5—6.

[214] *Е. Таратута.* С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973; ЦГАЛИ СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 268, л. 7—7 об.

Варшавские социалисты стремились к установлению связей и с «Северным союзом русских рабочих», организацией, родственной по составу и близкой им по идеологии. Такое же стремление было и у членов «Союза». Этим, в основном, объясняется пребывание Обнорского в Варшаве, посылка через него К. Вонсовичем письма к брату с целью дать возможность Обнорскому связаться с Варшавой и польскими социалистами в Петербурге и Москве. «Союз» послал в Варшаву приветственное письмо, обсуждавшееся на собраниях рабочих кружков. Доставленная в Варшаву программа «Северного союза» была переведена на польский язык, размножена на гектографе и распространена среди рабочих. Эта программа привлекла внимание членов Варшавской организации не только как агитационный документ, но и потому, что была близка их взглядам [215]. Позже получила распространение среди участников польского движения и «Программа рабочих, членов партии „Народной Воли“».

«...Польская партия,— как показывал на следствии А. Родзевич,— не была еще настолько в силах, чтобы самой вести всю практическую сторону дела» [216]. Русские народники снабжали польских товарищей пропагандистской литературой, конспиративной техникой, сведениями об агентах III отделения, действовавших в Королевстве, получали от польских социалистов помощь в транспортировке через границу нелегальной литературы, в организации переходов границы, в приобретении печатных станков и т. д. Однако в 1879 г. «факт отсутствия единства в лагере русских социалистов и, кроме того, несколько неясная точка зрения по разным коренным вопросам тайного органа «Народной Воли» были причиной того, что польских социалистов, стоящих за соглашение с русскими сейчас же, можно было перечесть по пальцам» [217]. Не без основания главным в числе «коренных вопросов» необходимо считать национальный, поскольку в пункте втором раздела «Г» Программы ИК «Народной Воли» (сентябрь — декабрь 1879 г.) народовольцами выдвигалось лишь требование предоставления национальностям «широкого областного самоуправления, обеспеченного выборностью всех должностей, самостоятельностью мира и экономической независимостью народа» [218]. Только в начале 1880 г. вопрос о русско-польском соглашении пришел к определенному практическому решению «главным образом благодаря настойчивости петербургской «колонии» польских социалистов» [219]. Действительно, особенно тесные связи с русскими революционерами существовали у польских социалистических гмин в России. Петербургская гмина оформила свои отношения с местной народовольческой организацией особым соглашением, согласно которому специально выделенные представители этих организаций имели право присутствовать на заседаниях и собраниях руководящих центров союзной организации. Представителем гмины у народовольцев был Ю. Гласко, у чернопередельцев — М. Вильчиньский [220]. Гмины, не имевшие

[215] Особенно широко пропагандировали эту программу А. Венцковский, З. Геринг, В. Войнаровская, Л. Белецкий (*Amerykanin.* Wspomnienia, str. 61—62; *Г. В. Плеханов.* Соч., т. II, стр. 188; AGAD, PWIS, N 437, k. 278; N 438; k. 468; ЦГАОР СССР, ф. 110, оп. 24, д. 716, лл. 170—186, 243; ЦГВИА, ф. 525, оп. 2, 1880 г., д. 300, т. I, лл. 66—68).

[216] ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е дел-во, 1882 г., д. 218.

[217] *Л. Плохоцкий* [*Василевский*]. Взаимные отношения..., стр. 6.

[218] «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. II, 1876—1882 гг. М.— Л., 1965, стр. 172.

[219] *Л. Плохоцкий* [*Василевский*]. Взаимные отношения..., стр. 6—7.

[220] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 339, 347.

таких соглашений, тоже были связаны с местными русскими революционными организациями. В Киеве, где члены гмины были зачастую и членами народовольческих кружков, трудно провести грань между деятельностью гмины и киевских народовольцев. Подчас роль некоторых членов Киевской и Варшавской гмины (Л. Кобыляньского, Г. и А. Лисовских, М. Костецкой) была более значительной именно в народовольческом движении.

Польско-литовская социально-революционная партия организационно и идеологически была близка народовольцам. Члены «Тайного совета» партии Ст. Куницкий, Ст. Михалевич, Т. Рехневский принимали активное участие в деятельности «Народной Воли». Программа их партии ставила целью достижение политической независимости и установление социалистического строя. Партия объявила себя солидарной с «Народной Волей» и со всеми национальными партиями в пределах Российской империи, ставящими перед собой достижение аналогичных целей, и высказалась за установление с ними союза на федеративных началах. Исходя из необходимости политического переворота, в практической деятельности среди польского и литовского народа программа выдвигала требование вести пропаганду и агитацию своих идей, распространять социалистическую литературу, популяризировать деятельность «Народной Воли», стремиться создать организацию, способную взять на себя инициативу в проведении восстания, создавать кружки среди молодежи и рабочих с целью подготовки их к вступлению в организацию заговора [221]. Террор признавался партией как средство самообороны.

Польское социалистическое движение связывали с народническим и народовольческим также русско-польские кружки в Королевстве, в западных губерниях. К их числу относятся кружки в Пулавском (Ново-Александрийском) сельскохозяйственном институте, существовавшие в 1877—1882 гг., в Варшавском Ветеринарном училище, а также в нескольких гимназиях Королевства [222]. В Белостоке революционные кружки существовали с 1873 г. [223] В 1880—1881 гг. главную роль в кружке играл член Виленской гмины Ст. Ясевич, ставивший задачей создание в Белостоке социально-революционной организации. В Вильне, кроме польской социалистической гмины, вел пропаганду кружок «Друзей народа» (Ф. Заремба, М. Ромм и др.), имевший гектограф и распространявший листовки [224]. Три кружка в 1878—1879 гг. существовали в Могилеве [225]. В 1879 г. был раскрыт пропагандистский кружок в Горы-Горецком сельскохозяйственном институте [226]. В конце 70-х и начале 80-х годов русско-польские кружки существовали также в Минске, Сувалках, Бресте, Слуцке, в Виленской губернии [227]. В этих круж-

[221] ЦГАОР СССР, ф. 102, 7 д-во, 1883 г., д. 42, ч. 1, лл. 5—7.

[222] Кружок 1-й Варшавской гимназии был создан русским студентом-народником А. Лаврениусом и, очевидно, был связан с Варшавской организацией (там же, д. 716, лл. 601—606). Кружок Н. Воинова в Седлецкой гимназии состоял преимущественно из поляков, был связан через воспитанников гимназии — студентов Московского университета — с народническими кружками, а через варшавских студентов — с польским движением (там же, д. 876, лл. 3—73).

[223] *А. Тун.* История революционного движения в России. Л., 1924, стр. 220. В 1878 г. руководителем пропаганды в Белостоке жандармы называли О. Ф. Белявского, студента Петербургского университета, связанного и с народниками, и с членами польской Петербургской гмины и Варшавской организации.

[224] ЦГАОР СССР, ф. 102, 5 д-во, 1881 г., д. 272, лл. 1—5.

[225] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 381; ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1878 г., д. 22.

[226] ЦГАОР СССР, ф. 94, оп. 1, д. 106; ф. 109, 3 эксп., 1879 г., д. 531.

[227] О народнических кружках этого периода в Белоруссии подробнее см.: *С. М. Самбук.* Указ. соч., стр. 105—136.

ках можно наблюдать, с одной стороны, переход молодежи, воспитанной на традициях национально-освободительной борьбы, на позиции социально-революционного движения, и с другой — переход в лагерь польских социалистов молодежи, принимавшей участие в народническом движении. Иногда в этих кружках уживались элементы всех трех движений: русского народнического и польских — социалистического и патриотического.

Самым сильным средством идейного воздействия народничества на польское социалистическое движение были произведения русских революционных демократов, подпольные и заграничные народнические издания. Первыми это засвидетельствовали царские чиновники, утверждавшие, что «на польских социалистов сильное влияние оказала русская революционная литература» [228]. Подтверждение тому можно обнаружить в эпистолярном и мемуарном наследии первых польских социалистов [229]. До появления у польских социалистов революционной литературы на польском языке они широко пользовались народнической пропагандистской литературой, тем более что члены Варшавской организации — интеллигенты и многие рабочие — свободно читали по-русски. Летом 1878 г. им удалось отпечатать за границей десяток социалистических брошюр на польском языке, часть которых являлась переводами русских народнических изданий. В течение первых двух лет польское социалистическое движение не имело своего периодического органа и использовало в своей пропаганде издания народников — «Землю и Волю», «Начало», «Вперед», «Работник», а позже — народовольческие и чернопередельческие издания; реже упоминается в источниках о чтении журналов «Община» и «Набат». Из народнических брошюр польскими социалистами использовались «Сказка о четырех братьях», «Хитрая механика», «Сказка о копейке», «О правде и кривде», «Суд над Чернышевским» и др.

Особой популярностью в среде польских социалистов пользовалась работа П. Л. Лаврова «Исторические письма» (1868—1869 гг.), ставшая их нравственным «катехизисом» и оказавшая значительное влияние на формирование революционной этики, гражданского самосознания не только непосредственно в России [230], но и в других странах Европы. Впоследствии значение деятельности Лаврова на начальном этапе развития революционного народнического движения в России и социалистического движения в Королевстве Польском отмечала Р. Люксембург. «...Было время,— писала Р. Люксембург в 1900 г.,— когда Петр Лавров был духовным вождем и воспитателем целого социалистического поколения в России, когда его имя везде — во всей Европе, где только был вывешен флаг социалистического движения, произносилось с чувством глубочайшего почтения. А это была великолепнейшая эпоха в истории русского революционного движения... Вышедшие в 1870 г. в виде отдельной книги, они [«Исторические письма»] стали в 70-х — 80-х годах книгой воспитания революционной молодежи... Его книга относится к числу тех книг, которые, как говорится, рождены временем. В тех условиях в России только интеллигенция могла явиться носителем

[228] «Материалы для истории революционного движения в Царстве Польском 1877—1885 гг.». Варшава, 1885, стр. 31.

[229] *Е. К. Жигунов.* П. Л. Лавров и его связи..., стр. 354; *K. Dłuski.* Указ. соч., стр. 223.

[230] Вопрос о революционном влиянии «Исторических писем» на польскую молодежь в 70-х годах XIX в. отражен, в частности, в письмах Ю. Узембло к П. Л. Лаврову. См.: *А. М. Орехов.* Письма Ю. Узембло о варшавских социально-революционных кружках (1878—1879 гг.) «Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в.». М., 1974, стр. 50—70.

революционных идей, и обоснование этих идей, само собой разумеется, не могло носить классового характера, т. е. не могло быть материалистическим. Оно должно было, в тех условиях, примыкать к единственному естественному связывающему звену между интеллигенцией и трудовым народом, т. е. к нравственному долгу, другими словами, оно должно было рассчитывать на высокий моральный ценз, принимая во внимание ту великую жертву, которой искупалась борьба. Интеллигентная молодежь все это нашла в «Письмах» Лаврова: полностью соответствующее ее мировоззрению и логически неопреодолимое обоснование социализма, бьющий через край источник революционного воодушевления, героическое самопожертвование, моральную ответственность. Как бы ни был сегодня величественен социал-демократ в своих выступлениях относительно «классовой точки зрения» и своего «материализма», Лавров выпестовал целое поколение героев»[231].

Это одна из многих аналогичных оценок непосредственных участников революционного движения, свидетельствующая о значении «Исторических писем» и деятельности Лаврова в возбуждении чувства долга и ответственности интеллигенции перед народом, пробуждении ее сознания, осмыслении ею своего места в общественном движении России. Сохранилось также несколько эпистолярных и мемуарных свидетельств популярности «Исторических писем» в среде польской молодежи. В феврале 1880 г. с просьбой прислать рукопись второго издания «Исторических писем» и предисловие для польского издания к Лаврову от имени кружка польской молодежи обратился Э. Жичевский. «Могу Вас уверить, что издание будет тщательное и достойное содержания,— писал он.— Будучи уверены, что Вы к молодежи, обращением к которой Вы оканчиваете Ваши «Письма», причисляете и польскую, что распространение среди нее здоровых идей для Вас так же важно, как и среди Вашей родной — русской, мы позволяем себе обратиться к Вам с нашей просьбой...»[232] О том, сколь велико было значение этого произведения Лаврова в деле пропаганды социалистических идей в среде польских рабочих и учащейся молодежи, свидетельствуют и сами польские социалисты. Впервые с просьбой к Лаврову прислать в Варшаву дополненную рукопись «Исторических писем» (для ее перевода на польский язык и последующего издания) обратился 25 июля 1878 г. его эмиссар в Варшаве Ю. Уземблo[233]. Вторично Уземблo напомнил Лаврову о просьбе варшавских социалистов в письме к нему от 7 декабря 1878 г.: «Нам очень желательно было бы издать «Историч[еские] письма». Вот почему обращаюсь с просьбой к П[етру] Лавр[овичу] выслать в Краков дополнения и предисловие»[234]. После некоторого перерыва, вызванного развернувшимися в Польше преследованиями социалистов, вопрос об издании «Исторических писем» был вновь поставлен польскими социалистами на повестку дня в их текущей практической работе. За относительно короткий период — с 21 ноября 1879 г. по 2 сентября 1880 г.— проживавший в это время в Швейцарии К. Длуский неод-

[231] *R. Luxemburg*. Peter Lawrow. «Gesammelte Werke», Bd. I. Berlin, 1970, S. 690—691.
[232] ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 185, л. 1.
[233] Там же, д. 47, л. 15—15 об. 9 октября 1878 г. поторопил Лаврова с присылкой рукописи работы в письме к нему из Женевы и К. Длуский: «Истор[ические] письма» еще не печатаются,— сообщал Длуский,— поэтому будьте добры прислать нам рукопись сколь возможно скорее» (там же, д. 163, л. 2). Сведения о работе над переводом и публикацией «Исторических писем» встречаются в воспоминаниях Ю. Уземблo и В. Серошевского (см.: *Amerykanin (Uziębło)*. Wspomnienia..., str. 62; *W. Sieroszewski*. Dzieła, t. XVI, str. 153).
[234] ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 47, л. 25 об.

нократно затрагивал в письмах к Лаврову вопрос об издании этой работы.

Использование народнической литературы продолжалось и после появления социалистических брошюр на польском языке, о чем свидетельствует количество изъятых при обысках нелегальных изданий [235]. Широко использовались также народнические программные документы, листовки.

Снабжали Варшаву литературой народнические организации, переправлявшие ее в Королевство из-за границы, пересылавшие под видом разных грузов по железной дороге, передававшие местным (главным образом Петербургской) гминам, которые отправляли ее с оказией или через специальных посланцев в Варшаву [236]. Значение народнической литературы в Королевстве Польском измеряется не количеством распространявшихся там экземпляров, а степенью воздействия ее на передовую молодежь, на польских рабочих и ремесленников. Национальное угнетение и многие годы борьбы за освобождение сами по себе ставили перед каждым поляком политические вопросы, будили интерес к событиям в России, заставляли прислушиваться к отзвукам революционных выступлений против царизма, пытаться понять смысл и цели этой борьбы и сопоставить их с собственными интересами. Трудящееся население польских городов (где процент грамотности был выше, чем в России) было достаточно развитым в политическом отношении. Народнические требования освобождения трудящихся от экономического, политического (в том числе и национального) угнетения соответствовали заветным желаниям польских рабочих и находили у них сочувствие. Польские рабочие, ремесленники и передовая интеллигентная молодежь с интересом читали, слушали и распространяли народнические издания. Воздействие этой литературы на их мировоззрение было не меньшим, чем на русских рабочих и крестьян.

Идеологическое воздействие народничества находит в это время свое отражение в ряде положений уставных и программных документов, тактических установках первых польских социалистов. Устав Варшавской организации (который в 1879 г. почти без изменений был принят Краковской организацией) пока не найден. О нем можно лишь судить по воспоминаниям составителей, следственным документам и структуре организации. Первичное построение Варшавской организации на основе создания «касс сопротивления» и руководящего кружка социалистов-интеллигентов не было новым для России: народники практиковали аналогичные методы уже с начала 1870-х годов. В уставе «Земли и Воли» мы видим то же построение организации: «основной кружок», «территориальные кружки» и «специальные группы» [237].

В программах первых польских социалистов переплетались теории русского народничества и научного социализма, отображая, по выражению И. В. Волковичера, «неразбериху, существовавшую в умах идеологов движения» [238]. Однако, пожалуй, наиболее сильное идеологическое воздействие на польских социалистов проявилось в конце 70-х годов

[235] У А. Грабовского, например, была найдена часть библиотеки Варшавской организации (около тысячи экземпляров), в которой оказалось 10 названий брошюр на польском языке, 5 на немецком, 1 на французском, 4 на украинском и 32 названия на русском языке (ЦГАОР СССР, ф. 110, оп. 24, д. 715, лл. 5—7).

[236] Далеко не все каналы, «наводнившие» Варшаву народническими изданиями, указал в особом показании А. Родзевич (см.: *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 321—351).

[237] «Революционное народничество...», т. II, стр. 34—42.

[238] *И. Волковичер.* Начало польского социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше, ч. I. М.— Л., 1925, стр. 79—80.

со стороны П. Л. Лаврова, что нашло определенное отражение в программных документах польского социалистического движения — так называемой Варшавской (рукописная, 1878 г.), Львовской (рукописная, конец 1878 — начало 1879 г.; документ известен под названием «Cel i pobudki»), Брюссельской (опубликована в октябре 1879 г. в № 1 журнала «Рувность») программах [239].

Проекты программ, разрабатывавшиеся в гминах в 1880 г., пока не найдены, но по изложению их в следственных документах, по черновикам рукописей и записям, относящимся к разработке и обсуждению программных вопросов на собраниях представителей гмин, можно видеть, что на них сказывалось влияние основных течений народничества. В рукописи, найденной на квартире Р. и М. Пеховских, программа «Рувности» подвергается критике в известной мере с народовольческих позиций за отсутствие в ней положений о государстве, о власти, о политических свободах, а главное — за игнорирование национального вопроса [240].

О проекте программы, составленной членами Петербургской гмины и называвшейся «План действий социальной партии и будущего устройства Польши», царские чиновники отзывались так: «Принципы, положенные в основание, чрезвычайно схожи, если не тождественны, с принципами революционной партии под названием «Черный передел», которая всегда была симпатична польской социально-революционной партии» [241]. А. Родзевич в своих показаниях отмечал и отличие польской программы от программы «Черного передела», заключающееся в том, что чернопередельцы планировали немедленное введение после социальной революции общинного землевладения, а поляки предусматривали коллективное землевладение лишь в более или менее отдаленном будущем [242]. В ряде документов, изъятых у членов Варшавской организации, встречаются ссылки на опыт русского революционного движения. Т. Балицкий разрабатывал вопрос о возможности общинного («гминного») устройства Польши. Члены Варшавской организации, находившиеся в цитадели, в письме к товарищам отстаивали принципы программы 1878 г., в том числе анархию, которую понимали «в самом широком смысле, как децентрализацию власти и полное самоуправление...». Как бы возражая им, автор записки («Прибавления») о ходе обсуждения программных вопросов несколько раз ссылается на русское революционное движение, доказывая, что теперь оно уже не то, каким было в 1878 г., что оно «с того времени ушло далеко и по разным направлениям» [243]. По свидетельству Родзевича, на совещаниях по программным вопросам в 1880 г. обсуждался вопрос об отношениях с русскими революционными организациями.

Нельзя не заметить и сходных моментов в тактике польского и русского движений тех лет. Оба движения средствами достижения цели считали организацию народных сил, устную и письменную пропаганду, агитацию и затем совершение насильственной социальной революции, отрицая при этом легальные пути. Если среди польских социалистов не получило распространение «хождение в народ», то это не означает, что попыток пропаганды в деревне не предпринималось. Работа среди крестьян велась, но не получила размаха, ибо была безуспешной.

[239] *Е. К. Жигунов, Е. Б. Рашковский.* Ранние программы..., стр. 20—21.
[240] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 303—305.
[241] ЦГАОР СССР, ф. 110, оп. 24, д. 716, л. 585.
[242] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 308, 312—314.
[243] Там же, стр. 306—307.

Бо́льших результатов достигали польские социалисты в пропаганде среди рабочих, когда социалисты-интеллигенты поступали на фабрики и заводы в качестве слесарей, токарей, столяров для более тесной связи с рабочими.

Террор польскими социалистами поначалу не был признан тактическим средством борьбы. Однако террористические тенденции в Варшавской организации наблюдаются с 1878 г., о чем свидетельствуют следственные материалы, бумаги, изъятые при обысках, и воспоминания участников движения [244]. Эти настроения усилились после убийства в камере цитадели члена организации Ю. Бейте и избиения остальных арестантов. Многие члены организации, преимущественно рабочие, начали подготовку покушения на генерал-губернатора П. Е. Коцебу и прокурора судебной палаты В. К. Плеве. Руководители организации с большим трудом уговорили «активистов» отказаться от этих намерений [245]. Рабочие использовали решение организации о допустимости уничтожения «лиц, на которых падут неопровержимые доказательства в шпионстве» и в декабре 1880 г. убили провокатора А. Неймана, проникшего в организацию. Террористические настроения в среде участников польского движения, конечно, возникали под влиянием деятельности народовольцев. «На польской почве,— пишет Ж. Корманова,— в те годы террористическую концепцию поддерживал аргумент неотразимой силы: непревзойденный, героический, захватывающий пример «Народной Воли» [246]. Применялся польскими социалистами и экономический («бумажный») террор, выражавшийся в посылке владельцам фабрик, заводов и мастерских письменных требований повысить заработную плату рабочим, не притеснять их штрафами и грубым обращением, с угрозой в противном случае уничтожить и их предприятия, и их самих [247]. Вообще первые польские социалисты во многом стремились брать пример с русских революционеров. М. Янковская на совещании в Варшаве в 1880 г. требовала, чтобы члены организации в случае ареста вели себя на допросах так, как русские товарищи. Ф. Пласковицкая предложила заключенным в цитадели членам Варшавской организации объявить «по примеру русских социалистов» голодовку в знак протеста против бесчеловечного обращения тюремной администрации. Следуя этому примеру, Л. Варыньский организовал в 1879 г. голодовку заключенных в краковской тюрьме.

Сравнивая тактику народников и польских социалистов, можно отметить наличие моментов, сближающих оба движения. Если же провести аналогичное сравнение с основами тактики западных социал-демократических и социалистических партий, то здесь можно найти мало общего с методами деятельности польских социалистов (хотя в Варшавской организации были отдельные сторонники тактики немецких социал-демократов) [248].

Тесные и разносторонние связи первых польских социалистов с народниками и, как следствие, взаимовлияние обоих движений в области идеологии, тактики и организационных вопросов прочно скрепили союз революционных сил России и Польши, знаменовали собой переход русско-польского революционного союза на более высокую ступень. Пока

[244] *И. Волковичер.* Указ. соч., стр. 33, 42, 45; *Amerykanin.* Wspomnienia..., str. 61—63.
[245] *M. Mazowiecki* (*L. Kulczycki*). Historia ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim. Kr., 1903, str. 37.
[246] *Z. Kormanowa.* Kazimierz Puchewicz i «Solidarność». «Niepodległość», 1939, t. XIX, z. I, str. 6.
[247] ЦГАОР СССР, ф. 110, оп. 24, д. 1081, лл. 46—47 и др.
[248] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 379—383.

основной задачей польского революционного движения являлась борьба за национальное освобождение Польши, а русское движение преследовало социально-политические цели, общей почвой для них была борьба с самодержавием и взаимная помощь в достижении целей каждого отдельного движения. Союз же польских социалистов с революционными народниками стал в значительно большей мере союзом единомышленников, союзом движений, преследовавших аналогичные цели.

5. Польская и русская революционная эмиграция 1876—1882 гг.

С организацией в России, а затем в Королевстве Польском первых польских социалистических кружков устанавливаются связи их представителей с русской революционной эмиграцией. Уже в июне 1876 г. редакцию «Вперед!» посетил делегат петербургского польского печатного социалистического органа [249]. Польские социалисты были связаны также с редакциями эмигрантских газет «Работник» и «Община», с подпольными редакциями в России — «Начало», «Земля и Воля», которые при всех своих частных разногласиях «все стояли на почве интернационального социализма, борьбы за права пролетариата, принципа коллективной собственности» [250]. Через коммунара К. Турского они были связаны с группой П. Н. Ткачева «Набат» и эмигрантским «Обществом пособия политическим изгнанникам из России» [251].

Благотворное воздействие П. Л. Лаврова на польских социалистов, установивших и поддерживавших с ним в 1878—1881 гг. тесные дружественные связи, проявилось в его стремлении всячески содействовать проникновению в польскую среду идей I Интернационала, ориентировать социалистов прежде всего на необходимость тщательного изучения трудов основоположников научного социализма. Интернационализм Лаврова, его дружественные отношения с Марксом и Энгельсом, искреннее сочувствие угнетенным народам Российской империи, учение о моральном долге революционера, ориентация на пропаганду и организацию преимущественно среди городских рабочих были достаточно хорошо известны польским социалистам. В практической деятельности взаимоотношения Лаврова с ними выразились в эти годы в организации в конце 1878 г. дружественной Федерации между лавровским кружком социалистов-пропагандистов в Париже и польской федерацией социально-революционной пропаганды в Варшаве [252]; в привлечении им в 1878—1880 гг. польских социалистов к работе по созданию тайного Интернационала (на принципах Международного Товарищества Рабочих) для подготовления социальной революции, а также в привлечении к работе по созданию тайной Федерации славянских социалистических групп [253] с целью содействия развитию социализма и повседневной помощи друг другу; в поддержке в 1879—1881 гг. польских социалистов-интернационалистов в их идеологической борьбе с так называемыми национальными социалистами; в постоянной литературной помощи польскому социалистическому движению.

[249] *Е. К. Жигунов.* П. Л. Лавров и его связи..., стр. 344—345.
[250] ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 178, л. 29.
[251] Членом женевского комитета «Общества» был и К. Длуский (см.: ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 317, л. 34 об.).
[252] «Проект устава» см.: *Е. К. Жигунов, Е. Б. Рашковский.* Из истории..., стр. 299.
[253] «Проект Федерации» см.: *Е. К. Жигунов.* П. Л. Лавров и его связи..., стр. 348—349.

С образованием в Женеве в 1879 г. польской социалистической группы «Рувность» связи между русской и польской эмиграцией становятся особенно тесными. Русские подпольные и заграничные издания печатали статьи и сообщения о социально-революционном движении в Королевстве [254]. Польские социалистические журналы «Рувность», «Гавенды...», «Пшедсвит» помещали аналогичные корреспонденции из Петербурга, Москвы, Киева.

Группа «Рувность», после раскола в 1879 г. «Земли и Воли» больше сочувствовавшая чернопередельцам, установила дружеские отношения с Г. В. Плехановым, Л. Г. Дейчем, В. И. Засулич и Я. В. Стефановичем. Польские социалисты избрали своим местопребыванием небольшое местечко под Женевой, где жили названные выше русские эмигранты. «Одно уже это, — писал Дейч, — в сильной степени содействовало нашему сближению со всеми польскими товарищами и в особенности с двумя названными выше лицами [Л. Варыньским и Ш. Дикштейном], но помимо этого нас с Дикштейном и Варыньским связывало еще единство во взглядах, привычках и стремлениях» [255]. Говоря о «единстве во взглядах» чернопередельцев и членов группы «Рувности», Дейч в общем прав. Варыньский и его товарищи, оставаясь в вопросе об отношении к политической борьбе на позициях «впередовцев» и «Брюссельской» программы, в 1880 г. предлагали Плеханову заключить с ними «оборонительно-наступательный союз» [256]. Однако тесные связи Варыньского с Плехановым и его группой объясняются не только сочувствием, личной симпатией и сотрудничеством, но и тем, что обе эти группы находились на общем для них пути перехода к марксизму.

Группа «Рувности» вначале критиковала программу действий «Народной Воли», считая, что она является отказом от социалистических идей и имеет тенденции к «либеральному конституционализму» [257]. Но, видя, что «Черный передел» слабо проявляет себя в русском революционном движении, что «Народная Воля» привлекла на свою сторону большинство русских революционеров и превратилась в силу, к которой стали тяготеть почти все течения русской эмиграции, «Рувность» меняет свое отношение к народовольцам. «Мы, польские социалисты, — писала «Рувность» несколько позже, — живо чувствуем и понимаем героическую борьбу, которую ведут сейчас русские социалисты со своим правительством. С замиранием сердца следим мы за каждым ее проявлением и горячо желаем победы тем, кто на своем знамени начертал: смертный бой со всякой тиранией и угнетением» [258]. Способствовала сближению польских социалистов с русскими революционерами и проявившаяся к концу 1880 г. в среде последних эволюция в постановке и возможном решении национального вопроса. При непосредственном участии А. И. Желябова, более других среди руководства «Народной Воли» осознававшего существовавшую логическую взаимосвязь между решением этого вопроса и успехом в развитии революционного движения в России, в «Программе рабочих, членов партии „Народной Воли"» (ноябрь

[254] В 1878 г. жандармы возмущались тем, что первое дознание о Варшавской организации было закончено 4 декабря, а журнал «Земля и Воля» опубликовал «весьма точные сведения о данных, добытых дознанием» уже 25 октября того же года («Земля и Воля», № 1, от 25 октября 1878 г.; ЦГАОР СССР, ф. 110, оп. 24, д. 711, л. 201).

[255] *Л. Дейч.* Русская революционная эмиграция 70-х годов. Пг., 1920, стр. 38.

[256] Там же, стр. 39.

[257] «Równość», 1878, N 2.

[258] «Równość», 1880, N 5.

1880 г.) было записано: «Народы, насильственно присоединенные к русскому царству, вольны отделиться или остаться в Общерусском союзе» [259]. Народовольцы также стремились к установлению связей с группой «Рувности» и польским социалистическим движением. Находившийся в эмиграции член ИК «Народной Воли» Н. А. Морозов писал в январе 1881 г. В. Н. Фигнер, что он завязал хорошие отношения с редакцией «Рувности», пытался вместе с П. Л. Лавровым привлечь польских социалистов-эмигрантов к участию в «Русской Социально-революционной Библиотеке» [260]. При задержании (во время нелегального перехода через границу) у Морозова нашли адреса руководителей Варшавской организации З. Балицкого и К. Сосновского, что свидетельствовало о его намерении установить при содействии «Рувности» связь с польскими социалистическими организациями в Королевстве и непосредственно в России. К январю 1881 г. установились тесные дружественные отношения между группой поляков — «бланкистов» (К. Турский, К. Яницкий и др.) и С. М. Кравчинским, также предполагавшим выехать в Петербург. От Турского получил Кравчинский письма для передачи в Петербурге В. Гусеву и И. Е. Алексееву, сведения о лицах, которые могут оказать ему помощь при организации в России нелегальной типографии [261]. Одновременно Турский сообщил Кравчинскому об успешном завершении переговоров между «Вру[блевским] и польским Ком[итетом]» [262]. Со своей стороны, для связи с польскими эмигрантами Кравчинский обещал выслать адрес по прибытии в Петербург.

Горячо приветствовал появление первых номеров «Рувности» П. Л. Лавров. В статье «Письма из Парижа» (послана в ноябре 1879 г. для публикации в «Народной Воле») Лавров, охарактеризовав содержание журнала, заявлял: «Да, вот единственная почва истинного братства между поляками и русскими, почва, на которой исчезают все старые политические традиции хищничества, национального преобладания, государственной гегемонии — почва социалистических принципов и совместной борьбы против всемирных врагов рабочего» [263].

С особой силой стремления русских и польских революционеров к сотрудничеству в практической работе, к взаимопониманию проявились в их выступлениях на международном митинге, созванном редакцией «Рувности» в Женеве 29 ноября 1880 г. в 50-летнюю годовщину восстания 1830—1831 гг. В приглашении русской эмигрантской колонии на митинг (послано 20 ноября 1880 г. Лаврову) Ст. Мендельсон от имени редакции «Рувности» так объяснял замысел его направленности: «...мы желаем ему придать чисто-социалистический характер и выступить против национального вопроса, того Молоха, который пожирал все наши силы и не позволял пробуждению сознания среди нашего народа. В этой тяжелой борьбе мы будем очень рады получить поощрение от интернациональных товарищей» [264]. В адрес митинга поступили приветствия от

[259] «Революционное народничество...», т. II, стр. 188.

[260] *С. С. Волк.* Народная воля, стр. 410; *Е. К. Жигунов.* П. Л. Лавров и его связи..., стр. 351—353. Через Я. Стефановича, состоявшего «в очень хороших отношениях со здешней польской «Рувностью», Морозов переправил с помощью польских социалистов в Россию в октябре 1880 г. часть тиража брошюры Лаврова «18 марта 1871 г.» (ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 317, лл. 28—29).

[261] ЦГАЛИ СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 457, лл. 2—3.

[262] Там же. Деятельное участие в работе редакции «Рувности» принимал и бывший бакунист Н. И. Жуковский. Его товарищ, А. Эльсниц, писал в декабре 1880 г. З. Арборе-Ралли, что Жуковский «весь ушел в польское дело и состоит при «Równości»».

[263] *Е. К. Жигунов, Е. Б. Рашковский.* Из истории..., стр. 294—295.

[264] ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 303, л. 3.

Лаврова, Плеханова, Черкезова, Гартмана, коллективное послание русских революционеров-эмигрантов [265]. С речью, посвященной русско-польским революционным связям, обратился к собравшимся Л. Варынский, призвавший к единству действий польского и русского пролетариата в грядущей социальной революции. Выступавшие на митинге Засулич, Кропоткин, Жуковский, подчеркнув необходимость русско-польского революционного союза, выразили сомнение (особенно Засулич) [266] в правильности утверждения польских социалистов (Дикштейна, Длуского, Мендельсона), что национальные чувства польского народа ослабли. Не высказал ожидаемого организаторами митинга осуждения существованию национальной проблемы в текущей деятельности польских социалистов и Лавров. В послании 27 ноября 1880 г. организаторам митинга [267] Лавров, обращением к славным именам в польской истории, напоминанием о самоотверженной борьбе польского народа под предводительством Т. Костюшки еще раз повторял польским социалистам ту истину, проникновению которой в сознание передовых людей польского революционного движения он отдал в 70-е годы значительные силы. Лавров справедливо считал, что не отрицание польскими социалистами существования национального вопроса для польских трудящихся в их борьбе за национальную независимость своей родины и социальное освобождение должно стать лозунгом польского социалистического движения. Польские социалисты, указывал Лавров, должны приложить все силы, чтобы славные традиции национально-освободительного движения их народа соединились с современной борьбой трудящихся Польши против капиталистической эксплуатации. Только тогда будет возможно достижение национальной независимости польского народа, свергнувшего в совместной борьбе с русским народом самодержавие и освободившегося от эксплуатации «обладающего меньшинства». Позиция Лаврова и других русских революционеров полностью совпадала с мнением К. Маркса, Ф. Энгельса, П. Лафарга и Ф. Лесснера, выраженным в их коллективном послании митингу [268].

Женевский митинг, с одной стороны, подтвердил наличие тесных связей между польскими социалистами-интернационалистами и русскими революционерами и послужил дальнейшему расширению сотрудничества между ними, с другой — проявил позицию группы «Рувность» в национальном вопросе, с которой русские революционеры не могли согласиться. Однако в борьбе с националистами русские революционеры и польские интернационалисты выступали единодушно. В том же 1880 г. они дали резкий отпор М. П. Драгоманову, предложившему собранию политических эмигрантов из России свою резолюцию по национальному вопросу [269], а в октябре 1881 г. — Б. Лимановскому на международном социалистическом конгрессе в Хуре [270].

Журнал «Пшедсвит», первый номер которого вышел 15 августа 1881 г., продолжил традиции «Рувности» в деле сотрудничества с русским революционным движением. На его страницах были опубликованы

[265] «Pierwsze pokolenie marksistów polskich. Wybór pism i materiałów źródłowych z lat 1878—1886». Wyboru dokonała, wstępem i przypisami opatrzyła A. Molska. W., 1962, t. II, str. 713.

[266] *Т. Г. Снытко.* Указ. соч., стр. 402.

[267] «Sprawozdanie z międzynarodowego zebrania zwołanego w 50-letnią rocznicę listopadowego powstania przez redakcję «Równości» w Genewie». Genewa, 1881, str. 20.

[268] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 19, стр. 249.

[269] *М. П. Драгоманов.* Собрание политических сочинений, т. I. Париж, 1906, стр. 229.

[270] *B. Limanowski.* Pamiętniki, t. II. W., 1958, str. 271; «Przedświt», 25.X 1881, N 5; 1.XII 1881, N 6—7.

статья В. Пекарского «Русское социально-революционное движение», в которой выражалась солидарность польских социалистов с русскими революционерами, ряд биографических очерков о видных деятелях русского движения (И. Гриневицком, С. Халтурине, Н. Чернышевском, П. Лаврове, С. Перовской, А. Желябове, В. Фигнер и др.), сообщения о революционных событиях в России, о выходе новых русских подпольных изданий, об арестах и т. д. В номере 8 журнала помещено обращение Красного Креста «Народной Воли» и сообщение редакции о приеме пожертвований в пользу этой организации; в номерах 6—7 опубликованы «Русские доклады» на конгрессе в Хуре и обращение «К товарищам русским социалистам» (далее — Обращение) от 3 ноября 1881 г.

Обращение явилось выражением стремления польских социалистов к укреплению союза с революционными организациями в России, к единству действий в совместной борьбе с самодержавием. Одновременно оно стало и важнейшим программным документом польских социалистов, свидетельствующим об их отказе от прежних анархистских позиций, признании необходимости ведения политической борьбы рабочего класса за установление демократических свобод, свержение самодержавия, завоевание политической власти в стране и построение социалистического общества. Ссылаясь на принятое после переговоров с русскими революционерами в 1880 г. решение группы «Рувность» о том, что социалистическая партия может быть создана на основе экономических и политических условий, существующих в данном государстве, «причем этнографические границы национальности не могут служить основой организации», авторы Обращения писали: «Польская социалистическая партия как нечто целое существовать не может, а могут быть только польские социалистические группы в России, Австрии и Германии, которые сообща с социалистическими организациями других национальностей в данном государстве создают органический союз, что не препятствует им входить в связь между собой и с другими социалистическими организациями». Исходя из того же решения и учитывая, что «успешность террористической борьбы за политические свободы в России обуславливается солидарным сотрудничеством организованных рабочих масс разных национальностей в границах Российского государства», польские социалисты выдвинули предложение об объединении русских и польских революционных организаций в Королевстве и России в единую партию. Они заявили: «I. Необходимо создание одной общей социалистической партии, в состав которой вошли бы социалистические организации разных национальностей в пределах Российского государства. II. Необходимо, чтобы организации, борющиеся на экономической и политической почве обособленно, слились с целью осуществления действий совместными силами. III. Необходимо разработать общую политическую программу для всех социалистов, действующих в границах Российского государства, которая бы как можно полнее соответствовала высказанным нами требованиям»[271]. Правда, в Обращении не уточнялось, в какой форме мыслится объединение, — в форме федерации или полного слияния, но поскольку в документе говорилось о польских социалистических группах во всех частях Польши, о связях между ними, надо полагать, что авторы обращения имели в виду все же объединение типа федерации. Вместе с тем, польские социалисты желали не просто объединиться с народовольцами, но стремились повлиять на направление деятельности «Народной Воли»: во вступительной части Обращения го-

[271] «Pierwsze pokolenie...», t. I, str. 573—579; ЦГАОР СССР, коллекция нелегальных изданий, № 10407.

ворилось, что главной и основной тактической задачей социалистов, как на Западе, так и в России, должна являться «действенная организация трудящихся» и пропаганда («распространение социалистической солидарности»). Авторы обращения подчеркивали, что создание социалистической партии в первую очередь должно сопровождаться «экономическими условиями». О «государственно-политических условиях», т. е. о политических требованиях, говорилось во вторую очередь.

Главными недостатками Обращения является недооценка национального вопроса и признание террора как метода политической борьбы [272]. В Обращении не оговаривался характер будущей единой социалистической партии как партии рабочего класса (действительно, «Народняя Воля» и «Черный передел» не были рабочими партиями и, очевидно, именно по этой причине в Обращении редко говорится о «рабочем классе», чаще употребляются выражения «класс трудящихся», «трудящиеся массы»). Террор польские социалисты рассматривали как чисто русское явление, порожденное преследованиями царских властей против мирных пропагандистов, как вынужденную меру, применимую лишь в условиях России. Два последних момента могут рассматриваться как уступки народовольцам, означавшие известный шаг назад, по сравнению с предшествующими программами польских социалистов. Но влияние народовольчества на этот документ проявилось и с положительной стороны: отныне польские социалисты становились на позиции политической борьбы. Они считали необходимым союз с русскими революционерами не только для победы над царизмом, но и для того, чтобы в случае таковой не позволить националистам воссоздать буржуазно-помещичье Польское государство. Заканчивалось Обращение словами: «Мы твердо убеждены, что союз социально-революционных сил в границах России не только в данном время усилит интенсивность этих сил в борьбе с нашими общими врагами, но явится гарантией против всяких стремлений использовать результаты наших трудов в других целях» [273].

Открытое предложение польских социалистов-интернационалистов русским революционерам объединить организации прозвучало как вызов всем польским националистам, стремившимся отгородить Польшу от русского «кровавого нигилизма», вызвало с их стороны озлобленные нападки. Авторы Обращения к этому были готовы: «Такая постановка вопроса, естественно, вызовет много обвинений, вас будут обвинять в московском централизме, а нас в измене национальным традициям. Мы, однако, уверены, что перед величием задач, стоящих перед нами, перед трудностями борьбы, какая нас ожидает, эти обвинения не будут иметь влияния на наше общее начинание. Для нас прошло время сепаратизма и традиционной ненависти. Общность цели должна по-братски соединить нас на поле боя. Время и практика докажут правильность наших убеждений» [274].

Заключительные слова Обращения оказались пророческими. История доказала правильность убеждения первых польских социалистов в том, что только в союзе с русскими революционерами польский пролетариат может добиться уничтожения национального, политического и социального угнетения. Неоспоримо значение Обращения как новой прог-

[272] *M. Mazowiecki* (*L. Kulczycki*). Указ. соч., str. 41; *H. Bicz* (*Bitner*). Proletariat. M., 1934, str. 24; *F. Perl.* Dzieje ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim (do powstania PPS). W., 1958, str. 151; *L. Baumgarten.* Dzieje Wielkiego Proletariatu. W., 1966, str. 39; *Ф. Кон.* История революционного движения в России. Харьков, 1929, стр. 166 и др.

[273] «Pierwsze pokolenie...», t. I, str. 578.

[274] Там же, стр. 578—579.

раммы польских социалистов, как пропагандистского документа, как свидетельства их искреннего стремления к тесному боевому союзу с русским революционным движением.

Немедленных изменений в отношениях с русскими революционерами Обращение не вызвало. Переговоры Варыньского и заграничного польского социалистического центра (Длуский, Мендельсон, Дикштейн, Янковская) с М. Н. Ошаниной, Л. А. Тихомировым и другими представителями «Народной Воли» в 1882—1883 гг. к успеху не привели. В значительной степени это объяснялось стремлением заграничного руководства «Народной Воли» (Тихомиров, Ошанина), отстаивавшего принципы централизма партии, к определенному организационному подчинению польского революционного движения. Одновременно, в связи с возникшими к этому времени среди членов заграничного польского социалистического центра разногласиями по вопросу о дальнейших организационных формах развития польского социалистического движения, изменилось у польских социалистов и отношение к Обращению. Фактически они отказались от своих призывов и предложений народовольцам об объединении партий и аннулировали Обращение. Такое решение было принято на съезде в мае 1883 г. и зафиксировано в его резолюции: «...принимая во внимание настоящие условия нашего движения и то, что государственные организации не составляют нигде одного целого, и еще по другим теоретическо-практическим расчетам — группа «Przedświt» большинством голосов на съезде в мае 1883 г. считает решения «Równości», повторенные в воззвании «К тов[арищам] рус[ским] социалистам», не соответствующими»[275]. Немалое воздействие на польских социалистов в принятии такого решения оказало и определенное изменение взглядов руководства «Народной Воли» (после арестов А. Д. Михайлова, Желябова, Перовской и др.) на национальный вопрос. В посланном в конце 1881 г. наиболее видным деятелям русской революционной эмиграции письме[276] ИК Народной Воли» заявлял в частности: «Принцип „Народной Воли" несовместим с насильственным подавлением национальностей, особенно таких, как, напр[имер], Польша, которых историческое прошлое заставляет стремиться к национальности. Итак, мы не препятствуем кому бы то ни было отделяться, но нельзя не заметить, что вопрос этот до такой степени неразре[шим] (кроме Польши), до такой степени сочиненный, что и говорить о нем не стоит, в сущности»[277]. Это, на первый взгляд, казалось бы, логичное изложение взглядов по существу противоречиво. Единственная конкретная нация (польская), оговоренная в «Письме ИК», оказывается, имеет право отделиться не столько исходя из принципов «Народной Воли», сколько на основании «исторического прошлого» Польши. Уместно заметить, что с этих позиций право Польши на национальную независимость рассматривали главным образом представители лагеря патриотов польской повстанческой эмиграции и некоторые так называемые «национальные» социалисты. Заявляя о принципах «Народной Воли» и выделяя Польшу как единственно возможную страну, имеющую право на независимость, ИК здесь же гово-

[275] «Przedświt», 1 października 1883, N 24, str. 4. Несмотря на обещание ознакомить читателей с материалами съезда более широко, упоминаний о них в польской социалистической печати более не встречалось.

[276] «Революционное народничество 70-х годов..», т. II, стр. 315. В литературе существует мнение, что автором «Письма ИК» был Л. А. Тихомиров (см.: *С. С. Волк.* Письмо Исполнительного комитета «Народной Воли». «Исследования по отечественному источниковедению». М.— Л., 1964, стр. 184).

[277] «Революционное народничество 70-х годов», т. II, стр. 320.

рит о неразрешимости национального вопроса, игнорируя при этом положения «Программы рабочих, членов партии «Народной Воли», не вспомнив даже о Финляндии, историческое прошлое которой давало ее народу не меньшее право на отделение. Руководители «Народной Воли» не пытались искать оптимальных путей решения национальной проблемы, они противоречили сами себе и в конце концов заявили, что говорить-то, в сущности, не о чем! В этом отношении их взгляды были изложены более «последовательно» в передовой статье № 8—9 «Народной Воли» (от 5 февраля 1882 г.). В ней объявлялось, что инициатива революционеров, участвовавших в государственном перевороте и свержении самодержавия, после социальной революции должна быть направлена на создание общерусского Земского Собора с функциями временного революционного правительства, учредительная деятельность которого распространится на территорию всего государства. «Только после закрепления революционных приобретений, — говорилось в передовице, — после твердой установки общих основ нового строя отдельным народностям должно быть предоставлено право — определить свою политическую связь с целым государством» [278]. Таким образом, руководители «Народной Воли» допускали ту ошибку, от которой впоследствии предостерегал революционеров В. И. Ленин, выдвигавший одной из главных задач необходимость «требовать освобождения угнетенных наций не в общих расплывчатых фразах, не в бессодержательных декламациях, не в форме «откладывания» вопроса до социализма, а в ясно и точно формулированной политической программе, специально учитывающей лицемерие и трусость социалистов в угнетающих нациях» [279]. В одном из сохранившихся черновиков ответа на «Письмо ИК» Кравчинский, критикуя руководство «Народной Воли» за непоследовательность и противоречивость его позиций в национальном вопросе, писал: «Вы собственноручно отталкиваете не только либ[ералов] и умер[енных], но даже часть революционных сил, готовых быть Вашими союзниками, — именно автономистов разных национальностей. В петитной передовице последнего номера, в конце, Вы говорите, напр[имер], что национальностям будет предоставлено [право] отделиться только тогда, когда будут упрочены соц[иальные] завоевания, что до окон[чания] закон[одательных] работ Зем[ского] Соб[ора], кот[орый] зам[еняет] мест[ное] врем[енное] правит[ельство], [отделение национальностей] воспрещается (а при временном правит[ельстве], стало быть, и упаси бог). По-моему, эта фраза — звук пустой. Вообразите, что Вы во временн[ом] правит[ельстве] и вдруг ПОЛЬША, не дождавшись не только благодеяний Собора, но даже созыва Собора, — провозглашает свою независимость и создает свое временн[ое] правит[ельство]... Ну, что ж Вы будете делать? Пошлете туда Муравьевых с армиями, что ли? Эта фраза... выражает Ваши тенденции и совершенно достаточна, чтобы оттолкнуть от Вас,— не знаю всех ли, но, наверное, значит[ельную] часть националистов... Вы, очев[идно], просто хотели провести последов[ательно] свою госуд[арственную] теорию» [280]. Решение национального вопроса руководство «Народной Воли» пыталось трактовать исключительно с позиций государственной политики революционеров после свержения самодержавия и захвата ими власти, но без учета того, что мыслившаяся ими будущая победоносная революция могла свершиться лишь при условии

[278] «Литература партии «Народная воля», стр. 166.
[279] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 256.
[280] ЦГАЛИ СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 533, лл. 6—7.

выдвижения требования предоставления полностью и безоговорочно «свободы отделения всех угнетенных царизмом наций от России» [281]. Авторы «Письма ИК» и передовой № 8—9 «Народной Воли» были далеки от понимания того, что к желаемому ими слиянию наций «человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т. е. их свободы отделения» [282]. Неосознание этого определенной частью руководителей русского революционного движения конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. определило закономерную в данном случае эволюцию их взглядов по национальному вопросу: от признания землевольцами своей обязанностью «содействовать распадению» Российской империи «соответственно местным желаниям», к желябовскому представлению о «спасении в распадении империи на автономные части» [283] и, наконец, к тихомировскому девизу «взять на себя роль охранителей целости империи» [284]. Последнее являлось одним из достаточно наглядных свидетельств проявившегося к началу 80-х годов кризиса народовольческой идеологии.

Однако, несмотря на возникшие к 1882 г. внутренние разногласия в трактовке русскими революционерами и польскими социалистами некоторых вопросов тактики революционного движения, отдельных теоретических положений социализма, это не сказалось сколько-нибудь отрицательно на их практическом сотрудничестве в совместной борьбе с самодержавием. Оно проявилось в эти годы почти во всех отраслях революционной деятельности русских и польских кружков и организаций, а также отдельных лиц, действовавших как на территории Российской империи, так и в эмиграции. Причем стремление к сотрудничеству с русским революционным движением наблюдается в начале 80-х годов и в среде польских так называемых «национальных» социалистов. Так, например, достаточно прочные дружественные отношения установила с П. Л. Лавровым [285] возникшая в Париже в 1882 г. организация «Люд польский» К. Сосновского (объединяла около 30 человек, являлась частью одноименного общества, основанного в 1881 г. в Швейцарии Б. Лимановским), поставившая своей целью борьбу за достижение «национальной независимости в границах добровольного тяготения населения к Польше» [286].

* * *

Вопрос о союзе польских социалистов и русских революционеров приобрел в 70 — начале 80-х годов особую важность. Необходимость объединения русских и польских революционных сил для общего напора на царизм, для уничтожения в первую очередь самодержавия в России отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс. Основоположники научного коммунизма считали, что вслед за русским 1789 годом неизбежно последует русский 1793 год [287], что вслед за свержением самодержавия и буржуазной революцией в России произойдет демократический переворот. Именно поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс в приветственном письме Женевскому собранию, созванному редакцией «Рувности» в ноябре 1880 г., писали о

[281] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 67.
[282] Там же, стр. 256.
[283] *Ник. Ашешов.* Андрей Иванович Желябов. Материалы для биографии и характеристики. Пг., 1919, стр. 159.
[284] ЦГАЛИ СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 182, л. 10.
[285] ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 390, 392.
[286] Там же, ф. 102, 3 дел-во, 1884 г., д. 806, л. 39.
[287] См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 19, стр. 124.

необходимости объединения усилий польских и русских революционеров в борьбе с царизмом [288]. Первые польские социалисты это понимали, всячески стремились к союзу с революционной Россией и по возможности осуществляли его в практической деятельности.

Связи революционеров России и Польши стали традиционными, но по мере развития движений в обеих странах менялись и формы этих связей. Они поднялись на несравненно более высокую ступень при возникновении социалистического движения в Королевстве Польском. Перед польскими социалистами и русскими революционерами, наряду с пропагандой солидарности эксплуатируемых, стояла задача свержения самодержавия, требовавшая теснейшего сплочения их сил. К такому убеждению пришли польские социалисты-интернационалисты, предложившие народовольцам в Обращении 1881 г. создать единую партию с новой общей программой. Предложение это явилось как бы завершением довольно длительного периода русско-польских революционных связей, соответствующего последовательным этапам развития русского и польского общественных движений. Пока идеологи и участники движений верили в близость международной социальной революции, они не считали необходимым органическое единство русской и польской революционных организаций, полагали достаточными сотрудничество и взаимную помощь в деле пропаганды социалистических идей. Но когда народовольцы, а затем и польские социалисты поняли, что для свершения социальной революции необходима свобода социалистической пропаганды, организации трудящихся масс, т. е. необходима политическая революция, свержение самодержавия и уничтожение политического (в том числе и национального) гнета, они осознали потребность в новой программе, определявшей конечные и ближайшие задачи движения, новую тактику борьбы. В 1882 г. первые польские социалисты приступили к организации боевой революционной партии, способной возглавить трудящихся в подготовке и свершении политической революции, в проведении последующих социалистических преобразований. В то же время, стремясь к совместным действиям с русскими революционерами, польские социалисты отнюдь не переходили на платформу народовольчества. Подчеркивая, что основной задачей будущей массовой организации должна быть социалистическая пропаганда и «действенная организация сил трудящихся во имя их классовых интересов», они требовали фактически создания такой партии, какой «Народная Воля» стать не могла. Обращение 1881 г. поляков-интернационалистов отражало не только их желание бороться в одних рядах с русскими товарищами, но и указывало пути дальнейшего прогрессивного развития общероссийского революционного движения. Сотрудничество и тесные связи русских и польских революционеров не только содействовали общему делу, но и обогащали оба движения.

Русские революционеры и участники польского социалистического движения тех лет, несмотря на свою самоотверженную и беззаветную борьбу с царизмом и буржуазно-помещичьим общественным строем, не добились победы. Многие из них погибли на виселицах, от пуль жандармов, в крепостях и тюрьмах, на каторге, в ссылке. Но, как писал В. И. Ленин, «несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа» [289].

[288] Там же, стр. 249.
[289] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315

Глава VI

РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ МАРКСИСТСКИХ РАБОЧИХ ПАРТИЙ (1882—1893 гг.)

1. Рабочий вопрос в России. Появление марксизма как идейного течения

После того как совершенная народовольцами 1 марта 1881 г. казнь Александра II не привела к ожидаемому политическому результату, начался спад революционной ситуации. Наступила полоса разнузданной политической реакции. 29 апреля был обнародован манифест о незыблемости царской власти, вскоре, 14 августа 1881 г., было принято «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», которое давало право губернаторам в случае необходимости устанавливать в губернии чрезвычайное положение, широко применять административную высылку, закрывать органы печати и учебные заведения. В действие вошли жесткие цензурные правила, в библиотеках и общественных читальнях книги демократических писателей запрещались для чтения. Весной 1884 г. правительство закрыло журнал «Отечественные записки»; жертвой цензурных условий стал также прогрессивный журнал «Дело». В том же году был принят новый устав высшей школы, упразднивший университетскую автономию; вводились правила, ставившие студенчество под повседневный надзор учебного начальства. Из университетов увольнялись демократически настроенные профессора.

На «окраинах» России усилилась политика национального угнетения. В Королевстве Польском царизм полностью покончил с остатками административной автономии. Вся полнота власти была передана варшавскому генерал-губернатору, который мог, по своему усмотрению, предавать военному суду или высылать в глубь России всех неугодных. В целях насильственного обрусения преследовалось пользование в учебных заведениях польским языком. В 80-е годы были установлены процентные нормы приема поляков и евреев во все высшие учебные заведения. Польская периодическая печать, литература, театр находились под давлением жесткой цензуры, а со страниц проправительственных газет и журналов не исчезали брань и оскорбительные выпады по адресу поляков. Такое положение в Королевстве резко контрастировало с относительной свободой в области культуры поляков в Галиции. Национальное угнетение являлось катализатором антицаристских и революционных настроений поляков в «русской» Польше.

Острый и затяжной промышленный кризис, разразившийся в России с весны 1880 г. и перешедший затем в длительную депрессию, резко ухудшил положение рабочего класса. Используя в своих целях острую безработицу, предприниматели снижали заработную плату,

диктовали кабальные условия найма, обирали рабочих непомерными штрафами [1].

На усиление эксплуатации и политическое бесправие пролетариат отвечал стихийным сопротивлением: с 1880 по 1884 г. отмечено 145 случаев стачек и волнений. В следующее пятилетие (1885—1889) число стачек и волнений возросло более чем вдвое — 301. В них приняли участие около 130 тыс. рабочих [2], в том числе рабочие предприятий, расположенных в польских губерниях.

В эти годы в рабочем движении наблюдались такие новые явления, как элементы организованности и солидарности действий. Самым значительным событием рабочего движения 80-х годов была стачка 8 тыс. рабочих Никольской мануфактуры Саввы Морозова в январе 1885 г., которая продолжалась две недели и закончилась громким судебным процессом. Участники стачки были оправданы. Она имела крупное историческое значение и показала, какую опасность для правительства представляют рабочие, если они действуют организованно [3]. Непосредственным результатом стачки явилось принятие 3 июня 1886 г. закона о регламентации отношений между предпринимателем и рабочими. Одновременно закон значительно усилил ответственность за участие в стачках. В 1891 г. под влиянием роста рабочего движения закон был распространен на Варшавскую и Петроковскую губернии.

В истории польского рабочего движения роль, аналогичную Морозовской стачке для русского пролетариата, сыграла забастовка 8 тыс. рабочих Жирардовской мануфактуры в апреле 1883 г. Забастовка была подавлена войсками, причем имелись убитые и раненые. Однако фабрикантам пришлось отменить свое решение о снижении заработной платы и уплатить забастовщикам за дни стачки. Это было первое закончившееся успехом массовое выступление польского пролетариата.

Хотя стачечное движение 80-х годов еще оставалось стихийным и локальным, не выходящим за рамки экономических требований, оно со всей очевидностью показало, что пролетариат мало-помалу превращался в силу, способную влиять на ход общественного развития. Это в равной мере относится и к Королевству Польскому.

Поражение революционной партии и жестокие полицейские преследования породили настроения уныния и скепсиса. Либеральная буржуазия шла на открытую сделку с царизмом. Многие из числа либерально настроенной интеллигенции постепенно превращались в реакционеров; неустойчивых революционеров нередко поражал дух ренегатства. Модными стали кружки сторонников теории непротивления злу насилием. В Королевстве Польском так называемый варшавский позитивизм, одним из отправных положений которого был полный отказ от всякой политической борьбы, остается знаменем мелкобуржуазной интеллигенции. Идеолог этого направления А. Свентоховский с чувством сожаления отмечал: «Революционное дело в польском обществе никогда бы не дошло до таких огромных размеров, если бы оно не рассчитывало на подобное революционное движение в России... Революционеры везде одинаковы: „красные" поляки держались за руки с „красными" русскими, и те, и другие действовали вместе». И откровен-

[1] «История рабочего класса России. 1861—1900 гг.». М., 1972, стр. 129—135.
[2] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1. М., 1950, стр. 56; т. III, ч. 1. М., 1952, стр. 72.
[3] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 23.

но добавлял: «Я враг революции, с которой боролся активно всегда и везде»[4].

Многим современникам первая половина 80-х годов казалась мрачной и безысходной.

В легальной народнической печати все сильнее раздавались призывы отказаться от борьбы за изменение существующего строя, интенсивно разрабатывалась теория о «самобытности» России и ее «особом пути»; «...народничество расплывалось в либерализме; создавалось либерально-народническое направление...» — отмечал В. И. Ленин[5].

Кризис народничества одновременно стимулировал поиски правильной революционной теории. Опыт западноевропейского рабочего движения подсказывал новые пути. Пионером русской социал-демократии стал Г. В. Плеханов, который подверг сокрушительной критике народовольческую доктрину и указал на необходимость перенесения на русскую почву идей научного социализма. Группе «Освобождение труда» принадлежит, таким образом, историческая заслуга пропаганды марксизма в России, она положила начало марксистскому направлению в русской общественной мысли[6]. В 1883 г. возникают социал-демократические кружки и группы непосредственно в России. Сначала они были замкнутыми, занимались в основном пропагандой марксистского учения, старались воспитывать из числа передовых рабочих сознательных социал-демократов. Эта кропотливая и не всегда эффективная работа была исполнена огромного исторического смысла, так как заложила идейные предпосылки для широкого развития революционного рабочего движения в последующие годы. В первой половине 80-х годов народовольчество, однако, оставалось господствующим направлением освободительного движения. Явственный и повсеместный поворот к научному социализму обозначился позднее.

Капиталистическая экономика сложилась на польских землях несколько раньше, чем в России, соответственно раньше изменилась и социальная структура польского общества. Появление буржуазии и пролетариата как сложившихся классов не замедлило отразиться на всем облике польского общественного движения. Время шляхетской революционности ушло, исторически прогрессивной силой становится польский рабочий класс.

В 70-х годах идеи научного социализма нашли почву и в польском рабочем движении. Многие польские социалисты азы революционного мировоззрения постигли во время своего пребывания в высших учебных заведениях Петербурга, Москвы, Киева. Сторонники марксизма в Польше подвергли решительной критике идеологов варшавского позитивизма. Стачечная борьба и социалистическая пропаганда в Королевстве Польском поставили со всею остротою вопрос о создании политической партии польского рабочего класса.

Польская буржуазия по-разному отнеслась к политической реакции первой половины 80-х годов, к появлению социалистического рабочего движения. Позаимствовав у позитивистов идею отказа от политической борьбы, некоторая часть польской буржуазии встала на путь соглашательства с царизмом и пассивного выжидания каких-либо изменений в правительственной политике по отношению к Королевству Поль-

[4] Цит. по: *K. Grünberg, Cz. Kozłowski.* Historia polskiego ruchu robotniczego. 1864—1918. Węzłowe zagadnienia. W., 1962, str. 37.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 77.
[6] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 245.

скому. За этим направлением, выразителями которого выступили основатели польского еженедельника «Край» (издавался в Петербурге с 1882 г.), консервативный публицист Э. Пильц и юрист и литератор В. Спасович, закрепилось название «угодовцев» (по-польски ugoda — сговор, соглашение). Другое направление, лидеры которого группировались вокруг основанного в Варшаве в 1886 г. журнала «Глос», стремилось к политической активности и отражало интересы радикально настроенной буржуазной интеллигенции. Сторонники национальной независимости Польши, они не могли открыто говорить об этом со страниц своего журнала, использовали для распространения своих взглядов нелегальные пути, ничуть не скрывая при этом, что были глубоко чужды мысли о революционной борьбе народных масс.

Откровенные националистические взгляды отстаивали те круги буржуазной интеллигенции, которые были идейно и организационно связаны с правым крылом польской политической эмиграции (Лига польская и Союз польской молодежи).

В конце 80-х годов в России появляются признаки нового общественного подъема. В значительной мере этому способствовал рост стачечного движения и студенческие волнения конца 1887 г., направленные против реакционного университетского устава. В 1890 г. волна студенческих беспорядков повторилась с еще большей силой и имела ярко выраженную политическую окраску. А с 1891 г. можно говорить уже о всеобщем брожении, которое затронуло все слои общества. Поводом к этому послужили голод, охвативший почти 20 губерний и повторившийся в некоторых местах в следующем году, и эпидемия холеры.

Движение русского пролетариата отмечено в это время отчетливо проступающими элементами классового сознания и солидарности, хотя в целом оно оставалось стихийным[7]. За пятилетие 1890—1894 гг. произошло 232 стачки и волнения, в которых участвовало свыше 157 тыс. человек[8]. Что касается Королевства Польского, то рабочее движение здесь отличалось большей организованностью и массовостью. В 1890 г. варшавские рабочие первыми в Российской империи отметили 1 Мая, а 1892 год принес с собою первую в Польше всеобщую политическую забастовку в Лодзи, значение которой в национальной польской истории чрезвычайно велико. В то время, как на польских землях быстрым темпом нарастал процесс соединения социализма с рабочим движением, русские социал-демократы делали только первые шаги навстречу рабочему классу.

Для русских и польских революционеров было ясно, что только социальная революция является единственным способом кардинального решения свойственных капитализму глубоких общественных противоречий. Для Польши насущной была также борьба против чужеземного господства, за воссоединение польских земель. Осваивая опыт международного социалистического движения, русские и польские марксисты пришли к убеждению, что в России социальной революции должны предшествовать буржуазно-демократические преобразования — ликвидация абсолютистского режима и завоевание политических свобод, а для поляков, помимо этого, еще и освобождение от национального угнетения. Политическая свобода облегчала рабочему классу борьбу за власть, за социальное и национальное освобождение. Из общности политических устремлений русского и польского пролетариата вытекала необходимость тесного союза прогрессивных сил России и Польши.

[7] «История рабочего класса России», стр. 193.
[8] «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 1, стр. 7.

2. «Пролетариат» и «Народная Воля»

На польских землях процесс соединения рабочего движения с социализмом датируется началом 80-х годов и связан с деятельностью польской рабочей партии «Пролетариат», основателем и признанным руководителем которой был выдающийся польский революционер Людвик Варыньский.

Энергичную работу по сплочению революционного актива Л. Варыньский сочетал с выработкой идеологических основ партии. При участии К. Пухевича и С. Куницкого он подготовил воззвание Рабочего комитета социально-революционной партии «Пролетариат», датированное 1 сентября 1882 г. Воззвание носило программный характер, оно провозглашало создание партии польского рабочего класса и обосновывало ее идейную платформу. По сравнению с предшествующими программными документами польских социалистов это воззвание выглядит несравненно более зрелым. В нем давался марксистский анализ капиталистического общества, указывалось на пробуждение классового сознания пролетариата, и с этой точки зрения рассматривались общественные и экономические отношения в Польше. Подчеркивалось, что борьба польского пролетариата за свое социальное освобождение ведется на классовой основе, при этом упор делался на интернациональный характер этой борьбы; ставился вопрос об обобществлении средств производства, формулировались экономические и политические требования пролетариата[9]. В целом программа «Пролетариата» делала значительный шаг вперед на пути усвоения польской социалистической мыслью марксистской идеологии.

Создание программы дополнено было и организационным строительством партии. Выступая 23 октября 1882 г. на собрании Общества польских рабочих в Женеве, Л. Варыньский рассказал о первых успехах «Пролетариата» в социалистической пропаганде. Партия, по его словам, состояла из рабочей организации, объединявшей руководимые Рабочим комитетом секции, общей организации, куда входили кадровые работники партии, и организации Красного Креста[10].

Программа «Пролетариата» рождалась в острых спорах с противниками немедленных и решительных революционных действий. Поэтому решено было вернуться к дискуссии по теоретическим вопросам на съезде представителей польских социалистических групп, необходимость которого осознавалась все более. Съезд состоялся в январе 1883 г. в Вильно. Он носил объединительный характер: его основная задача состояла в соединении варшавской рабочей организации с существовавшими в Петербурге, Москве, Вильно и Киеве польскими социалистическими группами в одну партию на идейной платформе, выдвинутой в сентябрьском воззвании 1882 г.[11]

Одним из главных на съезде был вопрос об отношении партии «Пролетариат» к русскому революционному движению. Как известно,

[9] Текст программы см.: «Polskie programy socjalistyczne. 1878—1918». W., 1975, str. 186—200; о программе см.: «История Польши», т. 2, стр. 273; *F. Perl.* Указ. соч., стр. 165—174; *K. Grünberg, Cz. Kozłowski.* Указ. соч., стр. 62—65; *L. Baumgarten.* Указ. соч., стр. 116—127.

[10] *J. Targalski.* Nieznane wystąpienie Ludwika Waryńskiego. «Z Pola Walki», 1966, N 3 (35), str. 170.

[11] *M. Mazowiecki* [*L. Kulczycki*]. Указ. соч., стр. 138; *Л. Плохоцкий* [*Л. Василевский*]. Польская социально-революционная партия «Пролетариат». 1882—1886. Общий обзор деятельности. «Былое», 1906, № 4, стр. 197; *L. Baumgarten.* Указ. соч., стр. 144.

еще в воззвании «К товарищам русским социалистам» прозвучал призыв к выработке общей идеологической программы и соединению в одну партию всех революционных кружков и групп, действовавших на территории тогдашней России. Виленский съезд рассмотрел конкретные условия и способы такого объединения.

Польские социалисты видели в «Народной Воле» ту партию, которая, по их мнению, могла бы объединить все революционные силы России, несмотря на крушение Исполнительного Комитета. Вера в «Народную Волю» была по-прежнему велика, а лишенные централизованного руководства многочисленные народовольческие кружки продолжали работу в меру своих сил. С другой стороны, «Пролетариат» и «Народную Волю» сближалась общность некоторых программных принципов. Обе партии стояли на почве решительной политической борьбы с царизмом, призывали к социальному перевороту, позитивно относились к идее террористической борьбы.

Нужно отметить еще одно обстоятельство, ставившее близко обе партии,— именно их отношение к рабочему вопросу. Еще в конце 20-х г. С. Н. Валк справедливо указал на тот факт, что содержание основной работы народовольцев существенно изменилось после 1 марта 1881 г., что они быстро проникают в гущу городского пролетариата [12]. О «Пролетариате» же в этом смысле и говорить не приходится, ибо он с самого своего основания мыслился как партия польского рабочего класса. Что касается крестьянства, то у народовольцев, да в известной мере и у пролетариатцев, работа в деревне отодвигалась на задний план. Конечно, социальная среда, в которой действовали «Пролетариат» и «Народная Воля», не ограничивалась только пролетариатом: в сфере их деятельности были и студенческая молодежь, и интеллигенция, и военные.

Отражением явного крена народовольчества в сторону усиленной пропаганды среди городского пролетариата следует считать возникновение осенью 1881 г. революционной группы, которую основали студенты Петербургского университета Н. М. Флеров и В. А. Бадаев [13]. По своим убеждениям члены этой группы разделяли основные программные положения «Народной Воли», но формально долгое время не примыкали к народовольческой организации, частично по соображениям конспирации, а главным образом потому, что отрицательно относились к участию рабочих в террористической борьбе и пропаганду политического террора в рабочей среде признавали вредной [14]. Цель свою группу Флерова — Бадаева видела в том, чтобы внести социалистическое сознание в рабочие массы, добиться того, чтобы «дело освобождения рабочих и всего трудящегося народа» перешло в руки самого народа [15]. Весной 1883 г. она влилась на федеративных началах в Петербургскую народовольческую организацию как «Рабочая группа партии Народной Воли» [16]. Летучей типографией группы ведал поляк-народоволец Стефан Анджейкович, поддерживавший связи с С. Куницким и другими пролетариатцами из петербургского польского кружка.

[12] *С. Н. Валк.* «Молодая партия «Народной Воли». «Проблемы марксизма», 1930, № 1 (3), стр. 101; см. также: «История рабочего класса России», стр. 170—172.
[13] *М. Г. Седов.* Указ. соч., стр. 324.
[14] *И. И. Попов.* Революционные организации в Петербурге в 1882—1885 года. «Народовольцы после 1-го марта 1881 года. Сборник, составленный участниками народовольческого движения». М., 1928, стр. 53—54.
[15] *И. И. Попов.* Минувшее и пережитое. Из воспоминаний. М.—Л., 1933, стр. 157; *О. А. Сайкин.* Из истории «Молодой партии Народной Воли». «История СССР», 1971, № 6, стр. 72.
[16] *И. И. Попов.* Минувшее и пережитое, стр. 143.

С помощью С. А. Иванова он отпечатал революционную прокламацию в связи с коронацией Александра III[17]. В марте 1883 г. С. Анджейкович предложил Куницкому воспользоваться типографией Рабочей группы для напечатания воззвания. Куницкий принес ему брошюру «К русскому обществу от русских революционеров», и она была напечатана на гектографе[18]. Народовольцы решили установить типографский станок на квартире М. П. Шебалина. «Анджейкович взялся доставлять шрифт, который хранился у меня в квартире,— говорил С. Куницкий,— и затем его забрал Шебалин, имевший быть хозяином типографии»[19]. Типография М. П. Шебалина действовала в Петербурге с марта по ноябрь 1883 г. и затем была перенесена в Киев[20].

О тесных конспиративных связях, установившихся между Рабочей группой и петербургскими поляками-социалистами, сообщает в своих воспоминаниях И. И. Попов: «Наша группа сблизилась с пролетариатцами в начале 1883 г., и мы повели работу, можно сказать, сообща: пролетариатцы давали нам пропагандистов для рабочих из своей среды. Личные отношения между нами были приятельские, особенно у меня с Куницким. Программа «Пролетариата» была близка идеологии Н. М. Флерова; он познакомился с Рехневским и любил с ним беседовать, а потом сошелся с другими пролетариатцами. Мы выполняли и поручения «Пролетариата», особенно летом, когда многие из них уезжали на каникулы»[21]. В другом месте И. И. Попов пишет: «Программа польского «Пролетариата» была близка нашей группе: у них в программе намечался экономический террор, а мы втроем — Флеров, Бадаев и я, не раз обсуждали вопрос об аграрном и фабричном терроре, который следовало бы практиковать в исключительных случаях в целях агитации и пропаганды революционных идей среди широких масс населения»[22]. Г. Н. Добрускина, активная деятельница Рабочей группы, вспоминает, что по просьбе пролетариатцев она ездила в Белосток с заданием установить связь местных рабочих кружков с Варшавой[23]. На квартире Добрускиной хранился архив польского кружка в Петербурге[24].

Кроме петербургского «Огниска», активностью выделялся польский социалистический кружок в Москве, группировавшийся вокруг Людвика Яновича, тогда студента Петровской академии. О предыстории кружка никакими данными мы не располагаем. С большой долей вероятности можно сказать, что с 1883 г. в него входили студенты: Технического училища — Станислав Длужневский, Болеслав Валериан Малиновский; Петровской академии — Конрад Болеслав Недзялковский, Францишек Ксаверий Одровонж-Бебновский, Генрик Шлегель; Московского университета — Станислав Альфонс Гриневицкий, двоюродный брат Игнация Гриневицкого, Вацлав Казимеж Орда, учитель рисования Станислав Хлусевич, ученица Московской консерватории Антонина Анцута, Людвика Люкас и др. Л. Янович приобрел известность в московских революционных кругах. Он принимал близкое уча-

[17] *И. И. Попов.* Сергей Андреевич Иванов. «Каторга и ссылка», 1928, № 2 (39), стр. 168.
[18] ЦПА ИМЛ, ф. 346, оп. 1, д. 7, л. 312 об.
[19] Там же, л. 313.
[20] *М. П. Шебалин.* Клочки воспоминаний. М., 1935, стр. 148.
[21] *И. И. Попов.* Минувшее и пережитое, стр. 138.
[22] «Автобиография И. И. Попова». «Энциклопедический словарь Гранат», т. 40, прилож. II, стлб. 337.
[23] «Автобиография Г. Н. Добрускиной». Там же, стлб. 122—123.
[24] ЦГВИА, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. IX, л. 165 об.

стие в делах нелегального «Общества переводчиков и издателей», возникшего в начале 1883 г.[25] и издававшего социалистическую литературу, в том числе и произведения основоположников марксизма. За короткий срок Обществом были изданы «Манифест коммунистической партии», а также «Наемный труд и капитал», «Гражданская война во Франции», конспект «Капитала» К. Маркса, «Социализм научный и социализм утопический» Ф. Энгельса, «Социализм и политическая борьба» Г. В. Плеханова и многие другие[26]. В литографии Янковской, которой пользовалось «Общество» для своих целей, вышла брошюра К. Каутского на польском языке «Распределение продуктов в социалистическом государстве»[27]. Быть может, именно Янович выступил здесь в роли переводчика на польский язык.

Немало сил приложил Л. Янович для создания революционной земляческой организации «Общестуденческий союз». Весь 1883 г. он агитировал студентов объединяться в кружки для «изучения революционного дела» и устройства при кружках касс, которые уделяли бы часть своих средств «в пользу политических ссыльных» и «на издание революционных сочинений»[28]. В сентябре Янович предложил московским революционерам свой проект создания молодежной организации из кружков саморазвития, которая бы имела отделы в университете, Петровской академии и Техническом училище[29].

Поздней осенью 1883 г. решено было созвать общую сходку представителей кружков всех направлений, чтобы «окончательно решить вопрос, предложенный Яновичем»[30]. Бурные споры на сходке не привели, однако, к единому мнению, и лишь на повторной общей встрече приняли компромиссное решение — издавать нейтральный журнал под названием «Союз», в котором печатались бы и народовольческие, и чернопередельческие материалы[31]. Видимо, эту вторую общую сходку и нужно считать началом деятельности московского «Общестуденческого союза». Хорошо знавший участников этих событий Н. М. Лаврушин сообщает ценные данные о контактах возникшей студенческой организации с польскими социалистами: «С «Союзом» хотело войти в связь польское революционное общество, существующее под названием «Пролетариата» в Польше. Из членов этого «Пролетариата» я знал ученика Технического училища Малиновского Болеслава, через него получаемы были заграничные издания, которые переводились и литографировались «Союзом» [...]»[32]. Позднее, когда студенческая организация была разгромлена, выяснилось, что к московскому кружку пролетариатцев принадлежал, кроме Малиновского, также и С. Длужневский[33].

Непосредственно в деятельности «Общестуденческого союза» Л. Янович, однако, участия не принял. Во второй половине октября

[25] ЦГАОР, ф. 102, 7 дел-во, 1884 г., д. 553, ч. 1, л. 86 об.; *Ю. З. Полевой.* Зарождение марксизма в России. 1883—1884 гг. М., 1959, стр. 338.
[26] *Ю. З. Полевой.* Указ. соч., стр. 340—343.
[27] ЦГАОР, ф. 102, 7 дел-во, 1884 г., д. 553, ч. I, л. 138 об.
[28] ЦГА г. Москвы, ф. 131, оп. 40, д. 83, т. II, л. 283 об.
[29] Там же, лл. 294 об.— 295.
[30] Там же, л. 284.
[31] *Е. Р. Ольховский.* К истории «Черного передела» (1879—1881 гг.). «Общественное движение в пореформенной России», стр. 165.
[32] ЦГА г. Москвы, ф. 131, оп. 40, д. 83, т. II, лл. 288 об.— 289. Известно, что Б. Малиновский передавал для перевода издания «Пролетариата» студенту Калистратову (см.: *П. И. Анатольев.* Из истории марксистской и рабочей печати России. 80-е годы. «История пролетариата СССР», сб. 6. М.— Л., 1931, стр. 128).
[33] ЦГАОР, ф. 102, 7 дел-во, 1884 г., д. 553, ч. 1, л. 244.

1883 г. он оставил Петровскую академию [34], после чего направился сначала в Женеву и Париж, а затем полностью сосредоточился на работе в кружках Варшавы как агент Центрального Комитета партии «Пролетариат».

Из периферийных групп «Пролетариата» следует указать также на кружок в Вильно. Основала его Мария Гертруда Пашковская, в дальнейшем видная революционерка. Пашковская училась в Петербурге на Бестужевских высших женских курсах и входила в петербургский кружок польской молодежи, была связана с народовольцами [35]. Есть данные о существовании кружка пролетариатцев в Киеве, но они недостаточны, чтобы дать картину его внутренней жизни. Известно, что в Киеве пролетариатцы группировались вокруг Зофьи Дзянковской и Марии Избицкой [36].

Совместными усилиями народовольцы и пролетариатцы налаживали нелегальные типографии. Сторонник «Народной Воли» Марцелий Янчевский, действовавший в Белоруссии, летом 1882 г. приехал в Варшаву и образовал небольшой кружок своих единомышленников. В октябре он выехал на короткое время в Харьков, где встретился с В. Н. Фигнер, которая поручила ему от имени «Народной Воли» создать типографию и дала для этого деньги. Вернувшись в Варшаву, Янчевский с помощью Л. Варыньского разместил по мастерским заказ на изготовление деталей для печатного станка. Когда заказ был выполнен, пролетариатцы в феврале 1883 г. помогли отправить станок в Харьков [37].

М. Янчевский неоднократно бывал в Вильно, где добывал латинский шрифт для варшавской типографии «Пролетариата». Благодаря содействию Л. Варыньского, Янчевский создал небольшую типографию в Варшаве; в ней отпечатали доставленное пролетариатцами из Петербурга объявление о выходе «Вестника Народной Воли», готовились к набору другие народовольческие издания [38].

В это время в Варшаве действовало несколько русских революционеров-народовольцев. С апреля 1883 г. здесь находилась В. В. Щулепникова («Софья Кочетова»), ставшая официальной представительницей «Народной Воли» в местных революционных кругах. Она собирала средства в пользу Красного Креста среди русских сторонников партии, а затем, познакомившись с Л. Варыньским, установила контакт «Народной Воли» с руководством партии «Пролетариат». В это же самое время в Варшаве находился другой деятель «Народной Воли» — Степан Росси, также поддерживавший связи с «Пролетариатом». Когда в начале декабря 1883 г. В. В. Щулепникова выехала из Варшавы, функции руководителя Красного Креста приняла на себя Н. М. Полль [39].

Взаимоотношения польских и русских социалистов отмечены в этот период печатью взаимного доверия и сотрудничества в конспиративных делах. По мере дальнейшего укрепления партии «Пролетариат» и активизации ее деятельности у польских революционеров возникла убежденность в целесообразности договорных союзнических связей с народовольцами.

[34] ЦГА г. Москвы, ф. 228, оп. 3, д. 13457, л. 44.
[35] *L. Baumgarten.* Указ. соч., стр. 330.
[36] Там же, стр. 102.
[37] *L. Baumgarten.* Cenny dokument z dziejów «Proletariatu» i «Narodnej Woli». «Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego», 1957, N 24, str. 29—30.
[38] *С. М. Байкова.* Связи народников Белоруссии с польскими революционерами. «Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в.», стр. 112—113.
[39] *L. Baumgarten.* Dzieje..., str. 181—182, 327.

В апреле 1883 г. Л. Варыньский по поручению партии отправился в Париж. Здесь он возобновил тесные связи с польским социалистическим кружком, издававшим газету «Пшедсвит», и просил С. Мендельсона сотрудничать в газете, которую намерены были издавать пролетариатцы [40]. Вторая, не менее важная цель поездки Варыньского состояла в подготовке почвы для заключения союзного договора между «Пролетариатом» и «Народной Волей». Он представил членам народовольческого Исполнительного Комитета Л. А. Тихомирову и М. Н. Ошаниной-Оловенниковой для обсуждения проект соглашения о союзе, в котором высказывался взгляд польских социалистов на развитие революционного движения в России [41]. Текст проекта не сохранился, и о его содержании можно судить только по свидетельству А. Дембского, писавшего о нем почти десять лет спустя после происшедших событий, но, судя по его осведомленности, либо имевшего под рукой проект, либо принимавшего личное участие в его разработке. Отправным тезисом этого документа являлось положение о том, что в России в то время существовало четыре региональных революционных центра: Польша и Литва, Украина и Южная Россия, Петербург, Москва. В вопросах внутренних областные, территориальные организации этих центров должны были иметь полную самостоятельность. Пролетариатцы предлагали включить в Исполнительный Комитет «Народной Воли» представителей региональных центров и поручить ему руководство террористической борьбой в рамках всего государства [42]. Ф. Перль справедливо замечает по этому поводу, что проект соответствовал постановлениям виленского съезда, предусматривавшим создание общероссийской социально-революционной партии на федеративной основе и организации в партии «заговорщической централизации» [43].

Переговоры Л. Варыньского с представителями Исполнительного Комитета не дали конструктивных результатов [44]. Это подтверждает в своих воспоминаниях и Л. Г. Дейч, хорошо знавший польского революционера в эмиграции [45]. Почему переговоры зашли в тупик и что препятствовало их конструктивному ходу, неизвестно. Может быть, помешала свойственная Тихомирову подозрительность, а может быть, ему не понравилась идея федерализма, вступавшая в известное противоречие с принятым «Народной Волей» принципом централизованного построения революционной заговорщической партии.

Людвик Варыньский упорно искал возможности для достижения союза с русскими социалистами. По свидетельству видного народовольца С. А. Иванова, в июне 1883 г. Варыньский был в Петербурге «для установления правильных сношений и отношений с народовольческой организацией» [46]. Если верить не всегда точным воспоминаниям И. И. Попова, в переговорах с Варыньским участвовали П. Ф. Якубович и С. П. Дегаев [47]. Варыньский просил направить в Варшаву постоянного

[40] *Л. Плохоцкий.* Указ. соч., стр. 201.
[41] *F. Perl.* Указ. соч., стр. 184.
[42] [*A. Dębski*]. Socjaliści polscy w sojuszu z rewolucjonistami w Rosji. «Przedświt», 1892, N 34, str. 7—8.
[43] *F. Perl.* Указ. соч., стр. 184—185.
[44] *Л. Плохоцкий.* Указ. соч., стр. 201.
[45] *Л. Г. Дейч.* Указ. соч., стр. 45—46.
[46] «Народовольцы 80-х и 90-х годов. Сб. статей и материалов, составленный участниками народовольческого движения». М., 1929, стр. 44.
[47] *И. И. Попов.* Петр Филиппович Якубович. М., 1930, стр. 22.

представителя «Народной Воли». Вот что пишет С. А. Иванов по этому поводу: «Роль этого представителя должна быть такова: 1) служить посредником во всех сношениях между обеими организациями, приводя по возможности в соответствие их деятельность и планы; 2) принимать контрольное участие в редакции газеты «Пролетариат» в том смысле, чтобы просматривать все предположенные к напечатанию статьи и, в случае найденных в них каких-либо противоречий с общей программой «Народной Воли», указывать на таковые, предлагая соответствующие исправления; 3) организовать в Варшаве типографию для печатания изданий «Народной Воли» [48]. Однако договориться об этом Варыньскому не удалось и на сей раз, так как Иванов, которому было сделано предложение ехать в Варшаву, отказался, а другой кандидатуры на примете не было: народовольческая организация в Петербурге только-только возрождалась.

В августе 1883 г. на страницах «Пшедсвита» публикуется открытое письмо редакции «Вестника Народной Воли» по национальному вопросу. Оно написано, очевидно, Л. А. Тихомировым и П. Л. Лавровым. Появление письма было вызвано критическими замечаниями М. П. Драгоманова в адрес «Программы Исполнительного Комитета», с которой украинский публицист не соглашался из-за отсутствия в ней ясно выраженных правовых гарантий народностям, населяющим Российскую империю.

Национальный вопрос рассматривался в письме редакторов «Вестника» в духе основных народовольческих программных документов: «Требуя свободы мысли, слова и печати, мы гарантируем тем самым полную свободу развития каждого языка, действительно способного к развитию. Мы не стремимся обязательно к политической независимости каждого племени, но естественное право каждой общественной группы к самоуправлению является для нас основным принципом, благодаря которому каждое племя, стремящееся действительно к своему объединению, имеет возможность объединиться и обособиться». Подчеркивалось, что народовольцы выступают против угнетения одного народа другим, что им ненавистен национализм. Очень важные заявления содержались по польскому вопросу. «Мы признаем права Польши не из племенных или исторических соображений, а потому, что польский народ желает сохранить свою национальную и политическую независимость,— говорилось в письме.— Для нас единственно важным является факт воли польского народа — исключительно на его основе мы признаем национальные права Польши» [49].

Определенное место в развитии союза «Народной Воли» и «Пролетариата» заняло петербургское совещание народовольцев 17—19 октября 1883 г. (Н. А. Караулов, С. Е. Усова, П. Ф. Якубович, П. Ф. Богораз, М. П. Шебалин, К. А. Степурин, С. А. Росси и С. П. Дегаев). Были приглашены сюда и поляки из «Пролетариата» — А. Дембский, Т. Рехневский и С. Куницкий [50].

На совещании открыто прозвучали первые нотки недовольства заграничным народовольческим центром со стороны ряда деятелей, занявших с 1883 г. ключевые позиции в петербургской организации.

[48] Цит. по: «Народовольцы...», стр. 45.
[49] «Przedświt», 1883, N 24, str. 4; см. также: *Е. К. Жигунов.* П. Л. Лавров и его связи..., стр. 354—355.
[50] *М. П. Шебалин.* Указ. соч., стр. 151. Об участии в совещании С. Куницкого пишет и И. И. Попов (см.: *И. И. Попов.* Революционные организации..., стр. 64).

П. Ф. Якубович и его сторонники, получившие в партии название «молодых», высказывали взгляды, расходившиеся с общепринятыми в народовольческой среде. К чему они стремились? «Молодые» почувствовали изменение ситуации в развитии политической борьбы и ратовали за приспособление тактических приемов революционной партии к новым условиям. Покушение на Александра II не вызвало ожидавшегося народного движения, ибо массы оказались к этому не подготовленными, далекими от понимания тех задач, которые выдвигались на повестку дня. Отсюда, утверждали «молодые», для революционеров-практиков вытекала необходимость приблизить партию к массам. Но средством для этого они предлагали все тот же террор, с той только разницей, что теперь вместо так называемого центрального или политического террора, т. е. покушений на царя и его сановников, предлагался террор фабричный и аграрный, другими словами, наказание наиболее ненавистных фабрикантов и помещиков за их жестокое обращение с рабочими и крестьянами. Считалось, что борьба с теми, кто эксплуатирует трудящихся, будет более понятна и близка народу, чем уничтожение носителя верховной власти. Очевидной стала в связи с этим и задача усиления деятельности среди рабочего населения. Решительной критике подверглась и практика строгого централизма «Народной Воли». Предлагалось резко усилить самостоятельность местных народовольческих групп [51]. В этом заключалась суть назревшего в недрах «Народной Воли» идейного конфликта.

Касаясь участия польских социалистов в октябрьском совещании, М. П. Шебалин вспоминает: «На собраниях наших споров по программным вопросам не происходило. Рехневский от имени «Пролетариата», не оспаривая нашу программу, изложил программу «Пролетариата». Никто ему не возражал; прения, насколько помню, велись в духе осведомленности и обмена мнений» [52]. И в этом нет ничего удивительного: ведь взгляды пролетариатцев и «молодых» народовольцев на аграрный и фабричный террор совпадали. На совещании рассматривались, по-видимому, и некоторые практические меры для укрепления русско-польского союза. В частности, пролетариатцы обещали свою помощь в постановке народовольческой типографии в Петербурге [53]. Следствием совещания, очевидно, явилась публикация в октябрьском номере нелегального журнала «Студенчество» под общим заголовком «К истории и хронике общественных движений» двух программных документов «Пролетариата» — воззвания Рабочего комитета от 1 сентября 1882 г. и воззвания ЦК от 15 июня 1883 г. по поводу коронации Александра III [54]. Во втором воззвании трудящиеся Польши призывались под знамена «Пролетариата», чтобы совместно с русскими революционерами повести борьбу за освобождение от угнетателей [55].

После октябрьского совещания С. Куницкий по поручению партии направился в Прибалтику. В Риге он основал кружок пролетариатцев из студентов местного Политехнического института и «несколько дру-

[51] *С. Н. Волк.* «Молодая партия «Народной Воли», стр. 101; *М. Г. Седов.* Указ. соч., стр. 330—332.

[52] *М. П. Шебалин.* Указ. соч., стр. 151—152.

[53] Известно, например, что Г. Дулемба намеревался направить в Петербург типографские принадлежности, хранившиеся на квартире П. В. Бардовского (см.: ЦПА ИМЛ, ф. 346, оп. 1, д. 7, л. 118 об. Ср.: «Kółka socjalistyczne...», str. 446).

[54] «Студенчество», 1883, № 6, стр. 58—71. Редактором журнала был П. Ф. Якубович.

[55] «Materiały i dokumenty z historii ruchu robotniczego w Polsce. Zeszyt I. Wielki Proletariat». Opracował T. Daniszewski. W., 1951, str. 125.

гих — среди рабочих-поляков на тамошних фабриках»[56]. Вместе с народовольцем М. П. Овчинниковым, безуспешно пытавшимся подобрать в Риге надежных людей «для обеспечения границы», он в середине ноября уже был в Вильно у доктора Генрика Ковалевского, который содержал конспиративную квартиру, получал на свой адрес деловую корреспонденцию «Пролетариата» и оказывал партии материальную поддержку[57].

Совместно с виленскими революционерами М. Страшунским, Я. Дибобесом и А. Бендиным, и раньше помогавшим «Пролетариату», Куницкий и Овчинников занялись устройством тайной типографии для «печатания народных книжек, так как пропаганда в среде местного населения встречала главное препятствие в недостатке соответственной литературы»[58]. Станок по заказу Куницкого изготовил рабочий Маргулис. Некоторые типографские части Бендин затем переслал в Петербург народовольцам[59]. Куницкому удалось также создать «несколько кружков из местной молодежи и присоединить их к «Пролетариату»[60].

В конце ноября С. Куницкий узнал о готовившемся покушении на подполковника Судейкина[61] и немедленно выехал в Петербург. Здесь его информировали о подробностях задуманного акта, и он принял от народовольцев предложение вместе с Т. Рехневским сопровождать С. Дегаева, одного из исполнителей казни, от Петербурга до Либавы, откуда предатель должен был отправиться за границу в изгнание. Польские революционеры и народовольцы условились также издать одновременно в Петербурге и Варшаве воззвание по поводу покушения на Судейкина[62].

16 декабря 1883 г. народовольцы Н. П. Стародворский и В. П. Конашевич, при участии Дегаева, казнили Судейкина. В тот же день была составлена, отпечатана и распространена по почте прокламация, а Дегаев, сопровождаемый Куницким и Рехневским, был отправлен за границу, причем, вооруженный револьвером Куницкий имел поручение застрелить Дегаева в случае его попыток к бегству[63]. Таким образом, польские социалисты оказались причастны к осуществленному народовольцами террористическому акту над одним из высокопоставленных царских чиновников. Тем самым «Пролетариат» сделал первый шаг по ошибочному и исторически бесперспективному пути террористической борьбы.

Вскоре ЦК «Пролетариата» принял решение послать своего представителя в Париж, чтобы договориться с эмигрантами об издании за границей теоретического органа партии, журнала «Валька кляс» («Борьба классов»). Выбор пал на С. Куницкого, поскольку он был уже знаком

[56] ЦПА ИМЛ, ф. 346, оп. 1, д. 7, л. 314—314 об.
[57] ЦГАОР, ф. 102, 7 дел-во, 1884 г., д. 739, т. II, л. 283з об; «Kółka socjalistyczne...», str. 547—548.
[58] ЦГАОР, ф. 102, 7 дел-во, 1884 г., д. 739, т. II, л. 289и.
[59] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 86, д. 10850, л. 87.
[60] ЦПА ИМЛ, ф. 346, оп. 1, д. 7, л. 314 об.
[61] Г. П. Судейкин заведовал политическим сыском в империи. В 1882 г. он склонил С. П. Дегаева к провокаторству. Став в силу ряда обстоятельств одним из руководителей «Народной Воли», Дегаев выдал охранке многих активистов партии. Осенью 1883 г. он направился в Париж и признался Л. А. Тихомирову и М. Н. Ошаниной в своей гнусной роли. Партийный суд приговорил его к смертной казни, заменив затем эту меру на изгнание из пределов России при условии, если он окажет личное содействие в устранении Судейкина. Подробности см.: *М. Г. Седов.* Указ. соч., стр. 318—320, 338—340.
[62] *L. Baumgarten.* Dzieje..., str. 337—338.
[63] *И. И. Попов.* Революционные организации..., стр. 64; ЦПА ИМЛ, ф. 346, оп. 1, д. 7, л. 248; «Z pola walki. Zbiór materiałów tyczących się polskiego ruchu socjalistycznego». Londyn, 1904, str. 87.

заграничным социалистам и зарекомендовал себя преданным делу революционером. Надобность в такого рода поездке возникла еще и по другой причине. Хорошо осведомленные в делах русских революционеров, пролетариатцы знали о предстоявшем в Париже народовольческом съезде, где предполагалось рассмотреть назревшие вопросы деятельности «Народной Воли». К этому времени необходимость в заключении союза польских и русских социалистов осознавалась как никогда полно — ведь в сущности не было ни одного сколько-нибудь серьезного предприятия общероссийского значения, которое не осуществлялось бы при взаимной осведомленности, помощи и поддержке. «Духовный, идейный союз был уже заключен»,— верно подметил Феликс Кон [64]. Народовольческий съезд представлялся полякам тем авторитетным собранием, которое могло бы с формальной стороны санкционировать такой союз и подписание соответствующих договорных документов.

С. Куницкий узнал о порученной ему миссии, находясь в Вильно. Он составил проект обращения польских социалистов к «Народной Воле» и сначала отправился в Петербург, чтобы согласовать его с руководящими представителями петербургской народовольческой организации [65]. Переговоры велись с К. А. Степуриным и П. Ф. Якубовичем [66]. Никаких разногласий, судя по всему, не возникло. Стоит еще добавить, что Куницкий одновременно рассказал об устройстве типографии в Вильно. Тогда же было решено, что она будет передана народовольцам и перемещена в Петербург [67]. Передав свои виленские связи Б. Онуфровичу, который должен был заменить его в виленских кружках, Куницкий, после недолгого пребывания в Вильно, около 19 января уже находился в Варшаве [68].

Здесь на квартире П. В. Бардовского, революционно настроенного русского чиновника, сотрудничавшего с польскими социалистами, происходит заседание ЦК, рассматривается и одобряется подготовленное Куницким обращение к русским революционерам. Документ этот назывался «Общие основания программы и организационной деятельности Центрального Комитета социально-революционной партии «Пролетариат» и состоял как бы из двух частей. Сначала говорилось о задачах революционного движения в Польше и целях партии «Пролетариат», давалось обоснование тактики партии, говорилось об отношении к «Народной Воле». Далее формулировались принципы сотрудничества «Пролетариата» и «Народной Воли» [69]. С этим документом С. Куницкий 22 января 1884 г. пересек границу России, направляясь в Париж [70].

Съезд народовольцев — он начался в последние дни января — получился довольно представительным, по крайней мере здесь присутствовали члены ИК Л. А. Тихомиров, М. Н. Ошанина, агент ИК Г. Ф. Чернявская-Бохановская, активные народовольцы-эмигранты и прибывшие из России партийные функционеры В. А. Караулов, А. Н. Кашинцев и др.; среди участников были также П. Л. Лавров и Г. А. Лопатин [71].

[64] *Ф. Кон.* За пятьдесят лет, т. 1—2. М., 1936, стр. 56.
[65] *L. Baumgarten.* Dzieje..., str. 341; ЦПА ИМЛ, ф. 346, оп. 1, д. 7, лл. 314 об.—315; ЦГАОР, ф. 102, 7 дел-во, 1884 г., д. 739, т. II, л. 289л и об.
[66] *L. Baumgarten.* Dzieje..., str. 341; ЦГАОР, ф. 102, 7 дел-во, 1884 г., д. 739, т. II, л. 289д и об.; *И. И. Попов.* П. Ф. Якубович, стр. 22.
[67] *L. Baumgarten.* Dzieje..., str. 341—342.
[68] ЦПА ИМЛ, ф. 346, оп. 1, д. 7, л. 119 об.
[69] «Общие основания» датированы 1 февраля 1884 г. по н. ст. Следовательно, заседание ЦК имело место 20 января по ст. ст.
[70] ЦПА ИМЛ, ф. 346, оп. 1, д. 4, л. 128 об.
[71] *В. И. Сухомлин.* Из эпохи упадка партии «Народная Воля». «Каторга и ссылка», 1926, № 6 (27), стр. 66—67.

Во всех подробностях обсуждался на съезде факт появления оппозиционных настроений среди петербургского студенчества. Требования «молодых» об изменении программных и тактических установок партии были единодушно отвергнуты, но игнорировать критику снизу целиком представлялось уже неразумным. Условия политической борьбы требовали внести коррективы в организационное устройство «Народной Воли». Поэтому вместо Исполнительного Комитета образовали центральную группу, которой поручалось восстановить партию в стройное целое и действовать непосредственно в России. Впредь до восстановления организации в Петербург отправлялась так называемая Распорядительная комиссия в составе Г. А. Лопатина, Н. М. Саловой и В. И. Сухомлина, чтобы на первых порах разрешать все практические вопросы деятельности и, прежде всего, любой ценой покончить с оппозицией и не допустить раскола «Народной Воли» [72]. «На съезде совместно с Куницким были выработаны главные положения, которые должны были лечь в основу соглашения с польской партией „Пролетариат"»,— вспоминает В. И. Сухомлин [73]. Здесь имеется в виду документ под названием «Конфиденциальное соглашение Исполнительного Комитета „Народной Воли" с Центральным Комитетом партии „Пролетариат" по поводу их взаимных отношений» [74]. Решили не публиковать его в партийной печати. В рукописном виде соглашение жандармы обнаружили позднее в квартире П. В. Бардовского в Варшаве и в бумагах Н. М. Саловой в Петербурге [75]. Обнародованию подлежали лишь «обменные письма», как называет И. И. Попов заявления ЦК и ИК [76]. Текст ответного письма ИК составлен Л. А. Тихомировым [77].

Конфиденциальное соглашение насчитывало 18 пунктов и в деталях регламентировало взаимоотношения руководящих органов «Пролетариата» и «Народной Воли». При ЦК польской партии учреждался постоянный представитель ИК; в обязанности его входила информация той и другой партии о состоянии дел и о намеченных той или иной стороной революционных акциях. О характере соглашения дают представление следующие его пункты: «§ 4. Заграничные агенты обоих комитетов оказывают друг другу всякую помощь и содействие в устройстве перевозки книг, при организации складов всякого рода и т. д. § 5. Центральный и Исполнительный Комитеты употребляют все старания, чтобы как польские, так и русские колонии в районе деятельности каждого из них были в связи с местными группами и помогали им в работах. § 6. Между редакциями заграничных органов обеих партий — «Вестник Народной Воли» и «Walka Klas»— устанавливается тесная связь посредством обязательных общих собраний и соглашения по поводу вопросов, касающихся политики обеих партий» [78]. Следы нескольких таких совещаний сохранились в дневнике Л. А. Тихомирова [79].

[72] *М. Г. Седов.* Указ. соч., стр. 345—346.
[73] *В. И. Сухомлин.* Процесс двадцати одного. ««Народная Воля» перед царским судом», вып. II. М., 1931, стр. 48.
[74] Впервые на русском языке соглашение опубликовано после Октябрьской революции (см.: *Р. Арский.* Из истории социально-революционной партии «Пролетариат». «Красная летопись», 1923, № 8, стр. 50—53).
[75] *L. Baumgarten.* «Archiwum Bardowskiego». «Z Pola Walki», 1959, N 3 (7), str. 125; ЦГВИА, ф. 1353, оп. 4, д. 298, т. I, ч. 2, л. 66.
[76] *И. И. Попов.* Революционные организации..., стр. 59.
[77] *Д. Кузьмин.* Народовольческая журналистика. М., 1930, стр. 178.
[78] *Р. Арский.* Указ. соч., стр. 51.
[79] «Воспоминания Льва Тихомирова». М.— Л., 1927, стр. 166, 168, 171, 172 и др.

Лучшей кандидатуры на место представителя ИК в «Пролетариате», чем С. Куницкий, трудно было сыскать. Позднее, в ходе следствия по делу польской партии, Куницкий признáет, что он вернулся из Парижа в Варшаву «уже в качестве представителя «Народной Воли» и как таковой был допускаем на собрания Центрального Комитета»[80]. Таким образом, произошло и формальное заключение союза «Народной Воли» и «Пролетариата». Можно сказать, «договор закрепил то, что уже было в жизни»[81]. Восторжествовала в конечном счете точка зрения Л. Варыньского о необходимости союза на принципах федерализма.

Вестник «Народной Воли» в редакционной заметке «Новый польский социалистический журнал» приветствовал появление «Вальки кляс» следующими словами: «Желаем успеха новому литературному собрату, желаем тем более от души, что он представляет собою движение, которое стремится поставить дело социального возрождения Польши на почву интересов исключительно рабочих масс, подобно тому как в России это делают народовольцы. Одинаковая общая почва естественно порождает чувство солидарности». И дальше сообщалось, что между «Пролетариатом» и «Народной Волей» происходят «переговоры о способах к объединению деятельности обеих партий в том, что относится к их общей борьбе с общим врагом — русским абсолютизмом»[82].

Заключительным этапом в установлении союзных отношений партий следует считать переговоры Г. А. Лопатина в Петербурге с польскими социалистами в середине марта 1884 г., сразу по возвращении Лопатина из Парижа. К сожалению, источников об этом не сохранилось, если не считать одного места в воспоминаниях В. И. Сухомлина, который, по его словам, лично присутствовал на переговорах. В этих воспоминаниях с польской стороны назван лишь один представитель — Л. Янович[83]. Не исключено также участие А. Дембского, что и подтверждается его воспоминаниями, в которых он пишет, что через С. Куницкого получил письмо от Г. А. Лопатина с просьбой явиться в Петербург[84]. Из тех же воспоминаний В. И. Сухомлина видно также, что речь тут шла об опубликовании принятых парижским съездом договорных документов в готовившемся к печати очередном выпуске газеты партии. Переговоры происходили на конспиративной квартире у Г. Н. Добрускиной и С. А. Сладковой[85]. Сопоставление опубликованного в «Народной Воле» текста письма ЦК с рукописью того же письма, переданной Л. А. Тихомирову С. Мендельсоном, показывает, что Лопатин и Янович внесли в имевшийся у них вариант лишь некоторые стилистические поправки[86].

С приездом Распорядительной комиссии борьба «молодых» и «старых» народовольцев обострилась до предела. Ни одна из сторон не шла на уступки. П. Ф. Якубович и его единомышленники еще в январе 1884 г. решили создать самостоятельную группу во главе с Центральным Комитетом, приняли название «Молодая партия Народной Воли»[87], выработа-

[80] ЦПА ИМЛ, ф. 346, оп. 1, д. 7, л. 315.
[81] *И. И. Попов.* Минувшее и пережитое, стр. 138.
[82] «Вестник Народной Воли». Женева, 1884, № 2, «Внутреннее обозрение», стр. 180—181.
[83] *В. И. Сухомлин.* Из эпохи..., стр. 74.
[84] *A. Dębski.* Krwawe zajście w mleczarni Hanneberga w roku 1884. W., 1929, str. 8—9.
[85] «Автобиография Г. Н. Добрускиной», стлб. 122.
[86] «Литература партии «Народная Воля»», стр. 223; ЦГАОР, ф. 102, 3 дел-во, 1890 г., д. 574, т. 2, лл. 44 об.— 45.
[87] *С. Н. Валк.* Распорядительная комиссия и «Молодая партия Народной Воли». «Каторга и ссылка», 1931, № 2 (75), стр. 8; *М. Г. Седов.* Указ. соч., стр. 330; *О. А. Сайкин.* Указ. соч., стр. 75—76.

ли и обнародовали свои программные принципы. Пролетариатцы предпочитали не вмешиваться в конфликт и старались сохранить дружественные отношения как с теми, так и с другими. Конечно, в идейном отношении «молодые» им были ближе, но польским социалистам еще более важным казалось способствовать сохранению единства партии в интересах революционного движения в целом [88].

В летние месяцы Г. А. Лопатин объездил Россию, восстанавливая утраченные связи между народовольческими группами и отдельными деятелями. Нелишне сказать, что в отношении Москвы ему очень сильно помог Л. Янович, прекрасно знавший здешние революционные кружки [89]. Он, между прочим, указал Лопатину и на некоторых студентов, входивших в московский кружок «Пролетариата». Но завершить начатое дело Г. А. Лопатину не пришлось — 6 октября 1884 г. его арестовали в Петербурге. В руках полиции оказались записная книжка Лопатина и листки с записями шифров и адресов, словом, все самые важные сведения о составе восстанавливаемой организации. Через несколько недель был арестован и П. Ф. Якубович.

Непоправимые потери понес и «Пролетариат». Еще 16 сентября 1883 г. в Варшаве был арестован основатель и руководитель партии Л. Варыньский, 29 января 1884 г. при выезде из Киева, после встреч с приезжавшим сюда для вербовки сторонников П. Ф. Якубовичем, был задержан Т. Рехневский. А 28 июня 1884 г. новый удар обрушился на пролетариатцев: в квартире П. В. Бардовского полиция настигла С. Куницкого. Здесь же обнаружили архив и имущество партии. В июле следственные органы нащупали связи пролетариатцев с кружком военных в Новогеоргиевске (Модлин), которые поддерживали польскую партию (Н. А. Люри, З. А. Сокольский, А. В. Игельстром). Наконец, 18 июля арестовали Л. Яновича.

«Пролетариат» переживал трудные дни. Разрушенную арестами партию возглавила юная Мария Богушевич. Группировавшаяся вокруг нее интеллигенция и несколько рабочих кружков продолжали нелегальную работу до новой волны арестов в середине сентября 1885 г. Наиболее важными акциями социалистов в это время были: демонстрация безработных 18 февраля 1885 г. на Замковой площади в Варшаве — первая политическая демонстрация в истории польского пролетариата, издание нескольких воззваний и марксистской литературы на польском языке. Нельзя не видеть проявления русско-польских революционных связей этого периода в активном участии в делах «Пролетариата» революционеров разных национальностей России. В новый состав ЦК вошли, в частности, белорус М. А. Манцевич и литовец М. Л. Войнич; одним из ближайших сподвижников М. Богушевич был белорусский революционер И. И. Разумейчик. Ему помогала его сестра Ю. И. Разумейчик. Важные

[88] Это последнее обстоятельство вскоре осознали и сами «молодые». В течение марта были арестованы К. А. Степурин, державший организационные нити в Петербурге и защищавший позицию «старых», киевская группа, пошедшая за Якубовичем, в апреле — В. А. Бадаев, М. П. Овчинников и ряд других активных работников. Перед лицом все новых потерь думать об углублении размежевания уже не приходилось, и «молодые» вновь влились в «Народную Волю». Конечно, примирение «молодых» и «старых» по сути дела носило компромиссный характер и не означало выхода народовольчества из идейного кризиса, но был выбран путь, который казался наиболее целесообразным в сложившейся ситуации (*Л. Т. Сенчакова.* «Народная Воля» после 1 марта 1881 г. «Преподавание истории в школе», 1965, № 6, стр. 25).

[89] *Л. Т. Сенчакова.* «Народная Воля» в первой половине 80-х годов (1881—1884 гг.). М., 1967, стр. 313 (рукопись кандидатской диссертации). Л. Янович с этой целью приезжал в Москву в мае 1884 г. (ЦГА г. Москвы, ф. 131, оп. 40, д. 167, л. 60 об.).

услуги партии оказывали студенты Варшавского университета: русский — В. В. Добровольский и литовец — В. М. Кудырко [90].

Значительную партийную работу вели русские революционеры — учитель Н. М. Архангельский и его жена В. Н. Архангельская. В их квартире печатались на гектографе популярные лекции о социализме, предназначенные для рабочих кружков. Н. М. Архангельский оказал огромное идейное воздействие на формирование мировоззрения Юльяна Мархлевского, обучавшегося в Варшавском реальном училище, где был создан тайный ученический кружок самообразования, руководимый Архангельским [91].

Группа М. Богушевич связей с народовольцами, по-видимому, не имела, что можно легко объяснить той дезорганизацией, которую внесли в русскую партию последние аресты. Оставшихся в Петербурге народовольцев старалась объединить М. Н. Емельянова. В письме от 3 января 1885 г. в Париж она также жаловалась на отсутствие связей с «Пролетариатом» [92]. Кружок пролетариатцев в Петербурге, правда, продолжал существовать, о чем свидетельствует переписка студента Лесного института К. Гуковского с Парижем и Варшавой, но контакты с русскими у него, видимо, еще не наладились. Впрочем, польские социалисты не оставляли надежды на возобновление сотрудничества с «Народной Волей». Об этом говорят материалы, обнаруженные при обыске у М. Богушевич. В ее бумагах нашли рукопись статьи (возможно, предназначенной для опубликования в газете «Пролетариат»), в которой говорилось «о необходимости соединения партии «Пролетариат» с партией «Народная Воля» [93]. Рукопись эта не сохранилась, но известно, что в ней были такие слова: «Организация «Пролетариата» готова каждую минуту протянуть руку всякой другой социальной организации, а тем более организации, действующей в пределах того же самого государства, несмотря на племенной ее состав; руководствуясь этими соображениями, «Пролетариат» вступил в братский союз с российской социально-революционной партией «Народная Воля». Основанием такого сближения двух партий послужила общность их интересов в общей цели освобождения трудящихся масс от гнета капитала и создание нового социалистического строя на развалинах старого, т. е. социальная революция» [94].

В 1884—1885 гг. в Париже действовал совместный комитет «Пролетариата» и «Народной Воли» в составе: С. Мендельсон, М. Янковская, А. Дембский, Л. Кшивицкий с польской стороны и М. Н. Ошанина, Г. Ф. Чернявская, Л. А. Тихомиров и П. Л. Лавров — с русской. Сложившаяся крайне неблагоприятная для обеих партий ситуация не позволяла наладить взаимодействие между польскими и русскими революционными кружками, поэтому вся деятельность комитета свелась к обсуждению теоретических и программных вопросов [95].

В материалах Департамента полиции имеются сведения о попытках, предпринятых народовольцами для восстановления нарушенных связей с деятелями «Пролетариата». В январе 1885 г. в Париже некоторое

[90] *L. Baumgarten.* Dzieje..., str. 505, 517.
[91] *М. Н. Черных.* Письма Ю. Мархлевского к Н. М. Архангельскому. «Исследования по истории польского общественного движения...», стр. 384, 388.
[92] ЦГАОР, ф. 102, 7 дел-во, 1884 г., д. 417, ч. 2, л. 108 об.
[93] ЦГАОР, библиотека, № 13448. «Заключение о дальнейшем направлении дознания по делу об образовавшемся в губерниях Привислинского края тайном сообществе, именующем себя социально-революционной партией «Пролетариат». [Б. м. и г.], стр. 11; «Kółka socjalistyczne...», str. 700, 702—703.
[94] «Заключение...», стр. 14; «Kółka socjalistyczne...», str. 702—703.
[95] *L. Krzywicki.* Wspomnienia, t. I. W., 1957, str. 301—303.

время находился С. А. Иванов; он встречался с польскими социалистами и вел с ними переговоры, после чего предполагал на обратном пути в Россию заехать в Варшаву[96]. К сожалению, дополнительных данных об этих чрезвычайно интересных фактах пока не обнаружено.

3. Покушение 1 марта 1887 г. и польские социалисты

После того, как в 1886 г. прекратила деятельность партия «Пролетариат», сотрудничество русских и польских революционеров проявилось в непродолжительной, но яркой деятельности группы П. Я. Шевырева — А. И. Ульянова в связи с неудавшейся попыткой покушения на царя 1 марта 1887 г.

Все участники покушения получили революционную закваску в студенческих кружках саморазвития и землячествах. Разобщенность студентов мешала их солидарным действиям. Необходимость создания широкой молодежной организации глубоко осознавалась передовыми их представителями. Таким объединением должен был стать нелегальный Союз землячеств Петербурга, возникший весной 1886 г. В него вошло около полутора десятка землячеств. Во главе Союза стоял союзный совет из представителей землячеств. Осенью в союзный совет был избран А. И. Ульянов (Поволжское землячество). В это же время в совет вошел представитель польского землячества в университете («польская касса») Юзеф Лукашевич, приехавший из Вильно. Из будущих участников заговора в совет вошли также О. М. Говорухин от «кружка кубанцев и донцов» и С. А. Никонов от Таврического землячества. С приходом к руководству Союзом А. И. Ульянова и П. Я. Шевырева студенческая организация стала центром революционного студенческого движения в Петербурге. Была устроена подпольная литография для печатания прокламаций, подготавливался первый номер студенческого печатного органа[97]. Из участников земляческих кружков подбирались активисты революционного движения. Польская студенческая молодежь не осталась в стороне от этого дела.

17 ноября 1886 г. исполнялось 25 лет со дня смерти Н. А. Добролюбова. А. И. Ульянов и его товарищи решили в связи с этим организовать политическую демонстрацию, чтобы поднять революционный дух студентов. Предполагалось произнести речи, а затем отпечатать их как агитационный материал. Широкая устная агитация, предпринятая союзным советом землячеств, принесла свои плоды — около 1500 человек согласились принять участие в панихиде. Вместе с тем решено было не придавать ей противоправительственного оттенка и отказаться от произнесения намеченных речей, чтобы избежать полицейских репрессий и не отпугнуть широкие студенческие массы. Собравшись у Николаевского вокзала, полуторатысячная толпа двинулась с венками к Волкову кладбищу. Однако у ворот кладбища демонстрантов встретили городовые, которые заявили, что панихида запрещена градоначальником. Через некоторое время он все-таки разрешил пропустить на кладбище

[96] ЦГАОР, ф. 102, 3 дел-во, 1885 г., д. 181, л. 44 об.

[97] *С. А. Никонов.* Жизнь студенчества и революционная работа конца восьмидесятых годов. «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». М.—Л., 1927, стр. 147; *Б. С. Итенберг, А. Я. Черняк.* Жизнь Александра Ульянова. М., 1966, стр. 94.

небольшую делегацию для возложения венков. Польское землячество возложило венок с надписью: «Студенты-поляки — поборнику прогресса»[98], выразив тем самым свою глубокую признательность великому русскому революционеру-демократу. От Волкова кладбища студенты двинулись к Казанскому собору, чтобы отслужить там панихиду, но были задержаны отрядом казаков с шашками наголо. Не на шутку встревоженный градоначальник приказал студентам разойтись, а когда они отказались подчиниться, велел задержать демонстрантов. „Добролюбовская демонстрация" обеспокоила правительство и вызвала широкий общественный резонанс.

Совет Союза землячеств выпустил и распространил прокламацию о событиях 17 ноября, которую написал А. И. Ульянов. В гектографировании прокламации ему помогали П. Я. Шевырев, Ю. Лукашевич, П. И. Андреюшкин и О. М. Говорухин. Затем она была распространена по Петербургу и направлена по почте в другие города.

Современники почти единодушно отмечают, что именно грубое насилие полиции послужило толчком к новому оживлению конспиративной работы в студенческих кругах. В декабре 1886 г. в университете по инициативе П. Я. Шевырева была создана террористическая группа для подготовки покушения. В ее состав вошли А. И. Ульянов, Ю. Лукашевич, С. А. Никонов, О. М. Говорухин, а несколько позднее — В. С. Осипанов, В. Д. Генералов, П. И. Андреюшкин, М. Н. Канчер, П. С. Горкун и С. А. Волохов[99]. Вслед за тем возникла необходимость в определении программных целей группы. Соответствующие документы «Народной Воли» не удовлетворяли участников группы, знакомых с социал-демократической литературой, — новые идеи казались им весьма привлекательными. В феврале 1887 г., в самый разгар приготовлений к покушению, программа была подготовлена А. И. Ульяновым. Он приступил к ее напечатанию в квартире студента Бронислава Пилсудского, поляка из Вильно, но эта работа была прервана на полпути, так как члены организации решили форсировать свои приготовления к террористическому акту[100].

По замыслу А. И. Ульянова, программа должна была объединить взгляды народовольцев и социал-демократов, так как, по его мнению, между этими направлениями революционной мысли разногласия были лишь малозначительные и только теоретического порядка[101]. По четкости формулировок и основных положений программа Ульянова была последовательнее и совершеннее программы «Народной Воли». Однако правильные, вполне марксистские положения, высказанные в первой половине программы, сводились на нет ошибочными идеями, заимствованными из арсенала традиционных народовольческих представлений. Один из главных теоретических вопросов, вызывавших дискуссии между народовольцами и социал-демократами,— вопрос о формах и путях политической борьбы — решался в программе А. И. Ульянова в пользу террора. Отсюда становится понятным, почему группа приняла название «Террористическая фракция Народной Воли». Обаяние героической борьбы первого поколения народовольцев было так велико, что, несмотря

[98] *В. П. Крикунов.* А. И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа. Нальчик, 1963, стр. 98.

[99] *Б. С. Итенберг, А. Я. Черняк.* Указ. соч., стр. 115—116.

[100] *С. Н. Семанов.* Во имя народа. Очерк жизни и борьбы А. Ульянова. М., 1961, стр. 119.

[101] «Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др.». М.— Л., 1927, стр. 337. Подробный анализ программы см.: *Ю. З. Полевой.* Указ. соч., стр. 316—319; *Б. С. Итенберг, А. Я. Черняк.* Указ. соч., стр. 122—128.

на восприятие марксистских идей, студенческая молодежь второй половины 80-х годов не могла сразу отказаться от не оправдавших себя способов борьбы. Характерно, что Юзеф Лукашевич считал свои взгляды социал-демократическими, но это не мешало ему самым активным образом участвовать в подготовке покушения [102].

В конце 1886 — начале 1887 г. террористическая фракция старалась установить связи с революционными группами других городов. Благодаря Ю. Лукашевичу удалось установить контакты с виленским народовольческим кружком, во главе которого стояли И. Дембо и поляк А. Гнатовский. Виленцы оказывали поддержку кружку Шевырева — Ульянова в ходе подготовки покушения.

Во второй половине 80-х годов г. Вильно не утратил значения одного из важных революционных центров, хотя местные кружки «Пролетариата» и «Народной Воли» оказались разгромленными в 1883—1884 гг. Та довольно многочисленная революционная группа, которая в 1887 г. оказалась втянутой в подготовку покушения, сложилась из осколков кружков пролетариатцев и народовольцев, избежавших арестов либо продолжавших свою нелегальную деятельность после отбытия наказаний. И. Дембо учился в гимназии в Петербурге, в 1884 г. был там же привлечен к дознанию по делу рабочей группы «Народной Воли», а затем отправлен в Вильно под надзор полиции [103]. Антоний Гнатовский еще в 1882 г. был арестован за пропагандистскую работу в Вильно и там же состоял под надзором. Титус Пашковский, также оказывавший услуги группе Шевырева — Ульянова, осенью 1883 г. — зимой 1884 г. входил в виленский кружок пролетариатцев, группировавшийся вокруг Марии Пашковской [104], а затем присоединился к кружку Дембо — Гнатовского.

Кружок Дембо — Гнатовского был наиболее влиятельным в Вильно, имел связи с другими городами, паспортное бюро, конспиративную квартиру («салон Аксельрод») и своих людей на границе. С 19 декабря 1886 г. по 5 января 1887 г. А. Гнатовский находился в Петербурге [105]. Нет сомнения, что именно в этот момент и была достигнута договоренность о сотрудничестве между виленским кружком и петербургскими террористами [106]. Контакты с Вильно шли через польский кружок в университете (Б. Пилсудский, К. Гомолецкий, Ю. Лукашевич и др.).

Ю. Лукашевич занялся приготовлением взрывчатки для метательных снарядов. Это было чрезвычайно трудно, если учесть, что изготавливать ее приходилось кустарным способом в условиях строжайшей конспирации, при отсутствии необходимых средств и материалов. Вскоре к Лукашевичу присоединился и А. И. Ульянов. Когда заговорщикам стало известно, что царь собирается покинуть столицу, пришлось форсировать дело, хотя А. И. Ульянов настаивал на том, чтобы отложить покушение до осени. В Вильно, в аптеке, где работал Т. Пашковский, можно было раздобыть азотную кислоту, необходимую для метательных снарядов. В самом начале января 1887 г. по поручению группы в Вильно ездил Казимеж Буковский, не входивший, правда, в число заговорщиков, но исполнявший их поручения; он вернулся в Петербург с некоторым

[102] «Первое марта 1887 г.», стр. 109.
[103] «Библиографический словарь революционных деятелей», т. III, ч. 2, стлб. 1113.
[104] *L. Baumgarten.* Dzieje..., str. 330, 378; «Первое марта 1887 г.», стр. 273.
[105] «Первое марта 1887 г.», стр. 273.
[106] *А. С. Поляков.* Второе 1 марта. Покушение на императора Александра III в 1887 г. По неизданным источникам. «Голос минувшего», 1918, № 10—12, стр. 260. Ср.: «Первое марта 1887 г.», стр. 354.

количеством азотной кислоты и подтвердил обещание виленских народовольцев помогать террористам [107]. В конце января с аналогичным поручением выезжал М. Канчер. Виленские явки были указаны ему Ю. Лукашевичем и Б. Пилсудским. Последний стал посредником между М. Канчером и А. Гнатовским, Т. Пашковским и И. Дембо, которым Канчер передал просьбу прислать кислоты, стрихнину и пару пистолетов. Гнатовский велел передать в Петербург, что виленцы готовы снабжать паспортами и переправлять за границу тех, кому необходимо уйти от преследований. Впоследствии именно таким путем скрылись Н. А. Рудевич и О. М. Говорухин [108]. Л. И. Аксельрод («Ортодокс») вспоминает, что в ее «салоне» устраивались конспиративные собрания виленского кружка, на которых обсуждались вопросы помощи группе Шевырева — Ульянова [109].

Задуманное дело погубила неосмотрительность одного из участников. В письме товарищу в Харьков П. А. Андреюшкин в весьма прозрачной форме намекнул о приготовлениях петербургской группы. Письмо попало в руки полиции, которая и приняла меры для того, чтобы обезвредить конспираторов [110]. И. Дембо и А. Гнатовский успели скрыться за границу.

Кратковременная, но яркая деятельность группы Шевырева — Ульянова, полная героизма и трагического самопожертвования, свидетельствует, между прочим, и о непрерывности русско-польского революционного союза. Журнал «Валька кляс» писал по поводу неудавшегося покушения: «Судебная комедия, которая закончилась убийством русских товарищей, имеет для нас и другое значение. В этом процессе, как и в предшествующих, выступали польские социалисты: товарищи Пашковский, Лукашевич и Пилсудский работали вместе с русскими товарищами, принеся свое достояние и жизнь в жертву для нашего совместного дела. Этот факт наполняет нас одновременно радостью и гордостью. Мы счастливы, что развитие социалистической мысли в нашей стране дает возможность польскому социализму безустанно нести помощь братским русским организациям [...]. Наконец, мы горды, что царизм встретил активную оппозицию в польском обществе только со стороны поляков-социалистов» [111].

4. Связи русских и польских революционеров в эмиграции

С гибелью «Пролетариата» и «Народной Воли» организационных контактов между русским и польским освободительным движением не стало, но продолжали сохраняться тесные личные конспиративные связи, покоившиеся на совместной борьбе с деспотизмом. Такие связи прослеживаются не только в самой России, но и в эмиграции.

В Цюрихе еще с 70-х годов существовал основанный русскими революционерами Славянский социалистический клуб. Здесь происходили дискуссии по политическим вопросам, имелась хорошо подобранная библиотека нелегальных изданий, касса взаимопомощи. Членом клуба

[107] *С. А. Никонов.* Указ. соч., стр. 164.
[108] «Первое марта 1887 г.», стр. 45—46.
[109] *Л. И. Аксельрод.* Из моих воспоминаний. «Каторга и ссылка», 1930, № 2 (63), стр. 33.
[110] *С. Н. Семанов.* Указ. соч., стр. 120.
[111] «Walka Klas», 1887, N 5, str. 1.

мог стать любой выходец из славянских стран, держащийся демократических убеждений. Подавляющее большинство членов клуба были подданными России — студенты университета и политехникума, а также политические эмигранты, вынужденные спасаться от преследований царской охранки. Четко прослеживается деление на сторонников «Народной Воли» и группы «Освобождение труда».

С 1887 г. сторонники народовольческого направления сплотились в группу, принявшую название „Кружок народовольцев" в Цюрихе. Из устава его видно, что кружок задался целью восстановить революционную организацию в России на основе программных требований «Народной Воли». Ближайшими задачами кружок считал создание за границей единого «Союза народовольцев», издание литературы «социалистического направления», пропаганду «социальных идей», установление связей с другими заграничными кружками, налаживание прочных контактов с Россией, созыв съезда за границей для уяснения программных вопросов[112]. В центре кружка стояли И. Дембо («Бринштейн») и А. Гнатовский («Преккер»). Примкнули к кружку также О. М. Говорухин, Н. А. Рудевич — участники неудавшегося покушения 1 марта 1887 г., а также народовольцы Казимеж Варпеховский, Г. В. Прокофьев, М. Филиппео и др.

Из польских социалистических кружков наиболее активным был кружок бывших пролетариатцев (А. Дембский, Феликс Дашиньский, Габриэль Нарутович, Т. Кодис и др.). Летом 1887 г. по инициативе И. Дембо, А. Гнатовского, О. Говорухина и Н. Рудевича решено было создать «Социалистический литературный фонд» для издания пропагандистской литературы. Предполагалось, что издаваться она будет «независимо от теоретических программных разногласий между русскими социально-революционными группами». Хранителем фонда пригласили П. Л. Лаврова, он же стал главным цензором издаваемых сочинений — лишь после его согласия рукопись принималась к изданию[113]. Но когда группа «Освобождение труда» предложила издать брошюру В. И. Засулич «Очерки Международного общества рабочих», Лавров, формально высказавшийся за ее издание, практически всячески тормозил дело[114]. Это вызвало резкое обострение отношений между народовольцами и «освобожденцами». На одном из теоретических диспутов выступили К. Варпеховский и Р. Соловейчик. «Оба реферата,— пишет свидетель этого диспута Д. Н. Матвеев,— были написаны на тему «Капитализм в России и вероятная его будущность». Варпеховский высказывал тот взгляд, что капитализм в России развиваться дальше не может, а Соловейчик был противоположного мнения»[115]. Весной 1888 г. дошло до открытых столкновений, когда А. Дембский, находившийся в тесных связях с И. Дембо и А. Гнатовским, во время собрания, обсуждавшего разногласия народовольцев и освобожденцев, стал на сторону первых и, будучи председателем собрания, «явно способствовал тому, чтобы дело выиграли народовольцы»[116]. Раскол назревал, и осенью фонд разделился на две части — народовольческую и освобожденческую[117].

[112] «Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи, за 1889 г.», вып. XIV. [Б. м. и г.], стр. 41—43.
[113] Там же, стр. 38—39; ЦГАОР, ф. 102, 7 дел-во, 1889 г., д. 47, т. IX, лл. 13 об.— 14.
[114] *Г. С. Жуйков.* Группа «Освобождение труда». М., 1962, стр. 101.
[115] ЦГАОР, ф. 102, 7 дел-во, 1889 г., д. 47, т. II, л. 213 об.
[116] Там же, т. V, л. 56 об.
[117] *В. И. Невский.* От «Земли и Воли» к группе «Освобождения труда». М., 1930, стр. 243—244.

Цюрихский народовольческий кружок нашел поддержку народовольцев, обосновавшихся в Париже; с начала 1888 г. они действуют совместно. Цюрихскому кружку удалось установить связи с Петербургом, Москвой, Одессой, Минском и Вильно[118]. Эти связи использовались для организации за границей съезда русских революционных кружков с целью выработки общей программы действий, а также для распространения литературы и ведения конспиративной переписки. И. Дембо пригласил на съезд и польских социалистов-эмигрантов, но С. Мендельсон отклонил приглашение[119], что надо связывать, видимо, с желанием последнего проводить самостоятельную политическую линию, не связывая себя какими-либо обязательствами в области программных вопросов. Что же касается делового, практического сотрудничества, то оно, как и прежде, продолжалось.

По свидетельству Б. И. Рейнштейна, летом 1888 г. в Цюрихе он вместе с И. В. Дембо и С. М. Гинсбург стал изучать технику изготовления метательных снарядов[120]. Софья Гинсбург еще в 1884—1885 гг. участвовала в революционном движении в Петербурге, была близка к военно-революционной организации. Находясь за границей для продолжения медицинского образования, она хотела по возвращении в Россию сколотить из преданных делу людей небольшую группу для организации покушения на царя, так как была убеждена, что только цареубийство пробудит общество от депрессии[121]. Когда С. М. Гинсбург отправилась из Цюриха в Париж, И. В. Дембо привлек к опытам пролетариатца А. Дембского[122]. Опытные работы закончились трагически — в марте 1889 г. произошел случайный взрыв бомбы, в результате которого И. Дембо погиб, а А. Дембский получил тяжелые ранения. Суровые испытания выпали на долю остальных русских и польских революционеров — правительство Швейцарии многих арестовало и удалило всех причастных к делу из страны, передав материалы следствия царскому правительству, что в свою очередь вызвало репрессии и в России.

Как и в предшествующие годы, большую политическую поддержку польским революционерам оказывал П. Л. Лавров. Уделяя в своей теоретической работе значительное место национальному вопросу, он, как уже говорилось, признавал право польского народа на независимое государственное существование. Польские социалисты неоднократно выражали признательность ветерану русского революционного движения, отмечали влияние его трудов на идейное развитие польской демократической молодежи. В 1887 и 1889 гг. П. Л. Лавров выступал с воспоминаниями о Парижской Коммуне на митингах, организованных польскими социалистами-эмигрантами[123].

В эмиграции русско-польские революционные контакты развивались, разумеется, не только по линии народовольцев. Группа «Освобождение труда» поддерживала тесные связи с польскими социалистами в Женеве. В 1885 г. группа издала на русском языке брошюру Ш. Дикштейна «Кто чем живет?» (популярное изложение для рабочих экономической теории Маркса), а Плеханов предпослал ей полное симпатии к автору предисловие, в котором рассказывал о жизни и борьбе

[118] ЦГАОР, ф. 102, 3 дел-во, 1890 г., д. 536, т. II, лит. А, л. 46.
[119] Там же, л. 46 об.
[120] *В. И. Невский.* Указ. соч., стр. 520—521.
[121] *П. Л. Лавров.* Воспоминания о Софье Михайловне Гинсбург. «Голос минувшего», 1917, № 7—8, стр. 230, 232, 234.
[122] *В. И. Невский.* Указ. соч., стр. 521.
[123] *Е. К. Жигунов.* П. Л. Лавров и его связи..., стр. 354, 356—357.

польского социалиста и призывал русских и польских рабочих крепить боевой пролетарский союз, в популярной форме изъяснял суть пролетарского интернационализма: «Русские рабочие должны помнить, что ни один народ не может быть свободен до тех пор, пока он не перестанет угнетать другие народы. Не ненависть, а сочувствие должно возбуждать в них стремление угнетенных народов к своему освобождению. Русский рабочий должен видеть в польском рабочем не врага, а брата»[124]. Из этих слов видно, что для Г. В. Плеханова союз польских и русских революционеров в их политической борьбе против царского самодержавия представлялся совершенно естественным и необходимым.

К 1891 г. относится знакомство Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода и В. И. Засулич с молодой польской революционеркой Розой Люксембург. Между ними сразу же установились дружеские отношения[125]. Примерно в это же время с группой «Освобождение труда» начал сотрудничать Леон Иогихес («Тышка», «Грозовский»); он вошел также в цюрихский кружок польских марксистов.

Л. Иогихес начал революционную деятельность в виленских кружках. В 1890 г. он эмигрировал в Женеву, где познакомился с Г. В. Плехановым и его друзьями. Благодаря своему проницательному уму и недюжинным способностям конспиратора он произвел на русских социал-демократов весьма благоприятное впечатление. Г. В. Плеханов даже предполагал сделать его своим посредником по практической работе среди русских и польских эмигрантов[126]. Иогихесу предложили вступить в полноправные члены группы «Освобождение труда», что свидетельствовало о большом доверии к нему со стороны русских марксистов. Иогихес материально поддерживал группу[127], однако весной 1892 г. разногласия по идейным вопросам и финансовые недоразумения привели к охлаждению отношений между ними[128]. Л. Иогихес упрекал Г. В. Плеханова в отходе от социал-демократизма на том основании, что в его статье «Всероссийское разорение» содержался неудачно сформулированный тезис, который можно было истолковать как призыв начать агитацию за созыв в России Земского собора (законодательного собрания). Почувствовав свою оплошность, Плеханов в статье «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» признал неточность своей формулировки и исправил ее[129]. Нужно сказать, Плеханов не сразу разобрался в существе тех явлений, которые привели к размежеванию течений в польском социалистическом движении. Некоторое время он сотрудничал с «Побудкой» и «Пшедсвитом» и тем самым фактически оказывал политическую поддержку тому течению, которое стало на путь отхода от традиций интернационализма.

[124] *Г. В. Плеханов.* Сочинения, т. III. М.— Пг., 1923, стр. 374—375.

[125] *I. N. Kurbatowa.* J. W. Plechanow a polski ruch robotniczy. «Z Pola Walki», 1959, N 3 (7), str. 11.

[126] *И. Н. Курбатова.* К вопросу о связях революционного движения России и Королевства Польского в последней четверти XIX в. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1958, № 4, стр. 135.

[127] *А. Варский.* Переписка Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода и В. И. Засулич с Л. Иогихесом («Грозовским», «Тышкой»). 1891—1892 гг. «Пролетарская революция», 1928, № 11—12, стр. 271.

[128] Подробно см.: *В. И. Невский.* Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. «Историко-революционный сборник», т. 2. Л., 1924, стр. 41—47; *И. Н. Курбатова.* Указ. соч., стр. 135—136.

[129] *Г. В. Плеханов.* Сочинения, т. III, стр. 357, 390.

5. Развитие польского рабочего движения в 1888—1892 гг. и его связи с русскими революционными кругами

На рубеже 80-х — начала 90-х годов революционное крыло общественного движения на польских землях, отошедших по разделам к России, представляли две нелегальные социалистические организации — второй «Пролетариат» и Союз польских рабочих. Они стремились пробудить классовое сознание пролетариата, подготовить его к сражениям за освобождение от политического, экономического и национального угнетения. Появление этих организаций было связано с новым подъемом революционного движения на территории Королевства Польского.

II «Пролетариат» возник в феврале — марте 1888 г. в Варшаве в результате объединения руководимого Марцином Каспшаком рабочего кружка (так называемого «Рабочего комитета») и группы молодых интеллигентов-социалистов во главе с Людвиком Кульчицким [130]. Принимая свое название, новая организация хотела подчеркнуть идейную преемственность в отношении первой польской рабочей партии, хотя и не по всем вопросам революционной теории разделяла ее программу. Если идеологи первого «Пролетариата» искренне верили в близость международной социалистической революции, призывали готовиться к захвату власти и установлению диктатуры рабочего класса, то деятели второго «Пролетариата», учитывая спад революционной волны в европейском масштабе и преодоление кризиса русским самодержавием, считали, что ближайшая цель польских социалистов состоит не в подготовке революции, а в повседневной борьбе за конституцию для России и автономию для Королевства Польского [131]. Они полагали, что конституционные свободы улучшат политическую атмосферу в стране, вследствие чего рабочая партия окрепнет, легализуется и с успехом сможет защищать интересы пролетариата.

В реферате Л. Кульчицкого «По поводу брошюры «Об активной обороне и национальном фонде», носившем характер программного заявления, много внимания уделяется, наряду с требованием конституции и автономии, вопросу об отношении поляков к России и русскому революционному движению. Кульчицкий выдвигает тезис, что, в силу неодинаковости политических условий, успехи польского освободительного движения целиком зависят от развития революционно-освободительного процесса в России в целом. «Нельзя мечтать о возможности перемен у нас без таких же перемен в России,— пишет он и заключает:— Государственные условия одни, поэтому борьбу вести следует сообща». По мнению автора реферата, с русскими социалистами необходимо установить «самые тесные партийные отношения, такие, какие были между «Пролетариатом» и «Народной Волей» [132]. В Галиции и на Познаньщине польские социалисты точно так же должны вместе с австрийскими и немецкими социал-демократами добиваться автономии. Деятели второго «Пролетариата», таким образом, продолжали интернационалистскую традицию первого поколения польских социалистов и видели в союзе

[130] *J. W. Borejsza.* Powstanie II Proletariatu i początki jego działalności. «Z Pola Walki», 1958, N 2, str. 39.
[131] *J. Buszko.* Narodziny ruchu socjalistycznego na ziemiach polskich, str. 234—235.
[132] [*L. Kulczycki*]. Z powodu broszury «Rzecz o obronie czynnej i skarbie narodowym». Kr. [W.], 1888, str. 15, 17.

с русскими революционерами важнейшее условие успешной политической борьбы с царизмом.

От своих предшественников «Пролетариат» воспринял ошибочную идею террористической тактики, заимствованную у русских народовольцев. Правда, в организации сразу же наметились разногласия по вопросу о терроре, но все же большинство руководящего ядра, равно как и интеллигенты-пропагандисты, придавали этой разновидности революционной тактики значение главного фактора в политической борьбе [133]. Так было по крайней мере в первой фазе деятельности второго «Пролетариата». На одном из тайных собраний было зачитано заявление Рабочего комитета, в котором обосновывалась тактика социалистов. Фабрично-заводские рабочие расценивались в заявлении как тот социальный элемент, на который только и должна опираться революционная партия. На благодеяния сверху социалисты не полагались. «Коренных социальных и политических перемен,— отмечалось там,— можно добиться только силой, народным движением или террором революционной партии относительно правительства» [134]. Покушение на царя создало бы, по мнению авторов заявления, условия, облегчающие путь к социалистической революции. На террор деятели варшавской организации второго «Пролетариата» смотрели по-народовольчески. Наконец, сама партия мыслилась ими как немногочисленная группа террористов-заговорщиков, преданных делу и, если понадобится, готовых пожертвовать жизнью. Точно так же считали и народовольцы. Справедливости ради надо сказать, что дальше проектов покушений дело не пошло, так как пролетариатцы не располагали необходимыми условиями: организация была слишком малочисленной и не имела материальных средств.

Второй «Пролетариат» поддерживал отношения с русскими социалистами. Судя по источникам, его связи ограничивались только народовольческими кружками. С последними пролетариатцев сближала тактика террора и заговора. Они вошли в контакт с революционно настроенным кружком офицеров варшавской крепостной артиллерии [135]. Один из офицеров, Е. Г. Шольп, до службы в Варшаве принадлежал к военной организации «Народной Воли». Летом 1888 г. пролетариатцы намеревались издать отдельной брошюрой на польском и русском языках статью Э. А. Серебрякова «Нашим порицателям» из «Вестника Народной Воли» (1885, № 4), в которой опровергалось мнение, будто присяга царю мешает военным участвовать в революционном движении [136]. Предполагалось распространить брошюру между офицерами. Идею эту реализовали в виде прокламации за подписью Варшавского рабочего комитета [137]. От имени офицерского кружка Е. Г. Шольп откликнулся на прокламацию письмом в теоретический орган польских социалистов журнал «Валька кляс», в котором развивал мысль о необходимости революционной пропаганды в русской армии [138].

В конце 1888 г. «Пролетариат» включился в подготовку нового по-

[133] *M. Mazowiecki,* [*L. Kulczycki*]. Указ. соч., стр. 137—138; *F. Perl.* Указ. соч., стр. 136; *J. Buszko.* Указ. соч., стр. 234.

[134] Цит. по: *А. М. Орехов.* Социал-демократическое движение в России и польские революционеры. 1887—1893 гг. М., 1973, стр. 64.

[135] Там же, стр. 67—74.

[136] APW; W2G 15, k. 714.

[137] «К офицерам русских войск, стоящих в Царстве Польском. Открытое письмо». Женева, 1889. На польском языке прокламация не издавалась.

[138] «Walka Klas» (Genewa), 1889, zesz. 2, str. 51—53.

кушения на царя, которое хотела организовать С. М. Гинсбург. Во время своего пребывания в Париже осенью 1888 г. Л. Кульчицкий договорился с С. Мендельсоном, А. Дембским и М. Янковской о том, чтобы предложить бесстрашной революционерке от имени «Пролетариата» подготовить террористический акт совместно. Мендельсон, имевший постоянные связи с П. Л. Лавровым и народовольцами, знал о предполагавшемся приезде в Париж С. М. Гинсбург и ее планах возвращения в Россию. Вскоре состоялась встреча польских социалистов с С. М. Гинсбург, во время которой они договорились относительно возможности совместных террористических акций в Петербурге[139]. После этих переговоров, как утверждает Л. Кульчицкий, в Париж из Варшавы были направлены члены Рабочего комитета Ст. Кассиуш, В. Анелевский и А. Домбровский, которые должны были обучиться обращению с динамитом, а затем присоединиться к русским революционерам для исполнения террористического акта[140]. Задуманное русскими и польскими революционерами предприятие не удалось из-за провала группы С. М. Гинсбург весной 1889 г.

Пролетариатцы и народовольцы помогали друг другу при транспортировке нелегальной литературы. В октябре 1888 г. Л. Кульчицкий находился в Кракове и договорился с И. В. Дембо о присылке в Варшаву русских социалистических изданий из Швейцарии, причем получил от Дембо список адресов, по которым должен был организовать доставку книг из Варшавы[141].

Связи второго «Пролетариата» с русскими революционными кругами не получили широкого развития, так как польская организация была почти полностью разгромлена в период массовых арестов в начале декабря 1888 г. На свободе остался один М. Каспшак. Постепенно ему удалось восстановить связи между отдельными сторонниками «Пролетариата» из числа интеллигенции, студенческой молодежи и рабочих, но серьезного значения эта организация уже не имела. Данными о ее связях с русскими социалистами в Варшаве мы не располагаем. Вполне, однако, возможно, что дальнейшее изучение архивных материалов, касающихся революционного подполья того времени, позволит обнаружить такие связи.

Становление социал-демократического направления в польском социалистическом движении связано с деятельностью Союза польских рабочих в 1889—1893 гг. Основателями и ведущими деятелями его следует считать Я. Таньского, Ю. Бека, Ю. Мархлевского, Я. Ледера и др.[142] Союз польских рабочих подчеркнуто отрицательно относился к тактике террора и заговора. Социал-демократы были убеждены, что социализм на польских землях должен «окончательно порвать с традициями бланкизма и стать на почву западноевропейского рабочего движения»[143].

От узких рамок кружковой пропаганды Союз польских рабочих пытался перейти к агитации среди широких пролетарских масс на почве

[139] «Ze wspomnień Ludwika Kulczyckiego». Oprac. J. Myśliński. «Z Pola Walki», 1972, N 1 (57), str. 181.

[140] *L. Kulczycki.* Stanisław Kassiusz. «Kronika ruchu rewolucyjnego w Polsce», 1936, N 2 (6). Księga życiorysów działaczy rewolucyjnych, str. 95; *В. И. Невский.* От «Земли и Воли»..., стр. 521.

[141] ЦГАОР СССР, ф. 102, 7 дел-во, 1888 г., д. 190, л. 132 об.— 133 об.; APW, WZG 14, k. 407; *J. W. Borejsza.* Указ. соч., стр. 48.

[142] *F. Tych.* Związek Robotników Polskich 1889—1892. Anatomia wczesnej organizacji robotniczej. W., 1974, str. 107.

[143] «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. Materiały i dokumenty», t. I, cz. 1. W., 1957, str. 24—25.

наиболее понятных для них экономических требований. Социал-демократы стремились к руководству стихийно развивавшимся забастовочным движением, чтобы направить польский рабочий класс на путь сознательной борьбы за улучшение своего экономического положения, пробудить в нем чувство понимания необходимости солидарных действий против буржуазии. В том же направлении шла и русская социал-демократия, но, в отличие от русских марксистов, Союз польских рабочих на первых порах не выдвигал требования свержения самодержавия и установления конституционных свобод. Польские социал-демократы думали, что политическую борьбу следует отложить до тех пор, пока классовое сознание польского пролетариата не созреет до понимания политических лозунгов, а в ближайшее время уделить все внимание улучшению экономического положения рабочих [144]. Однако подобный «экономизм» и недооценка политических лозунгов были явлением временным и отражали незрелость социал-демократического направления в польской общественной мысли.

Правое крыло польского конспиративного движения второй половины 80-х и начала 90-х годов занимал Союз польской молодежи («Зет») — филиальная организация националистической «Лиги польской», созданная в 1887 г. «Зет» базировался в Варшавском университете, объединяя студенческую молодежь и некоторую часть интеллигенции. Польские студенческие кружки этого направления довольно скоро возникли в Новой Александрии (Пулавы), Киеве, Петербурге, Одессе [145].

Союз польской молодежи захватил ключевые позиции в университетской организации землячеств, чему благоприятствовали националистические настроения и мелкобуржуазный радикализм подавляющего большинства польской студенческой молодежи, воспитывавшейся в патриотических повстанческих традициях и, как правило, чуждой идеям классовой борьбы, а тем более идеям интернационализма. Студенческая организация объединяла, как это было и в российских университетах, студентов разных политических убеждений и занималась главным образом устройством полулегальных касс взаимопомощи, самообразовательных кружков и т. п. [146] Была в этой организации и революционная фракция во главе с Я. Таньским и Б. Дембиньским [147].

Когда в марте 1890 г. в Москве начались студенческие волнения, быстро охватившие все университетские центры России, в Варшаву тайно прибыл представитель московских студентов с поручением разъяснить причины волнений и призвать польскую молодежь присоединиться к общероссийскому студенческому протесту. Любопытно, что московский посланец — делегат Центрального бюро Союза землячеств Москвы — по прибытии в Варшаву устанавливает связь с польскими социал-демократами и действует в дальнейшем при их посредничестве. Под давлением социалистов руководящий кружок студенческой организации поначалу высказался за совместное выступление польских и русских студентов, хотя этому противодействовал признанный лидер «Зета» Роман Дмовский, доказывавший, что полякам, как нации угнетенной, противоестест-

[144] *F. Tych.* Указ. соч., стр. 91 и сл.

[145] *Wł. Pobóg-Malinowski.* Narodowa Demokracja. 1887—1918. Fakty i dokumenty. W., 1933, str. 63—64.

[146] *J. Offenberg.* Stan umysłów wśród młodzieży akademickiej Uniwersytetu Warszawskiego w latach 1885—1890 (Ze wspomnień kresowca). W., 1929, str. 13—17.

[147] *A. Garlicki.* Relacja Romana Dmowskiego o Lidze Narodowej. «Przegląd Historyczny», 1966, zesz. 3, str. 420.

венно поддерживать русских [148]. На собрании присутствовал Л. Кшивицкий. Он высказался в поддержку русских студентов [149].

Положение в университете, как свидетельствует Я. Оффенберг, создалось чрезвычайно напряженное. Одни считали, что возник подходящий случай, чтобы к требованиям русских студентов присоединить и свои, в частности о том, чтобы языком преподавания в Варшавском университете стал польский язык. Другим казалось, что выступление студентов повлечет за собой закрытие университета — единственного крупного научного центра в Королевстве Польском [150]. Победила точка зрения Р. Дмовского. Ему удалось добиться роспуска специального комитета для подготовки студенческого выступления. Социалисты оказались в меньшинстве и вышли из университетской организации.

Защищать свои идейные позиции польским социал-демократам приходилось, как мы видим, в очень сложных условиях. Они полагали, что поляки и русские должны совместно бороться с политическим гнетом, и потому заняли ясную позицию в отношении русского оппозиционного студенческого движения. В то же время они прекрасно понимали, что академические требования студенчества в очень малой степени отражают насущные нужды времени. Однако для социал-демократов неизмеримо более существенным было противопоставить буржуазно-националистическим устремлениям позитивную программу действий. Не располагая в то время типографией, Союз польских рабочих не мог высказать своей точки зрения печатно. Зато это сделал «Пролетариат». В своем воззвании по поводу студенческих волнений он указывал, что единственно правильный путь студенческой молодежи — повести совместно с рабочими борьбу за социальное переустройство общества [151].

Большое значение для польского рабочего движения имели майские события 1890 г. Кружки «Пролетариата» и Союза польских рабочих распространили в значительном числе прокламации, призывавшие рабочих в день 1 Мая показать, что они осознают свои классовые интересы и стремятся к борьбе за социальное освобождение. Несмотря на обыски и аресты, вызванные появлением воззваний, на некоторых предприятиях Варшавы и Лодзи произошли стачки [152].

Первомайская манифестация 1890 г. означала новый подъем польского рабочего движения. В этих условиях пролетариатцы и члены Союза польских рабочих стремились расширить и углубить организационную работу. В конце 1890 г. они создали кассы сопротивления, имевшие большое значение для классового просвещения рабочих. Кассы охватывали пока сравнительно небольшой, но все же достаточный для того времени круг рабочих. Так, в кассах Союза польских рабочих насчитывалось, по неполным сведениям, около 600 человек [153]. Расширилась и издательская деятельность конспиративных организаций, особенно «Пролетариата». О внимании пролетариатцев к проблемам русского общественного движения свидетельствует факт издания в 1891 г. статьи Г. В. Плеханова о первомайском празднике в виде литографированной

[148] *A. Garlicki.* Указ. соч., стр. 421.
[149] *St. Kozicki.* Historia Ligi Narodowej (Okres 1887—1907). Londyn, 1964, str. 44.
[150] *J. Offenberg.* Указ. соч., стр. 17.
[151] *А. И. Георгиевский.* Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890, стр. 270—271. Датировано воззвание 19 апреля 1890 г.
[152] *F. Tych.* Указ. соч., стр. 160 и сл.
[153] APW, WZG 19, k. 124; *F. Tych.* Указ. соч., стр. 178.

брошюры «Международный праздник рабочих 1 Мая 1890 г.» [154] и «Письма Александру III» либеральной народницы М. К. Цебриковой. По утверждению Ф. Перля, в тайной литографии «Пролетариата» на русском языке, специально «для группы русских студентов в Варшаве», были изданы какие-то, нам неизвестные, «интересные воспоминания из времени «Земли и Воли» [155].

Польское рабочее движение продолжало нарастать. В мае 1891 г., несмотря на соответствующие приготовления полиции, в Варшаве, Лодзи и Жирардове произошли крупные выступления рабочих под лозунгом повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и других экономических требований. Общее число участников первомайских стачек 1891 г., по примерному исчислению, достигло 10—15 тыс. человек [156]. Таких масштабов стачечное движение русского пролетариата к началу 90-х годов еще не знало.

Особенно убедительным проявлением классовой борьбы польского пролетариата в эти годы явилась всеобщая забастовка в Лодзи в мае (по старому стилю — в апреле) 1892 г., вызванная ростом дороговизны на предметы первой необходимости и систематическим понижением уровня заработной платы рабочих. На решительные выступления рабочих оказала воздействие также изданная социал-демократами прокламация, призывавшая к первомайской манифестации. Характерно, что наряду с экономическими требованиями, она содержала и требования политические (свободы слова, печати и собраний, введения польского языка в судопроизводство и преподавание) [157]. Таким образом, революционная агитация сыграла роль в выступлении лодзинских рабочих. Распространением прокламации занимался и русский рабочий, прядильщик А. П. Кузьмин, активист Союза польских рабочих [158]. Имеются данные о том, что он еще в конце 1891 г. агитировал на фабрике Куницера за создание кассы сопротивления, призывал к забастовке [159].

Забастовку удалось прекратить только с помощью войск. В результате кровавых столкновений между карателями и рабочими 6 человек было убито и 300 ранено [160]. В лодзинских событиях приняло участие около 60 тыс. рабочих [161]. Это была крупнейшая политическая забастовка европейского масштаба.

Годы оживления рабочего движения отмечены также связями польских социал-демократов с русскими революционными кругами. Во второй половине 1891 — первой половине 1892 г. в Варшаве возникает конспиративная группа, непольская по национальному составу. Сложилась она из русских студентов и чиновников (С. С. Иваницкий, В. А. Шумов, Н. А. Андрусевич, А. Г. Архангельский, О. И. Рункевич и др.), евреев — участников виленских народовольческих и социал-демократических кружков (И. М. Пескин, Я. М. Виткинд, Ц. М. Копельзон, И. С. Антокольский и др.), части украинского землячества (чиновник Ф. И. Свидерский, сту-

[154] Biblioteka Narodowa w Warszawie, sygn. 1, 88.967; *Jerzy Plechanow.* Międzynarodowe święto robotnicze — 1 Maja 1890 r. W., 1891.
[155] *F. Perl.* Указ. соч., стр. 397.
[156] *Н. Н. Пухлов.* Из истории польской социал-демократической партии (1893—1904 гг.). М., 1968, стр. 37—39; «Wypadki majowe 1891 roku w Żyrardowie. Wydawnictwo źródeł». Zebrał i opracował H. Rappaport. W., 1973; *F. Tych.* Указ. соч., стр. 246 и сл.
[157] *Г. И. Лурье.* Красная Лодзь (Рабочая стачка 1892 г.). М., 1934, стр. 71.
[158] *A. Próchnik.* Bunt łódzki w roku 1892. Studium historyczne. W: *A. Próchnik.* Studia i szkice (1864—1918). W., 1962, str. 377.
[159] *А. М. Орехов.* Указ. соч., стр. 100; *F. Tych.* Указ. соч., стр. 377—378.
[160] *A. Próchnik.* Указ. соч., стр. 443—444; «Historia polskiego ruchu robotniczego. 1864—1964», t. I. W., 1967, str. 102.
[161] *A. Próchnik.* Указ. соч., стр. 415.

дент Ф. И. Свириденко и др.) и грузинского студенческого землячества (Ф. И. Махарадзе, С. М. Микадзе и др.). Группа имела привезенную из Вильно библиотеку, состоявшую из народовольческих, социал-демократических и польских революционных изданий, знакомства среди таможенников позволяли ей привозить из-за границы нелегальную литературу, кроме того, для той же цели имелся адрес Л. Иогихеса («Грозовского») в Цюрихе, полученный, очевидно, с помощью польских марксистов [162]. Хотя никакого программного документа группа не успела создать, вся ее недолгая деятельность свидетельствует о том, что по идеологическому облику она должна быть отнесена к социал-демократическому направлению. Это подтверждается как отдельными высказываниями ее участников, так и имевшей место перепиской с группой «Освобождение труда» по программно-теоретическим вопросам [163].

Именно с этой группой установили тесные конспиративные связи Б. Шапиро, Л. Бейн и Д. Вислицкий, оказавшиеся после массовых арестов членов Союза польских рабочих (ноябрь 1891 г.) во главе польской социал-демократической организации. По просьбе активистов Союза И. М. Пескин начал пропагандировать в одном из польских кружков; в лодзинских рабочих кружках, по данным Департамента полиции, занимался пропагандой В. А. Шумов [164]. Один из участников событий вспоминал впоследствии, что общение с польскими социал-демократами повлияло на формирование революционных взглядов бывших участников виленского подполья, оказавшихся в Варшаве [165].

Сотрудничество Союза польских рабочих с группой Иваницкого—Пескина более всего проявилось в деле взаимопомощи при распространении нелегальной литературы и налаживании контактов с другими конспиративными кружками и группами. С. С. Иваницкий, Н. О. Рункевич и их товарищи помогли польским социал-демократам установить связи с московскими революционерами, обмениваться с ними необходимой информацией, литературой, явками. Весной 1892 г. польские и русские социал-демократы содействовали эмиссару группы «Освобождение труда» С. Г. Райчину («Ляховичу») в его поездке в Москву для ведения переговоров с московскими кружками об оказании помощи Г. В. Плеханову [166].

Набиравшее силу массовое рабочее движение польского пролетариата сопровождалось в 1891—1893 гг. существенными сдвигами идейного плана в революционном лагере.

Для Брюссельского конгресса II Интернационала (август 1891 г.), на который были приглашены и представители польской социалистической эмиграции, С. Мендельсон подготовил доклад об основных проблемах рабочего движения в Польше. Конечно, в таком важном документе нельзя было обойтись без характеристики перспективы дальнейшего сотрудничества польских и русских революционных сил. Мендельсон дал этому вопросу весьма примечательную трактовку. Заявляя, что у польских социалистов начиная с 80-х годов не было в России иных союзников, кроме террористов-народовольцев, он высказал убеждение, что и впредь других союзников у поляков быть не может [167]. Мендельсон не желал

[162] *А. М. Орехов.* Указ. соч., стр. 272—277, 292—293.
[163] ЦГАОР, ф. 124, оп. 2, д. 51, л. 228 и об.; «Из архива П. Б. Аксельрода». Берлин, 1924, стр. 237—241.
[164] *А. М. Орехов.* Указ. соч., стр. 293—295.
[165] *Т. М. Копельзон.* Еврейское рабочее движение конца 80-х и начала 90-х годов. В кн.: «Революционное движение среди евреев», сб. I. М., 1930, стр. 74.
[166] *И. Н. Курбатова.* Указ. соч., стр. 132—133; *А. М. Орехов.* Указ. соч., стр. 289—290.
[167] «Przedświt», 1891, N 9, str. 6.

считаться с тем, что «Народная Воля» как политическая организация не имела шансов на возрождение. Он полностью игнорировал давно возникший в России рабочий вопрос, не придавал значения первым организациям русских марксистов, недружелюбно относился к Г. В. Плеханову. Смысл концепции Мендельсона прояснился в заявлении, которое было оглашено на Брюссельском конгрессе. В нем говорилось, что «в интересах развития социализма в Польше и в интересах международной социалистической политики» поляки-социалисты из всех частей расчлененной страны объединяются в одну организацию. На территориях, отошедших к Австро-Венгрии и Германии, поляки должны действовать сообща с социал-демократическими партиями этих стран. Что касается России, то Мендельсон предложил такую обтекаемую и ни к чему не обязывавшую формулировку, которая на деле означала нежелание сотрудничать с русским революционным движением [168].

В сентябре того же года в «Открытом письме польской делегации на Брюссельском конгрессе к товарищам в стране» С. Мендельсон, обосновывая тезис о необходимости единой польской социалистической партии, вновь акцентировал внимание на важности сотрудничества с немецкими и австро-венгерскими социал-демократами, а о связях с русским движением не сказал ни слова. Это означало разрыв Мендельсона и его окружения с традицией польских социалистов, отступление от интернациональных принципов, которые защищали Л. Варыньский и первые пролетариатцы.

В скором времени С. Мендельсон выступил на страницах «Пшедсвита» с двумя циклами статей («Письма из России» и «В связи с кризисом в России»), в которых обосновал свою новую точку зрения на «русские проблемы» [169]. Разочарованный тем, что революционная ситуация в России 1879—1881 гг. не переросла, как ожидалось, в социальную революцию, он склонен был винить в этом... русских социалистов, приписывая им отказ от борьбы с самодержавием, компромисс с либеральной буржуазией и политической реакцией. Мендельсон откровенно высказывал неверие в перспективы революции в России. Расценивая принявший в 1891 г. катастрофические размеры голод в Поволжье, крах финансовой политики царизма и его панславистский внешнеполитический курс как канун кризиса самодержавия, Мендельсон задавался вопросом — как может быть устранено самодержавие. «К сожалению, со времени поражения социалистической партии в России, — пишет он, — мы не видим тех, кто посмел бы посягнуть на «государственный порядок» в империи. С падением партии «Народной Воли» революционный лагерь в России перестал существовать...» [170] Отсюда логически следовало, что полякам остается полагаться только на себя. По мнению Мендельсона, в Королевстве Польском уже созрела революционная ситуация, а потому польским социалистам пришло время «ускорить взрыв», иными словами,— начать открытую вооруженную акцию. Мало того, он утверждал, что Литва и Белоруссия обязаны бороться вместе с Польшей против России [171]. Он не мог представить своей страны без литовских, белорусских и украинских земель, называя Польшу в этнических границах «абсурдным понятием» [172].

Новая программа, сформулированная на страницах «Пшедсвита»

[168] «Przedświt», 1891, N 8, str. 2—3.
[169] Там же, N 11, 14, 23, 24, 25.
[170] Там же, N 23, стр. 1—2.
[171] Там же, 1892, № 27, стр. 6.
[172] *F. Perl.* Указ. соч., стр. 454.

Мендельсоном и его сторонниками, свидетельствовала об отходе части польской социалистической эмиграции от идей, которые защищало первое поколение пролетарских революционеров Польши. Отход этот выразился в далекой от действительности оценке общественно-экономического развития России, нежелании считаться с русским рабочим движением и отрицании его революционных возможностей, ориентировании польского пролетариата на сепаратизм по отношению к русскому революционному движению [173].

В новой программе речь шла также о необходимости «завоевания политической власти трудящимися массами», создания «демократической и социальной» республики, причем это связывалось с идеей независимости Польши [174]. С точки зрения развития польской социалистической мысли того времени постановку вопроса о независимости нельзя не считать положительной и существенной, но публицисты из «Пшедсвита» не связывали реализацию лозунга независимости с перспективой социальной революции, с совместной классовой борьбой трудящихся масс всех народов России [175].

Близкой к платформе Мендельсона оказалась группа польских эмигрантов, издававших в 1889—1893 гг. в Париже журнал «Побудка». Группа называла себя «Национально-социалистической гминой (коммуной)» и, по словам ее организатора и руководителя Ст. Бараньского, стремилась к слиянию польского национального патриотизма с социализмом [176], т. е. к восстановлению независимой Польши с одновременным осуществлением ряда социальных мероприятий в интересах широких народных масс. К достоинствам разработанного им программного документа надо отнести требования политической свободы, всеобщих равных выборов, национализации земли и промышленных предприятий, введения коллективного труда [177]. В то же время конструктивные рекомендации сочетались с расплывчатыми, бессодержательными формулами о путях борьбы за их осуществление. Революционный марксизм остался чужд Бараньскому. Ненависть к захватнической политике царизма породила у него недоверие к России и всему русскому. Родину Пушкина и Чернышевского он представлял себе чуть ли не как сплошную реакционную массу, а между оппозиционными выступлениями студенчества и революционным движением ставил знак равенства. Будущую независимую Польшу он видел не иначе, как в границах 1772 г.

«Побудка» пользовалась несомненной популярностью в конспиративных кругах Королевства Польского, равно как в польских кружках Петербурга, Москвы, Киева и других университетских центров. Наибольший отклик журнал находил у мелкобуржуазной интеллигенции и студенческой молодежи, так как программа «Побудки» отвечала их радикализму, обостренному чувством национальной ущемленности.

При всей утопичности, а в известной части и реакционности своей программы «Побудка» все же первое время оставалась на революционно-демократических позициях. С середины 1891 г., когда после смерти Бараньского редактором журнала стал Я. Лорентович, «Побудка» стала отходить от провозглашенных первоначально принципов, хотя не изменила ни слова в своей программе 1889 г. Более того, негативное отношение к русскому революционному движению усилилось. В мартов-

[173] *J. Kancewicz.* Rozłam w polskim ruchu robotniczym na początku lat dziewięćdziesiątych XIX w. W., 1961, str. 19.
[174] «Przedświt», 1892, N 39—40, str. 5.
[175] *J. Kancewicz.* Указ. соч., стр. 20.
[176] *B. Limanowski.* Pamiętniki (1870—1907), t. II. W., 1958, str. 388.
[177] «Pobudka», 1889, N 1, str. 1—2.

ском номере журнала за 1892 г. появилась статья А. Злотницкого «Отношение Польши к панславизму», в которой автор обвинял А. И. Герцена и русских революционеров во всех смертных грехах только за то, что они были сторонниками федерации свободных славянских народов. Злотницкий пытался убедить читателя, что Россия недостойна европейской цивилизации и способна только угнетать другие народы. Он считал, что «Россия должна быть разбита, насильственно изгнана из Европы, в которую пришла насилием» [178]. В майском номере журнала за тот же год Злотницкий опубликовал статью «Перелом в развитии России», в которой пытался доказать, что если в России и произойдет когда-нибудь революция, то либо в форме спонтанного крестьянского бунта, либо в форме террора кучки интеллигентов. Но ожидать всеобщего крестьянского восстания не приходится, утверждал он, стало быть, можно ожидать только «революцию интеллигенции» [179]. А русская интеллигенция, продолжал автор, утратила свои социалистические идеалы и не собирается бороться за коренные социальные реформы, и далее он упрекал Г. В. Плеханова за его статью «Всероссийское разорение», содержавшую призыв начать агитацию в пользу созыва Земского собора. В том же самом упрекал русского марксиста и неизвестный автор статьи «Царская конституция» в октябрьском номере «Побудки». В статье утверждалось, что если даже под напором общественного движения царь «дарует» конституцию, то для польского пролетариата такая «милость» решительно ничего не будет означать. Польский рабочий и социалист должны вести борьбу только за независимость Польши, причем подчеркивалось, что у польских и русских рабочих нет общих целей [180]. Конечно, подобные утверждения были на руку только тем, кто не желал сотрудничества революционных сил России и Польши и не хотел видеть реальных путей, ведущих к свободе их народов.

«Побудка» призывала к национально-освободительному восстанию против России. По мнению журнала, ухудшение отношений между Россией и Австро-Венгрией было чревато войной, которая сделала бы шансы восстания на успех достаточно значительными. Исходя из возможности войны, Национально-социалистическая гмина высказалась в пользу объединения всех польских социалистических группировок в единую партию [181].

С. Мендельсону удалось также достичь соглашения с группами эмигрантов, издававших в Париже журнал «Пшеглёнд социалистычный». Журнал, выходивший в 1892—1893 гг., основали Б. Лимановский, бывший пролетариатец К. Длуский и Р. Дмовский, который намеревался использовать социалистическую трибуну для пропаганды идеи национальной независимости Польши и разжигания неприязни к России. Программная статья первого номера журнала, называвшаяся «Польские рабочие партии и национальный вопрос», сводила проблему к двум постулатам: рабочая партия в Королевстве Польском должна поставить завоевание политической независимости на первое место в своей программе; рабочее движение должно соединиться с патриотическим движением интеллигенции [182]. Никаких требований социального переустройства общества в статье не формулировалось.

[178] «Pobudka», 1892, N 3, str. 2.
[179] Там же, № 5, стр. 3.
[180] Там же, № 10, стр. 2.
[181] Там же, № 5, стр. 1.
[182] «Przegląd Socjalistyczny. Kwartalnik ekonomiczno-polityczny». Paryż, 1892, N 1, str. 6—7.

Подобно «Побудке» и «Пшедсвиту», журнал изображал русское общество чуть ли не как сплошь реакционное, а русских революционеров — как растерявших свои идеалы либералов. В то же время «Пшеглёнд социалистычный» не скрывал своего расположения к «Лиге польской» и получал от нее денежную помощь. Таким образом, в стремлении созвать за границей объединительный съезд Мендельсон мог рассчитывать на успех, хотя не все польские революционные организации соглашались с его идеей. Союз польских рабочих, например, отклонил предложение Мендельсона.

Съезд социалистов состоялся в Париже поздней осенью 1892 г.[183] В его работе участвовало 16 эмигрантов и 2 социалиста из местных организаций: Я. Стружецкий из Варшавы и А. Сулькевич из Литвы. Из этого числа 8 человек представляли группу «Пшедсвита», четверо — «Рабочее объединение»[184], трое — «Побудку», два человека прибыли от польского кружка в Берлине; наконец, Б. Лимановский, заявивший себя «беспартийным», фактически представлял «Пшеглёнд социалистычный»[185]. Так как на съезде преобладали сторонники Мендельсона, то предложенная им программа обсуждалась в благоприятной для него атмосфере и в основных пунктах была принята.

Центральное место в программе — она называлась «Очерк программы ППС» — заняло требование независимой демократической республики. Формулировались такие требования, как всеобщее избирательное право, свобода слова, печати и собраний; среди экономических лозунгов было требование 8-часового рабочего дня и др.[186] Современные исследователи считают, что требование национальной независимости в условиях национального и политического гнета соответствовало патриотическим и прогрессивным настроениям широких кругов польского народа, способствовало вовлечению масс в революционную борьбу. Однако «Очерк программы ППС» не связывал борьбу за национальную независимость с борьбой за социальную революцию; он вообще толковал эти проблемы не с классово-пролетарских, а с мелкобуржуазных позиций[187].

Характерно, что на съезде говорилось лишь о независимости тех польских земель, которые отошли к России, а вопрос о воссоединении польских территорий в единое целое вообще не поднимался. Касаясь будущего неполяких народов в составе Польской республики, съезд провозгласил их равноправие на основе «добровольной федерации»[188]. Высказываясь за «исторические границы» польского государства, участники съезда ни слова не сказали о праве литовского, белорусского и украинского народов на самоопределение.

Одной из центральных на съезде была проблема отношения к России. Протоколы съезда не оставляют сомнений в том, что выступавшие в дискуссии весьма пессимистически расценивали перспективы русского

[183] Ход съезда и его решения детально рассмотрены в статье: *J. Kancewicz.* Zjazd Paryski socjalistów polskich (17—23.XI 1892 г.), jego geneza, przebieg i znaczenie. «Z Pola Walki», 1962, N 4 (20).

[184] «Рабочее объединение» — группа социалистов, покинувшая «Пролетариат» летом 1891 г. из-за несогласия с тактикой террора. Группу возглавил Э. Абрамовский, вскоре вынужденный бежать за границу.

[185] *L. Wasilewski.* Do historii Zjazdu Paryskiego 1892 roku. «Niepodległość», 1933, t. VIII, zesz. 1 (18), str. 118—119.

[186] Там же, стр. 144—145.

[187] *J. Kancewicz.* Zjazd Paryski..., str. 28—30; *Н. Н. Пухлов.* Указ. соч., стр. 71—73.

[188] *L. Wasilewski.* Указ. соч., стр. 141.

революционного движения. Лишь один Э. Абрамовский высказался за союз с русскими революционерами, но из его выступления не было ясно, видел ли он в русских рабочих ближайших классовых союзников польского пролетариата. Скорее всего связь с русским движением он трактовал только с точки зрения интересов польской стороны [189]. Мендельсон пытался доказать, что русское революционное движение разочаровало не только поляков, но и всех европейских социалистов. Он считал, что в программе польской партии надо «отчетливо поставить требование разбить русское государство» в интересах «международной социалистической политики» [190].

В принятой резолюции «Отношение к русским революционерам» говорилось: «Считая, что всякое подробное определение отношений с русскими социалистическими партиями не может быть принято в данный момент, съезд признает правильным: 1) принять в принципе *потребность* совместной борьбы против царизма с русскими социалистами; 2) предоставить отдельно сформулирование пунктов какой-либо организационной связи польских социалистов с русскими рассмотрению партии; 3) подчеркнуть свою сепаратистскую политику» [191]. Пункт первый, таким образом, говорил не о безусловной необходимости союза с русскими революционными силами, а только о признании возможности союза, причем, как это вытекает из второго пункта, сама такая возможность, вместо определения конкретных форм союза, откладывалась на неопределенное будущее. Эти обстоятельства еще более подчеркивал третий пункт, сформулировавший политику сепаратизма [192]. Итак, идея интернационализма, которую самоотверженно и последовательно отстаивали польские революционеры времен Л. Варыньского и социал-демократы, была парижским съездом отброшена.

6. Участие поляков в русском революционном движении в 1888—1893 гг.

Для русских революционных кругов 80-е и начало 90-х годов были периодом идейного и организационного размежевания народовольцев и социал-демократов. Польская студенческая молодежь в русских высших учебных заведениях не оставалась в стороне от этого процесса, принимала живое участие в дискуссиях о новых путях политической борьбы с царизмом.

Первые марксистские кружки возникли в Петербурге — самом крупном центре общественно-политического движения страны. В 1883—1886 гг. здесь действовала «Партия русских социал-демократов», известная в истории как группа Д. Н. Благоева. Оформление группы совпало с периодом наивысшего подъема в жизни петербургской польской студенческой колонии, со временем активного сотрудничества «Пролетариата» и «Народной Воли». На конспиративной почве вступали в контакты с революционно настроенными поляками и благоевцы. Известно, например, что марксистская пропагандистская литература в кружки самообразования петербургской военно-революционной организации, близкой к

[189] *J. Kancewicz.* Zjazd Paryski..., str. 22.
[190] *L. Wasilewski.* Указ. соч., стр. 137.
[191] Там же, стр. 152. Курсив мой.— *А. О.*
[192] *J. Kancewicz.* Zjazd Paryski..., str. 24.

«Народной Воле», попадала именно благодаря связям поляков — членов офицерских кружков — с благоевцами [193].

Эпизодически связи с поляками-революционерами поддерживала социал-демократическая группа П. В. Точисского, действовавшая нелегально среди рабочих в 1886—1887 гг. [194]

Со второй половины 80-х годов очень заметно участие поляков в марксистской пропаганде в студенческой и рабочей среде. Из воспоминаний современников известно, что в конце 1887 г. сложился кружок в составе: Г. В. Петровский, В. Н. Иванов, Бронислав Лелевель, Антоний Косиньский (все студенты Технологического института), П. А. Голубев, А. О. Перфильев (студенты-горняки), контролер Николаевской железной дороги Габриэль Родзевич и его жена, учительница Юлия Родзевич-Войчиньская [195]. Эта небольшая группа, по национальному составу русско-польская, вела социал-демократическую пропаганду на крупнейших промышленных предприятиях Петербурга — Балтийском, Путиловском, Обуховском заводах, в Гавани на Васильевском острове [196]. В первой половине 1889 г. в кружок были приглашены три студента Технологического института, приехавшие из Вильно,— Вацлав Цивиньский, Юзеф Бурачевский и Чеслав Баньковский. В то же время выбыли А. О. Перфильев и Г. В. Петровский, арестованный в июле 1889 г. [197]

Именно этот кружок пропагандистов стал тем естественным ядром, вокруг которого в 1888—1890 гг. сгруппировались сторонники марксистского направления. Они устанавливали связи с рабочими, создавали среди них кружки с целью пропаганды марксизма. От общегородского социал-демократического центра отпочковался кружок пропагандистов в Технологическом институте (также русско-польский по национальному составу). В этот кружок осенью 1889 г. центр привлекает для занятий с рабочими студента-технолога М. И. Бруснева, а вскоре и В. С. Голубева, студента университета, ранее самостоятельно ведшего рабочую пропаганду [198].

Зимой 1889/90 г. закончилось организационное оформление марксистского центра в Петербурге (Центральный интеллигентский кружок, ЦИК) [199]. М. И. Бруснев, В. С. Голубев и В. Цивиньский вскоре заняли руководящее положение, к ним сходились все организационные нити. Б. Лелевель, Г. и Ю. Родзевичи, Ю. Бурачевский и другие сосредоточились в основном на пропагандистской работе в рабочих и студенческих кружках. ЦИК опирался на марксистские кружки студентов Технологического института, университета, Горного и Лесного институтов.

В конце 1889 и первые месяцы 1890 г. шла перестройка сети рабочих кружков. Было принято решение создать рабочий центр, или Центральный рабочий кружок. Пропагандистов в нем первоначально представлял В. С. Голубев [200]. ЦРК выработал устав и создал Центральную кассу

[193] *Z. Łukawski.* Polacy w rosyjskim ruchu socjaldemokratycznym w latach 1883—1893. Kr., 1970, str. 25.

[194] *Н. Л. Сергиевский.* К вопросу о возрасте Ленинградской организации ВКП(б). «Красная летопись», 1930, № 2 (35), стр. 20—21.

[195] *B. Lelewel.* Przyczynek do dziejów udziału Polaków w rosyjskim ruchu rewolucyjnym (1886—1890). «Niepodległość», 1934, t. X, zesz. 1 (24), str. 138.

[196] *М. И. Бруснев.* Возникновение первых социал-демократических организаций (Воспоминания). «Пролетарская революция», 1923, № 2 (4), стр. 20.

[197] *А. М. Орехов.* Указ. соч., стр. 144—145.

[198] *М. И. Бруснев.* Указ. соч., стр. 19; *В. С. Голубев.* Страничка из истории рабочего движения (памяти Н. В. Шелгунова). «Былое», 1906, № 12, стр. 111.

[199] *А. М. Орехов.* Указ. соч., стр. 152.

[200] *М. И. Бруснев.* Указ. соч., стр. 23.

рабочей организации [201]. По-видимому, в это же время было принято и название организации — Рабочий союз. Вопрос о численности организации все еще нуждается в изучении, но очевидно, что Рабочий союз, вместе с ЦИК, включая всех, кто привлекался к пропагандистской и культурно-просветительской работе, был наиболее крупной среди имевшихся тогда социал-демократических групп в России [202]. Вместе с русскими социал-демократами здесь были и польские революционеры. В своей деятельности Рабочий союз руководствовался программой группы «Освобождение труда». Сложившимся марксистским мировоззрением обладали руководители организации М. И. Бруснев и В. С. Голубев. Н. К. Крупская вспоминала, что среди первых марксистов Технологического института, с которыми ей пришлось встретиться, был и В. Цивиньский [203].

В марте 1890 г. студенты Петровской академии и университета в Москве выступили с протестом против университетского устава 1884 г., в связи с чем более 500 студентов было отправлено в Бутырскую тюрьму. Это вызвало волну протеста в высших учебных заведениях Петербурга, Казани, Харькова, Киева, Одессы, Варшавы, Новой Александрии (Пулавы). Чрезвычайно бурные формы приняло выступление студентов петербургского Технологического института 14—19 марта. Центральный интеллигентский кружок Рабочего союза отрицательно относился к участию своих пропагандистов в волнениях, так как полагал, что правительственные репрессии, обрушившись на студенческое движение, нанесут ущерб и Рабочему союзу. Однако волна протеста была так сильна и вызвала такой резонанс, что остаться в стороне социал-демократы уже не могли, и некоторые члены интеллигентского центра приняли участие в сходках. Среди активных участников событий были М. И. Бруснев, В. Цивиньский, А. Н. Балдин, Ю. Бурачевский. По данным Департамента полиции, Бруснев, вместе с Цивиньским, «был одним из главных подстрекателей и руководителей к беспорядкам» [204]. За участие в волнениях Бурачевский и Цивиньский подверглись административной высылке в Вильно. Однако основное руководящее ядро организации не пострадало.

Летом 1890 г. охранке удалось выяснить роль Ю. Бурачевского в рабочем движении. Оказалось, что еще в начале 1889 г. он пропагандировал на Путиловском заводе: «возбуждал рабочих к стачкам против фабрикантов, раздавал книги и брошюры революционного содержания на русском и польском языках и собирал деньги в пользу политических ссыльных и заключенных» [205]. Бурачевский имел два кружка, один из них состоял из поляков и литовцев. Он рассказывал им о положении рабочих на заводе, о стачечной борьбе в России и за границей, организовал кассу взаимопомощи на случай забастовки, давал читать книги Маркса и Лассаля [206]. Ю. Бурачевского привлекли к дознанию, был арестован и П. А. Голубев, которому Бурачевский, уезжая в Вильно, передал свои кружки на Путиловском заводе.

[201] *Р. А. Казакевич.* Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х — начала 90-х годов. Л., 1960, стр. 84; ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 38, лл. 48, 74, 75; *М. С. Александров* [*Ольминский*]. Группа народовольцев (1891—1894 гг.). «Былое», 1906, № 6, стр. 8.

[202] *Ю. З. Полевой.* Указ. соч., стр. 389—390; «История Коммунистической партии Советского Союза», т. I, стр. 162.

[203] *Н. К. Крупская.* О Красине. «Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. Сборник воспоминаний, статей и документов». М.— Л., 1928, стр. 137.

[204] ЦГА г. Москвы, ф. 131, оп. 49, д. 58, т. II, л. 71.

[205] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 89, д. 10764, л. 32.

[206] *Р. А. Казакевич.* Указ. соч., стр. 131—132.

Осенью 1890 г. В. Цивиньский вернулся в Петербург и вновь вошел в интеллигентский центр, в котором продолжали работать М. И. Бруснев, В. С. Голубев, В. Цивиньский и Г. Родзевич. Но 8 октября были арестованы Г. и Ю. Родзевичи [207]. В октябре, когда ЦИК восстановил связи с рабочими, В. Цивиньский предложил студенту-технологу Л. Б. Красину стать пропагандистом в кружке рабочих Резиновой мануфактуры на Обводном канале [208]. Позднее он был введен в узкий круг руководителей Рабочего союза. К работе интеллигентского кружка с осени—зимы 1890 г. были привлечены и другие студенты. Пропагандистская работа вновь наладилась.

Открытой политической акцией Рабочего союза стала демонстрация рабочих на похоронах писателя-демократа Н. В. Шелгунова 15 апреля 1891 г. В траурной процессии шли более ста рабочих. Они несли венок с надписью «Н. В. Шелгунову. Указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих». Демонстрация имела глубокий политический смысл и произвела внушительное впечатление на русское общество [209].

После «Шелгуновской демонстрации» ЦРК принял решение отпраздновать на нелегальном собрании 1 Мая. М. И. Брусневу и В. Цивиньскому предложили присутствовать на маевке, они же редактировали речи, с которыми намеревались выступить члены ЦРК. В маевке участвовало около 80 человек. После выступлений проводились групповые беседы, в которых приняли участие и Бруснев с Цивиньским. Первые политические выступления петербургских рабочих составили веху в развитии социал-демократического рабочего движения в России.

В начале лета Бруснев окончил институт и вынужден был выехать из Петербурга. Его отъезд Рабочий союз использовал для укрепления связей с другими городами. Бруснев по согласованию с ЦРК решил постоянно поселиться в Москве. Дело в том, что Рабочий союз, вынашивая идею создания общероссийской социал-демократической организации, рассчитывал создать здесь свой опорный пункт. В Москву же несколько раньше направился Ф. А. Афанасьев.

В Петербурге руководство рабочим центром принял на себя В. Цивиньский. Кроме того, он вел занятия в кружке, объединявшемся вокруг рабочего Г. Н. Лунегова. Польский революционер читал общеобразовательные лекции, рассказывал о рабочем движении в западных странах, добился создания кассы взаимопомощи. Для пропаганды материалистического взгляда на историю общественного развития он перевел брошюру Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и пользовался переводом на занятиях [210].

Когда в мае 1892 г. произошла всеобщая забастовка лодзинских рабочих, в Петербург приехал представитель польских революционных кругов, встретившийся с петербургскими марксистами и передавший им какое-то (до нас не дошедшее) послание от польских рабочих [211]. В результате этой встречи появилось известное «Открытое письмо к польским рабочим», составленное Рабочим союзом [212]. Оно было отпечатано на литографе (вероятно, всего лишь в нескольких экземплярах) и циркули-

[207] ЦГАОР, ф. 102, 7 дел-во, 1890 г., д. 109, т. VII, л. 92.
[208] *Л. Б. Красин.* Дела давно минувших дней. «Пролетарская революция», 1923, № 3 (15), стр. 10.
[209] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. I, стр. 160.
[210] *А. М. Орехов.* Указ. соч., стр. 169, 172.
[211] *В. М. Карелина.* На заре рабочего движения в С.-Петербурге. «Красная летопись», 1922, № 4, стр. 17.
[212] «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 2. М., 1952, стр. 130.

ровало в тайных кружках, оживленно обсуждалось рабочими; был объявлен сбор денег в помощь забастовщикам [213]. В. Цивиньский также распространял письмо в своих кружках вместе с брошюрой Ш. Дикштейна «Кто чем живет?», изданной группой «Освобождение труда» в русском переводе с предисловием В. Г. Плеханова [214].

По-видимому, польский представитель был делегирован Союзом польских рабочих — ведь именно эту организацию сближало с русскими марксистами признание основных принципов международной социал-демократии. «Открытое письмо» бесспорно доказывает интернационализм Рабочего союза. Оно свидетельствует о том, что русские марксисты великодержавному шовинизму противопоставляли классовое братство рабочих всех национальностей. Следует добавить, что письмо благополучно дошло в Лодзь и получило отклик польской социалистической эмиграции [215].

Когда в газетах появились сообщения о праздновании зарубежными рабочими 1 Мая, а также о лодзинских событиях, ЦРК поставил на обсуждение вопрос о проведении маевки. На собрании рабочего центра обсудили тексты подготовленных к сходке выступлений, причем В. Цивиньский отредактировал их [216]. Активисты ЦРК старались «внушить рабочим мысль о необходимости отпраздновать годовщину дня 1 Мая с той целью, чтобы, во-первых, выразить свое сочувствие польским рабочим, а во-вторых, дать возможность сблизиться отдельным кружкам» [217]. Правда, на некоторое время маевку пришлось отложить, так как 1 июня забастовали рабочие Митрофаньевской мануфактуры, потребовавшие увеличения заработной платы. В. Цивиньский предложил начать сбор денег в пользу забастовщиков, и рабочий центр стал распространять подписные листы [218].

Намеченная маевка произошла 28 июня за Волковым кладбищем. Собралось, по полицейским данным, около ста человек [219]. Сразу после сходки произошли массовые аресты участников Рабочего союза.

Осенью оставшиеся на свободе интеллигенты-пропагандисты и некоторые рабочие пытались восстановить организацию. Немалую роль в этом сыграли польские революционеры, особенно студенты-технологи Игнаций Непокойчицкий и Казимеж Окулич. К пропагандистской работе Непокойчицкого привлек осенью 1889 г. член ЦИК А. Н. Балдин [220]. Петербургское охранное отделение считало, что именно через Непокойчицкого в столицу попадали издания варшавского «Пролетариата» и заграничные польские социалистические издания [221]. К. Окулич одновременно с Ю. Бурачевским окончил Виленское реальное училище и поступил в Технологический институт, был привлечен к работе социал-демократической организации. Над восстановлением Рабочего союза работали также студенты-технологи С. И. Радченко, Г. И. Кулев, студент Лесного института Г. К. Баринов, Н. О. Алюшкевич и др.

[213] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 44, л. 18; *Г. Фишер.* Подполье. Ссылка. Эмиграция. Воспоминания большевика. М., 1935, стр. 31.
[214] *А. М. Орехов.* Указ. соч., стр. 172—173.
[215] CA KC PZPR, 305/VII/47, podt. 1, k. 45.
[216] *А. М. Орехов.* Указ. соч., стр. 176—177.
[217] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 93, д. 10573, л. 96; «Первое Мая в царской России. 1890—1916 гг.». М., 1939, стр. 4.
[218] «Рабочее движение...», т. III, ч. 2, стр. 136; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 93, д. 10573, л. 111 об.
[219] «Первое Мая в царской России», стр. 5.
[220] *А. Н. Балдин.* Из далекого прошлого. «Леонид Борисович Красин («Никитич»)...», стр. 80.
[221] ЦГАОР, ф. 102, 7 дел-во, 1893 г., д. 229, лл. 140—141 об.

С целью систематического получения нелегальной литературы была установлена связь с Ю. Бурачевским, который после отбытия тюремного заключения эмигрировал в Цюрих, где вошел в кружок польских марксистов. Установить контакт с Цюрихом помог «Кружок польской, литовской и белорусской молодежи», в который входили И. Непокойчицкий и К. Окулич. С этим же кружком поддерживал постоянные связи С. И. Радченко. Последний был связан по конспиративным делам со многими поляками, входившими в Южнорусское землячество, куда принимались украинцы и поляки — выходцы из юго-западных земель.

Социал-демократы стали налаживать выпуск агитационно-пропагандистской литературы собственными силами. В апреле 1893 г. Н. О. Алюшкевич отредактировал, а затем отгектографировал переведенную И. Непокойчицким брошюру польского социалиста Э. Абрамовского «Рабочее дело» [222], начал готовить к печатанию брошюру Ш. Дикштейна «Кто чем живет?» в собственном переводе. В мае он предложил своим товарищам обсудить устав рабочей кассы взаимопомощи, составленный на основе знакомства с уставом польских касс сопротивления. И. Непокойчицкий подготовил перевод брошюры Э. Абрамовского «Рабочая революция».

Особенно активно кружок пропагандистов действовал в марте—начале июня 1893 г. На собраниях Н. О. Алюшкевич выступил с рефератом, составленным по брошюре Э. Абрамовского. Г. И. Кулев читал брошюру Г. В. Плеханова «Всемирный праздник рабочих». И. Непокойчицкий рассказывал, как в Лодзи и Варшаве рабочие стачечной борьбой добились улучшения своего экономического положения, и призывал петербургских рабочих следовать их примеру. Н. О. Алюшкевич также указывал на опыт польских рабочих и советовал смелее требовать восьмичасового рабочего дня и увеличения заработной платы [223].

Социал-демократической группе не удалось восстановить Рабочий союз. 3 июня 1893 г. на одной из очередных сходок пропагандисты и часть рабочих были арестованы.

Итак, русские и польские революционеры сотрудничали на всех этапах деятельности петербургского Рабочего союза. Поляки участвовали в формировании общепетербургского социал-демократического центра, вели просветительскую работу и пропаганду марксистских идей в кружках рабочих, помогали транспортировать и распространять нелегальную литературу. В кружках, находившихся под влиянием социал-демократов, изучались, помимо прочего, формы и методы классовой борьбы польского пролетариата, наряду с изданиями группы «Освобождение труда» читались популярные произведения польской агитационно-массовой литературы.

Своеобразные, хотя и не новые, формы русско-польских революционных связей наблюдаются в московском подполье. Москва на рубеже 80—90-х годов заметно уступала Петербургу по уровню развития рабочего движения, но здесь более мощным было оппозиционное движение студенческой молодежи; именно московские студенты выступали инициаторами общероссийских студенческих волнений того периода.

Введением в 1884 г. нового университетского устава, упразднявшего остатки былой автономии университетов, правительство хотело покончить с оппозиционными настроениями учащейся молодежи. Этот реакционный устав явился поводом к студенческим волнениям в ноябре—де-

[222] *E. Abramowski.* Sprawa robotnicza. O tem, co każdy robotnik wiedzieć i pamiętać powinien. Londyn, 1892; русское название брошюры: «Что должен знать и помнить каждый рабочий» (см.: ЦГАОР, ф. 1741, брошюры, № 3637).

[223] *А. М. Орехов.* Указ. соч., стр. 187.

кабре 1887 г., охватившим, кроме Москвы, Петербург, Харьков, Одессу и Казань. У Страстного монастыря 26 ноября произошло столкновение студентов с конными жандармами. «Страстное побоище» получило широкую огласку [224]. Прогрессивное общественное мнение осудило избиение студентов. События достигли такого накала, что министр народного образования с согласия царя временно закрыл университеты. Начались массовые увольнения студентов по политическим мотивам. Только в одном Московском университете репрессиям подверглись 222 человека [225]. В числе высланных из столицы были многие студенты-поляки [226]. Активным участием польской молодежи отмечены также студенческие волнения, происшедшие в Москве в марте 1890 г., и так называемая «Шелгуновская демонстрация» в апреле 1891 г. Поддержку поляками политических протестов московского студенчества трудно переоценить. Участие в волнениях создавало естественную почву для развития контактов русской и польской молодежи, для обмена мнениями по актуальным социальным и национальным проблемам, что, несомненно, благоприятствовало углублению оппозиционных настроений, подготавливало сотрудничество в борьбе с царизмом. Следовательно, участие поляков в студенческих волнениях являлось определенным фактором в формировании мировоззрения польской студенческой молодежи.

Осенью 1888 г. польские студенческие кружки самообразования в Москве объединились в землячество, называвшееся Польское ко́ло. Оно состояло из трех отделений — в университете, Петровской академии и Техническом училище [227]. На правах автономии к Польскому колу примыкал литовский кружок, насчитывавший около 30 человек [228]. В целом по национальному составу землячество было польско-литовско-белорусским. Его признанным лидером стал польский революционер Марьян Абрамович. В Польском коле начал революционную деятельность видный большевик, советский дипломат и литературный критик В. Воровский [229].

В связи с начавшимися в марте 1890 г. студенческими волнениями в Польском коле произошло столкновение идейных течений — «консервативно-национального» и «радикально-социалистического» [230]. Сторонники первого занимали позицию неучастия в волнениях, левое крыло землячества настаивало на оказании поддержки русским студентам. Видимо, именно мартовские волнения дали толчок к оживлению конспиративной деятельности польского землячества. Коло разрабатывает свой устав, собирает средства на издание и распространение книг для народа, а также в помощь политическим ссыльным и заключенным, устанавливает связи с тайными польскими кружками в Петербурге и Варшаве. В начале 1891 г. оно вошло в Союз землячеств — тайную корпоративную организацию, объединявшую студенческие землячества в Москве и находившуюся некоторое время под влиянием народовольчески настроенных деятелей конспиративного подполья. Польское коло пользовалось репутацией сплоченного и деятельного кружка [231].

[224] *П. С. Ткаченко.* Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX в. М., 1958, стр. 162 и сл.
[225] *А. И. Георгиевский.* Указ. соч., стр. 194.
[226] См.: ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 514, д. 14, лл. 66—69 об; ЦГАОР, ф. 102, 3 дел-во, 1887 г., д. 654, ч. I, лл. 130—132 об.
[227] *Л. П. Меньщиков.* Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия, ч. I. Годы реакции. 1888—1898 гг. М., 1925, стр. 78.
[228] *А. М. Орехов.* Указ. соч., стр. 233.
[229] *И. П. Верховцев.* Жизнь, отданная великому делу. М., 1959, стр. 9.
[230] *N. Czarnocki.* Przyczynk do historii PPS. «Księga pamiątkowa PPS». W., 1923, str. 53.
[231] ЦГА г. Москвы, ф. 131, оп. 49, д. 38, т. III, л. 61 об.

В период недолгой деятельности конспиративной группы Кашинского—Бруснева—Егупова (1891—1892 гг.) устанавливаются связи московских и варшавских революционных кругов. В силу своего географического положения Варшава способствовала проникновению агитационной литературы из-за рубежа во все революционные центры России. Через этот канал московские кружки знакомились не только с русскими социал-демократическими и народовольческими изданиями, но и получали польскую социалистическую литературу. М. М. Егупов еще до создания группы дважды (в начале 1891 г. и во второй половине 1892 г.) бывал в Варшаве, где установил связь с социал-демократическим кружком С. С. Иваницкого—И. М. Пескина, а при его посредничестве — с деятелями Союза польских рабочих [232]. Благодаря этим связям в Москве появились, например, брошюры Э. Абрамовского «Рабочий день» и устав польских касс сопротивления. Кроме того, при участии варшавских конспиративных кругов осуществилась поездка в Москву С. Г. Райчина, доставившего транспорт изданий группы «Освобождение труда» и ведшего переговоры с московскими революционерами о сотрудничестве [233]. В середине апреля М. М. Егупов еще раз побывал в Варшаве, чтобы договориться о транспортировке нелегальной литературы. Предполагалось, что московская группа всю литературу, шедшую через Варшаву, будет направлять в Петербург, Киев, Нижний Новгород, Харьков и Одессу. Начатая работа была прервана арестами.

Важнейшим центром революционного движения северо-западной России в 80-е годы был г. Вильно. Для местных тайных кружков характерна многонациональность состава (поляки, литовцы, русские, белорусы). После эмиграции А. Гнатовского и И. Дембо ведущую роль в виленском подполье играл кружок, основанный летом 1887 г. Вацлавом Селицким и Леоном Йогихесом. В этот кружок, кроме них, входили еще Цемах Копельзон, Елизавета Холопова, офицеры Троицкого пехотного полка Иван Клопов, Макар Ковалевский, Евгений Спонти. Очень скоро кружок эволюционировал от народовольчества к марксизму [234], начал пропагандировать социал-демократические идеи среди польских и литовских рабочих [235]. В мае 1888 г. В. Селицкий вел в Петербурге переговоры с кружком К. Р. Качоровского, Н. К. Истоминой и др. и настоятельно требовал покончить с террористическими устремлениями [236]. Виленский кружок успешно действовал вплоть до 1893 г., когда преобразовался в Литовскую социал-демократическую группу.

Значительно участие поляков и в революционном движении на Украине. Возникновение первых социал-демократических кружков в Киеве связано с именем доктора Э. А. Абрамовича, ранее занимавшегося революционной работой в Минске. За короткое время деятельности в киевском подполье (с февраля по май 1889 г.) ему удалось с помощью мастера железнодорожных мастерских поляка Яна Киляньского организовать рабочий кружок, насчитывавший до 30 человек, создать пользовавшуюся большой популярностью нелегальную библио-

[232] Подробнее о связи кружка Кашинского—Бруснева—Егупова с варшавскими кружками см.: *А. М. Орехов.* Указ. соч., стр. 252, 254—255, 281—292.

[233] *Г. С. Жуйков.* Указ. соч., стр. 104.

[234] Об идейной эволюции Л. Йогихеса см.: *Х. Л. Раппопорт.* Воспоминания о деле 1-го марта 1887 г. «Красная летопись», 1923, № 5, стр. 10; *Л. Аксельрод* («*Ортодокс*»). Указ. соч., стр. 33; «Под знаменем марксизма», 1923, № 11—12, стр. 7.

[235] *В. В. Меркис.* Развитие промышленности и формирование пролетариата Литвы в XIX в. Вильнюс, 1969, стр. 402—403.

[236] *Z. Łukawski.* Указ. соч., стр. 65—66.

теку, в которой имелась как народническая, так и марксистская литература, и начать пропаганду по программе, ставившей целью познакомить рабочих с элементами марксистской политэкономии, историей рабочего вопроса в России, сущностью социалистических учений и т. п.[237] Абрамович привлек к своей работе кружок студентов университета, группировавшихся вокруг бывшего народовольца Владимира Соколова. В этом кружке мы видим поляков Исидора Козловского, Миколая Адамовича, Влодимежа Серпиньского, железнодорожного служащего Казимежа Парафиановича[238].

Имена поляков встречаем в кружках самообразования тайного общества «заговорщиков» (народовольческого направления), действовавшего в Киеве в 1885—1892 гг. под руководством М. Д. Фокина[239].

Рядом с русскими народническими, украинскими буржуазно-националистическими и радикальными кружками в киевском подполье функционировали и польские кружки. В университете действовало Польское коло. Подобно петербургской и московской польской студенческой организации, оно объединяло поляков, литовцев и белорусов. Кружки, входившие в коло, строились по территориальному признаку — по землячествам. Чрезвычайно интересные сведения о Польском коле сообщает активный участник событий тех лет П. Г. Полонский. По его словам, среди кружков кола в самом начале 90-х годов боролись два идейных направления — национально-патриотическое и радикальное. Сторонники этих направлений назывались очень характерно: «белые» и «красные». Первые выдвигали на передний план изучение польской истории и художественной литературы, «были проникнуты резким националистическим духом»; вторые шли по пути изучения истории России и Западной Европы, политической экономии и социалистических учений. Оживленные дискуссии по политическим вопросам привели к тому, что ко́ло перестроилось уже по идейному принципу, а «красные» с конца 1892 г. получили перевес в руководящих органах организации и взяли крен в сторону социалистической пропаганды, создав конспиративный «Союз польской социалистической молодежи»[240]. Члены Союза изучали историю революционных движений, но связей в рабочей среде, по-видимому, еще не имели. В 1893 г., после того как в Киеве стало известно о Парижском съезде польских социалистов и принятии программы ППС, Союз раскололся на две группы: одна перешла на сторону ППС, а другая стала называться «Польской социал-демократической группой» (В. М. Богуцкий, К. А. Петрусевич и др.). Последняя занялась пропагандой в кружке рабочих железнодорожных мастерских, где начинал свою деятельность Э. А. Абрамович. В кружок вошли польские рабочие-революционеры Я. Киляньский, Э. Плетат, Ф. Поляковский и др., а также литовские, русские и украинские рабочие[241]. Имеются сведения, что социал-демократы перевели с польского некоторые сочинения вождей немецкой социал-демократии, способствуя тем самым идейной борьбе с народниками[242].

[237] *Н. А. Бухбиндер.* К истории социал-демократического движения в Киевской губернии. «Красная летопись», 1923, № 7.
[238] *Z. Łukawski.* Указ. соч., стр. 71; *Ю. З. Полевой.* Указ. соч., стр. 467.
[239] *И. Н. Мошинский.* На путях к первому съезду РСДРП. 90-е годы в киевском подполье. М., 1928, стр. 8—29.
[240] *П. Полонский.* На заре социал-демократического движения в Киеве. «Каторга и ссылка», 1928, № 3 (40), стр. 13—14.
[241] *И. Н. Мошинский.* Указ. соч., стр. 52, 96—99.
[242] *Л. Федорченко (Н. Чаров).* Первые шаги социал-демократии в Киеве. «Каторга и ссылка», 1926, № 6 (27), стр. 25.

С польскими революционерами поддерживал постоянные связи Ю. Д. Мельников, один из первых марксистов на Украине. В киевском подполье он появился в начале 1892 г., умудренный солидным опытом революционной работы в Харькове, Ростове, тюремным заключением за антиправительственную деятельность. Поставив перед собой цель создать рабочую организацию, Мельников сблизился со студенческим кружком, называвшимся «Русская группа социал-демократов», стал завсегдатаем в доме семьи Маньковских, где у революционно настроенных поляков был как бы политический салон [243]. Благодаря знакомствам с польскими социалистами Мельников получил из кассы Польского коло деньги для устройства школы-мастерской, прозванной «Лукьяновским клубом» [244]. Здесь воспитывались активисты рабочего движения. Через поляков же он попал в кружок рабочих железнодорожных мастерских и всецело подчинил его своему влиянию: расширил кружок, создал стачечную кассу, решительно пресек попытки перетянуть кружковцев на сторону ППС [245].

В марте 1893 г. в Киеве состоялось нелегальное собрание студенческой молодежи в связи с десятой годовщиной со дня смерти Карла Маркса. Оно было организовано при участии русских и польских революционных кружков [246].

Тесное сотрудничество русской и польской социал-демократических групп продолжалось до 1897 г., когда они слились в одну марксистскую организацию «Киевский союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Поляки участвовали в революционной работе народовольческих и социал-демократических кружков харьковского и одесского подполья [247].

* * *

В 80-х — начале 90-х годов русское революционное движение стояло на пороге нового, пролетарского этапа. Переход к нему совершился в середине 90-х годов и связан с именем В. И. Ленина.

С возникновением партии «Пролетариат» в польском освободительном движении появилась политическая организация, которая в основу своей деятельности положила защиту интересов рабочего класса и подготовку его к социальной революции. Заключенный в 1884 г. союз «Пролетариата» и «Народной Воли» был естественным и целесообразным в тех исторических условиях, ибо он отражал объективную необходимость совместной борьбы русского и польского революционного движения против общего врага — царского самодержавия. Такой оценки не может изменить то обстоятельство, что «Пролетариат» вступил в союзнические отношения с партией мелкобуржуазного социализма, что пролетариатцы заимствовали некоторые ошибочные идеи из идеологического багажа народовольцев. Не следует забывать, что социал-демократия начала 80-х годов была лишь будущим революционного движе-

[243] *В. Д. Перазич.* Ю. Д. Мельников. На заре социал-демократического движения Украины. Харьков, 1930, стр. 160, 162.

[244] *П. Полонский.* Указ. соч., стр. 14.

[245] *Б. Эйдельман.* К истории возникновения Российской социал-демократической рабочей партии. «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 26; *В. Д. Перазич.* Указ. соч., стр. 177.

[246] *П. Полонский.* Указ. соч., стр. 14. От русской социал-демократической группы выступил с изложением сущности марксистского учения Я. М. Ляховский. Полонский выступил с жизнеописанием К. Маркса.

[247] *Z. Łukawski.* Указ. соч., стр. 76 и сл.

ния, в это время насчитывала чуть ли не единицы своих сторонников и не определяла облика движения в целом. Боевой союз «Пролетариата» и «Народной Воли» воспитывал новые поколения революционных борцов в духе братства и презрения к национальной ограниченности, готовил почву для пролетарского интернационализма.

Несмотря на отход части польских социалистов от идеи революционного союза с русским движением, в целом русско-польские революционные связи изучаемого периода развивались в духе сотрудничества и взаимопомощи. Практиковались такие формы связей, выработанные предшествующими поколениями революционеров, как личные контакты и контакты тайных кружков и организаций на почве антиправительственной деятельности, участие в политических акциях общероссийского значения (демонстрации, маевки), участие поляков в русских кружках и соответственно русских, украинцев, белорусов и представителей других национальностей — в польских кружках.

Народовольчество, несмотря на поворот к научному социализму движения в целом, еще довольно долгое время продолжало сохранять притягательную силу, особенно среди интеллигенции и студенческой молодежи. Студенты-поляки в русских университетских центрах нередко начинали свой революционный путь в тайных кружках, симпатизировавших программе «Народной Воли». Идейное влияние русского народовольчества отразилось на деятельности такой польской социалистической организации, как второй «Пролетариат».

Взаимосвязи русских и польских марксистов строились на принципе пролетарского интернационализма. Поляки тесно и активно сотрудничали с русскими социал-демократами, вели марксистскую пропаганду в русских рабочих кружках. В русских организациях изучался опыт польского рабочего движения, формы и методы борьбы польского пролетариата с капиталом, широко распространялись переводы лучших произведений польской агитационно-массовой литературы. Русская социал-демократическая литература и, прежде всего, издания группы «Освобождение труда» оказывали, в свою очередь, влияние на политические убеждения польских марксистов по основным проблемам развития общественного движения в России. Происходило взаимное обогащение русской и польской марксистской мысли на первом этапе ее развития.

Связи русских и польских марксистов в период 80— начала 90-х годов не были еще достаточно прочными и систематическими, а о координации действий в широком масштабе не могло быть и речи. Такое положение отражало уровень развития социал-демократического движения в России и Польше, делавшего свои первые шаги на политическом поприще.

Глава VII

МАРКСИСТЫ РОССИИ И ПОЛЬШИ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ПРОЛЕТАРСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ (1893—1904 гг.)

1. Социал-демократия Королевства Польского и Литвы и ее борьба за революционный союз с рабочим движением России

90-е годы XIX столетия характеризуются вступлением освободительного движения России в новый, пролетарский этап. Этот новый исторический рубеж в революционном движении России ознаменовался общественным подъемом, во главе которого шел промышленный пролетариат. Стачки, забастовки становятся ведущей формой борьбы и приобретают широкое политическое значение. Активная, организованная борьба пролетариата отражала рост сплоченности, сознательности и классовой солидарности рабочего класса. По определению В. И. Ленина, эти стачки 1895—1896 гг. «создали *массовое* рабочее движение, связанное и идейно и организационно с социал-демократией» [1]. Сближение социал-демократии с массовым рабочим движением, ее тесная связь с классовой борьбой пролетариата происходили в условиях бурного роста капитализма.

В отличие от России Польша уже к концу 70-х годов XIX в. была страной с довольно развитым капитализмом. Варшава, Лодзь, Домбровский бассейн являлись крупными промышленными центрами, где на больших предприятиях были сосредоточены десятки тысяч рабочих, вступивших в общероссийское рабочее движение как серьезная политическая сила.

Уже в первых трудах, посвященных развитию капитализма в России, В. И. Ленин исследует состояние промышленности и в Королевстве Польском. В своей брошюре «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», напечатанной в декабре 1895 г., В. И. Ленин подверг глубокому марксистскому анализу экономические отношения России и положение рабочего класса. Брошюра содержала большой фактический материал и подводила рабочих к пониманию необходимости политической борьбы. В этой, одной из первых работ, в которой разоблачались капиталистические порядки и произвол царского самодержавия над рабочими, В. И. Ленин использует материалы о состоянии и росте промышленности как в России, так и в Королевстве Польском. В. И. Ленин не раз подчеркивал значение роста промышленности, а следовательно, и роста пролетариата, стачечного движения польского рабочего класса, особенно в Варшавской и Петроковской губерниях [2].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 201.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 55—56.

В труде «Развитие капитализма в России», явившемся гениальным применением марксистского учения к анализу экономического строя России, В. И. Ленин также неоднократно касается экономического состояния Королевства Польского. Он показывает, что, как и во всей России, в Польше стремительно идет процесс вытеснения примитивных форм хозяйства капиталистическими, развиваются новые центры, отдельные отрасли промышленности, растет внутренний рынок, строятся железные дороги и неуклонно растут ряды промышленного пролетариата [3].

Когда В. И. Ленин в 1897 г. писал о новом фабричном законе, издание которого правительством говорило о превращении рабочего класса России в серьезную общественную силу, он отмечал, что распространение закона о надзоре за фабричными заведениями стоит в тесной связи с расширением рабочего стачечного движения и распространением его на всю Россию и Королевство Польское [4]. С ростом капитализма в Королевстве Польском, как и по всей России, укреплялись ряды промышленного пролетариата, возрастало рабочее революционное движение.

Результатом сближения польской социал-демократии с массовым рабочим движением явилось образование в 1893 г. марксистской революционной партии польского пролетариата — Социал-демократии Королевства Польского (СДКП), созданной в результате объединения Союза польских рабочих и кружков II «Пролетариата».

Организаторами и руководителями польской социал-демократии явились выдающиеся деятели польского и международного рабочего движения: Роза Люксембург и ее соратники — Юлиан Мархлевский, Адольф Варский, Ян Тышка (Лео Иогихес).

Польская социал-демократическая партия возникла на гребне волны массовой политической борьбы, прокатившейся по всей России, когда с быстрым развитием капитализма, с ростом рабочего класса создались условия для распространения марксизма в польском рабочем движении.

С самого начала своего существования польская социал-демократия являлась партией марксистской, революционной, выступающей за сближение польского пролетариата с рабочим классом многонациональной России. Верность передовой части польского рабочего класса принципам пролетарского интернационализма отвечала тем славным традициям, которые сложились в отношениях между русским и польским революционным движением. «Социал-демократия Королевства Польского направляла польское рабочее движение,— отмечается в «Истории КПСС»,— к братскому содружеству со всем российским рабочим движением» [5].

СДКП не имела официально принятой программы, и о ее политической направленности можно судить лишь по отдельным программным положениям, высказанным в статьях и выступлениях ее деятелей. Важнейшими из них следует считать отчет, сделанный Розой Люксембург на Международном конгрессе в 1893 г. в Цюрихе, статьи, опубликованные в органе СДКП «Справа Роботнича» («Политические задачи рабо-

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 216, 498, 507, 529.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 294.
[5] *J. Kancewicz.* Powstanie i początki działalności Socjaldemokracji Królestwa Polskiego (1893—1895). «Z Pola Walki», 1963, N 4.
[6] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. I. М., 1964, стр. 252.

чего класса» Ю. Мархлевского и др.), листовки, выпущенные СДКП, а также решения созванного в 1894 г. I съезда партии.

Из этих всех документов следует, что польская социал-демократия твердо стояла на позициях классовой борьбы, пролетарского интернационализма. Борьба с царизмом для СДКП была неразрывно связана и с борьбой против капитализма.

В своей классовой борьбе против буржуазии и помещиков за завоевание «Социалистической Польши» польская социал-демократия подводила польский рабочий класс к следующему важнейшему выводу. «Социалистическая Польша...,— говорилось в майской листовке 1894 г.,— может быть завоевана только в союзе с русским рабочим классом. Без рабочего класса всей России не выполнить задачу. Только солидарность и единство с Российским пролетариатом может нам принести победу» [7].

Под знаком глубокой солидарности русского и польского революционного движения и интернационализма проходила работа I съезда СДКП (март 1894 г.). При обсуждении текущих вопросов делегаты исходили из политической обстановки, свидетельствующей о росте революционного движения в России, и считали, что в своей борьбе они могут рассчитывать на такого сильного союзника, как русский рабочий класс.

Требование национальной независимости Польши находилось в тесном единстве с лозунгом общероссийской революции, составной частью которой было и польское революционное движение.

Конечной целью борьбы рабочего класса является социальная революция, ближайшей целью — свержение царского самодержавия и завоевание политической свободы путем совместной борьбы с рабочим классом всей России. Из этого вывода исходил съезд, поставив на обсуждение вопрос об отношении к русским рабочим. В резолюции съезда проводилась мысль о тесной связи польского и русского рабочего движения, об общности целей и задач. Как для русского, так и для польского пролетариата, говорилось в резолюции, является необходимым свержение царизма и завоевание демократической конституции, и эту задачу можно выполнить лишь совместными усилиями [8]. Это программное решение съезда имело важнейшее значение в сплочении русского и польского пролетариата, прокладывало путь к его идейно-политическому и организационному сближению.

В статье, посвященной съезду, опубликованной в газете «Справа Роботнича» («Рабочее дело»), уделялось большое место тому, что наряду с программными проблемами вновь созданной социал-демократической партии съезд специально обсудил будущие отношения с российским революционным движением, подчеркнув общность целей и задач польского и русского рабочего класса. «Правительство знает,— говорилось в статье,— что рабочее движение в России, объединенное с нашим, несет с собой неминуемый смертный приговор деспотизму» [9].

Решения I съезда СДКП находили свое применение в практике революционного движения. Важнейшим агитатором и пропагандистом идей польской социал-демократии явилась начавшая выходить в Париже с июля 1893 г. газета «Справа Роботнича», основателями и редакторами которой были Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, Я. Тышка,

[7] ЦПА ИМЛ, ф. 163. Дополнит. опись. Листовка СДКП. 1 мая 1894 г.
[8] «SDKPiL. Materiały i dokumenty», t. I, cz. 1, str. 188.
[9] Там же, стр. 228.

А. Варский. Газета вносила в сознание польского рабочего принципы марксистской революционной идеологии, воспитывала польский пролетариат в духе братской солидарности с русским рабочим классом и горячо призывала массы к совместной борьбе против царизма. В статье «Наше отношение к русским рабочим» приводились замечательные слова Петра Алексеева, произнесенные им на суде в 1877 г., о том, что если миллионы рабочих рук поднимутся на самодержавие, то оно падет. Несколько перефразируя эти пророческие слова, газета писала: «Сегодня польский пролетариат должен подать по-братски руку русскому пролетариату. А когда поднимутся вместе миллионы польских и русских рабочих рук, «ярмо деспотизма разобьется в прах...» [10].

Польские социал-демократы разъясняли трудящимся, что союзника и брата по политической борьбе нужно искать в русском рабочем. «Правительство, которое над Вислой душит свободу языка, всегда готово над Невой и Волгой душить свободу убеждений», поэтому самое тесное объединение с русским революционным движением приведет к победе. В статье «Рабочее движение в России» газета подробно знакомила своих читателей с забастовочным движением в разных городах России. Польские социал-демократы заявляли, что братство с русским пролетариатом начало приобретать практический характер, и готовили польский рабочий класс к серьезной совместной работе [11].

Возрастающее революционное движение в Польше не оставалось без отклика со стороны русских рабочих, старавшихся не только морально, но и материально поддержать своих польских братьев. Об этом свидетельствует сообщение на страницах той же «Справы Роботничей»: «Собранные русскими товарищами в Цюрихе 25 франков «на бастующих» получили. Собранные в марте в Мюнхене по нашему подписному листу № 85 20 марок получили» [12].

Газета взяла на себя сразу же задачу освещения всех сторон русского абсолютизма, критики общественной жизни в условиях царизма как в самой Польше, так и во всей России. На страницах «Справы Роботничей» систематически публиковались материалы о крестьянских волнениях в России, о нищете в стране, стачках, забастовках рабочих, арестах, обысках в разных городах России. Так, в № 11—12 (май — июнь, 1894 г.) газета рассказывала о забастовке в Петербурге на фабрике Воронина, о том, какие требования выдвинули рабочие фабрики и об арестах руководителей стачки. На страницах газеты мы находим сведения об арестах в Петербурге, Москве, Орле, Нижнем Новгороде, Смоленске, Самаре, Киеве, Одессе [13]. Описываются также майские забастовки в Москве, Орле, Брянске, даются сведения о растущей борьбе русских рабочих против царского гнета. Особое место в газете занимают сведения о забастовках в Ростове-на-Дону в железнодорожных мастерских, а также о событиях, происходящих в Сибири.

В № 15—16 за сентябрь—октябрь 1894 г. опубликован любопытный документ: программа «Рабочих Южной России» [14]. Возможно, речь идет о группе Н. Кульчицкого в Одессе, носившей название «Южнороссийский союз рабочих» [15], в который входили и поляки. Некоторые

[10] «SDKPiL», t. I, cz. 1, str. 133.
[11] Там же, стр. 429—431.
[12] «Sprawa Robotnicza», V—VI 1894, N 11—12, str. 1.
[13] «SDKPiL», t. I, cz. 1, str. 429—431.
[14] Там же, стр. 319.
[15] *Ю. З. Полевой.* Зарождение марксизма в России. М., 1959, стр. 485. Если речь идет именно об этой организации, то «Южнороссийский союз рабочих» возник не в на-

члены кружка привлекались по делу «Пролетариата». При аресте членов Союза в декабре 1895 г. у Кульчицкого и др. была обнаружена нелегальная социал-демократическая литература, в том числе и на польском языке.

Газета «Справа Роботнича» опубликовала программу Союза на польском языке, указав на важность политической борьбы и необходимость объединения в единую партию. Польские товарищи через газету послали Союзу сердечные пожелания успехов в борьбе и «уверения, что они могут рассчитывать на братскую солидарность всех рабочих социал-демократов Королевства Польского».

Так польская социал-демократия, борясь за революционный союз с рабочим классом всей России, осуществляла важнейшую марксистскую задачу пролетарского интернационализма, крепя узы братской солидарности рабочего класса России и Польши.

Однако в своей программе, которую СДКП героически отстаивала и проводила в жизнь, партия имела слабые и ошибочные стороны. Идеологи СДКП считали единственным революционным классом пролетариат, но недооценивали роль пролетариата как гегемона, руководителя широких угнетенных масс, и прежде всего крестьянства, в общей освободительной борьбе. Например, в статье «Политические задачи польского рабочего класса»[16] только на рабочий класс России и Польши возлагалась задача свержения самодержавия и уничтожения класса капиталистов и помещиков. В дискуссии о программе партии на I съезде СДКП о союзниках рабочего класса в предстоящей революции, т. е. о крестьянстве, не было сказано ни слова. СДКП не сумела выявить революционных возможностей крестьянства, кровно заинтересованного в ликвидации пережитков крепостничества и могущего быть надежным союзником рабочего класса.

Далее, в отношении националистической трактовки ППС лозунга независимости Польши и создания самостоятельного буржуазного государства польская социал-демократия в решительной борьбе с ППС ошибочно представляла дело так, будто достижение независимости страны в условиях капитализма является мелкобуржуазной утопией и приведет лишь к ослаблению связи польского и российского пролетариата, помешает общей борьбе с царизмом.

СДКП фактически недооценивала значения национально-освободительной борьбы и права каждой нации (в том числе и польской) на образование самостоятельного государства. Первомайская листовка 1894 г. гласила: «Вас, рабочих, призывают к восстановлению польского государства» и тем самым «стараются среди вас вызвать ненависть ко всем «москалям», к вашим братьям русским рабочим». Считая, что требование восстановления польского национального государства лишено всяких основ, польские социал-демократы разъясняли, что «беда польских рабочих не в том, что они не имеют *польских* чиновников, *польской* полиции, *польских* жандармов и *польских* тюрем», а в том, что у них нет единства. «От смены русских нагаек на польские ничего не изменится», поэтому не борьба за государственную независимость, а «солидарность и единство с российским пролетариатом может принести победу»[17], считали они. В этой листовке и в других документах польская социал-демократия как бы противопоставляла национально-

чале 1895 г., как указано в книге, а осенью 1894 г. («Sprawa Robotnicza», IX—X 1894, N 15—16).

[16] «SDKPiL», t. 1, cz. 1, str. 3.

[17] ЦПА ИМЛ. Листовка СДКП к 1 Мая 1894 г.

освободительную борьбу и стремление каждого народа создать свое самостоятельное национальное государство союзу с российским пролетариатом как что-то несовместимое, хотя одно другому, как было впоследствии доказано В. И. Лениным в его работах по национальному вопросу, не только не противоречит, а как раз дополняет друг друга. Не сумев правильно сочетать интернациональные и национальные интересы пролетариата, польская социал-демократия тем самым осложняла себе борьбу с социал-патриотизмом за массы, стремившиеся в первую очередь к тому, чтобы было ликвидировано чужеземное иго.

Во время дискуссии в органе немецкой социал-демократии «Нойе цайт» в 1896 г. Р. Люксембург утверждала, что требование восстановления Польши неуместно в практической программе польских социал-демократов, так как оно в современном обществе неосуществимо. С доводом Р. Люксембург, основывавшимся на непонимании сущности социалистической программы (ибо революционная, социал-демократическая программа составляется с перспективой на будущее, а не только должна включать лишь то, что может быть осуществимо сегодня), впоследствии полемизировал В. И. Ленин [18].

В. И. Ленин остановился на различных точках зрения по вопросу о независимости Польши, которые столкнулись в 1896 г. на Международном Социалистическом конгрессе в Лондоне. Международному конгрессу были предложены две резолюции.

Резолюция ППС настаивала на том, чтобы II Интернационал признал ее требование независимости Польши своей программой. В обоснование этой резолюции деятели ППС ссылались на поддержку требования независимости Польши основоположниками марксизма и I Интернационалом.

В. И. Ленин показал, в чем заключался софизм пепеэсовской резолюции. «Известно, что К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западноевропейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи «крестьянской реформы» в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения» [19].

Так обстояло дело в прошлом. «Но если эта точка зрения Маркса была вполне верна для второй трети или третьей четверти XIX века, то она перестала быть верной к XX веку. Самостоятельные демократические движения и даже самостоятельное пролетарское движение пробудилось в большинстве славянских стран и даже в одной из наиболее отсталых славянских стран, России. Шляхетская Польша исчезла и уступила свое место капиталистической Польше. При таких условиях Польша не могла не потерять своего *исключительного* революционного значения». И если ППС, заключает В. И. Ленин, «пыталась в 1896 году «закрепить» точку зрения Маркса *иной эпохи*, то это означало уже использование *буквы* марксизма против *духа* марксизма» [20].

Разбирая вторую точку зрения, с которой выступила Р. Люксембург на Международном конгрессе от имени польской социал-демократии, состоявшую в том, что польские социал-демократы вообще не должны требовать независимости Польши, В. И. Ленин доказывал, что поль-

[18] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 319.
[19] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 297.
[20] Там же, стр. 298.

ские социал-демократы могут выставлять требование независимости Польши, и с точки зрения социалистов ошибочно игнорировать задачи национального освобождения в обстановке национального гнета.

Третьей точкой зрения была резолюция Интернационала, которую В. И. Ленин считал единственно правильной. Конгресс стоял за «полное право самоопределения... всех наций»[21]. По мнению В. И. Ленина, резолюция Лондонского Международного конгресса по польскому вопросу формулировала «двустороннюю задачу пролетариата»: с одной стороны, «признание права на самоопределение за всеми нациями», с другой стороны — «призыв рабочих к *интернациональному* единству их классовой борьбы», несмотря на возможные переделки буржуазией границ отдельных государств. Эта идея отношения социалистического пролетариата, интернациональной социал-демократии к праву наций на самоопределение была положена в основу В. И. Лениным при разработке им теории национального вопроса в программе большевистской партии.

Таким образом, в условиях ожесточенной борьбы против национализма ППС в польской социал-демократии утвердились взгляды, в соответствии с которыми требование независимости Польши рассматривалось в связи с опасностью национализма и следовавшей отсюда угрозы русско-польскому революционному союзу.

Итак, в польском рабочем движении было два идейно-политических направления, борющихся за влияние на польский рабочий класс. Первое представляли сторонники марксистского, классово-пролетарского революционного движения — члены СДКПиЛ, второе состояло из приверженцев реформистского и в своем правом крыле мелкобуржуазного и националистического направления, объединенных в Польскую социалистическую партию (ППС). Взгляд правых лидеров ППС на польский вопрос «был связан с недооценкой революционных движений у других народов, недооценкой революционного движения в целом, непониманием факта перемещения центра тяжести мирового революционного движения в Россию и вытекавшей отсюда связи между делом освобождения польского народа и развитием революционной ситуации в России»[22]. Они строили свою программу, не видя перспектив революции в России.

В числе основных разногласий в понимании задач, целей и средств борьбы польского рабочего класса был вопрос об отношении к русскому революционному движению. Практически речь шла о том, быть или не быть русско-польскому революционному союзу.

Борьбу с царизмом ППС рассматривала в отрыве от классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Для ППС она являлась лишь одной из форм борьбы с русским правительством в Польше. Свою антирусскую программу ППС основывала на факторе, способствовавшем распространению националистических взглядов. Этим объективным фактором, который использовала ППС в своей агитации и пропаганде, являлся чужеземный гнет, полицейские репрессии царского правительства.

Расчет националистических элементов строился на том, чтобы оторвать рабочее движение Королевства Польского от общероссийского революционного движения и подчинить его влиянию местной национальной буржуазии, ее националистическим интересам. Правые лидеры ППС

[21] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 295.
[22] *Г. Яблоньский.* Независимость Польши и национальные традиции в свете ленинских идей. «Ленин и Польша. Проблемы, контакты, отклики». М., 1970, стр. 40.

выдвигали программу независимости Польши, осуществление которой достигалось бы путем организации национального восстания против царского самодержавия и установления польской буржуазной республики[23]. Требование национальной независимости они не рассматривали в единстве с развитием общероссийской революции, наоборот, стремились оторвать, отвлечь польское рабочее движение от совместной с русским пролетариатом революционной борьбы.

Руководство ППС полагало, что «на серьезное революционное движение в России шансов нет»[24], обосновывая тем самым свой тезис об отсутствии перспектив революции в России. Однако ППС, охваченная идеей буржуазной независимости страны, искала себе поддержку в оппозиционных кругах России. Так, в июле 1893 г. в Вильне состоялся I съезд ППС, на котором ППС выступила с официальным заявлением об отношении к русским революционерам[25]. Подходя к этому вопросу заведомо с антирусских позиций, лидеры ППС высказались против польско-русского революционного союза, мотивируя тем, что среди революционных элементов России они якобы не имеют поддержки. Характерна в этом отношении статья, помещенная в № 8 «Пшедсвита», в которой говорилось, что ППС в отдельных случаях в своей практике все же приходится сталкиваться с русскими социалистическими группами и поэтому назрела необходимость высказаться о будущих взаимоотношениях польских и русских социалистов. Но автор предупреждает читателей, что в России в настоящее время существует несколько революционных программ (мешая при этом в одну кучу и конституционалистов и социалистов) и ППС должна между ними сделать свой выбор. Однако, утверждает орган ППС, царское правительство в своей политике национального угнетения ищет поддержку «у своих подданных», революционные же элементы, находясь под тем же царским гнетом, «молча соглашаются на политику «обрусения» и «объединения». «Все это свидетельствует о том,— сообщает далее «Пшедсвит»,— что даже в революционных кругах России мы до сих пор не имеем друзей»[26].

III съезд ППС в 1895 г. также критически, с недоверием характеризовал революционное движение в России. Позиция Ю. Пилсудского и его правых сподвижников, насаждавших представления о слабости российского социалистического движения и его бесперспективности, окончательно утвердилась в партии. В выступлениях Пилсудского в печати ППС неоднократно повторялся тезис о том, что пока Польша входит в состав Российской империи, она не может развиваться нормально, поскольку условия жизни народа России, стоящего на значительно более низком культурном уровне по сравнению с Польшей, всегда будут тянуть ее назад[27].

Чтобы полностью охарактеризовать, как ППС представляла свои отношения с российскими революционными элементами, следует обратиться к «Условиям договора с Российской Социалистической партией», которые ППС выработала на своем IV съезде в 1897 г.[28] Эти

[23] *Я. Канцевич.* ППС и революционное движение в России в 1893—1903 г. «Связи революционеров России и Польши в XIX — начале XX вв.». М., 1968, стр. 361.
[24] «Przedświt», X 1894, N 10, str. 15.
[25] «Materiały do historii PPS i ruchu rewolucyjnego w zaborze rosyjskim od r. 1893—1904», t. I. W., 1907, str. 31; «Przedświt», VIII 1893, N 8, str. 1—2.
[26] «Przedświt», VIII 1893, N 2, str. 1—2.
[27] *W. Najdus.* SDKPiL a SDPRR. 1893—1907. Wr., 1973, str. 38—41 и др.
[28] «Robotnik», 1898, N 26.

условия состояли в том, что будущая российская партия должна будет выдвинуть требование независимости Польши и активно агитировать среди русских за правильность и важность этого требования.

Далее российская партия должна дать обязательство не вступать без согласия ППС в какие-либо отношения ни с одной революционной организацией как в Польше, так и в Литве (за исключением литовских организаций).

Следует обратить внимание на последний пункт условий, в котором говорилось, что Российская партия должна признать за организациями нерусских национальностей право на их самостоятельное существование, что подчеркивало сепаратистскую политику ППС.

Из этих документов следует, что лидеры ППС не видели или не хотели видеть роста социал-демократического марксистского движения в России, представители которого были готовы протянуть руку солидарности братскому польскому рабочему классу в общей борьбе против царизма, буржуазии и помещиков. Не видя перспектив этого движения, лидеры ППС замечали лишь отсталую крестьянскую Россию со слабым массовым движением и отсутствием единой российской рабочей организации.

Безусловно, эти позиции ППС не могли положительно сказаться на взаимоотношениях с крепнущими силами пролетарских организаций России. Поэтому, когда российские социал-демократы начали подготовку к созыву I съезда РСДРП, встал вопрос об отношении к польскому рабочему движению. Один из организаторов и участников I съезда РСДРП, Б. Л. Эйдельман, в 1921 г. вспоминал, что на предварительной конференции, созванной Киевской группой «Рабочее дело» в марте 1897 г., кроме российских организаций, участвовала Киевская польская социал-демократическая группа. «Не была приглашена PPS,— поясняет автор,— как несоциал-демократическая»[29]. Через год, к моменту созыва I съезда РСДРП снова встал вопрос о том, кто из национальных групп будет участвовать в работе съезда. «Что касается социал-демократии Царства Польского и Литвы,— вспоминал автор,— то ее мы также очень мало знали и она приглашена не была[30]. Хорошо нам была известна Польская партия социалистическая, но ее мы и не думали приглашать, так как ни группа «Р[абочей] Г[азеты]», ни какая другая из социал-демократических групп не считали ее социал-демократической».

Называя партию Российской, делегаты I съезда хотели подчеркнуть ту важную мысль, что в задачу партии входит защита интересов пролетариата не только русского, но и других национальностей, населяющих Россию. Поэтому одним из первых на повестке дня стал национальный вопрос. Тот же Б. Эйдельман вспоминает любопытный факт. Обсуждение вопроса об отношении к ППС заняло больше одного заседания. Результатом обсуждения явился пункт 8-й решений съезда[31]. С одной стороны, делегаты съезда в ППС видели национальную организацию, действующую на территории России против того же врага — царского самодержавия, с другой стороны, ее национализм, реформизм, ее буржуазно-демократическая идеология не позволяли российской социал-демократии быть с нею в одних рядах. Поэтому п. 8 решений

[29] «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 32

[30] В 1896 г. среди польской социал-демократии были произведены аресты, и деятельность местных комитетов была очень ослаблена или совсем прекращена.

[31] «Пролетарская революция», 1921 г., № 1, стр. 74.

I съезда РСДРП, появившийся после продолжительного обсуждения вопроса об отношении к ППС, состоял как бы из двух частей: «Партия через свой Центральный Комитет вступает в сношения с другими революционными организациями», т. е. ЦК может принять решение об отношении к ППС. «Партия признает за каждой национальностью право самоопределения», иными словами, принципиально партия признает право за каждой нацией самостоятельно решать свою судьбу.

Получив в руки «Манифест Российской социал-демократической партии», выпущенный делегатами I съезда в марте 1898 г. в Минске, «Пшедсвит» сначала воздал должное деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», приветствовал объединение разрозненных социал-демократических кружков в единую партию, но тут же подверг острейшей критике «общероссийскую» позицию РСДРП [32]. Польские социалисты считали, что пункту восьмому решения съезда, где говорилось о праве каждой национальности на «самоопределение», существенно противоречит само название партии «Российская», которое означает якобы ту же «захватническую» политику РСДРП, что и у царизма, и является «социалистическим воплощением объединительной политики правительства». Их возмущало «желание включить в рамки общероссийской организации и нерусские движения».

Между тем, в вопросах отношения к российскому рабочему движению в ППС складывалось направление, противоположное правому.

В 1894—1895 гг. в самой многочисленной, ведущей Варшавской организации ППС произошел идейно-политический конфликт между левыми — краевым рабочим активом (Я. Стружецкий, Б. Хшановский и др.) и правыми (Ю. Пилсудский, С. Войцеховский — в стране и В. Иодко-Наркевич и др.— за границей) [33]. Первые все больше убеждались в том, что без связи польского рабочего движения с общероссийским, без совместной борьбы польского и российского пролетариата против царизма не может быть достигнута независимость Польши.

Впоследствии левое направление ППС, по мере роста революционного движения в России, крепло и формировалось в силу, противостоящую национализму и антирусским тенденциям в польском социалистическом движении.

Итак, на начавшемся в 90-е годы историческом этапе массового рабочего движения в России и Польше в борьбе за соединение социализма с рабочим движением создается польская марксистская социал-демократическая партия. Эта партия в своих первых программных документах поставила перед польским пролетариатом ясные задачи борьбы за свержение царизма, власти буржуазии и помещиков. Польская социал-демократия с самого начала высоко держала знамя пролетарского интернационализма и решительно вела рабочий класс Польши к союзу с российским пролетариатом. СДКП была единственной марксистской партией в Польше. Она вела социалистическую агитацию за укрепление русско-польского революционного союза. Стоя на позициях революционного марксизма, ведя борьбу с националистической идеологией ППС, польская социал-демократия, считая пролетарское движение Польши частью общероссийского революционного движения, воспитывала польский пролетариат в духе содружества с российским рабочим классом и всемерно крепила узы революционного братства.

[32] «Przedświt», VII 1898, N 7, str. 16—17.
[33] *J. Kancewicz.* Działalność organizacji warszawskiej PPS w latach 1894—1896. «Warszawa popowstaniowa. 1864—1918», z. I. W., 1968, str. 61.

2. Сотрудничество польских и российских социал-демократических организаций в 90-е годы

В середине 90-х годов, когда произошел исторический поворот в сторону слияния рабочего движения с социализмом, в авангарде борьбы российского пролетариата особо выдвинулся Петербург. Во главе петербургских социал-демократов встал В. И. Ленин, приехавший в столицу в августе 1893 г. Уже с зимы 1894 г. группа петербургских марксистов начала укреплять и расширять свои связи с рабочими, вести агитацию и пропаганду на основе изучения конкретных требований рабочих, постепенно переходя к соединению научного социализма с массовым рабочим движением. Созданная В. И. Лениным в 1895 г. петербургская социал-демократическая организация получила название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Еще накануне создания «Союза» установились контакты между петербургскими социал-демократами и польскими марксистскими революционными группами и кружками в Петербурге [34].

Отмечая успешное проникновение социалистических идей в России в широкие массы, Роза Люксембург выступила в «Справе Роботничей» с обширной статьей «Рабочее движение в России» [35]. Давая общий обзор стачечного движения в России, Р. Люксембург обращала внимание на значение петербургской стачки 1896 г., ставшей новым этапом в стачечном движении русского пролетариата. Петербургские рабочие, говорилось в статье, провели свою стачку на более высоком уровне, нежели лодзинские рабочие в мае 1892 г., и в этом была большая заслуга петербургской организации. «Политическая организация под названием «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»,— писала Роза Люксембург,— оказала петербургским рабочим и делу пролетариата неоценимые услуги». Польские товарищи видели в ленинском «Союзе» начало великой организации пролетариата.

Аналогичные социал-демократические марксистские союзы возникали в других городах России. Некоторым из них удавалось осуществить связь между российской и польской социал-демократией [36]. Через Е. И. Спонти — воспитанника Виленского марксистского кружка — осуществился контакт между «Московским рабочим союзом» и польскими социал-демократическими кружками в Вильно. Молодой офицер Е. И. Спонти, окончив военное училище, был направлен в Вильно, где он вступил в марксистский кружок, руководимый Л. Иогихесом.

В 1892—1893 гг. Спонти уже самостоятельно ведет работу в кружках Виленской социал-демократической организации, среди ремесленников-поляков.

В августе 1893 г. Спонти приехал в Москву. Связавшись с московскими революционерами С. И. Мицкевичем, А. Н. Винокуровым, М. Н. Лядовым и др., Спонти рассказал им, как ведется пропаганда в Вильне, как строится организация, как работают рабочие польские и литовские кружки, которые распространяют среди рабочих популярные агитационные брошюры и листовки [37]. Для образца он привез в Моск-

[34] *А. М. Орехов.* К истории польских связей петербургских социал-демократов накануне возникновения «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1893—1895 гг.). «Ленин и Польша».

[35] «SDKPiL», t. I, cz. 1, str. 425—432.

[36] *Z. Łukawski.* Polacy w rosyjskim ruchu socjaldemokratycznym w latach 1883—1893. Kr., 1970, str. 55.

[37] «На заре рабочего движения в Москве». М., 1932, стр. 20, 97—98.

ву переводы на русский язык нескольких брошюр: «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Рабочий день», «Рабочая революция» Эдварда Абрамовского, «О конкуренции».

Члены Московского рабочего союза высоко оценили эту литературу, написанную популярным языком и доступную для каждого рабочего. Брошюры, которые привез Спонти, были в значительной мере переработаны, изменены [38]. Эти брошюры, заимствованные у польских революционеров, вышли в свет — одна в России, другие — за границей и постепенно стали достоянием рабочих революционных кружков [39].

В Московском университете в начале 90-х годов училось много студентов-поляков. Передовая молодежь организовалась в польский кружок, важную роль в котором играл Вацлав Воровский, будущий видный большевик. В. Воровский и его польские молодые товарищи участвовали в Москве в распространении нелегальной литературы и имели связи с русским революционным студенчеством, установив контакт с Московским рабочим союзом [40]. Позднее Воровский, будучи активным деятелем Московского союза, участвовал в налаживании связи с группой «Освобождение труда» и в доставке в Москву нелегальной литературы [41]. В 1894 г. в Московский университет поступает Мечислав Козловский — в будущем один из организаторов «Рабочего союза Литвы». В университете он принимает участие в работе социал-демократических кружков и становится членом Московской социал-демократической организации, примыкающей к Московскому союзу борьбы. Так расширялись контакты между польскими и русскими социал-демократами и польской прогрессивной молодежью в Москве.

В Москве активно действовало Польское ко́ло — кружок польской молодежи, образованный в 1891 г. под руководством Мариана Абрамовича. Как говорится в обзоре важнейших дознаний за 1897 г., ко́ло выступало с лозунгом «Смерть царю и деспоту». В 1897 г. члены организации выпустили воззвание на польском языке к рабочим завода Гужона [42].

Этот кружок польской молодежи состоял из членов ППС. Судя по одному из донесений Департамента полиции, кружок был связан с представителями «местной революционной среды из числа русских...» [43].

Тесные связи существовали у польских революционеров и с киевскими марксистскими кружками. В 90-х годах в Киеве возобновляет свою работу польский «Союз социалистической молодежи» [44]. Благодаря контактам с Вильно и Варшавой члены «Союза» имели в своем распоряжении богатую марксистскую литературу. Известно, что в 80-х годах за границей усилиями С. Мендельсона (в дальнейшем лидера ППС) были изданы на польском языке важнейшие произведения К. Маркса, и молодежь жадно читала эту литературу. Молодежный «Союз», организованный поляками, студентами Киевского университета, в связи с расколом в польском социалистическом движении на сторонников

[38] *С. И. Мицкевич.* Революционная Москва. 1888—1905. М., 1940, стр. 159—160.
[39] «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века». М., 1971, стр. 2, 427, 531, 773.
[40] *N. F. Pijaszew.* Wacław Worowski i polski ruch rewolucyjny. «Z Pola Walki», 1959, N 3 (7), str. 70—71.
[41] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. I, стр. 239.
[42] «XXI обзор важнейших дознаний за 1897 г.», стр. 87.
[43] ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1899 г., д. 543, лл. 4—5.
[44] *И. Н. Мошинский.* На путях к первому съезду РСДРП. М., 1928, стр. 47.

СДКП и ППС также раскололся в начале 1894 г. на две группы. Польские социалисты-киевляне, воспитанные в демократических традициях, на марксистской литературе, приняли в большинстве точку зрения польской социал-демократии. Одна группа, в числе которой были К. Петрусевич, М. Гурский, П. Полонский, стала на позиции СДКП, другая — ППС [45].

В это время в Киеве ведущую роль в развитии и упрочении марксистского социал-демократического движения играла «Русская социал-демократическая группа» во главе с Ю. Д. Мельниковым. Группа Мельникова находилась в тесном контакте с действовавшим в Киеве кружком, в котором находились Гурский, Петрусевич и др. Участников этого кружка киевляне-марксисты называли «союзниками», имея в виду совместную борьбу против группы, примыкавшей к ППС. По свидетельству И. Н. Мошинского, участника этих событий, польская социал-демократическая группа в Киеве была «правоверно-марксистской организацией»: «В постановке социал-демократической работы она была близка русской группе. Программа, приемы работы, тип организации, формы связей с рабочей средой были аналогичны с русской группой» [46].

Начиная с лета 1896 г. обе группы, польская и русская, все чаще вступают в контакт, обсуждая совместные мероприятия. Организуется нечто вроде объединенного органа для взаимной информации и обмена связями. В этот федеративный центр входили по два человека от группы. Так в ходе практической работы и борьбы в Киеве наметилось слияние польской и русской социал-демократических групп в единую группу, по своему направлению — марксистскую, а по составу — интернациональную.

В марте 1897 г. русская социал-демократическая группа «Рабочее дело» и группа польских социал-демократов в Киеве объединились, образовав «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» [47].

Через Казимежа Петрусевича протянулись связи киевского «Союза борьбы» в Екатеринослав. В 1896 г. К. Петрусевич был послан на помощь разгромленному Петербургскому «Союзу борьбы», но скоро возвратился в Киев. По возвращении ему было поручено принять участие в организации и налаживании работы в Екатеринославе.

Вместе с социал-демократами екатеринославцами Петрусевич объединил все действующие социал-демократические кружки в единый «Союз борьбы», от которого он и был делегирован на I съезд РСДРП в Минске [48].

Интернациональная солидарность между русскими, украинцами, поляками в Киеве выражалась не только в области партийных отношений, но проявлялась и в развитии культурных связей. Об этом свидетельствуют, например, события, происшедшие в день открытия в Варшаве памятника Адаму Мицкевичу в декабре 1898 г.

Прогрессивное студенчество Киева, в числе которого были представители разных национальностей, что было особо отмечено полицией, выпустило листовку, в которой говорилось: «Мы, киевские студенты всех национальностей, собравшись на сходке 3 декабря по поводу открытия памятника великому поэту-революционеру Мицкевичу,

[45] Там же, стр. 104.
[46] Там же, стр. 109.
[47] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. I, стр. 244.
[48] Там же, стр. 261.

шлем горячий, от души идущий привет своим варшавским товарищам...»[49]

В пропаганде и агитации социал-демократы Польши и России пользовались и русской, и польской социал-демократической литературой. Выше уже говорилось о польских брошюрах, переведенных на русский язык, которые привез из Вильно Е. Спонти в Московский «Союз борьбы». Аналогичный обмен нелегальной литературой шел и в других городах.

О том, что члены СДКП использовали русскую нелегальную революционную литературу, свидетельствуют жандармские документы. Так, при арестах в октябре 1894 г. в Лодзи, Варшаве, Жирардове у ряда социал-демократов были конфискованы революционные листовки на русском языке[50]. В 1893 г. охранкой был выслежен и арестован кассир железной дороги в Лодзи, член СДКП Л. Красуский. В его чемодане были обнаружены: журнал «Социал-демократ», брошюра с текстом речи Петра Алексеева, программа группы «Освобождение труда»[51].

В 1894 г. охранке удалось проследить приезд в Варшаву Казимежа Ратыньского, который доставил два тюка литературы с брошюрами и воззваниями и «40 разных наименований революционных сочинений на русском языке»[52]. В 1894 г. в Велюне был задержан транспорт литературы, в котором жандармы обнаружили вместе с брошюрами Розы Люксембург литературу, напечатанную в Женеве типографией «Социал-демократической библиотеки». Здесь были работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта» и «Наемный труд и капитал», «Основы социал-демократии» К. Каутского, «Борьба английского рабочего за свободу» Б. Кричевского и др. Все эти работы были изданы на русском языке[53]. Через Варшаву доставлялась прибывшая из-за границы революционная литература со склада «Фонда Вольной русской прессы» в Лондоне на русском, немецком и английском языках. Главным организатором «Фонда Вольной русской прессы» был известный русский революционер-народник, писатель С. М. Степняк-Кравчинский. Активное участие в «Фонде» принимал бежавший за границу из Сибири, осужденный по делу партии «Пролетариат» поляк Михал Войнич[54]. В феврале 1894 г. пограничная стража задержала Юлиана Островского, у него оказались брошюры, напечатанные в Лондоне, которые он должен был перевезти в Россию. По донесению охранки, в транспорте были: брошюра «Процесс 21», изданная кружком народовольцев в 1888 г. в связи с делом Лопатина, сочинения Плеханова, Каутского и др.[55]

Деятели СДКП получали нелегальную литературу и от русских революционеров, проживавших в то время в Варшаве, например от сту-

[49] Цит. по: *Б. С. Бутник-Сиверский.* Об ознаменовании столетнего юбилея со дня рождения Адама Мицкевича на Украине. «Связи революционеров России и Польши в XIX — начале XX в.». М., 1968 г., стр. 118.

[50] «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. 1893—1904». W., 1934, str. XIV.

[51] ЦГАОР, ф. 102, 4 дел-во, 1893, д. 244, лл. 12—13, 31—36.

[52] «XVIII обзор дознаний за 1894 г.», стр. 96.

[53] ЦГАОР, ф. 102, 5 дел-во, 1896 г., д. 321, ч. 1, стр. 34—35.

[54] Жена Войнича — Этель Лилиан Войнич, автор романа «Овод», писала о том, что, когда муж бежал из Сибири в 1890 г., он с большим трудом, «без копейки денег, кишащий паразитами, полуодетый и голодный» добрался до Лондона. «Не зная английского языка, он шел по Торговой улице, протягивая прохожим клочок бумаги с единственным лондонским адресом, который у него был,— адресом Степняка». Один из студентов, знавший русский язык, проводил его к дому писателя (*Е. Таратута.* Наш друг Этель Лилиан Войнич. М., 1957, стр. 5).

[55] «XVIII обзор важнейших дознаний за 1894 г.», стр. 62.

дента Рункевича и учителя Шумова [56]. О том, что при участии польских социалистов доставлялась нелегальная литература, предназначенная для русских, свидетельствует письмо, отобранное в июне 1895 г. при обыске у студента Варшавского ветеринарного института Ивана Погожельского. Охранка предполагала, что письмо написано кем-то из заграничных руководителей рабочего движения Королевства Польского. Автор сообщает о высылке в Россию (видимо, из Цюриха) большого транспорта с революционными изданиями. «Русские брошюры,— сообщалось в письме,— сохраняйте в складе, спрашивать таковые будут люди из России по нашему указанию... Можете давать тамошним варшавским русским». В письме также говорилось, что им разрешается взять по одному экземпляру каждой брошюры, не больше, поскольку «это дело не наше, а наших русских товарищей» [57]. Письмо свидетельствует о том, что русские эмигранты использовали помощь польских товарищей при перевозке своих изданий в Россию.

Таким образом, польские социал-демократы имели в своей библиотеке и изучали русскую революционную литературу. Одна из первых работ В. И. Ленина за подписью «Тулин» в 1895 г. попала в марксистские кружки Варшавы. Это была статья «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», помещенная в марксистском сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». По воспоминаниям Ц. Бобровской, которая в то время работала главным образом среди женщин Варшавы, «эта статья, в которой была дана марксистская критика народничества, послужила для нас замечательным оружием в повседневной борьбе с нашими идейными противниками» [58]. Кстати, в квартире Зеликсон-Бобровской на Мурановской улице помещалась маленькая типография для печатания нелегальных прокламаций, которые распространялись среди рабочих Варшавы [59].

«Справа роботнича» следила за выходом русской революционной литературы, связывая это с большим ростом революционных сил в России, и оповещала своих читателей. Так, в июньском номере 1896 г. газета перечислила русские издания: четвертый «Листок» группы «Народовольцев», «Ткачи» Гауптмана, «Рабочий день» с приложениями, «4 речи петербургских рабочих», «О фабричных штрафах» [60] — издание социал-демократов в типографии «Народовольцев» в Петербурге, «О рабочих союзах», большое количество листовок, изданных в Петербурге, и т. д. Газета также сообщает о выходе на русском языке (перевод с польского) брошюры «Праздник 1 Мая» Р. Крушинской (псевдоним Розы Люксембург). Кстати, из дел Департамента полиции 1895 г. мы узнаем, что «летом и осенью текущего года... кружком этим (речь идет о ленинском петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса».— *Р. Е.*) были изданы и распространяемы преступного содержания брошюры «Праздник 1 Мая»... и др.» [61] В этой брошюре, написанной Р. Люксембург в 1892 г. [62], внимание Ленина и

[56] *J. Kancewicz.* Walka socjaldemokratów Królestwa Polskiego o sojusz polskich i rosyjskich sił rewolucyjnych w latach 1893—1899. «Kwartalnik IPR», 1955, N 4 (13), str. 122—123.

[57] ЦГАОР, ф. 102, 5 дел-во, 1896 г., д. 321, ч. 1, стр. 37.

[58] *Ц. Бобровская (Зеликсон).* Записки подпольщика. М., 1957, стр. 6.

[59] Там же, стр. 9.

[60] Речь идет о работе В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» (см.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 15—60).

[61] «Красный архив», т. 1 (62), 1934, стр. 83, 87.

[62] *R. Kruszyńska.* Swięto Pierwszego Maja. Paryż, 1892.

его товарищей по «Союзу» привлекло ее пламенное революционное содержание, интернационализм и в первую очередь призыв к единству российского и польского пролетариата в революционном движении против самодержавия.

Таким образом, издателем на русском языке и распространителем первой работы Розы Люксембург в России явился ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Следует здесь упомянуть и о том, что издание произведений русских прогрессивных писателей за границей осуществлялось видным деятелем СДКПиЛ — Юлианом Мархлевским. Будучи в Германии, Мархлевский получил разрешение на организацию в Мюнхене «Издательства славянской и северной литературы». До 1904 г. вышло 48 рассказов, романов и собраний сочинений русских и польских авторов (11 на русском языке). На первом месте были сочинения М. Горького, В. Короленко, В. Вересаева, Г. Успенского [63]. Самой большой своей заслугой Ю. Мархлевский считал издание пьесы Горького «На дне».

Русские социал-демократы также старались ознакомить русских рабочих с положением польского пролетариата и уровнем революционного движения в Польше. Например, через сборники «Работник», издававшиеся в то время «Союзом русских социал-демократов за границей», социал-демократия России знакомила российский пролетариат с революционными событиями в Польше. В архиве «Союза» мы находим корреспонденции о стачке 1897 г. на табачной фабрике Яновского в Белостоке, о том, как рабочие Варшавы отмечали 50-летие «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса. «Речь шла о значении манифеста и о рабочем движении в России,— говорилось в корреспонденции.— Этот вечер... укрепил веру в то, что призыв Карла Маркса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» не прошел даром» [64].

Польские и русские рабочие одинаково быстро отзывались на революционные события, происходившие как в Петербурге, Москве или Ростове-на-Дону, так и на те, которые происходили в Варшаве и Лодзи.

Одним из примеров такой рабочей солидарности и проведения совместной акции российской и польской социал-демократии явилось дело двух варшавских рабочих — Свидерского и Возняка, которым суд за убийство предателя вынес смертный приговор.

Главное правление СДКПиЛ выпустило прокламацию, призывающую к защите товарищей и к борьбе против самодержавного царского режима. В борьбу за спасение варшавских рабочих включились несколько комитетов РСДРП, начав общерусскую кампанию в защиту осужденных. В Петербурге агитаторы специально устраивали нелегальные собрания среди рабочих в защиту осужденных.

Осенью 1900 г. был поднят вопрос о выпуске специальной листовки за подписью нескольких комитетов РСДРП. Для организации этого массового выступления Ю. Мартов объехал Харьков, Екатеринослав и Крым. Согласие местных комитетов было получено [65]. Так вышел листок «Ко всем рабочим и работницам России», изданный в типографии «Южного рабочего», перепечатанный затем в № 3 «Южного рабочего», в № 3 «Листка Рабочего дела» и в № 1 ленинской «Искры». В пере-

[63] *Ф. Тых, Х. Шумахер.* Юлиан Мархлевский. М., 1969, стр. 132, 133, 136.
[64] ЦПА ИМЛ, ф. 283, оп. 2н, д. 29782, лл. 2, 15.
[65] «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова». Берлин, 1924, стр. 25.

воде на польский язык листовка русских рабочих была напечатана в органе СДКПиЛ «Пшеглёнд роботничий»[66]. Это обращение явилось проявлением подлинного, интернационального братского отношения русской социал-демократии к польским рабочим. В прокламации говорилось: «Товарищи! Дело польских товарищей — наше общее дело... Мы зовем вас выступить, как один человек, за несчастных варшавских товарищей». Листовка РСДРП предлагала устраивать забастовки, собрания для составления протеста и собирать средства для помощи семьям осужденных варшавских рабочих[67]. По имеющимся сведениям, пишет «Искра», эта листовка была распространена в Петербурге, Риге, Либаве, Екатеринославе, Харькове, Киеве, Иваново-Вознесенске, Ярославле, Одессе, Николаеве, Орше. Прокламацию распространяли по фабрикам и заводам. В одном из очередных донесений охранка сообщала: «...Интеллигент... рассказал собравшимся (речь идет о собрании рабочих в Петербурге.— *Р. Е.*) о варшавском деле рабочих Свидерского и Возняка и рекомендовал принять самые энергичные меры, возбудить рабочих всех заводов в Петербурге к протесту против распоряжения о предании Свидерского и Возняка военному суду. Вынул из-за пазухи пачку листовок под заглавием «Ко всем рабочим и работницам России» за подписью РСДРП и раздал для распространения присутствующим»[68]. Этими совместными усилиями жизнь польских рабочих была спасена, царское правительство уступило, и казнь была заменена каторгой.

Тем временем и в Литве усиливалось рабочее движение. В 1895 г. начала свою деятельность литовская социал-демократия. Однако в ее рядах сразу наметилось два противоположных направления: националистическое, реформистское, и левое, революционно-марксистское во главе со Станиславом Трусевичем (Залевским), Мечиславом Козловским и др. Вследствие окончательного их размежевания в 1896 г. в Литве возникла новая социал-демократическая организация «Рабочий Союз Литвы», состоявшая из рабочих-поляков.

Осенью 1895 г. в ряды литовской социал-демократии вступил Феликс Дзержинский. Он примкнул к левому, революционному крылу. Неутомимый агитатор и пропагандист, он проникает в самую гущу промышленных рабочих, идет на предприятия, в мастерские и выступает как последовательный и решительный сторонник пролетарского интернационализма[69]. Разоблачая вред националистической пропаганды, Ф. Дзержинский и его друзья призывали литовских и польских рабочих вместе с русскими братьями бороться за сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы, улучшение жилищных условий и за завоевание политических свобод.

Рост революционного движения во всей России способствовал стачечному движению в Литве. Большое влияние на польских и литовских рабочих оказала деятельность петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и январская стачка 1897 г. в Петербурге, вследствие которой петербургские рабочие добились принятия царским правительством закона об ограничении рабочего дня. В конце января петербургским рабочим был направлен «Адрес литовских рабочих» вместе с денежной помощью. «Нынешняя ваша забастовка с ее резуль-

[66] «Przegląd Robotniczy», 1901, N 2—3, str. 33.
[67] «Искра», № 1, XII 1900.
[68] ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1898 г., д. 5, ч. 6М, л. 15.
[69] *А. Хацкевич.* Солдат великих боев. Минск, 1961, стр. 15.

татами,— говорилось в адресе,— привела нас в неописуемый восторг. Вот как нужно бороться рабочим за свои интересы! Вот каким должно быть и наше рабочее движение! — утверждает ныне каждый рабочий, до которого доходят сведения о той забастовке, без сомнения, наиболее значительной из всех, которые были до сих пор»[70]. 27 января 1897 г. в Вильно было издано «Обращение к рабочим Литвы по случаю новой забастовки в Петербурге», отпечатанное на гектографе. Так в ходе революционной борьбы против гнета, бесправия, нищеты росли и укреплялись братские связи между русским, польским, литовским, украинским пролетариатом. Впереди стояли общие цели, общая борьба.

Социал-демократическое движение в России делало заметные успехи. Перед революционными марксистами вставала задача объединения социал-демократических организаций в партию. Такое объединение идейно было уже подготовлено ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». В то время, когда готовился и происходил I съезд РСДРП в Минске, Дзержинский находился в тюрьме. Узнав о том, что правое крыло Литовской социал-демократии отказалось принять участие в работе I съезда РСДРП, Дзержинский из тюрьмы направил руководителю ЛСД Домашевичу письмо, в котором резко критиковал националистическую политику партии. «Я считал величайшим грехом,— вспоминал Ф. Дзержинский,— что Литовская социал-демократия не вошла в единую Российскую социал-демократическую партию»[71].

Будучи противниками всякого проявления национализма, руководители польской социал-демократии активно выступали за объединение революционных усилий рабочих всех национальностей. Когда в сентябре 1899 г. Ф. Дзержинский, бежав из ссылки, приехал в Варшаву, он вместе с товарищами — рабочими Яном и Антоном Росолами — начал собирать воедино разрушенные арестами социал-демократические силы. В декабре Дзержинский выехал в Вильно, чтобы договориться об объединении с социал-демократическими организациями Литвы для совместной работы и борьбы среди пролетариата Польши и Литвы.

На декабрьской конференции 1899 г. в Вильно присутствовали от польской социал-демократии Ф. Дзержинский, от «Рабочего союза в Литве» М. Козловский, от левой части Литовской социал-демократии Э. Соколовский и П. Сункелевич. На конференции произошло объединение этих организаций в Социал-демократию Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), взявшую за основу своей дальнейшей деятельности решения I съезда СДКП. Создание объединенной партии было большой победой в польском рабочем движении. Руководствуясь идеологией революционного марксизма, будучи ярым врагом национализма, СДКПиЛ на протяжении всех лет своей деятельности была последовательным борцом за русско-польский революционный союз.

В условиях подъема революционного движения в России собрался в августе 1900 г. II съезд СДКПиЛ. Съезд поставил своей задачей найти конкретные формы взаимоотношений между двумя братскими социал-демократическими партиями — РСДРП и СДКПиЛ. В резолюции «Об отношении к другим партиям» (фактически имелась в виду РСДРП) было записано решение войти в самые тесные отношения с РСДРП[72]. Однако организационные формы этого объединения были определены только на следующем съезде СДКПиЛ.

[70] «Robotnik Litewski», 1897, N 2, str. 90.
[71] *Ф. Э. Дзержинский.* Избранные произведения, т. 1. М., 1957, стр. 2.
[72] «SDKPiL», t. I, cz. II, str. 40.

3. Связи русских и польских революционных деятелей в эмиграции

В начале 90-х годов кроме прежней эмиграции появляется новая, социал-демократическая. В 1889 г. от преследований царских жандармов бежала за границу Роза Люксембург, в следующем году скрылся за границу из России находившийся под надзором полиции Ян Тышка (Л. Иогихес), выступавший в то время под псевдонимом Грозовского. В 1892 г. в группу поляков социал-демократов, сложившуюся вокруг Розы Люксембург, вошел приехавший из Королевства Польского Адольф Варский. В мае 1893 г. в Цюрих приехал Юлиан Мархлевский. Так за границей сложилось ядро из польских социал-демократов, которому предстояло встать во главе польского революционного движения. Ю. Мархлевский впоследствии вспоминал: «Создать теоретическое обоснование польского марксизма, польского социал-демократического движения выпало на долю Розы Люксембург... Роза Люксембург проявила сразу выдающийся публицистический талант и блестящие теоретические дарования, и мы охотно признали ее своим теоретическим руководителем. Товарищ Иогихес был ее дельным помощником...»[73]

К этой группе польской социал-демократической молодежи принадлежали также Бронислав Весоловский, Казимеж Ратыньский и другие польские революционеры, находившиеся в то время за границей.

К 1893 г. группа, возглавляемая Розой Люксембург, начинает выступать со своими программными заявлениями. Так, в мае 1892 г. Р. Люксембург опубликовала брошюру «Праздник Первого Мая». В ней она решительно подчеркнула интернационализм руководимой ею группы и в первую очередь единство российского и польского пролетариата в революционном движении.

С июля 1893 г. по инициативе Р. Люксембург, Тышки, Мархлевского и Варского в Париже начала выходить польская социал-демократическая газета «Справа роботнича». Вскоре редакция газеты заключила договор с краевой организацией Социал-демократии Королевства Польского, на основе которого «Справа роботнича» стала органом СДКП.

Появление и деятельность польских марксистов в эмиграции не могли пройти мимо внимания русских марксистов, а именно — членов группы «Освобождение труда». Отношения между членами этой организации, в частности с Г. В. Плехановым, в разные периоды складывались по-разному. Перед 1893 г. отношения между членами группы и польскими революционерами, особенно с Р. Люксембург и только вступавшим тогда в польское рабочее движение Я. Тышкой («Грозовским»), были близкими и дружественными.

Г. В. Плеханов высоко ценил незаурядные способности и теоретическую подготовленность Я. Тышки и одно время собирался возложить на него всю практическую деятельность группы «Освобождение труда» среди русских и польских рабочих, для того чтобы самому заняться только теоретической работой. Впоследствии Р. М. Плеханова вспоминала: «Это было в 1892 г. Жорж познакомился с ним (Тышкой.— *Р. Е.*) в Цюрихе. По возвращении в Женеву он сказал мне, что должен к нам приехать очень интересный, неглупый и, по-видимому, очень способный молодой человек: «Если бы таких молодых людей было бы больше около

[73] «Коммунистический Интернационал», 1919, № 3, стр. 355—356.

нас, я мог бы на них положиться в практических делах и не был бы более вынужден отрываться от теоретических занятий»»[74].

К группе была очень близка известная польская революционерка, тесно связанная с русским революционным движением, в будущем член Международного Социалистического Бюро от польской социал-демократии Цезарина Войнаровская. Еще с 80-х годов она встречалась с членами этой организации. Г. В. Плеханова подкупала ее высокая образованность и хорошее знание марксизма. По его предложению Ц. Войнаровская была принята в члены группы «Освобождение труда»[75].

Однако эти добрые отношения к 1893 г. были почти полностью прерваны[76]. Я. Тышка, не будучи членом группы, являлся соредактором ее изданий, и, судя по переписке Плеханова и других членов группы с Тышкой в 1891—1892 гг., опубликованной в «Пролетарской революции», и предисловию к ней, написанному А. Варским, недоразумения и разногласия, начавшиеся между группой и Тышкой, определялись главным образом расхождениями по тактическим вопросам[77]. Видимо, одним из таких краеугольных камней был вопрос об отношении к лозунгу о независимости Польши.

Если отбросить личные взаимоотношения, неблагоприятно сложившиеся между Г. В. Плехановым и Я. Тышкой, то существовали и объективные причины, прекратившие на некоторое время связи деятелей СДКП и группы «Освобождение труда». Одной из важных причин была та, что Плеханов, Аксельрод и Засулич в те годы активно сотрудничали с членами Заграничного союза ППС, с которыми СДКП вела острую борьбу.

Члены группы «Освобождение труда» еще в начале 80-х годов встречались в Женеве с редактором «Пшедсвита» С. Мендельсоном. Лидеры Заграничного союза польских социалистов понимали, как важна для них поддержка группы «Освобождение труда» и особенно Г. Плеханова. Еще в 1892 г. С. Мендельсон обращается с просьбой к Плеханову написать очерк к подготовляемому Союзом переводу книги А. Туна «История революционного движения в России»[78]. Ответом Плеханова явился очерк, написанный им в 1893 г., «О социальной демократии в России» (письмо к польским издателям «Истории революционного движения в России» А. Туна). В своем очерке-предисловии Г. В. Плеханов ответил на просьбу Союза рассказать польским читателям о «возникновении, принципах и истории» российской организации.

Когда польские социалисты в январе 1896 г. отмечали в Цюрихе десятилетие со дня гибели членов партии Пролетариат, Г. В. Плеханов по их просьбе принял участие в митинге, посвященном этому событию. Вера Засулич по нездоровью не смогла выступить, сообщив в письме, что «Людвик Варынский, главный деятель Пролетариата, был моим личным приятелем, близким товарищем за время своего пребывания в Женеве»[79].

Между членами Заграничного союза ППС и группой «Освобождение труда», особенно в эти первые годы их деятельности, были налажены тесные взаимоотношения, и Союз не имел оснований утверждать,

[74] Группа «Освобождение труда», сб. II. М., 1929, стр. 307.
[75] «Z Pola Walki», 1929, N 9—10, str. 57.
[76] О причинах разногласий см.: *I. Kurbatowa.* Plechanow a polski ruch robotniczy. «Z Pola Walki», 1959, N 3, str. 12; *W. Najdus.* SDKPiL a SDPRR. 1893—1907. W., 1973, str. 20.
[77] «Пролетарская революция», 1928, № 11—12, стр. 262.
[78] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. I. М., 1924, стр. 267—268.
[79] ЦПА ИМЛ, ф. 336, оп. 1, д. 8, лл. 1—2.

будто среди революционных кругов России у ППС «нет друзей». Свидетельством дружественных отношений служит статья Г. Плеханова, написанная специально по просьбе «Пшедсвита» для первомайской брошюры о предстоящей коронации царя Николая II в апреле 1896 года: «...я спешу напомнить Вам, польские товарищи, что кроме рабов и льстецов в России есть люди, умеющие ценить свободу и служить ей, и кроме *официальной* России, России прошлого, есть еще *революционная* Россия, Россия будущего... Официальная Россия, Россия царских льстецов и пособников,— поясняет далее Плеханов,— до конца остается непримиримым врагом польского народа. Революционная, социал-демократическая Россия с величайшим негодованием протестует против подавления национальной независимости Польши. Она знает, что свобода не утвердится в *Петербурге* до тех пор, пока *Варшава* не очистится от русских солдат»[80]. Так русский марксист-интернационалист понимал национальный вопрос.

Г. В. Плеханов считал, что каждый социал-демократ должен приветствовать национально-освободительную борьбу польского рабочего класса, тесно связывая национальные задачи польского пролетариата с классовой борьбой.

Несмотря на то, что правая верхушка ППС пыталась умолчать об успехах пролетарского движения в России и внушить неверие в его силы, лидеры ППС не могли не признать роста и расширения российского революционного движения. Так, в одном из номеров «Пшедсвит» опубликовал сообщение с припиской, что «корреспонденция поступила от русских». В ней говорилось о возникновении и значении Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Высоко оценивая популярность Союза среди рабочих и его активную деятельность на фабриках и заводах, автор сообщал о крупных арестах, последовавших среди его членов. Назывались имена Ульянова, Ванеева, Запорожца, Старкова, Кржижановского и др.[81] В следующем году появилась примерно такая же заметка о Московском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса»[82].

Развитие революционного рабочего движения в России заставляло польских социалистов констатировать, что «движение русских рабочих идет большими шагами»[83], что в России с ростом рабочего движения возрастает интерес молодежи, интеллигенции к изучению научной теории Маркса[84], отмечались работы Г. В. Плеханова. О постоянном обмене редакций «Пшедсвита» и «Роботника» с русскими издательствами свидетельствует переписка редакции «Пшедсвита»[85], а также обзоры русской прессы, помещаемые журналом на своих страницах.

В январе 1899 г. польские социалисты отозвались на брошюру В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов», в которой он дал теоретическое обоснование путей революционного движения в России и разработал идейные основы марксистской партии. «Пшедсвит», опубликовавший рецензию, отметил значение брошюры для социал-демократии России. Однако журнал выразил сомнение в том, что задачи, изло-

[80] В подлиннике статьи, хранящемся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, имеются разночтения с текстом, опубликованным в «Литературном наследии Г. В. Плеханова», сб. II. М., 1924, стр. 63—64.
[81] «Przedświt», 1896, V, N 5, str. 17.
[82] Там же, 1897, IV, № 1—2, стр. 10—12.
[83] Там же, 1897, V, № 3, стр. 9.
[84] Там же, 1897, VIII, № 6, стр. 4.
[85] CA KC PZPR, 405/II/58.

женные в брошюре, вряд ли могут быть осуществимы в скором времени.

Однако дух национализма антирусского толка, исходивший от лидеров польской социалистической эмиграции (Ю. Пилсудского, Ст. Войцеховского и др.), давал себя знать все более определенно. Плеханов сам скоро приходит к выводу, что его идея союза русских и польских революционеров противоречит позиции лидеров ППС. Особенно заметен начавшийся разрыв между группой «Освобождение труда» и лидерами Заграничного союза польских социалистов с 1896 г., когда Г. В. Плеханов выступил в органе немецкой социал-демократии «Форвертсе» со статьей «К вопросу о тактике польской социал-демократии». Эта статья явилась ответом на выступление в «Форвертсе» лидера правых в ППС В. Иодко-Наркевича, резко высказавшегося против левых в своей партии, обвинив одновременно в слабости и неактивности российскую социал-демократию [86].

Критикуя ППС за недооценку связей между русским и польским революционным движением, Плеханов повторяет неоднократно высказанные им доводы о том, что успех революции и в России и в Польше во многом зависит от тесных и братских отношений между русскими и польскими революционерами. В статье Г. В. Плеханов предостерегал польских социалистов, что отрицание русско-польского революционного союза может неблагоприятно сказаться на развитии социализма и в самой Польше.

Лидеры ППС, ощутив изменение отношения к ним Плеханова, в одном из писем к нему в июне 1897 г. бросили упрек, что в своей речи на собрании польских и немецких рабочих он, Плеханов, критиковал отношение ППС к русским рабочим, а в письме в июне 1898 г. выразили неудовлетворение по поводу того, что в своих печатных органах группа «Освобождение труда» не дает никакой информации о деятельности ППС [87]. В эти и в последующие годы Плеханов окончательно убеждается, что российским революционерам-марксистам не по пути с деятелями ППС.

Судя по сохранившимся документам в архиве «Союза русских социал-демократов за границей», к которому принадлежала группа «Освобождение труда», хранящимся в Центральном партийном архиве, до Г. В. Плеханова и его друзей дошли решения IV съезда ППС 1897 г. В архиве «Союза» лежит перевод на русский язык программы ППС и условий договора с русскими революционерами [88]. Эти документы убедили русских социал-демократов в немарксистском, националистическом, антирусском направлении правых в ППС.

1896—1897 годы — период, когда начинают восстанавливаться контакты между группой «Освобождение труда» и руководителями польской социал-демократии. В одном из писем к Я. Тышке перед созывом Лондонского конгресса 1896 г. Р. Люксембург пишет: «...Плеханов хочет с нами помириться» [89]. Об этом свидетельствовало полученное ею письмо, в котором, по-видимому, по просьбе Плеханова, сообщалось Р. Люксембург о делегатах на Лондонском конгрессе от России. Поскольку в числе русских мандатов был один мандат от одной организации варшавских работниц, то Плеханов предлагал польским социал-демократам воспользоваться этим правом и принять участие в конгрессе.

[86] *J. Kancewicz.* Указ. соч., стр. 128.
[87] *I. Kurbatowa.* Plechanow..., str. 17.
[88] ЦПА ИМЛ, ф. 283, оп. 1, д. 29783, л. 1.
[89] *R. Luksemburg.* Listy do Leona Jogichesa-Tyszki, t. I. W., 1968, str. 122.

вместе с русской делегацией. Так, несмотря на ряд возникших ранее разногласий с польскими социал-демократами, Плеханов неизменно руководствовался принципами интернационализма и был решительным защитником прав народов, угнетенных царизмом.

Плеханов всегда был горячим сторонником тесного союза русского и польского рабочего движения. Он исходил из того, что русский и польский пролетариат находятся под одинаковым гнетом царского самодержавия и только в совместной борьбе против общего врага могут прийти к победе над царизмом. Когда встал вопрос о решительной борьбе против оппортунизма и ревизионизма в конце 90-х и начале 900-х годов, члены группы «Освобождение труда» во главе с Плехановым именно у польской социал-демократии ищут поддержку в борьбе за чистоту идей Маркса. Например, в октябре 1898 г. Плеханов обращается к Розе Люксембург с просьбой перевести на немецкий язык его статью против Бернштейна, и хотя она из-за занятости не смогла этого сделать сама, но с готовностью откликнулась на его просьбу, обещав отдать статью переводчику, а сама вызвалась проследить за тем, чтобы перевод был тщательно отредактирован. «Для этого необходимо,— пишет Люксембург,— чтобы вы мне прислали также русский текст, дабы я в случае необходимости смогла сличить с оригиналом» [90].

Польская социал-демократическая эмиграция не осталась в стороне от борьбы, которая развернулась в России между революционным марксизмом и экономистами из «Союза русских социал-демократов за границей».

Роза Люксембург обратила внимание на связь между русскими экономистами и немецкими ревизионистами. Ей стало известно, что большинство членов «Союза русских социал-демократов за границей» перешло на сторону экономистов и начало издавать свой орган «Листок Работника». Редакция «Листка» хотела заручиться ее авторитетной поддержкой, но не нашла ее. «Они собираются напуститься на меня, чтобы я писала в том же «Рабочем листке» (!!),— пишет она Я. Тышке.— Я, конечно, намерена послать их прогуляться, как говорят французы... А может быть, назло написать им небольшую статью «о слабых сторонах русского социал-демократического движения» и деликатно выхлестать их «с классовой точки зрения?»». Далее, в этом же письме к Я. Тышке, написанном в январе 1899 г., Роза Люксембург с издевкой продолжает: «Только что пришла мне в голову шальная мысль... написать в «Рабочий листок» статью за полной подписью... о бернштейнианской идее и ее вреде для Россиян, т. е. на тему: что немцу здорово, то русскому смерть. Это свяжет мое имя и в России с бернштейнианской дискуссией, и наверняка в России на это обратят внимание» [91].

Даже только по этому одному письму можно судить об отношении идеолога СДКПиЛ к русскому экономизму, который, как и ревизионизм Бернштейна, наносил только вред всему революционному рабочему движению.

Забегая немного вперед, следует упомянуть, что аналогичная реакция была и у ряда других деятелей СДКПиЛ. В этом плане любопытно письмо К. Залевского, направленное Ц. Войнаровской, видимо, после II съезда «Союза русских социал-демократов за границей», когда разногласия между рабочедельцами и плехановцами достигли высшей точ-

[90] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. V. М., 1938, стр. 268—269.
[91] «Вопросы истории КПСС», 1971, № 3, стр. 104—105.

ки и вызвали раскол русских социал-демократов, находившихся в эмиграции. В своем письме Залевский, касаясь теоретических положений партии, пишет: «Что касается меня, то я теоретически на стороне Плеханова. По моему мнению, как Бунд, так и Союз, не имеют никаких твердых убеждений и бросаются из стороны в сторону. А стоят на твердой почве только плехановцы... Отношение «Искры» к событиям в России,— продолжает автор,— есть наиболее достойное марксистов»[92].

Так с 1900 г. начинается новый этап во взаимоотношениях между российской и польской социал-демократией. Как и ранее, эти контакты не укладываются в узкие рамки взаимоотношений русской и польской эмиграции. Речь идет о практических действиях и переговорах между руководящими центрами РСДРП и СДКПиЛ. Этот новый этап связан с деятельностью В. И. Ленина, который после возвращения из ссылки и переезда за границу начал группировать вокруг себя верных товарищей для выполнения исторической задачи — создания общероссийской революционной марксистской партии. Совершенно естественно, что союзником российской социал-демократии становится авангард польского рабочего класса — социал-демократия Королевства Польского и Литвы.

4. Содружество русских и польских революционеров в сибирской ссылке

Активная деятельность как СДКПиЛ, так и ППС, организация и проведение митингов, демонстраций, забастовок, выпуск и распространение листовок, газет на предприятиях Королевства Польского — все это не могло не привлечь внимания царских жандармов. Устраивались засады, слежки, летели доносы полицейских. Аресты и суды над революционерами кончались заключением в тюрьмы, ссылкой на каторжные работы и на поселение в Сибирь. В «Крестах», в Бутырках, в Варшавской цитадели, в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях заковывались в кандалы революционеры независимо от их национальности и происхождения.

Одним из самых тяжелых мест ссылки была Сибирь. Из года в год туда направлялись сотни русских и польских ссыльных. В Сибири сталкивались старые течения с новыми. Там были русские и польские революционеры, сосланные по процессу над «Народной Волей», над «Пролетариатом», а с начала 90-х годов в Сибирь стали ссылать русских и польских социал-демократов и членов ППС.

В разные годы в Сибири на каторжных работах и в ссылке были тысячи польских революционеров. Так, с 1897 по 1912 г., т. е. за 15 лет, Ф. Дзержинского царская полиция арестовывала шесть раз. Одиннадцать лет он просидел в тюрьме и на каторге; три раза был в ссылке, в том числе и в сибирской. Б. Весоловский из 46 лет своей жизни около 20 лет пробыл в тюрьме и в сибирской ссылке; Ю. Уншлихт с 1900 по 1916 г. был арестован 7 раз и был освобожден из ссылки в Сибири лишь Февральской революцией 1917 г.; четырежды подвергался аресту Э. Прухняк, а в 1906 г. был сослан в Туруханский край; около двух десятков лет пробыл в Сибири, сосланный по делу «Пролетариата» Ф. Кон, сибирскую ссылку познали и многие другие польские революционеры.

[92] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 19, л. 18.

Естественно, что польские революционеры, разосланные по огромной Сибири, прибывая в колонию ссыльных, как и на воле, находили себе друзей, близких по духу и по политическим взглядам, и эта дружба сохранялась на долгие годы.

Так было среди русских и польских политических ссыльных в Красноярске, Минусинске, Иркутске, Якутске, Верхоянске, Верхоленске, Колымске и других сибирских городах. В октябре 1894 г. на Лодзинскую, Варшавскую, Жирардовскую и другие организации польской социал-демократии обрушились массовые аресты. Среди арестованных были все участники I съезда СДКП: Весоловский, Ратыньский, Ольшевский, Козловский, Кулик, студенты и рабочие, агитаторы Петрашек, Влостовский, Проминьский, Чекальский, Ковалевский и др. Ведомость по делу социал-демократии Королевства Польского, составленная в Департаменте полиции в июне 1896 г., насчитывала 84 арестованных.

Эти репрессии, обрушившиеся на руководство и актив польской социал-демократии, совпали с крупными арестами, произведенными охранкой в Петербурге. Царские жандармы свирепствовали по всей стране. В ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. в Петербурге был арестован В. И. Ленин, а затем и его товарищи по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

В. И. Ленина отделили от друзей и отправили в дом предварительного заключения, где он был помещен в одиночную камеру и содержался в ней более 14 месяцев. В феврале 1897 г. Ленин из Петербурга был отправлен в ссылку, прибыл в Красноярск и остался там в ожидании назначения места ссылки до открытия навигации.

Судьба товарищей В. И. Ленина по Петербургскому союзу сложилась по-иному. Они отбыли в ссылку несколько позже. Перед высылкой в Сибирь петербуржцы были направлены в московскую Бутырскую пересыльную тюрьму. Все три этажа «Часовой башни», куда были заключены петербуржцы, были переполнены политическими, предназначенными к ссылке в отдаленные места России. Оказалось, что в камере, в которую они попали, бóльшая часть заключенных состояла из поляков, которые после трехлетнего заключения пересылались в Сибирь. Так, в первые дни 1897 г. в Бутырской тюрьме оказался буквально цвет русской и польской молодежи разных мнений и направлений: члены ленинского «Союза борьбы» — В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, П. К. Запорожец, Ю. О. Мартов, а также П. Н. Лепешинский, Н. Е. Федосеев и т. д. «К числу отрадных явлений...— вспоминал позже П. Н. Лепешинский,— хотелось бы отнести вхождение в нашу товарищескую семью 10 человек поляков...»[93] Поляки прибыли в Москву еще в конце 1896 г. Среди них были видные деятели ППС — Я. Стружецкий, К. Петкевич и М. Абрамович. Из числа польских социал-демократов в камере были Б. Весоловский, Т. Влостовский, Т. Петрашек, А. Чекальский, Я. Проминьский, А. Ковалевский[94]. Шестинедельное пребывание в общей камере не только познакомило, но и подружило русских социал-демократов с деятелями польского революционного движения, несмотря на то, что с первого момента обнаружилась не только общность революционных настроений, но и разница в политических взглядах. Особенно подружились русские революционеры Кржижановский, Ванеев,

[93] *П. Н. Лепешинский.* На повороте. Л., 1925, стр. 57.
[94] *С. И. Мицкевич.* Революционная Москва, стр. 237; *П. Н. Лепешинский.* Указ. соч., стр. 57.

Старков и Федосеев с поляками Абрамовичем, Строжецким и Петкевичем. Последний в своих воспоминаниях называл русских революционеров людьми «высокого интеллекта, большого будущего, влияния и значения», а о Н. Е. Федосееве высказался как о человеке «очень способном и с большими достоинствами»[95].

Пребывание в тюрьме было использовано русскими революционерами для испытания влияния своего идейного оружия на людей иных направлений. Поэтому в камере, где было более 30 заключенных, возникали горячие споры. Как и следовало ожидать, особенно спорили между собой представители ППС и рабочие социал-демократы, и русским товарищам приходилось выступать как бы в роли арбитров. Видимо, об одном из таких споров вспоминал позже К. Петкевич: «Когда мы затронули вопрос тактики революционеров во время войны, которую царизм когда-нибудь будет вести, почти что буря обрушилась на наши головы... Особенно резко возражал Федосеев, молодой публицист»[96].

В той же «Часовой башне» произошло замечательное событие: российский рабочий класс получил новое оружие в борьбе с царизмом — революционную пролетарскую песню. Такой первой песней, родившейся в камере Бутырской тюрьмы, явилась польская «Варшавянка». «Русские полюбили наши песни, которые мы пели»[97],— вспоминал впоследствии присутствовавший при рождении новой песни К. Петкевич.

О создании и боевом крещении русской «Варшавянки» рассказал Г. М. Кржижановский. «Напев песни был очень красив, но мы, русские революционеры, не могли петь, так как не знали польского языка, и я задумал создать русскую «Варшавянку». Подстрочный перевод с польского языка сделали мне польские товарищи... Вскоре я закончил текст «Варшавянки», и все выучили наизусть. Настал день отправки в Сибирь. Мы поставили к двери камеры Абрамовича, обладающего необычайной физической силой, стали вокруг и запели «Вихри враждебные веют над нами»... Звуки могучей песни огласили здание Бутырской тюрьмы. Надзиратели бросились к нашей камере, пытались открыть дверь, но не смогли сломить железную силу нашего стража Абрамовича. Они приступили к распределению нас для немедленной отправки в Сибирь»[98].

Эта пролетарская боевая песня твердо вошла в боевой арсенал русских революционных рабочих.

Среди русских и польских революционеров царили взаимная поддержка и солидарность. Так, в декабре 1896 г. в Бутырках поляки завели общую кассу. В специальной книжке были записаны номера квитанций, по которым были приняты деньги в общую кассу. В списке сдавших деньги числятся Абрамович, Петкевич, Сломиньский, Петрашек, Чекальский, Влостовский, Строжецкий, Проминьский и др.[99] С 20 февраля 1897 г. список лиц, внесших деньги в общую кассу, пополнился Запорожцем, Ванеевым, Кржижановским, Старковым, Лепешинским, Цедербаумом (Мартовым), Федосеевым и др. Собираясь в далекую Сибирь, ссыльные на средства из общей кассы оплачивали бумагу, письменные принадлежности, телеграммы, покупали ботинки,

[95] «Robotnik», 5.VIII 1925.
[96] «Robotnik», 3.VIII 1925.
[97] «Robotnik», 7.VIII 1925.
[98] *Г. М. Кржижановский.* Песни борьбы. «Советская музыка», 1955, № 12, стр. 3—4. По воспоминаниям К. Петкевича, подстрочный перевод сделал М. Абрамович.
[99] ЦПА ИМЛ. Книжка с записями приема и расхода денег в Бутырской тюрьме.

плащи от дождя и другие вещи. В московских магазинах были закуплены компас, удочки. Копии счетов проводились через Абрамовича, и книжка заполнена, видимо, им самим.

Наконец наступил день отправки в Сибирь. Ехали до Красноярска 10 дней. В Красноярске прибывших встречал приехавший раньше В. И. Ленин.

В Красноярской пересыльной тюрьме большая часть тех, кто сидел в «Часовой башне» в Москве, опять оказались вместе, а затем были разосланы в разные уголки огромной Сибири. «Находившиеся в Красноярске политические ссыльные,— вспоминал К. Петкевич,— посещали нас с подарками, новостями и (тайно) газетами. Посещали нас Ленин, Красиков...» [100]

Местом ссылки В. И. Ленину было назначено глухое отдаленное село Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии, более чем на 600 верст удаленное от железной дороги. Туда же был направлен Ян Проминьский. Кржижановский и Старков были направлены в село Тесинское, Федосеев — в Верхоленск, С. Кулик — в Бею, Мартов и Петрашек — в Туруханск, больного туберкулезом Ванеева оставили под Енисейском, Ян Строжецкий попал в Среднеколымск, Бронислав Весоловский и Теофиль Влостовский — в Иркутск и т. д.

Одной из самых деятельных групп сосланных в Сибирь была группа, состоявшая из участников Петербургского «Союза борьбы».

В суровых условиях сибирской ссылки невозможно было прожить без товарищеской помощи и поддержки. Жили дружно. В. И. Ленину, как ссыльному, было установлено пособие в размере 8 рублей в месяц, на которые он главным образом и жил. В еще более тяжелых условиях была большая семья Проминьских. В. И. Ленин и Н. К. Крупская помогали, с большим вниманием и дружбой относились к Проминьским и особенно к их детям. Н. К. Крупская вспоминала: «Проминский был спокойным, уравновешенным и очень твердым человеком. Он мало читал и немного знал, но обладал замечательно ярко выраженным классовым инстинктом... Он очень хорошо пел польские революционные песни «Ludu roboczy, poznaj swoje siły», «Pierwszy Maj» и целый ряд других. Дети подпевали, присоединялся к хору и Владимир Ильич, очень охотно и много певший в Сибири. Пел Проминский и русские революционные песни, которым учил его Владимир Ильич» [101]. В. И. Ленина и Н. К. Крупскую связывали с большой семьей Проминьского узы сердечной дружбы и заботы, которые проявлялись на каждом шагу. «...детям Проминского нечего читать,— писал Ленин к матери.— Я даже думал такую вещь сделать: выписать себе «Ниву». Для ребят Проминьского это было бы очень весело (картинки еженедельно)...» [102] С Проминьским В. И. Ленин проводил свободные от работы часы: «Как только вывернется хороший осенний денек... так я беру ружье и отправляюсь бродить по лесу и по полям. Ходим большей частью вместе с Проминским» [103].

В. И. Ленина искренне беспокоила судьба Проминьского, поскольку семья кое-как перебивалась на мизерные средства, выдававшиеся администрацией. «Проминскому, однако, по неизвестным причинам,— сообщает В. И. Ленин матери в феврале 1898 г.,— убавили пособие с 31 р. в месяц (у него пятеро детей) до 21,— на такую сумму семерым в Шуше

[100] «Robotnik», 13.VIII 1925.
[101] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине. М., 1972, стр. 28.
[102] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 80.
[103] Там же, стр. 54.

никак не прожить, а шляпное мастерство (его профессия) здесь не пойдет»[104].

В октябре 1899 г. у Проминьского кончался срок ссылки. Однако расходы, связанные с выездом семьи на родину, были непосильны. В. И. Ленин решил добиться для Проминьского возможности выезда в Польшу за казенный счет. Проминьский был малограмотным, и В. И. Ленин составил и написал своей рукой прошение. «Будучи сослан в Восточную Сибирь на три года,— пишет В. И. Ленин от имени Проминьского,— я решил взять с собой так далеко семью (состоящую из жены и шестеро детей) лишь ввиду того, что правительство доставляет на казенный счет семью ссыльного и на место и обратно на родину по окончании ссылки»[105].

Далее В. И. Ленин заканчивает прошение просьбой обеспечить возвращение семьи в Польшу за казенный счет. В конце аккуратно составленной бумаги стоит еле-еле выведенная подпись плохо владевшего пером Проминьского[106].

Заботу о своих польских товарищах проявляли и другие петербуржцы. Вот письмо А. М. Старковой, посланное Старкову в декабре 1899 г.: «Зиночка[107] пишет, что недавно они получили письмо от Чекальского и Проминского. Чекальский устроился, а Проминский остался без места и просит Глеба[108] его устроить»[109]. Вскоре из письма Виктора Курнатовского, сосланного в то же время в село Ермолинское, узнаём: «Чекальский и Проминский устроились в Боготоле на железной дороге»[110].

Годы ссылки характеризуются напряженной деятельностью В. И. Ленина по подготовке к созданию пролетарской партии нового типа, разработке основ партийной программы, его борьбой против российского и международного ревизионизма. В дружной семье минусинских ссыльных социал-демократов царила обстановка напряженного труда, теоретической работы, учебы, разработки теории и практики революционного движения. По прибытии в ссылку В. И. Ленин сразу же взял в свои руки всестороннюю подготовку марксистов, сосланных в Сибирь, к роли руководителей пролетариата в будущих боях. Он постарался, чтобы его товарищи по борьбе всемерно использовали изгнание для повышения своих теоретических знаний, для учебы и работы[111].

В ссылку В. И. Ленину приходило множество русской и иностранной литературы: «Русское богатство», «Вестник финансов», «Новое слово» и др., а также немецкие газеты и журналы—«Нойе цайт», «Франкфуртер цайтунг» и др. Все это давало возможность В. И. Ленину быть в курсе событий, следить за успехами рабочего движения. К обсуждению различных вопросов и проблем В. И. Ленин широко привлекал своих товарищей. К этой теоретической учебе были привлечены и польские товарищи.

В. И. Ленин, всегда проявлявший интерес к тому, чем занимаются, что читают товарищи, посылает С. Кулику литературу, которая помогла

[104] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 76.
[105] «Правда», 23 марта 1960.
[106] О последующих дружеских связях В. И. Ленина и Н. К. Крупской с семьей Проминьских см.: «Огонек», 1924, № 34, стр. 2; «Правда», 18 и 19 апреля 1969 г.
[107] З. П. Невзорова.
[108] Г. М. Кржижановский.
[109] «Товарищи в борьбе». Красноярск, 1965, стр. 218.
[110] Там же, стр. 223.
[111] *R. Jermołajewa.* Lenin i rewolucjoniści polscy na zesłaniu syberyjskim. «Z Pola Walki», 1968, N 2.

бы молодому польскому социал-демократу лучше разобраться в вопросах политической борьбы. «Посылаю Вам при этом 3-ю книгу «Нового слова» и два номера «Neue Zeit», которые прислал для Вас Владимир Ильич Ульянов»,— писала С. Кулику А. М. Старкова в письме от 25 января 1899 г. [112]

Товарищи и соратники В. И. Ленина старались всячески втянуть и польских ссыльных социал-демократов в идейную борьбу с противниками. Характерно в этом отношении письмо В. Старкова к С. Кулику от 18 февраля 1899 года: «Получили ли Каутского? Вы с ним, по всей вероятности, не согласитесь. Интересно было бы услышать Ваше мнение. P. S.,— продолжает письмо В. Старков,— сейчас только получил письмо от В. И. Ульянова. Он пишет, что ему нужна статья Каутского (которая у Вас), так как он собирается писать рецензию на книгу «Luxemburg». Вышлите ему, пожалуйста, с первой почтой. Если Вы ее не прочитали, он пришлет Вам ее вновь» [113].

С. Кулику посылаются не только статьи немецких социал-демократов. Друзья В. И. Ленина знакомят его с одной из лучших марксистских работ Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». «Будьте добры,— писала по этому поводу А. Старкова Кулику 30 августа 1899 г.,— пришлите поскорее мою книгу Бельтова-Волгина. Мне ее очень нужно, и Вы, пожалуйста, пришлите ее с первой почтой» [114]. Русские товарищи старались помочь своим польским друзьям овладеть не только политическими знаниями, но научить их грамоте, о чем свидетельствует письмо М. Л. Стояновского к С. Кулику: «Получили ли Вы посылку с Некрасовым? Зинаида Павловна просила Вас не пускать книгу в чтение [115], а после прочтения возвратить, так как Чекальский учит стихотворения по ней (она занимается с Ковал[евским] и Чекальским)» [116].

Известно также, что Чекальский был в большой дружбе «с поднадзорным Ванеевым» [117].

Период пребывания В. И. Ленина и его друзей в ссылке совпал с идейной борьбой против ревизионизма и оппортунизма в международном рабочем движении. Поэтому В. И. Ленин в первую очередь обращает внимание своих друзей на пагубную роль идей Бернштейна и его последователей. В. И. Ленин стремится, чтобы ссыльные социал-демократы были в курсе этих тревожных событий. Он рекомендует им прочесть работы, направленные против Бернштейна. Не случайно В. Старков обращает внимание С. Кулика на материалы Штутгартского съезда немецкой социал-демократии 1898 г., где Роза Люксембург поставила вопрос о недопустимости ревизионизма, где Бернштейн и его последователи подверглись резкой критике. «Знаете ли об интересных дебатах на Штутгартском партейтаге немецких социал-демократов? — спрашивает в письме от 4 декабря 1898 г. В. Старков С. Кулика.— Там, видимо, начинается новая эра...» [118]

[112] «Товарищи в борьбе», стр. 188.
[113] Там же, стр. 194. Скорее всего речь идет о докторской работе Р. Люксембург «Промышленное развитие Польши», которая в 1898 г. вышла на немецком языке, а в 1899 г. в Петербурге был напечатан ее перевод на русский язык.
[114] «Товарищи в борьбе», стр. 205.
[115] Среди ссыльных было правило: после прочтения новой литературы пересылать ее следующему.
[116] ЦГАОР СССР, ф. 1167, оп. 3, д. 2384, л. 10.
[117] ГА Красноярского края, ф. 595, оп. 67, д. 13, л. 26.
[118] «Товарищи в борьбе», стр. 184.

К этому времени и внутри российской социал-демократии сложилась оппортунистическая ревизионистская группа экономистов, выступавшая с поддержкой идей Бернштейна.

Летом 1899 г. В. И. Ленин, находясь в Шушенском, получил «Манифест» экономистов — «Credo», в котором излагались основы экономизма, а затем и книгу Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». В ней автор ревизовал теорию Маркса и заявлял о том, что якобы и большая часть действующих в России социал-демократов присоединилась к его точке зрения. Подвергнув резкой критике программный документ экономистов, В. И. Ленин написал «Протест российских социал-демократов», в котором призывал объявить решительную борьбу защитникам Бернштейна и встать на защиту революционного марксизма. Этот документ был обсужден и подписан на собрании ссыльных социал-демократов Минусинского округа.

Польские социал-демократы не остались в стороне и высказали свое отношение к оппортунизму экономистов, тесно смыкавшемуся с ревизионизмом Бернштейна. Польские социал-демократы — Проминьский, Чекальский и Ковалевский, не присутствовавшие на общем собрании ссыльных, присоединились к «Протесту», написанному В. И. Лениным [119]. Среди ссыльных, находившихся в Вятской губернии, протест против «Credo» подписал бывший руководитель польского студенческого кружка в Московском университете Вацлав Воровский [120].

В. И. Ленин был вдохновителем этой борьбы, к нему сходились все нити, к нему стремились товарищи по борьбе, чтобы получить совет, узнать политические новости. Несмотря на большую отдаленность друг от друга и трудности передвижения, В. И. Ленин и его друзья находили возможность собраться, обсудить важнейшие события. Осенью 1897 г. Ленину удалось вырваться на два дня в Минусинск. Этой поездкой он постарался воспользоваться для встреч с проживавшими там ссыльными. Ведь из года в год в Сибирь прибывали разные поколения революционеров. Из польских революционеров в Сибири были и участники восстания 1863 г. и члены партии «Пролетариат». Во время поездки в Минусинск В. И. Ленин познакомился с варшавским рабочим, членом первых варшавских кружков, участником восстания 1863 г. Мацеем Блажеевским. 12 октября 1897 г. В. И. Ленин писал матери: «В Минусинске я пробыл только два дня... Политиков теперь в Минусинске довольно много: ...Блажеевский (польский рабочий)... Кон Ф. Я. (поляк-интеллигент; отбыл каторгу)... Повидал их почти всех» [121].

Весной 1898 г., когда Н. К. Крупская направлялась со своей матерью к Ленину в ссылку, она посетила в Минусинске Кона. В своих воспоминаниях она писала: «Заходила к Ф. Я. Кону, польскому товарищу, осужденному в 1885 г. на каторгу по делу «Пролетариат», много перенесшему в тюрьме и ссылке; он был для меня окружен ореолом старого, непримиримого революционера,— ужасно мне понравился» [122].

О. Б. Лепешинская в одном из писем сообщает: «Сегодня у меня были гости: Окулова, Шаповалов (из Теси) и Чекальский (из Минусинска). Все без разрешения, а главное Чекальский, ведь Курагинское от Минусинска в 65-ти верстах. Все собираются в Шушенское к Ульянову...» [123] Встречаться приходилось редко, зато переписка велась са-

[119] *А. Шаповалов.* В сибирской ссылке. «Воспоминания о Ленине», т. I. М., 1956, стр. 184.
[120] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. I, стр. 293.
[121] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 55.
[122] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине, стр. 27.
[123] «Товарищи в борьбе», стр. 177—178.

мая активная. С. Кулик являлся как бы связным между русскими социал-демократами, ибо в письмах к нему постоянно звучали слова: «Многоуважаемый С. К., пользуюсь Вашим адресом и посылаю на Вас для передачи В. В.[124] письмо и газеты»[125].

Литература доходила и до других польских товарищей. Так, находившийся вдали от других Т. Влостовский писал Кулику: «Читаю много книг и газет..., как польских, так и русских»[126]. Судя по его письмам к Кулику, Т. Влостовский переписывался с Кржижановским и Старковым[127].

Узы большой дружбы соединяли Н. Е. Федосеева, отбывавшего ссылку в Верхоянске, и Я. Строжецкого, находившегося в Среднеколымске. Они, будучи вдалеке друг от друга, вели оживленную переписку. Строжецкий был глубоко взволнован той травлей и обстановкой, которая сложилась вокруг Федосеева, и старался морально поддержать товарища. «Недавно выслал Вам два письма,— писал Строжецкий Федосееву 1 мая 1898 г.,— из которых узнаете о нашем житье-бытье. Теперь посылаю Вам группу «колымчан» и др. карточки для Вас... Да, правда, Вы писали Факиру[128], что болеете, чувствуете себя нехорошо. Это неблагородно с Вашей стороны, милый «декадентик»,— шутит Строжецкий.— Бросьте все это и исправьтесь в будущем, а то как же так? Нехорошо-с, молодой человек. Минин[129] и Фабр[130] писали, а теперь я им отвечаю. Вот славная компания — петербуржцы! С каким удовольствием я потолковал бы с Вами!» К сожалению, письмо Строжецкого не дошло до Федосеева. На конверте возвратившегося письма была надпись: «За смертью адресата возвращается обратно в Якутск»[131].

В Среднеколымске в колонии ссыльных сложилась дружная группа, состоящая из поляков Я. Строжецкого и Л. Яновича, стоявших на левых социалистических позициях, и русских революционеров: социал-демократа Григория Гуковского, а также сосланных за принадлежность к партии «Народная Воля» В. Г. Богораза (в будущем известный советский ученый), супругов Ергиных, матроса Калашникова и др.

Письма Я. Строжецкого из ссылки являются ценным источником для изучения ссылки. Они освещают интересные детали из жизни известных русских революционеров — Федосеева, Мельникова, Богораза, Гуковского, Ергина и многих других. Например, в письме к жене от 27 декабря 1897 г. из Среднеколымска Строжецкий рассказывает о научных изысканиях Богораза в области быта чукчей, чукотской грамматики, о создании им чукотского словаря и т. д.[132] 13 июня 1898 г. он сообщает подробности смерти и похорон Гуковского, о возложении на его могилу венка с надписью: «Товарищу, бойцу на вечную память». В письме Строжецкий с прискорбием сообщает об утратах, которые они понесли, схоронив Федосеева в Верхоянске и Гуковского в Среднеколымске.

Период пребывания в Сибири для русских и польских революционеров не был временем томительного и гнетущего бездействия. Богораз, Гуковский, Кон, Янович, Строжецкий и многие другие серьезно занимались, изучая быт местного населения, проблемы развития Сибири, исто-

[124] В. В.— Виктор Курнатовский.
[125] ЦГАОР СССР, ф. 1167, оп. 3, д. 2362, л. 1.
[126] Там же, д. 3199, л. 2.
[127] Там же, д. 3185.
[128] К. Петкевич.
[129] А. Ванеев.
[130] Ю. Мартов.
[131] ЦПА ИМЛ, ф. 156. Необработанные документы.
[132] CA KC PZPR, 301/2, k. 46, 120, 121 i in.

рию ее народов. Так, Ф. Кон пишет ряд работ о перспективах развития земледелия в Якутской области, производит подворную перепись в Хатын-Арыпском скопческом селении и в Никольской поселенческой слободке Намского улуса. В это же время он пробует свои силы в создании беллетристических очерков из жизни ссыльных. Много Ф. Кон сделал в области антропологических и этнографических исследований [133].

В 1902—1904 гг. устанавливается интересная переписка между Я. Строжецким и выдающимся русским ученым, академиком Д. Н. Анучиным о проведении Строжецким антрополого-этнографических и археолого-географических исследований Сибири, о собирании коллекций для Антропологического музея при Московском университете, о проведении фонографических записей былин, песен, религиозных обрядов среди народов Чукотки. В своих письмах Д. Н. Анучин благодарит Я. Строжецкого за присылку им фотографий и других материалов и желает употребить «пребывание Ваше в этих отдаленных краях с наибольшей полнотою для науки» [134].

Добрые отношения, установившиеся между русскими и польскими революционерами, не порывались и после возвращения на родину. Так, в 1898 г. Богораз по окончании ссылки вернулся в Петербург, но сохранил связи со своими товарищами по изгнанию. В 1899 г. он посылает в Якутск на имя Л. Яновича свою брошюру «Краткий отчет об исследовании Чукче-Колымского края», в которую был вложен «Манифест Российской социал-демократической партии», принятый на I съезде РСДРП в Минске [135]. Судя по тому, что этот документ находится в жандармских делах, вряд ли он дошел до Яновича.

Среди политических ссыльных возникали часто горячие споры, в результате которых выявлялись или друзья, близкие по духу и пониманию, или враги. Поляки часто пытались найти единомышленников среди русских ссыльных. Характерен в данном случае ряд писем польских социал-демократов и членов ППС. Для тех и других краеугольным камнем был национальный вопрос, связанный с образованием самостоятельного польского государства. «Вместе с Леоном (Фальским.— *Р. Е.*)...— пишет Б. Весоловский,— мы выступали публично о наших позициях, успех на нашей стороне. Все встреченные русские стоят на тех же самых позициях в нашем вопросе, что и мы..., наш верх по всем линиям!» [136]

Интересны размышления Я. Строжецкого, представителя левых элементов ППС, по тому же вопросу. Он вступил в дискуссию с кем-то из русских, безусловно, не из социал-демократов. В письме к Ергиным он пишет: «Со мной был программный спор, и я после этого разговора почувствовал самую крайнюю необходимость подчеркивать по возможности резче требования независимости Польши». Разоблачая своего собеседника, Строжецкий делает выводы о необходимости борьбы за независимость Польши, но аргументирует не обычными пепеэсовскими доводами. «Его интересует федерация,— пишет далее Строжецкий о своем собеседнике.— Если бы это понятие предоставляло равные права обеим сторонам, если бы оно было результатом добровольного согласия, кто же стал бы спорить. Но у него не то на уме. Финляндия должна войти в российскую федерацию (а почему не шведскую?). Польша должна войти в состав конституционной России, хотя бы тяготела, на-

[133] «Энциклопедический словарь Гранат», т. 41, ч. 1, стр. 206.
[134] ЦПА ИМЛ. Письмо Д. Н. Анучина Я. Строжецкому.
[135] ГА Иркутской обл., ф. 25, оп. 1, д. 951, л. 1.
[136] ЦГАОР СССР, ф. 1167, оп. 3, д. 3202, л. 1.

пример, к Австрии. Тут сразу обнаруживается принуждение. Но когда я ему указал, получил великолепный ответ: «Мы (!!) предоставляем полякам право высказаться, но... и т. д.» Это значит вроде величайшего одолжения»[137].

Таким образом, несмотря на оторванность польских ссыльных от политической жизни своей страны, разбросанность по отдаленным уголкам Сибири, они продолжали работать, мыслить, спорить, находя в русских революционерах своих друзей и соратников в будущей борьбе.

Взаимная поддержка, крепкая дружба, человеческая заинтересованность в судьбах друг друга и повседневный целеустремленный труд помогали переживать трудные годы изгнания. Когда попадала в руки русская литература, ею старались сразу поделиться. «Посылаю Вам,— писал Л. Янович Я. Строжецкому 10 июля 1898 г.,— «Русские ведомости» за январь 1898 г. и «Одесский листок» за февраль 1898 г. ... Прилагаю также два номера «Самарского вестника»»[138]. В других письмах сообщалось, что он получил из Иркутска «Глос», несколько номеров «Тыгодника илюстрованого» и др. и посылал Строжецкому «Пшеглёнд тыгоднёвый», «Пшеглёнд филозофичный» и «Сибирский листок».

В одном из писем к Строжецкому ссыльный поляк из Верхней Мишихи делился последними новостями: «Кроме книг, которые я взял с собой, имею еще много хороших, взятых в долг, полученных от иркутских русских товарищей; обещано выслать нам «Русские ведомости» и ежемесячник «Русское слово» (имею «Neue Zeit», но номера не по порядку)... Собираюсь переводить Энгельса Анти-Дюринг»[139].

Центром культурной жизни колонии ссыльных в Нижнеколымске была библиотека. Она помещалась в избе, которую купил Л. Янович за 50 руб. и подарил ее колымчанам под библиотеку. В ней собирались ссыльные, когда приходила почта, здесь же устраивались собрания[140]. Янович заведовал библиотекой и заботился о ее пополнении.

Л. Янович в 1899 г.[141] начинает работать над «Очерками промышленного развития в Королевстве Польском». Для своей работы он привлекает массу литературы, в том числе труд В. И. Ленина (В. Ильина) «Развитие капитализма в России». Подходя к изложению вопроса о рынках, Л. Янович полностью соглашается с выводами В. И. Ленина о зависимости между ростом капиталистического рынка и разорением натурального хозяйства, продажей крестьянином за бесценок своей рабочей силы[142]. В 1898 г. он сделал попытку составить статистику политических ссыльных по рубрикам: фамилия, год рождения, место рождения, место жительства, по какому делу сослан, вероисповедание, родной язык. В его списках находятся имена В. И. Ульянова, всех его товарищей по Петербургу и других русских и польских революционеров[143]. Продолжительное пребывание в Шлиссельбургской крепости и в ссылке подорвало здоровье Яновича, но он по-прежнему много работал. Даже будучи тяжелобольным, он проявлял искреннее беспокойство о своих русских товарищах. В одном из писем к Строжецкому он писал: «Гуковский очень измучен и физически и морально, ему очень требуется отдых»[144].

[137] ЦПА ИМЛ. Письмо Я. Строжецкого после мая 1902 г.
[138] ЦПА ИМЛ.
[139] ЦПА ИМЛ. Письмо от 3 ноября 1897 г.
[140] ЦПА ИМЛ. Воспоминания Л. В. Ергиной.
[141] «Dzieje Najnowsze», t. I, N 1, 1947, str. 131.
[142] *L. Janowicz.* Zarys rozwoju przemysłu w Królestwie Polskim. Kr.— W., 1907, str. 39.
[143] ЦПА ИМЛ. Список ссыльных, составленный Л. Яновичем.
[144] ЦПА ИМЛ. Письмо Л. Яновича от 5 (17) июля 1898 г.

Летом 1900 г. всю колонию колымчан всколыхнул произвол, допущенный земским заседателем Ивановым. По его приказанию, из-за незначительного конфликта был жестоко избит ссыльный моряк Калашников. Калашников застрелился. А. А. Ергин отомстил за товарища и застрелил колымского заседателя Иванова. В 1902 г. над Ергиным в Якутске состоялся суд. Л. Янович, бывший свидетелем событий, выступил на суде с речью, в которой нарисовал тяжелейшие условия колымской ссылки. «Но говорить он не мог,— вспоминает один из его русских друзей-ссыльных,— так как рыдания сдавили горло»[145]. Нервы были настолько расшатаны, что в мае там же, в Якутске, Л. Янович застрелился. Перед смертью Янович послал письма супругам Ергиным и якутским товарищам. В последнем письме он произнес пророческое пожелание: «Ну, прощайте, товарищи! Желаю вам от всей души увидеть красное знамя, развевающееся над Зимним дворцом!»[146]

Янович был высокообразованным и преданным революционером. Будучи в ссылке, он, видимо, не без влияния Я. Строжецкого примкнул к ППС. Однако они оба представляли собой левое течение в партии, которое ориентировалось на русское революционное движение. Их обоих возмущал шовинистический тон «Пшедсвита» и «Роботника» — печатных органов ППС[147]. Они видели существующие разногласия между националистическим заграничным руководством партии и левыми элементами в стране. Характерна для них та мысль, которую проводит Я. Строжецкий, вспоминая позже о Яновиче: «Янович огромную роль придавал движению в России, тесно связывая с возможностью национального восстания в Польше. Единственный выход для нас он видел в солидарности с российским движением, в борьбе за общероссийскую конституцию со специальными гарантиями свобод для Польши. Он упрекал ППС,— пишет далее Я. Строжецкий,— что она недооценивает условий, существовавших в России. Польский пролетариат должен идти рука об руку с русским пролетариатом и в этом не должно быть никаких колебаний»[148]. Безусловно, этот документ свидетельствовал о том, что в ППС находились левые элементы, к числу которых принадлежали Л. Янович и Я. Строжецкий, и именно эти элементы впоследствии, приобретая все большее влияние в стране, привели в период революции 1905—1907 гг. к расколу ППС и образованию новой партии — ППС-левицы.

У русских революционеров-ссыльных о Яновиче остались самые наилучшие воспоминания. В 1907 г. в журнале «Напшуд» были опубликованы воспоминания о Л. Яновиче М. С. Ольминского[149] и Л. В. Ергиной[150]. Ею же были помещены воспоминания о Яновиче в журнале «Былое»[151].

В 1904 г. произошел знаменитый якутский протест политических ссыльных. Он привлек внимание не только в России, но и за границей. Этот протест вошел в историю под названием «Дело романовцев». Группа политических ссыльных во главе с В. К. Курнатовским, А. А. Ко-

[145] «Шлиссельбуржец Л. Ф. Янович». СПб., 1907, стр. XXV.
[146] ЦПА ИМЛ. Письмо Л. Яновича от 16 мая 1902 г.
[147] О левых тенденциях среди издателей «Роботника» см.: *J. Kancewicz.* U początków PPS. «Robotnik» — centralny organ partii. 1894—1896. «Z Pola Walki», 1967, N 4 (40).
[148] ЦПА ИМЛ. Воспоминания Я. Строжецкого о Л. Яновиче. «Kuźnia», 1914, str. 464.
[149] «Z Pola Walki», 1963, N 1—2 (21—22), стр. 33.
[150] «Naprzód», VIII 1907.
[151] «Былое», 1907, № 6.

стюшко-Валюжаничем и др. 18 февраля 1904 г. предъявила требования якутскому губернатору об улучшении условий существования политических ссыльных. Подписали протест 42 человека. Дело кончилось вооруженным столкновением между полицией и участниками протеста, забаррикадировавшимися в доме местного жителя Романова. В августе 1904 г. «романовцев» судили. Я. Строжецкому, бывшему в это время в Якутске (его пересылали в другое место), удалось устроить свидание с «романовцами». В письме к Л. В. Ергиной он пишет: «На свидании с романовцами я был 3 раза. Ходил к Ольге Виккер [152], повидал публики довольно много. После АА [153] заходил в больницу к Теплову [154], Торбос (углекоп из Домбровы) и Алексеенко [155] (сошел с ума). Как видите,— с грустью замечает Строжецкий,— «на воле» пришлось мне побывать недолго; все больше тянуло в тюрьму» [156]. Судя по письму Строжецкого, в общем вооруженном протесте против нечеловеческих условий политических ссыльных, произвола со стороны местных властей участвовали и польские революционеры. Весть о геройстве якутских ссыльных долетела за границу. На массовом собрании в Женеве членов Лиги русских социал-демократов, СДКПиЛ, ППС-«Пролетариата» и Бунда было принято приветствие якутским ссыльным [157].

Так в далекой тяжелой сибирской ссылке проявлялся интернационализм российских и польских революционеров в борьбе с царизмом.

Из воспоминаний, писем, фотографий, которые сохранились в архивах, следует, что между русскими и польскими революционными деятелями не только на воле, но и в сибирской ссылке завязывались дружеские отношения, основанные на чувствах глубокой солидарности, товарищества и, безусловно, политической близости. Обсуждая вопросы, где и когда проходили демонстрации, при каких обстоятельствах произошли аресты, осталась ли на местах надежная смена, польские и российские революционеры многое узнавали о польском и русском революционном движении, многому научились друг у друга. Характерно, что члены ППС, стоявшие на левых позициях (Янович, Строжецкий, Цёнглиньский и др.), находили себе друзей не только среди членов ППС или «Народной Воли», но и среди русских социал-демократов, и убеждались, что свобода Польши находится в тесной зависимости от революционного движения рабочего класса России.

5. РСДРП, ленинская «Искра» и польское рабочее движение 1900—1903 гг.

Конец 90-х годов и начало 1900 года характеризуется стихийностью и кустарничеством в рабочем движении России. Идейный разброд, шатания и организационная раздробленность определяли внутреннюю жизнь разрозненных социал-демократических организаций. Следовало добиться тесного идейного сплочения революционных сил российского пролетариата, создать ясный план объединения разрозненных социал-

[152] О. Б. Виккер-Ковенок в 1896 г. работала в Гродно в организации ППС. В 1902—1903 гг. работала под кличкой «Лида» в Кишиневе и Одессе в организации РСДРП. Добровольно последовала за мужем в Якутск и здесь в 1904 г. была арестована по романовскому делу. Суд приговорил ее к 12 годам каторги.

[153] А. А. Ергин сидел в тюрьме в Якутске за убийство земского заседателя Иванова.

[154] П. Теплов — один из подписавших якутский протест.

[155] Торбос и Алексеенко, видимо, участники протеста.

[156] ЦПА ИМЛ. Письмо Я. Строжецкого к Л. В. Ергиной от 1 августа 1904 г.

[157] «Искра», № 68, 1904 г.

демократических организаций в централизованную марксистскую партию. Такой план разработал В. И. Ленин, завершив идейный разгром народничества, возглавив борьбу против экономизма, струвизма и бернштейнианства. Он подготовил идейно-теоретические предпосылки создания пролетарской партии России.

По плану В. И. Ленина, должна была быть создана общероссийская рабочая политическая газета, которой предстояло стать решающим звеном в строительстве новой партии. На ее страницах будет дана разработка научных основ программы и тактики партии и нанесен идейный разгром противникам революционного марксизма. Рабочая газета станет организатором сил революции, средством объединения местных организаций в единую централизованную марксистскую партию. Такую борьбу за партию нового типа повела ленинская общероссийская газета «Искра».

Чтобы осуществить грандиозный план, русским марксистам предстояла задача объединить воедино революционные силы пролетариата всех населявших Российскую империю национальностей. Так в период подготовки «Искры» возник вопрос об отношении к различным политическим партиям, борющимся за влияние на польский пролетариат.

В начале августа 1900 г. в Бельриве (близ Женевы) состоялось совещание В. И. Ленина с Г. В. Плехановым, А. Н. Потресовым, В. И. Засулич, Н. Э. Бауманом и Ю. М. Стекловым. Состоялся обмен мнениями о положении в польском рабочем движении. Вспоминавший позже об этом эпизоде Ю. М. Стеклов рассказывает, что «Плеханов и Ленин одинаково решительно высказывались против Польской социалистической партии»[158].

Проявляя заботу о польских социал-демократах и освещении их деятельности на страницах «Искры», Плеханов тогда же писал В. И. Ленину: «...нам все-таки надо быть очень осторожными в польских делах. Поляки (PPS) могут очень навредить нам в международных отношениях»[159]. А польские социал-демократы, по его мнению, были еще слабы. Совершенно естественно, что союзником «Искры» не могла быть националистическая ППС. Ближайшим ее союзником стала польская социал-демократия. В этот период В. И. Ленин особенно настойчиво подчеркивал необходимость полного и окончательного разрыва революционных марксистов с оппортунизмом. Поэтому с первых же номеров «Искра» взяла курс на полный разгром экономистов, бернштейнианства и других видов оппортунизма. Разоблачение бернштейнианства в международном рабочем движении было одной из главных задач, и «Искра» во главе с В. И. Лениным стала решительным и последовательным борцом против ревизионизма. В данном вопросе искровцы имели все основания рассчитывать на помощь польской социал-демократии. В польском рабочем движении против Бернштейна и его сторонников выступала Роза Люксембург, которая вела бескомпромиссную борьбу против ревизии учения Маркса. В полемике с Бернштейном Р. Люксембург подчеркивала, что «речь идет не о том или ином методе борьбы, не о той или иной тактике, а о самом существовании социал-демократического движения»[160]. Таким образом, искровцы в лице руководителей СДКПиЛ имели сильных союзников в борьбе против оппортунизма в международном и российском рабочем движении.

[158] «Пролетарская революция», 1923, № 5 (17), стр. 224.
[159] «Ленинский сборник», III, стр. 75.
[160] *Р. Люксембург.* Избранные сочинения, т. I. Против ревизионизма, ч. I. М.—Л., 1928, стр. 43.

Общность взглядов ведет к совместной борьбе. Несомненно, что редакцию «Искры» беспокоила мысль, как ознакомить будущего читателя общероссийской рабочей газеты с близким по духу польским рабочим движением. Для этого нужно было договориться о возможном привлечении к литературному сотрудничеству в «Искре» польских социал-демократов и о сборе корреспонденций по польским делам. Сохранились документы о переговорах организаторов «Искры» с руководителями СДКПиЛ [161]. Еще до выхода «Искры», когда обсуждались вопросы о выборе ответственного редактора, транспортировке газеты в Россию, сборе корреспонденции и т. д., Ю. М. Стеклов в октябре 1900 г. сообщал в письме к В. И. Ленину, что условился с членом Главного правления «...насчет адресов, сношений и корреспонденций по польским делам в Вашу газету...» [162]. Речь, видимо, идет о С. Трусевиче (К. Залевском), бывшем в то время в Париже, члене Главного правления СДКПиЛ. Материалы о Польше помещались в «Искре» уже с первого номера [163].

Основную роль по связи польских социал-демократов с «Искрой» в начальный ее период сыграла представитель СДКПиЛ в Международном социалистическом бюро Цезарина Войнаровская. Это видно из писем К. Залевского, которые он направлял Ц. Войнаровской в Париж. Так, сообщения в «Искре» о демонстрациях в Сморгони Виленской губернии, напечатанные в № 14 «Искры», очень сходны с теми, которые Залевский излагал в своих письмах Войнаровской, а факты о первомайской демонстрации в Лодзи [164], описанные Залевским в одном из писем, буквально совпадают со сведениями, опубликованными затем в «Искре». Некоторые фразы переведены дословно. Сведения о демонстрации в Ковно несколько изменены и дополнены, а ряд отрывков из его писем дан в буквальном переводе с польского языка на русский. Исходя из этого можно предположить, что Ц. Войнаровская, получая письма со сведениями из Польши, составляла из них корреспонденции для «Искры». Анализируя другие письма Залевского, можно констатировать, что польские социал-демократы имели связи с русскими революционерами, обмениваясь корреспонденцией с Киевским комитетом РСДРП [165]. Отсутствие достаточных сведений не позволяет назвать других польских социал-демократов — корреспондентов «Искры», но они, видимо, были. Так, например, в фонде «Искры» лежит корреспонденция от 30 апреля (13 мая) 1901 г., написанная неизвестным, о майской демонстрации в Варшаве. В корреспонденции, часть которой помещена в № 5 «Искры», мы находим такие слова: «Трудно передать Вам то чувство, которое переживалось мной. Казалось, только стоило искру бросить в топку, как загорится пламя...» [166]

В 1900 г. В. И. Ленин в Мюнхене знакомится с Ю. Мархлевским, часто встречается с ним и получает от него помощь в организации издания «Искры» [167]. Вопрос о привлечении к участию в «Искре» и «Заре» Розы Люксембург ставился неоднократно. Еще в начале июня 1900 г. Р. Люксембург сообщает Я. Тышке о том, что приехал «какой-то посыльный от

[161] «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России 1900—1903 гг.», т. I. М., 1969, стр. 35.
[162] Там же.
[163] *А. Я. Манусевич.* Ленинская «Искра» и польское рабочее движение. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 37. М., 1963.
[164] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 19, л. 6—6 об.; «SDKPiL», t. I, cz. II, str. 167—169.
[165] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 19, л. 6—6 об.
[166] ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 1, д. 347.
[167] «В. И. Ленин. Биографическая хроника», т. I. М., 1970, стр. 267.

Плеханова и хочет меня с помощью К. Каутского привлечь к сотрудничеству в запланированном Плехановым русском антиберштейнианском журнале»[168]. Р. Люксембург предполагает, что этот журнал русские создали против экономистов, засевших в «Союзе русских социал-демократов за границей», «Рабочей мысли» Струве и т. д. Переговоры продолжались и позже. Это видно из письма В. И. Ленина к Аксельроду от 25 апреля 1901 г., где он пишет, что «обещана статья Люксембург...»[169]. Примерно к этому же времени, к маю 1901 г., относится посещение В. И. Лениным Розы Люксембург, прибывшей на пару дней в Мюнхен[170]. В письме к Г. В. Плеханову в июне 1902 г. В. И. Ленин подчеркивает, что «о Бельгии хорошо бы напечатать статью Розы Люксембург, если бы это можно было сделать скоро»[171]. Однако ни одной из предполагаемых статей Люксембург на страницах «Искры» и «Зари» мы не находим, хотя, судя по письмам, этого очень желали и Ленин, и Плеханов.

В. И. Ленин всячески приветствовал установление дружеских связей с СДКПиЛ. После выхода первых номеров «Искры» в мае 1901 г. он писал Вечеслову в Берлин о том, что искровцы всячески сочувствуют делу польских социал-демократов, «готовы популяризировать их фирму в наших изданиях и способствовать их сближению с Российской с.-д. партией»[172]. В апреле 1903 г. «Искра» публикует статью «Об организации и национальности» с припиской от редакции о том, что статья написана для «Искры» польским товарищем[173].

Руководство СДКПиЛ придавало большое значение связям с РСДРП. Редакция «Искры» регулярно посылала свои газеты и брошюры в экспедицию изданий СДКПиЛ, причем 10 экземпляров «Искры» высылались бесплатно. Полученные издания немедленно доставлялись в местные организации СДКПиЛ[174]. Регулярно получали и читали как «Искру», так и «Зарю» Люксембург, Тышка, Мархлевский и другие руководители СДКПиЛ. Так, в письме от 20 января 1902 г. Люксембург пишет Тышке: «„Искру“ посылаю тебе сразу же после получения»[175]. С большим вниманием она относилась к «Заре». В декабре 1901 г. Люксембург сообщала Тышке: «2-ой номер «Зари» вышел... Там много интересного»[176], а ознакомившись со следующими номерами, признает: «Чтение „Зари“ действует на меня очень возбуждающе и вызывает во мне массу разных мыслей относительно нашей работы, наших задач, планов на ближайшее будущее». Чтобы легче было разобраться, кто из авторов пишет статьи в «Заре», Люксембург сообщает псевдонимы: «Т. Х. и Ленин — это Ульянов, Мартов и Ignotus — это Цедербаум; Ст.— это Старовер или Потресов; Невзоров — это Нахамкес, а Ортодокс — этой — узнай?.. Люба Аксельрод!!!»[177]

С начала 1901 г. в Берлине возобновляются переговоры между представителем СДКПиЛ и искровцами о помощи, которую бы могли оказать польские товарищи в транспортировке «Искры». «Что касается транспорта через члена социал-демократии польской, то примите его предложение,— пишут В. И. Ленин и Н. К. Крупская из Мюнхена пред-

[168] *R. Luksemburg.* Listy do Leona Jogichesa-Tyszki, t. II, str. 82. Речь идет о журнале «Заря».
[169] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 100.
[170] «В. И. Ленин. Биографическая хроника», т. I, стр. 319.
[171] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 190.
[172] «Ленинский сборник», VIII, стр. 136—137.
[173] «Искра», № 37, 1 апреля 1903 г.
[174] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 183, лл. 1—2.
[175] *R. Luksemburg.* Listy do Leona Jogichesa-Tyszki, t. II, str. 168.
[176] Там же, стр. 126.
[177] Там же, стр. 158.

ставителю «Искры» в Берлине М. Г. Вечеслову (Юрьеву) 22 апреля 1901 г.,— и сделайте все от Вас зависящее, чтобы как можно скорее дать ему пуд или два литературы для опыта переправы»[178]. Возможно, именно этот транспорт имел в виду в своих воспоминаниях активный деятель СДКПиЛ Мариан Плохоцкий. «В конце мая,— рассказывал он,— мы получили известия о том, что на границу в Хербы (близ Ченстоховы.— *Р. Е.*) прибудет транспорт нашей литературы». В нем вместе с польской нелегальной литературой оказалось несколько книжек «Зари» и больше пуда «Искры» второго и третьего номера. Всю литературу Плохоцкий и его друзья перенесли малыми партиями к одному товарищу в Ченстохову. «За русской литературой,— продолжал Плохоцкий,— приехали студенты из Киева и Москвы и, кажется, из Петербурга... Кто уговаривался с РСДРП по поводу этого и других транспортов, не могу припомнить, думаю, что Залевский»[179].

Видимо, к этому времени в Варшаве был создан с помощью польских социал-демократов (возможно, только ими) перевалочный склад для нелегальной литературы, переправляемой в Россию, поскольку тогда же, в апреле 1901 г., после встречи с Залевским, Вечеслов сообщает В. И. Ленину адрес в Варшаве: Варшава, улица Пржемыслова, Ян Кржиковский, по которому русские агенты «Искры» могли бы посылать для редакции различные сведения и заявки на литературу[180]. В том же письме Вечеслов сообщил адрес заграничного представителя СДКПиЛ — Ц. Войнаровской. Русским агентам сообщила варшавский адрес Н. К. Крупская. 3 мая она писала: «Мы связали Вас с поляками, дали им адрес, наш заграничный ключ. Приготовьте человека, который бы мог поехать за литературой в Варшаву, или куда-нибудь в те места. Поляки напишут, куда и когда...»[181] Представители «Искры» сообщали В. И. Ленину и Н. К. Крупской, что транспорт через Варшаву налажен, да и из России сообщалось о получении газеты через Варшаву, куда был послан специальный связной[182].

Уже с конца 1901 г. искровцы смогли оказывать ответную помощь и польским товарищам, о чем свидетельствует письмо Н. К. Крупской одному из организаторов транспортировки «Искры» И. Б. Басовскому. Она писала ему о том, что «поляки хотят непременно, чтобы мы перевозили и их литературу»[183].

Летом 1901 г., когда Басовский ехал с большим грузом нелегальных изданий из Мюнхена в Россию, он, видимо, побывал в Кракове, захватив и польскую литературу, ибо Н. К. Крупская в письме от 22 августа 1901 г. спрашивала: «Что взяли с собой у поляков?»[184]

В конце 1902 г. Басовский передал руководство «австрийским путем» искровцу, поляку по происхождению, Мариану Гурскому, а сам поехал в Краков попытаться наладить транспортировку «Искры» с помощью польских социал-демократов. 15 февраля 1903 г. он пишет в редакцию: «Я еду в Краков, где рассчитываю наладить путь при посредстве польских социал-демократов»[185]. Но из этой попытки ничего не вышло. Несомненно, польские социал-демократы, имея большое желание оказать искровцам помощь, сумели переправить какую-то часть рабочей газеты,

[178] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 96.
[179] «Z Pola Walki», 1929, N 7—8, str. 262—263.
[180] *В. Н. Степанов.* В. И. Ленин и русская организация «Искры». М., 1969, стр. 47.
[181] «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра»», т. I, стр. 76.
[182] Там же, стр. 77.
[183] Там же, стр. 322.
[184] Там же, стр. 206.
[185] Там же, т. III, стр. 140.

но эта помощь имела скорее случайный, эпизодический характер. В тех же воспоминаниях Плохоцкого имеются сведения о связях, которые установили польские социал-демократы с киевской группой «Вперед». «Мне кажется,— пишет Плохоцкий,— что было решено наладить отношения с киевской группой «Вперед», как самой близкой нам территориально... Мы получали позднее довольно регулярно их газету и даже некоторую денежную помощь на организацию типографии. Летом мы им перевезли два транспорта «Искры» и «Зари»»[186].

Искровцы, очень нуждавшиеся в организации транспортировки «Искры» в Россию, особенно в самом начале своей деятельности, искали себе союзников и помощи не только у СДКПиЛ, но сочли возможным обратиться к содействию ППС. Так, в марте 1901 г. сестра В. И. Ленина М. И. Ульянова, находившаяся в то время в Париже, обратилась к известному деятелю ППС К. Келлес-Краузу с просьбой оказать помощь в доставке первого номера «Искры» в Россию. Видимо, речь шла об использовании транспортных путей, которыми пользовалась тогда ППС[187]. Однако этот вопрос не был решен ни тогда же, так как Келлес-Крауз рекомендовал издателям «Искры» обратиться в ЦРК ППС или в Заграничный комитет в Лондоне, ни позже. Сведений о том, что искровцы использовали когда-либо пути транспорта литературы ППС, нет. Больше того, уже в 1902 г., когда РСДРП имела свои обеспеченные пути транспортировки, а полемика между «Искрой» и ППС нарастала[188], искровцы уже не считали возможным какое-либо сотрудничество с ППС. Об этом свидетельствует письмо Н. К. Крупской к Л. Ф. Ленгнику в Киев, в котором она выражает недовольство попыткой одного из киевских социал-демократов попытаться организовать переправу «Искры» в Россию с помощью ППС[189].

Уже с первых номеров, т. е. с начала 1901 г., в «Искру» систематически поступает информация о рабочих выступлениях в Польше. По страницам «Искры» красной нитью проходит тема братской солидарности и союза русского и польского пролетариата. Так, в № 1 «Искры» публикуется прокламация «Ко всем рабочим и работницам России», посвященная защите варшавских рабочих, осужденных военным судом на смертную казнь; в № 2 редакция «Искры» поместила статью, клеймившую буржуазные приемы натравливания одного народа на другой, противопоставления русских рабочих польским, приемы, рассчитанные на ослабление совместной борьбы русского и польского пролетариата: «Идите к польским рабочим со словом братского союза и взаимного уважения,— обращалась «Искра» к рабочим России,— признайте справедливость затаенной в их груди горькой обиды, понесенной от варварского покорения; признайте за польским народом право искать себе свободы от всякого гнета; откажитесь от всякой солидарности с той Россией чиновников, попов и капиталистов, которая считает поляков «врагами отечества», и тогда вы найдете в польских товарищах братский отклик, тогда они пойдут рука об руку с вами в борьбе за рабочее дело»[190].

«Искра» постоянно знакомила своих читателей с той борьбой, которую вел польский рабочий класс под руководством СДКПиЛ. В № 3 «Искра» поместила сообщение о волнениях студентов в Петербурге, Мо-

[186] «Z Pola Walki», 1929, N 7—8, str. 262—263.
[187] CA KC PZPR. 305/VII/50. Podtecz. 4, vol. 442, k. 26—27.
[188] *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Ленин и польское рабочее движение. М., 1971, стр. 66.
[189] «Пролетарская революция», 1928, № 6—7, стр. 116.
[190] «Искра», № 2, февраль 1901.

скве, Харькове, Казани, Риге, Томске, а также в Ветеринарном институте в Варшаве[191]. В № 4 «Искра» помещает в разделе «Первое Мая в России» материал о праздновании дня пролетарской солидарности в Польше. Факты для этого раздела были заимствованы из марксистского теоретического журнала СДКПиЛ «Пшеглёнд роботничий» («Рабочее обозрение»), начавшего выходить в Цюрихе с сентября 1900 г. Редакторами журнала были Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, Я. Тышка и А. Варский. «Искра» цитирует призывы из статьи, специально посвященной революционным событиям в России: «В день Первого мая мы обязаны демонстрацией против царизма показать нашу солидарность с нашими братьями — русскими революционерами»[192]. Интересно, что на первомайскую листовку СДКПиЛ отозвались К. Каутский и А. Бебель в своих письмах, помещенных в № 4 «Пшеглёнда роботничего». Они обращают внимание на то, что совместная борьба польского и русского пролетариата в настоящее время представляет «самый большой международный интерес», что их общая борьба крепнет и становится значительной силой в Европе в общей «великой борьбе сознательных рабочих»[193].

В свою очередь и польская социал-демократическая печать стремилась ознакомить польских товарищей с русской революционной литературой, выходившей в России и направленной против буржуазного ревизионизма. В № 2—3 журнала помещается обзор вышедшей литературы, где указывается, что вышло новое издание «Манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса с предисловием Плеханова, заключающим критику «бернштейниады»[194].

Еще до выхода «Искры», в сентябре 1900 г. «Пшеглёнд роботничий» ознакомил польских рабочих с состоянием революционного движения в России. На страницах своего журнала польские социал-демократы сообщали о том, что «Рабочее движение в России... приобрело характер сознательного классового движения и делает большие успехи. Во главе этого движения стоит сейчас социал-демократическая партия России»[195]. Не без гордости за успехи российской социал-демократии говорится о литературе, которую ей удалось издать, а также о демонстрациях и забастовках, проведенных не только в городах, но и в сельских местностях.

Как и «Искра», польский журнал обличал беспросветную нищету, нужду рабочего класса и нещадную эксплуатацию буржуазного строя. В нем рассказывалось о тяжелых условиях труда рабочих Петербургско-Варшавской железной дороги, о продолжительности рабочего дня у женщин и детей и т. д.[196]

Весной в Варшаве польским социал-демократам удалось организовать нелегальную типографию. В марте они выпустили первый номер нелегального журнала «Курьерэк роботничий», редакторами которого были С. Трусевич (Залевский), М. Плохоцкий и др. Уже с первого номера в нем появились сведения о революционном движении в России. «В России сильное оживление»,— начал свой обзор новый польский журнал[197].

Польские социал-демократы высоко ценили теретический уровень «Искры». Успехи русского рабочего класса они связывали с появлением

[191] Там же, № 3, апрель 1901.
[192] Там же, № 4, май 1901.
[193] «SDKPiL», t. I, cz. II, str. 177—179.
[194] «Przegląd Robotniczy», 1901, I—II, N 2—3, str. 41.
[195] «Przegląd Robotniczy», 1900, IX, N 1, str. 26—27.
[196] Там же, 1901, I—II, № 2—3, стр. 57.
[197] «SDKPiL», t. I, cz. II, str. 149.

и активной деятельностью русской рабочей марксистской газеты. В статье «Русская социал-демократия», опубликованной в газете «Червоный штандар», подробно знакомящей польских рабочих с революционным движением в России, звучало откровенное признание в том, «что движение русских рабочих уже обогнало движение польских рабочих», что «русский рабочий класс более зрелый, чтобы бороться с царским правительством и идти к социализму». Эти достижения русского рабочего класса польские товарищи связывали с «Искрой» и «Зарей», которые со своих страниц вели «энергичную пропаганду научного революционного социализма..., и сегодня,— с радостью констатировали польские друзья,— почти все социал-демократические комитеты признают «Искру» своим органом» [198].

Таким образом, идея тесного контакта русских и польских рабочих в борьбе против общего врага — царизма, идея классовой солидарности в борьбе за свержение самодержавия находила все больший отклик у русского и польского рабочего класса.

Если говорить о ППС, то она тоже откликается на выход в России новых изданий российского пролетариата—«Зарю» и «Искру». В апреле 1901 г. «Пшедсвит» рассказывает в отделе библиографии о выходе нового социал-демократического научно-политического журнала «Заря», который стремится поднять уровень сознательного рабочего движения, наполовину еще стихийного, определить пути и средства борьбы, создать программу, воспитать атитаторов и т. д. Там же говорится о содержании февральского номера «Искры» и подчеркивается, что газета от начала до конца проникнута «сознанием необходимости борьбы с царским правительством» и что на страницах газеты поставлены задачи русских социалистов [199]. Впоследствии «Пшедсвит» довольно часто в форме информации, иногда даже с небольшими комментариями сообщал об очередных номерах «Зари» и «Искры» [200].

В связи с постановкой в «Заре» и «Искре» кардинальных программных вопросов, перспектив пролетарского революционного движения, явно противоречащих программе ППС, лидеры ППС все чаще полемизируют с «Искрой» [201]. Национальный и аграрный вопросы в постановке «Искры» вызывают у лидеров ППС лишь отрицательное отношение. Им ближе по духу партия эсеров [202]. Не случайно поэтому «Искра» неоднократно отмечала противоположность линий СДКПиЛ и ППС. Например, в № 37 «Искры» была помещена статья, написанная польскими товарищами (авторов выяснить не удалось), изобличающая националистическую политику ППС, противоположную идее сплочения пролетариев всех стран независимо от их национальности [203].

«Искра» не оставляла без ответа и ту искажающую действительность информацию о русском движении, которая появлялась на страницах органа ППС «Пшедсвит», а также многочисленную корреспонденцию руководителей ППС, помещенную в антиискровском журнале «Свобода» [204].

[198] «Czerwony Sztandar», 1903, VII, N 7, str. 2.
[199] «Przedświt», 1901, N 4, IV, str. 156.
[200] «Przedświt», 1901, IX, N 9, X, N 10; 1902, VI, N 6; VIII, N 8; IX, N 9; 1903, II, N 2 и др.
[201] «Przedświt», 1901, X, N 10; 1902, VII, N 7; 1903, II, N 2, III, N 3, V, N 5, IX, N 9, XII, N 11—12 и др.
[202] «Przedświt», 1902, IX, N 9, str. 351—353; 1903, V, N 5, str. 192.
[203] «Искра», № 37, 2 апреля 1903 г.
[204] *А. Я. Манусевич.* Ленинская «Искра» и польское рабочее движение. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 37, стр. 23—24.

Цель всех этих статеек, разъясняла «Искра», была одна — вбить клин, не дать крепнуть и развиваться польско-русскому революционному союзу.

В дальнейшее укрепление союза русских и польских рабочих внесла ценный вклад начавшая выходить с ноября 1902 г. массовая нелегальная рабочая газета «Червоный штандар» («Красное знамя»), предназначенная для широких масс польских трудящихся. Редакторами газеты были Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, Я. Тышка, А. Варский. В газете печатались материалы и о рабочем движении в разных городах России. На ее страницах польские рабочие часто видели переводы заметок или изложение отдельных статей «Искры». Например, статья о стачке в Ростове, помещенная в № 2 газеты, представляет сокращенный пересказ, соответствующий корреспонденции из № 29 «Искры». То же можно сказать об информации о бегстве заключенных из киевской тюрьмы, помещенной сначала в «Искре» (№ 25 от 15 сентября 1902 г.), затем в «Червоном штандаре» (№ 1 от ноября 1902 г. и № 2 от января 1903 г.). Особенно часто польская газета заимствовала материал у «Искры», когда речь шла о демонстрациях, стачках, забастовках в России. Так же, как и со страниц «Искры», со стороны польской газеты звучали знаменитая речь рабочего Петра Заломова, произнесенная на суде в Нижнем Новгороде[205], и выступление Петра Воеводина, привлеченного к суду за участие в первомайской демонстрации в Саратове в 1902 г.

Публикуемые в газете «Червоный штандар» статьи в простой, доходчивой форме рассказывали о непримиримой борьбе со всякими проявлениями национализма. Польский и русский рабочий класс, писала газета, живут в одном капиталистическом государстве, поэтому их политические задачи должны быть едины[206].

Деятели СДКПиЛ были в курсе выходившей революционной литературы. В экспедицию СДКПиЛ поступало большинство русских рабочих газет: «Рабочая мысль» — орган Петербургского комитета РСДРП, «Рабочее слово» — Одесского комитета РСДРП, «Пролетариат» — орган Союза армянских социал-демократов и др. В апреле 1903 г. польские социал-демократы получили работу В. И. Ленина «К деревенской бедноте», в августе — брошюру «Ответ на критику нашего проекта программы», в апреле 1904 г. — «Шаг вперед — два шага назад» *.

В своей партийной печати польские социал-демократы теоретически обосновывали необходимость объединения в единую социал-демократическую партию авангарда польских и русских рабочих. В статье «Наши политические требования» газета «Червоный штандар» разъясняла: «В нашем крае есть единственная великая революционная сила: это польский рабочий класс, который уже давно объединил свои политические требования с требованиями русского рабочего класса»[207].

Русско-польский революционный союз проявлялся и в том, что и польские, и русские рабочие очень быстро и остро реагировали на революционные выступления, на победы и поражения. После разгона виленской демонстрации 1 мая 1902 г. и вынесения царским правительством жестоких приговоров ее участникам рабочие из далекого волжского

[205] «Искра», № 23, 1 декабря 1902 г.; «Czerwony Sztandar», 1903, III, N 4, str. 4—5.
[206] «Czerwony Sztandar», 1903, I, № 2, str. 1—2.
* Сведения о книгах В. И. Ленина, поступивших в редакцию, нами установлены по спискам литературы, публиковавшимся редакцией журнала «Пшеглёнд социальдемократычный» на последней стороне обложки журнала, где сообщалось о поступивших в редакцию книгах.
[207] «SDKPiL», t. II, str. 269.

города Сормова опубликовали открытое письмо, в котором выражали солидарность с литовскими и польскими рабочими. «Мы, сормовские рабочие, спешим заявить вам о своей горячей признательности»,— писали сормовичи. Письмо заканчивалось призывом крепить международную солидарность и сообщением о том, что к письму присоединились рабочие и Нижнего Новгорода [208].

Польские рабочие также быстро откликались на революционные выступления своих русских товарищей. Крупная стачка в Ростове-на-Дону, проведенная в 1902 г. комитетом РСДРП, оказала сильное революционизирующее влияние на польских рабочих, вызвала подъем политической солидарности. Главное правление СДКПиЛ выпустило прокламацию, в текст которой была включена переведенная на польский язык листовка Донского комитета РСДРП «К гражданам всего Российского государства» [209]. Таким образом, польские рабочие на своем родном языке смогли прочесть призывы донских рабочих.

В апреле 1902 г., когда в Польшу дошли слухи о крупных забастовках и демонстрациях рабочих в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве, в Сибири и на Дальнем Востоке, Главное правление СДКПиЛ выпустило листовку, в которой призывало бороться вместе с российским пролетариатом. «Ваша борьба должна быть совместной, а цель борьбы — единой»,— гласила листовка. «Да здравствует борющийся русский рабочий. Да здравствует политическое братство польских и русских рабочих» [210].

Через газету «Червоный штандар», распространявшуюся в кругу польских рабочих, СДКПиЛ старалась ознакомить читателей с деятельностью Российской социал-демократической партии, выступавшей за создание единой марксистской революционной партии всего рабочего класса многонациональной России.

Таким образом, с образованием и выходом в свет ленинской «Искры» между российской социал-демократией, объединенной вокруг своей газеты, и СДКПиЛ наметилось сближение. Эти контакты осуществлялись путем обмена литературой, посылки информации в партийную печать и помощи друг другу в транспортировке литературы через границу. Эти практические связи не могли бы иметь место, если бы не было прочной идейной основы, на которой сложились отношения между РСДРП и СДКПиЛ. «Искра» рассматривала внутренние проблемы освободительной борьбы в неразрывной связи с международным рабочим движением, считая рабочий класс России лишь частью братской семьи международного пролетариата. «Искра», высоко ценя интернационализм польской социал-демократии, опыт революционной борьбы против самодержавия, капиталистов и помещиков, нашла в СДКПиЛ верного союзника в борьбе с международным оппортунизмом.

В лице Розы Люксембург и ее соратников В. И. Ленин видел бескомпромиссных борцов против ревизии учения Маркса, поэтому имел все основания рассчитывать на их помощь в разгроме бернштейнианства в международном и русском рабочем движении. Вместе с тем ленинская «Искра», дав на своих страницах научную разработку основ программы и тактики партии, идейно подготовила почву для создания единой централизованной марксистской партии. Чтобы осуществить этот грандиозный план, «Искра» обратилась к своим союзникам и товарищам по борьбе. В их числе были и польские социал-демократы.

[208] «Czerwony Sztandar», 1903, I, N 2, str. 7.
[209] «Czerwony Sztandar», 1903, III, N 4, str. 5.
[210] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 49, л. 1.

6. II съезд РСДРП и польская социал-демократия

Подъем рабочего движения по всей России имел решающее значение для борьбы за единство революционных сил пролетариата. Волна политических выступлений со всей остротой в порядок дня ставила вопрос о едином фронте, об организационном объединении всех социал-демократических сил в масштабе всего государства. Что касается польской социал-демократии, то основной пункт ее политической программы — свержение абсолютизма и завоевание политической свободы для Польши — мог быть осуществлен только усилиями совместной борьбы российского и польского пролетариата. Программа ближайших требований польских рабочих совпадала с программой, выработанной «Искрой» и «Зарей».

Практические шаги к объединению с РСДРП были сделаны со стороны СДКПиЛ еще в феврале 1901 г. Тогда собралась в Белостоке конференция СДКПиЛ. Обсудив вопрос об отношении к РСДРП, конференция обратилась с открытым письмом к РСДРП [211], в котором предлагалось созвать съезд социалистических организаций России с целью выработки общих политических требований и организации единой социал-демократической партии России на федеративных началах (в соответствии с решением II съезда СДКПиЛ). Отсылая письмо в Париж Ц. Войнаровской, К. Залевский просил: «Посылаю Вам листовки для Плеханова и для Вас... Оригинал листовки к русским социал-демократам оставьте для себя, т. е. для секретариата» [212]. Обращение было написано по-русски на 35 листах.

В начале письма давалось изложение истории социалистического движения в Королевстве Польском и Литве. Письмо подчеркивало традиции совместной революционной борьбы польских и русских социалистов и предлагало программу будущего съезда всех социал-демократических организаций России. В числе общих политических требований такой программы были требования демократической конституции, которая гарантировала бы полную национальную автономию полякам, литовцам и другим национальностям, населявшим Россию, предоставление права самоопределения всем национальностям.

Впоследствии составитель этого письма К. Залевский (С. Трусевич) объяснял: «СДКПиЛ предлагала положить в основу социал-демократической партии России федеративное начало не потому, чтобы она в ее целом состояла на федералистической точке зрения, а для того, чтобы оградить национальные интересы от проникновения оппортунизма, главным носителем которого являлась в России группа «Рабочее дело»» [213]. Таким образом, за исключением этого пункта, предложения, изложенные в письме, были близки борьбе «Искры» за общероссийскую революционную партию.

В. И. Ленин прочел письмо и сделал пометку: «Вышло печатным *листком в России (весной 1901 г.)*» [214]. «Искра» отозвалась на предложение польских товарищей. В августе 1901 г. газета поместила сообщение, где говорилось о предложениях польских товарищей выработать общие

[211] ЦПА ИМЛ, ф. 164, оп. 1, д. 2; «SDKPiL», t. I, cz. II, str. 129.
[212] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 19, л. 10.
[213] *К. Залевский.* Из истории общественного движения в русской Польше. «Минувшие годы», 1908, № 12, стр. 120—121.
[214] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 556, л. 1. Подчеркнуто В. И. Лениным.

политические требования организации социал-демократической партии России на федеративных началах, а также общий план действий и организации совместного празднования дня пролетарской солидарности 1 Мая[215].

Неудивительно, что при подготовке II съезда РСДРП, который должен был осуществить задачу объединения социал-демократических сил России на основе революционного марксизма, «Искра» сыграла активную роль в привлечении СДКПиЛ к участию в предстоящем съезде. Летом 1902 г. «Искра» опубликовала проект программы РСДРП, к концу года был создан Организационный Комитет (ОК) по созыву II съезда РСДРП. Привлечение СДКПиЛ к участию во II съезде РСДРП происходило при активном участии редакции «Искры» и В. И. Ленина.

7 февраля 1903 г. ОК направил Главному правлению СДКПиЛ письмо, в котором уведомлял, что на общепартийный съезд будут приглашены только те организации, которые признают себя частью РСДРП, и если СДКПиЛ пожелает стать полноправным членом (а не только с совещательным голосом), то ей необходимо уведомить «Искру» о том, что польская социал-демократия причисляет себя к российской партии, тогда она немедленно будет приглашена на съезд[216]. 27 февраля Ю. Мартов вновь обратился к СДКПиЛ с письмом, в котором просил уведомить «Искру» о том, в каких отношениях желала бы СДКПиЛ стать к РСДРП, так как «это подготовило бы почву для благоприятного решения вопроса о том или другом участии Вашей партии на съезде»[217].

31 марта В. И. Ленин обратился в ОК с письмом, где советовал «немедленно принять меры к тому, чтобы ОК вместе с ПСД выпустил формальное заявление (возможно более подробное и точное) о полной солидарности с Российской СДРП и желании войти в партию»[218]. В. И. Ленин считал, что на основании формально опубликованного заявления СДКПиЛ ОК мог бы пригласить ее членов на съезд. По поручению Заграничного комитета СДКПиЛ ответ в «Искру» составил А. Варский. В письме подчеркивалась солидарность русского и польского пролетариата и отмечалось, что программа польской социал-демократии в общем совпадает «с проектом программы «Искры» и «Зари»... и русская и польская социал-демократия представляет, если не формально, то духовно одно целое»[219]. От прямого ответа, в какие отношения СДКПиЛ встанет к РСДРП, Главное правление уклонилось.

Формальным препятствием к объединению с РСДРП было решение III съезда СДКПиЛ (1901 г.) о том, что СДКПиЛ объединится с РСДРП на федеративных началах. Принцип федерации противоречил уставу РСДРП 1898 г., и, чтобы устранить это препятствие, по инициативе Ф. Дзержинского, А. Варского и Я. Ганецкого был созван IV съезд СДКПиЛ. Съезд состоялся 24—29 июля 1903 г., т. е. перед самым открытием II съезда РСДРП, и принял специальную резолюцию об отношении к РСДРП, в которой объединение с РСДРП рассматривалось как дело первоочередной важности. Съезд выработал условия объединения, в которых одним из пунктов был вопрос об изменении формулиров-

[215] «Искра», № 7, август 1901 г.
[216] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 55, л. 1.
[217] Там же, л. 2.
[218] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 283.
[219] ЦПА ИМЛ, ф. 24, д. 283, л. 1.

ки § 7 программы РСДРП по национальному вопросу, «делающей возможной интерпретацию в националистическом духе» [220].

Организационные формы объединения, по мнению польской социал-демократии, «составляют частный вопрос».

Поскольку препятствие к объединению устранено не было, то польских социал-демократов мог пригласить только сам съезд как высшая инстанция, имевшая на это право. Ввиду важности участия на съезде РСДРП всех организаций, поддерживающих объединение социал-демократических организаций во всей России, II съезд РСДРП на заседании 31 июля 1903 г. специальным решением пригласил для участия в работе съезда двух польских товарищей с совещательным голосом. Следовательно, к началу работы II съезда РСДРП и к моменту прибытия польских социал-демократов на съезд имелись два не совпадающих с «Искрой» пункта: национальный вопрос в программе РСДРП и возможность вхождения в РСДРП на федеративных началах.

Последний вопрос о федерализме, видимо, не играл важной роли. Судя по тем высказываниям, с которыми выступила Р. Люксембург, рецензируя изданную Бундом брошюру «Польская социалистическая партия о еврейском рабочем движении», СДКПиЛ не только преодолевала у себя элементы федерализма, но и критиковала сторонников федералистского построения общероссийской партии. Выступление Р. Люксембург в журнале «Пшеглёнд социаль-демократычный» [221] совпадало с ленинскими позициями критики Бунда. Поэтому вскоре «Искра» поместила перевод той части рецензии Розы Люксембург, которая посвящена критике защитников федерализма [222].

Расхождения между ленинской формулировкой национального вопроса в программе РСДРП и позицией СДКПиЛ имели уже многолетнюю давность. До того как В. И. Ленин сформулировал § 7 программы РСДРП, он выступил с целым рядом статей по национальному вопросу. Однако польские социал-демократы не вступали в прямую дискуссию с В. И. Лениным.

Даже когда «Пшеглёнд социаль-демократычный» опубликовал в декабре 1902 г. перевод проекта программы РСДРП, Я. Тышка в своей статье о программе РСДРП не коснулся национального вопроса, а лишь заметил, что в ближайших номерах будет посвящена национальному вопросу особая статья [223].

Впервые польские социал-демократы вступили в спор с В. И. Лениным по национальному вопросу после его статьи в «Искре» «О манифесте Союза армянских социал-демократов», где В. И. Ленин счел правильными отмеченные в Манифесте принципы, которыми должны руководствоваться российские социал-демократы: полное равноправие наций и требование права на самоопределение для каждой национальности, входящей в состав государства. «Основная, всегда обязательная программа соц.-дем. России,— писал В. И. Ленин,— должна состоять лишь в требовании полного равноправия граждан (независимо от пола, языка, религии, расы, нации и т. д.) и права их на свободное демократическое *само*определение» [224].

[220] «Materiały o IV zjeździe SDKPiL i o II zjeździe SDPRP». «Z Pola Walki», 1929, N 7—8, str. 144.
[221] «Przegląd Socjaldemokratyczny», 1903, N 4, str. 159.
[222] «Искра», № 41, 1 июня 1903 г.
[223] «Przegląd Socjaldemokratyczny», 1902, N 4—5; «SDKPiL», t. II, str. 202.
[224] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 105.

Польские социал-демократы в журнале «Пшеглёнд социаль-демократычный» отозвались на статью в «Искре», опубликовав статью «Российские социал-демократы о польском и национальном вопросе»[225], в которой почти полностью перевели эту статью В. И. Ленина. Можно предположить, что статья принадлежит Р. Люксембург. И раньше, и многими годами позже Р. Люксембург считала, что государственное самоопределение польского народа приведет лишь к образованию нового классового буржуазного государства, т. е. к тому, к чему стремится ППС. Польский рабочий класс, бывший под гнетом русских капиталистов и помещиков, лишь попадет под иго польского капитала, а само буржуазное государство ничего не изменит и не принесет польскому народу. Признание права наций на самоопределение явится уступкой национализму и нарушит интернациональное единство революционного движения[226]. Из-за боязни сыграть на руку польскому буржуазному национализму СДКПиЛ считала, что в интересах самого же польского рабочего класса нельзя ставить вопрос о праве наций на самоопределение в текст программы РСДРП, т. к. это якобы равнозначно требованию создания польского буржуазного государства. Требование независимости Польши якобы исключает единство польского и русского пролетариата в борьбе с общим врагом — царизмом, разобщает и ослабляет их совместную борьбу.

Руководители СДКПиЛ неоднократно могли убедиться в том, как на страницах «Искры» В. И. Ленин наносил сокрушительные удары национализму и реформизму ППС. Разоблачая мнимую революционность и патриотизм ППС, «Искра» срывала маску, под которой выступали опасные политические противники, имеющие целью расколоть уже ставший традицией русско-польский революционный союз. Этим ленинская «Искра» оказывала помощь польскому революционному движению в его борьбе против национализма ППС. Однако у руководителей СДКПиЛ, не достигших понимания ленинской идеи в национальном вопросе, ленинская формулировка национального вопроса вызвала лишь отрицательную реакцию.

Опубликованный в «Искре» проект программы РСДРП вызвал широкие отклики не только со стороны СДКПиЛ. ППС, пытаясь использовать программу РСДРП в присущем ей националистическом духе, выступила в «Пшедсвите» со статьями: в феврале 1903 г.—«Новая программа российской социал-демократии» и в марте — «Отношение российской социал-демократии к национальному вопросу». Оба автора (В. Иодко-Наркевич и Л. Василевский), передергивая суть формулировки § 7, подвергли критике идею права наций на самоопределение[227].

В. И. Ленин, зорко следивший за откликами из Польши, выступил по национальному вопросу на собрании делегатов, съезжавшихся на II съезд РСДРП, а затем доклад, обработанный в виде статьи, был опубликован в «Искре». 15 июля 1903 г., во время работы II съезда, на страницах «Искры» вышла статья В. И. Ленина «Национальный вопрос в нашей программе»[228]. В этой статье В. И. Ленин дал классическую постановку национального вопроса в программе революционной социал-демократии. Отвечая по существу на статью Л. Василевского в «Пшедсвите»[229], В. И. Ленин остановился в целом на польском вопросе. Он об-

[225] «Przegląd Socjaldemokratyczny», 1903, N 2.
[226] *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 60.
[227] *А. Я. Манусевич.* Ленинская «Искра» и польское рабочее движение. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 37, стр. 32.
[228] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 233—242.
[229] «Przedświt», 1903, II, N 2, str. 64—66.

рушился на ППС, которая, как писал В. И. Ленин, плохо связана с классовой борьбой пролетариата. ППС стремится лишь «ослабить царизм, оторвав Польшу, а свергнуть его должны русские товарищи». В. И. Ленин устанавливает прямую зависимость ликвидации всякого национального гнета от победы пролетарской революции. «Возрождение Польши возможно лишь посредством социальной революции, когда современный пролетариат разобьет свои цепи»,— приводит В. И. Ленин слова Ф. Меринга. В то же время В. И. Ленин доказывает, «что восстановление Польши до падения капитализма крайне невероятно, но нельзя сказать, чтобы оно было абсолютно невозможно, чтобы польская буржуазия не могла при известных комбинациях встать на сторону независимости и т. д. И русская социал-демократия нисколько не связывает себе рук. ...Эта программа требует лишь, чтобы действительно социалистическая партия не развращала пролетарское сознание, не затемняла классовой борьбы... не нарушала единства современной политической борьбы пролетариата» [230].

Можно предположить, что когда IV съезд СДКПиЛ принимал резолюцию об изменении § 7 в программе, Р. Люксембург и другие руководители СДКПиЛ еще не знали содержания статьи В. И. Ленина, опубликованной в № 44 «Искры».

Польская социал-демократия серьезно готовилась к объединению с РСДРП в единую общероссийскую рабочую партию. Накануне II съезда РСДРП Роза Люксембург, видимо, по договоренности с редакцией «Искры», начала писать брошюру об историческом развитии русско-польского революционного союза. В мае 1903 г. А. Варский по этому поводу писал Ц. Войнаровской: «Роза взялась за русскую брошюру для «Искры», и уже половина готова» [231]. Однако ни в «Искре», ни в «Заре» эта работа Р. Люксембург не появилась. Видимо, до II съезда РСДРП она ее написать не успела, а после событий, разыгравшихся на съезде, Р. Люксембург не сочла возможным закончить брошюру и передать в издательство «Искры». Спустя почти 70 лет эта брошюра Р. Люксембург была обнаружена в Центральном военно-историческом архиве в Москве. Брошюра написана ею на русском языке.

Значение этой работы Р. Люксембург велико, ибо автор раскрывает в ней исторические предпосылки совместного действия российского и польского пролетариата в единой борьбе против царизма. Вся работа проникнута интернационалистским духом. Она обращается к героям «Пролетариата» и показывает, какое большое место занимала в их деятельности проблема укрепления русско-польского революционного союза.

В острой полемике с проявлениями национализма, который вносила в польское рабочее движение ППС, Р. Люксембург утверждала, «что вся история польского социализма... служит одной большой иллюстрацией того положения, насколько судьбы движения в Польше неразрывно связаны с движением в России» [232].

Делегаты СДКПиЛ А. Варский и Я. Ганецкий прибыли на II съезд РСДРП только 4 августа. Они сообщили условия вхождения СДКПиЛ в РСДРП, и съезд решил выделить комиссию, которой поручалось изучить предложения польских социал-демократов. Интересны письма Я. Ганецкого, написанные по ходу работы съезда и представляющие его личные

[230] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 239—240.
[231] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 58, л. 7.
[232] «Archiwum ruchu robotniczego», t. I. W., 1973. str. 49.

впечатления. В одном из них, направленном Дзержинскому, Ганецкий очень высоко оценивает ленинскую «Искру». «Вчера,— писал Ганецкий, — обсуждали вопрос о том, какой орган будет центральным. Естественно, была принята «Искра»... Из всего этого видно, что «Искра» сильна необычайно» [233].

Оба делегата не сомневались, что СДКПиЛ вольется во всероссийскую партию [234]. Однако письмо Р. Люксембург, направленное Варскому, изменило ход переговоров. Письмо было вызвано статьей В. И. Ленина «Национальный вопрос в нашей программе». Ознакомившись с ней (видимо, 4 или 5 августа), Р. Люксембург сообщала, что она находит § 7 программы РСДРП решительно неприемлемым для СДКПиЛ [235]. В телеграфных и письменных директивах польским делегатам Р. Люксембург предлагала добиться согласия на изменение в программе РСДРП пункта по национальному вопросу и если съезд не согласится, то прекратить переговоры об объединении, аргументируя тем, что «борьба за восстановление классового польского государства является отказом от успешной борьбы с абсолютизмом, и включение этого пункта в программу и агитацию может отодвинуть польский рабочий класс от осуществления как его ближайших, так и конечных задач» [236].

Таким образом, руководители СДКПиЛ делали абсолютно неверные выводы, считая, будто признание права на независимость Польши исключало единство русского и польского пролетариата в борьбе с царизмом и, больше того, исключало в целом классовую борьбу пролетариата.

Доводы польских делегатов об изменении § 7 II съезд РСДРП отклонил. Из-за полицейских преследований делегатам II съезда пришлось покинуть Брюссель и перенести свою работу в Лондон, но польские делегаты, не имея никакой надежды на положительные результаты переговоров, в Лондон не поехали. Однако решение уйти со съезда было принято ими не сразу. Ганецкий и Варский пытались убедить Розу Люксембург не доводить дело до разрыва. Они провели частный обмен мнениями. В письме в Заграничный комитет СДКПиЛ Варский рассказывал: «Я говорил много раз лично со всеми редакторами «Искры» (Плеханов, Ленин, Мартов, Старовер). Они всегда оставались на своем... Ясно, что российский съезд во всем идет за мнением Ленина. Это и слепым видно» [237].

Уход польских делегатов со съезда РСДРП вызвал резкий протест со стороны представителя СДКПиЛ в Международном Социалистическом бюро Ц. Войнаровской. «Я всегда была такого мнения,— заявила она Заграничному комитету СДКПиЛ, — что в борьбе с царизмом мы *должны* объединиться с русскими» [238]. Она находила, что не было никакого повода для прекращения переговоров, и предложила избрать специальную комиссию для ведения дальнейших переговоров с российской социал-демократией, выработать для нее точные инструкции и тем самым «сделать невозможным самовольное распоряжение отдельных людей судьбами партии».

[233] «Z Pola Walki», 1929, N 7—8, str. 181—182.
[234] *Я. С. Ганецкий.* Польские социал-демократы на II съезде. «Старый большевик», сб. 3 (6), стр. 222.
[235] «SDKPiL», t. II, str. 368.
[236] Там же, стр. 374—375.
[237] «Z Pola Walki», 1929, N 7—8, str. 207.
[238] Там же, стр. 194.

О неудовлетворенности, возникшей у ряда польских социал-демократов из-за ухода Варского и Ганецкого со съезда РСДРП, и о несостоятельности той причины, по которой объединение с РСДРП было сорвано, свидетельствуют и другие высказывания. Так, письмо В. Ольшевского, рабочего-металлиста, свидетельствует о том, что самоопределение «никакой опасности» для программы СДКПиЛ не составляло. Он пишет, что, «изучив соответствующие места протокола (русского) и № 44 «Искры», пришел к выводу: «...наоборот, все это очень естественно и хорошо сформулировано» [239]. Жизненно важный вопрос объединения с РСДРП обсуждался и в местных партийных организациях СДКПиЛ.

В декабре 1903 г. Варшавским комитетом были организованы специальные собрания, на которых рассматривались решения IV съезда СДКПиЛ и II съезда РСДРП. Причем первый вопрос занял два собрания, а для обсуждения второго вопроса варшавские рабочие собирались троекратно. Видимо, обсуждение было настолько оживленным, что Варшавскому комитету пришлось организовать обсуждение поведения «нашей делегации на II съезде РСДРП». «На каждом из собраний,— сообщала газета «Червоный штандар»,— было по 20 и более человек» [240].

Рядовые члены Варшавской организации также проявляли большой интерес к съезду русских социал-демократов, принявшему свою боевую программу, и просили своих товарищей из-за границы прислать им протоколы II съезда РСДРП [241].

Решения II съезда РСДРП, обсуждение национального вопроса, отношение к нему СДКПиЛ и уход польских социал-демократов со съезда сразу же получили широкое обсуждение в партийных кругах как польских социал-демократов, так и ППС, и ППС-«Пролетариат» [242]. Последние, каждая по-своему, осуждали СДКПиЛ.

Лидеры ППС критически отнеслись к тому, что польские социал-демократы по существу отказались от признания записанного в программе российских социал-демократов права за каждым народом многонациональной России на самоопределение и образование самостоятельного государства. § 7, утверждали польские социалисты, вменяет «в обязанность» каждому русскому социалисту поддерживать стремления польского, литовского и других народов к независимости. Пепеэсовцы интерпретировали в своем духе мысль В. И. Ленина из статьи в № 44 «Искры» «Национальный вопрос в нашей программе», которая была направлена, как известно, против националистического, неклассового подхода к вопросу независимости со стороны ППС.

«Пшедсвит» привлек внимание читателей к высказываниям В. И. Ленина о том, что русская социал-демократия «...считается *со всеми* возможными, даже со всеми вообще *мыслимыми* комбинациями, когда выставляет в своей программе признание права на самоопределение наций. Эта программа нисколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществимости этого до социализма

[239] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 86, л. 1.
[240] «Czerwony Sztandar», 1904, IV, N 16, str. 6.
[241] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 90, л. 20 об.
[242] ППС-«Пролетариат» — партия, отколовшаяся от ППС в 1900 г. Лидеры партии считали, что ППС не стоит на классовых позициях, что на практике она отрицает международную солидарность социалистов, умышленно преуменьшает значение российского рабочего движения, рассчитывая в будущем не на совместную борьбу русского и польского пролетариата с царизмом, а на национальное восстание («Proletariat», 1903, N 10, str. 3).

была совершенно ничтожна»[243]. Приводя эту цитату, «Пшедсвит» постарался затушевать главную идею статьи В. И. Ленина, устанавливающую прямую зависимость дела ликвидации национального гнета в Польше от победы пролетарской революции в России[244]. Ничего не говорилось также о том, что в программе русских социал-демократов требования национального самоопределения подчинены интересам классовой борьбы пролетариата. Именно в этом заключалось отличие пролетарской постановки национального вопроса от буржуазно-демократической. Но «Пшедсвит» выбрал из статьи В. И. Ленина именно те строки, где он говорит, что несмотря на то, что восстановление Польши до падения капитализма мало вероятно, однако нельзя сказать, чтобы оно было абсолютно невозможно, чтобы польская буржуазия в определенных исторических условиях не могла бы встать на сторону независимости. Таким образом, польские социалисты старались представить дело таким образом, будто русская социал-демократия, не исключая возможность выдвижения польским пролетариатом лозунга независимой польской республики в период капитализма, тем самым придает первостепенное значение именно борьбе за независимость Польши, а не борьбе против самодержавия и капитализма.

Факт выдергивания одной цитаты из статьи В. И. Ленина без связи с общей ведущей идеей еще раз подчеркивал забвение ППС классовой точки зрения, вскрывал ее национализм и шовинизм.

Что касается ППС-«Пролетариат», то она еще до II съезда РСДРП неоднократно высказывала уверенность в поддержке русскими социал-демократами национальных требований польского народа, поскольку в их программе было записано: «Национальности, входившие в состав российского государства, имеют право определить к нему свое отношение, вплоть до разрыва с ним и выхода из него»[244а].

Орган ППС — «Пролетариат» также подробно остановился на итогах и ходе работы II съезда РСДРП, на дискуссии, развернувшейся на съезде по программе партии и особенно по национальному вопросу, привел некоторые пункты программы. Главное внимание уделялось обсуждению национального вопроса. И также ссылаясь на статью в № 44 «Искры»[245], деятели ППС-«Пролетариат» были несогласны с действиями делегации СДКПиЛ и с ее позицией по национальному вопросу.

По мере революционного подъема движение за объединение партий польского и русского рабочего класса еще более усилилось. В декабре 1903 г. собравшаяся в Белостоке конференция СДКПиЛ записала в своем решении, что объединение пролетариата в России является «вопросом жизни и смерти для дела освобождения рабочего класса, и партия, имеющая своей целью только интересы пролетариата, не имеет права требовать организационной обособленности»[246]. Только общая борьба пролетариата всей России, отмечала конференция, объединенного едиными целями в одну мощную армию, может сломить врага. Следовательно, объединение СДКПиЛ с РСДРП не только не было снято с повестки дня, а, наоборот, возникла еще большая необходимость в слиянии сил польского рабочего класса со всем пролетариатом России.

Так, подъем революционной волны в России поставил со всей остротой вопрос об объединении всех революционных сил социал-демократии

[243] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 239.
[244] «Przedświt», 1904, N 1, str. 21.
[244а] «Proletariat», 1902, N 9, str. 5.
[245] Там же, 1904, № 15—16, стр. 12.
[246] «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. 1893—1904», str. 438.

в государственном масштабе, и ленинская «Искра» продолжала вести в этом направлении усиленную работу.

После II съезда РСДРП В. И. Ленин в «Искре» неоднократно подчеркивал, что российские социал-демократы призывают польских товарищей, борющихся с царским самодержавием, к «сближению, единению, слиянию»[247]. Таким образом, вопрос о слиянии с российской социал-демократией не только не был снят с повестки дня СДКПиЛ, а наоборот, в условиях революционного подъема стал жизненной необходимостью.

7. Русско-польский революционный союз накануне первой русской революции

1904 год характеризуется подъемом революционного движения во всей России. Начало русско-японской войны, экономический кризис усилили недовольство рабочего класса, возросли революционные настроения, ненависть рабочего класса к буржуазии и царизму. Война, начавшаяся между Россией и Японией, была империалистической, захватнической. Большевики призывали решительно бороться с войной.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что поражения царизма в войне подтачивают основы самодержавия, и призывал рабочий класс к активным наступательным мерам. Меньшевистской же платформой стал лозунг: «Мир во что бы то ни стало». Нанося огромный вред рабочему классу, меньшевики срывали борьбу пролетариата против царизма. Их позиция мало чем отличалась от поведения русских либералов, и большевики разоблачали как меньшевиков, так и либеральную буржуазию.

Последовательная антивоенная борьба большевиков нашла широкую поддержку у трудящихся масс Королевства Польского. Антивоенную деятельность возглавила партия рабочего класса — СДКПиЛ.

Сразу же после начала войны Главное правление СДКПиЛ выпустило листовку, где призывало: «Рабочие! Эта война на Дальнем Востоке может явиться могилой для самодержавия и началом политического освобождения рабочего класса из кровавых лап царского правительства... Российская социал-демократическая партия уже встает против войны и царизма..., русские рабочие уже узнали, что враг не японец, а царское правительство. Вместе с рабочими всей России, в совместной борьбе, с единой целью встанем против нашего дикого правительства..!»[248]

По всей России начали возрастать выступления рабочего класса против царского самодержавия. Роза Люксембург обратилась к польскому пролетариату с пламенным призывом: «Русский рабочий встал на поле боя. Из глубин России, с севера, с юга, с Дальнего Востока доходят отголоски его отчаянных схваток с царизмом...» Польский рабочий, пишет далее Роза Люксембург, не может быть вне этой борьбы. «Ваше место рядом с тысячными массами русских братьев в сражении с царизмом. Спешите в бой!»[249]

Как и большевики, СДКПиЛ разоблачала империалистическую войну, называя ее захватнической с обеих сторон. Как и большевики, СДКПиЛ призывала польский пролетариат к активным действиям, разъясняя, что война России с Японией ускорит крах русского царизма.

[247] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 76.
[248] Цит. по: *A. Kozłowski.* Braterstwo broni polskich i rosyjskich mas pracujących w rewolucji 1905—1907 roku. «Kwartalnik IPR», 1956, N 2 (15), str. 89.
[249] *R. Luksemburg.* Czego chcemy. «Przegląd Robotniczy», 1904, N 5, str. 21.

Эту антивоенную пропаганду польская социал-демократия вела под социал-демократическими лозунгами: «Долой войну!», «Да здравствует мир!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует социализм!» [250]

Под антивоенными лозунгами СДКПиЛ провела первомайские демонстрации, в которых участвовали как поляки, так и русские. Когда вечером 1 мая в Варшаве были арестованы 27 человек — участников демонстрации, в их числе оказались русские студенты — Павел Иванов и Григорий Васильев [251].

СДКПиЛ развила активную деятельность против войны. Знамена СДКПиЛ с призывами: «Долой войну!», «Да здравствует мир!»— твердо держали польские рабочие, участвовавшие в уличных массовых демонстрациях, рабочих митингах, многотысячных забастовках.

Большое впечатление на польских рабочих произвело письмо с каторги. Политические заключенные, русские социал-демократы, из Акатуйской каторжной тюрьмы в феврале 1904 г. написали и переслали на волю листовку «Ко всем революционерам России». Листовка имела антимилитаристский характер и была направлена против войны России с Японией. В этой же тюрьме отбывали каторгу и польские товарищи, которые к листовке сделали следующую приписку: «Мы, польские товарищи, от всей души присоединяемся к листовке наших русских товарищей. Мы убеждены, что польские рабочие враждебно относятся к царскому манифесту и используют все возможности, чтобы подчеркнуть *полную братскую солидарность с пролетариатом всей России без различия национальности*» [252]. Газета «Червоный штандар» тепло приветствовала оба документа и призывала к единству русского и польского пролетариата.

Широкая антивоенная пропаганда проводилась РСДРП и СДКПиЛ и за границей, среди эмигрантов и учащихся. Об этом свидетельствует собрание студентов, созванное в Берне российской, польской, литовской и латышской социал-демократическими организациями 16 февраля 1904 г. На собрании присутствовало 400 студентов. В принятой собранием резолюции в духе большевиков говорилось о том, что война России с Японией не является войной между японским и русским народами, что авантюристическая внешняя политика диктуется выгодами царского самодержавия [253].

Большая заслуга польских социал-демократов заключается в том, что в тяжелый период русско-японской войны они руководили борьбой польского пролетариата против самодержавия и буржуазии и проводили эту деятельность в тесном сотрудничестве с революционным русским пролетариатом. Эту мысль неустанно проводила Роза Люксембург, утверждая, что «свержение царизма и завоевание политической свободы одинаково является самой первой необходимостью как для польского пролетариата, так и для русского» [254]. Руководители СДКПиЛ в своих выступлениях против царизма подчеркивали руководящую роль пролетариата в революции. Правые лидеры ППС в это время стремились добиться отделения Польши от России. Они использовали военную обстановку и поражение России на фронтах для того, чтобы при помощи внешнего врага царизма, т. е. Японии, осуществить отделение Королев-

[250] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 116, л. 4.
[251] *K. Grünberg*. Zbliżenie polskich socjaldemokratów do bolszewików w okresie dojrzewania kryzysu rewolucyjnego w Rosji w 1904 r. «Kwartalnik IPR», 1956, N 2 (15), str. 66.
[252] «Czerwony Sztandar», 1904, IV, N 16, str. 3. Курсив подлинника.
[253] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 118, л. 4.
[254] «Przegląd Socjaldemokratyczny», 1904, N 5, str. 17.

ства Польского от Российской империи. Ю. Пилсудский, чтобы заручиться поддержкой японской военщины в подготовлявшейся им «русско-польской войне», ездил в Токио на переговоры [255].

О тактике ППС в отношении войны неоднократно сообщал «Пшедсвит». Правые лидеры полагали, что никакие демонстрации и «бунты» не приведут Россию к конституции. Если рассчитывать на лозунги и действия, провозглашенные и предпринимаемые русскими революционерами, то это значит «поставить свои действия в зависимость от событий в Петербурге и Москве». По их мнению, есть другой, более верный путь устроить свою судьбу своими силами, т. е. путем национального восстания [256]. То же самое звучало со страниц варшавского органа ППС «Роботник»: «Мы должны рассчитывать только на свои силы» [257], «Без восстания мы не добьемся независимости» [258]. Так ППС пыталась столкнуть польский пролетариат с классовых позиций, направить борьбу польских народных масс не против польских и русских капиталистов и помещиков, а спровоцировать столкновение на национальной почве, тем самым толкая движение на путь военных авантюр.

Война и подъем рабочего движения выдвинули перед рабочим классом новые задачи, новую стратегию, новую тактику. Большевики во главе с Лениным и меньшевики решали кардинальные вопросы революции по-разному.

Меньшевики воспользовались благоприятно сложившейся для них обстановкой во II Интернационале. Не имея опоры в России (большинство комитетов РСДРП встали на сторону большевиков), они прибегли к авторитетам из Международного Социалистического бюро, использовав с их помощью немецкую социал-демократическую прессу против большевиков. В мае 1904 г. Потресов изложил свой план: «Как бить Ленина, вот вопрос. Прежде всего, мне думается, следует на него выпустить авторитетов Каутского (уже имеется), Розу Люксембург и Парвуса» [259]. В результате этого появилась статья Розы Люксембург «Организационные разногласия в русской социал-демократии», написанная ею специально для (уже в то время меньшевистской) «Искры» и перепечатанная К. Каутским в «Нойе цайт».

Статья была направлена против выводов В. И. Ленина, сделанных им в книге «Шаг вперед, два шага назад». Отметив заслуги В. И. Ленина и большевиков во время подготовки II съезда РСДРП, Роза Люксембург обвиняла их в «ультрацентризме» и «бланкизме», отрицала необходимость твердой партийной дисциплины, взяв тем самым под свою защиту меньшевиков. В. И. Ленин ответил Р. Люксембург в статье «Шаг вперед, два шага назад» [260]. Разбирая ошибки автора в организационных и тактических вопросах, сыгравших лишь на руку русским оппортунистам, В. И. Ленин дал оценку этому выступлению. В. И. Ленин указал, что в данном случае Р. Люксембург защищает не партийную дисциплину, а дезорганизацию в партии, что брошенные ею в адрес большевиков обвинения теоретически обедняют марксизм и извращают диалектику Маркса. «В. И. Ленин убедительно показал, что выдвинутые Люк-

[255] *S. Kalabiński, F. Tych.* Czwarte powstanie czy pierwsza rewolucja. Lata 1905—1907 na ziemiach polskich. W., 1969, str. 31—32.

[256] «Przedświt», 1904, N 4, str. 148.

[257] «Robotnik», 1904, 5.III, N 54.

[258] Там же, 1904, 22.VII, № 56.

[259] «Социалистическое движение в России», т. I. М., 1928, стр. 124—125.

[260] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 38—65.

сембург тезисы против централизма — результат незнания фактов и игнорирования некоторых важных положений марксизма»[261].

Следует заметить, что позиции Р. Люксембург в отношении организационных вопросов в РСДРП и в отношении поведения польских делегатов на II съезде, не достигших объединения СДКПиЛ с РСДРП, не у всех руководителей СДКПиЛ встречали поддержку и одобрение. Выражением протеста против ухода польских делегатов со II съезда РСДРП и тем самым срыва переговоров об объединении был выход Ц. Войнаровской из состава Международного Социалистического бюро, где она представляла СДКПиЛ (в МСБ ее заменила Роза Люксембург).

Вскоре на страницах польской партийной печати развернулась дискуссия по организационным вопросам, свидетельствующая о том, что идея организационного устава, принятого на II съезде РСДРП, идея железной дисциплины и организованности в партии были правильно поняты рядом деятелей СДКПиЛ, особенно теми, кто работал в подполье[262].

Вопрос об объединении, не состоявшемся на II съезде РСДРП, не сходил с повестки дня; наоборот, в период обострения кризиса, в канун революции он стал еще острее и насущнее. Однако раскол в РСДРП на большевиков и меньшевиков усложнил отношения с СДКПиЛ. Противоречия, которые возникли между СДКПиЛ и РСДРП на II съезде РСДРП, пытались использовать как меньшевики в России, так и ППС в Польше. Руководство ППС, хорошо отдавая себе отчет в популярности идеи объединения с российским революционным движением, и в частности с РСДРП, 26 января 1904 г. обратилось к РСДРП с письмом о созыве в ближайшем будущем конференции для обсуждения «оснований и условий совместной борьбы обеих партий»[263]. Результаты этой конференции, по мнению руководителей ППС, могли бы лечь в основу соглашения РСДРП и ППС.

В. И. Ленин, никогда не оценивавший ППС как партию пролетарскую и революционную, обратился 7 февраля 1904 г. с письмом в Центральный Рабочий комитет ППС от имени ЦК РСДРП, в котором просил сообщить более подробные сведения, какого рода они предполагают конференцию, и не преминул поставить вопрос: «Как отнеслись бы вы к участию в конференции польских социал-демократов»[264].

В ответ ЦРК ППС были даны разъяснения, что предстоящая конференция могла бы выработать проект постоянного договора, а «об участии делегатов социал-демократической партии Польши и Литвы не может быть и речи». Ответ соответствовал позициям ППС. После ответного письма ЦК РСДРП, написанного Н. К. Крупской 20 марта 1904 г., этот вопрос рассматривался на заседании Совета партии 31 мая 1904 г. В. И. Ленин не считал возможным вести какие-либо переговоры с ППС без участия подлинных представителей польского пролетариата, которых он видел только в лице СДКПиЛ. Выступая на заседании Совета РСДРП против предложения ППС, В. И. Ленин аргументировал отказ недопущением СДКПиЛ к переговорам. «Мне лично кажется, — сказал В. И. Ленин,— что предложение P.P.S., при условии отказа пригласить на проектируемую ею конференцию делегатов от польской социал-демократии, не может быть принято нами»[265]. Ответ В. И. Ленина выражал

[261] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. I, стр. 530.
[262] «Przegląd Socjaldemokratyczny», 1904, V, N 4—5, str. 148.
[263] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 428; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 374, л. 1.
[264] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 353.
[265] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 429.

уверенность в осуществлении объединения РСДРП с подлинно революционной марксистской партией польского рабочего класса. На том же заседании Совета партии Г. В. Плеханов рассказал о предложениях ППС-«Пролетариат», выражавшей желание войти в состав РСДРП. На этот счет снова выступил В. И. Ленин. Не будучи осведомленным хорошо о том, какого направления эта партия и каково ее влияние в стране, В. И. Ленин заявил: «Если наше соединение с «Пролетариатом» может ухудшить наши отношения с Польской социал-демократией, то к этому шагу нужно относиться очень осторожно»[266].

К этому выводу присоединились Плеханов и Мартов. Считая ближайшим союзником РСДРП только польскую социал-демократию, члены Совета приняли решение не налаживать никаких взаимоотношений с ППС-«Пролетариат», поскольку это может усложнить или помешать сближению РСДРП с СДКПиЛ. В. И. Ленин снова выступил на страже интересов польско-русского революционного союза.

Характерно, что и польская социал-демократия, стоявшая всегда на позициях пролетарского интернационализма, стремясь к объединению всех сил рабочего класса независимо от национальности, была твердо убеждена, что объединение должно произойти прежде всего с партией революционного пролетариата России, т. е. с РСДРП. И когда Бунд официально выразил свое стремление к объединению с СДКПиЛ (в ноябре 1904 г. он обратился к руководству партии с предложением объединиться), то от имени руководства СДКПиЛ получил отрицательный ответ. Выражая волю всей партии, Ян Тышка заявил ЦК Бунда о том, что объединению пролетариата нерусских областей, в том числе и Королевства Польского, должно предшествовать объединение с Российской социал-демократической партией, ибо решительный удар самодержавию может быть нанесен только в самой России, и «от революционного движения в России зависит прежде всего объем тех свобод, который удастся завоевать для народа». В этой борьбе, доказывал он, пролетариат Польши, Литвы и других национальностей сыграет роль только «вспомогательных отрядов»[267]. Такой ответ полностью соответствовал идеологии СДКПиЛ в противоположность сепаратистско-националистическим тенденциям Бунда. Он подчеркивал значение РСДРП как передового отряда революции и выражал твердое стремление польских социал-демократов объединиться не с какой иной партией, а только с партией российского пролетариата.

Этой же мыслью был проникнут отчет делегации СДКПиЛ на Международном социалистическом конгрессе в Амстердаме в августе 1904 г. «СДКПиЛ утверждает,— говорилось в отчете,— что русский пролетариат является единственным союзником польского пролетариата»[268], и поскольку политические условия их борьбы одинаковы, то едины и их ближайшие политические задачи: свержение самодержавия и завоевание политических свобод для всего российского государства.

Подъем революционного движения в России делал все более необходимой координацию действий всех социал-демократических организаций страны.

Таким образом, на Международном конгрессе польские социал-демократы (делегатами от СДКПиЛ были Р. Люксембург, Ю. Мархлевский и А. Варский) своим заявлением фактически предприняли новые

[266] «Социал-демократическое движение в России», стр. 336.
[267] «Z Pola Walki», 1931, N 11—12, str. 247.
[268] «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. 1893—1904», str. 506.

шаги к объединению с РСДРП. Выражением братства и международной солидарности было приветствие участников конгресса рабочим, польским социал-демократам Варшавы. Выдающиеся деятели международного рабочего движения — Бебель, Катаяма, Цеткин, Гед и другие делегаты, подписавшие приветствие, закончили свое братское послание призывами: «Долой абсолютизм!», «Да здравствует единство польских и русских рабочих!» Среди подписавших письмо были Г. Плеханов и В. Засулич [269]. Во время конгресса Варский и Плеханов встретились с С. Катаямой для обсуждения вопросов о совместной кампании против войны, об издании на русском и польском языках листовки к военнопленным, находящимся в Японии, и о распространении ее японскими социалистами в Токио. «Катаяма,— сообщает Варский в письме от 13 августа 1904 г.,— обещал все сделать. Сегодня мы это обговорили с ним окончательно» [270].

Как явствует из писем А. Варского к Ф. Дзержинскому, делегаты СДКПиЛ на конгрессе общались только с меньшевиками. С Аксельродом и Даном была договоренность о помещении в «Искре» (меньшевистской) материалов о Польше, а также политических статей.

Для этого периода характерно то, что руководители СДКПиЛ не понимали сути раскола в РСДРП на большевиков и меньшевиков как на две непримиримые части: революционную, марксистскую, и оппортунистическую. Отношение руководства СДКПиЛ к внутрипартийной борьбе в РСДРП характеризует и письмо Тышки в ЦК Бунда, свидетельствующее о недооценке серьезности борьбы, которую вел В. И. Ленин с меньшевиками. «С русскими у нас отношения самые наилучшие. К сожалению, кутерьма у них не позволяет еще этим отношениям формально определиться. Мы обратимся, однако, к ним с предложением о совместных действиях» [271]. Тышка 8 декабря 1904 г. обратился к меньшевистскому по своему основному составу Совету партии. В такой ответственный момент, указывал он, требуется совместная и планомерная политическая работа социал-демократических организаций России и надо устранить все препятствия, мешающие созданию «единой централизованной партии». Главное правление, продолжал Я. Тышка, считает, что деятельность польской социал-демократии является «только частью общероссийского пролетарского движения», а действия пролетариата в целом должны быть спланированы и руководимы единым центром [272]. К сожалению, руководство СДКПиЛ в своих искренних стремлениях к объединению с российской социал-демократией не видело, что обращалось не к большей и революционной ее части, которая под руководством В. И. Ленина с помощью большинства местных комитетов РСДРП в России готовила новый, III съезд РСДРП. Однако очень скоро связи СДКПиЛ с меньшевиками начали ослабевать. Обнаружившиеся в канун революции противоречия по ряду вопросов теории и тактики революционной борьбы стали сильнее и непримиримее. По-разному решался и вопрос об отношении к русско-японской войне.

Отношение к либеральной буржуазии было следующим серьезным пунктом, по которому СДКПиЛ расходилась с меньшевиками. Либеральная буржуазия и земство шли на сделку с царем. Меньшевики пошли на соглашение с либералами, боясь оттолкнуть их от революции. СДКПиЛ вслед за большевиками разоблачала либералов. Так, в листовке «На штурм самодержавия» Главное правление СДКПиЛ подчеркивало,

[269] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 97, л. 7.
[270] Там же, д. 97, л. 1 об. Была ли такая листовка выпущена, установить не удалось.
[271] «Z Pola Walki», 1931, N 11—12, str. 248.
[272] ЦПА ИМЛ, ф. 270, оп. 1, д. 14, л. 3.

что съезд русских либералов, созванный в ноябре 1904 г., и их прожекты являются «лишь маневром и временной уступкой революционной борьбе»[273]. По мнению СДКПиЛ, русские либералы успокоятся при первых же реформах, незначительных уступках со стороны царя и министров. Газета «Червоный штандар» разъясняла рабочим, что либеральное заигрывание царя с земской шляхтой не принесет политической свободы ни русскому, ни польскому рабочему классу[274]. Чем хитрее планы контрреволюции, тем сплоченнее должны быть действия польского и русского пролетариата в борьбе за осуществление революции. Если меньшевики тянулись за либералами, задерживая рост выступлений рабочих, то СДКПиЛ в возрастающей силе революции отводила руководящую роль передовому пролетариату, который в единой борьбе с русским рабочим классом свергнет ненавистное самодержавие.

Все эти значительные расхождения СДКПиЛ с позициями меньшевиков существенно поколебали отношение руководства СДКПиЛ к меньшевикам. Свидетельством этому служит одно из писем Розы Люксембург, посланное Потресову 7 августа 1904 г. Не меняя прежнего тона критики В. И. Ленина, она выражает недовольство снижением теоретического уровня новой «Искры», уступчивостью «в практической политике». «Мне эти нотки,— пишет она,— послышались уже в «Искре», например, по отношению к Бунду. Именно то,— продолжает Роза Люксембург,— что было так дорого в «Искре» до съезда (имеется в виду II съезд РСДРП.— *Р. Е.*), это была та практическая неуступчивость и intrensigeance[275] по отношению ко всем немарксистским и несоциал-демократическим Konfusionsrat'ам[276], та непреклонность, прямолинейность, которая доказывала в русской социал-демократии сознание своей силы и своего значения. Эта самая резкая неуступчивость на практике... создала в год-два до съезда небывалый прежде престиж Вашей партии. А теперь, к сожалению, как будто эта нота затихает»[277].

Роза Люксембург, не терпевшая ни малейших компромиссов с немарксистскими элементами, скоро начала разбираться в оппортунистической сущности меньшевиков. В. И. Ленин впоследствии, в 1912 г., когда жил и работал на польской земле, вспоминал: «Товарищам польским рабочим известны разногласия между большевиками и меньшевиками во время революции 1905 года. Ряд выдающихся представителей СДКПиЛ, как например Роза Люксембург, стояли сперва, в 1904 году, на стороне меньшевиков, но революция скоро обнаружила их ошибку, ясно доказав оппортунизм меньшевиков»[278].

Антивоенные выступления, разоблачение захватнической политики царского самодержавия, решение вопроса о задачах и руководящей роли пролетариата в период войны и кануна революции в России, отношение к либеральной буржуазии,— все это отделяло пролетарскую марксистскую СДКПиЛ от оппортунистов-меньшевиков и сближало с большевиками. Особенно сблизились взгляды польской социал-демократии с большевиками по вопросам стратегии и тактики революционной борьбы в период первой русской революции. В повседневной борьбе против врагов революции, в вопросах организации и руководства борьбой масс возрастал и креп русско-польский революционный союз.

[273] *K. Grünberg.* Указ. соч., стр. 72.
[274] «Czerwony Sztandar», 1904, XII, N 22, str. 1.
[275] Непримиримость.
[276] Путаникам.
[277] «Социал-демократическое движение в России», т. I, стр. 135.
[278] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 387—388.

Глава VIII

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БОЕВ 1905 — 1907 гг.

1. Социально-экономические предпосылки революции 1905—1907 гг. в России и Польше

Революция 1905—1907 гг. была важнейшим историческим событием начала XX столетия. Это была первая народная революция эпохи империализма, которая оказала огромное влияние на дальнейшее развитие международного революционного движения. Она явилась поворотным пунктом в мировой истории, открыв новый этап в развитии мирового революционного процесса. В. И. Ленин в самом начале революции оценил ее огромное международное значение. Так, в газете «Вперед» от 18 января 1905 г. он указывал, что «низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара»[1]. По своим социально-экономическим задачам первая русская революция была буржуазно-демократической революцией, но по той роли, какую в ней играл пролетариат как гегемон всего общедемократического движения, и по тем специфически пролетарским средствам борьбы, которые были рождены революцией, главным из которых была массовая политическая стачка, революция 1905—1907 гг. была революцией пролетарской. Движущими силами первой русской революции, заинтересованными в доведении революции до победного конца, были пролетариат и крестьянство, страдавшие от социального гнета, политического бесправия и произвола царских властей. В силу тяжелого экономического положения трудящихся масс России, и прежде всего пролетариата, в стране росло недовольство существующим политическим строем, ширилась революционная активность масс. В. И. Ленин указывал, что возрастание политической активности масс зависит от их экономического положения. «Революцию могут делать,— указывал В. И. Ленин,— только массы, двигаемые глубокими *экономическими* нуждами»[2]. Что касается трудящихся масс нерусской национальности, составлявших 57% населения России, то они подвергались еще и национальному угнетению, глубоко оскорблявшему национальные чувства народа. В результате русификаторской политики царизма народные массы нерусской национальности лишались возможности пользоваться в полной мере родным языком, не имели широкого доступа к просвещению, не могли свободно развивать национальную культуру.

Поэтому ликвидация всех видов национального гнета и русификаторской политики царизма в отношении нерусских национальностей

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 204.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 238.

являлась одной из важных задач назревшей в России революции. Таким образом социально-экономический и национальный гнет, сопровождавшиеся неслыханным произволом царских властей, которые свирепо душили проявление всякой свободной мысли, всякую попытку масс к улучшению своего экономического положения, до предела обострили политическую ситуацию в стране. Начавшаяся в 1904 г. непопулярная в народе русско-японская война, носившая с обеих сторон захватнический характер, позорное поражение царской армии на Дальнем Востоке, показавшее всю гнилость самодержавного строя, еще более усилили недовольство народных масс во всей стране. Большевики во главе с В. И. Лениным военное поражение царизма на Дальнем Востоке расценивали как фактор, который пролетариат должен использовать для достижения победы над самодержавием. «Дело русской свободы,— указывал Ленин,— и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия»[3]. Решить задачу низвержения царизма и осуществить назревшие социально-экономические преобразования в России мог только объединенный фронт революционно-демократических сил всей страны при гегемонии пролетариата, руководимого партией революционных социал-демократов — большевиков.

Революция 1905—1907 гг. показала, что к началу XX в. центр мирового революционного движения переместился в Россию, а героический русский пролетариат стал в авангарде международного рабочего движения. Начало революции в России было положено выступлением петербургского пролетариата 9 января 1905 г., когда мирная рабочая демонстрация, направлявшаяся к Зимнему дворцу с изложением просьб об улучшении экономического положения, по приказу царских властей была расстреляна войсками. Взрыв возмущения действиями царизма, учинившего кровавую расправу над мирно шествовавшими петербургскими рабочими, охватил пролетариат всей России. В знак солидарности с петербургскими рабочими в промышленных центрах страны вспыхнули стачки и демонстрации протеста.

Характеризуя международное значение борьбы, начатой пролетариатом России, В. И. Ленин в статье, опубликованной в газете «Вперед» 18 января 1905 г., указывал: «На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира»[4].

Огромное влияние первая русская революция оказала на подъем и последующее развитие революционного движения в Королевстве Польском. Революция 1905—1907 гг. была одним из тех важнейших периодов в истории русского революционного движения, в ходе которой русский и польский рабочий класс ярко продемонстрировали действенность принципов пролетарского интернационализма, являвшихся политической основой русско-польского революционного союза. Польский пролетариат, являвшийся одним из передовых отрядов общероссийской пролетарской армии, на известия о расстреле рабочих столицы ответил всеобщей стачкой и массовыми политическими демонстрациями. Отношение польского пролетариата к начавшейся в России революции с предельной ясностью было выражено в опубликованной на другой день после «кровавого воскресенья» социал-демократической прокламации. «Рабочие!— говорилось в ней,— не будем последними в борьбе, которую трудящиеся всей России должны повести с царским правительством. От совместной борьбы

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 157.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 204.

трудящихся масс России и Польши будет зависеть осуществление политической свободы для народа»[5].

Польское революционное движение в 1905—1907 гг. по задачам и движущим силам, по совпадению этапов своего развития с общероссийским движением являлось составной частью общероссийской буржуазно-демократической революции. Основные задачи, за достижение которых должен был бороться польский пролетариат в революции, были определены в январской социал-демократической прокламации, призывавшей польских пролетариев к всеобщей стачке. «...Бастуйте,— говорилось в прокламации,— и вместе с рабочим классом во всем государстве требуйте: восьмичасового рабочего дня, установленного законом для всех рабочих; значительного повышения заработной платы в соответствии с вашими нуждами и местными условиями; политической свободы, которая обеспечила бы рабочему классу свободу слова, печати, собраний, союзов, забастовок, а также влияние в общественной жизни и участие в законодательстве»[6]. Специфика условий, в которых развертывалось польское революционное движение, состояла в том, что на пути к осуществлению поставленных польским пролетариатом классовых задач стояло не только самодержавие с его русификаторской политикой, глубоко оскорблявшей национальное достоинство польского народа, но также и отечественный союзник царизма — лагерь польских имущих классов, возглавляемый национал-демократией.

2. Идеология и политика польских имущих классов

В связи с развертывающимися событиями действовавшие в Королевстве Польском политические партии должны были уточнить свои политические программы, а главное — определить свое отношение к бурно развивающейся русской революции. Это касалось и буржуазных политических партий, среди которых на первый план выдвинулась национал-демократия. Различные группировки угодовцев, объединившие в своих рядах представителей крупного промышленного и финансового капитала, аристократии и верхов духовенства, не пользуясь заметным влиянием в общественных кругах, оставались как бы в тени. Они продолжали занимать лояльную по отношению к царизму позицию, пытаясь, однако, использовать сложившуюся ситуацию для смягчения русификаторской политики в Королевстве Польском. При этом угодовцы и другие примыкавшие к ним группировки не шли далее требований о восстановлении положений Венского трактата 1815 г., допускавшего некоторую самостоятельность в политическо-правовой организации края и существования самоуправления и местного сейма. Политическая позиция угодовцев довольно определенно была выражена словами Ежи Мошиньского, который заявлял, что необходимо объединить в духе справедливости и порядка самодержавие со всеми слоями польского общества, желающими уважать справедливость и порядок, и общими силами встать на борьбу против покушений социалистической партии. Перед лицом революции, продолжал Мошиньский, правительство должно призвать к себе на помощь все «здоровые силы» польского общества[7].

[5] «Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г.». М., 1956, стр. 129.
[6] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 135.
[7] *S. Kalabiński, F. Tych.* Czwarte powstanie czy pierwsza rewolucja. Lata 1905—1907 na ziemiach polskich, str. 141.

Угодовцы горячим одобрением встретили царский рескрипт от 3 марта 1905 г., в соответствии с которым самодержавие обещало создать под руководством министра внутренних дел Булыгина комиссию для выработки проекта конституции. Позиция угодовских группировок не подверглась каким-либо существенным изменениям и в последующий период революции.

Главной политической партией, которая последовательно защищала классовые интересы польских имущих классов, стала теперь национал-демократия. Внешняя оппозиционность национал-демократии по отношению к самодержавию содействовала росту ее авторитета в кругах буржуазии и помещиков. С самого начала революции национал-демократия мобилизовала все свои силы для борьбы против революционного движения под знаком противодействия перенесенной на польскую землю «русской анархии», призывая к подавлению стачечного движения, которое, мол, «вводит расстройство и разлад» в общественную жизнь края.

С прибытием в Варшаву в начале 1905 г. одного из главных идеологов и вождей национал-демократии — Романа Дмовского — эндеция приняла меры для организационного укрепления партии. В Варшаве было создано Главное правление Стронництва народово-демократичного (национал-демократии), в губернских городах — окружные правления, на периферии — уездные комитеты [8]. Стремясь к достижению согласия с самодержавием, союз с которым эндеция считала главным условием успешной борьбы с революцией, руководство партии приходило к выводу о необходимости привлечения на свою сторону видных представителей польской аристократии, связанных с царским двором. Дмовский заявлял при этом, что ценность этих людей для национал-демократии состоит в том, что с ними больше будет считаться самодержавие, и поэтому они «нашему делу в сношениях с таким правительством, как российское самодержавие, могут принести огромные услуги». С этой точки зрения руководство национал-демократии вполне удовлетворяла фигура Мавриция Замойского, одного из владельцев газеты «Гонец», ставшей с февраля 1905 г. официальным органом национал-демократии [9]. Под прикрытием лозунга национального единства эндеция решительно выступила против всеобщей январско-февральской забастовки. Контрреволюционная позиция национал-демократии с предельной ясностью была выражена в изданной этой партией 23 января листовке. «Неделю тому назад,— говорилось в ней,— Варшава была ареною событий, глубоко поразивших все население города. Мы пережили в столице края минуты полнейшей анархии, насилия и кровопролития... Подражание петербургской стачке и чуждый нашему обществу характер социалистических агитаторов были причиной образа действий, в высшей степени безрассудных» [10]. Позже главный идеолог и вождь национал-демократов Роман Дмовский писал: «Национал-демократический лагерь с самого начала решительно выступил против всяких попыток повстанческого или революционного движения. С этой точки зрения в лагере не было никаких колебаний и их быть не могло в отношении твердо установленного направления его политической мысли» [11].

В трудной ситуации, в которой оказалось самодержавие вследствие роста революционного движения в стране и военных неудач на Дальнем

[8] *S. Kalabiński, F. Tych.* Указ. соч., стр. 142.
[9] *S. Kalabiński, F. Tych.* Указ. соч., стр. 143.
[10] ЦГАОР СССР, ДП ОО, д. 5, ч. 35, л. 35.
[11] *R. Dmowski.* Upadek myśli konserwatywnej w Polsce. W., 1914, str. 101.

Востоке, польская национал-демократия, прикрываясь маской оппозиционности по отношению к царизму и широко используя социальную демагогию, усилила нажим на самодержавие, добиваясь от него уступок в пользу польских имущих классов. Одновременно польские имущие классы и буржуазные политические группировки, в том числе и эндеция, поддерживали царизм в его борьбе с революцией. Причем национал-демократы считали, что действующий в Королевстве Польском бюрократический аппарат царской администрации примитивен и недостаточно пластичен в своих методах, вследствие чего он, мол, не способен управлять так, чтобы предотвратить растущее революционное движение.

Таким образом, домогаясь от царизма согласия на предоставление Королевству Польскому автономии, национал-демократия заботилась прежде всего о мерах ограждения страны от влияния русской революции, о мерах подавления польского рабочего движения.

В ходе революции национал-демократия все настойчивее ставила перед царским правительством вопрос о допущении к власти в Королевстве Польском польских имущих классов. «Передайте в наши руки управление краем, и мы восстановим в нем лад и порядок, создадим условия для нормальной жизни и здорового прогресса»,— в этом политическом «кредо» национал-демократии с предельной ясностью отражена суть контрреволюционной политики польской реакции, направленной на полный разгром рабочего движения. В то же время искусно маскируя свое истинное обличие внешней оппозиционностью в отношении царизма, национал-демократия старательно прикрывала свою контрреволюционную деятельность флагом борьбы за общенациональные интересы. Первоначально она заняла выжидательную позицию по отношению к царскому указу о создании комиссии для выработки проекта конституции.

Однако после бурных первомайских выступлений польского пролетариата эндеция коренным образом изменила свою позицию относительно обещанных царизмом реформ, связывая с ними достижение и своих требований. При этом национал-демократы высказались против предоставления избирательных прав рабочим и малоземельным и безземельным крестьянам [12].

Разоблачая контрреволюционную сущность и практическую деятельность национал-демократии, Главное правление СДКПиЛ в майском обращении «К польской интеллигенции» указывало, что революция, начавшаяся в Королевстве Польском вслед за событиями в Петербурге, расколола польское общество на два враждебных лагеря: «По одну сторону — стоящие рука об руку с гибнущим деспотизмом привилегированные представители открытого соглашательства, рыцари капитала и эксплуатации... В одном ряду с ними также находится так называемая национальная демократия, стремящаяся потушить пожар рабочей революции мутными потоками лжи о «национальном единстве»» [13].

В дни Всероссийской октябрьской забастовки национал-демократия открыто выступала в роли защитника старого порядка. Ее контрреволюционные действия были разоблачены в социал-демократической прокламации. «Подобно тому,— указывалось в ней,— как русская черная сотня, прикрываясь лозунгами патриотизма, призывает теперь русский народ на борьбу против революции, так и наша национал-демократическая черная сотня в своем обращении призывает рабочих, чтобы они

[12] *S. Kalabiński.* Antynarodowa polityka endecji w rewolucji 1905—1907. W., 1955, str. 200.
[13] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 262—263.

сохраняли в стране порядок, чтобы приступили к работе, чтобы изменили революции»[14].

Неописуемый восторг и неподдельную радость вызвал в рядах национал-демократии царский манифест от 17 октября. Устройством «патриотических» демонстраций и митингов на улицах Варшавы приветствовала польская буржуазия манифест как давно ожидаемую «царскую милость». С наступлением «дней свободы», которые, как известно, были со стороны царизма маневром, рассчитанным на удушение рабочего движения, национал-демократы, как и их собратья — русские либералы, сочли революцию оконченной; их идеалом теперь становится обещанная царем Государственная дума.

После окончания Всероссийской октябрьской стачки, закончившейся частичной победой революции над самодержавием, авангард польского пролетариата — СДКПиЛ, как и русские большевики, надеясь на новый подъем революционного движения в стране, держала курс на организацию совместного с русским пролетариатом нового, решительного штурма царского самодержавия.

В декабрьской прокламации СДКПиЛ говорилось: «Первая Всероссийская всеобщая стачка нанесла царизму удар, от которого он до сих пор не может оправиться. Новая всеобщая стачка превратится в яростный ураган революции и не оставит и следа от правительства провокаторов-убийц»[15]. Что же касается национал-демократии, то она в это время главной своей целью считала всемерное противодействие перенесению «русской анархии» на польскую почву. Теперь от ее псевдооппозиционности по отношению к царизму не осталось и следа. Держа курс на укрепление союза с самодержавием, национал-демократия требовала решительного разгрома польского рабочего движения, которое было направлено не только против самодержавия, но и против отечественных имущих классов.

Разоблачая реакционную роль национал-демократии как агента царского правительства, статья «Царизм в объятиях польской буржуазии», опубликованная 30 декабря в органе СДКПиЛ — газете «Червоный штандар», указывала, что «эндеция выступает как прямой агент царского правительства, утверждая, как и правительство в своих обещаниях, что сама Дума — помещичья и буржуазная — может расширить избирательные права в пользу рабочих и все будет в порядке при правительстве бандитов»[16]. Итак, все вышесказанное о национал-демократии как главной партии польских имущих классов является убедительным подтверждением слов, сказанных ранее о своей партии ее вождем и идеологом Р. Дмовским.

3. СДКПиЛ — последовательный пропагандист идей польско-русского революционного союза

В связи с подъемом революционного движения в России существенные сдвиги происходили в рабочем движении Королевства Польского. В конце 1904 г. здесь усилилось стачечное движение, широкий размах приобрели массовые антивоенные выступления в форме многолюдных политических демонстраций и митингов, которыми был охвачен ряд крупных промышленных центров страны. Письмо варшавского генерал-

[14] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 379.
[15] Там же, стр. 433.
[16] Там же, стр. 468.

губернатора, подготовленное для Департамента полиции осенью 1904 г., отмечало: «Один лишь минувший октябрь месяц ознаменовался целым рядом противоправительственных демонстраций, имевших целью главным образом выразить протест против мобилизации»[17]. О заметном оживлении в польском рабочем движении, наступившем в конце 1904 г., сообщала в декабрьском номере социал-демократическая газета «Червоный штандар». «Рабочие,— говорилось в статье,— которые в прежнее время были совершенно равнодушны к борьбе своих классово сознательных товарищей по работе или даже сознательно сторонились партийных агитаторов, теперь стремятся завязать контакты с организацией»[18]. Руководящая роль в развертывающемся движении принадлежала пролетариату, возглавляемому революционной, марксистской партией — социал-демократией Королевства Польского и Литвы. Одним из главных программных положений польской социал-демократии была идея польско-русского революционного союза, основу которого составляли принципы пролетарского интернационализма. Эта идея находила полное понимание и горячую поддержку со стороны большевиков. В. И. Ленин не раз указывал на огромную значимость идей русско-польского революционного союза. Так, в июле 1903 г. в статье «Национальный вопрос в нашей программе» он писал: «Мы всегда будем говорить польскому рабочему: только самый полный и самый тесный союз с русским пролетариатом способен удовлетворить требованиям текущей, данной политической борьбы против самодержавия, только такой союз даст гарантию полного политического и экономического освобождения»[19].

Польские социал-демократы, как и большевики, в своей революционной деятельности исходили из того, что главным препятствием на пути к достижению трудящимися своих целей является самодержавие, что борьба за свержение самодержавия требует объединения революционных сил всей Российской империи в единый революционный фронт, руководящую роль в котором должен был играть пролетариат. Этой цели должен был служить и польско-русский революционный союз. Последовательными борцами за осуществление его идей являлись большевики в России и польская социал-демократия, которую Ленин оценивал как «действительно марксистскую, действительно пролетарскую партию»[20]. Лозунги «Да здравствует единство пролетариата русского и польского», «Да здравствует классовое единство пролетариата всей страны», выдвинутые социал-демократией Королевства Польского и Литвы в начале революции, имели определяющее значение для стратегии и тактики польской социал-демократии. Вокруг этих лозунгов СДКПиЛ и сосредоточивала затем всю свою политическую и практическую деятельность, мобилизуя рабочие массы на революционные выступления. Богатое документально-литературное наследие польской социал-демократии, сохранившееся от периода революции 1905—1907 гг., свидетельствует об огромной революционно-пропагандистской деятельности, которую она проводила в массах, внедряя в их сознание идеи пролетарского интернационализма, идеи польско-русского революционного союза. Не случайно сборник документов СДКПиЛ, изданный к 50-летию революции 1905—1907 гг. Отделом истории партии при ЦК ПОРП, наполовину состоит из материалов, в которых, так или иначе, идет речь об идеях

[17] «Narastanie rewolucji w Królestwie Polskim w latach 1900—1904». W., 1960, str. 684.
[18] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 104.
[19] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 242.
[20] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 294.

русско-польского революционного союза, о значении совместной борьбы польского и русского пролетариата против самодержавия и капиталистического гнета.

Огромный вклад в дело пропаганды идей польско-русского революционного союза, в дело воспитания польского пролетариата в духе принципов пролетарского интернационализма внесла Роза Люксембург — признанный идеолог и вождь польского рабочего класса. Отстаивая общность классовых интересов пролетариата независимо от государственной и национальной принадлежности, она заявляла: «Польские рабочие, ваше место быть в общих рядах с российским пролетариатом, чтобы общими усилиями свергнуть ненавистное народным массам самодержавие». Воплощению этого лозунга в жизнь была посвящена вся кипучая деятельность пламенной революционерки в годы первой русской революции. Еще до событий «кровавого воскресенья» Р. Люксембург в статье «Чего мы хотим» указывала: «Свержение царизма, политические свободы в России не являются утопией... Волна непрерывно двигающегося вперед социального прогресса в свое время ликвидировала абсолютизм на Западе Европы, теперь в порядок дня стала его ликвидация в России...»[21] Продолжая свою мысль далее, Р. Люксембург писала: «Польский пролетариат должен отвечать на это братским участием в совместной борьбе с русским пролетариатом за всеобщие политические свободы ста двадцати миллионов населения, изнывающего под ярмом царизма»[22].

Находясь в эмиграции в Германии, она откликалась на все происходящие в Польше события, оказывая большое политическое влияние на идейное развитие и практическую деятельность польской социал-демократии. Р. Люксембург горячо приветствовала первую русскую революцию. В статье, помещенной в февральском номере «Нойе цайт», она с удовлетворением отмечала, что пролетариат Варшавы и Лодзи ответил на петербургскую резню всеобщей забастовкой, продемонстрировав тем самым политическую и классовую солидарность с пролетариатом города на Неве[23]. В апрельском номере «Червоного штандара» Р. Люксембург вновь отметила как положительную черту польского рабочего движения его классовую солидарность с русским рабочим движением. Она писала, что польские рабочие, даже недостаточно политически сознательные, ясно выражали «свою солидарность с рабочим восстанием в Петербурге»[24].

Внимательно следя за ходом борьбы польского пролетариата и откликаясь на все важные события, происходившие в Польше в годы первой русской революции, Р. Люксембург становится страстной пропагандисткой революционного опыта русской революции, подчеркивает ее ценнейший вклад в идейную сокровищницу международного рабочего движения. Так, в сентябре 1905 г. в речи на Иенском партейтаге она заявила: «Мы являемся свидетелями русской революции, и мы были бы ослами, если бы ничему при этом не научились»[25]. Отвечая оппортунистам, которые выступали против всеобщей стачки, она говорила: «Поучитесь у русской стачки»[26]. Работу Р. Люксембург, посвященную русской рево-

[21] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 121.
[22] Там же.
[23] *R. Luksemburg.* Rok 1905 (Wybór artykułów). W., 1951, str. 21.
[24] Там же, стр. 33.
[25] *Р. Люксембург.* Речи. М.— Л., 1929, стр. 27.
[26] Там же, стр. 28.

люции, «Massenstreik, Partei und Gewerkschaften», В. И. Ленин назвал лучшим изложением проблемы на немецком языке[27]. Подчеркивая огромное значение рожденной опытом русской революции массовой стачки, Р. Люксембург увидела в ней прежде всего мощное оружие в руках пролетариата. «Революционная борьба в России, где массовые стачки применяются в качестве главного оружия,— писала она,— ведется трудящимся народом и прежде всего пролетариатом за те именно политические права и условия, необходимость и значение которых для освободительной борьбы рабочего класса были впервые доказаны Марксом и Энгельсом»[28].

Являясь одним из организаторов и признанным идеологом польской социал-демократии, Р. Люксембург своими теоретическими трудами, своей бескомпромиссной политической борьбой против оппортунистов всех мастей, отстаивая интернационалистские принципы в рабочем движении, внесла неоценимый вклад в теорию и революционную практику польского и международного рабочего движения. Из-под пера Р. Люксембург вышли почти все основные программные документы социал-демократии Королевства Польского и Литвы, определявшие ее революционную стратегию и тактику.

Благодаря огромной теоретической и политической работе Р. Люксембург и других руководителей польского рабочего движения — Юлиана Мархлевского, Адольфа Варского (Варшавского), Феликса Дзержинского, в течение длительного времени воспитывавших польский пролетариат в духе дружбы и классового сотрудничества с пролетариатом России, польская социал-демократия оказалась подготовленной к событиям начавшейся в России революции.

Главное правление СДКПиЛ еще за месяц до «кровавого воскресенья» в своей прокламации указывало: «...На нас, рабочих, на сознательный польский пролетариат, наряду с русским пролетариатом, выпала задача свержения царского самодержавия и гарантирования участия польской общественности в будущей политической свободе России»[29]. Откликаясь на выступление петербургского пролетариата в январе 1905 г., польская социал-демократия призывала польских рабочих к поддержке борьбы русского пролетариата и подчеркивала, что «от совместной борьбы трудящихся масс России и Польши будет зависеть осуществление политической свободы для народов»[30]. На все крупные революционные выступления пролетариата России польская социал-демократия откликалась тем, что мобилизовывала польский пролетариат на выступления в поддержку русских братьев, рассматривая борьбу польского пролетариата как составную часть русской революции.

В ходе революции СДКПиЛ по многим важным вопросам революционной стратегии и тактики пролетариата занимала сходную с большевиками позицию или приближалась к ним. Высоко ценя заслуги польской социал-демократии перед русской революцией, перед пролетариатом своей страны, необходимо иметь в виду и ее слабые стороны, ее ошибочные позиции по ряду важных вопросов революционной стратегии. Прежде всего речь идет о том, что СДКПиЛ не сумела подняться до ленинского понимания оценки основных движущих сил русской революции, как революции буржуазно-демократической, в которой пролета-

[27] «Ленинский сборник», XXVI, стр. 155.
[28] *Р. Люксембург.* Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия. Киев, 1906, стр. 6.
[29] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 124.
[30] Там же, стр. 129.

риат выступает в роли гегемона всего общедемократического движения, а крестьянство, заинтересованное в победоносном исходе революции, является союзником пролетариата.

Недооценивая революционную роль крестьянства, которое на известном этапе развития революции якобы должно будет выступить против рабочего класса, СДКПиЛ не усвоила до конца ленинского стратегического лозунга «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Не поняв характера и специфики первой русской революции, польская социал-демократия занимала ошибочную позицию и по национальному вопросу, имеющему для польского народа исключительное значение. Не поняв всей глубины диалектического подхода к решению национального вопроса, Р. Люксембург продолжала занимать негативную позицию по отношению к ленинскому лозунгу самоопределения наций.

Развивая свои ошибочные взгляды по национальному вопросу, Р. Люксембург утверждала, что в новых исторических условиях, при господстве капиталистических отношений, когда сильны тенденции к экономической интеграции, лозунг национальной независимости не находит опоры ни в одном из основных классов капиталистического общества. Перенося эти взгляды на польскую почву, она заявляла, что как польская буржуазия, так и польский пролетариат не заинтересованы в восстановлении государственной самостоятельности Польши. Буржуазия равнодушна к независимости Польши потому, что ее основные экономические интересы прочно связаны с русским рынком, без связи с которым экономика Польши не может развиваться, а польский пролетариат не заинтересован в восстановлении независимости буржуазной Польши, ибо он ведет борьбу за ликвидацию буржуазного государства и победу социализма, при котором восторжествует братский союз свободных народов, и национальный вопрос автоматически потеряет свое значение. Такая постановка вопроса вступала в явное противоречие с волей и интересами широких народных масс угнетенных наций, которые боролись как за социальное, так и за национальное освобождение, за свободу во всех сферах общественной жизни.

В. И. Ленин, глубоко интересовавшийся судьбами польского рабочего движения, подверг резкой критике взгляды Р. Люксембург на национальный вопрос вообще и на «польский вопрос» в особенности. В своей знаменитой работе «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин указывал: «Роза Люксембург подменила вопрос о политическом самоопределении наций в буржуазном обществе, об их государственной самостоятельности вопросом об их экономической самостоятельности и независимости»[31]. Развивая марксистскую постановку вопроса о самоопределении наций, В. И. Ленин подчеркивал, что ««самоопределение наций» в программе марксистов *не может* иметь, с историко-экономической точки зрения, иного значения кроме как политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства»[32]. Ошибку Р. Люксембург и польских социал-демократов Ленин видел не в выступлениях против лозунга независимости Польши, а в том, что они вообще отрицали значение постановки лозунга о самоопределении наций в программе пролетарских партий. «Ни один российский марксист,— указывал Ленин,— никогда и не думал ставить в вину

[31] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 262.
[32] Там же, стр. 263.

польским с.-д., что они против отделения Польши. Ошибку делают эти с.-д. лишь тогда, когда пробуют — подобно Розе Люксембург — отрицать необходимость признания права на самоопределение в программе *российских* марксистов»[33].

Не сумев воспринять диалектику ленинского учения по национальному вопросу, польские социал-демократы продолжительное время оставались в плену своих концепций, что отрицательно сказывалось на развитии польского рабочего движения, сужало рамки идейного влияния рабочей партии на широкие народные массы, оставляло место для происков ППС. Однако из этого вовсе не следует, что польская социал-демократия стояла в стороне от борьбы масс против национального гнета, что она была равнодушна к патриотическим чувствам народа. Будучи последовательно интернационалистской революционной партией, горячим поборником идей польско-русского революционного союза, СДКПиЛ возглавляла борьбу польского пролетариата против всех форм угнетения, в том числе и против национального гнета. Решительно выступая против русификаторской политики царизма, оскорблявшей национальные чувства польского народа, польская социал-демократия выражала национальные интересы широких масс. Вся революционная борьба СДКПиЛ была глубоко проникнута благородной идеей борьбы за подлинную свободу польского народа, за всестороннее развитие польской культуры, польского языка, польской демократической школы.

В своей программной прокламации от 23 января 1905 г., определявшей главное направление борьбы польского пролетариата в начавшейся революции, СДКПиЛ, призывая польский пролетариат к совместной с русским пролетариатом борьбе против самодержавия, выдвинула реалистическое в тех исторических условиях требование об установлении в Королевстве Польском широкой национальной автономии. В отличие от национал-демократии, которая рассматривала автономию как царскую милость, как средство ограждения польского общества от влияния русской революции и как инструмент для разгрома польского рабочего движения, социал-демократия введение широкой национальной автономии в Королевстве Польском связывала с низвержением самодержавия и установлением в России республиканского демократического строя, который гарантирует польскому народу широкие права для его политического, культурного и национального развития. Если учесть, что в той исторической обстановке не было еще ни внутренних, ни внешних предпосылок для выдвижения лозунга о полном восстановлении польской государственности, то следует признать эту позицию польской социал-демократии вполне соответствующей реальному положению вещей.

Подлинную заинтересованность в борьбе за удовлетворение национальных требований польского народа польская социал-демократия проявила во время школьной забастовки. Она началась вслед за всеобщей январско-февральской забастовкой, охватила высшие, средние и даже начальные учебные заведения Польши и была направлена против русификаторской политики царизма, за восстановление в школе преподавания на родном, польском языке. СДКПиЛ выступила в поддержку этого требования польской учащейся молодежи. В апрельском номере газеты «Червоный штандар» Главное правление СДКПиЛ опубликовало прокламацию, в которой говорилось: «Мы, социал-демократы, всегда исходили и исходим в нашей борьбе из классовых интересов рабочих. Но наша борьба за политическую свободу, за установление демократической

[33] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 294.

республики в Российском государстве и за национальную автономию польских земель является в то же время и национальной борьбой, это борьба за создание школы не только демократической, но и польской»[34].

Огромное влияние на дальнейшее расширение и углубление революционного движения в России оказали решения состоявшегося в апреле — мае 1905 г. III съезда РСДРП. В специально принятой резолюции съезд указал, что важнейшим средством свержения самодержавия является всенародное вооруженное восстание, подготовка к которому является отныне главной задачей социал-демократической рабочей партии. Иной позиции в этом вопросе придерживались польские социал-демократы. Отождествляя понятие о вооруженном восстании с самой революцией, они утверждали, что ни революцию, ни вооруженное восстание нельзя заранее планировать, поэтому они отрицали необходимость организационно-технической подготовки к вооруженному восстанию. Ошибочная позиция СДКПиЛ по вопросу о вооруженном восстании нашла отражение во взглядах Р. Люксембург. Она правильно считала, что решающим фактором революции является борьба широких масс, которая определяет судьбы революции[35]. Преувеличивая в то же время элементы стихийности, Р. Люксембург недооценивала роль партии как организующей и руководящей силы революции[36]. Так, касаясь роли стихийности в русском стачечном движении, она заявляла: «...в России элемент стихийности играет такую преобладающую роль в массовых стачках не потому, что русский пролетариат «не воспитан», а потому, что революция не поддается воспитанию»[37]. Эта мысль довольно ясно была выражена в выступлении А. Варского на IV съезде РСДРП: «...мы не можем,— заявил он,— превратиться в военный батальон, не можем следовать иллюзии, что успех восстания зависит от нашей технической подготовки, что мы можем вооружить народ»[38].

Самоотверженная борьба польских социал-демократов, которую они вели в годы революции за удовлетворение насущных социальных и национальных интересов польских трудящихся, выдвинула СДКПиЛ в авангард польского революционного движения. В ходе революции значительно вырос авторитет СДКПиЛ в массах, расширилось ее влияние в рядах пролетариата. Ф. Дзержинский, выступая с докладом на V съезде СДКПиЛ (июнь 1906 г.), указывал, что «...партия принимает самое активное участие в событиях 1905 года и половины 1906 года, а ее влияние на массы отчетливо проявлялось в той дисциплинированности, с какой рабочие всей Польши по каждому призыву партии поднимались на борьбу»[39]. Свидетельством возросшего авторитета польской социал-демократии в рабочих массах являлось значительное увеличение ее рядов. Если накануне революции в рядах СДКПиЛ насчитывалось около тысячи человек, то к V съезду в составе СДКПиЛ числилось до 30 тыс. членов.

Воспитанная на идеях пролетарского интернационализма, на идеях польско-русского революционного союза, польская социал-демократия высоко подняла революционное знамя борьбы за социальное и национальное освобождение трудящихся и с честью пронесла его сквозь бури первой русской революции.

[34] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 199.
[35] *Р. Люксембург.* Всеобщая забастовка..., стр. 54.
[36] Там же, стр. 75.
[37] Там же.
[38] «Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. Протоколы». М., 1959, стр. 386.
[39] *F. Dzierżyński.* Pisma wybrane. W., 1951, str. 151.

4. Воздействие революции на взгляды и деятельность ППС

Вспыхнувшая в России народная революция, охватившая и Королевство Польское, застала врасплох руководство ППС. Революционные выступления польского пролетариата в знак солидарности со своими русскими братьями развеяли в прах пепеэсовскую легенду о «незрелости» русского рабочего класса, об «отсталости» русского революционного движения. Широкие слои польского рабочего класса все больше убеждались в том, что только совместная с русским пролетариатом борьба, тесный союз с русской революцией принесет победу польскому народу над самодержавием и отечественной реакцией. В рядах ППС, и в первую очередь в ее низовых организациях, усилилось недовольство политикой правого, пилсудчиковского, руководства партии. Левая часть деятелей ППС, так называемые «молодые», еще накануне революции высказывали сомнения относительно реальности польско-русской войны, на которой была построена вся концепция борьбы ППС за независимость Польши. Теперь они усилили свои атаки против последователей Ю. Пилсудского. Стало ясно, что прежняя тактика, рассчитанная на изоляцию польского пролетариата от русского революционного движения, терпит крах, что ее решительно отвергают рабочие массы. Это сказалось уже во время январско-февральской забастовки, когда рядовые пепеэсовцы нередко бастовали вместе с рабочими — социал-демократами.

В результате возникших противоречий обострился кризис внутри ППС. «Молодые», вопреки сопротивлению правого руководства партии (так называемых «старых»), в марте 1905 г. созвали Краевую конференцию, которая по предложению Г. Валецкого преобразовалась в VII съезд ППС. Острая дискуссия, развернувшаяся на съезде по вопросу об отношении к русской революции, завершилась победой «молодых». Большинство участников съезда выступило против националистической линии правого, пилсудчиковского руководства партии. Признав, что революционное движение в Польше является составной частью русской революции, съезд призвал польский пролетариат к активному участию в общероссийском революционном движении. Прежний лозунг об отрыве польских земель от России был заменен лозунгом совместной борьбы польского и русского рабочего класса против самодержавия.

Важной победой «молодых» было и то, что съезд не избрал в руководящий орган партии — ЦРК правых лидеров ППС: Ю. Пилсудского, В. Иодко-Наркевича, Ф. Перля и др. Руководство партии перешло в руки молодых радикальных элементов. В новый состав ЦРК были избраны Г. Валецкий, М. Белецкий, Ф. Кон, Ф. Сакс, Э. Гольде-Стружецкая. В результате неясности некоторых решений VII съезда ППС и при наличии все более углубляющейся идейно-политической борьбы внутри партии было принято решение о созыве Совета партии. Заседание Совета партии состоялось в июне 1905 г. Принятые на нем решения явились дальнейшим шагом к укреплению позиций левого крыла в ППС. В них со всей определенностью подчеркивалось значение польско-русских революционных связей для победы революции. Так, в резолюции Совета говорилось: «Отмечая, что победа революции в Королевстве Польском и Литве тесно связана с победой революции во всем Российском государстве, особенно в коренной России, что, следовательно, наша революция должна быть составной частью переворота во всем Российском государстве, что свержение самодержавия, как предвари-

тельное условие каких-либо политических завоеваний, может наступить единственно под напором всех революционных сил в Российском государстве, Совет считает, что мы должны стремиться к координации революционного движения всего пролетариата во всех частях Российского государства»[40].

Политическая линия нового руководства ППС, признававшего необходимость укрепления польско-русского революционного сотрудничества, освещалась на страницах органа ППС журнала «Пшедсвит». В июньском номере 1905 г. журнал отмечал, что «вопрос о нашем отношении к русскому движению был обсужден достаточно широко и оживленно. Однако глубоких расхождений во взглядах различных членов нашей партии по этому вопросу в ходе дискуссии не было обнаружено. В настоящее время необходимость сотрудничества с революционным движением в России вполне очевидна для всех»[41]. В духе признания значения польско-русского революционного сотрудничества выступал и другой орган ППС — газета «Роботник». В ее декабрьском номере говорилось: «Мы должны разрушить стену, отделяющую войско от народа, должны стремиться к тому, чтобы солдат видел в нас борцов за общую свободу народов, поверил в победу революции. Если мы хорошо поймем наши революционные обязанности, начатая работа будет идти вперед с молниеносной быстротой»[42]. Однако у левого крыла ППС не хватало решительности, чтобы отмежеваться от пилсудчиков в организационном отношении.

Потребовалось время для вызревания революционной идейно-политической позиции левого крыла ППС, пока не наступил момент организованного разрыва левицы с правыми пилсудчиковскими элементами.

Вопрос об отношении к российской революции, к классовой борьбе пролетариата, его социалистической идеологии, к принципам пролетарского интернационализма продолжал оставаться водоразделом между левым и правым крылом ППС. Лодзинское восстание, широкая волна стачечного движения в знак протеста против царского проекта о созыве булыгинской думы, активное участие польского пролетариата во Всероссийской политической стачке, массовые забастовки в знак солидарности с Московским вооруженным восстанием — все это содействовало дальнейшей радикализации левого крыла ППС. Левица ППС все более активно призывала польских рабочих к совместной с русским пролетариатом борьбе. Во время Всероссийской октябрьской стачки в своей прокламации ЦРК призывал польских рабочих поддержать ее[43]. Со специальным призывом ЦРК обратился к польскому пролетариату в связи с вооруженным восстанием московских рабочих в декабре 1905 г. «Идем вновь на штурм самодержавия,— говорилось в воззвании,— напряжем все силы, чтобы этот штурм был последним. К борьбе, товарищи! Пусть весь пролетариат восстанет как один человек, чтобы разбить кандалы... Одновременно с пролетариатом Польши на борьбу поднимается пролетариат всей России»[44].

В условиях все более углублявшегося внутрипартийного кризиса ППС в феврале 1906 г. во Львове состоялся VIII съезд партии. На съезде развернулась острая идейно-политическая борьба между «левицей» и «правицей». В результате дискуссии победу одержала поли-

[40] «PPS-Lewica. 1906—1918. Materiały i dokumenty», t. I, cz. I. W., 1961, str. 11—12.
[41] Там же, стр. 22.
[42] Там же, стр. 59.
[43] Там же, стр. 48.
[44] Там же, стр. 55.

тическая линия левого направления — «молодых», которых поддерживало большинство партии. Хотя на съезде все еще не произошел полный организационный разрыв левицы с правым, пилсудчиковским крылом партии, однако съезд признал неудовлетворительной старую программу ППС и принял решение о выработке новой программы партии. Актуальным лозунгом по «польскому вопросу» съезд признал требование о предоставлении автономии Королевству Польскому при условии установления республиканско-демократического строя в России. В ответ на письмо вождя реформистской польской социал-демократии Галиции и Силезии Игнация Дашиньского, выступившего с открытым осуждением всеобщей стачки и особенно всеобщей стачки польского пролетариата, вспыхнувшей в декабре 1905 г., съезд принял специальное решение, в котором указывалось, что всеобщие стачки оказались мощным оружием в руках революционного пролетариата [45].

В этом же решении съезда подчеркивалось значение стачечной борьбы как средства упрочения интернациональных связей пролетариата. «Всеобщие забастовки,— говорилось в резолюции,— связали в одно целое пролетариат всего Российского государства, показали мощь пролетарской солидарности...» [46] И далее в резолюции подчеркивалась та мысль, что «при соответствующей подготовке пролетариата всеобщая забастовка перерастет в массовую вооруженную революцию, которая должна закончиться свержением самодержавия и созданием революционного народного правительства. Вооруженная революция будет революцией пролетариата всего государства, а борьба пролетариата нашего края — составной частью этой последней» [47].

Определяя политическую и тактическую линию партии, съезд указывал, что «солидарность рабочего класса, борющегося против царизма и контрреволюционной буржуазии, все большая сплоченность рядов пролетариата, общность задач пролетариата всего государства,— это исходный пункт нашей революционной тактики» [48]. Исходя из этого, съезд признавал необходимым «войти в соглашение с другими революционными партиями, действующими в государстве, с целью подготовки к вооруженной борьбе, с целью совместного выступления» [49].

По главным вопросам революционной стратегии и тактики, обсуждавшимся на съезде, победу одержало левое крыло ППС, представители которого и были выбраны в состав руководства партии. Одержав победу над правыми, пилсудчиковскими элементами, левица-ППС все же не пошла на полный разрыв с ними. В угоду правым съезд принял решение о подчинении Боевому отделу, находившемуся в руках пилсудчиков, всех местных боевых организаций партии. Это усиливало влияние пилсудчиков на формирование тактики ППС и в то же время давало возможность Боевому отделу выходить из-под контроля ЦРК. Террористические акции пепеэсовских боевиков против рядовых солдат, полицейских и чиновников затрудняли деятельность партии в массах, особенно в военно-революционных организациях. В связи с этим руководство партии рекомендовало Боевому отделу избегать боевых акций, жертвами которых являлись рядовые солдаты, полицейские. Однако Боевой отдел игнорировал это указание руководства партии. Стараясь сохранить свои позиции, Боевой отдел осенью 1906 г. созвал втайне от партийных

[45] «PPS-Lewica...», str. 81.
[46] Там же.
[47] Там же, стр. 82.
[48] Там же,
[49] Там же.

органов конференцию, на которой было принято решение о неподчинении решению ЦРК, касавшемуся ограничения действий Боевого отдела.

В ноябре 1906 г. в Вене собрался IX съезд ППС. Большинством голосов (28 против 11) съезд принял решение об исключении из рядов ППС Боевого отдела и его сторонников. Своему решению съезд дал следующую мотивировку: «Принимая во внимание, что Боевой отдел придерживается политики и тактики, находящихся в явном противоречии с политикой большинства партии, что служил он направлению, стремящемуся к отделению революционного движения в Польше от общероссийского революционного движения..., съезд постановляет, что члены запрещенного Боевого отдела и все участники конференции боевиков, которые с ним солидаризируются, поставили себя тем самым вне рядов ППС»[50]. Исключенные основали свою партию, присвоив ей название «ППС-революционная фракция», которая продолжила реформистскую, националистическую линию старой, дореволюционной ППС, главным идеологом которой оставался Ю. Пилсудский. Определяя позицию ППС-фракции, В. И. Ленин указывал: ««Фраки»— не пролетарская, не социалистическая, а мелкобуржуазная националистическая партия, нечто вроде польских социал-революционеров»[51].

Левое, революционное крыло, за которым шло большинство партии, приняло название «ППС-левица». В целях разъяснения смысла и значения для партии принятого съездом решения об исключении из ППС правых, пилсудчиковских, элементов, съезд принял специальное воззвание, с которым обратился ко всем членам партии[52]. В этом воззвании указывалось, что произошедший в ППС раскол явился следствием продолжительной внутрипартийной борьбы, принявшей острый характер с самого начала русской революции. Внутрипартийные споры показали существенную разницу во взглядах на русскую революцию и на отношение к ней «молодых», отражавших позиции радикального направления партии, и «старых», отражавших взгляды правого, националистического крыла партии. Задачей польского пролетариата, подчеркивалось в воззвании, является совместная со всем пролетариатом России борьба против самодержавия, на развалинах которого должен быть создан в России республиканско-демократический строй, способный предоставить национальную автономию Королевству Польскому. Эта позиция ППС-левицы нашла полную поддержку партии. Таким образом, в оценке общероссийского революционного движения, значения польско-русских революционных связей, в постановке задач польского пролетариата в революции ППС-левица приближалась к позиции польской социал-демократии. Это способствовало усилению действенности русско-польского революционного союза, усиливало позиции его сторонников в польском рабочем движении и еще выше поднимало значение принципов пролетарского интернационализма.

5. «Солидарность и единство рабочего класса Польши и России стали совершившимся фактом...»

Исключительно богатый революционными событиями 1905 год занимает особое место в истории русско-польского революционного сотрудничества. Все наиболее важные революционные события, от «кровавого

[50] «PPS-Lewica...», str. 146.
[51] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 294.
[52] «PPS-Lewica...», str. 150—151.

воскресенья» до Московского вооруженного восстания, находили живой отклик среди польского пролетариата, который занимал одно из первых мест в общероссийском революционном движении. Вслед за петербургским пролетариатом в борьбу против самодержавия включились пролетарии всей России. «Лозунг геройского петербургского пролетариата «смерть или свобода!»,— указывал Ленин,— эхом перекатывается теперь по всей России»[53]. Рабочее движение, охватившее все промышленные центры России, В. И. Ленин назвал величайшим историческим событием. «Перед нами,— писал он,— одно из великих столкновений формирующегося класса пролетариев с его врагами, столкновений, которые оставляют свои следы на долгие годы»[54].

В знак солидарности с петербургскими рабочими в Королевстве Польском развернулись массовые выступления пролетариата, охватившие многие крупные промышленные центры. 27(14) января вспыхнула всеобщая забастовка в Варшаве, сопровождавшаяся многолюдными уличными демонстрациями; на отдельных улицах Варшавы — Грибной, Вроньей и др.— были воздвигнуты баррикады. Вслед за Варшавой забастовали 100 тыс. рабочих Лодзи и Лодзинского промышленного района. 1 февраля (19 января) забастовкой был охвачен Домбровский угольно-металлургический бассейн. В начале февраля во всеобщей забастовке участвовал пролетариат всех промышленных центров Королевства Польского.

Требования экономического характера, которые выдвигали бастующие, тесно переплетались с их политическими лозунгами, и все движение приняло ярко выраженный политический характер. Интернациональный характер борьбы польского пролетариата убедительно подчеркивался в воззвании Главного правления СДКПиЛ «Ко всему обществу». В нем говорилось: «...минувшая неделя, начавшаяся всеобщей стачкой рабочих Варшавы и Лодзи, открыла новую страницу в истории Польши. По призыву русских рабочих проснулись трудящиеся массы Польши. Польский рабочий класс последовал призыву рабочей России, восставшей на борьбу за свободу... Польские трудящиеся массы сразу и верно поняли, что кровь, пролитая на улицах Петербурга,— это его собственная кровь, что дело, за которое борется русский пролетариат, является его собственным делом»[55]. Всеобщая январско-февральская забастовка в Королевстве Польском проходила в основном под идейно-политическим руководством польской социал-демократии, деятельность которой в эти дни направлял находившийся в Варшаве Ф. Дзержинский.

Все последующее развитие революционного движения в Польше находилось в непосредственной связи с общероссийским революционным движением. В условиях дальнейшего подъема революционного движения СДКПиЛ развернула подготовку к празднику пролетарской солидарности — дню 1 Мая, выпустив по этому поводу специальную прокламацию, в которой подчеркивалось: «В этом году первомайский праздник будет отмечаться в огне рабочей революции в нашей стране и во всей царской России».

Во всех крупных промышленных центрах Королевства Польского в день 1 Мая вспыхнули массовые забастовки, сопровождавшиеся уличными демонстрациями, причем во время демонстрации в Варшаве имели место случаи братания солдат с рабочими. Во время продвижения по

[53] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 202.
[54] Там же, стр. 175.
[55] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 167.

улице Злотой демонстрация задержалась на некоторое время около солдатских казарм. Увидя толпу демонстрантов, солдаты закрыли окна казармы, но, заметив спокойное поведение демонстрантов, вновь их открыли. Пламенная речь, обращенная к солдатам по-русски одним из демонстрантов, была хорошо принята солдатами. Некоторые из них, размахивая фуражками, приветствовали демонстрацию возгласами: «Долой самодержавие, да здравствует свобода!» В ответ демонстранты выкрикивали «Долой царя!», «Не стреляйте в своих голодных братьев!»[56] В рядах демонстрантов-варшавян была и обучавшаяся здесь в учебных заведениях русская молодежь. Под знаменем социал-демократической молодежной организации, на котором виднелись надписи на польском и русском языках, шла группа русской молодежи в количестве 45—50 человек. Они пели революционные песни, произносили революционные лозунги[57].

Известия о первомайских выступлениях польского пролетариата нашли горячий отклик у делегатов заседавшего в это время III съезда РСДРП. Приветствуя революционную борьбу польского пролетариата и выражая свою солидарность с ним, съезд принял специальную резолюцию, в которой говорилось: «Третий съезд РСДРП выражает свое негодование по поводу новых убийств народа, организованных преступным правительством 1 мая в Варшаве и Лодзи, приветствует мужество и решимость братского пролетариата Польши и выражает уверенность в скором наступлении того дня, когда пролетариат всех национальностей России дружно выступит против ненавистного самодержавия и окончательной победой над ним расчистит себе путь для дальнейшей борьбы за социализм»[58].

Весной 1905 г. большого размаха и политической остроты достигла борьба пролетариата Лодзинского фабричного района. Начиная с середины мая и до середины июня в Лодзи ежедневно бастовало от 20 до 35 тыс. человек. В ходе непрерывного забастовочного движения лодзинские рабочие создали свои революционные органы в виде рабочих делегаций и стачечных комитетов. Руководящую роль в них играли социал-демократы. Массовые стачки, являясь революционной школой рабочего класса, повышали его классовое сознание, содействовали его сплоченности и организованности, закаляли волю рабочих к борьбе.

Политическая атмосфера в Лодзи к середине июня достигла высокого напряжения. Обострявшиеся со дня на день классовые конфликты между бастующими и фабрикантами предопределили неизбежность вспышки всеобщей забастовки, переросшей в вооруженное восстание. Кульминацией восстания было 23(10) июня. В этот день была приостановлена работа на всех промышленных предприятиях города, бездействовали учреждения и торговые заведения, улицы Лодзи покрылись баррикадами. Однако, несмотря на мужество и героизм, проявленные рабочими в ходе продолжавшегося в течение двух суток восстания, оно было жестоко подавлено превосходящими силами царских войск.

В основе своей Лодзинское восстание носило стихийный характер. Тем не менее оно вписало славную страницу в историю революционной борьбы польского пролетариата, явилось ценным вкладом в опыт международного рабочего движения. Июньское Лодзинское восстание было

[56] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 249.
[57] Там же, стр. 256.
[58] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов», ч. 1. М., 1954, стр. 84.

одним из важных звеньев в общей цепи революционных событий первой русской революции.

Лодзинское восстание нашло горячий отклик у широких масс польского рабочего класса. Варшавский комитет СДКПиЛ призвал рабочих Варшавы начать всеобщую забастовку в знак солидарности с лодзинскими братьями. «Революционная Варшава,— говорилось в воззвании СДКПиЛ,— не может равнодушно смотреть на революционную борьбу Лодзи. В знак солидарности с нашими братьями в Лодзи, в знак протеста против новых злодеяний царского правительства в понедельник 26 июня вся Варшава должна прекратить работу»[59]. Забастовка солидарности с лодзинским пролетариатом состоялась в Варшаве. Примеру рабочих Варшавы последовали пролетарии Ченстоховы, Домбровского бассейна, Белостока, Люблина.

Горячие чувства пролетарской солидарности с лодзинскими братьями выразили рабочие Петербурга, Москвы и других городов России. «Лодзинские события,— говорилось в прокламации Петербургского комитета РСДРП,— вновь и вновь показали, что борьба между самодержавием и народом — борьба неминуемо кровавая — разгорается, и близок ее последний момент. Кровавая борьба в Лодзи, Варшаве и Одессе требует, чтобы мы отозвались на нее, поддержали наших, уже вступивших в открытую борьбу, товарищей»[60]. Тот же дух интернациональной солидарности с польскими рабочими и призыв к совместной борьбе содержала и листовка Московского комитета РСДРП. Сообщая о событиях в Польше, РСДРП подчеркивала, что героическая борьба польского пролетариата, «борьба, поражающая своим величием весь мир, будет нам прекрасным примером самоотверженной борьбы рабочего класса за свое освобождение»[61].

С выражением чувств классовой солидарности к польским пролетариям выступили многие местные большевистские организации. Так, в листовке Екатеринославского комитета РСДРП говорилось: «Товарищи! Когда рабочие Лодзи истекали кровью в борьбе с душившим их произволом царской опричнины, когда сорок тысяч иваново-вознесенцев поднялись как один человек на борьбу с хозяйской эксплуатацией, могли ли мы остаться в стороне? Нет! Мы понимаем, что интересы рабочих всей России одни и те же, и все под красным знаменем Российской социал-демократической рабочей партии по первому ее призыву присоединили свой голос к голосу всей рабочей России, объявив политическую забастовку»[62]. В прокламации, выпущенной Бакинским комитетом РСДРП, говорилось: «...Подымается новая волна народного негодования, девятый вал российской революции. В Лодзи и Варшаве рабочие сражаются на баррикадах с царскими войсками. Ценой своей крови они решили купить свободу для всей России»[63].

Чувства пролетарской солидарности с лодзинскими рабочими выразили Харьковская, Луганская, Самарская, Воронежская, Саратовская, Минская и другие организации РСДРП.

В. И. Ленин, высоко ценя опыт революционной борьбы масс, подчеркивал историческое значение Лодзинского восстания. «Рабочие,—

[59] «Z Pola Walki», 30.VI 1905, N 10.
[60] «Листовки петербургских большевиков 1902—1907 гг.», т. I. М., 1939, стр. 235—236.
[61] «Листовки московских большевиков в период первой русской революции». М., 1955, стр. 186—187.
[62] «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», т. I. М., 1956, стр. 800.
[63] «Рабочее движение в Баку в годы первой русской революции». Баку, 1956, стр. 185.

указывал В. И. Ленин,— даже не подготовленные к борьбе, даже ограничивавшиеся сначала одной обороной, показывают нам, в лице пролетариата Лодзи, не только новый образец революционного энтузиазма и геройства, но и высшие формы борьбы»[64].

Во второй половине 1905 г. революционное движение в России продолжало развиваться по восходящей линии. В этот период происходит ряд важных исторических событий. Все они находят живой отклик и сочувствие в среде широких масс польского пролетариата. Польское рабочее движение продолжает развиваться в духе пролетарского интернационализма, в тесной связи с борьбой российского пролетариата. Ведущая роль в борьбе польского пролетариата по-прежнему остается за рабочим классом крупных промышленных центров Королевства Польского — Варшавы, Лодзи, Домбровского бассейна. Это подчеркивалось в газете «З поля вальки». В статье «Революционная борьба ширится» указывалось: «Последняя неделя доказала, что революция развивается с железной логикой в двух направлениях: вглубь и вширь. Главные центры, мощные вулканы рабочей борьбы — Варшава и Лодзь — не исчерпали сил гигантскими революционными извержениями, их не сокрушили бешеные удары реакции, они возглавляют борьбу польского пролетариата»[65].

В июне — августе с новой силой развернулось забастовочное движение во всех крупных польских промышленных центрах: бастовали пролетарии Домбровского бассейна, забастовкой были охвачены промышленные и торговые заведения Белостока, промышленные заведения Радомского округа, предприятия в Кельцах, 18 (5) августа по призыву СДКПиЛ забастовала вся Варшава в знак протеста против белостокского погрома.

Пытаясь парализовать дальнейшее развитие революции в стране, царское правительство вынуждено было маневрировать, обещав народным массам свободу. 6 августа 1905 г. был издан манифест о созыве Государственной думы, автором проекта которой был, как известно, министр внутренних дел Булыгин. Большевики призвали рабочих и крестьян к активному бойкоту антинародной думы. В листовке ЦК РСДРП, изданной по поводу царского манифеста о созыве Думы, говорилось: «...Царский манифест от 6 августа есть наглое издевательство над рабочим классом России, борющимся за свободу и лучшее будущее... Товарищи рабочие! Собирайте силы, вооружайтесь, подготовляйтесь нанести смертельный удар старому порядку, дружно и одновременно вступайте на путь всеобщих стачек, вооруженных демонстраций и восстаний на всем пространстве России»[66]. Аналогичную позицию по отношению к булыгинской думе заняла и СДКПиЛ. По примеру своих русских братьев польские рабочие на царский манифест ответили массовыми выступлениями. В Варшаве, Лодзи, Люблине, Радоме, Седльцах и в Домбровском бассейне забастовки приняли всеобщий характер. Политическая кампания бойкота булыгинской думы, которую в широких массах проводили большевики, была использована ими для мобилизации пролетариата на проведение массовых политических стачек, для подготовки вооруженного восстания.

[64] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, стр. 310—311.

[65] «Z Pola Walki», 28.VIII 1905, N 11.

[66] «Партия большевиков в революции 1905—1907 годов. Документы и материалы». М., 1961, стр. 177—178.

Начавшаяся по призыву большевиков Всероссийская октябрьская забастовка нашла живой отклик среди широких кругов польских трудящихся: забастовали железнодорожники Привислинской железной дороги, затем к забастовке примкнули рабочие и служащие Варшавско-Венской железной дороги. «Геройская Польша,— указывал В. И. Ленин,— снова уже встала в ряды стачечников, точно издеваясь над бессильной злобой врагов, которые мнили разбить ее своими ударами и которые только ковали крепче ее революционные силы»[67]. В разгар железнодорожной забастовки Главное правление СДКПиЛ обратилось к бастующим железнодорожникам с прокламацией, носившей характерное название — «Братство и единство пролетариата Польши и России — вот наш лозунг». Отмечая общность целей польского и русского рабочего класса, польская социал-демократия обращалась к рабочим России со следующими словами: «Рабочая Варшава, увлеченная вашим мужественным примером и вашей солидарностью с политическими целями революции во всем государстве, поспешила вам на помощь, поднялась на всеобщую стачку. За Варшавой, несомненно, пойдет рабочий класс всей Польши... Братство и единство всех рабочих, борьба объединенного пролетариата России и Польши вплоть до окончательного свержения преступного самодержавия — вот наш лозунг»[68]. 26(13) октября забастовали рабочие предприятий Варшавы, Лодзи, Люблина, Пётркова, Домбровского бассейна. Вместе с рабочими бастовали служащие государственных учреждений, торговых предприятий, студенты высших учебных заведений, прекратился выход всех газет, кроме правительственных. Одним словом, забастовкой были охвачены все крупные промышленные центры, а также сеть железных дорог Королевства Польского.

Во время Всероссийской октябрьской стачки польские рабочие были в первых рядах борющегося пролетариата России. Царское правительство, пытаясь грубым насилием подавить стачечное движение польских рабочих, 10 ноября (28 октября) объявило в Польше военное положение. Но царские репрессии в отношении польского народа вызвали гневный протест со стороны рабочего класса России. Яркий пример классовой солидарности между русским и польским пролетариатом был продемонстрирован на экстренном заседании Петербургского совета рабочих депутатов 1(14) ноября 1905 г. Делегация польских рабочих, прибывшая на это заседание Петербургского совета рабочих депутатов, обратилась к Совету с призывом поддержать польский пролетариат.

«Манифест 17 октября,— сказал польский делегат,— ничего не дал полякам, и польский пролетариат не хочет, не может прекратить борьбу. Мы прекрасно понимаем, что теперь необходимо объединение русского и польского пролетариата для борьбы с общим нашим врагом — правительством и капиталом... Я приехал сюда обратиться к русскому народу и только к русскому народу, а не к правительству. Я приехал, чтобы сказать, что поляки в этой борьбе не хотят чего-то особенного для себя, их требования есть требования и русского народа, и они хотят идти с ним рука об руку при отстаивании этих требований»[69]. Второй польский делегат заявил: «Мы боремся за вашу и нашу свободу». Выражением чувств братской солидарности и интернационального единства была наполнена ответная речь представителя Совета: «Я думаю, что выражу здесь общую всем нам мысль, если скажу, что борьба польского и рус-

[67] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 2.
[68] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 376.
[69] «Известия Совета рабочих депутатов», 1905, № 5.

ского пролетариата есть общая борьба под одним девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» То дело, за которое стоит польский пролетариат, есть наше дело, то дело, за которое стоим мы, есть его дело, и поэтому мы готовы протянуть руку польскому пролетариату для нашей общей борьбы... Мы должны рука об руку — пролетариат русский и польский — напрячь все усилия, чтобы раздавить окончательно ненавистную монархию»[70].

В знак протеста против объявленного в Королевстве Польском военного положения Петербургский совет рабочих депутатов призвал рабочих столицы к всеобщей забастовке, назначенной на 2 ноября. С аналогичным призывом к рабочим Петербурга обратился и Петербургский комитет большевиков. В ответ на эти призывы в Петербурге вспыхнула массовая забастовка, явившаяся выражением классовой солидарности с польским пролетариатом. Выступление петербургских пролетариев горячо приветствовали в своей листовке польские рабочие: «Рабочие! С самого начала нынешней революции солидарность и единство рабочего класса Польши и России стали совершившимся фактом... В ответ на преступное правительственное сообщение, объявляющее о введении осадного положения во всем Царстве Польском, рабочие Петербурга 2(15) ноября бросают работу под лозунгами — «Долой военно-полевые суды», «Долой смертную казнь!», «Долой военное положение в Польше и во всей России»[71].

Всероссийская октябрьская стачка, парализовав силы царского правительства, продемонстрировала мощь пролетариата как борца и организатора всенародной борьбы против самодержавия. Вместе с тем октябрьская забастовка содействовала дальнейшему сплочению рядов пролетариата разных национальностей России. Историческое значение октябрьской стачки состояло и в том, что она предопределила переход к высшей форме борьбы пролетариата — к вооруженному восстанию. На этот раз пролетариат Москвы высоко поднял знамя вооруженного восстания. В ответ на решение конференции московских большевиков 7 декабря в Москве началась всеобщая политическая забастовка, переросшая 10 декабря в вооруженное восстание. В связи с этим царское правительство вновь ввело в Польше военное положение.

Главное правление СДКПиЛ в знак поддержки Московского вооруженного восстания в специальном воззвании «На стачку! На бой!» призвало польских рабочих к всеобщей забастовке. 27(14) декабря в основных промышленных центрах Королевства Польского — Варшаве, Лодзи, Домбровском бассейне, Ченстохове — началась всеобщая забастовка. В забастовку включились и работники железных дорог. Это было новым проявлением классовой солидарности, новым свидетельством интернационального единства польского и российского пролетариата.

Декабрьская забастовка в Королевстве Польском сопровождалась многочисленными уличными демонстрациями, в ходе которых имели место стычки рабочих с полицией. Некоторые улицы Варшавы покрылись баррикадами. Особое значение имела забастовка польских железнодорожников, которая помешала царским властям перебросить войска из Королевства на подавление Московского восстания. Волна забастовочного движения в Королевстве Польском продолжалась до 3 января 1906 г. (21 декабря 1905 г.). Польские рабочие в ходе забастовок еще раз показали свои неразрывные связи с русской революцией.

[70] Там же.
[71] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 406.

Весь ход борьбы народных масс в годы революции свидетельствовал о том, что социальное и национальное освобождение трудящихся, в том числе и польского народа, зависит от сплоченности в едином фронте всех революционных сил России, от совместной борьбы против царизма пролетариата всех национальностей. И факты показывают, что в течение всего 1905 г. польские рабочие откликались на все крупные выступления своих русских братьев, причем напряженность стачечного движения в Варшаве и Петербурге была почти одинаковой. «В петербургском и варшавском округах,— указывал В. И. Ленин,— вместе $^1/_3$ всего числа фабр.-зав. рабочих (550 тыс. из 1660), а стачечников они выставили $^2/_3$ всего числа (1920 тыс. из 2863). В этих округах каждый рабочий бастовал в среднем почти по 4 раза в 1905 г. В остальных округах приходится на 1110 тыс. рабочих 943 тыс. стачечников, т. е. пропорционально вчетверо меньше, чем в двух вышеназванных» [72].

После подавления царизмом декабрьского вооруженного восстания в Москве революция пошла на убыль. Царское правительство, стараясь окончательно подавить революционное движение, применяло политику «кнута и пряника». В разгар декабрьского восстания оно опубликовало указ о выборах в Государственную думу (по этому избирательному закону более половины населения России не получало избирательных прав; в Польше и на время выборов сохранялось военное положение). Но причины, породившие революцию, продолжали действовать, и у пролетариата сохранились еще надежды и силы для открытой борьбы. В связи с этим большевики приняли решение о тактике активного бойкота выборов в Государственную думу [73].

Аналогичную с большевиками позицию по отношению к выборам в Думу заняла СДКПиЛ. Характеризуя выборы в Думу как «избирательное беззаконие», Главное правление СДКПиЛ в воззвании «Выборы под охраной штыков» называло предлагаемое избирательное право пощечиной рабочим со стороны царских палачей и призывало рабочих и всех трудящихся любой ценой препятствовать проведению позорных выборов [74]. В результате пропагандистской работы, проводимой польскими социал-демократами в массах, рабочие Варшавы, Домбровского бассейна, Ченстоховы и других промышленных центров бойкотировали выборы в Думу. Даже в сельской местности, куда доходила социал-демократическая агитация, трудовое крестьянство отказывалось участвовать в выборах.

Надежды самодержавия на то, что выборы в Думу ослабят революционное движение в стране, не оправдались. Революционная энергия пролетариата была неисчерпаемой. Даже в условиях наступления жестокой политической реакции пролетариат продолжал вести упорные арьергардные бои. Польский пролетариат и в период отлива революционной волны находился в передовых рядах общероссийского революционного движения. Забастовками и демонстрациями в промышленных центрах Королевства Польского были отмечены первая годовщина «кровавого воскресенья»—9(22) января, праздник солидарности трудящихся — день 1 Мая, первая годовщина со дня Лодзинского восстания. Все эти выступления польских рабочих явились выражением чувств классовой солидарности, чувств братского единства рабочего класса Польши с пролетариатом России. Большая заслуга в этом принадлежала идей-

[72] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 384.
[73] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 206—208.
[74] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 483.

ному воспитателю и руководителю польского рабочего класса, его авангарду — СДКПиЛ, которая высоко держала знамя пролетарского интернационализма. Так, в воззвании СДКПиЛ, посвященном годовщине «кровавого воскресенья», говорилось: «...День 22 января — когда в Петербурге была пролита мученическая кровь многих братьев — разбудил братскую солидарность рабочих всех национальностей и вероисповеданий в государстве царя. День 22 января объединил в одном совместном усилии польских, русских, латышских, армянских, еврейских, немецких, литовских пролетариев, спаяв их в единый рабочий класс, борющийся за единую свободу» [75].

Празднование 1 Мая как дня пролетарской солидарности стало традицией польского пролетариата. С проникновенными словами, выражающими и чувства пролетарской солидарности, и веру в победу пролетариата России, обратилось Главное правление СДКПиЛ к польским рабочим накануне 1 мая 1906 г., призвав их к забастовке. «...Майский праздник нынешнего года,— говорилось в воззвании,— это выражение благодарности петербургским рабочим, которые, разоблачив смехотворную комиссию Шидловского, положили конец всяким попыткам переговоров между царизмом и рабочими! Майский праздник — это воздание почестей тем, которые пали на улицах Тулы, Варшавы, Лодзи, Ченстоховы и многих других городов» [76]. В воззвании далее подчеркивалось, что в ходе одной из крупнейших революций пролетариат идет в авангарде и, высоко держа красное знамя социализма, ведет за собой революционную армию. Отвечая на призыв СДКПиЛ, рабочие Варшавы, Лодзи, Домбровского бассейна, прекратив работу на фабриках и заводах, массовыми уличными демонстрациями отметили первомайский праздник.

Между тем царское правительство предпринимало новые шаги, чтобы окончательно подавить революцию. 8(21) июля 1906 г. была распущена Государственная дума, оказавшаяся неугодной самодержавию тем, что с ее трибуны раздавалась критика в адрес царского правительства, особенно по аграрно-крестьянскому вопросу. После разгрома Думы наступление политической реакции против революции усилилось. Тем не менее рабочий класс Польши, как и пролетариат всей империи, и в условиях наступления контрреволюции продолжал вести упорную борьбу. Заметную роль в революционном движении Королевства Польского попрежнему играл пролетариат Лодзи. В первую годовщину со дня Лодзинского восстания — 21(8) июня 1906 г.— в Лодзи вспыхнула всеобщая забастовка, охватившая около 50 тыс. человек. В знак солидарности с бастующей Лодзью забастовали рабочие многих промышленных предприятий Лодзинского фабричного района. Кроме Лодзи, забастовочным движением были охвачены в это время многие фабрики и заводы Домбровского бассейна. Здесь забастовка, во главе которой стояла местная социал-демократическая организация, длилась свыше 1,5 месяцев.

Осенью 1906 г., в условиях усиления контрреволюции во всей стране, польская буржуазия и прежде всего лодзинские фабриканты предприняли атаки на пролетариат с целью лишения его тех социально-экономических завоеваний, которых они добились в ходе революции. Угрозой локаутов лодзинские фабриканты решили в ультимативной форме вынудить рабочих согласиться на ухудшение условий труда. Инициатором этой формы борьбы капитала против труда явился крупнейший лодзинский фабрикант И. Познаньский. 17(4) декабря 1906 г. он закрыл фаб-

[75] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 476.
[76] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 544.

рику, оставив без средств к существованию 7 тыс. человек. Примеру Познаньского вскоре последовали и другие лодзинские фабриканты. В результате этих действий капиталистов пролетариат Лодзи оказался в исключительно тяжелом положении. В тяжелое зимнее время 25 тыс. рабочих (вместе с семьями около 100 тыс. человек) оказались выброшенными на улицу на произвол судьбы. Голод, нужда, болезни обрушились на головы оставшихся без куска хлеба рабочих.

Для руководства борьбой рабочих против локаута в Лодзи были созданы межпартийная и межсоюзная локаутные комиссии. В изданном локаутной комиссией бюллетене говорилось: «Локаут — это борьба реакции против революции, борьба, которая раз и навсегда должна показать, что революция кончена и кончена не в пользу революционного класса. Локаут — это уже не борьба одного капиталиста с работающими у него рабочими, а борьба организации капиталистов со всеми рабочими, с рабочим классом. Вот почему мы должны в этой борьбе напрячь все свои силы, вот почему в этой борьбе должен принимать участие весь рабочий класс»[77]. Оказавшимся в тяжелой беде лодзинским рабочим на помощь пришел весь польский пролетариат. Созданная в Варшаве межпартийная и межсоюзная локаутная комиссия обратилась к рабочему классу Варшавы с призывом, в котором говорилось: «Рабочие Варшавы! Спешите на помощь рабочим Лодзи, борющимся во имя интересов рабочего класса. Не дайте им погибнуть в борьбе! Каждый рабочий может и должен пожертвовать по крайней мере 5 процентов в пользу своих борющихся и голодных братьев»[78].

Борьба лодзинских рабочих против локаута нашла глубокое сочувствие и у российского пролетариата. Выражая мысли и чувства русских рабочих, листовка Московского комитета РСДРП заявляла: «Лодзинский локаут не только дело лодзинских рабочих, это — дело всего рабочего класса. Сегодня фабриканты неистовствуют в Лодзи, завтра они повторят эту преступную оргию в Москве, объединяйтесь же, товарищи, собирайте деньги в пользу жертв локаута, создавайте особый фонд для борьбы с локаутом, готовьтесь к решительному бою»[79]. К судьбе своих лодзинских братьев не остался безучастным и петербургский пролетариат. Центральное бюро петербургских профсоюзов и петербургский союз рабочих текстильной промышленности обратились к рабочим столицы со специальным призывом об оказании помощи лодзинским рабочим. Воззвание призывало русских рабочих к совместному с польскими рабочими отражению наступления лодзинских фабрикантов: «Поспешим на помощь лодзинским рабочим, выделим им, сколько можем, из наших трудовых копеек»[80]. Рабочие Москвы, Петербурга и других промышленных центров России оказали братскую моральную и материальную поддержку уволенным лодзинским рабочим. В фонд помощи им петербургские рабочие направили 1300 руб., московские рабочие — 1000 руб., а всего в фонд локаутной комиссии Лодзи со всех концов страны поступило 373 тыс. руб.[81]

Моральная и материальная поддержка, полученная лодзинским пролетариатом от своих польских и русских братьев, помогла им выдержать

[77] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 687.
[78] Там же, стр. 694.
[79] «Листовки московских большевиков в период первой русской революции», стр. 497—500.
[80] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 696.
[81] *S. Kalabiński, F. Tych.* Czwarte powstanie czy pierwsza rewolucja. Lata 1905—1907 na ziemiach polskich, str. 385.

пятимесячную борьбу против своих классовых врагов. Однако голод и нужда вынудили лодзинских рабочих к отступлению. По призыву СДКПиЛ рабочие приступили к работе. Упорная борьба лодзинских рабочих, опиравшихся на помощь своих польских и русских братьев, была яркой демонстрацией классовой солидарности и возросших интернациональных связей польского и российского пролетариата.

Весь ход борьбы польского пролетариата в годы первой русской революции наглядно показал жизненную силу идей польско-русского революционного союза. Говоря о наиболее крупных выступлениях польского пролетариата в революции 1905—1907 гг., следует подчеркнуть, что в центре этих выступлений была польская социал-демократия — главный носитель идей польско-русского революционного союза.

6. Радикализация студенчества и интеллигенции России и Польши и их взаимные контакты

Революционные выступления польского пролетариата против самодержавия и капиталистической эксплуатации с требованием улучшения своего социального положения и ликвидации национального гнета оказали большое влияние на радикализацию прогрессивных слоев польской интеллигенции. Эту часть общества привлекал прежде всего национально-освободительный аспект революции. Проводимая царизмом в Королевстве Польском русификаторская политика затрудняла польской интеллигенции доступ к активной деятельности в различных сферах общественно-культурной жизни. Естественно, что прогрессивная часть интеллигенции искала выход из создавшегося положения на путях борьбы за ликвидацию национального гнета, демократизацию общественных отношений.

Национал-демократия пыталась отвлечь внимание прогрессивных кругов интеллигенции и учащейся молодежи от революционного движения, придать их выступлениям исключительно националистический характер. Вопреки ее стараниям учащаяся молодежь, студенчество, прогрессивно настроенная интеллигенция уже в ходе январско-февральской забастовки 1905 г. выступили в поддержку пролетариата, заявив о своей солидарности с борьбой рабочего класса.

Одними из первых в поддержку пролетариата выступили студенты Варшавского университета и Политехнического института. 28 (15) января в этих учебных заведениях студенты прервали занятия и направились на стихийно возникшие митинги. Находившаяся под влиянием социал-демократов и левых пепеэсовцев «Организация прогрессивной молодежи» еще накануне студенческих митингов распространила среди студентов прокламацию, в которой подчеркивалась связь польского революционного движения с русской революцией. В итоге развернувшейся дискуссии в университете была принята резолюция, в которой говорилось: «Мы, молодежь Варшавского университета, собравшись на... митинг..., выражаем свою безусловную солидарность с революционным движением пролетариата и его борьбой в настоящее время за свержение царского правительства в русском государстве»[82]. Действовавшая в Варшавском университете революционная группа «Вперед», которая объединяла русских студентов, поддержала своих польских коллег[83].

[82] «Z Pola Walki», 10.III 1905, N 5.
[83] «Przegląd Historyczny», 1966, N 4, str. 500.

На состоявшемся в тот же день студенческом митинге в Варшавском политехническом институте, при поддержке обучавшихся здесь русских студентов, была принята резолюция, в которой содержалось требование о предоставлении каждой нации, проживающей в Российском государстве, права самой решать свою судьбу с предоставлением гарантии каждому народу свободного культурного и политического развития. Выступление студентов Варшавского университета и Политехнического института оказало влияние на развертывание движения и среди других слоев польской интеллигенции.

Вслед за выступлением студентов в Варшаве развернулось движение учащихся средних учебных заведений, так называемая школьная забастовка. По примеру учащихся варшавских школ вскоре занятия были прекращены в средних учебных заведениях Лодзи, Люблина, Радома, Пётркова, Калиша, Пабяниц, а к началу февраля школьная забастовка в Королевстве Польском приняла общепольский характер. Основным требованием бастующей учащейся молодежи было требование преподавания на польском языке и демократизации школы. Предварительно эти требования были сформулированы в прокламации кружка социал-демократической молодежи. В ней говорилось, что полякам в ходе революции необходимо добиться «полной свободы культуры и национального развития», что это может быть гарантировано Российской демократической республикой, которая обеспечит национальную автономию польских земель. «Лишь только на этой широкой свободолюбивой основе,— говорилось в прокламации,— будут осуществлены наши ближайшие насущные требования, относящиеся к академическому обучению: свободная и независимая наука»[84].

Конкретная и более развернутая программа требований бастующих учащихся была сформулирована в прокламации «Прогрессивной молодежи средних школ Царства Польского». В прокламации говорилось о том, что польская школа должна иметь национальный характер, что преподавание в ней должно проводиться на польском языке, что любая другая национальность должна иметь право создавать школу с преподаванием в ней на родном языке, что в школе должна быть ликвидирована полицейская система, что должно быть отменено принудительное изучение закона божьего, что всякие процентные ограничения должны быть ликвидированы, молодежь должна иметь право на свободный созыв собраний для обсуждения любых вопросов, относящихся к жизни молодежи, все учащиеся, в том числе девушки, должны иметь равные права на поступление в высшее учебное заведение[85]. Необходимо подчеркнуть, что обучавшаяся в средних учебных заведениях Польши русская молодежь в подавляющем большинстве солидаризовалась с польскими коллегами и вместе с ними активно участвовала в школьной забастовке.

СДКПиЛ, стараясь направить движение молодежи, в том числе и школьную забастовку, в русло революционно-демократической и национально-освободительной борьбы, положительно относилась к школьной забастовке, выступала в поддержку бастующей молодежи, призывая ее к борьбе «за создание школы не только демократической, но и польской»[86]. Широкий размах, который приобрела борьба за демократическую национальную польскую школу, объясняется тем, что общепольская забастовка, в которой наряду с учащимися активно участвовали и ши-

[84] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 192.
[85] Там же, стр. 196—197.
[86] Там же, стр. 199.

рокие круги польского учительства, являлась составной частью общедемократического национально-освободительного движения, она была проявлением революционного духа народных масс, боровшихся за улучшение своих социальных прав, за национальную свободу, за свободное развитие родного языка, своей национальной культуры. Под напором революционной борьбы масс самодержавие в ходе революции вынуждено было идти на некоторые уступки. Такой уступкой явилось постановление Комитета министров от апреля 1905 г., которое разрешало в государственных школах преподавать по-польски закон божий и вводило преподавание польского языка, а также отменяло ограничения в пользовании польским языком при преподавании в частных школах. В этом же постановлении содержалось обещание создать кафедры польского языка и польской литературы в Варшавском университете. Эта куцая реформа польской школы не могла, конечно, удовлетворить требования масс. Вопреки надеждам польской реакции и прежде всего национал-демократии, которая рассчитывала на то, что после летнего перерыва молодежь утихомирится, с наступлением нового учебного года ничего не изменилось. Значительная часть учащихся снова отказалась посещать школу, и школьная забастовка продолжалась весь 1905/06 учебный год.

Мощная волна развивавшегося рабочего движения все более захватывала в орбиту своего влияния прогрессивные круги польской интеллигенции, наиболее радикальная часть которой связала свою деятельность с судьбой трудового народа. Уже в самом начале революции эта часть интеллигенции выступила в поддержку борьбы пролетариата, рассматривая революцию прежде всего как борьбу масс против национального гнета, активно поддерживая требования широких народных масс о предоставлении Королевству Польскому национальной автономии.

Среди прогрессивной польской интеллигенции, выражавшей свою солидарность с борьбой рабочего класса, выделялась инженерно-техническая интеллигенция, которая по характеру своей производственной деятельности была тесно связана с пролетариатом. В разгар всеобщей январско-февральской забастовки группа варшавских интеллигентов левого направления, входивших в прогрессивно-демократический союз, опубликовала листовку, в которой призывала всех, кому дорога свобода, к участию в забастовке и к оказанию помощи бастующим рабочим [87].

По примеру пролетариата прогрессивные круги польской интеллигенции стали создавать профессиональные организации, ставившие своею целью борьбу против русификаторской политики царизма и защиту своих профессионально-производственных прав. В этом, несомненно, оказывалось и влияние прогрессивной части российской интеллигенции, выступившей за демократизацию общественной жизни во всей Российской империи.

Начало движению прогрессивной интеллигенции в Польше положили варшавские адвокаты, создав свою организацию, в которой участвовало 50 человек из 399 числившихся при Варшавском окружном суде адвокатов.

Прогрессивная часть польской интеллигенции, включившись в борьбу против русификаторской политики царизма, с самого начала предпринимала попытки к установлению контактов с либерально-прогрессивными кругами российской интеллигенции. На открывшийся 10 апреля 1905 г. в Петербурге Всероссийский съезд адвокатов прибыла многочис-

[87] *H. Kiepurska.* Inteligencja zawodowa Warszawy. 1905—1907. W., 1967, str. 74.

ленная польская делегация. В ее составе были Ст. Кошутский, примыкавший к СДКПиЛ, и Ст. Поснер, примыкавший к левому крылу ППС. На первом заседании съезда было оглашено заявление польской делегации, в котором говорилось, что участие в работах съезда она примет при условии, если съезд поддержит ее требование о предоставлении Королевству Польскому национальной автономии. Отрицательное отношение съезда к заявлению польской делегации побудило ее отказаться от вступления в состав Всероссийского союза адвокатов [88]. Однако, несмотря на это, контакты между польскими адвокатами и Всероссийским съездом адвокатов продолжались и далее.

Не менее активную роль в движении польской интеллигенции играл Союз польских инженеров и техников. Союз установил тесные контакты с возникшим еще в декабре 1904 г. Всероссийским союзом инженеров и техников. На открывшийся 5 мая 1905 г. в Петербурге Всероссийский съезд инженеров и техников прибыла делегация из Польши. Свое участие в работе съезда польская делегация обусловила признанием со стороны съезда двух ее требований. Первое — в случае выбора на Всероссийский съезд Союза Союзов поляки должны представлять собою самостоятельную делегацию. Второе — признать требование поляков о предоставлении национальной автономии Королевству Польскому с сеймом в Варшаве.

Выступление польского делегата с изложением обращения польской делегации участниками съезда было встречено бурными аплодисментами, а его предложения нашли полную поддержку съезда [89]. В дальнейшей работе съездом была принята платформа, в которой признавалась необходимость созыва Учредительного собрания на началах всеобщего равного избирательного права. В платформе выражалось убеждение в целесообразности сохранения целостного Российского государства, но с предоставлением автономии всем территориально-национальным окраинам Российской империи. После того, как съезд утвердил платформу, польская делегация заявила о своем согласии вступить на федеративных началах в состав Всероссийского союза инженеров и техников.

Решения, принятые на Всероссийском съезде инженеров и техников, оказали влияние на дальнейшее развитие деятельности прогрессивной технической интеллигенции Королевства Польского. В июне 1905 г. в Варшаве состоялся I съезд польских инженеров и техников, деятельность которого выходила далеко за рамки профессиональных интересов инженерно-технической интеллигенции. Об этом говорит тот факт, что в качестве гостей на съезде присутствовали представители адвокатов, врачей, служащих железных дорог и учреждений торговли. Съездом был принят устав, повторявший в основном содержание платформы, принятой Всероссийским съездом инженеров и техников. В § 1 устава, определяющем цели и задачи союза, говорилось о совместной общественно-политической деятельности польских инженеров и техников, а также о борьбе в защиту профессиональных прав польской инженерно-технической интеллигенции [90]. Съезд избрал Комитет, которому было поручено подготовить создание единой организации, по примеру Всероссийского Союза Союзов объединяющей в своем составе все профессиональные интеллигентские организации Королевства Польского.

[88] *H. Kiepurska.* Указ. соч., стр. 125.
[89] Там же, стр. 128—130.
[90] Там же, стр. 141.

Таким образом, прогрессивные круги польской интеллигенции делали попытки к объединению своих рядов вокруг программы, принятой Союзом польских инженеров и техников, программы, как было сказано выше, заимствованной из платформы Всероссийского союза инженеров и техников. СДКПиЛ поддержала это движение, так как передовые круги польской интеллигенции под влиянием борьбы рабочего класса включились в общий поток революционного движения. Однако, положительно оценив деятельность I съезда польских инженеров и техников, СДКПиЛ одновременно критиковала его решения за то, что в них отсутствовало требование о свержении самодержавия и установлении в России демократической республики. Однако СДКПиЛ и в дальнейшем не отказывалась от участия в работе профессиональных объединений польской интеллигенции. Она участвовала и в созданном в июле 1905 г. по инициативе Союза польских инженеров и техников Общепольском профессиональном объединении, в которое вошли представители профессиональных организаций интеллигенции. Это объединение вступило в контакты с Всероссийским Союзом Союзов.

Новый подъем революционного движения осенью 1905 г. и особенно Всероссийская октябрьская стачка содействовали дальнейшему развитию контактов между польскими и российскими кругами прогрессивной интеллигенции. Наибольшую активность в этом направлении, как и раньше, проявляли Союз польских инженеров и техников, организация адвокатов, а в декабре — Союз работников почты и телеграфа.

В связи с введением в Королевстве Польском в октябре 1905 г. военного положения организация польских адвокатов обратилась с жалобой на имя председателя совета министров С. Ю. Витте, в которой содержалось требование привлечь к ответу отдельных царских чиновников, творивших произвол и беззакония в Королевстве Польском. В начале ноября 1905 г. Витте принял делегацию польских адвокатов и во время пятиминутной беседы с ней отклонил ее жалобу. Выслушав отказ Витте, делегация решила обратиться за помощью к своим российским коллегам, направив специальное послание Всероссийскому союзу адвокатов. В этом послании указывалось, что польский народ борется не за отделение от России, а за право пользоваться политическими свободами и, в частности, свободами, которые были провозглашены в царском манифесте. Это послание нашло полную поддержку петербургских адвокатов, от имени которых в газете «Право» было сделано заявление, где указывалось, что «наша свобода является и вашей свободой»[91]. В свою очередь Союз польских инженеров и техников, после того как стал известен ответ Витте на жалобу польских адвокатов, тоже направил в Петербург делегацию. Вместо обращения к царскому правительству эта делегация решила принять участие в заседании Всероссийского союза инженеров и техников. Здесь было принято решение, выражающее симпатии к польскому народу. В другом принятом решении поручалось Бюро Союза «немедленно войти в соглашение с другими союзами, организациями и партиями с целью предпринять всевозможные средства, направленные на объединение с польским народом»[92].

Особую активность в стачечном движении в Королевстве Польском осенью 1905 г. проявили служащие почты и телеграфа, которые установили контакты со своими российскими коллегами. Об этих контактах свидетельствует хотя бы тот факт, что на открывшемся в Москве 28 но-

[91] *H. Kiepurska.* Указ. соч., стр. 224.
[92] Там же.

ября 1905 г. Всероссийском съезде почтовых работников были два представителя польских почтовиков. Живой отклик в среде варшавских работников почты и телеграфа нашла начавшаяся 27 ноября забастовка служащих почты и телеграфа в Москве и Петербурге. На другой день, 28 ноября, забастовали почтовики и телеграфисты губернских городов Королевства Польского. В ходе забастовки 3 декабря в Варшаве состоялось собрание бастующих почтовиков и телеграфистов, на котором присутствовало свыше 200 человек. На собрании было принято решение о вступлении всех присутствующих в состав Всероссийского союза служащих почты и телеграфа. В течение всего хода ноябрьско-декабрьской забастовки, несмотря на испытываемые материальные лишения, польские почтовики и телеграфисты держались стойко, заявляя, что они к работе не приступят, пока не получат согласия Москвы.

В ходе революции становилось все более ясным, что нет каких-либо антагонистических противоречий между пролетариатом, продающим свою рабочую силу, и наемными работниками умственного труда. Как те, так и другие, пусть в разной степени лишенные средств производства, одинаково страдали от социального гнета. Следствием этого был процесс сближения разбуженной революционной бурей прогрессивной интеллигенции с борющимся за интересы народа пролетариатом. Большое влияние революция оказала на рост радикальных настроений среди учительской массы и творческой интеллигенции. Значительная часть учительства принимала активное участие в школьной забастовке. Прогрессивная часть учительства, объединенная в Союзе учителей, в лице наиболее активных его деятелей — Стефании Семполовской, Вацлава Налковского, Януша Корчака — на страницах журнала «Нове торы» («Новые пути») выступала против клерикализма и проявления шовинизма в школе.

В декабре 1905 г. по инициативе Станислава Поснера и Людвика Кшивицкого в Варшаве был создан «Университет для всех», который проводил широкую просветительскую работу среди рабочего люда. Преподавателями университета были видные польские ученые. Возглавлял университет деятель левого крыла ППС Тадеуш Рехневский [93]. Усилиями прогрессивных кругов польской интеллигенции были организованы просветительские центры демократического характера в ряде городов Королевства. В Люблинской губернии возникло общество «Святло», в Радоме — Народный университет, в Калише — Популярные курсы, в Лодзи — Общество просвещения [94]. Все эти периферийные просветительские организации находились в тесном контакте с варшавским «Университетом для всех». По примеру пролетариата своей страны прогрессивная часть интеллигенции устанавливала контакты с прогрессивными кругами российской интеллигенции, видя в ней своего союзника. Однако, идя за пролетариатом, поддерживая его революционную борьбу, прогрессивные круги польской интеллигенции не выходили в своих требованиях за рамки буржуазной демократии, концентрируя свою деятельность вокруг лозунга борьбы за введение национальной автономии в Королевстве Польском.

[93] *S. Kalabiński, F. Tych.* Указ. соч., стр. 294.
[94] Там же, стр. 297—298.

7. Связи крестьянского движения России и Польши

Революция в России положила начало новому периоду в общественно-политической жизни польской деревни. Разбуженное громом классовых битв пролетариата, крестьянство вступило на путь открытой борьбы против самодержавия и эксплуататоров — польских помещиков. Во главе крестьянского движения шел сельскохозяйственный пролетариат и малоземельное крестьянство. Если борьба сельскохозяйственных рабочих, носившая по преимуществу стихийный характер, выражалась в форме аграрных стачек с требованием улучшения материального положения работников фольварка, то остальное крестьянство выступало и боролось за право пользоваться казенными и помещичьими лесами, лугами, выпасами для скота. С топором и вилами в руках добивались польские крестьяне этого права, покушаясь на помещичью собственность.

Требования социального характера сочетались у них с борьбой за употребление польского языка в школе, гминном самоуправлении, судебном делопроизводстве. Таким образом, социальный аспект крестьянского движения оказывался тесно связанным с борьбой, носящей национально-освободительный характер. Огромную роль в подъеме крестьянского движения сыграла январско-февральская забастовка промышленного пролетариата, вслед за которой поднялась широкая волна стихийного забастовочного движения сельскохозяйственных рабочих, охватившая весной 1905 г. каждый четвертый уезд Королевства Польского. Выступления городского и сельского пролетариата вели к радикализации политических настроений безземельного и малоземельного крестьянства, которое логикой борьбы включалось в водоворот революционного движения.

Однако польское крестьянское движение в период революции 1905—1907 гг., несмотря на проникавшие в польскую деревню слухи о борьбе российского крестьянства за ликвидацию помещичьего землевладения и раздел поместий между крестьянами, по своей форме отличалось от российского крестьянского движения. Польское крестьянство не ставило в порядок дня конфискацию помещичьих земель и раздел их между собой, ограничиваясь требованиями сохранения за собой сервитутных прав. Более глубокое проникновение в польскую деревню капиталистических отношений, широкая возможность отхода крестьян на заработки в промышленность, ведение помещиком своего хозяйства на основе найма рабочей силы предопределяли специфические черты крестьянского движения в Королевстве Польском.

Наличие в польской деревне большого слоя сельскохозяйственного пролетариата объясняет то, почему здесь особенно широкий размах получила такая специфически пролетарская форма борьбы, как стачка. Вместе с тем, следует заметить, что в ходе развития революции в забастовках сельскохозяйственных рабочих все более активное участие стали принимать и малоземельные крестьяне, имевшие виды на помещичью собственность. Что же касается сохранившихся в польской деревне феодальных пережитков, то в их ликвидации было заинтересовано все крестьянство. В силу этого крестьянское движение в Королевстве Польском в своей основе имело такое же революционно-демократическое содержание, как и крестьянское движение в России. Ведь в конечном счете польский крестьянин, как и русский, боролся против власти помещика, ему не чужда была, как показывают решения I съезда Польского крестьян-

ского союза, и идея раздела помещичьей земли, хотя это и не ставилось в порядок дня польского крестьянского движения.

На широту размаха и степень радикализации польского крестьянского движения отрицательное влияние имела ошибочная позиция СДКПиЛ по аграрно-крестьянскому вопросу. Преувеличивая успехи капиталистического развития в сельском хозяйстве Королевства Польского, СДКПиЛ недооценивала значение сохранившихся в аграрном строе польской деревни феодальных пережитков, ликвидация которых являлась одной из основных задач буржуазно-демократической революции.

Внимательно следя за развитием крестьянского движения, СДКПиЛ в основном выдвигала правильные общеполитические лозунги, но не сопровождала их какими-либо конкретными требованиями, касавшимися социального переустройства польской деревни. Естественно, что этого было недостаточно для привлечения широких крестьянских масс к революционному движению. Однако под влиянием русской революции, в ходе которой крестьянство играло все более заметную роль, взгляды СДКПиЛ по аграрно-крестьянскому вопросу, оставаясь ошибочными в своей основе, эволюционировали в сторону признания крестьянства как активной революционной силы. Знаменательным фактом в этом отношении являлись печатные выступления Ю. Мархлевского. Так, в статье «В деревню, товарищи!», написанной им в начале 1906 г., в которой он развивает решения ноябрьской конференции СДКПиЛ, признавшей важность политической работы в деревне, Мархлевский писал, что, ведя агитацию среди слоев сельского населения, «которые в силу своего экономического и классового положения могут присоединиться в борьбе к сознательному городскому пролетариату, то есть обращаясь к пролетариям и малоземельным крестьянам, проводя в деревне агитацию за полное осуществление своей программы, партия одновременно обязана стараться организовать революционные выступления сельского населения»[95].

В связи с подъемом крестьянского движения оживил свою деятельность созданный еще в ноябре 1904 г. Польский крестьянский союз («Польский звёнзек людовый»). Он в какой-то мере пытался использовать опыт деятельности Всероссийского крестьянского союза, учредительный съезд которого состоялся в Москве 31 июля 1905 г. Объединяя в своих рядах значительные слои русского крестьянства, этот союз играл прогрессивную роль в общедемократическом движении в России. «Это,— писал В. И. Ленин,— была действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, податливая к мелкобуржуазным иллюзиям [...], но безусловно «почвенная», реальная организация масс, безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы»[96].

Большой интерес деятели Польского крестьянского союза проявляли к дебатам по аграрно-крестьянскому вопросу, проходившим в Первой думе, где активно выступала группа «трудовиков». В. И. Ленин положительно оценивал деятельность «трудовиков» в Думе. В статье «Крестьянская или „трудовая" группа и РСДРП» он писал: «В чем революционность крестьянской группы? Не столько в ее политических требованиях, которые еще далеко не договорены до конца, сколько в ее земельных требованиях. Крестьяне требуют земли, и притом всей земли». И, продолжая далее, Ленин указывал, что «крестьяне требуют, по существу дела, не аграрной реформы, а аграрной революции [...]. Вот

[95] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 493.
[96] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 334.

почему социалистический пролетариат всей душой, со всей энергией, поможет крестьянам осуществить их требования во всей их полноте»[97].

Выступления в Думе депутатов «Группы труда», отражавшие чаяния русских крестьян, волновали и польскую деревню, особенно крестьян, связанных с деятельностью Польского крестьянского союза. В недрах союза родилась мысль о необходимости ознакомления на месте с деятельностью «крестьянских депутатов» Первой думы. Для установления контактов с русскими крестьянскими организациями и, в частности, с депутатской группой «трудовиков» 25 мая 1906 г. в Петербург направилась делегация Польского крестьянского союза в составе пяти человек.

Впечатления от поездки впоследствии хорошо описал участник делегации Теофиль Курчак на страницах «Жича громадзкого»[98].

Касаясь целей поездки, Т. Курчак сообщал: «Слышали мы также о Русском крестьянском союзе, членами которого являются русские крестьяне, и нас это больше всего интересовало».

По прибытии в Петербург польская делегация встретилась с депутатской «Группой труда», с которой, как сообщал Курчак, состоялась сердечная беседа. «Когда мы отрекомендовались в качестве представителей крестьян Королевства Польского и заявили, что имеем желание познакомиться с Российским крестьянским союзом,— писал Курчак,— нас сердечно выслушали и обещали все для нас сделать»[99]. Польскую делегацию пригласили на заседание депутатской «Группы труда», где должен был обсуждаться аграрный вопрос. Во время пребывания в Петербурге польская делегация посетила Думу, ознакомилась с ее деятельностью и даже присутствовала на одном из заседаний, в результате чего пришла к выводу, что царское правительство нисколько с Думой не считается и «на все требования Думы отвечает — нет»[100].

Определенное влияние на программные положения и деятельность Польского крестьянского союза оказывала деятельность Всероссийского крестьянского союза, с которой делегация также познакомилась за время пребывания в Петербурге. Не случайно решения I съезда Польского крестьянского союза, состоявшегося в Варшаве 29(16) июня 1906 г., т. е. вскоре после возвращения польской делегации из Петербурга, несли на себе определенный отпечаток программы Всероссийского крестьянского союза по вопросу отчуждения и раздела помещичьей земли. Принятию решения предшествовала длительная дискуссия, в ходе которой большинство делегатов съезда высказались за принудительное отчуждение некрестьянских земель в законодательном порядке и передачу их безземельным и малоземельным крестьянам[101]. В то же время съезд высказался против национализации земли, считая, что каждый крестьянин должен иметь свой собственный земельный участок, ибо только на собственном участке он может с любовью работать[102].

Революция создала необходимые предпосылки для возникновения радикальной крестьянской организации, которая, включившись в общий поток революционно-освободительного движения польского народа, связывала свои надежды на освобождение от социального и национального угнетения с победоносной борьбой пролетариата.

[97] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 95—96.
[98] «Czasopiśmiennictwo ludowe w Królestwie Polskim. 1905—1907». W., 1957.
[99] Там же, стр. 134.
[100] Там же, стр. 136.
[101] Там же, стр. 147, 148.
[102] Там же, стр. 147.

8. Контакты по линии военных организаций

В условиях самодержавного строя армия являлась слепым орудием в руках царизма, которое он использовал для борьбы с революционным движением. Королевство Польское было наводнено войсками, опираясь на которые царизм осуществлял свою русификаторскую политику. Накануне революции 1905—1907 гг. в составе Варшавского военного округа насчитывалось до 300 тыс. войска, причем только в варшавском гарнизоне до 50 тыс. человек. Царские власти усиленно вбивали в солдатские головы ту мысль, что они в Польше находятся для того, чтобы блюсти «порядок» и усмирять «поляков-бунтовщиков», которые являются «внутренними врагами» России. Они старались любым способом создать стену отчуждения между солдатской массой и польским народом. Однако осуществить эту цель царским властям было затруднительно.

В связи с общим подъемом революционного движения в стране, в том числе и в Королевстве Польском, усиливалось брожение и в армии. Это вынуждены были признать и царские власти. Так, помощник варшавского генерал-губернатора в своей записке от 29 апреля 1905 г. писал: «С началом сего года влияние пропаганды на войска стало заметным, то и дело слышались между солдатами разговоры о студенческих волнениях» [103]. Оживление социал-демократической пропаганды в войсках варшавского гарнизона относится к концу 1904 г. Первоначально ее проводили отдельные социал-демократические группы, действовавшие разрозненно, и работа их носила кустарный характер. Однако в начале революции политическая пропаганда в войсках начала принимать более организованный характер. При активном участии В. А. Антонова-Овсеенко в Варшаве был создан Варшавский комитет Военно-революционной организации РСДРП (ВРО), в работе которого стали принимать участие и польские социал-демократы. Благодаря энергичной деятельности Ф. Дзержинского, который придавал исключительное значение революционной работе в войсках, влияние Варшавского комитета ВРО распространилось и за пределы варшавского гарнизона.

В феврале 1905 г. Дзержинский в письме, направленном из Варшавы в Заграничный комитет СДКПиЛ, о своих связях с ВРО сообщал: «А теперь о Военно-революционной организации и русских, находящихся здесь, в Варшаве. С ними устанавливаю связи, стараюсь узнать их силу, их самих и т. д. Мы должны привлечь их на нашу сторону» [104]. Агитационно-пропагандистская работа российских и польских социал-демократов была направлена на повышение уровня политического сознания солдатской массы, на разъяснение смысла происходящих в стране событий. В период январско-февральской забастовки со специальными воззваниями к солдатской массе обращались как русские, так и польские социал-демократы. Так, в одной из листовок, изданной военной революционной группой РСДРП, говорилось: «Откажитесь стрелять в своих безоружных братьев... Станьте под наше рабочее красное знамя... помните, братья, что у нас один враг — класс богатеев, и первый богатей — царь» [105].

Разъясняя смысл борьбы, которую вели польские рабочие, Главное правление СДКПиЛ в листовке, обращенной к русским солдатам, ука-

[103] AGAD, sygn. 454, k. 156.
[104] *F. Dzierżyński.* Указ. соч., стр. 75.
[105] *И. А. Хренов.* Лодзинское восстание. М., 1960, стр. 94.

зывало: «...Не верьте лживым речам, будто мы «бунтовщики-поляки», будто мы «враги отечества». Мы, польские рабочие — социал-демократы, боремся рука об руку с русскими рабочими за общее дело — за свободу своего рабочего народа по всей России. Не стреляйте в нас. Не слушайте преступных приказаний» [106]. С призывом к солдатам не стрелять в своих братьев обратилась с листовкой в марте и действующая в Лодзи военно-революционная группа. «Солдаты! — говорилось в листовке,— будьте же настоящими храбрецами. Не губите ваших братьев! Станьте и вы за дело народной свободы. Не стреляйте, когда станут командовать офицеры» [107].

Все эти листовки военно-революционных организаций очень схожи по своему содержанию. В них, с одной стороны, подчеркивается классовый характер борьбы польских и русских рабочих, с другой — выдвигается общий лозунг, повторяемый во всех последующих призывах польских социал-демократов, обращенных к солдатам: «Не стреляйте в нас!» Одетые в шинели русские рабочие и крестьяне — солдатская масса не могла быть полностью изолированной от развернувшейся в стране революции. Через глухие стены царской казармы проникали в солдатскую среду революционно-освободительные идеи. В. И. Ленин в докладе о революции 1905 г. указывает, что соединения пролетарской массовой стачки с крестьянским движением было достаточно, чтобы поколебать последнюю опору царизма — армию [108].

Уже в самом начале революции наблюдалось брожение в частях царской армии, расположенных в Королевстве Польском: выступления солдат против отправки их на Дальний Восток, требование человеческого с ними обращения со стороны офицеров, отказы нести полицейскую службу и выступать с целью «усмирения поляков»; в отдельных полках вспыхивали настоящие солдатские бунты. Так, 25 января 1905 г. часть солдат в Седльцах присоединилась к организованной СДКПиЛ демонстрации. В Томашове солдаты Пулавского гарнизона отказались выполнять полицейские функции и занять места бастующих рабочих. Две роты Белевского полка, направленные для наведения «порядка» в Кельце, отказались стрелять в толпу. В Серокомле (Луковский повет) взбунтовавшиеся солдаты в апреле 1905 г. вывесили плакат с надписью: «Не хотим больше быть царскими солдатами! Веревку на шею царя!» [109] Социал-демократическая газета «З поля вальки» в февральском номере сообщала о характерном инциденте, происшедшем в 71-м Белевском полку. Во время парада командир полка обратился к солдатам со следующими словами: «Быть может, нам придется скоро двинуться на Японию, тогда мы не запятнаем чести нашего полка, смело пойдем в бой за святую Русь, за батюшку-царя». На это весь полк в один голос ответил: «Мы на войну не пойдем! Долой мобилизацию!» [110] Эта же газета сообщала, что 18 офицеров одного полка в Варшаве в январские дни подали рапорт об увольнении со службы, чтобы избежать участия в усмирении бастующих варшавских рабочих [111].

[106] Там же, стр. 95.
[107] «Zródła do dziejów rewolucji 1905—1907 w okręgu Łódzkim», t. I, cz. 2. W., 1958, str. 711.
[108] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 316.
[109] *I. Pawłowski.* Wojskowa działalność SDKPiL w rewolucji 1905—1907. W., 1965, str. 119—121.
[110] «Z Pola Walki», II 1905, N 4
[111] «Z Pola Walki», 20.III 1905, N 6.

Весной 1905 г. Южный комитет СДКПиЛ развернул энергичную революционную пропаганду в 71-м Белевском и 72-м Тульском пехотных полках, дислоцированных в Пулавах. В состав Южного комитета в это время входили 7 русских и два поляка [112]. Характеризуя его деятельность, Дзержинский в письме от 13 февраля 1905 г., адресованном Заграничному комитету СДКПиЛ, указывал: «Южный комитет развернул среди войск действительно большую работу, революционизировал целые полки, которые необходимо удерживать, чтобы преждевременно не поднять восстания» [113]. Вспыхнувшее в ночь на 27 апреля восстание в 71-м Белевском полку было жестоко подавлено в самом зародыше.

Ход событий показывал, что без перехода армии на сторону революции победа над самодержавием невозможна. Одним из предметных уроков послужило при этом Лодзинское восстание, для подавления которого царизм использовал войска. Листовка, которую вскоре после поражения восстания выпустил Лодзинский комитет СДКПиЛ, называлась: «Идем к солдатам с доброй вестью». В ней говорилось: «Пойдем к ним и объясним, чего мы хотим. Пойдем к ним и научим их, объясним, что, стреляя в нас, они стреляют в своих братьев, что наши цели должны быть и их целью. Только тогда мы победим» [114]. Вместе с этим польские социал-демократы приходили и к другому важному выводу, что в революционной борьбе пролетариата начался новый этап, характерной чертой которого являлось перерастание, при определенных условиях, массовых стачек в вооруженное восстание. Эти новые задачи, которые выдвигались перед пролетариатом самим ходом революции, требовали от партии рабочего класса не только усиления пропаганды в массах идеи вооруженного восстания, но и практической организации масс для вооруженной борьбы. С решением этой задачи тесно связано усиление революционной пропаганды в армии за подготовку солдатской массы к переходу на сторону народных масс.

По-прежнему политическую работу в войсках продолжали вести совместно польские и русские социал-демократы. Варшавский комитет ВРО РСДРП в ходе своей деятельности все более приходил к убеждению, что успех его работы во многом зависит от более тесных связей с польскими социал-демократами. Сам ход борьбы подсказывал необходимость более тесного организационного сотрудничества Варшавского комитета ВРО РСДРП и Варшавского комитета СДКПиЛ. 1 июля 1905 г. между обеими организациями было заключено соглашение о совместной деятельности. В тексте соглашения [115] говорилось, что Военно-революционная организация РСДРП может вести агитационную работу среди войск только в тесной связи с местной организацией СДКПиЛ. В связи с этим Варшавский комитет ВРО предлагал своим членам, оставаясь в рядах РСДРП, одновременно работать и в организациях СДКПиЛ. В соответствии с упомянутым соглашением представитель Варшавского комитета СДКПиЛ вводился в состав Варшавского комитета ВРО в качестве его полноправного члена. Первым таким представителем был Дзержинский. Представитель СДКПиЛ заранее ставился в известность о подготовленных к изданию листовках, однако право окончательной редакции листовок оставалось за Комитетом ВРО. Комитет должен был представлять ежемесячные отчеты о

[112] *F. Dzierżyński.* Указ. соч., стр. 76.
[113] Там же.
[114] «Łódzkie powstanie zbrojne», str. 39.
[115] «Czerwony Sztandar», 31.XII 1905, N 33.

своей деятельности как центральным органам РСДРП, так и СДКПиЛ. Военно-революционная организация РСДРП в Варшаве и Варшавский комитет СДКПиЛ обязывались взаимно распространять в массах издания обеих организаций. Всю техническую сторону работы (типография, транспорт и т. д.) брал на себя Варшавский комитет СДКПиЛ. Финансовые расходы, связанные с деятельностью Военно-революционной организации, тоже покрывались за счет Варшавского комитета СДКПиЛ.

Революционные идеи, которые проникали в солдатскую казарму, раньше всего находили сочувствие и отклик в тех полках, личный состав которых комплектовался за счет фабрично-заводских рабочих. Эти полки, по свидетельству официальных органов царских властей, не представляли для них надежной опоры. Начальник Петроковского губернского жандармского управления в сентябре 1905 г. сообщал: «Озабочиваясь сохранением порядка, губернатор для более действительной охраны каменноугольного района ходатайствует о замене Ладожского и Белозерского пехотных полков двумя другими, так как названные полки, комплектуясь фабричными рабочими Центральных губерний, легко сходятся с местными рабочими, а поэтому не представляют надежного оплота в случае возникновения беспорядков»[116].

Практическим проявлением идей русско-польского революционного союза в декабрьские дни 1905 г. было создание в Варшаве Совета солдатских депутатов, руководство которым взяли в свои руки Варшавский комитет ВРО и Варшавский комитет СДКПиЛ. Солдатский совет издал «Манифест ко всем солдатам Варшавского гарнизона», в котором подчеркивалось, что «защищать отечество — это значит защищать благо народа, а не идти против него со штыками, пулями, нагайками... Товарищи,— говорилось в манифесте,— пусть ни один из вас не идет против народа! И пусть на первое наше воззвание все варшавские солдаты поднимутся на борьбу вместе с рабочим людом России и Польши»[117].

Летом 1906 г. в связи с подъемом крестьянского движения в России и Королевстве Польском еще более оживилось революционное брожение в армии, особенно в пехотных полках, комплектовавшихся по преимуществу из крестьян. В царскую казарму все больше проникало сведений о забастовках сельскохозяйственных рабочих, о поджоге помещичьих имений, о демонстрациях, происходящих по месту жительства солдат. Выступления крестьянской массы были близки и понятны солдатской среде. Основные требования крестьян — земли и воли — находили живой отклик в среде значительной части солдатской массы, которая и сама все более втягивалась в политическую борьбу.

Несмотря на усиление политической реакции и репрессий со стороны царизма, военно-революционные организации, и прежде всего Варшавский комитет ВРО, продолжали энергичную работу в войсках. Об этом свидетельствует, в частности, рапорт заместителя варшавского генерал-губернатора, который в июле 1906 г. отмечал: «Действующие революционные организации в своем стремлении к ниспровержению существующего строя принимают все меры для скорейшего осуществления намеченных целей, что выражается главным образом в пропаганде среди войск и избиении чинов полиции, жандармов и казаков. Из числа распространенных прокламаций большинство на русском язы-

[116] См.: *И. А. Хренов.* Лодзинское восстание, стр. 100.
[117] «Czerwony Sztandar», 31.XII 1905, N 33.

ке изданий Варшавской военно-революционной организации, обращенных к войскам» [118].

Результаты агитационной работы Военно-революционной организации более всего проявлялись в частях варшавского гарнизона, где революционно настроенная часть солдат все чаще стала выступать с политическими требованиями. Весной 1906 г. один из гвардейских полков выступил с требованием созыва Учредительного собрания, введения свободы слова, печати, собраний, личной неприкосновенности [119]. Это выступление отметил В. И. Ленин в статье, помещенной 2 июля в газете «Эхо» [120].

Более сознательная часть солдатской массы, которой коснулась революционная пропаганда, открыто проявляла чувства братской солидарности с польскими трудящимися, рассматривая их как своих братьев по совместной борьбе против существующего строя. Красноречивым свидетельством этому служит заявление солдат Варшавского крепостного полка: «Мы выражаем наше полное сочувствие и солидарность с революционным пролетариатом, который поднял борьбу с грабительским самодержавием. Мы с радостью приветствуем успехи, которых добился рабочий класс в своей кровавой борьбе с царизмом, и торжественно заявляем, что свои штыки и пули направим против царских палачей, которые посылают нас на борьбу с революционным движением» [121]. Аналогично этому заявлению письмо солдат Кексгольмского полка: «Мы хорошо отдаем себе отчет,— говорится в письме,— кто является нашим врагом. Нашим врагом не являются голодные рабочие и крестьяне, которые подняли борьбу за свободу и справедливость. Они являются нашими братьями» [122].

В связи с новой волной стачечного движения, развернувшегося в Лодзи летом 1906 г., наблюдалось усиление брожения среди солдат Лодзинского гарнизона. В июле 1906 г. генерал-губернатор Скалон отмечал, что «...в окрестностях Лодзи устраиваются так называемые маевки, которые посещаются нижними чинами, переодетыми в гражданское платье. Эти собрания сопровождаются раздачей оружия, противоправительственными речами и пением революционных песен» [123]. Особенно неспокойно было в расположенном в Лодзи Екатеринбургском полку, солдаты которого уже не раз проявляли свою солидарность с польскими рабочими. В июльском номере редакция газеты «Червоный штандар» сообщала о получении ею письма из этого полка, в котором говорилось о принятом на массовом солдатском собрании решении с выражением резкого протеста против назревавшего в Лодзи еврейского погрома. В этом решении говорилось, что «солдаты 37-го Екатеринбургского пехотного полка постановили расстрелять каждого, кто примет участие в погроме...» [124].

Сообщения о чувствах классовой солидарности, проявляемых революционно настроенными солдатами, о солдатских выступлениях по-прежнему публиковались в «Червоном штандаре». Так, в июльском номере 1906 г. газета сообщала: «Выдвинутые пролетарско-демократические лозунги сплачивают для революционной борьбы пролетариат и кре-

[118] «Źródła do dziejów...», t. II. W., 1964, str. 296.
[119] «Солдатский листок», № 8, апрель 1906 г.
[120] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 284.
[121] «Солдатский листок», № 8, апрель 1906 г.
[122] Там же.
[123] «Źródła do dziejów...», t. II, str. 304.
[124] «Czerwony Sztandar», 23.VII 1906, N 92.

стьянство и втягивают в борьбу солдат и моряков — этих детей городских фабрик и крестьянских деревень»[125]. В корреспонденции из Люблина говорилось о боевом настроении солдат Ряжского полка[126]. О массовом рабочем митинге с участием солдат сообщалось из Едлиньска. Выступление на митинге представителя СДКПиЛ солдаты приветствовали бурными аплодисментами, а затем заявили: «Да здравствует единение армии с народом». Митинг закончился пением революционных песен[127].

Радикальные настроения прогрессивной части офицерства, тоже принимавшей участие в революционной пропаганде среди солдат, хорошо передает речь подпоручика Николая Фриауфа, произнесенная им на суде в Варшавской цитадели, где в июне 1906 г. разбиралось дело 19 офицеров и солдат по обвинению их в принадлежности к Варшавскому комитету ВРО. «Я обвиняюсь,— сказал Фриауф,— лишь в своем человеческом отношении к солдатам, в том, что говорил им «вы», заботился об их физической и духовной жизни. Я делал, что мог, делал честно, справедливо, по-прежнему любя солдатскую душу»[128].

Очень характерным было поведение солдат, бывших свидетелями расправы царского военного суда над Варшавским комитетом ВРО. Во время появления подсудимых на улице стекались солдаты. Из солдатской толпы раздавались громкие возгласы: «Долой самодержавие! Да здравствует Военно-революционная организация!» Когда подсудимых вели в 10-й павильон на обед, солдаты устроили им настоящую овацию[129].

Репрессии и террор царских властей хотя и отражались на деятельности военно-революционных организаций, их волю к борьбе сломить не могли. Это подтвердила Межрайонная Варшавская конференция СДКПиЛ, состоявшаяся 28 октября 1906 г.[130] О проделанной работе сообщили на конференции Варшавская, Лодзинская и Радомская военно-революционные организации. Варшавский комитет ВРО проводил работу в 33 воинских частях гарнизона, в 8 из которых имелись постоянно действующие кружки. Кроме того, комитет распространял среди солдатской массы революционные прокламации и нелегальную литературу.

В отчете Лодзинской военно-революционной организации[131] отмечалось, что в районе ее действия нет ни одного полка, где бы не чувствовалось ее влияние. Сообщение о деятельности Радомской военно-революционной организации отмечало, что она имеет связь с двумя полками и артиллерийской бригадой; чтением нелегальной литературы в районе действия Радомской организации было охвачено свыше 100 человек, кроме того, среди солдат было распространено около 50 легальных брошюр.

В результате дальнейшего спада революционного движения в стране, а также в силу провалов и арестов, имевших место в военно-революционных организациях, их деятельность к концу 1906 г. значительно ослабела. Тем не менее революционная пропаганда, проводимая в вой-

[125] «Czerwony Sztandar», 8.VII 1906, N 87.
[126] «Czerwony Sztandar», 30.VII 1906, N 95.
[127] «Czerwony Sztandar», 30.VIII 1906, N 102.
[128] Приложение к № 11 «Солдатского листка» 16—19 июня 1906 г. Статья «Шемякин суд в Варшавской цитадели».
[129] Там же.
[130] «Czerwony Sztandar», 16.XI 1906, N 122.
[131] Там же.

ских Варшавского военного округа, оставалась тем ферментом, действие которого способствовало дальнейшему росту политической сознательности солдатских масс, пробуждало в них сочувствие к борьбе польских трудящихся за их социальное и национальное освобождение. В целом, совместно проводимая российскими и польскими революционными социал-демократами революционная пропаганда в войсках Варшавского военного округа была одним из проявлений практического воплощения в жизнь великих идей русско-польского революционного союза.

9. Объединение РСДРП и СДКПиЛ. Их сотрудничество в единых организационных рамках

Польская социал-демократия исходила из того положения, которое Р. Люксембург сформулировала следующим образом: «В политической борьбе польские рабочие образуют с русскими одно целое, один класс с одинаковой политической программой» [132]. В ходе своей практической деятельности польская социал-демократия занимала идентичную с большевиками позицию по многим важным вопросам революционной стратегии и тактики. Ф. Дзержинский в отчетном докладе Главного правления на V съезде СДКПиЛ говорил: «Тот принцип, что в Российском государстве должна существовать только одна партия рабочего класса, признание обеими сторонами того факта, что обе организации стоят на чисто классовой почве, на почве пролетарского социализма — эти предпосылки были достаточны для того, чтобы наша партия по мере сил стремилась к объединению с Российской социал-демократической рабочей партией» [133].

Большевики, придававшие большое значение вопросу об объединении РСДРП с национальными социал-демократическими организациями, приняли специальную резолюцию по этому поводу на III съезде РСДРП. В ней подчеркивалось, «что интересы экономической и политической борьбы требуют объединения социал-демократических организаций всех национальностей России» [134]. В целях осуществления идеи объединения всех национальных социал-демократических организаций в единую РСДРП съезд поручил ЦК и местным комитетам партии приложить максимум усилий к достижению соглашения с этими организациями [135].

Исходя из сути принятых решений, большевики усилили свою деятельность в направлении достижения более тесных контактов с СДКПиЛ. Это сказалось прежде всего в выработке единой политической линии обеих партий по вопросу разоблачения затеянного царизмом маневра, связанного с созывом Государственной думы. Как известно, в августе 1905 г. царь издал Манифест о созыве Государственной думы, которая, по замыслам самодержавия, должна была отвлечь трудящиеся массы от активного участия в революции. Для выработки тактической линии социал-демократии по отношению к Государственной думе была созвана в сентябре 1905 г. конференция социал-демократических организаций России, на которой в качестве представителей

[132] *Р. Люксембург.* Чего мы хотим. СПб., 1906, стр. 18.
[133] *F. Dzierżyński.* Указ. соч., стр. 169.
[134] «Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза». М., 1959, стр. 455.
[135] Там же.

СДКПиЛ присутствовали А. Варский и Я. Тышка. Конференция, осудив капитулянтство меньшевиков, расценивавших Думу как орган, способный решить стоявшие перед революцией задачи, одобрила большевистскую линию активного бойкота Думы. В резолюции было подчеркнуто, что «созываемая правительством Государственная дума есть грубая подделка народного представительства, имеющая своей целью сохранить и упрочить расшатанную революционным движением пролетариата власть самодержавия»[136]. Согласованную линию полностью поддержала присутствовавшая на конференции делегация СДКПиЛ. Меньшевики в лице Мартова и Дана всячески пытались воздействовать на руководство польской социал-демократии, добиваясь снятия подписей ее представителей под резолюцией, угрожая в противном случае опубликовать свой протест и распространить его в Варшаве[137]. Однако позиция польской социал-демократии по отношению к бойкоту Думы оставалась неизменной. Это было подтверждено статьей «Конституция кнута», опубликованной в «Червоном штандаре», где говорилось: «...С первого взгляда видно, что булыгинская «конституция» есть не что иное, как чудовищная комедия... Задачей революционного пролетариата в России и в Польше является уничтожение этой «конституции», подрыв веры в нее, показ всей омерзительной ее сущности»[138].

Решению вопроса о слиянии СДКПиЛ с РСДРП предшествовали длительные переговоры между Главным правлением СДКПиЛ и Советом РСДРП, в ходе которых обнаружилось желание меньшевистского в своем большинстве Совета затянуть решение вопроса[139]. В начале 1906 г. переговоры между СДКПиЛ и РСДРП вступили в решающую стадию[140]. Активную роль в выработке условий слияния двух партий играла Р. Люксембург.

Приехав в конце декабря 1905 г. из Германии в Варшаву, она с головой окунулась в революционную атмосферу, царившую в России и Королевстве Польском. В письмах, адресованных Карлу и Луизе Каутским, она сообщала о происходящих событиях в России, высказывала негодование против капитулянтства меньшевиков и Плеханова в особенности. Принимая деятельное участие в подготовке руководства польской социал-демократии к участию в Объединительном съезде РСДРП, Р. Люксембург сама собиралась быть на съезде в качестве представителя Главного правления СДКПиЛ. «В начале февраля,— писала она,— обе фракции созывают объединительный съезд. Естественно, я хочу быть на нем»[141]. Р. Люксембург стремилась как можно быстрее попасть в Петербург для встречи с В. И. Лениным[142]. Однако ее арест в начале марта 1906 г. и заключение в Варшавскую тюрьму помешали поездке. Но и оказавшись за тюремной решеткой, Р. Люксембург продолжала революционную работу, поддерживая тесные связи с членом Главного правления СДКПиЛ Я. Ганецким, которому удалось добиться разрешения на свидания с ней. Именно в это время Я. Ганецкий

[136] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, стр. 91.
[137] *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Ленин и польское рабочее движение, стр. 117.
[138] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 341, 345.
[139] *А. Г. Шевелев.* Братское сотрудничество польских социал-демократов с большевиками в 1903—1910 гг. Киев, 1966, стр. 91.
[140] *F. Dzierżyński.* Указ. соч., стр. 170.
[141] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским. М., 1926, стр. 91.
[142] *Г. М. Деренковский.* Роза Люксембург в России во время первой революции. «История СССР», 1968, № 1.

согласует с Р. Люксембург окончательную редакцию условий слияния СДКПиЛ и РСДРП [143].

Численное преобладание меньшевиков на состоявшемся в апреле 1906 г. IV съезде РСДРП наложило отпечаток на всю его работу и многие решения. Пытаясь устранить со съезда делегатов от национальных социал-демократических организаций, меньшевики внесли предложение рассмотреть вопрос о вступлении национальных социал-демократических организаций в РСДРП в самом конце работы съезда. Против этого предложения с решительным возражением выступил А. Варский. В своей речи он заявил: «За СДКПиЛ стоит большое количество организованного пролетариата, который в Российской революции играет очень крупную роль. Чтобы показать, что у вас есть желание считаться с нашими голосами, что вы нас пригласили не как соломенных кукол, что вы считаете нас товарищами по той революционной борьбе, которую вы ведете,— поставьте в первую очередь вопрос об объединении с национальными социал-демократическими организациями, т. е. с нами» [144].

Против предложения меньшевиков выступили большевики в лице своего делегата Сергеева (Артема). Однако меньшевикам удалось протащить предложение о передаче вопроса в специальную комиссию, что оттянуло его рассмотрение. Тем не менее делегация СДКПиЛ, пользуясь правом совещательного голоса, приняла активное участие в обсуждении на съезде важных вопросов. Так, в поддержку В. И. Ленина по вопросу о Государственной думе выступил А. Варский. Он заявил: «Если бы даже была возможность участвовать в выборах где-нибудь, то они были бы кустарнической агитацией в одном месте, а в другом — ничего бы не было». Продолжая далее свою речь, А. Варский сказал: «Впрочем, на всю эту фантастическую обстановку уже указывал т. Ленин,— говорить больше, чем сказал Ленин, я нахожу излишним» [145]. Против думской тактики меньшевиков выступил и Ф. Дзержинский, который отметил, что «в Польше весь пролетариат, кроме единичных рабочих, заведомых реакционеров и незначительной части совершенно невежественных, стоял за бойкот Думы» [146]. С большим вниманием съезд выслушал выступление А. Варского при обсуждении вопроса «О текущем моменте и классовых задачах пролетариата». Острие своего выступления Варский направил против капитулянтства Плеханова, подчеркнув, что «...Плеханова кадеты любят не за теорию, а за практику» [147]. «Нет ничего более ошибочного,— продолжал Варский,— чем положение Плеханова, по мнению которого ничего невиданного наша революция якобы не представляет» [148].

Антименьшевистская позиция польской социал-демократии, которая проявилась в ярких выступлениях ее представителей на IV съезде РСДРП, содействовала более тесному сближению СДКПиЛ с большевиками. На 24-м заседании съезда, где председательствовал В. И. Ленин, был рассмотрен вопрос о вступлении СКДПиЛ в РСДРП. М. М. Литвинов вначале зачитал выработанный комиссией проект постановления об объединении СДКПиЛ с РСДРП, а затем сделал подробное пояснение всех 10 пунктов предложенного комиссией проекта.

[143] *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 128.
[144] «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы», стр. 28.
[145] Там же, стр. 295.
[146] Там же, стр. 344.
[147] Там же, стр. 231.
[148] Там же, стр. 233.

В своем докладе М. М. Литвинов подчеркнул, что после утверждения предложенного съезду проекта СДКПиЛ становится составной частью РСДРП, сохраняя за собой право территориальной автономной организации и самостоятельного проведения работы среди всех национальностей, проживающих на территории Польши и Литвы. После обсуждения доклада М. М. Литвинова съезд большинством голосов принял решение об объединении СДКПиЛ с РСДРП [149]. В связи с достигнутым съездом соглашением о вступлении СДКПиЛ в РСДРП с речью выступил А. Варский. Он подчеркнул, что по существу польские социал-демократы уже давно вместе с РСДРП ведут борьбу против общего врага и являются частью российской партии, что сознательный польский пролетариат считает себя частью общероссийского рабочего класса, частью единой пролетарской армии. Выступление петербургского пролетариата в защиту рабочего класса Польши, говорил Варский, показало, что разделить революционную борьбу России и Польши на две части — на польскую и русскую — невозможно [150]. В ответной речи, приветствуя решение о вступлении польской социал-демократии в ряды РСДРП, В. И. Ленин заявил, что объединение СДКПиЛ с РСДРП должно послужить залогом дальнейшей успешной совместной работы [151].

Позднее в состав ЦК РСДРП вошли в качестве представителей СДКПиЛ Ф. Дзержинский и А. Варский. Став составной частью РСДРП, СДКПиЛ сохраняла свое прежнее название, за ней оставалось право самостоятельного представительства на международных конгрессах и право созыва самостоятельных съездов. В сообщении Главного правления СДКПиЛ по поводу слияния СДКПиЛ с РСДРП отмечалось, что «достигнуто соглашение, и наша организация, как единое целое, вступила в Российскую социал-демократическую рабочую партию, оставаясь при этом автономной организацией, сохраняющей свою полную самостоятельность в вопросах организации и агитации» [152].

Объединение с РСДРП явилось замечательной страницей в политической жизни польской социал-демократии. В. И. Ленин в «Докладе об объединительном съезде РСДРП» указывал, что «это слияние укрепляет Российскую социал-демократическую рабочую партию», что «оно внесет свежую струю в работу партии», «в громадной степени усилит мощь пролетариата всех народов России» [153]. Громадное значение объединения национальных социал-демократических организаций с РСДРП подчеркивала легальная большевистская газета «Волна»: 9 мая 1906 г. на ее страницах были опубликованы «Условия слияния СДКПиЛ с РСДРП» [154]. Объединительный съезд РСДРП явился новой вехой на пути дальнейшего упрочения русско-польского революционного сотрудничества. Слияние СДКПиЛ с РСДРП нашло одобрение всего авангарда польского пролетариата, который в этом объединении видел новый шаг на пути претворения в жизнь идей пролетарской солидарности, укрепляющих силы общероссийского революционного движения.

Много внимания вопросу об объединении польской социал-демократии с РСДРП уделил Ф. Дзержинский в своем докладе на V съезде СДКПиЛ, состоявшемся в июне 1906 г. Он подчеркнул, что «важней-

[149] Там же, стр. 406—407.
[150] Там же, стр. 411—412.
[151] Там же, стр. 412.
[152] «Czerwony Sztandar», 24.V 1906, N 70.
[153] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 60.
[154] «Волна», 9 мая 1906 г.

шим вопросом в нашей партийной политике был вопрос нашего объединения с РСДРП»[155]. В оценке ряда важных вопросов стратегии и тактики пролетариата съезд высказался в поддержку большевиков, осудив меньшевистские позиции. Подчеркнув руководящую роль пролетариата в буржуазно-демократической революции, съезд осудил меньшевистскую тактику участия в булыгинской думе, отношение к Первой государственной думе, которую меньшевики рассматривали как орган, способный осуществить «перестройку социально-экономического строя». Осуждая позицию меньшевиков, отрицавших руководящую роль пролетариата в буржуазно-демократической революции, съезд отметил: «Не отрицая значения Думы как временного центра политической жизни, мы подчеркиваем, что в настоящую минуту существенное значение имеют только конфликты между революционными массами и старым порядком, так как они приведут к окончательному столкновению и победе нового порядка»[156]. Присутствующие на съезде меньшевики — Л. Гольдман и О. Ауссем — пытались в своих выступлениях «убедить съезд в правильности своих взглядов»[157]. Но им был дан решительный отпор, в чем большую роль сыграли выступления В. Воровского, присутствовавшего на съезде по поручению В. И. Ленина. В своих выступлениях В. Воровский разъяснял точку зрения большевиков по вопросам революционной стратегии и тактики и резко осуждал оппортунизм и капитулянтство меньшевиков.

В специальной статье, посвященной итогам съезда, газета «Червоный штандар» отмечала, что «в результате дискуссии съезд категорически высказался за точку зрения, высказанную в нашей печати и печати русских товарищей «большевиков»»[158]. Необходимо отметить при этом тот важный факт, что принятый съездом Устав СДКПиЛ определял членство в партии в полном соответствии с § 1 Устава партии, принятого большевиками на III съезде РСДРП. Проявлением заботы о судьбах РСДРП явилось принятие съездом польских социал-демократов резолюции о необходимости созыва экстренного съезда РСДРП. «Принимая во внимание...,— говорилось в резолюции,— всю ненормальность положения, при котором тактика, признаваемая значительным большинством партии, не соответствует тактике, которая предписывается партии высшими партийными инстанциями, опирающимися на свои чисто формальные прерогативы, V съезд СДКПиЛ признает желательность возможно быстрого изменения существующего положения дел путем немедленного созыва экстренного общепартийного съезда»[159]. Это решение полностью соответствовало позиции большевиков и было поддержано Петербургской, Московской и другими партийными организациями.

Состоявшаяся в сентябре 1906 г. I конференция партийных организаций Центрального района России приняла специальное постановление о немедленном созыве экстренного съезда партии. Конференция поручила редакции «Пролетария» снестись с редакцией «Червоного штандара» и совместно с ней выработать порядок дня предстоящего съезда. Для организации совместной работы, связанной с проведением кампании по подготовке к съезду, конференция поручила Областному бюро

[155] *F. Dzierżyński.* Указ. соч., стр. 169.
[156] «Исторический архив», 1957, № 3, стр. 135.
[157] «Czerwony Sztandar», 4.VII 1906, N 84.
[158] Там же.
[159] Там же.

РСДРП связаться с Главным правлением СДКПиЛ и Центральным Комитетом Социал-демократии Латышского края [160]. Результатом этой совместной работы явилось опубликованное в октябрьском номере «Пролетария» от имени Петербургского комитета РСДРП, Главного правления СДКПиЛ, Областного бюро социал-демократических организаций Центральной России, Центрального Комитета Социал-демократии Латышского края обращение к Российской социал-демократической рабочей партии, в котором обосновывалась необходимость немедленного созыва экстренного съезда партии [161]. Это обращение нашло горячую поддержку большинства местных партийных организаций.

Меньшевики оказали упорное сопротивление созыву съезда партии. С возражениями против целесообразности созыва съезда с «открытым письмом» в «Социал-Демократе» выступил Плеханов. Резкая отповедь Плеханову была дана в «Червоном штандаре», где говорилось: «С момента объединения нашей партии расхождения между ЦК и большинством партии стали критическими. ЦК издает директивы, которые никто не принимает, ибо они противоречат основам социал-демократической тактики... Это просто скандал, что письмо тов. Плеханова оказалось напечатанным в журнале, который издается на средства и силами партии» [162].

Осенью 1906 г. в связи с предстоящими выборами во II Государственную думу развернулась острая полемика между большевиками и меньшевиками по вопросу думской тактики РСДРП. Меньшевики высказались за установление блока с кадетами и другими буржуазными партиями как в ходе избирательной кампании, так и в самой Думе. Большевики, решительно осуждая оппортунистическую линию меньшевиков, выступили за самостоятельность пролетариата в избирательной кампании, который должен привлечь на свою сторону действительно революционные элементы буржуазной демократии [163] и прежде всего крестьянство, заинтересованное в ликвидации феодально-крепостнических пережитков в России. В специальной работе В. И. Ленина «Социал-демократия и избирательные соглашения», написанной в ноябре 1906 г., давалось четкое определение тактики революционной социал-демократии в избирательной кампании: «Нашей главной и основной задачей,— подчеркивал В. И. Ленин,— является развитие классового сознания и самостоятельной классовой организации пролетариата, как единственного до конца революционного класса, как единственного возможного вождя победоносной буржуазно-демократической революции. Поэтому классовая самостоятельность всей избирательной и всей думской кампании — наша важнейшая общая задача» [164].

За участие в избирательной кампании в Думу высказалась состоявшаяся в начале ноября в Варшаве Краевая конференция СДКПиЛ. Позиция польских социал-демократов была сформулирована в листовке «Голосуйте за социал-демократов», изданной Главным правлением в декабре 1906 г. В листовке говорилось: «...Пока царизм не опрокинут в схватке, до тех пор никакая Дума не может нам помочь... Только победа сил революции в их борьбе с силами царизма дает нам возможность подлинной прочной победы... Пусть же широчайшие слои тех, кто

[160] «Пролетарий», 19 сентября 1906 г.
[161] «Пролетарий», 29 октября 1906 г.
[162] «Czerwony Sztandar», 21.X 1906, N 1-17.
[163] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 93.
[164] Там же, стр. 77.

сейчас избирает, помнят об этом, пусть голосуют за социал-демократов именно потому, что только они искренне желают свободы народу...» [165]

Широкому обсуждению вопрос о думской тактике РСДРП был подвергнут на состоявшейся в ноябре 1906 г. в Таммерфорсе конференции РСДРП, в работе которой участвовали и представители Главного правления СДКПиЛ. Меньшевики на конференции ратовали за допустимость блоков социал-демократов с буржуазными партиями. В. И. Ленин, большевики, отстаивая позицию классовой самостоятельности пролетариата в избирательной кампании, выступили с решительным осуждением меньшевистской позиции. Подводя итоги конференции, В. И. Ленин подчеркивал недопустимость блоков с кадетами [166]. Делегация польских социал-демократов выступала в поддержку позиции большевиков. Однако большинством голосов была принята меньшевистская резолюция, допускавшая возможность превращения Думы в «опорный пункт революции».

Против резолюции голосовали большевики и польские социал-демократы. От имени делегатов СДКПиЛ, Латышского края, Петербурга, Москвы, Центрально-промышленной области и Поволжья на конференцию было представлено «особое мнение», вошедшее в историю под названием «платформы 14», разъясняющее смысл думской тактики социал-демократии: «...борьбу вне Думы — и в самой Думе,— говорилось в этом документе,— социал-демократия должна вести в интересах развития классового сознания пролетариата, дальнейшего разоблачения перед всем народом конституционных иллюзий и развития революции» [167].

Характеризуя противоположность позиций меньшевиков и большевиков на Таммерфорсской конференции, В. И. Ленин позднее писал: «Все члены конференции были согласны в том, что ее решения *необязательны* [...], ибо конференция — учреждение совещательное, а не решающее [...]. *Поэтому* большевики, латыши и поляки на конференции не тратили время на отделку меньшевистской резолюции о блоках [...], а прямо *противопоставили* свою платформу, свои лозунги, свою тактику избирательной кампании» [168]. Большое значение конференции состояло и в том, что она содействовала сплочению вокруг Ленина революционного большинства и ускорению созыва V съезда партии.

В. И. Ленин уделял большое внимание вопросам подготовки большевиков к съезду. Немаловажное значение для направления характера работы съезда и его решений имело чисто количественное соотношение сил между революционным крылом съезда во главе с большевиками, с одной стороны, и оппортунистической группой во главе с меньшевиками — с другой. В. И. Ленин считал, что многое в идейной борьбе между большевиками и меньшевиками на съезде зависело от тех позиций, которые будут занимать делегации национальных организаций. Хотя СДКПиЛ в период между IV и V съездами РСДРП в идейном отношении еще более приблизилась к большевикам, занимая антименьшевистскую позицию по важным вопросам революционной стратегии и тактики пролетариата, В. И. Ленин придавал большое значение встречам в предсъездовский период с руководящими деятелями СДКПиЛ. Такие его встречи с Р. Люксембург, Ф. Дзержинским,

[165] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 674.
[166] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 75—96.
[167] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, стр. 139—140.
[168] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 127.

А. Варским, Ю. Мархлевским, А. Малецким, З. Ледером, Я. Ганецким, Ст. Трусевичем-Залевским состоялись в Петербурге и в Куоккале осенью 1906 г. [169]

Активное участие в предсъездовской работе большевистской фракции ЦК РСДРП принимал Ф. Дзержинский, который в августе — сентябре 1906 г. находился в Петербурге. В письме, направленном Главному правлению СДКПиЛ от 17 августа 1906 г., он сообщал, что большевики ставят в ЦК требование о созыве съезда, и он их поддержит [170]. Если ЦК не согласится, продолжал Дзержинский, то большевики хотят призвать все организации к проведению плебисцита по вопросу съезда, «тогда и нам нужно будет поддержать» [171]. В письме от 7 сентября 1906 г. Ф. Дзержинский писал, что он продолжает воевать против меньшевиков, вносит предложения в ЦК в поддержку большевиков: «Большевики говорят, что мое пребывание здесь полезно, что в результате этой борьбы ЦК с нами больше считается и вследствие моего «неистовства» меньшевики менее уверены в себе... Хожу на большевистские собрания — о них напишу отдельно» [172].

Тесные контакты в предсъездовский период и особенно во время V съезда РСДРП установились между В. И. Лениным и Р. Люксембург. Выйдя из Варшавской тюрьмы в июне 1906 г., она спешит в Петербург для встречи с В. И. Лениным, с большевиками. В Петербург Р. Люксембург прибывает в конце июля и с 28 июля живет в Куоккале, где в это время жил и В. И. Ленин.

«С ней виделись тогда,— сообщает Н. К. Крупская,— Владимир Ильич и наша большевистская руководящая публика... На совещаниях (с участием Р. Люксембург) говорили о создавшемся положении, о тактике, которой надо было держаться» [173]. Касаясь своего пребывания в России, Р. Люксембург в письме из Куоккалы, направленном чете Каутских, писала: «В Петербурге я видела наших друзей, говорила с ними и здесь смогу часто встречаться с ними» [174]. Встречи и беседы с русскими друзьями произвели на нее большое впечатление. Выступая после возвращения в Германию на народном собрании в Мангейме, она заявила: «Могу вас без всякого преувеличения заверить, что те месяцы, которые я провела в России, были самыми счастливыми в моей жизни» [175].

Любопытные сведения о встрече с В. И. Лениным в Куоккале в предсъездовский период сообщает Я. Ганецкий. «В течение трех дней подряд,— пишет Ганецкий,— мы с Лениным вели продолжительные беседы. В. И. Ленин очень интересовался вопросом о том, какова будет позиция нашей партии по важнейшим вопросам на предстоящем съезде. Он каждый вопрос анализировал и подробно обосновывал точку зрения большевиков. Одновременно Владимир Ильич объяснял позицию меньшевиков, указывая на вред, какой они приносят революции [...] Ленин доказывал важность того, почему состав нашей делегации на съезде должен быть многочисленным, одновременно подчеркнув необходимость строгого соблюдения всех формальностей при выборах делегатов на

[169] *Я. Собчак.* Революционное сотрудничество польских социал-демократов с В. И. Лениным и большевиками на V (Лондонском) съезде РСДРП. «Ленин и Польша», стр. 147.
[170] *Ф. Э. Дзержинский.* Избранные произведения, т. 1, стр. 118—119.
[171] Там же.
[172] Там же, стр. 126.
[173] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1968, стр. 129.
[174] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 107.
[175] *Р. Люксембург.* Речи. М.— Л., 1929, стр. 29.

съезд... В противном случае меньшевики будут пытаться аннулировать мандаты»[176].

Личные встречи и живые контакты руководящих деятелей СДКПиЛ с В. И. Лениным, с большевиками в период между IV и V съездами РСДРП были важным фактором, содействовавшим еще большему упрочению антименьшевистской позиции СДКПиЛ. Польская делегация пришла на V съезд РСДРП вооруженной взглядами, приближавшимися к позициям большевиков, она помогла им в нанесении оппортунистическому, меньшевистскому, крылу крупного идейного поражения.

После конференции, принявшей решение об ускорении созыва нового съезда, большую работу по его подготовке развернуло и Главное правление СДКПиЛ. На состоявшейся в феврале 1907 г. Краевой конференции СДКПиЛ были определены задачи, стоявшие перед местными организациями, которым было поручено провести выборы делегатов на съезд и обсудить вопросы, связанные с идейными расхождениями большевиков и меньшевиков. Во исполнение решений конференции во многих крупных местных организациях СДКПиЛ читались доклады о думской тактике РСДРП, обсуждался порядок дня работы съезда, опубликованный 19 февраля на страницах «Червоного штандара».

В течение февраля — марта 1907 г. вопрос о предстоящем съезде РСДРП обсуждался на Лодзинской, Ченстоховской, Новорадомской, Томашовской, Згежской конференциях СДКПиЛ. В результате работы, проделанной Главным правлением СДКПиЛ накануне съезда, польская делегация пришла на съезд хорошо подготовленной и приняла в нем деятельное участие. Ею было внесено 6 проектов резолюций, 36 раз выступали на съезде польские делегаты против меньшевиков и бундовцев[177].

Несмотря на некоторые расхождения с большевиками по отдельным вопросам, обсуждавшимся на съезде, делегация СДКПиЛ, фактическим руководителем которой был Я. Тышка, поддерживала большевиков, усиливая тем самым революционное крыло съезда, руководимое В. И. Лениным, в борьбе против меньшевиков. В своем заключительном слове по докладу об отношении социал-демократов к буржуазным партиям В. И. Ленин указывал: «нас объединяет с поляками действительная солидарность по основным пунктам вопроса об отношении к буржуазным партиям»[178]. Вопрос же этот, как указывал Ленин, «встал во главе не только всех принципиальных вопросов съезда, но и всех работ вообще»[179].

В ходе съезда В. И. Ленин и другие большевики поддерживали тесные контакты с делегатами польской социал-демократии. В своих воспоминаниях представители СДКПиЛ говорили о том огромном впечатлении, которое оставили в их памяти как беседы с Лениным, так и его выступления против меньшевиков. «Самообладание Ленина, его спокойствие и твердость произвели на меня огромнейшее впечатление»,— писал участник V съезда РСДРП от польской социал-демократии Вл. Штейн-Краевский. «Было очевидным,— продолжает он,— и не подлежало никаким сомнениям, что не Плеханов, Мартов или Павел [Аксельрод], а Ленин является самой выдающейся фигурой на этом съезде, и он видит дальше других»[180]. Интересные воспоминания о той

[176] *J. Haniecki.* Od 1903 roku... «Polacy o Leninie». W., 1970, str. 11.
[177] *Я. Собчак.* Указ. соч., стр. 152.
[178] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 345.
[179] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 368.
[180] *W. Stejn-Krajewski.* Myślą sięgał dalej niż inni. «Polacy o Leninie», str. 42.

роли, которую играл на V съезде В. И. Ленин, оставил другой участник съезда от польской социал-демократии — Ю. Уншлихт. По его словам, В. И. Ленин, «отстаивая решительно точку зрения большевиков, остро критиковал меньшевистский ЦК и его тактическую платформу». «Особенно в моей памяти сохранился его доклад об отношении социал-демократии к буржуазным партиям,— пишет он.— Своими выступлениями Ленин наэлектризовал участников съезда, активизировал делегатов большевиков и добился поддержки большевистских резолюций со стороны колеблющейся части съезда»[181]. О тесных контактах В. И. Ленина с польскими делегатами на съезде сообщает в своих воспоминаниях и делегат-большевик Н. Н. Накоряков. «Очень часто,— пишет он,— можно было наблюдать, как Владимир Ильич горячо обсуждал вопросы съезда с Тышкой и Азисом, окруженными польскими и латышскими делегатами»[182]. Как свидетельствует Ю. Уншлихт, делегаты от польской социал-демократии принимали участие в заседаниях большевистской фракции съезда, где еще раз из уст Ленина могли выслушать большевистскую точку зрения по обсуждавшимся на съезде вопросам[183]. На съезде еще более окрепли дружеские отношения между В. И. Лениным и Р. Люксембург. Личные контакты и живые беседы польских делегатов с В. И. Лениным и другими большевиками явились важным фактором, содействовавшим проникновению ленинизма в идеологию польского рабочего движения, укреплению революционного сотрудничества в совместной идейной борьбе против меньшевистского оппортунистического крыла РСДРП.

V (Лондонский) съезд РСДРП проходил с 30 апреля по 19 мая 1907 г. Из 303 делегатов с решающим голосом большевиков было 89 человек, меньшевиков — 88, бундовцев — 55, польских социал-демократов — 45, социал-демократов Латышского края — 26. В свете приведенных цифр становится понятным, почему В. И. Ленин в предвидении острой борьбы большевиков против меньшевиков на съезде уделял такое большое внимание установлению контактов и личным встречам в предсъездовский период и на самом съезде с представителями СДКПиЛ и социал-демократической организации Латышского края, поддержка которых нужна была большевикам для идейной победы над меньшевиками.

Одним из главных вопросов, обсуждавшихся на съезде, был вопрос об отношении социал-демократии к буржуазным партиям. Меньшевики и бундовцы вкупе с Троцким развернули ожесточенную борьбу против включения этого вопроса в повестку дня съезда. Однако «при помощи поляков и латышей» большевикам удалось включить его в повестку дня съезда[184].

По данному вопросу на съезде выступили четыре оратора. От большевистской фракции с докладом выступал В. И. Ленин, от меньшевиков — А. Мартынов, от СДКПиЛ — Р. Люксембург, от Бунда — Р. Абрамович. В своем докладе В. И. Ленин отметил, что «Вопрос об отношении к буржуазным партиям стоит в центре принципиальных разногласий, давно уже разделяющих на два лагеря российскую социал-демократию»[185]. Далее В. И. Ленин подчеркнул противоположность взгля-

[181] *J. Unszlicht.* Wspomnienia o Wlodzimierzu Iljiczu. «Polacy o Leninie», str. 59.
[182] *Н. Н. Накоряков.* Записки делегата IV и V съездов партии. О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 гг. М., 1963, стр. 70.
[183] *J. Unszlicht.* Указ. соч., стр. 59.
[184] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 368.
[185] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 330.

дов между большевиками и меньшевиками по этому вопросу. Наша революция, говорил В. И. Ленин, происходит в такое время, когда пролетариат начал осознавать себя особым классом и объединился в самостоятельную классовую организацию. «При таких условиях пролетариат пользуется всяческим завоеванием демократии, пользуется каждым шагом свободы, чтобы усиливать свою классовую организацию *против* буржуазии» [186]. Меньшевики же, говорил далее Ленин, считают, что главным двигателем в нашей буржуазной революции является буржуазия, пролетариат же способен занимать лишь положение «крайней оппозиции» [187]. Развивая далее свое положение о роли пролетариата как решающей социальной силы революции, В. И. Ленин подчеркивал, что «...буржуазия не может быть ни главным двигателем, ни вождем революции. Довести ее до конца,— заявил Ленин,— т. е. до полной победы, в состоянии только пролетариат» [188]. Вместе с этим Ленин подчеркивал, что «...эта победа может быть достигнута лишь при том условии, если пролетариату удастся повести за собой большую часть крестьянства. Победа современной революции в России,— продолжал Ленин,— возможна только как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [189].

Роза Люксембург поддержала основные положения доклада В. И. Ленина. Ее выступление было направлено главным образом против меньшевистской трактовки роли пролетариата в революции, который-де своими выступлениями не должен отпугивать буржуазию от революции. В обоснование своих доводов меньшевики ссылались на высказывания К. Маркса, относящиеся к совсем иной исторической эпохе. Мысль о позиции пролетариата по отношению к буржуазным партиям Р. Люксембург развила в своем заключительном слове. «Если мы приходим к выводу,— заявила она,— что буржуазия в настоящей революции не играет и не может играть роли вождя освободительного движения, что она по самой сущности своей политики является контрреволюционной, ...то этим самым, кажется, ясно сказано, что сознательный пролетариат должен пользоваться всяким народным революционным движением, подчиняя его своему руководству и своей классовой политике» [190].

Заключительное слово Р. Люксембург содержало подробное изложение ее взглядов на роль крестьянства в революции. Выступая против Плеханова, рассматривавшего крестьянина только как мелкого буржуа, как реакционный элемент общества, Р. Люксембург заявила, что «крестьянство, несмотря на противоречивость и туманность своих требований, ...является в настоящей революции объективно революционным фактором, так как, ставя на очередь дня революции в самой резкой форме вопрос о земельном перевороте, оно выдвигает этим самым вопрос, неразрешимый в рамках буржуазного общества» [191]. Поэтому, продолжала она, отказываться от попыток подчинения их своему руководству и своему влиянию уже теперь было бы сектантством, непростительным для передового отряда революции [192].

[186] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 331.
[187] Там же, стр. 330.
[188] Там же, стр. 332.
[189] Там же.
[190] «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы», стр. 433.
[191] Там же, стр. 494.
[192] Там же.

В. И. Ленин высоко оценивал активную поддержку большевиков делегацией СДКПиЛ по основным обсуждавшимся на съезде вопросам. Участник съезда Н. Н. Накоряков в своих воспоминаниях отмечает, что В. И. Ленин «после речи Розы Люксембург [...] с радостью потирал руки, поздравлял нас на фракции и оценивал ее речь как особо ценное событие в жизни нашей партии»[193]. Свое заключительное слово В. И. Ленин начал с защиты польской делегации от нападок меньшевиков и бундовцев. «Мы, большевики,— заявил Ленин,— все время сходились и теперь сходимся с поляками в двух самых коренных вопросах. Во-первых, мы сходимся на том, что во имя социалистических задач пролетариата безусловно необходимо его классовое обособление по отношению ко всем остальным, буржуазным партиям [...] Во-вторых, мы сходимся на том, что признаём право и обязанность рабочей партии вести за собой на борьбу не только против самодержавия, но и против предательской либеральной буржуазии мелкобуржуазные демократические партии, крестьянские в том числе»[194].

Делегация СДКПиЛ по обсуждаемому на съезде вопросу об отношении социал-демократии к буржуазным партиям внесла проект резолюции, поддержанный В. И. Лениным. Но в комиссии, куда был передан этот проект, меньшевики своими поправками так его изуродовали, что польские социал-демократы на заседании съезда отказались от своего предложения. В ходе дальнейшей борьбы течений съезд принял за основу большевистский проект, который после некоторых поправок был принят. Таким образом, по главному, принципиальному вопросу, занимавшему внимание съезда, было продемонстрировано полное единство взглядов большевиков и польских социал-демократов, единым фронтом выступивших против капитулянтской позиции меньшевиков.

По настоянию меньшевиков в порядок дня V съезда РСДРП был включен вопрос о Всероссийском рабочем съезде, что в конечном счете должно было привести к ликвидации рабочей социал-демократической партии. Против этой идеи, автором которой был П. Аксельрод, еще до съезда решительно выступило руководство СДКПиЛ. Так, в статье Ю. Мархлевского, опубликованной в марте 1907 г. в газете «Червоный штандар»[195], говорилось, что рабочие должны объединяться в партию под знаменем социал-демократии. Включение же в бесформенный «рабочий съезд» всевозможных беспартийных рабочих организаций вплоть до Национального рабочего союза, будет вредным и для пролетариата и для его революционной партии. «Поэтому,— писал Мархлевский,— необходимо решительно отклонить неудачное предложение о рабочем съезде, как угрожающее интересам партии»[196]. Делегация польской социал-демократии поддержала большевиков, резко выступивших против меньшевистской идеи рабочего съезда. Большинство съезда, осудив капитулянтскую линию меньшевиков как попытку, ведущую к ликвидации социал-демократической партии рабочего класса, решительно отвергло их предложение.

Однако, как в ходе работ V съезда РСДРП, так и в своей последующей деятельности, СДКПиЛ не пересмотрела своих ошибочных концепций по ряду вопросов революционной стратегии и тактики пролетариата. Этим и объясняется в значительной мере тот факт, что в выступлениях польских делегатов на V съезде РСДРП допускались

[193] *Н. Н. Накоряков.* Указ. соч., стр. 70.
[194] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 344.
[195] «Социал-демократия Польши и Литвы...», стр. 728—729.
[196] Там же.

отдельные ошибки (в том числе и в выступлениях Р. Люксембург), а также проявлялась склонность к примиренчеству и определенная непоследовательность. Так, делегат СДКПиЛ Малецкий, выступая с резкой критикой по отчету ЦК, отмечал, что линия ЦК была меньшевистской, и счел возможным заявить, что в рамках одной партии большевистское и меньшевистское течения могут развиваться до тех пор, пока сама жизнь не сметет одно из них[197]. При решении вопроса об оценке деятельности ЦК польская делегация, воздержавшись от голосования, не поддержала большевистского проекта резолюции.

С вопросом об оценке деятельности ЦК был тесно связан и вопрос об оценке работы думской фракции, в основном состоявшей из меньшевиков. Решительному осуждению со стороны большевиков, поддержанных делегатами польских социал-демократов, подвергся факт участия членов социал-демократической думской фракции в совещании с польскими национал-демократами, которых СДКПиЛ и большевики рассматривали как контрреволюционную партию. В своих выступлениях польские социал-демократы поддерживали большевиков, резко критиковавших думскую фракцию за ее «политические шатания», за «хождение к народовцам», «за желание убедить либералов», что В. И. Ленин определил как «настоящий буржуазный парламентаризм»[198]. Тем не менее при решении вопроса об оценке деятельности думской фракции польские социал-демократы, проявив непоследовательность, не поддержали большевистского проекта резолюции.

Примиренчество и непоследовательность, проявленные польской делегацией при решении отдельных вопросов на V съезде РСДРП, вытекали из непреодоленных СДКПиЛ концепционных ошибок по национальному и аграрно-крестьянскому вопросам, по вопросу о гегемонии пролетариата и вооруженного восстания. Не усвоив существа ленинского учения о партии нового типа, польские социал-демократы не сумели до конца понять значения принципиальной борьбы большевиков против оппортунизма и капитулянтства меньшевиков. Опасаясь раскола в РСДРП, руководство СДКПиЛ считало необходимым во что бы то ни стало, даже ценой примиренчества с меньшевиками, сохранить единую РСДРП.

Активное участие делегации СДКПиЛ в работах V съезда РСДРП, поддержка ею большевиков почти по всем важным вопросам, обсуждавшимся на съезде, содействовало дальнейшему идейному и организационному сближению польской социал-демократии с большевиками. В состав Центрального Комитета РСДРП, избранного V съездом партии, вошло шесть польских социал-демократов: два — в качестве членов (А. Варский и Ф. Дзержинский) и четыре в качестве кандидатов (Я. Ганецкий, Ю. Мархлевский, А. Малецкий и Я. Тышка). Позиция польских социал-демократов на V съезде РСДРП способствовала идейной победе большевиков над меньшевиками и сплочению вокруг Ленина революционного большинства РСДРП. Продемонстрированная на съезде решительная победа большевизма над меньшевизмом была воспринята польской социал-демократией как важное событие в политической жизни общероссийской рабочей партии. Новый шаг по пути сближения польской социал-демократии с большевиками, закрепленный их совместной борьбой против оппортунизма меньшевиков на V съезде РСДРП, являлся новой вехой в развитии русско-польского

[197] «Пятый съезд РСДРП. Протоколы», стр. 141.
[198] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 323.

революционного союза, остающегося и впредь одним из важнейших факторов, содействовавших победоносному развитию общероссийского революционно-освободительного движения.

* * *

События 1905—1907 гг. открыли новый этап в революционной борьбе рабочего класса, характерной чертой которого стала массовая политическая стачка, перераставшая в вооруженное восстание как высшую форму классовой борьбы пролетариата. Революция показала, что руководящую роль в борьбе пролетариата играли в России большевики, а в Польше — польская социал-демократия. В борьбе за упрочение классового единства революционных сил пролетариата разных национальностей России они видели решающее условие социального и национального освобождения трудящихся масс. В годы революции русско-польский интернациональный союз был действенным фактором, способствовавшим вовлечению в ее ряды широких народных масс; наряду с пролетариатом этот союз включал крестьянство, прогрессивную интеллигенцию, учащуюся молодежь. За эти годы широкие слои польского народа увидели, что только тесный союз с трудящимися России, только совместная борьба трудящихся всех национальностей империи способна свалить царское самодержавие и расчистить путь для их социального освобождения. Боевой опыт, который приобрел в ходе революции российский и польский пролетариат, возросшее значение русско-польского революционного сотрудничества, окрепшие интернациональные связи между пролетариатом Польши и России стали составной частью дальнейшей борьбы народов этих стран за их полное и окончательное освобождение.

Глава IX

РЕВОЛЮЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ГОДЫ РЕАКЦИИ И НАЧАВШЕГОСЯ ПОДЪЕМА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (1907—1912)

1. Основные изменения в политических и экономических позициях господствующих классов в годы реакции

Государственный переворот 3 июня 1907 г. закрепил победу царизма и помещичье-буржуазной контрреволюции над силами революции, сотрясавшими в 1905—1907 гг. самодержавие. Однако этот переворот вовсе не возвращал Россию к дореволюционному положению: революция, даже потерпев поражение, привела к существенному изменению в соотношении классовых сил, вынудив царизм к проведению известного минимума буржуазных реформ. Ограниченность этих реформ, особенно в политической области, сохраняла острые противоречия не только между эксплуатируемыми и эксплуататорами, но и между царизмом и помещичьей реакцией, с одной стороны, и буржуазией — с другой. Таким образом, и после третьеиюньского переворота продолжали действовать и бороться между собой три лагеря: реакционно-помещичий во главе с царем, либерально-буржуазный и революционно-демократический. Главной силой революционно-демократического лагеря, его гегемоном оставался прошедший огромную политическую школу рабочий класс.

В борьбе против третьего, революционно-демократического, лагеря два первых выступали в тесном сотрудничестве между собой. Как крайне правые помещичьи круги, так и либеральная буржуазия в равной мере поддерживали великодержавную шовинистическую политику царизма. Не только помещичья реакция, но и либеральная буржуазия в целом поддерживала угнетательскую политику царизма и тогда, когда она была обращена не против демократических сил угнетенных народов, но и против буржуазии национальных «окраин». Так, новый избирательный закон 1907 г. в три раза уменьшал представительство губерний Королевства Польского в Государственной думе: вместо 36 мест в предыдущих думах теперь на все курии избирателей от Варшавского генерал-губернаторства было оставлено всего 12 мест, по одному на каждую губернию; кроме того, по одному месту предоставлялось «русскому населению» Варшавы (в составе «православных, старообрядцев и лютеран») и православному населению Люблинской и Седлецкой губерний[1]. В этих изменениях отразились не только ре-

[1] Это население «представлял» в III Думе епископ Евлогий, черносотенец, ближайший единомышленник Пуришкевича и Маркова 2-го. «Представителем меньшинства вар-

акционный и великодержавный шовинизм организаторов третьеиюньского переворота, но и недовольство царизма Польским колом, сочетавшееся с презрением к нему. У российских великодержавных кругов Польское ко́ло вызывало лютую злобу тем, что неоднократно возбуждало вопрос об автономии польских губерний. Но в Думе, где одно время было примерно равное соотношение голосов правых и центра, и ко́ло нередко могло играть как бы определяющую роль, оно всегда обнаруживало крайнее раболепство каждый раз, когда царизм осуществлял не только свои антидемократические, но и антилиберальные замыслы. Среди такого рода замыслов одно из центральных мест занимало удушение национальных движений, к которым царизм относился как к врагу лишь чуть-чуть менее опасному, чем рабочий класс. В любом национальном движении царизм видел угрозу целостности империи, «неделимости» России.

Крайне правые, а также партии националистов и октябристов всецело стояли на позициях ярого национализма, полной русификации и притеснения всех «инородцев». Их общую линию в концентрированном виде выражала угнетательская формула: «Россия для русских». Либерально-буржуазный лагерь, в правом своем крыле смыкавшийся с крайней помещичье-буржуазной реакцией, все же считал, что именно интересы сохранения Российской империи и расширения ее мировых позиций требуют отказа от «замкнутого национализма», затрудняющего процесс ассимиляции, и проведения более гибкой национальной политики, в особенности в отношении тех «окраин», русификация которых практически невозможна. В программной статье «Великая Россия», своим названием повторявшей лозунг главы правительства и организатора партии националистов П. А. Столыпина, П. Б. Струве доказывал, что усиление русского могущества, возможное в направлении Ближнего Востока и Тихого океана, требует признания того, что в отношении двух «окраин» — Польши и Финляндии — ассимиляция неосуществима. Опираясь на «экономическую прикрепленность Польши к России», следует добиться того, чтобы польское население «было довольно своей судьбой». Такая польская политика окупит себя тем, что поможет России через поляков «скрепить наши естественные связи со славянством вообще и западным в частности... Либеральная польская политика,— продолжал Струве,— в огромной степени подымет наш престиж в славянском мире...»[2] Экспансионистско-панславистская статья Струве была отмечена издававшейся вне России большевистской газетой «Пролетарий», которая писала, что опубликовавший эту статью журнал на самом деле должен бы называться не «Русская мысль», а «Черносотенная мысль»[3].

Основы «либеральной» политики, изложенные Струве, не только смыкались со взглядами октябристов и отвечали видам П. Н. Милюкова и других наиболее известных кадетских лидеров, но, в сущности, отвечали стремлениям и эндеков. Эта партия крупной польской бур-

шавского населения», как язвительно определил Р. Дмовский основную русскую группу избирателей Варшавы, являлся националист, учитель С. Н. Алексеев. Думский корреспондент праволиберального журнала «Русская мысль» писал, что Алексеев «так и брызжет, так и сочится неутомимым зудом к разоблачению польской интриги... Каждое его выступление... наполняет парламентскую залу удушливой атмосферой доносительства и сыска» («Русская мысль», 1908, № 7, стр. 197).

[2] *П. Б. Струве.* Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества. «Русская мысль», 1908, № 1, стр. 150—151.

[3] «Пролетарий», 12 (25). III 1908.

жуазии и связанных с нею помещиков, определявшая политику Польского кола в I и II Государственных думах, в программе Струве и его единомышленников, вскоре получившей название «веховской» программы (по сборнику «Вехи», в котором была изложена система взглядов реакционной буржуазии), нашла серьезные аргументы в защиту своей политики. Эндеков вполне устраивала общая реакционность русского либерализма, прислуживавшего царизму, и особенно то, что русский либерализм соглашался признать право на существование за своими польскими союзниками, отводя им роль проводника идей в осуществлении своих экспансионистских планов, одобрительно относясь к их антинемецкому и антисемитскому национализму.

Духом своего разнузданного национализма эндеки были даже более сродни не русским либералам, а партии русских националистов и другим крайним правым. Но от правых партий русских помещиков и капиталистов эндеков отделяло непримиримое великодержавное русификаторство правящих в России кругов; российскую великодержавную политику эндеки готовы были поддержать в отношениях царизма к другим народам Российской империи, но эта политика противоречила интересам польской буржуазии, претендовавшей на руководящую роль в пределах Королевства Польского.

В тенденции русского буржуазного либерализма к политике сотрудничества с польскими буржуазными националистами эндеки видели оправдание своей лояльности в отношении царизма и своих расчетов на приобретение политических привилегий в губерниях Королевства Польского в результате внутридумских комбинаций. Но эти расчеты не встречали большого доверия даже среди узкого круга лиц, обладавших в Королевстве избирательным правом. Во время избирательной кампании в III Думу на выборах уполномоченных по Варшаве участвовало всего 25% избирателей (18 тыс. человек).

В промышленных центрах Королевства большинство избранных уполномоченных от рабочих были социалистами, а среди социалистов преобладали социал-демократы[4]. Партия реальной политики, представлявшая интересы аристократии, верхушки церковной иерархии, финансовой верхушки, и Польская прогрессивная партия, объединявшая часть буржуазной интеллигенции, не противопоставляли своих кандидатов эндекам. На самих выборах в III Государственную думу, происходивших 17 октября 1907 г., повсеместно, кроме Сувалкской губернии, не имея помимо рабочей курии конкурентов, прошли кандидаты эндеков.

Избранный от Седлецкой губернии Л. Дымша, доцент юридического факультета Петербургского университета и товарищ председателя Петербургской городской думы, хотя и не принадлежал к эндеции, но вскоре стал одним из ведущих деятелей Польского кола.

[4] «Czerwony Sztandar», 8.X 1907. В Варшаве по рабочей курии социал-демократы добились избрания 40 уполномоченных, ППС-левица — 30, Бунд — 3. Всем этим уполномоченным, в целом стоявшим на позициях русско-польского революционного сотрудничества, противостояли 22 уполномоченных, избрания которых добились национал-демократы; еще большим был успех пролетарских элементов в Домбровском бассейне — здесь 20 рабочим социал-демократам и 15 — сторонникам ППС-левицы противостояло всего 2 эндека; значительно худшими были результаты выборов в Лодзи: 81 уполномоченному социалисту различных направлений противостояло 73 ярых врага революции—эндеков (см.: «Социал-Демократ», 29 января 1909 г.). Несколько иные данные приводит К. Залевский в статье «Национальные партии в России» (см.: «Общественное движение в России в начале XX века», т. III, кн. 5. СПб., 1914, стр. 254—255).

Как и в предыдущих думах, Польское коло в III Думе неизменно занимало место среди самых оголтелых врагов революционного движения и демократии[5]. Демонстрируя свою возросшую лояльность к царизму, оно, несмотря на отклонение своей поправки об учете интереса нерусского населения, не только не решилось голосовать против верноподданнического адреса Думы царю, но, как отметил социал-демократический «Червоный штандар», «даже не пискнуло об автономии Королевства Польского»; более того, Р. Дмовский предельно верноподданнически заявлял в Думе, что коло «ставит особу монарха над всякой политической борьбой»[6].

Свою угодническую позицию коло не изменило и после того, как 7 декабря 1907 г. царские власти закрыли Польскую школьную Матицу — находившуюся под фактическим руководством эндеков организацию, располагавшую сетью дошкольных и школьных учреждений, в которых обучалось 87 тыс. детей. В то время как эндецкая печать ограничилась лишь выражением недовольства закрытием Матицы, польские социал-демократы гневно осудили этот новый акт царского правительства. Подчеркивая, что Матица являлась организацией клерикально-реакционной, они отмечали, что все же в результате ее деятельности десятки тысяч детей и взрослых научились читать, приобрели элементарные знания. Царское правительство терпело Матицу, пока она была нужна и полезна в борьбе против революции. Но, удушив с помощью лольской буржуазии революцию, царизм более не хотел терпеть ни Матицы, ни пресмыкающейся перед ним польской контрреволюции, писал «Червоный штандар»[7].

Безропотность эндеции и Польского кола проистекали, конечно, не из политической трусости и даже не столько из расчета таким поведением снискать доверие со стороны правительства и крайне правых партий Думы, сколько из удовлетворения, вызывавшегося тем, что царизм систематически, громя все демократические и прогрессивные силы, с особым рвением злодействуя именно на польских землях, проводил в отношении трудового населения Королевства такую политику, которая в основном соответствовала интересам польской буржуазии. Даже царская политика национального гнета, несомненно, задевавшая чувства и интересы польских эксплуататорских классов, использовалась последними в своих интересах. Выступая со словесными осуждениями этой политики, но вовсе не добиваясь ликвидации породившей ее социально-экономической и политической системы, возглавляемой царским режимом, польские господствующие классы умело тормозили развитие классового самосознания польских трудящихся масс. С помощью различного рода клерикальных организаций, националистических объединений, в том числе таких, как Национальный рабочий союз, трудящимся внушалось, что улучшение их положения возможно на почве национальной солидарности, поддержки национального капитала, на почве «общенациональной политики», а не на почве классовых организаций и классовой борьбы, якобы искусственно насаждаемых различными «подрывными элементами».

Атмосферу разнузданного наступления реакции использовали все группы капиталистов Королевства Польского. Капиталисты добивались ликвидации последних из сохранившихся социальных и экономических

[5] *Z. Łukawski.* Koło Polskie w Rosyjskiej Dumie Państwowej. Wr., 1967.
[6] «Czerwony Sztandar», 14.I 1908, N 153.
[7] Там же.

завоеваний рабочих, достигнутых ими в 1905—1907 гг.[8] Польские капиталисты оплачивали содержание царских воинских подразделений, размещенных по просьбе предпринимателей на отдельных фабриках и заводах. Организации капиталистов, в большем числе создававшиеся в годы реакции, одной из своих задач ставили проведение общей политики наступления на рабочих. Такие цели преследовали возникшее в 1907 г. «Объединение лодзинских мануфактур»[9], оформившееся в 1909 г. «Общество производителей металла в Королевстве Польском» и другие предпринимательские организации, пользовавшиеся поддержкой царских властей. Польские капиталисты играли весьма заметную роль во Всероссийском Совете съездов представителей промышленности и торговли; многие польские дельцы и крупные специалисты занимали руководящие позиции в общероссийских картелях и синдикатах; в самих польских губерниях укреплялись позиции таких монополий, как «Гута Банкова», текстильные объединения и др., игравших значительную роль на общероссийском рынке[10]. Известным показателем развития экономики польских губерний может служить то, что если за 20 лет, с 1890 г. по 1909 г., количество металлургических предприятий сократилось с 40 до 15, то за то же время выплавка чугуна возросла в 2 раза, стали — в 6 раз, а мощность паровых двигателей на этих предприятиях — в 14 раз[11].

Царские органы власти весьма тесно сотрудничали с польскими капиталистами, особенно в преследовании профессиональных союзов и других рабочих организаций[12]. Многие предприниматели и предпринимательские объединения непосредственно оплачивали царской полиции ее «услуги»[13].

Соединенные усилия царизма, польской буржуазии и других сил реакции привели к резкому сокращению стачечного движения. Если еще в 1907 г. в Королевстве Польском произошло 869 стачек с 98 063 участниками, то в 1908 г. количество стачек сократилось до 244 с 31 709 участниками, а в 1909 г.— до 67 стачек с 10 033 участниками[14]. Одновременно непрерывно росли репрессии, обрушивавшиеся на демократические и революционные силы. Лишь за неделю с 30 июня по 6 июля 1907 г. охранкой было арестовано в Королевстве Польском 144 человека — члены СДКПиЛ, Военно-революционной организации, ППС-«фракции», Бунда и др.[15] На основе указа об исключительном положении с территории Королевства было выслано в 1907 г. 3790 человек, в 1908 г.—4770 человек, а полевыми судами приговорено к смертной казни соответственно 117 и 184 человека[16]. В 1908 г., который для революционного движения всей России оказался самым тяжелым, самым трудным из всего периода реакции, наиболее рьяно свирепство-

[8] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1907 год». СПб., 1908, стр. XVII.
[9] *E. Grabowski.* Ześzeria wielkiego kapitalu a polityka prawodawcza. W., 1913, str. 23.
[10] *W. Kula.* Historia gospodarcza Polski. 1864—1918. W., 1949, str. 52—65; *З. Пустула.* Монополии в металлургической промышленности Царства Польского и их участие в «Продамете». «Исторические записки», вып. 62. М., 1958, стр. 112—125 и др.
[11] *И. Гливиц.* Железная промышленность России. СПб., 1911, стр. 114—115.
[12] *J. Orzechowski, A. Kochański.* Zarys dziejów ruchu zawodowego w Królestwie Polskim. 1905—1908. W., 1964, str. 169—172.
[13] «Czerwony Sztandar», XII 1912, N 188, str. 3; «Kurier Warszawski», 19.XI 1907, N 317, str. 8.
[14] «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906—1908 гг. Составил В. Е. Варзар». СПб., 1910, стр. 3, 76, 135, 185; «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1909 г.». СПб., 1910, стр. 163.
[15] «Варшавский дневник», 11 (24) июля 1907 г.
[16] «Historia Polski», t. III, cz. II. W., 1972, str. 565.

вали царские суды — лишь в военных судах Королевства Польского было проведено 350 процессов революционных деятелей, в которых различного рода приговоры были вынесены в отношении 1168 лиц[17]. Военное положение, введенное в польских губерниях еще в 1905 г., сохранялось до июня 1909 г. Царские власти прибегали к различным чрезвычайным мерам для запугивания рабочих и пресечения деятельности их передовых кругов[18]. Была запрещена деятельность большинства профессиональных союзов, за исключением так называемых «польских», а также клерикальных, служивших для раскола рабочего класса, для внесения в его ряды антипролетарских настроений и использования части рабочих для борьбы против авангарда рабочего класса. При поддержке царских властей боевые группы эндеков и Национального рабочего союза[19] громили классовые организации рабочих, провоцировали погромы и уличные беспорядки.

Режим третьеиюньского террора, не сняв противоречий между царизмом и польскими эксплуататорскими классами, упрочил их сотрудничество. «Лоялизм» буржуазии Королевства Польского по отношению к царизму являлся классовым союзом, направленным против потерпевших поражение, но не сломленных русских и польских революционных сил. Господствуя в этом классовом союзе, русские помещики и капиталисты зачастую пренебрегали даже самыми скромными пожеланиями своих младших партнеров по контрреволюции. Это порождало недовольство среди различных элементов, составлявших возглавлявшийся эндецией весьма пестрый по социальному составу политический лагерь. Курс Дмовского, призывавшего стоять на почве существующей русской государственности, подвергался критике со стороны как более правых кругов процаристской польской аристократии, так и сочетавшего крайний национализм с социальной демагогией Национального рабочего союза. В рабочей среде его в известной мере теснили христианская демократия и связанные с ней профессионально-клерикальные организации. Среди крестьян, критикуя эндецию за якобы присущее ей «свободомыслие», укреплялись позиции Католического союза, которому все более успешно противодействовали радикальные круги, связанные с группой «Заране».

Но несмотря на ослабление своих позиций и внутренние разногласия, лидеры эндеции и Польское коло продолжали свою политику услужения царизму. Весьма наглядно это проявилось в связи с отклонением изложенного Дымшей от имени Польского кола на заседании Думы 2 марта 1909 г. пожелания, чтобы принадлежность к польской национальности не служила препятствием к назначению на служебные должности в губерниях Королевства Польского[20]. В своей речи Дымша не произнес ни единого слова против русификаторской политики царизма, против каких-либо проявлений царского произвола и против органов царского террора, но министр юстиции И. Г. Щегловитов — а внесение пожелания Дымши произошло при обсуждении бюджета министерства юстиции — ответил речью, грубо отвергавшей пожелания Кóла и содержавшей ряд оскорблений в адрес Польши и

[17] *A. Próchnik.* Studia z dziejów polskiego ruchu robotniczego. W., 1958, str. 545.
[18] «PPS-Lewica...», str. 515; «Carat i klasy posiadające w walce z rewolucją 1905—1907 w Królestwie Polskim. Materiały archiwalne». W., 1956, str. 568.
[19] *T. Monasterska.* Narodowy Związek Robotniczy w latach 1905—1914. «Z Pola Walki», 1964, N 1 (25).
[20] «Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая», ч. II. СПб., 1909, стлб. 2913—2918.

польского народа. Как отмечала прогрессивная газета, ничего подобного «не говорил по адресу поляков ни один русский, ни даже прусский министр» [21]. Поддерживая министра, Пуришкевич истерически и нагло угрожал повторить «кровавую Варшаву» 1831 и 1864 гг. Даже после этого ораторы Кóла не выступили с протестом и не стали голосовать против бюджета министерства финансов.

Напротив, представители социал-демократической фракции в Думе безоговорочно и резко осудили Щегловитова. Г. С. Кузнецов, заявив, что он представляет интересы того класса, «который составляет гордость России», выступил против «человеконенавистничества и презрения к отдельным национальностям». Он сказал, что Россия — «один полицейский участок», в котором «царит террор» [22]. Е. П. Гегечкори, выступая, как он подчеркнул, и от имени польского пролетариата, заступился за честь и достоинство Польши; он осудил и речь Щегловитова и позорное поведение Кóла, заявившего о поддержке сметы министерства юстиции — одного из главных орудий царского произвола в Королевстве Польском. Естественно, что социал-демократическая фракция высказалась против вотума доверия, который Кóло выразило правительству, и отказалась поддержать включенные в этот вотум пожелания Дымши [23]. Эта правильная позиция социал-демократической фракции была бы более выразительной, если бы она внесла свою формулу перехода к очередным делам. В этой формуле наряду с предложением об отклонении предложения утвердить смету министерства юстиции должно было бы содержаться требование демократизации всей судебной системы. Упущение социал-демократической фракции широко использовали и русские и польские националисты.

Как польская, так и русская либеральная буржуазная печать, искажая подлинную позицию социал-демократической фракции Думы, подняла неистовую кампанию, цель которой состояла в том, чтобы изобразить социал-демократическую фракцию как противницу... равноправия поляков. В эту клеветническую кампанию немедленно включилась галицийская социальная демократия и теснейшим образом связанная с нею ППС-«фракция» [24]. И. Дашиньский, А. Морачевский, Г. Диаманд и другие правосоциалистические польские депутаты австрийского рейхсрата выступили с открытым письмом к социал-демократической фракции Думы, нагло обвинив в нем российских социал-демократов в... содействии угнетателям Польши!

Главное правление СДКПиЛ приняло особую резолюцию по поводу думских событий, в которой, отметив недостатки в позиции социал-демократической фракции в Думе, одобрило в целом ее отношение к Колу и к пожеланию Кола в отношении доступа в органы царской юстиции польских элементов, жаждавших служить царизму. Главное правление СДКПиЛ указало, что Коло проводит «узкую классовую эгоистическую политику польской реакционной буржуазии, лишь прикрывающуюся внешностью патриотизма и защиты национальных интересов».

Полный текст резолюции Главного правления был опубликован не только в «Червоном штандаре», но и в большевистском «Пролетарии». Большевистская газета поместила также статью А. Варского,

[21] «Наша газета», СПб., 19 марта 1909 г.
[22] «Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г., Сессия вторая», ч. III, стлб. 1143.
[23] Там же, стлб. 2960—2961.
[24] «Вестник Польской Социалистической партии». Кг., 1909, № 8, стр. 21 и 23; «Robotnik» (PPS-Fr), 26.IV 1909.

изобличавшего фальшивую защиту Польши со стороны Кóла и участие Дашиньского и др. «в общем хоре реакционной Польши против революционной Польши и революционной России». Варский отметил также, что, выступив против союза Дымши — Гучкова — Дашиньского и компании, социал-демократия подтвердила, что лишь одна она «является последовательным и действительным защитником польских национальных интересов и чести польской нации, и этим показала себя достойной представительницей польского рабочего класса». В примечании редакции к статье отмечалось, что газета большевиков полностью разделяет содержащиеся в статье оценки, в том числе и оценки «выходки Дашиньского с компанией» [25].

В ближайшем же после думских событий номере «Червоного штандара» была помещена статья «Предложения Дымши и кокетничанье социал-патриотов». В ней подчеркивалось, что социал-патриоты из галицийской социал-демократии и ППС-«фракции» практически продемонстрировали свое единство с Колом и решают общую с ним задачу — «опорочить любой ценой российскую социал-демократию в глазах польского пролетариата, оторвать польских рабочих от совместной с российским пролетариатом борьбы»; те же цели, продолжала газета, «преследует и национал-демократия...» [26].

Так разыгравшийся в Думе инцидент пролил свет не только на факт существования классового союза между российской контрреволюцией и польской буржуазией, но и на готовность содействовать этому союзу в одной из его главных задач — расколе между российским и польским рабочим классом — со стороны галицийских польских социал-демократов и стоявших на общей с ними платформе деятелей ППС-«революционной фракции».

Думская социал-демократическая фракция с достаточно единодушным негодованием встретила открытое письмо Дашиньского и других. Оно обсуждалось на трех заседаниях фракции 20, 21 и 22 марта 1909 г. В ходе продолжительной и оживленной дискуссии — в протоколах отражено около 50 выступлений — было решено придать ответному письму такую форму, чтобы оно было доступно пониманию самых широких кругов польских рабочих [27]. В этом ответе, направленном также в редакции ряда газет и в МСБ, указывалось, что если бы фракция голосовала за формулу Дымши, то она отказалась бы от всех принципов международной социал-демократии и на деле действительно солидаризировалась бы и с черной сотней, и с правительством, и с Польским колом. В ответе осуждалась недопустимая для социал-демократов форма письма галицийских социал-демократов и подчеркивалось, что российские социал-демократы «всегда определенно высказывались в защиту национальных прав всех преследуемых и угнетенных национальностей... верные нашей общей тактике в национальном вопросе, мы и при голосовании формулы Дымши высказались не против требований равноправия, а как раз наоборот — против узкой постановки этого вопроса»; в ответе указывалось также, что думская фракция считает себя представительницей как русских, так и польских рабочих Российской империи, поскольку «польская социал-демократия входит в Российскую социал-демократическую партию и признает нашу фракцию представителем польских рабочих» [28].

[25] «Пролетарий», 8 апреля 1909 г.
[26] «Czerwony Sztandar», 15.V 1909, N 167.
[27] ЦПА ИМЛ, ф. 93, оп. 8, д. 4, лл. 147—153.
[28] «Наша газета». СПб., 27 марта 1909 г.

Итак, годы реакции характеризовались возраставшей лояльностью польских господствующих классов Королевства Польского по отношению к царизму и сближением основной польской буржуазной партии — эндеков — с правыми партиями русской буржуазии [29]. Политическое сближение польской и русской реакции, сопровождавшееся некоторым упрочением экономических позиций польской буржуазии, проходило на почве совместной борьбы против рабочего класса России и Польши. Главной задачей союза польской и российской реакции являлось полное подавление революционного движения русского и польского пролетариата, ликвидация их боевого сотрудничества, создавшего в 1905—1907 гг. прямую угрозу самому существованию царизма и тесно связанных с ним буржуазно-помещичьих классов России и Королевства Польского.

2. Дальнейший сдвиг ППС-«фракции» вправо

Третьеиюньский переворот и режим столыпинской реакции вызвали значительные сдвиги в расстановке сил внутри революционно-демократического лагеря, в положении тех его организаций, групп и течений, которые в широком смысле являлись составными элементами русско-польского революционного союза.

Формально сохраняя позиции в революционно-демократическом лагере, деятели ППС-«фракции» своими оценками и действиями практически ставили себя вне рамок этого лагеря. Они все дальше шли по пути, приведшему ППС к расколу в ноябре 1906 г., когда на IX съезде партии из ее состава был исключен так называемый Боевой отдел. Политический курс возникшей на его основе ППС-«фракции» диктовали элементы, «являвшиеся,— по определению Ф. Кона,— лишь крайней левой радикального патриотизма» [30]. Справедливость этой оценки подтверждала программа новой партии, согласно которой в будущем польском государстве пролетариату предстояло «пройти школу свободных и демократических государственных учреждений, завоевать уступки и реформы» [31]. Это была «ярко выраженная реформистская программа» [32].

Особенностью ППС-«фракции» было то, что крайняя ограниченность социально-политической программы сочеталась у нее с бунтарским радикализмом, порожденным повстанческими традициями, шляхетским пренебрежением к исторической роли народных масс и культом «героя». Уроки революции 1905—1907 гг. сводились для нее к подтверждению несостоятельности всякой соглашательской, угодовской политики (к числу сторонников этой политики причислялась и революционная социал-демократия), к подтверждению «слабости» русского революционного движения. «Не отказываясь от координации действий с русским движением, следует рассчитывать лишь на собственные силы,— утверждала газета ППС-«фракции»,— ибо не из России придет освобождение Польши, а следование русскому революционному движению приносило лишь вред рабочему делу и революции в Польше» [33].

[29] *I. J. Terej.* Idee, mity, realia. Szkice do dziejów Narodowej Demokracji. W., 1971, str. 52.

[30] *Ф. Кон.* К вопросу о расколе в Польской социалистической партии. «Русское богатство», 1907, № 9, стр. 8.

[31] «Вестник Польской социалистической партии (Революционной фракции)». Lw.., 1908, № 7, стр. 8.

[32] *Г. Яблоньский.* Политика Польской социалистической партии во время войны 1914—1918 годов. М., 1963, стр. 12.

[33] «Robotnik» (PPS-Fr), 10.I 1908.

Односторонне толкуя уроки революции, ППС-«фракция» сводила их к необходимости подготовки вооруженных сил для борьбы против царизма. В этом видели свою главную задачу местные организации партии, об этом писали время от времени выпускавшиеся ими нелегальные издания [34]. Для подготовки молодежи к вооруженной борьбе против царизма предполагалось привлечь всех солдат и офицеров — поляков, прошедших службу в царской армии. В качестве пособий ППС-«фракция» выпускала брошюры — «Организация и служба русской армии», «Служба разведчика», «Разрушение средств связи» и др. [35] Брошюры «Расположение русских войск в Королевстве Польском», «Русские крепости», «Способы уничтожения орудий русской армии» и другие аналогичные издания ППС-«фракции» вызывали лестные отзывы австрийской военной печати [36]. Внимательно следившая за деятельностью ППС-«фракции» ППС-левица обращала внимание, что собирание сведений о царской армии не столько нужно было для будущей повстанческой армии (ядром которой Пилсудский считал создаваемые им в Галиции стрелковые дружины), сколько «для реально существующей армии эвентуального союзника», т. е. для генерального штаба австрийской армии [37].

Некоторым кругам ППС-«фракции» не были чужды стремления к серьезному анализу причин поражения революции и связанных с этим задач польского рабочего класса. Так, печатный орган Варшавской организации ППС писал в июле 1907 г., что не собирание оружия и подготовка боевых отрядов помогут рабочему классу, что чем больше сил и средств будет отдано милитаризации рабочих, тем меньше этих сил останется для защиты рабочего класса. «Не бороться, поднимая массы, а вести массы на борьбу, но до этого подготовить их к борьбе, разъяснить им цели борьбы», создавать массовые рабочие политические, профессиональные, культурные организации, сплачивать рабочих [38]. В этом же направлении, рассчитанном на мобилизацию масс, на собирание сил рабочего класса, прошла состоявшаяся 12 июля 1907 г. конференция представителей окружных комитетов ППС. Большинство участников этой конференции сочли нужным отказаться от тактики бойкота выборов и участвовать в избирательной кампании в III Государственную думу [39]. Но руководство партии и в условиях наступившей реакции сохраняло прежний политический курс. ЦРК ППС уже 18 июля 1907 г. выпустил воззвание с призывом к бойкоту выборов в III Думу [40]. Такая позиция определялась не тем, что у партии не было оснований рассчитывать на успех в рабочей курии, а тем, что Дума была общероссийским учреждением. А возможность использования избирательной кампании и думской трибуны в революционных целях ППС-«фракция» исключала, считая, что всякая причастность к общероссийским органам может лишь деморализовать польский пролетариат.

Продолжая говорить о социализме, о защите интересов рабочего класса, ППС-«фракция» все вопросы стратегии и тактики рассматрива-

[34] См., например: «Brzask». Organ Płockiego Okręgu robotniczego PPS-Fr, 12.XII 1908, N 1.
[35] «Robotnik» (PPS-Fr), 2.II 1908.
[36] *К. Залевский.* Национальные партии в России. «Общественное движение в России в начале XX века», т. III, кн. 5. СПб., 1914, стр. 258.
[37] «Robotnik» (PPS-Lewica), wrzesień, 1908, N 218.
[38] «Na barykady». Organ Warszawskiego Komitetu Robotniczego PPS, 20.VII, 1907, N 7.
[39] Там же.
[40] «Na barykady», 30.XII 1907, N 8.

ла только в связи с вопросом о независимости. Поэтому партийная публицистика и партийные документы ориентировали деятелей ППС-«фракции» и ее сторонников на возможность и необходимость сотрудничества с теми кругами буржуазии, которые были заинтересованы в независимости страны, и доказывали, что сама капиталистическая эксплуатация возможна в Польше лишь потому, что ее поддерживает господство захватнического царизма [41]. В печати ППС-«фракции» появлялись статьи о возможности сотрудничества с теми кругами эндеции и Национального рабочего союза, которые переходили на антицаристские позиции. Узкое руководство партии главное внимание уделяло деятельности созданного в 1908 г. во Львове Союза вооруженной борьбы. Союз был создан под руководством Пилсудского при участии К. Сосновского, М. Кукеля, В. Славека и др., в том числе В. Сикорского. Целью Союза была подготовка за пределами Российской империи, в Галиции, к боевым действиям против царской армии на фронте и в ее тылу. Эта линия пилсудчиков, превративших Союз вооруженной борьбы в милитаристскую организацию, обособившуюся от ППС-«фракции», вполне поддерживавшаяся австрийскими военными властями и австрийской разведкой, наталкивалась на противодействие части деятелей ППС-«фракции» во главе с Ф. Перлем. Сложившаяся ППС-оппозиция пыталась привлечь внимание партии к вопросам экономической борьбы, к работе профессиональных союзов, но она не была сколько-нибудь последовательна в противодействии пулсудчикам. В руках последних находился Центральный рабочий комитет (он с 1909 г. состоял из Ю. Пилсудского, Титуса Филиповича и Болеслава Антония Енджеёвского) и образованный в 1909 г. Партийный совет, а также весь Боевой отдел. Пилсудчиковское руководство практически поставило ППС-«фракцию» вне самых, даже широко понимаемых, социалистических рамок [42]. В своих интересах оно весьма широко использовало авторитет престарелого Б. Лимановского [43].

Потеряв всякую революционную историческую перспективу, считая революционные возможности российского пролетариата полностью исчерпавшими себя в ходе революции 1905—1907 гг., лидеры ППС-«фракции» подготовку вооруженного восстания против царизма сводили к давнишним планам развязывания «русско-польской войны». Но так как только в такой «войне», т. е. в случае авантюристического восстания против царизма, восстания, не связанного с революцией в России, нельзя было надеяться на победу над самодержавием, то лидеры ППС все в большей мере искали путей к достижению своих целей в сотрудничестве с внешними врагами царской России, в первую очередь — с Австро-Венгрией.

Взаимное стремление к сотрудничеству главарей ППС-«фракции» и австрийской военщины приобрело весьма отчетливые формы в обстановке чреватого войною международного кризиса, наступившего в результате аннексии Австро-Венгрией в октябре 1908 г. Боснии и Герцеговины. Именно тогда в статье «Перед сражением» газета ППС-«фракции» опять призвала польскую молодежь, находившуюся в царской армии, хорошо изучать военное дело — что, естественно, было бы полезно и в целях подлинно революционной борьбы против царизма,— но одновременно опубликовала и целый вопросник чисто разведывательного

[41] «Przedświt», 1908, N 8, str. 15; «Przedświt», 1909, N 1, str. 17 и др.
[42] *J. Holzer.* Nurt opozycyjny w PPS Frakcji Rewolucyjnej. PPS — Opozycja (1909—1914). «Przegląd Historyczny», 1959, N 3, str. 568.
[43] *M. Żychowski.* Bolesław Limanowski. 1835—1935. W., 1971, str. 295—296.

порядка. Полякам-военнослужащим царской армии предлагалось выяснить состояние разведывательной службы, выявить местонахождение и систему охраны арсеналов и пороховых складов, установить наиболее легкие способы нападения на казармы и т. п.[44] Тщательно собираемые, эти сведения должны были служить не задачам революционного характера, а целям диверсионной деятельности в тылах царской армии в случае войны между Россией и Австро-Венгрией. Лидеры ППС-«фракции», встречая известную оппозицию и среди части видных деятелей своей партии, все решительнее поворачивали ее на путь военных авантюр[45]. В. Иодко-Наркевич выпустил брошюру, в которой обосновывал необходимость готовиться к войне и поддержать Австро-Венгрию в ее борьбе против царской России. Помимо австро-венгерского империализма, союзниками ППС-«фракции» объявлялись все те польские круги, которые поддерживают Габсбургов, т. е. галицийские консерваторы, часть галицийских эндеков и другие представители интересов эксплуататорских классов[46].

Естественно, что курс, навязанный ППС-«фракции» ее руководством, выводил партию и из состава тех сил, которые в самом широком смысле стояли на почве русско-польского революционного сотрудничества, и заменял его сотрудничеством с австрийскими милитаристами.

Объективно целям именно этого сотрудничества, ставшего довольно прочным с 1908 г., соответствовали усилия лидеров ППС-«фракции», направленные к созданию в губерниях Королевства Польского атмосферы максимальной политической напряженности. Начатую ими еще в 1905 г. кампанию террористических актов и экспроприаций они старались продолжить любой ценой. Тотчас после третьеиюньского переворота они организовали неудачно проведенную попытку взрыва воинского эшелона, целую серию террористических выступлений в Лодзи, а также в Радоме и других городах[47]. В каждом номере своей газеты лидеры ППС-«фракции» уделяли целые столбцы перечню «боевых операций»[48]. Проведение таких «операций», ставших самоцелью, привлекало в ряды Боевого отдела ППС-«фракции» не только часть незрелой молодежи, искавшей быстрейшего выхода своим антицаристским чувствам, но и немало всякого рода авантюристов, искателей легкой наживы, бандитов.

Дело дошло до того, что в ноябре 1907 г. ЦРК ППС-«фракции» оказался вынужденным распустить самую крупную из своих партийных организаций — лодзинскую, насчитывавшую до 12 тыс. членов. В сообщении о причинах этого решения прямо указывалось на то, что лодзинская организация деморализована. Многие ее деятели участвовали в бандитских действиях[49]. То, что партийное руководство, распустив окружные, районные, фабричные комитеты, все низовые организации

[44] «Robotnik» (PPS-Fr), 10.XI 1908, N 233.
[45] «Robotnik» (PPS-Fr), 16.IX 1910, N 244.
[46] *Polonus Viator* [*W. Jodko-Narkiewicz*]. Kwestia polska wobec zbliżającego się konfliktu Austrii z Rosją. Kr., 1909.
[47] «Варшавский дневник», 25 июня, 5 июля, 7 июля, 9 июля 1907 г. и др.— всего, по официально сообщенным руководством ППС данным, в июне 1907 г.— начале октября 1908 г. Боевой отдел совершил 120 убийств и «конфискаций» казенных средств в 43 населенных пунктах (в ряде из них — по нескольку раз). См.: «Вестник Польской Социалистической партии (Революционной фракции)». Lw., 1908, nr 7, str. 25—28.
[48] «Robotnik», (PPS-Fr), 10.I 1908, N 225; 2.II 1908, N 226; 5.III 1908, N 227; 28.III 1908, N 228; 12.IV 1908, N 229 и т. д.
[49] «Robotnik» (PPS-Fr), 5.XI 1907, nr 224.

крупнейшего пролетарского центра, сохранило в то же время именно местный Боевой отдел, перекладывало ответственность за разложение лодзинской организации на составлявших ее большинство честных рабочих (в защиту их выступили и СДКПиЛ и ППС-левица) [50] и говорило о нежелании и неспособности лидеров ППС-«фракции» пересмотреть партийную тактику. К восстановлению своей организации в Лодзи ППС-«фракция» приступила только весной 1908 г.

Как писал Л. Василевский в журнале, издававшемся русскими социалистами-революционерами, одной из центральных своих задач ППС-«фракция» считала постоянные нападения на правительственные учреждения [51]. Публикация статьи Василевского в эсеровском издании, редактором которого был сам В. Чернов, была одним из внешних признаков сохранявшихся связей между ППС-«фракцией» и эсерами. Общим для ППС-«фракции» и эсеров продолжало оставаться полное отрицание научного социализма; это вовсе не исключало того, что и та и другая партия в своих документах ссылались на сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, пытаясь подкрепить цитатами из их работ свои позиции. В статье, опубликованной к 25-летию со дня смерти К. Маркса, «Роботник» даже утверждал, что на польских землях подлинным выразителем учения Маркса является именно «революционная фракция». Память Маркса, уверяла газета, ППС «чтит каждым своим делом и словом» [52]. Если же говорить не о фразеологии, а о сути дела, то ППС и эсеров объединяла как раз антимарксистская подмена классового подхода к общественным явлениям искусственно сконструированными этическими нормами; пренебрежение к организации масс; признание возможности только «внепарламентских» средств борьбы; противопоставление массам и массовым организациям «героев» и заговорщических групп, а систематической политической и организационной деятельности — актов террора и политического авантюризма; увлечение пустой революционной фразой. На этой общей идейно-политической почве продолжалось в годы реакции спорадическое сотрудничество между ППС-«фракцией» и эсерами.

Составной, но обособленной, не подчиненной местным органам партии и не входящей в состав местных партийных организаций продолжала оставаться Боевая организация ППС-«фракции». Ее деятельность определялась особым уставом, а руководство ею осуществлял Боевой отдел, фактическим руководителем которого был Ю. Пилсудский. Кроме него, в Боевой отдел входили Томаш Арцишевский и Юзеф Монтвилл-Мирецкий. Арестованного в ноябре 1907 г. Мирецкого заменил Влодзимеж Хельман. Несмотря на личный героизм «боевиков», деятельность Боевой организации, не связанная не только вообще с массовым движением, но и с борьбой собственной партии, не давала какого-либо политического эффекта и не пользовалась сочувствием рабочих и крестьян [53].

ППС-«фракция» не участвовала в Штутгартском конгрессе II Интернационала и выступила против повторявшей штутгартские решения резолюции конгресса II Интернационала в Копенгагене о борьбе против опасности империалистической войны, доказывая, что для Польши вой-

[50] «Czerwony Sztandar», 19.XII 1907, N 152; «Robotnik», (PPS-L), XII 1907, N 211 и др.
[51] *Л. Пл[охоцк]ий.* Три года социалистического движения в Царстве Польском (1907—1909). «Социалист-революционер». Париж, 1910, № 1, стр. 107.
[52] «Robotnik» (PPS-Fr), 28.III 1908, N 228.
[53] *T. Ładyka.* Polska Partia Socjalistyczna (Frakcja Rewolucyjna) w latach 1906—1914. W., 1972, str. 116—119.

на может явиться путем к освобождению от царизма. Главной своей задачей в вопросах войны и мира эта партия считала не пропаганду антимилитаризма, а приготовление к тому, чтобы использовать войну для «освобождения от уз наибольшего врага рабочего движения» — царизма [54]. Под этим же знаком деятели ППС провели во время Копенгагенского конгресса совещание с участием представителей эсеров, Бунда, Латышского социал-демократического союза и дашнакцутюна. На совещании выявилась наибольшая близость позиций эсеров, дашнаков и ППС-«фракции» [55].

II (XI) съезд ППС-фракции (август 1909 г., Вена) весьма пессимистически оценил перспективы развития революционного движения России и в резолюции о современном политическом положении записал: «Нельзя ожидать, чтобы столкновения между отдельными классами внутри русского государства содействовали созданию демократического строя» [56]. Соответственно этому взгляду, съезд подтвердил главную установку партии — подготовку к вооруженной борьбе против царизма. В официальном отчете о съезде прямо говорилось, что ППС-«революционная фракция» войну между Австрией и Россией «приветствовала бы с радостью» [57]. Съезд указал, что в случае войны партия должна свои силы использовать против главного угнетателя — царизма и добиваться независимости для русской части Польши. Однако, считаясь с тем беспокойством, которое вызывала ориентация ППС на центральные державы в условиях непрерывно нараставшей германизации западных польских земель, съезд заявил, что ППС-«фракция» будет противодействовать угрозе захвата Германией русской Польши [58]. Конечно, реального значения такое обещание иметь не могло. II (XI) съезд закрепил ориентацию ППС-«фракции» на курс милитаризма, социал-шовинизма. В центре всей деятельности ППС-«фракции» находилась политическая и организаторская работа по подготовке к войне, а не к революции.

3. ППС-левица: идейное и практическое сближение с РСДРП

Для ППС-левицы рассматриваемый период характерен развитием программных и тактических решений, начатых на предшествующем этапе. Не преодолев ряда ошибочных представлений и не найдя еще правильного ответа на многие важнейшие вопросы современности, эта партия без каких-либо колебаний стояла на почве боевого сотрудничества польского и русского пролетариата. Такая позиция проявлялась, в частности, в том внимании, с каким ППС-левица относилась к важнейшим событиям в жизни РСДРП.

Легальный еженедельник партии «Ведза», издание которого удалось сохранить и после третьеиюньского переворота, поместил довольно подробную информацию о ходе и решениях V съезда РСДРП. Не понимая всего значения борьбы большевиков и меньшевиков и считая, что их раскол лишь парализует российскую социал-демократию, «Ведза», вместе с тем, уделила особое внимание тому, что съезд принял большевист-

[54] «Przedświt», X 1910, N 10, str. 572—573.
[55] Там же, стр. 573—574.
[56] «Вестник Польской Социалистической партии», 1909, № 8, стр. 4.
[57] «Sprawozdanie o XI zjazdu Polskiej Partii Socjalistycznej». Kr., 1909, str. 32.
[58] «Robotnik» (PPS-Fr), 14.IX 1909, N 239.

скую резолюцию и привела из этой резолюции весьма обширные выдержки. Примечательно, что в «Ведзе» были воспроизведены как раз важнейшие ленинские положения резолюции — о том, что либерально-монархическая буржуазия определенно отвернулась от революции и преследует задачу прекращения ее путем сделки с контрреволюцией; что народнические или трудовые партии, более или менее близко выражая интересы городской и сельской мелкой буржуазии, облекают свои, в сущности буржуазно-демократические, задачи в социалистическую терминологию и что поэтому социал-демократия должна разоблачать их псевдосоциалистический характер и стремление затушевать классовую противоположность между пролетариатом и мелкой буржуазией, и, вырывая из-под влияния либералов, побуждать к выбору между политикой кадетов и политикой революционного пролетариата.

Изложив один из важнейших документов V съезда РСДРП, «Ведза», правда, утверждала, будто он отражает «иллюзию» большевиков о том, что крестьянство и мелкая буржуазия городов, если они сплотятся вокруг пролетариата, смогут совершить великие дела в самом ближайшем будущем. По мнению журнала, большевики упускали из вида, что и крестьянство, и городская мелкая буржуазия в России консервативны, что естественным союзником этих социальных слоев является буржуазия. Статья в «Ведзе», содержавшая и ряд других ошибочных положений, все же имела положительное значение, ибо она текстуально воспроизводила некоторые важнейшие решения V съезда и всем своим духом свидетельствовала о глубоком интересе к положению в российском революционном движении и о стремлении к сотрудничеству с ним [59].

Когда речь шла о внутрипартийном положении в РСДРП, «Ведза», как правило, поддерживала меньшевиков. В сообщении о выходе брошюры Г. В. Плеханова, посвященной V съезду партии, журнал солидаризировался с ее автором, заканчивая аннотацию следующими словами: «Поддержка тактики большевиков против меньшевиков, по мнению Плеханова, является поддержкой утопизма против марксизма» [60]. Сочувственно освещалась и позиция Плеханова в вопросе о блоках на выборах в III Государственную думу и о тактике социал-демократической фракции в Думе. Вслед за тем журнал ППС-левицы излагал доклад на Петербургской конференции РСДРП, сделанный В. И. Лениным 27 октября 1907 г. (отчет о нем был опубликован 19 ноября 1907 г. в большевистском «Пролетарии») [61]. Добросовестное изложение доклада сопровождалось довольно подробным сообщением о возражениях, выдвигавшихся меньшевиками, а заканчивалось указанием на то, что конференция «все же» приняла большевистскую резолюцию [62].

В печати ППС-левицы можно найти немало примеров, отражающих общий процесс освобождения партии от псевдореволюционной идеологии, типичной для ППС до ее раскола, и говорящих о приближении ППС-левицы к научному социализму и ее постоянном стремлении к сплочению всех революционных сил России. Особенного внимания заслуживает факт объективного изложения ленинской резолюции о тактике социал-демократической фракции в III Государственной думе [63].

[59] «Wiedza». Tygodnik polityczno-społeczny, popularno-naukowy i literacki. Wilno, 14.VII 1907, N 33, str. 54—57.
[60] «Wiedza», 24.XI 1907, N 52, str. 664.
[61] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 133—135.
[62] «Wiedza», 8.XII 1907, N 54, str. 727—731.
[63] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 172—174; «Wiedza», 15.XII 1907, N 55.

Те же положительные тенденции убедительно продемонстрировал и I (X) съезд ППС-левицы.

Этот съезд состоялся в декабре 1907 г.— январе 1908 г. в Цешине. Съезд принял партийную программу и ряд важных резолюций, определявших тактику партии, задачи ее деятельности в легальных организациях, отношение к другим партиям и т. д.[64] Все эти вопросы подробно обсуждались в партийной печати до съезда[65] и на самом съезде, где с докладами о программе партии выступали П. Левинсон (С. Лапиньский) и М. Хорвиц (Г. Валецкий). В докладах перспективы освободительной борьбы в Королевстве Польском и решения польского вопроса рассматривались в связи с перспективами развития революционного движения во всей России. Сотрудничество с российским пролетариатом признавалось необходимым для польского революционного движения, а возможность демократических преобразований рассматривалась как производное от совместной борьбы российского и польского пролетариата против царизма. Программа-максимум провозглашала конечной целью социализм, путь к которому вел через установление диктатуры пролетариата. В программе-минимум ближайшие задачи связывались с революционным преобразованием России в демократическую децентрализованную республику, в рамках которой будут учитываться экономические, культурные и национальные потребности всех народов, а Королевство Польское превратится в автономную единицу со своим законодательным сеймом. Таким образом, программа, принятая Цешинским съездом, исключала прежнее требование обязательного восстановления независимости Польши. Это мотивировалось тем, что капиталистическое развитие «создало новые экономические и общественные основы связи между отдельными частями Польши и теми странами и народами, вместе с которыми она преобразовывалась в современное капиталистическое общество»[66]. Постановка национального вопроса в новой программе являлась значительным шагом вперед к установлению правильного соотношения между классовыми и национальными интересами пролетариата. Признав, что решение классовых задач пролетариата как раз открывает путь к подлинному решению национального вопроса, ППС-левица утверждала в целом свойственное ей классовое и интернационалистское мировоззрение. Из 53 участников съезда 7 заявили, что они остаются на позиции безусловной независимости Польши. Остальные же, т. е. подавляющее большинство, рассматривая будущее развитие Польши неразрывно связанным с развитием революционного процесса во всей России и с ее демократизацией, считали реально осуществимой и практически необходимой лишь широкую автономию Польши. Как писал «Роботник», «без подлинного и прочного переворота в России невозможна прочная и демократическая автономия Польши...»[67].

Большевики, В. И. Ленин, всегда видевшие в польском рабочем классе естественного и ближайшего союзника русского рабочего класса, с вниманием отнеслись как к расколу ППС, так и к избранному пути, на который вступило ее большинство, вошедшее в состав ППС-левицы. Феликс Кон, обстоятельно беседовавший с Лениным в поезде по дороге со Штутгартского конгресса II Интернационала (август

[64] «PPS-Lewica. 1906—1918. Materiały i dokumenty», t. I. W., 1961, str. 455.
[65] «Myśl Socjalistyczna», V 1907, N 1, str. 10—31; там же, VIII—IX 1907, N 4—5, str. 118—136; там же, I—II 1908, N 1 (8), str. 27—37 и др.
[66] **«PPS-Lewica...», t. I, str. 392.**
[67] «Robotnik» (PPS-L), marzec 1908, N 212.

1907 г.), вспоминал, что Ленин подробно расспрашивал его о различии в постановке национального вопроса пилсудчиками и ППС-левицей. В заключение своего рассказа Кон привел популярный лозунг ППС-левицы: «Не пролетариат для независимости, а независимость для пролетариата». Заглядывая в будущее и имея в виду возможность объединения ППС-левицы и СДКПиЛ, входившей в РСДРП, Ленин, по словам Кона, закончил беседу словами: «Не исключено, что в недалеком будущем будем работать в одной партии» [68].

Вопросы, поднятые в решениях съезда ППС-левицы, привлекли также широкое внимание меньшевиков, польских социал-демократов и публицистов ППС-«фракции». Последние утверждали, что ППС-левица якобы приняла концепцию СДКПиЛ в польском вопросе, а ее тактические установки соответствуют установкам меньшевиков [69]. Меньшевики приветствовали решения съезда ППС-левицы и выражали надежду, что эти решения сделают возможным в самом ближайшем времени объединение ППС-левицы с СДКПиЛ [70]. При этом меньшевики заботились не столько о преодолении раскола в польском рабочем движении, сколько о том, чтобы нейтрализовать антименьшевистские позиции польской социал-демократии, что было сразу же отмечено журналом СДКПиЛ [71].

Лидеры СДКПиЛ в большинстве своем отнеслись к решениям ППС-левицы крайне критически. Они отмечали присущие этим решениям отдельные ошибки и не замечали возросшего тяготения левицовцев к научному социализму. Убедительно доказав, что изменение позиций ППС-левицы обусловлено не теоретическими соображениями, а тактическими, Р. Люксембург сосредоточила свои усилия на критике идейно-политической эволюции этой партии. В национальном вопросе критика со стороны Люксембург была направлена не против требования автономии, которое вполне отвечало программе СДКПиЛ, а против мотивов, которыми ППС-левица руководствовалась, выдвигая эти требования. Позиция ППС-левицы, указывала Люксембург, продиктована не научным анализом классовых позиций пролетариата, а лишь соображениями конъюнктуры [72].

Большевистский «Пролетарий» несколько раз обращался к вопросам, связанных с I(X) съездом ППС-левицы [73]. Высказав ряд оговорок и критических замечаний в адрес некоторых решений съезда, большевистская газета, редактировавшаяся В. И. Лениным, отметила, что новая программа ППС-левицы свидетельствует о стремлении «придерживаться точки зрения научного социализма». «Пролетарий» приветствовал признание в новой программе общности целей политической борьбы пролетариата в Польше и России и серьезные изменения в постановке национального вопроса, выразившиеся в выдвижении вместо требования независимости требования широкой автономии [74]. Если первое требование практически толковалось и осуществлялось лишь по линии полного противопоставления польского рабочего движения борьбе про-

[68] *F. Kon.* Rozmowa o Polsce po Kongresie Stutgartskim. «Polacy o Leninie». W., 1970, str. 98.
[69] *Л. П[лохоцк]ий.* Указ. соч., стр. 111; см. также «Robotnik» (PPS-Fr), 5.III 1908, N 227.
[70] «Голос социал-демократа», февраль 1908 г., стр. 28.
[71] «Przegląd Socjaldemokratyczny», 1908, N 2, str. 165—166.
[72] *R. Luksemburg.* Wybór pism, t. II, str. 7—63.
[73] «Пролетарий», 5 марта 1908 г., стр. 6; там же, 12 марта 1908 г., стр. 3—6; там же, 10 мая 1908 г., стр. 2 и др.
[74] «Пролетарий», 19 февраля 1908 г., стр. 7.

летариата России, то выдвижение лозунга автономии как ближайшей задачи, не исключая возможности в определенных условиях создания независимого польского государства, в конкретной исторической ситуации полностью соответствовало делу сплочения сил русского и польского пролетариата в борьбе за низвержение самодержавия.

Тотчас после съезда ППС-левицы Ленин попросил направить ему все опубликованные материалы съезда [75]. Не вмешиваясь открыто в полемику, возникшую вокруг его решений, Ленин в статье, опубликованной в «Пшеглёнде социаль-демократычном» и предназначенной специально для польских читателей (прежде всего для актива СДКПиЛ), весьма обстоятельно рассмотрел ряд дискуссионных вопросов, в частности вопрос об автономии. Автономия стран и народов, писал Ленин, «принадлежит к числу требований нашей политической программы» [76]. Тем самым он косвенно выразил солидарность с одной из позиций ППС-левицы. Далее Ленин указал, что «только усиление центральной республиканской власти может серьезно затруднить дело реакции, между тем как раздробление сил и средств между отдельными областями облегчает ей дело» [77]. Таким образом, отстаивая идею автономии, Ленин в то же время выступал против тенденции к излишней децентрализации и федерализации, которые были присущи ППС-левице. Он доказывал, что только бескомпромиссная революционная борьба, соединение революционных классов и прежде всего пролетариата разных частей государства в одну армию, создание сильной республиканской власти может обеспечить решение аграрного вопроса и завоевание автономии. С исчерпывающей полнотой раскрывая взаимосвязь революции в России с ликвидацией угнетения Польши, Ленин писал: «Свобода Польши невозможна без свободы России» [78]. Свободы Польши и свободы России не будет, продолжал Ленин, «если польские и русские рабочие не выполнят задачи поддержки русских крестьян в их борьбе за национализацию земли и в доведении этой борьбы до полной победы как в области политических, так и в области аграрных отношений... Без победы пролетариата и революционного крестьянства в России смешно говорить о подлинной автономии Польши, о правах муниципалитетов и т. п. Это пустые фразы» [79].

В ленинской формуле «Свобода Польши невозможна без свободы России» воплотились мысли и действия нескольких поколений русских и польских революционеров, стремившихся к действенному союзу друг с другом, основанному на полном взаимопонимании, прочной дружбе и нерушимом равенстве. Лозунги: «За вашу и нашу свободу!», «Свободные со свободными, равные с равными!», выдвигавшиеся в предшествующие десятилетия, отражали прежние исторические условия и возможности освободительного движения России и Польши на допролетарском этапе его развития. Существенные изменения обстановки привели к сдвигам, сущность их результатов с исчерпывающей полнотой была определена Лениным в приведенной формулировке. Раскрыв органическую связь положения об автономии Польши с делом революции в России, Ленин как бы указывал ППС-левице путь, движение по которому только и могло упрочить ее место в русско-польском революционном союзе.

[75] «Ленинский сборник», XXVII, стр. 13.
[76] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 264.
[77] Там же, стр. 269.
[78] Там же.
[79] Там же, стр. 269—270.

4. Большевики и польские социал-демократы: близость идейно-теоретических позиций

Основным в русско-польском революционном союзе продолжало оставаться боевое единство большевиков и польских социал-демократов. Поражение революции не лишило их веры в конечное торжество своего дела. Неся большие потери, вызванные репрессиями царизма, как большевики, так и польские социал-демократы ни на день не прекращали революционной борьбы. Наступившее господство реакции они рассматривали как временное явление, которое в более или менее близком будущем в силу объективных условий общественного развития, в результате растущей сознательности масс и деятельности их марксистского авангарда сменится новым революционным подъемом.

На III конференции РСДРП (II Общероссийской), состоявшейся 21—23 июля 1907 г., польские делегаты — А. Варский, Ф. Дзержинский и др. поддерживали Ленина в борьбе против бойкотистов и против меньшевиков[80]. Делегация СДКПиЛ поддержала Ленина и большевиков на проходившей в Гельсингфорсе 5—12 ноября 1907 г. IV (III Общероссийской) конференции РСДРП. Доклад Ленина, в котором указывалось, что задачи революции не разрешены, что период реакции требует от пролетариата особой стойкости в отстаивании дела демократии и революции, в подробном изложении опубликовал «Червоный штандар»[81]. Там же указывалось, что некоторые предложения польских делегатов были одобрены конференцией; эти предложения вошли в резолюцию, написанную Лениным[82]. Делегаты от СДКПиЛ согласились с ленинской оценкой третьеиюньского режима и отвергли попытки меньшевиков и бундовцев навязать РСДРП политику поддержки кадетов и «левых» октябристов.

Единство в текущих тактических вопросах революционной борьбы в России нашло подтверждение и развитие в единой позиции большевиков и польских социал-демократов в вопросах отношения к милитаризму и опасности империалистической войны, продемонстрированной ими во время Штутгартского конгресса II Интернационала (18—24 августа 1907 г.). Сплотившиеся по инициативе Ленина левые участники конгресса поручили Р. Люксембург изложить их взгляды[83]. Выступая от имени русской и польской социал-демократических делегаций, Люксембург призвала бороться «за использование войны для ускорения свержения классового господства»[84]. Так как в подкомиссии, образованной для согласования проектов резолюции, не было предусмотрено место для представителей польского рабочего движения, то Ленин предложил Люксембург одно из двух мест, выделенных для представителей России. После этого Люксембург была избрана в подкомиссию в качестве представителя России[85]. Вместе с Лениным она и солидаризировавшийся с ними в этом вопросе Мартов подписали поправки, предложенные к проекту резолюции, внесенному А. Бебелем[86]; Люксембург добилась того, что в окончательном тексте резолюции указывалось на необходи-

[80] «Czerwony Sztandar», 22.VIII 1907.
[81] Там же, 19.XII 1907.
[82] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 172—174.
[83] ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, д. 446, л. 29.
[84] «Internationaler Sozialisten-Kongress zu Stuttgart. 1907, 18. bis 24. August». Berlin, 1907, S. 97—98.
[85] «Международный социалистический конгресс в Штутгарте». СПб., 1907, стр. 81.
[86] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 238.

мость использовать кризис, который вызовет подготовленная империалистами война, для того чтобы «ускорить падение капиталистического классового господства»[87].

Таким образом, Штутгартский конгресс в вопросе о задачах пролетариата в случае империалистической войны принял резолюцию, важнейшая часть которой была разработана В. И. Лениным и отстаивалась на заседаниях Р. Люксембург. Эта часть резолюции ориентировала все международное рабочее движение на необходимость революционного выхода из надвигавшейся войны. Принятие этой резолюции, имевшей огромное политическое значение, свидетельствовало о большой международной роли тесного союза революционного авангарда российского и польского рабочего класса, о способности участников этого союза совместными усилиями оказывать влияние на все организованное международное рабочее движение.

Весьма важным проявлением сотрудничества польских и российских социал-демократов явилось посещение 4 января 1908 г. Лениным Розы Люксембург на ее берлинской квартире. Во время этой встречи, как пишет Н. К. Крупская, разговор между Лениным и Люксембург «носил особо дружеский характер»[88]. В январе же в Женеве Ленин выступил публично с осуждением антипольской политики германского империализма и контрреволюционной роли польской националистической буржуазии[89]. Имеются сведения, что в период проживания в Женеве Ленин неоднократно посещал близлежащий Берн. Там он встречался с русскими и польскими эмигрантами, среди которых преобладала студенческая молодежь. Во время поездок в Берн Ленин останавливался обычно у деятеля польской социал-демократии Адама Эттингера, преподававшего тогда на философском факультете Берлинского университета[90].

Вскоре, в апреле 1908 г., незадолго до того возобновленный «Пшеглёнд социаль-демократычный» опубликовал статью Ленина «К оценке русской революции». В статье, специально подготовленной для польского социал-демократического читателя, Ленин указывал на особенности расстановки классовых сил в России в революции 1905—1907 гг. и раскрывал ее отличие от предшествующих буржуазных революций. Для пролетариата, писал Ленин, задача состоит в том, чтобы научиться применять прежние методы борьбы более успешно. В статье далее излагалась теория революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства[91]. Появление этой статьи в польском журнале имело большое значение для идейно-политического развития СДКПиЛ, так как впервые знакомило ее актив с изложением ряда выдающихся достижений ленинской мысли. Благодаря этой статье польские социал-демократы получили возможность непосредственного знакомства с важнейшими выводами в области революционной стратегии, тактики и революционной теории, которые Ленин сделал, основываясь на опыте первой русской революции. В обстоятельном примечании к статье Ленина редакция «Пшеглёнда» указывала читателям на то, что содержащийся

[87] «Пролетарий», 20 октября 1907 г.
[88] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, стр. 139.
[89] ЦПА ИМЛ, ф. 157, оп. 1, д. 43, лл. 13—14; «Правда», 16 декабря 1929 г. и др.
[90] *H. Kawajewa.* Spotkania szwajcarskie i piotrogrodzkie. «Polacy o Leninie», str. 109. Сообщение Е. Каваево-Эттингер о приездах Ленина в Берн из Женевы каждую субботу и о встрече им и Н. К. Крупской нового, 1909 г. в Берне представляется сомнительным.
[91] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 37—51.

в ней анализ внутренних сил революции заслуживает самого пристального внимания [92].

Спустя несколько месяцев, в августе 1908 г., «Пшеглёнд» опубликовал автореферат обширной ленинской работы по аграрному вопросу — «Аграрная программа социал-демократии в русской революции». А в октябре тот же журнал поместил новую статью Ленина — «Несколько замечаний по поводу «ответа» П. Маслова». Излагая развитие аграрного вопроса русскими социал-демократами, Ленин отметил связь, существующую между решением аграрного и национального вопросов. «...Решительный буржуазно-революционный шаг в аграрной области,— писал он, — неразрывно связан с решительным буржуазно-демократическим переворотом в политической области, т. е. установлением республики, которая одна только обеспечивает *истинную автономию*» [93].

Названные работы, написанные специально для польского читателя и опубликованные на польском языке, облегчали понимание польскими революционными элементами общности русских и польских революционных интересов, взаимозависимости борьбы за социализм с борьбой за демократию, за решение аграрного и национального вопросов. Именно публикация ленинских статей, а равно и собственный политический опыт, усилили интерес польской социал-демократии к аграрному вопросу и проблемам рабоче-крестьянского союза. Как в «Пшеглёнде социаль-демократычном», так и в «Червоном штандаре» появляется ряд статей, в которых рассматриваются аграрно-крестьянские проблемы, затрагиваются вопросы отношения к этим проблемам РСДРП, а в отдельных случаях излагаются взгляды Ленина. Как правило, СДКПиЛ в целом и ее теоретики, выступавшие со статьями по этим вопросам,— Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, А. Варский, З. Ледер и др. — поддерживали большевиков в их спорах с меньшевиками, поддерживали большевистскую борьбу за решение аграрного вопроса на основе национализации земли, коренного переворота в аграрных отношениях и союза рабочего класса с крестьянством под руководством пролетариата. Разделяя основополагающее в данной проблеме ленинское положение о том, что в России самый передовой промышленный и финансовый капитализм сочетается с самым отсталым землевладением, самой дикой деревней [94], польские социал-демократы в то же время переоценивали степень капиталистического развития собственно польской деревни и считали, что к польским условиям более подходят взгляды германской и других западных социал-демократий на аграрный вопрос, нежели взгляды большевиков.

Но именно под влиянием большевиков и самого развития польского крестьянского движения польская социал-демократия испытывала потребность в том, чтобы серьезно осмыслить вопросы развития крестьянства и пути аграрной политики пролетариата. В марте 1908 г. А. Варский ставит вопрос о том, что рабочий класс должен завоевать на свою сторону не только сельскохозяйственный пролетариат, но и полупролетарские элементы деревни, что за счет продолжающейся дифференциации крестьянства пополняется армия крестьянства, имеющая общие интересы с рабочим классом [95]. Но правильного пути, по которому удалось бы повести крестьян за рабочим классом, польские социал-демократы определить не умели. Мархлевский полагал, что главным должно быть

[92] «Przegląd Socjaldemokratyczny», 1908, N 2, str. 111.
[93] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 264.
[94] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 417.
[95] «Czerwony Sztandar», 24.III 1908.

превращение поместий в сельскохозяйственные кооперативы, членами которых явятся бывшие сельскохозяйственные рабочие[96]. Полемизируя с ним, З. Ледер (выступавший под псевдонимом Витольда Лады) безосновательно сближал взгляды Мархлевского и Ленина, считая, что они выдвигают программы, рассчитанные на все случаи развития, и что недостатком ленинской позиции якобы является игнорирование психологии масс, а также то, что она не рассчитана на польские условия. Вместе с тем Ледер приходил к выводу, в политическом отношении весьма близкому к взглядам Ленина: «Аграрный вопрос может быть решен только путем овладения крестьянами землей, только в результате аграрной революции, во главе которой станет пролетариат»[97]. Таким образом, довольно оживленная дискуссия по аграрному и крестьянскому вопросу, проходившая в СДКПиЛ в 1908 г., разворачивалась под несомненным влиянием ленинских взглядов. Хотя четкой и последовательной позиции в этих вопросах лидеры польской социал-демократии занять не смогли[98], но статьи Ленина в «Пшеглёнде социаль-демократычном» и его доклад на Стокгольмском съезде были включены в списки литературы, рекомендованной руководством польской социал-демократии для кружков политического самообразования[99].

Внимание к ленинским работам не означало, что руководство польской социал-демократии разделяло все содержавшиеся в них положения. Продолжая занимать антименьшевистскую позицию и поддерживая большевиков в их борьбе против ликвидаторов, а также и левацких течений, оно не понимало развивавшегося Лениным принципа партийности и его борьбы за сплоченную, монолитную партию нового типа. Лидеры СДКПиЛ, крайне нетерпимые к какой-либо оппозиционности внутри собственной партии, ошибочно полагали, что сохранение меньшевиками некоторых позиций в общепартийных руководящих органах и на страницах партийной печати отвечает «высшим интересам» РСДРП. Отчасти это объясняется тем, что такая ситуация повышала роль СДКПиЛ, так как ее представители оказывались в ряде случаев чуть ли не в положении арбитров во внутрипартийных спорах в РСДРП, чем они очень дорожили.

Стремление лидеров СДКПиЛ к проведению «надфракционной» линии приводило к трениям в отношениях с большевиками. Такие трения возникали, например, в связи с противодействием Главного правления польской социал-демократии вхождению заграничных секций СДКПиЛ в единые заграничные местные группы содействия РСДРП, в связи с представительством СДКПиЛ в редакции ЦО партии газеты «Социал-Демократ» и по ряду других вопросов. Эти трения вынудили Ленина отказаться от участия в работах VI съезда СДКПиЛ[100], состоявшегося 5—18 декабря 1908 г. в Праге. Извещение о созыве съезда большевистский «Пролетарий» опубликовал еще в апреле 1908 г. Тогда же из «Червоного штандара» «Пролетарий» перепечатал статью о задачах съезда[101]. Редакция «Пролетария», фактически игравшая в ту пору роль большевистского центра, направила приветствие съезду.

[96] *J. Karski.* W kwestii zadań naszych wobec robotników wiejskich i włościan. «Przegląd Socjaldemokratyczny», 1908, N 5, str. 395—396.
[97] «Czerwony Sztandar», 23.XI 1908.
[98] *F. Tych.* Kwestia rolna w programie SDKPiL. «Lenin a kwestia agrarna w kapitalizmie i socjalizmie». W., 1967, str. 269—293.
[99] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 281, л. 12.
[100] *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 188.
[101] «Пролетарий», 2 апреля 1908 г.

Печать РСДРП с большим вниманием отнеслась к его работе. «Социал-Демократ», излагая отчет Главного правления и отмечая «ту бездну страданий, которая выпала на долю польского пролетариата» в условиях контрреволюции, с удовлетворением писал, что СДКПиЛ сумела сохранить «глубокую идейную связь с пролетарскими массами»[102]. Та же мысль была подчеркнута в другой статье газеты, посвященной итогам и значению съезда[103].

Некоторые решения съезда говорили о том, что если в вопросах, касавшихся РСДРП, лидеры польской социал-демократии обнаруживали отклонения в одну сторону, то в оценке идейного и организационного развития польского рабочего класса и его организаций они нередко впадали в противоположную крайность. В целом же VI съезд в важнейших вопросах дал верную оценку положения в стране и подтвердил, что основной задачей социал-демократии является борьба за завоевание политической власти пролетариатом при помощи революционных слоев крестьянства.

По окончании съезда член Главного правления СДКПиЛ З. Леде́р, стремясь ознакомить русских товарищей с политической линией, намеченной польской социал-демократией, опубликовал в «Пролетарии» статью, излагавшую основные решения, принятые съездом. В статье отстаивалась принятая съездом формула о пролетариате, опирающемся на революционное крестьянство. В примечании, которым редакция «Пролетария» снабдила статью Ледера, указывалось, что разница между этой формулировкой и большевистской формулировкой о демократической диктатуре пролетариата и революционного крестьянства «кажется не столь существенной, ибо в ухудшенном виде т. Ледер защищает в сущности ту же идею»[104].

Подтверждением тому, что польские социал-демократы стояли в ту пору на позициях, близких к точке зрения большевиков, явилась поддержка ими большевиков-ленинцев на V Общероссийской конференции, состоявшейся в Париже 21—27 декабря 1908 г. (3—9 января 1909 г.). Я. Тышка председательствовал на заседании ЦК РСДРП, которое перед началом работ конференции вопреки позиции меньшевиков утвердило порядок дня конференции и мандаты ее делегатов[105]. Делегатами от СДКПиЛ на конференции были, помимо Тышки, Я. Ганецкий, Ю. Мархлевский и др.[106] В атмосфере открытой и бескомпромиссной борьбы против ликвидаторства, а также против отзовизма, господствовавшей на конференции, СДКПиЛ в целом шла вместе с большевиками-ленинцами. «Польская делегация,— указывалось в отчете о конференции,— выступала на конференции дружно... Представители польской социал-демократии на протяжении почти всей конференции выступали вместе с ортодоксальными большевиками...»[107] Резко антименьшевист-

[102] «Социал-Демократ», 28 января 1909 г.
[103] «Социал-Демократ», 21 марта 1909 г.
[104] «Пролетарий», 21 февраля 1909 г. Следует отметить, что VI съезд СДКПиЛ вынес решение продолжить дискуссию по аграрному вопросу. Польский исследователь А. Коханьский предполагает, что вместо Ю. Мархлевского на VI съезде польской социал-демократии с докладом по аграрному вопросу должен был выступить В. И. Ленин (см.: *A. Kochański.* SDKPiL w latach 1907—1910. W., 1971, str. 217), но ни один из довольно многочисленных документов, связанных с возможностью участия Ленина на съезде, не подтверждает предположения Коханьского.
[105] ЦПА ИМЛ, ф. 18, оп. 20, д. 27119, лл. 1—2.
[106] *А. Голубков.* Из эпохи реакции. «Пролетарская революция», 1928, № 9(80), стр. 131.
[107] «Всероссийская конференция Российской Социал-Демократической Рабочей партии (в декабре 1908 г.)». [Б. м.,] 1909, стр. 8.

ская позиция СДКПиЛ была подчеркнута и в посвященных итогам конференции статьях польской социал-демократической печати[108], и в открытом письме польских делегатов на V общепартийной конференции, опубликованном «Пролетарием». В письме изобличались инсинуации меньшевиков, их дезорганизаторская фракционная деятельность[109]. Содержание письма говорило о близости позиции польских социал-демократов к позиции большевиков в важнейших внутрипартийных и стратегическо-тактических вопросах момента. СДКПиЛ поддержала большевиков в их борьбе против ликвидаторов слева, тогда как ППС-«фракция» увидела в отзовизме не что иное, как «признак того, что и среди русских социал-демократов не вполне исчезли революционные стремления»[110]. В связи с симпатией к отзовизму, которую проявила ППС-«фракция» в «Роботнике» и в «Пшедсвите»[111], «Пролетарий» писал, что эта партия всегда склонялась к эсерам и полуанархистам, «русскую же социал-демократию ненавидит так же, как и польскую»[112].

Соглашаясь с большевиками в главных вопросах революционной стратегии и тактики, польские социал-демократы в ряде случаев высказывали ошибочные взгляды. Но расхождения не касались основ политики пролетариата и потому не служили помехой объединению их усилий в революционной борьбе.

5. Большевики и польские социал-демократы: практическое сотрудничество

В условиях усиления реакции перед революционным авангардом России и Польши стояла общая задача сохранения своих рядов и перестройки организационной и политической работы в направлении правильного и постоянного сочетания легальных и нелегальных средств деятельности. Как большевики, так и польские социал-демократы в целом одинаково понимали эту задачу, но в то время как большевики продолжали добиваться максимально широкого сочетания легальной и нелегальной деятельности, польские социал-демократы далеко не всегда с необходимым вниманием относились к легальным формам борьбы. Поэтому, когда в феврале 1908 г. первый номер центрального органа РСДРП газеты «Социал-Демократ» поместил статью «В организационных вопросах», призывавшую к усилению конспиративной деятельности, улучшению издания нелегальной литературы и т. п., статья эта в выдержках, освещавших главным образом вопросы нелегальной работы, была тотчас же перепечатана «Червоным штандаром»[113]. В начале 1908 г. представительство от СДКПиЛ в «пятерке», которая по поручению ЦК РСДРП осуществляла руководство нелегальной работой в России, было возложено на большевика Иннокентия (И. Ф. Дубровинского)[114].

Успех политической работы партии в значительной мере зависел от обеспечения низовых ее звеньев партийной печатью — величайшим

[108] «Przegląd Socjaldemokratyczny», 1909, N 11, str. 40—47; «Czerwony Sztandar», 17.III 1909.
[109] «Пролетарий», 13 мая 1909 г.
[110] «Robotnik» (PPS-Fr), 5.VI 1909, N 237.
[111] «Przedświt», 1909, N 12.
[112] «Пролетарий», 11 июля 1909 г.
[113] «Социал-Демократ», февраль 1908 г.; «Czerwony Sztandar», IV 1908.
[114] *А. Голубков.* Из эпохи реакции. «Пролетарская революция», 1928, № 9 (80), стр. 123.

инструментом организации, идейной сплоченности и воспитания масс. После того, как в начале 1908 г. печатание «Пролетария» было перенесено в Женеву, женевская группа СДКПиЛ стала оказывать содействие распространению газеты среди заграничных групп польской социал-демократии и в местах расселения польских эмигрантов [115]. Несравненно большее значение имела помощь СДКПиЛ в нелегальной транспортировке «Пролетария» в Россию. Вопрос о «транспорте для русских» обсуждался на заседании Главного правления 7 марта 1908 г., когда было решено «выяснить, сколько и куда мы могли бы транспортировать», и на заседании 18 марта [116]. Перевозка в Россию большевистской литературы первое время происходила, видимо, нерегулярно, между тем большевики придавали этому огромное значение, о чем свидетельствует телеграмма Ленина Збигневу (Вацлаву Кондерскому), ведавшему в Кракове транспортировкой литературы польской социал-демократии в пределы Российской империи. Текст телеграммы пока не обнаружен, но из письма Я. Ганецкого из Кракова Главному правлению СДКПиЛ в Берлин от 3 ноября 1908 г. явствует, что Ленин просил Збигнева наладить транспортировку российской социал-демократической литературы [117].

Польским социал-демократам удалось оказать содействие перевозу через границу ряда номеров большевистского «Пролетария» [118]. Транспорты шли, как следует из письма Ганецкого, не только через Краков, но и через Варшаву [119], хотя там царская охранка была наиболее оперативна. Как «Пролетарий», так и «Социал-Демократ» направлялись, об этом говорит ряд писем Кондерского, относящихся к 1909 г., и в местные организации польской социал-демократии [120]. Кондерский писал Главному правлению, что и интеллигенты, и рабочие интересуются «Пролетарием» и «Социал-Демократом» [121], и что получаемого количества экземпляров польским социал-демократическим организациям не хватает [122]. Тот же Кондерский летом 1909 г. уведомлял Главное правление о посылке некоторых материалов Ленину в Женеву [123].

Содействие распространению и транспортировке российской социал-демократической литературы, особенно большевистского «Пролетария», означало прямое участие в пропаганде ленинских идей, в укреплении российских и польских партийных организаций, их боевого сотрудничества. Одним из ярких проявлений этого сотрудничества явилась статья Р. Люксембург «Революционное похмелье», написанная по просьбе большевиков, отредактированная Лениным и опубликованная в «Пролетарии» [124]. Направленная против шатаний правых элементов российской социал-демократии, против внутрипартийной борьбы, часть участников которой, потеряв веру в объективную неизбежность возобновления и победы революции, открыто стремилась к ликвидации партии, а некоторые впадали в авантюризм, статья Р. Люксембург была выра-

[115] ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 6, д. 42165.
[116] Там же, ф. 163, оп. 1, д. 261, лл. 10—11.
[117] Там же, д. 268, л. 41.
[118] Там же, ф. 377, оп. 6, д. 37353, лл. 1—14, а также: *К. В. Шахназарова.* Большевистская газета «Пролетарий». «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, стр. 178—179.
[119] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 268, л. 61.
[120] *W. Najdus.* Przez zieloną granicę. Na polskich szlakach leninowskiej «bibuły». W., 1964, str. 65.
[121] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 305, л. 46.
[122] Там же, д. 306, л. 29.
[123] Там же, д. 307, л. 32.
[124] Там же, ф. 28, оп. 8, д. 36601, л. 6; ф. 377, оп. 12, д. 36603, лл. 2—3 и др.; «Пролетарий», 8 апреля 1909 г.

жением прочности идейно-политических основ революционного союза передовых сил рабочего класса Польши и России. Ленин писал Люксембург: «Ваша статья против отзовистов и ультиматистов всем очень нравится, жаль только, что Вы *так* редко выступаете по-русски...» [125]

Близость позиций большевиков и польских социал-демократов во внутрипартийных вопросах подтверждает следующий эпизод. Когда в апреле 1909 г. в «Форвертсе» появилась инспирированная ликвидаторами статья, то адресованный Правлению Германской социал-демократии ответ [126] Ленин направил через посредство Я. Тышки. В сопроводительном письме В. К. Таратута писал Тышке, что ответ Ленина написан «второпях во время собрания» и что необходимые исправления «т. Ленин представляет Вам сделать по Вашему усмотрению. Присылать исправленный Вами проект сюда не нужно. Мы заранее согласны с ними» [127].

Подтверждением непримиримости к оппортунизму, общей большевикам и социал-демократам, может служить то, что вскоре в «Социал-Демократе» появилась статья Люксембург «Август Бебель». Она была переведена на русский язык Н. К. Крупской и отредактирована Лениным [128]. В статье рассматривались важные вопросы соотношения роли вождя и партии и подчеркивалось, что, отвергая культ героев, социал-демократия оказывает тем бо́льшую поддержку своим руководителям, чем яснее они выражают волю и стремление масс, чем лучше сознают объективные законы классового движения [129]. В «Социал-Демократе» было опубликовано еще несколько статей Люксембург [130], а также анонимная статья из близкой к ней газеты «Лейпцигер фольксцайтунг», направленная против русских ликвидаторов [131].

В соответствии с пожеланиями В. И. Ленина, большевиков и с согласия Главного правления СДКПиЛ, член ее Главного правления, кандидат в члены ЦК РСДРП Я. Ганецкий весной 1909 г. совершил конспиративную поездку в Петербург [132]. В его задачу входило помочь работе русской части («коллегии») ЦК, деятельности которой серьезные помехи чинили меньшевики-ликвидаторы. К тому же в самом конце 1908 г. Дубровинский, представлявший СДКПиЛ в той группе членов ЦК, которая руководила партийной работой в России, был арестован по доносу провокатора. Ганецкий не только выполнил возложенные на него поручения, но и, считаясь с крайне тяжелыми условиями партийной работы в Петербурге, предложил отпечатать в краковской типографии СДКПиЛ подготовленный петербургскими большевиками текст листовки к 1 мая 1909 г. В конце апреля 1909 г. связная от СДКПиЛ доставила в Петербург тираж листовки, общий вес груза составлял около четырех пудов [133]. К сожалению, эта очень нужная практическая помощь польских социал-демократов на этот раз не дала результатов, так как охранке удалось захватить весь тираж [134].

[125] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 47, стр. 181.
[126] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 391—393.
[127] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 673, л. 28.
[128] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 391—393.
[129] «Социал-Демократ», 26 февраля 1910 г.
[130] «Социал-Демократ», 22 июня 1910 г., 16 ноября 1910 г. и др.
[131] «Социал-Демократ», 12 сентября 1910 г.
[132] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 439.
[133] По поступившим в ЦК РСДРП данным, СДКПиЛ отпечатала для РСДРП 15 тыс. экземпляров первомайской листовки. См.: «Из переписки местных организаций с большевистским заграничным центром в 1909 г.». «Пролетарская революция», 1928, № 9 (80), стр. 154.
[134] *А. Голубков.* Указ. соч., стр. 138—139.

Когда весной 1910 г. были арестованы находившиеся в России члены ЦК — большевики и ликвидаторам удалось совершенно парализовать русскую часть ЦК, Ганецкий еще раз поехал в Россию, где находился довольно продолжительное время[135]. Преодолевая дезорганизаторские действия меньшевиков, он старался сплотить партийные организации, обеспечить единство их действий в борьбе против ликвидаторов.

Важное совместное выступление большевиков и польских социал-демократов произошло в связи с Копенгагенским конгрессом II Интернационала (август — сентябрь 1910 г.). Перед его открытием в центре внимания международного социалистического движения оказалась острая полемика Р. Люксембург с К. Каутским[136]. Центристская позиция последнего, вызвавшая резкую критику Люксембург, встречала полное одобрение русских ликвидаторов[137]. Поддерживаемый Каутским, Мартов выступил перед Копенгагенским конгрессом с антибольшевистскими статьями, которые Р. Люксембург назвала «очень нахальными»[138]. Но, как писал Ленин, первое место по бесцеремонности в ряду такого рода статей[139] заняла даже не статья Мартова, а анонимная антибольшевистская статья, опубликованная в «Форвертсе» 28 августа 1910 г., в день открытия Копенгагенского конгресса. Судя по фракционной позиции, отстаиваемой в статье, автором ее мог быть только Троцкий. Еще до открытия конгресса он побывал у Люксембург в Берлине, надеясь втянуть ее в свои интриги. Но Люксембург, и ранее весьма отрицательно относившаяся ко всей деятельности Троцкого, решительно пресекла его попытки[140]. Приехав в Копенгаген, она, по предварительной договоренности с Лениным, подготовила резкий протест против клеветнического выступления «Форвертса»[141]. Его текст за подписями Ленина, а также Варского и Плеханова, был направлен Правлению Социал-демократической партии Германии[142].

Несмотря на это, в «Нойе цайт» появились новые антибольшевистские статьи Троцкого и Мартова, а в статье последнего нападкам была подвергнута Р. Люксембург. После обмена мнений, в котором участвовали Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, Ф. Дзержинский и другие лидеры СДКПиЛ[143], и после получения согласия Ленина[144] ответную статью в «Нойе цайт» написал Мархлевский. При этом он учел дополнение и уточнение, сделанные Лениным к его статье, и привел обстоятельную цитату из ленинской статьи «Ликвидация ликвидаторства», в которой определялись задачи большевиков в борьбе за партию. Таким образом, в борьбе против российского и международного ликвидаторства и центризма большевики и польские социал-демократы продолжали выступать в полном единстве. Это единство оказывало большое влияние на все левые партии и течения II Интернационала, помогая им в борьбе за революционные позиции, против всех разновидностей ревизионизма. Конечно, действенная сила сотрудничества польского и рус-

[135] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 356, л. 28; ф. 18, оп. 27, д. 36623, лл. 1—4.
[136] *M. Waldenberg.* Polemika Róży Luksemburg z Karolem Kautskim. «Z Pola Walki», 1969, N 3 (47), str. 17—45.
[137] «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 202—204.
[138] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 864, л. 2.
[139] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 355.
[140] ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 2, д. 666.
[141] ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 2, д. 702, л. 1.
[142] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 47, стр. 296—298.
[143] *Ф. Тых, Х. Шумахер.* Юлиан Мархлевский. М., 1969, стр. 218.
[144] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 47, стр. 269.

ского революционного авангарда была бы значительней, если бы польские социал-демократы не настаивали на ошибочных идейно-теоретических положениях, не пытались бы играть роль политической силы, стоящей как бы «над фракциями» российского рабочего движения. Но на протяжении всего рассматриваемого периода расхождения между большевиками и польскими социал-демократами занимали подчиненное место по отношению к объединявшей их борьбе против сил контрреволюции, против ликвидаторства, оппортунизма и центризма во всех их основных проявлениях.

6. Совместная борьба против русификаторской политики царизма и против польского буржуазного национализма

В русско-польских связях 1907—1912 гг. существенное место заняла борьба против угнетательской политики царизма на польских землях, против польского буржуазного национализма, за подлинные национальные интересы польского народа. В этом плане первостепенное значение приобретал отпор идеологии неославизма. Порожденный различными, зачастую противоречивыми интересами, неославизм отражал стремление к сотрудничеству против возраставшей угрозы пангерманизма, характерное для части буржуазии различных славянских народов. Царское правительство не оказывало неославизму сколько-нибудь существенной поддержки, ибо не могло положительно относиться к теории неославистов о равенстве больших и малых славянских народов, подрывающей основы его великодержавной политики, в значительной мере обращенной и против славян — против польского, украинского и белорусского народов. Но в поисках такой поддержки со стороны царизма и в соответствии с экспансионистскими интересами определенных кругов польской крупной буржуазии, активное участие в неославистском движении принял ряд видных деятелей национал-демократии во главе с Р. Дмовским. Он и ряд других польских реакционных и либеральных общественных деятелей тянулись к сотрудничеству с использовавшими неославизм кругами русской буржуазии.

Сложное положение эндеции, которая, несмотря на свою верность царизму и сотрудничество в Думе с октябристами, не сумела добиться никаких уступок правительства в пользу польской буржуазии, ставило эту партию перед угрозой потери влияния среди правонационалистических кругов польского общества. Серьезные осложнения возникали между лидерами эндеции и созданным под их влиянием Национальным рабочим союзом. Рассчитывая укрепить свои позиции, а также показать царизму свою готовность служить ему, Р. Дмовский принял участие в ряде неославистских акций, в том числе и в так называемом славянском съезде в Праге, состоявшемся в июле 1908 г. Вскоре он выпустил программную книгу «Германия, Россия и польский вопрос», тотчас же переизданную на русском и французском языках[145]. Спекулируя на реально возраставшей опасности германской империалистической экспансии, Дмовский стремился доказать, что поляки могут стать главной преградой для германского Drang nach Osten. Взамен Дмовский требовал от царизма согласия на предоставление польским буржуазным

[145] *Р. Дмовский.* Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 1909.

националистам возможностей чинить расправу над украинским, литовским, еврейским национальными движениями, которые он стремился изобразить орудием германской захватнической политики. Контрреволюционная, процаристская позиция Дмовского была решительно осуждена даже либеральными буржуазными элементами. Левокадетский журнал «Русское богатство» в статье В. Мякотина определил установки Дмовского как «порождение новейшей эволюции польского национализма» [146].

Разоблачая империалистическую политику реакционного заговора против народа, в частности вмешательство в чужие дела и нарушение основного принципа демократии, признающего право наций на самоопределение, Ленин писал в «Пролетарии» в октябре 1908 г., что нет ничего реакционнее, как заботы черносотенцев о «братьях-славянах». Эти «заботы», — продолжал он, — всегда сводятся к покушению на *действительный* демократизм...» [147] В том же духе оценивали неославизм польская социал-демократия и ППС-левица. «Поляк, который бы осмелился выступить с пропагандой панславизма, безусловно был бы осужден всем обществом»,— писала газета «Червоный штандар» в статье Ю. Мархлевского «Панславистская оргия». Именно поэтому Дмовский и его единомышленники заявляют, что они — сторонники неославизма, который якобы вовсе не похож на панславизм. В действительности же, заявляла газета, польская буржуазия «стоит под «всеславянским» знаменем на стороне реакции, польские же рабочие ведут под знаменем революционной социал-демократии борьбу против реакции» [148]. Солидаризируясь со статьей «Червоного штандара», большевистский «Пролетарий» поместил ее подробное изложение [149].

Неославизм, указывал «Роботник» ППС-левицы, по сути дела является не только продолжением панславизма, но используется эндецией как новая почва для сближения с российской реакцией — с октябристами и черносотенцами в первую очередь. Дмовский и другие пытаются доказать им выгоду сотрудничества с польской реакцией в интересах совместного противодействия «немецкой гидре» [150].

Против неославизма выступала и ППС-«фракция»: ей, естественно, были глубоко враждебны всякие стремления польской буржуазии к сотрудничеству с царизмом на антинемецкой платформе, так как все свои планы она строила на войне России с Австро-Венгрией и Германией. Выдавая себя за единственных в польском обществе противников неославизма, ППС-«фракция» злобно, но верно относила неославистов к числу тех, кто «будет и дальше нести собачью службу в интересах царского правительства...» [151].

Ввиду неудачи неославистской политики и в связи с недовольством, которое вызывали его акции среди части эндеков, Дмовский счел за лучшее сложить с себя депутатские полномочия и выйти из состава Думы. Соответствующее его заявление было оглашено на заседании Думы 26 января 1909 г. [152] — незадолго до подготовлявшегося царским

[146] *В. Мякотин.* Теоретик польской национал-демократии. «Русское богатство», 1909, № 6, стр. 126.
[147] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 230.
[148] «Czerwony Sztandar», 2.IX 1908, N 159.
[149] «Пролетарий», 16 октября 1908 г.
[150] «Robotnik» (PPS-L), IV 1910.
[151] «Robotnik» (PPS-Fr), 20.III 1910.
[152] «Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты, 1909 г. Серия вторая», ч. II, стлб. 403.

правительством обсуждения в Государственной Думе вопроса о преобразовании городского управления в польских губерниях и тесно связанного с ним вопроса о Хелмщине.

Законопроект о преобразовании городского управления в губерниях Королевства Польского в иных вопросах шел дальше Городового положения 1892 г., действовавшего в России, предусматривая, в частности, более низкий имущественный и квартирный ценз для избирателей, а также допуская использование в некоторых, ограниченных, случаях польского языка. Главным в законопроекте были не эти маловажные уступки, о которых на разные голоса шумели как русские черносотенцы и октябристы, так и кадеты и польские буржуазные деятели, а разделение избирателей на три национальные курии: русскую, польскую и еврейскую. В русской курии 10 избирателей получали право посылать одного гласного, а число гласных от еврейской курии не могло превышать 20% общего числа гласных независимо от количества избирателей и их удельного веса среди лиц, получавших право голоса. Таким образом, особые привилегии для русских избирателей — в основном в эту категорию попадали проживавшие в городах русские чиновники — царское правительство сочетало с благоприятной для польских националистов дискриминацией еврейской буржуазии и верхушки еврейской интеллигенции, отвечавшей требованиям имущественного или квартирного ценза.

Удовлетворяя некоторые вожделения польских буржуазных националистов, царское правительство и право-октябристское большинство Государственной думы вступали с Польским колом в настоящую сделку: практически одновременно с подготовкой закона о городском управлении в польских губерниях разрабатывался закон о создании из частей Люблинской и Седлецкой губерний новой, Хелмской губернии и о причислении ее к Западному краю, т. е. об отделении Хелмщины от польских земель. Одобрив во имя своего национализма и враждебности к пролетариату антидемократические и антипольские стороны законопроекта о городском самоуправлении при прохождении его в Думе 23 и 28 ноября и 5 декабря 1911 г., Польское ко́ло тем самым морально поддержало царские замыслы в отношении Хелмщины. Эти замыслы официально мотивировались тем же принципом узаконения национальных привилегий, на этот раз лишь русского населения Хелмщины.

Законопроект о выделении Хелмщины был внесен в Думу в 1909 г. и на протяжении двух с лишним лет использовался и русскими, и польскими националистами для разжигания русско-польского антагонизма[153]. С решительным противодействием законопроекту выступали российские и польские революционные партии. Главное правление СДКПиЛ еще в мае 1909 г. решило опубликовать особый документ о Хелмщине. Получив проект документа, Ян Тышка 1 июня 1909 г. внес ряд поправок, направленных к тому, чтобы подчеркнуть экономико-культурную целостность всего Королевства Польского, изобличить политику эндеции и Польского ко́ла, облегчивших царизму осуществление его давнишних планов в отношении Хелмщины, указать, что лишь борьба против царизма, установление республики и получение Королевством Польским автономии могут привести к уничтожению национального гнета[154]. Исправленный и дополненный документ был принят Главным правлением в качестве резолюции и опубликован в ближайшем

[153] *А. Я. Аврех.* Столыпин и Третья дума. М., 1968, стр. 122.
[154] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 288, л. 9.

номере «Червоного штандара». Одновременно там же была опубликована редакционная статья, в которой подробно освещался хелмский вопрос и отстаивалась целостность Королевства Польского [155].

С энергичным возражением против включения законопроекта в планы работ Думы и ее комиссий выступила социал-демократическая фракция. Правда, в ней не было и не могло быть единства: 7 большевикам противостояло 11 меньшевиков. На заседаниях фракции происходили резкие столкновения. Во время обсуждения вопроса о городском самоуправлении в Королевстве Польском, например, докладчик-меньшевик склонял фракцию к одобрению правительственного законопроекта, но благодаря позиции депутатов-большевиков фракция на это не пошла [156]. Вопрос о Хелмщине обсуждался на заседании фракции 20 мая 1909 г.[157] Фракция добивалась полного снятия хелмского законопроекта с повестки дня. Как писал «Червоный штандар», именно социал-демократическая фракция, в составе которой нет ни одного поляка, тем не менее показала себя подлинной представительницей польского пролетариата,— в такой же мере, как и пролетариата русского, латышского, грузинского, армянского и т. д. Со стороны фракции раздался живой, полный силы протест, и предложение о снятии законопроекта могло собрать большинство голосов, так как его поддержали трудовики и — в целях спасения своей репутации — готовы были поддержать кадеты. Но, торопясь на выручку правительству, Польское ко́ло в кулуарах сговорилось с кадетами и вместе с ними, не говоря уже о правых партиях, голосовало против предложения о снятии вопроса с повестки дня. Этот акт национальной измены, как и история всей революции и контрреволюции, «укрепляют убеждение в том,— писал «Червоный штандар»,— что единственным подлинным защитником прав польской нации на свободное культурное развитие, не ограниченное и не искаженное диким религиозным гнетом Евлогиев Хелмских и национальным гнетом Скалонов, является объединенный польско-русский пролетариат вместе со своим авангардом — социал-демократической партией...» [158]. Решение о внеочередном рассмотрении Думой законопроекта об образовании Хелмской губернии было принято на заседании 23 ноября 1911 г.[159], тотчас после того, как началось обсуждение законопроекта о преобразовании управления городами в Королевстве Польском. За снятие вопроса с повестки дня голосовали лишь социал-демократы и трудовики. Коло высказалось за обсуждение.

Польская социал-демократия обнаруживала растущее умение сочетать классовую принципиальность с широтой политических позиций, способствующих превращению рабочего класса в руководящую силу общества. Так, когда в декабре 1907 г. состоялось насильственное преобразование в православную церковь закрытого ранее костела в селе Ополе Влодавского уезда Седлецкой губернии, это послужило предметом запроса, обращенного Польским колом к министру внутренних дел. Объяснения по запросу министерство представило Думе лишь 27 января 1910 г.[160] На заседании социал-демократической фракции, состояв-

[155] «Czerwony Sztandar», 19.VI 1909.
[156] *Н. М. Добротвор.* Рабочие депутаты в III Государственной думе. Горький, 1957, стр. 198.
[157] ЦПА ИМЛ, ф. 93, оп. 8, д. 4, л. 182 об.
[158] «Czerwony Sztandar», 19.VI 1909.
[159] «Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г.», ч. II, стлб. 2527.
[160] «Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г.», ч. II, стлб. 413—424.

шемся 30 января 1910 г., ликвидатор-меньшевик Т. О. Белоусов, в 1912 г. вообще дезертировавший из РСДРП и думской социал-демократической фракции [161], предложил не вмешиваться в обсуждение вопроса о закрытии костела, мотивируя это тем, что не ясно, «насколько страдает польский народ от таких фактов...» [162]. Остальные депутаты решительно не согласились с Белоусовым. Один из них предложил при обсуждении вопроса об опольском костеле выступить и против русских и против польских националистов, «протестовать против угнетения польского народа, в Г[осударственной] думе не представленного, и говорить от имени польского народа...» [163].

То, что думская фракция связала этот небольшой вопрос с задачей борьбы против самодержавия, вызвало полное одобрение Главного правления польской социал-демократии [164]. Польский социал-демократический еженедельник «Трыбуна» отметил, что «наиболее далеко в защите прав польской культуры и национальности идут не присяжные ее защитники из Польского кола, а крайние левые» [165]. Вопрос о костеле в Ополе подтвердил, писал «Червоный штандар», что лишь российские социал-демократы стоят в Думе на почве борьбы за польскую автономию, которой изменили польские буржуазные партии. «Нет ныне защитников польских национальных интересов вне лагеря социал-демократии, вне лагеря объединенного революционного польско-российского пролетариата»,— делала важный вывод газета СДКПиЛ [166].

Думская фракция РСДРП неизменно связывала борьбу против самодержавия с борьбой за интересы польского народа. Пролетариат видит своей задачей демократизацию всего государственного строя, говорил представитель социал-демократической фракции в Думе И. П. Покровский, имея в виду низвержение царизма. Логическим выводом демократизации, продолжал он, явится «автономия такой исторически сложившейся единицы, как Царство Польское с его своеобразными культурными и экономическими интересами». Польские националисты, продолжал Покровский, кичатся своей культурой; «мы, признавая высокую культуру польского народа, с несомненностью видим, что польские националисты не доросли до этой культуры..., они защищают не интересы края и польского народа, а свои групповые интересы, интересы дворянства и мелкой буржуазии» [167]. От имени российской и польской революционной демократии, примыкавшей к большевикам, социал-демократический депутат изобличал антипольскую политику царизма и польских господствующих классов, указывая с думской трибуны на общность интересов польских трудящихся и всей трудовой России.

Тотчас же за принятием закона о городском самоуправлении в польских губерниях и еще во время обсуждения хелмского вопроса царское правительство внесло в Думу в спешном порядке еще один законопроект — о выкупе казной с 1 января 1912 г. Варшавско-Венской железной дороги. Речь шла о ликвидации одного из крупнейших на польских землях предприятия, где в подавляющем большинстве работали и служили польские рабочие и специалисты, где основным языком делопроизводства и общения с пассажирами и грузоотправителями являлся польский

[161] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 190—195.
[162] ЦПА ИМЛ, ф. 93, оп. 8, д. 4, л. 236 об.
[163] Там же, л. 237.
[164] Там же, ф. 163, оп. 1, д. 347, лл. 4—6.
[165] «Trybuna». Tygodnik społeczny, polityczny i literacki. W., 2.IV 1910.
[166] «Czerwony Sztandar», 15.IV 1910.
[167] «Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г.», ч. II, стлб. 245—248.

язык, где получали ставки более высокие, чем на других дорогах империи. Правительственная инициатива задевала интересы акционеров и польского крупного капитала, особенно шахтовладельцев и владельцев металлургических предприятий.

Со смелой речью, направленной против законопроекта и против председателя совета министров В. Н. Коковцева, выступившего по этому вопросу, выступил в Думе депутат социал-демократ Покровский. Суть вопроса, указал он, состоит не в финансовых и других соображениях, а все в той же «воинственной националистической политике». Социал-демократия — сторонница перехода предприятий, особенно общественного пользования, из частных рук в собственность государства, так как в этом проявляется свойственная капитализму тенденция к централизации, что логически облегчает уничтожение системы капитализма и переход к социалистическому строю. Но в данном случае речь даже не о том, что государство, забирающее дорогу, является государством полицейским, а в тех специфических моментах, которые обходятся либералами в их выступлениях,— в наступлении на польские национальные интересы, в стремлении притеснить польских рабочих, заменить часть из них русскими рабочими, раздуть среди рабочих национальные противоречия. Протестуя против предложений правительства, российская социал-демократия, продолжал Покровский, действует не во имя интересов акционеров, «а во имя интересов польского пролетариата и польской демократии, польских служащих и рабочих». Заканчивая свою речь, Покровский сказал, что его точка зрения совпадает с мнением польских рабочих; это он подтвердил ссылкой на выходившую в Варшаве легальную газету «Наше дроги» (фактически газета являлась органом польской социал-демократии) [168].

К проявлениям польского национализма относились политические спекуляции, затеянные буржуазными и социал-националистическими кругами в связи с исполнявшимся в июле 1910 г. 500-летием со дня победы над крестоносцами под Грюнвальдом. Эта победа, писал А. Варский в статье «Грюнвальдские торжества», имела великое историческое значение. Но ею воспользовалась шляхта, которая тогда же добилась ряда привилегий, «записанных на теле польского народа». Теперь же польская буржуазия, используя великую годовщину как средство политической агитации, стремится трактовать Грюнвальд в неославистском плане против германизма. Националистической пропаганде, связанной с Грюнвальдской годовщиной, польская социал-демократия противопоставила интернационалистскую позицию. Она заявила: «Мы протягиваем братскую руку немецкому трудовому народу, смертельному врагу гакатизма*. Мы протягиваем братскую руку русскому трудовому народу, смертельному врагу панславистского полякоедства. И протягиваем братскую руку чешскому трудовому народу — смертельному врагу неославистского надувательства» [169].

Правые социалисты использовали 500-летие победы над Грюнвальдом для националистических выступлений. В Галиции эти выступления проводились совместно с буржуазными кругами и носили антирусский характер. С осуждением действий социалистов Галиции выступил легальный журнал «Ведза» [170]. Грюнвальдские празднества в Галиции, в

[168] «Nasze Drogi», 25.XI 1911; см. также: ЦПА ИМЛ, ф. 93, оп. 8, д. 3, л. 231.

* Гаката — обиходное наименование националистического антипольского Союза восточных провинций, основанного в Германии в 1894 г.

[169] «Nasze Drogi», 9.VII 1910.

[170] «Wiedza», 17.VII 1910.

которые национал-социалистам удалось втянуть рабочих, оказались направленными против лозунга классовой борьбы, против идей революционного социализма, писал «Червоный штандар» [171].

Упорной была дискуссия в связи с затянувшимся и потерявшим свой первоначальный характер бойкотом частью польской молодежи высших учебных заведений Королевства Польского. Начавшийся еще в 1905 г. бойкот был одной из форм революционно-освободительного движения. В условиях временной победы контрреволюции положение изменилось: сохранение бойкота закрывало значительной части польской молодежи доступ к образованию или вынуждало ее к поступлению во внутрироссийские учебные заведения или отъезду за границу. Тогда как ППС-«фракция» продолжала категорически настаивать на продолжении бойкота [172], социал-демократы, а затем и ППС-левица стали доказывать необходимость пересмотра позиции. По этому поводу в «Пшеглёнде социаль-демократычном» состоялась целая дискуссия. В. Штейн-Краевский (Г. Красовский) писал, что уход социалистической молодежи в заграничные университеты ослабляет революционные силы внутри страны. «Остаться на поле битвы, окружить атмосферой симпатии, помощи и поддержки геройский пролетариат, задушенный ярмом капитала,— в этом обязанность польской молодежи, если в ней есть еще настоящие революционные элементы, а не в том, чтобы, сидя в Берлине, Женеве и Париже, вести с царизмом словесную борьбу...» [173]

Полностью разделяя эту позицию журнала СДКПиЛ, большевистский «Пролетарий» поместил подробное изложение названной статьи [174]. Остроту вопросу о бойкоте придавало то, что царские власти решили осенью 1908 г. открыть бездействовавший с 1905 г. Варшавский университет. При этом власти установили особые правила приема в Варшавский университет: туда могли быть зачислены не только выпускники гимназий, но, в отличие от внутрироссийских университетов, и лица, закончившие семинарии. Справедливо отмечая, что власти видят в Варшавском университете еще один очаг русификации края, ППС-«фракция» призывала продолжить бойкот [175]. Из демагогических и спекулятивных соображений, проанализированных в легальном издании Г. Валецким [176], бойкотистскую позицию занимала и большая часть буржуазных националистов.

В открывшемся Варшавском университете из 728 студентов оказалось всего только 37 поляков [177]. Начало учебного года ознаменовалось рядом антистуденческих выступлений польской националистической молодежи, имели место случаи нападения на русских учащихся. Это дало повод генерал-губернатору Скалону закрыть в Варшаве 16 польских средних учебных заведений, занятия в которых были возобновлены после того, как эндеки, партия реальной политики и прогрессисты публично осудили нападения на русскую учащуюся молодежь [178]. Летом 1909 г. в Закопане состоялся съезд представителей польской учащейся молодежи. В своем большинстве он стоял на бойкотистских позициях [179]. К но-

[171] «Czerwony Sztandar», 12.VIII 1910.
[172] «Przedświt», 1908, N 7, str. 302.
[173] «Przegląd Socjaldemokratyczny», 1908, N 6, str. 557.
[174] «Пролетарий», 11 сентября 1908 г.
[175] «Robotnik». (PPS-Fr), 12.IX 1908.
[176] *H. Walecki.* Wybór pism, t. I. W., 1967, str. 348—353.
[177] «Wiedza», 1910, N 40.
[178] «Русское богатство», 1908, № 11, стр. 213—214.
[179] «Wiedza», 1909, N 33.

вому учебному году состав Варшавского университета мало изменился. Но изменилось настроение студенчества.

Если первый по возобновлении занятий учебный год прошел сравнительно спокойно, то уже год спустя царские власти смогли убедиться, что их затея оборачивается совсем не так, как предполагалось. Как писал позднее профессор Варшавского университета Г. В. Вульф, семинаристы, допущенные к университету «с несомненно обрусительными целями», не только «этих целей не оправдывали», но и устанавливали с польскими товарищами «самые лучшие отношения» [180].

Общественный подъем, наступивший в России в 1910 г., дал себя знать рядом демонстраций. Начались они в связи с похоронами председателя I Государственной думы известного либерала Муромцева, популярного и в польских либеральных кругах. Похоронами Муромцева, многочисленными выступлениями и всей процессией распоряжался, кстати сказать, Александр Ледницкий [181]. Московский присяжный поверенный, домовладелец, депутат I Думы, он был одним из немногих польских буржуазных деятелей, принадлежавших к левому крылу партии кадетов. Общественный отклик, который вызвала смерть Муромцева, «Червоный штандар» объяснил тем, что его имя разбудило воспоминания о 1905—1906 гг. [182] Широкое общественное возбуждение вызвала последовавшая 7 ноября 1910 г. смерть Л. Н. Толстого, художника и мыслителя, по-своему отразившего, как писал Ленин, «мировое значение русской революции» [183]. 5 января 1911 г. В. И. Ленин [184] и Г. В. Плеханов, возмущенные тем, что «лицемеры и жулики» постарались в своих интересах использовать смерть Толстого, вместе выступили в Париже с рефератами о великом писателе. Среди пришедших на эти выступления были и польские эмигранты. Один из них, член ППС-левицы, Ежи Якубовский, позднее вспоминал, что сидел он рядом с Н. К. Крупской, внимательно присматривался к Ленину и «впитывал в себя, что говорил он о литературе (а речь шла не только о Толстом, но и о Достоевском.— *А. М.*), и еще больше поражался его огромной эрудиции» [185].

Смерть Толстого, страстного обличителя существовавшего строя, дала толчок разного рода политическим выступлениям и значительным студенческим волнениям. Через несколько дней после того, как в январе 1911 г. забастовали студенты Петербургского университета, неожиданно начали забастовку студенты Варшавского университета — ее готовили студенческие социал-демократические, эсеровские и другие группы. На состоявшемся студенческом митинге (в нем участвовало более 600 человек) была принята резолюция, содержащая, помимо обычных, академических, ряд требований, говоривших о высоком политическом сознании студентов и понимании ими коренных интересов польского народа. Студенты требовали открытия в Варшаве польского университета, уничтожения процентной нормы при приеме еврейской молодежи, допущения семинаристов не только в Варшавский университет, но и во все высшие учебные заведения империи и т. д. [186] «В настоящее время варшавское студенчество,— говорилось в резолюции, принятой на студенческом митинге,— принимая участие в борьбе за граждан-

[180] «Голос минувшего», 1915, № 2, стр. 192.
[181] *А. А. Кизеветтер.* На рубеже двух столетий. Прага, 1929, стр. 511.
[182] «Czerwony Sztandar», w lutym 1911.
[183] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 19.
[184] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 319.
[185] *J. Jakubowski.* Trzy spotkania. «Polacy o Leninie», str. 84.
[186] «Dziennik Petersburski», 1.II 1911.

ские свободы, не может быть орудием притеснения польской нации. Оно признает ее право на самую широкую автономию. Поэтому оно требует польских высших учебных заведений в Царстве Польском... Русские учебные заведения в Царстве Польском,— отмечалось в резолюции,— служат не науке, а русскому самодержавию»[187]. Студентов Варшавского университета поддержали студенты местного Политехнического института[188], а затем и слушательницы Варшавских высших женских курсов. Студенческие выступления в Варшаве продолжались в течение почти всего февраля 1911 г.[189]

Царские власти применили к студентам суровые репрессии — свыше 100 человек было арестовано и сослано, свыше 100— исключено из университета без права поступления в другие учебные заведения.

Выступление студентов Варшавы показало, что симпатии русской прогрессивной молодежи всецело на стороне притесненного польского народа. Широко описывая эти события, «Червоный штандар» подчеркнул, что они должны послужить толчком для пересмотра взглядов некоторых групп на прогрессивную молодежь, и в то же время отметил, что студенческие выступления не могут принести успеха, если они не связаны с выступлениями рабочего класса[190]. Несомненно, что выступление русского студенчества Варшавы, вдохновленное общим духом демократического и революционного движения в России, явилось определенным вкладом в развитие русско-польского революционного сотрудничества и в борьбу против русского и польского национализма.

7. Пропаганда идеи сотрудничества и ее осуществление в легальной революционной печати

Одним из проявлений русско-польского революционного союза явилась систематическая информация на страницах печати российских социал-демократов о выходе в свет и содержании органов печати братской польской социал-демократии и, наоборот, публикации в польской печати информации о русских революционных изданиях. «Червоный штандар», например, весьма подробно изложил содержание первого номера ЦО РСДРП — газеты «Социал-Демократ»[191], а через некоторое время поместил обстоятельный обзор положения в Петербургской, Московской и некоторых других организациях РСДРП, сделанный на основе материалов большевистской газеты «Пролетарий»[192]. К материалам «Пролетария» и «Социал-Демократа» «Червоный штандар» обращался более или менее систематически[193]. В своих письмах к Я. Тышке Р. Люксембург не раз извещала адресата о получении «Пролетария» и «Социал-Демократа» и об использовании их материалов в текущей работе[194].

В свою очередь «Пролетарий» оповещал своих читателей о выходе почти каждого номера «Червоного штандара» и его содержании.

[187] «Czerwony Sztandar», w kwietniu 1911.
[188] «Dziennik Petersburski», 2.II 1911.
[189] «Варшавский дневник», 1 февраля, 3 февраля, 6 февраля, 9 февраля, 11 февраля 1911 г. и др.
[190] «Czerwony Sztandar», w kwietniu 1911.
[191] «Czerwony Sztandar», 25.IX 1908.
[192] Там же, 5.XI 1908.
[193] Там же, 12.XII 1908; 8.II 1909; 17.III 1909 и т. д.
[194] *R. Luksemburg*. Listy do Leona Jogichesa-Tyszki, t. III. W., 1971, str. 7, 83, 95 и др.

В марте 1908 г. в «Пролетарии» было помещено подробное изложение незадолго до того опубликованной в «Червоном штандаре» статьи о деятельности социал-демократической фракции в III Государственной думе[195]. Несмотря на многочисленные ошибки, проистекавшие в значительной мере от преобладания меньшевиков во фракции, и их стремления, закрепленного постановлением об отношении к ЦК РСДРП, принятым 22 ноября 1907 г.[196], рассматривать себя как автономную группу, лишь прислушивающуюся к голосу партии, но в каждом конкретном случае думской работы самостоятельно решающую вопросы[197], фракция немало сделала для защиты интересов польских трудящихся и для упрочения польско-русского революционного союза. Поэтому в отчете о своей деятельности фракция имела все основания записать, что хотя в ее составе «к сожалению... нет избранников от польского пролетариата», она «смотрит на себя как на представительницу всех трудящихся без различия рас, религий и национальностей» и «считает себя также представительницей польского рабочего класса, не имеющего представителей и защитников в Думе. И обе польские социалистические партии (П.С.-Д. и П.П.С.) также признали с.-д. фракцию представительницей польского пролетариата»[198].

В дополнение к думской трибуне ценой больших усилий рабочий класс сумел создать и некоторые новые «открытые трибуны» в виде легальных журналов. Легально выходивший в течение всех лет реакции журнал «Ведза», выражавший взгляды ППС-левицы, старался избегать сюжетов, могущих вызвать санкции цензуры. Журналу помогало и то, что издавался он вне пределов Королевства Польского — в Вильно; редакция же журнала фактически находилась в Варшаве. Когда в 1910 г. журнал стал затрагивать острые вопросы современности, власти закрыли его. На смену «Ведзе» последовательно пришли «Ведза Сполэчна», «Ведза и Жиче», «Нове Жиче», «Святло», «Жиче Вспулчесне» и выходившая с начала 1913 г. и до развязывания первой мировой войны «Кузня»[199]. С конца 1906 г. неизменным редактором всех этих изданий был незадолго до того вернувшийся в Варшаву после 22 лет тюремного заключения, каторги и ссылки Тадеуш Рехневский[200]. Все эти издания практически обходили молчанием борьбу рабочего класса России, самое существование российской социал-демократии. В этом проявлялась не столько общая линия ППС-левицы, сколько взгляды редактора журнала[201]. Заявляя, что польский пролетариат «в своей борьбе за новые формы жизни имеет мощного союзника в пролетариате всего российского государства»[202], Рехневский очень редко публиковал материалы о борьбе рабочего класса России[203].

Позиции польской социал-демократии отражал еженедельник «Трыбуна», первый номер которого вышел в апреле 1910 г. в Варшаве. Вскоре он оказался вынужденным сменить свое название на «Млот», затем на «Вольна Трыбуна», «Наша Справа», «Вольный Глос», «Праца», «На-

[195] «Czerwony Sztandar», 25.II 1908; «Пролетарий», 5.III 1908 г.
[196] ЦПА ИМЛ, ф. 93, оп. 8, д. 4, л. 2 об.
[197] Там же.
[198] Там же, д. 3, л. 226.
[199] *J. Czachowska, A. Czachowski.* Wiedza — Nowe Życie — Swiatło — Kuźnia. 1906—1914. Bibliografia zawartości. Wr., 1958.
[200] *B. Szapiro (Besem).* Tadeusz Rechniewski (1862—1916). W., 1957, str. 117—185.
[201] *H. Walecki.* Указ. соч., стр. 356—360.
[202] «Wiedza», 1907, N 1.
[203] «Wiedza», 1907, N 25 и др.

ше Дроги» — и это лишь за два года; в конце 1911 г. «Трыбуна» была окончательно закрыта. Официальные редакторы этого издания менялись, фактическим же редактором еженедельника являлся продолжавший проживать в Берлине Ян Тышка [204]; почти в каждом номере издания печатались статьи А. Варского. Весьма активно в нем участвовал Ю. Мархлевский. Внимание «Трыбуне» неизменно оказывало все Главное правление СДКПиЛ. В создании еженедельника, изыскании для него средств принимала участие Р. Люксембург; она внимательно читала каждый выпуск издания, указывала на его недостатки и удачи [205], сотрудничала в нем [206], советовала привлечь к участию в еженедельнике М. Горького [207]. «„Трыбуна" превосходна. Не понимаю, благодаря какому чуду ее не закрывают... Прилагаю усилия, чтобы достать деньги для «Трыбуны», несколько сот марок во всяком случае достану»,— писала как-то Люксембург. «„Трыбуна" отлична, передовые статьи превосходны»,— писала она в другой раз [208].

Действительно, «Трыбуна» велась очень умело, постоянно реагировала на все актуальные проблемы. Несмотря на скованность цензурой, она систематически отстаивала классовые и интернационалистские позиции. Почти в каждом номере помещались краткие сообщения из Петербурга, Москвы, из Смоленска, Севастополя, Воронежа и других городов России. Рассказывая о конфискациях газет, об аресте деятелей рабочего движения, о судебных процессах, еженедельник в косвенной форме давал понять польскому читателю, что рабочий класс всей России борется, собирает силы, расшатывает режим реакции и устои самодержавия. Когда орган крупной российской буржуазии журнал «Промышленность и торговля» опубликовал данные о стачечном движении в России, «Трыбуна» откликнулась подробной статьей, в которой прослеживалась динамика развития стачечного движения. В ней отмечалось, что стачки носили наиболее упорный характер на тех предприятиях, где было больше рабочих, причем выделялась особая роль пролетариата Петербургской, Московской, Лифляндской, Владимирской, Варшавской, Петроковской, Гродненской и Херсонской губерний [209]. Следует заметить, что те же данные, которые были использованы в «Трыбуне», послужили основой большой работы В. И. Ленина «О статистике стачек в России» [210].

«Трыбуна» помогала рабочим Королевства Польского видеть себя составной частью огромной армии пролетариата всей России. Этому способствовали статьи А. Варского, М. Броньского и других публицистов, в которых читателю разъяснялись некоторые особенности развития современного капитализма, раскрывалась общность классовых интересов русского империализма и польской буржуазии. Ю. Мархлев-

[204] *Z. Kormanowa.* Materiały do bibliografii druków socjalistycznych na ziemiach polskich w latach 1866—1918. W., 1949, str. 82.

[205] *R. Luksemburg.* Listy do Leona Jogichesa-Tyszki, t. III, str. 95, 100, 114 и др.

[206] Там же, стр. 118—119. Установлено, что в «Млоте» было опубликовано 3 статьи Р. Люксембург, в «Вольном глосе» — 4.

[207] Там же, стр. 136.

[208] Там же, стр. 137, 154.

[209] «Trybuna», 11.VI 1910. Совершенно иную линию продолжала навязывать пролетариату ППС-«фракция». Появившийся после годичного перерыва орган Варшавского рабочего комитета ППС-«фракции»—издание нелегальное, а потому имевшее возможность свободно говорить с читателем,—в противоположность всему тону «Трыбуны» прямо призывал противодействовать «бессмысленной стачкомании» («Na barykady», sierpień 1910).

[210] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 377—406.

ский указывал на возрастающую роль синдикатов в польской промышленности и их всероссийские, а не ограниченные лишь пределами польских губерний, интересы [211]. Анализ экономики дополнялся соответствующими политическими выводами, позволявшими читателю «Трыбуны» убеждаться, что если раньше Польшу продавала шляхта, то теперь, как писал А. Варский в статье «Капиталистическая продажа Польши», это делает и буржуазия, поддерживая ассигнования на увеличение царской армии, все теснее объединяясь с русскими капиталистами и заменяя требование Польши «от моря и до моря» антинациональной процаристской политикой [212].

«Трыбуна» была ограничена в возможностях публиковать сведения о нараставшем революционном движении. Более свободно она могла использовать свои полосы для постоянной борьбы против буржуазного национализма, для разоблачений антинародной политики Польского кóла и эндеции. Воспитывая рабочих читателей в духе подлинного интернационализма, еженедельник стоял на почве русско-польского революционного сотрудничества, сплочения всех пролетарских сил России. Журнал часто обращался к освещению колонизаторской политики царизма в отношении Финляндии [213], колонизаторской политики прусского юнкерства на западных польских землях [214], вел упорную борьбу против разжигавшегося эндеками антисемитизма и шовинизма. Когда эндеки убедились, что небольшой социал-демократический еженедельник существенно подрывает их влияние в рабочей среде, они стали во всех своих органах печати травить «Трыбуну» и ее преемниц, обвиняя эти издания в «отсутствии патриотизма» и других подобных «грехах». Однако позиции еженедельника получили поддержку у выдающихся деятелей международного рабочего движения. После поездки Ю. Мархлевского на несколько дней в Париж [215], в «Млоте» появилось открытое письмо Ж. Жореса, разоблачавшее псевдопатриотизм польской буржуазии, свойственные ей антисемитизм и ненависть к социализму [216]. Вслед за ним на страницах еженедельника польской социал-демократии выступили А. Бебель и Ф. Меринг [217].

Легальный орган польской социал-демократии приобрел известность среди российских социал-демократов. Об этом говорят некоторые письма, полученные Р. Люксембург и Я. Тышкой [218]. С предложением статей о рабочем законодательстве в III Государственной думе и в бюджетных выступлениях социал-демократических депутатов обращался в «Трыбуну» Н. А. Семашко [219]. Возможно, что именно ему принадлежит статья о рабочем законодательстве, опубликованная через несколько месяцев после написания письма [220].

Хотя СДКПиЛ все еще была далека от ленинской постановки крестьянского вопроса, крестьянская тематика и самое крестьянское движение входили в круг постоянных интересов «Трыбуны» и ее преемниц. Так, в большой статье Г. Штейна-Каменьского «Одиссея польского кре-

[211] «Wolna Trybuna», 28.I 1911.
[212] «Trybuna», 16.IV 1910.
[213] Там же, 9.IV 1910; 7.V 1910.
[214] «Nasza Sprawa», 1.IV 1911; «Wolny Głos», 28.IV 1911 и др.
[215] ЦПА ИМЛ, ф. 210, оп. 1, д. 245.
[216] «Młot», 22.X 1910.
[217] «Młot», 3.XI 1910; 12.XI 1910.
[218] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 349, лл. 1—30.
[219] Там же, л. 45.
[220] «Nasza Sprawa», 11.II 1911.

стьянства» предметом рассмотрения является не только поэма Марии Конопницкой «Пан Бальцер в Бразилии» — «творение великого таланта и великого сердца», но и судьбы польского крестьянства, толкающие бедноту из деревни в большой и чуждый ей мир [221].

Возраставшее внимание к крестьянству определялось в немалой степени тем, что постепенно, но неизменно радикализировались крестьянские организации, в первую очередь связанные с «Заране». Одноименный еженедельник, издававшийся группой крестьянских демократов во главе с Максимилианом Малиновским, все систематичнее и резче выступал против Польского ко́ла, против эндеции и ее политики в отношении крестьянства [222]. Поэтому, когда буржуазная печать начала кампанию против «Заране», А. Варский в статье «Борьба за крестьянство» выступил в защиту радикальной крестьянской группировки «Заране» [223]. В свою очередь «Заране», возможно под влиянием польской и российской социал-демократии, а также левого крыла думских трудовиков, начало интересоваться положением сельскохозяйственных рабочих [224].

Положению крестьянства, его интересам и нуждам, бедствиям трудовой деревенской эмиграции уделяли внимание Ю. Мархлевский и А. Варский [225]. Сам растущий интерес к борьбе крестьянства, к людовскому движению, хотя и не сопровождавшийся установлением с ним каких-либо форм активного сотрудничества, свидетельствовал о том, что польская социал-демократия, следуя примеру большевиков, практически обращалась к вопросам рабоче-крестьянского сотрудничества.

Не менее показательно то, что легальная печать СДКПиЛ ставит не только общие вопросы борьбы против национального гнета, но и старается раскрыть значение прогрессивных явлений в культурной жизни страны, решительно поддерживает передовую интеллигенцию, рассматривая ее деятельность в плане широких народных интересов и особой заинтересованности пролетариата в развитии демократической культуры и ее сближении с культурой народов России. Критикуя Б. Пруса за наметившийся в его творчестве переход на антидемократические позиции [226], легальная марксистская газета как бы противопоставляла ему Владислава Реймонта, отмечая, что его книга о Хелмщине пропитана народными кровью и слезами [227]. Статьи о С. Жеромском, К. Тетмайере, В. Оркане и ряде других польских писателей [228], хотя и содержавшие нередко весьма спорные оценки, публикация перевода рассказа «Цифра» близкого в ту пору к большевикам русского писателя Гусева-Оренбургского [229], резкая критика направленных против революции 1905 г. повести К. Здзеховского «Луна» и повести «Вихри» Г. Сенкевича, статьи о выдающемся значении творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Куприна и др. [230] говорили о стремлении польских социал-демократов оказывать идейное воздействие на отечественную культуру. При этом

[221] «Młot», 29.X 1910.
[222] «Zaranie», 6.VIII 1908; 8.X 1908; 21.I 1909; 11.II 1909.
[223] «Młot», 29.X 1910.
[224] «Zaranie», 6.X 1910; 26.I 1911; 4.X?? 1911; 21.XII 1911.
[225] «Trybuna», 18.IV 1910; «Nasza Sprawa», 18.II 1911; 11.III 1911; «Wolny Głos», 17.IV 1911.
[226] «Nasza Sprawa», 18.II 1911.
[227] «Trybuna», 11.VI 1910.
[228] «Trybuna», 7.V 1910; 21.V 1910 и др.
[229] «Wolny Głos», 22.IV 1911.
[230] «Młot», 16.VIII 1910; 3.IX 1910; 17.IX 1910; «Trybuna», 21.V 1910 и др.

зачастую раскрывались внутренние связи деятелей польской литературы с близкими им по духу деятелями русской литературы. В поэтическом творчестве М. Конопницкой отмечалась, например, некоторая общность с позициями таких русских писателей, как Д. Григорович, Н. Златовратский, Г. Успенский [231].

Естественно, что марксистский еженедельник откликнулся большой статьей на смерть Л. Н. Толстого. Ее автор — Г. Штейн-Каменьский, воздавая должное великому писателю и мыслителю, отмечая его стремление к правде и справедливости, приходил в конечном счете к выводу, что пролетариату «Толстой со своей идеологией не оставил ничего» [232]. Эта оценка, решительно расходящаяся с ленинским отношением к творчеству Толстого, отражала личные взгляды Каменьского. Подтверждением тому может служить опубликованная к 80-летию Толстого статья Р. Люксембург [233], которая в решающих вопросах близка к оценкам Ленина.

Среди легальных изданий польской социал-демократии рассматриваемого периода особого внимания заслуживает непериодический журнал «Наше Жиче». Два номера этого журнала вышли в свет в октябре и декабре 1910 г. в Петербурге. Издателем журнала значился В. Хеншель, который входил в возглавляемую З. Фаберкевичем группу социал-демократической молодежи в Петербурге [234]. В первом номере журнала сообщалось, что он будет посвящен делам польской молодежи, обучающейся в империи, и имеет целью ликвидировать «китайскую стену» предрассудков, которая воздвигается вокруг поляков, проживающих во внутренних губерниях России, и приводит к созданию особых «польских колоний» [235]. Высказываясь за сплочение польской молодежи с остальной молодежью России, журнал доказывал необходимость отказа от бойкота высшей школы, который становился неоправданным и вредным делом.

«Наше Жиче» в первом же номере отмечало, что в Королевстве Польском, отстающем в развитии крупной промышленности от России, мелкобуржуазный уклад экономики способствовал тому, что национализм заразил и часть польских социалистов. Во втором номере, в статье «Революционный сепаратизм» журнал опровергал утверждения польских национальных социалистов о том, что Королевство Польское — высший организм по сравнению с Россией, что польский пролетариат обладает якобы особой революционностью. В других статьях журнал выступал против буржуазного национализма, писал о движении студенческой молодежи России, которая на толстовское «не могу молчать» отозвалась мощным «не можем молчать...» [236].

Из легальных изданий СДКПиЛ и ППС-левицы тогдашний польский читатель знал, что в Петербурге, Москве, Екатеринославе, Благовещенске, Одессе, Баку и некоторых других городах выходит 17 изданий профессиональных союзов, что рабочий класс России создал ряд общеполитических органов, в которых все вопросы освещаются «в последовательно классовом духе, в духе пролетарского мировоззрения, краеугольным

[231] «Trybuna», 30.IV 1910.
[232] «Młot», 26.XI 1910.
[233] *R. Luksemburg.* Pogrobowiec utopijnego socjalizmu. «Przegląd Socjalistyczny», 1908, № 7, а также: *Р. Люксембург.* О литературе. М., 1961, стр. 94—118.
[234] *I. Spustek.* Polacy w Piotrogrodzie. 1914—1917. W., 1966, str, 100.
[235] «Nasze Życie», 15.X 1910, str. 1—2.
[236] «Nasze Życie», 10.XI 1910.

камнем которого является марксизм»[237]. В числе общеполитических органов, легально выходящих в России, польская печать раньше других называла газету «Звезда» и журнал «Мысль», фактически являвшиеся большевистскими изданиями.

Среди лиц, принимавших участие в журнале «Мысль», выходившем в декабре 1910 г.— апреле 1911 г. в Москве, значилось имя Р. Люксембург. Видимо, по поручению редакции журнала она пыталась получить для «Мысли» статью К. Каутского[238]. В «Мысли» была опубликована вышеназванная статья В. И. Ленина «О статистике стачек в России», в которой особо отмечалось, что в 1905—1908 гг. Варшавский фабрично-заводской округ занимал одно из первых мест в Российской империи по размаху стачечного движения[239]. О том, что большое место в «забастовочном движении осенних месяцев занимает Польша», сообщал журнал в обзоре общественно-экономической жизни за 1910 г., помещенном в первом его номере; сведения о стачечном движении на польских землях содержались и в № 3 журнала[240]. В статье З. Ледера «Современный антисемитизм в Польше», направленной против народовых и христианских демократов, а также против так называемых прогрессистов, «Мысль» изобличала ухищрения буржуазной реакции, старавшейся раздуть национальную вражду в целях борьбы против социалистических идей. В статье подчеркивалось также, что как журнал ППС-«фракции» «Пшедсвит», так и газета галицийской социал-демократии «Напшуд» совершенно необоснованно опускаются даже до утверждений о неизбежности и необходимости «прогрессивного антисемитизма»[241].

Выходившая в Петербурге легальная большевистская газета «Звезда» систематически обращалась к польским делам. Умело используя допускавшееся по закону право публикации стенографических записей выступлений в Государственной Думе, газета помещала выдержки из выступлений правых националистов и других сторонников русификаторской политики царизма, противопоставляя им полные тексты выступлений социал-демократических депутатов, разоблачавших фальшивый патриотизм Польского кóла и лицемерие кадетов[242]. На страницах «Звезды» было изложено обращение 1700 рабочих Варшавы и Лодзи к думской социал-демократической фракции, в котором выражалась отрицательная оценка антипролетарской куриальной системы построения вновь учреждаемых органов городского самоуправления в польских губерниях; публиковались также материалы об обращении к фракции представителей рабочих 55 предприятий различных профессий из Лодзи в защиту репрессированных царизмом социал-демократических депутатов II Государственной Думы, о резолюции собрания делегатов рабочих в Пабьяницах[243] и других подобных же заявлениях, резолюциях, письмах. «Только солидарностью рабочих всех национальностей разрешится национальный вопрос в России»,— заявляли в своей телеграмме «Звезде» лодзинские рабочие[244]. Все это красноречиво говорило о том, что польский пролетариат справедливо видел в российской социал-демократии и свою представительницу.

[237] «Wolny Głos», 1.VII 1911.
[238] *R. Luksemburg.* Listy do Leona Jogichesa-Tyszki, t. III, str. 203.
[239] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 385.
[240] «Мысль», 1910, № 1, стр. 87—89; там же, 1911, № 3, стр. 92.
[241] «Мысль», 1911, № 5, стр. 28—36.
[242] «Звезда», 26 ноября, 30 ноября 1911 г. и др.
[243] «Звезда», 6 января 1911 г.; 31 декабря 1911 г.
[244] «Звезда», 29 января 1912 г.

На страницах «Звезды» нашлось место и для сообщения о закрытии властями профсоюзного объединения «Едность», о локауте, жертвами которого в феврале 1911 г. стали фармацевты Лодзи, о выступлении варшавских студентов[245], крупных студенческих волнениях в Кракове, направленных против клерикализации Ягеллонского университета. В связи с краковскими событиями «Звезда» писала, что история «отняла у польской шляхты, давшей в свое время миру Мицкевичей, Коперников и Костюшек, знамя культуры и прогресса и вручила его польскому пролетариату. Знамя — в надежных руках»[246].

«Звезда» откликнулась на смерть одного из ветеранов польского революционного движения, видной деятельницы СДКПиЛ Ванды Цезарины Войнаровской. В некрологе говорилось, что она была «одной из мужественнейших между идейно-воодушевленными женщинами, которые собрались в Польше под красное знамя социализма...»[247]. В. И. Ленин провожал Войнаровскую в последний путь на кладбище Пер-Лашез в Париже. Выступление вождя явилось свидетельством уважения большевиков к деятельности Войнаровской — участницы «Пролетариата», сотрудницы группы «Освобождение труда», активной деятельницы польской социал-демократии и французского социалистического движения, многолетнего члена МСБ, лектора курсов социальных наук в Париже, на которых преподавал и Ленин[248].

В одном из своих первых номеров «Звезда» поместила объявление о том, что в Варшаве при ближайшем участии А. Варского, Л. Кшивицкого и Ю. Мархлевского выходит еженедельник «Вольна Трыбуна», редактором-издателем которого является Тадеуш Радваньский[249]. Националистические и клерикальные элементы, писала «Звезда» несколько позже, с ожесточенной злобой набросились на пролетарский орган, «не останавливаясь даже перед прямым доносом; эти усилия не пропали даром, администрация начала бороться против рабочего органа своими средствами. В течение одного года были приостановлены один за другим еженедельники «Mlot», «Wolny Głos», «Trybuna», «Nasza Sprawa», «Praca». Редкий номер этих еженедельников не удостаивается внимания администрации в форме штрафа или конфискации». Газета отмечала также, что сотрудники и распространители этих легальных еженедельников часто подвергаются арестам[250].

Статья о польской легальной марксистской печати, выходившей в Варшаве, была подписана «Владислав». Под этой же подписью в «Звезде» вскоре появилась новая статья, рассказывавшая об оживлении польского рабочего движения, о том, что усилия по созданию ставших остро необходимыми профсоюзов кончаются безуспешно, тогда как организации предпринимателей не встречают преград со стороны царских властей[251]. Об антирабочей политике польской буржуазии писал в «Звезде» З. Фаберкевич под своим постоянным псевдонимом «Т. Гневич»[252]. Таким образом, легальная газета большевиков не только уделяла место польским делам, но и имела корреспондентов из числа деятелей польской социал-демократии.

[245] «Звезда», 30 декабря 1910 г., 2 апреля, 29 января 1911 г. и др.
[246] «Звезда», 21 февраля 1911 г.
[247] «Звезда», 23 апреля 1911 г.
[248] ЦПА ИМЛ, ф. 18, оп. 39, д. 36044; *Z. Kormanowa.* Włodzimierz Lenin na pogrzebie Cezaryny Wojnarowskiej. «Z Pola Walki», 1966, N 2 (34), str. 208—209.
[249] «Звезда», 19 февраля 1911 г.
[250] «Звезда», 29 ноября 1911 г.
[251] «Звезда», 22 декабря 1911 г.
[252] «Звезда», 15 января 1912 г.

Вопросы польского рабочего движения освещала и местная большевистская печать. Например, газета «Наш путь», несколько номеров которой вышло в свет в Москве в 1910 г., уже в первом своем номере поместила подробную заметку о «польских» профессиональных союзах, которые эндеция стремилась насадить в противовес профессиональным союзам, стоявшим на классовых позициях. Из «польских» союзов газета особо выделяла лодзинскую «Едность», насчитывавшую даже в условиях реакции до 10 тыс. членов. Закрытие «Едности» властями газета связывала с тем, что, как и некоторые другие «польские» профессиональные союзы, она стала освобождаться от влияния национал-демократов и пошла «по направлению развития рабочей самодеятельности»[253]. В другой раз газета писала о закрытии в Варшаве союза печатников и наборщиков, насчитывавшего 500 членов и имевшего отделения в других городах, о высылке из пределов Королевства Польского всего состава правления профессионального союза каменщиков[254]; о закрытии 8 профессиональных союзов в Радоме, ряда профессиональных союзов и певческого общества «Эхо» в Лодзи[255]. В весьма обстоятельном, занявшем почти два столбца «Письме из Польши», газета писала о наступившем в 1909 г. экономическом оживлении, охватившем важнейшие отрасли экономики польских губерний, о том, что и рабочие, пережившие такую же, как у русских рабочих, полосу поражений, приходят в движение, все чаще прибегая к стачкам, вызывающим бешенство предпринимателей и буржуазной печати[256].

Идеи русско-польского сотрудничества, наиболее полно отстаивавшиеся революционной печатью, в той или иной степени находили отражение во многих областях русской и польской общественно-культурной жизни. В русских общественно-политических и литературных журналах даже в годы реакции неизменно печатались переводы новых произведений Б. Пруса, А. Струга, М. Конопницкой, К. Тетмайера и других видных польских прозаиков и поэтов[257]. Появление в русском переводе многотомного собрания сочинений В. Реймонта, включавшего в себя крупные романы писателя «Мужики», «Земля обетованная», знакомило русскую читающую публику с глубиной социальных противоречий, порожденных капиталистическим развитием польских деревни и города[258]. Особое значение имел последовавший непосредственно за выходом на языке оригинала русский перевод книги Реймонта о Хелмщине, названной им «Красным Подляшьем». Переводчик и автор предисловия профессор А. Л. Погодин писал о ней: «Это книга скорби, безмерного гнева, жгучего презрения»[259]. Все эти чувства, обращенные против царизма и его русских и польских прислужников, разделялись передовыми общественными кругами России.

Русская марксистская мысль, несмотря на весьма ограниченные возможности, откликалась на многие явления польской культурной и общественной жизни. В связи с 40-летием публицистической деятельности Александра Свентоховского со статьей в «Одесском обозрении» выступил выдающийся соратник В. И. Ленина — В. В. Воровский. Он

[253] «Наш путь», 30 мая 1910 г.
[254] «Наш путь», 22 августа 1910 г.
[255] «Наш путь», 28 ноября 1910 г.
[256] «Наш путь», 9 января 1911 г.
[257] См., например, «Русское богатство», 1909 г., № 1, 3, 4 и др.; «Наша газета», 7 января 1909 г. и др.
[258] *В. Реймонт.* Собр. соч., т. 1—12. М., 1911—1912.
[259] *В. Реймонт.* Из Хелмского края. Впечатления и заметки. СПб., 1910, стр. 3.

лисал о Свентоховском не только как об одном из наиболее известных представителей позитивизма в философии и пропагандисте «органического труда» в буржуазной практике, но и как о человеке, сохранившем моральную и интеллектуальную независимость, позволяющую ему — идеологу определенного класса — «выделять и защищать лишь те интересы этого класса, которые имеют широкое социальное значение...» [260]. Политической широтой взглядов и глубиной оценок выделялись и другие выступления В. В. Воровского в «Одесском обозрении». Разоблачая в одной из статей реакционный национализм Струве, насыщенный грубостью, человеконенавистничеством, преклонением перед богатством и властью, и противопоставляя ему призыв к борьбе за подъем материального и духовного уровня масс, Воровский сослался на стремление А. Мицкевича способствовать росту культуры родного народа. Высоко оценивая это стремление и приведя слова Мицкевича о том, что он хочет поднять свой народ, сделать счастливым, удивить им весь мир, Воровский заявлял: «Каждый из нас протянул бы такому националисту руку» [261].

Марксистская мысль в России горячо отозвалась на столетие со дня рождения Ф. Шопена. А. В. Луначарский выступил со статьей о гениальном человеке, создавшем своей музыкой «воплощенную поэзию чуткости, грусти, патриотизма, нежности, бескорыстной любви...». В Шопене Луначарский видел «самое утонченное, самое искреннее, а поэтому самое захватывающее выражение музыкального романтизма», возросшего «от питающей груди массового народного творчества». В «Революционном этюде», которым Шопен ответил на падение Варшавы в 1831 г., и во всем его последующем творчестве «слышатся народные песни». Многие, продолжал Луначарский, «бесконечно далеки от того, чтобы сознавать в себе присутствие Шопена»; и тем не менее «он тут, как тут, он неслышно напевает в глубине нашего горя и нашей радости, он живет в ритмах нервной системы человечества...» [262].

Прогрессивная русская печать с горечью отметила, что из-за противодействия царских властей в Варшаве лишь весьма скромно смогли отметить в марте 1909 г. 60-летие со дня смерти Ю. Словацкого [263]. Еще до этого «Наша газета» сообщала, что пьеса Словацкого «Новая Деянира» вошла в число гастрольных спектаклей, привезенных в Петербург театральной труппой из Лодзи, возглавлявшейся Александром Зельверовичем. Эти гастроли привлекли к себе особое внимание и потому, что обычно столицу посещала лишь польская оперетта, и потому, что сам гастрольный репертуар, открывавшийся «Свадьбой» С. Выспяньского, был, по справедливому мнению газетного рецензента, составлен «обдуманно и цельно» [264]. Через несколько месяцев, откликаясь на столетие со дня рождения Словацкого, «Одесское обозрение» подчеркивало, что его драма «Кордиан» все еще находится под запретом в России и Пруссии [265].

Сочувствие польскому народу со стороны прогрессивных сил России очень тонко и глубоко отразил Александр Блок, который в связи со

[260] «Одесское обозрение», 10 октября 1908 г.; см. также: *В. В. Воровский.* Сочинения, т. II. Л., 1931.
[261] «Одесское обозрение», 17 марта 1909 г.
[262] *А. В. Луначарский.* Культурное значение музыки Шопена. «Наша заря», 1910, № 3, стр. 43—51.
[263] «Наша газета», 27 марта 1909 г.
[264] «Наша газета», 15 февраля 1909 г.
[265] «Одесское обозрение», 26 августа 1909 г.

смертью отца — профессора права в Варшавском университете — ненадолго приезжал в Варшаву в 1911 г.[266] В поэме «Возмездие» поэт отметил, что польская земля — «под бременем обид, под игом наглого насилья», а жизнь в ней «глухо кроется в подполье...»[267]

Возраставшее внимание в России к польской культуре отражало не только интерес и уважение к духовной жизни польского народа, но и косвенно говорило о сочувствии ему, о том, что идеи русско-польского сотрудничества вышли за пределы революционной среды и под ее воздействием проникали во все области культурного общения народов России и Польши.

Идеи классовой борьбы и пролетарского единства, несмотря на подцензурные условия, определяли всю деятельность легальных органов русской и польской революционной печати. Именно поэтому они сумели оказать немалое содействие сплочению польского и российского пролетариата с революционным пролетариатом всей России.

8. Поддержка репрессированных борцов против царизма

Солидарные в борьбе, передовые силы российского и польского революционного движения были солидарны и в помощи тем революционерам, которые становились жертвой царских репрессий. В годы реакции провокаторы наносили тяжелые удары и без того поредевшим революционным силам. Борьба с провокацией стала одной из самых важных задач, от решения которой во многом зависело дальнейшее развитие революционной работы. Как ни были осторожны революционные организации, в них просачивались тайные враги. В партии эсеров издавна орудовал один из крупнейших провокаторов, разоблаченный лишь в 1909 г., Е. Азеф. Удалось охранке заслать своего агента (Шурканова) и в состав социал-демократической фракции III Государственной думы[268]. Проникали агенты охранки и в местные организации революционных партий[269]. Все это не только приводило к многочисленным провалам подпольщиков, но и зачастую порождало настроения подозрительности, взаимного недоверия. Трудно в действительности разобраться, «кто враг, а кто друг», писал Главному правлению СДКПиЛ в марте 1909 г. о положении в Лодзи Юзеф Уншлихт[270]. Еще 8 февраля 1908 г. социал-демократ Покровский, выступая от имени фракции на заседании Думы, гневно разоблачал правительственную систему провокаций и террора[271].

Пока свирепствовала реакция, борьба с провокацией имела исключительное значение. Становились агентами охранки и некоторые лица, причастные к революционному движению, но по слабости характера, корыстным или другим соображениям соглашавшиеся стать на путь предательства и доносительства[272]. Близкий в ту пору к эсерам

[266] *A. Galis.* 18 dni Aleksandra Bloka w Warszawie. «Polityka», 1971, N 26.
[267] *А. Блок.* Собр. соч., т. III. М.— Л., 1960, стр. 340.
[268] *Н. М. Добротвор.* Указ. соч., стр. 79.
[269] *С. Дзержинская.* В годы великих боев. М., 1964, стр. 87.
[270] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 339, л. 6.
[271] «Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907—1908 гг.», ч. 1. СПб., 1908, стлб. 1824—1831.
[272] *Ф. Э. Дзержинский.* Избранные произведения, т. I, стр. 129, 135, 155, 164, 167—168, 179 и др.

В. Л. Бурцев, длительное время специально занимавшийся выявлением секретных агентов Департамента полиции с помощью бывшего чиновника варшавского охранного отделения, выступившего против провокаторства, выявил ряд тайных агентов, действовавших в польском социалистическом движении. Составленный Бурцевым список лиц, подозреваемых в провокаторстве, был сообщен Главному правлению СДКПиЛ [273]. Как спустя много лет было установлено, в отношении ряда лиц подозрение в провокаторстве было совершенно необоснованным. Не имея возможности обстоятельно проверить все обвинения, руководство польской социал-демократии, тем не менее, опубликовало бурцевский список [274], в котором в большинстве своем значились имена действительных провокаторов. Бурцев продолжал публиковать сведения, раскрывавшие провокаторов и провокации, в том числе и в Польше [275]. Списки провокаторов публиковались и далее в «Червоном штандаре», причем, как и ранее, в отдельных случаях обвинения были безосновательны [276]. Вопрос о провокациях в польском революционном движении привлекал внимание и русской легальной печати. Много писало о нем, в частности, «Одесское обозрение», в числе ведущих сотрудников которого был В. В. Воровский. Возможно, что в силу этого обстоятельства одесская газета обращалась к материалам «Червоного штандара», «Напшуда», приводила высказывания И. Дашиньского, Ф. Кона, Л. Кульчицкого и др., связанные с партийными и судебными процессами по обвинению в провокации [277]. Воровский в фельетоне «В кривом зеркале» гневно бичевал попытки либералов доказать, что провокаторство — морально и допустимо, раз в его основе лежит «добросовестное стремление» [278].

Задача борьбы против провокаторства была столь важной, что даже ЦРК ППС-«фракции», постоянно выражавший свою глубокую враждебность к СДКПиЛ, посчитал нужным в июне 1910 г. предложить Главному правлению польской социал-демократии выработать совместный план действий в целях борьбы против агентуры охранки [279]. В нелегальной печати польских и русских революционеров помещались сведения о разоблаченных провокаторах. В отдельных случаях их разоблачение производилось совместными усилиями ряда партий. Так было, в частности, с делом одного агента охранки — орудовавшего в варшавском подполье, а затем в эмиграции. Разоблаченный представителями большевиков, меньшевиков, эсеров, польских социал-демократов и социал-демократии Латышского края, этот провокатор имел наглость обратиться в МСБ с жалобой против подтвердившего его провокаторство межпартийного суда. Ленину пришлось в связи с этим направить Гюисмансу письмо о необходимости борьбы партий за чистоту революционных рядов [280].

Наряду с общей для всех партий задачей борьбы против провокаторства перед ними стояла и такая важная совместная задача, как ор-

[273] *В. Л. Бурцев.* В погоне за провокаторами. М.— Л., 1928, стр. 63—65, 87.
[274] «Czerwony Sztandar», 25.IV 1908.
[275] «Былое», Paris, 1909, № 9—10, стр. 193—197, 251—255; № 11—12, стр. 190—192 и др.
[276] Так было, в частности, с видным деятелем СДКПиЛ М. Плохоцким, который в результате выдвинутого против него ошибочного обвинения (см.: «Czerwony Sztandar», w październiku 1911) на многие годы оказался отстраненным от революционной деятельности.
[277] «Одесское обозрение», 6, 10, 11 февраля 1909 г. и др.
[278] «Одесское обозрение», 12 февраля 1909 г.
[279] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 348, лл. 37—40.
[280] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 47, стр. 189—191.

ганизация помощи жертвам террора царских властей и членам семей политических заключенных. В течение лишь одного 1911 г. общее число арестованных в России превысило 1046 тыс. человек, а среднее ежедневное число находившихся под арестом превышало 175 тыс. человек[281]; по обвинению в «политических преступлениях» приговорено к каторге в 1908 г. 11 тыс. человек, в 1909 г.— также 11 тыс. человек, в 1910 г.— 10 тыс. человек, в 1911 г.— свыше 9 тыс. человек[282]. В большинстве своем, как это признавали и власти, особенно переполнены были тюрьмы польских губерний[283]. Среди тех, кто стал жертвами провокации и судебной расправы, были и социал-демократические депутаты II думы — представители рабочего класса всей России. Когда в октябре 1911 г. стали известны подробности полицейской провокации и судебного произвола в отношении депутатов, передовые рабочие всей России усилили кампанию за освобождение жертв гнусного заговора реакции. В. И. Ленин в ноябре обратился с опубликованным на немецком, французском и английском языках призывом оказать русскому пролетариату поддержку в его борьбе в защиту 55 бывших депутатов и других узников царизма[284].

Думская социал-демократическая фракция подготовила специальный запрос о положении политических узников, томившихся в X павильоне Варшавской цитадели[285]. Дисциплинарные взыскания, голодный режим, порки, избиения и другие виды истязаний, господствовавшие в большинстве царских тюрем, обрекали многих узников царизма на смерть, толкали на самоубийства, вынуждали к бунтам. Столыпинская диктатура, как писал Ленин в феврале 1908 г. в «Пролетарии», действовала путем «истребления тюрьмой, ссылкой, расстрелами и пытками...»[286]. Нередко в ответ на зверства тюремщиков заключенные прибегали к различным формам протеста. Большой отзвук во всем мире вызвала трагедия, разыгравшаяся в ноябре 1910 г. в Зерентуйской каторжной тюрьме. События закончились смертью Егора Созонова, осужденного за убийство в 1904 г. министра внутренних дел и шефа жандармов В. К. Плеве.

Зерентуйские события Ленин относил к ряду тех, что вслед за смертью Муромцева и смертью Толстого подняли еще выше накал общественного брожения в России. «Пролетариат начал,— писал он,— демократическая молодежь продолжает»[287]. События в Зерентуе всколыхнули всю революционную эмиграцию. Так, члены русско-польской колонии в Праге приняли гневную резолюцию протеста в связи с самоубийством Созонова[288].

Огромное влияние на формирование сознания демократической молодежи имел личный пример революционеров. Своим воспитательным значением выделялись дневниковые записи, делавшиеся в тюрьме Ф. Дзержинским. Он содержался в 1908—1909 гг. в пользовавшемся особо мрачной славой X павильоне Варшавской цитадели[289]. Встречая в пятый раз Новый год в царских тюрьмах (ранее это было в 1898, 1901,

[281] *М. Гернет.* История царской тюрьмы, т. IV. М., 1962, стр. 22—23.
[282] Там же, т. V, стр. 68.
[283] «Źródła do dziejów klasy robotniczej na ziemiach polskich», t. III, cz. 4. W., 1969, str. 83.
[284] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 381.
[285] ЦПА ИМЛ, ф. 93, оп. 8, д. 3, л. 153.
[286] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 417.
[287] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 75.
[288] ЦПА ИМЛ, ф. 28, оп. 34, д. 35915.
[289] О X павильоне см.: «Pamiętnik X Pawilonu». W., 1959, str. 426.

1902 и в 1907 гг.), Дзержинский 31 декабря 1908 г. записал: «Тюрьма лишила меня очень многого... Столько лет тюрьмы, в большинстве случаев в одиночном заключении, не могли пройти бесследно... но я не проклинаю ни своей судьбы, ни многих лет тюрьмы, так как знаю, что это нужно для того, чтобы разрушить другую огромную тюрьму, которая находится за стенами этого ужасного павильона. Это не праздное умствование, не холодный расчет, а результат непреодолимого стремления к свободе, к полной жизни. Там теперь товарищи и друзья пьют за наше здоровье, а я здесь, один, в камере, думаю о них: пусть живут, пусть куют оружие и будут достойны того дела, за которое ведется борьба»[290]. Странички из дневника Дзержинского выносили из цитадели распропагандированные Дзержинским тюремщики из мобилизованных русских крестьян. Благодаря их содействию дневники Дзержинского уже в 1909—1910 гг. увидели свет в «Пшеглёнде социаль-демократычном»[291] и помогли формированию новых кадров революционеров.

Вопреки замыслам царских властей, тюремные испытания закаляли и укрепляли характеры революционеров, были для них своеобразными «университетами».

Сочинения В. И. Ленина, Р. Люксембург, Л. Н. Толстого, П. А. Кропоткина и многие другие не разрешались для чтения арестантам[292]. Но иногда в тюремных библиотеках оказывался «Капитал» Маркса, а в псковскую тюрьму чудом попал «Материализм и эмпириокритицизм» — крупнейшее философское сочинение В. И. Ленина. Длительное время эта книга служила предметом внутритюремных дискуссий сторонников различных философских взглядов, деятелей различных партий, в том числе и таких далеких друг от друга, как большевики и пилсудчиковские боевики[293].

Невыносимое положение узников царизма привлекало внимание прогрессивных общественных кругов всей Европы. В начале января 1910 г. в Париже сложился комитет по оказанию помощи политическим каторжанам в России. Во главе этого комитета находилась выдающаяся деятельница «Народной Воли», многолетняя узница Шлиссельбургской крепости В. Н. Фигнер. Такие же цели имел возникший в феврале 1910 г., т. е. тотчас же после создания Парижского комитета, Краковский союз помощи политическим заключенным в России. Австро-венгерские власти первоначально препятствовали созданию союза и даже арестовали его фактического организатора — русского эмигранта, члена РСДРП с 1901 г. Сергея Багоцкого, прожившего много лет в Королевстве Польском, с 1905 г. тесно связанного с СДКПиЛ и проведшего ряд лет в царских тюрьмах и ссылке[294]. Юридическое признание союза австрийскими властями состоялось лишь в декабре 1910 г.

Краков был избран местонахождением Союза «как пункт, находящийся ближе всего к стране, как первый этап отдыха большинства эмигрантов, могущих сообщить весьма обильную и свежую информацию о каторге и ссылке, наконец, как пункт, где сосредоточена сравнительно большая часть политической эмиграции, составляющей ядро Союза», писал печатный орган Краковского союза, журнал «Вензень По-

[290] *Ф. Э. Дзержинский.* Избранные произведения, т. I, стр. 182.
[291] Там же, стр. 129—215.
[292] *М. Гернет.* История царской тюрьмы, т. IV, стр. 36.
[293] *W. Jastrzębski.* Wspomnienia. 1885—1919. W., 1966, str. 260, 317 и др.
[294] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 856, лл. 1—8.

литычный»[295]. Благоприятствовало инициаторам создания Союза и то, что в условиях резкого ухудшения отношений Австро-Венгрии и России австро-венгерские власти стали терпимее относиться к деятельности политических эмигрантов из России, а число их в Кракове, насчитывавшем несколько более 100 тыс. жителей, в годы столыпинской реакции превысило 12 тыс. человек[296].

Наконец, существенное значение имело то, что, помимо связанных с С. Багоцким деятелей СДКПиЛ и прогрессивных студенческих организаций, идею создания Союза поддержали многие авторитетные в глазах австрийской администрации лица — И. Дашиньский, З. Марек, Б. Дробнер и др. Марек был избран председателем правления Союза, которое, как и редакция «Вензня Политычного», считалось помещавшимся в его адвокатской конторе. Дежурства же деятелей Союза, как это видно из сообщений журнала, проходили в помещениях студенческого общества «Спуйня», связанного с СДКПиЛ и ППС-левицей, и студенческого общества «Промень», в котором преобладало влияние ППС-«фракции» и Социально-демократической партии Галиции и Силезии; вскоре регулярные дежурства начались и в культурно-просветительной организации — Народном университете им. А. Мицкевича. Фактический руководитель Союза — Багоцкий был тесно связан с Я. Ганецким[297]. Союз развернул весьма широкую деятельность, распространявшуюся на жертвы царского террора вне зависимости от национальной и партийной принадлежности[298].

Усилиями русских и польских эмигрантов секции Союза и связанные с ним группы создались во Львове, Вене, Женеве, Нанси, Лозанне и даже в Австралии, где сбором средств в фонд Союза руководил большевик Ф. А. Сергеев («Артем»)[299]. Союз сотрудничал с Парижским комитетом, возглавляемым В. Фигнер, разделив с ним некоторые области деятельности; в частности, опека над политическими узниками тюрем Варшавы осталась за комитетом Фигнер[300].

Самое возникновение Союза и вся его, становившаяся постепенно все более широкой, деятельность была одним из выражений органического единства интересов и стремлений русских и польских революционных и демократических кругов, находившихся вне пределов царской России, но живших едиными интересами с борцами против царизма, с теми, кто попал за тюремные решетки, томился в переполненных казематах, страдал на каторге и в ссылке.

Когда по миру разнеслись вести о Зерентуйской трагедии и о происшедших вскоре же в вологодской тюрьме самоубийствах, в Париже 17 декабря 1910 г. состоялся многолюдный митинг в защиту узников царских тюрем — среди 2 тыс. присутствовавших преобладали русские и польские эмигранты. Выступавшие единодушно заклеймили преступления царизма. 15 января 1911 г. такой же митинг был проведен в Кракове, а 17 марта в Кракове состоялся новый митинг протеста. Помещая сообщения об этих и других выступлениях в защиту политических узников[301], журнал Краковского союза уделял много места све-

[295] «Więzień Polityczny». Kwartalnik poświęcony sprawie więźniów politycznych w państwie Rosyjskim ze szczególnym uwzględnieniem katorgi.
[296] Там же.
[297] *W. Najdus.* Lenin i Krupska w Krakowskim związku pomocy dla więźniów politycznych. Kr., 1965, str. 45—47.
[298] «Więzień Polityczny», maj 1911, N 2, str. 22.
[299] Там же.
[300] *В. Н. Фигнер.* Полн. собр. соч., т. III. М., 1929, стр. 408.
[301] «Więzień Polityczny», luty 1911, N 1, str. 15—16; там же, kwiecień 1912, N 5, str. 17.

дениям о бедственном положении заключенных и ссыльных, о нечеловеческих условиях их содержания и рассылал обширные материалы всем демократическим и либеральным органам европейской печати.

Из выходившего в Париже бурцевского журнала «Авенир» «Вензень Политычный» перепечатал письмо М. Горького, адресованное каторжанам Александровской центральной тюрьмы. В письме писатель выражал веру в бодрость духа честных людей, брошенных на каторгу, но сохраняющих силы, способные переделать все, отягощающее человеческую жизнь [302]. Верой в силу духа узников, в святость их дела были проникнуты все страницы «Вензня Политычного», в частности были опубликованы статьи Ф. Кона «Памяти Егора Созонова» и «Телесные наказания» [303]. Деятельность Краковского союза политических заключенных в России, связанных с ним организаций и групп была фактически одной из форм русско-польского революционного сотрудничества.

9. Канун нового революционного подъема

Развитие событий после третьеиюньского переворота говорило о том, что при видимой стабилизации положения самодержавия в России вызревает новый революционный кризис [304]. Весь ход исторического процесса подтвердил высказанное В. И. Лениным еще в начале 1908 г. суждение о том, что «состояние России есть состояние с трудом сдерживаемого восстания» [305]. Кризис третьеиюньского режима с особой остротой проявился в покушении на Столыпина, смертельно раненного 1 сентября 1911 г. пулей агента царской охранки [306]. Убийство обер-вешателя произошло в ту пору, писал Ленин, когда дали себя знать «симптомы нарастания новой революции» [307].

Нарастание новой революции неизбежно порождалось не только необходимостью для народных масс покончить с политическим режимом, царившим в стране, но и всем экономическим и социальным развитием Российской империи. Крепнувший пролетариат, в авангарде которого находились большевики и их союзники из национальных социал-демократических организаций, все активнее вступал в борьбу за свои права. В 1911 г. более чем в два раза увеличилось, по сравнению с предыдущим годом, число стачек и стачечников: оно достигало соответственно 466 и 105 тыс. [308] Лишь в Варшавском округе фабричной инспекции, охватывавшем девять губерний, в 1911 г. произошло 179 забастовок, т. е. в три раза больше, чем в 1910 г. Число же забастовщиков составило 23 тыс. человек, что в четыре раза превысило число стачечников предыдущего года [309]. Большинство стачек и стачечников (129 и 13 тыс.) приходилось на Варшаву и Варшавский уезд [310]. Конечно, размах стачечного движения был еще невелик, разворачивалось оно в ограниченном районе, но было несомненно, что период затишья остался позади, что в развитии рабочего движения наступил перелом в сто-

[302] «Więzień Polityczny», grudzień 1911, N 3—4, str. 13, а также: *М. Горький*. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 29. М., 1955, стр. 190.
[303] «Więzień Polityczny», luty 1911, N 1; kwiecień 1912, N 2.
[304] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. I, стр. 250.
[305] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 449.
[306] *А. Я. Аврех*. Указ. соч., стр. 384.
[307] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 333.
[308] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. II. М., 1966, стр. 333
[309] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1911 г.». СПб., 1912, стр. 290.
[310] «Źródła dla dziejów klasy robotniczej na ziemiach polskich», t. III, cz. 4, str. 29.

рону его дальнейшего подъема. Продолжавшееся повышение цен на предметы первой необходимости — хлеб, молоко, уголь, рост квартирной платы, безработица и кризисные явления в некоторых отраслях промышленности также вели к крупным выступлениям рабочего класса [311].

«Рабочая газета» (новый центральный орган большевиков, заменивший в 1909 г. «Пролетарий») уже в первом своем номере поместила письмо из Варшавы о пятинедельной забастовке 600 рабочих-пекарей, о забастовке 500 столяров и ряде других выступлениях пролетариата польской столицы [312]. Вслед за тем «Червоный штандар» опубликовал статью «Политические демонстрации в России», в которой знакомил польских рабочих с оживлением в российском рабочем движении, с проявлениями общественного подъема среди трудящихся и демократической интеллигенции России. Подробно описав события, имевшие место в Петербурге, Москве, Николаеве, Кривом Роге, Риге, газета приходила к выводу: «Рабочий класс идет во главе борьбы за свободу» и призывала быть готовыми к революционным боям [313]. Таким образом, революционный авангард российского и польского рабочего движения вступал в новую полосу классовых боев. К тому же авангард российского и польского пролетариата подходил к новым большим классовым боям более зрелым, более опытным, более организованным, чем это было в период революции 1905—1907 гг.

В условиях начавшегося нового общественного подъема полностью определился водораздел между революционными и интернационалистскими направлениями в общероссийском рабочем движении во главе с единственно последовательным из них—большевиками, с одной стороны, и националистическими течениями, хотя и считавшими себя социалистическими, но в действительности чуждавшимися признания даже таких общих для всех подлинных социалистов принципов, как классовая борьба и пролетарский интернационализм, с другой. Такие течения сложились в польском, украинском, армянском и других политических движениях.

В польском рабочем движении полностью вне революционного лагеря поставило своих сторонников шляхетско-антипролетарское и мелкобуржуазно-националистическое руководство ППС. Оно стремилось всю деятельность ППС-«фракции» подчинить задаче подготовки национального восстания. Как пишет биограф, Ю. Пилсудский в годы реакции практически стал неограниченным вождем ППС и такое восстание считал «обязанностью поколения» независимо от того, какие оно могло принести результаты; восстание являлось самоцелью, так как «каждое поколение обязано своей кровью напомнить, что Польша живет и не примирилась с неволей» [314].

Но для части рабочего класса Польши деятельность пилсудчиков имела трагические последствия, так как она превращала тех, кто следовал за главарями ППС-«фракции», из борцов за дело пролетариата — какими считали себя многие рядовые участники этого движения — в прямое орудие империалистической политики. Отказ от революционного союза с рабочим классом России пилсудчики в годы реак-

[311] *J. Orzechowski, A. Kochański.* Указ. соч., стр. 272—273.
[312] «Рабочая газета», 12 ноября 1910 г.
[313] «Czerwony Sztandar», w lutym 1911.
[314] *Wł. Pobóg-Malinowski.* Najnowsza historia polityczna Polski. 1864—1945, t. I. Paryż, 1958, str. 122.

ции завершили подлинным военным союзом с австро-венгерскими властями. Соответственно пилсудчики ориентировали находившиеся под их влиянием круги рабочего класса Польши не на союз с рабочим классом России, а на союз с внешними врагами России.

Пилсудчиковскому курсу на союз с империалистическими противниками царизма польская социал-демократия и ППС-левица противопоставляли неизменный курс на классовый союз со всем международным революционным рабочим движением и в первую очередь союз с борцами против русского самодержавия — с рабочим классом и всеми демократическими силами России. Окрепший, упрочившийся, опиравшийся на объективные условия развития и субъективные стремления масс, этот союз открывал огромные перспективы и русскому, и польскому революционному и национально-освободительному движению. Другое дело, что этому союзу недоставало твердого единства для решения практических задач, стоящих перед ним. У революционного авангарда российско-польского революционного союза — большевиков и польских социал-демократов — не только сохранялись существенные различия в постановке национального, аграрного и других вопросов, но и стало обнаруживаться различие в подходе к решению ряда острейших проблем партийного развития. Правда, польская социал-демократия в той или иной мере преодолевала ряд свойственных ей тактических и организационных представлений, отделявших ее от большевиков[315]. Но и в самой СДКПиЛ не было подлинного единства. Еще в середине 1909 г. вокруг К. Залевского (С. Трусевича) сложилась группа «Солидарность роботнича», издававшая одноименный орган. Элементы справедливой критики ряда недостатков в деятельности партии и ее руководства терялись у этой группы в потоках становившейся все более безосновательной и злобной кампании против самого существования партии. Большевики, как это видно из письма члена Заграничного бюро ЦК РСДРП В. К. Таратуты Яну Тышке, с самого появления группы Залевского отнеслись крайне отрицательно к ее деятельности[316]. Зато меньшевики стремились всячески раздуть значение этой группы и охотно предоставляли страницы своих изданий для статей ее лидера. В бесцензурной и в легальной меньшевистской печати Залевский утверждал, что польская социал-демократия якобы склоняется к заговорщичеству и поэтому не отвечает потребностям рабочего движения, которые лучше выражает ППС-левица[317]. Спекулируя на позиции оставшегося почти в полной изоляции Залевского, меньшевики раздували и без того довольно острые противоречия СДКПиЛ и ППС-левицы и в своих целях использовали стремление последней к объединению всех социалистических течений как в польском, так и в общероссийском рабочем движении.

То, что меньшевики буквально навязывали польской социал-демократии объединение с ППС-левицей, только настораживало ее и вносило дополнительные трудности в польское рабочее движение. Лидеры СДКПиЛ, учитывая заинтересованность меньшевиков в левицевцах и их взаимное политическое благорасположение, особо остро критиковали ППС-левицу, ее идейные установки и тактику[318]. СДКПиЛ оставалась решительно непримиримой к меньшевикам. Как в своей печати, так и в общепартийных печатных изданиях и в руководящих

[315] *А. Г. Шевелев.* Указ. соч., стр. 211—216.
[316] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 673, л. 1.
[317] «Голос социал-демократа», июль 1910 г.; «Наша заря», 1911, № 5, стр. 43—47 и др.
[318] *A. Kochański.* Указ. соч., стр. 281—316

партийных учреждениях деятели польской социал-демократии, вся СДКПиЛ обычно продолжала поддерживать большевиков. Это обстоятельство особо отмечалось Лениным [319]. Отметил он и то, что публикация в январе 1911 г. отдельным оттиском статьи «О положении дел в партии» произошла при поддержке представителя польской социал-демократии [320].

Ленинская статья «О положении дел в партии» была направлена как против ликвидаторов, так и против троцкистов, затевавших создание блока всех антипартийных элементов — меньшевиков, «впередовцев» и др. СДКПиЛ решительно выступала против этих антипартийных планов. Р. Люксембург гневно бичевала интриги троцкистов и ликвидаторов [321]. В конце 1911 г. она подготовила брошюру «О положении в РСДРП», не только своим названием, но и рядом выдвигавшихся оценок близкую к ленинской статье «О положении дел в партии». Она подчеркивала, что в политической оценке меньшевиков, «впередовцев» и других подобных течений у нее нет никаких разногласий с Лениным. «Для нас, как и для Ленина и его друзей,— писала она,— несомненно двуличное маклерство Троцкого, профессией которого стали фразы о «партийном единстве», а практика состоит в том, что он при каждом случае заливается лаем на левое крыло партии, что равняется политической поддержке оппортунизма» [322].

Вместе с тем, чем острее становилась задача высвобождения РСДРП от мешавших ее развитию антипартийных течений, тем резче давало себя знать непонимание польской социал-демократией ленинских принципов партийного строительства, ленинской борьбы на два фронта, ленинского учения о партии нового типа. Правда, внутри СДКПиЛ сложилась довольно влиятельная группа во главе с Я. Ганецким, А. Малецким, В. Венцковским, которая еще в октябре 1909 г. констатировала наличие внутри польской социал-демократии кризиса, вызванного отрывом Главного правления от партийных организаций [323]. Оппозиция справедливо критиковала руководство партии за отсутствие устойчивой позиции при решении общепартийных вопросов, за недостаточно тесное сотрудничество с большевиками. С этой группой сблизились З. Ледер, Ф. Дзержинский и ряд других деятелей польской социал-демократии. Однако в целом позиция Главного правления в отношении решающей задачи момента — оформление большевиков в самостоятельную партию — становилась все более неустойчивой [324]. Главное правление польской социал-демократии, т. е. Я. Тышка, Ю. Мархлевский, А. Варский и др. полностью не понимали ленинские оценки ликвидаторов, полагали, что борьба В. И. Ленина против ликвидаторов якобы направлена и против объединения всех партийных сил. Не понимая, что позиция большевиков-ленинцев была проявлением партийности нового, высшего типа, партийности, свободной от разрушительной борьбы фракций и всей своей сущностью служащей интересам пролетариата, руководители польской социал-демократии с тревогой встретили известие о том, что большевики во главе с В. И. Лениным развернули в России широкую деятельность по подготовке общепартийной конференции. 18 ноября 1911 г. Главное правление СДКПиЛ по-

[319] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 42, 43.
[320] Там же, стр. 61.
[321] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 137, 139.
[322] ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 2, д. 963, л. 37.
[323] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 291, лл. 50—86.
[324] Подробнее см.: *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 254—267.

становило отозвать своего представителя из редакции ЦО партии газеты «Социал-демократ»[325], в которой после вынужденного самоустранения в июне того же года меньшевиков оставались два большевика и один польский социал-демократ. Вслед за тем Главное правление СДКПиЛ отклонило предложение Российской организационной комиссии по созыву партийной конференции делегировать своего представителя в комиссию[326].

Известия о фактическом разрыве Главного правления с большевиками глубоко встревожили членов СДКПиЛ. На многих конференциях конца 1911 г. польские социал-демократы осуждали позицию Главного правления в общепартийных вопросах[327]. Но курс партийной политики польской социал-демократии, однако, не менялся. Отклоняясь от сотрудничества с большевиками, она не приняла участия в Пражской конференции, которая завершала собой многолетнюю борьбу большевиков-ленинцев против меньшевиков, закончившуюся изгнанием их из партии. Не оказали влияния на позицию СДКПиЛ и несколько встреч В. И. Ленина с Р. Люксембург в феврале 1912 г. на ее квартире в Берлине[328].

Таким образом, пройдя вместе с большевиками во главе с В. И. Лениным большой, трудный путь борьбы против свирепствовавшей царской реакции, против буржуазного национализма и черносотенства, проявив себя непримиримой противницей как реформизма и национализма в польском рабочем движении, так и ликвидаторства справа и слева в российском рабочем движении, польская социал-демократия в условиях нового подъема рабочего движения не сумела сохранить и упрочить свои тесные связи с большевиками, более того — выступила против них на заключительном этапе их борьбы за революционную партию нового типа. Это обстоятельство находилось в полном противоречии как с действительными интересами пролетариата, которому польская социал-демократия продолжала самоотверженно служить, так и с фактом расширения, углубления, обогащения русско-польского революционного сотрудничества, успешно преодолевшего годы черной реакции. Конечно, разрыв руководством СДКПиЛ в конце 1911 — начале 1912 г. сотрудничества с партией большевиков несколько ограничивал действенную силу русско-польского революционного союза.

[325] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 386, лл. 6—8.
[326] *Г. К. Орджоникидзе.* Статьи и речи, т. I. М., 1956, стр. 27—28.
[327] «Z Pola Walki», 1934, N 16, стр. 167—168; ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 406, л. 61.
[328] ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 1, д. 980, л. 1 об.

Глава X

ВМЕСТЕ ПРОТИВ САМОДЕРЖАВИЯ, НАЦИОНАЛИЗМА И ОПАСНОСТИ ВОЙНЫ (1912—1914)

1. Новый революционный подъем и партии русского и польского пролетариата. Краков — идейный и организационный центр русско-польского революционного союза

Расстрел рабочих царскими войсками на Лене весной 1912 г. дал толчок новому подъему революционной волны. Пролетариат России ответил на ленские события демонстрациями и стачками протеста. По призыву СДКПиЛ и ППС-левицы к протесту русских товарищей присоединились и польские рабочие. В мае в однодневной стачке протеста в Варшаве участвовали 25 тыс. человек, в Ченстохове — 13,5 тыс.[1]

Польские социал-демократы и левицовцы отмечали значение ленских событий для роста массового движения[2] и готовились к новым революционным боям в союзе с русским пролетариатом. О «пробуждении от сна» рабочих России писала и печать ППСД Галиции и Силезии и ППС-«фракции». Но при этом «фраки» стремились представить выступления в России как «стихийные», демагогически предостерегали против «отождествления» интересов польского народа и русской революции, требовали рассматривать рост движения в России лишь как фактор, облегчающий борьбу поляков[3]. Руководство ППС-«фракции» отказалось поддержать в Варшаве стачку протеста против ленских событий, но в ней участвовали рядовые члены партии, верившие в силы русской революции[4].

Подъем рабочего движения в империи ставил на очередь вопрос об укреплении организации рабочего класса. Важнейшим шагом на пути этого укрепления была Пражская конференция РСДРП, изгнавшая из партии ликвидаторов, сплотившая ее идейно и организационно. Однако Главное правление СДКПиЛ не приняло участия в конференции и не поддержало ее решений[5]. Безуспешными оказались и переговоры Ленина с Р. Люксембург в марте 1912 г.[6] В результате позиции лидеров СДКПиЛ «польские рабочие лишились возможности совещаться с русскими товарищами, совместно обсуждать тактику и ло-

[1] «История Польши», т. II. М., 1955, стр. 577.
[2] «Czerwony Sztandar», V, VI 1912, N 186, 187; «Robotnik» (PPS-Lewica), VII 1912, N 233.
[3] «Prawo Ludu», Kr., 3.V, 25.X 1912; «Przedświt», Kr., I—VI 1912, N 1—6; «Robotnik» (PPS-Fr.), 20.VI 1912.
[4] *T. Ładyka.* PPS (Frakcja Rewolucyjna) w latach 1906—1914, str. 264, 312—313.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 211—212.
[6] *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Ленин и польское рабочее движение, стр. 288.

зунги в столь важный момент, как революционный подъем апрельских и майских дней»[7]. Причины такой позиции «Рабочая газета» видела в слабой связи национальных окраин, где меньше сказывалось ликвидаторство, с общерусской работой, в федералистском принципе строения партии[8]; против «федерации худшего типа» были направлены решения Пражской конференции и выступления Ленина, указавшего на обособленность национальных организаций РСДРП и особо подчеркнувшего колебания СДКПиЛ от большевиков к ликвидаторам. Эти колебания, в частности, привели представителя Главного правления на так называмое «совещание национальных организаций» (Бунд, латыши, поляки, кавказцы) в январе 1912 г. Но, сохраняя в целом классовые и партийные позиции, руководство СДКПиЛ, естественно, не смогло договориться с ликвидаторами. Тышка ушел с совещания[9].

Несмотря на активные усилия ликвидаторов и троцкистов, то старавшихся заигрывать с польскими социал-демократами, то организовывавших против них кампанию травли, СДКПиЛ не приняла участия в «августовской» конференции, созванной ликвидаторским организационным комитетом (ОК) в Вене[10]. Орган СДКПиЛ заявил, что польская социал-демократия не может идти вместе с ОК, действующим «в интересах фракционной лавочки крайних оппортунистов и явных врагов партии»[11].

Не сумев вовлечь в «августовский блок» СДКПиЛ, ликвидаторы попытались укрепить его силами ППС-левицы, используя стремление левицовцев к единству с русским пролетариатом в борьбе за общие цели. XI съезд партии еще в апреле 1912 г. подчеркнул, что только тесная связь рабочих всех национальностей России является залогом успеха в завоевании лучшего будущего, в борьбе с национальным гнетом. Съезд поручил Центральному рабочему комитету (ЦРК) вступать в соглашения с РСДРП при проведении общих акций, а в дальнейшем предпринять шаги для организационного объединения с нею на принципах автономии во внутренних вопросах польского движения[12]. Используя эти объединительные стремления ППС-левицы, ликвидаторы сумели привлечь ее к участию в «августовской» конференции, которая в специальной резолюции поручила ОК координировать с левицовцами общеполитическую деятельность[13].

Ликвидаторы хотели втянуть ППС-левицу в борьбу против ленинской партии. Они учитывали и то обстоятельство, что, не встав еще на путь последовательной революционности, левицовцы не понимали значения ленинских организационных принципов партии нового типа и поддерживали меньшевистский курс на объединение в партии «*всех* существующих частей и направлений»[14]. Тяга к единству мешала осознанию важности действительной ликвидации идейных и программно-тактических расхождений[15]. Ленин, отмечая преодоление ППС-левицей националистических предрассудков ППС, в то же время указывал на половин-

[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 394.
[8] «Рабочая газета», 17 (30).III 1912.
[9] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 134—135, 206—207, 254, 358.
[10] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 383; т. 48, стр. 60; см. также: *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 286, 290, 300.
[11] «Czerwony Sztandar», VII 1912, N 188.
[12] «PPS-Lewica. 1906—1918. Materiały i dokumenty», t. 2. W., 1962, str. 175, 191—193, 197.
[13] «Robotnik» (PPS-Lewica), XII 1912, N 234.
[14] «Robotnik» (PPS-Lewica), IV 1912, N 232.
[15] *J. Kasprzakowa.* Ideologia i polityka PPS-Lewicy (1907—1914). W., 1965, str. 229.

чатость ее идейной эволюции. Разоблачая блок Троцкого, который пытался, за неимением социал-демократических союзников в Польше, «объединяться» с ППС-левицей, Ленин писал, что борьба за избавление левицовцев от груза пепеэсовской идеологии продолжается, а потому объединение с ними ликвидаторов «внесло бы самый резкий раскол в Польшу» [16].

Вопрос о расколе польского рабочего движения встал в это время особенно остро в связи с расколом внутри СДКПиЛ. Ряд крупных организаций СДКПиЛ во главе с варшавской выражали недовольство диктаторской политикой Главного правления, отсутствием информации (прежде всего о делах РСДРП), неопределенной позицией в организационных вопросах. Главное правление распустило варшавскую организацию, обвинив ее в разложении и провокаторстве, но оппозиция («розламовцы») отказалась подчиниться. Во главе ее стояли такие видные деятели СДКПиЛ, как Я. Ганецкий, А. Малецкий, Г. Каменьский и др. В Кракове выходил орган «розламовцев»—«Газета роботнича». То обстоятельство, что в июне 1912 г. в связи с начавшимся подъемом революционного движения в России Ленин и Крупская переехали в Краков, чтобы быть ближе к русской границе, облегчило сближение «розламовцев» с ленинским ЦК. Сразу же по приезде Ленин установил с ними тесный контакт, что встревожило как русских ликвидаторов, так и деятелей Главного правления [17].

До конца лета 1912 г. большевики воздерживались от публичных выступлений по поводу раскола СДКПиЛ, надеясь на урегулирование конфликта внутри партии и не желая обострять борьбу. Когда эти надежды не оправдались и обвинения против «розламовцев» были вынесены на международную арену, они обратились к Ленину с просьбой о защите их перед МСБ [18]. Ленин «взял сторону Варшавского комитета», так как не считал его дело «чужим»,—«оно было неразрывно связано со всей такой острой в тот момент внутрипартийной борьбой» [19]. Письмо Ленина в МСБ содержало категорический протест против попытки Главного правления объявить варшавскую организацию непринадлежащей к РСДРП [20]. Это письмо было напечатано в органе «розламовцев», так же как и статья «Положение в РСДРП и ближайшие задачи партии», где Ленин вскрыл причины раскола РСДРП, показал вред политики Главного правления, пытавшегося балансировать «*между* партией и ликвидаторами партии». Но уверенность Ленина в скором организационном объединении русских и польских рабочих была твердой. «По направлению своей работы польские революционные социал-демократические рабочие идут вместе с нами» [21],— писал он.

Статья Ленина, осветившая малознакомые польским социал-демократам общепартийные вопросы, встретила одобрение «розламовских» организаций на конференции в Варшаве в августе 1912 г., но вызвала раздражение Главного правления. Краевая конференция его сторонников («зажондовцев»), состоявшаяся также в августе 1912 г., обсуждая вопрос об отношении к РСДРП, осудила «августовский» блок — «слепок различных течений и фракций», опирающихся на «оппортунистично-ликвидаторскую тактику», признала ликвидаторство «величайшим препятствием

[16] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 356.
[17] *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 295—296, 300, 302.
[18] Там же, стр. 290, 301.
[19] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1972, стр. 207.
[20] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 45—46.
[21] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 387—394.

развитию СДКПиЛ и серьезной угрозой для самого ее существования», заявила, что «открытое и последовательное ликвидаторство и революционная социал-демократия взаимно исключаются». Но, не понимая ленинских принципов партийного строительства, Главное правление выступало и против политики большевиков в организационных вопросах, осудило Пражскую конференцию как якобы акт раскола, потребовало восстановить «единство» партии, т. е. единство с ликвидаторами [22].

Эту позицию «зажондовцев» подверг критике Ленин, анализируя в «розламовской» печати резолюции конференции и подчеркивая важность вопроса об отношении польской социал-демократии к РСДРП [23]. В борьбе за последовательно революционное решение этого вопроса большевики опирались на помощь «розламовцев». В сентябре 1912 г. Ленин написал, а Малецкий перевел на немецкий язык статью для немецкой социал-демократической газеты, где была показана вредность для партии идейной шаткости руководства СДКПиЛ, мешавшего борьбе против ликвидаторов и все еще не давшего «*прямого* ответа» на вопрос о них. Возражая Р. Люксембург, утверждавшей, будто от РСДРП остались одни «обломки», Ленин заявлял о росте и развитии партии, освободившейся от своих врагов. Статья защищала «розламовцев» перед лицом европейской социалистической общественности. Ту же цель преследовала переписка Ленина с МСБ в октябре 1912 г. [24]

Важнейшим событием в борьбе за единство рабочего движения в России явилось Краковское совещание ЦК в январе 1913 г., призвавшее рабочих всех национальностей дать отпор национализму и сплотиться на местах в единые организации, отбросив потерпевший полное банкротство принцип федерализма. В специальной резолюции, написанной Лениным, совещание высказалось против раскола в СДКПиЛ, за создание «действительного единства польской социал-демократии» [25]. Выражая озабоченность большевиков вредными последствиями раскола для польского рабочего движения, Ленин в статье «Раскол в польской социал-демократии», опубликованной после совещания, высказал уверенность, что в недалеком будущем в СДКПиЛ «яснее наметятся принципиальные разногласия», «конкретнее выразится также и желание польских с.-д. рабочих теснее организационно связаться с русскими товарищами» [26].

Материалы Краковского совещания, изданные «розламовской» печатью [27], стали достоянием авангарда польского пролетариата. Ленинский анализ положения в РСДРП и в польской социал-демократии, намеченный большевиками путь развития партии имели огромное значение для преодоления кризиса в СДКПиЛ. Важны были и конкретные советы Ленина лидерам «розламовцев», которые информировали его о польском рабочем движении, знакомили с подготовленными статьями [28].

Со своей стороны, «розламовцы» также стремились помочь большевикам в практической работе. Большую роль сыграли связи Н. В. Крыленко, опиравшегося на созданную им в Люблине русско-польскую организацию большевистского направления, которая была связана с Украиной и Петербургом. Организация вела пропаганду среди учащихся и рабочих, прививая им идеи русско-польского революционного союза, зна-

[22] См.: «Z Pola Walki», 1934, N 16, str. 184—186.
[23] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 223—230.
[24] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 48, стр. 92—93, 101—102; т. 54, стр. 361—366.
[25] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 267—269.
[26] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 288—292.
[27] См.: «Gazeta Robotnicza», 15.III 1913.
[28] «Polacy o Leninie...», str. 59, 260—261.

комя их с деятельностью Ленина и большевиков. Ученики Крыленко — В. Томорович, Э. Эйбиш, М. Земплиньский, Я. Свачина — установили личный контакт с большевиками в Кракове. Польские социал-демократы оказывали помощь в организации конспиративных квартир и пересылке через границу нелегальной литературы, через них шла значительная часть корреспонденции ЦК [29]. Они помогали также доставать документы для перехода границы. Нередко использовались так называемые «пулпаски», пропуска, охотно предоставлявшиеся краковскими рабочими [30].

Переезд Ленина в Краков имел огромное значение для русского революционного движения, позволив ЦК оперативно руководить борьбой пролетариата внутри страны. Симпатия и поддержка со стороны прогрессивной общественности Кракова создавали благоприятные условия для работы русских революционных эмигрантов [31]. Связи их не ограничивались кругами социал-демократии. Существовал контакт между Лениным и видными деятелями ППС-левицы, находившимися в Галиции, — М. Кошутской, Г. Валецким, К. Хорвиц, Б. Шапиро и др. [32] Ленин встречался с деятелями ППСД и ППС-«фракции» — И. Дашиньским, З. Мареком, Л. Фельдманом, Э. Хеккером, С. Вощиньской, К. Чапиньским, знал В. Йодко, М. Пашковскую, а также многих рядовых «фраков», некоторые из которых помогали большевикам в работе [33]. Ленинская позиция, его ненависть к русификаторству и сочувствие польскому народу вызывали к нему симпатию даже среди людей, идейно далеких от ленинизма. «В партийных кругах о нем говорили с уважением как о мыслителе и теоретике социализма» — вспоминала пепеэсовка С. Вощиньская [34].

Это уважение проявилось во время публичных выступлений Ленина в Кракове. О первом его выступлении в студенческом обществе «Слуйня» весной 1913 г. сохранилось мало данных [35]. Зато подробно известно о вызвавшем большой интерес польской общественности докладе Ленина в Народном университете им. Мицкевича 18 апреля 1913 г. на тему «Современная Россия и рабочее движение» [36]. Основанный на убедительных фактах анализ международной и внутренней обстановки России и сделанные из него Лениным революционные выводы, ясность, простота и непоколебимая уверенность ленинской речи произвели сильное впечатление на слушателей, среди которых были эсдеки, левицовцы, члены ППСД, «фраки», анархисты. Большое значение для польской аудитории имело и выступление Ленина в дискуссии: он разъяснил национальную программу РСДРП и ее отношение к польской независимости, резко осудил национализм и национальную борьбу внутри социал-демократии [37].

Не случайно об этой стороне выступления Ленина, так же как о его критике реформистов из австрийской и галицийской социал-демократии,

[29] «Адресные книги ЦК РСДРП (1912—1914)». «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 33—36, 37; «Воспоминания о В. И. Ленине», т. I. М., 1956, стр. 443; «Polacy o Leninie», str. 12, 204—205; *W. Najdus.* Przez zieloną granicę. Na polskich szlakach leninowskiej «bibuły». W., 1964, str. 85—91, 99—100, 107—110, 115—126, 129—134.

[30] *Н. К. Крупская.* Указ. соч., стр. 204; «Воспоминания о В. И. Ленине», т. I, стр. 440, 446; т. III. М., 1963, стр. 164—165, 168—169, 172; «Polacy o Leninie», str. 142.

[31] «Воспоминания о В. И. Ленине», т. I, стр. 439.

[32] «Polacy o Leninie», str. 208, 210—211.

[33] Там же, стр. 24, 29—31, 188—191, 244; *Н. К. Крупская.* Указ. соч., стр. 212, 222; *W. Najdus.* Lenin i Krupska w Krakowskim Związku Pomocy dla więźniów politycznych. Kr., 1965, str. 93—94.

[34] «Polacy o Leninie», str. 191.

[35] *A. Manusiewicz.* Nieznane wystąpienie Lenina w Krakowie. «Trybuna Ludu», 19.IV 1970.

[36] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 55—59.

[37] «Polacy o Leninie», str. 150—152, 190, 194—198.

орган ППСД «Напшуд» умолчал в своем отчете о докладе. Называя Ленина «одним из самых выдающихся вождей русской социал-демократии», лидером «более радикального непримиримого течения» внутри нее [38], «Напшуд» надеялся использовать ленинскую критику «умеренности» в своих целях. Орган ППС-«фракции» также пытался ссылкой на доклад Ленина и ленинский тезис о неизбежности революции в России подкрепить свой вывод о необходимости вооруженной подготовки, «не тратя сил и времени» на всякую иную деятельность [39]. Это было продолжением полемики о вооруженном восстании в Королевстве Польском, разгоревшейся между Лениным и Василевским во время дискуссии [40]. Отделяя усилия польского пролетариата от борьбы русских рабочих, «фраки» готовились к диверсионным актам против России в случае русско-австрийской войны, в вооруженном выступлении они видели скорее военный заговор, чем борьбу масс. Ленин рассматривал восстание как высшую форму революционной борьбы масс.

Таким образом, выступление Ленина в Народном университете разъяснило большевистскую программу по важнейшим вопросам рабочего движения, дало отпор попыткам искажения позиции большевиков. Оно было продиктовано стремлением большевиков войти в контакт с широкой польской социалистической аудиторией. Ленин интересовался общественными организациями Галиции, следил за развитием общественной мысли. Особый интерес вызывало у него студенческое движение [41], внутри которого боролись националистическое и интернационалистское течения. Традицию русско-польского революционного союза поддерживала демократическая часть польского студенчества в России и русской молодежи в учебных заведениях Королевства Польского, единые русско-польские молодежные общества существовали в заграничных университетских центрах. Это вызывало нападки польских националистов и привело к расколу Союза обществ прогрессивной молодежи.

Острая борьба шла и в Кракове, где прогрессивные организации молодежи —«Спуйня» и «Рух» выступали против реформизма, национализма, клерикализма.

«Спуйня» объединяла сторонников СДКПиЛ и ППС-левицы, среди ее членов были и русские. В сферу изучения «спуйняцких» кружков входила литература социал-демократических и социалистических русских партий, русская беллетристика, русские переводы западной марксистской литературы [42]. «Спуйня» открыто провозгласила социалистическую платформу, основанную на «взглядах, выдвинутых революционным движением в России» [43]. Орган социалистической молодежи «Наш глос» призывал русских и польских рабочих продолжать традиции борьбы «за вашу и нашу свободу» [44].

Интернационализм «Спуйни» делал ее объектом атак националистов. Нападки усилились после ее выступления против бойкота русской школы в Королевстве Польском. Под влиянием СДКПиЛ и ППС-левицы прогрессивная молодежь требовала координировать тактику в вопросе бойкота с развитием русской революции. Это вызвало осуждение всей

[38] «Naprzód», Kr., 22.IV 1913; «Polacy o Leninie», str. 197—198.
[39] «Robotnik» (PPS-Fr.), VIII 1913, N 257.
[40] См.: *Ю. В. Бернов, А. Я. Манусевич.* Ленин в Кракове. М., 1972, стр. 180—182.
[41] «Polacy o Leninie», str. 143—146.
[42] О течениях среди молодежи в Галиции см.: *С. М. Фалькович.* Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912). М., 1975, стр. 263—266.
[43] *W. Najdus.* Przez zieloną granicę..., str. 81—82.
[44] «Nasz Glos», Kr., V 1911, N 1; III 1912, N 6—4.

националистической прессы[45]. Среди галицийской молодежи перевес получили эндецкие и пилсудчиковские молодежные общества, а также «независимские» организации, делавшие ставку на крестьянство.

В то время как эндеки были против бойкота, мешавшего соглашению с царизмом, пилсудчики выступали за его продолжение. Но и тех, и других объединяла ненависть ко всему русскому, стремление разобщить русскую и польскую молодежь. Противники бойкота боялись проникновения в Польшу из русских университетских центров «революционной заразы», опасались влияния русской культуры на польских студентов, обучающихся в России; они призывали молодежь выезжать на учебу в Галицию и на Запад. За массовую эмиграцию поляков в западные университеты агитировали и сторонники бойкота, выступавшие против «отождествления с русским движением», якобы отвлекавшего от осуществления «отдельной» польской цели — достижения независимости. Они соглашались только на «координацию» с русской революцией, как на «меньшее зло»[46].

Члены «Спуйни» боролись против такого взгляда. Выступая на собраниях молодежи, они отстаивали идею революционного союза с Россией[47]. Позиция «Спуйни» обусловила ее связь с большевиками. Члены «Спуйни» В. Томорович, Э. Эйбиш, Г. Бернацкий имели непосредственный контакт с Лениным и ЦК, что оказало большое влияние на формирование взглядов социалистической молодежи[48].

Среди прогрессивных организаций, с которыми ЦК РСДРП поддерживал связь и сотрудничество, был Краковский союз помощи политзаключенным в России[49]. Союз не раз вставал на защиту русских политических эмигрантов, когда им угрожали репрессии. Твердо придерживаясь принципа интернационализма, он стремился оказывать помощь и русским и польским узникам царизма.

Ленин, Крупская и другие большевики стали членами Союза, поддерживали тесный контакт с его секретарем С. Багоцким. В Комиссию при правлении Союза вошел представитель ЦК, наряду с представителями других течений в РСДРП и в русском и польском революционном движении. Большевистский Комитет заграничных организаций (КЗО) печатал информации о работе Союза. Большевики помогали ему устанавливать связи с организациями помощи политзаключенным в центрах русской эмиграции и бороться против эсеровского влияния в них. Ценной была и помощь ЦК в налаживании контактов Союза с нелегальными организациями помощи в Москве, Харькове, Киеве.

Сотрудничество с Краковским союзом отражало желание большевиков ближе связаться с прогрессивной польской общественностью, лучше узнать галицийскую обстановку. Интересуясь условиями жизни в Кракове, Ленин присутствовал на митинге 1 Мая 1913 г., посещал рабочие собрания, беседовал с рабочими. Некоторые из них лично знали Ленина и помогали ЦК (Я. Маковский, Ю. Хростек и др.). Ленин интересовался и польской деревней, искал встреч с крестьянами и сельской интеллигенцией, сожалел, что ППСД не использует этот «неплохой ма-

[45] *J. Buszko.* Ruch socjaldemokratyczny w Krakowie. 1890—1914. Kr., 1961, str. 299.
[46] «Sprawa», Kr., X 1912, N 4; II 1913, N 2; «Głos Młodych» (Dodatek N 4 do N 1084 «Dziennika StPetersburskiego»), 1914; «Prawda», W., 4.IV 1914.
[47] «Nasz Głos», III 1912, N 3—4; BJ, 6400, k. 46—47.
[48] «Polacy o Leninie», str. 204—206.
[49] Подробнее см.: *С. М. Фалькович.* Русские связи Краковского союза помощи политическим заключенным в России (1912—1914 гг.). «Ленин и Польша...», стр. 199—241; *W. Najdus.* Lenin i Krupska...

териал» для революционной агитации и организации. Он легко устанавливал контакты с поляками, охотно вступал в разговор, разъясняя положение в России и задачи русской революции, пути и цели русско-польского революционного сотрудничества [50].

2. Рабочий класс России и Польши и IV Государственная дума

На конец 1912 г. были назначены выборы в IV Государственную думу. За участие в них выступала вся русская социал-демократия, но если меньшевики шли в Думу, чтобы «играть в парламентаризм», то большевики ставили целью использовать думскую трибуну для разоблачения «конституционного» обмана, для агитации среди широких масс. Их позицию полностью разделяла СДКПиЛ. Использовать выборную кампанию для укрепления связей с массами стремилась и ППС-левица.

Эсеры бойкотировали выборы, ту же позицию заняла ППС-«фракция». Она симпатизировала ПСР, в рядах которой было немало поляков. Тесные контакты между «фраками» и эсерами существовали в ссылке и эмиграции. Деятели ППС-фракции печатались в изданиях ПСР. Партии совместно организовывали транспортировку оружия, проводили общие совещания и т. п.[51]. Обе партии были сторонницами террористических нелегальных средств. Тактику эсеров «фраки» считали «наиболее подходящей для пролетариата», а русских социал-демократов, использовавших легальные возможности, обвиняли в оппортунизме, осуждали их участие в Думе [52]. Ссылаясь на солидарность с эсерами, «фракция» провозглашала лозунг бойкота выборов. Его поддержали молодежные и крестьянские организации, примыкавшие к ППС-«фракции», а также отделившаяся от партии ППС-оппозиция [53]. На бойкотистской позиции стояли и польские анархо-синдикалистские группы, находившиеся под влиянием русского анархизма. Их орган видел путь к освобождению масс во «всеобщем рабочем сговоре» и предъявлении ультиматума буржуазному обществу [54].

Начав совместную избирательную кампанию, СДКПиЛ и большевики предупреждали рабочих о подготовке русского и польского капитала к серьезной борьбе за депутатские места, подчеркивали сложность проведения кампании в Королевстве Польском, где национальный вопрос затемняет классовое сознание пролетариата. Отмечая провал «угодовой» политики Польского кола, они в то же время указывали на новые попытки польских буржуа обмануть избирателей посулами и выдвигали задачу их разоблачения [55]. Большевистская «Правда» обращала особое внимание на выборную борьбу в Петербурге, где буржуазно-демократическая часть польского населения находилась под влиянием кадетов. Хотя кадеты успели проявить себя «в деле предательства национальных прав

[50] «Воспоминания о В. И. Ленине», т. I, стр. 444, 446, 462; «Polacy o Leninie», str. 12, 136—138, 164—166, 230; *J. Sieradzki*. Polskie lata Lenina. W., 1960, str. 35, 62.

[51] См.: ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1913 г., д. 9, т. 1, лл. 4, 12; ч. 11-Б, лл. 15—17, 33, 46; ч. 42-Б, л. 4; д. 13, ч. 9-Б, лл. 53—55, 128; ч. 59-Б, л. 8; 1914 г., д. 5, л. 16; д. 9, ч. 11-В, л. 1—2 и др.

[52] «Robotnik» (PPS-Fr.) 20.VI 1912, N 254; VII 1913, N 257; XII 1913, N 259; IV 1914, N 261; «Przedświt», VII 1912, N 7; XII 1913, N 10—12.

[53] CA KC PZPR, 15/III-7, k. 8—9; 15/VI. k. 5. О ППС-оппозиции подробнее см.: *J. Holzer*. Указ. соч.

[54] «Sprawa Robotnicza», Kr., 24.II 1912, N 1; IV 1913, N 10.

[55] «Правда», 6.V, 23.VIII, 26.IX, 12.X 1912; «Невская звезда», 5.VIII, 2.IX 1912.

угнетенных народностей» [56], но кадетские лозунги национального равноправия, территориальной автономии отдельных областей России (в том числе и Польши) и их федерации на демократической основе дезориентировали часть польской интеллигенции [57]. Польские буржуазные политики, создавшие в Петербурге избирательный комитет, призывали поляков поддержать кадетов и эндеков. Демократические же слои русского и польского населения выдвинули лозунг избрания в Думу социал-демократов. На собраниях польских избирателей социал-демократы, разоблачая национальную политику царизма и предательство Польским колом и кадетами интересов Польши, подчеркивали, что решение вопроса о польской автономии неразрывно связано с демократической революцией. Польская демократия в Петербурге высказалась за поддержку кандидатов-эсдеков. Кандидатура лидера кадетов Милюкова была снята даже Польским избирательным комитетом [58].

Успешному проведению русским и польским пролетариатом выборной кампании мешал раскол рабочего движения. В Варшаве и Лодзи против СДКПиЛ выступил так называемый «левый блок» Бунда и ППС-левицы. Этот союз был результатом сближения левицовцев с меньшевиками и бундовцами. Их сближали взгляды на партию как на конгломерат различных течений, ведущих между собою дискуссию, акцентировка легальной деятельности и таких форм борьбы, как петиционная кампания, борьба за свободу коалиции. Не разделяя ни ликвидаторской линии, ни думских иллюзий меньшевиков, левицовцы в то же время ошибочно считали ликвидаторство менее опасным и вредным, чем свойственное, по их мнению, большевикам «сектантство». Готовность ППС-левицы к объединению с РСДРП в целом (вместе с ее ликвидаторским крылом) выражали призывы ее печати за «социалистическое единство в России и Польше» [59].

Создать такое «единство» из 12 «фактических» течений российского рабочего движения пыталась летом 1912 г. германская социал-демократия. Большевики отвергли эту попытку, разоблачив фиктивность большинства приглашенных на совещание «центров». По поводу ППС-левицы Ленин разъяснял, что «это *не социал-демократическая* организация», и резко критиковал «августовскую» конференцию ликвидаторов, одобрившую избирательный блок Бунда и левицовцев [60]. Критическую позицию в этом вопросе занял и лидер меньшевиков-партийцев Плеханов [61]. Когда блок Бунда и ППС-левицы в Варшаве провел в Думу левицовца Э. Ягелло, большевики поддержали протест СДКПиЛ против раскольничества Бунда [62]. Меньшевики изображали избрание Ягелло как победу их линии в рабочем движении и требовали его принятия в социал-демократическую фракцию, рассчитывая укрепить там свои позиции [63]. Большевики же указывали, что такой шаг усилит раскол в Польше и России, что Ягелло, не являющийся социал-демократом и прошедший в Думу в борьбе с кандидатом от эсдеков (получившим, к тому же, перевес в голосах по рабочей курии), может иметь во фракции лишь совещательный голос. Однако меньшевистское большинство фракции («семер-

[56] «Правда», 22.VII 1912.
[57] См.: «Krytyka», t. XXXIII, II 1912, str. 78; III 1912, str. 137—138; «Nowy Prąd», 12.X 1912, str. 13.
[58] «Правда», 25.IX; 13, 16, 21, 24, 25.X 1912.
[59] «Robotnik» (PPS-Lewica), VII 1912, N 233; *R. Jabłonowski.* Wspomnienia. 1905—1928. W., 1962, str. 134—135; *J. Kasprzakowa.* Указ. соч., стр. 179, 233—234.
[60] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 444, 447—448; т. 22, стр. 230.
[61] «За партию», Париж, 2(15).X 1912.
[62] «Правда», 2, 3, 10.XI 1912; «Социал-демократ», 5(18).XI 1912, 12(25).I 1913.
[63] «Луч», СПб., 16, 18.X; 2, 6, 21.XI 1912.

ка») постановило предоставить Ягелло решающий голос в думских делах и совещательный — во внутрипартийной жизни [64].

Это «*неслыханное отделение* „вопросов внутренней жизни с[оциал]-д[емократии]" и „вопросов думской политической деятельности"» резко критиковал Ленин [65]. Большевики подчеркивали, что вопрос о Ягелло возник из-за отсутствия на местах единства всех национальных коллективов [66]. Их взгляды, разделявшиеся и меньшевиками-партийцами [67], нашли яркое выражение в резолюции Краковского совещания в феврале 1913 г., подчеркнувшей на примере раскольнической выборной тактики Бунда «полное банкротство федералистических начал в построении [...] партии и глубокий вред обособленности «национальных» с[оциал]-д[емократических] организаций для пролетарского дела» [68]. Решения совещания были поддержаны рабочими России и Польши, которые в письмах и резолюциях, присланных во фракцию, протестовали против отделения вопросов думской политики от внутрипартийных. Польские пролетарии поручали рабочим депутатам бороться за неурезанные демократические лозунги, против гнета и эксплуатации, разоблачать русскую и польскую реакцию, провозглашать идеи интернационального единства пролетариата. Письмо с таким наказом, подписанное 1819 рабочими 127 предприятий Варшавы, 26 июня опубликовала «Правда» [69].

Этот наказ социал-демократическая фракция стремилась претворить в жизнь. Уже в первые дни работы Думы ей пришлось дать отпор попытке реакционного думского большинства признать недействительным мандат Ягелло [70]. Назначения новых выборов в Варшаве добивалось Польское коло, желавшее провести своего депутата. Польские реакционеры шли в Думу, надеясь на соглашение с русской реакцией. Рассчитывая на отказ самодержавия от антипольского курса, они демонстрировали верноподданнические чувства, поддерживали милитаристскую внешнюю политику царизма, предостерегали поляков от революции. Правда, чтобы удержаться на гребне событий, польские буржуазные политики использовали демагогию, взывали к национальным чувствам и даже критиковали антипольскую политику правительства. Но, как отмечали большевики, когда речь в Думе шла о классовых репрессиях царизма, польские депутаты выступали единым фронтом с русской реакцией [71]. В. И. Ленин относил Польское коло к контрреволюционным буржуазным партиям в Думе, а его деятелей называл «польскими октябристами» [72]. Большевики рассматривали факт существования обособленного Польского кола как «результат узурпации и подделки представительства миллионов польского народа кучкой польских буржуа и их политических наемников», подчеркивали неспособность Кола защищать интересы польского народа [73].

Разоблачали они и кадетов, также претендовавших в Думе на роль защитников польской нации и борцов за равноправие народов России. Ленин подчеркнул, что в отличие от последовательных демократов, требующих права народов на политическое самоопределение, кадеты не при-

[64] «Правда», 11, 20.XI; 1.XII 1912.
[65] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 239—241; т. 48, стр. 129.
[66] «Правда», 1.XII 1912; «Социал-демократ», 12(25).I 1913.
[67] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 48, стр. 143.
[68] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 262—263, 267, 393.
[69] См.: «Правда», 26, 29.I; 1, 3.II; 21.IV; 3, 4, 30.V; 23, 26.VI 1913; «За правду», 22.X 1912; 6.II, 7.III 1913.
[70] «Правда», 6.XII 1912; 6.II, 7.III 1913.
[71] «Правда», 7, 10.III; 13.VI 1913.
[72] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 4; т. 54, стр. 371.
[73] «Невская звезда», 31.V 1912.

знают права на отделение ни за одним из народов России, подменяя его лозунгом «культурного самоопределения»[74]. В этом он видел основу идейно-политического блока кадетов с реакцией, «приспособление к интересам крепостников и к худшим националистическим предрассудкам господствующей нации вместо систематической борьбы против этих предрассудков»[75].

Подлинная борьба против национального гнета велась в Думе лишь партиями левого лагеря. В нем находились трудовики, выступавшие с требованием «права полного национального самоуправления» для всех народностей России и с осуждением «националистической политики правительства и правящих классов»[76]. Во главе левых сил Думы стояла социал-демократическая фракция, с самого начала заявившая себя искренней защитницей интересов угнетенных народов России. Разоблачив классовую сущность великодержавной политики правительства, социал-демократы подчеркнули необходимость совместной борьбы трудящихся всех национальностей России за демократизацию страны, против национал-либерализма и национал-радикализма. Они потребовали «отмены всех ограничительных законов, связанных с национальностью, вероисповеданием, [...] равноправия национальностей и свободы их самоопределения, права на употребление родного языка в общественных и государственных учреждениях и создания необходимых учреждений для свободного развития каждой национальности»[77]. Написанный В. И. Лениным проект закона об отмене всех ограничений, связанных с национальностью, был внесен в Думу большевистскими депутатами в 1914 г.[78] «Правда» призывала рабочих поднять голос против национального угнетения[79].

В своих выступлениях в Думе социал-демократы часто обращались к фактам национального угнетения и дискриминации поляков, преследования польского языка и культуры. В это время широко разлилась волна возмущения польской общественности отторжением Хелмщины от Королевства Польского, что постарались использовать господствующие классы России и Польши для разжигания национальной вражды. Но разгулу шовинизма и национализма вокруг вопроса о Хелмщине русский и польский пролетариат противопоставил свою интернационалистскую позицию. Социал-демократы, выступая в Думе против отделения Хелмщины, заклеймили его как «4-й раздел Польши». «Правда» заявляла, что русский рабочий не имеет ничего общего с русификаторской политикой царизма, и «польский пролетариат, борющийся против национального гнета путем борьбы за демократические требования, найдет в русском пролетариате вернейшего своего союзника»[80].

Последовательный интернационализм русских и польских марксистов проявился и во время обсуждения Думой законопроекта о введении городского самоуправления в Королевстве Польском. Хотя националистические и антидемократические «поправки», внесенные русскими реакционерами, усугубили несостоятельность проекта, Польское коло продолжало стремиться к его принятию. Социал-демократическая фракция голосовала против него, заявив, что рабочий класс Польши требует подлинного самоуправления на основе демократизации всего государствен-

[74] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 247.
[75] Там же, стр. 249.
[76] «Правда», 15.XII 1912; 15.V 1913.
[77] «Правда», 11, 12, 18.XII 1912.
[78] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 16—18.
[79] «Путь правды», 21.II, 28.III 1914.
[80] «Правда труда», 20.IX 1913.

ного строя и широкой автономии Королевства Польского. Ее поддержали 3680 польских рабочих, приславших на имя большевистских депутатов в Думе протест против «жалкой подачки», выторгованной Польским колом.

Польский пролетариат высказывал одобрение социал-демократическим депутатам, в первую очередь большевикам; он считал русскую социал-демократию подлинной защитницей своих интересов [81], что подтвердил дальнейший ход борьбы за городское самоуправление. Осенью 1913 г. черносотенцы в Государственном Совете отвергли право употребления польского языка в муниципальном делопроизводстве, и «угодовцы» оказались «перед разбитым корытом политических иллюзий». Русская и польская рабочая печать писала о позорном крахе польского буржуазного национализма, вскрывала классовый характер союза русской и польской реакции, давшего столь плачевные результаты. Она разоблачала и все дальнейшие попытки польской буржуазии выторговать самоуправление у российской реакции «в награду за измену делу демократии» [82]. Эти попытки Ленин квалифицировал как старания русских и польских черносотенцев сговориться «об условиях хотя бы некоторого сотрудничества или просто сравнительно мирного сожительства» [83].

Политика Польского кола в IV Думе полностью разоблачила его неспособность защищать польские национальные интересы. Единственным защитником поляков, как и всех других угнетенных народностей, была в Думе социал-демократическая фракция [84]. Печать СДКПиЛ и ППС-левицы высоко оценивала деятельность фракции и защищала ее от нападок польских буржуазных и мелкобуржуазных партий [85]. Свидетельством признания были письма, наказы, приветствия, деньги, поступавшие от польских рабочих. Фракция поддерживала связь с заграничными и эмигрантскими польскими организациями, в том числе с Краковским союзом помощи политзаключенным [86].

В борьбе против национального угнетения народов России социал-демократическая фракция выступала как единое целое. Между тем внутри нее назревал раскол между большевиками и меньшевистскими депутатами, все более подпадавшими под влияние ликвидаторства. Этот процесс отразился и на взаимоотношениях РСДРП с СДКПиЛ.

Большевики работали бок о бок с польской социал-демократией, тесно сблизившись с «розламовцами». Эта близость усилилась после созыва весной 1913 г. Варшавской межрайонной конференции «розламовцев», решения которой получили высокую оценку в большевистской печати. Осудив политику Главного правления, приведшую СДКПиЛ к «отколу [...] от организации российского пролетариата», положительно оценив размежевание в РСДРП, конференция высказалась против ликвидаторского ОК и потребовала установить организационный контакт СДКПиЛ с ленинским ЦК, «неуклонно стоящим на революционной позиции». Подобные резолюции принимали и районные конференции в Варшаве [87]. О стремлении польских рабочих теснее связаться с ленинским крылом РСДРП писала «Газета роботнича» [88]. Ганецкий, отвечая троцкистам, упрекавшим «розламовцев» в сближении с «раскольниками» — больше-

[81] «Правда», 6, 7, 13, 15, 18, 26.VI 1913; «За правду», 1.XI 1913.
[82] «За правду», 29.XI; 1, 4.XII 1913; «Путь правды», 28.III; 14.V 1914; «Robotnik» (PPS-Lewica), II 1914, N 237.
[83] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 14.
[84] См.: «Правда», 21.V 1913.
[85] См., например: «Nowe Słowo», 25.IX 1913; «Wolne Słowo», W., 10.IV 1913.
[86] *С. М. Фалькович.* Русские связи..., стр. 233—234.
[87] «Социал-демократ», 15(28).IV 1913; «Z Pola Walki», 1934, N 16, str. 192—203.
[88] «Gazeta Robotnicza», 28.VII 1913.

виками, подчеркивал, что «польские рабочие считают ЦК организацией, политически всего более близкой им», а в связи с ней видят шаг к объединению всех партийных элементов РСДРП [89].

Организационный контакт, установленный между ЦК и «розламовцами», нашел, в частности, выражение в постоянной публикации ЦО и большевистскими изданиями материалов о Польше, решений «розламовских» организаций. В партийной школе, которую ленинцы пытались организовать в Поронине, предполагался цикл лекций по вопросам польского рабочего движения [90]. Большевики выступали перед польской социал-демократической аудиторией в Галиции [91]. Осенью 1913 г. «розламовцы» участвовали в Поронинском совещании ЦК, обсудившем важнейшие вопросы партийной работы и заслушавшем доклад о работе СДКПиЛ. Для информации о решениях совещания делегаты разъехались на места, в том числе в Лодзь и Варшаву, где местные организации СДКПиЛ обсудили его итоги [92]. С рядом местных «розламовских» организаций, в частности с краковской и лодзинской, большевики имели непосредственную связь [93]. Уже упоминалось о связях ЦК с многонациональной по составу организацией РСДРП в Люблине, один из активных деятелей которой — С. Петриковский стал постоянным связным между Краковом и Петербургом [94].

Тесно сотрудничая с «розламовцами», большевики поддерживали контакт и с «зажондовцами». Так, в 1914 г. при посредстве секретаря Бюро заграничных секций СДКПиЛ («зажондовцев») в Кракове С. Братмана Ленину были переданы материалы, привезенные бежавшим из ссылки польским социал-демократом Л. Вежбицким. В ряде случаев большевики старались помочь «розламовцам» наладить сотрудничество с «зажондовцами» на местах [95].

Сфера сотрудничества большевиков и польских социал-демократов охватывала ссылку и эмиграцию. Они вели совместную борьбу за партийность, против ликвидаторства. Члены СДКПиЛ — эмигранты участвовали в работе заграничных групп РСДРП, интересовались партийной литературой. Они выступили против попыток Главного правления на III конференции заграничных секций СДКПиЛ в 1913 г. представить РСДРП не существующей как партийное целое. Оппозиционные группы собрали свою конференцию, решения которой были одобрены большевиками [96]. Печать ленинцев постоянно сообщала о жизни польских эмигрантов, подчеркивая факты их сотрудничества с русскими революционерами [97].

Союзу русских и польских партийных элементов, боровшихся за создание действительного единства российской социал-демократии, ликвидаторы пытались противопоставить свой союз с ППС-левицей. Связи меньшевиков и левицовцев существовали не только на уровне руководства партий, но и на местах в ряде организаций Варшавы, Келец, Вильно,

[89] *Б. Я. Табачников.* В. И. Ленин и «розламовская» оппозиция в СДКПиЛ. «Ленин и Польша», стр. 196.
[90] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 48, стр. 382 (прим.).
[91] «Polacy o Leninie», str. 32; *R. Jabłonowski.* Wspomnienia, str. 140.
[92] *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 323—324, 327; *А. М. Володарская.* Ленин и партия в годы назревания революционного кризиса. 1913—1914. М., 1960, стр. 284.
[93] См.: ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1913, д. 26, ч. 60, л. 21—22; 1914, д. 5, ч. 59, л. 1.
[94] *А. Ф. Калинин, С. З. Мандель.* Ленин и Петербургский университет. Л., 1969, стр. 205—207.
[95] «Polacy o Leninie», str. 255—256.
[96] «Бюллетень КЗО», Paris, 7(20).I, N 1; 2.IV 1913, N 2.
[97] См.: «Правда», 8.V 1913.

в ссылке и эмиграции. Нередко одни и те же русские и польские авторы участвовали и в «левицовых», и в меньшевистских органах. Наряду со своими изданиями левицовцы распространяли газету меньшевиков «Луч», в которой сотрудничал Ягелло. Его выступления, обращенные к нему письма и наказы избирателей постоянно публиковались меньшевиками. Ягелло действовал в тесном контакте с меньшевистской «семеркой» в Думе [98].

Сближение ППС-левицы с меньшевиками и Бундом было продиктовано ее стремлением войти в РСДРП, объединить в борьбе все революционные силы России. Левицовцы рассматривали факт вступления Ягелло во фракцию как утверждение «связи и солидарности пролетариата всех национальностей» в России и особо отмечали в его выступлениях призыв к борьбе с национализмом [99]. Но союз с ликвидаторским крылом РСДРП иногда приводил ППС-левицу к компромиссу в программных вопросах. Так, требования демократических свобод в выборной платформе блока левицовцев и Бунда могли быть истолкованы в реформистском духе, поскольку отсутствовал главный лозунг — свержение царизма. Влиянием меньшевиков можно объяснить поддержку ППС-левицей лозунга культурно-национальной автономии как на «августовской» конференции, так и при обсуждении декларации социал-демократической фракции Думы [100]. Большевистская печать критиковала выступления Ягелло в Думе за меньшевистскую ограниченность его требований [101], тогда как члены «семерки» защищали его от упреков в недостаточной марксистской выдержанности, доказывали, будто «ППС является социал-демократической, а Ягелло социал-демократом чистейшей воды» [102].

Таким образом, союз с ликвидаторами не только не способствовал и не мог способствовать избавлению ППС-левицы от груза ее прежних ошибок, дальнейшей эволюции ее по пути к последовательной революционности и марксизму, объединению с подлинно партийными элементами РСДРП, но, напротив, затруднял эту эволюцию. Борясь против ликвидаторства, большевики и СДКПиЛ направляли атаки и против левицовцев, поддерживавших ликвидаторов.

Используя во фракции свой перевес в голосах (среди которых был и голос Ягелло), меньшевистские депутаты пытались связать большевистскую «шестерку» в ее думской и внедумской деятельности. Поэтому в октябре 1913 г. большевистские депутаты по инициативе Ленина объявили о разрыве с «семеркой» [103]. Этот шаг большевиков, вызвавший истерику в лагере ликвидаторов, был осужден и ППС-левицей как «вредный» для дела единства пролетариата. Левицовцы не понимали серьезной идейной основы раскола: по собственному признанию, они сближались с меньшевиками во взглядах «на роль и значение социал-демократической фракции, а также на необходимость единства социалистического движения в Польше и Российской империи» [104].

[98] См.: ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1913 г., д. 11, 13; 1914 г., д. 5, 11; *И. Юренев.* Работа РСДРП в Северо-Западном крае (1903—1913 гг.), «Пролетарская революция», 1924, № 8—9; «Czas» (PPS-Lewica), 21.II 1914.

[99] «Czas», 14, 21.II 1914; CA KC PZPR, 14/III-7, k. 11—12.

[100] *J. Kasprzakowa.* Указ. соч., стр. 178, 184.

[101] См.: «Просвещение», 1913, № 6, стр. 62—63.

[102] «За правду», 19.XI 1913.

[103] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 81—85; т. 48, стр. 135; «За правду», 20, 26, 29.X 1913; «Социал-демократ», 15(28).XII 1913.

[104] «Новая рабочая газета», 18, 19, 26.X 1913; «Robotnik» (PPS-Lewica), II 1914, N 237; «PPS-Lewica...», t. 2, str. 425—428, 451—459.

Печать ППС-левицы и меньшевиков писала о «голосах протеста» польских рабочих против раскола думской фракции. Но гораздо многочисленнее были приходившие в Думу из ряда городов Королевства Польского рабочие отклики, одобрявшие действия «шестерки», протестовавшие против нарушения программы РСДРП, требовавшие единых социал-демократических организаций на национальных окраинах. Руководство варшавских «розламовцев» приветствовало созданную большевистскими депутатами Российскую социал-демократическую рабочую фракцию как единственное представительство польских рабочих-марксистов, за что получило горячее одобрение питерского пролетариата. Совещание представителей варшавской, лодзинской и ченстоховской организаций СДКПиЛ в декабре 1913 г., потребовав равноправия обеих частей фракции и подчинения ее решениям партии, обратилось к польским рабочим с призывом осудить ликвидаторскую и раскольническую политику «семерки», поддержать большевиков, избранных, в противоположность меньшевистским депутатам, по рабочей курии. На этот призыв откликнулись рабочие Варшавы, Лодзи, Ченстоховы, Домбровского бассейна и других пролетарских центров [105].

Их голос показывал, как лживы были утверждения меньшевиков, будто польская социал-демократия стоит «в стороне» от «правдистского» течения [106]. Весной 1914 г. «Правда» с полным основанием могла заявить, что «громадное большинство рабочих Петербурга, Москвы, Варшавы и других крупнейших центров решительно отвергло ликвидаторов» [107]. В этом была большая заслуга и «розламовцев», разъяснявших польским рабочим смысл борьбы большевиков во фракции, активно выступавших против ликвидаторства не только в польских изданиях, но и на страницах газеты «Правды», «Просвещения» и других большевистских органов [108].

Раскол думской фракции «фраки» встретили со злорадным торжеством. Они протестовали против втягивания польского пролетариата в споры русских товарищей, доказывали, будто участие в Думе вредит его интересам, отвлекая от более важных задач [109].

Главное правление СДКПиЛ в связи с расколом думской фракции попыталось вновь сыграть на разногласиях в РСДРП, использовав при этом свое влияние в МСБ. Еще в декабре 1912 г. МСБ предложило пригласить представителей различных течений РСДРП, национальные социал-демократические организации и депутатов думской фракции на «объединительное» совещание, обсудив на нем разногласия между «шестеркой» и «семеркой». В марте 1913 г. ЦК РСДРП отказался от присланного ему Правлением Социал-демократической партии Германии приглашения, ознакомив с ним Ганецкого. В ответе Правлению, а позднее в оглашенном на Иенском съезде СДПГ документе, подготовленном совместно с «розламовцами», большевики заявили, что Главное правление не признается крупнейшими организациями польской социал-демократии и не состоит в сношениях ни с ЦК, ни с любым другим центром РСДРП [110]. Ответом на это выступление ленинцев и раскол думской фракции было

[105] «За правду», 24, 25, 29, 31.X; 1, 2, 6, 8, 28.XI; 1, 5.XII 1913; «Пролетарская правда», 11, 12, 19.XII 1913; 8, 9.I 1914; «Путь правды», 23.I, 18.II 1914.
[106] См.: «За правду», 26.X, 5.XI 1913.
[107] «Путь правды», 21.V 1914.
[108] См.: «За правду», 30.X 1913; «Просвещение», 1913, № 10 и др.
[109] «Robotnik» (PPS-Fr.), XII 1913, IV, VI 1914, N 259, 261, 262.
[110] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 5—9.

предложение Р. Люксембург, как члена МСБ, поставить вопрос о единстве РСДРП на повестку конгресса Интернационала. Люксембург обвиняла большевиков в расколе русского и польского социал-демократического движения; от имени Главного правления ее поддержали Варский и Мархлевский [111].

Выступление Люксембург поспешили использовать все враги партии, собиравшиеся на сессии МСБ в декабре 1913 г. атаковать ленинцев под лозунгом «единства РСДРП». Готовясь к этой схватке, большевики подчеркивали, что достижение единства — дело самих русских рабочих и возможно лишь в борьбе с ликвидаторством. ЦК протестовал против утверждений Люксембург о «хаосе в РСДРП», против обвинения большевиков в раскольничестве. Напоминая, что Главное правление не связано ни с одной из организаций РСДРП, он предлагал МСБ обсудить вопрос о положении в СДКПиЛ и о представительстве ее в Интернационале [112].

Ленин разоблачал смысл «объединительных» стремлений ликвидаторов и выражал уверенность, что «игру» заграничных группок с презрением отметут как русские пролетарии, так и польские социал-демократические рабочие, идущие рука об руку с большевиками [113]. Последнее подтвердила варшавская «розламовская» организация, выступив с заявлением в «Правде» [114]. «Розламовцы» помогали ленинцам готовить материалы для МСБ. Ганецкий обращался к деятелю ППСД Г. Диаманду, стремясь заручиться его поддержкой на сессии [115]. Принимая совет большевиков добиваться отдельного представительства в МСБ, «розламовцы» считали, что именно Ленин сможет лучше других защищать их интересы в Интернационале, и настаивали на его присутствии на сессии [116].

Декабрьская сессия МСБ в Лондоне не обсуждала «польских дел» за недостатком времени. По вопросу же о единстве РСДРП было принято решение созвать для обмена мнений совещание всех течений рабочего движения в России, признающих программу РСДРП, и тех, чья программа «находится в соответствии» с нею. Последнее предложили левицовцы, выступившие на сессии с призывом к единству социал-демократии России и Польши и принятию ППС-левицы в ряды объединенной РСДРП. Этому плану объединения Р. Люксембург противопоставила план восстановления единства ранее входивших в РСДРП организаций. Ее позиция, с одной стороны, диктовалась стремлением изолировать «розламовцев» и левицовцев, а с другой — необходимостью дать отпор ликвидаторам, стремившимся похоронить партию, создав на ее месте конгломерат различных идейных течений. Из-за отсутствия на сессии Ленина Люксембург пришлось взять на себя главную тяжесть борьбы. Она резко возразила Каутскому, заявившему, будто РСДРП «умерла» [117].

Ленин поддержал это выступление Люксембург в статье «Хорошая резолюция и плохая речь». В то же время он отметил как шаг вперед в позиции МСБ тот факт, что Каутский понял необоснованность претензий Главного правления выступать от имени всех польских рабочих, что он

[111] «Leipziger Volkszeitung», 15.XI 1913; *W. Najdus.* Między Brukselą a Zimmerwaldem. Lenin a lewica polska na terenie międzynarodowym. «Przegląd Historyczny», t. LXI, 1970, z. 1, str. 4.

[112] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1350, л. 1.

[113] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 169—172, 179—181, 187.

[114] «За правду», 26.XI 1913.

[115] *J. Buszko.* Указ. соч., стр. 301.

[116] *Б. Я. Табачников.* Указ. соч., стр. 195—196.

[117] «Пролетарская правда», 7, 8.XII 1913; «PPS-Lewica...», t. 2, str. 433—434; *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 331.

«заметил», наконец, «розламовскую» оппозицию. Большевики считали полезным участие в будущем «обмене мнений» всех партий и групп, в в том числе и ППС-левицы. Но условия объединения, выдвинутые ленинцами, исключали возможность сосуществования в партии различных идейных течений. Большевики требовали, в частности, отказа от попыток изменить программу партии, отказа от принципа строительства рабочих организаций по национальному признаку, создания единых территориальных организаций в Польше и Северо-Западном крае [118].

В отличие от большевиков, ликвидаторы толковали резолюцию МСБ о созыве «объединительного» совещания не как участие всех течений лишь в обмене мнений, а как их объединение. Левицовцы также приветствовали «объединительную» резолюцию. Они заявляли, что раскол в РСДРП не имеет серьезных идейных основ, и призывали на будущем «объединительном» совещании откинуть «беспочвенные обвинения, выдвигаемые как против ликвидаторов, так и против ППС-левицы» [119]. Вместе с меньшевиками и бундовцами они старались ускорить созыв такого совещания, опираясь на поддержку оппортунистического крыла германской социал-демократии [120].

В это время на большевиков обрушился тяжелый удар. Член «шестерки» Малиновский, тогда еще не разоблаченный провокатор, самовольно сложил полномочия, что дало повод ликвидаторам для гнусной травли большевиков. На защиту партии Ленина выступили рабочие России и Польши [121], клевету ликвидаторов осуждала и печать левицовцев [122], хотя Ягелло и ряд видных деятелей ППС-левицы встали на сторону клеветников [123]. Активную поддержку оказали большевикам «розламовцы» [124].

В Думе продолжалась долгая и упорная борьба между представителями революционного марксизма и ликвидаторами. В этой борьбе большевики показали себя последовательными революционерами, борцами за подлинный демократизм и интернационализм. «Розламовское» крыло польской социал-демократии поддерживало ленинцев в этой борьбе, все более сближаясь с большевиками идейно и организационно.

3. Подъем массового движения в России и Польше и страховая кампания

1912—1914 годы были временем мощного подъема рабочего движения в России. Польский пролетариат, внимательно следивший за борьбой русских товарищей, отметил рост ее энергии и сделал вывод о неминуемом новом штурме твердыни самодержавия [125].

В Польше в первое время после ленских событий движение было относительно слабо [126], но уже тогда большевистская пресса, подробно освещавшая вопросы борьбы польских рабочих, подчеркивала длитель-

[118] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 202—203, 211—213, 233—235, 255—256.
[119] «Robotnik» (PPS-Lewica), II 1914, N 237; «Nowa Myśl», 10.III 1914.
[120] См.: ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1914 г., д. 5, лл. 72, 122, 256—258; д. 6, ч. 59-Б, л. 4; ч. 11-Б, л. 4; *W. Najdus.* Między Brukselą..., str. 4.
[121] «Путь правды», 20.V 1914.
[122] «Kuźnia», 1914, № 13. См. также: «Трудовая правда», 22.VI 1914.
[123] См.: ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1914 г., д. 5, ч. 1-Б, л. 150.
[124] «Polacy o Leninie», str. 46—47.
[125] «Gazeta Robotnicza», 15.IV 1913.
[126] «Социал-демократ», 4(17).VI 1912.

ность и упорство ряда стачек, массовость участия в них рабочих. Особенно отмечал Ленин успешную борьбу лодзинских ткачей и варшавских металлистов, констатируя рост стачечного движения в Польше за последние 7 месяцев 1912 г. и результативность стачек [127]. «Правда» писала, что движение в Королевстве Польском в 1913 г. отличалось «необычной классовой организованностью и упорством». Она указывала на большое политическое значение таких крупнейших выступлений, как стачка ткачей в Лодзи, число участников которой в некоторые дни доходило до 85 тыс. человек, и забастовка 22 тыс. варшавских обувщиков [128].

Анализируя польское рабочее движение, большевистская печать ставила цель помогать в борьбе польским пролетариям, воспитывать на их опыте русских рабочих. В том, что движение в Королевстве Польском в 1913 г. «разлилось широко и глубоко», ленинцы видели аргумент против ликвидаторов, кричавших о «стачечном азарте» и обвинявших большевиков во «вспышкопускательстве» [129]. Ленинская печать учила русский пролетариат на примере борьбы польских рабочих, выделяя наиболее важные ее моменты и явления, характеризовавшие рост сознательности польских пролетариев. Этот рост выражался, в частности, в укреплении пролетарской солидарности поляков и русских. Летом 1913 г. варшавские портные приветствовали бастующих портных Петербурга и агитировали против выполнения переданных из Петербурга заказов [130]. Польские рабочие неоднократно отказывались быть штрейкбрехерами на предприятиях России [131]. «Правда» призывала не ездить на работу в местности, охваченные стачечным движением, организовывала акции помощи бастующим (например, во время стачки варшавских портных в 1913 г.) [132]. Печать большевиков и СДКПиЛ улаживала недоразумения между рабочими-поляками и русскими [133].

Ярким проявлением солидарности явилось отношение русского пролетариата к польским товарищам во время безработицы, охватившей в 1913 г. Лодзинский район. Освещая картину страданий рабочих Лодзи, «Правда» разъясняла, что им может помочь только дружная помощь «своих же братьев-рабочих», поддержала их обращение за помощью к пролетариату России. Русские рабочие организовывали сборы в пользу польских товарищей [134]. Социал-демократическая фракция внесла в Думу спешный запрос о положении в Лодзи, потребовала от правительства наказать предпринимателей, ответивших локаутами и террором на выступления голодных рабочих [135]. Большевики подчеркивали, что острые классовые противоречия в Польше обусловили тесную идейную и организационную связь национальной буржуазии с общероссийской. Союзу буржуазии, заявляла «Правда», «пролетариат должен противопоставить еще более мощную организацию труда» [136].

[127] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 198, 200—201, 381, 384—385, 389—390.
[128] См.: «Просвещение», 1913, № 6, 7, 8, 12; «Рабочая правда», 17, 24.VII 1913; «Северная правда», 21.VIII 1913; «Пролетарская правда», 7.I 1914; «Трудовая правда», 18, 22, 26.VI 1914.
[129] «За правду», 5.XI 1913; «Правда труда», 15.IX 1913.
[130] «Правда», 18.V 1913; «Gazeta Robotnicza», 28.VII 1913.
[131] «Путь правды», 8, 18.V 1914; «Трудовая правда», 10.VI 1914.
[132] «Правда», 20.XII 1912; 22.VI 1913.
[133] «Трудовая правда», 25.VI; 2.VII 1914.
[134] «Правда», 23.I; 10, 14, 16.II; 8.III; 2, 10.IV; 15, 26.V; 21.VI 1913; «Рабочая правда», 17.VII 1913; «За правду», 11, 12.X 1913; «Пролетарская правда», 10.XI 1913; 3.I 1914.
[135] *W. L. Karwacki.* Łódzka organizacja PPS-Lewicy. 1906—1918. Łódź, 1964, str. 190—192.
[136] «Правда», 1.III; 14.VI 1913; 11.VII 1912.

Укрепление солидарности русских и польских рабочих приводило ко все более тесному их сотрудничеству на арене политической борьбы. 54 тыс. варшавских рабочих участвовали в политических стачках 1913 г. (в связи с годовщиной 9 января, в защиту политкаторжан, против страховых репрессий). В 1914 г. по призыву СДКПиЛ, ППС-левицы и Бунда варшавские и лодзинские пролетарии протестовали против насилий царизма над рабочими Баку и Петербурга. Ежегодно отмечавшиеся в Польше годовщины первой русской революции напоминали о традициях русско-польского революционного союза [137], а первомайские демонстрации, стачки и митинги в Варшаве, Лодзи и других городах Королевства Польского проходили под лозунгом борьбы с царизмом плечом к плечу с русским пролетариатом против русского и польского национализма. Празднование 1 Мая за границей осуществлялось также под знаком интернациональной солидарности совместными усилиями русских и польских эмигрантов [138]. Новый подъем рабочего движения в России в 1914 г. выдвинул на первый план в первомайской агитации СДКПиЛ призыв к поддержке русских рабочих. Партия обращала внимание польских пролетариев на «взрывы великой массовой забастовки» и «могучие уличные демонстрации» в Петербурге, напоминая, что «польский пролетариат всегда шел в первых рядах революционной армии России». Поддержать русское революционное движение «мощным протестом против националистической пропаганды господствующих классов» призывала и ППС-левица, разоблачавшая контрреволюционный сговор русской и польской буржуазии [139]. Стачка 30 тыс. рабочих Варшавы 1 мая 1914 г. явилась яркой демонстрацией солидарности польского пролетариата с пролетариатом всей России. Ее высоко оценили большевики, отметившие авангардную роль польских рабочих в праздновании Первомая [140].

Участие польских пролетариев в политических выступлениях выразилось в их протестах против празднования 300-летия дома Романовых [141], в требованиях прекратить состряпанное антисемитами в 1913 г. «дело Бейлиса» [142]. Польские рабочие поддержали прокатившуюся по России волну протестов против смертной казни, против злодеяний царской администрации на каторге и в ссылке [143]. Широкий отклик в Королевстве Польском получила кампания в защиту социал-демократических депутатов II Думы, репрессированных царским правительством. Польская прогрессивная печать публиковала о них материалы; в поддержку «втородумцев» рабочие проводили митинги, собирали деньги [144]. В апреле 1914 г. по примеру трудящихся Петербурга, Москвы и Риги варшавские пролетарии организовали стачку в ответ на удаление с заседаний депутатов IV Думы — социал-демократов и трудовиков [145].

[137] См.: «Путь правды», 6.V 1914; «Пролетарская правда», 26.II 1914; «Просвещение», 1914, № 1, стр. 80; «PPS-Lewica...», t. 2, str. 500; CA KC PZPR, 14/III—5, k. 26.

[138] «Правда», 20, 24, 26.IV; 7, 8.V 1913; ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1914 г., д. 11; WAP Łódź, KGP, 104, k. 95.

[139] AGAD, KGW, 1914, ref. I, 12, cz. 2, k. 58, 60, 61, 73, 79, 82; WAP Łódź, KGP, 205, k. 56.

[140] «Путь правды», 30.IV; 1.V 1914.

[141] WAP Łódź, KGP, 84, k. 55.

[142] «Правда труда», 26, 28, 29.IV 1913; «PPS-Lewica...», t. 2, str. 413—414; «Robotnik» (PPS-Lewica), II 1914, N 237.

[143] «Правда», 27.IX 1912; «Robotnik» (PPS-Lewica), XII 1912, N 234; IV 1913, № 236; «PPS-Lewica...», t. 2, str. 271—272; CA KC PZPR, 14/III—5, k. 21, 22.

[144] «PPS-Lewica...», t. 2, str. 108—116, 119—121; «Nasz Głos», III 1912, N 3—4; *С. М. Фалькович.* Русские связи..., стр. 201.

[145] «Путь правды», 9.V 1914; ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1914 г., д. 11, ч. 9, лл. 2—3, 5; AGAD, KGW, 1914, ref. I, 12, k. 293.

Рост сознательности рабочего класса Польши находил отражение как в его политических выступлениях, так и в совершенствовании форм организации и методов борьбы. В эти годы оживилась деятельность профсоюзов в Королевстве Польском, укрепились их связи с русскими профсоюзами. Отмечая специфику польского профсоюзного движения, большевики выступали против навязывания одинаковых организационных форм и в России, и в Польше, подчеркивая, что «русских марксистов объединяет с польскими главное: марксистское содержание работы в профессиональных союзах». Их симпатии были на стороне «розламовских» нелегальных профсоюзов, имевших влияние особенно в Варшаве [146]. Профсоюзы Королевства Польского стремились установить связь с соответствующими профорганизациями в России для взаимной информации и помощи в борьбе, делегаты их участвовали во всероссийских съездах представителей определенной профессии. Польская профсоюзная печать знакомила рабочих с профессиональным движением в России, подчеркивала его связь с революционной социал-демократией, влияние в русских профсоюзах большевиков [147]. Последние также информировали трудящихся России о профессиональной организации польских пролетариев, публикуя корреспонденции и хронику профдвижения в Королевстве Польском, сообщая об изданиях польских профсоюзов. «Правда» высоко оценивала проведение профсоюзами Варшавы ряда стачек, отмечала как образец сознательности их стремление установить тесную связь с профорганизациями России. Большевистская печать помогала наладить такой контакт. Вместе с думской «шестеркой» она выступала в защиту польских профсоюзов, против незаконных репрессий [148].

Серьезное внимание русских и польских марксистов привлекали, наряду с профессиональной, другие легальные формы организации пролетариата — просветительные, кооперативные и пр. Примером подлинно революционного использования легальных форм явилась страховая кампания, которая в 1913 г. стала в центре внимания русских и польских рабочих партий, решивших использовать ее для развития инициативы и сознательности пролетариата, для превращения больничных касс в центры его организации.

В страховой кампании большевиков важную роль сыграл «розламовец» (а в прошлом член ППС-левицы) А. Комаровский (псевдонимы — Б. Г. Данский, Б. Соловьев), чьи выступления появлялись в «Правде» почти ежедневно. Данский разъяснял рабочим значение борьбы за социальное страхование, излагал большевистскую программу по этому вопросу. Он призывал требовать создания крупных местных страховых касс, закрепления в уставе больничной кассы наивысших в рамках закона размеров пособий по болезни, а также наивысших размеров страховых взносов, введения единого страхования (от болезни, несчастных случаев, безработицы и т. д.) и распространения его на всех без исключения рабочих. Данский подчеркивал необходимость внесения в Думу социал-демократическими депутатами нового законопроекта о социальном страховании, отвечающего интересам пролетариев [149].

[146] См.: «За правду», 23.X 1913; «Просвещение», 1913, № 10, 12.

[147] «Związek Zawodowy», 25.IX 1913; *I. Orzechowski, A. Kochański.* Zarys dziejów ruchu zawodowego w Królestwie Polskim. 1905—1918. W., 1964, str. 300, 304.

[148] См.: «Правда», 30.VI; 2, 5.VII 1913; «Правда труда», 1.X 1913; «За правду», 19.X 1913; «Рабочий», 22.III 1914; «Трудовая правда», 8.VI 1914.

[149] См.: «Невская звезда», 8, 22.V 1912; «Правда», 25, 27.IV; 5.V, 7.VI 1912 и др. Подробнее см.: *S. Falkowicz.* Współdziałanie SDKPiL z partią bolszewicką podczas kampanii ubezpieczeniowej lat 1913—1914. «Z Pola Walki», 1973, N 2—3 (62—63).

Разъяснительная работа большевистской печати по вопросам страхования имела огромное значение для воспитания рабочих масс России и Польши. Основные моменты критики «Правдой» нового страхового закона и поставленные ею перед пролетариатом задачи в области страховой борьбы нашли поддержку в изданных СДКПиЛ и ППС-левицей документах [150]. Большевики подчеркивали роль варшавской рабочей демократии, связывавшей задачи страховой кампании с политическими задачами пролетариата. Польские социал-демократы и левицовцы возглавили борьбу против назначения в страховые органы хозяйских ставленников. Резолюции протеста против «назначенцев» направлялись в редакции русских социал-демократических изданий или рабочим депутатам Думы. Варшавские рабочие создали Страховую комиссию для руководства борьбой, «нераздельно связанной с полными освободительными лозунгами рабочего класса» [151].

Это решение, соответствовавшее программе большевиков в страховой кампании, вызвало одобрение «Правды», отмечавшей, что собрание «воспользовалось страховым опытом петербургских, московских и других рабочих» [152]. Русские и польские революционеры понимали, что провести в жизнь рабочий страховой устав удастся только в борьбе. Готовя к ней массы, комиссия решила созвать съезд уполномоченных Королевства Польского, поручив ему вступить в соглашение с уполномоченными российских центров для выработки единой тактики. О необходимости для русских рабочих ближе связаться с польскими пролетариями писали и большевики, характеризовавшие позицию польских рабочих как блестящую. Указывая, что в Петербурге страховая кампания пошла по ликвидаторскому пути борьбы за отдельные поправки к хозяйскому уставу, они призывали питерских рабочих использовать опыт варшавской комиссии, разъясняли варшавский устав, отстаивали его отдельные требования, особенно выделяя среди них лозунг общей кассы [153].

Дальнейший ход страховой борьбы в Королевстве Польском привел к острым конфликтам между рабочими и хозяевами. Польские фабриканты при поддержке царской администрации попытались силой навязать пролетариату свой устав. Последовали массовые репрессии против активистов страховой кампании, разгон и запрещение рабочих собраний. По призыву СДКПиЛ, ППС-левицы и Бунда варшавские рабочие ответили на это всеобщей стачкой 24 ноября 1913 г. Большевики высоко оценивали политический характер стачки, подчеркивали «почти полное отсутствие в ней стихийности», видя в этом результат марксистского руководства страховой кампанией в целом. Заявляя, что русский пролетариат должен учиться на опыте борьбы польских рабочих, показавших «поразительный пример классовой солидарности и глубокого понимания основных задач рабочего класса в страховой кампании», они призывали провести выборы в страховые органы под их лозунгами, отстаивать варшавский рабочий устав, принятый в городах Урала, Московского района, в Ревеле, Кременчуге и частично в Петербурге. О поддержке польских пролетариев заявили рабочие — члены Петербургского страхового

[150] «Wskazówki dla robotników przy zakładaniu kas chorych na mocy prawa o ubezpieczeniu robotników z 6.VII 1912», 1913, Wydawnictwo ZG SDKPiL; «Z Pola Walki», 1934, N 16, str. 170, 173, 186—187, 198; «PPS-Lewica...», t. 2, str. 184—188.

[151] *S. Falkowicz.* Указ. соч., стр. 85—87.

[152] «Правда», 1.VI 1913.

[153] См.: «Рабочая правда», 20, 27.VII 1913; «Северная правда», 22, 27.VIII; 3, 5, 6, 7.IX 1913; «Правда труда», 14.IX 1913; «За правду», 1, 15, 17, 18, 19.X 1913; «Просвещение», 1913, № 7—8, 10.

Совета. Социал-демократическая фракция в Думе неоднократно выступала с запросами по поводу страховых репрессий в Польше [154].

Заключительный этап страховой борьбы в Королевстве Польском подтвердил правильность программы и тактики русских и польских марксистов. Пролетариат, хотя и не добился «практических» результатов борьбы, но сплотился идейно и организационно, развились его инициатива, классовое сознание. Сотрудничество в страховой кампании укрепило связи большевиков и «розламовцев». В большевистской прессе печатались статьи и корреспонденции по страховым вопросам Данского, З. Фаберкевича (псевдонимы — Т. Гневич, Фальский), Ю. Лещиньского (Леньского), Г. Каменьского. Распространением работ польских авторов в профсоюзах и больничных кассах России занималась контора «Правды», а также непосредственно печатавшее их большевистское книгоиздательство «Прибой», в руководстве которым принимали участие Гневич и Данский. В сентябре 1913 г. в Поронине они вели переговоры с Лениным о создании в Петербурге журнала «Вопросы страхования». Это издание постоянно публиковало польские материалы, было связано с членами Варшавской рабочей страховой комиссии, с секретарем краковской больничной кассы Энглишем и др. [155]

Отмечая успехи «розламовцев» в проведении общероссийских политических акций, «Правда» писала: «Организационный кризис в польской социал-демократии подходит к концу» [156]. Газета имела в виду организационное оформление «розламовской» оппозиции, создание в марте 1914 г. Краевого правления СДКПиЛ. Создать такой центр ЦК советовал «розламовцам» еще в начале 1913 г., вопрос этот обсуждался и на Поронинском совещании [157]. На подготовлявшейся краевой конференции Краевое правление намеревалось сообщить об установлении тесного контакта с большевиками. Дальнейшему укреплению связей должно было способствовать участие делегатов Краевого правления в намеченном на август 1914 г. съезде большевиков. Предполагалось, что «розламовцы» помогут в подготовке съезда, организовав переход через границу делегатов из России. Большевики постановили пригласить на съезд и представителей Главного правления [158], так как стремились к ликвидации раскола СДКПиЛ на базе решений социал-демократических рабочих Варшавы. Они хотели заявить об этом на конгрессе Интернационала в Вене, назначенном на август 1914 г. [159] Вопрос о подготовке к конгрессу обсуждался в Поронине при участии «розламовцев» [160].

Русские и польские эмигранты сотрудничали в венской комиссии по созыву конференции активистов помощи политзаключенным в России, приуроченной к конгрессу. Конференция предусматривала, в частности, совещание русских и польских делегатов конгресса по вопросу связей заграничных организаций помощи с каторжными тюрьмами, местными обществами Красного Креста, социал-демократической фракцией Думы. Подготовкой этих вопросов руководили Парижский комитет помощи политзаключенным, возглавленный В. Фигнер, и Краковский союз помощи. С последним активно сотрудничали и меньшевики (в частности,

[154] *S. Falkowicz.* Указ. соч., стр. 94—97.
[155] *S. Falkowicz.* Указ. соч., стр. 97—99, 102—103.
[156] «Путь правды», 11.IV 1914.
[157] *Р. А. Ермолаева.* В. И. Ленин и польская революционная социал-демократия в 1912—1914 годах. «Новая и новейшая история», 1960, № 3, стр. 85—86.
[158] *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 334—335; *Н. К. Крупская.* Указ. соч., стр. 232.
[159] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 443.
[160] *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 326—327.

Г. Чичерин), и большевики. Багоцкий знакомил Ленина с материалами для конгресса, в том числе с тезисами доклада К. Либкнехта о положении политзаключенных в России. Большевики, польские социал-демократы и Краковский союз поддерживали кандидатуру Либкнехта как докладчика, в то время как ППС-левица и меньшевики хлопотали в МСБ о замене его Ж. Жоресом [161].

Перед самым конгрессом, в июле, предстояла борьба на «объединительном» совещании в Брюсселе, для которой большевики стремились мобилизовать все революционные силы русской и польской социал-демократии. ЦК ультимативно потребовал от МСБ приглашения в Брюссель «розламовцев» как «единственно реальной, по нац[иональным] св[язям] организации с[оциал]-д[емократических] рабочих в русской Польше» [162]. «Розламовцы» настаивали на личном участии Ленина в конференции [163].

Большевики шли на конференцию с ясными и последовательными условиями объединения РСДРП. Они требовали соблюдения партийных решений и программы, отказа от федерализма в организационном строении партии, осуждения лозунга культурно-национальной автономии и сепаратизма, признания необходимости единых многонациональных социал-демократических организаций на местах. Ленин считал невозможным принять ППС-левицу в РСДРП без согласия СДКПиЛ, так как это усилило бы раскол в польском рабочем движении, и предлагал, чтобы поляки сами решили вопрос о своем объединении. При этом он подчеркивал, что при решении вопроса о единстве СДКПиЛ нужно исходить из признания реальности «розламовской» оппозиции [164].

В заявлении, посланном МСБ накануне совещания, и в устных беседах с Лениным руководители «розламовцев» подтверждали, что полностью поддерживают ленинские условия объединения. Об этом они заявили и на самом совещании в присутствии представителей бундовско-меньшевистского блока, плехановцев, «впередовцев», «зажондовцев» и левицовцев, выступавших против большевистской платформы объединения. Но последовательно бороться за осуществление линии ЦК делегаты «розламовцев» не сумели; это стало ясно при голосовании резолюций, предложенных МСБ. За объединение польской социал-демократии голосовали все делегаты совещания [165]; что же касается компромиссной резолюции об объединении РСДРП, которую Ленин назвал «тухлой, нелепой, прикрывающей ликвидаторов» [166], то большевики и латышские социал-демократы отказались участвовать в ее голосовании. Однако «розламовцы», проявив колебания, проголосовали за резолюцию МСБ вместе с «зажондовцами» и левицовцами. И хотя Р. Люксембург подчеркивала опасность ликвидаторства, хотя поправки, внесенные в резолюцию ею и «розламовцами», были направлены против ликвидаторского оппортунизма [167], тем не менее само принятие «объединительной» резолюции явилось успехом ликвидаторов, которые даже голосование ленинцев за единство польской социал-демократии рассматривали как залог будущего компромисса и в русском рабочем движении [168].

[161] *С. М. Фалькович.* Русские связи..., стр. 222—224; *W. Najdus.* Lenin i Krupska..., str. 176—179; *W. Najdus.* Między Brukselą..., str. 6—8.
[162] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 48, стр. 298—299.
[163] *Я. Макаренко.* Ленин в Польше. М., 1957, стр. 127.
[164] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 383—391, 404; т. 48, стр. 308, 311.
[165] *Р. А. Ермолаева.* Указ. соч., стр. 86; *А. В. Овчарова, К. В. Шахназарова.* Брюссельское «объединительное» совещание. «Вопросы истории КПСС», 1959, № 5, стр. 159.
[166] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 48, стр. 329.
[167] *А. В. Овчарова, К. В. Шахназарова.* Указ. соч., стр. 161.
[168] См.: ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1914 г., д. 5, ч. 1-Б, л. 152.

Большевики подчеркивали ответственность всей СДКПиЛ за принятие этого решения, но особенно резко осуждали неустойчивость «розламовцев». 18 или 19 июля Лениным был составлен принятый ЦК проект резолюции об отношении к «розламовской» оппозиции. В статье «Польская с[оциал]-д[емократическая] оппозиция на распутье» он разъяснил, что измена «розламовцев» обусловлена борьбой двух течений в СДКПиЛ, одно из которых стремится продолжать политику игры между партией и ее ликвидаторами, используя пункты федеративного характера в договоре РСДРП с СДКПиЛ. Дальнейшие отношения между большевиками и польскими социал-демократами, заявлял Ленин, будут зависеть от того, удастся ли другому течению в СДКПиЛ, выступающему «за полнейший разрыв с ликвидаторами, с федерализмом, с «игрой» в роли «маятника» между двумя борющимися сторонами,— за искренний и тесный союз с правдистами, с партией», «сплотиться, выкинуть ясное, точное, определенное знамя последовательной, принципиальной политики». «Объединение польского с[оциал]-д[емократического] пролетариата возможно только на основе такой политики»,— писал он [169].

Большевики ждали результатов «самой лучшей проверки»— проверки опытом. Они не верили в успех созываемого в соответствии с брюссельской резолюцией «общего съезда» [170]. Такой «съезд» представителей ОК, Бунда, группы «Вперед», СДКПиЛ, ППС-левицы и др., состоявшийся уже после начала первой мировой войны, подтвердил прогноз Ленина. «Розламовцы», не подписавшие составленного в ликвидаторском духе воззвания Брюссельского совещания, не вошли в «Брюссельский блок» и в съезде не участвовали [171]. Несмотря на заявления меньшевиков о контактах с якобы «объединенной» польской социал-демократией, всем последовательным марксистам становилась все более ясной невозможность единства без окончательного разрыва с оппортунизмом [172].

4. Русский и польский пролетариат против милитаризма и национализма

В 1912—1914 гг. опасность мировой войны сделалась особенно реальной: военный пожар вспыхнул на Балканах. На защиту от военной угрозы встали рабочие всего мира, созвав в ноябре 1912 г. в Базеле конгресс II Интернационала. Большевики добились приглашения «розламовцев» на конгресс, а позднее защищали перед МСБ права «розламовских» делегатов, чьи мандаты были признаны всеми членами русской социал-демократической секции, включившей представителей «розламовцев» в состав общей делегации РСДРП [173]. Польские и русские социал-демократы голосовали за антивоенную резолюцию конгресса [174]. Еще в 1912 г. русские социал-демократы предупреждали, что война развернется прежде всего на польской земле, а ее тяготы падут на плечи трудящихся Польши.

Партии польского пролетариата в своих воззваниях напоминали о необходимости совместных революционных действий рабочих всех национальностей России в случае возникновения войны. 2 июля 1914 г.

[169] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 429—430, 636; т. 48, стр. 319—321, 329.
[170] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 428; т. 48, стр. 319.
[171] *Р. А. Ермолаева.* Указ. соч., стр. 87.
[172] «Социал-демократ», 12.XII 1914.
[173] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 292; т. 48, стр. 113.
[174] См.: «Historia Polski», т. III, cz. 2, str. 620.

СДКПиЛ и ППС-левица совместно обратились к пролетариату Польши с антивоенными призывами [175].

Дружный протест русских и польских рабочих против милитаризма явился ответом на разжигание буржуазией военного психоза и связанный с ним разгул национализма. Последний, как разъясняли большевики, был реакцией буржуазии на революцию 1905—1907 гг., попыткой расколоть ряды пролетариата, отвлечь его от классовой борьбы. Поскольку на национальных окраинах, в том числе в Польше, революционное движение получило особенный размах, контрреволюция особенно жестоко и мстительно обрушилась на «инородцев» [176]. Принципы национальной политики царизма были изложены в конце 1912 г. в Думе Коковцевым, обещавшим «благожелательное» отношение тем народам, которые признáют единство и нераздельность империи при первенстве в ней «русской народности и веры православной». Но черносотенным русификаторам даже формула Коковцева казалась слишком либеральной; польский народ, его история и культура были для них объектом постоянной травли [177].

В прямой взаимосвязи с ростом черносотенного шовинизма в России находилось усиление буржуазного национализма угнетенных народов, в частности польского национализма. Пресса националистических партий — ППС-«фракции» и ППСД рисовала Россию одной черной краской, захватнические и ассимиляторские тенденции самодержавия распространяла на весь русский народ. Надежды на революцию в России объявлялись тщетными, а русско-польский революционный союз трактовался как добровольная русификация, вредная попытка отвлечь поляков от подготовки внутренних сил для борьбы за собственные цели. Ссылаясь на опыт 1905—1907 гг., «фраки» утверждали, будто беспочвенные надежды на русскую революцию, слепое копирование тактики и лозунгов русских партий причинили огромный ущерб польскому национально-освободительному движению, дезориентировав его относительно направления и методов борьбы. Не в силах замолчать начавшийся в России новый революционный подъем, «фраки» твердили об отсутствии там якобы субъективного фактора — силы, способной повести за собой массы, старались убедить польский пролетариат в слабости и бесперспективности социалистического движения в России. Единственно возможной формой сотрудничества с ним ППС-«фракция» продолжала считать «координацию сил». Тем самым определялся план завоевания поляками независимости: не борьба против царизма в союзе с народами России, а борьба против России в союзе с любым ее врагом. В июле 1912 г. в Закопане съезд всех «независимских» направлений во главе с «фраками» и людовцами заявил, что революционное движение в Польше прежде всего направлено против России. Ставилась задача привлечения масс к подготовке вооруженного восстания против «главного врага» [178].

Возглавившие эту подготовку «фраки» рассчитывали использовать внешнеполитический фактор, делая ставку на близкую войну России и Австро-Венгрии. В связи с этим они проводили обработку польского общественного мнения в пользу монархии Габсбургов и одновременно старались толкнуть правящие австрийские круги к немедленной войне,

[175] «Czerwony Sztandar», X 1912, N 189; «PPS-Lewica...», t. 2, str. 272—276; CA KC PZPR, 14/III-5, k. 23.
[176] «Социал-демократ», 5(18).XI 1912; 15(28).XII 1913.
[177] «Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты». СПб., 1912 г., сессия I, ч. I, стлб. 262, 294, 296, 298, 392—393.
[178] «Niepodległość», XII 1912, N 1, str. 18, 23; «Sprawa», X 1912, N 4, str. 186.

обещая им вооруженную поддержку польского народа. Результатом поражения России должно было стать объединение Королевства Польского или его части с Галицией — «польским Пьемонтом».

Надежды ППС-«фракции» на скорое осуществление этих планов подогрел балканский кризис 1912 г. В воззваниях ЦРК в октябре 1912 и феврале 1913 гг. содержался призыв не упустить момент для вооруженного выступления против России. Этот призыв был поддержан XI съездом партии и VIII Партийным советом в декабре 1912 г., одобрившими шаги ЦРК по военной подготовке и его рекомендации членам ППС активно участвовать в военной организации. Хотя международная напряженность к весне 1913 г. несколько ослабла, «фраки» в первомайских воззваниях доказывали близость нового обострения обстановки, а IX Партийный совет в ноябре 1913 г. подтвердил неизменность задач борьбы и заявил о серьезных результатах подготовки к ней. Призыв к военным приготовлениям звучал на первомайских митингах 1913 г. в Галиции. Подобную агитацию вели и местные организации ППС-фракции в Королевстве Польском [179]. В качестве конкретной задачи указывалась подготовка военных кадров и оружия. Полякам, мобилизованным в русскую армию, ЦРК рекомендовал организовывать сбор информации о России и ее слабых пунктах, шпионаж, диверсии и т. п. [180]

Не трудно понять характер, какой приобретала подготовка к вооруженному выступлению, если учесть, что военная организация Пилсудского с 1906 г. была связана с австрийской разведкой. Близкий контакт с австрийской полицией и разведкой поддерживали и лидеры галицийской социал-демократии Дашиньский и Сливиньский [181]. Замалчивая национальный гнет в австрийской части Польши, ППСД поддерживала повстанческие антирусские лозунги. 16 октября 1912 г. Дашиньский, призывая пролетариат выступить против военной угрозы, заявил, что в случае австро-русской войны поляки будут бороться за независимость против России. В том же духе были выдержаны воззвание ППСД 18 октября и речи ее лидеров на антивоенном митинге в Кракове 21 октября [182], скорее напоминавшем (как отмечала Крупская, вместе с Лениным присутствовавшая на нем) «митинг, организующий ненависть масс к России» [183]. 25 октября польская фракция австрийского парламента приняла резолюцию ППСД, одобрившую мобилизацию и подготовку к военным действиям, а в ноябре и декабре вновь прозвучали воинственные заявления деятелей партии Хеккера и Либермана [184]. Эти взгляды ППСД распространяла на страницах печати и во время первомайских собраний 1913 г. Курс на поддержку Габсбургов в будущей войне был подтвержден XIII съездом партии в декабре 1913 г. [185]

По этому курсу ППСД и ППС-«фракция» стремились повести массовые организации — рабочие, крестьянские, студенческие. Делая ставку на патриотический подъем молодежи, они старались внушить ей неприязнь

[179] «Robotnik» (PPS-Fr.), I 1912, N 256 (dodatek); XII 1913, N 259; I 1914, N 260; CA KC PZPR, 15/III-2, k. 6; 15/IV-13, k. 4; ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1913 г., д. 11, ч. 42-Б, л. 1; д. 13, ч. 9-Г, лл. 4, 9; ч. 9-Б, л. 57.

[180] «Krytyka», t. XXXV, XI 1912, str. 169; «Robotnik» (PPS-Fr.), I 1912, N 256 (dodatek); *I. Daszyński.* Pamiętniki, t. II. Kr., 1926, str. 115; CA KC PZPR, 15/III-8, k. 5—6.

[181] *W. Najdus.* Lenin w Polsce, str. 170.

[182] «Prawo Ludu», 1.XI 1912; *B. Drobner.* Bezustanna walka, t. I. W., 1962, str. 314; *J. Buszko.* Указ. соч., стр. 302—305.

[183] *Н. К. Крупская.* Указ. соч., стр. 210.

[184] «Krytyka», t. XXXV, XI 1912, str. 197; *I. Daszyński.* Указ. соч., стр. 104—106; *B. Drobner.* Указ. соч., стр. 314.

[185] «Prawo Ludu», 23.VII, 22.XI, 6.XII 1912; *J. Buszko.* Указ. соч., стр. 303—305.

к русскому народу и русской революции, убедить ее в необходимости войны и вооруженного выступления поляков на стороне Австро-Венгрии. Эту цель преследовали выступления видных деятелей обеих партий — В. Гумплёвича, Б. Лимановского, И. Дашиньского в студенческих обществах «Промень», «Чительня академицка», «Знич». О результатах подобной агитации свидетельствовали высказывания печатных органов «прогрессивно-независимской» молодежи. «Промень» и другие молодежные общества участвовали в обучении «стшельцев», организовывали митинги и походы, выступали с докладами, проводя в массы идею вооруженного выступления против России в случае русско-австрийской войны. В этом плане они активно использовали историческую дату —50-летие восстания 1863 г.[186] Годовщина восстания, отмечавшаяся под знаком организации ненависти к России, нашла отклик в различных слоях польского общества. Посвященные ей воззвания Национального рабочего союза и Крестьянского союза призывали готовиться к войне с русскими. Митинги или беседы о восстании 1863 г. нередко заканчивались в деревнях принятием решения о тренировке в стрельбе[187].

В октябре 1912 г. ППС-«фракция», ППСД, ПСЛ, Крестьянский союз, Национальный крестьянский союз независимости, Национальный рабочий союз и Польская прогрессивная партия Галиции создали Временную комиссию объединенных партий независимости для координации усилий по подготовке вооруженного выступления Польши в будущей войне Австро-Венгрии против России. О приближении взрыва Комиссия предупреждала в воззвании в связи с годовщиной восстания 1863 г.[188] Провозгласив «боевой лозунг всей Польши»: «Против России!», она требовала усилить подготовку и в февральском воззвании 1913 г. намечала подробную программу действий польского населения на случай войны, а в 1914 г. обратилась с воззванием к полякам-резервистам[189]. О готовности польского народа выступить на стороне Габсбургов в войне против России Комиссия заявила в «Мемориале», направленном в июле 1913 г. конференции послов, заседавшей в Лондоне в связи со второй Балканской войной[190].

Проавстрийский курс Комиссии критиковали не только угодовцы и эндеки — та часть польской буржуазии, которая рассчитывала на соглашение с царизмом. То, что военные приготовления стали в центр внимания ППС-«фракции», называвшей себя партией рабочего класса, вызывало недовольство в ее собственных рядах. Правда, оппозиционная группа Ф. Перля разделяла линию на обособление от русской революции, но вместе с тем признавала ее победу и свержение царизма необходимым условием для разрешения вопроса о независимости Польши. Воззвание Центральной комиссии ППС-оппозиции в апреле 1913 г. упрекало руководство партии в забвении социалистических идей, в подчеркивании национально-революционного характера организации ППС и требовало перенести акцент на вопросы классовой борьбы[191].

[186] См.: «Promień», III—V 1912, str. 129—130; «Nasza Praca», XII 1912, N 1; VI 1913, N 2; «Nurt», XII 1913—I 1914, II—III 1914; BJ, 6400, k. 5, 16, 60—61, 64, 69—72, 75—77, 129—130, 136—137, 213.

[187] WAP Łódź, KGP, 1835, k. 15; 84, k. 32—36, 52, 66—67; «Krytyka», t. XLI, z. VI, III 1914, str. 345.

[188] «Robotnik» (PPS-Fr.), III 1913, N 256; II 1914, N 260; «Prawo Ludu», 20.XII 1912; «Sprawa», XII 1912, N 6, WAP Łódź, KGP, 84, k. 18—19, 46—47.

[189] ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1913 г., д. 13, т. 3, л. 130; WAP Kraków, NKN, 108, k. 1.

[190] ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1913 г., д. 13, т. 3, лл. 195—198; «Wiek Nowy», 14.VII 1913.

[191] «Placówka», VII—VIII 1912, N 3—4; ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1913 г., д. 13, т. 3, л. 138.

Наиболее последовательно против националистических планов выступали революционные партии польского пролетариата. Разоблачая лозунг «национального единства», ППС-левица противопоставляла австрийской ориентации «международную, а на международном революционном фоне польско-рабочую ориентацию»[192]. На Базельском конгрессе Интернационала она отказалась от совместной с «фраками» и ППСД декларации о войне, призвав рабочих всех национальностей России к совместной борьбе за свои классовые интересы, за демократию и политическую и национальную свободу. В февральском воззвании 1913 г., направленном против Временной комиссии, левицовцы выдвинули лозунг борьбы против войны, а в случае ее взрыва — революционного выступления за свержение царизма и введение демократической республики с широкой автономией Королевства Польского[193]. Эти лозунги члены ППС-левицы отстаивали и на местах, в частности на собраниях галицийской молодежи[194].

Так же решительно разоблачали «фраков», ППСД и проводимую ими пропаганду милитаризма русские и польские социал-демократы. Т. Гневич в статье «Карикатура социализма», клеймя союз «социалистов» во Временной комиссии с ярыми врагами социализма, доказывал, что «революционная фракция перестала быть рабочей организацией». С такой оценкой солидаризировалась «Правда», опубликовавшая статью[195]. Ленин, сообщая Горькому о проавстрийской, воинствующей позиции ППС-«фракции», подчеркивал ее национализм. «Быть за войну общеевропейскую ради одного только восстановления Польши,— писал он впоследствии,— это значит быть националистом худшей марки, ставить интересы небольшого числа поляков выше интересов сотен миллионов людей, страдающих от войны»[196].

Ленин отмечал, что усиление черносотенного шовинизма и буржуазного национализма — великорусского, украинского, польского, армянского и др. делало особенно актуальной задачу РСДРП противопоставить этой волне последовательно марксистские решения по национальному вопросу[197]. При этом «особо почетная и ответственная роль ложилась на социал-демократические организации национальных окраин России»[198]. Между тем в РСДРП не было единства взглядов по национальному вопросу: принятие ликвидаторами, в нарушение программы, культурно-национальной автономии и отказ Бунда от единства национальных организаций на местах внесли раскол в партию. Борьба в РСДРП шла и против попыток СДКПиЛ подвергнуть сомнению записанный в программе РСДРП пункт о праве наций на самоопределение[199].

Историческая задача ясно сформулировать национальную программу РСДРП была осуществлена В. И. Лениным. Работы, написанные им в период пребывания на польской земле, явились результатом творческого изучения огромной литературы, плодом глубокого анализа фактов истории и современности. Ленин показал, что в условиях империализма только пролетариат противостоит как черносотенному шовинизму и великодержавной политике национального гнета, так и буржуазному

[192] «Na Dobie», Jednodniówka. Wilno, 3.VIII 1912.
[193] «Sprawa Robotnicza», Kr., IV 1913, N 10; «PPS-Lewica...», t. 2, str. 281—284, 319—321.
[194] BJ, 6400, k. 60—61, 75—76, 218.
[195] «Правда», 21.II 1913.
[196] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 48.
[197] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 322; т. 24, стр. 115.
[198] «Социал-демократ», 5(18).XI 1912.
[199] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 224—225, 298—299.

национализму угнетенных наций, только он заинтересован в установлении полного равноправия наций, гарантией которого является предоставление широкой областной автономии и демократического местного самоуправления, обеспечение прав родного языка в школе, в делопроизводстве и судопроизводстве [200].

Особое место в программе пролетарской партии Ленин отводил лозунгу права наций на самоопределение, имея в виду самоопределение политическое, то есть право на государственное отделение. Значение этого пункта в программе РСДРП определялось незавершенностью буржуазно-демократической революции и, следовательно, неизбежностью национальных движений в России, а также наличием на ее окраинах более культурных национально обособленных областей, в первую очередь Финляндии и Польши. Ленин учил, что признание права на самоопределение наций не равнозначно признанию целесообразности их государственного отделения в любом случае; он требовал от социал-демократов конкретного учета интересов классовой борьбы пролетариата [201]. Примат классовых задач перед национальными Ленин доказывал, в частности, на примере Польши, обращая внимание на экономический и политический союз польской буржуазии с господствующими классами России и Пруссии против польских, русских и немецких рабочих [202].

Подчеркнув, что пролетарии должны поддерживать в национальном движении лишь его прогрессивную сторону — отрицание национального гнета, демократизм в разрешении национального вопроса,— он разоблачил лозунги «национального единства» и «национальный культуры» как попытку затемнить пролетарское сознание буржуазной идеологией, раздробить силы пролетариата. В связи с этим Ленин боролся против протаскивания ликвидаторами в программу РСДРП пункта о «культурно-национальной автономии», о разделении школьного дела по национальностям. Вскрыв внеисторичность и политическую реакционность «культурно-национальной автономии», он показал, что этот лозунг отвлекает трудящихся от социальной борьбы и борьбы за демократию [203]. Ленин противопоставил ему лозунг интернационального «единства рабочих разных наций в борьбе с *национализмом всякой национальной буржуазии*», за социализм, демократию, за повседневные экономические интересы [204]. «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм,— писал он,— вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие *две* политики (более того: два миросозерцания) в национальном вопросе» [205].

Требуя тесного слияния рабочих всех национальностей во *всех* пролетарских организациях, Ленин указывал, что РСДРП должна ликвидировать национальный сепаратизм, ведущий к расколу, отказаться от таких форм связи рабочих разных национальностей внутри нее, как «полуфедерация», изолировавшая рабочих-«националов» от их русских товарищей. Он подчеркивал, что принцип «единства пролетариев всех наций данной местности с ведением пропаганды и агитации на *всех*

[200] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 149—150, 317, 424—425; т. 24, стр. 144—149, 293—295; т. 25, стр. 85—86, 135—137.
[201] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 314—316; т. 24, стр. 226—229, 325—326; т. 48, стр. 234—235.
[202] Там же, т. 23, стр. 111.
[203] См.: там же, стр.150, 208—211, 316—320, 338, 376; т. 24, стр. 10, 118—119, 123—125, 130—132; т. 25, стр. 144—147.
[204] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 146.
[205] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 123.

языках местного пролетариата» давно практически претворен в жизнь самими рабочими [206].

Разработка Лениным национального вопроса и сформулированные им принципы национальной программы РСДРП стали достоянием широких партийных масс. Большевики пропагандировали их на страницах печати, провозглашали с думской трибуны. Огромное значение для утверждения в российском социал-демократическом движении марксистских взглядов по национальному вопросу имело Поронинское совещание ЦК, в резолюции которого, написанной Лениным, выдвигалось требование безусловно отстаивать право наций на самоопределение как необходимое условие борьбы с национальным гнетом и национализмом. Впервые в партийном документе право наций на самоопределение раскрывалось как право на отделение и образование самостоятельного государства, причем указывалось, что вопрос о целесообразности отделения той или иной нации партия должна решать всегда конкретно, исходя из интересов пролетарской борьбы за социализм. Резолюция совещания призывала к последовательному демократизму в осуществлении полного равноправия наций, провозгласила лозунг областной автономии, отвергнув «культурно-национальную автономию» как проявление национализма, потребовала слияния рабочих всех национальностей России в единых пролетарских организациях. Совещание постановило вынести национальную программу на обсуждение будущего съезда партии, освещать национальный вопрос в партийной прессе [207].

Разъяснение и защита Лениным национальной программы РСДРП оказали огромное влияние на все российское революционное движение. Для польского рабочего движения ленинская разработка национального вопроса, основанная на анализе специфики России и, в частности, национально-освободительной борьбы польского народа, имела важное значение, так как уничтожала почву для националистической демагогии [208]. Это хорошо поняли националисты из ППС, враждебно встретившие резолюцию Поронинского совещания. Они обвиняли русских социал-демократов во вмешательстве в польские дела, старались доказать, будто русские революционеры не могут понять освободительных стремлений угнетенного народа и всегда занимали централистскую позицию, враждебную идее независимости Польши. О провозглашении большевиками права наций на самоопределение правопепеэсовская печать либо вообще не упоминала, либо изображала этот лозунг выражением личного мнения отдельных представителей русской социал-демократии [209].

В своей пропаганде «фраки» использовали то обстоятельство, что между СДКПиЛ и большевиками существовали расхождения по национальному вопросу [210]. СДКПиЛ всегда стояла на интернационалистских позициях, была непримиримой противницей национального угнетения, борцом за социальное и национальное освобождение трудящихся Поль-

[206] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 320; см. также: стр. 210—211, 321; т. 48, стр. 146—147.

[207] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 199, 203; т. 25, стр. 64—72.

[208] О значении этого для расширения массовой базы русско-польского революционного союза см.: *И. С. Яжборовская.* Идейное развитие польского революционного рабочего движения. Конец XIX — первая четверть XX в. М., 1973, стр. 229.

[209] См.: «Nurt», II—III 1914, N 2; «Przedświt», 1912, N 1—6.

[210] См. подробнее: *И. С. Яжборовская.* Разработка В. И. Лениным принципа права наций на самоопределение и отношение к нему СДКПиЛ (дофевральский период). «Ленин и Польша», стр. 241—270.

ши, связывая его с революцией, со свержением самодержавия. В этом позиция партии не отличалась от ленинской. Но Ленин считал, что после революции сам польский народ будет решать, отделиться ли от России или войти в нее на началах полной автономии. Руководство же СДКПиЛ считало лозунг национальной независимости излишним для революции социалистической и неосуществимым для революции буржуазной. В связи с этим польские социал-демократы утверждали, будто признание права наций на самоопределение способствует поддержанию националистических, сепаратистских настроений в Польше. Такого взгляда придерживались как «зажондовцы», так и «розламовцы»; они видели в самоопределении нации альтернативу самоопределения пролетариата[211]. Каменьский писал об этом даже на страницах «Правды»[212]. «Розламовские» делегаты отказались одобрить резолюцию Поронинского совещания по национальному вопросу, а весной 1914 г. Краевое правление СДКПиЛ заявило ЦК официальный протест против включения в программу РСДРП пункта о праве наций на самоопределение[213].

Ленин прилагал много усилий, чтобы помочь польским социал-демократам понять ошибочность их позиций. В конце 1913—начале 1914 г., выступая в Швейцарии, Франции, Бельгии, Германии и Галиции с рефератами по национальному вопросу и используя в них польский материал для доказательства своих основных положений, он уделил большое место критике отношения СДКПиЛ к лозунгу права наций на самоопределение. Вскрывая корни ее «особой позиции», Ленин указывал, что позиция эта, продиктованная угрозой польского мелкобуржуазного национализма, ведет к «национализму навыворот». «Отрицать *право* на отделение,— заявил он,— значит помогать царизму, *потакать* национализму русского мужика»[214].

Польские социал-демократы выступали оппонентами по рефератам Ленина[215]. Основная полемика развернулась во время выступления его в Кракове в марте 1914 г. В переполненном зале «Спуйни» собрались рабочие, студенты, интеллигенция. Присутствовали видные деятели СДКПиЛ, ППС-левицы, ППС-«фракции», ППСД. Доклад на тему «Русская социал-демократия и национальный вопрос» был выслушан с огромным вниманием, вызвал много вопросов и выступлений[216].

Рассматривая национальный вопрос с точки зрения революционных задач пролетариата, Ленин подчеркнул специфику его в России в период перехода к империализму и вытекающую из неизбежности национально-освободительного движения в Российской империи необходимость объединения всех революционных сил под руководством пролетариата. Он указал, что такому объединению служит лозунг демократической централизованной республики в сочетании с лозунгом права наций на самоопределение и отделение. В докладе подчеркивалось, что только такое решение вопроса обеспечит полное и действительное равноправие наций, уничтожит почву для национального недоверия и обособленности, создаст условия для сплочения интернациональной партии пролетариата.

[211] См.: *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 340—341.
[212] «Правда», 13.I 1913.
[213] См.: *Ю. В. Бернов, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 145—147.
[214] *В. И. Ленин.* Полн. собр соч., т. 24, стр. 391.
[215] «Ленинский сборник», т. XVII. М.— Л., 1931, стр. 215.
[216] «Воспоминания о В. И. Ленине», т. I, стр. 452; «Polacy o Leninie», str. 205, 402, 500; *J. Sieradzki.* Указ. соч., стр. 31, 37.

Ленин избегал непосредственной критики СДКПиЛ по национальному вопросу, учитывая присутствие «фраков». Выступавший от их имени в дискуссии Марушевский пытался доказать, что ППС не является мелкобуржуазной партией. Толкуя лозунг права наций на самоопределение непосредственно как лозунг независимости Польши, он делал заявку на использование в борьбе за независимость лозунгов «единства нации» и «национальной культуры».

Левицовцы поддержали лозунг самоопределения наций и протест против «культурно-национальной автономии». Выступая за гарантии прав национальных меньшинств, за автономию национальных округов, Я. Лазовский (Лазаньский) настаивал на децентрализации России с учетом роли и степени развития каждой нации. Э. Пшибышевский заявил, что самое полное разрешение национального вопроса в Польше обеспечит лишь ее независимость.

С критикой национальной программы РСДРП выступили «розламовцы» Г. Каменьский и В. Краевский. Они заявили, будто лозунг самоопределения наций создает лазейку для польского национализма и непонятен польским рабочим, которым нужен прямой ответ: независимость или нет. Каменьский доказывал, что раз нет единых наций, не может быть и их самоопределения, что оно не нужно пролетариату — классу, стремящемуся к интернациональному сплочению. Единственным лозунгом пролетариата они считали самый общий, последовательно интернационалистический лозунг борьбы против национального гнета.

В заключительном слове Ленин отметил, что выдвигаемый польскими социал-демократами принцип интернационализма есть высший пролетарский принцип. Но одновременно он указал на ошибку СДКПиЛ, не понимавшей разницы между революционной постановкой вопроса о праве наций на самоопределение и попытками использовать этот лозунг для националистической агитации. Ленин подчеркнул, что даже националистическая трактовка этого лозунга «фраками» не так страшна и вредна, как вредно и губительно отрицание права на самоопределение, дающее пищу национализму угнетающей нации. Необходимость противостоять идеологии великодержавного шовинизма, веками воспитывавшегося в русском народе, делала лозунг самоопределения практическим, жизненным лозунгом РСДРП, без которого невозможны ни действительная интернациональная солидарность, ни завоевание демократии [217].

Доклад Ленина, его ответы выступавшим в дискуссии произвели на аудиторию глубокое впечатление. Характерно, что у многих из присутствовавших, искавших прежде всего ответа на вопрос о Польше, это впечатление формулировалось так: «Ленин прочел доклад о праве Польши на независимое существование» [218]. Такой отзыв убедительно подтверждал, что выдвижение лозунга о праве на самоопределение революционером угнетающей нации помогало ликвидации недоверия и предубеждения со стороны представителей нации угнетенной, способствовало укреплению солидарности пролетариата всех угнетенных наций России.

Защите этого лозунга, обоснованию § 9 программы РСДРП была посвящена вышедшая в июне 1914 г. одна из важнейших ленинских

[217] «Ленинский сборник», т. XVII, стр. 225—233.

[218] См. о воспоминаниях Ю. Звежа в кн.: *J. Buszko.* Społeczno-polityczne oblicze Uniwersytetu Jagiellońskiego w dobie autonomii galicyjskiej (1869—1914). Kr., 1962, str. 72.

работ по национальному вопросу — «О праве наций на самоопределение»[219]. Она возникла как ответ на опубликованную в 1908—1909 гг. статью Р. Люксембург «Национальный вопрос и автономия», ошибочные положения которой были использованы ликвидаторами для атаки на национальную программу партии. Ленин показал, что отказ от рассмотрения конкретного этапа национального движения в России и его специфики привел Люксембург к неверному выводу, будто наличие чисто капиталистических экономических связей России и Польши исключает возможность отделения последней. Опровергая ее утверждение о ненужности лозунга самоопределения наций для пролетарской партии, он показал острую необходимость этого пункта для партий всего Востока и России в том числе, где эпоха буржуазно-демократических революций и складывания национальных государств еще не завершена. Поскольку Р. Люксембург называла лозунг права наций на самоопределение «непрактичным», Ленин указал, что «практицизм», «осуществимость» требований в национальном вопросе есть буржуазный принцип, что пролетариат, ставя на первый план интересы своего развития, поддерживает неуклонно лишь борьбу с национальным гнетом и национализмом, и осуществление этой главной «непрактичной» задачи необходимо требует лозунга самоопределения наций, отказ от которого на руку буржуазии нации угнетающей. Ленин понимал, что ошибочная позиция польских социал-демократов возникла в специфической обстановке ожесточенной борьбы против польского национализма. Но отрицать необходимость признания права на самоопределение в программе российских марксистов, заявлял он, «это значит [...] переносить отношения, понятные с точки зрения краковского горизонта, на масштаб всех народов и наций России, великороссов в том числе. Это значит быть «польскими националистами навыворот», а не российскими, не интернациональными социал-демократами»[220].

Критикуя ошибки Люксембург, Ленин в то же время проводил резкую грань между нею и оппортунистами. Он указывал на неосновательность попыток «фраков» использовать разногласия большевиков и СДКПиЛ в национальном вопросе. Подчеркивая, что не может быть и речи ни о каком единстве с ППС-фракцией, «не пролетарской, не социалистической, а мелкобуржуазной националистической партией»[221], Ленин заявлял о близости и единстве с СДКПиЛ, отмечал громадную историческую заслугу польских социал-демократов, создавших действительно пролетарскую, марксистскую партию Польши, провозгласивших «величайшей важности принцип теснейшего союза польского и русского рабочего в их классовой борьбе»[222].

Статья Ленина «О праве наций на самоопределение» завершила целый этап борьбы большевиков за марксистскую постановку национального вопроса, за разъяснение массам национальной программы партии. Для социал-демократии Польши, где национальный вопрос играл особую роль, эти разъяснения были особенно важными. И хотя осознание польскими марксистами правильности ленинского учения по национальному вопросу пришло позднее, борьба Ленина и большевиков на этом этапе за укрепление интернационального союза русского и польского пролетариата имела огромное значение.

[219] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 257—320.
[220] Там же, стр. 294.
[221] Там же.
[222] Там же, стр. 298.

5. Пропаганда идеи русско-польского революционного союза и связи русской и польской общественности

Борьба против шовинизма и национализма, за воспитание русских и польских рабочих в духе пролетарской солидарности играла важную роль в деле распространения среди масс идеи русско-польского революционного союза. Для пропаганды этой идеи русские и польские марксисты использовали все средства, и прежде всего легальную печать.

На страницах газет «Правда», «Невская звезда», «Наш путь», журналов «Просвещение», «Металлист», «Вопросы страхования» и других польская тематика была представлена широко и разнообразно. Так как материал прессы был адресован в первую очередь рабочим России, основной акцент делался на проблемах Королевства Польского. Освещались аграрные отношения и положение рабочих различных отраслей производства, их борьба с капиталом.

Подчеркивая необходимость противопоставить организованной силе капитала организацию пролетариата, большевистская печать внимательно следила за развитием профсоюзного движения в Польше, рекомендовала русским рабочим материалы о положении польских профсоюзов[223]. В свою очередь, корреспонденции польских пролетариев содержали призыв организовываться в профсоюзы по примеру питерских рабочих, читать «Правду» и «поближе сойтись» с нею, как с «единственно последовательной» рабочей газетой[224].

Ставя целью воспитание классовой и интернациональной солидарности, «Правда» и другие газеты рассказывали об участии польского пролетариата в общероссийских политических акциях. Пресса писала об откликах в Польше на ленский расстрел и насилия над политкаторжанами, на дело Бейлиса и удаление из Думы левых депутатов, о протестах против празднования 300-летия дома Романовых, о стачках, демонстрациях и митингах 9 января, 1 Мая и т. д. Широко освещался ход думской и страховой кампаний в Королевстве Польском.

Задаче воспитания интернационализма, укрепления революционного союза русского и польского пролетариата служила публикация в большевистской печати материалов о деятельности революционеров в Королевстве Польском. Печатались сообщения, касающиеся революционной агитации и организации не только польской социал-демократии, но и других польских партий, в первую очередь левицовцев. «Правда» информировала также о деятельности ППС-фракции и ППСД, проводя в то же время активную борьбу против пепеэсовской идеологии.

Освещая на страницах своих изданий картину польского революционного движения в целом, большевики подчеркивали революционные заслуги СДКПиЛ, отмечали вклад в дело общей борьбы против царизма выдающихся представителей «розламовцев» и «зажондовцев». Большевистская печать сообщала о выходе книг Ю. Мархлевского и Р. Люксембург, способствовала их распространению. Люксембург печаталась в «Невской звезде», числилась в списке сотрудников «Правды» и помогала ей в получении заграничных изданий. В феврале 1913 г. большевичка А. Товбина сообщала редакции «Правды» из Берлина, что Р. Люксембург обещала дать материал к Международному женскому дню и про-

[223] См., например: «Путь правды», 16.IV 1914.
[224] «Путь правды», 13.IV 1914; «Рабочая правда», 18.VII 1913.

сила регулярно высылать газету[225]. «Правда» выражала свои симпатии польской революционерке в связи с ее борьбой против оппортунизма в германской социал-демократии. Накануне первой мировой войны газета с тревогой сообщала о процессе, затеянном против Люксембург военным министерством Германии[226]. Сочувствием было проникнуто и сообщение об аресте и осуждении на каторгу Ф. Дзержинского в 1914 г.[227]

Неся в рабочие массы идеи интернационализма и русско-польского революционного союза, большевистская пресса выступала в защиту польских трудящихся против проявлений национального угнетения. Она публиковала материалы об отделении Хелмщины, введении городского самоуправления в Королевстве Польском, об увольнениях поляков — служащих Варшавско-Венской железной дороги, о преследовании польского языка и т. д. Ленинская печать разоблачала «конституционные» формы черносотенной национальной политики царизма, срывала маску с так называемой «либеральной оппозиции» — кадетов, показывая их истинные цели в постановке польского вопроса. Столь же бескомпромиссной была позиция большевистской прессы и в отношении антипольской германизаторской политики прусских помещиков и капиталистов.

Одобряя борьбу польского народа за свои национальные права против русификации и германизации, большевистская пресса в то же время резко выступала против польского национализма, против разжигания польской буржуазией ненависти к другим национальностям. Такая позиция вытекала из общей позиции ленинской партии по национальному вопросу, из национальной программы РСДРП, которую большевистские газеты и журналы разъясняли русским и польским читателям. Красной нитью проходила идея солидарности пролетариев всех национальностей России, укрепления их революционного союза в борьбе с самодержавием и капиталом. Эту идею царские цензоры с полным основанием считали самой опасной и преследовали большевистскую печать за каждое «крамольное» выступление, причем «крамольными» нередко оказывались как раз польские материалы. Репрессии царской цензуры служили еще одним доказательством того, какой важной и действенной была большевистская пропаганда идей интернационализма, какое значение имел лозунг русско-польского революционного союза.

Осуществляя на практике этот лозунг, русские и польские социал-демократы вместе вели агитационно-пропагандистскую работу. Контакт с большевистскими изданиями поддерживали Р. Люксембург, Б. Весоловский и другие видные польские революционеры. Постоянным сотрудником «Невской звезды», «Правды», «Просвещения» был З. Фаберкевич, который выступал преимущественно по политическим вопросам, связывая их с главной целью рабочего класса, с программой социал-демократии. Его статьи звали пролетариат к сплочению, указывая пути и способы организации. Данский, с 1911 г. находившийся на партийной работе в России, печатался в «Невской звезде», «Правде», «Нашем пути», в журналах «Просвещение», «Металлист», «Вопросы страхования». Он также уделял много внимания анализу положения пролетариата, проблемам экономической и политической борьбы рабочих, роста пролетарской сознательности. Данский и Фаберкевич были одними из основателей и руководителей журнала «Вопросы страхования» и издательства «Прибой»[228].

[225] ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1913, д. 5, ч. 1-Б, л. 21.
[226] «Трудовая правда», 21.VI 1914.
[227] «Путь правды», 3.V 1914.
[228] См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, стр. 373.

С большевистскими изданиями сотрудничали не только те польские социал-демократы, что работали в Петербурге. В «Правде» и в «Просвещении» появлялись статьи и корреспонденции Ю. Леньского из Варшавы, посвященные страховой кампании в Королевстве Польском. В «Правду», «Наш путь», «Просвещение» писали из Кракова А. Малецкий и Г. Каменьский. Они выступали против ликвидаторов и буржуазных партий, против клерикализма и буржуазного национализма. Особенно важными для укрепления польско-русского революционного союза были контакты «Правды» и других изданий большевиков с польскими рабочими и крестьянами. За 2 года с момента основания «Правды» в газете были опубликованы 17 резолюций, 29 общих корреспонденций, 136 сообщений о стачках, присланные из Варшавы, Лодзи, Ченстоховы, Люблина [229]. Редакция отвечала на вопросы польских читателей, просила присылать заметки и материалы. 26 июня 1913 г. газета поместила письмо 1819 польских рабочих, заявивших о солидарности с русским пролетариатом в борьбе за социальное и национальное освобождение. Польские пролетарии приветствовали «Правду» за то, что она «живет одним духом и чувством с пролетариатом всех национальностей», будит его от спячки [230]. Они призывали поддержать материально рабочую газету, присылали в ее фонд собранные по грошам деньги. Регулярно публиковавшиеся «Правдой» денежные отчеты показывали, что пожертвования, предназначенные для помощи бастующим, жертвам репрессий и т. п., поступали от рабочих и представителей интеллигенции, причем не только социал-демократов, но и левицовцев.

Польские социал-демократы — «розламовцы» и «зажондовцы» — находили в «Правде» ответ на текущие вопросы борьбы, извлекали «повседневные практические уроки» [231]. Поэтому спрос на газету в Варшаве и Лодзи был большой, и вставала задача увеличить ее распространение в Польше [232]. В 1912 г. в Королевстве Польском было 37 подписок на «Правду» (из них 21 — в Варшаве), в 1914 г. число их возросло до 221 в 10 пунктах Королевства Польского [233]. Эти факты свидетельствовали о том, что «Правда» успешно осуществляла поставленную перед собой цель стать «всероссийской рабочей газетой». Шагом на пути сплочения пролетариата всех национальностей вокруг большевистской газеты явился проведенный по инициативе «Правды» День рабочей печати 22 апреля (5 мая) 1914 г. Среди приветствий, полученных редакцией со всех концов страны, было много писем из Королевства Польского [234]. Представительство польских марксистов писало, что «день 22 апреля 1912 г. был поистине исторической датой для русских рабочих, а вместе с ним для пролетариев всей России без различия национальности» [235]. Такое признание заслуг и значения деятельности «Правды» показывало, что газета выполнила свою задачу, способствуя распространению идей большевизма, помогая организации масс. «Правдистское поветрие», которого боялись меньшевики, охватило и Польшу [236].

Деятельность большевистских изданий получила признание и польской прогрессивной прессы. Орган Краковского союза помощи полит-

[229] «Правда», 23.IV 1913; «Путь правды», 22.IV 1914.
[230] «Правда», 26, 27.VI 1913; «За правду», 13.X 1913.
[231] *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 319.
[232] ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1913, д. 5, ч. 1-Б, л. 15.
[233] «Пролетарская правда», 3.I 1914; «Путь правды», 22.IV 1914.
[234] «Путь правды», 27.IV; 6, 15.V 1914.
[235] «Путь правды», 25.IV 1914.
[236] «За правду», 25.X 1913.

заключенным «Вензень политычный» установил контакт с «Правдой» и обменивался с ней материалами[237]. Все социалистические и социал-демократические силы в Польше отмечали заслуги русской рабочей печати перед историей, которыми по праву может гордиться русский пролетариат, призывали следовать его примеру. З. Фаберкевич, приветствуя выход 201-го номера «Правды», отмечал энергию и настойчивость создавших газету русских рабочих, предсказывал, что вскоре будут преодолены препятствия и на пути развития социал-демократической печати в Польше[238].

«Розламовцы» еще весной 1913 г. делали попытки создать легальную газету, опираясь на помощь питерских большевиков; с этой целью в Петербург выезжал Ганецкий. Результатом его усилий явился выход в июле 1913 г. газеты-однодневки «Ютшня», освещавшей общерусские сюжеты и, в частности, отметившей годовщину выхода 1-го номера «Правды»[239]. В апрельском воззвании 1914 г. Варшавский комитет СДКПиЛ призвал к борьбе за завоевание свободной прессы по примеру петербургских рабочих[240]. Органом такой свободной печати стала легальная «Нова трыбуна», основанная в марте 1914 г. в Петербурге[241].

Сообщая о выходе № 1 «Новой трыбуны», «Правда» писала, что «польские сознательные рабочие марксисты получили, наконец, возможность всестороннего освещения общественной и политической жизни с классовой точки зрения, обсуждения нужд своих профсоюзных и культурных организаций». Приветствуя «польского собрата», она констатировала «последовательно марксистское направление» нового издания, которое «выражает мнение большинства польских рабочих-марксистов», и призывала «всех друзей польского марксизма» поддержать его[242]. Еще в 1913 г. большевистская думская «шестерка» передала в фонд польского издания 200 руб., собранные русскими рабочими[243]. В 1914 г. большевики также проводили сборы на «Нову трыбуну». 3 мая 1914 г. газета сообщала о взносе Ленина и присланном им приветствии[244]. «Правда» помещала объявления «Новой трыбуны», выступала на защиту ее от цензорского произвола. Печатая рецензии на все номера «Новой трыбуны», как «Правда», так и «Просвещение» высоко оценивали выступления газеты, подчеркивая, что она ставит «волнующие рабочий класс вопросы», «выражает мнение огромного большинства сознательных рабочих Польши, координирующих свои действия с сознательными рабочими России, сторонниками последовательных неурезанных лозунгов, и с выразительницей воли российских рабочих на думской трибуне РСДР фракцией»[245].

Действительно, «Нова трыбуна» сразу заявила, что «традицией польских марксистов было всегда идти плечом к плечу с русским пролетариатом». «Эта традиция сегодня является живой действительностью в совместных действиях рабочих масс»,— писала газета[246]. Развивая эту

[237] *С. М. Фалькович.* Русские связи..., стр. 236; WAP Kraków, ZPWP, 11.
[238] «Правда», 23.XII 1912.
[239] *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 317, 320.
[240] AGAD, KGW, 1914, ref. I, 12, cz. 2, k. 69.
[241] См.: *А. Я. Манусевич.* «Нова Трыбуна» — польская легальная газета правдистского направления. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XXVIII. М., 1964, стр. 26—43.
[242] «Путь правды», 25.III, 2.IV 1914.
[243] *А. Я. Манусевич.* «Нова Трыбуна»..., стр. 35.
[244] «Nowa Trybuna», 3(16).V 1914.
[245] «Просвещение», 1914, № 5, стр. 112; № 6, стр. 106—107.
[246] «Nowa Trybuna», 18.IV (1.V) 1914.

традицию, она уделяла много места проблемам общероссийской борьбы, печатала материал о стачках и первомайских выступлениях, о страховой кампании и профсоюзном движении в России. В газете освещались выступления членов думской «шестерки», были помещены разработанные ими анкета и законопроект о восьмичасовом рабочем дне.

Такой курс «Новой трыбуны» показывал, что она разделяла взгляд большевиков на печать как на коллективного агитатора и организатора. Польская газета неоднократно напоминала, что русские рабочие сами выпестовали свою прессу, а она помогла им сплотиться под знаменем последовательного марксизма. К этому «Нова трыбуна» призывала и польский пролетариат, считая себя «правдистским» органом одной из национальных окраин России. К таким органам «Нову трыбуну» причисляла и «Правда», призвавшая ее участвовать в Дне рабочей печати 22 апреля (5 мая) 1914 г.[247] Ответом польских марксистов была подготовка к празднику рабочей прессы. Приветствуя в этот день «Правду», «Нова трыбуна» звала ее «служить рабочему классу без различия национальностей, освещая ему светом последовательного марксизма тернистый путь движения». «Этот праздник — и наш праздник,— заявляли поляки.— Да здравствует братство русских и польских рабочих!»[248]

Идея русско-польского революционного союза находила отклик и за пределами рабочей среды; в широких кругах русской и польской общественности наблюдался рост интереса к революционному движению, к общественной и культурной жизни соседнего народа. Развитие капитализма перемешивало и сближало не только пролетарские, но и интеллигентские слои разных наций. В университетах Петербурга, Одессы, Киева, Москвы преподавали известные польские ученые — Я. Бодуэн де Куртэнэ, Л. Петражицкий, А. Ледницкий, Ф. Каменьский, Ю. Сохоцкий, Я. Пташицкий, А. Вериго и др. Существовали постоянные связи ряда русских научных центров с Академией знаний в Кракове. Действительными членами Академии являлись А. Шахматов, Н. Кареев, И. Линниченко.

Корреспондентом Академии был русский революционный эмигрант Б. Вигилев, поддерживавший контакт с многими представителями польской интеллигенции, постоянно или временно жившими в Галиции,— А. Стругом, Б. Лепким, В. Орканом, К. Виткевичем, А. Загурской и др.[249]

Большинство русских революционеров-эмигрантов на польских землях с большим вниманием изучали польскую действительность[250]. Революционная и прогрессивная интеллигенция России привлекала польских авторов к сотрудничеству в русской периодике, стремилась осуществить издание переводов польских книг и брошюр. В кругах передовой русской общественности была широко известна поэзия М. Конопницкой, С. Выспяньского, проза Г. Сенкевича, Б. Пруса, С. Жеромского, А. Струга. Большевистские издания помещали анонсы и рекламы польских книг и периодики, включали в рекомендательные списки литературы и публиковали произведения Э. Ожешко, Г. Сенкевича, М. Конопн-

[247] «Путь правды», 25, 27, 28, 29.III 1914; «Рабочий», 22.IV 1914.
[248] «Путь правды», 22.IV 1914.
[249] «Rocznik AU w Krakowie. 1913/1914». Kr., 1914, str. 48, 166, 169, 172; «Polacy o Leninie», str. 250—251; *J. Sieradzki.* Указ. соч., стр. 64—65.
[250] Н. К. Крупская, например, интересовавшаяся вопросами народного образования и просвещения, обращалась к польской литературе, привлекала галицийский материал для освещения этих проблем в большевистской печати («Пролетарская правда», 24.XII 1913; «Polacy o Leninie», str. 385).

ницкой и др. Знакомя пролетарского читателя России с польской литературой, большевики стремились подчеркнуть ее передовые, революционные тенденции. Эти тенденции они прослеживали и в польской истории, указывали на глубокую традицию совместной революционной борьбы русских и поляков. Большевистская печать отмечала, что и в XIX в. «мысль о революции в России была неразрывно связана с мыслью о польском восстании»[251]. Она доказывала, что наследником революционного прошлого Польши, защитником и продолжателем прогрессивных традиций польского народа является пролетариат[252].

Подтверждением этому служил интерес, который польские рабочие, в свою очередь, проявляли к русской культуре, ко всем сторонам русской жизни. В основе его лежало стремление теснее сблизиться с союзником в общей борьбе против социального и национального гнета. Прямо противоположную цель преследовали националистические круги польской буржуазии: их интерес к русской действительности был обусловлен задачей подготовки восстания против России. Характерно, что в 1912—1914 гг. тематика лекций «на русские темы» в краковской Школе политических наук касалась, главным образом, государственного устройства, политики, экономики, финансов, религии, просвещения Российской империи в их связи с Польшей, с польским вопросом[253].

Но, стремясь к осуществлению своих антирусских планов, польская националистическая интеллигенция должна была считаться с настроениями рабочих масс, с живым интересом, вызванным богатой русской культурой, и прежде всего литературой. Поэтому пресса Королевства Польского и Галиции часто публиковала произведения Толстого, Чехова, Горького, Вересаева, Аверченко, Зайцева и других русских писателей, печатала переводы украинской прозы (Коцюбинского, Стефаника, Яцкова, Винниченко) и поэзии (Т. Шевченко). В марте 1914 г. передовая польская общественность торжественно отмечала столетие Шевченко. В Кракове состоялся юбилейный вечер, на котором присутствовал В. И. Ленин[254]. Выражая братские чувства к украинскому народу, польский пролетариат противопоставлял свою позицию позиции буржуазных польских националистов, выступавших против украинской культуры, отрицавших право украинского народа на самостоятельность.

Голоса, звучавшие со страниц польской прессы в Королевстве Польском и Галиции, свидетельствовали о том, что позиция пролетариата в отношении русского народа и русской культуры оказала влияние на прогрессивную часть интеллигенции. Это проявлялось, в частности, в попытках на основе анализа русской литературы сделать заключение о степени зрелости национального самосознания русского народа как необходимого фактора русско-польского сближения[255]. Идеалистическая трактовка этой проблемы не зачеркивала значения самого факта постановки польской немарксистской интеллигенцией вопроса о сближении двух народов. Результатом такой постановки были выступления в печати против бойкота гастролей Художественного театра в Варшаве, в защиту Жеромского от обвинений в «русофильстве»[256] и т. п. Даже издания, в целом поддерживавшие программу националистических кругов, не могли

[251] «Путь правды», 17.V 1914.
[252] «Невская звезда», 16.IX 1912.
[253] AGAD, Biuro pracy społecznej, 78/1.
[254] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 353.
[255] См., например, статью Э. Захорского в кн.: «Krytyka», t. XXXIV, IV 1912, str. 221; V 1912, str. 308—313.
[256] «Krytyka», t. XLIII, z. 1, VII—VIII 1914, str. 116; t. XXXVI, IX 1912, str. 158.

не отразить на своих страницах восхищения передовой польской общественности героизмом русских революционеров, их самоотверженностью, бескорыстием, силой их духа [257]. Уважение и симпатия к русскому народу и его лучшим представителям были характерны для многих выдающихся деятелей прогрессивной польской интеллигенции. В. Оркан подчеркивал свои интернационалистские взгляды. На этническую и психологическую близость поляков и русских указывал Я. Каспрович, призывая преодолеть искусственную пропасть между ними [258].

С такими взглядами и настроениями польской творческой интеллигенции могли непосредственно ознакомиться русские революционные эмигранты в Галиции. В Кракове и его окрестностях в 1912—1914 гг. жили актеры (И. и Л. Сольские), художники (В. Тетмайер, Л. Вычулковский, Т. Аксентович, К. Виткевич, С. Масловский и др.), писатели (С. Жеромский, В. Реймонт, Г. Сенкевич, Я. Каспрович, В. Оркан, С. Виткевич, К. Тетмайер, А. Струг и др.). Они часто собирались в пансионе Плонки в Закопане, вели дискуссии на политические темы. Кафе Плонки посещали и русские революционеры. Ленин познакомился там с Каспровичем и другими известными деятелями польской культуры [259].

Многие контакты Ленина с польской интеллигенцией были установлены при посредстве Б. Вигилева, имевшего доступ к собранию нелегальной печати СДКПиЛ, ППС-левицы, ППС-«фракции», ППСД в Закопане, поддерживавшего связь с политическими деятелями различных направлений, в первую очередь с социал-демократами и идейно близкими ему левицовцами, которым он помогал в нелегальной переправке через границу, в организации явок, надежных убежищ в горах и т. п. [260] Вигилев имел знакомства и среди видных деятелей ППС-«фракции» и ППСД, находившихся в Татрах в 1912—1914 гг. (К. Праусс, Э. Хеккер, В. Фельдман и др.). В его доме бывали многие рядовые представители польской прогрессивной общественности — социал-демократы Громковские, семья старого «пролетариатца» Длуского, быв. народоволец Бжезиньский, сторонник анархо-синдикализма А. Буцевич, близкий к «фракам» К. Стецкий и др. Все они, так же как доктор Л. Пинкус, учительница В. Штегман, студент Ю. Оппенгейм, были активными членами Краковского союза помощи политзаключенным. Большинство из них знали В. И. Ленина и других русских эмигрантов, участвовали в совместных с ними прогулках и беседах [261]. Наиболее близкие отношения сложились у большевистской колонии в Поронине с «розламовцами». Они вместе обсуждали актуальные политические вопросы. Летом 1914 г., когда особую остроту приобрели проблемы войны и революции, Ленин разъяснял польским товарищам задачи пролетариата и его партии в новой обстановке, развенчивал надежды некоторых из них на быстрое окончание войны [262].

Начавшаяся война создала новую обстановку и для самих русских революционных эмигрантов в Галиции. В то время как значительная часть польских трудящихся и прогрессивной интеллигенции относились

[257] «Krytyka», t. XXXIII, VI 1912, str. 294; t. XXXIV, IV 1912, str. 219—220.
[258] *W. Najdus.* Lenin w Polsce, str. 193; *M. Kasprowiczowa.* Dziennik. W., 1958, str. 112; «Polacy o Leninie», str. 233.
[259] «Polacy o Leninie», str. 143, 214—215, 217, 237, 249.
[260] *W. Najdus.* Lenin w Polsce, str. 73, 76—77.
[261] «Polacy o Leninie», str. 209—211, 250—252; *J. Sieradzki.* Указ. соч., стр. 39—40, 64—65; *W. S. Surmińska.* Borys Wigilew — poroniński przyjaciel W. I. Lenina. «Z Pola Walki», 1965, N 2 (30), str. 119.
[262] «Polacy o Leninie», str. 45—48.

к русским революционерам с прежней симпатией, националистические польские круги сеяли недоверие ко всем русским, стараясь настроить враждебно к ним темную крестьянскую массу [263]. Именно в такой атмосфере возник донос на В. И. Ленина. В доме, который семья Ульяновых снимала в Белом Дунайце возле Поронина, был произведен обыск, а сам Ленин заключен в тюрьму в Новом Тарге.

В условиях военного времени выдвинутое против Ленина обвинение в шпионаже угрожало его жизни. В этих обстоятельствах польские трудящиеся и передовая общественность Галиции пришли на помощь. В борьбе за спасение жизни Ленина активно участвовали политические деятели различных направлений [264]. Энергичные усилия для его освобождения прилагали руководители ППС-левицы М. Кошутская, М. Хорвиц, Ф. Кон в Кракове и Вене. В хлопотах принимал участие А. Варский [265]. Огромную помощь Крупской оказал Ганецкий, добившийся свиданий с Лениным; вместе с Крупской он написал В. Адлеру, обратился с телеграммой к депутату рейхсрата от ППСД З. Мареку [266]. Лидеры ППСД активно содействовали освобождению Ленина. Дробнер и Марек предприняли шаги в Кракове. Марек телеграфировал в Вену и выезжал в Новый Тарг. Туда же телеграфировал депутат Г. Диаманд, протестуя против ареста Ленина. Дашиньский, Диаманд, Марек, Ангерманн вели переговоры с правительством в Вене. Вмешательство столь влиятельных лиц имело решающее значение для исхода дела. Ленин после освобождения благодарил Дашиньского, Марека, Ангерманна, а также сотрудников «Напшуда» Э. Хеккера и К. Чапиньского [267].

На защиту Ленина встали и представители польской интеллигенции. Большое участие в хлопотах принимали доктор К. Длуский, маршалок повята А. Храмец. В Новом Сонче вместе с Мареком обращались в окружной суд по делу Ленина адвокат Г. Сыроп и врач М. Амайзен; в Новом Тарге энергично действовали адвокаты М. Яссем и Мандель. Вигилев, старавшийся создать комитет в защиту Ленина, просил о помощи видных деятелей культуры — В. Оркана, Я. Каспровича, А. Струга, К. Тетмайера, Я. Скотницкого, К. Виткевича, В. Скочиляса, Б. Романишина и др. С такой же просьбой к Каспровичу обращались Марек и Ганецкий. В результате Храмец, Каспрович и Оркан подали новотаргскому вице-старосте А. Гловиньскому прошение об освобождении Ленина, а Скотницкий ходатайствовал за него перед старостой Гродзицким. За эти хлопоты Ленин впоследствии сердечно благодарил Каспровича, Скотницкого, Длуского и Романишина [268].

То обстоятельство, что на защиту вождя русской революции выступили представители широкой общественности Галиции, помогло вырвать Ленина из тюрьмы. Польские друзья, и в частности Каспрович, добились выдачи паспортов для выезда из Австро-Венгрии. Большое содействие

[263] *Н. К. Крупская.* Указ. соч., стр. 239; «Воспоминания о В. И. Ленине», т. II, стр. 87; «Polacy o Leninie», str. 48—49.

[264] См. подробно: *І. І. Белякевич.* З історії боротьби польської прогресивної громадськості Західної Галичини на захист В. І. Леніна в серпні 1914 року. «Українське слов'янознавство», 1970, № 2, стор. 38—50.

[265] Там же, стр. 46; «Polacy o Leninie», str. 99, 211.

[266] *Н. К. Крупская.* Указ. соч., стр. 239—240.

[267] «Polacy o Leninie», str. 20, 25, 32, 201, 245; *І. І. Белякевич.* Указ. соч., стр. 48—49; *J. Sieradzki.* Указ. соч., стр. 69.

[268] *І. І. Белякевич.* Указ. соч., стр. 42—45, 49; *П. М. Калениченко, В. С. Сурмінська.* З історії взаємовідносин В. І. Леніна з російським революціонером Б. Д. Вігілевим у Західній Галичині. «Українське слов'янознавство», 1970, № 2, стор. 56; *J. Sieradzki.* Указ. соч., стр. 58—59, 65—67, 101; «Polacy o Leninie», str. 49—51, 240—241.

при отъезде Ленина и Крупской оказали члены Краковского союза помощи политзаключенным. На их попечение была оставлена значительная часть ленинского архива и библиотеки [269].

Активная помощь, оказанная делу освобождения Ленина, наглядно показала, «как хорошо известен и высоко ценим был этот человек в прогрессивных кругах польской интеллигенции и как много имел друзей среди польских деятелей» [270]. Имя В. И. Ленина как вождя наиболее последовательного крыла русского революционного движения пользовалось уважением даже в тех политических польских сферах, которые были идейно чужды революционному марксизму. Что же касается пролетарских кругов Польши, где идея русско-польского революционного союза имела прочные традиции, то здесь имя Ленина все более становилось символом совместной борьбы за свержение царизма и капитализма, и в ходе этой общей борьбы ленинская мысль все глубже проникала в польское рабочее движение, все сильнее овладевала польскими пролетарскими массами. В этой связи годы пребывания Ленина в Польше и непосредственного соприкосновения с польской действительностью, с партиями польского пролетариата приобретают особое значение по тому вкладу, который они внесли в общий процесс усвоения ленинизма польским рабочим движением.

[269] «Polacy o Leninie», str. 233; *С. М. Фалькович.* Русские связи.., стр. 240.
[270] «Polacy o Leninie», str. 232.

Глава XI

СКВОЗЬ ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Польский вопрос в первый год мировой войны

Начавшаяся в августе 1914 г. в обстановке обострения империалистических противоречий первая мировая война снова внесла в повестку дня вопрос о судьбах польских земель, лежавших на стыке интересов обеих воюющих империалистических группировок. Разумеется, ни одна из них — при самых широковещательных декларациях — не признавала справедливым требование ликвидировать угнетение польского народа и восстановить его независимость[1]. Страны Антанты официально не выходили за рамки признания польского вопроса внутренним делом России. Центральные державы — Германия и Австро-Венгрия, провозгласив одной из своих целей в войне освобождение польского народа от гнета царизма, вынашивали планы захвата Королевства Польского — в форме включения его, согласно германской концепции, в «Миттельевропу» или, согласно замыслам венских правителей, создания из него и Галиции третьего компонента монархии Габсбургов.

Царские генералы и дипломаты, в свою очередь, в вопросе о польских землях делали ставку на присоединение как минимум той же Галиции (в опубликованном 14 августа 1914 г. воззвании верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича торжественно заявлялось об объединении польских земель — не уточняя границ — под скипетром царя на началах самоуправления). Инициатива подготовки воззвания, как и ряда других позднейших предложений относительно изменения внутреннего статуса Королевства Польского, принадлежала министру иностранных дел С. Д. Сазонову, придававшему особое значение задаче снискать расположение польского населения. Однако правящие круги России отнюдь не имели намерения пересмотреть принципы политики царизма в Королевстве Польском[2], хотя они (особенно военные сферы) были очень заинтересованы в лояльности населения польских земель, на территории которых с первых дней войны развернулись ожесточенные военные действия.

Правда, царское правительство несколько раз обращалось к рассмотрению польского вопроса. Уже в ноябре 1914 г. рассматривался сазоновский проект «Основных начал по устройству польского края», предусматривавший некоторую реорганизацию системы управления в польских землях: введение института царского наместника как верховной власти; организацию земства, городского самоуправления, судов

[1] Подробно см.: *J. Holzer, J. Molenda.* Polska w pierwszej wojnie światowej. W., 1973.
[2] «Русско-польские отношения в период мировой войны». М., 1926, стр. 17—19.

присяжных и т. д.; расширение сферы применения польского языка и т. п.[3] Однако этот проект вызвал резкий отпор царских сановников и не был даже опубликован. Возобладало мнение, что по отношению к Королевству Польскому можно допустить только некоторую унификацию с общероссийской системой местного самоуправления.

В январе 1915 г. польский вопрос снова обсуждался в Совете министров, и по указанию царя должен был быть выработан соответствующий манифест с рядом изменений, учитывающий концепцию С. Д. Сазонова. Аналогичные материалы готовились и в феврале 1915 г.[4], однако все ограничивалось распространением на территорию Королевства Польского положения о городском самоуправлении, действовавшего в России (да и это постановление в связи с отходом царских войск не могло быть осуществлено). В период обострения положения на фронте в июне 1915 г. (Варшава была сдана 15 июня) с согласия царя проводило свою работу впервые созванное «совещание русских и польских деятелей». Развернувшаяся в его рамках дискуссия трактовалась как предварительное обсуждение вопроса о порядке осуществления начал воззвания верховного главнокомандующего. Участвовавшие в совещании польские аристократы и крупные капиталисты высказывались за «самоустроение национальной, культурной и экономической жизни края» под скипетром царя. Они представляли себе будущее Королевства Польского как «стройное целое особых законодательных, административных и судебных установлений края, с особою его казною и росписью и с признанием польского языка официальным по всем делам края». Русские же сановники ни в коем случае не соглашались на создание в пределах России «учреждения, по своему устройству и нравам близко подходящего к самостоятельной законодательной палате»[5]. Была создана и работала в июле 1915 г. двусторонняя «Комиссия 12-ти». Предполагалось, что рекомендации обеих сторон будут рассмотрены Советом министров, однако этого также не произошло. Работа русско-польских комиссий вскоре была прекращена. Последний жест в адрес поляков сделал перед взятием немцами Варшавы на открытии третьей сессии IV Государственной думы председатель совета министров И. Л. Горемыкин, который, ссылаясь на высочайшее повеление, говорил о намерении выработать проект предоставления Польше автономии после окончания войны.

Весной 1916 г. С. Д. Сазонов пытался еще раз добиться благоприятного решения своих предложений по польскому вопросу, которые содержали на этот раз постулат созыва сейма и отмены ограничений в области языка, просвещения и религии и т. п., но рассмотрение проекта было прекращено ввиду вынужденной отставки С. Д. Сазонова. Возникали и другие, значительно более урезанные варианты реформ, которые предлагалось осуществить после окончания войны. Однажды, в самом конце 1916 г., в рождественском приказе Николай II намекнул на возможность воссоздания Польши из трех ее частей. Однако военные неудачи царизма не давали никаких оснований для столь широких планов[6]. Более того, в этот период в среде окружавших Николая II германофилов возникали планы уступки Королевства Польского.

[3] «Русско-польские отношения в период мировой войны», стр. 40—47.

[4] Подробно см.: *I. Spustek.* Sprawa polska w polityce rosyjskiej w czasie I wojny światowej. «Problem polsko-niemiecki w Traktacie Wersalskim». Poznań, 1963, str. 115—142.

[5] ЦГИА СССР, ф. 1162, оп. 4, д. 57, лл. 158—184, а также «Русско-польские отношения...», стр. 60—77.

[6] О позиции политических сил России по отношению к Польше подробно см.: *W. Toporowicz.* Sprawa polska w polityce rosyjskiej 1914—1917. W., 1973.

Если правые партии, обращавшиеся к рассмотрению польского вопроса, считали вопрос о Польше внутренним для Российской империи и не желали идти на какие-либо уступки польскому народу и даже его эксплуататорской верхушке, то кадеты приветствовали воззвание Николая Николаевича; среди них было сильно настроение в пользу автономии Польши, которое весной 1915 г. обрело форму законопроекта. Этот проект сохранял политическую и экономическую зависимость Польши от России, предоставляя полякам «национальную» и религиозную свободу. Предполагалось даже создание однопалатного сейма. Однако и такой проект в условиях самодержавия не имел шансов быть принятым.

То очевидное обстоятельство, что царская Россия в ходе войны ни в какой степени не собиралась учитывать интересы польского народа, не изменило кардинальной линии польских политиков-русофилов. Преобладающее большинство буржуазии и помещиков Королевства Польского — партии национал-демократов (эндеков) и реалистов, прогрессивная партия и прогрессивное объединение, и ряд других группировок — усиленно демонстрировали свою лояльность по отношению к царизму и поддержку его агрессивных планов. С этих позиций действовал созданный в ноябре 1914 г. Польский национальный комитет; в более скрытой форме эти же позиции разделял контактировавший с Польским национальным комитетом в Петербурге Межпартийный комитет, действовавший на части западных польских земель — в Познанщине и Поморье и др.

Возглавляемый эндеками польский политический лагерь не выходил за рамки согласования своих позиций с внешне- и внутриполитической линией царизма и ориентировался на автономию Польши в рамках Российской империи. Следует заметить, что сам постулат автономии польских земель, неопределенно сформулированный как обещание самоуправления в манифесте великого князя Николая Николаевича, своими истоками восходил к вполне лояльным заявлениям польских политиков типа лидера национал-демократов Р. Дмовского[7]. Уместно напомнить ленинские замечания периода войны об угоднической политике польских буржуазно-помещичьих кругов, не способных проводить линию национального освобождения и идущих на реакционные соглашения с правящими кругами господствующей нации. «Россия есть тюрьма народов не только в силу военно-феодального характера царизма, не только потому, что буржуазия великорусская поддерживает царизм,— писал В. И. Ленин,— но и потому, что буржуазия польская и т. д. интересам капиталистической экспансии принесла в жертву свободу наций, как и демократизм вообще»[8].

Польские политические партии Галиции и западных земель, а также ряд группировок Познанщины, также не выходя за рамки сотрудничества с правящими кругами угнетающих стран, в подавляющем большинстве связывали свои планы с победой европейских центральных держав[9]. Наиболее определенными эти планы были у галицийских буржуазно-помещичьих и мелкобуржуазных партий, создавших в Кракове в августе 1914 г. Главный Национальный комитет и развернувших способствовавшую росту военного угара и националистических настроений широкую кампанию за отвоевание Королевства Польского и создание польского государственного образования в составе монархии Габсбур-

[7] *Р. Дмовский.* Указ. соч.
[8] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 67, 257—258.
[9] «Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego», t. I, 1864—1918. W., 1966, str. 349—350, 353, 365—367.

гов. На волне патриотических настроений были сформированы польские легионы, которые сражались на стороне австро-германского блока. Готовившиеся Ю. Пилсудским в течение ряда лет для организации вооруженного восстания в Королевстве Польском «стшелецкие отряды» после неудачи этого плана влились в легионы, а Пилсудский возглавил последние, что было оформлено приказом австрийского верховного главнокомандующего эрцгерцога Фридриха. Одновременно по инициативе и при ближайшем участии Ю. Пилсудского на территории Королевства Польского была создана тайная военизированная организация «Польская организация войскова», целью которой была диверсионная работа в тылу русских войск [10].

Политический курс Пилсудского нашел поддержку у ряда мелкобуржуазных партий и группировок, образовавших еще в 1912 г. Временную комиссию объединенных партий независимости. В Комиссию вошли и крестьянские партии — «Польске стронництво людове» и «Звёнзек хлопский».

Неопределенные, но широковещательные декларации о независимости Польши, отражающие стремление решить польский вопрос путем объединения польских земель под эгидой Австро-Венгрии, привлекали трудящиеся массы, в которых росло национальное самосознание и желание активно бороться за национальное освобождение. Это движение включало самые разнородные элементы — от истинно радикальных до солидаристско-националистических. Это явно прослеживается, например, в программах объединившихся в декабре 1915 г. в Польске стронництво людове в Королевстве Польском Крестьянского союза («Звёнзек хлопский»), Национального крестьянского союза («Народовый звёнзек хлопский»), деятелей «Заране» и т. д. «Звёнзек хлопский» в программной декларации «Стремления Звёнзка хлопского» (1915) ориентировался на массы: «Польский вопрос перестал быть делом привилегированных классов,— он стал делом трудящихся, делом всего народа... Крестьяне хотят независимой Польши, и может быть на самом деле искренне хотят ее только крестьяне и рабочие... Другие — помещики, капиталисты и т. д.,— если ее хотят, то наверняка в их мечтах эта Польша выглядит иначе, чем та, которой хочет народ...» [11] «Народовый звёнзек хлопский» в своей программе в июле 1915 г. значительно слабее отражал социальные требования крестьянства, выдвигая на первый план национальное освобождение и прямо указывая, что необходимо прекратить «всякую классовую борьбу» [12]. В этой программе явственно видно мощное влияние буржуазно-националистической идеологии.

Однако даже самые радикальные крестьянские и отражающие интересы непролетарских слоев трудящихся города группировки, стремящиеся к национальному освобождению и сочетавшие это требование с постулатами демократизации политического режима и социально-экономического строя, не смогли наметить единственно результативного пути к национальному и социальному освобождению в соответствии с магистральным направлением развития мирового революционного процесса, в союзе с трудящимися массами России и Германии.

Таким образом, в польских землях основные политические силы, выступая против национального гнета, ориентировались на весьма ограниченное, во многом иллюзорное, решение польского вопроса, которое

[10] См. «Galicyjska działalność wojskowa Pilsudskiego. 1906—1914». W., 1967.
[11] *St. Lato, W. Stankiewicz.* Programy Stronnictw Ludowych. W., 1969, str. 125—126.
[12] Там же, стр. 130.

могла бы принести победа одной из воюющих сторон в империалистической войне [13].

Между тем путь к решению польского вопроса — последовательно демократическому, максимально отвечающему интересам и требованиям польского народа [14], лежал в другой плоскости. На этот путь уже неоднократно указывал В. И. Ленин, подчеркивавший, что гарантию полного политического и экономического освобождения польского народа может дать только союз польского и русского пролетариата, только совместная революционная борьба против царизма.

В условиях обострения общего кризиса капитализма, когда в ходе первой мировой войны созревали объективные условия для свержения царизма и развертывания революции в России, это ленинское положение приобретало все бóльшую практическую значимость. Чрезвычайно важным в борьбе с империалистическими державами становился ленинский лозунг права наций на самоопределение, ибо назревал рост национально-освободительного движения угнетенных народов.

Прибыв через Краков и Вену в Швейцарию, В. И. Ленин немедленно развернул энергичную борьбу по сплочению подлинно революционных, интернационалистских сил на платформе борьбы против грабительской империалистической войны, за подготовку пролетарской революции. С первых дней войны он требовал пресечь стремление воюющих держав сохранить угнетение польского народа и еще раз переделить Польшу, торговать ее судьбой, превращать ее в разменную монету в империалистических комбинациях. Ленин энергично боролся за последовательно интернационалистскую позицию рабочего класса угнетавших Польшу государств, видя в этом залог демократического решения и польского вопроса. Разоблачая захватнический характер войны и позицию поддержки агрессивных планов своих правительств, занятую социал-шовинистами, он писал: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России...» [15] В этих условиях он предлагал социал-демократии вести широкую пропаганду, «как одного из ближайших лозунгов, республики немецкой, польской, русской и т. д.» [16], писал на страницах «Социал-демократа» в статье «О национальной гордости великороссов» о том законном чувстве «негодования, презрения и омерзения», какое вызывает тот, кто, «например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов» [17].

Летом 1915 г. В. И. Лениным была написана статья «Вопрос о мире», в которой он подчеркивал, что заключение мира надо связывать с защитой не привилегий той или иной угнетающей нации, а прежде всего права на свободное решение своей судьбы нациями угнетенными. Он указывал, что социалисты как Германии, так и России обязаны признавать и отстаивать право польских земель на отделение [18]. Ленинская политика была политикой самого последовательного отстаивания интересов польского народа. Левые партии Думы, трудовики и эсеры, если и выражали

[13] Подробно о позициях этих сил см.: *Г. Яблоньский.* Политика Польской социалистической партии во время войны 1914—1918 гг. М., 1963.
[14] Об этих требованиях подробно см.: «Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego», t. I, str. 350—352, 367—372.
[15] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 6.
[16] Там же.
[17] Там же, стр. 108.
[18] Там же, стр. 304—305.

на начальной стадии войны симпатии к польскому народу, то не проявляли никакой политической инициативы по части решения его судеб.

Ленинская позиция в польском вопросе, воплотившаяся в линию большевистской партии, в конечном счете приобрела определяющее значение для решения польского вопроса. Развитию революционного движения в России суждено было стать наиболее плодотворным — и оно стало залогом последовательного демократического решения вопроса о судьбах Польши.

2. Сотрудничество СДКПиЛ с РСДРП на левом фланге международного социалистического движения

Еще задолго до начала первой мировой войны международное рабочее движение стало ареной ожесточенной борьбы двух тенденций — революционно-интернационалистской и оппортунистической. Война принесла с собой глубокий кризис большинства партий II Интернационала. Оппортунисты полностью отмежевались от пролетарской революции и проявили себя как социал-шовинисты, перейдя под лозунгом «защиты отечества» на сторону «своей» империалистической буржуазии.

Революционные интернационалисты заняли прямо противоположную позицию — они остались верными социализму и вели революционную борьбу против «своей» империалистической буржуазии.

II Интернационал потерпел крах. И этого, несмотря на все свои старания, не могли замазать замаскировавшиеся оппортунисты-центристы, которые на словах выступали против войны, за мир, а на деле не хотели рвать с социал-шовинистами и задерживали их разоблачение в глазах широких масс.

В. И. Ленин и большевики сразу четко поставили вопрос о необходимости решительного отмежевания от социал-шовинистов, о задаче скорейшего идейного и организационного сплочения международного пролетариата под знаменем социалистической революции. В. И. Ленин убедительно проанализировал причины и сущность идейно-политического краха II Интернационала, показал предательство отказавшегося от революции, выступившего с позиций сотрудничества классов и тем самым разоблачавшего себя в глазах рабочих оппортунизма. В. И. Ленин звал к решительному размежеванию с оппортунистами. «Тут обязательно не только «порицать»,— писал он,— но бить в набат, разоблачать беспощадно, свергать, «снимать с постов» этот паразитический слой, разрушать *его* «единство» с рабочим движением, ибо такое «единство» означает на деле единство пролетариата с национальной буржуазией и *раскол* интернационального пролетариата, единство лакеев и раскол революционеров» [19]. Этот ленинский курс, столь последовательно и верно выражавший задачи также и польского рабочего движения, базировался на глубоком научном анализе нового исторического периода.

Ленинские выступления и работы ясно и определенно показывали подлинные цели воюющих держав, вскрывали истинный смысл империалистической войны как продолжения захватнической империалистической политики мирного времени. Продолжая изучение империализма как высшей и последней стадии капитализма, В. И. Ленин разрабатывал стратегию и тактику пролетарской борьбы на новом этапе мировой войны. Он исходил из определяющего положения о возрастании противо-

[19] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 12.

речий империализма, ведущих к империалистическим войнам, об усилении реакционности внутренней и внешней политики империалистов. Его учение об империализме легло в основу принципиально новой, перешагнувшей через многие представления теоретиков II Интернационала теории пролетарской революции как единственного окончательного разрешения противоречий империализма.

Ленин сделал вывод о том, что в условиях нового колоссального обострения империалистических противоречий, в условиях мировой войны пролетарская революция назрела и непосредственно встает на порядок дня. Одновременно Ленин разрабатывал конкретную программу борьбы международного пролетариата. С точки зрения интересов пролетариата борьбу с империалистической войной надо было превратить в войну с самими империалистами, в пролетарскую революцию. Этой цели служил сформулированный осенью 1914 г. лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую — важная составная часть ленинской теории и тактики по вопросам войны, мира и революции[20]. Это было определение основного направления революционной агитации и пропаганды. С этим лозунгом был непосредственно связан и другой ленинский лозунг — лозунг поражения своего правительства в империалистической войне. В августе 1915 г. Ленин впервые сформулировал важнейшее теоретическое положение о возможности победы пролетарской революции первоначально в одной стране.

Разработка Лениным теории и тактики пролетарской партии по вопросам войны, мира и революции оказала огромное влияние на уточнение позиций революционных сил польского рабочего класса, хотя это был далеко не простой процесс. Авангард польского рабочего класса был одной из наиболее близких к В. И. Ленину сил на левом, революционно-интернационалистском крыле международного рабочего движения.

Как СДКПиЛ («розламовцы» и «зажондовцы»), так и ППС-левица сразу правильно определили характер мировой войны как войны империалистической, несправедливой, захватнической. С первых дней они повели энергичную кампанию против нее, разоблачая агрессивные планы великих держав и политические маневры польской буржуазии. СДКПиЛ, а за нею (с некоторыми колебаниями) ППС-левица сосредоточили свою агитацию на разоблачении соглашательства и национализма ППС-«фракции» как польской разновидности социал-шовинизма.

Легальными и нелегальными методами (через прессу, профессиональные и просветительные организации, стачечные комитеты, организации помощи голодающим безработным и городские муниципальные органы) СДКПиЛ разъясняла массам причины и характер империалистической войны, разоблачала продажность польской буржуазии, ее связи с оккупантами, пропагандировала большевистские лозунги о мире и революции, о революционном выходе из войны, о солидарности польского рабочего класса с рабочим классом России и Германии. Партия стойко продолжала свою линию, зафиксированную в выступлении Р. Люксембург на Штутгартском конгрессе 1907 г. Р. Люксембург, как известно, выступала на конгрессе вместе с В. И. Лениным, взяв на себя внесение и защиту поправок к антимилитаристской резолюции А. Бебеля, гласящих, в частности, что порождаемый войной кризис следует использовать для ускорения свержения власти буржуазии.

[20] См. манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия»: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26.

Уже в полдень 1 августа, когда повсюду проводилась воинская мобилизация, социал-демократы развесили в Варшаве плакаты «Долой войну», разоблачавшие антинародную политику империалистических держав. 2 августа, на второй день войны, в Варшаве состоялось заседание, на котором присутствовали представители двух фракций социал-демократии («зажондовцы» и «розламовцы»), представители ППС-левицы и Бунда (СДКПиЛ представляли Ст. Бобиньский и Я. Долецкий, ППС-левицу — В. Врублевский и Ч. Яхимович-Гроссерова и т. д.). Было решено выработать общий манифест, формулирующий отношение рабочего класса Королевства Польского к войне и выставляющий конкретные политические лозунги, отвечающие задачам текущего момента. Оценка политической ситуации не вызвала разногласий. «Манифест трех социалистических партий по поводу войны» характеризовал первую мировую войну как войну империалистическую, завоевательную и антинародную, развязанную в целях наживы и гибельную для народных масс. Манифест призывал пролетариат «остаться самостоятельной силой в борьбе с правительством, с капиталом и национализмом» и идти «только путем революционной борьбы», не связывая свои требования с победами той или иной воюющей стороны[21]. В ходе обсуждения манифеста в оценке момента и определении конкретных лозунгов сказалась различная степень политической зрелости и понимания задач пролетариата, свойственная этим партиям.

Однако после обсуждения всех предложений была одобрена и принята платформа «розламовцев»: разоблачение империалистического характера войны, организация и революционизирование рабочего класса с целью превращения войны в борьбу пролетариата за политическую власть[22]. В манифесте прямо указывалось, что пролетариат, «чтобы победоносно разрешить свои задачи», «должен завоевать власть, захватить ее в свои руки», что «пролетариат объявляет войну своим правительствам и угнетателям; приближаются минуты рабочей революции, слышны уже звуки революционного марша рабочих батальонов, штурмующих твердыни теперешнего капиталистического строя»[23]. Манифест решительно выступал против шовинизма и национализма и связывал победу пролетариата с верностью пролетарскому интернационализму. «Буржуазной политике — войне всех против всех,— говорилось в манифесте,— пролетариат противопоставляет свою международную солидарность.... Польский пролетариат свои революционные выступления координирует с выступлениями пролетариата России и Европы, вытекающими из революционного стремления к ниспровержению теперешних правительств и организации вместо них правительств народных»[24].

Подписание этого манифеста свидетельствовало о том, что в основном вопросе — в вопросе об империалистической войне и перспективах развития революционного движения — передовые силы польского рабочего класса заняли верную, последовательно революционную позицию, приблизившись к позиции большевиков. СДКПиЛ осталась верна той позиции, которую Р. Люксембург вслед за В. И. Лениным заняла на Штутгартском конгрессе в 1907 г. Более того, социал-демократии удалось повести за собой в этом вопросе и другие социалистические партии.

[21] «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. Materiały i dokumenty. 1914—1918». M., 1936, str. 79.
[22] Там же, стр. 42.
[23] Там же, стр. 78—79.
[24] Там же.

Находившиеся в момент начала войны на территории Галиции революционные деятели (члены Центрального рабочего комитета ППС-левицы М. Кошутская-Костшева и М. Хорвиц-Валецкий; член Главного правления СДКПиЛ А. Варский, член Краевого правления СДКПиЛ Я. Ганецкий и др.) провели в Кракове совместное совещание. В принятой ими резолюции четко формулировалась интернационалистская позиция авангарда польского пролетариата. «Рабочий класс Королевства не может и не должен стать в этой войне на сторону ни одной из воюющих сторон»[25],— гласил текст резолюции. Рабочий класс призывался к решительной борьбе с империалистической войной сначала под лозунгами «социальных завоеваний, полной демократии, национальной свободы», с перспективой развертывания революционных событий после окончания войны, когда «польские рабочие, как те, которых война вырвала из их домов, так и оставшиеся в стране, развернут вместе с русскими товарищами и представителями других национальностей борьбу с царизмом за реализацию своих по-прежнему актуальных лозунгов»[26].

Аналогичное совместное воззвание СДКПиЛ и ППС-левицы было опубликовано 22 августа 1914 г. Это воззвание разоблачало соглашательскую политику польской буржуазии, поддерживавшей кровавые планы и действия империалистических держав. Оно призывало отмежеваться от социал-патриотов из ППС-фракции, «прячущихся под крылом австрийского милитаризма», и подчеркивало, что к свободе ведет другой путь: «Национальная свобода может возникнуть только на обломках нынешнего строя политического бесправия, а путем к этому является революционная борьба пролетариата...»[27] Таким образом, пролетарские интернационалистские силы в польском рабочем движении четко противопоставили свою программу программе соглашателей-националистов.

В 1915 г. позиции авангарда польского пролетариата в стране по вопросу перспектив выхода из войны очень сблизились с ленинскими. В первую очередь это относилось к части актива СДКПиЛ, приближающейся по своим взглядам к ленинскому лозунгу превращения войны империалистической в войну гражданскую. Первомайское воззвание Краевого правления партии (1915 г.) формулировало его так: «...буржуазную войну превратить в войну социально-революционную»[28]. Аналогичные лозунги были названы и в отчете Краевого правления о работе в Варшаве в 1915 г., они содержались и в других документах партии этого периода[29], хотя диалектика лозунга «поражения своего правительства» была понята многими польскими революционерами не полностью[30], что стало причиной ленинской полемики с ними в 1916 г. Правда, один из руководителей ППС-левицы — М. Кошутская-Костшева опубликовала в Сосновце в октябре 1914 г. в подготовленном ею вместе с А. Варским непериодическом выпуске «Глос роботничий» статью «Рус-

[25] *M. Koszutska* (*Wera Kostrzewa*). Pisma i przemówienia, t. I. W., 1961, str. 275.
[26] Там же, стр. 276.
[27] «Socjaldemokracja...», str. 9.
[28] «Rok wojny». Dodatek do N 25 «Gazety Robotniczej», VIII 1915.
[29] «Socjaldemokracja...», str. 3—4, 22, 42.
[30] М. Броньский, например, писал 31 марта 1915 г., что лозунг «война войне» формулирует политическую цель — достижение мира, ленинский же лозунг превращения войны империалистической в гражданскую «не содержит политической цели, в лучшем случае намечая путь к цели». Диалектичность ленинской постановки, позволяющей видеть цель и в установлении социализма и в буржуазно-демократических преобразованиях — в зависимости от конкретной обстановки,— была не ясна не только М. Броньскому (цит. по: *W. Najdus*. Między Brukselą a Zimmerwaldem..., str. 25).

ская с.-д. против войны»[31]. В этой статье она с одобрением приводила текст открытого письма ЦК РСДРП, адресованного Э. Вандервельде, который призывал рабочих России принять активное участие в войне, отложив в сторону свои счеты с царизмом. Она признала полную правоту большевиков, голосовавших в Думе против военных кредитов и решительно отказавших в поддержке царизму.

Одним из принципиально важных программных выступлений СДКПиЛ («розламовцев»), единственной компактной группы польских революционеров за границей, оформившейся как редакционная коллегия «Газеты Роботничей» (Главное правление «зажондовцев» и Бюро заграничных секций СДКПиЛ не функционировали), была редакционная статья «Падение Второго Интернационала», написанная с позиций осуждения оппортунизма, защиты интернационализма и подготовки массовых революционных боев под традиционными лозунгами: «Война войне!» и «Борьба за социализм». Вместе с тем она обнаружила недиалектичность постановки «розламовцами» вопроса революционных перспектив, переведенного в теоретическую плоскость. В ходе чрезвычайно актуальной, своевременной критики социал-шовинизма совершался перегиб в другую сторону — утверждалось, что будто бы имела место *«переоценка значения государственных границ»*: «Социалистические партии перестали понимать, что данное государство, его быт и т. д. является только исторической основой пролетарского движения, а не обязательной предпосылкой его победы, которая не зависит от существования каждого из данных государств, и даже победу социализма, невозможную иначе как в рамках капиталистически развитой части мира, представляли себе в рамках отдельных государств»[32]. В статье не было ни лозунга поражения своего правительства, ни лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую. Таким образом, голое теоретизирование на базе усложняющего анализ специфического положения своей нации привело часть партийных публицистов СДКПиЛ к выводам, кардинально отличающимся от ленинских.

Однако это не означало отказа партии от генерального курса на социальную революцию. Почвой для дальнейшего сближения польских социал-демократов с большевиками стало взаимодействие в рамках международного социалистического движения[33]. В условиях военных действий на территории польских земель, а с июня 1915 г.— в связи с оккупацией Королевства Польского австро-германскими войсками, все важнейшие идейно-теоретические проблемы решались за его пределами.

В течение первого года войны все попытки возобновить деятельность II Интернационала ни к чему не приводили. Но, начиная с лета 1915 г., стали приносить конкретные результаты усилия большевиков по сплачиванию левых интернационалистских элементов в международном социалистическом движении. Собственно, уже весной 1915 г. на международной женской конференции и на конференции социалистической молодежи представители СДКПиЛ («розламовцев» — другие не присутствовали) поддержали ленинский курс на революционный выход из войны.

Представители польских революционных групп особенно активно участвовали в процессе становления Циммервальдского объединения.

[31] *M. Koszutska.* Указ. соч., стр. 278—280.
[32] «Gazeta Robotnicza», II 1915.
[33] О борьбе В. И. Ленина за сплочение левых сил международного социалистического движения см.: *Н. Е. Королев.* Ленин и международное рабочее движение. 1914—1918. М., 1968; *Я. Г. Темкин.* Ленин и международная социал-демократия. 1914—1917. М., 1968.

В предварительном совещании левых социалистов 11 июля 1915 г. в Берне участвовали два польских делегата — А. Варский от Главного правления СДКПиЛ («зажондовцев») и М. Хорвиц-Валецкий от ППС-левицы, явно отделившейся от меньшевиков [34]. Предложение представителя большевиков пригласить и представителя «розламовцев» вызвало возражения Варского и не было принято. На международную социалистическую конференцию в Циммервальде (5—8 сентября 1915 г.) был приглашен и представитель Краевого правления («розламовцев»). Им был К. Радек.

Накануне конференции, в первых числах сентября, при тесном сотрудничестве польских социал-демократов с В. И. Лениным происходила интенсивная доработка идейной платформы левых. На совещании большевиков и «розламовцев» (К. Радек, М. Броньский, Г. Штейн-Каменьский) были обсуждены проекты тезисов о войне и задачах революционной социал-демократии. В. И. Ленин указал на серьезные недостатки тезисов, подготовленных Радеком, а прежде всего на недостаточную критику им оппортунизма, на непонимание всей важности лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую [35]. В тезисы был включен лозунг гражданской войны, но не вошли ни лозунг поражения своего правительства, ни разделение войн империалистических и национально-освободительных.

Вслед за этим совещанием было проведено совещание со всеми делегатами, интересовавшимися платформой левых. Поскольку многие левые на Западе еще не были готовы принять четкую ленинскую оценку положения в международном социалистическом движении и тактические задачи в ленинской формулировке, В. И. Ленин не настаивал на принятии за основу его проекта [36]. Проекты резолюции и манифеста левых были выработаны на основе тезисов «розламовцев» с существенными ленинскими поправками [37].

В. И. Ленин действовал в период создания Циммервальдского объединения в тесном контакте с польскими социал-демократами. При подготовке издания нового теоретического органа «Коммунист» большевики обращались с предложением участвовать в нем к Р. Люксембург; перед открытием конференции прошло совместное совещание представителей ЦК РСДРП и Краевого правления СДКПиЛ.

В ходе работы конференции польские делегаты, сближаясь с В. И. Лениным, единодушно осудили империалистическую войну и выразили глубокое убеждение в том, что польский пролетариат примет самое активное участие в ожидающей международный пролетариат революционной борьбе, которая разорвет оковы национального угнетения, положит конец всякому господству одной нации над другой и обеспечит, в частности, и польскому народу возможность свободного всестороннего развития как равноправному члену в семье народов. Такое заявление, составленное ранее Г. Валецким и совместно обсужденное [38], зачитал от имени всей польской делегации [39] представлявший на конференции ППС-

[34] *W. Najdus.* Między Brukselą a Zimmerwaldem..., str. 22.

[35] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, стр. 91.

[36] *Н. Е. Королев.* Указ. соч., стр. 67—70.

[37] *Я. Г. Темкин.* Ленин и международная социал-демократия, стр. 194.

[38] Выработке совместной позиции польских делегатов помог В. И. Ленин (см.: *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Ленин и польское рабочее движение, стр. 375).

[39] «Die Zimmerwalder Bewegung. Protokolle und Korrespondenz. II. Korrespondenz». Hague — Paris, 1967, S. 98—103.

левицу П. Левинсон-Лапиньский. Постановка национального вопроса в декларации встретила одобрение В. И. Ленина[40]. Сложнее был вопрос о непосредственных путях развития революционного процесса. Ряд польских делегатов считали в тот момент, что революция возможна лишь после окончания мировой войны.

У Розы Люксембург складывалась другая концепция, которую она сформулировала в работе «Кризис социал-демократии» (1915 г.). Империалистической политике, считала она, будет положен конец только в том случае, «если международный пролетариат своим революционным вмешательством проведет жирную черту на его счете». А первейшая задача пролетариата — «принуждение» империалистов «к миру», причем для пролетариата должно быть безразлично — наступит победа или поражение какой-либо из воюющих сторон. Он должен «напасть на империализм в решительный момент, как раз во время войны» и осуществить на практике старый лозунг «война войне» с тем, чтобы сразу начать «развертывание пролетарской политики». Эту политику она мыслила отнюдь не в рамках разоружения, уничтожения тайной дипломатии и т. д., ибо эти требования считала в условиях империализма утопичными. Выход она видела лишь в пролетарской революции, в «уничтожении классового капиталистического государства», а непосредственную задачу — в обеспечении готовности пролетарских масс к активному выступлению против империализма[41]. Очевидно, что концепция была интернационалистской, революционной, но ее слабым местом было отсутствие достаточно продуманного подхода к организации конкретных революционных действий, разрыв задач и лозунгов. Решение этой проблемы могло дать только принятие тезиса о возможности победы пролетарской революции не обязательно в ряде стран.

А. Варский в своей автобиографии указывает на то, что в Циммервальде и Кинтале он занимал ту же позицию, что и Р. Люксембург[42]. Однако это не совсем так. Что касается позиции Р. Люксембург, то она как раз отличалась от позиции представителей группы «Интернационал» в Циммервальде, не взявших курс на организационный разрыв с оппортунизмом и центризмом[43]. А. Варский встал на этот путь не сразу.

Ю. Мархлевский, активно действовавший в рядах группы «Интернационал», а затем и «Спартака», также искал в это время, решительно отмежевавшись от оппортунизма и ориентируясь на рост революционной активности масс (что В. И. Ленин приветствовал в статье «Крах II Интернационала»), теоретические и стратегические решения, соответствующие условиям нового этапа, формы классовой борьбы, обеспечивающие ликвидацию войны. Арест после первомайской демонстрации в Берлине практически выключил его из этой напряженной творческой работы[44]. Однако его труды внесли важный вклад в идейно-политическую концепцию левого крыла международного рабочего движения. Развивая свои взгляды в брошюре «Кризис социал-демократии», Роза Люксембург ссылалась на работу Ю. Мархлевского «Империализм или социализм?» и опиралась и на его общеполитические выводы.

[40] «Ленинский сборник», XVII, стр. 290—297.
[41] *Р. Люксембург.* Кризис социал-демократии. М., 1923, стр. 100—101.
[42] CA KC PZPR, 329/I, k. 19.
[43] См. *Р. Я. Евзеров, И. С. Яжборовская.* Роза Люксембург. Биографический очерк. М., 1974, стр. 238—244. *H. Schumacher.* Walka Juliana Marchlewskiego w szeregach niemieckiej lewicy przeciwko wojnie imperialistycznej. «Julian Marchlewski...», str. 108.
[44] См. также: *H. Schumacher.* Sie nannten ihn Karski. Berlin, 1964.

ППС-левица стояла в это время на позициях Циммервальдского объединения, что показала ее так называемая петроковская конференция [45].

На конференции в Циммервальде как А. Варский, так и П. Левинсон-Лапиньский не выступали вместе с Циммервальдской левой, —их подписей нет под заявлением, подчеркивающим, что принятый конференцией манифест не вполне удовлетворяет левую, так как не содержит критики оппортунизма и центризма и не указывает на путь конкретного революционного выхода из войны. Под этим документом рядом с подписью В. И. Ленина стоит подпись представителя польских социал-демократов—«розламовцев». «Розламовцы» были особенно близки к позициям большевиков, с самого начала тесно сотрудничали с В. И. Лениным. Будучи связаны с «левыми» из Германии и Голландии, они оказали ему существенную помощь при создании Циммервальдской левой [46]. И этим объясняется тот факт, что в ходе работы февральского (1916 г.) совещания Международной социалистической комиссии В. И. Ленин от имени ЦК РСДРП и Краевого правления СДКПиЛ заявил протест против персонального приглашения на следующую конференцию Каутского, Гаазе и Бернштейна — ввиду того, что не было ни малейших оснований полагать, что они станут на позиции Циммервальда. Вместе с тем 9 февраля 1916 г. К. Радек выступил против требования права наций на самоопределение, став основным защитником прежней линии СДКПиЛ по национальному вопросу. Его позиция в Циммервальдской левой была непоследовательной и нервозной. «Виляния» К. Радека вызывали решительное осуждение В. И. Ленина.

Что касается Розы Люксембург, то она на страницах легального журнала «Интернационал» весной 1915 г. и после его запрещения принимала энергичное участие в борьбе против центризма [47]. В работе «Кризис социал-демократии» она решительно пересмотрела свои прежние позиции по национальному вопросу. Однако ввиду пребывания в тюрьме она не смогла включиться, несмотря на приглашение большевиков, в работу Циммервальдского объединения. Зато ее работа «Кризис социал-демократии» расценивалась В. И. Лениным как важный этап в идейно-теоретическом развитии «левых». Поэтому он с большим вниманием отнесся к ней, тщательно отрецензировал, как только получил, и детально проанализировал как ее достоинства, так и ошибки, типичные для «левых».

На Кинтальской конференции (апрель 1916 г.) «розламовцы» попрежнему особенно активно сотрудничали с В. И. Лениным и большевиками. Представители Краевого правления СДКПиЛ подписали проект резолюции Циммервальдской левой и отстаивали его на заседании. М. Броньский в своем выступлении рассматривал империалистическую войну как продолжение политики империалистов мирного времени, звал к превращению борьбы против войны в борьбу за социализм. Когда же конференцией была принята компромиссная резолюция, несколько ослабленная каутскианцами, «розламовцы» единодушно подписали вместе с большевиками и некоторыми другими интернационалистами для приложения к протоколу заявление, в котором критиковали ее недостатки. А когда центристы особенно усилили нажим и выпады против Циммер-

[45] См. *F. Tych*, PPS-lewica w latach wojny. 1914—1918. W., 1960.

[46] *Ф. Тых.* Из истории сотрудничества В. И. Ленина с польскими социал-демократами в Циммервальдском движении. «Ленин и Польша», стр. 292.

[47] «Ein unveröffentlicher Brief Rosa Luxemburgs. Rosas Stellung zur Zimmerwalder Konferenz. Sie fordert unversöhnlichen Kampf gegen den Zentrismus». «Rote Fahne», 15.I 1929, Teil 2, S. 1.

вальдской левой, большевики и делегаты Краевого правления в знак протеста вместе покинули зал заседания (вернувшись затем по просьбе конференции).

А. Варский, не вошедший сразу в Циммервальдскую левую, поддерживал ее по ряду вопросов, все более приближаясь к позициям большевиков. На Кинтальской конференции он выступал за создание нового, революционного Интернационала, звал колеблющихся порвать с реформистами. Входя в соответствующую комиссию, А. Варский от имени ее меньшинства (Ленин, Варский, Тальгеймер) внес резолюцию, в которой конференция требовала от сознательных рабочих всех стран, чтобы они решительно порвали с социал-патриотизмом и, ведя классовую борьбу революционными методами, создали идейные и организационные предпосылки для подготовки нового Интернационала.

Когда через день после окончания Кинтальской конференции оставшиеся вопросы рассматривались на Интернациональной социалистической комиссии, А. Варский по вопросу о парламентаризме голосовал уже вместе с большевиками и «розламовцами» за резолюцию спартаковцев. Что же касается П. Левинсона-Лапиньского, то он снова блокировался с меньшевиками и занимал промежуточную позицию. Его компромиссный проект содержал резкую критику социал-шовинистов, но в тексте не было вывода о необходимости окончательного разрыва с ними и создания III Интернационала. Однако ввиду соотношения сил на конференции именно этот проект и был принят (Ленин, Варский и другие сняли свой проект в его пользу).

По вопросу о созыве Международным социалистическим бюро конференции социалистов нейтральных стран голоса польских представителей разделились. Через год, на совещании циммервальдцев в феврале 1917 г. в Ольтене, когда в ППС-левице возросли революционные настроения, а позиции революционных интернационалистов, выступавших против участия в конференции социалистов Антанты, усилились, уже П. Левинсон-Лапиньский изменил свою линию и голосовал за их резолюцию.

В дальнейшем польские представители в международном социалистическом движении, испытывая на себе благотворное влияние В. И. Ленина, также поддерживали (несмотря на некоторые колебания К. Радека) борьбу большевиков за сплочение левых, последовательно революционных сил, за их выделение и создание новой международной, последовательно революционной организации — III Интернационала.

3. Настроения польских трудящихся масс. Поиски путей решения вопроса о судьбах польских земель

Война сорвала начавшийся новый подъем рабочего движения. Польские трудящиеся были охвачены мобилизацией в армии России, Германии и Австро-Венгрии и превращены в пушечное мясо и по одну и по другую сторону линии фронта. С первого дня войны они были вынуждены убивать друг друга. Польские земли в силу своего географического положения сразу стали ареной военных действий. Ожесточенные бои на польской территории продолжались до лета 1915 г., когда русские войска отступили и Королевство Польское оказалось оккупированным австро-германскими войсками.

Промышленное производство в Королевстве Польском уже к концу 1914 г. было дезорганизовано. Рабочий класс стал жертвой массовой без-

работицы. На 1 ноября 1914 г. в Варшаве с окрестностями и восточной частью Варшавской губернии 6 дней в неделю работали только заводы, имеющие военные заказы, и на 23 тыс. работающих приходилось 40 тыс. безработных[48].

Во время отступления командование царской армии провело частичную эвакуацию промышленности (около 100 промышленных предприятий). Но самый сильный удар промышленности Королевства Польского нанес оккупационный режим. Основные промышленные районы были включены в германскую зону оккупации — так называемое Варшавское генерал-губернаторство. Германские империалисты начали бесконтрольно распоряжаться материальными и людскими ресурсами страны и полностью подчинили их удовлетворению своих военных нужд. Методично вывозилось оборудование текстильной промышленности, почти полностью была вывезена или выведена из строя металлообрабатывающая промышленность и машиностроение. Шахты работали почти исключительно на военные нужды.

Польский рабочий класс, который уже пострадал от мобилизации в воюющие армии и частично был вывезен в глубь России во время эвакуации, в 1916 г. понес новый урон в результате вербовки оккупационными властями для вывоза в Германию. Вскоре они стали прибегать к облавам и вывезли в трудовые лагеря несколько сот тысяч человек.

Во всей германской зоне оккупации в 1916 г. работало только 22% общего числа рабочих, при этом в деревообделочной промышленности — 13%, в химической — 8% и т. п.[49] Безработица и голод заставляли рабочий класс искать работу в деревне, продавать свои руки за скудное пропитание. В результате, как показала перепись 1916 г., крупные промышленные центры — Лодзь, Сосновец, Пабьянице, Влоцлавек и др.— потеряли до 1/4 и более населения[50]. В столь неблагоприятных условиях рабочий класс был вынужден отступать под натиском хозяев. Он распылялся и деклассировался. Его боевое настроение, готовность снова подняться на борьбу за свои права были растеряны.

Что же касается хотя бы частично функционировавших отраслей промышленности, оккупационные власти не только гарантировали частным предпринимателям сохранение уровня эксплуатации рабочего класса, но и энергично способствовали ее увеличению, занимаясь «регулированием заработков», вводя войска на предприятия и т. п. Оккупационный режим привел к 1917 г. к значительному росту степени эксплуатации. В итоге за годы войны рабочий класс потерял все свои довоенные завоевания. Рабочий день был увеличен до 10—12 часов, перерывы во время работы сокращены или отменены, штрафы увеличены и т. д. На многих предприятиях были отменены выходные дни. На предприятиях, подведомственных непосредственно оккупационным властям (т. е. почти на всех действующих промышленных предприятиях и шахтах, а также в коммунальных учреждениях: водопроводе, канализации и т. п.; исключение составляли лишь мелкие предприятия полуремесленного характера), были введены прусские казарменные порядки и палочная дисциплина. Реальная заработная плата составляла в 1917 г. в среднем около 12% довоенной. В условиях полицейского режима и массовой безработицы, особенно сильно ударившей по кадровому крупнопромышленному проле-

[48] «Известия Императорского Вольного Экономического общества». Пг., 1914, № 14—15, стр. 20—21.
[49] *J. Rutkowski.* Historia gospodarcza Polski, t. II. Poznań, 1950, str. 422.
[50] *T. Szturm de Sztrem.* Zaludnienie Królestwa Polskiego wobec wojny. W., 1918, str. 16.

тариату, рабочий класс был не в состоянии оказать действенное сопротивление наступлению на его права.

Любое выступление рабочих даже с экономическими требованиями рассматривалось на основании законов военного времени как бунт против властей и каралось вплоть до смертной казни.

В условиях оккупационного режима, в обстановке общего ослабления рабочего класса и резкого спада стачечной борьбы [51] деятельность польских интернационалистских рабочих партий — СДКПиЛ и ППС-левицы (особенно СДКПиЛ) была очень затруднена. Провалы следовали один за другим. Многие ведущие деятели были заключены в тюрьмы и лагеря или выехали за границу. Партийные организации, работавшие в глубоком подполье, существенно сократились в численном отношении. Поле деятельности партии было сужено. Издание газеты СДКПиЛ «Червоный штандар» было прекращено.

СДКПиЛ и ППС-левица всеми силами старались наладить издание агитационно-пропагандистских материалов, разоблачавших захватнический характер войны и махинации польской буржуазии, зовущих к сохранению интернационалистских позиций. Они старались использовать для этого минимально доступную трибуну местного самоуправления, но размах этой деятельности был очень ограничен.

Непосредственные контакты польского и русского революционного движения в этот период также были резко ограничены. Они существовали, с одной стороны, в эмиграции, а с другой — в тех местах России, куда поляки были заброшены войной,— в русской армии и в промышленных центрах, куда были эвакуированы польские рабочие или где они работали до войны.

По свидетельству Е. Хольцера и Я. Моленды, специально изучавших состояние настроений польского населения, в начальный период войны симпатии жителей Галиции, а также части жителей Королевства Польского были на стороне Австро-Венгрии, где национальное угнетение было относительно слабее. Однако вскоре выяснилось, что австро-венгерское командование не предоставляет Пилсудскому сколько-нибудь широких правомочий и не собирается воссоздавать Польское государство, даже в рамках Австро-Венгрии. Политика репрессий в отношении населения захваченных во время военных действий территорий развеяла иллюзии.

В польских землях, входивших в состав Германской империи, в которых власти проводили жесткую политику германизации, сильны были прорусские настроения, надежды на автономию в империи Романовых.

В результате переменных военных успехов той и другой воюющей стороны выяснилось, что лучше всего относятся к местному населению русские войска, помощь армии хорошо оплачивалась, воззвание великого князя Николая Николаевича вызвало определенные надежды на восстановление независимости. Итогом этого было «если не благосклонное, то по меньшей мере нейтральное отношение населения к России» [52]. Разумеется, оно касалось не царских сановников, а народа России, русского солдата. Были случаи молебнов в костелах за успех русского оружия, крестьяне называли русские войска «нашими войсками». «Свято верят,— писал представитель Главного Национального Комитета из Келец после оставления их царскими войсками,— что «наш» вернется» [53].

[51] *T. Szturm de Sztrem.* Walka o płace zarobkowe. W., 1922, str. 13.
[52] *J. Holzer, J. Molenda.* Polska w pierwszej wojnie światowej, str. 144.
[53] Там же.

Пилсудский же не хотел отказаться от своей антирусской политики и продолжал пытаться решить польский вопрос путем политического союза с австро-германскими оккупационными властями, ища новой опоры в кайзеровской Германии. На этом этапе он полностью отказался от всякой демократической социальной программы, от опоры на освободительное движение трудящихся масс [54].

Какие политические перспективы открывались перед польскими землями на этом этапе войны? Уже первый ее год убедительно показал, что вопреки надеждам пилсудчиков и близких к ним кругов, распространявших миф об освободительной миссии центральных держав в Польше, у этих держав отнюдь не было подобных намерений. Они были заинтересованы не только в сохранении, но и в расширении своего господства в польских землях. Возникавшие в Австро-Венгрии и Германии проекты, касавшиеся судьбы польских земель, предусматривали либо новый раздел Польши, либо создание буферного государства с перенесением польско-германской границы как можно дальше на восток и с немецкой колонизацией польских земель. Эта колонизация была предметом заинтересованности и детального рассмотрения как для центральных, так для оккупационных германских и австро-венгерских властей в течение всей войны.

Ни для авторов пангерманского плана Срединной Европы, ни для ведущих государственных деятелей кайзеровской Германии не существовали не только проблема возвращения Польше Познаньщины и Западной Пруссии, но и само понятие Польши как суверенного государства. На тех же позициях стоял и австро-венгерский министр иностранных дел Андраши, которого польская буржуазная историография изображала «большим другом Польши». За обладание Королевством Польским велась длительная и упорная политическая борьба. Австрийский премьер-министр К. Штюргк подготовил проект австро-польского решения проблемы, который, однако, не предусматривал триалистической формы государства, как неоднократно и безосновательно писалось в буржуазной литературе [55].

Во второй половине 1916 г., когда возникла потребность в использовании людских ресурсов Польши для пополнения обескровленной германской армии, оккупанты решили принять меры для укрепления своих политических позиций в польских землях. Так возник пресловутый «Акт 5 ноября 1916 г.», вокруг которого пытались создать легенду «о даровании Польше независимости». Это была декларация, обнародованная австро-германскими оккупационными властями и содержавшая широковещательные заверения о создании «польского государства». Декларация не определяла ни территории, ни административного устройства этого «государства», ограничившись обещанием организовать Временный государственный совет — марионеточный совещательный орган, члены которого назначались оккупационными властями. Такой Совет был действительно создан 6 декабря 1916 г., что вызвало верноподданническое ликование так называемых «активистов» — буржуазно-помещичьих и мелкобуржуазных партий и организаций, сотрудничавших с оккупационными властями. Пилсудчики, занимавшие позицию на левом крыле «активистов», с энтузиазмом принялись участвовать в шумихе по поводу созда-

[54] См.: *Г. Яблоньский.* Политика Польской социалистической партии..., стр. 182—228.
[55] О политике австро-германского империализма в отношении Польши подробно см.: *L. Grosfeld.* Polityka państw centralnych wobec sprawy polskiej w latach 1914—1918. W., 1962.

ния «независимого государства», а затем и формирования «польской армии» под эгидой оккупантов.

Только Главное и Краевое правление СДКПиЛ, а также ЦРК ППС-левицы энергично разоблачали фиктивную «независимость», полностью отвечавшую экономическим, политическим и военным целям милитаристов (в первую очередь германских), а отнюдь не интересам польского народа. Эту позицию они ярко выразили в совместно изданном в 1917 г. «Социалистическом бюллетене», в котором подчеркивалось, что путь к освобождению лежит через совместную с трудящимися России, Германии и Австро-Венгрии революционно-пролетарскую борьбу против эксплуататоров и угнетателей [56].

По подсчетам Б. Радляка, за период с октября 1915 г. по 24 февраля 1917 г. в вышедших в свет 68 номерах социал-демократической «Нашей трыбуны» были опубликованы 7 статей, посвященных исключительно политическому положению в России, с отражением роста революционного движения (из общего числа 21 статьи по военно-политической проблематике), а также, помимо статей о Циммервальде и Кинтале, 3 статьи о рабочем и социал-демократическом движении в царской России (и 5 статей — в Германии) [57].

4. Ленинская программа демократического мира — мира без аннексий и контрибуций

В суровых условиях мировой войны росли и укреплялись те силы, которые последовательно поддерживали борьбу польского народа за свое социальное и национальное освобождение. Во главе этих сил стоял В. И. Ленин, который неотступно защищал право всех угнетаемых народов, в том числе и польского, на самоопределение вплоть до отделения и образования независимого государства. Он решительно осудил оккупацию австро-германскими милитаристами польских земель и резко критиковал шовинистскую позицию германских социал-демократов, подчеркивая, что «в угоду Гинденбургу, Зюдекуму, Аустерлицу и К° Каутский признает *свободу отделения* Польши от России,... но о свободе отделения поляков от Германии он молчит!!!» [58]

В начале 1916 г. в газете «Социал-демократ» была опубликована ленинская статья «О мире без аннексий и о независимости Польши как лозунгах дня в России». Эти лозунги действительно появлялись в те дни на страницах органов российских социал-шовинистов — «оборонцев». В. И. Ленин разбирал позицию газеты питерских ликвидаторов-легалистов «Рабочее утро», которая утверждала, будто в период войны в сознании польского народа зародилось «глубокое стремление к независимости» («До войны его, конечно, не было!!» — с едкой иронией пишет В. И. Ленин), будто только теперь «перед русской демократией неотступно встает во всей полноте польский вопрос». Лозунги, о которых писал В. И. Ленин, появились в тот момент, когда на территории бывшего Королевства Польского установился оккупационный режим, и не имели ничего общего, как убедительно показывал Ленин, с борьбой за подлинную независимость Польши. Они были «чудесной игрушкой,— как писал Ленин,— в руках тайной дипломатии» царизма: вот-де, мы

[56] «Biuletyn Socjalistyczny». W., 1917, N 1.
[57] *B. Radlak.* SDKPiL w latach 1914—1917. W., 1967, str. 293.
[58] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 272.

обиженные, нас ограбили, у нас отняли Польшу, мы против аннексий!»[59]. «Ну еще бы,— продолжал Ленин,— Николай Кровавый, Хвостов, Челноков, Милюков и К° вполне за независимость Польши, всей душой за нее *теперь*, когда этот лозунг *на практике* означает лозунг *победы* над Германией, отнявшей у России Польшу», означает независимость Польши от Вильгельма, но зависимость ее от Николая II[60]. Русская же демократия, подчеркивал Ленин, «*выиграла* безусловно от того, что Россия *теперь* не угнетает Польши, не держит ее насильно»[61].

«Мы должны говорить,— указывал он,— никакой войны из-за Польши! Русский народ не хочет снова стать ее угнетателем!

А как помочь освобождению Польши от Германии? Разве мы не должны помогать этому? Конечно, должны»,— решительно утверждал Ленин, указывая, что делать это надо не путем поддержки империалистической войны, которую ведет царская Россия, а путем активной поддержки тех подлинно революционных сил Германии, которые не пойдут на угнетение польского народа[62]. Два последующих года доказали всю правильность этой ленинской постановки вопроса, ибо именно Великая Октябрьская революция в России, а затем непосредственно связанная с ее влиянием Ноябрьская революция в Германии, в которой германские «левые» заняли последовательно интернационалистскую позицию, как раз и стали важнейшими факторами решения судьбы Польши в интересах польского народа и воссоздания независимого польского государства.

Рассматривая империализм как канун пролетарской революции и в связи с этим анализируя национальный вопрос как часть теории пролетарской революции — на этот раз не только применительно к условиям России, но и во всемирном масштабе, В. И. Ленин пишет знаменитые тезисы «Социалистическая революция и право наций на самоопределение». В апреле 1916 г. они публикуются на страницах журнала Циммервальдской левой «Форботе». Тезисы в позитивном плане четко и полно излагают марксистско-ленинскую постановку национального вопроса в период подготовки пролетарской революции. Эта постановка исходит из нового и принципиально важного положения, что требование права наций на самоопределение применимо не только к буржуазно-демократической, но и к социалистической революции, что оно может быть последовательно осуществлено лишь в результате победы этой последней.

В том же журнале были опубликованы тезисы редакции польской социал-демократической «Газеты роботничей», отрицающие право наций на самоопределение. В связи с этим В. И. Ленин в июле 1916 г. пишет полемическую работу «Итоги дискуссии о самоопределении». Он доказывает, что свобода отделения есть революционная мера, что для социалиста угнетающей нации такое требование и при проведении пролетарской революции является абсолютно необходимым: «Перестроив капитализм в социализм, пролетариат создает *возможность* полного устранения национального гнета; эта возможность превратится в *действительность* «только» — «только»!— при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно «симпатиям» населения, вплоть до полной свободы отделения»[63]. И лишь на этой базе, подчеркивал Ленин, произойдет устранение ма-

[59] Там же, стр. 247.
[60] Там же, стр. 247, 248.
[61] Там же, стр. 248.
[62] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 248—249.
[63] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 22, 50—51.

лейших национальных трений, малейшего национального недоверия и сближение наций.

В связи с тем, что его оппоненты утверждали, будто восстановление демократических форм, в том числе создание национальных государств, неосуществимо при империализме, В. И. Ленин обращается к примеру лежащей на стыке империалистических противоречий Польши, замечая: «...было бы «смешно» отрицать «осуществимость» восстановления Польши теперь в зависимости от стратегических и т. п. моментов данной войны»[64]. Далее он еще раз в ином контексте возвращается к этой мысли и, как бы предугадывая акт 5 ноября 1916 г., высказывает предположение о возможности такого варианта, что «завтра Гинденбург полупобедит Россию и выражением этой полупобеды явится (в связи с желанием Англии и Франции немного ослабить царизм) новое государство польское, вполне «осуществимое» с точки зрения экономических законов капитализма и империализма...»[65].

Разработка В. И. Лениным теоретических основ решения польского вопроса стала важнейшим вкладом в идейно-политические основы социал-демократического движения, укреплявшим базу совместной освободительной борьбы польского народа и народов России против царизма, за новый, социалистический строй.

Что же касается отношения социал-демократии к судьбе Польши в условиях текущего момента — в разгар мировой войны, то Ленин считал обязательным для русских и немецких социал-демократов требование безусловной свободы отделения Польши (о чем он писал и в предшествующих работах), а для польских социал-демократов — выступление «за единство пролетарской борьбы» — «без выставления для данной эпохи или для данного периода лозунга независимости Польши»[66]. Ленинское разъяснение этой постановки вопроса очень важно: «Возьмите, однако, вместо этих общих доводов *особые* условия Польши: ее независимость *теперь* «неосуществима» без войн или революций. Быть за войну общеевропейскую ради одного только восстановления Польши — это значит быть националистом худшей марки, ставить интересы небольшого числа поляков выше интересов сотен миллионов людей, страдающих от войны. А ведь именно таковы, например, «фраки» (ППС-правица), которые социалисты только на словах и против которых тысячу раз правы польские социал-демократы. Ставить лозунг независимости Польши *теперь*, в обстановке *данного* соотношения империалистских *соседних* держав, значит действительно гоняться за утопией, впадать в узкий национализм, забывать предпосылку общеевропейской или, по крайней мере, русской и немецкой революции»[67].

Рассматривая далее аргументы польских социал-демократов о невозможности достижения независимости Польши, которая как максимум возможного может быть воссоздана в качестве маленького обломка государства — буфера, военной колонии какой-либо группировки империалистических держав, В. И. Ленин пишет, развивая свою мысль: «Все это очень *верно против* лозунга независимости Польши *теперь*, ибо даже революция в одной Польше ничего бы тут не изменила, а внимание польских масс отвлечено было бы от *главного*: от связи их борьбы с борьбой русского и немецкого пролетариата. Это не парадокс, а факт, что польский пролетариат, как таковой, может помочь теперь делу социализма и

[64] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 23.
[65] Там же, стр. 27.
[66] Там же, стр. 50.
[67] Там же, стр. 48.

свободы, *в том числе и польской*, лишь борьбой *совместно* с пролетариями соседних стран, против *узкопольских* националистов»[68]. И еще раз он возвращается к этому сюжету, поясняя: «Польские социал-демократы не могут ставить теперь лозунга независимости Польши, ибо как пролетарии-интернационалисты поляки *ничего* сделать для этого не могут, не впадая, подобно «фракам», в низкое прислужничество *одной* из империалистских монархий»[69]. Однако, хотя линия польских социал-демократов в этом вопросе совпала на сей раз с ленинской, он счел необходимым оговорить: «Но те же самые аргументы, верные с точки зрения *особых* условий Польши в *данную* эпоху, явно неверны в той *общей* форме, которая им придана»[70].

Таким образом, мы имеем глубокую и всестороннюю разработку В. И. Лениным польского вопроса на новом этапе. В период, когда в условиях мировой войны решение его могло неоднократно меняться, могли возникать различные варианты, Ленин продолжал исходить из возможности воссоздания польского государства, предвидел, что оно не объединит всех польских земель, поскольку в условиях империалистической войны и до победы демократических революций в странах-захватчиках оно может возникнуть не демократическим путем, учитывающим подлинные интересы польского народа, а лишь в результате политических комбинаций воюющих держав. В то время как ППС-фракция именно на это и ориентировалась, Ленин считал, что последовательно демократическое решение вопроса о судьбах Польши возможно лишь в результате революции. Он предвидел, что революция в одной Польше, зажатой между воюющими державами, обречена на поражение. Единственный результативный путь — и история убедительно доказала правоту Ленина — это революция по крайней мере в России и Германии. Отсюда первостепенная важность поддержки польскими социал-демократами борьбы российского и германского пролетариата, в *данном* случае без выдвижения ими лозунга независимости, отделения Польши. В этих условиях, подчеркивал В. И. Ленин, линия польских социал-демократов, отрицающих выставление лозунга независимости Польши, была правильной.

Неоднократно обращаясь в течение 1916 г. к обоснованию и пропаганде программы большевистской партии по национальному вопросу, В. И. Ленин еще несколько раз формулировал очень существенные для уточнения путей и методов революционного сотрудничества замечания о Польше, о польском рабочем классе, о польской буржуазии, о СДКПиЛ. Наибольшее количество таких замечаний содержит написанная в августе — октябре ленинская работа «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“», предназначенная для третьего номера «Сборника Социал-демократа», который издан не был. В связи с этим статья увидела свет лишь в 1924 г.

Основная причина обращения В. И. Ленина в этой статье к польским сюжетам — это смыкание более ранних теоретических взглядов Розы Люксембург с возникшим в партии течением «империалистического экономизма», отрицавшим революционное значение общедемократических требований и движений в эпоху империализма и, в частности, отказывающимся от поддержки права наций на самоопределение[71]. Поэтому также и польским социал-демократам адресовалась ленинская аргумен-

[68] Там же, стр. 49.
[69] Там же.
[70] Там же.
[71] См. также статьи «О рождающемся направлении «империалистического экономизма»», «Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову)» и др. (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30).

тация принципиального и не потерявшего свое значение и по сей день положения об усилении в эпоху империализма национальной борьбы, о возможности национальных восстаний и отделения — «ибо империализм не останавливает развития капитализма и роста демократических тенденций в массе населения, а *обостряет* антагонизм между этими демократическими стремлениями и антидемократической тенденцией трестов» [72].

Главным образом полякам адресовалось и положение о том, что если буржуазия угнетенных наций только болтает о национальном восстании, а на деле за спиной народа идет на сделки с буржуазией угнетающей нации, «то в таких случаях критика революционных марксистов должна направляться не против национального движения, а против измельчания, опошления его, извращения в мелочную драчку» [73]. Снова обращаясь к характеристике различия в линии социал-демократов угнетенной и угнетающей нации, В. И. Ленин повторял: «Великорусский (и немецкий) рабочий обязан стоять безусловно за свободу отделения Польши, ибо иначе он *на деле, теперь* — лакей Николая II или Гинденбурга. Польский рабочий *мог бы* стоять за отделение *т о л ь к о* условно, ибо спекулировать (как фраки) на победу той или иной империалистской буржуазии значит становиться *ее* лакеем» [74].

Тезис о возможности национальных войн в эпоху империализма защищался В. И. Лениным и в критической статье «О брошюре Юниуса» [75] и в одной из важнейших теоретических работ этого периода — «Военная программа пролетарской революции». Споря и в этой последней с «Юниусом» (Р. Люксембург), В. И. Ленин четко сформулировал важное обобщение о том, что эпоха империализма «необходимо должна породить и питать и политику борьбы против национального угнетения и борьбы пролетариата против буржуазии, а потому и возможность и неизбежность, во-первых, революционных национальных восстаний и войн, во-вторых, войн и восстаний пролетариата *против* буржуазии, в-третьих, объединения обоих видов революционных войн и т. д.» [76].

В этой же связи касалось Польши и датированное ноябрем 1916 г. ленинское письмо Н. Д. Кикнадзе, который оспаривал возможность порождения империалистической войной войн национальных. Ленин писал ему, что к польским социал-демократам никогда не было претензий за то, что они против независимости Польши, но что их позиция вызывала критику по другой причине:

«Вместо простой, ясной, теоретически бесспорной аргументации: нельзя быть теперь за *такое* демократическое требование (независимая Польша), которое *на практике* подчиняет нас *вполне* одной из империалистских держав или коалиций

(это бесспорно, этого довольно; это необходимо и достаточно)

— вместо этого они договорились до абсурда: «неосуществимо».

Мы высмеяли это в 1903 г. и в апреле 1916 года» [77].

Письмо писалось в ноябре 1916 г., уже после того, как австро-германские представители опубликовали «Акт 5 ноября», создававший из части польских земель государственное образование буферного типа.

[72] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 102.
[73] Там же, стр. 113.
[74] Там же, стр. 109.
[75] Там же, т. 30.
[76] Там же, стр. 134—135.
[77] Там же, т. 49, стр. 320—321.

Это обстоятельство позволило автору с юмором добавить: «Добрые польские социал-демократы почти, почти доказали неосуществимость создания нового государства польского, только... только империалист Гинденбург помешал: взял да и осуществил» [78].

Дружеская, хотя временами и резкая ленинская критика односторонней позиции польской социал-демократии в национальном вопросе в годы войны помогала глубже анализировать расстановку классовых сил, искать пути подхода к революции, диалектическую взаимосвязь демократических и социалистических задач, перейти на новый, высший этап в постановке вопросов теории, стратегии и тактики.

Как СДКПиЛ, так и ППС-левица неуклонно продолжали разоблачение империалистической политики великих держав и маневров польской буржуазии, активизировавшейся в политическом отношении после «Акта 5 ноября». В воззваниях и других изданиях обеих партий говорилось, что отечественная буржуазия также несет ответственность за то чрезвычайно тяжелое положение, которое сложилось в Польше в результате войны и оккупации, ибо она сначала поддерживала империалистов великих держав в деле развязывания войны и толкала польский народ к участию в ней, а затем продала его австро-германскому милитаризму, заключив с ним союз против рабочего класса и всех трудящихся. Обе партии разъясняли польскому пролетариату, что единственный выход, единственный путь к освобождению от всяческих форм экономического и политического угнетения — это классовая борьба в союзе с революционными силами в разделивших Польшу государствах, а прежде всего — с нарастающим революционным движением в России [79].

В практической деятельности СДКПиЛ, находившейся в этот период в глубоком подполье, в связи с существенным ослаблением партийных организаций особенно наглядно проявлялись все отрицательные последствия раскола в 1912 г. В ноябре 1916 г. организационное единство партии было восстановлено.

Деятельность ППС-левицы, закреплявшейся на позициях интернационализма и резко критиковавшей соглашательство и национализм руководства ППС-фракции, также была очень затруднена, хотя эта партия оставалась полулегальной [80].

Сами условия работы толкали обе партии к установлению тесных контактов и взаимной поддержке, хотя предварительные попытки достичь объединения пока ни к чему не привели. Однако обе они были единственной политической силой в оккупированном Королевстве Польском, да и во всех польских землях, которая выступала за революционный союз с трудящимися России, которая разделяла ленинскую программу демократического мира и активно выступала за ее реализацию, несмотря на просчеты в области трактовки национального вопроса. В. И. Ленин тщательно разъяснял польским социал-демократам их ошибки, стремясь сплотить силы русского и польского рабочего движения перед лицом приближавшихся эпохальных революционных событий.

[78] Там же, стр. 321.
[79] «Biuletyn Socjalistyczny», 1917, N 1, 2; «Socjaldemokracja», str. 232—233, 234—235 и др.
[80] См.: *F. Tych.* PPS-lewica w latach wojny 1914—1918.

5. Сотрудничество польских и русских трудящихся на территории России во время подготовки и осуществления штурма царизма

Первая мировая война забросила огромные массы поляков в глубь России — они осели не только в различных местах ее европейской части, но и добрались до Сибири и Средней Азии.

Польских беженцев и эвакуированных царской администрацией рабочих, чиновников, железнодорожников, учителей и т. п. было 1,5 млн. человек; в русской армии насчитывалось около 500 тыс. польских солдат и офицеров; в число военнопленных из австрийской и германской армии входило до 100 тыс. поляков; около 300 тыс. рабочих прибыло перед войной на заработки. Кроме того, в царских тюрьмах и ссылке было более 3 тыс. революционеров-поляков. В сумме получается цифра порядка 2,5 млн. человек [81]. Вся эта более чем двухмиллионная масса вошла в непосредственное соприкосновение с новой средой. Трудящимся разных национальностей пришлось вместе делить трудности военного времени, совместно защищать свои интересы.

В итоге в годы первой мировой войны центр тяжести практического сотрудничества народов России и польского народа в борьбе против царизма был на территории России.

Ведущую роль в налаживании этого сотрудничества играл пролетариат. Польские рабочие (преимущественно кадровые), выехавшие после революции 1905—1907 гг. и в начальный период войны на заработки в Россию, либо же эвакуированные царской администрацией (150 тыс. человек), составляли значительную — и в количественном отношении, и как общественно-политическая сила — категорию польского населения [82]. При этом их положение коренным образом отличалось от положения колоний беженцев или лагерей военнопленных: они работали в местной среде и были тесно связаны с нею. Органически вливались в ряды пролетариата России многие раненые и демобилизованные польские солдаты. Происходило также сближение внутри солдатских масс. Именно эти слои поляков — пролетарские и солдатские — быстро активизировались и включались в подготовку российским пролетариатом наступления на царизм.

В силу высокого уровня польского рабочего движения и большой политической активности польского пролетариата его не удалось сковать рамками буржуазных земляческих и благотворительных организаций, изолировать от совместной с пролетариатом России борьбы. Польские рабочие в Петрограде, в основном работавшие на крупных машиностроительных заводах (Путиловские заводы, Русско-Балтийский, Новый Лесснер и т. п.), где в условиях военного времени и усиленного нагнетания эксплуатации особенно быстро росло классовое пролетарское самосознание, сыграли авангардную роль в польском рабочем движении на территории России. Активисты польских рабочих партий, такие опытные революционеры, как В. Матушевский и др., использовали

[81] *А. Я. Манусевич.* Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. М., 1965, стр. 16—19.

[82] *W. Najdus.* Polacy w rewolucji 1917 roku. W., 1967, str. 23—24. В. Найдус, в частности, сообщает, что только за время с 13 ноября 1914 г. до середины июля 1915 г. в одной Варшаве было выдано более 25 тыс. разрешений на выезд в глубину России для устройства на работу.

как базу для собирания революционных сил функционировавшее в течение ряда лет просветительное общество «Промень», которое во второй половине 1916 г. превратилось в легальный плацдарм революционной агитации среди польских рабочих.

Польские социал-демократы старались расширить пропаганду своих интернационалистских взглядов среди выходцев с польских земель, и с этой целью в январе 1916 г. З. Фаберкевич организовал, преодолевая огромные финансовые трудности, издание непериодического журнала «Жиче». Первый номер, несмотря на опустошение, произведенное на его страницах цензурой, явно был составлен с позиций Циммервальдской левой. Он дает достаточно полное представление о том, как СДКПиЛ в России определяла задачи польских рабочих. В числе этих задач называлось издание, по примеру русских рабочих, газет и журналов, предназначенных для польского читателя. «Жиче» писало о необходимости участия в общерусских организациях, создания прочной практической основы для солидарных действий, положительного решения повседневных проблем сотрудничества польских и русских рабочих. Журнал энергично выступал против попыток ввести активность польского пролетариата исключительно в русло деятельности в узконациональных, земляческих организациях и отгородить его от нарастающей революционной борьбы в России [83].

В силу резкого классового размежевания не могло быть и речи о том, чтобы на этой платформе объединить различные политические группировки, входившие в «Промень». Из-за финансовых трудностей после выхода второго номера — в апреле 1916 г. издание пришлось прекратить. В августе 1916 г. начал выходить орган клуба «Промень» — «Промень поранный», однако на его страницах пропагандировать революционно-интернационалистские взгляды оказалось почти невозможно.

На территории всей России польский пролетариат все более энергично включался в классовую борьбу. В апреле 1916 г. польские железнодорожники поддержали всеобщую стачку железнодорожников России, в декабре 1916 г.— январе 1917 г. поляки (в том числе с эвакуированных предприятий) участвовали в забастовке пролетариата Петрограда, а в Москве в то время солидарно с другими московскими рабочими бастовали 1600 рабочих Варшавского арматурного завода и 100 рабочих механического завода «Рау, Зелиньский и К°» [84] и т. д.

На волне растущего пролетарского движения в ноябре 1916 г. в Петрограде оформила свое создание первая на территории России группа СДКПиЛ. В своей повседневной работе польские социал-демократы действовали рука об руку с большевиками. Неизменно тесно сотрудничали с ленинцами находившиеся в Петрограде польские социал-демократы З. Фаберкевич, М. Козловский, Ю. Лещиньский-Леньский и др. Деятели ППС-левицы, как правило, поддерживали связи с меньшевиками-интернационалистами.

Петроградская группа СДКПиЛ рассматривала себя как часть большевистской партии и старалась развернуть вместе с нею, несмотря на нелегальные условия, широкую революционную деятельность в массах [85].

[83] «Życie», I, 1916, N 1. См. также: *А. Я. Манусевич.* Польские интернационалисты..., стр. 48—55; *I. Bielakiewicz.* Z dziejów polskiej prasy robotniczej w Rosji podczas I wojny światowej (Nowa Trybuna, Życie, Promień Poranny). «Zeszyty Prasoznawcze», 1964, nr 4 (22).

[84] «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов». М., 1967, стр. 38.

[85] Подробно см. *А. Я. Манусевич.* Польские интернационалисты..., стр. 56—57.

В ходе первой мировой войны В. И. Ленин не однажды указывал на приближение революционных событий. Слишком большие бедствия принесла массам война, резко обострившая империалистические противоречия. Получив первые известия о том, что народ России свергнул царя, находившийся тогда в Швейцарии В. И. Ленин немедленно пишет в Россию свои знаменитые «Письма из далека». Он приветствует в них Февральскую революцию, которая смела царское самодержавие — оплот векового угнетения народов, входивших в состав Российской империи, в том числе и польского народа. Вместе с тем он считает Февральскую революцию лишь этапом в развитии революционного процесса в России.

В первом письме, которое называлось «Первый этап первой революции», В. И. Ленин предупреждал от чрезмерных иллюзий, которые может породить создание Временного правительства. Это правительство, писал В. И. Ленин, «*не может* дать народу *ни мира, ни хлеба, ни свободы*», потому что оно «связано по рукам и ногам англо-французским империалистским капиталом», потому, что оно —«правительство продолжения империалистской бойни, правительство *грабежа...*» [86].

Еще в 1915 г. В. И. Ленин формулировал программу мира таким образом: «На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов» [87]. После Февральской революции, когда большевики стали готовиться к следующему этапу — к социалистической революции, которой действительно предстояло дать власть пролетариату, когда нарастало революционное движение в других странах — участниках разделов Польши — Германии и Австро-Венгрии, чьи войска оккупировали в то время и Королевство Польское,— борьба большевиков за мир и, в частности, за демократическое решение польского вопроса приобретала особую актуальность и практическую значимость. В. И. Ленин уже в первом «Письме из далека» указывал, что Временное правительство, правительство октябристов и кадетов, Гучковых и Милюковых, стремится «снова завоевать Польшу» [88], т. е. бывшее Королевство Польское — польские земли, оккупированные австро-германскими милитаристами. Он обращал на это внимание и в специально посвященном задачам борьбы за прекращение войны четвертом «Письме из далека», подчеркивая, что гучковско-милюковское правительство хочет, кроме всего прочего, «*еще* отвоевать назад у немцев Польшу, которую всегда так бесчеловечно и бесстыдно угнетал царизм» [89].

В. И. Ленин указывал, что если бы государственная власть в России принадлежала Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, то они немедленно должны были бы заявить, что они не связаны «*никакими* договорами *ни* царской монархии, *ни* буржуазных правительств», и тотчас же опубликовать «*все* эти договоры, чтобы предать публичному опозорению разбойничьи цели царской монархии и *всех* без исключения буржуазных правительств»; Советы немедленно предложили бы всем воюющим державам тотчас заключить перемирие и опубликовали «рабочие и крестьянские *условия мира*: освобождение *всех*

[86] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 20—21.
[87] Там же, т. 27, стр. 50.
[88] Там же, т. 31, стр. 21.
[89] Там же, стр. 52.

колоний, освобождение *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов», т. е. мир без аннексий и контрибуций, признание права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства и т. д.[90].

Под этими ленинскими лозунгами большевики повели борьбу с империалистической внешней политикой Временного правительства, призывая трудящихся России не оказывать никакого доверия, никакой поддержки этому правительству, и разоблачая, в частности, его захватнические цели в отношении Польши. Широкие массы трудящихся России, все более энергично поддерживавшие борьбу большевиков за мир, за прекращение империалистической войны, проявляли себя сторонниками последовательно демократического решения польского вопроса. Наиболее ярко это выразил Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, в который, по предложению Исполкома, вошли постоянные представители многочисленного отряда польского пролетариата, работавшего в годы войны на петроградских фабриках и заводах (сначала делегатами клуба «Промень» были В. Матушевский и Б. Мандельбаум-Джевецкий, а затем К. Циховский и З. Фаберкевич). Вскоре, 14 марта, в повестку дня столичного Совета был внесен вопрос о Польше. Вопреки политике господствующих классов, мечтавших сохранить угнетение польского народа, народ России, который после свержения самодержавия получил возможность свободно выражать свою волю, проявил несогласие с захватническим курсом Временного правительства и выразил братские чувства к польскому народу. «Народу польскому» — так называлось единогласно принятое Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов обращение. Совет извещал польский народ о падении царского режима и о том, что революционные силы России, отстаивающие право наций на самоопределение, признают право Польши быть свободной и независимой «в государственно-международном отношении». Посылая польскому народу свой братский привет, Петроградский совет желал ему успеха «в предстоящей борьбе за водворение в независимой Польше демократического республиканского строя»[91]. Так трудящиеся России сразу сказали свое слово о будущем Польши, земли которой еще были оккупированы австро-германскими милитаристами, а Регентский совет вынашивал планы о будущем правителе — монархе.

Трудовая Россия не считала себя связанной договорами царизма и выступала за освобождение всех угнетенных народов.

Польские представители в Петроградском совете оценили всю важность обращения Совета. В стенограмме заседания записаны их выступления. «...Нынешний день — великий день,— говорил представитель ППС-левицы С. Будкевич,— ибо сегодня сказано слово, которое может приблизить момент мира, вместе с падением Вильгельма Гогенцоллерна, и, вместе с тем, сегодняшний день есть день великий для Польши. В этот день польская и русская демократия выдвинула вопрос о восстановлении прав польского народа». Далее С. Будкевич говорил о том, что хотя Германия и объявила о предоставлении независимости Польши в 1916 году, однако на деле она хотела посадить на польский трон германского принца. И Будкевич и представитель польской социал-демократии Б. Мандельбаум подчеркивали, что не верят обещаниям им-

[90] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 52, 53.
[91] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I. М., 1963, стр. 26.

периалистов и что подлинным защитником интересов польского народа является только русская революция[92].

Весть о свержении царизма, поддержка революционной Россией национально-освободительной борьбы польского народа были с радостью встречены польскими трудящимися, находившимися тогда в России. Уже 1 (14) марта в Петрограде, на собрании рабочих-поляков в клубе «Промень» была принята приветственная резолюция в адрес Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов[93]. 4(17) марта петроградские рабочие-поляки приняли обращение «К польским рабочим и солдатам России», в котором призывали к активной поддержке борьбы русского пролетариата. С таким же обращением выступил и Исполком только что оформившейся московской группы СДКПиЛ. Авангард польских трудящихся рассматривал революцию в России, хотя она еще находилась на первом, буржуазно-демократическом этапе, как начало революционного выхода из войны, ликвидации одного из оплотов империалистической реакции, гнет которой тяготел над Польшей. С Февральской революцией он связывал перспективу социального и национального освобождения польского народа, объединения в будущем всех польских земель[94]. В обращении московской группы СДКПиЛ «Ко всем русским рабочим» с благодарностью подчеркивалось, что рабочий класс России первым обратился к польскому народу с предложением восстановить национальные права последнего, что это требование прозвучало на весь мир как одно из первых требований революционной России[95].

Под давлением революционных масс и Временное правительство оказалось вынужденным 16 (29) марта обратиться к народу Польши с воззванием и обещать создать польское государство — после решения вопроса Всероссийским Учредительным собранием, а не самим польским народом. В то же время оно призывало поляков сражаться «до победного конца» за интересы российского империализма и планировало объединить будущее польское государство с Россией «свободным военным союзом». Временное правительство думало не о свободе и суверенности Польши, а о том, как писал министр Гучков князю Львову, чтобы удержать Польшу в своих руках[96].

Против такой демагогии и фарисейства со всей энергией выступили большевики во главе с В. И. Лениным, требуя предоставления польскому народу подлинной независимости — в том духе, в каком за независимость и свободу Польши высказался Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Когда VII (Апрельская) конференция РСДРП(б) в числе важнейших вопросов войны и революции рассматривала вопрос о судьбах народов, входивших в состав Российской империи, была принята резолюция по национальному вопросу, написанная лично В. И. Лениным. В ней говорилось: «За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и непринятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов или аннексий. Лишь признание пролетариатом права наций на отделение обеспечивает полную солидарность рабочих разных наций и способствует действи-

[92] «Документы и материалы...», т. I, стр. 27.
[93] Там же, стр. 19.
[94] Там же, стр. 22—24.
[95] «Социал-демократ», 2 апреля 1917 г.
[96] «Документы и материалы...», т. I, стр. 60.

тельно демократическому сближению наций»[97]. Выступая на конференции 29 апреля (12 мая) по этому вопросу, В. И. Ленин половину своей речи посвятил Польше. «Когда-то Александр I и Наполеон обменивались народами, когда-то цари менялись Польшей»,— говорил он. Буржуазно-помещичьей политике угнетения и разобщения народов, подчеркнул Ленин, пришел конец. «Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист. Надо сойти с ума, чтобы продолжать политику царя Николая»[98],— заявил он. Как с трибуны, так и в кулуарах конференции В. И. Ленин полемизировал с польскими социал-демократами, защищавшими свои прежние позиции[99]. Он обращал их внимание на внутреннюю диалектику требования реализации права на самоопределение вплоть до отделения: «...надо в России налегать на свободу отделения угнетенных наций, а в Польше подчеркивать свободу соединения. Свобода соединения предполагает свободу отделения»[100].

Собственно, обсуждение польского вопроса началось раньше. Во второй день работы — 25 апреля (8 мая) 1917 г.— конференция приняла резолюцию по поводу предложения датского социал-демократа Боргбьерга, привезшего приглашение правых германских социал-демократов принять участие в конференции социалистов по вопросу о мире. Уже здесь встал вопрос о Польше. В резолюции, также написанной лично В. И. Лениным, в мотивировке отказа отмечалось: «Что же касается до восстановления независимости Польши, то оно является обманом как со стороны германо-австрийских капиталистов, так и со стороны русского Временного правительства, говорящего будто бы о «свободном» военном союзе Польши с Россией». В резолюции было записано, что для действительного определения воли народа нужен вывод войск и свободный опрос населения. «Только применение этой меры ко всей Польше (т. е. не только захваченной русскими, но и захваченной немцами и австрийцами).... было бы шагом к превращению правительственных обещаний в дело»[101],— гласила резолюция, ставшая первым политическим документом, признающим право на свободное самоопределение населения *всех* польских земель. Никакая другая политическая партия в мире, в том числе ни одна из многочисленных польских партий, не стояла в тот момент на подобных позициях. Большевистская партия, заявившая по инициативе В. И. Ленина об этих требованиях, стала провозвестником наиболее последовательного, до конца демократического решения вопроса о судьбах Польши.

В. И. Ленин обратился к примеру Польши и 27 апреля 1917 г. в речи в защиту резолюции об отношении к войне. Доказывая необходимость пункта об отказе от аннексий, он говорил о недопустимости того, чтобы «русские капиталисты овладели в прежних границах Курляндией и Польшей»[102]. С возмущением он еще раз клеймил лицемерный характер воззвания Временного правительства, прикрывающего красноречивой демагогией свои подлинные захватнические планы. «...Наше правительство,— говорил В. И. Ленин,— выпустило манифест о независимости

[97] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 439.
[98] Там же, стр. 435.
[99] На заседании конференции выступил Ф. Дзержинский («Седьмая (Апрельская) конференция РСДРП(б)». М., 1958, стр. 219—222), а в комиссии по национальному вопросу — С. Будзыньский («Z Pola Walki», 1958, N 3, str. 203—204).
[100] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 433—434.
[101] Там же, стр. 373—374.
[102] Там же, стр. 392.

Польши, напичкав последний ничего не говорящими фразами. Они написали, что Польша должна находиться в свободном военном союзе с Россией. В этих трех словах только и заключается правда. Свободный военный союз маленькой Польши с огромной Россией есть на деле полное военное порабощение Польши. Политически он может давать свободу, все равно границы ее будут определены военным союзом»[103].

Таким образом, конференция, закрепляя право наций бывшей Российской империи на самоопределение вплоть до отделения, базировала свои решения на ленинском детальном анализе польского вопроса. Конференция высказалась за наиболее демократическое его решение — за свободное самоопределение населения всех польских земель.

Решения VII (Апрельской) конференции легли затем в основу внешнеполитической линии партии большевиков[104].

Правильная постановка национального вопроса большевиками, и в том числе польского вопроса, способствовала дальнейшему усилению совместной революционной борьбы трудящихся.

Многие польские социал-демократы энергично работали в это время в Советах рабочих и солдатских депутатов. В их числе были видный революционер, а затем советский государственный деятель М. Козловский, избранный в Исполком Петроградского Совета; один из руководителей СДКПиЛ, ведший после Февральской революции партийную работу в Москве Ф. Дзержинский, избранный в Исполком Моссовета; выдающийся деятель партии Винценты Матушевский, действовавший в Красноярском совете, и многие другие. На I съезде Советов от фракции большевиков в состав ЦИК (как кандидаты в члены) были избраны Ф. Дзержинский, Ю. Лещиньский-Леньский, Ю. Уншлихт и др., непосредственно СДКПиЛ представлял там М. Козловский, а ППС-левицу — Ст. Лапиньский.

После Февральской революции связь СДКПиЛ с большевистской партией получила новое организационное оформление. Согласно постановлению Бюро ЦК РСДРП(б) от 15 марта 1917 г. о включении в состав Бюро представителя от СДКПиЛ, таким представителем (с решающим голосом) стал Б. Весоловский. В апреле Петроградская группа СДКПиЛ оформила специальной резолюцией свое вхождение в РСДРП.

Московская группа СДКПиЛ была создана 3 (16) марта. В ее состав вошли освобожденные Февральской революцией из тюрем опытные революционеры — вслед за уже вернувшимся Ф. Дзержинским, Ст. Будзыньский, Э. Прухняк и др. Подобно Петроградской группе, эта группа (как и возникшие в тот же период группы СДКПиЛ в самых различных уголках России — всего было создано несколько десятков таких групп[105]) встала на позиции активного участия в революции в одних рядах с РСДРП(б). Ее ведущие деятели во главе с Ф. Дзержинским и Ст. Будзыньским, вошедшим в состав Московского Комитета РСДРП(б), активно включались в подготовку Великой Октябрьской социалистической революции.

Польские революционеры внесли немалый вклад в дело подготовки Великого Октября на всех этапах этого процесса. Широко известна та важная роль, которую сыграл Я. Фюрстенберг-Ганецкий в организации возвращения В. И. Ленина на родину. Ганецкий находился в 1917 г. в

[103] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 392.
[104] «Известия Петроградского совета...», 14.VI 1917.
[105] Подробно см.: *А. Я. Манусевич.* Польские интернационалисты...; *W. Najdus.* Polacy w rewolucji...

Стокгольме, и через него В. И. Ленин поддерживал связь с ЦК партии. Через него был переправлен ряд ленинских работ, в том числе «Письма из далека». Весной 1917 г. Ганецкий, стараясь помочь Ленину осуществить проезд из Швейцарии в Россию, предложил ряд проектов переезда, наладил связь для выяснения мнения ЦК. М. Броньский и другие польские социал-демократы помогали Ленину при подготовке отъезда. Деятельность польских социал-демократов по организации возвращения Ленина в Россию была ярким проявлением русско-польского революционного сотрудничества в ответственный момент развертывания революционного процесса в России [106].

Как в период двоевластия, так и после окончания мирного развития революции польские социал-демократы безоговорочно поддерживали линию большевиков на завоевание масс и пролетарскую революцию. Они принимали активное участие в массовых манифестациях, организуемых РСДРП(б), во всей организации политической работы в массах. При поддержке большевиков с 27 мая (9 июня) польские социал-демократы начали в Петрограде издание своей газеты «Трыбуна», ставшей пропагандистом среди польских трудящихся идей социализма и пролетарского интернационализма и проделавшей колоссальную работу по укреплению польско-русского революционного союза. Это направление было ведущим во всей работе руководившего затем «Трыбуной» созданного вскоре Исполнительного Комитета групп СДКПиЛ в России.

Когда партия большевиков взяла на VI съезде курс на вооруженное восстание, он был всецело одобрен поляками — делегатами съезда. В зачитанном Ст. Бобиньским приветствии съезду от общего собрания петроградской группы СДКПиЛ подчеркивалось, что эта партия уверена в правильности намечаемого ленинцами пути, что она считает своей первоочередной задачей «вливать в революционные ряды РСДРП все сознательные элементы польского пролетариата» [107]. Ф. Дзержинский решительно поддержал мнение о недопустимости явки Ленина на суд, подчеркивая, что Временное правительство готовит расправу над ним [108]. В работе съезда активное участие приняли также Б. Весоловский, Я. Долецкий, Ю. Уншлихт, А. Гранас, Ст. Пестковский, Ю. Лещиньский-Леньский.

В этот период, вопреки колеблющейся, неустойчивой политике линии руководства ППС-левицы, еще теснее стали сотрудничать с большевиками и польскими социал-демократами ее рядовые члены.

Правильность политики ленинской партии становилась все более наглядной и ясной, способствовала активизации польских пролетарских партий и углублению совместного революционного союза.

Не только члены польских пролетарских партий включились в революционный процесс. В условиях его расширения и углубления росли революционные настроения, и все более широкие массы подключались к революционным событиям. Тысячи польских трудящихся-интернационалистов все более активно взаимодействовали с трудящимися России в ходе борьбы за социальное и национальное освобождение. В первую очередь,— польские рабочие и солдаты, затем — начавшие получать в

[106] См. *R. Jermołajewa.* Jakub Hanecki. «Z Pola Walki», 1962, N 2; *А. Я. Манусевич.* Польские интернационалисты..., стр. 93—97; *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Ленин и польское рабочее движение. М., 1971, стр. 397—402.

[107] «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы». М., 1958, стр. 178.

[108] Там же, стр. 31.

больших количествах революционную литературу пленные [109]. А вслед за этими категориями польского населения и беженцы вливались в общий революционный поток, внося свой вклад в нарастание его мощности. Этот процесс втягивал все новые социальные категории населения— прогрессивную интеллигенцию, определенные слои мелкой буржуазии и крестьянства, в которых рос интерес к событиям, происходящим в России. В этот период возникали различные массовые польские организации, в числе которых были социалистические объединения, польские союзы рабочих (в Минске, Могилеве, Перми, Омске), общества учителей; значительно радикализовались беженские организации, усилили свою деятельность находящиеся на территории России крестьянские деятели — И. Космовская, М. Малиновский и др. [110] Возникли первые польские народные союзы [111].

Большинство польских трудящихся связывало с победой революции в России надежду на свое возвращение на родину и на освобождение ее от иноземных захватчиков.

Взаимный интерес и симпатии пускали все более глубокие корни. Революционный союз передовых сил России и Польши охватывал все более широкие народные массы. Постепенно выкристаллизовывался новый, более глубокий характер этого союза.

6. Влияние Февральской революции на подъем революционного движения в Польше

Февральская революция в России явилась сигналом для активизации борьбы широких народных масс как в Германии и Австро-Венгрии, так и на оккупированных ими территориях. В Германии началось брожение в армии, усилились антивоенные настроения и стачечное движение; в странах австро-венгерской монархии прошли демонстрации, имели место стачки. В этих выступлениях принимали участие и польские рабочие Верхней Силезии, Познани, Поморья и т. д. Однако из всех польских земель наиболее активным в политическом отношении, внесшим самый существенный вклад в развитие мирового революционного процесса, было бывшее Королевство Польское.

Февральская революция стала важным фактором усиления польского рабочего движения, широкого развертывания национально-освободительной борьбы польского народа и особенно населения более всего испытавшего на себе тяготы войны и оккупации Королевства Польского. Последнее стало одним из важнейших очагов борьбы против австро-германского милитаризма, что объективно способствовало дальнейшему развертыванию революционных событий.

Весть о свержении царизма и развитии революционных событий в России вызвала широчайший отклик в оккупированных австро-германскими войсками польских землях. «Как я уже неоднократно сообщал в своих телеграммах,— доносил 28 марта представитель Австро-Венгрии в Варшаве барон Угрон министру иностранных дел Австро-Венгрии графу Чернину,— события в России произвели здесь глубокое впечатление». Он высказывал опасение, что дело может дойти до «таких выступ-

[109] Подробнее см.: *E. Semil.* Przed drugą wojną była pierwsza. W., 1965.
[110] См. «Księga Polaków — uczestników Rewolucji Październikowej. 1917—1920. Biografie». W., 1967.
[111] См. *W. Najdus.* Polacy w rewolucji, str. 135—168.

лений, как в 1905 г.» [112] Это сравнение было правомерно и в силу того, что революционные события в России возбудили в широких слоях придавленного оккупационным режимом польского народа традиции совместной освободительной борьбы.

Из Люблина 29 марта австрийский дипломат барон Хеннинг сообщал, что ситуация в стране «органически связана с известиями об успешном освободительном движении в России» [113].

Напуганные нарастанием народного движения, оккупационные власти обеих зон в конце марта приняли решение подвергать строжайшей цензуре все сообщения из России. Однако материалы той же цензуры убедительно свидетельствуют, насколько малорезультативной была уже эта мера. В обзоре перлюстрированных писем, составленном чиновниками австрийской цензуры на материалах весенних месяцев 1917 г., отмечалось: «Революция, как таковая, с восторгом встречена всем польским народом...» [114].

«Симпатии... обращаются в сторону русской революции, и, как следует из имеющихся писем, они становятся все сильнее. Каждый голодающий, даже из мелкой буржуазии и крестьянства, видит в революции призрак социального и экономического освобождения... Во многих письмах условия России сравниваются с теперешним положением в Польше, и делается вывод, что следует симпатизировать русской революции» [115],— такова обобщающая характеристика настроений польского населения, данная австрийской цензурой. Она убедительно свидетельствует о росте освободительного движения в Польше, о глубоком влиянии на этот процесс Февральской революции.

Недовольство оккупационным режимом охватило к этому времени широкие слои польского народа. Крестьянство было разорено и измучено военно-полицейской системой реквизиций, средние слои города были ожесточены оккупацией и голодом, усилилось брожение в легионах [116]. В борьбу с оккупационным режимом включилось студенчество, активно поддерживавшее растущее стачечное движение пролетариата [117]. Под давлением революционно настроенных низов в оппозицию к оккупантам перешли ранее участвовавшие в создаваемых оккупантами административных органах ППС-фракция, крестьянская ПСЛ-«Вызволене» и др.

Пресса ПСЛ-«Вызволене» «Поляк» и «Вызволене», воззвания этой партии отражали ход революционных событий в России, связывали с ними быстрейшее прекращение войны, приветствовали ленинский принцип права наций на самоопределение, введение широких политических свобод. Без обширных комментариев, весьма сдержанно они информировали о борьбе российского крестьянства за землю [118].

Отношение к русскому народу было неоднородным. Часть организаций ПСЛ видела в Февральской революции залог национального освобождения, о чем свидетельствует листовка пётрковской организации от 11 мая 1917 г., приветствующая народы России [119], другая — и особенно руководство партии—утверждала, что «мы не можем рассчитывать

[112] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, стр. 31.
[113] «Materiały archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich», t. I. W., 1957, str. 13.
[114] «Документы и материалы...», т. I, стр. 65.
[115] Там же, стр. 85.
[116] Там же, стр. 28—30, 33—34.
[117] *W. Bułat.* Strajk studencki w Warszawie w 1917 roku. W., 1960.
[118] *J. Molenda.* Polskie Stronnictwo Ludowe w Królestwie Polskim. W., 1965, str. 118—121.
[119] «Документы и материалы...», т. I, стр. 62.

на русскую революцию, как мы не рассчитывали на русского царя»[120]. Соглашательское руководство намеревалось лишь переменить ориентацию и искало контактов с Антантой, фактически сотрудничая с буржуазными партиями внутри страны. Последние, опасаясь роста революционного движения в польских землях, все более переносили свои надежды на Антанту, стараясь всеми силами нейтрализовать влияние революционной России на массы, ибо растущая политическая активность польского народа сопровождалась расширением фронта сил, сочувствующих революционному движению в России.

Ведущую роль в этом процессе играли СДКПиЛ и ППС-левица. Победа Февральской революции вызвала у авангарда польского пролетариата подлинный энтузиазм. Он увидел в ней начало большого периода революционных боев, революционную перспективу для самой Польши, увязанную с развертыванием событий в России.

Социал-демократическая «Наша трыбуна» (Варшава) откликнулась на свержение самодержавия статьей «Революция в России», в которой приветствовала русский пролетариат, и, разъясняя смысл событий польскому пролетариату, подчеркивала, что Февральская революция имеет огромное значение не только для истории России, что она будет серьезным толчком в великом деле освобождения народов и «мощным эхом отзовется во всем мире». Газета подчеркивала: «Революция в России бросает огромный красный отсвет на весь мир. Сильнее забьются сердца рабочих, когда они услышат о том, что сделали их братья на севере. С этой идеей они уже не расстанутся. На заводе и в мастерской, в окопах или дома они будут обращаться душой к излучающему свет образу революции, который создали сильные и крепкие руки товарищей с Невы...».

«Наша трыбуна» старалась разъяснить, каковы движущие силы революции в России и какова роль в ней ленинской партии, специально останавливая внимание на вопросе о дальнейшем развертывании революционных событий, о революционных перспективах. «Победа над царизмом — это первый акт революции,— писала она,— теперь друг против друга встают две силы: буржуазия и пролетариат, и между ними начнется неумолимая борьба...». Газета подчеркивала интернационализм пролетариата России, международное значение его борьбы за выход из империалистической войны[121].

Приветствуя Февральскую революцию, открывшую «дорогу к борьбе за социализм», зовущую «повернуть оружие против единственного врага пролетариата любой страны — против собственной буржуазии», польская социал-демократия предсказывала, что пролетариат Польши тоже скоро поднимется на борьбу за освобождение трудящихся[122].

У ППС-левицы Февральская революция вызвала такой же горячий отклик, как и у СДКПиЛ. Варшавский рабочий комитет (ВРК) партии выпустил воззвание, в котором он приветствовал революционные события в России и призывал пролетариат готовиться к революционной борьбе, начало которой положил рабочий класс России[123].

В ответ на предложение Временного правительства заключить военный союз с Польшей ППС-левица, как и СДКПиЛ[124], заявила: «Задачей польского рабочего класса менее всего является поддержка им-

[120] «Polak», IV 1917; *J. Molenda.* Polskie Stronnictwo Ludowe..., str. 120.
[121] «Nasza Trybuna», W., 24.III 1917.
[122] «Socjaldemokracja...», str. 228—229.
[123] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 48, л. 17.
[124] «Документы и материалы...», т. 1, стр. 39, 72 и др.

периалистической политики воюющих государств «военным союзом...» Приветствуя «первые, прекрасные победы» пролетариата России, она обращалась к нему: «Рабочие России! Ваши старые товарищи по оружию, бойцы 1905 года, призывают вас: не война до победы, но революция до победы! Долой замаскированный империализм! Да здравствует российская, да здравствует европейская революция!» [125]

Орган ППС-левицы «Глос роботничий» регулярно публиковал материалы о событиях в России. С апреля 1917 г. он являлся единственным постоянным источником информации для польских рабочих, так как социал-демократическая «Наша трыбуна» в апреле была закрыта оккупационными властями, а нелегальный орган СДКПиЛ «Червоный штандар» в 1917 г. вышел только один раз.

В этот период все воззвания ППС-левицы полны предчувствием надвигающихся революционных событий. Предмайское воззвание Центрального рабочего комитета (ЦРК) гласило: «Жизнь народов Европы начала входить в новую фазу... Сомневающиеся увидели и убедились, что действительным источником свободы может быть только революционная борьба пролетариата, что только в борьбе с войной можно свергнуть режим насилия и разбоя» [126]. В люблинской предмайской листовке ППС-левицы говорилось: «Быстрыми шагами мы приближаемся к периоду борьбы за социализм. Рабочий класс сам должен прекратить войну, раз правительства и буржуазия ее не прекратили. А прекращение войны рабочими будет первым актом периода боев, в который мы входим, боев пролетариата всего мира за завоевание власти в обществе» [127]. В условиях общего подъема освободительного движения, связанного с победой Февральской революции, СДКПиЛ и ППС-левица настойчиво разъясняли массам задачи политической борьбы под лозунгом солидарности с пролетариатом России и поддержки Февральской революции.

Линия ППС-фракции была иной. Февральскую революцию руководство ППС-«фракции» встретило с большим удовлетворением, но совсем не так, как СДКПиЛ и ППС-левица. Оно не хотело замечать последовательно интернационалистской позиции большевиков и по-прежнему отрицало русско-польский революционный союз. Пресса ППС-«фракции» писала: «Для нас, для Польши, переворот в России и все его последствия — дело внешнее, заграничное» [128]. Она выступала на стороне Временного правительства, подвергая нападкам Ленина и большевистскую партию (особенно с лета 1917 г., когда направление их борьбы стало очевидным), а также и поддерживавших ленинскую политику СДКПиЛ и ППС-левицу. Орган ППС-«фракции» «Едность роботнича» писал после Февральской революции, что в связи со свержением царизма политика партии должна якобы измениться коренным образом. Теперь задачей партии будет не революционная борьба, а строительство независимого польского государства [129]. В июне 1917 г. XIII съезд партии обсуждал вопрос о независимости Польши, и была снова выражена надежда на присоединение к ней Литвы и Белоруссии. Вопросов революционных перспектив Польши, ликвидации оккупации, союза с революционной Россией съезд вообще не касался [130].

[125] «Biuletyn Socjalistyczny», 1917, N 1.
[126] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 48, л. 1.
[127] Там же, л. 19.
[128] «Jedność Robotnicza», 8.IV 1917.
[129] «Jedność Robotnicza», 25.II 1917.
[130] *Г. Яблоньский.* Политика Польской социалистической партии..., стр. 269.

Оказавшись вынужденной весной 1917 г. перейти в оппозицию по отношению к австро-германским оккупантам, критикуя оккупационный режим и Временный государственный совет, ППС-«фракция» на деле продолжала поддерживать марионеточные органы, созданные оккупантами. Выступая 16 апреля с заявлением по поводу декларации Временного государственного совета в связи с воззванием Временного правительства «К польскому народу», ЦРК требовал предоставления полноты власти этому Совету — совещательному органу. Заявив о поддержке лозунга польской республики, ППС-«фракция» одновременно соглашалась признать и монархию «как временную форму»[131]. Даже в сентябре 1917 г., когда стоял вопрос о созыве Государственного совета и создании Совета министров, «Едность роботнича» по-прежнему приветствовала эти мероприятия оккупационных властей и возлагала на них большие надежды[132]. Не случайно потом, превознося свою «революционность», лидеры партии всеми силами старались обелить эту страницу ее истории, доказать, что партия вела самостоятельную политику и была непричастна к политическим махинациям оккупантов и буржуазии[133].

Нужно отметить, что рядовые члены партии, ее местные организации в условиях усиления борьбы трудящихся масс революционизировались и, вопреки политике руководства, выступали против соглашательства, за союз с революционной Россией. Например, собрание рабочих — членов ППС-«фракции» в Люблине 22 апреля приняло резолюцию, в которой приветствовало революцию в России и выражало надежду на грядущую победу «демократических и пролетарских идей» во всем мире, хотя и оговаривало, что в случае посягательства России на польские и литовские земли (?!) польские рабочие должны «выступить на борьбу за свою свободу»[134]. В решении содержался протест против политики оккупантов и сотрудничавшей с ними польской буржуазии[135].

СДКПиЛ и ППС-левица последовательно боролись против идеологии соглашательства и национализма в рабочем движении, разъясняя, что национальное и социальное освобождение может быть достигнуто лишь путем революционной борьбы, а не политическими комбинациями и фактической поддержкой сотрудничавшей с оккупантами буржуазии. В конце марта 1917 г. «Наша трыбуна» в статье «Социал-демократия и война», сопоставляя позицию большевиков по вопросам войны и революции с позицией партий II Интернационала, писала: «Точка зрения российской социал-демократии, которая последовательно привела ее к позиции, занятой во время революционных мартовских событий, является отрицанием и опровержением основных положений социал-патриотов»[136]. В мае, на Межрайонной конференции варшавской организации СДКПиЛ, была принята резолюция, подтверждавшая правильность анализа международной обстановки, сделанного левым крылом революционной социал-демократии во главе с партией большевиков. «Начало русской революции является победой революционной тактики с[оциал]-д[емократии], поражением принципа «классового соглашательства», провозглашенного социал-патриотами»[137],— подчеркивалось в резолюции, которая своим острием была направлена против соглашательства

[131] «Документы и материалы...», т. I, стр. 46—48.
[132] См.: *Г. Яблоньский.* Политика Польской социалистической партии..., стр. 304.
[133] «Księga jubileuszowa PPS 1892—1932». W., 1933, str. 108, 112, 115, 130.
[134] «Документы и материалы...», т. I, стр. 49.
[135] См. также: *J. Holzer.* PPS w latach 1917—1919. W., 1972.
[136] «Nasza Trybuna», 31.III 1917.
[137] «Документы и материалы...», т. I, стр. 71.

ППС-«фракции» и подтверждала справедливость оценки, данной этой партии раньше. Такую же позицию в 1917 г. занимала и ППС-левица. Она активно вела борьбу против национализма, решительно и принципиально отмежевавшись от ППС-«фракции» и других националистических организаций. В решении национального вопроса партия переходила на последовательно революционные позиции, требуя подчинения национальной борьбы борьбе классовой [138]. Вместе с тем, как и СДКПиЛ, ППС-левица связывала ликвидацию национального гнета только с революционной борьбой пролетариата [139], не сумев найти оптимального сочетания демократических и социалистических задач, взять курс на руководство национально-освободительной борьбой различных слоев польского народа.

Обе партии использовали пример революции в России для воспитания польских трудящихся в духе подготовки к революционным боям в самой Польше. СДКПиЛ и ППС-левица практически возглавили движение польского народа против оккупантов, мобилизуя на борьбу с ними все более широкие слои рабочего класса. Перед лицом перспективы развертывания революционных событий по всей Европе и активизации борьбы за прекращение империалистической войны, обе партии усилили организаторскую и агитационную работу в массах — в профсоюзах, кооперативах, просветительских организациях, что очень быстро сказалось на расширении всего рабочего движения и росте его активности.

Стачечное движение в 1917 г., после временного застоя 1915—1916 гг., возобновилось и резко возросло, несмотря на массовые аресты и введение войск на предприятия. Единичные разрозненные экономические стачки в начале 1917 г. стали превращаться в стачки протеста против антинародного режима оккупантов. Ожесточенные репрессии способствовали тому, что рабочие все более сознавали, что именно оккупационный режим стимулирует усиление эксплуатации, что именно он ставит их на грань голодной смерти. Агитация против оккупантов находила благоприятную почву. В рабочем движении происходил процесс собирания сил, осознания задач борьбы против империалистической реакции.

После Февральской революции четко наметилась тенденция роста стачечного движения как в количественном, так и в качественном отношении. По данным польского экономиста Т. Штурм де Штрема в Варшаве в первом полугодии 1917 г. было 10 стачек, во втором — уже 17, при этом они охватывали почти все отрасли варшавской промышленности [140]. Первые стачки начала 1917 г. оставались еще стихийными, разрозненными экономическими выступлениями, в основном оборонительного характера [141], так как значительная часть рабочих оставалась пассивной. Это объяснялось безработицей, репрессиями оккупационных властей, а также изменением состава рабочих в сторону большего процента женщин и подростков, притоком рабочей силы из деревни и другими явлениями, связанными с мобилизацией в армию, эвакуацией части квалифицированных рабочих в Россию и вывозом на принудительные работы в Германию.

Качественный перелом в стачечном движении наступил в марте 1917 г. в связи со стачкой варшавских металлистов — основного отряда пролетариата Варшавы, первым откликнувшегося на события в револю-

[138] «Głos Robotniczy», 14.IV 1917.
[139] Там же, 7.IV; 23.V 1917 и др.
[140] *T. Szturm de Sztrem.* Walka..., str. 49.
[141] «Głos Robotniczy», 30.I; 28.VII; 8.VIII 1917.

ционной России. Варшавские металлообрабатывающие заводы «Паровоз», «Герлях и Пульст» и «Альбатрос», а также мастерские для ремонта самолетов с общим числом рабочих около 3 тыс. были военизированными предприятиями с казарменными порядками и полнейшим произволом военных властей. Еще в апреле 1916 г. «Наша трыбуна» сообщала, что условия труда на заводе «Паровоз» стали невыносимыми, но попытка группы передовых рабочих предъявить администрации экономические требования кончилась их увольнением. Большинство рабочих их не поддержало.

Через профсоюз металлистов, находившийся под влиянием СДКПиЛ, через свой рабочий актив партия подготовила в марте 1917 г. массовую организованную стачку, приобретшую политический характер и ставшую этапом в развитии стачечного движения в стране. Под руководством рабочих — социал-демократов — был создан стачечный комитет. Представителем этого комитета и руководителем делегации бастующих стал рабочий — социал-демократ, секретарь Повонзковского районного комитета партии и союза деревообделочников Б. Вольский [142].

Стачка началась 28 марта на заводах «Паровоз» и «Герлях и Пульст». Варшавский рабочий класс был столь возбужден, что к бастующим немедленно присоединились рабочие завода «Альбатрос», мастерских Венской, Ковельской, Калишской и Петербургской железных дорог.

За период оккупации Варшава не знала такой массовой стачки. На этот раз, кроме улучшения материального положения (повышения заработной платы на 100%), рабочие потребовали признания их права иметь свою организацию, которая защищала бы их интересы — заводского комитета и профсоюза металлистов. Оккупационные власти арестовали делегацию рабочих, дав понять, что никакие переговоры невозможны и рабочие не будут признаны стороной, имеющей право предъявлять какие-либо требования. Стачка продолжалась.

Варшавский комитет СДКПиЛ, придавая большое значение этой стачке, призвал рабочих не прекращать борьбы [143]. Такую же позицию занял Варшавский рабочий комитет ППС-левицы [144]. Изданные в решающий момент воззвания обеих партий активно способствовали усилению политического характера этой стачки и большей стойкости бастующих. Ссылаясь на пример пролетариата России, они призывали организованно противостоять натиску оккупационных властей и неуклонно добиваться удовлетворения своих требований. В обоих воззваниях подчеркивалось, что стачечная борьба рабочих должна быть направлена на защиту тех основных прав, без которых невозможна результативная классовая борьба пролетариата — на защиту права на стачку, неприкосновенности бастующих, свободы профсоюзов.

Из-за раскольнической деятельности ППС-«фракции» стачка закончилась компромиссом. Заработная плата рабочих была повышена, но организаторы стачки были отправлены в лагеря для военнопленных. Для устрашения рабочих был опубликован декрет, согласно которому участие в забастовке каралось смертной казнью. Таким образом, победа оказалась половинчатой и была куплена дорогой ценой. Тем не менее эта массовая, всеобщая, организационно оформленная стачка варшавских металлистов была качественно новой по своему характеру. Ее участники выставили ряд политических требований. Стачка варшавских

[142] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 399, лл. 3, 6, 38.
[143] «Socjaldemokracja...», str. 226.
[144] «Документы и материалы...», т. I,стр. 40—41.

металлистов, вызвав отклики во всей Польше, оказала большое влияние на развертывание стачечной борьбы пролетариата других профессий, способствуя поднятию этой борьбы на более высокий уровень.

Празднование в 1917 г. дня 1 Мая, вылившееся в стачки и демонстрации в Варшаве, Лодзи, Домброве, Люблине и других городах, социал-демократия и ППС-левица провели под лозунгами солидарности с революцией в России и революционным движением в Европе, под лозунгами организации на борьбу с оккупацией и империалистической реакцией. «Товарищи! Рабочие! — гласила первомайская листовка Главного правления СДКПиЛ.— Уже свершилась первая битва революции с враждебными силами милитаризма. Братский пролетариат России под руководством революционной социал-демократии свергнул мерзкий царизм, повел за собой пролетарские отряды в мундирах и раздавил врага.

Социал-демократия в России, которая во время войны не прерывала ни на минуту своей борьбы с царизмом и буржуазией, разрушила стены, разделяющие международный пролетариат. Социал-демократия России открыла путь к борьбе за социализм... Перед вами один путь, проложенный революционной деятельностью социал-демократии России — *путь неумолимой борьбы с буржуазией, с милитаристским капиталом*»[145]. Особенно успешно празднование прошло в Домбровском бассейне, где удалось провести многотысячную демонстрацию.

Поскольку оккупанты к этому времени пустили в ход все шахты, горняки оказались самым крупным работающим отрядом польского пролетариата. Однако их состав ввиду мобилизаций и эмиграции в Верхнюю Силезию значительно обновился за счет массового найма на работу женщин и притока рабочей силы из деревни. Требовалось некоторое время, чтобы преодолеть их неорганизованность. Первые разрозненные стачки горняков были малоуспешны. Они заканчивались лишь частичными уступками, и то не всегда. Чтобы закрепить успех празднования 1 Мая, горняки уже 2 мая объявили стачку, выдвинув ряд выработанных «классовым» профсоюзом экономических требований (повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и т. д.). В числе требований было и требование признания права профсоюзов на посредничество во время конфликтов с администрацией. Стачка охватила ряд шахт немецкой зоны и все шахты австрийской зоны оккупации. Социал-демократический «Червоный штандар» сообщал, что во время этой стачки ряд массовых интернационалистских выступлений был организован СДКПиЛ и ППС-левицей[146]. Опасаясь влияния стачки и на пролетариат Верхней Силезии, оккупационные власти пошли на некоторые уступки. Опасения не были напрасными. Несмотря на старания руководства соглашательских профсоюзов, горняки Верхней Силезии последовали примеру горняков Домбровского бассейна, и ряд больших шахт забастовал.

Таким образом, борьба рабочих Королевства Польского вызвала активизацию верхнесилезского пролетариата[147]. Любопытно, что представители верхнесилезского финансового капитала указывали на непосредственную связь этих выступлений с революционными событиями в России[148].

[145] «Socjaldemokracja...», str. 228—229.
[146] «Czerwony Sztandar», VI 1917.
[147] *H. Zieliński.* Położenie i walka górnośląskiej klasy robotniczej podczas pierwszej wojny światowej. «Sobótka», 1955, N 1—2, str. 115—117.
[148] Там же, стр. 116.

Рабочий класс за первое полугодие 1917 г. значительно революционизировался, его боевая готовность значительно повысилась.

Оккупационные власти повели жестокую борьбу со стачечным движением, надеясь покончить с ним и заставить рабочих покориться. Новое распоряжение варшавского генерал-губернатора грозило 10 годами тюрьмы или 10 тыс. марок штрафа за оставление работы без уважительных причин. Основной удар был направлен против авангарда польского рабочего класса — варшавских металлистов. У них было отнято все завоеванное во время стачки, а половина рабочих была подвергнута локауту. Однако рассчитывать на то, что рабочие сдадутся без борьбы, было уже невозможно в силу глубоких изменений, происходивших в рабочем движении. Металлисты ответили на локаут забастовкой и уличной демонстрацией. Забастовка охватила заводы «Паровоз», «Герлях и Пульст» и военные мастерские. Руководящую роль в ее организации играл социал-демократ, рабочий Мечислав Красиньский. Он был работником Повонзковского районного комитета СДКПиЛ [149].

Когда германской полицией было арестовано 1500 рабочих, у Вольской заставы в Варшаве были построены баррикады, и рабочим удалось отбить около тысячи арестованных. Бой продолжался 3 часа, но вооруженные камнями и палками рабочие не могли оказать длительного сопротивления воинским частям. Известен подтверждающий организаторскую роль СДКПиЛ факт активного участия в этом столкновении партийного работника Чеслава Звежиньского, погибшего от пули полицейского.

Повторная стачка металлистов, переросшая в вооруженное столкновение с полицией и воинскими частями, вызвала широкий резонанс по всей Польше. Стачечное движение не только не прекратилось, но продолжало нарастать. Если немецким властям при помощи солдат удалось в июне задушить стачку на шахте Ренард, то уже в июле 1917 г. в Домбровском бассейне и в Верхней Силезии состоялась двухнедельная стачка горняков, особенно массовая в австрийской зоне оккупации. Хотя горняки Верхней Силезии вскоре прекратили борьбу, в Домбровском бассейне стачка продолжалась до победы. Полиция отмечала активную роль в организации этой стачки агитаторов «извне», из Варшавы [150], а в Верхней Силезии — влияние агитации из Домбровского бассейна [151]. Стачки горняков все более приобретали политический характер благодаря активной роли ППС-левицы и особенно СДКПиЛ, которая издала несколько листовок антивоенного характера, ориентирующих на «социальную революцию» как продолжение «революции на Востоке» [152], т. е. Февральской революции.

В августе состоялась массовая стачка железнодорожников, охватившая несколько железнодорожных узлов.

В целом, в 1917 г. возник еще целый ряд крупных отраслевых стачек: в Лодзи были всеобщие стачки портных, парикмахеров и сапожников, во Влоцлавке и Сосновце — стачки кожевников, печатников и портных, в Люблине — металлистов и т. д. Мощный подъем стачечного движения был тесно связан с ростом общего освободительного движения в стране и составлял его важнейшую часть.

[149] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 976, лл. 4, 6, 8.
[150] *N. Gąsiorowska.* Położenie i walka ekonomiczna i polityczna górników z okupantem niemieckim w Królestwie Polskim w czasie wojny 1914—1918. «Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych», t. XIV. 1953, str. 17.
[151] *H. Zieliński.* Указ. соч., стр. 117.
[152] *N. Gasiorowska.* Указ. соч., стр. 19.

СДКПиЛ и ППС-левица, организуя силы польского рабочего класса и ориентируясь на перспективу развития революционного процесса, продолжали курс на укрепление союза трудящихся обеих стран. Обе партии старались втянуть в активную борьбу все более широкие их слои под лозунгом братства с революционной Россией. Лозунг совместной борьбы, за четверть века прочно закрепившийся в сознании передовых, революционных слоев польского рабочего класса (преимущественно в Королевстве Польском), завоевывал в его рядах все новых сторонников, несмотря на раскол польского рабочего движения. Росла популярность СДКПиЛ и ППС-левицы, которые энергично пропагандировали опыт революционного рабочего класса России, ленинской партии, последовательно вели борьбу против соглашательства и национализма, против сковывания энергии рабочего класса. Они повседневно, во всех своих изданиях и устной агитации, выступали против теории, ориентирующей на достижение социальной и национальной независимости не путем революционной борьбы народных масс, а путем дипломатических и военных комбинаций империалистических держав и фактической поддержки (во имя «национального единства» и «классового мира») сотрудничавшей с оккупантами польской буржуазии.

Обе партии, авангард начавшегося революционного подъема польского рабочего движения, способствовали превращению его в могучий политический фактор общественной жизни в Польше, в реальную силу, направленную на уничтожение оккупационного режима, в наиболее последовательную, наиболее революционную часть общего потока борьбы польского народа за свое освобождение, за самоопределение, за объединение всех польских земель.

Сами эти партии, понимая решающее значение руководящей роли пролетариата в деле наиболее последовательного и результативного решения задач национального и социального освобождения и посвящая все силы сплочению рабочего класса, не разработали еще последовательной научной стратегии и не представляли себе ясно, какова будет роль в революции, в том числе в национально-освободительном движении других отрядов трудящихся. Объективное воздействие их пропаганды дружбы с революционной Россией выходило за рамки пролетарских слоев. Этому способствовали пробудившиеся симпатии к силам, свергнувшим царизм.

В радикально-демократических организациях росло критическое отношение к прежнему курсу ориентации на центральные державы [153]. Более умеренные круги переориентировались в этот период на Антанту, а прогрессивно-демократические силы склонны были одобрить происходившие в России перемены. Такие настроения, одновременно с ростом национально-освободительных чаяний, получили значительное распространение среди крестьянства. Одно из наиболее ярких проявлений их — принятое 11 мая 1917 г. пётрковской организацией партии Польске стронництво людове приветствие в адрес народа России. Этот документ гласит: «Польский народ приветствует свободный народ России и выражает надежду, что по окончании кровавой войны мы будем независимыми соседями. Мы, свободные русские и поляки, все силы посвятим труду, каждый для своей родины. Мы верим, что после страшных кровопролитий, виновниками которых являются правительства, настанет время, когда восторжествует истинная свобода для всех наро-

[153] См. «Materialy źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego», str. 428—429, 430, 432—435.

дов, каждый из которых будет хозяином на своей земле и не запятнает себя угнетением других.

Да здравствует свобода народов!

Да здравствует всеобщий мир!» [154].

Дальнейшее развитие революционного процесса в России после Февральской революции и подготовка Великой Октябрьской революции проходили одновременно с ростом национально-освободительного и рабочего движения в Польше, развернувшегося под непосредственным влиянием революционных событий февраля 1917 г. и подтачивающего позиции австро-германского милитаризма. Ленинская партия и лично В. И. Ленин внесли огромный вклад в достижение идейно-политического единства с авангардом польского пролетариата, во внесение в рабочее движение идеи интернациональной солидарности и укрепление русско-польского революционного союза. На этой основе все шире реализовался тезис о совместной борьбе народов России и Польши против империализма, об обеспечивающем их освобождение взаимодействии и взаимной поддержке революционных сил. Это был процесс, который способствовал осуществлению социального и национального самоопределения обоих братских народов, успеху их борьбы за новый социальный строй.

[154] «Документы и материалы...», т. I, стр. 62.

Глава XII

ОТ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ ДО ПОБЕДЫ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

1. В период двоевластия

Победа Февральской буржуазно-демократической революции, приведшая к низвержению самодержавия, была результатом упорной, длительной, тяжелой борьбы российского пролетариата во главе с его революционным авангардом — партией большевиков. В этой борьбе за пролетариатом шли крестьянство, широкие демократические круги, трудящиеся массы угнетенных народов.

Победа Февральской революции способствовала упрочению русско-польского революционного союза, продолжавшего интенсивно развиваться в годы первой мировой войны. Особую действенную силу союзу придавало то, что сотни тысяч польских тружеников оказались призванными в царскую армию или эвакуированными из польских губерний во внутренние губернии империи.

Как солдаты из польских губерний, так и эвакуированные рабочие и крестьяне в значительной своей части выступали вместе с солдатскими, рабочими, крестьянскими массами всей России, требовавшими прекращения империалистической войны, демократического мира, хлеба, работы. Многие выходцы из польских земель участвовали в непосредственно предшествовавших революции демонстрациях, которые проводили измученные голодом женщины, в массовых забастовках восставших рабочих и солдат Петрограда [1].

Значительную помощь подпольным организациям большевиков в вовлечении польских тружеников в революционную борьбу оказали польские социал-демократы, находившиеся среди эвакуированного из польских губерний населения, среди призванных в царскую армию солдат. Часть польских социал-демократов издавна проживала во внутренних губерниях России, те же, кто находился в заключении за революционную деятельность, после низвержения самодержавия были освобождены из царских тюрем или возвратились из ссылки. Роль своего рода центра деятельности польских социал-демократов в России играла оформившаяся еще в ноябре 1916 г. Петроградская группа СДКПиЛ [2]. Ее организаторами были З. Фаберкевич (Т. Гневич), А. Радзишевский (Р. Арский), М. Козловский и другие видные польские социал-демократы, являвшиеся одновременно активными деятелями столичной организации большевиков [3].

[1] «Na granicy epok. Wspomnienia o udziale Polaków w Rewolucji Październikowej i wojnie domowej w Rosji. 1917—1921», W., 1967, str. 80—81.

[2] «Trybuna», 17.VI 1917.

[3] «Пролетарская революция», 1930, № 7—8, стр. 179—180; *А. Шляпников.* Канун семнадцатого года, ч. I, изд. 3. М., [б. г.], стр. 135.

Лишь успела совершиться революция, как петроградские рабочие-поляки собрались 1 марта 1917 г. в клубе польского культурно-просветительного общества «Промень», существовавшего в Петрограде еще с 1907 г. Участники митинга обратились с горячим приветствием к созданному восставшими питерскими рабочими и солдатами Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Польские рабочие заявляли, что они всегда шли рука об руку с революционным пролетариатом России и вместе с ним доведут до конца дело революции и международной солидарности пролетариата. «Пусть ваша победа,— писали в своей резолюции участники митинга,— проложит пролетариату всех стран дорогу к решительному бою возрожденного Интернационала с капитализмом, который толкнул народы на теперешнюю кровавую резню» [4]. В принятом тогда же обращении польские рабочие и солдаты в России призывались к активной поддержке революции, которая несет освобождение и польскому народу [5].

Если документы первого после низвержения царизма собрания петроградских рабочих-поляков говорили о полном понимании ими своего классового долга, необходимости участия в грядущих решительных боях против капитализма в одних рядах с российским и всем международным пролетариатом, то на состоявшемся в Москве 5 марта митинге польского населения развернулась весьма острая дискуссия вокруг вопроса о том, каковы же задачи польского пролетариата в России. На этом митинге обнаружилось и течение, пытавшееся доказать, что пролетариат России неспособен удовлетворить требования польской нации и поэтому польскому населению следует соблюдать нейтралитет в отношении российских событий; и течение, допускавшее участие в российской революции при условии сохранения и развития обособленных польских организаций; и течение, считавшее, что интересы польского пролетариата и всего польского народа полностью совпадают с интересами революционного пролетариата России [6].

Последнюю точку зрения, поддержанную большинством участников митинга, наиболее последовательно отстаивал Ф. Дзержинский, освобожденный, как и другие политические заключенные, из тюрьмы в начале революции.

Петроградские, московские и другие митинги, собрания, выступления польских рабочих показали, что аристократические салоны, клубы либеральной буржуазии, благотворительные и другие общества, кружки, объединения, претендовавшие в годы войны на роль выразителей интересов тех миллионов поляков, которые в связи с ходом военных действий оказались на русской земле [7], вовсе не выражают мнений польских трудящихся масс, что последние сами активно стремятся сказать свое слово, найти свое место в той кипучей политической жизни, которая охватила Россию от одного края до другого. Не только в обеих столицах, но и в небольших промышленных центрах, в далекой Сибири, в частях армии, на кораблях флота впервые открыто зазвучало польское слово — слово польских рабочих, крестьян, революционеров. Русско-польский революционный союз, широко проявивший себя во время революции 1905—1907 гг., после низвержения самодержавия опять обнаружил свою великую силу, показал себя не только важным состав-

[4] «Promień», 31.III 1917.
[5] «Promień», 8.IV 1917.
[6] «Echo Polskie», 6.III 1917.
[7] *J. Spustek.* Polacy w Piotrogrodzie. 1914—1917. W., 1966.

ным элементом борьбы сознательного пролетарского авангарда, но и сложившимся и утвердившимся фактором массового политического движения российских и польских рабочих, крестьян, солдат.

Для правильной ориентации польских трудящихся масс как в России, так и в самой Польше важное значение имело определение позиций в польском вопросе тех органов власти, которые утвердились после низвержения самодержавия.

14 марта Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял обращение «К польскому народу», о котором речь шла и в предыдущей главе. В обращении торжественно провозглашалось, что теперь, когда низвергнут царский режим, в течение полутора веков угнетавший польский народ, равно как он угнетал и русский народ, «Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении» [8].

Обращение Петроградского Совета отвечало как давнишним чаяниям польского народа, так и стремлению многих поколений русских революционеров обеспечить союз и братство свободных народов обеих стран.

Являвшееся ярким выражением интернационалистских позиций рабочего класса России, обращение Петроградского Совета было радостно принято находившимся в России временным польским населением и трудовыми массами оккупированной Германией и Австро-Венгрией Польши, которым обращение Петроградского Совета стало вскоре известно из газетных сообщений. Газета «Наша трыбуна», орган польской социал-демократии, выходившая в Варшаве, горячо приветствовала низвержение самодержавия.

«Победа над царизмом,— писала «Наша трыбуна»,— это первый акт революции; теперь друг против друга встают две силы: буржуазия и пролетариат».

Газета обращала внимание читателей, что революция привела к созданию особых органов пролетариата — Советов [9].

Но то, что революция не только покончила с царизмом, а породила Советы, «бросила огромный красный отсвет на весь мир», глубоко тревожило как русских помещиков и капиталистов, так и господствующие классы других стран. В оккупированной Польше оказались существенно подорваны позиции так называемых «активистов», а равно и марионеточных польских «органов власти», которые ранее широко использовали ненависть народных масс к царизму в качестве средства оправдания своей проавстрийской и пронемецкой политики. Февральская революция вызвала значительное оживление рабочего и массового антиоккупационного движения [10]. Как доносил в Вену в марте 1917 г. австро-венгерский дипломатический представитель в Варшаве, события в России «не замедлили вызвать известное движение также и в здешних социалистических кругах... Влияние Пилсудского в ППС, вероятно, сильно уменьшилось» [11]. В то же время, подчеркивал другой австро-венгерский дипломатический представитель, «влияние русских событий» проявилось в ряде политических собраний, уличных выступлений против реквизи-

[8] «Правда», 16 (29) III 1917 г.
[9] «Nasza Trybuna», 24.III 1917.
[10] *L. Grosfeld.* Wpływ rewolucji lutowej na Królestwo w świetle świadectw austriackich. «Kwartalnik Historyczny», 1956, пг. 4—5.
[11] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I. М., 1963, стр. 25.

ций, против оккупационного режима, против войны и лишений [12]. Центральный рабочий комитет ППС-«фракции» принял письмо «Социалистам России», в котором приветствовал низвержение царизма и выражал надежду, что революционная Россия поддержит независимость Польши, а также откажется от так называемых литовских земель, т. е. Литвы и Белоруссии [13].

Если одним из проявлений влияния Февральской революции было усиление рабочего и широкого антиоккупационного движения в Польше, то, с другой стороны, буржуазно-помещичьи круги оккупированных Германией и Австро-Венгрией в ходе войны польских губерний и стоявшие на «пассивистских» позициях и ранее державшиеся проантантовской ориентации, обнаружили готовность сотрудничать с оккупационными властями, сплотиться вокруг них в целях противодействия возраставшему под влиянием известий из России массовому революционно-освободительному движению польских трудящихся.

Февральская революция вынудила и русских помещиков, и капиталистов к проведению более гибкой политики в польском вопросе.

Своеобразие сложившихся в России политических условий двоевластия не позволяло буржуазно-помещичьему Временному правительству, образовавшемуся 2 марта, полностью игнорировать позицию русской революционной демократии в отношении Польши, выраженную в обращении Петроградского Совета «К польскому народу». Так как лидеры правого крыла русской революционной демократии — руководители меньшевиков и социалистов-революционеров одновременно с участием в Петроградском и других Советах поддерживали Временное правительство и входили в него, то кадеты, преобладавшие в этом правительстве, при поддержке соглашательских партий ограничились принятием 16 марта бессодержательного правительственного воззвания к полякам. Это воззвание, отметил В. И. Ленин, имело одну цель — «полное военное порабощение Польши» [14]. Действительно, воззвание Временного правительства хотя и обещало создание независимого и объединенного Польского государства, но тут же оговаривало, что окончательное решение польского вопроса,— о чем уже говорилось ранее,— должно принадлежать русскому Учредительному собранию и что будущее польское государство должно быть соединено с Россией «свободным военным союзом» [15].

Правое крыло польской буржуазии в России, главным выразителем взглядов которой была партия национальных демократов, весьма враждебно отнеслось к русской революции. Эндеки, стремясь к тому, чтобы обеспечить в будущем польском государстве всевластие крупного капитала и крупного землевладения, всячески старались ослабить влияние русского революционного движения на польское население России, отгородить последнее от совместных действий с русской революционной демократией. Этим целям служила значительная сеть благотворительных, конфессиональных и других организаций, созданных эндеками в России еще до Февральской революции. После Февральской революции эндеки возобновили усилия, предпринимавшиеся с 1915 г. с целью формирования особых польских воинских частей. Эти части предназначались для того, чтобы служить борьбе против польского и русского

[12] «Документы и материалы...», т. I, стр. 29—30.
[13] Там же, стр. 41—42.
[14] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 392.
[15] «Документы и материалы...», т. I, стр. 35—36.

революционного движения и утверждения в будущей Польше власти помещиков и капиталистов.

Преобладавшие во Временном правительстве кадеты были противниками независимости Польши и, соответственно, одно время, когда еще не ощущали необходимости использования национальных реакционных формирований в борьбе против нараставшей в России социалистической революции, относились отрицательно к планам создания независимой польской армии в России [16].

Националистической, клерикальной, открыто контрреволюционной политике эндеции в известной мере противодействовали либеральные и умеренно-демократические польские буржуазные круги в России, склонявшиеся к парламентскому строю, ликвидации национальных, сословных, религиозных привилегий и ограничений. В острых столкновениях этих двух основных течений польской буржуазии проходил в Москве 22—25 апреля 1917 г. съезд польских организаций помощи жертвам войны. Попытки эндеков захватить на этом «сейме польской эмиграции в России» руководство польскими организациями окончились неудачей [17]. Либерально-демократические элементы доминировали и на состоявшемся в Москве 26—27 апреля «I съезде польской демократии». Ее видными деятелями были Александр Ледницкий, назначенный Временным правительством руководителем вновь учрежденной Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского, Ипполит Гливиц, Францишек Скомпский, руководивший в Петрограде тайной пилсудчиковской ПОВ [18], а затем ставший и редактором ежедневной газеты «Дзенник народовы», и др. К либерально-демократическому крылу польской буржуазии в России в известной мере примыкали деятели людовского, крестьянского движения. Людовцы — среди них были широко известные в демократических кругах Максимилиан Малиновский и Ирена Космовская — считали, что будущая Польша, реальные возможности воссоздания которой открыло низвержение царизма, будет независимой демократической республикой, в которой земля станет достоянием тех, кто связан с ней «всей своей судьбой, своим трудом» [19]. Антипомещичья направленность этого положения в целом разделялась всеми социалистическими течениями, в том числе секциями ППС-«революционной фракции».

Первоначально деятели ППС-«фракции» пытались помешать формированию в России самостоятельных организаций СДКПиЛ и ППС-левицы и использовать огромный общественный подъем, наступивший после Февральской революции, порожденные ею иллюзии и надежды для того, чтобы навязать польским рабочим-беженцам создание «единого» союза польских социалистов [20]. Спекулируя на стремлении рабочих к сплочению, деятели ППС-«фракции» доказывали, что нет необходимости возобновлять старые партийные деления, что и в будущей Польше, а тем более в условиях временного пребывания в России, должны существовать лишь единые польские социалистические организации, что следует «для пользы дела отбросить старую партийную борьбу» [21]. В ряде городов — Харькове, Ровно, Чугуеве, Александровске, Таганро-

[16] Там же, стр. 36.
[17] «Echo Polskie», 25.IV; 26.IV 1917.
[18] «Kwestja Wojska Polskiego w Rosji w 1917 r.». Opracował Wacław Szczęsny. W., 1936, str. 38.
[19] «Echo Polskie», 9.IV 1917.
[20] ЦПА ИМЛ, ф. 63, т. 1, д. 409, л. 2.
[21] «Jedność Robotnicza», 12.III 1917.

ге, Екатеринославе, Саратове, Воронеже и др.— возникли было единые социалистические организации — Польские социалистические объединения. Но единство их носило в значительной мере искусственный характер, не опиралось на общность взглядов и стремлений. По мере того, как в России обострялись классовые противоречия и поляризировались политические силы, обнаруживалась нежизненность Польских социалистических объединений. То, что руководители многих из этих объединений стремились изолировать польских рабочих в России от российского пролетариата, старались убедить, что задача польских рабочих-беженцев состоит лишь в собирании сил для будущей борьбы в Польше, противоречило интернациональным и национальным интересам польского пролетариата и русско-польскому революционному сотрудничеству.

Вопреки позиции руководителей многих организаций Польского социалистического объединения и ППС-«фракции», утверждавших, что так как рабочие-беженцы находятся в России лишь временно, до окончания войны и восстановления независимости Польши, то они могут не интересоваться чисто русскими делами, все более широкие круги участников объединений начинали понимать, что судьбы польского народа находятся в прямой связи с развитием событий в России, что позиция видимого нейтралитета по отношению к этим событиям является отказом от защиты классовых интересов и польского, и русского пролетариата.

Ряд польских объединенных социалистических организаций, например в Минске, почти со времени своего возникновения придерживался ориентации на сотрудничество с большевиками[22]; вместе с большевиками пошли Польское социалистическое объединение Чугуева[23] и ряда других городов.

Создание Польских социалистических объединений, отражавшее сложные политические процессы в польском рабочем движении в России, несколько задержало революционизирование польских трудящихся-беженцев. Но противоречия между составом этих организаций и замыслами большинства их организаторов, стоявших на социал-националистических, оппортунистических позициях, сделали существование этих объединений непродолжительным — к осени 1917 г. большинство из них распалось.

В ряде городов, где ППС-«фракции» не удалось добиться создания объединенных социалистических организаций, она образовала свои группы. Такие группы сложились в Петрограде, Москве, Киеве, Смоленске, Иркутске, Нижнем Тагиле, Краматорске. Лидеры ППС-«фракции» в России — К. Пужак, Я. Либкинд, Б. Сивик — развернули бурную деятельность. В ее основе лежало утверждение, что все помыслы польских рабочих, равно как и всех выходцев из Польши, находившихся в России, должны быть обращены к будущей независимой Польше. Героем борьбы за эту будущую независимую Польшу лидеры ППС-«фракции» изображали Пилсудского.

Состоявшаяся в Москве 28 мая — 2 июня 1917 г. конференция секций ППС-«фракции» в России проходила под знаком восхваления Пилсудского. Игнорируя то, что он действовал как союзник и агент центральных держав, правосоциалистические пропагандисты утверждали, что Пилсудский избрал правильный путь, направил усилия своих сторонников на борьбу против того из врагов независимости Польши, под властью которого находилось большинство поляков — против царизма.

[22] *S. Heltman.* Robotnik polski w rewolucji Październikowej na Białorusi. Mińsk, 1927.
[23] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 732, л. 77.

При этом обходилось молчанием то, что социальные интересы польских трудящихся, национальные интересы польского народа находились в непримиримом противоречии с ориентацией на любую из империалистических группировок и требовали союза с противостоящим всем империалистическим блокам интернационалистским пролетарским движением, авангардом которого были в России большевики, а в Германии — «спартаковцы». Апологеты пилсудчины критиковали не только эндеков за их проантантовскую ориентацию, но и неизменно следовавшую курсу на русско-польский революционный союз польскую социал-демократию. Не понимая и не желая понять, что именно линия СДКПиЛ, а в известной мере и ППС-левицы, восторжествовала с победой Февральской революции, деятели ППС-«фракции» старались доказать, что в связи с признанием Петроградским Советом права Польши быть совершенно независимой другие социалистические течения — течения, стоявшие на действительно социалистической платформе и рассматривавшие вопрос о независимости как подчиненный и поглощаемый вопросом о социалистической революции,— якобы «потерпели полное банкротство».

В то же время лидеры «фраков» в России избегали открытых выступлений против большевиков, ограничиваясь лишь поношениями их союзников в польском рабочем движении — социал-демократов. Конференция ППС-«фракции» одобрила деятельность Пилсудского и сражавшихся на стороне Германии и Австро-Венгрии «антицаристских» польских легионов, действовавших якобы во имя осуществления права народов на самоопределение, и деятельность созданного германо-австрийскими оккупантами Временного государственного совета в Варшаве [24]. Это не помешало конференции с полным одобрением встретить выступление прибывшего на конференцию вместе с Ледницким французского министра Альбера Тома. Ярый социал-шовинист, Тома уверял своих слушателей, что Франция преследует в войне высокие идеи независимости, свободы, демократии, защиты коренных интересов польского народа [25]. Вслед за тем руководивший конференцией Александр Пристор встречался с другим правым «социалистом»— английским министром Артуром Гендерсоном. Как и Тома, Гендерсон прибыл в Россию с целью противодействовать возглавлявшейся большевиками борьбе за окончание империалистической войны, за демократический мир, за социалистическую революцию.

То, что лидеры ППС-«фракции» в России, с одной стороны, безоговорочно одобряли тогда еще всецело пронемецкую политику Пилсудского, а с другой — тесно общались с антантовскими министрами, отражало возраставшую двойственность внешнеполитической ориентации ППС-«фракции», в том числе ее секций в России, не желавшей потерять связь с любым из возможных победителей в войне — будь то кайзеровская Германия или Антанта, положение которой упрочилось в связи с вступлением США в войну на ее стороне. Сам Пристор — один из ближайших личных друзей и соратников Пилсудского, освобожденный в результате Февральской революции из царской тюрьмы, являлся активным организатором военной работы ППС и шпионско-диверсионной деятельности ПОВ в России. Еще до конца не раскрытая сфера его происков странным образом переплеталась с секретными происками эндеции, антантовских военных миссий и самых оголтелых кругов русской контрреволюции.

[24] «Głos Robotnika i Żołnierza», 26.VII; 31.VII 1917.
[25] «Echo Polskie», 6.VI 1917, 7.VI 1917.

На Украине, где ППС-«фракция» имела значительное влияние среди польских мелкобуржуазных кругов, она весьма тесно сотрудничала и с украинскими буржуазно-националистическими элементами. В состав украинской Центральной Рады входил ряд представителей секций ППС-«фракции», действовавших на Украине[26]. Лидеры этих секций весьма энергично поддерживали сепаратистские устремления украинских буржуазных и мелкобуржуазных националистов.

Стремилась ППС-«фракция» в России к возобновлению сотрудничества и с другими социал-националистскими организациями — дашнаками, грузинскими социалистами-федералистами, Бундом, латышскими социалистами-революционерами и др. Но так как большинство этих партий и групп стояло на позициях федерализма и национально-культурной автономии, а ППС-«фракция» ставила целью разъединение России на мелкие «национальные» государства и присоединение в той или иной форме части из них к будущей Польше, то сколько-нибудь прочного блока между всем этим конгломератом националистических групп и течений не возникало.

Не было полного единства и внутри самих организаций ППС-«фракции» в России. Мощный революционный процесс, связанный с переходом российского пролетариата во главе с партией большевиков к борьбе за социалистическую революцию, сказывался и на части польских рабочих в России, находившихся под влиянием ППС-«фракции» или состоявших в ее секциях. Отдельные секции, действовавшие на местах, иногда сотрудничали с большевиками, выступали против линии партийного руководства на обособление от русского революционного движения. Но эти исключения не меняют того общего положения, что и после Февральской революции, в условиях назревания в России новой, социалистической революции, которая только и могла открыть польскому народу путь к подлинному социальному и национальному освобождению, как ППС-«фракция» в целом, так и возникшие в различных местностях России ее секции не стали на путь сотрудничества с российским рабочим движением, а продолжали линию на обособление от него польских трудящихся. Таким образом в период, открывший подготовку к величайшей в истории человечества революции, ППС-«фракция», ее организации, действовавшие в ставшей демократической России, оставались вне самых широких рамок русско-польского революционного союза.

Несомненно, иным было место в политической жизни и понимание своих задач со стороны ППС-левицы, ее организаций в Польше и в России. Секции ППС-левицы в России стали создаваться вскоре после Февральской революции — сначала в Петрограде и Москве, затем в Киеве, Бердянске, Казани, Саратове, Нижнем Тагиле и других городах. В мае 1917 г. сложился руководящий орган эмигрантских секций — Центральный Исполнительный Комитет ППС-левицы в России. В его состав входили Станислав Круликовский, Людвик Пинкус, прибывшие из Швейцарии Феликс Кон и Павел Левинсон (Станислав Лашиньский) и другие лица.

Еще в апреле заграничным представительством Центрального рабочего комитета ППС-левицы — высшего органа партии в период между ее съездами — было принято обращение «К российскому революционному пролетариату». В этом документе констатировалось, что хотя царизм низвержен, империализм продолжает существовать. Военная про-

[26] *H. Jabłoński*, Polska autonomia narodowa na Ukrainie. 1917—1918. W., 1948, str. 34.

грамма царизма не уничтожена вместе с ним самим. Большинство министров российского Временного правительства «выступает, хотя и в свободолюбивом убранстве, как наследник и душеприказчик низвергнутого царизма... Лживому лозунгу продолжения войны за освобождение и воссоединение Польши,— говорилось в обращении,— польский пролетариат противопоставляет лозунг революции как в Польше, так и во всей Европе». В обращении отмечалось, что «здание старой Европы оказалось подожженным с русской стороны» и что польский пролетариат считает своей задачей придать революции, начало которой положил пролетариат России, как можно больший размах с тем, чтобы добиться мирного сосуществования народов, возможного лишь после социальной революции и свержения капитализма [27].

Обращение заграничного представительства ЦРК ППС-левицы свидетельствовало о последовательно интернационалистской и революционной позиции руководства этой партии. Однако такой последовательности не было у руководства той части партии, которое действовало в пределах России и заняло, в отличие от руководства всей партии в Польше, реформистскую позицию [28]. ЦИК ППС-левицы в России стремился навязать секциям своей партии промежуточную позицию: осуждая оборончество меньшевиков, он в то же время относился к борьбе большевиков как к «анархо-бланкизму» и «авантюризму» [29]. Представитель ППС-левицы С. Круликовский участвовал в состоявшейся в мае в Петрограде общероссийской конференции объединенных и меньшевистских организаций РСДРП [30]; после конференции ЦИК ППС-левицы неизменно блокировался с меньшевиками-интернационалистами, лидером которых являлся Ю. Мартов.

Центристская позиция руководства ППС-левицы в России встречала все более крепнувшее противодействие со стороны многих секций этой партии, тянувшихся к сотрудничеству с большевиками и с польскими социал-демократами.

Общую с польскими социал-демократами позицию ППС-левица заняла в отношении оценки значения для Польши Февральской революции. В обращении «К польским рабочим и солдатам в России» подчеркивалось, что десятилетия единственным союзником польских рабочих в их борьбе против царизма были русские рабочие и что «единственной твердой гарантией независимости Народной Польши», надежда на создание которой окрепла после низвержения царизма, «могут быть не дипломатические акты и не решения конгрессов, а международная солидарность народов»; классовые интересы требуют, чтобы польские рабочие и крестьяне в России помогли российскому пролетариату «в доведении так энергично начатой борьбы до победного конца...» [31] Но при общей им, глубоко интернационалистской позиции, руководители ППС-левицы в России и польские социал-демократы расходились в понимании того, что же может и должно явиться «победным концом» русской революции.

Не поднимаясь до восприятия дальнейшего пути, по которому могла пойти революция, деятели ППС-левицы занимали одинаковую с социал-демократами позицию в отношении ее польских врагов.

[27] «Robotnik w Rosji», 7.VII 1917.
[28] *F. Tych.* PPS-Lewica w latach wojny 1914—1918. W., 1960, str. 127.
[29] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 35, лл. 33—37.
[30] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 8, лл. 3—3 об.
[31] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 819, лл. 3—4.

Польские правые буржуазные круги в России всячески форсировали создание на русской территории особых польских вооруженных сил. На общероссийском съезде военнослужащих-поляков, заседавшем в Петрограде 25 мая — 9 июня 1917 г. и сыгравшем большую роль в создании контрреволюционных польских частей и соединений [32], члены СДКПиЛ и ППС-левицы огласили совместную декларацию. В ней указывалось, что польской реакции удалось одурманить политически несознательных солдат и что ее действия противоречат коренным интересам польского народа и идут вразрез с делом русской революции [33].

Но более типичным для руководства ППС-левицы в России и для многих ее секций была не совместная с социал-демократами борьба против сил польской и русской контрреволюции, а противопоставление себя СДКПиЛ и большевикам. Большевистская «Правда» писала, что отдельные деятели ППС-левицы «поступали как сознательные или несознательные враги революции» [34]. Если амплитуда колебаний руководства секций ППС-левицы в России и многих ее местных организаций была весьма велика, то в то же время ряд секций находил более правильную политическую линию, занимал место рядом с революционными силами, двигавшими вперед развитие российской революции.

Сложившиеся в Петрограде, Москве, Киеве, Саратове, Екатеринославе, Николаеве, Краматорске и многих других городах России группы СДКПиЛ, действуя в духе польско-русского пролетарского единства и договора о вхождении польской социал-демократии в РСДРП, заключенного еще в 1906 г., повсеместно рассматривали себя как органическую часть и партии большевиков, и собственной партии. В большевистской «Правде» было опубликовано соответствующее заявление Петроградской группы СДКПиЛ [35], там же несколько ранее было опубликовано подобное по духу заявление Московской группы СДКПиЛ [36]. Представители групп СДКПиЛ во многих городах избирались в комитеты большевистской партии. 15 марта 1917 г. Бюро ЦК РСДРП решило обратиться к польской социал-демократии «с просьбой прислать своего представителя в Бюро ЦК» [37]. Таким представителем стал Бронислав Весоловский. В Исполнительном Комитете Петроградского Совета польских социал-демократов представлял Мечислав Козловский. От Московской группы СДКПиЛ представителями в состав Московского комитета РСДРП(б) были избраны Феликс Дзержинский и Станислав Будзыньский; в Среднесибирское районное бюро РСДРП(б) вошел Франциишек Врублевский, в Красноярске в руководящие органы большевистской партии входили Винцентий Матушевский и Янина Пекаж, в Саратове — Якуб Фенигштейн (Долецкий); членом Исполнительного Комитета Киевского Совета рабочих депутатов стал польский социал-демократ — большевик Ипполит Фиалек.

Все группы польской социал-демократии призывали польских рабочих в России поддержать русских рабочих в их борьбе за мир на основе свободы и братства всех народов, в борьбе за социализм, в борьбе против Временного правительства. Некоторые группы — в первую очередь Московская — выдвигали в числе классовых требований задачу

[32] *L. Grosfeld.* Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji. 1917—1920. W., 1956; *M. Wrzosek.* Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917—1919. W., 1969.
[33] «Promień», 3.VI 1917.
[34] «Правда», 4(17) июня 1917 г.
[35] «Правда», 13(26) апреля 1917 г.
[36] «Правда», 11(24) марта 1917 г.
[37] «Протоколы Бюро ЦК РСДРП(б)». «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3, стр. 150.

борьбы за «независимую Польшу в содружестве свободных народов Европы» [38]. Но интернационализм, революционность, подлинный патриотизм не всегда увязывались у польских социал-демократов с отчетливым представлением о возможном самоопределении польского народа. Обоснованно рассматривая национальный вопрос как подчиненный по отношению к делу социалистической революции, польские социал-демократы в большинстве своем продолжали не понимать ленинскую трактовку вопроса о праве наций на самоопределение. Оставаясь на позициях, наиболее полно выраженных ранее в работах Р. Люксембург, они не восприняли остававшееся им еще малоизвестным то развитие ее взглядов, которое нашло отражение в так называемой брошюре Юниуса и, как констатировал В. И. Ленин, выражалось в признании за каждым народом права на независимость и свободу [39]. Являясь в действительности самыми страстными, самыми последовательными борцами за свободу польского народа, польские социал-демократы, опасаясь посодействовать буржуазным и мелкобуржуазным националистам, в своей пропагандистской и теоретической деятельности продолжали недооценивать вопрос о национальной и государственной независимости Польши, открывая тем самым широкое поле для националистических происков всякого рода врагов подлинной свободы и независимости польского народа. Мало того — многие польские социал-демократы продолжали выступать против признания большевиками права наций на самоопределение вплоть до образования самостоятельных государств. Весьма полно эту позицию отразила речь Ф. Дзержинского на VII (Апрельской) конференции партии большевиков [40]. На конференцию Дзержинский был избран как один из делегатов Московской организации большевиков.

Незадолго до конференции в Петроград из эмиграции вернулся В. И. Ленин. Значительную помощь ему в преодолении многочисленных преград, возводившихся Временным правительством, пытавшимся не допустить Ленина в Россию, и в самой организации переезда оказали деятели польской социал-демократии — Я. Ганецкий, М. Броньский и др. [41] Среди тысяч питерских пролетариев, встречавших Ленина у Финляндского вокзала, были рабочие и солдаты-поляки. В бывшем дворце Кшесинской, где помещались руководящие большевистские органы, Ленина приветствовала «польская делегация рабочих с.-д., присоединившая свое знамя к знамени революционной с.-д.» [42].

Тотчас по возвращению в Россию Ленин в ряде выступлений и статей проанализировал своеобразие политического положения, сложившегося в России после Февральской революции, и выдвинул научно обоснованный, ясный и четкий план перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.

Массовое участие польских рабочих в демонстрациях, посвященных дню международной солидарности трудящихся — 1 Мая, которое отмечалось в России в 1917 г. 18 апреля по старому стилю, свидетельствовало об их политической зрелости. С одной из трибун на Марсовом поле в Петрограде, где проходила главная демонстрация, перед русскими и польскими товарищами выступил представитель польских рабочих, под-

[38] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, стр. 22—24.
[39] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 9.
[40] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков)». М., 1958, стр. 219—222.
[41] *А. Я. Манусевич.* Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. М., 1965, стр. 92—98.
[42] «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 5 апреля 1917 г.

черкнувший общность интересов русского и польского пролетариата. С этой же трибуны выступил и В. И. Ленин. Заметка, опубликованная в польском еженедельнике, сообщала: «На трибуне появился идейный вождь русского пролетариата в его революционной борьбе — товарищ Ленин, которого с энтузиазмом приветствовали и внимательно слушали все присутствующие» [43]. По сообщениям большевистской печати, после этого состоялся польский митинг, а затем польские рабочие «направились со знаменами ко дворцу Кшесинской, где помещаются Петербургский и Центральный Комитеты нашей партии, поставили там знамя польской социал-демократии...» [44]. Этот акт символизировал боевое единство российского и польского революционного пролетариата.

Вскоре после первомайской демонстрации в «Правде» появилась статья Юлиана Лещиньского (Ленского), в которой указывалось, что победа польского пролетариата возможна только в связи «с международным движением рабочего класса. В этой плоскости польская с.-д. рассматривает свои освободительные задачи, выступая в первых рядах революционного Интернационала» [45].

Действительно, по всем актуальным вопросам российского и международного рабочего движения — о переходе власти к Советам, об отношении к Временному правительству, об отношении к войне, о создании нового, III Интернационала — польские социал-демократы на Апрельской конференции партии большевиков, где их представляли Ю. Ленский, Ст. Будзыньский и Ю. Уншлихт, и в повседневной деятельности всех своих групп полностью поддерживали ленинский курс большевистской партии на подготовку социалистической революции.

Значительную часть своей речи по национальному вопросу, произнесенной на конференции, В. И. Ленин посвятил как ошибкам польской социал-демократии в связи с отрицательным ее отношением на II съезде РСДРП к вопросу о праве наций на самоопределение, так и громадной исторической ее заслуге, выразившейся в том, что она выдвинула лозунг интернационализма, братского союза с пролетариатом всех стран [46]. В одной из принятых конференцией резолюций, проект которой был написан Лениным, указывалось, что для восстановления независимости Польши необходим вывод войск и свободный опрос населения всей страны, т. е. не только той ее части, которая находилась под господством России, но и тех польских земель, которые были при разделах захвачены немцами и австрийцами [47].

Таким образом, Апрельская конференция выдвинула конкретную и широкую программу кардинального решения польского вопроса подлинно демократическим путем. Именно в пору, когда в порядок дня стала задача непосредственной борьбы за социалистическую революцию, большевики, уточняя по инициативе Ленина программу своих целей и действий, сделали новый шаг вперед в разработке вопроса о Польше. Теперь, выдвинув на первое место задачу борьбы за власть Советов, за установление в России диктатуры пролетариата, большевики заявили, что свобода и независимость Польши, неотделимые от дела революции, предполагают и свободное воссоединение всех польских земель, всех частей Польши. Это была новая, практически исчерпывающая постанов-

[43] «Promień», 1.V 1917.
[44] «Правда», 22 апреля (5 мая) 1917 г.; «Солдатская правда», 25 апреля (8 мая) 1917 г.
[45] «Правда», 26 апреля (9 мая) 1917 г.
[46] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 432—433.
[47] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. I. М., 1970, стр. 446.

ха польского вопроса, направленная на максимально широкое и свободное претворение в жизнь такой программы национального освобождения и территориального воссоединения Польши, подобно которой не выдвигала ни одна политическая партия ни в России, ни в Польше, ни в любой другой стране. Именно тогда, когда в порядок дня соотношение политических сил поставило перед революционным авангардом российского пролетариата задачу борьбы за власть, он как часть своей программы перестройки мира на новых основах выдвинул громадную и сложную задачу борьбы за свободу польского народа и свободное воссоединение так называемой русской Польши и польских земель, издавна находившихся под властью Габсбургов и Гогенцоллернов. Тем самым открывалась великая историческая перспектива, которую социалистическая революция в России создавала для социального и национального освобождения польского народа. Соответственно расширялись, углублялись задачи русско-польского революционного союза, его ближайшей задачей становилось соединение дела социалистической революции в России с борьбой за претворение в жизнь самых сокровенных чаяний, вынашивавшихся польской демократией. Поэтому всякое служение делу социалистической революции становилось само по себе, независимо от глубины осознания этого, служением делу социального и национального освобождения польского народа. Те польские революционеры, которые, руководствуясь своим классовым интернациональным долгом, видели в борьбе за власть Советов в России свое кровное дело, являлись и наиболее последовательными, единственно подлинными патриотами, прокладывавшими путь к полному освобождению Польши. Эта политическая аксиома, получившая полное признание в Польше лишь двумя десятилетиями позднее, в годы гитлеровской оккупации, нелегко и не просто прокладывала себе путь, не сразу овладевала сознанием всех рабочих, крестьян, прогрессивных интеллигентов. Тем значительнее представляется заслуга польских социал-демократов, польских марксистов, которые, еще не восприняв полностью ленинскую постановку национального вопроса, в действительности боролись за его разрешение в ленинском духе, так как решительно отстаивали ленинскую программу перехода к социалистической революции.

Проходившие весной 1917 г. выборы в районные думы Петрограда, перевыборы депутатов в Петроградский Совет, в Советы и муниципальные органы других городов расширяли практику сотрудничества польских социал-демократов с большевиками. Обе избирательные кампании были важной проверкой широты и глубины происходившего общего революционизирования трудящихся масс, в том числе — весьма многочисленного тогда временного польского населения городов России. Во время этих кампаний появился печатный орган польских социал-демократов в России — начавшая выходить с 27 мая в Петрограде еженедельная газета «Трыбуна». В фонде средств, позволивших приступить к изданию газеты, наиболее значительной была сумма в 1500 рублей, полученная от ЦК РСДРП(б)[48]; газете помогали рабочие, солдаты, матросы — и поляки и неполяки — с разных концов России [49].

Значительное место в первом же номере газеты было уделено положению в Польше, грабительской политике оккупантов, влиянию борьбы рабочего класса России на усиливавшиеся выступления трудящихся

[48] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 139, л. 31.

[49] «Солдатская правда», 28 мая (10 июня) 1917 г.; ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 419, лл. 6—22; «Правда», 11(24) мая 1917 г.; см. также: *A. Ślisz.* Prasa polska w Rosji w dobie wojny i rewolucji (1915—1919). W., 1968, str. 158—167.

Польши против австрийских и немецких властей, против их польских ставленников, против нужды, голода, безработицы, войны. В редакционной статье «Война и революция» «Трыбуна» разъясняла, что русская революция не закончена, что она развивается и несет с собой радикальную перестройку социальных отношений, что революционный пролетариат всего мира имеет те же цели, за какие борются русские революционеры. Далее в газете указывалось, что в России польские революционеры могут действовать лишь в составе единой общероссийской революционной партии, создавая при ее организациях свои группы или секции. Много места в газете отводилось борьбе с буржуазным и мелкобуржуазным национализмом, задачам профессиональных и других организаций [50]. Газета неизменно пропагандировала ленинскую оценку текущего момента, ленинскую стратегию и тактику, доказывала, что власть должна перейти к Советам, а в Советах большинство неизбежно окажется у революционных рабочих и солдат [51].

Помимо «Трыбуны» и отдельных листовок, польская социал-демократия издала ряд книг и брошюр. Среди ее публикаций был и перевод на польский язык программы РСДРП.

Вскоре после начала издания «Трыбуны» был сформирован Исполнительный Комитет групп СДКПиЛ в России — организационный центр всех польских социал-демократических групп в России. В состав Исполнительного Комитета вошли Ф. Дзержинский, Ю. Уншлихт, Ст. Бобиньский, Ю. Лещиньский, Ст. Будзыньский, Э. Прухняк, Я. Фенигштейн; кандидатами в члены комитета были С. Пшедецкая, С. Лазоверт, Бр. Весоловский, М. Броньский [52].

Как начавшееся издание «Трыбуны», так и образование Исполнительного Комитета групп СДКПиЛ в России были важными факторами проходившего идейного и организационного развития польской социал-демократии в России. Это развитие шло в полном единстве с деятельностью большевистской партии, с ее работой в Советах, в рабочих коллективах, в профессиональных союзах и фабрично-заводских комитетах, в солдатских комитетах, в отрядах Красной Гвардии. На ряде предприятий Петрограда, Москвы и других городов польские социал-демократы — Адам Кочаровский (Славинский), Ян Альбрехт, Мечислав Кравчиньский, Якуб Венглиньский и сотни их товарищей [53] были среди первых организаторов всеобщего вооружения народа, выражавшегося, в первую очередь, в создании Красной Гвардии.

Одновременно польские социал-демократы и другие интернационалисты вели большую работу в армии, в том числе в сформированной еще в январе 1917 г. в составе царской армии Польской стрелковой дивизии. Польские буржуазно-помещичьи круги в России считали, что только сведение всех военнослужащих-поляков в особые воинские части «спасло бы их от «обольшевичевания» в рядах российской армии» [54]. В качестве одной из своих опорных позиций в осуществлении планов формирования в России особой польской армии польская реакционная военщина пыталась использовать расквартированный в Белграде польский запасной полк, созданный в январе 1917 г. Но в полку замыслам эндецких кругов противостояла возраставшая активность солдат,

[50] «Trybuna», 3.VI, 10.VI; 11, 24.VII 1917 г. и др.
[51] «Trybuna», 3.VI 1917.
[52] «Trybuna», 10.VI 1917.
[53] ЛГАОРСС, ф. 8466, оп. 1, д. 1, лл. 124—125; ЦГА г. Москвы, ф. 2169, оп. 1, д. 25, там же, ф. 2184, оп. 1, д. 891; там же, ф. 2192, оп. 1, д. 201 и др.
[54] *H. Bagiński.* Wojsko polskie na Wschodzie. 1914—1920. W., 1921, str. 107.

находившихся под влиянием большевиков, солдат — членов СДКПиЛ[55]. «Нам ближе русский или немецкий рабочий, чем польская буржуазия»,— заявили в одной из принятых резолюций весной 1917 г. солдаты 16-й роты полка [56].

Все же националистическая пропаганда эндеков и других контрреволюционных кругов привела к созданию ряда союзов поляков — военнослужащих русской армии, а затем — и к созданию ряда польских частей и соединений в русской армии. Контрреволюционное командование русской армии, изменив свои прежние позиции, содействовало образованию польских частей и соединений, рассчитывая опереться на них в борьбе против революционных частей армии, против революционного рабочего класса; польские буржуазные националисты видели в создании польской армии в России своего рода гарантию того, что им удастся обеспечить сохранение буржуазно-помещичьего строя в Польше, если она станет независимой [57], и даже добиться включения в ее границы Украины, Белоруссии, Литвы [58]; западные державы побуждали Временное правительство к созданию польской армии, видя в этом как одно из средств, помогающих обеспечить дальнейшее участие России в войне, так и создание дополнительного резервуара для пополнения формировавшихся на Западе польских воинских частей [59].

Как польские социал-демократы и другие польские интернационалисты в России, так и российский рабочий класс, большинство солдат русской армии резко отрицательно отнеслись к созданию реакционных союзов поляков-военнослужащих и польских воинских частей. Рабочие Путиловского завода и многих других предприятий Петрограда, перед которыми выступали А. Коллонтай, Ю. Лещиньский, Ст. Бобиньский и другие большевики и польские революционеры, в принятых резолюциях осудили реакционные замыслы организаторов польских воинских частей [60]. Не в польских воинских частях, а в Советах «польский рабочий класс может найти поддержку в борьбе с врагами»,— говорилось в приветствии, с которым социалисты-поляки из числа военнослужащих обратились к I съезду Советов рабочих и солдатских депутатов [61].

На I Всероссийском съезде Советов, заседавшем в Петрограде 3—24 июня, преобладали меньшевики и эсеры, стоявшие на позициях защиты капиталистического строя и политики Временного правительства. Противопоставив их соглашательской линии линию партии большевиков, В. И. Ленин в программной речи, произнесенной им на съезде 4 июня, указал, что только власть Советов может вывести страну из разрухи и разрешить все насущные вопросы революции, что только революционная власть «всем без исключения народам объяснила бы и сказала, что все народы должны быть свободны...»[62]. Спустя несколько дней, 7 июня, это важное положение получило широкое обоснование в статье Ленина «Есть ли путь к справедливому миру?» Доказывая, что только переход власти к Советам, только рабочая революция против капиталистов всех стран сделает возможным мир без аннексий, Ленин писал: «Пусть знают разбойники-капиталисты немецкие с их коронован-

[55] *A. Zatorski.* Dzieje pułku Biełgorodzkiego. W., 1960.
[56] «Jedność Robotnicza», 7.V 1917.
[57] «Trybuna», 27.V 1917.
[58] *Г. Яблоньский.* Политика Польской социалистической партии во время войны 1914—1918 годов. М., 1963, стр. 264—265.
[59] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 2, д. 328, лл. 94—96, 131, 137, 138 и др.
[60] «Солдатская правда», 14(27), 15(28) июня 1917 г.
[61] «Правда», 6(19), 10(23) июня 1917 г.
[62] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 274.

ным разбойником Вильгельмом, что ... захватом их мы считаем не только то, что заграбили они после войны, но ... и польские земли Пруссии»[63].

В предложенном I съезду Советов от имени фракции большевиков проекте резолюции о мире без аннексий разъяснялось, в соответствии с резолюцией VII (Апрельской) партийной конференции, что право каждой нации самостоятельно и свободно определить свою волю должно быть применено не только к «русской Польше» и некоторым другим территориям, но и к Познани, Галиции и т. д.[64] Меньшевистско-эсеровское большинство съезда отклонило большевистскую резолюцию и одобрило политику продолжения империалистической войны.

Мелкобуржуазная демократия в России все больше обнаруживала свою полную зависимость от буржуазной контрреволюции. В то же время польская революционная демократия во главе с социал-демократами тесно сплачивалась с революционной Россией. Это наглядно показало участие польских революционеров во всероссийской демонстрации 18 июня — польский революционный авангард выступал под боевыми лозунгами большевиков: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!», «Да здравствует контроль и организация производства!»[65].

2. В период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания

Капитулянтская линия меньшевистско-эсеровских элементов, все еще располагавших большинством в Советах, позволила Временному правительству перейти в наступление: 3 июля в Петрограде была расстреляна демонстрация рабочих. Вслед за тем были разгромлены помещения редакции «Правды» и многие помещения, занятые большевистскими организациями, редакцией «Трыбуны», проведены многочисленные аресты, среди арестованных были и польские социал-демократы — Ю. Уншлихт, Ю. Лещиньский, М. Броньский и др.

События 3 июля явились переломными. Двоевластие кончилось, и вся полнота власти перешла к контрреволюционному Временному правительству. Теперь, когда соглашательские партии объявили правительство, главой которого стал А. Ф. Керенский, «правительством спасения революции» и предоставили неограниченные полномочия этому правительству, пришедшему к власти по трупам расстрелянных рабочих и солдат, в ходе контрреволюционных погромов и в атмосфере разнузданной антибольшевистской клеветнической кампании, российский пролетариат оказался перед единственной возможностью взятия власти — перед необходимостью подготовки и проведения вооруженного восстания. «Мирный путь развития сделан невозможным. Начался немирный, наиболее болезненный путь»,— писал в июле 1917 г. Ленин[66].

Сам Ленин стал главной мишенью ожесточенной травли и гнусных измышлений со стороны всех буржуазных партий и буржуазной печати. Вместе с Лениным в центре потока лжи и клеветы в силу ряда изощренных измышлений организаторов погромной кампании фигурировали имена его польских соратников — М. Козловского и находившегося в

[63] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 304.
[64] «Известия Петроградского Совета...», 14(27) июня 1917 г.
[65] «Trybuna», 24.VI 1917.
[66] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 12.

Стокгольме в составе Заграничного представительства ЦК РСДРП(б) Я. Ганецкого. «Дрейфусиада настоящая, поход лжи и клеветы на почве дикой политической ненависти»,— так оценил Ленин грязные вымыслы распоясавшейся контрреволюции [67]. В ногу с русской контрреволюцией шагали польские контрреволюционеры, пытавшиеся представить польских социал-демократов в России и их орган — газету «Трыбуна» — «немецкой агентурой» [68]. В том, что «дрейфусиада» русской и польской контрреволюции была обращена и против Ленина, и против двух польских социал-демократов-большевиков, заключалось хоть и своеобразное, но несомненное признание того, что союз и дружба русских и польских революционеров, стали фактором, глубоко тревожившим их врагов.

В новой обстановке, созданной наступлением контрреволюции и концом двоевластия, польская социал-демократия оказалась на высоте положения,— она сохранила полное единство с большевиками. «Правительство революционной диктатуры,— писал Ю. Лещиньский, популяризируя один из ленинских лозунгов в первом же по возобновлении издания номере «Трыбуны»,— является единственным противовесом притязаниям контрреволюции...» [69].

Июльские события привели к некоторому сдвигу в позиции ППС-левицы: далеко еще не преодолев своего тяготения к промежуточной линии, руководство секций в России признало, что мелкобуржуазно-соглашательское большинство Советов в час испытаний «почувствовало себя намного ближе к буржуазии, чем к социалистическому рабочему классу» [70]. Это не помешало тому, что самое руководство ППС-левицы в том же июле сделало шаг в сторону слияния с меньшевиками-интернационалистами: в состав секретариата их партий вошел Ф. Кон [71]. Но многие местные секции ППС-левицы теснее, чем раньше, стали сотрудничать с большевиками и с польскими социал-демократами.

После июльских дней против большевиков откровеннее прежнего выступили руководители ППС-«фракции» в России. Они, конечно, не повторяли буржуазной лжи о большевиках — наоборот, они заявляли, что большевики «наиболее революционная и демократическая партия», но утверждали, что большевики опираются на неразвитые в общественном и культурном отношении группы рабочих и обречены на политическое банкротство [72]. Лидеры ППС-«фракции» в России продолжали попытки сплочения с другими социал-националистскими партиями и приняли участие в совместной с дашнаками, Паолей-ционом, украинскими эсерами и другими националистами конференции, состоявшейся в августе [73]. Деятельность руководства ППС-«фракции» в России была настолько далека от самых широко понимаемых демократических задач, что даже меньшевистско-эсеровское большинство Исполкома Петроградского Совета, а затем и ЦИК Советов, исходя из того, что ППС-«фракция» является организацией несоциалистической, отклонили ходатайство о допущении ее представителей в свой состав.

Несколько по-иному определялось в эти же месяцы место ППС-«фракции» в политической жизни оккупированной Польши и отношение ее краевых организаций к революционному движению в России.

[67] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 426.
[68] «См.: «Trybuna», 22.VII 1917.
[69] Там же.
[70] «Robotnik w Rosji», 7.VII 1917.
[71] «Новая жизнь», 21 июля (3 августа) 1917 г.
[72] «Glos Robotnika i Żołnierza», 31.VII 1917.
[73] Там же, 25 августа 1917 г.

Еще в конце мая 1917 г. Варшавский Окружной рабочий комитет ППС констатировал, что русская революция вызвала решительные возражения рабочего класса против проводившейся партией «срединно-европейской политической линии», т. е. линии ориентации на центральные державы [74]. Руководство ППС-«фракции» заняло двойственную позицию в отношении революционных событий в России: рассматривая их сквозь призму идей о независимости, оно не могло не видеть, что только большевики действительно отстаивают дело свободы польского народа, как и свободы других народов; с другой стороны, для лидеров ППС была совершенно неприемлема политическая и социально-экономическая линия большевиков. После июльских дней в печати ППС появился ряд статей, прямо направленных против большевиков и лично В. И. Ленина, которые, дескать, порвали с марксизмом и пошли вслед за Бакуниным и Бланки [75].

Состоявшийся в июне 1917 г. XIII съезд ППС в Пётркуве в известной мере отразил влияние Февральской революции на освободительную антиоккупационную борьбу польского народа: в его решениях говорится об объединении польских земель в независимое государство, о возросшем влиянии демократии и социализма во всей Европе. Но, выражая уверенность в возможности найти опору в западных странах, резолюции съезда ППС обходят молчанием возможность союза с русской революцией и выражают надежду на «добровольный государственный союз Польши с Литвой и Белоруссией» [76]. Эта формула, почти буквально воспроизводившая формулу русского Временного правительства по вопросу о Польше, означала, что как Временное правительство в действительности стремилось к порабощению Польши, так и ППС оставалась на позициях захвата «исторических» территорий, лежащих к востоку от этнических польских земель. Правда, теперь в большей мере, чем в первые годы войны, опять развиваются проекты не прямой аннексии или инкорпорации, а вуалирующих эти же планы идеи федерации [77]. Идеи федерации, «свободного союза» с Украиной, Белоруссией, Литвой, направленные против свободы этих народов, против революционной России, остаются в основе внешнеполитического курса ППС [78], лидеры которой выступали не союзниками русской революции, а ее идейными противниками, искавшими путей к тому, чтобы, паразитируя на завоеваниях революции, добиться осуществления своих националистических, великодержавных целей.

Между тем политика оккупационных властей, направленная к самому хищническому использованию польских экономических ресурсов для целей войны и к пополнению своих войск за счет польской молодежи, наталкивалась на возраставшее сопротивление польских народных масс. Люблинское генерал-губернаторство в своем отчете, направленном в июле 1917 г. в Вену, с испугом писало об опасности того, что «массы отвернутся от своих вождей и под чисто социалистическими лозунгами, руководимые отдельными демагогами, вступят на новый путь, путь революции», путь, «питательной средой и движущей силой которого явилась в значительной мере русская революция...» [79]. Признаками явлений такого рода являлись демонстрации голодавшего населения, разгромы

[74] *J. Holzer.* Polska Partia Socjalistyczna w latach 1917—1919, str. 41.
[75] «Jedność Robotnicza», 22.VII, 5.VIII 1917.
[76] *Г. Яблоньский.* Политика польской социалистической партии, стр. 268—269.
[77] *L. W.* [*L. Wasilewski*]. O wschodnią granicę państwa polskiego. W., 1917.
[78] *K. Grünberg.* Polskie koncepcje federalistyczne. 1914—1918. W., 1971, str. 268—269.
[79] «Документы и материалы...», т. I, стр. 104—105.

продовольственных магазинов, забастовки, в том числе массовая и упорная забастовка варшавского студенчества [80], уличные столкновения рабочих с оккупантами и полицией, попытки создания рабочих комитетов, открытое возмущение политикой марионеточных органов власти и, наконец, отказ в присяге на верность будущему королю Польши и «братству по оружию» с Германией, которую отказались принести пилсудчиковские легионеры. Последовавший за этим арест Пилсудского и его начальника штаба К. Сосновского, позволивший в дальнейшем Пилсудскому прикрыть свою многолетнюю службу германским империалистам ореолом их же жертвы и верности своим идеалам независимости, говорил о происшедших глубоких политических сдвигах в Польше. Проистекали эти сдвиги в значительной мере под влиянием революционных событий в России.

Как и ранее, прочно и неизменно на почве союза с революционной Россией находились в оккупированной Польше лишь социал-демократы и левицовцы. В своей политической пропаганде, в своей тактике они все в большей мере раскрывали неразрывность связи борьбы против войны и оккупации с борьбой за социальную революцию, за союз и единство с революционной Россией, с партией большевиков. Отражая эту линию революционных партий польского пролетариата, газета «Глос роботничий», орган ППС-левицы, писала, что борьба за прекращение войны, направленная против самих устоев капитализма, «должна быть борьбой за его ликвидацию, за установление на его месте нового общественного строя» [81].

В то самое время, когда авангард польского рабочего класса, действовавший в самой Польше, все явственнее отдавал себе отчет в приближении революции, та часть этого авангарда, которая находилась в России, решительно шла вместе с большевиками по пути подготовки социалистической революции.

Польские социал-демократы в России полностью поддержали выработанный Лениным и одобренный VI съездом большевистской партии (происходившим в полулегальных условиях в Петрограде 26 июля — 3 августа 1917 г.) курс на вооруженное восстание в целях осуществления социалистической революции. «В настоящее время,— писала «Трыбуна», излагая доклад ЦК большевистской партии ее съезду,— лозунгом должно быть свержение диктатуры контрреволюционной буржуазии... Идеи эти получили признание съезда» [82].

На съезде Ст. Бобиньским было оглашено приветствие от польских социал-демократов. В этом документе, полном революционной энергии и мужества, дышавшем глубоким пролетарским интернационализмом, подчеркивалось, что СДКПиЛ, будучи автономной частью РСДРП, издавна поддерживала большевистское крыло партии. «Наша долголетняя борьба с царизмом связала нас с вами кровными узами... В ужасе и в радости, в победе и в поражении — один нам путь, одна судьба. Но победа будет на нашей стороне» [83]. Яркое приветствие польских социал-демократов имело столь большое принципиальное и агитационное значение, что его текст опубликовали большевистские газеты ряда промышленных центров России, в которых проживало много выходцев из Польши [84]. Съезд, демонстрируя признание нерушимости единства поль-

[80] *W. Bulat.* Strajk studencki w Warszawie w 1917 roku. W., 1960, str. 74—124.
[81] «Glos Robotniczy», 8.VIII 1917.
[82] «Trybuna», 12.VIII 1917.
[83] «Шестой съезд РСДРП (большевиков). «Протоколы». М., 1958, стр. 178—179.
[84] «Рабочий и солдат», 5 августа 1917 г.; «Пролетарий», 9 августа 1917 г.; «Звезда», 10 августа 1917 г. и др.

ских социал-демократов с большевиками, избрал в состав ЦК Ф. Дзержинского. 6 августа Дзержинский был избран в образованный из 5 человек Секретариат ЦК партии большевиков [85].

После VI съезда большевистской партии вся деятельность, все усилия польских социал-демократов в России были направлены на осуществление выдвинутых съездом задач, на дальнейшее сплочение всех находившихся в России польских трудящихся под революционными знаменами русско-польского пролетарского единства, совместной борьбы за победу социалистической революции.

Особые задачи на польскую социал-демократию накладывало то, что вслед за русской контрреволюцией попыталась перейти в наступление и польская контрреволюция. Ее политический и военный центры в России — Совет польского межпартийного объединения и Главный польский военный комитет (Начполь) при поддержке Временного правительства и антантовских миссий форсировали создание польских вооруженных сил. По приказу нового верховного главнокомандующего русской армией генерала Л. Г. Корнилова 24 июля было положено начало формированию 1-го Польского корпуса, командование которым было поручено царскому генералу Ю. Довбор-Мусьницкому, которого печатный орган ППС-«фракции» в России не без едкости назвал «свежеиспеченным поляком» [86]. Вскоре первая дивизия корпуса была расквартирована в Быхове, недалеко от ставки верховного командования, в которой дозревал заговор против революции. «Автономная польская армия» создавалась с июня 1917 г. и во Франции; в Париже развернул свою деятельность созданный в августе 1917 г. Польский национальный комитет во главе с переехавшим туда лидером эндеков Р. Дмовским.

В условиях непрерывно обострявшейся внутриполитической обстановки в России польские социал-демократы гневно клеймили преследование В. И. Ленина Временным правительством, активно поддерживали огромную идейно-политическую и организаторскую деятельность большевиков, направленную на сплочение под руководством пролетариата политической армии социалистической революции. Одна за другой группы СДКПиЛ принимали решения, выдержанные в духе резолюций VI съезда большевистской партии, в которых указывалось на созревание условий для штурма пролетариатом и деревенской беднотой всевластия капитала [87]. Дело борьбы за социалистическую революцию в России польские социал-демократы никогда не отрывали от революционных и патриотических задач в отношении своей родины. Только поддержка большевиков, разъясняло в одном из своих воззваний руководство СДКПиЛ в России, может привести к победе революции. «Поражение же русской революции,— указывалось в одной из листовок СДКПиЛ,— это крушение освобождения Польши из оков неволи и насилия, это триумф нашей реакции, которая превращается в передовую силу контрреволюции» [88].

Как и ранее, непонимание обстановки характеризовало линию руководства ППС-левицы в России: оно не только продолжало идти вместе с меньшевиками-интернационалистами, но даже приняло участие в «объединительном съезде» меньшевиков 19—26 августа. Несмотря на преобладание на съезде оборонцев, поддерживавших контрреволюцион-

[85] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г.», стр. 12—14.
[86] «Głos Robotnika i Żołnierza», 12.IX 1917.
[87] «Trybuna», 12.VIII; 19.VIII 1917.
[88] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 398, лл. 5—12.

ное Временное правительство, Ф. Кон приветствовал съезд и пытался доказать, что «един пролетариат и едина его партия»[89]. Совершенно отступая от классовых позиций, руководство ППС-левицы направило своего представителя на происходившее в Москве 12—15 августа Государственное совещание[90], созванное для подготовки к государственному перевороту. Это совещание проходило под знаком консолидации контрреволюционных сил вокруг претендента в диктаторы генерала Корнилова. В статье «Польские союзники Корнилова», опубликованной в «Трыбуне», а затем перепечатанной газетой «Рабочий путь», являвшейся тогда центральным органом большевистской партии, Ф. Дзержинский писал: «Польская контрреволюция — это не измышление, это действительность, с которой должна считаться не только польская, но и русская революционная демократия»[91].

Польская контрреволюция старалась укрепить свои силы. Она стремилась быстро завершить формирование Польского корпуса. Но многие из существовавших уже польских по составу воинских частей — Польский уланский полк, Польский гусарский эскадрон и другие — отказывались войти в состав корпуса, так как солдаты этих частей отдавали себе отчет, что корпус призван служить орудием контрреволюции[92]. Решительно отвергал приказы Довбор-Мусьницкого полковой комитет Белгородского полка, насчитывавшего к осени 1917 г. более 16 тыс. солдат и офицеров. Как докладывала командованию специальная комиссия, изучавшая на месте обстановку, в полку проявлялась «вредная» деятельность солдат и офицеров «ленинского направления»[93].

Корниловский заговор, вылившийся 25 августа в вооруженный мятеж, не смог использовать силы польской контрреволюции и, натолкнувшись на организованный большевиками отпор рабочего класса и многих частей армии, практически уже 31 августа завершился полным провалом. В дни мятежа Исполнительный Комитет групп СДКПиЛ в России и Правление Петроградской группы СДКПиЛ, Московская и другие группы польской социал-демократии выпустили листовку и обращение, призывавшие польских рабочих и солдат к совместной с рабочими и солдатами всей России защите революции[94]. В дни корниловского мятежа к отпору контрреволюции призывали и секции ППС-левицы.

Военный заговор корниловцев, явившийся попыткой начала гражданской войны со стороны буржуазии, обострил политическую обстановку в России. Для подавления внутренней контрреволюции, окончания империалистической войны, решения насущных вопросов, жизненно важных миллионам рабочих, солдат, крестьян, угнетенным народам, для спасения России от грозившей ей хозяйственной, военной, политической катастрофы необходимо было немедленно разгромить буржуазию, сломить ее господство и установить власть Советов. В осуществлении этой задачи надежным союзником российского пролетариата выступали тысячи и тысячи польских рабочих и солдат, шедших за партией большевиков, за ее польскими друзьями — социал-демократами.

Корниловский мятеж ускорил поляризацию политических сил в стране. Началась повсеместная большевизация Советов. Исходя из то-

[89] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 12, лл. 3—4.
[90] «Государственное совещание». М.— Л., 1930, стр. 311.
[91] *Ф. Э. Дзержинский.* Избранные произведения, т. I, стр. 255.
[92] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 328, лл. 328, 353; д. 341, лл. 149, 152 и др.
[93] Centralne Archiwum Wojskowe. 122. 99/26.
[94] Centralne Archiwum KC PZPR. 1/1, 1917, p. 5; 60/3, 1917, p. 10.

го, что большинство в обоих столичных Советах перешло к большевикам, «большевики,— писал В. И. Ленин 12—14 сентября в письме ЦК, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б), — могут и *должны* взять государственную власть в свои руки»[95].

Цепляясь за свое еще сохранявшееся большинство в Центральном Исполнительном Комитете Советов и стремясь оттянуть созыв II Всероссийского съезда Советов, соглашательские партии 2 сентября провели в ЦИК'е решение о созыве Демократического совещания. ППС-левица вместе с меньшевиками-интернационалистами поддержали затею с созывом Демократического совещания. 19 сентября Ю. Уншлихт от имени СДКПиЛ огласил на заседавшем 14—22 сентября Демократическом совещании декларацию, в которой подчеркивалась общность позиций польского пролетариата в России с позициями и стремлениями всех российских рабочих и трудящихся крестьян. «Во главе русской революции,— говорилось в заключительной части декларации,— должно стоять революционное правительство пролетариата и крестьянства, которое одно только способно повести борьбу за демократический мир среди народов, втянутых в водоворот войны; только такая власть может путем внутренних преобразований дать толчок развитию международной революции, торжество которой единственно гарантирует польским трудящимся массам общественно-социальное освобождение»[96].

Содержание этого важного партийного документа — последнего из широких политических актов, с которым выступила СДКПиЛ в период начавшейся подготовки к вооруженному взятию власти российским пролетариатом,— говорило о высоком понимании польским революционным авангардом своего классового интернационалистского и патриотического долга. Убедительным подтверждением этого было активное участие польских рабочих и солдат в той кипучей организаторской и политической работе большевиков, которая предшествовала Октябрьскому вооруженному восстанию. На многих предприятиях и в ряде воинских частей при активном участии польских интернационалистов — иногда это были не только социал-демократы, но и левицовцы и «фраки» — принимались резолюции о необходимости немедленного созыва нового съезда Советов и перехода к Советам всей власти. Правда, в целом ППС-левица в России, хотя и критикуя меньшевиков и эсеров за поддержку ими буржуазного правительства, все еще считала, что в России возможно лишь углубление буржуазной революции[97]; а ППС-«фракция» утверждала, что Россия не дозрела до пролетарской революции, что диктатура пролетариата в России невозможна[98].

Вопреки колеблющейся позиции лидеров ППС-левицы и антиреволюционной позиции руководства ППС-«фракции», к борьбе за диктатуру пролетариата плечом к плечу с большевиками, со всем российским рабочим классом готовилась вся СДКПиЛ в России, ее новые группы, осенью 1917 г. сложившиеся в Курске, Самаре, Царицыне, Каменском, Смоленске, Гомеле, Луганске. «Трыбуна» день за днем помогала польским рабочим и солдатам в уяснении того, что дело приближающейся революции в России является самым кровным, самым важным для них делом.

В конце первой декады октября в Петроград нелегально вернулся В. И. Ленин, началась непосредственная подготовка восстания. 9 октяб-

[95] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 239.
[96] «Рабочий путь», 20 сентября (3 октября) 1917 г.; «Trybuna», 23.IX 1917.
[97] «Robotnik w Rosji», 27.IX 1917.
[98] «Głos Robotnika i Żołnierza», 13.X 1917.

ря Петроградский Совет решил создать особый военно-революционный штаб, получивший затем наименование Военно-революционного комитета. В его состав, наряду с другими видными деятелями революции, были избраны Ф. Дзержинский, Ю. Уншлихт и другие польские революционеры. Обстановка свидетельствовала о все более обострявшемся революционном кризисе. Как писал 8 октября В. И. Ленин, в России «революция переживает в высшей степени критическое время. Этот кризис совпал с великим кризисом нарастания мировой социалистической революции... Момент такой, что промедление поистине смерти подобно» [99]. 16 октября ЦК партии большевиков избрал Военно-революционный (партийный) центр, которому предстояло внутри Военно-революционного комитета возглавить руководство восстанием. Среди пяти лиц, избранных ЦК РСДРП(б) в состав Военно-революционного центра, был и Ф. Дзержинский [100].

Среди комиссаров, которых Военно-революционный Комитет в ходе подготовки к восстанию стал назначать в части Петроградского гарнизона и особо важные учреждения, предприятия и пункты столицы и ее окрестностей, было немало большевиков — польских социал-демократов: А. Радзишевский, А. Гранас, Ю. Лещиньский, Ст. Пестковский и др. Кстати, за несколько часов до того, как начался вооруженный штурм капитализма, Ю. Лещиньский выступил перед рабочими Путиловского завода с лекцией «Путь к освобождению Польши» [101]. Тема этой лекции была символична — она говорила о том, что путь к освобождению Польши, к социальному и национальному освобождению польского народа предстояло открыть социалистической революции в России.

В канун революции, «Трыбуна» в передовой статье «На переломе» звала к взятию власти пролетариатом и революционным крестьянством, к борьбе за социализм.

В рядах рабочих на заводах, фабриках, шахтах, в отрядах Красной Гвардии и революционных частях армии, в составе Советов и Военно-революционных комитетов, словом, всюду, где всемирно-исторические события Великой Октябрьской социалистической революции застали польских социал-демократов и других передовых польских трудящихся, находившихся в России, они вместе со всем российским пролетариатом и трудящимся крестьянством поднялись по зову большевистской партии на борьбу за победу и утверждение Советской власти. Были они активными участниками вооруженного восстания в Петрограде, покончившего с Временным правительством, восстания в Москве [102], установления Советской власти во многих местах необъятной России.

На II Всероссийском съезде Советов, принявшем ленинские Декрет о мире и Декрет о земле и образовавшем Советское правительство, польские интернационалисты также были едины с большевиками. Выступая на съезде от имени того польского пролетариата, который в борьбе за власть Советов крепил русско-польский революционный союз, Ф. Дзержинский говорил: «Мы не выставляем лозунга отделения себя от революционной России. С ней мы всегда столкуемся. У нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров» [103].

Путь к одной братской семье народов, о которой говорил Дзержинский на II съезде Советов, о которой мечтали поколения русских и поль-

[99] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 385.
[100] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)...», стр. 101.
[101] «Trybuna», 21.X 1917.
[102] *А. Я. Манусевич.* Польские интернационалисты..., стр. 355—371.
[103] *Ф. Э. Дзержинский.* Избранные произведения, т. I, стр. 253.

ских революционеров, оказался не прост и не короток — еще много препятствий пришлось преодолеть и польскому народу и народам Страны Советов, пока удалось полностью претворить в жизнь высокие идеи, вдохновлявшие интернационалистов-революционеров обеих сторон.

3. Победа Октябрьской революции и восстановление независимости Польши

Открыв новую эру в истории всего человечества, победа Великой Октябрьской социалистической революции привела к существенным изменениям и в судьбах польского народа. Когда руководимый большевиками российский пролетариат стал правящим классом, создающим свое, социалистическое государство, русско-польский революционный союз обрел новые качества: одна из составлявших этот союз сторон, достигнув своего освобождения, стала опорой в дальнейшей борьбе другой стороны за ее свободу и независимость.

Отстаивая свои великие завоевания, рабочий класс и трудовое крестьянство России ощущали помощь и поддержку со стороны рабочего класса, всех демократических и прогрессивных сил многих десятков стран. Одной из наиболее действенных форм этой помощи было прямое участие трудящихся зарубежных стран в вооруженном отпоре силам антисоветской контрреволюции и империалистической интервенции, участие в строительстве советской государственности, в осуществлении коренных социально-экономических преобразований.

Из среды польских социал-демократов и других интернационалистов, из эвакуированных в 1915 г. в Россию польских рабочих и крестьян, из солдат-поляков русской армии выросли десятки тысяч самоотверженных бойцов за дело пролетариев всех стран — за дело Советов [1]. Имена многих польских трудящихся, не щадивших сил во имя победы Советской власти в России, делают честь революционной Польше и служат ярким воплощением жизненной силы русско-польского революционного союза.

Великий перелом в развитии всего человечества, совершенный российским пролетариатом, был воспринят трудовыми массами оккупированной Польши как свое родное дело. Приветствуя победу революции, Главное правление СДКПиЛ, не имевшее в то время легального органа печати, тотчас же после получения известий о победе вооруженного восстания в Петрограде выпустило листовку «Пролетарская революция в России!».

«Рабочие! Работницы! — говорилось в листовке.— Неслыханные, потрясающие вести приходят к нам из России! В Петербурге победил рабочий класс! Буржуазное правительство сметено, диктатура пролетариата стала фактом... К этой последней, решающей борьбе за социализм прокладывают нам дорогу российские события. Слава русским товарищам, которые первыми начали эту борьбу. Польские рабочие! Нам предстоит кровавая борьба — борьба, быть может, еще долгая... Будем же бороться за свержение капиталистического строя!» [2] В выпу-

[1] *А. Я. Манусевич.* Польские социал-демократические и другие революционные группы в России в борьбе за победу и упрочение Советской власти (октябрь 1917 — январь 1918 г.). «Из истории польского рабочего движения». М., 1962; «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов». М., 1967; «Księga Polaków uczestników rewolucji Październikowej. 1917—1920. Biografie». W., 1967; *W. Najdus.* Lewica Polska w Kraju Rad. 1918—1920. W., 1971 и др.

[2] «Socjaldemokracja...», str. 236—237.

щенной вслед за тем нелегальной брошюре «Революция и война» Главное правление польской социал-демократии разъясняло польским рабочим значение совершившихся в России событий. Затем в брошюре указывалось: «Рабочий класс Польши с энтузиазмом приветствует победу Великой русской революции... Плечо к плечу с большевиками идут наши товарищи из СДКПиЛ, находящиеся сейчас в России». Победа большевиков «есть также победа нашей тактики, наших задач» [3].

С таким же чувством солидарности с российским рабочим классом и гордости за него сообщала о победе Октябрьской революции легально выходившая в Варшаве газета «Глос роботничий»— орган ППС-левицы. Уже 10 ноября газета поместила первое сообщение о петроградских событиях: в нем говорилось, что в России победила рабочая и солдатская революция и Ленин огласил программу нового правительства [4]. «Большевики,— писала газета спустя несколько дней,— представляют крайнюю группу социалистической левой не только в России, но и во всей Европе», их приход к власти — нечто более важное, чем обыкновенный политический переворот, он означает «подлинную диктатуру пролетариата» [5]. Декреты, принятые II съездом Советов, писала газета ППС-левицы, имеют исключительно большое значение для международного революционного движения, для польских трудящихся [6].

Таким образом, обе партии польского пролетариата — СДКПиЛ и ППС-левица (последняя — в большей мере, чем ее организации, действовавшие в России) сразу же заявили о полной солидарности с Октябрьской революцией. Но, как писал позднее главный редактор «Глоса роботничего» Юзеф Цишевский, «от солидарности с общей линией до понимания большевистской политики во всей ее конкретности было еще очень далеко» [6а]. К пониманию большевистской политики, к восприятию ленинизма авангард польского пролетариата пришел не скоро, не сразу, даже не с созданием в декабре 1918 г. Коммунистической рабочей партии Польши, а в ходе большого идейно-политического развития, важным этапом которого явился состоявшийся в 1923 г. II съезд КРПП [7].

Но если обе польские пролетарские партии тотчас же после установления Советской власти в России заявили о своем полном единстве и солидарности с ней, то иную позицию заняла ППС-«фракция». Она понимала важность принципов демократического мира без аннексий и контрибуций, на основе признания права народов на самоопределение, изложенных в ленинском Декрете о мире. Однако в самой Октябрьской революции ППС-«фракция» видела лишь сомнительный «прыжок в будущее» [8].

Советская власть в своей многогранной, предельно трудной деятельности уделяла силы, средства, внимание как положению эвакуированного в Россию польского населения, так и польскому вопросу в целом. Внимание Советской власти к польским делам было естественным развитием в новых условиях той линии, которую российский рабочий класс, пар-

[3] «Rewolucja i wojna». Wydawnictwo Zarządu Głównego SDKPiL. W., grudzień 1917.
[4] «Głos Robotniczy», 10.XI 1917.
[5] Там же, 14.XI 1917.
[6] Там же, 5.XII 1917.
[6а] *J. Ciszewski.* Wspomnienia z roku 1918. «Z Pola Walki», 1929, nr 7—8, str. 286.
[7] *И. С. Яжборовская.* Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. М., 1967; *А. Я. Манусевич.* В. И. Ленин и идейно-политическое развитие КРПП. «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1973 и др.
[8] «Jedność Robotnicza», 23.XII 1917.

тия большевиков неизменно осуществляли на всем пролетарском этапе русско-польского революционного союза.

Советское правительство создало специальный орган, призванный действовать в интересах трудящихся польских беженцев, солдат, военнопленных, улучшения их положения в Советском государстве, подготовке их реэвакуации на родину — Польский комиссариат при Народном комиссариате по делам национальностей. Рядом декретов Совета Народных Комиссаров, подписанных его главой — В. И. Лениным, на Комиссариат по польским делам возлагалась охрана предметов старины и искусства, представляющих художественную или историческую ценность для польского народа, различного польского имущества и т. д. Опираясь на эти акты, на поддержку центральных и местных советских органов, Польский комиссариат развернул широкую работу [9], отчеты о которой представлялись Совету Народных Комиссаров [10].

Деятельность Польского комиссариата представляла собой один из составных элементов той огромной созидательной работы по возведению основ нового общества, которую проводила молодая Советская власть. III Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в январе 1918 г., заслушав и обсудив доклад по национальному вопросу и о федеративном устройстве Советской республики, отметил, что он «приветствует и одобряет национальную политику Правительства Народных Комиссаров, направленную к проведению в жизнь принципа самоопределения народов» [11].

Борьба за проведение в жизнь принципа самоопределения народов в отношении к Польше, к польскому народу оказалась неразрывно связанной с борьбой за окончание империалистической войны, за демократический мир без аннексий и контрибуций.

С самого начала мирных переговоров в Брест-Литовске, которые ввиду позиций бывших союзников России по Антанте, добивавшихся уничтожения Советской власти и раздела самой России [12], Страна Советов была вынуждена одна вести с кайзеровской Германией и ее союзниками, вопрос о Польше, о ее судьбах выдвинулся на одно из центральных мест.

Несмотря на крайне неблагоприятную международную обстановку и исключительно сложное внутреннее положение, обострившееся, в частности, в связи с назревавшим мятежом 1-го Польского корпуса, Советское правительство неустанно отстаивало в переговорах с германо-австрийским блоком выдвинутые им принципы заключения мирного договора на справедливых, демократических началах.

Уже на следующий день после открытия мирной конференции в Брест-Литовске «Известия» — официальный орган Советской власти — выступили с редакционной статьей «Судьбы Польши». Газета напоминала, что свое принципиальное решение польский вопрос нашел в обращении «К польскому народу» Петроградского Совета. Польша, независимость которой способно отстаивать только Советское правительство, продолжала газета, должна включать в себя все части бывшего Польского

[9] *А. Я. Манусевич.* Из истории деятельности Польского комиссариата. «Интернационалисты в борьбе за власть Советов». М., 1965.

[10] «Protokół posiedzenia Kolegium Referentów z dnia 9.IV 1918».

[11] «Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Пг., 1918, стр. 94.

[12] *Д. Ллойд-Джордж.* Военные мемуары, т. V. М., 1938, стр. 93—95; *У. Черчилль.* Мировой кризис. М.— Л., 1932, стр. 105; *G. F. Kennan.* Russia Leaves the War. Princeton, 1956, p. 178 и др.

государства, где преобладает польское население, и быть страной глубоко демократической [13]. Уже в предложенном советской стороной проекте статьи 1 будущего мирного договора содержались указания на условия, открывающие путь к свободному волеизъявлению польского народа [14].

Декрет о мире, борьба Советского правительства за претворение его принципов в жизнь, встретившие широкое одобрение во всех странах, вынудили и правительства США и Англии выступить в январе 1918 г. с изложением своих мирных программ. В этих программах уделялось место и вопросу о Польше. Высказываясь в принципе за создание независимой Польши, правительства США и Англии обставляли это свое согласие такими условиями, которые подтверждали, что для них польский вопрос остается лишь разменной монетой в борьбе за господство в мире. Будучи хорошо осведомленной, что Англия и США готовы на сделку за счет Польши и России [15], Германия в ходе Брестских переговоров 5 января 1918 г. ультимативно потребовала от советской стороны фактического признания аннексии Польши.

Брестские переговоры, констатировалось в секретном донесении проавстрийских польских кругов, «занимают все умы в Варшаве» [16]. Широкие народные массы Польши отдавали себе отчет, что в Бресте идет борьба за их будущее, что советская сторона последовательно отстаивает дело свободы польского народа. Протестуя против аннексионистских требований Германии, польские рабочие провели в январе 1918 г. ряд забастовок и демонстраций. В ходе этих выступлений самыми популярными были лозунги: «Долой оккупантов! Да здравствует русский рабочий и революционер! [17]». Во время январской стачки в Варшаве был создан Совет делегатов коммунальных рабочих. Создание этого Совета говорило о том, что польские рабочие пытались сформировать новые классовые органы, которые как своим наименованием, порожденным влиянием русской революции, так и существом своих задач оказывались уже чем-то большим, чем просто забастовочные комитеты.

11 января начался мятеж 1-го Польского корпуса, давно подготовлявшийся польскими контрреволюционными кругами в России, антантовскими миссиями. В конечных своих стремлениях — низвержение Советской власти — действия организаторов мятежа совпадали с замыслами всех империалистов [18]. Но в своих непосредственных целях — подчинение Советской Белоруссии власти германских ставленников в Варшаве — руководители мятежа ради спасения польского помещичьего землевладения на белорусских землях порывали со своими антантовскими покровителями и шли на сделку с германским империализмом и оккупацию им Белоруссии. Мятеж, вызвавший решительные противодействия верных Советской власти войск, ускорил проходивший при активном участии польских интернационалистов распад корпуса. В борьбе против

[13] «Известия ЦИК», 10(23) декабря 1917 г.

[14] «Мирные переговоры в Брест-Литовске. Пленарные заседания, заседания политической комиссии», т. I. М., 1920, стр. 28—29.

[15] См. *C. Hausmann.* Schlaglichter Reichstagsbriefe und Aufzeichnungen. Frankfurt am Main. 1924, S. 161—163.

[16] Wojewódzkie Archiwum Państwowe w Krakowie. Akta Naczelnego Komitetu Narodowego. Sygn. 139. I. 425.

[17] Там же, т. 135, к. 2—8.

[18] Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Akta Komitetu Narodowego Polskiego w Paryżu. Dz. I, t. 3, k. 1, 7, 19 itd., Dz. IX, t. 3, k. 82 и др.; *J. Zdziechowski.* Przyczynki do historii kapitulacji 1-go korpusu. Drukowano jako rękopis (s. a.), str. 6—11; «Za svobodu. Obrazkova kronika Československeho revolučního hnuti na Rusi. 1914—1918», t. III. Praha, 1926, s. 638—639.

мятежников выдержало еще одно испытание и окрепло боевое содружество польских и российских революционеров, сражавшихся за власть Советов. В одном из воззваний польских интернационалистов, находившихся в Белоруссии, к солдатам, вовлеченным в мятеж, разъяснялось, что русский народ и его рабочее и крестьянское правительство ведут борьбу за освобождение трудящихся классов и за осуществление права на независимость всех наций, они «поставили во время мирных переговоров на первое место вопрос о независимости Польши... Помните, что будущее Польши зависит от победы русской революции» [19]. Те же идеи единства русско-польских народных интересов лежали в основе всей большой политической работы, которую вели польские интернационалисты среди солдат корпуса.

Мятеж 1-го Польского корпуса, который готовился антантовскими представителями как часть большого антисоветского заговора, имевшего одной из своих ближайших целей срыв мирных переговоров в Бресте, в действительности свелся к попытке польской контрреволюции в России установить единый с Германией антисоветский фронт. Непосредственным результатом мятежа было временное упрочение германских позиций в оккупированной Польше и расширение антисоветской германской экспансионистской политики.

С мятежом 1-го Польского корпуса был связан и переход на сторону Германии терпевшей крах контрреволюционной Украинской Центральной рады [20]. Рада возникла при поддержке антантовских империалистов. Но в критический для себя момент, когда украинские рабочие и крестьяне, действуя в соответствии с решениями I Всеукраинского съезда Советов, объявившего 11 декабря 1917 г. власть Рады низложенной, устанавливали по всей Украине Советскую власть, Рада переметнулась на сторону Германии. Чтобы ускорить сделку с Радой, в Берлине решили передать ей часть польских земель [21]. Как мятеж 1-го Польского корпуса, так и сделка Рады с германским империализмом осложняли и ухудшали положение польского народа. Ход бурных событий зимы 1917/18 г. подтверждал неоспоримость истины об издавна установившейся взаимосвязи успешного развития революции в России с борьбой за свободу Польши.

Эту взаимосвязь ярко подчеркнуло то обстоятельство, что 25 января по требованию советской стороны на Брестской конференции было заслушано выступление представителя польского народа, деятеля СДКПиЛ Ст. Бобиньского. Указав, что до тех пор, пока в мирных переговорах не имеют возможности участвовать представители трудящихся всей Польши — одной из стран, наиболее пострадавших от войны, Бобиньский заявил, что подлинные желания польских трудящихся могут высказать представители двух миллионов поляков, загнанных войной в Россию и благодаря русской революции получивших возможность свободно говорить о нуждах и стремлениях польского народа. В оглашенной Бобиньским обширной декларации подробно излагались требования очищения польской земли от оккупантов и предоставления польскому народу возможности свободно устраивать свою жизнь. В заключительной части декларации констатировалось, что «до сих пор только революционная Россия стоит на страже истинных интересов и свободы польского народа и что не будь Польша оккупирована, она уже в настоящее время

[19] Centralne Archiwum Wojskowe. 122. 100/3.
[20] «Trybuna», 26.I 1918; «Социал-демократ», 20 февраля 1918 г.
[21] *Э. Людендорф.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II. М., 1924, стр. 129.

обладала бы той же свободой, которою пользуются прочие народы России» [22].

В декларации, оглашенной Бобиньским, прозвучал подлинный голос польского народа. То, что впервые со времен разделов XVIII в. представитель польского народа получил возможность заявить о его воле на важнейшей дипломатической конференции, явилось результатом победы Октябрьской революции и борьбы Советского правительства за демократический мир, отвечающий интересам польского и других угнетенных народов [23]. Много лет спустя после Брестской конференции, в 1933 г., представитель крайне враждебного СССР режима «санации», в непредназначенном для печати подготовленном историческим бюро Генерального штаба служебном обзоре развития польского вопроса во время брестских переговоров, подчеркнул «исторически важный факт», что благодаря позиции Советского правительства «впервые за многие годы поляк принял участие в международных переговорах, выступая по польскому вопросу. Станислав Бобиньский, член Комиссариата по национальным делам, в острой и решительной форме выступил против оккупантов...» [24].

Представители Германии и ее союзников не стали обсуждать декларацию, оглашенную Бобиньским: у них уже был подготовлен проект договора с обанкротившейся, потерявшей 26 января власть и в Киеве Центральной Радой. 27 января изгнанные с Украины деятели предательского режима подписали в Бресте договор с Германией и Австро-Венгрией, открывающий возможность германским и австро-венгерским империалистам «законной» оккупации и грабежа Украины. В целях прикрытия этой изменнической акции было решено передать в состав «независимой» Украины Хелмщину и ряд других польских земель.

«Правда» и другие органы советской печати оценили преступный сговор Центральной Рады с империалистами центральных держав как измену революции, предательство Украины и России и новый раздел Польши [25]. Совет Народных Комиссаров отдал распоряжение об аресте Центральной Рады и членов ее делегации в Бресте [26]. ЦИК Советов объявил недействительным тот договор, который агенты украинской буржуазии заключили с германским правительством [27].

Преступный сговор Рады с германскими захватчиками вызвал гневный протест всего польского народа, вылившийся в сопровождавшиеся столкновениями с оккупационными войсками демонстрации и стачки по всей Польше. Заклеймив в воззвании, выпущенном 12 февраля, сделку украинских предателей с оккупантами, Главное правление СДКПиЛ подчеркивало, что свобода Польши неотделима от дела революции. «Новый раздел Польши!... Новый раздел страны,— указывалось в воззвании, — делает сейчас совершенно ясным для каждого рабочего, что дело освобождения Польши неразрывно связано с делом международной социальной революции...» [28].

[22] «Документы и материалы...», т. I, стр. 303.
[23] *А. Я. Манусевич.* Борьба Советского правительства за выход из мировой войны и польские интернационалисты в России (январь — март 1918 г.). «Ученые записки Института славяноведения», т. XXV. М., 1962 г.
[24] Archiwum Akt Nowych w Warszawie. N 1773; *S. W. Wojstromski.* Sprawa Polska w rokowaniach pokojowych w Brzeście Litewskim, t. 8, k. 47.
[25] «Правда», 14 февраля; 2 марта 1918 г.
[26] «Социал-демократ», 31 января; 13 февраля 1918 г.
[27] «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 462.
[28] ЦПА ИМЛ, ф. 446, оп. 1, д. 24, л. 18.

Одним из проявлений ненависти польского народа к оккупантам и возмущения новым разделом Польши был переход линии фронта 15 февраля, после ожесточенного боя с австрийскими войсками, ранее входившей в состав австрийской армии бригады польских легионов под командованием Ю. Галлера. Несмотря на то что это событие осложняло и без того предельно напряженные отношения между Советским государством и центральными державами, советские власти дружески встретили неожиданных пришельцев, рассматривая их как союзников [29]. В. И. Ленин, которому было сообщено о переходе фронта бригадой Галлера, предложил установить с ней добрые отношения и оказать помощь [30]. Однако «галлерчики» почти тотчас же начали карательные действия против украинских крестьян, стали отстаивать польское помещичье землевладение на Украине. Галлер позднее признал, что его войска предприняли карательную экспедицию в защиту владений одной помещицы, расстреляли крестьянских вожаков, сожгли деревню [31]. Хотя разрыв с австрийским войском, переход фронта, протест против договора Германии с Центральной Радой отражали патриотические чувства «галлерчиков», все же они оказались лишь националистами, к тому же весьма узкого кругозора, и контрреволюционерами. Они поторопились войти в сношения с антантовскими представителями в Яссах и в Москве, с русскими белогвардейскими центрами. Военная делегация, посланная Галлером в Москву, вела переговоры и с советскими органами, была принята Я. М. Свердловым, но временно прикрываясь своей мнимой лояльностью, тотчас же включилась в заговорщическую деятельность антантовских представителей и русской контрреволюции [32]. Сам Галлер в сопровождении полковника М. Жимерского и некоторых других лиц нелегально прибыл в Москву, где летом 1918 г. пытался возглавить один из крупных контрреволюционных центров. В связи с провалом заговорщиков Галлер был вывезен во французском санитарном поезде в оккупированный антантовскими интервентами Мурманск, откуда в июле 1918 г. доставлен во Францию. Там он вскоре был назначен командующим польской армией во Франции. Позднее эта армия послужила одной из опор утверждавшейся в независимой Польше буржуазно-помещичьей власти и осуществила захват Западной Украины.

Таким образом, с появлением бригады Галлера на советской земле русско-польский революционный союз оказался перед лицом еще одного противника. Однако борьба против этого противника отходила на второстепенное место перед лицом того нашествия, которое обрушилось на Страну Советов: 18 февраля 1918 г., грубо нарушая условия перемирия, немецкие, а затем и австро-венгерские войска перешли в наступление. «Теперь нет возможности ждать, — заявил В. И. Ленин на заседании ЦК большевистской партии. — Это значит сдавать русскую революцию на слом» [33]. Ленину пришлось выдержать тяжелейшую борьбу с троцкистами, «левыми коммунистами», некоторыми колеблющимися, к числу которых одно время принадлежал Дзержинский [34], выступавшими против заключения мирного договора с Германией на диктовавшихся ею

[29] *J. Haller.* Pamiętniki. Londyn, 1962, str. 137—138.
[30] «Trybuna Radziecka», 1924.
[31] *J. Haller.* Pamiętniki, str. 149.
[32] Centralne Archiwum KC PZPR. Rada Polska Zjednoczenia Międzypartyjnego. Wydział Wojskowy. 392/5, k. 80—88.
[33] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 336.
[34] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)...», стр. 201.

грабительских условиях. Но заключение мира было единственной возможностью спасения революции, защиты Советской власти. В ответ на воззвание Совета Народных Комиссаров «Социалистическое отечество в опасности!», «Трыбуна» призвала всех польских трудящихся, находившихся в России, взяться за оружие, стать в ряды создающейся Красной Армии. Разъясняя интернациональный долг польских трудящихся и их революционную и патриотическую заинтересованность в защите социалистической революции в России, газета писала, что поражение революции нанесло бы тяжелый удар международному пролетариату, а Польша, если русская революция потерпит поражение, «станет страной дичайшего произвола и неограниченного насилия»[35]. Обращаясь к польским рабочим, руководство организаций СДКПиЛ в России призывало: «Если не хотите, чтобы была разгромлена первая великая победившая народная революция, которая призывает к бою за освобождение пролетариев всех стран, то вставайте в ряды Красной Армии, берите оружие и бейте врага!... Пусть никто не посмеет в будущем сказать, что мы, которым русская революция несет свободу, не защищали ее до последней капли крови!»[36].

Немецкое наступление ускорило происходившее с января 1918 г. переформирование находившегося тогда в Москве Белгородского польского запасного полка. Основная часть его солдат вошла в состав Революционного полка Красной Варшавы, ряд других подразделений положил начало другим, польским по составу частям Красной Армии[37].

Подписав грабительский Брестский мир, Советское государство вышло из империалистической войны, завоевав столь необходимую короткую передышку.

Верное своей политике защиты прав польского народа, Советское правительство заявило, что, стоя на почве Брест-Литовского договора, оторвавшего Польшу от России, оно в то же время не может признать существующего в Польше так называемого Регентского совета — органа, образованного оккупантами, представителем воли польского народа[38].

Передовая часть польского пролетариата как в Стране Советов, так и в Польше понимала временный и вынужденный характер мира с Германией и сохраняла твердую уверенность в назревании европейской революции. Передовым отрядом революции, говорилось в воззвании, выпущенном Главным правлением СДКПиЛ в канун 1 мая 1918 г., является пролетариат России. «Высоко над царскими дворцами развевается его красное знамя, как ураган проносятся над народами его манифесты»[39].

Революция продолжала оказывать возрастающее влияние на польских трудящихся. Марионеточные органы, созданные германскими и австро-венгерскими оккупантами, с беспокойством писали «о приготовлениях к общественному перевороту», о том, что вернувшиеся в Польшу реэмигранты — участники и свидетели Октябрьской революции и борьбы за победу Советской власти — проводили собрания, «на которых вопросы ставились с решительностью, соответствующей большевистским рецептам»[40].

[35] «Trybuna», 24.II 1918.
[36] «Trybuna», 28.II 1918.
[37] *A. Zatorski.* Dzieje pułku Bielgorodzkiego, str. 248—249.
[38] «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1959, стр. 371—372.
[39] ЦПА ИМЛ, ф. 446, оп. 1, д. 24, л. 34.
[40] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, стр. 348.

СДКПиЛ и ППС-левица все активнее стремились использовать опыт большевиков в польском рабочем движении. Продолжавший легально выходить «Глос Роботничий» постоянно знакомил своих читателей с героической борьбой рабочих и крестьян Советского государства. Газета указывала, что Советы — новая форма народовластия, что им свойственно единство законодательства и управления и чужды пороки буржуазного парламентаризма; она широко освещала деятельность состоявшегося 4—9 июля V съезда Советов и знакомила с принятой им Конституцией РСФСР [41].

2 августа 1918 г. В. И. Ленин выступил на митинге направлявшегося на фронт, на защиту революции, Революционного полка Красной Варшавы. Руководитель Советского правительства, создатель большевистской партии, великий интернационалист, направлявший и вдохновлявший развитие польско-русского революционного союза, обращался к полякам-красноармейцам. «Я думаю, — говорил он, — что мы, и польские и русские революционеры, горим теперь одним желанием сделать все, чтобы отстоять завоевания первой мощной социалистической революции, за которой неминуемо последует ряд революций в других странах... Ваша задача, идя на фронт, прежде и больше всего помнить, что это единственно законная, справедливая, священная война угнетенных и эксплуатируемых против насильников и грабителей. Теперь осуществляется союз революционеров различных наций, о чем мечтали лучшие люди, настоящий союз рабочих... Вам выпала великая честь с оружием в руках защищать святые идеи...» [42].

К тому времени, когда Ленин напутствовал польских интернационалистов, обозначился глубокий политический, экономический и военный кризис, предвещавший крах захватнической политики Центральных держав. С огромной быстротой вызревали революции в Германии, Австро-Венгрии. Искры революции, зажженные победоносным Октябрем, все ярче озаряли и польские земли. 29 августа 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял декрет об отказе от договоров правительства бывшей Российской империи с правительствами Германской и Австро-Венгерской империи, королевств Пруссии и Баварии и других. В статье 3 декрета провозглашалось: «Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами Королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признающего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, отменяются настоящим бесповоротно...» [43].

Скрепленный подписью Ленина, этот декрет Советского правительства увенчал целую историческую эпоху в развитии русско-польского революционного союза: верная общему делу борьбы против социального и национального гнета, революционная Россия, осуществляя великие принципы, определявшие отношение русской революционной демократии и социалистического пролетариата к делу свободы и независимости других народов, конкретизируя общие принципы своей политики, лишала какой-либо юридической силы те договоры и соглашения, которыми был закреплен раздел польской земли тремя державами-захватчиками.

[41] «Glos Robotniczy», 15.VIII; 18.VIII; 25.VIII 1918.
[42] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 24—26.
[43] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, стр. 418—419.

Августовский декрет Советского правительства, развивший в отношении Польши принципы, провозглашенные в ленинском Декрете о мире, явился своего рода декларацией вольности польского народа, создавшей твердые международно-правовые основы свободы и независимости Польши. Разорвав целую серию договоров и актов, которыми захватчики еще в конце XVIII — начале XIX в. закрепили порабощение польского народа, ленинский декрет выражал революционное правосознание трудящихся Страны Советов и в соответствии со всем существом политики Советского государства способствовал претворению в жизнь неотъемлемого права польского народа на самостоятельность и единство.

В условиях раскола мира на две антагонистические системы, провозглашения Республикой Советов права Польши на единство и независимость и упорной борьбы Советского правительства за то, чтобы польский народ получил возможность претворить это свое естественное право в жизнь, у империалистов не было никаких возможностей предотвратить освобождение польского народа. Оно становилось тем ближе и реальнее, чем прочнее утверждалась Советская власть, чем мощнее делался ее отпор внутренним и внешним врагам, чем явственнее становилось не только крушение планов германских и австро-венгерских империалистов, нацеленных на закабаление России и сокрушение Советской власти, но и то, что в попытках осуществления этих планов империи Гогенцоллернов и Габсбургов оказались на грани катастрофы, а Советская власть устояла и успешно отбивала атаки врагов.

В условиях изменения соотношения классовых сил в мировом масштабе у западных держав не оставалось другой возможности, как попытаться поставить себе на службу, исказив и лишив их подлинного содержания, некоторые из исторических задач, осуществление которых стало неотвратимо в результате победы Великого Октября. Особое значение империалистические державы Запада — Франция, Англия, США и реакционные классы Польши, заменившие тройственную ориентацию — либо на царскую Россию, либо на рухнувшие кайзеровские Германию и Австро-Венгрию ориентацией на самые реакционные, самые антисоветские империалистические силы, стали уделять тому, чтобы ставший неотвратимым процесс становления независимой Польши использовать в антидемократических, антисоветских целях, в целях, прямо противоположных коренным интересам самого польского народа. В том же направлении действовали и социал-националистические, реформистские польские партии.

То, что на определенном историческом этапе эти цели удалось осуществить, то, что ставшая независимой в ноябре 1918 г. Польша сложилась как буржуазно-помещичье, захватническое, антисоветское государство, искусственно смещенное на восток, насильственно поглотившее часть украинских, белорусских, литовских земель и в то же время оставившее вне своих рубежей значительную часть западных и северных польских земель, добровольно согласившееся на искусственно проведенную границу с послеверсальской Германией, которая делала легко уязвимыми все жизненные центры Польши и оставляла ее без свободного выхода к морю, было уже результатом действия сил, противостоявших польско-русскому революционному союзу, польско-советскому сотрудничеству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Независимая Польша оказалась после первой мировой войны звеном в «санитарном кордоне», которым империалистические страны стремились окружить Страну Советов. В самой Польше, после неустойчивого периода либерально-парламентского правления, в 1926 г. установился режим «санации» — режим бесправия, голода, социального и национального гнета. Так Польша, обретшая независимость в результате Октябрьской революции, ввиду сложившегося соотношения внутренних и международных сил временно оказалась инструментом борьбы против этой революции и установленной ею власти, без которых была бы невозможна и самая независимость Польши; она временно оказалась страной, в которой были бесправны, угнетены и население захваченных ею украинских, белорусских и литовских земель, и сам трудовой польский народ.

В буржуазно-помещичьей Польше тех, кто был верен делу польско-русского революционного союза, кто стоял на позициях признания необходимости изменения роли страны в международной жизни, кто стоял на почве дружбы и братства Польши с Советским Союзом, свободы, социального прогресса, раскрепощения самого польского народа, преследовали, бросали в тюрьмы и концентрационные лагеря. В коммунистах, левых социалистах и людовцах, прогрессивных кругах интеллигенции, во всех, кто понимал историческое значение русско-польского союза и необходимость по меньшей мере лояльного отношения Польши к СССР, правящие круги буржуазно-помещичьего польского государства видели своих врагов. Убежденные интернационалисты и патриоты, польские коммунисты героически боролись против отечественной реакции, против роли, которую она навязала Польше в Европе. Еще на II съезде своей партии, состоявшемся в 1923 г., польские коммунисты, делая решающий шаг в сторону творческого усвоения ленинизма, указали на опасность удушения Польши буржуазной Германией. Призывая к дружбе с СССР, они провозгласили старые лозунги: «За Вашу и нашу свободу!», «Свободные со свободными, равные с равными!». Они приняли особую резолюцию, в которой отмечали, что польские собственнические классы, растоптав традиции польской демократии, которая существование и свободу Польши связывала с борьбой за освобождение всех народов Европы, связали судьбы национальной независимости с самыми темными силами международной реакции [1].

Польская реакция шла дальше по пути, обращенному против самого существования Польши. Через год после того, как в Германии установилась гитлеровская диктатура, диктатура самой оголтелой империалистической реакции, считавшей одной из своих ближайших целей унич-

[1] «KPP. Uchwały i rezolucje», t. I. W., 1953, str. 225—231.

тожение Польши, именно польские правящие круги — «санационная» клика во главе с Ю. Пилсудским — пошли на заключение договора, выводившего гитлеровскую Германию из международной изоляции и облегчавшего ей подготовку второй мировой войны, первой жертвой которой оказалась сама Польша.

Разоблачая преступный политический курс «санации», польские коммунисты неизменно предупреждали: Гитлер у ворот Польши, Гитлер угрожает Польше, только союз с СССР может отвести от Польши угрозу гитлеровской агрессии[2]. Но польским антифашистам не удалось отстранить реакционные силы от власти в стране и изменить ее гибельный внешнеполитический курс.

Даже после катастрофы, постигшей Польшу в сентябре 1939 г., когда человеконенавистническое гитлеровское иго создало угрозу самому существованию польского народа, ее обанкротившиеся реакционные лидеры не изменили своей антинациональной, антисоветской политики: они создали фальшивую и антинародную «теорию» «двух врагов», поставив СССР в один ряд с гитлеровской Германией. Этой гнусной теории сопутствовал преступный лозунг польской реакции — стоять «с оружием у ноги», лозунг, парализовывавший активность польского народа в борьбе против гитлеровских поработителей и убийц.

Правда, после начала Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии находившееся в Лондоне польское эмигрантское правительство сделало попытку сойти с антисоветских позиций. Но вскоре же, под давлением наиболее оголтелых антисоветских кругов, оно стало уклоняться от выполнения взятых на себя обязательств, а уже с ноября 1941 г. штаб польских вооруженных сил, также находившийся в Англии, занялся разработкой планов вооруженных действий против Советской Армии в случае, если она погонит гитлеровцев за линию довоенной советско-польской границы[3]. Так польская реакция продолжала свой путь национального предательства.

Иную, прямо противоположную, демократическую и патриотическую концепцию и вытекавшие из нее политические действия развивали польские коммунисты, сложившаяся в подполье в январе 1942 г. Польская рабочая партия. Следуя славным традициям русско-польского революционного союза, объективно оценивая расстановку сил на международной арене и великую освободительную миссию Советского Союза — единственной страны, отдавшей все свои силы борьбе с гитлеризмом, за спасение человеческой цивилизации, ППР уже в первом своем обращении к рабочим, крестьянам и интеллигенции, ко всем польским патриотам, призвала к активной борьбе с оккупантами, за свободную и независимую Польшу, идущую вместе со всеми антигитлеровскими силами во главе с СССР. В этом воззвании опять прозвучал старый, полный силы и гордости лозунг «За Вашу и нашу свободу!»[4]

Борьба за новую, подлинно независимую, свободную, демократическую Польшу, идущую по пути прогресса и социализма, находила полное понимание в СССР. Советское правительство оказало широкую помощь и поддержку сложившемуся на советской земле Союзу польских патриотов в СССР, помогло ему сформировать антифашистскую освободительную армию. В тесном взаимодействии с Советской Армией

[2] «Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны». М., 1955, стр. 253—254, 256, 270—273 и др.

[3] «Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej», t. III Londyn, 1951, str. 185.

[4] «Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945». W., 1958, str. 11—15.

Польская армия в СССР, ставшая затем ядром народного Войска Польского, внесла свой вклад в разгром общего врага, в освобождение Польши. Знаменательно, что свое боевое крещение первое польское народное воинское соединение — сложившаяся в СССР дивизия, принявшая имя великого патриота Польши Тадеуша Костюшки,— получила у местечка на белорусской земле, носящего имя великого Ленина.

Ленинские идеи дружбы народов, русско-польского революционного союза стали основой обоюдной советской и польской политики с того момента, когда в июле 1944 г. в истерзанную, ограбленную, обескровленную Польшу пришла Советская Армия-освободительница и когда на освобожденной польской земле установилась новая, народная власть.

Советский Союз, выполняя свой интернациональный долг, помог возрождавшейся Народной Польше. Она обрела новые, справедливые границы, осуществила глубокие социальные преобразования, ликвидировала реакционные классы помещиков и капиталистов, приступила к строительству основ социализма.

Залогом свободы и независимости Народной Польши стал коренной перелом в советско-польских отношениях, происшедший в годы борьбы против гитлеровских захватчиков. Новые советско-польские отношения были закреплены подписанным в Москве 21 апреля 1945 г. договором о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Этот договор имел решающее значение в утверждении достойного места Польши среди других стран мира, в закреплении ее нового места в семье свободных и братских стран социалистического содружества.

Советскому Союзу договор гарантировал союз и дружбу с государством, ранее, при господстве в нем помещиков и капиталистов, являвшимся очагом военной опасности и авантюр. Народной Польше договор гарантировал самое существование, независимость, безопасность, неприкосновенность границ, условия возрождения, условия дальнейших социальных, политических, культурных завоеваний, гарантировал мир и возможность строительства социализма. Используя огромные возможности созидания, польский народ в сравнительно короткий срок добился выдающихся успехов. Его новое место в мире определила и принадлежность к созданному в 1949 г. Совету Экономической Взаимопомощи и к возникшей в 1955 г. оборонительной Организации Варшавского договора.

Когда истек двадцатилетний срок действия советско-польского договора 1945 г., он был заменен подписанным 8 апреля 1965 г. новым договором, построенным на тех же основах равенства, братства, взаимной помощи.

Сложившиеся советско-польские отношения, отвечающие общим СССР и Польше идеям и стремлениям, воплотили те цели, которые ставили перед собой поколения борцов за русско-польский революционный союз.

Русско-польский революционный союз на заре своего развития объединял горстку русских дворянских революционеров с небольшой группой близких им по антицаристским устремлениям деятелей польского шляхетского освободительного движения. Сравнительно ограничены были и цели сотрудничества, и круг его участников. Благородство их побуждений передалось следующему поколению революционеров — это были русские революционеры-разночинцы, их украинские, белорусские единомышленники, с одной стороны, с другой — польские демократы 60—70-х годов, поднимавшиеся от общих антицаристских устремлений до борьбы за глубокие социальные преобразования, подобные тем, к которым стремились А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, революционные

народники и которые нашли высшее выражение в объединившем всех революционеров своего времени бессмертном подвиге Парижской Коммуны 1871 г.

Со стремлением к соединению своих сил с силами русских народовольцев выступила первая социально-революционная организация польского рабочего класса — партия «Пролетариат». Ее социалистические идеалы развила Социал-демократия Королевства Польского и Литвы, ставшая затем автономной территориальной организацией Российской социал-демократической рабочей партии, ближайшей союзницей большевиков.

С самого начала своей политической деятельности Ленин видел в польском пролетариате важнейшего союзника российского пролетариата в борьбе против общих врагов — царизма, русских и польских помещиков и капиталистов, в борьбе за общие цели — демократию, свободу и независимость народов, социализм. Взаимозависимость борьбы за социальное и национальное освобождение народов Польши и России, установленная еще К. Марксом и Ф. Энгельсом, была с исчерпывающей полнотой раскрыта и обоснована Лениным. Ленин неизменно уделял исключительно большое внимание Польше, польскому рабочему движению, формированию, укреплению, развитию русско-польского революционного союза эпохи империализма, эпохи великих народных революций. В первой из таких революций — революции 1905—1907 гг.— окреп и испытал свои силы союз пролетариев России и Польши. Хотя революция 1905—1907 гг. и не достигла своих целей, она послужила генеральной репетицией Великой Октябрьской социалистической революции.

С победой Октябрьской революции, с созданием Советского государства возник великий оплот мировой революции, мощная база борьбы за воплощение в жизнь целей русско-польского революционного союза. Эти цели восторжествовали с установлением народной власти в Польше.

Под руководством Коммунистической партии Советского Союза и Польской объединенной рабочей партии советский и польский народы претворили в жизнь немеркнущие заветы многих поколений революционеров Польши и России. Братство и единство СССР и Народной Польши достойно увенчали длительную борьбу народов обеих стран за свободу, демократию и социализм.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АДП — Архив «Дома Плеханова» (ГПБ)
ГА (...) — Государственный архив (...) области
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ ОПИ — Государственный Исторический музей, отдел письменных источников
ГПБ — Государственная публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ДП ОО — Департамент полиции, особое отделение (ЦГАОР СССР)
ЛПА — Партархив Института истории партии Ленинградского обкома КПСС — филиала ИМЛ при ЦК КПСС
ЦГА г. Москвы — Центральный государственный архив г. Москвы
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА Лит. ССР — Центральный государственный исторический архив Литовской ССР
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград)
ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

ВД — «Восстание декабристов», т. I—XIII. М., 1925—1975
ИППРМ — «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей», т. I—III. М., 1956—1958
РПРС — «Русско-польские революционные связи». М., 1963 («Восстание 1863 года. Материалы и документы»)

AAN — Archiwum Akt Nowych
AGAD — Archiwum Główne Akt Dawnych
APW — Archiwum Państwowe miasta stołecznego Warszawy i województwa warszawskiego
BJ — Biblioteka Jagiellońska
B-ka PAN — Biblioteka Polskiej Akademii Nauk
CA KC PZPR — Centralne Archiwum Komitetu Centralnego PZPR
CAW — Centralne Archiwum Wojskowe
IPR — Instytut Polsko-Radziecki
KGP — Kancelaria Gubernatora Piotrkowskiego (WAP Łódź)
KGW — Kancelaria Gubernatora Warszawskiego (AGAD)
NKN — Naczelny Komitet Narodowy (WAP Kraków)
PWIS — Prokurator Warszawskiej Izby Sądowej (AGAD)
WAP (...) — Wojewódzkie Archiwum Państwowe (...)
WŻG — Warszawska Żandarmeria Gubernialna (APW)
Z. G. — Zarząd Główny
ZPWP — Związek Pomocy Więźniom Politycznym (WAP Kraków)
ZZGW — Zarząd Żandarmerii Guberni Warszawskiej (AGAD)

Л. — Ленинград
М. — Москва
Пг. — Петроград
СПб. — Санкт-Петербург
Gd. — Gdańsk
Kr. — Kraków
Lw. — Lwów
W. — Warszawa
Wr. — Wrocław

Абалихин Б. С. 33
Абихт Г. 136
Абрамович А. 399
Абрамович М. 286, 302, 315—317
Абрамович Э. А. 287, 288
Абрамовский Э. 279, 280, 285, 287, 302
Авейде О. 156, 167
Аверченко А. Т. 497
Аврех А. Я. 433, 454
Адамович М. 288
Адзисевич А. 218
Адлер В. 499
Азеф Е. Ф. 449
Азис см. Розинь Ф. А.
Акелайтис М. (Акелевич) 150
Аксельрод Л. И. (Ортодокс) 264, 265, 287, 328
Аксельрод П. Б. 268, 275, 306, 310, 328, 348, 398, 401, 430
Аксентович Т. 498
Александр I 4, 27, 30, 33, 38, 39, 41, 42, 44, 59, 64, 65, 529
Александр II 133, 158, 160, 186, 188, 192, 200, 208, 209, 215, 255
Александр III 213, 250, 255, 264, 274
Александров К. см. Кобыляньский К.
Александров см. Ольминский М. С.
Александров 152
Алексеев И. Е. 236
Алексеев П. А. 294, 304
Алексеев С. Н. 405
Алексеенко 325
Альбединский А. 190, 210
Альбрехт Я. 556
Альтман В. В. 197
Алюшкевич Н. О. 284, 285
Амайзен М. 499
Амборский Я. 154
Анастасевич В. Г. 25, 26, 32
Анатольев П. И. 251
Ангерманн К. 499
Анджейкович С. 249, 250
Андрака Б. 86
Андраши Д. 517
Андреюшкин П. И. 263, 265
Андрусевич Н. А. 274
Анелевокий В. 271
Аникеев А. 84
Антокольский И. С. 274
Антонелли П. Д. 192
Антонов-Овсеенко В. А. 384
Анучин Д. Н. 322
Анцута А. 250
Апухтин А. Л. 214
Арборе-Ралли З. К. 236
Аргиропуло П. Э. 152
Арендт В. В. 122
Аргольдт И. Н. 158, 166
Арский Р. см. Радзишевский А.
Артем см. Сергеев Ф. А.
Архангельская В. Н. 261
Архангельский А. Г. 274
Архангельский Н. М. 261
Арцишевский Т. 416
Аскенази Ш. 42, 65
Астафьев А. А. 206
Ауссем О. 394
Аустерлиц Ф. 518
Афанасьев Ф. А. 283
Афанасьев 95
Ашенбреннер М. Ю. 218
Ашешов Н. 242

Багиньский Г. 556
Багоцкий С. Ю. 452, 453, 465, 480
Багратион П. И. 30
Багрыновский К. 208, 209
Бадаев В. А. 249, 260
Байкова С. М. см. *Самбук*
Бакунин М. А. 81, 109, 113—116, 128, 150, 151, 154, 162, 163, 165, 169, 170, 178, 182, 189, 194, 560
Балдин А. Н. 282, 284
Балиньская Л. 210
Балицкий З. 208, 225, 236
Балицкий Т. 225, 232
Баллин Н. П. 96
Бантыш-Каменьский Н. Н. 22
Баньковский Ч. 281
Барабой А. З. 93, 173
Бараньский С. 277
Бардина С. И. 219
Бардовский П. В. 255, 257, 258, 260
Баринов Г. К. 284
Бархатцев С. 32
Басовский И. Б. 329
Бауман Н. Э. 326
Баумгартен Л. 226, 239, 248, 252, 255—258, 261, 264
Бачко Б. 109
Бебель А. 331, 348, 422, 429, 442, 507
Бедункевич Р. 208
Безкишкин М. Д. 182, 184
Бейлис М. Т. 477, 492

Бейн Л. 275
Бейте Ю. 233
Бек Ю. 271
Бекенев Н. С. 182
Беккер И. И. 79
Бекки С. 182
Белецкий А. 79
Белецкий Л. 227
Белецкий М. 362
Беликович М. 96
Белина-Кенджицкий Ю. 102, 103
Белинский В. Г. 72, 79, 85, 113
Белиньский П. 70
Белоусов Т. О. 435
Бельский К. 211
Бельский С. 211
Бельтов Н. см. Плеханов Г. В.
Белявская И. М. 117
Белявский О. Ф. 228
Белякевич И. И. 499, 525
Бем Ю. 7
Бендин А. 256
Бензенгер Ю. В. 180
Бенкендорф А. Х. 87
Бенни А.-В. 182
Берг Ф. Ф. 192
Бергхаузен Я. 73, 88, 93
Берков П. Н. 16, 25, 33
Бернацкий Г. 465
Бернов Ю. В. 464, 489
Бериштейн Э. 313, 319, 320, 326, 513
Бестужев (Марлинский) А. А. 63, 64
Бестужев-Рюмин М. П. 49—53, 55, 66, 67, 79, 110, 118
Бесядовский см. Узембло Ю.
Бечасное В. А. 49
Бжезиньский Э. 203, 214, 215, 498
Бжезиньский Ю. 193
Бжозовский А. 210
Бзовский 115
Бикулич В. Б. 141
Бильчанский Ю. 208
Бирюков А. А. 179
Благоев Д. Н. 280
Блажеевский М. 221, 320
Бланки Л.-О. 560
Блок А. А. 448, 449
Блок А. Л. 449
Блоньский Р. 88
Бобиньская Ц. 13, 14, 16, 182
Бобиньский С. 508, 531, 556, 557, 561, 570, 571
Бобровская (Зеликсон) Ц. С. 305
Бобровский С. 148, 168
Бобчиньский К. 193
Бовбельский А. 215
Богданович Ф. 208, 220
Богдашевский К. 88
Богораз В. Г. 321, 322
Богораз П. Ф. 254
Богуньский Я. 121, 122
Богуславский В. 17, 19
Богуцкий В. М. 288
Богуцкий К. 204, 205
Богушевич К. 206
Богушевич Мария 260, 261
Богушевич Миколай 217
Бодуэн де Куртенэ Я. 496
Большаков Л. Н. 103, 127
Большвин 59
Бонч-Осмоловская см. Ваховская Б.
Борейша А. 208, 220
Борейша Е. 193, 196, 200, 269, 271
Борзяков Г. 209
Борис В. А. 88, 93, 101
Борисов А. И. 48, 49
Борисов П. И. 48, 49, 67
Борисов 84
Борковская Ф. 179
Борковский Ф. 123
Боровский Т. М. 212, 222
Бортников А. И. 83, 84, 90, 104, 105, 108
Бортновский В. 81, 110
Боткин П. В. 115
Боцярский Д. 188
Бракке В. 209
Брандтнер Л. 209
Братман С. 471
Бринштейн см. Дембо И.
Броневский В. Б. 31
Броневский Валериан 208
Брониковский К. 46, 71
Броньский М. 441, 509, 511, 513, 531, 553, 556, 558
Бруснев М. И. 281—283, 287
Брызгалов М. 122
Брызиньский П. 212
Будзыньский С. 529, 530, 552, 554, 556
Будкевич С. 527
Бужиньский Э. 217
Буковский К. 264
Булат В. 533, 561
Булатов Л. Е. 92
Булгаков Я. И. 17
Булевский Л. 98, 150, 194
Булыгин А. Г. 353, 369
Буонаротти Ф. 111
Бурачевский Ю. 281, 282, 284, 285
Бурцев В. Л. 450
Бутаков А. И. 125
Буташевич-Петрашевский см. Петрашевский М. В.
Бутник-Сиверский Б. С. 304
Бутурлин А. С. 199
Бух Л. К. 206
Бух Н. К. 206
Бухбиндер Н. А. 288
Буцевич А. 498
Бушко Ю. 222, 269, 270, 464, 474, 484, 490
Быков И. 84
Бэлза И. Ф. 80, 81
Бяловеский А. 208, 209, 215
Бялокозович Б. 63, 86

Ваврыкова М. 197, 206, 222
Вакулевич С. 215
Валецкий Г. (Хорвиц М.) 362, 419, 437, 440, 463, 499, 509, 511
Валк С. Н. 249, 255, 259
Вальденберг М. 430
Вандервельде Э. 510
Ванеев А. А. 311, 315—317, 319, 321
Варзар В. Е. 408
Варпеховский К. 266
Варский А. (Варшавский) 268, 292, 294, 309, 310, 331, 333, 336, 339—341, 348, 358,

361, 391—393, 396, 402, 410, 422, 424, 430, 436, 441—443, 446, 457, 474, 499, 509, 511—514
Варыньский Л. 215, 221—226, 233, 235, 237, 240, 248, 252—254, 259, 260, 276, 280, 310
Василевский Л. (Плохоцкий) 226, 227, 248, 253, 279, 280, 338, 416, 420, 464, 560
Васильев Г. 344
Васильев Н. В. 215
Ваховская Б. (Бонч-Осмоловская) 205, 206
Вашкевич А. 211
Вашкевич Г. 219
Вегелин А. И. 60, 61, 69
Веденяпин А. В. 49
Вежбицкий А. 205
Вежбицкий К. 196
Вежбицкий Л. 471
Вежболович К. 43
Вежховский М. 86, 88, 90
Вейде М. 175
Велёпольский А. 145, 160, 165, 168
Веллер М. 211
Вельяминов 69
Вемут С. 214
Венглиньский Я. 556
Венжик А. 88, 122
Венжик П. см. Верхушин С.
Венцковский А. («Пан») 206, 207, 222, 223, 225, 227
Венцковский Владислав 88
Венцковский В. см. Раабе В.
Вервес Г. Д. 80, 103
Вересаев В. В. 306, 497
Верецкий Ю. 193
Вержбицкий В. Г. 72, 86, 89—91, 108, 122, 128
Верито А. 496
Вернер Х. 205
Верницкий К. 219
Верховцев И. П. 286
Верхушин С. (Венжик П.) 183
Верциньский 209
Веселовский К. 31
Весоловский Б. 309, 314, 315, 317, 322, 493, 531, 532, 556
Вечеслов М. Г. (Юрьев) 328, 329
Вжосек М. 552
Взметнев П. А. 32
Вигилев Б. Д. 496, 498, 499
Виккер-Ковенок О. Б. 325
Виленская Э. С. 187, 192
Вильгельм II 527, 558
Вильчиньский М. 215, 227
Винниченко В. К. 497
Винокуров А. Н. 301
Вислицкий Д. 275
Вислоух Б. 225
Виташевский М. 209, 221
Виткевич К. 496, 498, 499
Виткевич С. 498
Виткинд Я. М. 274
Витковский К. 107
Виторт Я. 210
Витт Я. 65
Витте С. Ю. 379
Виттен В. 209
Виттенберг С. Я. 209
Вишневский Ю. 217
Влостовский Т. 315—317, 321
Вноровская О. 206
Вноровский Ю. 205, 210
Водзиньская К. 208
Воеводин П. И. 333
Возняк В. 306, 307
Возняковский Я. 92
Воинов Н. М. 228
Войнар-Суецкая Я. 13
Войнаровская В.-Ц. 207, 227, 310, 313, 327, 329, 335, 339, 340, 346, 446
Войнич М. Л. 260, 304
Войнич Э.-Л. 304
Войно-Ясенецкая Т. 211
Войнов И. см. Сазонов Н. И.
Войстромский С. В. 571
Войцеховский В. 107
Войцеховский С. 300, 312
Войцеховский, офицер 218
Волк С. С. 192, 236, 240
Волков В. (Грушевский В.) 83
Волков Н. 209
Волковичер И. В. 231, 233
Волконская З. А. 64
Волконский С. Г. 50, 56, 57, 120, 121
Володарская А. М. 471
Володарский И. Б. 137, 151
Володзько 60
Волохов С. А. 263
Волошиньский Р. В. 31, 32
Волчанецкий 209
Вольский Б. 538
Вольский В. 205
Вонсович К. 227
Воровский В. В. 286, 302, 320, 394, 447, 448, 450
Воронич Е. 89
Воронков И. А. 83
Воронцов С. Р. 18, 26
Ворцель М. 59, 123
Ворцель С. 110, 111, 117, 118, 128, 135
Востоков А. Х. 24
Вощиньская С. 463
Вроньский Л. 62
Врублевский Валерий 103, 149, 193—196, 198—202, 236
Врублевский Вацлав 508
Врублевский Е. 103
Врублевский Т. 208, 216, 225
Врублевский Ф. 552
Вульф Г. В. 438
Выбицкий Ю. 28
Выжиковский М. 205
Высоцкий П. 120—122
Высоцкий Я. 62
Выспяньский С. 448, 496
Выцех Ч. 28
Вычаньская К. 195
Вычулковский Л. 498
Вяземский П. А. 63, 76

Гаазе Г. 513
Габсбурги 415, 483—485, 501, 503, 555, 575
Гавриленко М. 86
Гаврилов В. 98
Гагарин Н. В. 95, 96, 124

Гадон А. 86
Галис А. 449
Галич Э. 29
Галлер Ю. 572
Галочкин С. (Карлинский) 83
Гальстер Б. 75
Ганецкий Я. (Фюрстенберг) 336, 339—341, 391, 397, 398, 402, 426, 428—430, 453, 457, 461, 470, 473, 474, 495, 499, 509, 530, 531, 553, 559
Гарибальди Д. 7
Гарлицкий А. 272
Гартман Л. Н. 207, 237
Гауке (Босак) Ю. 194
Гауптман Г. 305
Ге З. 218
Гебель Г. И. 67
Гегель Г. 97, 113
Гегечкори Е. П. 410
Гед Ж. 348
Гейденрейх (Крук) М. 184
Гейштор М. 206
Гендерсон А. 549
Генералов В. Д. 263
Георгиевский А. И. 273, 286
Гералтовский Д. 218
Гербер Р. 120, 121, 127
Гербильский Г. Ю. 100
Геринг З. 206, 207, 214, 222, 225, 227
Герн К. И. 125
Гернет М. Н. 451, 452
Герцен А. И. 6, 76, 85, 92, 96, 109, 110, 113, 115, 117—119, 128, 130, 132—136, 138, 142, 145, 148—150, 154, 155, 159, 162—166, 170, 176—178, 180, 182, 185, 186, 189, 193, 194, 197, 205, 278, 579
Гжимала В. 70
Гзовский Г. 88
Гиллер А. 141, 162
Гильдебрандт К. 90
Гильдт К. 207, 223
Гильдт М. 209
Гинденбург П. 518, 520, 522, 523
Гинсбург Л. С. 197
Гинсбург С. М. 267, 270, 271
Гинтовт-Дзевалтовский В. 208
Гитлер А. 577
Гладыши, братья 209
Гласко А. (Гружевская) 207, 220
Гласко Ю. 207, 216, 227
Гласко Я. 203, 207, 218, 222, 223
Глассон И. А. 181
Гливиц И. 408, 547
Глинка М. И. 80, 81
Глинка Ф. Н. 35, 63
Глинкин П. Е. 79
Гловиньский А. 499
Гнатовский А. (Прекker) 264—266, 287
Гневич Т. см. Фаберкевич З.
Гнедич Н. И. 63
Гобст А. 208, 217
Говорухин О. М. 262, 263, 265, 266
Гогенцоллерны 555, 574
Гоголевский Т. см. Кучеров Ф.
Гоголь Н. В. 81
Годебский Ц. 32
Гожковский Ф. 18, 28, 29
Голицын Д. А. 15
Головин И. А. 206
Головин И. Г. 110
Головинский В. А. 124, 125
Головиньский И. 79
Головиньский П. 49
Голомбек Ю. 102—104
Голубев В. С. 281—283
Голубев П. А. 281, 282
Голубков А. 426, 427, 429
Гольцьский А. 116
Гольде-Стружецкая Э. 362
Гольденберг Г. Д. 210
Гольденберг Л. Б. 199
Гольдман Л. 394
Гомолецкий К. 264
Гомолицкий Л. 79
Гомульский Э. 21, 22
Гонсёровская Н. 540
Гонта И. 112
Гончаров Н. П. 205
Горбачевский И. И. 49, 67, 68
Гордон В. 89
Гордон Я. (Ятовт М.) 125
Горемыкин И. Л. 502
Горкун П. С. 263
Городыский А. М. 30
Горчаков М. Д. 145
Горький М. (Пешков А. М.) 306, 441, 454, 486, 497
Госляр Ю. 100, 101
Госцевич Э. 181
Гофман 60—62, 69
Гощиньский С. 71, 88
Грабовецкий Ю. 210
Грабовский А. 231
Грабовский М. 79, 103
Гралевский М. 123—125
Гранас А. 531, 565
Грановский Т. Н. 141
Грибоедов А. С. 63
Григорий XVI 94
Григорович Д. В. 444
Григорьев В. Ю. 81
Григорьев Н. П. 120
Гриневицкий А. 62, 69
Гриневицкий И. 206, 208, 238, 250
Гриневицкий С.-А. 250
Гриневицкий Я. 216
Гродецкий А. 53, 55—57
Гродзецкий А. 205
Гродзицкий В. 499
Грозовский см. Тышка Я.
Громковские 498
Громницкий П. Ф. 49
Гронау В. 196
Гроняковская К. 207, 208
Гросс А. 88
Гросул В. Я. 204
Гросфельд Л. 517, 545, 552
Грудзиньский Ф. 126
Гружевская см. Гласко А.
Гружевский Ю. 64
Грушевский В. см. Волков В.
Грынвасер Х. 41
Грюнберг К. 245, 248, 344, 349, 560
Гудзилович Е. 204

Гудзилович К. 204
Гудзилович Ю. 204
Гуковский Григорий 321, 323
Гуковский Г. А. 24
Гуковский К. 261
Гумплович В. 485
Гурвич И. А. 221
Гуров Г. Ф. 86
Гуровский А. 105
Гурский М. 303, 329
Гурьев П. Ф. 126
Гурьянов В. П. 79
Гусев В. 236
Гусев-Оренбургский С. И. 443
Гучков А. И. 526, 528, 411
Гюисманс К. 450

Давыдов В. Л. 56
Давыдов Д. В. 63
Далевский А. 98
Далевский Ф. 98, 99
Дан Ф. И. 348, 391
Даниловский В. 156, 169
Данишевский Т. 255
Данский Б. Г. см. Комаровский А.
Даргомыжский А. С. 80
Дашиньский И. 364, 410, 411, 453, 463, 484, 485, 499
Дашиньский Ф. 266
Дашкевич Ю. 216
Дашков 22
Двойченко-Маркова Е. М. 32
Дебогорий-Мокриевич В. К. 208
Деболи А. 17, 18
Дегаев С. П. 253, 254, 256
Дейч Л. Г. 222, 235, 253
Дельвиг А. А. 63
Дельвиг А. И. 108
Де-Люсине К. 91, 92
Дембиньский Б. 272
Дембицкий Л. 31
Дембо И. (Бранштейн) 264—267, 271, 287
Дембовский Э. 74, 88, 93, 100, 110
Дембовский Я. 17
Дембский А. 208, 223, 253, 254, 259, 261, 266, 267, 271
Дембский Т. 212
Де-Мезер З. 207, 212
Демонтович Ю. 178
Демчиньская А. (Новицкая) 210
Деренковский Г. М. 391
Державин Г. Р. 12, 23, 34, 35, 63
Десницкий С. Е. 15
Дзвонковский В. 98
Дзежбиньский Я. 112
Дзержинская С. С. 449
Дзержинский Ф. Э. 307, 308, 314, 336, 340, 348, 358, 361, 366, 384, 386, 390—394, 396, 397, 402, 422, 430, 449, 451, 452, 457, 493, 529—531, 544, 552, 553, 556, 562, 563, 565, 572
Дзенковская Ю. 208
Дзялыньский И. 20
Дзянковская З. 252
Диаманд Г. 410, 474, 499
Дибич И. И. 85
Дибобес Я. 256
Дикштейн Ш. (Млот) 214, 225, 235, 237, 240, 267, 285
Длужневский С. 250, 251
Длуский К. 207, 209, 214, 222, 225, 229, 230, 234, 237, 278, 498, 499
Длуский Я. 207
Дмитрасинович Т. 101
Дмитриев И. И. 23
Дмовский Р. 272—273, 278, 353, 355, 405, 407, 409, 431, 432, 503, 562
Дмоховский В. 215
Дмоховский Л. 205, 220
Добжицкий М. 48
Добкевич А. 205
Добровольский А. 208
Добровольский В. В. 261
Доброгойский И. 48
Добролюбов Н. А. 136, 137, 141, 142, 159, 189, 205, 262
Добротвор Н. М. 434, 449
Добруокина Г. Н. 250, 259
Довбор-Мусьницкий Ю. 562, 563
Долгушин А. В. 205
Доленга-Ходаковский З. (Чарноцкий А.) 63
Долецкий Я. (Фенигштейн) 508, 531, 552, 556
Долиньский А. 211
Долиньский П. 211
Домашевич А. 308
Домбковский Ю. (Бестужев) 87
Домбровская П. 187
Домбровский А. 271
Домбровский Ярослав 142, 143, 153, 155, 156, 158, 159, 167, 168, 187, 194, 195, 198, 218, 219
Домбровский Ян Генрик 28
Домейко И. 45
Домогальский С. 124
Дондуков-Корсаков А. М. 123
Дорошенко 112
Достоевский Ф. М. 122, 438
Драгоманов М. П. 237, 254
Дрентельн А. Р. 208
Дризен 59
Дробнер Б. 453, 484, 499
Дружинин Н. М. 40
Дубровинский И. Ф. (Иннокентий) 427, 429
Дубровский П. П. 96
Дулемба Г. 255
Дунин-Борковский 11
Дунин-Карвацкий С. 123
Дуров С. Ф. 105
Дуткевич Ю. 81
Дыбовский Б. 99
Дылёнгова Х. 43, 48, 53
Дымша Л. 406, 409—411
Дьяков В. А. 75, 80, 83, 90, 93—95, 103, 104, 122, 123, 125, 126, 142, 143, 154, 156, 162, 169, 182
Дьяков К. А. 217
Дюринг Е. 323

Евзеров Р. Я. 512
Евлогий, епископ 404, 434
Егупов М. М. 287
Ежикович Б. 206

Ежовский Ю. 45, 63, 64, 96
Езерский Ф. С. 12—14
Езёраньский А. 156
Екатерина II 11, 16, 17, 23, 27, 34
Еленьский Ю. 20
Елисеев Г. З. 187
Емельянова М. Н. 261
Енджеёвский Б.-А. 414
Ергин А. А. 321, 322, 324, 325
Ергина Л. В. 221, 321—325
Ермолаева Р. А. 318, 330, 338, 391, 392, 425, 457, 459—461, 471, 474, 480—482, 489, 494, 495, 511, 531

Жабицкий А. 108, 119, 150, 193
Жебровский К. 172
Жебровский Т. 49
Жевуский Г. 79
Жейц Ю. 207, 211
Железняк С. М. 217
Желиговский Э. 80, 95, 129, 143, 150
Желтоновский А. 209
Желябов А. И. 235, 238, 240, 242
Жеромский С. 184, 443, 496—498
Жечковский Я. 209
Живиньский см. Кузнецов П.
Живов М. С. 76
Жигунов Е. К. 196—199, 201, 203, 222, 223, 226, 229, 232, 234, 236, 254, 267
Жимерский М. 572
Жихлиньский Л. 88
Жиховский М. 135, 414
Жичевский Э. 230
Жолондович П. 208
Жонголович А. 210
Жорес Ж. 442, 481
Жуйков Г. С. 266, 287
Жуков И. Г. 175
Жуковский В. А. 63
Жуковский Н. И. 236, 237
Жулковский А. 212
Жюгжда Ю. И. 149

Забелло 84
Заблоцкий 12
Заблоцкий-Лада Т. 79, 85
Заборский Д. 205
Завадский Е. 206
Завадский М. 206
Завадский Ф. К. 136
Завадский Х. 126
Завадский 60
Завиша А. 86, 87, 113
Загорский Я. 89
Загребельный Г. 86
Загурская А. 496
Загурский А. 194, 208
Заевский В. 81
Заичневский П. Г. 141, 152
Зайончковский П. А. 102, 104
Зайцев Б. К. 497
Зайцев В. М. 83, 175
Залевский К. (Трусевич С.) 307, 313, 314, 327, 329, 331, 333, 335, 397, 406, 413, 456
Залеский А. 88
Залеский Б. 90, 125, 126
Залеский Леоч 88
Залеский Людвиг 208
Заливский Ю. 86, 87
Заломов П. А. 333
Замойский А. 145
Замойский Е. 13
Замойский М. 353
Зан Т. 44, 45, 60
Запорожец П. К. 311, 315, 316
Заремба Ф. 228
Заржицкий Ю. 194
Заславский Е. 211
Засулич В. И. 235, 237, 266, 268, 310, 320, 348
Заторский А. 557, 573
Захорский Э. 497
Збигнев см. Кондерский В.
Званцов К. 95
Звеж Ю. 490
Звеждовский Л. 155, 173
Звежиньский Ч. 540
Зверковский Л. 115
Зворковский М. 220
Зданович Е. 206
Зданович Ф. 89
Здановский Л. 205
Здзеховский Е. 569
Здзеховский К. 443
Здрада Е. 143
Зейдлер Э. 210
Зейн Е. 182
Зелёнка 59
Зеликсон см. Бобровская Ц.
Зелиньский Генрик 539, 540
Зелиньский Густав 126
Зелиньский Ю. 208
Зельверович А. 448
Земплиньский М. 463
Зенкевич К. 184
Зенкевич С. 209
Зенкович Л. 98, 118
Зенович С. 103
Зенькевич Ф. 212
Златовратский Н. Н. 444
Злотницкий А. 278
Зродловский Я. 124
Зубжицкий Я. 208
Зубов Н. 113
Зубов П. А. 17
Зюдекум А. 518

Иваницкий Н. 179—181
Иваницкий С. С. 274, 275, 287
Иванов В. Н. 281
Иванов Н. 215
Иванов П. 344
Иванов С. А. 250, 253, 254, 262
Иванов 324, 325
Ивашкевич Л. 218
Ивичевич И. 209
Ивичевич Я. 209
Игельстром А. В. 260
Игельстром К. Г. 60, 61, 69
Игнатович И. И. 38
Игнатьев Н. П. 213
Идельсон Р. Х. 200, 201
Избицкая М. 208, 252
Избицкий В. 208, 215, 220, 223
Избицкий Г. 208

Ильич-Свитыч В. И. 209
Ильин см. Ленин В. И.
Инглот М. 79
Иннокентий см. Дубровинский И. Ф.
Иогихес Л. см. Тышка Я.
Иодко-Наркевич В. 300, 312, 338, 362, 415, 463
Истомина Н. К. 287
Итенберг Б. С. 192, 262, 263
Ишутин Н. А. 187

Кавраева-Эттингер Е. 423
Кавский И. Д. 211
Казакевич Р. А. 282
Казановский 125
Казарский К. 208
Калашников 321, 324
Калембка С. 109
Калениченко П. М. 499
Калинин А. Ф. 471
Калиновский Б. 143
Калиновский К. 149, 171—173, 180
Калистратов 251
Калябиньский С. 345, 352—354, 374, 380
Каменьский В. 124
Каменьский Г. 105, 106, 110, 111, 127, 135
Каменьский Г. (Штейн, Домский Л.) 442, 444, 461, 480, 489, 490, 494, 511
Каменьский Ф. 496
Каменьский Э. 205, 206
Канцевич Я. 277, 279, 280, 292, 298, 300, 304, 312, 324
Канчер М. Н. 263, 265
Каплинский В. Т. 155, 182
Каракозов Д. В. 188
Карамзин Н. М. 31, 80
Караулов Н. А. 254, 257
Карвацкий В.-Л. 476
Карвицкий С. 56
Кареев Н. И. 496
Карелина В. М. 283
Каржавин Ф. В. 16, 26
Каройи 182
Кароли Л. 7, 182
Карпинский см. Галочкин С.
Карпиньский А. 88
Карпиньский 219
Карпович Анзельм 211
Карпович Антоний 89
Карский см. Мархлевский Ю.
Карчиньский М. 209
Каспер ский Ф. 121
Каспрович Я. 498, 499
Каспшак М. 269, 271
Каспшакова Я. 460, 467, 472
Кассиуш С. 271
Катаяма С. 348
Катков М. Н. 159, 185
Каутская Л. 391, 397, 457
Каутский К. 251, 304, 319, 327, 331, 339, 345, 391, 397, 430, 445, 457, 474, 513, 518
Кафиеро-Кутузова О. 219
Каховский А. М. 21
Кацнельсон Д. Б. 122
Качоровский К. Р. 287
Кашевский М. 107
Кашинский П. М. 287
Кашинцев А. Н. 257
Кашкин Н. С. 107
Квашнин-Самарин 86
Квициньская А. 211
Квятковский А. 204
Квятковский С. 215
Келлес-Крауз К. 330
Кельсиев В. И. 177
Кенджицкий см. Белина-Кенджицкий Ю.
Кеневич И. 181
Кеневич С. 6, 29, 33, 41, 44, 88, 100, 144
Кеннан Дж. Ф. 568
Кеппен П. И. 32
Кепурская Г. 377—379
Керенский А. Ф. 558
Киевский П. см. Пятаков Г. Л.
Кизеветтер А. А. 438
Кикнадзе Н. Д. 522
Киляньский Я. 287, 288
Киркор А. 103
Кирпотин В. Я. 127
Киселев Г. В. 197
Кициньский Б. 43
Киянский М. И. 182
Климашевский Ю. П. 215
Клопов И. 287
Клопфлейш В. 98
Кноблох А. 86
Князевич К. 28
Кобылин А. А. 187
Кобылица Л. 101
Кобыляньский К. (Александров К.) 207, 212
Кобыляньский Л. 208, 228
Кобыляньский Э. (Котурницкий М.) 203, 207
Ковалевский А. 315, 319, 320
Ковалевский Г. 256
Ковалевский М. 287
Коваль К. Ф. (Старик) 204, 205
Ковальский И. М. 209
Ковальский Л. 112
Ковнацкий Т. 121
Кодис Т. 266
Козанецкий Т. 127
Козарский К. 216
Козельский Я. П. 15
Козицкий С. 273
Козловский А. 343
Козловский В. 208
Козловский И. 288
Козловский М. 302, 307, 308, 315, 525, 530, 543, 552, 558
Козловский С. 216
Козловский Ф. 211
Козловский Ч. 246, 248
Козьмин Б. П. 152, 179
Козьмян К. 28
Коковцев В. Н. 436, 483
Колачевская А. 204
Коленда В. 220
Коллонтай А. М. 557
Коллонтай Г. 12—14, 27, 32, 42
Комарницкий З. 218
Комаровский А. (Данский Б. Г., Соловьев Б.) 478, 480, 493
Комаровский Т. 217

Кон Ф. 219, 239, 257, 315, 320—322, 362, 412, 419, 420, 454, 499, 550, 559, 562
Конарский С. 13
Конарский Ш. 87—92, 110, 114, 120, 123, 124, 129
Конашевич В. П. 256
Кондерский В. (Збигнев) 428
Кондратович К. 31
Кондратович Л. (Сырокомля В.) 103
Конопницкая М. 443, 444, 447, 496
Константин Николаевич, вел. кн. 160, 161
Константин Павлович, вел. кн. 39, 45, 47, 52, 56—59, 66, 70
Копельзон Ц. М. 274, 275, 287
Коперник М. 446
Корба А. 218
Корманова Ж. 233, 441, 446
Корнилов Л. Г. 562, 563
Корнилович А. О. 66
Коробьин Г. С. 15
Королев Н. Е. 510, 511
Короленко В. Г. 220, 221, 306
Корта А. 14
Корчак Я. 380
Косиньский А. 281
Косиньский 20
Космовская И. 532, 547
Коссаковские 17
Коссович К. 79
Коссовский В. 104, 164
Костецкая М. 228
Костецкий Б. 208, 215
Костомаров Н. И. 101—104
Костшева В. см. Кошутская М.
Костюшко И. И. 93, 94, 100
Костюшко Т. 3, 18, 21, 22, 26, 28, 34, 35, 85, 237, 446, 578
Костюшко-Валюжанич А. А. 324, 325
Котурницкий М. см. Кобыляньский Э.
Коханьский А. 408, 426, 455, 456, 478
Коцебу П. Е. 233
Коцюбинский М. М. 497
Кочаровский А. (Славинский) 556
Кочеткова С. см. Шулепникова В. В.
Кошутская М. (Костшева В.) 463, 499, 509, 510
Кошутский С. 190, 378
Кравчинский С. М. (Степняк) 200, 222, 223, 226, 236, 241, 304
Кравчиньский М. 556
Краевский В. (Штейн, Красовский) 398, 437, 490
Краевский Г. 96, 97, 107
Крайнева Н. Я. 192
Крайский Б. 217
Красиков П. А. 317
Красин Л. Б. (Никитич) 282—284
Красиньский М. 540
Красицкая Ю. 209
Красицкий И. 32
Краснопевцев П. И. 182
Красноперов И. М. 180
Красовский А. А. 147
Красовский В. 208
Красовский Г. см. Краевский В.
Красуский Л. 304
Красуский Р. 209
Крачевский В. 121
Крашевский Ю. И. 95
Кремповецкий Т.-Ш. 111, 112
Кречетников М. Н. 17
Кречетов Ф. В. 21
Кржижановский Г. М. 311, 315—318, 321
Кржиковский Я. 329
Крикунов В. П. 263
Кричевский Б. Н. 304
Кропоткин Д. Н. 208
Кропоткин П. А. 224, 237, 452
Круликевич С. 106, 126
Круликовский Л. 116
Круликовский С. 550, 551
Круль С. 73
Крупская Н. К. 183, 217, 282, 317, 318, 320, 328—330, 346, 397, 423, 429, 438, 461, 465, 480, 484, 496, 499, 500
Крупский Б. 96
Крупский К. И. 183, 217
Крусиньский С. 208, 215
Крушинская Р. см. Люксембург Р.
Крыжановский Н. Ф. 209
Крыленко Н. В. 462, 463
Крылов И. А. 15
Крыловский А. П. 182
Крыньский Я. 112, 193, 200
Крысиньский К. 184
Кудырко В. М. 261
Кузнецов Г. С. 410
Кузнецов П. (Живиньский Ю., Филипович) 183
Кузьмин А. Д. 67
Кузьмин А. П. 274
Кузьмин Д. 258
Кузьмин-Караваев А. Н. 87, 90—92, 120, 122, 124, 125, 129
Кукель М. 414
Кулев Г. И. 284, 285
Кулик С. 315, 317—319, 321
Куликовский 61
Кулиш П. А. 79, 102, 103
Кульматицкий И. А. 32
Кульчицкий Л. (Мазовецкий М.) 233, 239, 248, 269—271, 450
Кульчицкий Н. 294, 295
Кульчицкий Я. 11
Куля В. 408
Кулябко-Корецкий Н. Г. 199, 201
Кумпикевич К. 112
Кунанбаев А. 126
Куницкий С. 208, 228, 248—250, 254—260
Кункль А. А. 205
Куприн А. И. 443
Куракин А. К. 22
Курбатова Е. С. 19
Курбатова И. Н. 268, 275, 310
Курганович В. 204
Курнатовский В. К. 318, 321, 324
Куропатвиньский Ф. 216
Курписова Г. 110
Курчак Т. 383
Кусаков Е. 99
Кутузов М. И. 18, 33
Кучеров Ф. (Гоголевский Т.) 83
Кушлейка Т. 22
Кшеминьский И. 205

Кшивицкий Л. 214, 261, 273, 380, 446
Кшижановский А. 209
Кшижановский С. 47, 48, 50—53, 55, 56, 58, 59, 70
Кшиштофович А. 112
Кюхельбекер В. К. 63

Лаврениус А. 228
Лавров П. Л. 195—203, 207, 210, 219, 222, 225, 229, 230—232, 234, 236—238, 242, 254, 257, 261, 266, 267, 271
Лаврский К. В. 179
Лаврушин Н. М. 251
Лаговский А. 212
Лаговский П. 65
Лада В. см. Ледер З.
Лада-Заблоцкий см. Заблоцкий-Лада Т.
Ладыка Т. 416, 459
Лазиньский 22
Лазоверт С. 556
Лазовский Я. (Лазаньский) 490
Лазутка С. А. 149
Ланге В. 204
Ланда С. С. 61, 64
Лапиньский С. (Левинсон П.) 419, 512, 513, 514, 530, 550
Лапиньский Т. 172
Лаский А. 82
Лассаль Ф. 282
Лау Э. 204
Лафайет М. 35
Лафарг П. 236
Лебрен Ш.-Ф. 19
Левандовская Ф. 209
Левандовская Х. 209
Левандовский В. 188
Левик В. В. 76, 78
Левинсон П. см. Лапиньский С.
Левкин Я. М. 182, 184
Ледер З. (Лада В.) 397, 424—426, 445, 457
Ледер Я. 271
Ледницкий А. 438, 496, 547, 549
Лейкина-Свирская В. Р. 72, 92, 105, 142, 179
Лелевель Б. 281
Лелевель И. 44, 63, 71, 80—82, 86, 88, 91, 105, 110, 112, 113, 120, 128
Ленгник Л. Ф. 330
Ленин В. И. 5—7, 37, 72, 93, 115, 132, 197, 224, 241—243, 245, 246, 289, 291, 292, 296, 297, 301, 305, 311, 314, 315, 317—320, 323, 326—330, 333—343, 345—351, 356, 358—360, 365, 366, 368—370, 372, 382, 383, 385, 388, 391—402, 418—426, 428—430, 432, 435, 438, 441, 444—446, 448, 451, 452, 454, 457—476, 480—482, 484—491, 493, 495—500, 503, 505—508, 510—514, 518—523, 526—529, 531, 535, 542, 546, 553, 554, 557—559, 560, 562, 564, 565, 567, 568, 572, 574, 578, 579
Ленц Р. Э. 215
Ленц 107
Леньский Ю. см. Лещиньский Ю.
Лепешинская О. Б. 320
Лепешинский П. Н. 315, 316
Лепкий Б. 496
Лепковский М. 198
Лепковский Т. 28, 36, 82, 83, 122
Лермонтов М. Ю. 77
Лермонтов Ф. Н. 205
Лескевичова Я. 73
Лесневич И. 121
Лесневич К. 215
Лесневский А. 113, 114
Леснер Ф. 236
Леснодорский Б. 13, 14, 19, 20
Лессер Д. 220
Лещиньский Ю. (Леньский Ю.) 480, 494, 525, 530, 531, 554, 556—559, 565
Либерман Г. 484
Либкинд Я. 548
Либкнехт К. 481
Лидерс А. Н. 158
Лимановский Б. 203, 237, 242, 277—279, 414, 485
Линде С. Б. 63
Линков Я. И. 162
Линниченко И. А. 496
Линсберг Ц. 204
Липиньский К. 81
Липовский Я. А. 217
Лисаевич Е. 126
Лисовская А. 208, 212, 228
Лисовский В. 215
Лисовский Г. 208, 228
Лисовский К. 215
Литвинов М. М. 392, 393
Лифшиц Г. М. 200, 224
Ллойд-Джордж Д. 568
Ловчиновский Б. 205
Лоек Е. 17, 18
Лозиньский Т. 44
Лойко Я. 205
Лопуский Л. 215
Лопатин Г. А. 209, 257—260, 304
Лопушаньский Б. 88
Лорентович Я. 277
Лоссовский П. 182
Лукавский З. 281, 287—289, 301, 407
Лукасиньский В. 42—44, 46—48, 55, 65
Лукашевич А. 205, 206
Лукашевич В. 109
Лукашевич Ю. 262—265
Лукашевский Ю. 182
Луначарский А. В. 448
Лунегов Г. Н. 283
Лунин М. С. 57—59, 121
Лурье Г. И. 274
Луцкий В. 206
Львов Г. Е. 528
Люблиньский Ю. 45, 46, 48, 49
Любовецкий 29
Люборацкий А. 121
Людендорф Э. 570
Люжас Л. 250
Люксембург Р. (Юниус, Крушинская) 229, 230, 268, 292, 293, 296, 301, 304—306, 309, 312, 313, 319, 326—328, 331, 333, 334, 337—340, 343—346, 348, 349, 357—361, 390, 392, 396, 397, 399—401, 420, 422—424, 428—430, 439, 441, 442, 444, 445, 452, 457—459, 462, 474, 481, 491—493, 507, 508, 511, 513, 522, 553

Люри Н. А. 260
Люсине, де 91, 92
Лядов М. Н. 301
Лянгауз А. 187, 204
Лянгевич М. 170, 171, 182
Ляндовский П. 188
Лясковский В. 204
Лясковский С. 172
Лято С. 504
Ляхович Ф. 46, 62, 123
Ляхович см. Райчин С. Г.
Ляховский Я. М. 289
Ляшенко К. Г. 224
Ляшко-Попель Я. 211

Мадалиньский А.-Ю. 19, 22
Мадерский А. 107
Мадзини Д. 7, 135
Маевский А. 181
Маевский П. 187, 188, 204
Маевский Ф. 70
Мазовецкий М. см. Кульчицкий Л.
Майнов И. И. (Саратовец) 221
Макаренко Я. 481
Макаров А. С. 34
Макашин С. А. 105
Маковский Я. 465
Макса Л. 79
Макшеев А. И. 108, 125
Малаховский В. 173
Малевский Ф. 44, 63, 64
Малецкий А. 396, 401, 402, 457, 461, 462, 489, 494
Малецкий Г. 104
Малиновский Б.-В. 250, 251
Малиновский М. 443, 532, 547
Малиновский Р. В. 475
Мальчевский Ф. 121
Малявский З. 211
Мандель С. З. 471
Мандель 499
Мандельбаум-Джевецкий Б. 527
Манусевич А. Я. 327, 330, 333, 338, 391, 392, 425, 457, 459—461, 463, 471, 474, 480, 489, 494, 495, 511, 524, 525, 530, 531, 553, 565—568, 571
Манцевич М. А. 260
Маньковские 289
Марахов Г. И. 89, 173
Маревич В. И. 25
Маргулис 256
Марек З. 453, 463, 499
Маркевич А. 215
Маркевич С. 206
Марков Н. Е. 404
Марковский Я. 206
Маркс К. 4, 7, 74, 81, 93, 114, 132, 137, 173, 178, 182, 193, 195—197, 200, 201, 222, 234, 237, 242, 251, 267, 282, 289, 296, 302, 304, 306, 311, 313, 320, 326, 331, 346, 358, 400, 416, 452, 579
Маркс М. 187
Мартов Ю. О. (Цедербаум, Ignotus, Фабр) 306, 315—317, 321, 328, 336, 340, 347, 391, 398, 422, 430, 551
Мартынов А. С. 399
Мартынов В. В. 77, 78
Марушевский А. 490
Марушевский Т. 19
Мархлевский Ю. (Карский) 12, 261, 271, 292, 293, 306, 309, 327, 328, 331, 333, 348, 358, 382, 397, 401, 402, 424—426, 430, 432, 441—443, 446, 457, 474, 492, 512
Марциновский Е. 107
Маслов П. П. 424
Масловский С. 498
Масюкевич Н. 209
Матвеев Д. Н. 266
Матвеев Я. (Мацяновский В.) 84
Матушевский В. 525, 527, 530, 552
Махарадзе Ф. И. 275
Махницкий К. 48
Мацкявичюс А. 149, 173
Мацяновский В. см. Матвеев Я.
Мачтет Г. А. 221
Мачуньский К. 208
Медекша А. 194
Мейер Ю. 18
Мельников Ю. Д. 289, 303, 321
Мендельсон Ст. 225, 236, 237, 240, 253, 259, 261, 267, 271, 275—280, 302, 310
Менцель Т. 30
Меньщиков Л. П. 286
Меринг Ф. 442
Меркис В. В. 287
Мерославский Л. 6, 105, 106, 134, 140, 143, 145, 153, 154, 164, 168
Мехеда И. Е. 179
Мешков И. 89
Мигурский В. 127
Микадзе С. М. 275
Милашицкий Т. 214
Милковский С. 89
Миллер И. С. 12, 14, 18, 36, 142, 154, 156, 162, 168, 169, 174, 176, 181, 182
Миллер Л. 204
Милович В. 154, 162
Мильчевский О. 204
Милюков П. Н. 405, 467, 519, 526
Милютина Ю. 211
Минаева Н. В. 115
Минейко З. 188, 219
Минин К. М. 34
Минин см. Ванеев А. А.
Минковская А. 97
Мирский Л. 208
Митина Н. П. 87, 188
Миткевич З. 172
Михайлов А. Д. 240
Михайлов М. Л. 159, 188
Михалевич С. 208, 215, 220, 228
Михневич Э. 215
Мицельский Ю. 59
Мицкевич Адам 6, 7, 44, 63, 64, 73, 75—81, 95, 104, 105, 115—117, 128, 303, 304, 446, 448, 453, 463
Мицкевич Адольф 217
Мицкевич В. 116
Мицкевич С. И. 301, 302, 315
Млодзецкий М. 206
Млот см. Дикштейн Ш.
Мльнарский З. 12, 182
Моленда Е. 501, 516, 533, 534

Мольский С. 207
Момбелли Н. А. 77, 105—107, 124
Монастерская Т. 409
Мондшейн Б. 207, 222
Монтвилл-Мирецкий Ю. 416
Монюшко С. 80
Моравский В. 204
Моравский Т. 43
Морачевский А. 410
Мордвинов Н. А. 95
Морозов И. И. 86
Морозов Н. А. 236
Морозов С. Т. 245
Морозова О. П. 220
Мосолов Ю. М. 187
Моссаковский Е. М. 147
Мохнацкий М. 45, 71, 82, 128
Мочульский К. 106
Мошинский И. Н. 288, 302, 303
Мошиньский Е. 352
Мошиньский П. 57, 64, 66, 68
Мрочек А. 179, 181
Мрочковский В. 194, 211
Муравьев А. З. 66, 120
Муравьев М. Н. 185, 241
Муравьев Н. М. 40, 54
Муравьев-Апостол М. И. 37, 51, 66
Муравьев-Апостол С. И. 37, 50—53, 55, 65—68, 110, 111
Муромцев С. А. 438, 451
Муха Б. 96
Мыслиньский Е. 271
Мысловский А. 220
Мыцельский Э. 28
Мышкин Г. Н. 217
Мышкин И. Н. 206, 217, 220
Мюнстер Н., фон 183
Мякотин В. А. 432

Набеляк Л. 62
Навоне Л. 182
Нагурский А. 215
Найдус В. 298, 310, 428, 453, 463—465, 474, 475, 481, 484, 498, 509, 511, 524, 530, 532, 566
Накоряков Н. Н. 399, 401
Налковский В. 380
Наполеон I 28, 30, 33, 34, 36, 529
Нарский И. С. 12, 14
Нарутович Г. 266
Нарушевич А. 32
Невельский П. А. 126
Невенгловский 49
Невзорова З. П. 318, 319
Невский В. И. 266—268, 271
Невядомский В. 204
Недзялковский К. Б. 250
Нейман А. 233
Некрасов Н. А. 80, 319
Немцевич Ю. 22, 26, 27, 63
Непокойчицкий И. 284, 285
Нерсиян М. 124
Нессельроде К. В. 115
Неустроев А. Н. 17, 23
Нефедов И. М. 100, 101
Нечаев С. Г. 194. 196, 197, 204
Нечкина М. В. 37, 54, 63, 65, 67—69
Никитич см. Красин Л. Б.
Никифоров С. 182
Николадзе Н. Я. 125
Николаевский Б. И. 197
Николаи С. 220
Николай I 66, 69, 70, 82, 84, 87, 110, 115, 118, 122
Николай II 311, 502, 519, 522, 529
Николай Николаевич, вел. кн. 501, 503, 516
Никольский А. М. 187, 188
Никонов С. А. 262, 263, 265
Новиков Н. И. 16
Новикова Н. Н. 143
Новицкая см. Демчиньская А.
Новицкий А. 124
Новицкий В. 216
Новицкий Н. 88
Новицкий Ф. 181
Новополин Г. С. 96
Новорусский М. В. 221
Новосильцев Н. Н. 59
Ножин Н. Д. 187
Носажевский 22
Нулло Ф. 7, 182, 184

Обедзиньский З. 208, 212
Обнорский В. П. 211, 226, 227
Оборский Л. 193
Обручев В. А. 125
Обушенкова Л. А. 83
Овсиньская А. 93
Овчарова А. В. 481
Овчинников М. П. 256, 260
Огарев Н. П. 72, 77, 113, 132, 133, 135, 138, 142, 150, 154, 159, 162, 164—166 168—170, 172, 173, 176—178, 193
Огиньский М. К. 30
Огонь-Догановский М. М. 92
Огородников П. И. 182, 183
Огрызко Ю. 95, 99, 143, 144, 188
Одоевский А. И. 63, 85, 121, 129
Одровонж-Бебновский Ф.-К. 250
Одынецкий 218
Ожаровский А. 194
Ожеховский И. 408, 455, 478
Ожеховский Т. 219
Ожешко Э. 496
Озеров В. М. 187
Окиньчиц А. 219
Околович А. 195
Околович 209
Окрашевский К. 209
Окулич К. 284, 285
Окулова 320
Окушко А. 210
Окушко Ф. 210
Окушко Ю. 207, 210
Олейник Б. 217
Олехнович А. 181
Олешиньский Я. 214
Олизар Г. 64, 67
Олтажевский Т. 219
Ольминский М. С. (Александров) 282, 324
Ольховский Е. Р. 251
Ольшанский П. Н. 43, 47, 48, 53, 66
Ольшаньский 210

Ольшевский В. 315, 341
Ольшевский Ю. 136
Онуфрович Б. 257
Оппенгейм Ю. 498
Орда В.-К. 250
Орда С. 124
Орджоникидзе Г. К. 458
Ордынский Ф. 62, 69
Орехов А. М. 117, 136, 229, 270, 274, 275, 281, 283—287, 301
Оркан В. (Смречиньский Ф.) 443, 496, 498, 499
Орлов В. Л. 27
Орлов В. Н. 16
Орлов И. 179
Орлов Н. Г. 179
Орлов П. А. 220
Ортодокс см. Аксельрод Л. И.
Орховский Я.-А. 28, 30
Освальд Н. Н. 141
Осинский В. А. 208
Осипанов В. С. 263
Осипов Г. М. 26
Осипова Е. В. 13
Осташевский К. 208, 225
Островский К. 116
Островский Ю. 304
Островский 49
Оффенберг Я. 272, 273
Охманьский Е. 83
Очеповский 218
Ошанина-Оловенникова М. Н. 240, 253, 256, 257, 261

Павел I 26, 27
Павлик М. И. 203
Павликовский Ю. 28
Павлов И. 182, 184
Павловский И. 385
Павловский М. 211
Павша Т. 20
Падлевский А. 206, 207, 211
Падлевский З. 6, 154, 155, 162, 164, 167—169
Палицын А. 34
Пальмовский С. 21
Пальфи 182
«Пан» см. Венцковский А.
Панов Н. А. 120
Пантелеев Л. Ф. 140, 164
Парафианович К. 211, 288
Парафианович Р. 211
Парвус А. Л. 345
Паскевич И. Ф. 91, 105
Пассек В. В. 21
Пашковская М.-Г. 252, 264, 463
Пашковский П. 210
Пашковский Т. 264, 265
Пекаж Я. 552
Пекарский В. 237
Пекарский Э. 206, 207, 216
Пельчиньский В. 62
Пёнтка Ю. 124
Пёнткевич Л. 45, 46
Перазич В. Д. 289
Перельштейн Я. 220
Перль Ф. («Рес») 194, 239, 248, 252, 253, 270, 274, 276, 362, 414, 485
Перовская С. Л. 238, 240
Перфильев А. О. 281
Пеокин И. М. 274, 275, 287
Пестель П. И. 37—39, 52—58, 64, 65, 110, 111, 118, 136
Пестковский С. 531, 565
Пестов А. С. 49
Петкевич К. (Факир) 196, 205, 211, 220, 222, 315—317, 321
Петкевич О. 210
Петр I 78
Петражицкий Л. 496
Петрашевский-Буташевич М. В. 94, 105—108, 120, 122
Петрашкевич О. 45
Петрашкевич 77
Петриковский С. 471
Петров В. П. 17
Пётровская П. 31
Петровский Г. В. 281
Пётровский Р. 126, 127
Петровский 61, 69
Петрусевич К. А. 288, 303
Пеховская З. 208
Пеховский М. 232
Пеховский Р. 232
Пилипенко В. 173
Пилсудский Б. 263—265
Пилсудский Ю. 298, 300, 312, 345, 362, 365, 414, 416, 455, 484, 504, 516, 517, 545, 548, 549, 561, 577
Пильц Э. 246
Пинкус Л. 498, 550
Пирумова Н. М. 113
Писарев Д. И. 205
Пияшев Н. Ф. 302
Пласковицкая Ф. 223, 233
Пласковицкий Б. 220
Пласковицкий К. 206
Плеве В. К. 233, 451
Плетат Э. 288
Плетнев П. А. 79
Плеханов Г. В. 227, 235, 237, 246, 251, 267, 268, 273—276, 278, 284, 285, 304, 309—314, 319, 326, 328, 331, 340, 347, 348, 391, 392, 395, 398, 418, 430, 438, 467
Плеханова Р. М. 309
Плещеев А. Н. 95, 125
Плещенко С. 173
Плихта А. 70
Плохоцкий см. Василевский Л.
Плохоцкий М. 329—331, 450
Побуг-Малиновский В. 272, 455
Повало-Швейковский И. С. 57, 64, 65
Погодин А. Л. 190, 447
Погожельский И. 305
Подбельский К. 225
Подберезский Р. 80, 90
Подолецкий Я.-К. 110
Подолинский С. А. 199
Подревский М. 208
Подхалюзин М. 182, 184
Пожарский Д. М. 34
Пожерский Э. 126
Познаньский З. 225

Познаньский И. 373
Познаньский С. 29
Покровский И. П. 435, 436, 449
Полевой Н. А. 27, 76, 80
Полевой Ю. З. 251, 263, 282, 288, 294
Поленов А. Я. 14, 15
Полль Н. М. 252
Полонский П. Г. 288, 289, 303
Польгейм Ю. 206
Поляжевич Ф. 288
Поляков А. С. 264
Поляков М. Я. 79
Понятовский И. 107
Понятовский С. А. 11
Понятовский Ю. 22, 33
Попков Б. С. 80, 110
Поплавский Александр 208
Поплавский Антоний 13
Поплавский З. 208
Поплавский Я. 220
Попов В. С. 17
Попов Г. 20
Попов И. И. 249, 250, 253, 254, 256—259
Попов М. Р. 207
Попугаев В. В. 16
Порох И. В. 95
Поснер С. 378, 380
Поспелов Н. П. 220
Потебня А. А. 155, 158, 162, 164, 168—170, 182, 183, 189
Потоцкая М. 206
Потоцкий В. 173
Потоцкий И. 17, 32
Потоцкий Л. 173
Потоцкий С.-К. 32
Потоцкий Ф. 30
Потоцкий Щ. 29
Потоцкий Ян, писатель 31
Потоцкий Ян, студент-«чайковец» 205
Потресов А. Н. (Старовер) 326, 328, 340, 345, 349
Правдовский Ф. см. Каменьский Г.
Праусс К. 498
Преккер см. Гнатовский А.
Пристор А. 549
Прокофьев Г. В. 266
Промдольский 220
Проминьский Я. 315—318, 320
Прондзиньский И. 43
Пронина П. В. 192
Прудановский Ю. 204
Прудон П. Ж. 225
Прус Б. (Гловацкий А.) 443, 447, 496
Прухняк Э. 314, 530, 556
Прушакевич Е. 206
Прушакевич Ю. 206
Прушиньский Э. 196
Пташицкий Я. 496
Пугачев Е. И. 11, 102
Пужак К. 548
Пулаский А. 11
Пуришкевич В. М. 404, 410
Пустула З. 408
Пухевич К. 233, 248
Пухлов Н. Н. 274, 279
Пушкин А. С. 63, 64, 77—79, 85, 128, 277
Пшедецкая С. 556
Пшецлавский Ю. 79
Пшибыльский В. 95
Пшибышевский Э. 490
Пшисецкая М. 220
Пьянчани Л. 118
Пясецкий К. 44
Пятаков Г. Л. (Киевский П.) 522

Раабе В. (Венцковский В.) 457
Рабинович В. И. 16, 26
Рабцевич В. 122
Радваньский Т. 446
Радек К. 489, 511, 513, 514
Радзивилл К. 51
Радзишевский А. (Арский Р.) 258, 543, 565
Радищев А. Н. 15, 16, 20, 21, 24
Радляк Б. 518
Радченко С. И. 284, 285
Раевский В. Ф. 37
Раевский Н. Н. (старший) 50, 51
Раевский Н. Н. (младший) 123
Разумейчик И. И. 260
Разумейчик Ю. И. 260
Райчин С. Г. («Ляхович») 275, 287
Раппапорт Г. 274
Раппопорт Х. Л. 287
Раткевич Ф. Я. 11
Ратч В. Ф. 6
Ратыньский К. 304, 309, 315
Рашковский Е. Б. 197, 205, 223, 232, 234, 236
Ребицкий Я. 211
Реймонт В.-С. 443, 447, 498
Рейнгартен Л. 178
Рейнштейн Б. И. 267
Рейсер С. А. 23
Рёр Я. 106
Рехневский Т. 208, 228, 250, 254—256, 260, 380, 440
Рехневский Ю. 143
Рихтер А. Ф. 31
Рихтер Д. И. 196, 197, 199
Ровинокий П. А. 179
Родбертус-Ягецов И.-К. 225
Родзевич А. 211, 227, 231, 232
Родзевич П. 281, 283
Родзевич 125
Родзевич-Войчиньокая Ю. 281, 283
Рожаловский В. 194
Розвадовский Ю. 196
Розинь (Розин, Азис) Ф. А. 399
Романишин Б. 499
Романов 325
Романовы 7, 477, 492, 516
Ромм М. 228
Росол А. 308
Росол Я. 308
Росси С. А. 252, 254
Ростковский Ф. 158, 166
Ростопчин Ф. В. 18, 26
Ротенштейн Д. 211
Ротенштейн И. 211
Рохальская К. 208
Рохальский П. 208
Рошамбо 35
Рошебрён Ф. 182

Рошковский А. 123
Рошковский С. 122
Рубан В. Г. 23
Рудевич Н. А. 265, 266
Рудзиньский В. 80
Рудницкая Е. Л. 72
Ружицкий Э. 124
Рукевич М. 46, 60—62, 69
Руликовский Э. 103
Рункевич О. И. 274, 275, 305
Рупрехт К. 171
Руссиан Л. 108
Руссо Ж.-Ж. 35
Рутковский Я. 515
Рутковский 113
Рущиньский Ю. 120, 122
Рык А. 175
Рык М. 175
Рылеев К. Ф. 54, 63, 64, 66, 75, 77, 96
Рымкевич Д. 219

Сабиньский Ю. 121
Савинич Я. 79
Савицкий Я. («Струсь») 142
Савицкий Я. 210
Савич Н. И. 104
Савич Н. 124
Савич Ф. А. 89
Сазонов Н. И. 85, 109, 111, 115, 128
Сазонов С. Д. 501, 502
Сайкин О. А. 249, 259
Сакс Ф. 362
Салацкий 218
Салова Н. М. 258
Салтыков (Щедрин) М. Е. 99, 105, 127, 443
Самарин Л. 182
Самбук (Байкова) С. М. 211, 228, 252
Санковский М. 208
Санцевич Ф. 127
Сапаргалиев Г. С. 122
Сапир Б. 203
Саратовец см. Майнов И. И.
Свачина Я. 463
Свежбиньский Р. 96, 97
Свентославский З. 111, 112, 118, 136
Свентоховский А. 245, 447, 448
Свенцицкая М. 220
Свердлов Я. М. 572
Светлов Л. Б. 20, 21
Свид Б. 95
Свидерский Ф. И. 274
Свидерский Францишек 306, 307
Свидзиньский К. 103
Свириденко Ф. И. 275
Седов М. Г. 192, 249, 255, 256, 258, 259
Селицкий В. 287
Семанов С. Н. 263, 265
Семашко Н. А. 442
Семевский В. И. 18, 42
Семеновский С. А. 80
Семиль Э. 532
Семичев Н. Н. 123
Семполовская С. 380
Сенкевич Г. 443, 496, 498
Сенковский Ю. (О. И.) 77
Сенчакова Л. Т. 260
Серадзский Ю. 466, 489, 496, 498, 499
Сераковский З. 6, 95, 104, 125, 126, 142, 143, 155, 172, 173
Сераковский Ю. 31
Сергеев Ф. А. («Артем») 392, 453
Сергиевский Н. Л. 281
Сергиенко Г. Я. 102
Серебряков Г. А. 217
Серебряков Э. А. 270
Серно-Соловьевич А. А. 130, 189
Серно-Соловьевич Н. А. 137, 139, 143, 151, 159, 187—189
Серошевский В. 221, 230
Серпиньский А. 210
Серпиньский В. 288
Серпиньский Я. 208
Сивик Б. 548
Сикорская Е. 208
Сикорский В. 414
Синегуб В. С. 173
Синькевич А. 205
Сициньский Л. 216
Скалон Г. А. 388, 434, 437
Скальмировский Х. 49
Скирский В. 204
Сковронек Е. 27, 29, 30, 34
Скомпский Ф. 547
Скотницкий Я. 499
Скочиляс В. 499
Славек В. 414
Славинский см. Кочаровский А.
Славиньский Г. 208, 218
Сладкова С. А. 259
Слепцов А. А. 164, 174
Сливиньский А. 484
Сливицкий П. М. 158, 166
Сливовская В. 72, 95, 96, 99, 103, 105, 106, 108, 110, 115, 116, 206, 222
Слиш А. 117, 118, 136, 555
Словацкий Ю. 77, 78, 80, 128, 448
Словцов П. А. 21, 24
Сломиньский 316
Служевский С. 194
Слуцкий А. 211
Смецкая Н. Н. 207
Смирнов А. Ф. 88—90, 95, 96, 98, 99, 103, 142, 144, 149
Смирнов В. Н. 196, 199—201, 203
Смоленьский В. 12
Смоляк Л. 210
Смукрович Ю. 127
Снарский 29
Снытко Т. Г. 21, 140, 191—193, 197, 204—212, 214, 215, 217—220, 222, 227, 231—233, 237
Снядецкий Е. 13
Снядецкий Я. 12, 13
Собаньский Л. 43, 48
Собещаньский М. 204
Соболевский Я. 45
Соболевский 205
Собчак Я. 397, 398
Созонов Е. С. 451, 454
Соколов А. (Хлопуша) 12
Соколов В. 288
Соколов Н. А. 210
Соколовский Э. 308
Сокольский З. А. 260

Соловейчик Р. 266
Соловьев Б. см. Данский Б. Г.
Сологуб Ф. И. 124
Солтык Р. 105
Солтык С. 55, 68, 70
Сольский И. 498
Сольский Л. 498
Сороко Ю. 141
Соседов К. П. 183
Сосновский К. 208, 225, 236, 242
Сосновский К. 414, 561
Сохоцкий Ю. 496
Спасович В. 95, 1143, 246
Спасский Г. И. 31
Спешнев Н. А. 105, 106, 120
Спиридов П. А. 187
Спиридович О. 31
Спирков В. А. 11, 12
Спонти Е. И. 287, 301, 302, 304
Спустек И. 444, 502, 544
Ставиньский В. 195
Стаховский К. 89
Станевич Я. 124, 140, 142
Станислав Август 11
Станиславский С. 89
Станкевич Витольд, народник 205
Станкевич Витольд 504
Станкевич П. 204
Станкевич Р. 179, 181
Станкевич Я. 210
Старков В. В. 311, 315—319, 321
Старкова А. М. 318
Старовер см. Потресов А. Н.
Стародворский Н. П. 256
Стахевич Л. 220
Стахеев Б. Ф. 13, 64, 76, 77, 79, 116
Сташиц С. 12—14, 16, 17
Стеклов Ю. М. 115, 163, 326—328
Стеклова Ф. И. 126
Стемпковский А. 196, 197
Стемпневский С. 217
Степанов В. Н. 329
Степанов Д. Т. 175
Степанов П. 86
Степняк см. Кравчинский С. М.
Степурин К. А. 254, 257, 260
Стефаник В. С. 497
Стефанович Я. В. 235, 236
Стецкий К. 498
Столыпин П. А. 405, 433, 454
Стояновский М. Л. 319
Стравиньский В. 208
Страшунский М. 256
Строжецкий Я. см. Стружецкий
Стройновский И. 13, 31, 32
Струве П. Б. 305, 405, 406, 448
Струг А. (Галецкий Т.) 447, 496, 498, 499
Стружецкий (Строжецкий) Я. 279, 300, 315—317, 321—325
«Струсь» см. Савицкий Я.
Студзиньский Э. 208
Студницкий В. 204
Субботина С. А. 220
Суворов А. В. 23
Судейкин Г. П. 256
Судзиловская Е. 205, 206
Судзиловский М. 206
Сулимо-Самойло Л. 204
Султанов М. 90
Сулькевич А. 279
Сунгуров Н. П. 86
Сункелевич П. 308
Супиньская Э. 206
Сурминская В. С. 498, 499
Сухинов И. И. 68
Сухомлин В. И. 257—259
Сцегенный П. 74, 93, 94, 120, 124
Сырокомля В. см. Кондратович Л.
Сыроп Г. 499

Табачников Б. Я. 471, 474
Таксис А. Ф. 199
Тальгеймер А. 514
Танты М. 127
Таньский Я. 271, 272
Тараканов С. И. 20
Таратута В. К. 429, 456
Таратута Е. А. 226, 304
Таргальский Е. 248
Тарле Е. В. 33
Тёмкин Я. Г. 511
Темкинова Х. 109
Теплов П. 325
Тетмайер В. 498
Тетмайер К. 443, 447, 498, 499
Терей Е. Я. 412
Тихомиров Л. А. 206, 240, 253, 254, 256—259, 261
Тихоцкий В. 205
Ткачёв П. Н. 202, 234
Ткаченко П. С. 286
Товбина А. 492
Токаж В. 27, 30
Токажевич-Ходи Ю. 193, 194, 196
Токажевский Ш. 122, 127
Толстов А. Д. 105
Толстой Л. Н. 127, 438, 444, 451, 452, 497
Тома А. 549
Томашевский А. 219
Томорович В. 463, 465
Топорович В. 502
Топоровский М. 79
Торбос 325
Точиссский П. В. 281
Третьяков И. А. 15
Троцкий Л. Д. 399, 430, 457, 461
Трубецкий С. П. 63, 66
Трубецкой 92
Трубович 220
Трусевич С. см. Залевский К.
Трусов А. Д. 182
Трусов Б. Д. 187, 204
Трухим С. 32
Трушковский Г. 203, 209
Тулин см. Ленин В. И.
Туманский В. И. 64
Тун А. 228, 310
Тургенев А. И. 116
Тургенев И. С. 144, 186
Тургенев Н. И. 38, 110, 116
Турно Л. 125
Турский К. М. 194, 196, 197, 234, 236
Тутолмин Т. И. 26
Тхужевский С. 117

Тшебиньский А. 61
Тырович М. 96, 109
Тых Ф. 271—274, 306, 345, 352, 353, 374, 380, 425, 430, 513, 523, 551
Тышка Я. (Иогихес Л., Грозовский) 268, 275, 287, 292, 293, 301, 309, 310, 312, 313, 327, 328, 331, 333, 337, 347, 348, 391, 398, 399, 402, 426, 429, 433, 439, 441, 442, 456, 457, 460
Тютчев А. И. 49
Тяжелов А. В. 183

Угрон С. 532
Узембло Ю. (Бесядовский, Amerykanin) 207, 225—227, 229, 230
Ульянов А. И. 262—265
Ульянов В. И. см. Ленин В. И.
Ульянова М. И. 330
Уминьский Я.-Н. 44
Умнов И. 179
Уншлихт Ю. 314, 399, 449, 530, 531, 554, 556, 558, 564, 565
Урбанек С. 217
Усов С. Е. 254
Успенский Г. И. 306, 444
Утин Н. И. 164, 193

Фаберкевич З. (Гневич Т., Фальский) 444, 446, 480, 486, 493, 495, 525, 527, 543
Фабр см. Мартов Ю. О.
Файнхауэ Д. 93, 98, 99
Факир см. Петкевич К.
Фалькович С. М. 127, 134, 135, 195, 202, 465, 470, 477, 481, 495, 500
Фальский Л. 322
Фёдоров М. 86
Федорович Я. 101
Федорченко Л. С. (*Чаров Н.*) 288
Федосеев Н. Е. 315—317, 321
Федосов И. А. 72, 85, 87
Федосова Т. Ф. 140, 187
Фельдман В. 498
Фельдман Л. 463
Фельшман 12
Фенигштейн см. Долецкий Я.
Фиалек И. 552
Фигнер В. Н. 209, 221, 236, 238, 252, 452, 453, 480
Филипович Т. 414
Филипович см. Кузнецов П.
Филиппео М. 266
Филиппов П. Н. 95
Фирлей-Беляньская К. 184
Фитингоф А. Х. 122
Фитингоф Н. Х. 122
Фишер Г. 284
Фишер О. 126
Фишман С. 32, 78
Флеров Н. М. 249, 250
Фокин М. Д. 288
Фоменкова В. М. 127
Фонвизин Д. И. 15
Фонвизин М. А. 38
Фохт Л. 113
Фошё Э. 182
Франко И. Я. 203
Францев В. А. 31
Фриауф Н. 389
Фридрих, эрцгерцог 504
Фрумепков Г. Г. 20
Фурье Ш. 105
Фюрстенберг см. Ганецкий Я.

Халтурин С. Н. 238
Хандельсман М. 30
Ханыков А. В. 105, 126
Хаусманн Ц. 569
Хацкевич А. Ф. 307
Хвостов А. Н. 519
Хеккер Э. 463, 484, 498, 499
Хелмицкий 60
Хельман В. 416
Хельтман В. 45, 46
Хельтман С. 548
Хельтман Ю. 46
Хеннинг Э. 533
Хеншель В. 444
Херасков М. М. 17
Хитрово Н. П. 124
Хлопуша см. Соколов А.
Хлусевич С. 250
Хмелевский Я. 216
Хмеленьский З. 184
Ходзько И. 95
Ходкевич А. 50, 51
Хоецкий Э. 105, 106, 116
Холопова Е. 287
Хольцер Е. 414, 466, 501, 516, 536, 560
Хорвиц К. 463
Хорвиц М. см. Валецкий Г.
Хоффман Я. 100
Храмец А. 499
Хренов И. А. 384, 387
Хростек Ю. 465
Хуберт С. 13
Худяков И. А. 187, 188
Хшановский Б. 300

Царевский И. Д. 219
Цверцякевич Ю. 154, 178
Цебрикова М. К. 274
Цедербаум см. Мартов Ю. О.
Цёнглевич К. 89, 101
Цёнглиньский Ю. 325
Цеткин К. 348
Церетели А. Р. 125
Цешковский А. 105
Цивиньский В. 281—284
Циклиньский Н. 204
Циолковский Э. 203
Циховский А. 48
Цишевский Ю. 567
Цыбенко Е. З. 79

Чайковская С. (Лаврова) 207
Чапиньский К. 463, 499
Чаплевский А. 211
Чаплицкая А. 219
Чаплицкий В. 219
Чарковский А. 53
Чарноцкий А. см. Доленга-Ходаковский З.
Чаров Н. см. *Федорченко Л. С.*
Чарторыский А. 27, 29, 31, 134, 193
Чарторыский В. 171, 193

Чаховская Я. 440
Чаховский А. 440
Чацкий Т. 32
Чекальский А. 315, 316, 318—320
Челноков М. В. 519
Черевин П. А. 208
Черкезов В. Н. 237
Черневский Э. 215
Чернецкий Л. 117
Чернин О. 532
Чернов В. М. 416
Черносвитов Р. А. 84
Черных М. Н. 261
Чернышев А. И. 115, 123
Чернышев Алексей Ф. 125
Чернышев Александр Ф. 125
Чернышев З. Г. 123
Чернышев Н. Ф. 206
Чернышевский Н. Г. 132, 136—138, 141—143, 151, 159, 187—189, 205, 229, 238, 277, 579
Чернявская-Бохановская Г. Ф. 257, 261
Черняк А. Я. 262, 263
Черняк М. 181, 182
Черчилль У. 568
Чехов А. П. 497
Чечот Я. 44
Чиньский Я. 150
Чичерин Г. В. 480
Чубаров С. Ф. 209
Чудновский С. Л. 199
Чужевский Я. 11

Шаблиовский Е. С. 104
Шабриоль Ж. 182
Шабунько В. 217
Шаганов В. Н. 142
Шанявский К. 86
Шанявский Я. К. 30
Шапиро Б. (Бесем) 275, 440, 463
Шаповалов А. 320
Шатилов Н. М. 187
Шахматов А. А. 496
Шахназарова К. В. 428, 481
Шацкий Е. 13, 19, 73
Шварце Б. 168, 220
Шебалин М. П. 250, 254, 255
Шевелев А. Г. 391, 456
Шевченко Т. Г. 80, 90, 102—104, 106, 125, 126, 129, 141, 147, 497
Шевченко Ф. П. 101
Шевырев П. Я. 262—265
Шелгунов Н. В. 137, 151, 152, 159, 281, 283
Шидловская В. С. 142
Шидловский К. 220
Шидловский Н. В. 373
Шимановский Э. 196, 197
Шиманский М. 86
Шимкевич В. 205, 206
Ширма Э. 196
Шлегель Г. 250
Шлей 59
Шленкер Ю. 188
Шляпников А. Г. 543
Шнейдер А. 43
Шольц Е. Г. 270
Шопен Ф. 80, 448
Шостакович Б. С. 120
Шредер Ш. 182
Шредер Я. 43, 48
Штарк Я. 220
Штегман В. 498
Штейн В. см. Краевский В.
Штейн Г. см. Каменьский Г.
Штранге М. М. 15, 17
Штурм де Штрем Т. 515, 516, 537
Штюрмк К. 517
Шуберт Ф. Т. 31
Шульц С. 218
Шумахер Х. 306, 430, 512
Шумов В. А. 274, 274, 305
Шурканов В. Е. 449

Щегловитов И. Г. 409, 410
Щекный В. 547
Щепановский О. 208
Щепаньский Ю. 206, 209
Щербаков А. Я. 179
Щербатов А. П. 91
Щипанов И. Я. 15
Щулепникова В. В. (Кочеткова С.) 252
Щур Л. 158

Эйбиш Э. 463, 465
Эйдельман Б. Л. 289, 299
Эйхенбаум Б. М. 86
Элпидин М. К. 179
Эльсниц А. Л. 236
Эльсниц Г. Л. 211
Энгельс Ф. 4, 7, 74, 81, 93, 114, 132, 173, 178, 182, 195—197, 200, 201, 222, 234, 237, 242, 251, 283, 296, 306, 323, 331, 358, 416, 579
Энгельсон В. А. 109
Энглиш Я. 480
Эренберг Г. 88, 120, 122
Эрлях Ф., фон 183, 184
Эстергази 182
Эттингер А. 423

Юнг Г. 199
Юнг де Бланкенгейм Л. 182
Юниус см. Люксембург Р.
Юрашкевич К. 211
Юргенс Э. 144
Юревич Ю. 210
Юренев И. 472
Юркевич Ф. 205
Юрьев см. Вечеслов М. Г.

Яблоновский А. 50—52, 55—59, 70
Яблоновский Р. 467, 471
Яблоньский Г. 297, 412, 505, 517, 535, 536 550, 557, 560
Яблоньский Ф. 103
Яворский В. 220
Ягелло Э. 467, 468, 472, 475
Яжборовская И. С. 488, 512, 567
Язьвиньская Х. 179
Якоби П. И. 182
Якубец М. 15
Якубович А. И. 120

Якубович П. Ф. 253—255, 257, 259, 260
Якубовский В. 24, 33
Якубовский Е. 438
Яневич А. 123
Яник М. 122
Яницкий К. 194, 236
Янковская М. 233, 240, 251, 261, 271
Янковский К. 209, 220
Янович Л.-Ф. 250, 251, 259, 260, 321—325
Яновский Я.-Н. 82
Янушкевич А. 126
Янушкевич В. 208
Янушкевич П. 208
Янчевский М. 211, 252
Ярмунд С. 194
Ярошевич М. 211
Ярошиньский С. 220
Ясевич С. 228
Ясевич 220
Ясеньский Ф. 216
Ясеньчик Ю. (Яблоньский А.) 125
Ясиньский С. 206
Ясиньский Я. 19, 22
Ясем М. 499
Ястшембский С. 203
Ястшембский Я.-Ф. 105—107
Яхимович-Гроссерова Ч. 508
Яцимирский 211
Яцков М. Ю. 497

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава I

РОССИЯ И ПОЛЬША
В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX В. 10

1. Первый раздел Польши и Россия 10
2. Борьба прогрессивных сил Польши за утверждение национального суверенитета и Россия 12
3. Восстание 1794 г. 18
4. Россия и Польша в начале XIX в. 27
5. Русско-польские культурные связи в начале XIX в. 30
6. Создание Королевства Польского и Россия 33

Глава II

ЗАРОЖДЕНИЕ РУССКО-ПОЛЬСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО СОЮЗА. ДЕКАБРИСТЫ
И ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ 37

1. Вопрос о независимости Польши в первых тайных революционных обществах в России 37
2. Развитие польского национально-освободительного движения в 1815—1822 гг. 41
3. Зарождение русско-польского революционного союза в военных частях царской армии. Взаимные поиски связей. Общество соединенных славян 46
4. Контакты Южного общества декабристов с польским Патриотическим обществом 50
5. Связи Северного общества декабристов с деятелями польского освободительного движения 62
6. Революционные русско-польские контакты накануне и в дни восстания декабристов 64

Глава III

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПОД ЛОЗУНГОМ
«ЗА НАШУ И ВАШУ СВОБОДУ»
1830—1856 72

1. Освободительные движения России и Польши в годы николаевской реакции 72
2. Общественно-культурные взаимоотношения и их связь с революционным сотрудничеством 75
3. Восстание 1830—1831 гг. и прогрессивные силы России 81
4. Шимон Конарский и Аглай Кузьмин-Караваев 87
5. Польские и русские конспираторы 40-х годов. «Союз литовской молодежи» 92
6. Польско-украинские революционные связи. Кирилло-Мефодиевское общество 100
7. Польское освободительное движение в идеологии и деятельности петрашевцев 104
8. Взаимосвязи русских и польских революционеров в эмиграции 109
9. Контакты и сотрудничество между репрессированными участниками движения 119

Глава IV

В СОВМЕСТНОЙ БОРЬБЕ ПРОТИВ ФЕОДАЛИЗМА И САМОДЕРЖАВНОГО ГНЕТА 130

1. Русская революционная демократия и польский вопрос 132
2. Польские патриотические группы в России в период революционной ситуации и их контакты с передовыми русскими кругами 139
3. Подъем польского освободительного движения в 1861—1862 гг. и поддержка русской революционной демократии 144
4. Военно-революционная организация в Польше и первый план совместного революционного выступления 154
5. Оформление русско-польского революционного союза 162
6. Начало восстания и попытки реализации плана русско-польского революционного союза 166
7. Поддержка восстания русскими революционерами 173
8. Русские и польские революционеры после поражения восстания 186

Глава V

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ КОНЦА 60-х — НАЧАЛА 80-х ГОДОВ XIX в. 190

1. Русско-польские революционные связи в эмиграции 1866—1876 гг. 193
2. Участие поляков в русском революционном движении 203
3. Контакты и сотрудничество в студенческом движении, в армии и флоте, в тюрьмах и ссылке 213
4. Польское социалистическое движение 1877—1882 гг. и его связи с революционным движением в России 222
5. Польская и русская революционная эмиграция 1876—1882 гг. 234

Глава VI

РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ МАРКСИСТСКИХ РАБОЧИХ ПАРТИЙ 1882—1893 244

1. Рабочий вопрос в России. Появление марксизма как идейного течения 244
2. «Пролетариат» и «Народная Воля» 248
3. Покушение 1 марта 1887 г. и польские социалисты 262
4. Связи русских и польских революционеров в эмиграции 265
5. Развитие польского рабочего движения в 1888—1892 гг. и его связи с русскими революционными кругами 269
6. Участие поляков в русском революционном движении в 1888—1893 гг. 280

Глава VII

МАРКСИСТЫ РОССИИ И ПОЛЬШИ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ПРОЛЕТАРСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ 1893—1904 291

1. Социал-демократия Королевства Польского и Литвы и ее борьба за революционный союз с рабочим движением России 291
2. Сотрудничество польских и российских социал-демократических организаций в 90-е годы 301
3. Связи русских и польских революционных деятелей в эмиграции 309
4. Содружество русских и польских революционеров в сибирской ссылке 314
5. РСДРП, ленинская «Искра» и польское рабочее движение в 1900—1903 гг. 325
6. II съезд РСДРП и польская социал-демократия 335
7. Русско-польский революционный союз накануне первой русской революции 343

Глава VIII

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БОЕВ 1905—1907

	350
1. Социально-экономические предпосылки революции 1905—1907 гг. в России и Польше	350
2. Идеология и политика польских имущих классов	352
3. СДКПиЛ — последовательный пропагандист идей польско-русского революционного союза	355
4. Воздействие революции на взгляды и деятельность ППС	362
5. «Солидарность и единство рабочего класса Польши и России стали совершившимся фактом...»	365
6. Радикализация студенчества и интеллигенции России и Польши и их взаимные контакты	375
7. Связи крестьянского движения России и Польши	381
8. Контакты по линии военных организаций	384
9. Объединение РСДРП и СДКПиЛ. Их сотрудничество в единых организационных рамках	390

Глава IX

РЕВОЛЮЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ГОДЫ РЕАКЦИИ И НАЧАВШЕГОСЯ ПОДЪЕМА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ 1907—1912

	404
1. Основные изменения в политических и экономических позициях господствующих классов в годы реакции	404
2. Дальнейший сдвиг ППС-«фракции» вправо	412
3. ППС-левица: идейное и практическое сближение с РСДРП	417
4. Большевики и польские социал-демократы: близость идейно-теоретических позиций	422
5. Большевики и польские социал-демократы: практическое сотрудничество	427
6. Совместная борьба против русификаторской политики царизма и против польского буржуазного национализма	431
7. Пропаганда идеи сотрудничества и ее осуществление в легальной революционной печати	439
8. Поддержка репрессированных борцов против царизма	449
9. Канун нового революционного подъема	454

Глава X

ВМЕСТЕ ПРОТИВ САМОДЕРЖАВИЯ, НАЦИОНАЛИЗМА И ОПАСНОСТИ ВОЙНЫ 1912—1914

	459
1. Новый революционный подъем и партии русского и польского пролетариата. Краков — идейный и организационный центр русско-польского революционного союза	459
2. Рабочий класс России и Польши и IV Государственная Дума	466
3. Подъем массового движения в России и Польше и страховая кампания	475
4. Русский и польский пролетариат против милитаризма и национализма	482
5. Пропаганда идей русско-польского революционного союза и связи русской и польской общественности	492

Глава XI

СКВОЗЬ ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 501

1. Польский вопрос в первый год мировой войны 501
2. Сотрудничество СДКПиЛ с РСДРП на левом фланге международного социалистического движения 506
3. Настроения польских трудящихся масс. Поиски путей решения вопроса о судьбах польских земель 514
4. Ленинская программа демократического мира — мира без аннексий и контрибуций 518
5. Сотрудничество польских и русских трудящихся на территории России во время подготовки и осуществления штурма царизма 524
6. Влияние Февральской революции на подъем революционного движения в Польше 532

Глава XII

ОТ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ ДО ПОБЕДЫ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ 543

1. В период двоевластия 543
2. В период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания 558
3. Победа Октябрьской революции и восстановление независимости Польши 566

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 576

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 580

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 581

ОЧЕРКИ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ
НАРОДОВ РОССИИ И ПОЛЬШИ
1815—1917

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

*

Редакторы *С. Н. Романова, С. Н. Васильченко*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *В. Н. Тикунов*
Технический редактор *С. Г. Тихомирова*
Корректоры *Е. Н. Белоусова, Л. Ю. Розенберг*

*

Сдано в набор 10/XII 1975 г.
Подписано к печати 25/V 1976 г.
Формат 70×100¹/₁₆. Бумага № 1
Усл. печ. л. 48,7. Уч.-изд. л. 53,3
Тираж 1550. Т-03598
Тип. зак. 4780. Цена 3 р. 50 к.

*

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

E 55849

ГПБ Русский фонд
76-7
1375/2